

**ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

М.А. РЫБАКОВ

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК
В СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Учебное пособие

**Москва
2008**

ТЕМА 1. Предмет и задачи типологической лингвистики

§1. Общая и лингвистическая типология

§2. Цели и задачи типологической лингвистики

§3. Сравнение и сопоставление в лингвистике

§4. Аспекты типологических исследований

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 1: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	об особенностях языковых фактов о системе научных методов типологической лингвистики
	2. Понимать/ Знать	особенности модификации общенаучных методов применительно к задачам типологии языков
	3. Уметь	оценивать степень типологической адекватности различных методов описания языков
	4. Владеть (навыками)	навыками обоснования типологического и сопоставительного подхода в исследовании языков навыками составления комплекса взаимодополняющих методов ключевыми понятиями типологической лингвистики

§1. Общая и лингвистическая типология

В широком смысле типология представляет собой метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа.

Типология представляет собой общенаучный метод исследования и применяется как в естественных, так и гуманитарных науках: типологической классификации могут быть подвергнуты геологические и географические объекты, животные и растения, психологические и социальные явления, например типы культур, темпераментов, формы государственного устройства. Термин типология употребляется и в значении «результат типологического описания и сопоставления». По способу построения типологии делятся на:

эмпирические (основанные на обобщении опытных данных);
теоретические (основанные на создании идеальной модели объекта).

С типологией тесно связана таксономия – теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, которая занимается разработкой системы таксономических категорий, обозначающих соподчиненные группы объектов. Термином таксономия называется и сама классификация. В строгом смысле таксономия предполагает классификацию, отражающую иерархическую организацию системы объектов. В структуре самой классификации это выражается в иерархии таксономических рангов (например, макросемья – семья – группа – подгруппа в генеалогической классификации языков; тип – подтип в структурной классификации).

В лингвистике таксономия представляет собой совокупность принципов и правил классификации языков и языковых единиц. При этом различаются качественная и количественная таксономия, т.е. группировка объектов по наличию признаков и во втором случае – по степени обладания признаками.

В лингвистике понятие типология конкретизируется как сопоставительное изучение структурных свойств языков независимо от степени их родства. Кроме того, типология понимается как выделение разновидностей (типов) какого-либо языкового явления.

§2. Цели и задачи типологической лингвистики

Типологическая лингвистика имеет своей целью такое изучение различных языков мира, которое позволило бы во всем их многообразии выявить структурные типы языков и закономерности их устройства и функционирования.

Сопоставление различных языков и их классификация позволяют лингвистике устанавливать свойства, характерные для языка вообще, и черты конкретных языков, которые становятся более отчетливо

заметными на фоне сопоставления с другими языками.

Движение к поставленной цели позволит лингвистической типологии вместе с другими отраслями языкознания развить и углубить научную картину языка, более четко осознать его сущность, функции и системное устройство, яснее и конкретнее осмыслить характер и способы существования языка.

Эта основная цель определяет следующие теоретические задачи типологии:

исследование фонологического и грамматического строя языков, т.е. элементов, образующих систему конкретного языка и связывающих их структурных отношений;

сопоставление фонологических, грамматических и семантических систем языков;

характеристика типологических особенностей отдельного языка;

выявление универсальных, типологических и специфических свойств языков;

установление совместимости структурных характеристик;

построение типологической классификации.

Исследование строя языков базируется на описании элементов языков и сопоставлении их друг с другом, описании фонологических оппозиций, грамматических способов и парадигм, лексико-семантических классов и категорий.

Подробное типологическое описание русского языка позволит значительно повысить качество его преподавания в иностранной аудитории, в национальных школах России, а также в процессе подготовки филологов и лингвистов высшей квалификации.

Знание типологических особенностей языка способствует его ускоренному изучению и овладению навыками профессионального перевода.

Сопоставление систем языков основывается на различиях в их структурах, т.е. на различиях в характере отношений между единицами соответствующих уровней.

При этом одна из задач заключается в исследовании количества и группировки по классам входящих в сопоставляемые системы элементов – сопоставляются группы фонем и типы оппозиций, системы морфологических категорий и форм, синтаксические категории и конструкции, семантические поля и семантические оппозиции.

Характеристика отдельных языков представляет интерес не только для практического языкознания, но и для фундаментальной науки, поскольку выявляет возможные наборы признаков, совместимых в системе одного языка, а также позволяет зафиксировать специфические комплексы структурных признаков языка.

Выявление универсалий и типологических закономерностей требует широкого охвата языков, а изучение специфики отдельных языков – внимания к фактам, наличия надежных описаний и знания национально-культурной среды.

Установление совместимости структурных свойств необходимо не только для типологических целей, но и для общелингвистических, т.к. оно поможет глубже проникнуть в саму природу языка.

Построение классификации и распределение языков по ее рубрикам является одной из главных задач типологической лингвистики и средством проверки самого типологического метода. Типологическая классификация позволяет представить разнообразные языки мира как некое исследованное множество со своими собственными закономерностями.

Языки могут быть классифицированы по общности их материала и происхождения – это дает **генеалогическую** (генетическую) классификацию языков. **Типологическая** (структурная) классификация языков строится на основании общности строя языков. Поскольку в центре грамматической системы языка

находится морфология то морфологическая классификация языков, разработанная ранее других негенетических классификаций, именуется также типологической классификацией языков. Морфологическая классификация остается основной типологической классификацией языков, вопрос о создании фонологической и синтаксической классификации языков такого же универсального порядка как морфологическая классификация остается в науке в стадии разработки. Впрочем, и морфологическую классификацию нельзя считать окончательно разработанной.

Создание классификаций языков по внешним признакам (например, классификация по территориальному признаку или по социолингвистическому статусу) также возможно, но имеет для языковедения вспомогательное значение. Такие классификации позволяют рационально расположить информацию о языках для практических целей, но не раскрывают внутренней структуры языка. Поэтому, говоря о лингвистической типологии, традиционно имеют в виду структурную (чаще всего – морфологическую) классификацию. Генеалогическая классификация исследуется в сравнительно-историческом языкознании и не является предметом типологической лингвистики. Функционально-социологическая классификация языков изучается в социолингвистике.

Среди **прикладных** задач типологического языкознания наиболее важными являются следующие:

участие в решении проблем методики преподавания иностранных языков;

разработка вопросов теории и практики [перевода](#);

установление правил транскрипции и транслитерации;

создание новых систем письма для бесписьменных языков.

Типологическая лингвистика тесно связана со всеми другими разделами языкознания:

с общим языкознанием – в установлении общих принципов языка и в разработке методов исследования языка, в изучении проблемы взаимосвязи языка и мышления;

со сравнительно-историческим языкознанием – в области изучения типологии семей и групп языков, сопоставления родственных языков, выявления диахронических типологических закономерностей;

с частным языкознанием – в описании отдельных языков, их элементов и структур с целью дальнейшего сопоставления.

Типологический метод в целом представляет собой исследование языков мира в структурном отношении независимо от их родства. Сходные грамматические, фонологические и лексико-семантические явления возможны в языках, как родственных, так и неродственных друг другу. Родственные языки обязательно будут иметь некоторые сходные типологические черты, хотя структурный тип родственных языков (изначально общий) со временем может значительно измениться.

§3. Сравнение и сопоставление в лингвистике

Рассматривая применение приёма сравнения в различных лингвистических методах, стоит обратиться к следующей схеме [Журинская 1973, 235]:

Схема 1.1 Типы сравнения и методы лингвистики.

Рассмотрим признаки сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического методов:

Таблица 1.1. Признаки сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического методов

Признак метода	Сравнительно-исторический метод	Сопоставительно-типологический метод
Тип подобия языковых фактов	соответствие	сходство
Отношение языков	родство	изоморфизм
Классификация	генеалогическая	структурная
Единица классификации	семья, группа	тип
Цель исследования	установление родства	установление структурного

		сходства и различия языков
Материал исследования	формы языка и его элементы	категории и модели
Методика исследования	реконструкция	сопоставительный анализ
Результат исследования	фонетические соответствия	универсальные и специфические черты

Общими чертами двух методов являются системность и опора на конкретные факты языков. Родственные языки являются не только предметом сравнительно-исторических исследований, но также могут изучаться типологическим и сопоставительным методами с целью установления структурных сходств и различий, но к неродственным языкам сравнительно-исторический метод применить невозможно.

Главная особенность типологического метода – это использование не сравнения (направленного на поиск похожего), а сопоставления – исследовательского приёма, направленного на поиск различного, хотя при установлении типов необходимо и установление общих черт структурно-сходных языков.

Генетическое и структурное сходство могут находиться в следующих отношениях:

Таблица 1.2. Генетическое и структурное сходство языков

Генетическое сходство	Структурное сходство	Пример языков
+	+	славянские языки
+	–	румынский и французский
–	+	латинский и такелма
–	–	русский и китайский

Все типы языковых сходств располагаются в пределах от полного отсутствия структурной и генетической общности (русский и китайский) до типологического сходства близкородственных языков (русский и украинский).

Типологическое сходство может определяться для любых языков, оно не ограничено ни пространственными, ни временными параметрами.

Связь типологического метода с описательным заключается не только в том, что типология берёт в качестве исходного материала продукцию описательного исследования, но и в том, что она воспринимает основные принципы анализа языка, разработанные в описательной лингвистике.

Из двух типологических направлений – шлейхерианского (эволюционного) и гумбольдтианского (таксономического) – второе оказалось более жизненным, и современные типологические концепции, в отличие от разработанных в первой половине XX в. социологически ориентированной стадияльной типологии советского языковеда Н.Я. Марра и типологии датского лингвиста О. Есперсена, в основном продолжают таксономический подход к проблеме классификации языков. Сущность этого подхода состоит не только в признании принципиальной независимости типологической классификации от генеалогической, но и в терпимости к дальнейшему расширению классификации (введению новых типов) или её углублению (введению подтипов).

Типология исследует не только [универсалии](#) или общие черты типологических классов, но и различия между языками одного типа. Типология не только не исключает, но обязательно предполагает и анализ специфики отдельного языка и располагает средствами определения этой специфики.

Исследование типологической специфики русского языка составляет главную цель данного учебного курса.

Предметом лингвистической типологии является сопоставительное (в том числе, контрастивное, таксономическое и универсологическое) изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними.

Контрастивное сопоставление представляет собой установление сходств и различий двух языков на всех уровнях, как в целях характеристики одного из языков на фоне другого, так и для установления возможных типологически значимых расхождений между языками.

§4. Аспекты типологических исследований

Лингвистическая типология имеет несколько аспектов:

инвентаризационная типология – констатация структурных сходств и различий между языками;

импликационная типология – установление совместимости / несовместимости структурных характеристик и предпочтительных типов структурной сообразности;

таксономическая типология – классификация языков по типам и классам;

квантитативная типология – установление статистических индексов для характеристики качественных признаков;

историческая типология – изучение принципов эволюции языковых типов;

диахроническая типология – установление типов структурных изменений в языках;

характерология – выявление характерных особенностей отдельного языка в сравнении с другими.

Типологическое освещение русского языка представляет собой прежде всего характерологическое исследование, но включает и другие аспекты: инвентаризацию его единиц и структурных моделей, таксономическую оценку его морфологического и синтаксического строя, квантитативную и диахроническую характеристику.

Одним из аспектов лингвотипологии является структурное сопоставление родственных языков в пределах группы или семьи и построение типологических моделей группы (семьи) языков.

Типологический метод используется для решения двух взаимосвязанных задач:

показать, в чём языки уподобляются друг другу как знаковые системы особого рода;

показать, чем создаётся [идиоматичность](#) конкретного языка или некоторой группы языков.

Типологические [сходства](#) и различия языков не зависят от наличия родственных отношений между ними. Неродственные языки семьи банту и караибской семьи имеют существенные сходства в грамматическом строе, а принадлежащие одной и той же романской группе французский и румынский языки имеют заметные расхождения в грамматической структуре. Стремление понять причины таких сходств и различий привело к выделению в языкознании особого раздела – лингвистической типологии.

Формальная типология изучает языковые знаки (морфемы и слова), составные части знаков (фонемы) и комбинации знаков (синтагмы), интересуется языковыми средствами и способами.

Контентивная типология изучает сходства и различия в области значений (соразмерность значений, общность семантических признаков, широту употребления данного значения, реализацию общего значения в конкретных вариантах, лексическую значимость).

Следует отметить, что значимые для всех языков положения общей лингвистики могут быть установлены только по результатам сопоставительного анализа отдельных языковых структур.

Типологическое языкознание в поисках более удачной теории шло различными путями:

привлечение новых уровней к сопоставительному исследованию;

конструирование внешнего по отношению к конкретным языкам типологического [эталона](#);

установление системы перекрещивающихся координат, на основе которых можно дать многостороннюю типологическую характеристику языков;

выделение [типов в языке](#) (классификация отдельных языковых явлений);

создание ступенчатых классификационных схем на основе количественных методов.

Необходимо обратить внимание на то, что основой типологии является сопоставление не отдельных единиц языках, а систем.

Об этом писал, в частности, [Р. Якобсон](#), подчеркивая, что как синтагматический аспект языка является сложной иерархией непосредственных и опосредованных составляющих, так и аранжировка элементов в парадигматическом аспекте характеризуется сложной многоступенчатой стратификацией [Якобсон 1963, 98].

Типологическое сопоставление должно учитывать эту иерархию, в связи с чем принцип последовательного членения необходим как в грамматике, так и в фонологии. Как полагал Р. Якобсон, типология, построенная на этом принципе, обнаруживает за разнообразием фонологических и грамматических систем ряд объединяющих их элементов и существенно ограничивает многообразие языков, кажущееся на первый взгляд бесконечным [Якобсон 1963, 99].

Вопросы для самопроверки

1. Что изучает лингвистическая типология?
2. С какими разделами лингвистики связана типология?
3. Какие уровни языка традиционно изучаются в типологическом аспекте?
4. Какие уровни языка недостаточно исследованы в типологическом аспекте?
5. В чём заключаются различия сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического методов?
6. Какими причинами объясняются сходства между языками?
7. Какие виды сравнения используются при лингвистическом анализе языков?
8. Чем различаются формальная и контентивная типология?
9. Назовите теоретические задачи лингвистической типологии.
10. Назовите практические задачи лингвистической типологии.
11. Как соотносятся понятия типология, классификация, таксономия?
12. Какие новые проблемы исследуют лингвисты-типологи?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте таблицу, отражающую использование типологического метода в различных науках, включив в неё следующие пункты: название науки, название классификации, классифицируемые объекты, основания классификации, таксономические ранги и единицы.
2. Опишите генеалогические и типологические отношения между славянскими языками.

Темы рефератов

1. Типологический метод в гуманитарных науках.
2. Виды классификаций.
3. Лингвистическая типология и теория перевода.
4. Лингвистическая типология в практике изучения русского языка как иностранного.
5. Типология структур и типология функций.

Список хрестоматийных материалов

Гамкрелидзе Т.В. Лингвистическая типология и праязыковая реконструкция.
Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание.

Литература

- Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М., 1989.
Базелл Ч.Е. Лингвистическая типология // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
Журинская М.И. Лингвистическая типология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М., 2003.
Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2006.
Рыбаков М.А. Задачи, методы и актуальные проблемы типологической лингвистики // Вестник РУДН, серия "Лингвистика", № 8, 2006, С. 37-46.
Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.

Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. М, 1963.

Comrie B.S. Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. Chicago, 1981.

Croft W. Typology and universals. Cambr.: Cambr. UP, 1990.

Greenberg J.H. Language typology: A historical and analytic overview. The Hague; P.: Mouton, 1974.

Интернет-ресурсы

www.krugosvet.ru

www.philology.ru

<http://starling.rinet.ru>

www.yazyk.wallst.ru

www.garshin.ru

Хрестоматийный материал к теме 1

Гамкрелидзе Т.В. Лингвистическая типология и праязыковая реконструкция.

Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание.

Глава 2 История лингвистической типологии

§1. Создание типологической классификации

§2. Стадиальная типология А. Шлейхера

§3. Типологические классификации конца XIX – начала XX в.

§4. Новые подходы к типологической классификации

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 2: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	об особенностях становления и развития типологической лингвистики об учёных, сыгравших ключевую роль в развитии типологии языков
	2. Понимать/ Знать	особенности типологических концепций и их связь с общетеоретическими представлениями о языке
	3. Уметь	оценивать место различных типологических концепций в истории языкознания
	4. Владеть (навыками)	навыками обоснования принципов типологической классификации языков навыками характеристики типологических теорий ключевыми понятиями истории типологического языкознания

§1. Создание типологической классификации

История лингвистической типологии начинается в 1809 г., когда [Фридрих Шлегель](#) впервые выделил два типа языков:

1) флективные (например, санскрит, греческий, латинский, арабский);

2) аффиксирующие (например, тюркские языки).

Эта классификация была основана на характере корня слова (наличии или отсутствии корневых чередований).

В 1818 г. его брат [Август Шлегель](#) уточнил эту классификацию. Флективные языки он разделил на два подтипа: синтетические (древние языки) и аналитические (новые европейские языки). Нефлективные языки он также разделил на два подтипа: аффиксирующие (например, тюркские) и аморфные (бесформенные, например, китайский).

Крупнейший вклад в разработку типологической классификации внёс [В. фон Гумбольдт](#) (1767-1835). Гумбольдт понимал язык как объединённую духовную энергию народа, чудесным образом запечатлённую в определённых звуках. Он впервые высказал идеи о знаковом характере языка ("Язык одновременно есть отражение и знак") и о системности ("языки нельзя рассматривать как агрегаты слов, каждый из них есть своего рода система, по которой звук соединяется с мыслью"). Гумбольдт характеризует язык как внешнее проявление духа народа и как духовное воплощение индивидуальной жизни нации. Он уделяет особое

внимание взаимному воздействию языка и сознания друг на друга. Классификацию языков Гумбольдт строит исходя из убеждения в том, что "в каждом языке есть возможность отыскать единую форму, из которой вытекает своеобразие его строя" [Гумбольдт 1984, 160]. Под формой он понимает "синтез отдельных, рассматриваемых как материя элементов в своём духовном единстве". Гумбольдт заявляет, что понятие формы открывает исследователю путь к постижению тайн языка.

Развитие языка Гумбольдт сравнивает с образованием кристаллов: "Язык возникает подобно тому, как в физической природе кристалл примыкает к кристаллу" [Гумбольдт 1984, 162].

В дополнение к установленным типам Гумбольдт выделяет инкорпорирующие языки (из числа языков агглютинативного типа), как отличающиеся тем, что строят предложение как сложное слово, включая неформленные корни-слова внутрь единого целого, оформленного аффиксами.

Гумбольдт даёт следующую характеристику типам языков:

- 1) **флективный тип** - тщательное оснащение слова грамматическими указателями его связей внутри предложения;
- 2) **агглютинативный тип** - не доведённая до совершенства флексия, механическое добавление, используемое в качестве флексии;
- 3) **изолирующий тип** - косвенное, большей частью нефонетическое обозначение связей слов в предложении; слова совершенно обособлены, единство предложения создаётся порядком слов и особыми, тоже изолированными, словами;
- 4) **инкорпорирующий тип** - тесное сплочение всего предложения, насколько это возможно, в единую, слитно выговариваемую форму; предложение вместе со всеми его частями рассматривается не как составленное из слов целое, а как отдельное слово.

Гумбольдт осторожен в постановке вопроса о стадиях развития языка. Он считает односторонним взгляд на типы как на стадии. При этом он указывает на то, что существует более совершенная форма языка и закономерный путь развития языков, состоящий в движении в сторону этой совершенной формы. На этом пути возникает конкретная форма различных языков, включающая в себя - поскольку она отклоняется от закономерного строения - две части: негативную, обусловленную ограничениями, наложенными на язык в момент формирования, и позитивную, побуждающую несовершенное устройство стремиться к универсальной цели. Если говорить только о негативной части, то здесь можно думать о ступенчатом подъёме к высшей стадии, но в позитивной части даже несовершенные языки обнаруживают весьма искусное индивидуальное строение.

Гумбольдт уверен, что "тщательный анализ формы языков позволяет разглядеть духовный организм, из которого возникает их строение". В соответствии с классификацией Гумбольдта русский язык является ярким примером флективного языка.

§2. Стадиальная типология А. Шлейхера

Август Шлейхер (1821-68) вернулся к более простой схеме классификации языков. У него нет инкорпорирующего типа. В каждом из типов Шлейхер видит два варианта: синтетический и аналитический. Типы он рассматривал как стадии.

Тип	Формула	Примеры	Место в эволюции
Аморфный (изолирующий)	R – чистый корень R+r(служеб. слово)	китайский бирманский	архаические виды
Агглютинативный	Ra aR R/a Ra, aR, R/a + r	тюркские банту филиппинские тибетский	переходные виды
Флективные (синтетические)	R ^a R ^a a, Ra, R ^a	семитские индоевропейские	наиболее развитые виды
Флективные (аналитические)	R ^a a, Ra, R ^a + r	новые индоевропейские	деградирующие виды периода упадка

А. Шлейхер был сторонником стадиальной теории развития языка. Он полагал, что любой язык проходит путь от изолирующего типа (1-я стадия) к агглютинирующему типу (2-я стадия), а затем к флективному типу (3-я стадия). Агглютинативный тип возникает тогда, когда служебные слова аморфного языка приклеиваются к знаменательным корням. Флексия появляется при возникновении чередований в корнях и опрощении производных основ. По Шлейхеру, язык проходит все эти стадии в доисторический период, который он считал периодом развития. В историческое время языки переживают период распада – происходит переход от флективно-синтетического строя к аналитическому, отмирание флексии, утрата форм.

Отдельные примеры типологических изменений в структуре языков действительно найти можно, а вот объяснить с помощью схемы Шлейхера историю всех языков не выйдет. Во-первых, в историческое время

развитие языков не остановилось, причём наблюдается не только движение к аналитизму, но и возникновение новых синтетических явлений. Во-вторых, изолирующие языки не являются начальной стадией, в древнекитайском языке специалисты обнаруживают остатки более раннего состояния со следами флексии.

К флективно-синтетическому типу надо отнести и некоторые современные языки: балтийские, скандинавские (северно-германские), славянские, в том числе – русский язык.

§3. Типологические классификации конца XIX – начала XX в.

Ф. Мистели в 1893 г. предложил свою классификацию. Он охарактеризовал аморфные языки, где нет противопоставления между корнем, аффиксом и словом как **бессловные**; агглютинативные языки, где аффиксы отличаются от слов, но присоединяются механически, как **мнимословные**, а флективные как **истословные** (т.е. имеющие истинные, настоящие слова).

[Ф.Ф. Фортунатов](#) в 1892 г. предложил другую классификацию, в которую входят:

- 1) агглютинирующие языки (например, тюркские);
- 2) флективно-агглютинирующие (семитские);
- 3) флективные (индоевропейские);
- 4) корневые (например, китайский).

Исходный пункт фортунатовской классификации – строение формы слова и соотношение его морфологических частей.

В 1909 г. появилась классификация [Ф. Финка](#), в соответствии с которой существуют такие типы:

- 1) подчиняющий (например, турецкий);
- 2) инкорпорирующий (гренландский);
- 3) упорядочивающий (субия, семья банту);
- 4) корнеизолирующий (китайский);
- 5) основоизолирующий (самоанский);
- 6) корнефлектирующий (арабский);
- 7) основофлектирующий (греческий);
- 8) группофлектирующий (грузинский).

По классификации Ф.Финка русский язык является основофлектирующим.

Классификация [Э. Сепира](#), представленная в его книге «Язык» (1921), основана на семантическом принципе. Для начала Сепир выделяет 4 типа грамматических значений:

- I – конкретные (значения корней);
- II – деривационные (значения словообразовательных аффиксов);
- III – конкретно-реляционные (значения, выражающие внеязыковое содержание и отношения между словами языка, например, число существительных);
- IV – чисто-реляционные (значения, выражающие только отношения между словами, например, лицо).

Языки принадлежат к 4 классам:

- A) чисто-реляционные языки без деривации, выражают значения I и IV(например, китайский, тибетский);
- B) чисто-реляционные языки с деривацией, выражают значения I, II и IV(например, камбоджийский, турецкий);
- C) смешанно-реляционные без деривации, выражают значения I и III (например, банту);
- D) смешанно-реляционные с деривацией, выражают все типы значений (например, индоевропейские, семитские).

В чисто-реляционных языках (A и B) синтаксические отношения выражаются в чистом виде, в смешанно-реляционных (C и D) синтаксические отношения выражаются совместно с конкретными значениями. Смешанно-реляционным языком с [деривацией](#) является наряду с другими индоевропейскими и русский язык.

Наряду с семантической, Сепир выдвигает классификации по технике языка и по степени синтезирования.

По технике Сепир выделил 4 типа языков:

- изолирующие;
- агглютинативные;
- фузионные;
- символические.

Символизацией Сепир называет внутреннюю флексию, ударение и редупликацию (повтор).

Сепир отметил, что по технике могут быть языки промежуточных типов.

По технике русский язык является преимущественно фузионным, хотя он может использовать и другие

способы выражения грамматических значений.

По степени синтезирования Сепир выделил 3 типа языков:

аналитические – не соединяют значения в словах;

синтетические – соединяют значения в словах;

полисинтетические – слова осложнены до крайности.

Аналитический язык, по Сепиру, либо вовсе не соединяет значения в составе цельных слов (китайский),

либо прибегает к этому в скромных размерах (английский, французский). «В аналитическом языке главенствующую роль играет предложение, слово же представляет меньший интерес» [Сепир 1993, 122].

«В синтетическом языке (латинский, арабский, финский) значения более тесно между собою связаны, слова обставлены богаче, но вместе с тем обнаруживается общая тенденция ограничивать более узкими рамками степень конкретной значимости отдельного слова» [Сепир 1993, 122–123].

«В полисинтетическом языке слова до крайности осложнены. Значения, которые мы никогда бы не подумали трактовать как подчинённые, выражаются деривационными аффиксами и символическими изменениями корня» [там же].

Русский язык по этому параметру относится к синтетическим.

Сепир подчёркивал, что чистые типы в языках не существуют и «язык может быть одновременно и агглютинативным, и флективным, или флективным и полисинтетическим».

В истории языка, по мнению Сепира, наиболее легко меняется степень синтезирования, реже меняется техника, а наиболее устойчивыми оказываются типы значений.

§4. Новые подходы к типологической классификации

В классификации современного лингвиста проф. В.М. Алпатова устанавливаются 8 классов языков на основании использования трёх грамматических средств: фузионных [аффиксов](#), агглютинативных аффиксов, служебных слов. Некоторые классы в ней оказываются пустыми множествами:

В классификации В.М. Алпатова русский язык относится к первому типу, так использует все перечисленные виды грамматических средств.

Элементы синхронного сопоставления языков встречались в грамматических исследованиях XIX в., например, в работах К. Грэнджери «Звуки речи в английском и немецком языках» (1892), В. Вётора «Очерки по фонетике немецкого, английского и французского языков» (1894).

Научное обоснование идея сопоставительного метода получила в трудах [И.А. Бодуэна де Куртенэ](#), которому принадлежит специальная работа, развивающая этот метод: «Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским» (1912).

У истоков сопоставительной лингвистики такие выдающиеся учёные, как [Е.Д. Поливанов](#), автор «Введения в языковедение для востоковедных вузов», где даны сопоставления русского языка с китайским, японским, дунганским, корейским и другими языками Азии, и «Русской грамматики в сопоставлении с узбекским языком» (1933), в которой чётко представлена методика контрастивного сравнения языков, [Л.В. Щерба](#), которому принадлежат «Главные отличия французской звуковой системы от русской» (1916), [С.И. Бернштейн](#), автор работы «Вопросы обучения произношению» (1937).

Дальнейшее развитие сопоставительной лингвистики опирается на труды И.И. Мещанинова, А.А.

Реформатского, В.Н. Ярцевой, В.Д. Аракина, В.А. Виноградова, И.Г. Милославского, А.В. Широковой, В.Н. Денисенко. К настоящему времени написаны сопоставительные грамматики русского языка в сравнении с английским, французским, испанским, немецким, арабским, литовским, латышским, грузинским, финским, карельским, марийским.

Вопросы для самопроверки

Когда впервые был поставлен вопрос о классификации языков?

Чем различаются классификации Августа и Фридриха Шлегеля?

В чём В. Гумбольдт видел главную цель сравнительного языковедения?

Какие характеристики дал В. Гумбольдт морфологическим типам языков?

Как отражается в языке картина мира, свойственная данной культуре?

Что понимает В. Гумбольдт под формой и материей языка?

Что такое внутренняя форма языка?

В чём различие подходов А. Шлейхера и В. Гумбольдта к типологии языков?

Что нового внесла в типологию концепция Э. Сепира?

Как изменилось отношение к морфологической классификации языков в лингвистике XX века?

Когда появились первые работы по синхронному сопоставлению языков?

Какие лингвистические направления используют сопоставительный метод?

Задания для самостоятельной работы <

Составьте сравнительную таблицу морфологических классификаций В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера, Ф. Мистели, Ф.Финка, Ф.Ф. Фортунатова.

Охарактеризуйте философские основания типологических концепций известных из истории лингвистики.

Темы рефератов

В. Гумбольдт о связи языкового типа и характера народа.

В. Гумбольдт о роли языка в развитии национальной культуры.

Идея стадильности развития языков в истории языкознания.

Формальные и контентивные типологические концепции.

История создания и развития сопоставительного метода.

Список хрестоматийных материалов

Алпатов В.М. Историческое развитие типологии до середины XX века.

Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития.

Кацнельсон С.Д. Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта.

Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания.

Литература

Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 2005.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной. М., 2000.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2006. С. 16-19.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Koerner, K. Toward a history of linguistic typology // J. Fisiak ed. Linguistic reconstruction and typology. - Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1997. 1-23.

Хрестоматийный материал к теме 2

1. Алпатов В.М. Историческое развитие типологии до середины XX века.
2. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития.
3. Кацнельсон С.Д. Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта.
4. Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт - основоположник теоретического языкознания.

Глава 3 Методы типологической лингвистики

§1. Базовые и дополнительные методы

§2. Сопоставительный метод

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 3: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	об особенностях языковых фактов о системе научных методов типологической лингвистики
	2. Понимать/ Знать	особенности модификации общенаучных методов применительно к задачам типологии языков
	3. Уметь	оценивать степень типологической адекватности различных методов описания языков составлять типологический паспорт языка
	4. Владеть (навыками)	навыками обоснования типологического и сопоставительного подхода в исследовании языков навыками составления комплекса взаимодополняющих методов ключевыми понятиями типологической лингвистики

§1. Базовые и дополнительные методы

Базовым методом типологии является метод [системного анализа](#). Центральной процедурой этого метода является построение обобщённой [модели](#) (или моделей), отображающей все факторы и взаимосвязи в системе языка (для решения задач функциональной типологии – в реальной речевой ситуации или в системе условий коммуникаций на данном языке). Полученная модель исследуется с целью выяснения близости результата применения того или иного из альтернативных вариантов описаний к желаемому. Системный анализ опирается на ряд прикладных математических дисциплин и методов, широко используемых в современных экономических и технических науках

Типология включает несколько частных методов.

Систематология – это установление системы языковых типов и распределение всех языков по классам, соответствующим этим типам. Разбиение всего множества языков на типы должно представлять собой именно систему, основанную на едином принципе и объясняющую существование именно данных типов. Между типами должны быть установлены не только структурные, но функциональные и принципиальные (в принципе организации языковой системы) различия.

Систематология включает [систематику](#), которая занимается описанием и изучением существующих типов языков. Практическая задача систематики состоит в том, чтобы отличить все существующие на земле языки, дать каждому из них типологическое определение и по возможности точное и ясное описание, которое не позволяло бы смешивать различные типы один с другим. Но этой практической стороной не исчерпывается задача систематики. Её теоретическая задача состоит в том, чтобы:

1) наблюдая формы языков с точки зрения их постоянства или изменчивости, в зависимости от внешних условий, географического распространения и т.п. определить условия изменения языковых систем, т.е. перехода одних форм в другие;

2) изучая языки с точки зрения их сходства или различия, разъяснить их [изоморфизм](#) (межъязыковые структурные аналогии) и алломорфизм (межъязыковые различия). Конечная цель систематики есть разъяснение процесса происхождения всего разнообразия языковых форм.

Для достижения указанных целей лингвисты представляют формы языков в системе, т. е. распределяют их по степени сходства в группы, а эти последние так или иначе располагают в классы или группы высшего порядка. В практическом отношении от классификационной системы требуется, чтобы всякий язык (языковая категория) занимал в ней вполне определенное положение, сообразно со своими признаками, чтобы, встретив какой-либо неизвестный нам язык, можно было бы легко определить его место в системе и узнать, таким образом, его важнейшие свойства. В теоретическом отношении система классификации должна ясно выражать степени типологической близости языков.

Систематика может опираться как на искусственные, так и на естественные классификации. Искусственные классификации могут быть построены на основе любого языкового признака, естественные классификации строятся на основе типологически релевантных признаков, позволяющих выводить другие и признаки и целесообразно распределять языки по классам. Искусственные классификации могут удовлетворять некоторым теоретическим потребностям, но с трудом применимы для целей практической сопоставительной грамматики.

[Характерология](#) представляет собой метод лингвистической типологии, возникший в рамках Пражского лингвистического кружка, главой которого был В. Скаличка. Характерология исходит из того, что из всех потенциально возможных структурно-типологических черт (характеристик) языка в каждом языке реализуются в основном те, которые могут рассматриваться как взаимообусловленные или взаимоблагоприятные; сочетание некоторых структурных свойств языка может быть и нейтральным.

Совокупность взаимообусловленных признаков составляет общий тип или характер языка и предопределяет степень относительной устойчивости его структуры. Так, например, характерный для русского языка флективный тип языка обладает сочетанием таких признаков, как чёткое разграничение частей речи, сильное противопоставление корневых и служебных (словоизменительных и словообразовательных) элементов, цельность слова, морфологическое оформление грамматических значений, явно выраженное согласование, свободный порядок слов, имеющий коммуникативную значимость. Характерология занимается установлением того, как появляется типовое единообразие в индивидуальном многообразии языков, входящих в один класс, т.е. стремится показать, чем различаются типологически сходные языки.

Моделирование пространства признаков как метод типологического исследования языков получил развитие в лингвистике XX в. начиная с работ Э. Сепира, который стал использовать новый метод классификации, позже названный многоступенчатым.

Рассмотрение языка с нескольких точек зрения, использование разнопорядковых признаков в классификации делает классификацию многоступенчатой. Стремление современной типологии к таким классификациям объясняется их большей точностью и объяснительной силой: привлечение разных критериев позволяет охватить различные аспекты языковой системы и тем более глубоко проникнуть в структурные различия языков.

Ступенчатый подход к типологии языков сделал актуальным и обращение к фрагментарному типологизированию. Взамен жёстких классификационных схем XX века в типологии последних лет всё чаще применяются «скользящие» классификации, в которых ни один язык не имеет раз навсегда закреплённого за ним места.

Различные параметры сопоставления языков в совокупности образуют пространство признаков, в котором каждый объект представляется точкой, соответствующей классу одномерной классификации. В такой классификации каждый отдельный язык входит в разноаспектные ряды типов. При таком подходе невозможно единственное включение языка в типологический класс (язык обязательно входит в несколько классов), а политипологичность языка не может служить основанием для дискредитации полученных классификационных типов. Однако многомерная классификация корректна только при условии логической независимости признаков, положенных в основу различных измерений языка.

Метод универсалий направлен на установление и исследование 1) общих свойств всех человеческих языков в отличие от других знаковых систем; 2) общих свойств самих языковых структур, относящихся ко всем уровням; 3) совокупности содержательных категорий, теми или иными средствами выражающихся в каждом языке. Важной задачей этого метода является системная интерпретация универсалий.

Анкетный метод состоит в том, что исследователь располагает списком признаков, которые путём перебора классифицируемых объектов приписываются им с положительным или отрицательным значением.

Большинство существующих типологий являются эксплицитно анкетными. Этот метод исследования является индуктивным.

Анкетный метод предполагает строгое определение понятий, используемых в качестве признаков классификации.

Примером имплицитно разработанного анкетного метода является типологический паспорт языка, разработанный В.Д. Аракиным. Типологический паспорт включает:

1. Состав фонемного инвентаря (число гласных фонем – монофтонгов, [дифтонгов](#); число согласных, сгруппированных по классам смычных, щелевых, аффрикат, сонорных).
2. Структуру фонемного инвентаря (типы корреляций и оппозиций; функции, выполняемые фонемами; особенности дистрибуции фонем, включая чередование фонем).
3. [Ударение](#) (природа ударения; его место в слове; качество и функции).
4. Структура [слога](#) (состав вершины слога; наличие слогового равновесия; число согласных в начале и в конце слога).
5. Интонация (характер движения тона – нисходящий, восходящий или ровный тон; характер завершения синтагмы – нисходящее или восходящее завершение).
6. Состав грамматических категорий (данные по всем грамматическим категориям; тип морфемных швов; характер морфем).
7. Словосочетания (типы; характер основной синтаксической связи; порядок расположения главного и зависимого компонентов).
8. [Предложение](#) (составность; тип основного словоупотребления; согласование / несогласование подлежащего со сказуемым; место определения; порядок слов – фиксированный / нефиксированный).
9. Структура слова (одморфемность, двуморфемность).
10. [Структура](#) словарного состава (существующие в языке лексические категории; общая характеристика отдельных частей речи).
11. [Словообразование](#).
12. Общее заключение (кратко сформулированная типологическая характеристика языка на основании учёта всех типологических показателей).

Эталонный метод предполагает теоретическое построение языка-эталона, который будет сопоставляться с реальными языками-объектами. Языки-объекты получают типологическую характеристику в результате сопоставления с эталоном.

Б.А. Успенский предлагает различать эталон-минимум и эталон-максимум.

Если строить эталон как минимальную систему, то в него будут включены лишь общие (инвариантные свойства) языков, входящих в некоторое множество. Переход от языка-эталона к языку-объекту в этом случае будет осуществляться как развёртывание категорий языка-эталона. Язык-объект будет сложнее, чем

язык-эталон. Б.А. Успенский определяет эталон-минимум как «теоретико-множественное произведение всех характеризующих (в определённом аспекте) языков (моделей), то есть как инвариантную для всех этих языков модель» [Успенский 1965, 63].

Если строить язык-эталон как максимальную систему, то в него необходимо включать все типологизируемые категории, все характеристики, которые встречаются хотя бы в одном из языков мира. Тогда переход от языка-эталона к языку-объекту будет носить характер свёртывания (нейтрализации) некоторых эталонных противопоставлений, а виды этой нейтрализации, станут параметрами задающими классы языков. Язык-объект в таком случае будет проще, чем язык-эталон. По определению Б.А. Успенского, эталон-максимум представляет собой «теоретико-множественную сумму всех признаков описываемых языков (моделей)» [там же].

Эталон-минимум может быть использован для проверки и классификации универсалий, эталон-максимум – для учёта своеобразия языков.

Установление детерминанты типа и внутренней формы языка являются наиболее сложными и менее разработанными методами типологического исследования языков.

В. Гумбольдт выделяет в языке внешнюю форму («выражение, которое язык создаёт для мышления») и внутреннюю форму, т. е. систему понятий, отражающую особенности мировоззрения носителей данного языка и закрепляемую внешней формой языка. В совокупности внешняя и внутренняя формы образуют форму языка, противопоставляемую Гумбольдтом содержанию. В понимании немецкого учёного [Х. Штейнтала](#) внутренняя форма есть способ выражения в языке психического содержания; она противопоставляется звуковому материалу («внешней звуковой форме») и психическому содержанию. Таким образом, внутренняя форма у Штейнтала соответствует скорее гумбольдтовской форме, а не внутренней форме. Немецкий учёный [В. Вундт](#), напротив, возвращается к пониманию Гумбольдта, различая «внешнюю языковую форму» как структуру языка и внутреннюю форму как комплекс скрытых психических процессов, проявляющихся с помощью внешней языковой формы.

В дальнейшей истории лингвистической науки проблема внутренней формы рассматривалась главным образом в различных ответвлениях неогумбольдтианства (см. труды [Л. Вайсгербера](#), Э. Сепира, [Б. Уорфа](#)) и трудах [Г.П. Мельникова](#) [Мельников 2003]. Г.П. Мельниковым предложен и метод установления детерминанты типа ? ведущего принципа организации языковой системы, определяющего её частные структурные особенности. Как пишет Г.П. Мельников, «наиболее необходимые и наиболее частые в языковом коллективе типы номинативных смыслов высказываний оказываются тем фактором, который в значительной степени влияет на то, какие особенности в процессе своей эволюции приобретёт язык в определённом языковом коллективе, какова будет та форма, с помощью которой несоциализованное сознание членов коллектива будет превращаться в социализованное индивидуальное сознание» [Мельников 2003, 105]. Это даёт возможность выявить факторы типологического своеобразия языка, которые Г.П. Мельников называет внешней и внутренней детерминантами. Внешняя детерминанта устанавливается на основе знаний об условиях жизни языкового коллектива, о характере типичных поводов коммуникации, сюжетов и аспектов различий между поводом и сюжетом. «Детерминирующим для языка механизма создания номинативного смысла высказывания является то, к какому предпочтительному классу образов относится этот смысл, какими предпочтительными способами, содержательными и композиционными, «рисует» этот смысл с помощью высказывания, каковы отработанные приёмы «привязки» «нарисованного» смысла высказывания к компонентам повода и сюжета. Весь этот перечень предпочтений средств намёка, обеспечивающий наиболее эффективную коммуникацию при заданной внешней детерминанте языка, можно связать с операторским представлением о ракурсе изображения, который в системной типологии языков назван коммуникативным ракурсом языка как его внутренней детерминантой» [Мельников 2003, 106].

Особенностью системы естественного языка Г.П. Мельников считает её способность приспосабливаться к выполнению конкретных нужд высказывания, что характерно для адаптивных (самонастраивающихся) систем. Это свойство обеспечивает наилучшее функционирование всей системы благодаря способности производить отбор как вариантов структуры, так и вариантов субстанции в зависимости от конкретной речевой обстановки. Г.П. Мельников рассматривает специфику конкретной структуры языка и субстанции, в которой эта структура воплощена, как следствие самонастраивания языка по определённой доминанте.

§2. Сопоставительный метод

Составной частью лингвистической типологии является [сопоставительный метод](#). Основная цель сопоставительного метода – выяснение специфики отдельного языка, его идиоматических свойств через системное сравнение с другим языком. Метод направлен прежде всего на выявление различий между двумя сравниваемыми языками и поэтому называется также контрастивным. К теоретическим задачам сопоставительного метода относятся:

- 1) изучение изоморфизма и алломорфизма языков;
- 2) вскрытие тех признаков сопоставляемых языков, которые остаются незамеченными при изучении одного языка;
- 3) вскрытие характерных для данных языков тенденций и закономерностей;
- 4) изучение сходств и различий в [семантике](#) и функционировании материально тождественных элементов (для родственных языков и заимствованных слов);
- 5) определение взаимодействия языков (в случае их контакта);
- 6) установление причин сходств и различий;
- 7) [верификация](#) дедуктивных универсалий на материале сопоставляемых языков.

К прикладным задачам сопоставительного метода относятся:

- 1) определение трудностей изучения неродного языка;
- 2) установление характера межъязыковой интерференции;
- 3) совершенствование теории и практики перевода;
- 4) составление двуязычных словарей.

Сопоставительный метод тесно связан с методами типологии. Типология невозможна без сопоставления, универсалии и типы выводятся на основе сопоставительного исследования языков. И сопоставительный, и типологический методы применимы к языкам независимо от их родства. Оба метода пользуются одинаковыми приёмами. Различие между ними в задачах. Сопоставительный метод направлен не на выделение типов, а на попарное контрастивное исследование языков. В отличие от типологического метода, сопоставительному не нужен широкий охват языков. Вместе с тем, оба метода служат друг другу, сопоставление даёт материал для типологии, а типология даёт критерии для сопоставления.

При сопоставлении языков обнаруживаются различные типы сходств между языковыми фактами. По происхождению эти сходства могут быть подразделены на:

- 1) универсальные, которые объясняются общими законами устройства языка;
- 2) генетические, вызванные родством сопоставляемых языков;
- 3) ареальные, вызванные взаимодействием языков;
- 4) случайные.

По своему характеру сходства подразделяются на

- 1) структурные (сходства в отношениях между единицами языка, в организации моделей, способов передачи грамматических значений);
- 2) функциональные (сходства в типе передаваемого значения, в функции некоторых элементов);
- 3) элементарные (сходства в самих элементах).

Вопросы для самопроверки

1. Какой метод используется для установления системы языковых типов?
2. Что такое систематика?
3. Как строится модель языкового типа?
4. Как строится типологическая модель отдельного языка?
5. Что такое пространство признаков?
6. Чем объясняется существование взаимообусловленных черт языка?
7. В какой научной школе возник метод характерологии?
8. Какие задачи позволяет решить метод универсалий?
9. Как применяется анкетный метод в лингвистической типологии?
10. Что такое типологический паспорт языка?
11. Как моделируется язык-эталон?
12. Что такое детерминанта языка?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте типологический паспорт русского языка.
2. Разработайте типологическую анкету для сопоставления какой-либо грамматической категории в языках мира.

Темы рефератов

1. Системный анализ в лингвистической типологии.
2. Структурная лингвистика XX века и типология языков.
3. Типологические модели в трудах И.А. Мельчука, Г.П. Мельникова, Б.А. Успенского.
4. Представления о языке-эталоне в сравнительно-историческом языкознании, интерлингвистике и типологии.
5. Проблема установления детерминанты языка.

Список хрестоматийных материалов

Мельников Г.П. Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка.

Скаличка В. О современном состоянии типологии.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку.

Литература

Авен П.О., Киселева Н.Е., Мучник И.Б. Лингвистические методы типологического анализа. М., 1983.

Касевич В.Б. Типология языков и типология культур // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Климов Г.А. Принципы континентальной типологии. М., 1983.

Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М., 2003.

Принципы описания языков мира. М., 1976.

Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

Ревзин И.И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.

Сыроваткин С.Н. Типологические основания сравнения родного и иностранного языков. Калинин, 1977.

Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.

Greenberg, J.H. Language typology: A historical and analytic overview. – The Hague; P.: Mouton, 1974.

Croft W. Typology and universals. – Cambr.: Cambr. UP, 1990.

Интернет-ресурсы

<http://systemling.narod.ru>

www.philol.msu.ru

www.e-lingvo.net

www.isa.ru

www.infolex.ru

Хрестоматийный материал к теме 3

1. Мельников Г.П. Детерминанта - ведущая грамматическая тенденция языка.
2. Скаличка В. О современном состоянии типологии.
3. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку.

Глава 4 Приёмы и принципы типологического исследования

§1. Приёмы типологического исследования

§2. Принципы сопоставления языков

Успешное изучение темы	Знания, умения и навыки главы 4: Уровни усвоения знаний
------------------------	--

позволит:	1. Иметь представление	о принципах типологического исследования о системе приёмов типологического анализа
	2. Понимать/ Знать	особенности различных типологических методов способы построения типологических классификаций
	3. Уметь	оценивать степень типологической релевантности признаков определять изоморфные и алломорфные черты языков
	4. Владеть (навыками)	навыками обоснования выбора типологических признаков навыками использования количественных методов исследования языка навыками качественного, градационного и количественного представления результатов исследования ключевыми понятиями квантитативной типологии

§1. Приёмы типологического исследования

Выбор объектов типологизирования является важным исследовательским приёмом, определяющим особенности применения типологического метода. Выбор в качестве объектов классификации самих языков в целом называется «цельносистемной типологией». Такой выбор характерен для учёных 1 пол. XIX в. Однако уже в работах Х. Штейнталя и Ф. Мистели проявился интерес к типологизированию отдельных фрагментов системы, который постепенно эксплицировался по мере совершенствования дескриптивной техники анализа отдельных уровней языка. Такой выбор называют «типологией подсистем», «фрагментарной типологией». Классифицирование в рамках фрагментарной типологии требует, чтобы объекты определялись для каждого конкретного случая. Такими объектами могут быть фонемы, слова, синтаксические конструкции и сами языки.

С точки зрения порядка построения классификации возможны два способа: дедуктивное и индуктивное построение. Исследователь может либо 1) имея уже установленные классы распределять по ним все объекты, либо 2) имея нерасчленённый материал, определить для него типологические классы. С логической точки зрения, процедура решения первой задачи есть исчисление, второй задачи – порождение. Первый способ называют аксиоматическим (дедуктивным), второй – генеративным (индуктивным). Аксиоматический способ предполагает заданным список общих утверждений о структуре языка, которые однозначно определяют систему классов. Очевидно, что набор параметров разбиения на классы в этом случае фиксирован. Генеративный способ предполагает принципиальную нефиксированность набора классификационных признаков, и эти признаки, выбираемые произвольно, исчерпывают то, что считается заданным при этом способе классификации. Оценить эффективность избранных признаков при индуктивном методе можно только после осуществления классификации – если её результаты достаточно информативны, признаки можно считать существенными.

Этот способ в типологии оказался господствующим и традиционным и вызвал немало критики за произвольность выбора критериев типологизирования. Такой способ будет единственно возможен при отсутствии общей теории языка. Системный подход предполагает обязательное построение аксиоматики и использование дедуктивного метода. В то же время в определённых условиях индуктивный метод в классификации оказывается необходимым.

Выбор классификационно релевантных признаков является важным приёмом, от успеха применения которого зависит ценность полученной классификации. Среди практически бесконечного числа возможных классификаций типология предпочитает иметь дело с такими, которые могли бы служить базой для дальнейшего исследования структурных тонкостей языков, т.е. сыграли бы такую же роль в лингвистике, какую играет в химии периодическая система Д.И. Менделеева. Типологическая классификация представляет интерес, если на основе дифференциального признака типа выводятся его интегральные признаки. Наличие такой возможности позволяет содержательно интерпретировать как отдельные типы, так и всю классификацию в целом.

Примером содержательной интерпретации классификации в целом является указание Б.А. Успенского на особый характер отношений между тремя лингвистическими типами – изолирующим, агглютинативным и флективным: каждый из предыдущих может использоваться как метаязык для описания последующих типов.

Примером содержательной интерпретации отдельных языковых типов может служить исследование Б.А. Серебренниковым особенностей агглютинативных языков, которые группируются по степени важности так, что два признака – отсутствие классового деления в именах и постпозиция определяемого – оказываются теми факторами, которые обуславливают остальные свойства этого типа [Серебренников 1965, 9]. Если в основу классификации положить уникальные свойства языков, то каждый класс окажется состоящим из одного члена, классификация превратится в список языков. Если взять за основу универсальные свойства,

то классификация сведётся к двум классам, один из которых пуст, а другой содержит все языки мира. Построение нетривиальной классификации предполагает выполнение двух условий:

- 1) число классов меньше числа объектов;
- 2) количество членов одного класса меньше числа всех объектов.

Признаки, которые позволяют построить нетривиальную и информативную классификацию, являются классификативно релевантными.

В.Д. Аракин считал, что единицей типологического сопоставления должно быть определённое категориальное понятие, актуальное для соответствующего языкового уровня. В качестве критериев отбора таких единиц учёный называл:

- 1) функциональное тождество сопоставляемых языковых форм;
- 2) соответствие общего частному и частного общему;
- 3) массовость охвата данной понятийной категорией классов слов, способных её выразить [Афанасьева и др. 2000, 50].

Установление изоморфизма и алломорфизма является важнейшим приёмом сопоставительно-типологического изучения языков. Термин изоморфизм взят из математики, где он возник в теории групп и относится к системам объектов с заданными в них операциями или отношениями. Изучение свойств одной из изоморфных систем в значительной мере (а с абстрактно-математической точки зрения – полностью) сводится к изучению свойств другой. В лингвистической типологии изоморфизмом называется структурное сходство языков в отношении некоторой категории, поля, подсистемы вне зависимости от материального сходства составляющих эту категорию (поле, подсистему) элементов. В.Д. Аракин описывает изоморфизм как «подобие, или параллелизм, отдельных звеньев структуры языка, отдельных микро- или макроструктур её составляющих» [Аракин 2000, 23]. Алломорфизмом называется различие в структуре некоторой категории. Алломорфизм свидетельствует о разнотипности структуры языковых единиц и категорий. Языки одного типа характеризуются значительным числом изоморфных свойств.

Способы представления результатов типологического исследования являются критерием различения качественной, сериальной и количественной типологии. Качественная типология характеризует некоторые свойства языков как наличные или отсутствующие, не рассматривая степень яркости и характерности для языка отмечаемого свойства. Сериальная типология задаёт некоторую градацию для степени проявления типологического признака, характеризуя при помощи некоторой неколичественной шкалы. Количественная типология представляет собой математическое измерение некоторого признака. Такой метод был предложен в работе Дж. Гринберга, который выделил десять типологических индексов:

- 1) индекс синтеза (число [морфем](#) к числу [слов](#));
- 2) индекс [агглютинации](#) (число агглютинативных соединений к общему числу морфемных стыков);
- 3) индекс словосложения (число корней к числу слов);
- 4) индекс [деривации](#) (число дериваторов к числу слов);
- 5) индекс преобладающего [словоизменения](#) (число словоизменяющих морфем к числу слов);
- 6) индекс [префиксации](#) (число [префиксов](#) к числу слов);
- 7) индекс [суффиксации](#) (число [суффиксов](#) к числу слов);
- 8) индекс [изоляция](#) (число связей выраженных [порядком слов](#) к общему числу синтаксических связей);
- 9) индекс [словоизменения](#) в чистом виде (число связей, выраженных словоизменяющими морфемами к общему числу связей);
- 10) индекс [согласования](#) (число связей, выраженных согласованием к общему числу связей) [Гринберг 1963, 79-80].

Характеризуя количественный метод в сравнении с качественным, Гринберг указывал, что «вместо интуитивных определений, опирающихся на общие впечатления, делается попытка охарактеризовать каждый признак, используемый в данной классификации, через отношение двух единиц, каждая из которых получает достаточно точное определение посредством исчисления числового индекса, основанного на относительной частотности в отрезках текста» [там же, 74].

§2. Принципы сопоставления языков

При описании принципов сопоставительного исследования языков [А.А. Реформатский](#) выдвигает пять тезисов:

1. Об [идиоматичности](#): каждый язык индивидуально своеобразен не только в деталях, но и в целом своём «чертеже».
2. О системности каждого яруса и всего языка в целом.
3. Сопоставление не может опираться на единичные, разрозненные различия отдельных фактов, а должно исходить из системных противопоставлений категорий и рядов своего и чужого.
4. Опора сопоставления отнюдь не в поисках мнимых тождеств своего и чужого, а наоборот, в определении того разного, что пронизывает сопоставление двух языков.

5. Противопоставление своего чужому не вообще, а лишь в двустороннем сопоставлении. [Реформатский 1987, 41]

По поводу системности А.А. Реформатский пишет, что «если бы язык был свалкой разрозненных фактов – слов, форм, звуков..., то он не мог бы служить людям средством общения» [там же, 42]. Структура языка состоит из ряда подсистем, расчленённых и одновременно связанных друг с другом. Любой факт занимает своё место в системе.

Тезис о необходимости сопоставления категорий двух языков иллюстрируется А.А. Реформатским на примере обучения фонетике иностранного языка. Нельзя располагать звуки по степени трудности, «трудны не звуки, а отношения рядов и категорий фонологической системы чужого языка, не совпадающие с рядами и категориями фонологической системы своего языка» [там же, 44].

А.А. Реформатский считает, что в обучении иностранному языку нельзя опираться на родной язык, а надо преодолеть навыки своего языка, «т.к. навыки своего языка – это то сито, через которое в искажённом виде воспринимаются факты чужого языка. Об этом писали Е.Д. Поливанов, К. Бюлер, С.И. Бернштейн, а особенно остро Л.В. Щерба...» [там же, 45]. Чем больше сходств, тем труднее достигнуть правильного, точного произношения.

«Поиски «соблазнительных тождеств» своего и чужого – самый опасный путь при овладении чужим языком; эти соблазнительные тождества» всегда провокационные, что неизбежно приводит к акценту, а акцент может проявляться не только в фонетике, но и в грамматике, и в лексике. Особенно это касается близкородственных языков, где такие «соблазны» попадают в избытке» [там же, 45]. Реформатский приводит в качестве примера болгарское слово *стол*, которое значит 'стул' и чешское *cerstý chléb* обозначающее 'свежий хлеб' [там же, 47]. К этим примерам можно добавить болгарское *гора* 'лес' и польское *uroda* 'красота'.

Разъясняя пятый тезис, А.А. Реформатский указывает на то, что «трудности при усвоении данного языка носителями различных языков различны, и они выявляются лишь в двустороннем (бинарном) сопоставлении» [там же, 45]. Следовательно, «и план обучения и порядок обучения должен исходить из данного бинарного соотношения систем языков, и он обязательно будет варьировать в зависимости от того, какие языки вошли в сопоставляемую пару» [там же, 45].

У.К. Юсупов в докторской диссертации «Проблемы сопоставительной лингвистики» указывает следующие принципы сопоставления:

- 1) принцип сравнимости, предполагающий сбалансированность степеней изученности сопоставляемых языков и применение одних и тех же методов;
- 2) системности;
- 3) терминологической адекватности;
- 4) достаточной глубины сравнения;
- 5) учёта степени родства и типологической близости;
- 6) двусторонности сравнения. [Юсупов 1983]

В.Н. Ярцева в работе «Контрастивная грамматика» (М., 1981) обращает внимание на необходимость держать в поле зрения материал обоих языков, помнить об опасности «найти» в языке заранее заданную категорию и опасности изоляции явления, его отрыва от целой системы. Она выделяет три ступени сопоставительного анализа: 1) раздельное описание соответствующих черт каждого языка; 2) установление сопоставимости этих черт; 3) сам процесс сопоставления.

«Сопоставительный метод даёт возможность определить не только факты и явления, имеющие аналогичные функции в сопоставляемых языках, но и то место, которое они занимают в своей микросистеме» – указывал В.Д. Аракин [Аракин 2000, 60-61].

Вопросы для самопроверки

1. Чем различаются цельносистемная и фрагментарная типология?
2. Как выбираются объекты типологического анализа?
3. Сравните достоинства и недостатки индуктивного и дедуктивного построения классификаций.
4. Какие признаки являются релевантными для типологической классификации языков?
5. Что такое изоморфизм?
6. Назовите способы представления результатов типологического исследования.
7. В чём заключается метод количественной типологии Дж. Гринберга?
8. Как рассчитываются типологические индексы?
9. Какие принципы А.А. Реформатский считает основными для сопоставительного метода?
10. Что такое идиоматичность языков?
11. Почему сопоставление должно быть системным?
12. Что такое терминологическая адекватность сопоставительного анализа?

Задания для самостоятельной работы

1. Разработайте шкалу для характеристики лексичности / грамматичности языка.
2. Используйте метод индексов Дж. Гринберга на примере какого-либо текста на русском языке.

Темы рефератов

1. Типологические модели.
2. Индуктивные и дедуктивные классификации в истории типологии.
3. Математические методы в лингвистической типологии.
4. Приёмы системного построения классификаций.
5. Приёмы системного описания языковых типов.

Список хрестоматийных материалов

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков.
Реформатский А.А. О сопоставительном методе.

Литература

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2000.
Афанасьева О.В., Резвцова М.Д., Самохина Т.С. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2000.
Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968.
Мельников Г.П. Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка // Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971.
Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. М., 2000.
Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963.
Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.
Принципы описания языков мира. М., 1976.
Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. М., 1987.
Серебрянников Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.
Юсупов У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики. Докт. дисс. М., 1983.

Интернет-ресурсы

<http://philologos.narod.ru>
<http://tpl1999.narod.ru>
<http://project.phil.pu.ru>
<http://yanko.lib.ru>
www.lib.fl.ru

Хрестоматийный материал к теме 4

1. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков.
2. Реформатский А.А. О сопоставительном методе.

Глава 5 Морфологическая классификация языков

Успешное	Знания, умения и навыки главы 5: Уровни усвоения знаний
----------	---

изучение темы позволит:	1. Иметь представление	об особенностях морфологической классификации языков о системе методов построения морфологической классификации
	2. Понимать/ Знать	особенности морфологических типов распределение языков по морфологическим классам доминантные черты языковых типов взгляды типологов на сущность типов
	3. Уметь	определять принадлежность языка к морфологическому типу оценивать степень близости языка к эталону типа
	4. Владеть (навыками)	навыками обоснования принадлежности языка к определённому типу навыками определения доминантных черт языка навыками составления комплексной характеристики типа ключевыми понятиями общей морфологии

1. Типы языков

В настоящее время большинство лингвистов выделяет 4 морфологических типа языков:
флективный;
агглютинативный;
изолирующий;
инкорпорирующий.

Главной чертой языков флективного типа является то, что формы отдельных самостоятельных слов образуются с помощью флексии.

Флексия – это словоизменятельный аффикс, обязательно присутствующий во всех формах слов некоторой части речи и выражающий значения одной или чаще нескольких грамматических категорий.

Этимологически термин **флексия** происходит от латинского слова *flexio* (1. сгибание, изгиб, поворот; 2. модуляция голоса). Таким образом, флективное изменение сравнивается со «сгибанием», «повертыванием» слова.

Существенными признаками флективных языков являются цельность и членимость слова. Цельность слова состоит в его воспроизводимости и грамматической оформленности, а членимость – в наличии внутренней структуры слова. Это касается самостоятельных слов, служебные слова бывают как оформленными, так и без морфологической формы.

Важным признаком флективного слова является его многоуровневое строение. В слове выделяется не только уровень морфем, но также уровень основ и морфемных аффиксальных блоков, стоящий над уровнем морфем. С другой стороны, в слове выделяется уровень субморфов, фонетических отрезков, не имеющих морфемного статуса, выделяемых в случае неполной членимости слова.

Характеризуя аффиксальные морфемы флективных языков, лингвисты указывают прежде всего на

многозначность аффиксов и синкретизм их грамматических значений;

грамматическую синонимию аффиксов, т.е. вариативность выражения одного и того же грамматического значения, ведущую к наличию в этих языках нескольких словоизменятельных парадигм для одной грамматической категории;

наличие нулевых аффиксов не только в исходных, но и косвенных, семантически вторичных формах;

фузию;

частую несамостоятельность основы [Булыгина, Крылов 1990, 552].

Определение флективности как тенденции к словоизменительной аффиксации явно недостаточно без упоминания вышеперечисленных признаков.

Ф.Ф. Фортунатов определял флективные языки как «представляющие флексию основ в сочетании основ с аффиксами» [Фортунатов 1956, 154].

Вопрос о флексии основательно рассматривался в трудах В. фон Гумбольдта. Он указал на те случаи, «когда к самому акту обозначения понятия добавляется перевод понятия в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением» [Гумбольдт 1984, 118].

Таким образом, **флективность** – это свойство языка, состоящее в обозначении понятия с указанием на категорию, в которую это понятие переводится.

По мнению Гумбольдта, флексия возникает в связи с необходимостью «придать слову, в соответствии с изменчивыми потребностями речи и без ущерба для его постоянного значения и его простоты, двоякое выражение» [Гумбольдт 1984, 120].

Гумбольдт указывает на нерасторжимую связь чувства флексии со стремлением к словесному единству [Гумбольдт 1984, 125], а также на функциональную роль флексии в структуре предложения: она «способствует надлежащему членению предложения и свободе его устройства, а тем самым более правильному и четкому проникновению в сущность мыслительных связей» [Гумбольдт 1984, 126].

Главной чертой **агглютинативного** типа является то, что формы самостоятельных слов образуются с помощью свободно присоединяемых к исходной форме однозначных аффиксов. Термин *ag-glutinatio* этимологически означает «приклеивание, прилепление».

К числу существенных признаков агглютинативных языков относятся:

- прозрачность синтагматической структуры слова, свободная членимость на морфемы;
- аксиальный (осевой) характер парадигматической структуры, свободная конструируемость словоформ;
- линейный характер слова, совпадение основы с корнем и с любой словоформой, служащей для построения более сложных по числу грамматических значений словоформ.

Агглютинативные аффиксы характеризуются следующими чертами:

- однозначностью: каждый аффикс выражает, как правило, одну категорию;
- стандартностью: аффикс обычно не имеет вариантов;
- свободным присоединением к слову.

Ф.Ф. Фортунатов разъяснял агглютинирующие языки как такие, где основа и аффикс слов остаются по значению отдельными частями в формах слов, как бы склеенными [Фортунатов 1956, 153].

Важной чертой многих агглютинативных языков является **гармония гласных** – уподобление в словоформе гласных аффиксов гласной корня. Гармония гласных является «результатом стремления агглютинативных языков к сохранению аксиальной структуры парадигмы и к ограничению возможности увеличения вариантности однозначных аффиксов» [Серебренников 1965, 13]. Кроме того, «самый факт подчинения закону гармонии гласных сигнализирует в агглютинативных языках превращение самостоятельного слова в форматив» [там же].

Более того, гармония гласных представляет собой средство создания единства многоморфемного слова.

Другая типологически важная черта агглютинативных языков – твердый порядок слов в словосочетаниях «определение – определяемое слово». Этот порядок «создает весьма благоприятные условия для развития способа примыкания как средства синтаксической связи слов, находящихся в позиции определения и определяемого» [Серебренников 1965, 14].

Следствием этого является «способность имен существительных выступать в роли определения, что способствует созданию в языке словосочетаний типа манс. *nor kol* «бревенчатый дом» (букв.: «бревно дом» и коми-зырян. *ov jaj* «конина» (букв.: «лошадь мясо»)» [там же].

В позицию определения свободно попадают и причастные обороты. Это свойство ведет к значительному уменьшению в языке роли личных местоимений и количественному увеличению отглагольных имен и причастий [Серебренников 1965, 16].

Б.А. Серебренников отмечает важную синтаксическую черту агглютинативных языков: «наличие развернутых причастных определений препятствует возникновению в чистых агглютинативных языках придаточных предложений» [там же].

Развитию аналитизма в языках агглютинативного типа служит то, что «при наличии большого количества отглагольных имен и причастий необычайно расширяются возможности использования отглагольных имен и причастий для построения *verbum finitum*» [Серебренников 1965, 17].

Широкие возможности образования суффиксов в агглютинативных языках являются до некоторой степени причиной тенденции к однозначности аффиксов. Для уточнения значения одного суффикса может быть использован другой, из-за чего возникают «целые гирлянды суффиксов» [Серебренников 1965, 20].

Среди агглютинативных языков выделяются три группы:

v языки, переходные от изоляции к агглютинации;

v собственно агглютинативные языки;

v языки, переходные от агглютинации к флексии.

К первой группе относятся три подтипа:

· присоединяющие языки, в которых развиты служебные частицы и личные показатели непрочного присоединяемые к словам (древнеегипетский, коптский, тибетский)

· языки с классным согласованием (нигеро-конголезские языки)

· языки с меной тонов и повтором (суданские языки: шиллук, эве)

Во вторую группу входят:

· суффиксирующие языки (тюркские, монгольские, тунгусо-манчжурские, уральские, японский, корейский)

· инфиксирующие (филиппинские, семья сью)

· группофлектирующие (по Ф.Финку), эргативные – в современной терминологии (грузинский, абхазо-адыгские, нахско-дагестанские, хурритский, урартский, баскский) [Широков 1985, 237].

К третьей группе можно отнести

· трансфиксирующие языки (семитские).

Инкорпорирующие языки выделяются на основании той конструктивной особенности их грамматического строя, которая заключается организации высказывания как единого морфологического целого.

В результате полной инкорпорации получается грамматическая единица, которая по форме напоминает слово, а по значению соответствует предложению.

Частичная инкорпорация дает грамматическую единицу по форме равную слову, а по значению – словосочетанию.

Неразличение слова как морфологической единицы, с одной стороны, и синтаксических единиц, с другой, является главной типологической чертой инкорпорирующих языков.

Термин **инкорпорация** имеет значение – включение в свой состав. Этимологически он связан с латинским словом *corpus* – тело, единое целое.

Примером полной инкорпорации может служить такое слово-предложение из колымского диалекта юкагирского языка:

Аса-йуол-соромох (Человек увидел оленя).

Буквально в этой фразе выражены такие смыслы: олене-видение-человек.

Возьмем пример из чукотского языка:

Ты-мынгы-нто-ркын (Я вынимаю руки), буквально: я-руки-выходить-действую.

Впервые инкорпорирующий тип был выделен В. Гумбольдтом, который указывал, что в инкорпорирующих языках предложение вместе со всеми его необходимыми частями рассматривается не как составленное из слов целое, а как отдельное. Языки, пользующиеся этим способом, вообще не разбивают единство предложения, но, наоборот, стараются все теснее сплотить его [Гумбольдт 1984, 144-145].

Грамматическую единицу инкорпорирующих языков лишь условно можно назвать словом. Более точным будет название – **инкорпоративный комплекс**. Компоненты этого комплекса, имеющие свое лексическое, а не только морфологическое значение, при слиянии подчиняются общему ударению, в некоторых языках закону сингармонизма и взаимному фонетическому влиянию (при наличии фузии). Такой комплекс сближается со словом в обычном понимании по всем особенностям своей формы [Мещанинов 1978, 32]. В структуру инкорпоративного комплекса входят корни и аффиксы, по значению равные словам и частицам.

Аффиксы в языках изучаемого типа чаще всего стандартны, однозначны и легко выделяются в составе комплекса.

При полной инкорпорации, когда всё предложение является одним словом, члены предложения, а значит, и части речи выделить невозможно. Такой комплекс членится только на морфемы.

При частичной инкорпорации сливаются лишь те составные части предложения, которые наиболее связаны друг с другом по смыслу [Мещанинов 1978, 33]. В этом случае предложение выступает уже не единым комплексом, а сочетанием ряда комплексов, поэтому оно разбивается на составные части, наличие которых необходимо для полного его построения [Мещанинов 1978, 34]. В таких предложениях выделяются подлежащие, прямое дополнение и сказуемое; определение инкорпорируется с определяемым (в чукотском), прямое дополнение – с глаголом (в нивхском). Рассмотрим пример из нивхского языка: *урланивх чохудь* – Хороший человек ловит рыбу, или буквально: «хорош-человек рыболовит» [Мещанинов 1978, 34].

Кроме чукотского языка к данному типу относятся другие языки чукотско-корякской семьи (керекский, корякско-чавчувенский, корякско-алюторский), ительменский язык (на Камчатке), юкагирский (северо-восток Якутии), нивхский (север Приморского края и Сахалина). В Северной Америке инкорпорирующими являются алгонкинские языки, ирокезские, москские, юто-ацтекские, майя и др.

Изолирующие языки характеризуются отсутствием форм словоизменения. Грамматические отношения между словами в предложении выражаются в этих языках порядком слов, служебными словами и интонацией. Следовательно, в этих языках отсутствует формальное различие между частями речи – существительным, глаголом и прилагательным, и грамматические категории выражены непосредственно синтаксическими связями [Шор, Чемоданов 1945, 193].

Простое слово в изолирующем языке состоит из одного корня, т.е. корневая морфема самостоятельно выступает в составе предложения в качестве отдельного слова.

Производное слово, кроме корня, имеет в своем составе аффикс. Аффикс может выражать различные словообразовательные значения, его присутствие в слове для грамматики факультативно (необязательно) в том случае, если они являются грамматическими по своей семантике. Аффиксы, модифицирующие лексические значения, присутствуют в слове обязательно. Так, например, китайские корни, называющие предметы, могут обозначать как единичный предмет, так и множество предметов. Аффикс числа *мэнь*, сам по происхождению являющийся корнем со значением «двери», добавляется в тех

случаях, когда говорящий имеет коммуникативную потребность обозначить множественность предметов, причем пропуск аффикса не будет грамматической ошибкой.

Изолирующие языки делятся на два подтипа:

корнеизолирующие – китайский, вьетнамский, тайский, бирманский;

основоизолирующие (языки, имеющие регулярные словообразовательные модели), среди которых

• кхмерский язык, где имеются словообразовательные префиксы и инфиксы;

• малайско-полинезийские языки, распространенные в Индонезии, на Филиппинах, в южных районах Индокитая, в Океании, на острове Мадагаскар (всего около 800 языков).

Гумбольдт, характеризуя китайский язык, отмечал, что он:

• «выражает всякую форму грамматики при помощи позиции, употребления слов только в одной, раз и навсегда установленной форме, при помощи сочетания смыслов, т.е. только теми средствами, применение которых требует внутреннего усилия» [Гумбольдт 1984, 242];

• «само различие между материальным значением и формальными связями перед духом в более явном виде» [Гумбольдт 1984, 242];

• «не перестает быть односложным из-за наличия в нем сложных слов» [Гумбольдт 1984, 273];

а также, что «ориентация на разум в нации и языке преобладает над любовью к звуковым чередованиям» [Гумбольдт 1984, 244].

2. Внешняя синтагматика словоформ в языках различных морфологических типов

Внешняя синтагматика словоформы представляет собой отношения между словоформами, входящими в состав словосочетаний, синтаксических групп и предложений. Она является важным характеризующим признаком словоформы при сопоставлении морфологии и синтаксиса разноструктурных языков. В.Н. Ярцева по этому поводу писала: «синтаксические приёмы зависят от морфологической структуры языка и изменяются вместе с ней» [Ярцева 1961, 16].

Как отмечал В.Д. Аракин, «словосочетания в каждом языке строятся по определённым, характерным для данного языка моделям, представляющим собой обобщённые величины, которые в речи наполняются разнообразным лексическим материалом, придающим данному словосочетанию конкретный характер [Аракин, 2000, 140].

Внешние синтагматические свойства словоформ определяются в первую очередь грамматическими способами образования этих словоформ. Необходимо, однако, обратить внимание на то, что грамматический строй языка предопределяет не только правила формальной синтагматики, но и правила синтагматики семантической, т.е. синтагматики грамматических категорий.

Во внешней синтагматике словоформ участвуют грамматические категории, которые представляют собой совокупности однородных грамматических слов при различии их форм. Объединяемые общим грамматическим значением эти ряды форм составляют грамматические

парадигмы. В то же время грамматические категории обладают и синтагматическими свойствами.

Наиболее широкой категорией грамматики являются части речи, которые обладают внешней (синтаксической) и внутренней (морфологической) синтагматикой, специфичной для языков определённого типа.

Во флективно-синтетических языках части речи имеют определённое место в предложении в качестве его членов, но могут его изменить для выражения коммуникативного значения.

Флективные части речи могут выполнять функции разных членов предложения, при этом в отдельных случаях синтагматика может повлиять на парадигматику следующим образом: грамматическая форма, использованная в предложении в нетипичной для данной части речи функции, может отделиться от исходной парадигмы и превратиться в иную часть речи. Таковы, например, отыменные наречия или существительные отадективного образования.

В языках аналитического типа место слова в предложении является показателем того, к какой части речи оно относится. Слово в этих языках не может изменить место в предложении без утраты частеречного значения.

Б.А. Серебренников отмечал, что в агглютинативных языках любое существительное может выступать в качестве определения, например, мансийское *por kol* 'бревенчатый дом' (букв. 'бревно дом') [Серебренников, 1965, 14].

То же самое можно сказать и об изолирующих языках, где существительные выполняют функцию определения благодаря своей синтагматической позиции перед определяемым существительным, например, китайское *дунфан кэ* 'восточное отделение' (букв. 'восток отделение').

Подобные определения есть во флективно-аналитических языках, например, в английском: *morning newspaper* 'утренняя газета'. Однако в английском есть не только такие «прилагательные», выраженные порядком слов, но и настоящие флективные прилагательные, оформленные специальным аффиксом для выражения определительного категориального значения: *noisy* 'шумный', *colourful* 'цветной', где *-y*, *-ful* – аффиксы прилагательного как части речи. Во многих агглютинативных и во всех корнеизолирующих языках подобных специальных аффиксов для выражения категориального значения прилагательного нет, а значит, нет и прилагательного как отдельной части речи, хотя можно говорить о лексическом классе слов с семантикой качества.

Синтагматика категорий во флективных языках отличается ещё одной важной особенностью – наличием реляционных морфологических форм и выражаемых ими реляционных значений, соединяющих словоформы. К реляционным О.С. Широков относил формы спряжения, склонения и

согласования [Широков, 2003, 127]. Реляционные значения повторяются в формах нескольких слов и тем самым грамматическая структура предложения выявляется в формах самих слов, а порядок слов оказывается свободен от грамматических функций и может быть использован для выражения коммуникативных значений, ср. *Новые интересные фильмы были представлены на кинофестивале / На кинофестивале были представлены новые интересные фильмы / На кинофестивале были представлены фильмы новые, интересные.* Значение числа подлежащего морфологически выражено в этом предложении пять раз.

Аналогичную структуру имеет внешняя синтагматика словоформы и в других флективных языках, например, в испанском: *Las películas nuevas y interesantes fueron presentadas en el festival cinematográfico.* Значение числа подлежащего здесь выражается шесть раз (дополнительным средством является артикль). Порядок слов в испанском языке оказывается более жёстким: здесь возможны перестановки обстоятельства, но определение обязано находиться после определяемого слова.

В английском языке – *New interesting films were presented at the festival* – значение числа выражено только два раза: в самом имени существительном и во вспомогательном глаголе, в порядке слов можно изменить только позицию обстоятельства, поставив его в начало предложения.

Реляционные значения как флективную черту называл ещё Э. Сепир, который писал: «Для того чтобы можно было говорить о «флективности», необходимы и наличие фузии, как общей техники, и выражение реляционных значений в составе слова» [Сепир, 1993, 129]. Правда, Э. Сепир тут же отказывался от такого определения флективности, считая, что оно смешивает форму и содержание языка. Однако форма и содержание в языке при всей их самостоятельности и асимметрии тесно связаны друг с другом, и наличие реляционной синтагматики во многом определяется фузионно-синтетической тенденцией.

Многозначность аффиксов, которую А.А. Реформатский называл среди признаков фузии [Реформатский, 1987, 75], обеспечивает не только широту связей слова с другими словами (такая широта может быть обеспечена и агглютинативным способом), но и достаточную компактность словоформы, что в свою очередь позволяет языку оснащать морфологическими показателями зависимые слова, не перегружая предложение рядами словоформ, имеющими большую морфемную длину. Таким образом, внутренняя синтагматика словоформы оказывает влияние на её внешнюю синтагматику.

В изолирующих языках даже главные члены синтагм не имеют обязательных грамматических форм, выражая грамматические значения соположением и обособлением, а также служебными словами.

В агглютинативных языках и флективных языках аналитического подтипа в атрибутивных синтагмах морфологические формы, способные поддерживать синтаксические отношения между словами, есть только у главных членов. В сочетаниях самостоятельного и служебного слова реляционная форма, соединяющая данное сочетание с другими членами предложения, в агглютинативных и флективно-аналитических языках есть либо только у самостоятельного, либо только у служебного слова. Например, в английском языке в синтагме «артиклъ + имя существительное» реляционную форму числа имеет существительное, но не артиклъ: *the horse – the horses*. В синтагме «вспомогательный глагол + знаменательная глагольная форма», напротив, реляционные значения лица и числа выражаются вспомогательными глаголами, а нереляционное формальное значение причастия, образующего временную форму, выражается знаменательной глагольной формой: *has taken – have taken* (вспомогательным глаголом выражены лицо и число), *was playing – were playing* (вспомогательным глаголом выражено число).

В отличие от английского, в испанском языке внешняя синтагматика словоформы характеризуется флективно-синтетическими чертами. Испанские прилагательные и артикли выражают вслед за главным членом – существительным его реляционные значения числа и рода, скрепляя синтагму синтетической согласовательной связью. В испанских аналитических глагольных формах распределение функций вспомогательного и знаменательного глаголов аналогично английскому, с тем различием, что испанский последовательно проводит выражение реляционных значений лица и числа в значительно большем количестве вспомогательных глаголов. Совпадающими являются формы первого и третьего лица единственного числа вспомогательного глагола во временах *pluscuamperfecto de indicativo* (*había*), *condicional compuesto* (*habría*), *pretérito perfecto de subjuntivo* (*haya*), *pluscuamperfecto de subjuntivo* (*hubiera / hubiese*), которые составляют меньшую часть глагольно-временных форм. Аналитические признаки в испанском языке более характерны для внутренней синтагматики словоформы, чем для внешней.

Флективные языки синтетического подтипа характеризуются также наличием большего числа общих категорий у разных частей речи. Например, в русском языке падежные формы имеет не только существительное, но и прилагательное, числительное, местоимение, причастие. Формы рода, кроме имён, имеют причастия и глаголы единственного числа прошедшего времени. Степень сравнения есть не только у прилагательного, но также у наречия и некоторых слов категории состояния.

Во флективно-аналитических языках грамматические категории более тесно связаны с определённой частью речи. Так, в английском языке существительное имеет число, определённую и посессивность,

прилагательное – только степень сравнения, глагол не всегда имеет формы числа (I think – We think, I had – We had), причастные формы не содержат аффикса, выражающего число.

Синтаксические связи в синтагмах различного типа, характерные для флективных языков различного строя, показаны в следующей таблице.

Таблица 5.1 Синтаксические связи в синтагмах флективных языков

Тип синтагмы	Характер синтаксической связи		
	Русский язык	Испанский язык	Английский язык
Предикативная	Согласование в лице и числе, согласование в роде, примыкание	Согласование в лице и числе	Согласование в лице и числе
Атрибутивная	Согласование в роде, числе и падеже	Согласование в роде и числе	Примыкание
Обстоятельственная	Управление, примыкание	Управление, примыкание	Управление, примыкание
Объектная	Управление	Управление	Управление

Примыкание в предикативной синтагме в русском языке возможно в том случае, когда подлежащее и сказуемое выражены инфинитивами, например, *Чай пить – не дрова рубить*.

Согласование, которое является синтетической синтаксической связью, наиболее полно представлено в русском языке (в большем числе синтагм и категорий), меньше всего – в английском. В русском языке повторение грамматических значений происходит в предикативных и атрибутивных синтагмах. В тех же синтагмах есть повторение значений и в испанском языке, но там меньше согласуемых категорий: в предикативных синтагмах нет согласования по роду, а в атрибутивных – по категории падежа.

В отношении данного признака мы можем охарактеризовать русский язык как синтетический, испанский – как синтетико-аналитический, английский – как флективно-аналитический.

Таблица 5.2 Синтаксические связи в синтагмах в языках различных типов

Тип синтагмы	Характер синтаксической связи			
	Флективный	Агглютинативный	Изолирующий	Инкорпорирующий
Предикативная	см. таблицу 1	Согласование	Примыкание	Инкорпорация
Атрибутивная		Примыкание	Примыкание	
Обстоятельственная		Управление, примыкание	Управление, примыкание	
Объектная		Управление	Примыкание	

Таким образом, для флективных языков главным принципом построения словосочетания является использование морфологических показателей слова и служебных слов для выражения синтаксических связей, а также опора на реляционные словоизменительные формы.

Агглютинативные языки выражают в слове нереляционные морфологические категории, используя управление (чаще беспредложное) и примыкание для установления синтаксических связей.

Изолирующие языки ограничиваются использованием порядка слов, в некоторых случаях возможно использование служебных слов для установления синтаксических связей.

Инкорпорирующие языки морфологизируют все синтаксические связи, превращая внешнюю синтагматику слова во внутреннюю.

Различие морфологической структуры слов наиболее полно проявляется в атрибутивных синтагмах, что представлено в таблице 3.

В таблице 3 использованы следующие обозначения: R – корень, f – флексия, s – реляционный суффикс (например, суффикс рода в испанском языке), a – агглютинативный словоизменительный аффикс.

Таблица 5.3 Морфологическая структура членов атрибутивной синтагмы

Тип языка	Морфологическая структура	
	Зависимый член	Главный член
флективно-синтетический	Rf	Rf
синтетико-аналитический	Rs f	Rs f
флективно-аналитический	R	Rf
агглютинативный	R	Ra
изолирующий	R	R
инкорпорирующий	aRRa	

В таблице 3 учтены атрибутивные синтагмы, образованные существительным и прилагательным либо структурно аналогичными им грамматическими единицами. Во флективно-синтетических языках такую же, как представлено в таблице, морфемную структуру имеют определительные синтагмы с управлением, в которых в качестве определения выступает существительное. Иная структура в английских атрибутивных синтагмах с посессивными формами: Ra + Rf. Подробный сопоставительный анализ русских и английских атрибутивных синтагм дан В.Д. Аракиным [Аракин, 2000, 144-162].

Из таблицы 3 видно, что структурным сходством обладают флективно-синтетические и синтетико-аналитические языки, а другую структурную аналогию демонстрируют языки флективно-аналитические и агглютинативные. На это указывала А.В. Широкова: «вопросом вопросов остаётся понимание синтетизма и аналитизма как грамматического строя, с одной стороны, и одновременно как связи синтетизма с флексией и аналитизма с агглютинацией – с другой» [Широкова, 2000, 73].

В изолирующих языках оба члена остаются неоформленными. Что касается инкорпорирующих языков, то в них зависимый член морфологически входит в состав главного.

А.Б. Копелиович в качестве первичного и самого широкого типа связи называет соположение единиц, указывая, что оно является более жёстким для незнаковых единиц и знаковых единиц неноминативного уровня и более свободным для номинативных единиц [Копелиович, 1997, 116].

А.Б. Копелиович справедливо заостряет внимание на том, что «...межсловные связи представляет собой синтагматическую проекцию морфологии конкретного языка, способ вхождения слова в линейную структуру» [там же, с. 117].

Эти положения имеют важное значение для теории грамматики и подтверждаются сопоставлением материала языков различной структуры.

Позиции фонем (незнаковых единиц) в фонетических синтагмах регулируются жёсткими правилами морфонологии. Например, в начале индоевропейских корневых морфем возможно положение сонорного после взрывного, а не перед ним.

Аффиксы (минимальные знаки) не могут менять свою позицию относительно корня и относительно друг друга.

Слова (самостоятельные знаки) обладают большей свободой соположения. Даже языки со строгим порядком слов имеют специальные конструкции обособления, позволяющие изменить позицию слова для выражения определённых коммуникативных значений, хотя в рамках обычной конструкции слово аналитического языка более жёстко привязано к своей позиции в синтагме, чем флективное морфологически оформленное слово.

Изучение грамматических категорий в синтагматическом аспекте позволяет более чётко увидеть взаимодействие морфологии и синтаксиса и различие границ этих уровней в языках разных типов.

Кроме того, внешняя синтагматика словоформы позволяет исследовать диахронические процессы взаимодействия грамматики и семантики. Развитие этих процессов включает два основных этапа:

- 1) значение меняется в одной или нескольких синтагмах, но форма ещё остаётся, поддерживается парадигматическими ассоциациями;
- 2) форма меняется вслед за значением, членимая ранее синтагма становится единым знаком, утрачивает внутреннюю синтагматичность.

Типологическое различие этого процесса состоит в том, что флективные языки сливают аффикс с основой, агглютинативные языки – служебное слово с самостоятельным, а изолирующие языки соединяют корни, таким образом, что они сначала теряют самостоятельное номинативное значение, а затем один из них может потерять и собственное морфемное значение.

Сопоставление языков показывает, что чем более аналитичен язык, тем меньше в нём формальных показателей синтагматических связей.

Наибольшим аналитизмом отличаются языки, в которых в качестве единственного показателя синтагматических связей слов выступает только порядок их следования в синтагмах и порядок следования синтагм в предложениях.

В целом же синтагматика является языковой универсалией, позволяющей сопоставлять как типологически однородные, так и типологически разнородные языки.

С учетом синтагматики уровней можно было бы в дополнение к традиционной предложить следующую классификацию языков по роли уровней:

Таблица 5.4 Синтагматическая классификация языков

№	Тип	Что сложно разграничить в языке?	Пример
1	корне-синтаксический	сложное слово – словосочетание	китайский
2	корне-морфологический	трансфикс – внутренняя флексия	арабский
3	аффиксально-морфологический	производное слово – сочетание знаменательного и служебного слова	турецкий
4	словесно-морфологический	морфема – сочетание морфем	русский
5	словесно-синтаксический	словосочетание – аналитическая форма	английский
6	комплексно-синтаксический	слово – предложение	чукотский

Вопросы для самопроверки

1. Чем различаются флексия и агглютинативный словоизменятельный аффикс?
2. Охарактеризуйте главные черты всех морфологических типов.
3. Что такое флективность?
4. Для как языковых типов характерен сингамонизм?
5. Какие подтипы выделяются среди агглютинативных языков?
6. Чем различается полная и частичная инкорпорация?
7. В чём различие корнеизолирующих и основоизолирующих языков?
8. Как связаны морфологический тип языка и характер синтаксически связей в словосочетании?
9. Что такое реляционные значения?
10. В каком морфологическом типе языке широко представлены реляционные значения?
11. Как связаны внутренняя и внешняя синтагматика словоформы?
12. Какие типы языков можно выделить по признаку внешней синтагматики словоформ?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте таблицу типичных и редких способов в языках различного морфологического типа.
2. Составьте таблицу морфологических подтипов.

Темы рефератов

- 1. Проблема классификации языков в трудах Э. Сепира.**
- 2. Структура слова в языках различных типов.**
- 3. Соотношение уровней языковой системы в языках различного типа.**
- 4. Морфологические типы языков и грамматические способы.**
- 5. Синтагматика и парадигматика в разноструктурных языках.**

Список хрестоматийных материалов

Бенвенист Э. Классификация языков.

Даниленко В.П. Общая типология языков в концепции В. Гумбольдта.

Литература

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М., 2000.

Булыгина Т.В., Крылов С.А. Флективность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Копелиович А.Б. О разграничении формы и значения в синтагматике // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы международной конференции. – Владимир, 1997.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1978.

Мещанинов И.И. Общее языкознание. Л., 1940.

Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Лингвистика и поэтика. – М., 1987.

Сепир Э. Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

Серебренников Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.

Солнцев В.М. Введение в типологию изолирующих языков. М., 1996.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.

Фортунов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Избранные труды. М., 1956.

Широков О.С. Языковедение: введение в науку о языках. – М., 2003.

Широкова А.В. Сравнительная типология разноструктурных языков. – М., 2000.

Шор Р.О., Чемоданов Н.С. Введение в языковедение. М., 1945.

Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. – М.-Л., 1961.

Интернет-ресурсы

www.libfl.ru

www.dialog-21.ru

<http://slovo.ipphil.ru>

<http://lingantrop.ipphil.ru>

<http://project.phil.pu.ru/lib>

Хрестоматийный материал к теме 5

1. [Бенвенист Э. Классификация языков.](#)
2. [Даниленко В.П. Общая типология языков в концепции В. Гумбольдта.](#)

Глава 6 Синтаксическая классификация языков

§1. Основные единицы синтаксиса

§2. Способы выражения синтаксических отношений

§3. Типология порядка слов

§4. Синтаксическая классификация языков

Знания, умения и навыки главы 6: Уровни усвоения знаний		
Успешное изучение темы позволит:	1. Иметь представление	об особенностях синтаксической классификации языков о системе методов построения синтаксической классификации
	2. Понимать/ Знать	особенности синтаксических типов распределение языков по синтаксическим классам доминантные черты языковых синтаксических типов взгляды типологов на сущность типов
	3. Уметь	определять принадлежность языка к синтаксическому типу оценивать степень близости языка к эталону типа
	4. Владеть (навыками)	навыками обоснования принадлежности языка к определённому типу навыками определения доминантных черт языка навыками составления комплексной характеристики типа ключевыми понятиями общего синтаксиса

§1. Основные единицы синтаксиса

Основной коммуникативной единицей любого языка является [предложение](#). Готовые предложения в самом языке не содержатся – они возникают в [речи](#). Однако правила построения предложения составляют необходимую часть грамматики. В языкознании существует множество различных подходов к определению предложения. Для сопоставительной характеристики языка подходит следующее определение:

«Предложение – грамматически оформленная единица сообщения ([коммуникации](#)), выражающая своё содержание (предикативную связь своих членов) в аспекте его отношения к действительности» [Шор, Чемоданов 1945, 140]. Грамматическое оформление предложения может включать:

- 1) наличие [интонации](#), характеризующей как модальность предложения в целом, так и связь между отдельными его членами;
- 2) наличие различных типов морфологических изменений слов для выражения связей между членами предложения;
- 3) последовательность членов предложения [там же].

В различных определениях предложения называют такие его признаки, как предикация, актуальное членение, интонация, порядок слов, грамматическая оформленность, грамматическое членение, самостоятельность.

Структурный подход к предложению выражен в следующем определении: «Всякую связную цепочку словоформ, которая не является частью другой связной цепочки можно было бы считать предложением» [Тестелец 2001, 67].

Сущность предложения точно раскрыта в следующей формулировке: «одна из языковых форм, выражающая языковые и неязыковые смыслы через отражение и означивание семантической модели мира и объективной действительности» [Красина 1997, 198].

Словосочетание – это синтаксическая единица, образуемая соединением главного и зависимого слов (минимальная синтаксическая синтагма). Среди словосочетаний по типу синтаксических отношений выделяются:

- 1) предикативные: *Сестра пришла. Свет включен;*
- 2) атрибутивные: *солнечный день, новый дом;*
- 3) объектные: *ест суп, купил книгу;*
- 4) релятивные: *быстро бежит, гулял в полях.*

Одна из теорий структурного синтаксиса – грамматика составляющих – выделяет в предложении синтаксические группы, такие как:

- 1) именная группа: *эти школьники, новый дом, учебник грамматики;*
- 2) группа прилагательного: *очень красивый, на удивление лёгкий;*
- 3) наречная группа: *очень красиво, ещё вчера;*
- 4) предложная группа: *из этого города;*
- 5) глагольная группа: *будет писать.*

Эти группы выделяются по вершинам (главным словам). Свойства групп совпадают со свойствами вершин. Эти группы называются также фразовыми категориями.

При сопоставлении [синтаксиса](#) предложений необходимы следующие критерии:

- § [составность](#);
- § способы выражения синтаксических отношений;
- § позиции главных членов и [дополнения](#);
- § позиция [определения](#) по отношению к определяемому слову;
- § фиксированность порядка слов;
- § средства выражения актуального членения;
- § типы [сложных предложений](#);
- § типы обособленных оборотов.

Составность является типологическим критерием, поскольку в одних языках возможны односоставные предложения (например, в русском), в других все предложения должны иметь оба главных члена (например, в английском).

§2. Способы выражения синтаксических отношений

Способы выражения синтаксических отношений на материале языков различного типа подробно описаны в работах И.И. Мещанинова. К числу этих способов (называемых также синтаксическими приёмами) относятся:

Таблица 6.1 Способы выражения синтаксических отношений

Приёмы, оформляющие всё предложение	Приёмы, оформляющие синтаксические группы	Приёмы, совпадающие то с предложением, то с группой
полное инкорпорирование синтетизм сепаратизация локализация интонация	частичное инкорпорирование замыкание согласование управление примыкание	синтагма ритмическая группа

Полное инкорпорирование – это слияние слов в одном, объединяющем их составе, это особая форма передачи законченного высказывания одним построением, представляющего собою слияние нескольких корнеслов.

Частичное инкорпорирование заключается в том, что сливаются лишь те составные части предложения, которые наиболее тесно связаны друг с другом по смыслу (определение с определяемым словом, дополнение со сказуемым).

Синтетизм – «синтаксический приём, проводящий объединение составных частей предложения не слиянием слов, а связыванием их при помощи разнообразных служебных частиц» [Мещанинов 1978, 44].

Этот приём в научной литературе чаще называют классным согласованием.

Согласование, широко распространённый в русском языке приём, определяется И.И. Мещаниновым так: «под согласованием понимается такой вид синтетизма, в котором слова второстепенной синтаксической значимости связываются с главным путём своего морфологического оформления, построенного по нормам этих ведущих для них слов» [Мещанинов 1978, 53].

Замыкание представляет собой «тот случай, когда член предложения (выраженный не в синтаксическом комплексе) расщепляется в своих составных частях, помещая между ними относящиеся к нему слова и тем самым образуя синтаксическую группу» [Мещанинов 1978, 61]. Примеры: *a new book, перед большим домом* – определение замкнуто между служебным словом и существительным.

Примыкание – это «соединение неоформленных слов с другими, с которыми они синтаксически связаны» [Мещанинов 1978, 79]. При этом «примыкаемое слово синтаксически выделяется своей аморфностью и своим местоположением при синтаксически связанном с ним слове» [Мещанинов 1978, 81].

Вариантом примыкания является **размыкание** – способ, при котором неоформленное слово не находится по соседству с главным словом, как например: *Вчера я из дому вышел рано*.

Управление представляет собой такой синтаксический приём, «которым передаются синтаксические отношения между соединяемыми словами предложения односторонне выраженной связью. Зависимое слово получает своё оформление, зависящее от другого синтаксически с ним объединяемого слова» [Мещанинов 1978, 95].

Сепаратизация заключается в самостоятельной позиции слова в предложении и вызванном ею независимом морфологическом оформлении этого слова, определяемом только его собственным значением.

«Сепаратизация не обособляет слово в составе предложения, наоборот, она, ставя формальную сторону слова в зависимость от смыслового его значения в предложении, тем самым включает это слово в основной состав последнего» [Мещанинов 1978, 96]. Сепаратизация – это способ оформления подлежащего в номинативных языках.

Локализация – это использование порядка слов для выражения синтаксических отношений, например: *Мать любит дочь. Дочь любит мать.*

Ритмическая группа – это «отрывок потока речи, отмечаемый единством ударения» [Мещанинов 1978, 118]. Это явление имеет место во французском языке, где называется *liaison*: *je suis à table 'я нахожусь за столом'.*

Синтагма – «синтаксическая группа, оттенённая усиленным ударением и выделенная паузами» [Мещанинов 1978, 119]. Синтагма может совпадать с ритмической группой или охватывать несколько таких групп, например: *ехать в город окружными путями при самых неблагоприятных обстоятельствах.*

Интонация – музыкальное движение голоса. В качестве синтаксического приёма интонация может выделять:

- 1) всё предложение целиком;
- 2) ряд семантически соединённых предложений;
- 3) членение внутри предложения, в том числе член предложения, член в составе синтаксической группы, обособляемые части предложения, присоединяемые члены, вставные конструкции.

Обзор синтаксических приёмов необходимо дополнить замечанием И.И. Мещанинова о том, что «применение одного приёма... не отстраняет одновременного применения других. Более того, эти приёмы в известной степени смыкаются один с другим» [Мещанинов 1978, 126]. Для типологического сопоставления языков важное значение имеет следующее положение цитируемой работы: «Присутствие одних синтаксических приёмов, выделение некоторых из них как ведущих и отсутствие других приёмов могут служить основанием для характеристики целых языковых структур» [Мещанинов 1978, 127], т.е. для сопоставления синтаксиса языков.

По своим функциям синтаксические приёмы могут быть сопоставлены в рамках следующих групп:

Таблица 6.2 Функции синтаксических приёмов

полное инкорпорирование	оформляет всё предложение
частичное инкорпорирование	оформляет его внутреннее членение
синтетизм	оформляет всё предложение
согласование	оформляет его зависимые члены
сепаратизация	оформляет выделяемые члены предложения
управление	оформляет слова, зависимые от других членов
локализация	охватывает все слова предложения
примыкание	применяется внутри его членений
интонация	действует во всём предложении
синтагма	выделяет его объединяющиеся части
замыкание	оформляет внутреннее членение предложения

Синтаксические приёмы, занимающие ведущие положение в каком-либо языке, связаны с морфологическим типом языка. Эти связи представлены в таблице:

Таблица 6.3 Ведущие синтаксические приёмы в языках различных морфологических типов

Тип	Ведущие приёмы
Изолирующий	локализация, примыкание

Агглютинативный	синтетизм , управление, локализация, примыкание
Флективно-синтетический	согласование, управление, примыкание
Флективно-аналитический	локализация, примыкание, согласование
Инкорпорирующий	инкорпорирование

§3. Типология порядка слов

Порядок слов может быть характеристикой целого предложения, синтаксической группы, словосочетания. Структурные типы порядка слов различаются по нескольким признакам:

- § прогрессивный (определяемое слово впереди) / регрессивный порядок;
- § контактный / дистантный;
- § свободный / фиксированный;
- § объективный / субъективный (эмоциональный);
- § прямой (доминирующий в данном языке) / обратный.

В предложении логически возможны 6 типов следования главных членов и дополнения: SVO, SOV, VSO, VOS, OSV, OVS, где S – подлежащее, V – сказуемое, O – дополнение. Из них в языках мира чаще всего встречаются только три типа: VSO, SVO и SOV.

Порядок VSO встречается в кельтских языках, полинезийских, еврейском, арабском, берберо-ливийских.

Порядок SVO встречается в славянских, германских, романских языках, в языках банту, в финских языках, китайском, вьетнамском.

Порядок SOV характерен для шумерского, аккадского, классического тибетского, баскского, амхарского, алтайского, хинди, персидского, новоармянского, японского, корейского языков.

Порядок VOS обнаружен в некоторых языках Мадагаскара, амазонского ареала, в западнотихоокеанском ареале.

Порядки OVS и OSV обнаружены в некоторых языках карибского и амазонского ареалов.

Позиция определения перед определяемым словом характерна для английского, немецкого, русского, японского языков, тюркских языков. В этих языках возможны синтаксические конструкции с постпозицией определения. Препозиция определения строго соблюдается в кавказских, дравидийских, урало-алтайских, чукотско-камчатских языках.

Позиция определения после определяемого слова характерна для шумерского, баскского, кельтских и романских языков, где возможен и вариант с препозицией определения. В языках банту, семитских и австронезийских постпозиция определения обязательна.

Фиксированный порядок слов присущ английскому, китайскому и другим аналитическим языкам. Свободный порядок слов имеется в русском и других славянских языках.

§4. Синтаксическая классификация языков

Классификация языков по синтаксическим типам опирается на важнейшие признаки семантической и формальной структуры главных членов предложения.

В языках номинативного типа предложение основано на противопоставлении подлежащего (субъекта действия) и дополнения (объекта действия).

В номинативных языках различаются переходные и непереходные глаголы, именительный и винительный падежи существительного, прямое и косвенное дополнения. В глагольном спряжении используются субъектно-объектные ряды личных аффиксов.

К этому типу относятся индоевропейские, семитские, дравидийские, финские, тюркские, монгольские, тайские языки, японский, корейский и китайский.

В языках [эргативного типа](#) предложение строится на противопоставлении не субъекта и объекта, а так называемого агента (производителя действия) и фактитива (носителя действия).

В языках этого типа различаются эргативная и абсолютная конструкции. В предложении, имеющим прямое дополнение, подлежащее стоит в эргативном падеже, дополнение – в абсолютном. В предложении без дополнения подлежащее стоит в абсолютном падеже.

Подлежащее при непереходном действии совпадает по форме (абсолютный падеж) с объектом переходного действия.

Существительное в форме эргативного падежа обозначает кроме субъекта переходного действия также косвенный объект (часто инструмент действия).

Рассмотрим пример из даргинского языка:

адамъий	варткел	хIабушиб	варткел	башар
человек	олень	убил	олень	ходит
эргативный падеж	абсолютный падеж		абсолютный падеж	

В эргативных языках глаголы делятся на агентивные и фактитивные, в склонении существительного различаются абсолютный и эргативный падежи, в предложении могут быть эргативное и абсолютное дополнения. В спряжении глаголов есть эргативный и абсолютные ряды личных аффиксов.

К эргативному типу относятся баскский, абхазо-адыгские, нахско-дагестанские, многие папуасские, австралийские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские и многие индейские языки.

В языках [активного типа](#) грамматически выражена категория активности / неактивности субъекта.

В языках этого типа имена делятся на активный и инактивный классы, а глаголы на активные и стативные. Существительное различает активный / инактивный падежи, у глагола есть активный и инактивный ряды личных аффиксов. Дополнения бывают ближайшими и дальнейшими.

К этому типу относятся языки на-дене, сиу, гуарани, эламский.

В языках [классного типа](#) структура предложения опирается на обозначение именных классов во всех членах предложения.

В этих языках существительные распределены по классам, которые обозначены специальными аффиксами.

К языкам этого типа относятся суахили, зулу, конго.

Вопросы для самопроверки

Назовите основную коммуникативную единицу языка.

Опишите классификацию словосочетаний по типу синтаксических отношений.

Из чего состоит грамматическое оформление предложения?

Назовите критерии типологического сопоставления предложений различных языков.

Охарактеризуйте способы выражения синтаксических отношений.

Что такое сепаратизация?

Какой синтаксический приём называется синтетизмом?

Какие способы выражения синтаксических отношений характерны для каждого из морфологических типов языков?

По каким признакам классифицируются типы порядка слов?

Какой порядок слов характерен для русского языка?

Какие типы языков выделяются в синтаксической классификации?

Как соотносятся синтаксическая и морфологическая классификации языков?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте таблицу, представляющую синтаксическую классификацию языков.
2. Составьте таблицу типологии порядка слов.

Темы рефератов

Вопросы синтаксической типологии в трудах И.И. Мещанинова.
Описательный и типологический синтаксис.
Предикация в типологическом освещении.
Типология модальности.
Типология сложных предложений.

Список хрестоматийных материалов

Курилович Ю.Г. Эргативность и стадиальность в языке.
Мещанинов И.И. Основные грамматические формы эргативного строя предложения.
Мещанинов И.И. Основные виды синтаксических группировок. Предикативные группы.

Литература

Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Ред. Храковский В.С. Л., 1981.
Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
Климов Г.А. Типологии языков активного строя. М., 1977.
Красина Е.А. Предложение как отражение и знак // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. Международная конференция. Тезисы докладов. Ч. II. М., 1997.
Мещанинов И.И. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940.
Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1978.
Очерки типологии порядка слов. М., 1989.
Полипредикативные конструкции в языках разных систем / Ред. Черемисина М.И. Новосибирск, 1985.
Проблемы теории грамматического залога / Ред. Храковский В.С. Л., 1978.
Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / Ред. Черемисина М.И. Новосибирск, 1986.
Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в её отношении к этнофилологии. Петрозаводск, 1999.
Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Ред. Холодович А.А. Л., 1969.
Типология конструкций с предикатными актантами / Ред. Храковский В.С. Л., 1985.
Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоговые конструкции / Ред. Холодович А.А. Л., 1974.
Типология условных конструкций / Ред. Храковский В.С. СПб., 1998.
Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1979.
Шор Р.О., Чемоданов Н.С. Введение в языковедение. М., 1945.

Интернет-ресурсы

<http://slovo.iphil.ru>
www.philology.ru
<http://testelets.narod.ru>

Хрестоматийный материал к теме 6

1. Курилович Ю.Г. Эргативность и стадиальность в языке.
2. Мещанинов И.И. Основные грамматические формы эргативного строя предложения.
3. Мещанинов И.И. Основные виды синтаксических группировок. Предикативные группы.

Глава 7 Русский язык: история и современное состояние

§1. История русского языка

§2. Роль русского языка в современном мире

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 7: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	об основных этапах истории русского языка о роли современного русского языка в мире
	2. Понимать/ Знать	источники формирования словарного состава русского языка социальные и интернациональные функции русского языка важнейшие тенденции в истории русского языка
	3. Уметь	анализировать социолингвистическую ситуацию находить на географической карте ареал распространения русского языка
	4. Владеть (навыками)	навыками типологической оценки исторических изменений в языке навыками определения доминантных социолингвистических черт языка навыками составления комплексной социолингвистической характеристики языка

§1. История русского языка

Русский язык принадлежит наряду с украинским и белорусским к восточнославянской подгруппе славянской группы индоевропейской семьи языков.

Древнейшие русские памятники письменности относятся к XI в. Самая ранняя датированная рукопись — *Остромирово Евангелие* (1056-1057). Рукописи на пергамене этого периода написаны на языке, очень близком старославянскому, с некоторыми древнерусскими особенностями. Памятники бытовой письменности этого времени – новгородские берестяные грамоты – отражают древненовгородский диалект и практически лишены влияния церковнославянского языка. Древнерусские языковые особенности отражаются в деловой письменности, а также в таких текстах, как *Русская Правда*, *Поучение Владимира Мономаха*, знаменитом *Слове о полку Игореве* конца XII в. и в летописях XIII в. До XIV в. восточные славяне говорили на близких диалектах, совокупность которых называют древнерусским языком. Среди этих диалектов особое место занимал диалект Киева, на который, по-видимому, ориентировалась как

на «языковую норму» древнерусская письменная традиция; поэтому его иногда отождествляют с древнерусским языком. Возникновение собственно русской письменной традиции, отличной от украинской и белорусской, относится к XIV в. В русском языке имеются многочисленные заимствования из греческого, тюркских языков, латыни, польского, немецкого, французского, итальянского и английского. Русский алфавит создан на основе кириллицы, модифицированной в результате реформ Петра I и реформы .

С XVII в. великорусская народность преобразуется в русскую нацию со своим [национальным языком](#). В эпоху национального языка устраняется литературное двуязычие, создаются единые литературные [нормы](#) на базе культивированной народной речи, прекращается диалектное дробление, начинается воздействие литературного языка на местные говоры и постепенное вытеснение их из речевой сферы.

Переломным этапом в становлении русского национального стал XVIII в. – период бурного развития промышленности, переустройства государства, подъёма науки и литературы, когда заметно стало западноевропейское (особенно французское) влияние.

Усиленная переводческая деятельность людей Петровской эпохи вела к активным заимствованиям из западноевропейских языков политических, научных и технических терминов. Такие слова как *ранг, патент, контракт, штраф, архив, формуляр, нотариус, маклер, канцлер, президент, ордер, проект, рапорт, тариф, факультет, бухгалтер, министр, канцелярия, комиссия, сенат, апелляция, аренда, вексель, ефрейтор, вахта, лагерь, штурм* и многие другие вошли в русский язык именно в этот период.

В начале XIX в. различные языковые течения синтезировались в творчестве А.С. Пушкина в единую систему, основой которой была литературно обработанная народная речь. Стала явной ограниченность салонно-литературного языка, выработанного Н.М. Карамзиным и его последователями. К середине XIX в. заканчивается «дворянский» период в истории русского литературного языка, крепнет и осознаёт необходимость самовыражения новый социальный слой – слой разночинной интеллигенции. На смену прежним стилям приходит более динамичный и экспрессивный язык, опирающийся на нормы живой устной речи разных социальных слоёв общества. Развитие жанров беллетристики, публицистики, научно-популярной статьи делает актуальным совершенствование газетно-публицистического стиля.

§2. Роль русского языка в современном мире

В XX веке русский язык стал языком не только русского народа, но и средством межнационального общения народов России. Русский язык – [государственный язык](#) Российской Федерации (на основании пункта 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации) и один из официальных языков ООН наряду с английским, арабским, испанским, китайским, французским.

Русский язык – самый распространенный язык в России и бывшем Советском Союзе. Общая численность русских в мире – более 146 млн. человек, из них ок. 120 млн. проживают в Российской Федерации, в «ближнем зарубежье» (т.е. на территории бывшего СССР) – ок. 24 млн., в «дальнем зарубежье» (т.е. в странах Европы, США, Канаде, Израиле и других странах) – ок. 2,5 млн. человек.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года в России численность населения России составляет 145.274.019 человек, из них 142.573.385 (98%) владеют русским языком.

Русскими по национальности себя назвали 115.889.107 человек, среди них 115.605.241 человек заявил о владении русским языком.

Примерно половина всех русских Российской Федерации проживает в центре Европейской России, на северо-западе, в Волго-Вятском районе и Поволжье.

Знание государственного языка является обязательным для должностных лиц государственных учреждений, именно на нём составляется вся официальная документация.

Как государственный русский язык активно функционирует во всех сферах общественной жизни, имеющих всероссийскую значимость. На русском языке работают центральные и местные учреждения федерального

уровня, осуществляется общение между субъектами федерации. Русский язык используется в армии, центральной и местной печати, на телевидении, в образовании и науке, в культуре и спорте.

Русский язык является вторым государственным языком в Белоруссии, официальным языком в Казахстане и Киргизии.

В местах компактного проживания эмигрантов из стран бывшего СССР (Израиль, Германия, Канада, США и др.) – выпускаются русскоязычные периодические издания, работают радиостанции и телевизионные каналы, открываются русскоязычные школы. В Израиле русский язык изучается в старших классах некоторых средних школ как второй иностранный язык. В странах Восточной Европы до конца 80-х годов XX века русский язык был основным иностранным языком в школах.

Так же, как английский и некоторые другие языки, русский язык широко используется за пределами России. Он применяется в различных сферах международного общения: на переговорах стран-участниц СНГ, на форумах международных организаций, в том числе ООН, в мировых системах коммуникации (на телевидении, в Интернете), в международной авиационной и космической связи. Русский язык является языком международного научного общения, используется на многих международных научных конференциях по гуманитарным и естественным наукам.

Русский язык по абсолютному числу владеющих им занимает пятое место в мире (после китайского, хинди и урду вместе, английского и испанского языков), но не этот признак является главным при определении мирового языка. Для «мирового языка» существенно не само число владеющих им, особенно как родным, но глобальность расселения носителей языка, охват им разных, максимальных по числу стран, а также наиболее влиятельных социальных слоёв населения в разных странах. Большое значение имеет общечеловеческая значимость художественной литературы, всей культуры, созданной на данном языке [Костомаров 1997, 445].

Русский язык изучается в качестве иностранного во многих странах мира. Русский язык и литература изучаются в ведущих университетах США, Германии, Франции, Китая и других стран.

Русский язык, как и другие [«мировые языки»](#), отличается высокой информативностью, т.е. широкими возможностями выражения и передачи мысли. Информационная ценность языка зависит от качества и количества информации, изложенной на данном языке в оригинальных и переводных публикациях.

Традиционной сферой использования русского языка за пределами Российской Федерации были республики в составе Советского Союза; он изучался в странах Восточной Европы (Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, ГДР), а также студентами из разных стран мира, обучавшимися в СССР.

После начала реформ в России страна стала более открытой для международных контактов. Граждане России стали чаще бывать за рубежом, а иностранцы чаще бывать в России. Русский язык стал привлекать большее внимание в некоторых зарубежных странах. Его изучают в Европе и США, Индии и Китае.

За рубежом периоды подъёма интереса к русскому языку чередовались с периодами снижения интереса. Непосредственно перед распадом СССР и вскоре после него во многих зарубежных странах существенно сократилось число людей, изучающих русский язык. Однако очень скоро стало очевидно, что несмотря на значительное сокращение организованных форм изучения русского языка, необходимость в его освоении не исчезла.

В некоторых странах, например, Азербайджане, Армении, Казахстане, Киргизии, Египте были созданы университеты, ориентированные на преподавание русского языка и других славянских языков, литературы и культуры. В других странах русский язык изучается в университетах в качестве одного из иностранных языков, издаются научные журналы, посвящённые русскому языку, проводятся международные конференции.

Процессы интеграции, происходящие в современном мире, способствует повышению роли «мировых языков», углублению взаимодействия между ними. Растёт международный фонд научной, технической и культурной лексики, общий для многих языков. Всемирное распространение получают компьютерные термины, лексика, имеющая отношение к спорту, туризму, товарам и услугам.

В процессе взаимодействия языков русский язык пополняется международной [лексикой](#), и сам является источником лексических заимствований для языков соседних стран.

Глобализация процессов коммуникативного сотрудничества в современном мире в результате распространения компьютерных сетей ведет к расширению числа лиц, использующих в общении «мировые» языки. Это приводит, с одной стороны, к универсализации и стандартизации средств общения, навыков использования языка, а с другой стороны, к быстрому распространению индивидуальных и региональных особенностей речи в результате отсутствия редакторской и корректорской проверки в электронной среде общения. Противоречивость этих тенденций, вызванная новыми условиями [коммуникации](#), ведет к появлению новых факторов, воздействующих на развитие языка, способствует как его обогащению, так и снижению речевой культуры. В этих новых условиях становится особенно важной забота о правильности электронной письменной речи, соблюдение традиций письменного общения, внимание к функциональной и стилиевой дифференцированности жанров речи.

Новые условия коммуникации повышают ответственность каждого человека за судьбу родного языка и других языков, которые он использует в общении, правильность их употребления, а технические возможности компьютерных технологий помогают современному человеку проверить правильность написания и точность употребления слов, отредактировать и красиво оформить текст. Однако никакая технология не поможет наполнить текст нужным содержанием, сделать речь человека одухотворённой, красивой не только по форме, но и по сути.

«Высокий уровень функционального развития русского языка открывает широкие возможности для его разнообразного употребления во всех сферах общественной жизни, посредством русского языка может быть передана самая разнообразная информация и выражены тончайшие оттенки мысли, наконец, на русском языке создана получившая мировое признание художественная, научная и техническая литература. Максимальная полнота общественных функций русского языка и его относительная монолитность, богатейшая письменность, содержащая как оригинальные произведения, так и переводы всего ценного, что создано мировой культурой и наукой, – всё это обеспечило высокую степень коммуникативной и информативной ценности русского языка» [Панов 1997, 20].

Проблемы функционирования русского языка в зарубежных странах, преподавания русского языка, культуры речи освещают журналы «Русский язык за рубежом», «Мир русского слова», «Русский язык в школе», научно-популярный журнал «Русская речь».

Вопросы для самопроверки

1. К какой группе и семье языков принадлежит русский язык? 2. Назовите древнейшие русской письменности.
3. Из каких языков происходит заимствованная лексика в русском языке?
4. Когда сложился современный русский литературный язык?
5. Какие коммуникативные функции выполняет русский язык?
6. Что предполагает статус государственного языка?
7. Что такое язык межнационального общения?
8. В каких странах русский язык используется в качестве языка межнационального общения?
9. Какие языки являются официальными языками ООН?
10. Какое место в мире по числу говорящих занимает русский язык?
11. Как влияют на русский язык процессы глобализации?
12. Чем объясняется высокий интерес к русскому языку в мире?

Задания для самостоятельной работы

1. Соберите данные и составьте статистическую таблицу числа говорящих по-русски в странах СНГ.
2. Составьте диаграмму самых распространённых языков мира с учётом двух критериев: 1) языки, распространённые в качестве родного; 2) языки, распространённые в качестве второго.

Темы рефератов

1. Заимствования в истории русского языка.
2. Заимствования в современном русском языке
3. Русский язык в международном общении.
4. Преподавание русского языка за рубежом.
5. Научные исследования по русскому языку в зарубежных странах.

Список хрестоматийных материалов

Аванесов Р.И. О некоторых теоретических вопросах истории русского языка.

Виноградов В.В. Литературный язык.

Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.

Литература

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 2007.

Костомаров В.Г. Русский язык в международном общении // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

Панов М.В. Введение. Современный русский литературный язык // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997.

Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русского языка. М., 1991.

Русский язык сегодня / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2000.

Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. Спб., 2003. С. 3-10.

Хрестоматийный материал к теме 7

1. Аванесов Р.И. О некоторых теоретических вопросах истории русского языка.
2. Виноградов В.В. Литературный язык.
3. Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.

Глава 8 Универсальные, типологические и специфические черты русского языка

§1. Языковые универсалии

§2. Типологические черты русского языка

§3. Специфика русского языка

Успешное изучение	Знания, умения и навыки главы 8: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о типах лингвистических универсалий о системе методов установления универсалий

темы позволит:	2. Понимать/ Знать	фонетические особенности русского языка грамматические особенности русского языка доминантные черты русского языка черты сходства русского языка с другими славянскими языками
	3. Уметь	находить в русском языке универсальные черты находить в русском языке типологические черты
	4. Владеть (навыками)	навыками обоснования принадлежности языка к определённому типу навыками определения доминантных черт языка навыками выявления специфических черт языка ключевыми понятиями лингвистики универсалий

§1. Языковые универсалии

Любой язык характеризуется универсальными (общими для всех языков), типологическими (общими для определённого множества языков) и специфическими (индивидуальными, уникальными, свойственными только данному языку) признакам.

Лингвистические универсалии - это свойства или тенденции, присущие всем (абсолютные универсалии) или большинству (статистические, неполные универсалии) языков мира. Универсалии формулируются в виде высказываний о существовании определённого явления (например, «в любом языке имеются гласные») или определённой зависимости между двумя явлениями (универсальные импликации), например, «если в языке есть двойственное число, то есть и множественное». Универсалии присущи всем уровням языка, но наименее исследованы для лексико-семантического уровня. Исследование универсалий позволяет вскрыть общие закономерности в структуре языка и имеет важное значение для типологии.

Б.А. Серебренников даёт следующее определение универсалий: "Языковая универсалия – это единообразный, изоморфный способ выражения внутрисистемных корреляций языковых элементов или однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира» [Серебренников 1972, 5].

В зависимости от способа установления различают *дедуктивные* и *индуктивные* универсалии. Дедуктивная универсалия – это теоретическое предположение о том, что некоторое свойство должно быть присуще всем языкам мира. В такого рода допущениях имеет место дедукция – логический вывод о свойстве отдельных объектов на основании суждения о классе таких объектов. Примеры дедуктивных универсалий:

Все естественные языки имеют уровневое строение.

В системе любого естественного языка, а также в речевой деятельности на любом естественном языке имеется противопоставление центра и периферии.

Все естественные языки обладают свойством избыточности в передаче информации.

Индуктивная универсалия – это некоторое свойство, которое обнаружено во всех доступных для наблюдения языках и потому считается присущим всем языкам мира, например:

В каждом языке есть оппозиция шумных и сонорных.

В зависимости от степени универсальности различаются *абсолютные (полные)* и *статистические (неполные)* универсалии.

Примеры полных универсалий:

Во всех языках есть местоимения.

Во всех языках есть модальные значения.

Примеры неполных универсалий:

Почти во всех языках имеется не менее двух гласных фонем. Исключения: язык аранта в Австралии, индейский язык тонкава, абазинский язык (абхазо-адыгская семья).

Если есть противопоставления по роду у существительных, то это же противопоставление есть и у местоимений. Исключение: некоторые дагестанские языки.

В зависимости от логической формы различают *простые* и *имплицитивные* универсалии. Имплицитивные универсалии констатируют взаимосвязь двух языковых явлений, их формулировка содержит придаточное условия.

Простая универсалия: *Во всех языках есть местоимения.*

Имплицитивные универсалии:

Если в порядке слов преобладает постройка глагола перед субъектом и объектом, то обязательно наличие предлогов.

Если возможна постройка субъекта после глагола и субъекта после объекта, то в таком языке есть падеж.

Имплицитивные универсалии нередко указывают на различия в относительной частотности двух явлений:

Если есть подчинительная связь, то есть и сочинительная (иначе говоря, сочинения встречается в языках чаще, чем подчинение).

Если есть словоизменяемые морфемы, то есть и словообразовательные (словообразование встречается в языках чаще, чем словоизменение).

В зависимости от соотносённости универсалий с состоянием или развитием языков выделяются *синхронические* и *диахронические* универсалии. Синхронические универсалии характеризуют свойства, структуру, внутренние взаимосвязи языков мира, диахронические универсалии характеризуют закономерности развития языков. Примеры диахронических универсалий:

Все языки изменяются.

В истории языков пассивные формы возникают позже активных.

Смещение языков ведёт к аналитизму.

Ассимиляции происходят чаще, чем диссимиляции.

Регрессивная ассимиляция чаще, прогрессивной.

Анализ универсалий различных уровней с помощью методов системной типологии привёл Г.П. Мельникова к общему выводу о том, что «сложное используется после того, как использовано простое, второстепенная функция получает выражение после того, как получила выражение более важная функция» [Мельников 1969, 43].

§2. Типологические черты русского языка

Типологические черты отдельного языка могут рассматриваться в двух аспектах: на фоне семьи (группы) родственных языков и на фоне различных языков одного морфологического типа.

Для славянских языков, к числу которых относится русский, характерны: формы с полногласием, т. е. сочетаниями *оро, ере, оло* (*город, берег, болото, молоко*), соответствующие старославянским формам с неполногласием, т.е. с сочетаниями *ра, ла*, (*градъ, блато*); переход начального *е > о* (*один*); последовательное различение рефлексов праславянских *ь > е и *ь > о; употребление формы генитива в значении аккузатива у одушевленных существительных (кроме слов женского рода ед. числа). Русский литературный язык отличается от украинского и белорусского сохранением взрывного *g* (в украинском и белорусском — фрикативное *ɣ*), конечного *-l* (укр., бел. *-и*) и конечных *v, v'*, (на их месте произносятся глухие *f, f'*; в украинском и белорусском — *и*). Так, русскому *пошёл* [пашол] соответствует украинское *пішов* [п'ішов], белорусское *пашоу* [пашоу]; русскому *кровь* [кроф'] соответствует [кrow] в украинском и белорусском (графически, соответственно, *кров* и *кроу*).

Для русского языка характерно отражение праславянских носовых гласных * и * , соответственно, в звуках у и я (как, например, в словах *зуб* и *пять*; из современных славянских языков носовые гласные сохраняются только в польском и в южноболгарских диалектах); противопоставление согласных по твердости/мягкости, охватывающее всю фонологическую систему; утрата количественных различий и слоговых интонаций, — инновация, которой сопутствует сильное динамическое ударение и ослабление (редукция) гласных в безударных [словах](#). Место ударения в русском литературном языке в значительной степени соответствует праславянскому.

По фонетическому типу русский язык относится к числу умеренно-консонантных языков. По признаку просодики русский язык – язык несиллабического типа со всеми типами слогов. По типу ударения русский язык относится к языкам со свободным подвижным ударением.

Морфология русского языка сильно упрощена по сравнению с праславянской. Подобно другим славянским языкам, русский утратил двойственное число, старую звательную форму и ряд противопоставлений в системе склонения; в глагольной системе отсутствуют имперфект, аорист и супин. Полностью утрачена система энклитических форм местоимений.

Основой русского литературного языка является московский [диалект](#), который, ввиду своего центрального положения, имеет как южнорусские черты (аканье, различение *ц* и *ч*), так и севернорусские (взрывное *г*, твердое *-т* в окончании Зл. настоящего времени глаголов).

Рассматривая русский язык на фоне других языков флективного типа, мы должны отметить его последовательно флективный характер, который проявляется в сохранении грамматических способов и категорий, характерных для типично флективных древних индоевропейских языков. Такими способами являются [флексия](#) и [аффиксация](#), сопровождаемые морфологическими чередованиями, а категориями – падеж, род, вид. Чередования и другие морфолого-фонетические явления на границе морфем отражают фузионный характер русского языка, а категории падежа, рода и вида придают устойчивость синтетическому строю.

Специфика русского языка во многом определяется историей его формирования, важнейшим процессом которой было взаимодействие русской народно-разговорной речи с литературным церковнославянским языком.

В течение многих веков языком церкви и культуры у православных славян был церковнославянский, развившийся из старославянского языка; последний претерпевал изменения в различных славянских странах под влиянием местных языковых особенностей (так, существует болгарский церковнославянский, сербский церковнославянский, русский церковнославянский и т.д.). Церковнославянские элементы пронизывают всю структуру русского языка – его фонетику, морфологию, словарь, стилистику – в несравненно большей степени, чем, например, латынь – современный итальянский. Церковнославянские слова и формы особенно часто используются для передачи абстрактных понятий, имеющих отношение к религии и духовной жизни вообще; русские слова имеют более конкретное значение или сниженную стилистическую окраску, относясь к сфере повседневной жизни, ср. следующие пары слов, первое из которых – исконно русское, а второе вошло в русский язык из церковнославянского (причем оба произошли из одного и того же праславянского слова): *ворота* – *врата*, *борозды* – *бразды*, *заколоть* – *заклать*, *обнять* – *объять*, *житьё* – *житие*, *совершённый* – *совершенный*, *нёбо* – *небо*.

§3. Специфика русского языка

Наиболее существенными специфическими чертами русской фонологии являются противопоставление согласных по твёрдости – мягкости, оглушение согласных на конце слова, редукция гласных в безударном слоге.

Специфическими признаками в морфологии являются:

грамматические формы данного языка;

распределение словарного состава по словоизменительным классам;

распределение словарного состава по родам;

грамматическое значение глагольного вида;

словарный состав групп Pluralia tantum и Singularia tantum;

сочетаемость и продуктивность словообразовательных аффиксов с одинаковым значением в родственных и неродственных языках;

сочетаемость и продуктивность аффиксов общего происхождения в родственных языках.

Среди важнейших специфических особенностей морфологии русского языка можно отметить сложность образования форм при словоизменении (различия классов склонения, [спряжения](#), продуктивные и редкие чередования), наличие категорий лексико-грамматического характера (глагольный вид), распределение лексических единиц по грамматическим классам (род, имена Pluralia и Singularia tantum).

Особенностями русского синтаксиса являются разнообразие типов односоставных предложений, разнообразие типов сложных предложений, функционально-коммуникативная значимость порядка слов.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое лингвистические универсалии?
2. Чем различаются дедуктивные и индуктивные универсалии?
3. Что такое имплицативные универсалии?
4. Какие черты языка называются типологическими?
5. В каких языковых фактах проявляется специфика языка?
6. Чем отличается русский язык от других индоевропейских языков?
7. Чем отличается русский язык от других славянских языков?
8. Что общего у русского языка с другими флективными языками?
9. Что общего у русского языка с другими умеренно-консонантными языками?
10. Что общего у русского языка с другими языками номинативного типа?
11. Назовите наиболее заметные специфические черты русского языка.
12. Какие лингвистические универсалии можно показать на примере русского языка?

Задания для самостоятельной работы

1. Приведите примеры универсалий в русском языке.
2. Составьте схему типологического описания языка.

Темы рефератов

1. Вопрос об универсалиях в истории языкознания.
2. Русский язык как объект сопоставительного исследования.
3. Грамматические универсалии в языках мира.
4. Семантические универсалии в языках мира.
5. В. Гумбольдт о соотношении универсальных и национально-специфических черт языка.

Список хрестоматийных материалов

Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков.

Мельников Г.П. Внутренняя форма русского языка – ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях.

Литература

Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику. Казань, 2004. С. 70-79.

Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2006. С. 247-274.

Николаева Т.М. Универсалии // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

Серебренников Б.А. О лингвистических универсалиях // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2.

Универсалии и их место в типологических исследованиях М., 1971.

Универсалии и типологические исследования. М., 1974.

Comrie, B.S. Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. – Chicago, 1981.

Comrie, B.S. Tense. – Cambridge: Cambridge UP, 1985.

Comrie, B.S. Linguistic typology // F.J. Newmeyer ed. Linguistic theory: Foundations. – Cambr. etc.: Cambr. UP, 1988. 447-461.

Greenberg, J.H. Language typology: A historical and analytic overview. – The Hague; P.: Mouton, 1974.

Greenberg, J.H. Two approaches to language universals // L.R. Waugh, S. Rudy eds. New vistas in grammar. – A.; Ph.: Benjamins, 1991. 417-435.

Malinson, G., Blake, B.J. Language typology. – A. etc.: North Holland, 1981.

Интернет-ресурсы

www.krugosvet.ru

www.durov.com

www.philology.ru

<http://philologos.narod.ru>

<http://community.livejournal.com/4kur6/25249.html>

Хрестоматийный материал к теме 8

1. Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков.
2. Мельников Г.П. Внутренняя форма русского языка - ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях.

Глава 9 Фонологические особенности русского языка

§1. Типология слогов

§2. Типология фонем

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 9: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о фонологических типах языков о фонологических универсалиях
	2. Понимать/ Знать	систему фонем русского языка основные интонационные конструкции русского языка специфику слогаделения в русском языке специфику русского ударения
	3. Уметь	составлять минимальные пары фонем определять дифференциальные признаки фонем определять место ударения определять границы слогов
4. Владеть (навыками)	навыками составления фонетической транскрипции навыками описания фонологической системы языка навыками выявления специфических черт языка ключевыми понятиями общей фонологии	

§1. Типология слогов

Основными единицами фонологии являются **фонемы** и **слоги**. В языке фонологические единицы представляют собой акустико-артикуляционные образы звуков и слогов, в речи – реально звучащие физические единицы.

Слог представляет собой неделимую произносительную единицу. Отдельный звук в речи произнесен быть не может, он всегда произносится в составе слога.

Отличительным признаком слога как особой единицы является наличие у слога момента наибольшей звучности.

В языках, где границы морфем всегда совпадают со слоговыми границами (например, в китайском), в качестве центральной фонологической единицы выступает не фонема, а силлабема (акустико-артикуляционный образ слога), на что впервые указал Е.Д. Поливанов [Иванов, Поливанов 1930, 4-6].

Распределение гласных и согласных фонем по позициям в слоге дает следующую классификацию слогов:

Таблица 9.1 Классификация слогов

СЛОГИ	Закрытые	Открытые
Прикрытые	кот, рот, май, йод	на, та, да, но
Неприкрытые	ал, ил, ум, им	и, а, у, ау

§2. Типология фонем

Типологической особенностью русского языка, как видно и таблицы, является наличие слогов всех типов.

В большинстве языков мира центральной единицей фонологического яруса языка является фонема. Е.Д.Поливанов дает такое определение: «существующее в данном языке представление звука языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова, мы будем называть ф о н е м о й» [Поливанов 1991, 232].

Различие в звуках, не имеющее смыслоразличительной функции, создает варианты фонемы (**аллофоны**).

Признаки, отличающие данную фонему от других, называются **дифференциальными признаками** фонемы.

Признаки звуков, представляющие данную фонему, но не участвующие в противопоставлении ее другим фонемам в заданной оппозиции, называются **интегральными признаками** фонемы.

Для фонем /т/ и /с/ противопоставление по смычности / фрикативности является дифференциальным признаком, а для фонем /с/ и /з/ фрикативность – интегральный признак.

Одни и те же акустико-артикуляционные признаки звуков в одном языке могут быть дифференциальными признаками фонем, а в другом они могут не иметь фонологического значения, оставаясь фонетическими признаками вариантов одной фонемы.

В словах *мир, мирок, мировой* фонема /и/ реализована разными звуками: ударный звук длительнее безударного и произносится при более верхнем положении языка. Однако в русском языке эта разница не заметна и может внести смысловых различий. В английском языке различия долгого и короткого гласных звуков являются фонематическими и различают такие слова как *read – rid* (читать – освобождать), *wheel – will* (колесо – воля). В английском [i – i:] – представители разных фонем.

В следующем примере фонемы /о/, /д/ представлены своими основными вариантами: *дом, кодовый*, а слабой позиции аллофонами [ъ], [т]: *домашний, код*. В русском языке слабая позиция для гласных в безударном слоге, для согласных – на конце слова.

В слабой позиции вариант одной фонемы может совпасть с основным вариантом другой фонемы: *код – кот*. В обоих словах на конце один и тот же звук [т], но в первом слове он представляет нейтрализованную фонему /д/, а втором является основным вариантом фонемы /т/. Это явление называется **нейтрализацией**. При нейтрализации происходит позиционное снятие противопоставления двух фонем по дифференциальному признаку.

При сопоставлении фонологических систем языков важно помнить о различии между фонемой и звуком. Звук – явление физическое, это единица конкретная, речевая, наблюдаемая. Фонема – это явление языковое, это единица абстрактная, системная, функциональная. Фонема – единица инвариантная, звук – вариант фонемы, ее реализация в речи.

Являясь минимальными единицами звукового строя, фонемы служат для складывания и различения значимых единиц: морфем и слов. «Фонема – звуковой знак языка, совокупность различительных признаков, социально отработанных и исторически отобранных» [Реформатский 1970, 247-248].

Дифференциальные признаки, образующие оппозиции, составляют парадигматику фонемы. Условия реализации, создающие позиции, образуют синтагматику фонемы.

Звуки, позволяющие различать разные слова и морфемы, относятся к разным фонемам: *кот – тот, рад – ряд*.

Пара слов, отличающихся только одним звуком, называется **минимальной парой**. Вот некоторые примеры минимальных пар:

Русск. стон – стол, зал – зол;

Англ. take – make, last – list (взять – сделать, последний – список);

Исп. pasto – vasto, estipa – estopa (пастбище – огромный, пробка – пакля);

Ит. mola – mora, pasta – pesta (жернов – отсрочка, тесто – торная дорога).

Нем. raffen – rafften, Rand – Rind (дымить – собирать, край – крупный рогатый скот).

Фонологические системы разных языков могут быть сопоставлены по следующим признакам:

- общее число фонем (в русском языке 38);
- наличие определенных классов фонем;
- соотношение классов фонем (33 согласных и 5 гласных);
- состав фонологических дифференциальных признаков;
- характер условий нейтрализации фонем;
- полнота коррелятивных рядов фонем;

- синтагматические свойства фонем;
- характер и место ударения.

По признаку наличия определённых классов фонем можно выделить, например, языки с дифтонгами (английский, испанский) и языки без дифтонгов (русский).

Для русского языка типологически существенны противопоставления согласных по признакам звонкости – глухости и твёрдости – мягкости и гласных по признакам ряда и подъёма.

Особенностями русского языка являются противопоставление свистящих и шипящих /с, з – ш, ж/, наличие аффрикат /ц, ч, щ/.

Важной особенностью русского как одного из индоевропейских языков является противопоставление фонем /р – л/, представляющее фонологическую трудность для носителей дальневосточных языков.

В изучении соотношения классов фонем наибольший интерес представляет соотношение гласных и согласных в различных языках мира. На этом основании выделяются:

- консонантные языки со значительным преобладанием согласных;
- консонантные языки с умеренным преобладанием согласных (не более чем в 10 раз);
- консонантно-вокалические языки (с равномерным делением фонем на гласные и согласные);
- вокалические языки.

Русский язык относится к умеренно-консонантным языкам.

Основными фонологическими различительными признаками согласных являются место и способ их образования.

При артикуляции согласных на пути воздуха встречается преграда. Способ образования преграды и ее место являются главными классификационными признаками для согласных.

Когда речевые органы, сближаясь, оставляют щель, образуются **фрикативные** согласные (щелевые, спиранты): [ф, в, с, з, ш, ж, х].

Когда на пути струи воздуха органы речи образуют полную преграду – смычку, образуются **смычные** согласные, которые подразделяются на несколько видов в зависимости от того, как преодолевается смычка.

Взрывные согласные возникают, когда смычка взрывается под напором струи воздуха: [п, б, т, д, к, г].

Аффрикаты создаются тем, что смычка сама раскрывается для прохода струи воздуха в щель, и воздух с трением и мгновенно (в отличие от фрикативных) проходит через эту щель. В русском языке есть аффрикаты [ц, ч].

При образовании **носовых** смычка остается ненарушенной, а воздух проходит обходом через нос: [м, н].

Боковые согласные образуются, когда смычка остается ненарушенной, но бок языка опущен вниз, и между ним и щекой образуется боковой проход, по которому и выходит воздух. Такой способ возможен только при смыкании кончика языка с зубами или альвеолами, а также средней части языка с твердым небом, это звук [л].

Дрожащие (вibrанты) возникают, когда смычка последовательно и периодически размыкается до свободного прохода и опять смыкается, так образуется [р].

Все указанные выше классы выделены по способу образования.

Место образования – это та точка, в которой сближаются в щель или смыкаются два органа на пути струи воздуха и где при прямом преодолении преграды возникает шум. При образовании преграды один орган играет активную роль – это активный орган, а другой является пассивным органом.

По активному органу выделяются губные, передне-, средне- и заднеязычные согласные.

По пассивному органу выделяются губные, зубные, передне-, средне- и заднеязычные, а также межзубные согласные.

Дифференциальными признаками гласных в русском языке являются ряд, определяемый на основании того, какая часть языка изменяет своё положение, и подъём, т.е. степень приподнятости языка. Дополнительным признаком является лабиализация (участие губ в произнесении звука).

Синтагматические свойства фонем, характер чередований и фонетические явления на границе морфем и слов тесно связаны с морфологическим типом языка.

По закреплённости места ударения за определённым слогом выделяются языки со свободным и фиксированным ударением.

К языкам со свободным ударением относятся русский, немецкий, итальянский, болгарский, сербский, греческий, шведский, мордовский, литовский, абхазский и др.

Среди языков с фиксированным ударением выделяются языки:

с ударением на первом слоге: ирландский, исландский, финский, эстонский, венгерский, латышский, чешский, словацкий;

с ударением на втором слоге: лезгинский;

с ударением на предпоследнем слоге: испанский, польский, суахили, горно-марийский;

с ударением на последнем слоге: французский, армянский, турецкий, персидский, удмуртский, нанайский.

По фонетическому типу ударения выделяются языки:

- с динамическим ударением: английский, испанский;
- с количественно-динамическим ударением: русский;
- с музыкальным ударением: литовский, сербо-хорватский;
- с динамическим и музыкальным: шведский.

Свободное динамическое ударение способно вызывать качественные и количественные изменения гласных в составе слова (редукцию), это, однако, происходит не всегда и является типологическим признаком языка.

Применительно к морфологической структуре слова различаются подвижное и неподвижное ударение. Эта характеристика имеет огромное значение в славянских и балтийских языках. Подвижность означает, что в пределах морфологической парадигмы ударение в разных словоформах может быть то на основе, то на окончании. В русском языке во многих лексемах подвижное ударение: *зуб – зубам, поле – поля*. В соответствии с подвижностью ударения лексемы группируются в определённые классы с учетом грамматических форм, отмеченных ударением на окончании. В некоторых лексемах ударение всегда на основе: *спор, спорам* и др.; *репа, репами* и др.; в некоторых – всегда на окончании: *простыня, вещество*.

В русском языке 33 согласные фонемы: 24 шумных и 9 сонорных. К числу сонорных относятся /й/ и парные по мягкости – твердости /м, н, р, л/. Остальные согласные являются шумными.

Таблица 9.2 Согласные в русском языке

		Губные		Язычные			
		Губно-губные	Губно-зубные	передне-зубные	небные	средне-	задне-
Фрикативные			ф, в	с, з	ш, ж	й	х
Смычные	взрывные	п, б		т, д			к, г
	аффрикаты			ц	ч, щ		
	носовые	м		н			
	боковые			л			
	дрожачие			р			

Среди русских согласных фонем 12 фрикативных и 21 смычная.

В числе смычных: 10 взрывных, 3 аффрикаты, 4 носовых, 2 боковых и 2 дрожащих.

По месту образования фонемы распределяются так: 10 губных и 23 язычных, в том числе 6 губно-губных, 4 губно-зубных, 15 переднеязычных-зубных, 4 переднеязычных-переднеязычных, 1 среднеязычная и 3 заднеязычных.

Звуки [к', г', х'] не являются фонемами, поскольку нет минимальных пар, где они выполняли бы смыслоразличительную функцию.

Фонемы /ш, ж, ц/ реализуются твердыми звуками, твердость является интегральным признаком этих фонем, у них нет мягких коррелятов.

У фонем /ч, ц/ нет пары по звонкости.

Фрикативный заднеязычный звук [γ] реализует фонему /г/ в южнорусских диалектах, в литературном языке он возможен только в слове [боу].

В русском языке гласные различаются по двум дифференциальным признакам – ряда и подъема. Вокалическая система включает 5 фонем. Фонемы /у, о/ являются лабиализованными, остальные нелабиализованными. Русские гласные представлены в таблице:

Таблица 9.3 Гласные в русском языке

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	и		у
Средний подъем	э		о
Нижний подъем		а	

Вопросы для самопроверки

1. Назовите основные единицы фонологии.
2. Какие типы слогов есть в русском языке?
3. Что такое интегральные и дифференциальные признаки фонемы?
4. Что такое нейтрализация?
5. В каких случаях в русском языке имеет место нейтрализация?
6. Назовите признаки, по которым сопоставляются фонологические системы.
7. Какие классы языков выделяются на основании соотношения гласных и согласных фонем?
8. Назовите максимально и минимально возможное число фонем в языке.
9. По каким признакам противопоставлены гласные в русском языке?
10. Как классифицируются русские согласные по способу образования?
11. Как классифицируются русские согласные по месту образования?
12. Каков тип ударения в русском языке?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте таблицу фонологических различий русского и родного языков.
2. Опишите наиболее типичные слоговые структуры слова в русском языке.

Темы рефератов

1. Фонологические универсалии.
2. Классификация фонологических явлений как проблема типологии.
3. Фонологические особенности флективных языков.
4. История сопоставительной фонологии.
5. Русская фонология в сопоставлении с английской.

Список хрестоматийных материалов

Реформатский А.А. К проблеме фонемы и фонологии.
Яковлев Н.Ф. Принципы фонемологии.

Литература

Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
Широков О.С. Языковедение. Введение в науку о языках. М., 2003.
Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М., 2006.

Интернет-ресурсы

www.philol.msu.ru/rus/galya-1/index1.htm
www.langust.ru/rus_gram
www.speech.nw.ru/Manual/glava1.htm
www.philology.ru
www.gramota.ru

Хрестоматийный материал к теме 9

1. [Реформатский А.А. К проблеме фонемы и фонологии.](#)
2. [Яковлев Н.Ф. Принципы фонемологии.](#)

Глава 10 Русский язык как язык флективного типа

§1. Флексия и флективность

§2. Аффиксы

§3. Части речи

§4. Синтагмы и парадигмы

§5. Цельность и отдельность слова

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 10: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о флективном типе языков о флективных чертах русского языка
	2. Понимать/ Знать	характеристики грамматических единиц флективного языка признаки флективности русского языка доминантные черты русского языка как языка флективного типа черты сходства русского языка с другими флективными языками
	3. Уметь	составлять модели флективных слов составлять модели флективных парадигм
	4. Владеть (навыками)	навыками обоснования принадлежности русского языка к флективному типу навыками определения флективных черт русского языка ключевыми понятиями типологии флективных языков

§1. Флексия и флективность

Главной чертой языков флективного типа является то, что формы отдельных самостоятельных слов образуются с помощью флексии.

Флексия – это словоизменительный аффикс, обязательно присутствующий во всех формах слов некоторой части речи и выражающий значения одной или чаще нескольких грамматических категорий.

Этимологически термин **флексия** происходит от латинского слова *flexio* (1. сгибание, изгиб, поворот; 2. модуляция голоса). Таким образом, флективное изменение сравнивается со «сгибанием», «повертыванием» слова.

В русском языке флексией обладают склоняемые имена существительные и склоняемые имена прилагательные в полной форме, глаголы в личных и причастных формах, числительные и местоимения.

Существенными признаками флективных языков являются цельность и членимость слова. Цельность слова состоит в его воспроизводимости и грамматической оформленности, а членимость – в наличии внутренней структуры слова. Это касается самостоятельных слов, служебные слова бывают как оформленными, так и словами без морфологической формы.

Важным признаком флективного слова является его многоуровневое строение. В слове выделяется не только уровень морфем, но также уровень основ и морфемных аффиксальных блоков, стоящий над уровнем морфем. С другой стороны, в слове выделяется уровень субморфов, фонетических отрезков, не имеющих морфемного статуса, выделяемых в случае неполной членимости слова. Характеризуя аффиксальные морфемы флективных языков, лингвисты указывают прежде всего на

- **многозначность** аффиксов и синкретизм их **грамматических значений**;
- **грамматическую синонимию** аффиксов, т.е. **вариативность** выражения одного и того же грамматического значения, ведущую к наличию в этих языках нескольких словоизменительных парадигм для одной грамматической категории;
- наличие **нулевых аффиксов** не только в исходных, но и косвенных, семантически вторичных формах;
- **фузию**;
- частую несамостоятельность основы [Булыгина, Крылов 1990, 552].

Определение [флексивности](#) как тенденции к словоизменительной аффиксации явно недостаточно без упоминания вышеперечисленных признаков.

Ф.Ф. Фортунатов определял флексивные языки как «представляющие флексию основ в сочетании основ с аффиксами» [Фортунатов 1956, 154].

Вопрос о флексии основательно рассматривался в трудах В. фон Гумбольдта. Он указал на те случаи, «когда к самому акту обозначения понятия добавляется перевод понятия в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением» [Гумбольдт 1984, 118].

Таким образом, **флексивность** – это свойство языка, состоящее в обозначении понятия с указанием на категорию, в которую это понятие переводится.

По мнению Гумбольдта, флексия возникает в связи с необходимостью «придать слову, в соответствии с изменчивыми потребностями речи и без ущерба для его постоянного значения и его простоты, двоякое выражение» [Гумбольдт 1984, 120].

Гумбольдт указывает на нерасторжимую связь чувства флексии со стремлением к словесному единству [Гумбольдт 1984, 125], а также на функциональную роль флексии в структуре предложения: она «способствует надлежащему членению предложения и свободе его устройства, а тем самым более правильному и четкому проникновению в сущность мыслительных связей» [Гумбольдт 1984, 126].

Важный признак флексивности – наличие в языке реляционных форм, указывающих на синтаксические связи слов. При этом формы повторяют уже выраженное грамматическое значение, например: *Новые парты были поставлены в коридоре*. В этом предложении значение множественного числа подлежащего *парты* выражено 4 раза, а значение именительного падежа этого слова 2 раза.

[Структура](#) самостоятельного изменяемого слова во флексивном языке характеризуется наличием как минимум двух морфем – корня и флексии. Флексия по отношению к корню представляет собой меньший звуковой отрезок и состоит обычно из 1 – 2 фонем: *спросил+а*, лат. *quaes+it*, исп. *pregunt+ó*, англ. *ask+ed*.

Структурные модели флексивного слова подробно описаны в работах проф. А.В. Широковой [Широкова 2006].

Кроме корня и флексии, в слове часто имеются [дериваторы](#) – словообразовательные аффиксы, модифицирующие лексическое значение основы, в результате чего производные слова имеют следующий состав:

- корень+суффикс+флексия (Rdf): *дорож-к-а*
- префикс+корень+флексия (dRf): *на-сыпь-?*
- префикс+корень+суффикс+флексия (dRdf): *под-держ-к-а*

Наряду с этими моделями возможны и такие, в составе которых есть несколько дериваторов.

В то же время в русском языке существуют слова изменяемых частей речи, которые не членятся на основу и аффикс: *пальто, кимоно, варьете, казино*. В таких словах корень равен основе и всему слову. Эти слова не имеют словоизменительной парадигмы, а их грамматические значения выражаются в согласуемых с ними словах. Слова такого типа нефлексивны, они существуют во флексивно-синтетических языках как книжные заимствования из языков аналитических.

В русском языке, как и во всех флексивных языках четко разграничены фонетическими признаками и семантическими функциями два класса морфем:

- знаменательные морфемы (корни);
- служебные морфемы (аффиксы).

§2. Аффиксы

Аффиксы, в свою очередь, делятся на

- словоизменительные (флексии);
- словообразовательные (дериваторы).

По месту в слове относительно корня во флективных языках выделяются:

- префиксы (аффиксы, стоящие перед корнем);
- суффиксы (аффиксы, стоящие после корня);
- инфиксы (аффиксы, вставляемые внутрь корня);
- конфиксы (прерванные аффиксы, окружающие корень с двух сторон).

В русском языке нет инфиксов и конфиксов, но есть такой класс, как постфиксы – аффиксы, находящиеся после флексии, например, *договорились*.

Корни и аффиксы отличаются друг от друга формально (фонемным составом и длиной) и функционально: корни выражают вещественное значение, аффиксы – грамматическое.

§3. Части речи

Для флективных языков типично четкое различие грамматических классов слов – частей речи.

Все слова языка делятся на два класса: самостоятельные и служебные.

Служебные слова могут состоять из одного корня (*в, на, от*; англ. *in, on, from*, исп. *en, sobre, de*), из двух корней (*из-за, чтобы*; англ. *onto, out of* (на, вне); исп. *dentro de, porque* (внутри, потому что), а также иметь флексию, например, вспомогательные глаголы: *буду, будешь, будет*, англ. *do, does* (делаю, делает – вспомогательный глагол настоящего неопределённого времени), исп. *he, hemos* (я, мы имели – вспомогательный глагол сложного прошедшего времени).

Главное свойство служебных слов – грамматический характер значения их корней. Эти слова являются знаками не понятий, а отношений между понятиями или знаками категорий, к которым они относят самостоятельное слово.

По своим функциям служебные слова делятся на:

- предлоги – показатели отношений между именами или именами и глаголами;
- союзы – показатели связи однородных членов предложения и частей сложного предложения;
- артикли – показатели грамматических значений имени;
- вспомогательные глаголы – показатели грамматических значений самостоятельных глаголов;
- частицы – показатели модальности.

Самостоятельные слова делятся на имена (слова, имеющие формы падежного склонения и числа, или же только числа), глаголы (слова, имеющие формы словоизменения по времени и наклонению, лицу и числу), причастия (формы глагола, имеющие глагольные и именные категории), числительные (неизменяемые либо склоняемые слова с количественным значением), наречия (неизменяемые слова, либо слова, имеющие формы степеней сравнения).

Различные разряды местоимений распределяются по своим грамматическим формам между существительными, прилагательными и наречиями.

Главное различие существительных и прилагательных состоит в том, что формы числа и падежа прилагательных, а также рода, если он есть в языке, являются согласовательными, т.е. зависят от форм определяемого существительного.

Деление на части речи по грамматическим признакам не является универсальным не только для языков разных типов, но даже для языков одного флективного типа, оно всегда зависит от специфики грамматического строя данного языка.

Семантическое понимание частей речи (как знаков предметов, признаков, действий, количества) применимо ко всем языкам (универсально) и потому бесполезно для типологической характеристики морфологической системы языка.

Части речи различаются, прежде всего, присущими им грамматическими категориями и парадигмами. Отдельные формы могут совпадать фонетически и семантически, выражать одно значение в разных частях речи. Так, например, в русском языке флексия *-а* выражает значение женского рода в существительных (*кукла*), в кратких прилагательных (*высока*) и глаголах (*жила*).

В других случаях разные формы совпадают фонетически, но различаются значениями: в слове *живу* флексия *-у* выражает значения 1-го лица единственного числа глагола настоящего времени, а в слове *сестру* флексия *-у* выражает значения винительного падежа единственного числа существительного женского рода. Это явление называется **грамматической омонимией**.

Флективное слово принадлежит к определенной части речи постоянно, не только в конкретной синтагме, но и в словаре. Переход слова из одной части речи в другую осуществляется, прежде всего, аффиксацией, иногда изменением парадигмы, что указывает на синтетический строй типично флективных языков.

Во флективно-аналитических языках шире применяются изменение частеречной принадлежности слова путем изменения парадигмы.

Связь флективности и структурированности частей речи отмечал уже В. Гумбольдт, который писал: «Совершенство языка требует, чтобы каждое слово было оформлено как определенная часть речи и несло в себе те свойства, какие выделяет в категории данной части речи философский анализ языка. Необходимой предпосылкой для этого является флексия» [Гумбольдт 1984, 155].

§4. Синтагмы и парадигмы

Синтагмы флективных языков бывают:

- внешние, состоящие из главного и зависимого слов – *писать статью*);
 - внутренние, состоящие из главной морфемы (корня) и зависимой морфемы (аффикса) – *дом-ик*.
- В языках синтетического строя, например, русском, встречаются также скрытые синтагмы, внутренние по форме и внешние (предикативные) по значению – *мороз-ит* [Реформатский 1996, 325-326].

Члены внешних синтагм соединяются разными типами синтаксических связей, среди которых широко используются согласование и управление.

Внутренние синтагмы объединяются фонетически. Слова, имеющие несколько морфем, характеризуются постепенным включением морфемных синтагм в слово. Так, в слове *пригородный* содержатся три синтагмы: *при-город-*, *пригород-н-*, *пригородн-ый*. Такую структуру слова А.А. Реформатский называет биномной и записывает формулой с использованием скобок разного типа: $\{([\langle \text{зл-ост} \rangle - \text{н}] - \text{ост}) - \text{н}\} - \text{ый}$ [Реформатский 1987, 66].

Флективная синтагматика, как синтаксическая, так и морфологическая, отличается разнообразием формальных типов.

Парадигма русского флективного слова может включать формы, образованные как одним грамматическим способом (падежно-числовые флексии существительного *стена*), так и разными способами: *иду* – *идёт* (внешняя флексия), *иду* – *приду* (префиксация), *иду* – *буду идти* (способ служебных слов), *иду* – *шел* (супплетивизм), *шел* – *шла* (внутренняя и внешняя флексия).

В рамках одной парадигмы иногда встречаются различные варианты основы: *знамя* – *знамени*, *написал* – *напишет*, *быстро* – *быстрее*. В последнем примере различаются твердая и мягкая основы в парадигме степеней сравнения наречия.

В некоторых парадигмах отсутствуют семантически возможные формы. Так, у существительных типа *пальто* отсутствуют флективные формы числа и падежа.

Исходные формы флективных парадигм оформлены аффиксами, хотя бы нулевыми: *весн-а*, *рост-∅*.

Словоизменительные парадигмы структурно однородны (параллельны) для слов, принадлежащих к продуктивным словоизменительным классам.

Словообразовательные парадигмы специфичны для отдельных слов, хотя и могут быть параллельными по своей структуре.

В области словообразования парадигмы, параллельные по формальной структуре, часто различаются по семантической структуре (ср. *адресок, звонок, бросок; писатель, ускоритель, числитель*).

В словообразовании есть парадигмы последовательно образованных форм: *сад – садовый – садовник – садовничий – садовнический* и парадигмы параллельно образованных форм:

	слуга
	служанка
служить	→ служака
	служитель
	служба

Большинство флективных парадигм отличается нестандартностью, вариативностью, большим числом словообразовательных форм.

§5. Цельность и отдельность слова

Цельность флективного слова поддерживается единым ударением, фузионной связью основы и формальной части слова (аффикса), несамостоятельностью основ, фонетическим отличием аффиксов от служебных слов.

В. Гумбольдт указывал, что флективные языки обладают действенным средством образования словесного единства. По мысли ученого, «тенденция к приданию словам четко определенной внешней формы посредством крепкой внутренней связи их слогов и тенденция к разграничению пристраивания и сложения благотворно взаимодействуют друг с другом» [Гумбольдт 1984, 122].

Пристраивание, как разъясняет Гумбольдт, состоит в том, что формальная часть слова находится на другом уровне по сравнению с корнем. Она должна трактоваться как необходимая и зависимая часть слова, а не как потенциально самостоятельное слово [Гумбольдт 1984, 120]. Это и происходит во флективных языках. Флексии, аффиксы не могут быть самостоятельными словами, хотя многие приставки сохраняют этимологическую связь с предлогами.

Отдельность слова во флективных языках обеспечивается наличием флексии, которая завершает слово, является его окончанием. При нулевых окончаниях возможно позиционное оглушение согласных (в русском языке), либо другие пограничные сигналы. Такими сигналами могут быть определенные группы фонем или фонемы, характерные для начала (*стук, стол, степь*; в латинском *qua, quae, quinque* – где, спрашивать, пять) или конца слова (в латинском *lux, rex, radix* – свет, царь, корень). Различие правил чередования внутри слова и на стыке слов также является пограничным сигналом. В русском языке внутри слова перед [э, и] согласный [к'] является мягким, на границе слов та же заднеязычная глухая фонема представлена твердым вариантом: ср. *кета, Кира* и *к этому, мог это, к Ире*. Сложные слова во флективных языках оформлены как единое фонетическое и морфологическое целое, могут иметь флексию (*краевед-Ø, бензоколонка*) и легко отличаются от словосочетаний. Итак, отдельность слов создается, прежде всего, наличием формы в фортунатовском понимании этого термина как способности слова члениться на основу и аффикс.

Вопросы для самопроверки

1. Какова этимология термина *флексия*?
2. Какие части речи в русском языке имеютфлексию?
3. Что такое членимость слова?
4. В чём заключается цельность слова?
5. Что такое отдельность слова?
6. Какими чертами флективности обладает русский язык?
7. Какие классы аффиксов употребляются в русском языке?
8. Какие классы служебных слов есть в русском языке?
9. Как связаны флективность и дифференцированность частей речи?
10. Что такое биномная структура слова?
11. Какие грамматические способы типичны для русского языка?
12. Что такое грамматическая омонимия?

Задания для самостоятельной работы

1. Опишите флективные формы русского языка.
2. Составьте таблицу типичных и редких грамматических способов русского языка.

Темы рефератов

1. Вопрос о флективности в истории типологии.
2. Вопрос о флективности в трудах В. фон Гумбольдта.
3. Флективность романских языков.
4. Флективность германских языков.
5. Парадигматика и синтагматика флективного языка.

Список хрестоматийных материалов

Стеблин-Каменский М.И. Об основных признаках грамматического значения.
Щерба Л.В. О частях речи в русском языке.

Литература

Аракин В.Д. Сопоставительная типология скандинавских языков. М., 1984.
Булыгина Т.В., Крылов С.А. Флективность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
Фортунов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Избранные труды. М., 1956.
Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М., 2006.

Интернет-ресурсы

<http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-a291.htm>
www.dialog-21.ru
<http://slovo.iphil.ru>
<http://lingantrop.iphil.ru>
www.krugosvet.ru

Хрестоматийный материал к теме 10

1. [Стеблин-Каменский М.И. Об основных признаках грамматического значения.](#)
2. [Щерба Л.В. О частях речи в русском языке.](#)

Глава 11 Фузионно-синтетический строй русского языка

§1. Фузия

§2. Синтетизм и аналитизм

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 11: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о языках синтетического строя о синтетических чертах русского языка
	2. Понимать/ Знать	характеристики фузионных морфем признаки фузионности русского языка особенности русского языка как фузионно-синтетического черты сходства русского языка с другими синтетическими языками
	3. Уметь	находить фузионные стыки морфем определять синтетические формы слов
	4. Владеть (навыками)	навыками обоснования принадлежности русского языка к языкам синтетического строя навыками выявления фузионной тенденции навыками разграничения флективных, фузионных и синтетических черт языка ключевыми понятиями классификации языков по степени синтеза

§1. Фузия

Исторически ведущей грамматической тенденцией во всех языках флективного типа является **фузия**. Фузию определяют как формальное взаимопроникновение контактирующих морфем, при котором проведение морфологических границ (прежде всего между основой и аффиксом) становится затруднительным. Само латинское слово *fusio* означает «сплавление» [Булыгина, Крылов 1990, 563].

Языки, в историческом развитии которых произошло отступление от исконно флективного типа, характеризуются ослаблением фузионной тенденции. В русском языке, сохраняющем все основные черты флективного типа, фузионная тенденция проявляется достаточно ярко.

Рассматривая фузию, А.А. Реформатский отмечает, что при фузии аффиксы и внешне, и внутренне тесно сплавляются с корнями и друг с другом и в составе этих «сплавов» теряют свое значение, как бы «затухают» и «стираются» [Реформатский 1996, 273]. Например, в словах *носок*, *шнурок*, *челнок* суффикс *-ок* теряет отдельное значение.

Другими признаками фузии А.А. Реформатский называет **многозначность** аффиксов, их нестандартность, т.е. понимает фузию не только как наличие в языке нечетких морфемных стыков, а более широко, как типологическую тенденцию. А.А. Реформатский указывает, что «благодаря возможности последовательных опрощений образование форм в фузионных языках характеризуется иррегулярностью и изобилует параллелизмами» [Реформатский 1987, 75].

Значение аффикса в фузионном слове может либо совершенно стираться, либо фразеологически связываться с корнем, что приводит к образованию аффиксальных паронимов: *деловой*, *деловитый*, *эффектный*, *эффективный*.

Стирание морфемных границ происходит, например, в таких русских словах как *детский, богатство, резчик, объездчик*.

В русском языке именно фузионная тенденция выступает в качестве ведущей. В большинстве случаев при словоизменении и словообразовании происходит взаимное приспособление основ и аффиксов при помощи:

- чередования мягкой и твердой фонем в основе: *билет – билетик, аптекарь – аптекарша*;
- чередования заднеязычной и шипящей фонем: *бегу – бежит, снег – снежный*;
- чередования гласного корня или аффикса с нулем звука: *день – дня, кусочек – кусочка*;
- использования фонетической вставки: *Чили – чилийский*.

В то же время префиксация в русском языке носит агглютинативный характер, т.к. в префиксах имеют место только регулярные фонетические чередования: *разбить – расплавить*. Аффикс множественного числа повелительного **наклонения** также не оказывает воздействия на основу: *решайте, пишите, возьмите*.

Э. Сепир, который ввел в лингвистику понятие фузии, отмечал, что флективные языки используют технику фузии [Сепир 1993, 128] и приводил в качестве примеров английские слова height, length, breadth (высота, длина, ширина), но он считал, что «сам по себе факт фузии не является достаточно ясным показателем наличия флективного процесса» [Сепир 1993, 125].

В своей классификации Сепир рассматривал фузию как технику языка в ряду с агглютинацией, изоляцией и символизацией (внутренней флексией). Термин **флективность** Сепир предлагает оставить для классификации, основанной на семантическом признаке – природе выражаемых понятий.

§2. Синтетизм и аналитизм

В грамматике любого языка обычно выделяют две взаимосвязанные части – **морфологию** и **синтаксис**. В синтетических языках морфология играет особую роль, т.к. синтаксические свойства слова, его функции в предложении определяются его морфологической формой. Во флективно-аналитических и изолирующих языках форма слова сама создается синтаксическими средствами. В агглютинативных и инкорпорирующих языках слово характеризуется внутренним аналитизмом: грамматические значения выражены внутри слов, но части слов объединены механически.

Особенность каждого морфологического типа языков заключается либо в наличии некоторой черты, отсутствующей у всех других типов, либо в отсутствии черты, характерной для всех других типов. Например, только флективные языки имеют формы согласования. Только инкорпорирующие языки включают основы второстепенных членов в глагол. Только изолирующие языки широко используют безаффиксное сложение корней. С другой стороны: оформленность слова присутствует везде, кроме изолирующих языков. Стандартность морфем имеется во всех типах, кроме флективного. Различие слова и предложения важно для всех языков, кроме инкорпорирующих. Исключение составляет агглютинативный тип, он не имеет особого специфического признака, это типологически немаркированный строй, по разным признакам он совпадает со всеми другими типами.

Проблема синтетизма и аналитизма языков наиболее подробно была рассмотрена А.А. Реформатским. Все **грамматические способы** А.А. Реформатский разделяет на два принципиально различных типа:

- 1) способы, выражающие грамматические значения внутри слова, – **внутренняя флексия, аффиксация, повтор, сложение, ударение, супплетивизм**;
- 2) способы, выражающие грамматические значения вне слова, – служебные слова, порядок слов, интонация.

Первая группа способов – это синтетические способы, вторые – аналитические.

Смысл этих терминов заключается в том, что при синтетическом строе грамматическое значение синтезируется, соединяется с лексическим; при аналитическом строе грамматические значения отделяются от лексических: лексические выражены в самостоятельном слове, а грамматические – служебным словом,

порядком слов или интонацией. При синтетизме одно и то же грамматическое значение выражается в нескольких согласованных словах, например:

Таблица 11.1. Синтетизм и выражение грамматических значений

Русский	Стоят больш ие столы.	Мн. число выражено 3 раза.
Немецкий	Diegros sen Tisch estehen .	Мн. число выражено 4 раза.
Английский	The big table s stand.	Мн. число выражено 2 раза.
Французский	Les grand e s table s restent debout.	Мн. число выражено 1 раз.
Испанский	La s mesa s grand e s estan .	Мн. число выражено 4 раза.
Казахский	Улкен стол дар ғур.	Мн. число выражено 1 раз.
Китайский	Да чжо-цзы- мэнь цзай.	Мн. число выражено 1 раз.

А.А. Реформатский определяет аналитизм как расчленённость заданной в высказывании информации по отдельным элементам его языковой структуры. При аналитизме повышается удельный вес и самостоятельность каждого элемента.

Под синтетизмом А.А. Реформатский понимает комплексную сопряжённость заданной в высказывании информации без строгого расчленения на отдельные элементы структуры.

А.А. Реформатский устанавливает корреляцию синтетизма / аналитизма с тенденциями к агглютинации / фузии, утверждая, что «распределение тенденций синтетичности и аналитичности неотъемлемо связано с морфологическим типом образования форм слов» и языки – представители фузионной тенденции – синтетичны в основном устремлении своего «чертежа», тогда как агглютинирующие – аналитичны". [Реформатский 1987, 73].

Сравнивая понимание терминов *аналитизм* и *синтетизм* в различных лингвистических трудах, можно увидеть, что в них вкладывается различное содержание. Следовательно, полезно выделить трактовки аналитизма и синтетизма в отношении синтаксиса, морфологии и грамматики в целом:

Таблица 11.2. Аналитизм/синтетизм и уровни грамматики

Уровень	Синтетизм	Аналитизм
Синтаксис	Инкорпорирующие языки всё соединяют в одно слово (называются полисинтетическими)	Изолирующие языки всё отделяют, грамматические значения выражают отдельными словами
Морфология	Флективные языки соединяют флексии с основами, сплачивают морфемы в одно слово	Агглютинативные языки разграничивают морфемы в слове, отделяют их друг от друга
Грамматика в целом	Флективно-синтетические языки соединяют несколько грамматических значений в одной морфеме, выделяют в предложении оформленное слово	Все остальные языки не соединяют значения разных категорий в одной морфеме, смешивают слово с морфемой, словосочетанием или предложением или механически склеивают слово

Основным грамматическим способом словоизменения в языках рассматриваемого типа является флексия. С помощью флексий образуются падежно-числовые формы имен в славянских языках, формы числа в германских и романских языках, формы лица и числа глаголов во многих индоевропейских языках. В латинском, русском и других языках флексия может выполнять и словообразовательную функцию. Слова *дело*, *желтый*, лат. *incola*, *solus* (житель, единственный) ни в одной из форм не могут быть словом без флексии. В слове *желтый* флексия **-ый** является единственным показателем принадлежности этого слова к классу прилагательных.

Во флективных языках широко используется аффиксация различных видов.

Префиксы – *выехать*, лат. *abesse* (отсутствовать), нем. *überblicken* (обозревать), англ. *underline* (подчеркивать), исп. *inseparable* (неотделимый) – используются в словообразовании для выражения различных значений, чаще всего пространственных и значения отрицания.

Суффиксация – *сотрудник*, лат. *juvenalis* (юношеский), нем. *das Wirrsal* (путаница), англ. *comfortable* (удобный), исп. *observacion* (наблюдение) – используется для выражения различных деривационных значений и образования частей речи.

Некоторые суффиксы образуют основы для подпарадигм в словоизменении. Например, суффикс *-л* образует основы прошедшего времени в русском языке: *пел, жил, играл*; суффиксы *-ba-*, *-ia* образуют основы имперфекта изъявительного наклонения в испанском языке: *trabajaba, comia* (работал, ел), суффикс *-b-* образует основу 1 будущего времени для глаголов I и II спряжения в латыни: *educabo, elugebo* (буду воспитывать, буду скорбеть).

Суффиксация является самым продуктивным способом во флективных языках.

В некоторых языках в отдельных случаях используются **конфиксы**, окружающие корень с двух сторон. В немецком конфиксы образуют причастные формы: **gelobt, gefunden** (хваленый, найденный).

Во флективных языках, особенно в германских и кельтских, часто используется **внутренняя флексия** – грамматически значимое чередование фонем в корне слова, например, в английском *stand – stood* (глагол *стоять*: основа инфинитива – причастие 2) или в немецком *tun – tat – getan* (глагол *делать*: основа инфинитива – основа претерита – основа причастия II).

Действие фузионной тенденции создает во флективных языках не только вариативные формы, но и видоизменяет состав парадигм, когда одни формы уходят из употребления, а другие образуют новую парадигму. Это явление называется **супплетивизм** и представляет собой грамматический способ. Так, в русском языке некоторые лексемы имеют разные основы для разных частей парадигмы, например: *человек – люди, ребёнок – дети, хорошо – лучше, плохо – хуже, иду – шёл, мы – нам*.

Одним из способов является **сложение**: *великолепие, чаепитие*; англ. *bookbinder, bookseller* (переплетчик, книготорговец); нем. *Kriegsbedarf, Kriegsbeil* (военные нужды, военные запасы); лат. *tabefacio, triennium* (растоплять, трехлетие); исп. *patituerto, cortacorriente* (кривоногий, выключатель).

Особенность флективного сложения – тесная связь соединяемых основ. В формальном плане эта связь выражается интерфиксами и некоторыми фузионными процессами, такими как видоизменение основ, общая аффиксация, общая флексия.

Повтор используется не как грамматический способ, а как экспрессивное средство усиления лексического значения: *чуть-чуть, еле-еле, белый-пребелый, самый-самый*.

Использование **служебных слов** характерно для всех флективных языков, но если в синтетических языках эти слова организуют синтаксическую структуру предложения, то в аналитических языках служебные слова необходимы для выражения нереляционных словоизменительных категорий.

Роль **порядка слов** зависит от синтетизма – аналитизма языка. В аналитических языках порядок слов выражает, в первую очередь, грамматические значения, в синтетических языках он выражает коммуникативные значения, связанные с актуальным членением предложения.

Языки флективного типа делятся на две подгруппы:

синтетические языки;

аналитические языки.

В **синтетических** языках грамматические значения выражаются внутри слова, в **аналитических** – с помощью служебных слов (артиклей, вспомогательных глаголов, предлогов) и порядка слов в предложении.

Синтетический строй имеют древние языки: древнегреческий, санскрит, латынь, старославянский.

К синтетическим языкам относятся балтийские, славянские, ирландский и албанский языки. В этих языках есть также аналитические черты.

Значительно больше аналитических явлений в северогерманских (скандинавских), болгарском, македонском и армянском языках, а наиболее высокой степенью аналитизма характеризуются английский и романские языки.

Так, в английском значительно меньше реляционных форм, чем в синтетических языках. Большинство личных форм глагола образуются не флексией, а служебным словом. Основа английского слова почти всегда самостоятельна, слова легко переходят из одной части речи в другую, широко используется сложение корней и слов. Аналитически выражаются не только грамматические, но и лексические значения, ярким примером чего является образование глагольных лексем сочетанием основы с послелогам. Порядок слов в предложении всегда грамматически значим. Все эти черты указывают на аналитический строй современного английского языка.

Флективные языки синтетического подтипа характеризуются также наличием большего числа общих категорий у разных частей речи. Например, в русском языке падежные формы имеет не только существительное, но и прилагательное, числительное, местоимение, причастие. Формы рода, кроме имён, имеют причастия и глаголы единственного числа прошедшего времени. Степень сравнения есть не только у прилагательного, но также у наречия и некоторых слов категории состояния.

Во флективно-аналитических языках грамматические категории более тесно связаны с определённой частью речи. Так, в английском языке существительное имеет число, определённость и посессивность, прилагательное – только степень сравнения, глагол не всегда имеет формы числа (I think – We think, I had – We had), причастные формы не содержат аффикса, выражающего число.

Синтаксические связи в синтагмах различного типа, характерные для флективных языков различного строя, показаны в следующей таблице.

Таблица 11.3. Синтаксические связи в синтагмах флективных языков

Тип синтагмы	Характер синтаксической связи		
	Русский язык	Испанский язык	Английский язык
Предикативная	Согласование в лице и числе, согласование в роде, примыкание	Согласование в лице и числе	Согласование в лице и числе
Атрибутивная	Согласование в роде, числе и падеже	Согласование в роде и числе	Примыкание
Обстоятельственная	Управление, примыкание	Управление, примыкание	Управление, примыкание
Объектная	Управление	Управление	Управление

Вопросы для самопроверки

1. Что такое фузия?
2. Для каких морфологических типов языков характерна фузия?
3. В чём различие трактовки фузии у А.А. Реформатского и Э. Сепира?
4. Как проявляется фузия в русском языке?
5. Как проявляется фузия в семантике слова?
6. Какие чередования типичны для русского языка?
7. Приведите примеры агглютинативного соединения морфем в русском языке.
8. Какие грамматические способы относятся к синтетическим?
9. Как проявляется синтетизм на уровне морфологии?
10. Как проявляется синтетизм на уровне синтаксиса?
11. Какие флективные языки относятся к синтетическому подтипу?
12. Какие флективные языки относятся к аналитическому подтипу?

Задания для самостоятельной работы

1. Сопоставьте фузионные явления в русском и родном языках.
2. Охарактеризуйте синтетические и аналитические черты русского и родного языков.

Темы рефератов

1. Фузия и морфологические типы языков.
2. Аналитичны или синтетичны агглютинативные языки?
3. Фузия в концепциях Э. Сепира и А.А. Реформатского.
4. Проблема аналитизма и синтетизма в трудах Е.Д. Поливанова
5. Критерии определения степени синтетичности/аналитичности языка.

Список хрестоматийных материалов

Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова.
Реформатский А.А. Принципы синхронного описания языка.

Литература

Бабайцева В.В. Синкретизм // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
Булыгина Т.В., Крылов С.А. Фузия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
Гак В.Г. Аналитизм // Бабайцева В.В. Синкретизм // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
Гак В.Г. Синтетизм // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
Репина Т.А. Аналитизм романского имени. Л., 1974.
Репина Т.А. Сравнительная типология романских языков. СПб., 1996.
Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Лингвистика и поэтика. М., 1987.

Интернет-ресурсы

www.philology.ru
www.cultinfo.ru
www.philol.msu.ru
www.portalus.ru
<http://lingantrop.iphil.ru>

Хрестоматийный материал к теме 11

1. Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова.
2. Реформатский А.А. Принципы синхронного описания языка.

Глава 12 Аналитические явления в современном русском языке

Успешное	Знания, умения и навыки главы 12: Уровни усвоения знаний
----------	--

изучение темы позволит:	1. Иметь представление	-о флективном типе языков -об аналитических чертах русского языка
	2. Понимать/ Знать	-характеристики аналитических форм флективного языка -признаки аналитизма в русском языке -черты сходства русского языка с аналитическими языками
	3. Уметь	-находить аналитические формы -составлять модели аналитических форм
	4. Владеть (навыками)	-навыками сравнения аналитических и синтетических явлений в русском языке -навыками установления соотношения между синтетизмом и аналитизмом русского языка -навыками определения аналитических черт русского языка -ключевыми понятиями типологии аналитических языков

Грамматический строй русского языка, как отмечал ещё [В.В. Виноградов](#), переживает «переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому». В современных исследованиях по морфологии русского языка происходящие изменения также рассматриваются в связи с тенденцией русского языка к аналитизму. Ярким проявлением аналитизма на морфологическом уровне является увеличение числа аналитических единиц.

Рассматривая черты аналитизма в русском языке, необходимо выделить три группы явлений:

- 1) традиционные для языковой системы и нормы [аналитические формы](#) и конструкции;
- 2) новые аналитические явления, соответствующие потребностям речи и развивающие систему языка;
- 3) характерные для неграмотной массовой речи аналитические формы, несоответствующие системе языка и с точки зрения нормы представляющие собой речевые ошибки.

Говоря о первой группе явлений, нельзя не вспомнить об аналитических формах степеней сравнения прилагательных и наречия в русском языке (*Надо найти более рациональное решение*).

Типичной формой русского языка является аналитическое будущее время:

буду красить – морфологического значение будущего времени, 1-ого лица, единственного числа выражено специальной формой от глагола «быть».

Примером явлений второго типа можно назвать более широкое употребление аналитической формы степени сравнения в предикативной функции: *Моя собака более сильная. Он сделал более качественный перевод*.

В словообразовании рост аналитизма проявляется в расширении возможностей комбинирования словообразовательных элементов: соединение русских основ с иноязычными аффиксами (*зарплатизация доходов, супербогач, псевдоденьги*), иноязычных основ с русскими аффиксами (*компьютерщик, офисность, отксерить*), аббревиатур с аффиксами (*эсэнговский, омовский, рудэновцы*) а также более свободное образование сложных слов (*клиполюб, клиповед, клипорежиссёр; теледискуссия, телемания, телеискусство, телеобраз, телекоманда; фотосессия, фотофестиваль, фотоулика; рок-ветераны, рок-тусовка, рок-звезда*).

Рост аналитизма в лексике выражается, в частности, в усилении значения качественности при помощи наречий. Такое явление было известно языку и ранее (*подлинно большевистское решение, вполне государственное отношение к делу, глубоко пролетарские театры*), но в последнее десятилетие круг этих слов заметно расширился: *слишком пенсионный возраст, самые советские времена, густо провинциальная девица* [Валгина 2003, 150].

Движение к аналитизму в отмечалось уже в 60-е годы XX в., например, в коллективной монографии «Русский язык и советское общество» под редакцией [М.В. Панова](#). Аналитические формы передают грамматическое значение вне пределов данного слова, т.е. функция и значение этих форм выявляются в контексте, при соотношении с другими словами. Именно поэтому морфологический аналитизм

переплетается с синтаксическим и становится общей чертой грамматики. Это обнаруживается, например, в формах согласования по смыслу (согласование – категория синтаксическая), когда род прилагательного или глагола определяется не формой, а значением существительного (точнее его денотативной референцией): *хорошая врач, врач пришла к больному*.

Процесс нарастания аналитических черт русского языка обнаруживается:

- 1) в сокращении числа употребляемых падежных форм;
- 2) в росте класса несклоняемых имён (существительных, прилагательных, числительных);
- 3) в росте класса существительных общего рода;
- 4) в изменении способа обозначения собирательности (развитие значения собирательности у форм единственного числа).

Так, например, существовавшая ранее особая форма местного падежа в русском языке употребляется всё реже: вместо *кубометр лесу, бутылка квасу* обычно говорят *кубометр леса, бутылка кваса*.

Одним из проявлений тенденции современного русского языка к аналитизму является ошибочное употребление падежных форм существительного, в том числе:

- замена падежного управления существительных предложным (*стратегия об уничтожении* вместо *стратегия уничтожения, анализировать об этом* вместо *анализировать это*);
- замена косвенного падежа существительных конструкций с *как* (*мы привыкли к войне как нечто само собой разумеющееся*);
- неправильный выбор падежа (*Один из первых прибыл директор*).

В устной и письменной речи (как публичной, так и разговорной) всё чаще встречаются конструкции с предлогами вместо падежных конструкций: *опыт в работе / опыт работы, курс на реформы / курс реформ, анализ на влажность / анализ влажности, план во выпуску / план выпуска, неудача со спектаклем / неудача спектакля, факты об утрате / факты утраты, превосходить в знаниях / превосходить знаниями, известный по своим открытиям / известный своими открытиями, обсуждение по кандидатуре / обсуждение кандидатуры*.

Подобные словосочетания ведут к утрате предлогами точного значения, к речевой избыточности и одновременно невнятности, что отчётливо заметно в следующих примерах: *Телеграммы в категории срочная принимаются вне очереди. Мы ни в коем случае не преследуем цели для ограничения наших гостей. Каждая партия предлагает свои рецепты на возрождение России. Нужно определить, для кого адресованы наши издания. Бронированные двери, облицованные из ценных пород. Выборы могут обернуться для российских налогоплательщиков в сотни миллионов рублей*.

Особенно широко распространился предлог **по**, ставший универсальным средством соединения слов в словосочетаниях: *концентрация по угарному газу; задолженности по зарплате; шаги по недопущению; заявление по боснийским сербам; советовался по этой тактике; расхождения по правам человека*.

Не менее широко и бессмысленно употребляется предлог **о**: *Было подчёркнуто о необходимости... Я хотела об этом описывать отдельно... Я имел в виду об их политической судьбе... Там понимают о том, что кризис неотвратим*.

Неправильный выбор падежа наблюдается в следующих примерах:

- именительный падеж употреблён вместо косвенного: *Нужно иметь в виду и предвыборная кампания. Мы рассматриваем это не просто как та или иная возможность*.
- родительный падеж употреблён вместо предложного: *Это спекуляция на нынешних трудностей. Это роман о провинциальных нравов. Об этих художников почти ничего не знали. Они хранились в тайных сейфов. Вопрос о налогах отодвигается на задний план*.

Неверный выбор морфологических форм падежа ведёт к нарушению синтаксической структуры предложений, например: *Достигнута договорённость о ряде мер, возможно, открывающими* (вместо *открывающих*) *путь к миру. Напомним хронологию событий, чуть не приведшими* (вместо *не приведших*) *к кавказскому кризису.*

Несклоняемыми становятся в речи некоторые географические названия, особенно названия городов и районов, относящиеся к среднему роду: *Пушкино, Люблино, Марьино, Бутово.*

В круг слов общего рода входят многие наименования профессий и должностей: *юрист, экономист, врач, бухгалтер, инженер, доцент, профессор, декан, ректор.* Это явление вызвано потребностями речи и не нарушает норм литературного языка. В отличие от ошибочного употребления падежей морфологический аналитизм такого типа ведёт к совершенствованию системы языка.

Развитие значения собирательности в формах единственного числа мы видим в таких примерах как *Читатель ждёт новых книг; Произошла встреча со зрителем; Специалист всегда в чести.* Такое расширение грамматического значения также отражает потребности речи и развивает языковую систему.

Синтаксис современного русского языка находится в зависимости от развития средств массовой информации и формы устных контактов. Для сегодняшнего этапа в развитии русского языка типичны такие синтаксические черты:

- 1) ослабление формальных синтаксических связей;
- 2) рост роли порядка слов и акцентных выделений;
- 3) сокращение длины высказываний;
- 4) активное употребление расчленённых структур (парцелляция предложений употребление бессоюзных предложений, рост употребительности вставных конструкций);
- 5) активизация примыкания и соположения;
- 6) рост экспрессивности в самом построении предложений;
- 7) приближение синтаксиса письменной речи к синтаксису устной речи.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое аналитизм?
2. Какой морфологический тип языков демонстрирует последовательный аналитизм на все уровни?
3. Для каких языковых морфологических типов характерен аналитизм?
4. Каковы причины развития аналитизма?
5. Как совмещаются в языке синтетические и аналитические черты?
6. Какие аналитические формы традиционны для русского языка?
7. Какие новые аналитические формы возникают в русском языке в связи с потребностями речи?
8. Какие аналитические явления распространились в русской речи в результате массовых ошибок?
9. Как проявляется аналитизм в русском словообразовании?
10. Как проявляется аналитизм в лексике?
11. Какие явления характерны для современного русского синтаксиса?
12. Можно ли считать аналитизм ведущей тенденцией в русском языке?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте подборку примеров роста аналитизма в современной русской публицистической и разговорной речи.
2. Составьте схему аналитических и синтетических признаков грамматических форм русского языка.

Темы рефератов

1. Соотношение аналитизма и синтетизма в современном русском языке.
2. Вопрос о роли аналитизма в развитии языка.
3. Аналитизм в отношении к системе и норме языка.
4. Причины активизации аналитической тенденции в современной русской речи.
5. Аналитизм и внутренняя форма языка.

Список хрестоматийных материалов

Воронина Л.В. Отношение семантического включения в свете аналитических тенденций.
Крысин Л.П. О русском языке наших дней.

Литература

Астен Т. Б. Аналитизм в морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты. Ростов-на-Дону, 2003
Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.
Кимпо Г. Аналитизм и его особенности в русском языке (системно-типологический аспект. Канд. дисс. М., 1986.
Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.
Широкова А.В. Развитие аналитизма во флективных языках // Вестник РУДН Сер. Филология. Журналистика. – 1994 – № 1.

Интернет-ресурсы

www.portalus.ru
<http://lingantrop.iphil.ru>
www.cultinfo.ru
www.yazyk.wallst.ru
www.garshin.ru

Хрестоматийный материал к теме 12

1. Воронина Л.В. Отношение семантического включения в свете аналитических тенденций.
2. Крысин Л.П. О русском языке наших дней.

Глава 13 Грамматические категории глагола в русском языке

§1. Типология категорий

§2. Категории глагола

§3. Неличные формы глагола

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 13: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о грамматических категориях глагола в русском языке о флективных чертах русского глагола
	2. Понимать/ Знать	характеристики глаголов русского языка признаки флективности русского языка особенности причастий, деепричастий, инфинитива

		способы словоизменения и словообразования глагола
	3. Уметь	определять грамматические значения глагольных форм составлять модели парадигм глагола
	4. Владеть (навыками)	навыками классификации грамматических категорий навыками морфологического анализа форм и категорий навыками определения флективных черт русского глагола ключевыми понятиями морфологии глагола

§1. Типология категорий

Типология грамматических категорий может опираться на типологию грамматических значений или морфологических форм слова, а также на типологию отношений между грамматической формой и значением.

Наиболее универсальной представляется типология категорий, построенная на базе типологии грамматических значений. Полная и систематическая классификация грамматических значений дана в [И.А. Мельчуком](#) в «Курсе общей морфологии» [Мельчук 1998].

И.А. Мельчук делит [грамматические значения](#) на словоизменительные и словообразовательные, семантические и синтаксические. В результате получается 4 основных класса грамматических значений:

семантические словоизменительные значения;

синтаксические словоизменительные значения;

семантические словообразовательные значения;

синтаксические словообразовательные значения.

Словоизменительные значения оказываются грамматически регулярными и обязательными для всех слов данной части речи в данном языке, словообразовательные – лексически индивидуальными, охватывающими заранее неизвестное множество слов.

Семантические значения характеризуют отражаемую высказыванием ситуацию, синтаксические – отношения между единицами в структуре высказывания.

Семантические словоизменительные категории делятся на:

пространственно-временные;

количественные;

качественные.

§2. Категории глагола

В русском языке глагол имеет категории абсолютного [времени](#) и [вида](#), [наклонения](#), [залога](#), лица и [числа](#).

Категория абсолютного времени обозначает временную локализацию данного факта по отношению к акту речи ('до' – 'во время' – 'после') формами прошедшего, настоящего и будущего времени.

Относительное время обозначает временную локализацию описываемого факта по отношению к другому факту: одновременность, предшествование и следование. В системе времён оно может выражаться формами перфекта (например, в английском, немецком, испанском, французском).

В русском языке значение относительного времени может выражаться формами [причастий](#) и [деепричастий](#):

Сидевшие в дворе пенсионеры обсуждали эту новость.

Поработавшие в поле, они устало сидели в столовой.

Получив задание, он сразу приступил к его выполнению.

Изучая язык, мы будем выполнять грамматические упражнения.

Вид является весьма специфической языковой категорией как по форме, так и по значению. Большинство глаголов входит в состав видовых пар: *читать – прочитать, укрывать – укрыть, толкать – толкнуть, решать – решить, говорить – сказать, собирать – собрать*. Приведенные примеры демонстрируют разнообразие способов морфологического выражения вида: суффиксация, префиксация, внутренняя флексия, супплетивизм. Некоторые глаголы являются двувидовыми – могут выражать одной формой два видовых значения, например: *ранить, стартовать, использовать, воздействовать, исследовать*. Значения, выражаемые видовыми формами очень разнообразны. Среди этих значений отмечают, например, следующие: результативность (*строить – построить, раскрывать – раскрыть*), количество описываемых фактов (*ходить – хаживать, колоть – колыть*) фазовость (*гореть – загореться – догорать*), чрезмерность (*изголодаться, убежаться*), одноактность (*крикнуть, уколоть*).

Поскольку видовые пары не образуют однородных семантических и формальных оппозиций, вид нельзя считать словоизменительной категорией русского глагола, несмотря на участие почти всех глаголов в образовании видовых пар. Во многих видовых парах лексическое значение их членов совпадает: *носить – нести, давать – дать, согревать – согреть*, а во многих других парах различается: *писать – вписать, жить – нажить, пить – пропить*. Поскольку семантика видовых отношений в какой-либо конкретной паре непредсказуема, правильнее считать, что вид является словообразовательной категорией, в состав которой входит целый ряд различных семантических и формальных разрядов. Члены видовых пар представляют собой не разные формы слова, а разные лексемы.

У глаголов несовершенного вида различаются три времени: *читал – читаю – буду читать*; у глаголов совершенного вида – два: *прочитал – прочитаю*.

Категория наклонения в русском языке представлена флективными формами изъявительного наклонения, агглютинативными формами повелительного наклонения: чистой основой (*знай, читай, укрепляй*), стандартным суффиксом **-и** (*живи, сиди, крути*), а также флективно-аналитическими формами сослагательного наклонения (*начал бы, начала бы, начало бы, начали бы*), в которых выражены число и род в единственном числе. Число в повелительном наклонении выражается стандартным суффиксом **-те** (*знайте, живите*).

Категория наклонения обозначает прагматическую цель говорящего в данном высказывании.

Категория залога в русском языке описывалась в грамматиках по-разному. С точки зрения грамматической формы можно выделить два залога:

Таблица 13.1. Возвратность в русском языке

Невозвратный	Возвратный
строить	строиться
ломать	ломаться

Так рассматривал эту категорию Ф.Ф. Фортунатов. Слова *ехать, играть, бояться, гордиться* Фортунатов признавал лишеными форм залога, т.к. у них нет оппозиции форм.

Кроме того, некоторые глаголы имеют лишь форму на **-ся**, но не значение возвратности, например: *краснеть – краснеться, стучать – стучаться* (лексические различия), *снится, спится* (значение безличности).

Эти случаи возможны у непереходных глаголов, к которым категория залога неприменима по семантическим основаниям (у этих глаголов не может быть объекта действия).

У переходных глаголов возвратная залоговая форма может иметь пять значений:

- 1) собственно возвратное: *умываться, одеваться*;
- 2) взаимное: *обниматься, целоваться*;
- 3) значение изменения в состоянии субъекта: *сердиться, радоваться*;
- 4) значение действия в отвлечении от объекта: *кусаться, проситься*;
- 5) страдательное: *строиться, использоваться*.

Залог относится к числу словоизменительных семантических категорий, выражающих качественные характеристики.

Залог тесно связан с понятием **диатезы**. Диатезой называется соответствие между семантическими и синтаксическими актантами лексемы. Залог указывает на изменение базовой диатезы данной лексемы без какого бы то ни было изменения её пропозиционального смысла.

Залог не сводится к чисто синтаксическому преобразованию – он выражает коммуникативную структуру высказывания. Активная и соответствующая ей пассивная конструкции не являются полностью синонимичными: они выражают различные ракурсы описания ситуации.

Глагольные категории лица и числа являются синтаксическими словоизменительными категориями, маркирующими роль синтаксического хозяина (которым является глагол по отношению к его актантам).

Формы числа русский глагол имеет во всех временах, наклонениях и залогах:

Таблица 13.2. Число глагола в русском языке

пишу	писал бы	пиши	пишется	писал	буду писать
пишем	писали бы	пишите	пишутся	писали	будем писать

Формы лица различаются в единственном и множественном числе настоящего и будущего времени невозвратного и возвратного залогов изъявительного наклонения:

Таблица 13.3. Лицо глагола в русском языке

пишу	пишешь	пишет
пишем	пишите	пишут

умываюсь	умываешься	умывается
умываемся	умываетесь	умываются

буду писать, умываться	будешь писать, умываться	будет писать, умываться
будем писать, умываться	будете писать, умываться	будут писать, умываться

Таблица 13.4. Род глагола в русском языке

сидел	сидел бы	умывался	умывался бы
-------	----------	----------	-------------

сидел а	сидела бы	умывалась	умывала сь бы
сидело о	сидело бы	умывало сь	умывало сь бы

§3. Неличные формы глагола

К неличным формам глагола в русском языке относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

Форма инфинитива может относиться к одному из видов и залогов: *писать, записать, писаться, записаться*. Инфинитив может быть частью аналитической формы будущего времени у глаголов несовершенного вида, выполнять синтаксические функции сказуемого, части составного сказуемого, подлежащего.

Причастие в русском языке обладает глагольными формами вида, времени (настоящего и прошедшего), залога (действительного и страдательного), но не имеет форм лица и наклонения. Глагольные категории выражаются в причастии при помощи суффиксов основы. Причастие также обладает именными категориями падежа, числа и рода, которые выражаются синтетически – при помощи флексии.

Иногда причастие рассматривают как особую часть речи. Это может быть удобно для деления учебного материала на разделы, но не вполне точно отражает природу и типологический статус причастия. Сопоставление языков показывает, что причастные формы составляют часть системы глагола.

Парадигма причастия несовершенного вида такова:

Таблица 13.5. Причастие несовершенного вида в русском языке

Время и залог		Основа		Флексия			
Наст. Действит.	И	чита	ющ	ий	ее	ая	ие
	Р			его	его	ей	их
	Д			ему	ему	ей	им
	В			его	его	ую	их
	Т			им	им	ей	ими
	П			ем	ем	ей	их
Пр. Действит.	и		вш	ий	ее	ая	ие
	р			его	его	ей	их
	д			ему	ему	ей	им
	в			его	его	ую	их
	т			им	им	ей	ими
	п			ем	ем	ей	их

Время и залог		Основа		Флексия			
Наст. Страдат.	И	чита	ем	ый	ое	ая	ые
	Р			ого	ого	ой	ых
	Д			ому	ому	ой	ым
	В			ый	ое	ую	ые
	Т			ым	ым	ой	ыми
	П			ом	ом	ой	ых
Пр. Страдат.	и		нн	ый	ое	ая	ые
	р			ого	ого	ой	ых
	д			ому	ому	ой	ым
	в			ый	ое	ую	ые
	т			ым	ым	ой	ими
	п			ом	ом	ой	ых

Причастие действительного и страдательного залога настоящего и прошедшего времени имеет 96 флективных форм.

Причастие может иметь возвратную форму настоящего и прошедшего времени: *читающийся, читавшийся*. С учетом форм склонения парадигма возвратной формы причастия включает 48 флективных форм.

Кроме того, существует краткое причастие страдательного залога настоящего и прошедшего времени, имеющее формы рода и числа:

Таблица 13.6. Краткое страдательное причастие в русском языке

Время	Ед. ч.			Мн. ч.
настоящее	читаем	читаемо	читаема	читаемы
прошедшее	читан	читано	читана	читаны

Глаголы совершенного вида могут иметь все те же формы в прошедшем времени: *исписавший, исписанный, исписавшийся, исписан*. Однако возвратная форма есть не у каждого глагола, например, невозможно **прочитавшийся*. Таким образом, максимально причастие несовершенного вида может иметь 152 формы, совершенного вида – 76 форм.

К неличным глагольным формам в русском языке относятся также деепричастия. Деепричастие – форма, обозначающая второстепенное действие и употребляемая в предложении в качестве зависимого элемента адverbиального типа. Деепричастия существуют в языках любого типа. По происхождению русские деепричастия связаны с краткими причастиями, утратившими категории рода, числа и падежа и превратившимися в неизменяемые формы. Деепричастие имеет суффиксальные формы вида и залога (возвратного / невозвратного):

Таблица 13.7. Деепричастие в русском языке

	Невозвратная форма	Возвратная форма
Несовершенный вид	умывая	умываясь
Совершенный вид	умыв	умывшись

У некоторых деепричастий возможны только формы вида: *читая – прочитав*.

Особенность русского деепричастия состоит в том, что субъект обозначаемого им действия совпадает с субъектом глагольного действия, выраженного личной формой или инфинитивом.

Функционально близки деепричастия герундий в романских языках, падежные формы инфинитива и имени действия в финно-угорских и других языках.

Вопросы для самопроверки

1. На каких основаниях может быть построена типология грамматических категорий? 2. Какие типы грамматических значений выделяет И.А. Мельчук?
3. Как выражается в русском языке абсолютное и относительное время?
4. В чём специфика категории глагольного вида?
5. Почему время и наклонение являются самыми распространёнными категориями глагола в языках мира?
6. Какое значение выражают формы действительного и страдательного залога?
7. Какое значение выражают формы возвратности?
8. В каких формах русского глагола выражается род?
9. Какие грамматические значения выражены в форме инфинитива?
10. Какими грамматическими категориями обладают причастия?

11. Что такое деепричастие?
12. Какие формы имеет деепричастие?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте общую схему грамматических категорий русского глагола.
2. Охарактеризуйте категорию времени в универсальном и типологическом аспектах.

Темы рефератов

1. Вопрос о глаголе в концепции А.А. Потебни.
2. Глагол в трудах учёных Московской фортунатовской школы.
3. Учение о глаголе И.И. Мещанинова.
4. Типология глагольных категорий в «Курсе общей морфологии» И.А. Мельчука.
5. Универсальные и специфические категории глагола.

Список хрестоматийных материалов

Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий.
Якобсон Р. О структуре русского глагола.

Литература

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
Булыгина Т.В., Крылов С.А. Морфология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II. М. – Вена, 1998.
Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М. 1997. Гл. 7, 8.
Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. СПб., 2003. Раздел «Глагол».
Черемисина М.И. Деепричастие как класс форм глагола в языках разных систем. М., 1977.

Интернет-ресурсы

www.philology.ru
www.dialog-21.ru
www.philol.msu.ru
www.portalus.ru
www.i-u.ru/biblio/search.aspx

Хрестоматийный материал к теме 14

1. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий.
2. Якобсон Р. О структуре русского глагола.

Глава 14 Грамматические категории имён существительных и прилагательных

§1. Существительное

§2. Прилагательное

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 14: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о грамматических категориях имён в русском языке о флективных чертах русского существительного и прилагательного
	2. Понимать/ Знать	характеристики существительных и прилагательных русского языка признаки флективности русского языка особенности кратких форм прилагательных способы словоизменения и словообразования существительных и прилагательных
	3. Уметь	определять грамматические значения именных форм составлять модели парадигм имён существительных и прилагательных
	4. Владеть (навыками)	навыками классификации грамматических категорий навыками морфологического анализа форм и категорий навыками определения флективных черт имён существительных и прилагательных ключевыми понятиями морфологии имени

§1. Существительное

В русском языке имя существительное обладает грамматическими категориями [падежа](#), [числа](#), [рода](#), [одушевленности](#).

По классификации И.А. Мельчука, управляемый падеж существительного является синтаксической словоизменительной категорией, выражающей роль синтаксически зависимого элемента [Мельчук 1998, 324-325].

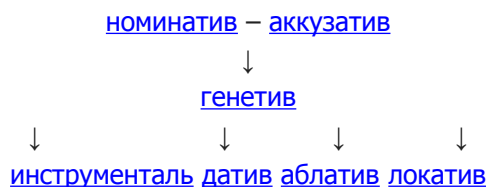
Синтаксические падежи выражают только синтаксические роли существительного, семантические падежи выражают кроме ролей некоторый иной смысл.

Морфологическая категория падежа опирается на синтаксические понятия [актанта](#), пассивной поверхностно-синтаксической роли и пассивной поверхностно-синтаксической валентности.

Ф.Ф. Фортунатов, характеризуя падежную систему общеиндоевропейского языка, выделяет у винительного падежа грамматическое значение (предмет мысли в его отношении к глаголу) и неграмматическое значение (пункт, который достигается

движением), у родительного падежа – грамматическое значение (предмет мысли в его отношении к существительному) и неграмматическое (отношение части и целого), а у других падежей только неграмматические значения [Фортуноватов 1957, 317-318].

Такая же идея положена [Е. Куриловичем](#) в основу деления падежей на грамматические (номинатив, аккузатив, генетив) и конкретные [Курилович 1962, 198]. Е. Курилович устанавливает также иерархию падежей [там же, 199]:

Р.О. Якобсон классифицирует падежи как 1) падежи отношения (винительный и дательный), 2) падежи объёма (родительные и местные), 3) периферийные падежи (творительный, дательный и местные) и падежи оформления (родительный II, например, форма *чаю*, и местный II, например, *на пруду*) [Якобсон 1985, 168].

В классификации падежей [С.Д. Кацнельсон](#) противопоставляет падежи с позиционными (субъектно-объектными) функциями, которые отличаются своим формально-синтаксическим характером, и падежи с обстоятельственными функциями, семантически более прозрачными [Кацнельсон 1972, 44], справедливо указывая, что «где отсутствуют позиционные падежи, там, на наш взгляд, нет оснований говорить о падежной системе» [там же, 46].

Ценным является тезис С.Д. Кацнельсона о том, что «падежи, выражающие позиционные функции, профилируют падежную систему и придают парадигме падежей определённую «значимостную структуру», внутреннюю упорядоченность» [там же, 46].

Универсальную классификацию падежей, основанную на коммуникативных функциях слов в сообщении, предложил Г.П. Мельников [Мельников 1980, 44].

Схема Г.П. Мельникова позволяет сопоставить падежные системы различных языков с учетом различий в семантике падежных форм, что особенно важно в тех случаях, когда за одинаковыми названиями падежей скрывается различие в функциях падежных форм и в значимости этих форм в падежной системе в целом. Это различие Г.П. Мельников показывает на примере арабского и русского языков, которое схематично можно представить так:

Таблица 14.2. Различие падежных функций в арабском и русском языках

арабский	именительный (функция 4)	родительный (функция 5)	винительный (функция 9)
русский	именительный (функция 4)	родительный (функция 7)	винительный (функция 10)

Сопоставление показывает, что в арабском языке родительный и винительный падежи выполняют функции более высокого ранга, т.е. менее специализированные функции.

Категория падежа в русском языке образуется противопоставлением форм именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и предложного падежей. Категория падежа является в русском языке словоизменительной, т.к. имеет

регулярные формы для всех русских слов и многих заимствований, кроме тех, что относятся к классу несклоняемых существительных.

Категория числа существительного является словоизменительной семантической категорией, обозначающей количество именуемых объектов.

Категория числа представлена формами единственного и множественного числа, которые образуются у всех существительных, кроме тех, что относятся к грамматическому классу несклоняемых и семантико-грамматическим классам *pluralia tantum* и *singularia tantum*. Поэтому число является морфологической словоизменительной категорией, несмотря на различие в лексических значениях форм единственного и множественного числа имен существительных некоторых семантических групп.

Категория рода является у существительных классифицирующей грамматической категорией, т.е. существительное принадлежит к одному из родов само по себе, вне зависимости от синтаксических отношений с другими словами. Так, например, слово *гвоздь* относится к мужскому роду во всех своих формах и во всех сочетаниях с другими словами. В истории языка возможно изменение значения рода существительного, в случае если это имя существительное является заимствованным. Иногда это изменение родового значения не связано с изменением формы слова, а проявляется синтаксически. Например, слово *рояль*, ранее принадлежавшее к классу женского рода, позднее перешло в класс мужского рода. В других случаях изменение значения рода сопровождается изменением формы слова: *зала* – *зал*.

Типологически род является частным случаем именной категории класса.

Регулярно род существительных выражен только:

- 1) в формах согласования прилагательных и причастий (*большой дом, большое здание, большая изба*),
- 2) в формах согласования глагола прошедшего времени (*поезд пришел, река текла, время шло*),
- 3) в замене разными местоимениями (*завод – он, фабрика – она, предприятие – оно*).

В формах самого существительного его род может быть выражен лишь частично. Флексии первого склонения обозначают, что это слово не может быть среднего рода, флексии второго склонения – что это слово не женского рода, флексии третьего склонения – что это слово женского рода (кроме слова *путь*).

В некоторых случаях форма рода существительного предопределяется аффиксом. Так, например, суффиксы *-ач-, -арь-, -ун-, -ик-, -ец-, -щик-, -тель-, -ај-, -ник-, -ень-, -уј-* предугадывают на мужской род, если в слове не будет иных суффиксов. Суффиксы *-ц-, -ств-, ениј-* – на средний род. Суффиксы *-от-, -ост-, -тв-* предугадывают на женский род, суффикс *-л-* – на общий. Однако суффикс *-иц-* может указывать и на женский (*рожица, лужица*), и на средний род (*платице*), суффикс *-ин-* на мужской и на женский (*горожанин, середина*), суффикс *-ишк-* на мужской и на общий (*домишко, хвастунишка*), суффикс *-ј-* на женский и на средний (*лгунья, приморье*).

В русском языке формы рода имеют синтетические и аналитические признаки. К синтетическим признакам относятся:

- 1) род выражается многозначной морфемой – флексией, которая обозначает также число и падеж;
- 2) род не имеет стандартного выражения: одна и та же морфема может обозначать разный род (например, *-а* в словах *женщина, мужчина*), одно значение рода может быть выражено разными аффиксами (например, мужской род может иметь *-а, -о, -?: дядя, домишко, банан*);

3) основа без флексии не образует отдельного слова.

Аналитизм проявляется в том, что род некоторых слов не выражается морфологически, и виден не из формы слова, а из формы словосочетания (*кофе, черный кофе*).

Категория одушевленности выражается совпадением формы винительного падежа с формой родительного падежа во множественном числе (у всех одушевленных существительных) и единственном числе (у имен мужского рода второго склонения). У неодушевленных существительных те же формы совпадают с именительным падежом. У несклоняемых существительных одушевленность морфологически не выражается (у них она имеет синтаксическое выражение).

Таблица 14.3. Винительный падеж имен существительных

		одушевлённые В. п. = Р. п.	неодушевлённые В. п. = И. п.
ЕД. число	2 скл.	= Р. п. вижу ученика	= И. п. вижу дом
	1, 3 скл.	не различаются вижу сестру, книгу; дочь, печь	
МН. Число	2 скл.	= Р. п. вижу учеников	= И. п. вижу дома
	1, 3 скл.	= Р. п. вижу жён, дочерей	= И. п. вижу скамейки, площади

§2. Прилагательное

Имя прилагательное в русском языке обладает словоизменительной семантической категорией степени сравнения, формы которой образуются синтетически (при помощи аффикса: *новый – новее – новейший*, супплетивно: *хороший – лучший*) и аналитически (*эффективный – более эффективный – самый эффективный*) и словоизменительными синтаксическими категориями рода, числа и падежа, которые служат для согласования прилагательного с главным словом в определительных словосочетаниях.

Краткие прилагательные имеют формы рода и числа, но не падежа: *нов – нова – ново – новы*. Краткие прилагательные употребляются в предложении в функции сказуемого.

Формы степеней сравнения и краткие формы имеются только у качественных прилагательных.

Вопросы для самопроверки

1. Какими грамматическими категориями обладает существительное в русском языке?
2. В чём заключается грамматическое значение падежа?

3. Опишите иерархию падежей по Е. Куриловичу.
4. Как классифицирует падежи Р. Якобсон?
5. На каких принципах построена классификация падежей Г.П. Мельникова?
6. Каким грамматическим способом образуются формы падежа?
7. К какому типу категорий относится род существительных в русском языке?
8. Какими аналитическими и синтетическими чертами характеризуются формы рода?
9. Какие грамматические категории имеет русское прилагательное?
10. Какими способами образуются формы степени сравнения?
11. Опишите грамматические особенности кратких прилагательных.
12. Чем отличается падеж прилагательного от падежа существительного?

Задания для самостоятельной работы

1. Опишите основные грамматические значения падежей русского языка.
2. Составьте схему грамматических отношений в парадигме русских падежей.

Рефераты 1. Формальные и контентивные трактовки падежа.

2. Падежи и семантические роли.
3. Универсальные и специфические черты падежных систем.
4. Категория падежа в «Курсе общей морфологии» И.А. Мельчука.
5. Падеж во флективных и агглютинативных языках.

Список хрестоматийных материалов

Виноградов В.В. Русский язык (глава 1).
Кацнельсон С.Д. О грамматической семантике.

Литература

- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986.
- Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Лаврентьев А.М. Категория падежа и лингвистическая типология. На материале русского языка. Новосибирск, 2001.
- Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. М., 1980.
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II. М. – Вена, 1998.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М. 1997. Гл. 3, 4.
- Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. СПб., 2003. Разделы «Имя существительное», «Имя прилагательное».
- Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981.
- Фортулатов Ф.Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков // Избранные труды. Т. II. М., 1957.
- Якобсон Р. К общему учению о падеже // Избранные работы. М., 1985.
- Anderson, J.M. The grammar of case: Towards a localistic theory. – L.: Cambridge U.P., 1971.

Интернет-ресурсы

www.philology.ru
www.gramota.ru
www.gramma.ru
www.phil.msu.ru
www.ruslang.com/learning_language.shtml

Хрестоматийный материал к теме 14

1. [Виноградов В.В. Русский язык \(глава 1\).](#)
2. [Кацнельсон С.Д. О грамматической семантике.](#)

Глава 15 Русская морфология в сопоставлении с английской

§1. Структура слова

§2. Основные различия английского и русского словообразования

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 15: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о структуре слова в сопоставляемых языках о характере морфем в двух языках
	2. Понимать/ Знать	характеристики слова в двух языках признаки флективности сопоставляемых языков особенности строя английского и русского языка способы словоизменения и словообразования в двух языках
	3. Уметь	определять сходства и различия двух языков сопоставлять конкретные формы и грамматические значения
	4. Владеть (навыками)	навыками классификации грамматических категорий навыками морфологического анализа форм и категорий навыками сопоставления частей речи и их категорий ключевыми понятиями сопоставительной морфологии

§1. Структура слова

Русский язык отличается от английского как и других аналитических языков более сложным строением слова.

В большинстве английских слов легко выделить морфы, входящие в их состав, например, week-s (недел-и), letter-s (письм-а), student-s (студент-ы), general-iz-ation (об-общ-[эн'иј-э]), live-li-ness (жив-ость), change-able-ness (из-мен-чив-ость). В соответствующих русских словах обнаруживаются трудности их морфологического членения: суффикс в слове *обобщение* невыделим без помощи транскрипции, суффикс **-м-** в словоформе *письма* хотя и выделяется, но является малопродуктивным, его можно найти только в словах *бельмо* и *ведьма*.

В целом для английского языка установление морфологического состава слова является более простой задачей, чем для русского языка, поскольку синхронные словообразовательные связи слов в английском более прозрачны, тогда как в русском языке морфологический состав некоторых слов неясен без обращения к данным истории слов.

Стандартность характерна для аффиксов английского языка, в котором флексия числа существительного, флексия лица глагола и флексия времени глагола имеют варианты, появление которых в словоформе определяется регулярными фонетическими правилами:

book-s, page-s, box-es [s] // [z] // [ɪz] (книги, страницы. коробки);

take-s, tell-s [s] // [z] (берёт, рассказывает);

crack-ed, lov-ed, lift-ed [t] // [d] // [ɪd] (треснул, любил, поднял).

Стандартность способствует лучшей выделяемости аффиксов.

В русском языке как флексии числа существительных, так и личные флексии глагола имеют варианты, непредсказуемые по фонетическим правилам: *инженеры, мастера, пишут, говорят*.

В русском языке слово может содержать до восьми морфов, например, *по-на-за-пис-ыва-л-и-сь*. Одноморфными среди русских самостоятельных слов могут быть существительные (*колибри*), и прилагательные (*хаки*), а также наречия, например, *теперь*. В русском языке чаще, чем в английском, встречаются слова из трёх или четырёх морфем.

Для английского языка типичны слова, состоящие из одной или двух морфем, для русского – из двух или трёх.

Как и в английском, в русском языке встречаются аффиксы четырёх типов: флексии (*новая*), приставки (*подъём*), суффиксы (*ёмкость*), постфиксы (*засиделись*). Кроме того, в морфологическую структуру слов входят интерфиксы (*лесоруб*), которые не являются морфемами, т.к. не выражают грамматического значения, хотя и выполняют в слове структурную функцию.

Сопоставить структуру слова в двух языках можно при помощи следующих примеров:

Таблица 15.1. Структура слова в английском и русском языках

Корень		Основа		Слово	
friend-	друг-	friend-	друг-	friend	друг-∅
free-	свобод-	free-	свободн-	free	свободный
speak-	говор-	speak-	говори-	speak	говорить

Представленный в таблице пример отражает характерную для английского языка структуру слова: корень = основа = слово. В русском языке структура часто более сложная: корень + суффикс = основа; основа + флексия = слово.

Сопоставление показывает аналитизм английского слова, более высокую самостоятельность основы и корня. В то же время английский язык не лишен аффиксальной морфологии, например, от указанных в таблице основ образуются слова *friendship, freedom, speech*. В последнем примере наблюдается фузионное изменение основы.

В английском языке многие словоформы в тексте совпадают с простыми основами, т.е. с корневыми морфемами, и это характерно не только для неизменяемых слов, но и для слов, имеющих словоизменительные формы. Например, в предложении **The sitting-room of our client opened by a long, low window on to the old court of the college** жирным шрифтом выделены выраженные простыми основами служебные слова и курсивом самостоятельные слова, совпадающие с простыми основами. В соответствующем русском предложении Гостиная нашего клиента открывалась длинным, низким окном, выходящим на старый двор колледжа есть только одно служебное слово (оно совпадает с корневой морфемой). Самостоятельное слово

двор состоит из основы и нулевой флексии. При этом нулевая флексия в русском языке является одним из вариантов выражения ИМ падежа ЕД числа существительного для одного из классов склонения. Иное явление представляет собой отсутствие флексии в английских существительных ЕД числа. Оно является не вариантом выражения ЕД числа, а единственным способом выразить это значение. Для русских самостоятельных слов характерно их явное отличие от морфем. Совпадение корня со словом в русском языке возможно только для предлогов, частиц и союзов, а также некоторых заимствованных слов, таких как *жалюзи, киви, суахили, адажио, кенгуру, интервью*.

Лингвистическое различие слова и морфемы не устраняется даже в тех случаях, когда словоформа внешне совпадает с корневым морфем. Это ярко показал [А.И. Смирницкий](#) на примере различий между значением слова *fox* и основы *fox-* в словоформах этого слова (*fox, fox's, foxes, foxes'*) и словах *fox-earth, fox-tail, fox-trap* (лисий нора, лисий хвост, капкан для ловли лисиц). Слово не просто вызывает ассоциацию с определённым предметом, но указывает на грамматические значения предметности и числа, что придаёт слову законченность и оформленность [Смирницкий 1998, 31]. В то же время высокая частота совпадений слова с простой основой характеризует строй языка как аналитический.

Отличие слова от словосочетания заключается в цельнооформленности слова и раздельнооформленности словосочетания. Так, например, слово *a bee-keeper* (пчеловод) грамматически отлично от словосочетания *a keeper of the bees*. Компоненты сложного слова в обоих языках грамматически несамостоятельны. Однако, русское слово *пчеловод* имеет более сложную морфологическую структуру, т.к. включает интерфикс и нулевую флексию. Кроме того, входящие в него основы внешне не совпадают с отдельными словами. Это также указывает на более высокую степень синтетизма русского слова. В русском языке сложное слово всегда отличимо от словосочетания, в английском же языке многие случаи вызывают горячие споры, например, *oil-industry, oil-conference, bank-holiday, departure-platform, pocket-dictionary, reference-library*.

Таким образом, в русском языке слово отличается более выраженной отдельностью и ясным отличием как от морфемы, так и от словосочетания, что объясняется его фузионно-синтетическим строем. В английском языке слово также является хорошо выделяемой единицей в силу наличия флективных парадигм, производных слов и различий в оформлении слов и словосочетаний, однако там ввиду отсутствия флексий у прилагательного и форм склонения существительного в ряде случаев возникает проблема разграничения словосочетания и сложного слова. В английском языке наблюдается и частое внешнее совпадение словоформы с корневым морфем.

В английском языке **глагол** имеет категории времени, наклонения, залога, лица и числа. С категорией времени тесно связаны категории результативности (противопоставление перфектных и неперфектных форм) и прогрессивного / непрогрессивного аспекта (формы *Continuous* – другие формы). Указанные категории выражаются при помощи флексий, чередований в корне, формообразующих суффиксов и служебных слов, а также при помощи чистой основы. При этом некоторые формы оказываются формально неразличимыми.

Исходя из понимания вида как грамматической категории, характеризующей действие по признакам его протекания и имеющей закрепленные морфологические показатели, проф. А.И. Смирницкий выделил в системе грамматических категорий современного английского языка категорию вида, состоящую из общего вида, обозначающего сам факт совершения действия, и длительного вида. Однако в отличие от русского глагольного вида английские категории результативности и аспекта характеризуются регулярным противопоставлением форм как по способу образования, так и по значению. Поэтому нет никаких оснований уподоблять их категории вида, имеющей значительно более сложную структуру вследствие разнородности значений, комплексно выражаемых одной формой, и различия в семантической структуре формально одинаковых видовых оппозиций.

Таким образом, парадигма английского глагола включает 56 форм, в том числе 45 личных и 11 неличных.

Среди личных форм 32 относятся к активному залогу и 13 к пассивному.

В активном залоге 30 форм относятся к изъявительному наклонению. В этих формах выражены категории времени, прогрессивного аспекта и результативности, а в части этих форм также лицо и число.

В пассивном залоге 5 форм выражают простые времена, 4 формы связаны с категориями результативности и ещё 4 с категорией прогрессивного аспекта. В части этих форм выражены лицо и число.

Среди неличных форм есть 6 форм инфинитива, 4 формы причастия I – герундия, и 1 форма причастия II.

В парадигме английского глагола 49 аналитических форм и только 7 синтетических. Среди семи синтетических форм 4 формы имеют флексию и 3 представляют собой чистые основы.

Основную часть словоизменительной парадигмы английского глагола составляет система «времен», образованная тремя категориями: времени, результативности и аспекта. Взаимодействие этих категорий создает 16 форм, организованных при помощи четырех времен: настоящего, прошедшего, будущего и будущего в прошедшем и четырех групп: Simple (или Indefinite), Perfect, Progressive (Continuous) и Perfect Progressive. Данная система позволяет обозначить не только время действия, но также длительность действия и наличие результата к определённом моменту времени.

Такое устройство глагольной системы в английском языке позволяет англоговорящим достаточно легко усвоить систему времён русского языка, но остаётся трудной для изучения категорий вида, поскольку соотношение perfect – совершенный вид, continuous, indefinite – несовершенный вид, осложняется существованием приставочных глаголов несовершенного вида и другими особенностями, связанными с разнообразием способов образования видовых форм.

Трудности в употреблении форм залога связаны с разнообразием значений возвратных форм, которые выражают не только залоговые значения, а также со стилистически ограниченным использованием пассивной конструкции в русском языке.

Русские категории лица и числа создают трудность тем, что имеют большее количество флексий, чем в английском языке, и сопровождающее флексии чередования в основе глагола.

В целом в английском языке глагол выступает как флективно-фузионная и аналитическая часть речи, в парадигме которой аналитические формы преобладают. В русском языке аналитические формы глагола имеются, но занимают в его системе периферийное положение и глагол в целом выступает как флективно-фузионная и синтетическая часть речи.

Английское существительное обладает категориями числа и референции (определённости – неопределённости). Поэтому русская падежная система оказывается для носителей аналитических языков достаточно сложным явлением грамматики. Изучение падежа требует раскрытия падежных значений через употребление падежных форм в различных синтаксических контекстах. Изучение категории грамматического рода существительных относится к работе с лексическим материалом, поскольку принадлежность к роду является для существительных лексико-грамматической характеристикой.

Прилагательное в русском языке также оказывается более сложной частью речи, чем в английском, так имеет не только аналогичную категорию степеней сравнения, но и согласовательные категории рода, числа и падежа, тогда как английское прилагательное в отношении этих категорий является неизменяемым словом.

Наречия в сопоставляемых языках обладают сходными грамматическими свойствами.

§2. Основные различия английского и русского словообразования

Ведущим способом словообразования в этих языках является **аффиксация**. В обоих языках есть продуктивные модели аффиксального словообразования, при этом в русском языке аффиксация развита значительно сильнее, чем в английском.

В английском языке существительные часто присоединяют суффиксы со значением лица: **-er, -ist**: writer, driver, pessimist, journalist (писатель, водитель, пессимист, журналист). Суффикс **-er** может образовывать также слова с предметным значением: hunter 'охотник', 'охотничья лошадь, собака'; smoker 'курильщик' 'вагон для курящих'; reader 'читатель', 'книга для чтения'.

Английское слово *runner* имеет по три личных и три предметных значения: 'бегун', 'гонец', 'контрабандист' – 'полоз саней', 'побег растения', 'ролик'.

В русском языке суффиксы со значением лица встречаются, например, в словах: *продавец, помощник, газетчик, портретист, кладовщица, студентка, ткачиха*. Суффиксы с предметным значением есть в словах: *будильник, датчик, грелка, покрывало*. Некоторые слова с суффиксами, например, *счётчик*, имеют значения и лица, и предмета.

В обоих языках есть суффиксы абстрактных существительных: *reality, darkness, wisdom, widowhood, separation, compression, реальность, темнота, мудрость, вдовство, разделение, сжатие*.

В английском языке возможны существительные с двумя суффиксами: *friendliness, childishness, hopefulness, sportiveness* ('дружелюбие', 'ребячество', 'оптимизм', 'игривость'). Такие существительные есть и в русском языке, например, *строительство, асфальтировка, нефтянка*.

Прилагательные в английском имеют суффиксы **-y, -ful, -ed, -ic, -en, -ous** у которых есть только значение данной части речи, и суффиксы, имеющие более конкретное значение:

-able 'подходящий для'; **-less** 'отрицание'; **-ish** 'подобный'.

Приведём некоторые примеры: *silky* 'шелковый', *helpful* 'полезный', *winged* 'крылатый', *poetic* 'поэтический', *wooden* 'деревянный', *harmonious* 'гармоничный', *profitable* 'прибыльный', *helpless* 'беспомощный', *childish* 'ребяческий'.

Наречия в английском образуются при помощи суффикса **-ly**: *expressively* 'выразительно, многозначительно', *tightly* 'прочно, напряжённо, строго, опрятно', *simply* 'просто'. В последнем примере наблюдается фузионное наложение суффикса на основу: [simpl + li = simpli]. В русском суффиксом наречий является **-о**: прочно, строго, опрятно.

Суффиксами, образующими глагол, в английском языке являются **-ize, -fy, -ate, -en**: *specialize* 'уточнять, детализировать', *versify* 'слагать стихи', *granulate* 'гранулировать', *weaken* 'ослаблять'. В русском языке суффиксов, образующих глагол, больше: **-а, -е, -и, -нич, -стов, -изиров**: *обедать, звереть, серебрить, лентяйничать, усердствовать, иронизировать*. Суффиксы могут выражать значение вида: *заземлять – заземлить, выиграть – выигрывать, толкать – толкнуть*.

В обоих языках суффиксы многозначны. Английский суффикс **-ship** может обозначать: 1) абстрактное свойство: *friendship* 'дружба'; 2) должность: *clerkship* 'должность клерка'; 3) искусство: *penmanship* 'чистописание'. В русском языке суффикс **-ость** имеет разные значения в словах *новость, радость, скорость*.

Одна и та же основа может образовывать более одного производного слова: *falsehood* 'ложь', *falseness* 'лживость'; *gentlehood* 'благовоспитанность', *gentleness* 'мягкость'. В русском языке аналогичное явление отмечается, например, в словах *ширина, широта*.

Префиксов в обоих языках меньше, чем суффиксов, но они образуют более продуктивные модели. В английском языке многие префиксы образуют слова разных частей речи. Среди английских префиксов высокой продуктивностью отличаются: **dis-, il-, im-, ir-, un-, en-, re-**. Используются также приставки латино-греческого происхождения: **anti-, pseudo-, sub-, super-, trans-, uni-, bi-, tri-, mono-, poly-, multi-**. Укажем только некоторые примеры: *disrespect* 'относиться без уважения', *displace* 'перемещать', *disrepair* 'ветхость, обветшалость, неисправность'; *illicit* 'незаконный, запрещённый', *illogic* 'нелогичность', *illogical* 'нелогичный'; *immobile* 'неподвижный', *immobilize* 'лишать подвижности, сковывать, фиксировать'; *irradiate* 'освещать, озарять', *irreformable* 'неисправимый'; *uncivil* 'невежливый, грубый'; *enrich* 'обогащать'; *restate* 'вновь заявлять, подтверждать; иначе формулировать'; *antiwar* 'антивоенный'; *pseudo-classic* 'псевдоклассический'; *subitem* 'подпункт', *submit* 'подчиняться', *substandard* 'нестандартный'; *transnormal* 'ненормальный', *transmute* 'превращать', *transpierce* 'пронзать насквозь, проникать'; *univalence* 'одновалентность'; *bimotored* 'двухмоторный'; *triphase* 'трёхфазный'; *monorail* 'монорельс'; *polygraph* 'автор многих книг, сборник, множительный аппарат'; *multistory* 'многоэтажный'.

В русском языке широко представлено глагольное префиксальное словообразование: *влететь, вылететь, улететь, прилететь, подлететь, отлететь, залететь, налететь, перелететь, слететь, пролететь, взлететь*,

долететь, облететь. Многие глаголы присоединяют различные префиксы с первичным пространственным значением.

Материал сопоставляемых языков показывает, что префиксы в них многозначны, как в разных словах: *transmute, transnormal, transpierce, налететь, нарезать, напеть, наполнить, накрыть*, так и семантической структуре одного слова: *restate* '1) подтвердить, 2) переформулировать', *просмотреть* '1) внимательно посмотреть, 2) пропустить, не заметить'.

В русском языке используется также префиксально-суффиксальный способ (*разлететься, заречье*), которого нет в английском языке.

Словосложение используется в английском значительно шире, чем в русском, хотя в нём оно также занимает важное место. Английское сложение более аналитично, чем русское. В английских сложных словах редко встречается интерфикс, хотя такие примеры есть: *spokesman, statesman, sportsman* ('представитель', 'государственный деятель', 'спортсмен').

Аффиксы в английском сложном слове как правило принадлежат одной из основ: *kneading-trough* 'квашня', тогда как в русском языке аффикс относится ко всему сложному слову в целом: *железнодорожный, детсадовский*. Однако и в английском есть слова, образованные одновременно сложением и аффиксацией: *first-nighter* 'завсегдатай театральных премьер', *kind-hearted* 'добросердечный'.

Сложные слова, как и все производные слова, обладают фразеологизированным значением, например: *blackboard* 'школьная доска' ≠ 'чёрная' + 'доска', ср. также

<i>bullfinch</i>	'снегирь' ≠ 'бык' + 'вьюрок'
<i>chaffinch</i>	'зяблик' ≠ 'мякина' + 'вьюрок'
<i>greenfinch</i>	'зеленушка' ≠ 'зелёный' + 'вьюрок'
<i>blackbird</i>	'дрозд' ≠ 'чёрная' + 'птица'
<i>redbird</i>	'иволга' ≠ 'красная' + 'птица'
<i>yellowbird</i>	'щегол' ≠ 'жёлтая' + 'птица'

Сложное слово может остаться по форме похожим на словосочетание, но по функции и значению стать словом: *end-of-term [examinations]* 'экзамены конца семестра', *English-by-radio [lessons]* 'уроки английского языка по радио', *an air-to-air [missile]* 'ракета воздух-воздух', а *never-do-well* 'неумеха'. Образование сложных слов на базе словосочетания или предложения в английской лексикологии называется компрессией.

Некоторые лингвисты рассматривают в качестве сложных английских слов такие единицы как *oil conference, pocket dictionary, reference library, trade agreement*, указывая на неформальность первого компонента этих единиц. Однако английские относительные прилагательные никогда не имеют признаков морфологической формы, а сложное слово должно обладать целостным значением, не сводимым к простой сумме значений его частей. Указанные выше единицы понятны по частям и нефразеологизированны (конференция по нефти, карманный словарь, справочная библиотека, торговое соглашение), т.е. являются словосочетаниями. Что же касается орфографического критерия (написания таких единиц через дефис), то он как вторичный и не отражающий сути явления охарактеризован уже в [Ахманова 1954, 52]. С другой стороны, *blackbird* не любая чёрная птица, а дрозд, *woodpecker* не «дереводолбитель», а дятел.

Сложным словам присущи следующие признаки цельноформальности: 1) стирание грамматического значения первого компонента (*looking-glass* 'зеркало' – первый компонент глагольная форма, всё слово – существительное, в *Москва-река* – первый компонент не склоняется); 2) фиксированный порядок компонентов (*lifeboard* 'спасательная шлюпка' – *boardlife* 'жизнь на борту'); 3) наличие одного главного ударения; 4) слитное или дефисное написание.

Сложные слова могут возникать на базе сочинительных отношений (*Anglo-Saxon, глухонемой*) и подчинительных (*long-haired* 'длинноволосый', *вагоноремонтный*).

Большую часть сложных слов составляют сложные слова в английском составляют существительные, довольно много сложных прилагательных, встречаются сложные глаголы, местоимения, и частицы, например:

Сложные существительные

Основы		Пример	Значение
сущ.	сущ.	workshop	мастерская
прил.	сущ.	goodwill	доброжелательность
глагол.	сущ.	go-cart	детская коляска
нареч.	сущ.	by-path	боковая дорожка
нареч.	глагол.	down-fall	падение, крах, ливень, снегопад
сущ.	нареч.	passer-by	прохожий

Сложные прилагательные

сущ.	прил.	worldwide	всемирный
сущ.	прич. I	peaceloving	миролюбивый
сущ.	прич. II	sunburnt	загорелый
нареч.	прич. I	hardworking	трудолюбивый
нареч.	прич. II	well-known	известный
прил.	прил.	dark-blue	тёмно-синий

Сложные глаголы

нареч.	глагол.	to outlive	пережить, выжить
сущ.	сущ.	to handcuff	надевать наручники
сущ.	глагол.	to waylay	подстергать
прил.	глагол.	to white-wash	белить, обелять
прил.	сущ.	to blackmail	шантажировать

Сложные местоимения

мест.	мест.	everyone	каждый
част.	сущ.	nobody	никто

Сложные частицы

мест.	сущ.	otherwise	иначе
нареч.	пред.	moreover	более того

В русском языке большинство сложных слов относятся к существительным и прилагательным: *рыболов, дымоход, душегуб, головоломка, светловолосый, двухметровый, водостойкий, черно-белый*.

Сложные глаголы в русском языке образуются редко, по модели с основой местоимения в качестве первого компонента: *самовоспламениться, самоустраниться*. На базе словосочетаний образуются сложные причастия: *понижать жар* → *жаропонижающий*, *растворяться быстро* → *быстрорастворимый*.

В русском языке сложное слово чаще служит базой для дальнейших ступеней словообразования: *железобетон* → *железобетонный*, *водопровод* → *водопроводчик*, *водостойкий* → *водостойкость*, хотя и в английском такие случаи бывают: *wholehearted* → *wholeheartedly* 'искренний' → *искренне*'.

Сопоставление двух языков показывает, что в аналитическом английском языке сложение различного типа более продуктивно, чем в синтетическом русском языке. В русском языке в сложении участвуют основы, в английском – основы и целые слова. В формальной структуре сложного слова даже в фузионном русском языке более ярко выражается агглютинативная тенденция, чем в словах с одной основой. В семантической структуре сложных слов, напротив, даже в аналитическом английском языке наблюдается фузионное сплавление значений. Цельноформленность сложного слова, как и любого другого, оказывается выше в языке синтетического строя.

Конверсия Конверсия – это переход слова в другую часть речи путем изменения грамматического значения, синтаксических функций и морфологической парадигмы при сохранении морфемного состава исходной словоформы.

В английском языке при помощи конверсии образуются прежде всего глаголы:

Сущ. → глагол

a hammer	to hammer	забивать молотком
a shovel	to shovel	копать лопатой
wax	to wax	натирать воском
sugar	to sugar	сахарить
a can	to can	консервировать
a bottle	to bottle	разливать в бутылки
water	to water	поливать
a word	to word	выражать словами

Прил. → глагол

ruddy	to ruddy	нарумяниться
supple	to supple	становиться мягким

Существительные в английском также могут быть образованы при помощи конверсии от глаголов:

to bore	a bore	надоедать → зануда
to cook	a cook	варить → повар
to gossip	a gossip	сплетничать → сплетник
to look	a look	глядеть → взгляд
to kiss	a kiss	целовать → поцелуй
to fall	a fall	падать → падение
to ride	a ride	ездить верхом → поездка верхом
to try	a try	пытаться → попытка
to drive	a drive	ехать → поездка

В русском языке глаголы от существительных образуются только при помощи суффикса: *сахар* → *сахарить*, *масло* → *маслить*, *глаз* → *глазеть*. Отглагольные существительные образуются при помощи различных суффиксов, в т.ч. нулевого: *рубить* → *рубка*, *вращаться* → *вращение*, *смотреть* → *смотр-ø-ø*. Путем конверсии в русском языке образуются существительные от прилагательных и причастий: *столовая (комната)* → *столовая*, *больной (человек)* → *больной*, *заведующий (ср. также заведовавший)* → *заведующий*.

Лексикализация представляет собой превращение грамматической форму слово в самостоятельное слово с новым лексическим значением. Лексикализации чаще всего подвергаются формы множественного числа имён существительных:

Исходное слово	Лексикализованная форма
attention внимание	attentions ухаживание
colour цвет	colours знамена
custom обычай	customs таможня
damage ущерб	damages убытки
duty обязанность	duties пошлина
picture картина	pictures кино
power власть	powers полномочия
talk разговор	talks переговоры

В русском языке также есть случаи лексикализации формы множественного числа существительных: *поля (книги, шляпы), верхи (общества), разводы (узоры), весы, часы, леса (строительные), выборы* (Новиков 2001: 606-628).

Усечение основы как способ словообразования создаёт новое слово, по значению эквивалентное исходному слову:

commander → com., commercial → com., commission → com., communication → com., document → doc., experiment → exp., hospital → hosp., Professor → Prof., record → rec., review → rev.;

заведующий → зав, заместитель → зам, специалист → спец.

Указанный способ в русском языке является стилистически ограниченным – он типичен для научной литературы, канцелярского стиля и жаргона (*диссер, универ*). В разговорной речи такие слова выступают как стилистически сниженные.

Обратная деривация служит образованию отсутствующих, хотя и возможных в языке слов. Наиболее часто в сопоставляемых языках встречается десуффиксация – удаление суффикса из состава слова:

an enthusiasm → to enthuse 'энтузиазм' → 'вдохновлять';

a legislator → to legislate 'законодатель' → 'принимать законы';

a vacuum-cleaner → to vacuum-clean 'пылесос' → 'пылесосить';

a house-keeper → to house-keep 'домработница' → 'работать по дому'.

В русском языке также есть глаголы, образованные этим способом: *самонаблюдать, смыслоразличать, близлежать, главнокомандовать, целеустремлять, свежевыкрасить* (см. подробнее Улуханов 1996).

Данный способ относится к окказиональному словообразованию, т.е. установлен на основе фактов индивидуальной речи. Такой способ соответствует системе языка, но не вошел в число способов, закрепленных языковой нормой. Как и другие способы, обратная деривация отражает стремление флективных языков к дифференциации частей речи.

Вопросы для самопроверки

1. В каком языке чаще встречаются стандартные морфемы?
2. В каком языке сложнее установить морфемную структуру слова?
3. Какие части речи в двух языках наиболее существенно различаются?
4. Какие части речи в двух языках обладают наибольшим сходством?
5. В каком языке более заметно противопоставлены слово и морфема?
6. Чем отличается категория вида от категории длительности (аспекта)?
7. Чем категория вида отличается от категории результативности (перфекта)?
8. Какие категории глагола являются универсальными?
9. Какими средствами может быть выражено значение определённости в русском языке?
10. Какие способы словообразования преобладают в каждом из языков?
11. Чем различаются сложные слова в английском и русском языках?
12. В чём различие конверсии в двух языках?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте сопоставительную таблицу ведущих грамматических способов английского и русского языков.
2. Дайте краткую характеристику изоморфных и алломорфных грамматических форм русского и английского языков.

Темы рефератов

1. История сопоставительных исследований английского и русского языков.
2. Общие черты и различия русской и английской морфологии.
3. Словообразование в русском и английском языках.
4. Сложение в русском и английском языках.
5. Лингвокультурологическая специфика английского и русского языков.

Список хрестоматийных материалов

Воркачёв С.Г. Эталонность в сопоставительной семантике.
Реформатский А.А. О сопоставительном методе.

Литература

Александрова О.В., Комова Т.А. Современный английский язык: морфология и синтаксис. М., 1998.
Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2000.
Ахманова О.С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц // Труды Института языкознания. Т. IV. М., 1954.
Новиков Л.А. Лексикализация форм числа существительных в русском языке. К вопросу о формах слова // Избранные труды. Т. II. М., 2001.
Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1998.
Сопоставительный лингвистический анализ. Куйбышев, 1980.
Сопоставительный анализ языковых единиц. Барнаул, 1986.
Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of The English Language. Cambridge, 1985.
Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartic J. A Comprehensive Grammar of the English Language. Longman, 1985.

Интернет-ресурсы

www.ruslang.com/learning_language.shtml
www.philology.ru
www.englishlanguage.ru
www.libfl.ru/win/service/e-lib.html
www.e-lingvo.net

Хрестоматийный материал к теме 15

1. Воркачёв С.Г. Эталонность в сопоставительной семантике.
2. Реформатский А.А. О сопоставительном методе.

Глава 16 Синтаксис русского языка в сопоставлении с английским

§1. Типы предложений по составу

§2. Типы синтаксической связи

§3. Подлежащее

§4. Сказуемое

§5. Инверсия

§6. Синтаксические конструкции

§7. Средства выражения актуального членения

§8. Основные различия сложных предложений

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 16: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о структуре словосочетания и предложения в сопоставляемых языках об основных категориях синтаксиса
	2. Понимать/ Знать	характеристики синтаксических единиц в двух языках признаки номинативного типа в сопоставляемых языках особенности синтаксического строя английского и русского языка
	3. Уметь	определять сходства и различия двух языков сопоставлять формы и значения синтаксических конструкций
	4. Владеть (навыками)	навыками классификации синтаксических единиц и категорий навыками синтаксического анализа предложения навыками сопоставления синтаксических единиц и явлений ключевыми понятиями сопоставительного синтаксиса

§1. Типы предложений по составу

В обоих языках наряду с двусоставными возможны односоставные предложения, однако в английском языке значительно меньше типов односоставных предложений. В английском возможны:

- 1) номинативные предложения: Night. Romeo under Juliet's balcony.
- 2) инфинитивные предложения: To be or not to be?
- 3) императивные предложения: Come here!

В английских предложениях с безличным значением (It is cold), неопределенно-личным (They say the war will be over soon) и обобщенно-личным (You never know what you can do till you try) сказуемое не бывает единственным главным членом – в них всегда есть формальное подлежащее, выполняющее структурно-синтаксическую функцию и нулевое по значению.

В русском языке в неполном предложении может опускаться подлежащее (*Иду вчера домой и вижу соседа*). В английском языке эллипсис подлежащего не возможен.

В обоих языках в принципе может опускаться сказуемое (*I went home and he to the bar*), однако в английском такие конструкции более редки.

В русских предложениях может опускаться дополнение (*Можно взять журнал? → Можно взять?*). Нормы английского языка не позволяют опускать дополнение.

В обоих языках возможен эллипсис всей основы распространённого предложения:

Когда он приедет? – [он приедет] Завтра.

When is he coming back? – [he is coming back] Tomorrow.

§2. Типы синтаксической связи

В русском языке согласование широко представлено в атрибутивных словосочетаниях (например, *новый дом, новому дому, в новых домах*). В английском языке согласование встречается в единичных случаях (this fact – these facts).

В обоих языках представлено управление, т.е. связь при которой главное слово определяет форму зависимого: The address was **written in** a large, clear hand. – Адрес был **написан большим, четким почерком**. При этом грамматические правила употребления предлогов в сопоставляемых языках во многих случаях различаются:

died of a heart attack	умер от сердечного приступа
agreed to his plan	согласился с его планом
leaves for Rome	уехал в Рим
conversation at the dinner	разговор за обедом
arrived at the beach	приехали на пляж
piled with cakes	накрытый __ пирожными
the chief of police	начальник __ полиции
to look for troubles	искать __ неприятностей

В английском языке значительно шире используется примыкание, т.к. примыкает к главному слову не только наречие, но также прилагательное, причастие и существительное в функции определения: очень красивая, very nice, good doctor, burning fireplace, garden fence.

§3. Подлежащее

Главными признаками подлежащего в русском языке являются именительный падеж и контроль согласования с финитным (личным) глаголом-сказуемым по категориям лица, числа или рода. В английском языке есть те же признаки подлежащего: ИМ падеж личных местоимений и контроль согласования с финитным глаголом по лицу и числу. Кроме этого в английском есть несколько признаков подлежащего, которые в русском языке отсутствуют.

Во-первых, в английском языке линейная позиция подлежащего определяется достаточно строго. Подлежащее предшествует сказуемому и дополнениям. Левее подлежащего может находиться только сентенциальное обстоятельство (т.е. такое, которое по смыслу относится ко всему предложению): On Monday John left.

Во-вторых, в английском языке существует инверсия подлежащего и вспомогательного глагола для образования вопросительных предложений:

His desk is in the middle of the room. – Is his desk in the middle of the room?

John has often given them good advice. – Has John often given them good advice?

Следующий признак подлежащего в английском – структура расчлененного вопроса, состоящего из вспомогательного или модального глагола и местоимения, соответствующего подлежащему:

John's coming, isn't he?

Только подлежащее в английском языке может отпустить от себя эмфатические рефлексивы:

The president himself is coming. – The president is coming himself.

В русском языке предложения *Сам президент прибывает* и *Президент пребывает сам* имеют различный смысл – только в первом из них рефлексив является эмфатическим.

Признаком английских подлежащих является возможность употребления наречия *alone* в конце именной группы в значении 'только':

Father alone can help you.

В дополнении такое употребление невозможно: *I talked to Smith alone. Предложение не соответствует грамматическим нормам английского языка.

Только подлежащее может присоединять выражения *not many* и *not much*, например:

Not many people were informed about it.

В дополнении эти выражения не возможны: *Jane earns not much money (Джейн заработала не много денег).

§4. Сказуемое

В обоих языках сказуемое является синтаксической вершиной предложения и может выражаться финитными глаголами, словами категории состояния, включать имена и инфинитивы:

Bill has come. – Билл пришел.

We were glad. – Мы были рады.

The night is dark. – Ночь темна.

She wants to study Spanish. – Она хочет изучать испанский.

Главное различие двух языков состоит в том, что большинство личных форм английского глагола являются аналитическими.

Связка в английском сказуемом присутствует в формах настоящего времени: Peter is a student. Jane is glad.

В русском языке в таких предложениях связка нулевая: Питер – студент. Джейн рада.

Позиция сказуемого в английском предложении определена четко: сказуемое следует за подлежащим и предшествует дополнению.

§5. Инверсия

В некоторых английских утвердительных предложениях возможна перестановка слов, например:

Then came a knock at the door. (Затем последовал стук в дверь).

В английском языке очень заметен любой сдвиг составляющей вправо. Такой сдвиг используется для топикализации (превращения составляющей в тему):

Down the hill, John ran, as fast as he could. (Вниз по холму Джон бежал так быстро, как мог).

Your elder sister, I can't stand. (Твою старшую сестру я не выношу).

Very shortly, he's going to be leaving for Paris. (Очень скоро он собирается уехать в Париж).

Give in to blackmail, I never will. (Поддаваться на шантаж я никогда не стану) [Тестелец 2001, 136].

Сдвигу вправо (правее косвенного дополнения) могут подвергаться громоздкие именные группы прямого дополнения:

He explained *all the terrible problems that he encountered* to her. →

He explained to her *all the terrible problems that he encountered*.

(Он объяснил ей все страшные трудности, с которыми он столкнулся) [Тестелец 2001, 137].

§6. Синтаксические конструкции

В русском языке различаются причастные и деепричастные обороты. В английском языке есть только причастный оборот, который выполняет функции как определения, так и (в других случаях) обстоятельства.

Важным правилом русской грамматики является соответствие субъекта деепричастного оборота подлежащему. В английском языке такие обороты могут иметь собственный субъект:

On his coming home, I told him everything. (Когда он шел домой, я сказал ему всё).

The weather being fine, we went to the river. (Погода была хорошей, и мы пошли на реку).

В русском языке предложения типа *Проезжая мимо станции, у меня слетела шляпа* являются грамматически неправильными.

В английском языке существует синтаксическая конструкция, которая называется **«сложное дополнение»** (complex object). Эта конструкция состоит из существительного или местоимения в объектном падеже и инфинитива, выполняет в предложении функцию дополнения и употребляется после глаголов ментальных действий, например, to want, to expect:

I expect him to do the work in time. – Я ожидаю, что он выполнит работу во время.

I want Emily to understand me. – Я хочу, чтобы Эмили поняла меня.

После глаголов восприятия эта конструкция включает инфинитив без частицы to или причастие I:

I've seen them go into the room. – Я увидел, что они вошли в комнату.

I saw him writing something. – Я видел, как он что-то писал.

В этих случаях английской конструкции в русском соответствуют сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными.

Второй частью конструкции могут также быть существительное и прилагательное:

They appointed Johnson secretary of the committee. – Они назначили Джонсона секретарем комитета.

He found the box empty. – Он нашел ящик пустым.

Здесь английской конструкции соответствует оборот с творительным падежом имени существительного или прилагательного.

Второй частью сложного дополнения может быть и причастие II:

He had his car fixed. – Ему починили машину.

В этом случае в русском языке используется синтаксическая конструкция с дательным субъекта.

Английская конструкция **«сложное подлежащее»** (complex subject) используется при глаголах восприятия и сообщения (to see, to hear, to find, to know, to report, to tell, to watch и т.п.) и состоит из существительного или местоимения в общем падеже в качестве первой части и инфинитива, герундия, прилагательного или существительного в качестве второй:

He was seen to carry a big sack. – Видели, как он нес большой мешок.

She was heard shouting loudly. – Было слышно, как она громко кричала.

The box was found empty. – Ящик оказался пустым.

Johnson was appointed secretary of the committee. – Джонсона назначили секретарем комитета.

Английские предложения с инфинитивом и герундием в составе данной конструкции переводятся на русский при помощи сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными и неопределенно-личной главной частью. Английские предложения с именами существительным и прилагательным в качестве второй части конструкции переводятся на русский при помощи конструкции с творительным падежом.

§7. Средства выражения актуального членения

Актуальное членение может выражаться логическим ударением:

John sent me **a postcard**.

John sent me the postcard.

В первом предложении ремой является **a postcard**, а втором - **John**.

Для выделения ремы может быть использована специальная эмфатическая конструкция:

It was a postcard what John sent to me.

It was John who sent me the postcard.

Если ремой является сказуемое, то для его выделения может быть использован эмфатический вспомогательный глагол:

John **did** send me a postcard.

Средством выражения актуального членения является также порядок слов:

The table stood in the middle of the room.

In the middle of the room stood a table.

Первое предложение отвечает на вопрос *Где?*, его ремой является обстоятельство места. Второе предложение отвечает на вопрос *Что было в центре?*, его ремой является подлежащее.

§8. Основные различия сложных предложений

Особенностью русских сложноподчиненных предложений является использование составных союзов, состоящих из соотносительных слов в главной и придаточной частях: *тот, кто...; та, которая...; там, где...; то, о чём...*

Английское сложное предложение обычно использует относительное местоимение только в придаточной части: I went where he told me. What he says is true (Я пошел туда, куда он сказал мне. То, что он говорит – это правда).

Для английского синтаксиса, особенно в разговорной речи, характерно также опущение простых союзов и союзных слов:

He said he knew it. – Он сказал, что он знал об этом.

This is the book I was speaking about. – Это та книга, о которой я говорил.

Вопросы для самопроверки

1. Какие типы односоставных предложений возможны в каждом из сопоставляемых языков?
2. Какие типы синтаксически связей характерны для русского и английского языков?
3. Чем различаются английское и русское подлежащее?
4. Чем различаются сказуемые в двух языках?
5. Какие части речи соединяются с другими словами примыканием в английском и в русском языках?
6. В каких случаях предложение может быть неполным?
7. Как используется инверсия в английском и русском языках?
8. Какие английские синтаксические конструкции невозможны в русском языке?
9. Какими средствами выражается актуальное членение в английском и русском языках?
10. Какие типы придаточных предложений имеются в сопоставляемых языках?
11. В чём проявляется аналитизм английского языка на уровне синтаксиса?
12. В каком из двух языков более распространено опущение союзов?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте сопоставительную таблицу ведущих синтаксических способов английского и русского языков.
2. Дайте краткую характеристику изоморфных и алломорфных синтаксических конструкций английского и русского языков.

Темы рефератов

1. Методы структурного синтаксиса в сопоставлении английского и русского языков.
2. Общие черты и различия русской и английской синтаксических систем.
3. Словосочетания в русском и английском языках.
4. Сложные предложения в русском и английском языках.
5. Причастные обороты в английском и русском языках.

Список хрестоматийных материалов

Мухин А.М. Морфологические и синтаксические категории.
Пупынин Ю.А. Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке.

Литература

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2000.
Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 2007.
Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. – Cambr. (Mass.): MIT, 1965.
Croft W. Syntactic categories and grammatical relations. – Chicago; L.: U. of Chicago, 1991.

Интернет-ресурсы

www.ruslang.com/learning_language.shtml
www.philology.ru
www.englishlanguage.ru
www.libfl.ru/win/service/e-lib.html
www.e-lingvo.net

Хрестоматийный материал к теме 16

1. Мухин А.М. Морфологические и синтаксические категории.
2. Пупынин Ю.А. Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке.

Глава 17 Русский язык в сопоставлении с испанским

§1. Фонетика

§2. Основные грамматические различия

§3. Сопоставление глагольных систем

§4. Сопоставление именных частей речи

§5. Типологические черты испанского языка

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 17: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о структуре слова, словосочетания и предложения в испанском языке о частях речи в испанском языке
	2. Понимать/ Знать	характеристики грамматических единиц в двух языках признаки флективности испанского языка особенности грамматического строя испанского языка
	3. Уметь	определять сходства и различия двух языков сопоставлять аналитические и синтетические формы испанского и русского языков
	4. Владеть (навыками)	навыками классификации морфологических форм и категорий навыками сопоставительного морфологического анализа навыками сопоставления синтаксических единиц и явлений ключевыми понятиями сопоставительной грамматики

§1. Типы предложений по составу

§1. Фонетика

Для испаноговорящих изучение русского языка связано с рядом трудностей, обусловленных различиями в фонетическом и грамматическом строе.

Фонологическая система русского языка содержит противопоставление по твёрдости – мягкости неизвестное испанскому языку, а также ряд фонем, которых нет в испанском: /ж, з, з', долгий ш'/, что мешает, например, различению слов *лёд – льёт, отец – отъезд*.

Испанский акцент проявляется в произношении русских звуков /б, в/, что вызвано различиями в их артикуляционных характеристиках. В русском языке это взрывные звуки, а не щелевые.

Другая трудность связана с различием с типом ударения: в испанском языке ударение фиксированное (в большинстве слов на предпоследнем слоге, в иных случаях обозначается на письме), а в русском языке ударение свободное (может быть на любом слоге) и на письме не обозначается.

§2. Основные грамматические различия

Грамматические системы испанского и русского языков относятся к одному типу – флективному, однако в отличие от русского языка испанский язык – флективно-аналитический.

Системы частей речи испанского и русского языков более сходны в их общем построении, чем русского и английского, хотя и здесь есть различия. Среди неличных форм глагола в русском языке есть деепричастие, а в испанском – герундий, различные по своим функциям. Среди служебных частей речи в испанском языке есть артикль, а испанские предлоги значительно чаще встречаются в предложении, так как в испанском нет падежа существительных и предлоги являются главным средством указания на отношения между словами.

Синтагматическая структура слова характеризуется большей расчленённостью в испанском, чем в русском: в имени есть отдельные аффиксы рода и числа, в глаголе – аффиксы времени, наклонения, лица-числа. Это является признаком большей аналитичности во внутренней структуре слова, в то же время испанское слово

более синтетично по отношению к предложению, чем, например, английское: в испанском слове выражается больше морфологических категорий.

§3. Сопоставление глагольных систем

Испанский глагол в целом отличается от русского тем же, что и английский – более сложной системой времён и отсутствием грамматической категории вида. Глагол в испанском языке обладает развитой системой словоизменительных форм (до 115 форм). В синтетических формах глагола категория времени выражается суффиксом, в аналитических формах – сочетанием служебного глагола и причастной формы.

Наклонение в испанском языке имеет более синтетичную форму выражения не только в сравнении с английским, но и с русским: замена тематической гласной для образования сослагательного наклонения делает эту гласную формообразующим суффиксом, и форма наклонения оказывается морфологически выраженной в основе глагола.

Лицо и число испанского глагола выражаются при помощи единого грамматического показателя – флексии. Это является признаком синтетизма испанской морфологической системы. Значение лица в испанском формально выражается во всех временных формах при помощи флексии, таким образом, категория лица охватывает всю парадигму глагола.

Хотя в испанском, как и в русском есть различные типы спряжения глагола и непродуктивные словоизменительные классы, освоение глагольных чередований и типов спряжения остаётся достаточно трудной задачей при изучении русского языка.

Определёнными сходствами обладают способы образования и грамматические значения форм залога, причастных форм, существует аналогия в функционировании испанского герундия и русского деепричастия. В то же время глагол и конструкции с глаголом в двух языках отличаются синтаксическими свойствами, в частности, различается глагольное управление дополнением. Управление определяется не только семантикой глагола, имени и предлога, но и лексическими свойствами конкретных слов, и, следовательно, аналогия с родным языком может стать источником грамматической ошибки.

§4. Сопоставление именных частей речи

В испанском языке имя существительное характеризуется категориями числа, рода, определенности.

Число существительных в испанском языке – словоизменительная, реляционная категория. Оно представлено формами единственного и множественного числа, которые имеются у всех существительных, кроме *pluralia* и *singularia tantum*.

Форма единственного числа образуется отсутствием аффикса, форма множественного числа – с помощью словоизменительного аффикса [-s] и его алломорфа [-es], присоединяемого к основе существительного мужского или женского рода:

el arbusto – los arbustos (куст – кусты),

la pata – las patas (лапа – лапы),

el leon – los leones (лев – львы),

el mes – los meses (месяц – месяцы).

Категория рода имеет формы мужского и женского рода. С помощью суффикса – показателя рода образуются соотносительные пары имен действующих лиц. Н.А. Катагощина и Е.М. Вольф называют их «лексическим противопоставлением по роду» [Катагощина Н.А., Вольф Е.М. 1968, 86]. Приведем такие примеры:

el pintor (художник) – la pintora (художница),

el maestro (учитель) – la maestra (учительница),

el vendedor (продавец) – la vendedora (продавщица).

Любое существительное, обозначающее лицо, может образовывать формы как мужского, так и женского рода. Для имен других семантических классов показатель рода может различать однокоренные лексемы с различным лексическим значением, между которыми существуют отношения семантической производности. Аффикс рода морфологически дифференцирует семантическое различие между этими лексическими единицами. В других случаях семантическое различие выражается родовой формой артикля, если аффикс отсутствует, либо не является значимым:

el editorial (редакционная статья) – la editorial (здание редакции),
el frente (фронт) – la frente (лоб),
el capital (капитал) – la capital (столица).

Приведем также примеры тех существительных, на различие значений которых указывает не только артикль, но и аффикс рода:

el fruto (результат, выгода) - la fruta (плод, фрукт),
el leño (полено, бревно) - la leña (дрова),
el madero (бревно, брус) - la madera (древесина).

В то же время между этими словами нет отношений грамматической производности и какие-либо слова по этой модели произвольно образованы быть не могут. Это позволяет сделать вывод, что род в испанском (в структуре имен существительных) – категория с несловоизменяемыми формами.

В.С. Виноградов и И.Г. Милославский отмечают, что «в отличие от русского языка, родовая принадлежность испанских существительных морфологически маркирована гораздо определеннее» [Виноградов В.С., Милославский И.Г. 1986, 16]. Показателем мужского рода является аффикс -o, женского -a. «Другие форманты также поддаются систематизации, хотя и не строго последовательной. Например, конечные гласные e, i, u и согласные l, n, r, s обычно свидетельствуют о принадлежности слова к мужскому роду: poste (столб), grisú (рудничный газ), espíritu (дух), recibí (квитанция), árbol (дерево), pan (хлеб), temor (страх), mes (месяц) и т.д.; конечные on, d, z характерны для существительных женского рода: unión (союз), pared (стена), paz (мир) и т.д. Но из данного правила есть немало исключений» [Там же, 17].

М. Криадо де Баль отмечал, что латинские существительные среднего рода распределились среди слов мужского и женского рода, причем в староиспанском имелась тенденция к отнесению их к формам женского рода, а в современном – к формам мужского рода [Criado de Val, M. 1972, 21].

В испанском языке, в отличие от русского, формы рода имеют наряду с синтетическими чертами большее количество аналитических черт. К синтетическим чертам здесь относятся:

1) нестандартность выражения значения рода, которая заключается в том, что

- не все имена имеют аффикс -o или -a,
- не всегда аффикс -a обозначает женский род,
- не всегда аффикс -o обозначает мужской род: слова la mano, la foto, la radio - женского рода,
- некоторые слова на -e, -l, -r не мужского, а женского рода: la noche (ночь), la calle (улица), la muerte (смерть), la gente (люди), la base (база), la ley (закон), la labor (труд), la cárcel (тюрьма), la sal (соль), la flor (цветок), la señal (сигнал),
- не все слова на -z, -on женского рода, перечисленные ниже относятся к мужскому: el arroz (рис), los ajedrez (шахматы), el lapiz (карандаш), el maíz (маис), el avión (самолет), el corazón (сердце),

2) несамостоятельность основы – основа имени без аффикса рода не является отдельным словом, за исключением некоторых основ на -e, -i, -u, -l, -n, -r, -s, а также -on, -d, -z.

Аналитическими чертами имени в испанском языке являются:

- 1) однозначность аффикса – показателя рода, он не имеет других грамматических значений;
- 2) четкое разграничение морфем, аффиксы -o и -a легко выделяются в любом испанском существительном.

В испанском, как и в русском, формы рода относятся к моционам формам, т.к. производны друг от друга, однако эта категория в двух сопоставляемых языках имеет существенные различия.

Во-первых, имеется различие в способе выражения рода. Если в русском на род указывает падежная флексия, для которой значение рода является одним из грамматических значений, то в испанском языке род выражается специальным аффиксом и является его единственным значением. Например, *Los niños juegan en el patio*. Аффикс **-o** в слове *patio* обозначает, что это слово мужского рода. В русском языке: *Дети играют во дворе*. Аффикс **-е** в слове *дворе* обозначает, что это слово имеет форму единственного числа, предложного падежа и относится к словам мужского рода, что выражается парадигматически – связью этой словоформы с формами *двор-?, двора, двору, двором*. Показателем рода выступает принадлежность формы к данной парадигме. В испанском языке родовой аффикс чаще всего сам является достаточным указанием на род. Для существительных с основой на **-е** и некоторых других показателем рода служит артикль.

Во-вторых, в русском языке имена существительные, обозначающие действующих лиц, могут иметь различные формы рода для лиц мужского и женского пола. Но эти формы являются разными словами, а не формами одного слова, потому что имеются не для всех лексем и образуются с помощью разных суффиксов: **-иц(а), -ниц(а), -щиц(а), -к(а), -истк(а), -овк(а), -их(а)** и других, при этом выбор того или иного суффикса для образования слова женского рода не объясняется грамматически, но содержит дополнительные лексические различия, например, *профессор – профессорша*. В некоторых словах суффиксом рода становится окончание: *раб – раба, супруг – супруга*.

В испанском языке существительные, обозначающие действующих лиц, регулярно и стандартно (для всех слов данной группы и одинаковым способом) образуют родовые пары, например, *testigo – testiga* (свидетель – свидетельница), *ovejo – oveja* (баран – овца), *raton – ratona* (крыса). Вместе с тем в подклассе существительных, обозначающих животных нередки случаи когда имя фигурирует только в одном из родовых разрядов: *el milano* (коршун, самец и самка), *la liebre* (заяц и зайчиха). Этот факт также указывает на несловоизменяемый характер форм рода.

Категория определенности выражается неморфологическим способом служебных слов: *un chico* – мальчик, существительное неопределенное, *el chico* – мальчик, существительное определенное. Во множественном числе: *unos chicos – los chicos*. Артикль выражает значение числа с помощью флексии, дублируя числовую форму самого имени, а также значение рода этого имени. Неопределенный артикль выражает значение рода с помощью аффикса: *un chico – una chica*, в артикле мужского рода нет аффикса, в артикле женского рода аффикс **-а**. Определенный артикль выражает значение рода с помощью супплетивных корневых морфем: *el chico – la chica*, значение мужского рода выражает артикль *el*, значение женского рода – артикль *la*. Эта категория аналитическая словоизменяемая, моциона.

Аналитизм этой категории в испанском языке состоит в выражении грамматических значений определенности/неопределенности вне слова – имени существительного, в раздельном выражении грамматических значений рода и числа с помощью специальных аффиксов и стандартизованности этих аффиксов. Рассмотрим пример: *unas bobinas* (какие-то катушки), *un-* – корень артикля, выражает грамматическое значение неопределенности, **-а-** – суффикс, выражающий грамматическое значение женского рода, **-s-** флексия, выражающая грамматическое значение множественного числа.

Вместе с тем синтетизм также имеет здесь место: выражение в артикле значений, выражаемых в самом имени и супплетивность корней определенного артикля – несомненные признаки синтетизма.

Имена существительные в испанском языке обладают категориями числа и рода, однако среднего рода в испанском языке нет. Наибольшую сложность в изучении русского языка представляет категория падежа, которой нет у существительных испанского языка. Основой для освоения падежной системы русского языка может служить установление соответствий русских падежных форм с испанскими синтаксическими конструкциями, содержащими различные предлоги.

Та же трудность распространяется и на изучение падежных форм прилагательных и причастий. Хотя эти формы являются синтаксически согласуемыми и не обладают самостоятельным грамматическим значением,

их освоение представляет трудность в том плане, что оно предполагает запоминание многочисленных падежных флексий.

§5. Типологические черты испанского языка

Подводя итог, можно отметить следующие фузионные черты испанского языка:

- 1) наличие многозначных аффиксов;
- 2) грамматическая омонимия (например, аффикс **-o-** показатель мужского рода существительных и прилагательных и 1-го лица ЕД числа глагола);
- 3) наличие грамматической синонимии (три типа спряжения глагола);
- 4) несамостоятельность основ
- 5) фонематическая изменяемость корней.

Агглютинативные черты испанского языка:

- 1) однозначность аффиксов числа и рода имён;
- 2) стандартность аффиксов числа и рода имён;
- 3) преобладание чёткого разграничения морфем в словах;

Синтетические черты испанского языка:

- 1) грамматическая оформленность слов;
- 2) аффиксальное образование частей речи;
- 3) согласование определений;
- 4) нестандартные способы формообразования

Аналитические черты испанского языка:

- 1) аналитические формы времён и залога;
- 2) субстантивация при помощи артикля;
- 3) раздельность выражения числа и рода имён;
- 4) раздельность выражения грамматических значений в глагольной словоформе.

Вопросы для самопроверки

1. В каком языке чаще встречаются стандартные морфемы?
2. В каком языке чаще встречаются агглютинативные стыки морфем?
3. Какие части речи в двух языках наиболее существенно различаются?
4. Какие части речи в двух языках обладают наибольшим сходством?
5. Чем различается категория рода существительного в двух языках?
6. Чем различается категория рода прилагательного в двух языках?
7. Чем различается выражение категории наклонения в двух языках?
8. Чем различается категория залога в двух языках?
9. Какими средствами выражаются падежные значения в испанском языке?
10. Какие способы словообразования преобладают в каждом из языков?
11. Чем различаются сложные слова в испанском и русском языках?
12. Каковы основные синтаксические различия испанского и русского языков?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте сопоставительную таблицу ведущих грамматических способов испанского и русского языков.
2. Дайте краткую характеристику изоморфных и алломорфных грамматических форм русского и испанского языков.

Темы рефератов

1. История сопоставительных исследований испанского и русского языков.
2. Общие черты и различия русской и испанской морфологии.
3. Словообразование в русском и испанском языках.
4. Сложение в русском и испанском языках.
5. Лингвокультурологическая специфика испанского и русского языков.

Список хрестоматийных материалов

Степанов Г.В. Испанский язык.

Тимофеев К.А. О транспозиции временных форм глагола в русском языке.

Литература

Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в совр. исп. языке. М., 1961.

Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1990.

Катагощина Н.А., Вольф Е.М. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа. М.: Наука, 1968

Лепеская Г.Ф. Сравнительная типология испанского и русского языков. Минск, 1985.

Милославский И.Г., Виноградов В.С. Сопоставительная морфология русского и испанского языков. М., 1986.

Рылов Ю.А. Очерки сопоставительного изучения испанского и русского языков. Воронеж, 1997.

Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М., 2006.

Alcina J.F., Blecua J.M. Gramática española. Barcelona, 1975.

Alarcos Llorach E. Fonología española. Madrid, 1974.

Criado de Val M. Gramática española y comentario de textos. Madrid, 1972 - 278 p.

Fernández Ramírez S. La nueva gramática académica: el camino hacia el esbozo (1973). Madrid, 1987.

Seco R. Manual de gramática española. Madrid, 1972.

Интернет-ресурсы

www.durov.com

www.multikulti.ru/Spanish/info/Spanish_info_138.html

www.businessspanish.com

www.studyspanish.com/tutorial.htm

<http://spanish.about.com>

Хрестоматийный материал к теме 17

1. [Степанов Г.В. Испанский язык.](#)
2. [Тимофеев К.А. О транспозиции временных форм глагола в русском языке.](#)

§1. Важнейшие черты русского языка

§2. Отличия русского языка от агглютинативных

§3. Отличия русского языка от изолирующих

§4. Особенности флективной синтагматики

Успешное изучение темы позволит:	Знания, умения и навыки главы 18: Уровни усвоения знаний	
	1. Иметь представление	о структуре слова, словосочетания и предложения во флективных и нефлективных языках о частях речи в китайском, турецком, арабском языках
	2. Понимать/ Знать	характеристики грамматических единиц в языках изолирующего и агглютинативного типа признаки изолирующих языков особенности агглютинативных и инкорпорирующих языков
	3. Уметь	определять сходства и различия русского языка и языков других типов сопоставлять аналитические и синтетические формы русского языка и нефлективных языков
4. Владеть (навыками)	навыками классификации морфологических форм и категорий навыками применения сопоставительного метода навыками сопоставления синтаксических единиц и явлений ключевыми понятиями сопоставительной грамматики и типологии	

§1. Важнейшие черты русского языка

Важнейшей грамматической единицей в русском языке является слово. «Слово – это синтаксически самостоятельный комплекс морфем, образующих жестко связанную структуру. Слово отличается от сочетания слов тем, что по крайней мере некоторые его элементы не могут употребляться всинтаксически изолированной позиции (например, выступать в качестве ответа на вопрос). Кроме того, элементы внутри слова связаны друг с другом гораздо более жесткими и прочными связями, чем элементы предложения (т.е. слова). Чем больше в языке степень контраста между жесткостью внутрисловных и межсловных связей, тем более отчетливой и хорошо выделяемой единицей является слово в данном языке. К таким «словесным» языкам относятся, например, классические индоевропейские языки (латинский, древнегреческий, литовский, русский). В этих языках морфемы внутри слова не обладают синтаксической самостоятельностью, т.е. части слова не могут в синтаксическом отношении вести себя так же, как слова» [Морфология // www.krugosvet.ru].

В языках типа русского слово действительно представляет собой «синтаксический монолит»: никакие синтаксические правила (опущения, перестановки, замены и т.п.) не могут действовать внутри слова.

§2. Отличия русского языка от агглютинативных

Не все языки, однако, обладают столь же «монолитными» словами, как русский и подобные ему. Существуют разнообразные типы отклонений от «словесного эталона». Прежде всего, во многих языках части слова проявляют тенденцию к большей самостоятельности, что делает границу между словом и морфемой менее четкой. В языках агглютинативного типа комплексы морфем (слова) и комплексы слов (предложения) часто могут быть описаны в сходных или близких терминах.

Второй тип отклонений от словесного эталона связан неслабостью межморфемных границ (как в агглютинативных языках), а скорее отсутствием морфемных комплексов как таковых. Это – наиболее яркая черта так называемых изолирующих, или аморфных языков, в которых нет или практически нет противопоставления между корнями и аффиксами: всякая морфема является корнем и способна к самостоятельному употреблению; показателей грамматических значений в таких языках практически нет. Таким образом, единственные морфемные комплексы, которые в таких языках могут возникать, – это сложные слова, которые часто бывает трудно отличить от сочетаний слов. Можно сказать, что в изолирующих языках слово просто равно морфеме, предложения строятся неизменно, сразу из морфем.

Кроме того, от агглютинативных языков русский язык отличается фузионным строением слова (прежде всего поликатегориальностью и нестандартностью флексий, а также фонемной вариативностью корня), а от изолирующих языков – более сложной системой и синтетическим выражением грамматических категорий.

К агглютинативным языкам относятся, например, тюркские, финские, угорские, монгольские, дравидийские, японский, корейский.

Для агглютинативных языков характерны развитая словообразовательная и словоизменительная аффиксация, отсутствие фонетически необусловленных вариантов морфемы, отсутствие грамматических чередований, единый тип склонения и спряжения.

Аффиксы агглютинативных языков характеризуются следующими чертами:

- однозначностью: каждый аффикс выражает, как правило, одну категорию;
- стандартностью: аффикс обычно не имеет вариантов;
- свободным присоединением к слову.

Грамматическая однозначность агглютинативных аффиксов (как словообразовательных, так и словоизменительных) не позволяет рассматривать какой-либо из них в качестве флексии.

Правила сочетаемости агглютинативных аффиксов с корнями являются только семантическими, формальных ограничений на сочетаемость в типично агглютинативных языках не бывает. Свобода сочетаемости аффиксов с корнями делает их самостоятельными, а устойчивость фонетического строя агглютинативных языков делает аффиксы стандартными по составу фонем.

В результате синтагматическая структура агглютинативного слова представляет собой стандартный набор позиций для корня и аффиксов, свободно заполняемый в соответствии с выражаемым содержанием.

Для агглютинативных языков основными грамматическими способами являются аффиксация и использование служебных слов. В языках этого типа встречаются сложные падежные системы в именах и разветвленные системы времён и наклонений в глаголах.

Русский язык может представлять для носителей агглютинативных, например, тюркских языков, определённые фонетические трудности, поскольку в них существуют более строгие правила, ограничивающие сочетаемость фонем в позициях начала и конца слова и морфемы.

§3. Отличия русского языка от изолирующих

Изолирующие языки характеризуются отсутствием форм словоизменения. Грамматические отношения между словами в предложении выражаются в этих языках порядком слов, служебными словами и интонацией. Поэтому для людей, говорящих на изолирующих языках, изучение русского языка представляет особую сложность: новой оказывается как система грамматических значений, выражаемых в русском языке, так и система грамматических способов, выражающих эти значения.

Простое слово в изолирующем языке состоит из одного корня, т.е. корневая морфема самостоятельно выступает в составе предложения в качестве отдельного слова. Это главное отличие изолирующих языков от русского: самостоятельное слово в русском языке обязательно имеет кроме корня изменяемый элемент – флексию.

Производное слово изолирующих языков, кроме корня, имеет в своем составе аффикс. Аффикс может выражать различные словообразовательные значения, его присутствие в слове для грамматики факультативно (необязательно) в том случае, если они являются грамматическими по своей семантике. Аффиксы, модифицирующие лексические значения, присутствуют в слове обязательно. Так, например, китайские корни, называющие предметы, могут обозначать как единичный предмет, так и множество предметов, поскольку употребление аффикса числа регулируется правилами не грамматики, а семантики и стилистики.

Фонологический строй изолирующих языков характеризуется значимостью слога (слоги являются морфемами) и многообразием функций интонации, которая выступает и как средство различения морфем.

Важнейшим свойством морфем в изолирующих языках является их **моносиллабизм**. Любая морфема состоит не больше и не меньше, чем из одного слога, а любой слог, существующий в данном языке, является морфемой. Это свойство позволяет выделить в изолирующих языках **силлабоморфему**, как минимальную фонеморфологическую единицу.

Силлабоморфемы изолирующих языков обладают слоговым тоном, который является важным различающим признаком. Такие морфемы легко выделяемы – их можно опознать по слоговым границам. Они стандартны, т.к. являются минимальными единицами не только на уровне морфологии, но и фонологии, и, следовательно, в них не может быть чередований фонем.

При этом корневые морфемы почти всегда многозначны, т.к. инвентарь морфем ограничен количеством слогов и тонов, возможных в данном языке. Аффиксальные морфемы формально не отличаются от корневых, т.к. происходят от корней, прилепившихся к слову и утративших самостоятельное лексическое значение. Эти аффиксы либо однозначны, либо выражают очень широкое и абстрактное значение.

В изолирующих языках слово, взятое вне предложения, остается неоформленным. «Оно не носит в своей формальной стороне никаких показателей, отражающих его основное синтаксическое значение, становясь тем самым до известной степени полисинтаксичным» [там же, 252]. Именно это и не позволяет выделять в языках изолирующего типа части речи, поскольку части речи – категория не синтаксическая, а морфологическая, присущая слову вне синтагмы. Поиск частей речи в изолирующих языках И.И. Мещанинов объясняет переносом на строй этих языков схемы детально разработанной на материале языков индоевропейской семьи.

Аналогичная точка зрения была высказана еще В. Гумбольдтом, который писал, что «слова, не подверженные флексии, не имеют признаков частей речи» [Гумбольдт 1984, 339]. По поводу изолирующих языков Гумбольдт замечал: «часто читатель должен сам определять на основании контекста является ли то или иное слово существительным, прилагательным, глаголом или частицей» [Гумбольдт 1984, 347].

Эта проблема представляет большой интерес для типологии. Её изучение показывает, что в форме языков, в их грамматике значительно больше специфических, чем универсальных явлений. Более универсальны некоторые семантические, содержательные категории. Например, в любом языке найдутся слова, обозначающие предметы, действия, признаки. Но это семантические, а не грамматические части слов. Чтобы быть грамматическими, такие классы слов должны иметь формальные морфологические различия. «Часть речи выявляется в ее грамматических категориях. Грамматические категории устанавливаются по грамматическим формам» [Мещанинов 1978, 250]. Следовательно, если слова неоформлены, то трудно выделить категории, а значит, и части речи.

Признание в изолирующем языке частей речи ведет к тезису об омонимии, о выполнении частеречных функций словами-омонимами. Специалист по китайскому языку В.И. Горелов по этому поводу пишет: «правильнее считать, что употребление слова в функциискольких частей речи не нарушает его тождества и не приводит к образованию слов-омонимов» [Горелов 1989, 26]. Употребление слова в качестве разных частей речи как раз и показывает, что в изолирующих языках нет такого морфологического явления, как части речи.

Ведущей тенденцией в строении предложения является **изоляция**, которую В.М. Солнцев определяет так: «изоляция – характеристика способа связи слов в предложении, при котором в формах слов не выражены

отношения слова к другим словам и тем самым не маркируется синтаксическая функция слова» [Солнцев 1995, 9].

Изолирующие языки характеризуются **аналитическим** устройством:

- информация расчленена по структуре высказывания – синтаксические значения выявляются отдельно от лексических в порядке слов и служебных словах;
- информация расчленена по структуре слова – корни сложного слова выражают семы, входящие в значение данного слова;
- отсутствует словоизменение;
- корни могут быть отдельными словами;
- грамматические значения выражаются чаще всего вне слова, редко – аффиксами;
- нет грамматических классов слов;
- нет грамматической омонимии и синонимии;
- порядок элементов несет грамматическое значение;
- в структуре слов нет грамматических комплексов.

По мнению В.М. Солнцева и Н.В. Солнцевой, которое следует решительно поддержать, «невыраженность отношений между словами в самих словах есть признак изоляции. Чем выше степень изоляции, тем выше аналитичность языка» [Солнцева, Солнцев 1965, 84].

К изолирующим языкам относятся, например, китайский, вьетнамский, тайский (Юго-Восточная Азия); йоруба, эве, акан, манинка (Западная Африка).

Русский язык отличается от нефлективных также и тем, что в нём части речи могут выполнять функции разных членов предложения, при этом в отдельных случаях синтагматика слова может повлиять на парадигматику следующим образом: грамматическая форма, использованная в предложении в нетипичной для данной части речи функции, может отделиться от исходной парадигмы и превратиться в иную часть речи. Таковы, например, отыменные наречия (*вдогонку, впритык, кувыркком, мимоходом*) или существительные отадективного образования (*столовая, ванная*).

В языках аналитического типа место слова в предложении является показателем того, к какой части речи оно относится. Слово в этих языках не может изменить место в предложении без утраты частеречного значения.

Б.А. Серебренников отмечал, что в агглютинативных языках любое существительное может выступать в качестве определения, например, мансийское *por kol* 'бревенчатый дом' (букв. 'бревно дом') [Серебренников, 1965, с. 14].

То же самое можно сказать и об изолирующих языках, где существительные выполняют функцию определения благодаря своей синтагматической позиции перед определяемым существительным, например, китайское *дунфан кэ* 'восточное отделение' (букв. 'восток отделение').

Подобные определения есть во флективно-аналитических языках, например, в английском: *morning newspaper* 'утренняя газета'. Однако в английском есть не только такие «прилагательные», выраженные порядком слов, но и настоящие флективные прилагательные, оформленные специальным аффиксом для выражения определительного категориального значения: *noisy* 'шумный', *colourful* 'цветной', где *-y, -ful* – аффиксы прилагательного как части речи.

§4. Особенности флективной синтагматики

Синтагматика грамматических категорий во флективных языках отличается ещё одной важной особенностью – наличием реляционных морфологических форм и выражаемых ими реляционных значений, соединяющих словоформы. К реляционным О.С. Широков относил формы спряжения, склонения и согласования [Широков 2003, 127]. Реляционные значения повторяются в формах нескольких слов и тем

самым грамматическая структура предложения выявляется в формах самих слов, а порядок слов оказывается свободен от грамматических функций и может быть использован для выражения коммуникативных значений, ср. *Новые интересные фильмы были представлены на кинофестивале / На кинофестивале были представлены новые интересные фильмы / На кинофестивале были представлены фильмы новые, интересные.* Значение числа подлежащего морфологически выражено в этом предложении пять раз.

Аналогичную структуру имеет внешняя синтагматика словоформы и в других флективных языках, например, в испанском: *Las películas nuevas y interesantes fueron presentadas en el festival cinematográfico.* Значение числа подлежащего здесь выражается шесть раз (дополнительным средством является артикль). Порядок слов в испанском языке оказывается более жёстким: здесь возможны перестановки обстоятельства, но определение обязано находиться после определяемого слова.

В английском языке – *New interesting films were presented at the festival* – значение числа выражено только два раза: в самом имени существительном и во вспомогательном глаголе, в порядке слов можно изменить только позицию обстоятельства, поставив его в начало предложения.

Реляционные значения как флективную черту называл ещё Э. Сепир, который писал: «Для того чтобы можно было говорить о «флективности», необходимы и наличие фузии, как общей техники, и выражение реляционных значений в составе слова» [Сепир, 1993, с. 129]. Правда, Э. Сепир тут же отказывался от такого определения флективности, считая, что оно смешивает форму и содержание языка. Однако форма и содержание в языке при всей их самостоятельности и асимметрии тесно связаны друг с другом, и наличие реляционной синтагматики во многом определяется фузионно-синтетической тенденцией.

Вопросы для самопроверки

1. Почему русский язык относят к «словесным» языкам?
2. Чем различаются межсловные и внутрисловные связи в русском языке?
3. Какие языки относятся к агглютинативным?
4. Чем русский язык отличается от агглютинативных языков?
5. Чем отличается слово в русском языке от агглютинативного слова?
6. Какие языки относятся к изолирующим?
7. Какими грамматическими чертами отличаются морфемы изолирующих языков от морфем русского языка?
8. Чем различаются простые слова в русском и китайском языках?
9. Чем различаются производные слова в русском и китайском языках?
10. В чём состоят различия русских и китайских сложных слов?
11. Какие трудности вызывает русский язык у носителей агглютинативных языков?
12. Какие трудности вызывает русский язык у носителей изолирующих языков?

Задания для самостоятельной работы

1. Составьте сопоставительную таблицу ведущих грамматических способов русского языка и одного из нефлективных языков.
2. Дайте краткую характеристику изоморфных и алломорфных грамматических форм русского и одного из нефлективных языков.

Темы рефератов

1. История сопоставительных исследований русского и агглютинативных языков.
2. История сопоставительных исследований русского и изолирующих языков.
3. Словоизменение во флективных и нефлективных языках.

4. Словообразование во флективных и нефлективных языках.
5. Синтаксис флективных и нефлективных языков.

Список хрестоматийных материалов

Дьяконов И.М. Семитские языки.
Солнцев В.М. Типологические свойства изолирующих языков.

Литература

Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989.
Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1978.
Морфология // www.krugosvet.ru
Сепир Э. Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
Серебренников Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л. 1965.
Солнцев В.М. Типологические свойства изолирующих языков (на примере китайского и вьетнамского языков). М., 1963.
Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.
Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965.
Широков О.С. Языковедение: введение в науку о языках. М., 2003.
Этова Р.А. Сопоставительный анализ грамматических систем русского и арабского языков. Глагол. М., 1979.
Этова Р.А. Сопоставительный анализ грамматических систем русского и арабского языков. Категория имени М., 1984.

Интернет-ресурсы

www.multikulti.ru/Turkish/info/Turkish_info_254.html
www.multikulti.ru/Arabic/info/Arabic_info_145.html
www.multikulti.ru/Chinese/info/Chinese_info_179.html
www.multikulti.ru/Thai/info/Thai_info_422.html
http://www.multikulti.ru/Finnish/info/Finnish_info_364.html

Хрестоматийный материал к теме 18

1. Дьяконов И.М. Семитские языки.
2. Солнцев В.М. Типологические свойства изолирующих языков.

Хрестоматийный материал

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ПРАЯЗЫКОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Т.В. Гамкредидзе

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ПРАЯЗЫКОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ (Сравнительно-историческое изучения языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. - М., 1988. - С. 145-157)

После безраздельного господства в языкознании первой половины XX в. проблематики синхронной лингвистики вторая его половина ознаменовалась возрастанием интереса к диахронической лингвистике, к проблемам языковых изменений и преобразований во времени. Это явилось некоторым возвратом, уже на новом методологическом уровне, к разработке проблем, возникших в классическом, сравнительно-историческом языковедении прошлого века. Такой интерес к проблемам языковых изменений и диахронической лингвистики обусловлен общим развитием лингвистической мысли последних десятилетий: преодолевая сосюрговскую антиномию между синхронной и диахронической лингвистикой, она стремится к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы большей объяснительной силой по сравнению с сугубо синхронными теориями описательной, таксономической грамматики, строящейся строго на основе эмпирической языковой данности.

В этом отношении лингвистическая наука не стояла особняком. Возврат к некоторому историзму, ранее характерному для науки конца XIX в., является, как известно, одной из общих тенденций развития научной мысли второй половины нашего столетия, пришедшей на смену строго синхронному структурализму и антиисторизму в науке первых десятилетий XX вв.

Однако лингвистическая наука вернулась к разработке старых, традиционных проблем обогащенная новыми методами лингвистического анализа, разработанными в недрах системной, синхронной лингвистики. Новизна этих методов в применении к традиционным идеям заключается не только в использовании разработанных в синхронной лингвистике точных операционных приемов лингвистического анализа, но и в глобальном подходе к феномену развивающегося, постоянно меняющегося во времени языка как к явлению сугубо системному, поддающемуся последовательному системному анализу.

Одним из основных условий праязыковой реконструкции и всего сравнительно-исторического языкознания вообще является положение о языковом развитии, понимаемом не как движение языка от простого к сложному или более совершенному, а как диахроническая изменчивость, варибельность языка, способность его к преобразованиям на всех уровнях языковой структуры.

На звуковом уровне подобные диахронические преобразования языка выражаются в изменениях определенных фонем в другие фонемы, представляющих собой по существу "расщепление" или "слияние двух фонем", характерных для более раннего состояния языка. Такие фонемные преобразования осуществляются в условиях избыточности языковой системы, которая и определяет возможность звуковых изменений языка. Избыточность языка как "неполной системы" и является тем структурным фактором, который делает возможной звуковую изменчивость языка. Вследствие этого языковая система не является застывшей структурой в отношении звуковых изменений и диахронического "движения" фонем. Однако характер подобных преобразований системы зависит уже не от степени избыточности системы, варьирующейся от языка к языку, а от более глубоких характеристик языковой структуры. Одной из таких характеристик языковой системы является иерархическое отношение "маркированности" или "доминации" между лингвистическими, в частности фонологическими, единицами.

Существуют универсальные модели сочетаемости, совместимости фонетических дифференциальных признаков в одновременной ("вертикальной") последовательности - в единовременных

пучках, представляющих определенные фонемы. Одни признаки сочетаются друг с другом на оси одной временной плоскости, что проявляется в высокой системной и текстуальной частотности фонемы, в состав которой входят эти признаки; другие признаки совмещаются в едином пучке ограниченнее, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входят данные дифференциальные признаки. К этому второму случаю относятся и пустые клетки - пробелы в парадигматической системе, которые можно рассматривать как случаи "трудной" сочетаемости признаков.

В этом смысле можно говорить о двух основных типов сочетаемости признаков: о "маркированной", или "рецессивной", и "немаркированной", или "доминантной". "Рецессивной" является сочетаемость признаков, характеризующаяся необычностью, редкостью, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входит данное сочетание признаков, и ее дистрибутивной ограниченностью. Подобная сочетаемость признаков, объясняемая их трудной совместимостью в одновременной последовательности, может вообще отсутствовать в определенных языковых системах, что выражается в наличии пустых клеток-пробелов в парадигматической системе. "Доминантной" является сочетаемость признаков, характеризующаяся обычностью, естественностью, что проявляется в более высокой частотности и в большей дистрибутивной свободе фонемных единиц, в состав которых входят такие сочетающиеся друг с другом признаки. Подобная "естественная" сочетаемость признаков объяснима их свободной артикуляторной и акустической совместимостью в одновременной последовательности, в результате чего возникает более сильная в функциональном отношении фонема.

"Функционально сильные", стабильные пучки дифференциальных признаков (resp. фонемы), определяемые обычно как "немаркированные" в противопоставление "маркированным", "функционально слабым" и нестабильным пучкам признаков (resp. фонемам), переименованы тут в "доминантные" пучки в противовес "рецессивным". Такое переформулирование иерархического отношения "маркированности" в отношении парадигматической "доминации" с соответствующими "доминантным" и "рецессивным" членами оппозиции представляется целесообразным ввиду многозначности традиционных терминов "маркированный / немаркированный", все еще употребляемых в их первоначальном смысле для обозначения соответственно "признакового" (merkmalhaltig) / беспризнакового (merkmallos) членов отношения. Термины "доминантный / рецессивный" заимствуются из современной молекулярной биологии, для которой характерно, как известно, широкое применение лингвистических терминов при определении понятий генетического кода (Gamkrelidze, 1979. 283-240).

Наличие иерархических зависимостей в системе между отдельными фонологическими единицами - пучками дифференциальных признаков, сказывающееся в отношениях "доминации", свидетельствует о существовании в языковой системе строгой стратификации фонологических ценностей.

В соответствии с такими универсально значимыми соотношениями и происходят диахронические фонемные преобразования в языке. Целый ряд диахронических фонемных изменений в системе, кажущихся на первых взгляд разрозненными и не связанными друг с другом, может быть осмыслен как взаимозависимые, взаимообусловленные преобразования, регулируемые подобной иерархией фонологических значимостей. В частности, выявляемая доминантность переднего ряда звонких смычных и фрикативных по сравнению с задним рядом и, наоборот, доминантность заднего ряда незвонких смычных и фрикативных по сравнению с передним, общая доминантность смычных согласных по отношению к соответствующим фрикативным и т.д. позволяют определить последовательность фонемных изменений в конкретных языковых системах и установить универсально значимые модели диахронических фонемных преобразований.

Универсально значимая иерархия фонологических единиц предполагает, как было отмечено выше, наличие фонем и с низкой частотностью, доходящей до нуля (пустые клетки в системе). Эти парадигматические закономерности системы должны постоянно учитываться как при синхронном описании языка, так и в языковой диахронии, в частности при реконструкции языковых систем. Наличие пустой клетки с точки зрения теории доминанции не является аномалией и, следовательно, при отсутствии данных внешнего сравнения не предопределяет необходимости ее заполнения при внутренней реконструкции

древнего состояния языка, как это часто практикуется в диахронической лингвистике (ср. случаи с заполнением так называемых "cases vides" у Мартине).

Другой основной предпосылкой сравнительно-генетического языкознания является тезис о "произвольности" языкового знака. Хотя "произвольность" языкового знака следует трактовать несколько иначе, чем это представлено у Соссюра, и можно утверждать в свете "принципа дополнительности" о мотивированности связи между означаемым и означающим на уровне "горизонтальных отношений", однако "вертикальные" отношения между означаемым и означающим можно считать "произвольными" в смысле Соссюра, и на этом принципе строится по существу вся система сравнительно-исторического языкознания [ср.: Гамкрелидзе, 1972, 33-39; Gamkrelidze, 1974, 102-110].

При обнаружении формально-смыслового сходства между двумя или несколькими языками, т.е. сходства в двух планах одновременно, как означающих, так и означаемых знаков этих языков, естественно встает вопрос о причинах возникновения такого сходства в знаках различных языков. Исходя из тезиса об ограниченности (в указанном выше смысле) произвольности знака, такое формально-смысловое совпадение знаков различных языков (т.е. фонетическое сходство двух или более знаков при их смысловой близости или тождестве) можно было бы истолковать как факт случайного совпадения двух или более знаков различных языков. Вполне возможно допустить, что по совершенно случайным факторам комбинаторики совпали в двух или даже более языках несколько слов, схожих по фонетическому звучанию и по значению. Можно даже вычислить с некоторым приближением вероятность случайного совпадения в двух или более языках двух или более совпадающих или сходных слов определенной длины. Вероятность гипотезы о случайном совпадении для объяснения такого сходства будет уменьшаться в соответствии с увеличением количества языков, в которых обнаруживаются такие сходные знаки, и в еще большей степени с увеличением количества знаков в этих языках, обнаруживающих такие сходства или совпадения.

Другой более вероятной гипотезой для объяснения подобных совпадений в соответствующих знаках двух или более языков должно считаться объяснение этого сходства историческими контактами между языками и заимствованием слов из одного языка в другой (или в несколько языков) либо в оба эти языка из третьего источника.

Но не все виды формально-семантического сходства знаков двух или более языков могут быть истолкованы как результат заимствования. Существует тип сходства между знаками различных языков, который выражается в наличии регулярных фонетических соотношений между сходными знаками; этот тип сходства не объясняется в общем случае заимствованием слов одних языков в другие. Сходство этого типа между знаками предполагает наличие таких звуковых соотношений между языками, при которых каждой фонеме /x/ языка А соответствует в формально-семантически сходном знаке языка В фонема /y/, в таком же знаке языка С - фонема /z/ и т.д. Такие звуковые соотношения между языками обнаруживаются обычно в группах слов и морфем, отражающих базисные понятия человеческой деятельности и среды. Последний вид сходства, обнаруживающий регулярные соотношения между звуковыми единицами рассматриваемых языков, нельзя удовлетворительно объяснить ни случайным совпадением слов различных языков в звучании и значении, ни тезисом о заимствовании слов из одного языка в другой или обоими этими языками из третьего. Единственным вероятным объяснением сходства этого типа в соотносимых знаках различных языков является допущение общего происхождения рассматриваемых языковых систем, т.е. их происхождение от какой-то общей исходной языковой системы, преобразовавшейся в различных направлениях. Такое объяснение фонемных соответствий между языками предполагает необходимость реконструкции этой системы с целью изучения возникновения и путей преобразования исторически засвидетельствованных родственных языковых систем.

Сравнение языков, ориентированное на установление закономерных фонемных соответствий, должно привести логически к реконструкции той языковой модели, преобразование которой в разных направлениях и дало нам исторически засвидетельствованные языковые системы. Сравнение родственных языков, не имеющее целью реконструкцию праязыковой системы, не может считаться завершающим этапом исследования истории рассматриваемых языков. Бесписьменная история родственных языков восстанавливается лишь в том случае, если удастся свести к общим исходным моделям все разнообразие

исторически засвидетельствованных языковых структур. В таком случае удастся восстановить пути возникновения и развития этих систем, начиная с исходного состояния вплоть до исторически засвидетельствованных событий.

Установление генетического родства языков ставит естественным образом вопрос о реконструкции исходной, так называемой праязыковой, системы и о ее лингвистических методах. Реконструкция праязыковой системы достигается путем сопоставления исторически засвидетельствованных родственных языковых систем и ретроспективного движения от одного языкового состояния к другому, более раннему. Ретроспективное движение должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языковые системы при допущении определенного множества последовательных трансформаций, которые и определяют "диахроническую выводимость" системы. Подобные трансформации предполагают установление исходной языковой системы и более поздних языковых состояний, являющихся результатом ее структурных преобразований. С помощью таких диахронических трансформаций и постулируются исходные структурные модели.

По своей объяснительной силе диахронические трансформации, выводящие исторически засвидетельствованные формы языка из определенных теоретических конструкторов, которые считаются более ранними в хронологическом отношении ступенями этих форм (их "архетипами"), могут быть сопоставлены с "трансформациями" порождающей грамматики, выводящими наблюдаемые элементы поверхностной структуры из теоретически постулируемых базисных конструкций, составляющих глубинную структуру языка. Описание диахронических изменений языка через правила трансформации представляет собой в сущности последовательное перечисление дискретных шагов, каждый из которых отражает одно из синхронных состояний в развитии языка. Чем меньше хронологическое расстояние между такими "шагами", тем точнее и адекватнее описание развития языка, отражающее последовательные переходы трансформации, начиная с исходного состояния.

Постулирование исходной системы языка-основы представляет собой в то же самое время реконструкцию и восстановление предыстории и путей становления и развития исторически засвидетельствованных родственных языковых систем, начиная с исходного вплоть до документально фиксированного исторического состояния этих языков. Поэтому логическим завершением всякого сравнительно-исторического изучения языков и установления фонемно-структурных соотношений между ними следует считать реконструкцию их праязыкового состояния, отражающего общую для всех этих языков исходную языковую систему, и постулирование определенных правил преобразования, или трансформаций, позволяющих вывести исторически засвидетельствованные родственные системы из теоретически постулированной языковой модели. По меткому замечанию Соссюра, генетическое сравнение языков "стерильно", если оно не приводит к реконструкции исходной языковой модели.

В зависимости от того, в какой форме постулируется система языка-основы, какие звуковые и грамматические структуры ей приписываются, и восстанавливается предыстория родственных языковых систем, реконструируются пути их становления и развития, начиная с их исходного общего состояния, отраженного системой языка-основы, вплоть до исторически фиксированных состояний.

Вместе с тем к постулируемой системе языка-основы следует предъявлять эмпирические требования типологической реальности, непротиворечивости и полноты. Под типологической реальностью и непротиворечивостью понимается такая совокупность языковых структур, которая не противоречит типологически устанавливаемым языковым закономерностям. Установлением синхронных универсальных языковых структур занимается одно из основных направлений в современной лингвистике - типологическая лингвистика и лингвистика универсалий. Тем самым на современном этапе развития лингвистической науки можно с высокой степенью вероятности судить о типологической реальности и непротиворечивости теоретически постулируемой исходной языковой системы. Критерий типологической реальности резко сужает круг теоретически возможных языковых систем, постулируемых в качестве исходной для систем исторически засвидетельствованных родственных языков. Действительно, реконструируемые лингвистические модели исходной языковой системы, если они претендуют на отражение реально

существовавшего в пространстве и времени языка, должны находиться в полном соответствии с типологически выводимыми универсальными закономерностями языка, устанавливаемыми индуктивно или дедуктивно на основании сопоставления множества различных языковых структур.

Но критерий типологической непротиворечивости не является единственным эмпирическим мерилем реальности постулируемой исходной языковой системы. Не меньшее значение, чем соответствие системы синхронным типологическим данным, имеет при оценке реальности постулируемой системы соответствий ее диахронической типологии, т.е. типологическое соответствие допускаемых в такой системе правил структурных трансформаций моделям языковых изменений, устанавливаемым при изучении изменений и преобразований в структурах исторических языков самых различных типов. Установлением и изучением подобных универсальных моделей преобразований языковых структур и должна заниматься диахроническая типология, которая в противовес синхронной типологии интересуется преимущественно универсально значимыми схемами изменений и преобразований языковых структур во времени.

Таким образом, соответствие теоретически постулируемой системы языка-основы как синхронной типологии, так и типологии диахронической является тем основным критерием теоретически постулируемой системы, который позволяет оценить степень реальности системы и отдать предпочтение одной определенной системе среди типологически возможных систем, постулируемых в качестве языка-основы для группы родственных языков. Типологическая верификация реконструируемых лингвистических моделей (как синхронная, так и диахроническая) становится, таким образом, одной из основных предпосылок постулирования исходных языковых структур, необходимой для проверки их вероятности и реальности.

По поводу методологических вопросов, связанных с применением типологических данных в лингвистических реконструкциях, можно особо отметить то, что типология должна выступать не как основа для реконструкции, против чего справедливо возражает ряд исследователей [Dunkel, 1981, 559-565], а как эмпирический индикатор для выбора конкретной реконструированной языковой структуры из нескольких возможных структур, получаемых путем сравнительной и внутренней реконструкции; она должна выступать как верифицирующий фактор для конкретной реконструкции, которой именно в силу этого отдается предпочтение перед другими возможными реконструкциями, не находящими типологического оправдания. В таком понимании типология выступает как бы в функции существенного эмпирического критерия для оценки предполагаемых реконструкций, которые должны основываться на сравнительно-историческом анализе языковых фактов. Поэтому неоправданно называть этот метод "типологической реконструкцией" и противопоставлять его "сравнительной реконструкции", как это делает Дж. Дункель [там же, 568], легко "разделяющийся" со всей типологической проблематикой в диахронической лингвистике, что объясняется недостаточным пониманием автором соответствующей проблемы.

Принятие тезиса о реальности предлагаемых реконструкций, на необходимость чего указывал Р.О. Якобсон в своем ставшем классическим еще при жизни ученого докладе на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло в 1957 г., определяет целый ряд методологических принципов сравнительно-генетических исследований, и в первую очередь их тесную связь с принципами лингвистической типологии. В этом смысле генетическая (сравнительно-историческая) лингвистика, т.е. лингвистика, устанавливающая родственные отношения между группами языков и дающая путем сравнения и сопоставления этих языковых структур реконструкции их исходных моделей, составляет в принципе единую дисциплину со структурно-типологической лингвистикой и лингвистикой универсалий.

Односторонность и ограниченность классического сравнительно-исторического индоевропейского языкознания заключалась в том, что реконструируемая модель общиндоевропейского праязыка являлась тут лишь результатом внешнего сравнения отдельных родственных систем и в некоторых теориях дополнялась внутренними реконструкциями на основании анализа определенного типа отношений в пределах одной системы. При этом не учитывалась эксплицитно лингвистическая вероятность полученной модели в смысле ее типологического соответствия потенциально возможным языковым структурам. Это привело в классическом индоевропейском языкознании к постулированию такой исходной языковой

системы, которая, будучи в противоречии с синхронными типологическими данными, не может считаться лингвистически реальной.

В частности, при оценке традиционно постулируемой системы общеиндоевропейского консонантизма с применением критерия эмпирической реальности языковой системы выясняется, что система консонантизма, принимаемая в классическом индоевропейском языкознании в качестве исходной для всех исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, внутренне противоречива и не соответствует синхронной типологии языков. Более того, она противоречит универсальным языковым закономерностям, устанавливаемым в лингвистике универсалий. Следовательно, такая теоретически постулируемая модель не может считаться системой, отражающей реально существовавший язык, который преобразовался в дальнейшем в системы родственных индоевропейских языков. Соответственно не могут считаться реальными и те фонетические изменения и преобразования, которые допускались в классической индоевропейской сравнительной грамматике при объяснении и описании трансформаций исходной системы в исторически засвидетельствованные индоевропейские языки.

Уже с самого начала сравнительных штудий в области индоевропейских языков, т.е. фактически со времени основания сравнительно-исторического языкознания выдающимися представителями лингвистической науки XIX в., общеиндоевропейская система консонантизма, из которой выводились системы всех исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, постулировалась в виде определенных фонемных рядов, совпадающих в основном с системой древнеиндийского - древнейшего представителя из известных в то время индоевропейских языков. Такая система общеиндоевропейского консонантизма (в частности, подсистема смычных фонем) с незначительными изменениями и уточнениями, внесенными в ходе дальнейших исследований, постулируется в современной индоевропейской компаративистике в виде трех фонемных серий, определяемых как: I звонкие ~ II звонкие придыхательные ~ III глухие. Из постулируемой в таком виде системы общеиндоевропейского консонантизма выводятся все исторически засвидетельствованные системы индоевропейских языков путем допущения определенных фонемных преобразований исходной системы, в результате которых должны были возникнуть конкретные индоевропейские языки с различными системами консонантизма.

Само собой разумеется, при подобном постулировании исходного общеиндоевропейского консонантизма, смоделированного в основном по образцу древнеиндийского, последний выступает как система, в которой исходный общеиндоевропейский консонантизм претерпел наименьшие преобразования. Незначительные преобразования допускаются при постулировании подобной общеиндоевропейской системы и для греческого и италийского (оглушение и спирантизация серии II индоевропейских смычных), славянских языков и кельтского (дезаспирация серии II индоевропейских смычных). Самые значительные фонемные преобразования реконструируются при постулировании подобной исходной индоевропейской системы для германских языков и армянского, в которых предполагается так называемое передвижение согласных, т.е. сдвиг каждой из трех серий общеиндоевропейской системы на один шаг, один фонемный признак: серия I (звонкие (b), d, g) передвигается в глухие (p), t, k; серия II (звонкие придыхательные bh, dh, gh) передвигается в звонкие чистые b, d, g; серия III (глухие) передвигается в глухие придыхательные ph, th, kh, давшие в дальнейшем спиранты. Такое передвижение согласных в германских языках, известное в сравнительно-историческом языкознании под названием "закон Гримма", рассматривается традиционно как классический образец системных фонемных преобразований в языке и приводится обычно во всех учебных пособиях по лингвистике в качестве иллюстрации подобных преобразований.

Вся история формирования и развития конкретных индоевропейских языков (таких, как индоиранские, греческий, италийские, славянские, германские и др.) строится в классическом индоевропейском языкознании в зависимости от характера и структуры постулируемой исходной общеиндоевропейской системы. Весь огромный корпус языковых фактов и открытий, накопленный классическим сравнительным индоевропейским языкознанием на протяжении более чем 150-летнего существования, интерпретируется в диахроническом плане на фоне традиционно постулируемой исходной системы общеиндоевропейского консонантизма. Все без исключения сравнительные грамматики и сравнительные словари индоевропейских языков строились и строятся до самого последнего времени с

учетом традиционно установленной системы общеиндоевропейского консонантизма. Постулируемая исходная система определяет, таким образом, самый характер предполагаемых фонемных преобразований, которые должны были привести к формированию исторических индоевропейских языков; она определяет весь ход доисторического фонетического развития этих языков. Для объяснения подобных доисторических фонетических процессов, которые должны были предположительно иметь место при таком допущении в конкретных индоевропейских диалектах, и были сформулированы в классическом индоевропейском языкознании так называемые фонетические законы: упомянутый ранее закон Гримма, а также закон Грассмана, закон Бартоломэ и др.

По значимости исходной языковой модели в системе сравнительно-исторической грамматики родственных языков такая модель сравнима с системой аксиом в логико-дедуктивной теории. В зависимости от характера и состава аксиом меняется основывающаяся на них теория. Но если в отношении системы аксиом в логико-дедуктивной теории не ставится вопрос об истинности системы аксиом, об их соотношении с эмпирической реальностью, в отношении исходной языковой системы критерий реальности имеет существенное значение, поскольку он определяет степень вероятности постулируемой исходной языковой модели, долженствующей отражать языковую систему, некогда существовавшую в пространстве и времени и давшую начало конкретным исторически засвидетельствованным родственным языкам.

Методологически оправданным представляется подход австрийского ученого Хайдера к проблеме соотношения типология и праязыковой реконструкции в связи с вопросом о праиндоевропейской системе смычных [Haider, 1983, 79-92]. Хайдер считает возможным в принципе приписать общеиндоевропейской системе смычных отмечаемые типологические слабости, которые и явились якобы причиной фонологических изменений системы и превращения ее в "стабильные" системы исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. Тезис Хайдера допускает возможность фонемных преобразований только в типологически "нестабильных" системах, что принципиально неверно (сами "стабильные", по Хайдеру, древние индоевропейские языки претерпевают в процессе исторического развития не менее существенные фонемные изменения). Если бы традиционно постулируемая праиндоевропейская система смычных была исторически засвидетельствованным языковым фактом, пришлось бы искать объяснений такой типологической исключительности в редкости данной языковой системы. Но поскольку в случае праиндоевропейской "языковой системы" мы имеем дело с языковой моделью, которую необходимо теоретически реконструировать в качестве исходной для исторически засвидетельствованных родственных языковых систем, то ее следует постулировать именно в виде структур, наименее уязвимых в отношении синхронной и диахронической типологии. Лишь такой подход к праязыковой реконструкции может соответствовать методологическим требованиям современной диахронической лингвистики. Рассматривая точку зрения Хайдера, мы имеем, очевидно, дело с наблюдаемым у некоторых исследователей стремлением "спасти" традиционную индоевропейскую систему смычных, которая сама по себе является лишь реконструированной языковой моделью, постулированной в результате теоретического осмысления соотношений исторически засвидетельствованных родственных языков, а не исторически засвидетельствованной системой индоевропейского праязыка, являющейся поэтому такой же гипотезой, как и любая другая. Представляется, что даже такой теоретический конструкт, как классическая система праиндоевропейского консонантизма, может быть пересмотрен в постулировании приемлемой в свете новейших данных альтернативной модели, если подобная процедура оправдана всем ходом развития сравнительно-исторических и типологических языковых штудий на современном уровне.

Приведение традиционно постулируемой системы консонантизма индоевропейского языка в соответствие с языковой типологией, как синхронной, так и типологической, при полном учете данных сравнительного анализа исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, заставляет полностью пересмотреть реконструируемую праиндоевропейскую систему и интерпретировать ее как модель с тремя фонемными сериями, противопоставленными как: I глоттализованная ~ II звонкая (придыхательная) ~ III глухая (придыхательная), но со звонкими и глухими смычными фонемами, появляющимися позиционно в форме аспирированных и соответствующих неаспирированных вариантов.

Традиционная система			Реинтерпретированная система		
I	II	III	I	II	III
(b)	bh	p	(p')	b[h]	p[h]
d	dh	t	t'	d[h]	t[h]
g	gh	k	k'	g[h]	r[h]
g [^]	g [^] h	k [^]	k [^] '	g [^] [h]	k [^] [h]
gw	gwh	kw	k'o	g[h]o	k[h]o

При этом неправомерно считать, что постулируемая нами система праиндоевропейского консонантизма не различает противопоставления смычных по признаку "звонкости / глухости" [Erhart, 1984, 405]. Интерпретация традиционных "звонких" в качестве "незвонких глоттализированных" вовсе не устраняет оппозицию по звонкости / глухости в системе индоевропейских смычных фонем, а преобразует ее, оставляя в качестве собственно звонких смычных серию II, противостоящую двум остальным, незвонким сериям.

В такой интерпретации трех серий общеиндоевропейских смычных получает естественное функционально-фонологическое объяснение целый ряд фактов языковой структуры, непонятных и типологически необъяснимых с точки зрения традиционной модели общеиндоевропейского консонантизма, как, например, отсутствие или слабая представленность звонкого лабиального *b в фонологической системе, отсутствие глухих придыхательных, ограничения, накладываемые на структуры корня.

Попытка оспаривать дано установленное в индоевропеистике положение об отсутствии или, во всяком случае, слабой представленности в праиндоевропейской системе смычных звонкого лабиального *b (точнее, той фонемы, которая в традиционной системе рассматривается как лабиальный член звонкой серии смычных), предпринимаемая рядом исследователей [Джаукян, 1982, 59-67], объясняется, как нам кажется, не вполне корректным пониманием некоторыми лингвистами [Erhart, 1984] связанной с праязыковой реконструкцией типологической проблематики. Вопрос касается не отсутствия в праиндоевропейском вообще звонких смычных фонем, в том числе и звонкой лабиальной смычной (такowymi в праиндоевропейской системе были, очевидно, так называемые звонкие придыхательные), в фонологической интерпретации в нашей системе той серии смычных, которая в классической индоевропейской теории восстанавливается как "чистая звонкая серия".

В новой интерпретации общеиндоевропейская система смычных оказывается более близкой к системам, традиционно определявшимися как системы с "передвижением согласных" (в германских, армянском, хеттском), тогда как системы, считавшиеся в отношении консонантизма близко стоявшими к общеиндоевропейской системе (и в первую очередь древнеиндийская) оказываются результатом сложных фонемных преобразований исходной языковой системы. Таким образом возникает картина доисторического развития индоевропейских диалектов, прямо противоположная той, какая была принята в классическом индоевропейском языкознании. В зависимости от этого меняются и традиционно устанавливаемые "траектории" преобразования общеиндоевропейских смычных фонем, приобретающие при новой интерпретации общеиндоевропейской системы противоположную традиционной направленность. Соответственно переосмысляются и основные "фонетические законы" классического индоевропейского языкознания, такие, как закон Гримма, закон Грассмана, закон Бартоломэ и др., приобретающие в свете новой фонологической интерпретации индоевропейской системы смычных иное содержание [Гамкрелидзе, Иванов, 1972, 15-18; Gamkrelidze, 1981, 571-689].

Система этих новых взглядов на праиндоевропейский консонантизм стала именоваться в зарубежной литературе "глоттальной теорией" и сравниваться по своей значимости для индоевропейской сравнительно-исторической фонологии с "ларингальной теорией" [Vomhard, 1979, 66-110].

Новая модель индоевропейского праязыка, в определенном смысле новая индоевропейская "система отсчета", заставляет коренным образом пересмотреть всю систему постулатов классического индоевропейского языкознания и предложить соответственно новую картину возникновения и доисторического развития индоевропейских языков.

По этому поводу американский лингвист-индоевропеист Ф. Больди отметил: "Ясно, что глоттальная теория представляет собой новую парадигму в индоевропейском языкознании, сравнимую по масштабам с ларингальной теорией, и принятие этой теории приведет к необходимости полного пересмотра всех основ индоевропейского языкознания... Тот факт, что это потребует радикальной переработки всех словарей и руководств, так же как и отмены таких освященных временем общепринятых положений, как "закон Гримма" и армянское передвижение согласных, не может служить оправданием для того, чтобы от этой теории отказаться" [Baldi, 1981, 52-53].

Все эти проблемы, связанные с общим прогрессом типологических и сравнительно-исторических штудий и в соответствии с этим с методологическим переосмыслением процедуры праязыковой реконструкции, заставляет пересмотреть традиционные схемы классической индоевропейской компаративистики и предложить новые сравнительно-исторические построения, в сущности новую систему сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

Литература

Гамкрелидзе Т.В. К проблеме "произвольности" языкового знака // ВЯ, 1972, № 6.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12-14 декабря). Предварительные материалы. М., 1972.

Джаукян Г.Б. Индоевропейская фонема *b и вопросы реконструкции индоевропейского консонантизма // ВЯ, 1982, № 5.

Baldi Ph. [Рецензия] // *General Linguistics*, 1981. Vol. 21, № 1. - Рец. на кн.: *Festschrift for Oswald Szemerényi: On the occasion of his 65th birthday...* [s.a.]. Vol. 17. Pt. 1.

Bomhard A. The Indo-European phonological system: New thoughts about its reconstruction and development // *Orbis*, 1979. Vol. 28, № 1.

Dunkel G. Typology versus reconstruction // *Bono Homini Donum: Essays in historical linguistics. In memory of J. Alexander Kerns* / Ed. by Y.L. Arbibman, A.R. Bomhard. Amsterdam: John Benjamins B. V. 1981. Pt. 2.

Erhart A. Nochmals zum indoeuropaischen Konsonantismus // *ZPhSK*, 1984, Bd. 34.

Gamkrelidze Th. V. The problem of "L'arbitraire du signe" // *Language*, 1974. Vol. 50, № 1.

Gamkrelidze Th. V. Hierarchical relationships of dominance as phonological universals and their implications for Indo-European Reconstruction // *Festschrift for Oswald Szemerényi: Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam, 1979, Vol. 2.*

Gamkrelidze Th. V. Language typology and language universals and their implications for the reconstruction of the Indo-European stop system // *Bono Homini Donum: Essays in historical linguistics. In memory of J. Alexander Kerns* / Ed. by Y.L. Arbibman, A.R. Bomhard. Amsterdam: John Benjamins B. V. 1981. Pt. 2.

Haider H. Der Fehlschluss der Typologie: Bemerkungen zur Rekonstruktion im allgemeinen und den indoeuropaischen Mediae aspiratae im besonderen // *Philologie und Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1983.*

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ВКЛАД В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Р. Якобсон

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ВКЛАД В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

(Новое в лингвистике. Вып. III. - М., 1963. - С. 95-105)

Высказывание Альфа Соммерфельта, с которого я начал свою монографию о всеобщих звуковых законах, до сих пор не утратило своей силы: "Между фонетическими системами (или - более широко - *между системами языковыми*. - Р. Я.), существующими в мире, нет *принципиального различия*".

1. *Говорящие сравнивают языки*. Как указывают антропологи, одна из наиболее примечательных особенностей общения между людьми заключается в том, что ни один народ не может быть столь примитивным, чтобы не быть в состоянии сказать: "У тех людей другой язык... Я говорю на нем или я не говорю на нем; я слышу его или я не слышу его". Как добавляет Маргарет Мид, люди считают язык "таким аспектом поведения других людей, которому можно научиться". Переключение с одного языкового кода на другой, возможно, и практикуется в действительности именно потому, что языки изоморфны: в основе их структуры лежат одни и те же общие принципы.

Разговоры в речевом коллективе о чужих языках, как и всякую речь о речи, логики относят к "метаязыку". Как я старался показать в обращении к Лингвистическому обществу Америки в 1956 году, метаязык, как и реальный язык-объект, является частью нашего словесного поведения и представляет собой, следовательно, лингвистическую проблему.

Сепир, обладавший редким даром проникновения в простые, ускользающие от внимания явления, писал о нас как говорящих: "Мы можем... сказать, что все языки отличаются друг от друга, но что некоторые языки различаются гораздо больше, чем другие. Это равносильно утверждению, что языки можно классифицировать по морфологическим (можно добавить фонологическим и синтаксическим - Р. Я.) типам". Мы, лингвисты, "нашли бы слишком легкий выход, если бы освободили себя от трудностей творческого конструктивного мышления и приняли ту точку зрения, что каждый язык характеризуется единственной в своем роде историей и, следовательно, единственной в своем роде структурой".

2. *Отставание и прогресс в типологических исследованиях*. Неудача попытки Фридриха Шлегеля создать типологическую классификацию языков, как и ошибочность его взгляда на родословное древо индоевропейских языков, отнюдь не снимает данной проблемы, но, напротив, требует ее адекватного решения. Непродуманные и скороспелые рассуждения по поводу языкового родства скоро уступили место первым исследованиям и достижениям сравнительно-исторического метода, тогда как вопросы типологии на долгое время сохранили умозрительный, донаучный характер. В то время как генеалогическая классификация языков добилась поразительных успехов, для типологической их классификации время еще не наступило. Первенствующая роль генетических проблем в науке прошлого столетия оставила своеобразный след и в типологических сочинениях того века: морфологические типы понимались как стадии эволюционного развития языков. Доктрина Марра (учение о стадильности) была, вероятно, последним пережитком этой тенденции. Но даже в квазигенетическом виде типология вызывала недоверие младограмматиков, поскольку любые типологические исследования подразумевают дескриптивные приемы анализа, а дескриптивный подход был заклеен как ненаучный догматическими "Принципами истории языка" Г. Пауля.

Совершенно естественно, что Сепир - один из первых зачинателей дескриптивной лингвистики - выступил в защиту изучения типов языковых структур. Однако разработка методов всестороннего описания отдельных языков поглотила силы большинства ученых, работавших в этой новой области; любая попытка сравнения языков воспринималась как искажение внутренних принципов одноязычных исследований. Понадобилось время, чтобы лингвисты поняли, что описание систем языков без их таксономии, так же как

таксономия без описания отдельных систем, - это вопиющее и явное противоречие: оба они предполагают друг друга.

Если в период между войнами всякий намек на типологию вызывал скептические предостережения - "Jusqu'ou la typologie peut egarer un bon linguiste" ("типология может сбить с толку хорошего лингвиста"), - то в настоящее время нужда в систематических изысканиях в области типологии ощущается, как никогда. Вот несколько примечательных примеров: Базель, как всегда полный новых и плодотворных идей, набросал программу типологии языков в сфере синтаксических отношений; Милевский был первым, представившим замечательный, заслуживающий самого серьезного внимания очерк о "фонологической типологии языков американских индейцев"; Гринберг, выдающийся лингвист (см. список литературы в конце статьи), эффективно продолжил начинания Сепира (а) в области типологических исследований морфологии и (b, c) рассмотрел три кардинальных метода классификации языков - генетический, ареальный и типологический.

Генетический метод имеет дело с родством, ареальный - со сродством языков, а типологический - с изоморфизмом. В отличие от родства и сродства, изоморфизм не связан обязательно ни с фактором времени, ни с фактором пространства. Изоморфизм может объединять различные состояния одного и того же языка или два состояния (как одновременных, так и отдаленных во времени) двух различных языков, причем как языков, расположенных по соседству, так и находящихся на далеком расстоянии, как родственных, так и имеющих разное происхождение.

3. *Не перечень элементов, но система является основой для типологии.* Риторический вопрос Мензерата (одного из талантливых первооткрывателей в области типологии), представляет ли собой тот или иной уровень языка "простую совокупность множества элементов или они связаны какой-то структурой", получил в современном языкознании вполне определенный ответ. Мы говорим о морфологической и фонологической системах языка, о законах структуры языка, о взаимозависимости его частей, а также частей языка и языка в целом. Чтобы понять систему языка, недостаточно простого перечисления ее компонентов. Подобно тому как синтагматический аспект языка являет собой сложную иерархию непосредственных и опосредствованных составляющих, точно так же и аранжировка элементов в парадигматическом аспекте характеризуется сложной многоступенчатой стратификацией. Типологическое сравнение различных языковых систем должно учитывать эту иерархию. Любой произвол, любое отклонение от данного и реально прослеживаемого порядка делает типологическую классификацию бесплодной. Принцип последовательного членения все глубже и глубже проникает как в грамматику, так и в фонологию. И мы получаем ясное свидетельство достигнутого прогресса, перечитывая "Курс общей лингвистики" Фердинанда де Соссюра, первого человека, полностью осознавшего огромное значение понятия системы для лингвистики, но не сумевшего, однако, увидеть строго обязательного порядка в такой отчетливо иерархической системе, как грамматическая система падежей: "C'est par un acte purement arbitraire que le grammairien les groupe d'une facon plutot que d'une autre" ("Грамматист группирует их именно таким образом, а не каким-либо другим посредством совершенно произвольного акта"). Даже такой бесспорно исходный падеж, как именительный, нулевой падеж (cas zero), занимает, по мнению Соссюра, произвольное место в падежной системе.

Фонологическая типология - и в этом Гринберг прав - не может строиться на "основе весьма туманной терминологии традиционной фонетики". Для создания типологии фонематических систем логически необходимо было подвергнуть их последовательному анализу: "Наличие некоторых отношений между самими признаками или классами этих признаков используется в качестве критериев" (с). Типологическую классификацию грамматических или фонологических систем можно построить, лишь заново логически описав эти системы максимально экономным образом, путем тщательного устранения избыточных явлений. Лингвистическая типология языков, основанная на произвольно выбранных признаках, не может дать удовлетворительных результатов, как не может их дать, например, такая классификация представителей животного царства, в которой вместо плодотворного деления живых существ на позвоночных и беспозвоночных, млекопитающих и птиц и т. п. был бы использован в качестве

критерия, предположим, цвет кожи и на этом основании были бы сгруппированы вместе, скажем, люди с белой кожей и свиньи светлой окраски.

Принцип непосредственно составляющих не менее продуктивен при анализе парадигматического аспекта языка, чем при грамматическом разборе предложений. Типология, построенная на этом принципе, обнаруживает за разнообразием фонологических и грамматических систем ряд объединяющих их элементов и существенно ограничивает многообразие языков, кажущееся на первый взгляд бесконечным.

4. *Универсалии и неполные универсалии.* Типология вскрывает законы предугадываемых явлений (implication), которые лежат в основе фонологической и, по-видимому, морфологической структуры языков: наличие А подразумевает наличие (или, наоборот, отсутствие) Б. Подобным образом мы прослеживаем в языках мира единообразные или почти-единообразные черты, как принято было говорить в антропологии.

Без сомнения, более точное и исчерпывающее описание языков мира пополнит и уточнит кодекс всеобщих законов и внесет в него необходимые поправки. Однако было бы неразумно откладывать работу по установлению этих законов до того времени, когда наше знание фактов надлежащим образом расширится. Нужно уже сейчас поднять вопрос о языковых, в частности фонематических, универсалиях. Даже если в каком-либо отдаленном, недавно зарегистрированном языке мы обнаружим своеобразную особенность, подвергающую сомнению один из таких законов, это отнюдь не обесценит обобщения, выведенного на основании фактов внушительного количества ранее изученных языков. Наблюдаемое единообразие оказывается неполным - таково правило высокой статистической вероятности. До открытия утконоса (duck-billed platypus) в Тасмании и Южной Австралии зоологи в своих общих определениях млекопитающих не предвидели возможности существования млекопитающих, откладывающих яйца; тем не менее эти устаревшие определения сохраняют силу для подавляющего большинства млекопитающих на земле и остаются важными статистическими законами.

Вместе с тем уже в настоящее время богатый опыт, накопленный наукой о языках, позволяет нам установить некоторые константы, которые едва ли когда-либо будут низведены до "полуконстант". Существуют языки, в которых отсутствуют слоги, начинающиеся с гласных, и/или слоги, заканчивающиеся согласными, но нет языков, в которых отсутствовали бы слоги, начинающиеся с согласных, или слоги, оканчивающиеся на гласные. Есть языки без фрикативных звуков, но не существует языков без взрывных. Не существует языков, в которых имелось бы противопоставление собственно взрывных и аффрикат (например, /t/ - /ts/), но не было бы фрикативных (например, /s/). Нет языков, где встречались бы лабиализованные гласные переднего ряда, но отсутствовали бы лабиализованные гласные заднего ряда.

Кроме того, частичные исключения из некоторых неполных универсалий требуют просто более гибкой формулировки соответствующих общих законов. Так, в 1922 году мною было замечено, что свободное динамическое ударение и независимое противопоставление долгих и кратких гласных в пределах одной фонематической системы несовместимы. Этот закон, который удовлетворительно объясняет просодическую эволюцию славянских языков и ряда других индоевропейских групп, применим для подавляющего большинства языков. Единичные случаи якобы свободного ударения и свободного количества оказались иллюзорными: так, говорили, что в языке вичита (Оклахома) существует и фонематическое ударение, и количество; однако, согласно новому исследованию Поля Гарвина, вичита является в действительности тоновым языком с противопоставлением, дотоле ускользавшим от внимания, восходящего и нисходящего ударения. Тем не менее, этот общий закон нужно сформулировать более осторожно. Если в каком-либо языке фонематическое ударение сосуществует с фонематическим количеством, один из этих двух элементов подчинен другому и допускаются три, крайне редко - четыре, различных единицы: либо долгие и краткие гласные различаются только в ударных слогах, либо только одна из двух количественных категорий - долготы или краткости - может нести свободное смысловозначительное ударение. И маркированной категорией в таких языках является, по-видимому, не долгий гласный, противопоставленный краткому, а редуцированный гласный в противопоставление

нередуцированному. В целом же вместе с Граммоном я полагаю, что закон, нуждающийся в поправках, все же лучше, чем отсутствие всякого закона вообще.

5. *Морфологический детерминизм.* Поскольку "инвариантные точки отношений для описания и сравнения" являются (и в этом нельзя не согласиться с Клуххоном) центральным вопросом типологии, я возьму на себя смелость проиллюстрировать эти сравнительно новые в лингвистике проблемы яркой аналогией из области другой науки.

Развитие науки о языке, и в частности переход от первоначальной генетической точки зрения к преимущественно описательной, поразительно соответствует происходящим сейчас сдвигам в других науках, в частности различию между классической и квантовой механикой. Для изучения типологии языков этот параллелизм представляется мне в высшей степени стимулирующим. Я цитирую доклад о квантовой механике и детерминизме, прочитанный выдающимся специалистом Л. Тисса в Американской Академии искусств и наук: квантовая механика [и, добавим мы, современная структуральная лингвистика. - Р. Я.] морфологически детерминистична, тогда как временные процессы, переходы между стационарными состояниями регулируются статистическими законами вероятности. Как структуральная лингвистика, так и квантовая механика выигрывают в морфологическом детерминизме то, что теряют в детерминизме временном. "Состояния характеризуются целыми числами, а не непрерывными переменными", тогда как, "согласно законам классической механики, эти системы надо было бы характеризовать непрерывными параметрами", "поскольку два эмпирически данных реальных числа никогда не могут быть в строгом смысле полностью идентичными; неудивительно, что физик - последователь классической механики возражал против мысли об абсолютном тождестве каких-либо определенных предметов".

Установление структурных законов языка - наиболее близкая и ясная цель типологической классификации и всей описательной лингвистики на новой стадии ее развития - такой итог я пытался подвести в лингвистическом некрологе, посвященном памяти Боаса. И хотя можно только приветствовать пронизательные замечания Гринберга и Кребера о статистическом характере "диахронических генеалогических классификаций" с их индексами направления, стационарная типология должна оперировать целыми числами, а не непрерывными переменными.

Мы стремились избежать распространенного термина "синхроническая типология". Если для современного физика "одним из самых важных явлений в природе представляется своеобразное взаимодействие почти непрерывной тождественности и случайного и беспорядочного изменения во времени", то подобным же образом и в языке "статика" и "синхрония" не совпадают. Всякое изменение первоначально относится к языковой синхронии: и старая, и новая разновидности сосуществуют в одно и то же время в одном и том же речевом коллективе как более архаичная и более модная соответственно, причем одна из них принадлежит к более развернутому, а другая - к более эллиптическому стилю, к двум взаимозаменяемым субкодам одного и того же кода. Каждый субкод сам по себе является для данного момента стационарной системой, управляемой строгими законами структуры, в то время как взаимодействие этих частичных систем демонстрирует гибкие динамические законы перехода от одной такой системы к другой.

6. *Типологическая классификация и реконструкция.* Естественным выводом из приведенных выше рассуждений является ответ на наш основной вопрос: что могут дать типологические исследования сравнительно-историческому языкознанию? По мнению Гринберга, знание типологии языков увеличивает "нашу способность предвидения, поскольку, исходя из данной синхронической системы, некоторые явления будут в высшей степени вероятными, другие - менее вероятными, а третьи практически исключаются" (с). Шлегель, провозвестник сравнительного языкознания и типологической классификации, характеризовал историка как пророка, предсказывающего прошлое. Наша "способность предсказывать" при реконструкции получает поддержку от типологических исследований.

Противоречие между реконструированным состоянием какого-либо языка и общими законами, которые устанавливает типология, делает реконструкцию сомнительной. В Лингвистическом кружке Нью-Йорка в 1949 году я обратил внимание Дж. Бонфанте и других индоевропейцев на ряд таких спорных случаев. Представление о протоиндоевропейском языке как языке, обладавшем лишь одним гласным, не

находит подтверждения в засвидетельствованных языках земного шара. Насколько мне известно, нет ни одного языка, где бы к паре /t/ - /d/ добавлялся звонкий придыхательный /dh/, но отсутствовало бы его глухое соответствие /th/, в то время как /t/, /d/ и /th/ часто встречаются без сравнительно редкого /dh/, и такая стратификация легко объяснима (ср. Jakobson-Halle); следовательно, теории, оперирующие тремя фонемами /t/ - /d/ - /dh/ в протоиндоевропейском языке, должны пересмотреть вопрос о их фонематической сущности. Предполагаемое сосуществование фонемы "придыхательный взрывной" и группы из двух фонем - "взрывной" + /h/ или другой "ларингальный согласный" также оказывается весьма сомнительным в свете фонологической типологии. С другой стороны, мнения, предшествовавшие ларингальной теории или враждебные ей, не признающие никакого /h/ в индоевропейском языке, противоречат данным типологии: как правило, языки, различающие пары звонких - глухих, придыхательных - непридыхательных фонем, имеют также и фонему /h/. В этой связи знаменательно, что в тех группах индоевропейских языков, которые утратили архаическое /h/, не приобретя нового, аспиранты смешались с соответствующими непридыхательными взрывными: ср., например, утрату различия между придыхательными и непридыхательными в славянских, балтийских, кельтских и тохарских языках с неодинаковой судьбой этих двух рядов в греческом, армянском, индийских и германских языках. Во всех этих языках некоторые из ртовых фонем рано перешли в /h/. Аналогичную помощь можно ожидать от типологического изучения грамматических процессов и понятий.

Избежать таких расхождений, конечно, можно, применяя соссюровский подход к реконструкции фонем индоевропейского языка: "Вполне возможно, не уточняя звуковой природы фонемы, внести ее в общий перечень фонем и представить под номером в таблице индоевропейских фонем". В настоящее время, однако, мы столь же далеки от наивного эмпиризма, который мечтал о фонографическом фиксировании индоевропейских звуков, сколь и от его противоположности - агностического отказа от изучения системы индоевропейских фонем и робкого сведения этой системы к простому каталогу цифр. Уклоняясь от структурного анализа двух последовательных состояний языка, нельзя объяснить переход от более раннего состояния к более позднему, и права исторической фонологии нежелательным образом урезаются. Реалистическим подходом к технике реконструкции является ретроспективное движение от одного состояния языка к другому и структурное исследование каждого из этих состояний с точки зрения данных типологии языков.

Изменения в системе языка нельзя понять вне связи с той системой, в которой они происходят. Этот тезис, обсужденный и одобренный 1-м Международным конгрессом лингвистов почти 30 лет назад (см. "Actes..."), получил сейчас широкое признание (ср. недавнюю внушительную дискуссию об отношении между синхронической и диахронической лингвистикой в Академии наук СССР - "Тезисы..."). Структурные законы системы языка ограничивают возможность разных путей перехода от одного состояния к другому. Эти переходы представляют собой, мы повторяем, часть языкового кода в целом, динамический компонент всей совокупной системы языка. Можно исчислить вероятность перехода, но едва ли возможно найти универсальные закономерности явлений, связанных с фактором времени. Статистический метод Гринберга применительно к диахронической типологии является многообещающим методом изучения относительной устойчивости направления и тенденций изменения языков, соотношения и дистрибуции, изменчивости и стабильности. Таким образом, анализ схождения и расхождения в истории родственных или соседних языков дает много важных сведений, необходимых для сравнительно-исторического языкознания. Благодаря этому миф об изменчивости и устойчивости языка, обусловленных произволом слепой и бесцельной эволюции, безвозвратно теряет под собой почву. Проблема устойчивости, статики во времени, становится неотъемлемо и проблемой диахронической лингвистики в то время как динамика, взаимодействие субкодов внутри языка в целом, вырастает в один из центральных вопросов лингвистической синхронии.

Литература

Actes dii 1-er Congres International de Linguistes du 10-15 avril, 1928, p. 33 и сл. BazeIl (в "Cahiers, F. de Saussure", VIII, 1919, стр. 5 и сл.).

- Greenberg J. H. (a) Methods and perspective in anthropology. Papers in honour of W. D. Wallis, ed. by R. F. Spencer, 1954, стр. 192 и сл.; (b) Essays in linguistics, 1957, chap. VI; (c) IJAL, XXIII, 1957, стр. 68 и сл.
- Jakobson R., IJAL, X, 1944, стр. 194 и сл.
- Jakobson R., Halle M., Fundamentals of language, 1956, стр. 43 и сл.
- Kluckhohn C., Anthropology today, 1953, стр. 507 и сл.
- Kroeber A. L., Methods and perspective in anthropology, стр. 294 и сл.
- Mead M., Cybernetics. Transactions of the eighth conference. New York, 1951, стр. 91.
- Menzerath P., "Journal of the Acoustical Society of America", XXII, 1950, стр. 698.
- Milewski T., "Lingua Posnaniensis", IV, 1935, стр. 229 и сл.
- Sapir E., Language, 1921, chap. VI.
- de Saussure F., Cours de linguistique generale, 2nd ed., 1922, стр. 175, 303, 316.
- Sommerfelt A., Loi phonetique, "Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap", I, 1928.
- Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета, посвященном дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка, АН СССР, 1957.

Современный русский язык в сопоставительно-типологическом освещении

В. М. Алпатов

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТИПОЛОГИИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. (Третья конференция по типологии и грамматике. Материалы. - СПб., 2006. - С. 171-173)

1. Типологические исследования имели своей предпосылкой идею о множественности языков, о различии универсальных свойств языка и особенностей отдельных языков или языковых групп. Эта идея в Европе сформировалась в XV-XVII вв. (ранее господствовала идея о латинском языке как единственном достойном объекте изучения), найдя четкое выражение в Грамматике Пор-Рояля. Такого рода сочинения еще нельзя назвать типологическими, но в них уже производилась попытка выделить общее и особенное в тех немногих языках, которые были тогда известны.
2. Собственно типология начала развиваться в начале XIX в. К этому времени количество известных европейской науке языков уже было достаточно большим. Создателями типологии были братья Шлегели и Гумбольдт. Для них сходства и различия языков имели значение не сами по себе, а как отражение этапов развития человеческого мышления. Идея стадильности связывалась с самой в то время развитой областью языкознания - морфологией. Исходя из априорных и недоказуемых посылок, создатели типологии нашли нечто фундаментально важное в структуре языков - различие флексии, агглютинации и изоляции. Соответствующие понятия и термины, несмотря ни на что, остаются в науке о языке уже два столетия; видимо, данные явления связаны с психолингвистическими механизмами человека. Если флективные, агглютинативные и изолирующие языки образуют несомненную шкалу, то четвертый класс, инкорпорирующие языки, с трудом находили место в общей схеме.
3. В течение XIX в. стадильная типология прошла ряд этапов. Первоначальная классификация была значительно усложнена как за счет увеличения используемого материала, так и за счет введения промежуточных классов. Помимо немецких ученых, надо учесть и языковедов других стран, включая Россию (И.П. Минаев). Однако во второй половине XIX в. стадильные схемы всё более теряли популярность по нескольким причинам. Многие языки с трудом втискивались в традиционные классификации, а черты, скажем, флексии и агглютинации можно было находить в одних и тех же языках. Идеи о стадиях мышления были априорными и не могли быть доказаны. К тому же господство позитивизма требовало сужения

научных горизонтов. Вслед за отказом от стадильности в конце XIX - начале XX вв. наблюдался отказ от типологии вообще. Распространился взгляд о том, что единственная научная классификация языков - генетическая классификация.

4. Предшественниками новой типологии можно считать Ф.Ф. Фортунатова, стремившегося построить типологию, не связанную со стадильностью, и О. Есперсена, пытавшегося выйти за пределы морфологической типологии.

5. Новый этап типологии начался в 1921 г. выходом книги Э. Сепира. Окончательно отказавшись от стадий, он отказался и от идеи о единой основе для классификации языков, введя важнейшую идею множественности параметров. В его классификации нашлось место и четырем традиционным классам, и ряду классов, ранее не замечавшихся. Отошел он и от морфологизма в чистом виде.

6. Большую роль сыграли также идеи Пражской школы, особенно идеи В. Скалички, выдвинутые в 30-е гг. Он отказался от идеи разделения множества языков на непересекающиеся классы, предложив важные понятия агглютинативного, флективного и прочих эталонов.

7. Н.Я. Марр, по духу во многом в XX в. бывший ученым начала XIX в., попытался вернуться к стадильным идеям, распространив их на синтаксис. В развитие этих идей И.И. Мещанинов и его школа постепенно ушли от стадильности, перейдя к построению синтаксической типологии.

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РАЗЛИЧНЫМ ЭПОХАМ ИХ РАЗВИТИЯ

В. фон Гумбольдт

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РАЗЛИЧНЫМ ЭПОХАМ ИХ РАЗВИТИЯ

(Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984. - С. 307-323)

Сравнительное изучение языков только в том случае может привести к верным и существенным выводам о языке, если развитию народов и становлению человека, если оно станет самостоятельным предметом, направленным на выполнение своих задач и преследующим свои цели. Но такое изучение даже одного языка будет весьма затруднительным: если общее впечатление о каждом языке и легко уловимо, то при стремлении установить, из чего же оно складывается, теряешься среди бесконечного множества подробностей, которые кажутся совершенно незначительными, и скоро обнаруживаешь, что действие языков зависит не столько от неких больших и решающих своеобразий, сколько от отдельных, едва различимых следов соразмерности строения элементов этих языков. Именно здесь всеохватывающее изучение и станет средством постижения тонкого организма (feingewebten Organismus) языка, так как прозрачность в общем всегда одинаковой формы облегчает исследование многоликой структуры языка.

2. Как земной шар, который прошёл через грандиозные катаклизмы до того, пока моря, горы и реки обрели свой настоящий рельеф, с тех пор остался почти без изменений, так и языки имеют некий предел своей завершенности, после достижения которого уже не подвергаются никаким изменениям ни их органическое строение, ни их прочная структура. Зато именно в них, как в живых созданиях духа (Geist) могут в пределах установленных границ происходить более тонкие образования языка. Если язык обрёл свою структуру, то основные грамматические формы не претерпевают никаких изменений; тот язык, который не знает различий в роде, падеже, страдательном или среднем залоге, этих пробелов уже не восполнит; большие семьи слов также мало пополняются основными видами производных. Однако посредством созданных для выражения более тонких ответвлений понятий, их сложения, внутренней перестройки структуры слов, осмысленного соединения и прихотливого использования их первоначального значения, точно схваченного выделения известных форм, искоренения лишнего, сглаживания резких

звучаний язык, который в момент своего формирования довольно примитивен и слабо развит, может обрести новый мир понятий и доселе неизвестный ему блеск красноречия, если судьба одарит его своей благосклонностью.

3. Достойным упоминания является то обстоятельство, что ещё не было обнаружено ни одного языка, находящегося за пределами сложившегося грамматического строения. Никогда ни один язык не был застигнут в момент становления его форм. Для того, чтобы проверить историческую достоверность этого утверждения, необходимо основной своей целью сделать изучение языков первобытных народов и попытаться определить низшее состояние в становлении языка, с тем, чтобы познать из опыта хотя бы первую ступень в иерархии языковой организации. Весь мой предшествующий опыт показал, что даже так называемые "грубые" и "варварские" диалекты обладают всем необходимым для совершенного употребления и что они являются теми формами, где, подобно самым высоко развитым и наиболее замечательным языкам, с течением времени мог бы выкристаллизоваться весь характер языка, пригодный для того, чтобы более или менее совершенно выразить любую мысль.

4. Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно всё, благодаря чему он становится единым целым. Как непосредственная эманация органической сущности в её чувственной (sinnlich) и духовной значимости язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, общее в частном и где благодаря всепроникающей силе образуется целое. Сущность языка непрерывно повторяется и концентрически проявляется в нём самом; уже в простом предложении, поскольку оно основано на грамматической форме, видно её завершённое единство, и так как соединение простейших понятий побуждает к действию всю ткань категорий мышления, - где положительное влечёт за собой отрицательное, часть - целое, единичное - множество, следствие - причину, случайное - необходимое, относительное - абсолютное, где одно измерение пространства и времени требует другого, где одно ощущение находит себе отклик в другом, близлежащем ощущении, - то, как только достигается ясность и определённая простейшего соединения мыслей, а также соответствующее обилие слов, цельность языка налицо. Каждое высказанное участвует в формировании ещё невысказанного, или его подготавливает.

5. Таким образом, две области совмещаются в человеке, каждая из которых может члениться на обозримое количество конечных элементов, и обладает способностью к их бесконечному соединению, где своеобразие природы отдельного всегда выявляется всегда через отношение его составляющих. Человек наделён способностью как разграничивать эти области - духовно - посредством рефлексии, физически - произносительным членением (Articulation), - так и вновь воссоединять их части: духовно - синтезом рассудка, физически - ударением, посредством которого слоги соединяются в слова, а из них составляется речь. Поэтому, как только его сознание настолько окрепло, чтобы в обе области проникнуть с помощью той же силы, которая может вызвать такую же способность проникновения у слушающего, - он овладел уже их целым. Их обоюдное взаимопроникновение может осуществляться лишь одной и той же силой, и её направлять может только рассудок. Способность человека произносить членораздельные звуки - пропасть, лежащая между бессловесностью животного и человеческой речью, также не может быть объяснена чисто физически. Только сила самосознания способна чётко расчленив материальную природу языка и выделить отдельные звуки - осуществить процесс, который мы называем артикуляцией.

6. Сомнительно, чтобы более тонкое совершенствование языка можно было связывать с начальным этапом его становления. Это совершенствование предполагает такое состояние, которого народы достигают лишь за долгие годы своего развития, и в этом процессе они обычно испытывают на себе перекрёстное влияние других народов. Такое скрещивание диалектов является одним из важнейших моментов в становлении языков; оно происходит тогда, когда вновь образующийся язык, смешиваясь с другими, воспринимает от них более или менее значимые элементы или когда, как это происходит при огрублении и вырождении культурных языков, немногие чуждые элементы нарушают течение их спокойного развития, и существующая форма перестаёт осознаваться, искажается, начинает переосмысливаться и употребляться по другим законам.

7. Едва ли можно оспаривать мысль о возможности независимого друг от друга возникновения нескольких языков. И обратно, нет никакого основания отбросить гипотетическое допущение всеобщей взаимосвязанности языков. Ни один из самых отдалённых уголков земли не является настолько недоступным, чтобы население и язык не могли появиться там откуда-то извне; мы не располагаем никакими данными для того, чтобы оспаривать существование рельефа материков и морей, отличного от теперешнего. Природа самого языка и состояние человеческого рода до тех пор, пока он ещё не сформировался, способствуют такой связи. Потребность быть понятым вынуждает обращаться к уже наличествующему, понятному, и прежде чем цивилизация сплотит народы, языки долго будут оставаться достоянием мелких племён, которые также мало склонны утверждать право на место своего поселения, как и неспособны успешно защитить его; они часто вытесняют друг друга, угнетают друг друга, смешиваются друг с другом, что, бесспорно, сказывается и на их языках. Если даже не соглашаться с мыслью о первоначальной общности происхождения языков, то едва ли можно найти племенной язык, сохранивший свою чистоту в процессе развития. Поэтому основным принципом при исследовании языка должен считаться тот, который требует устанавливать связи различных языков до тех пор, пока их можно проследить, и в каждом отдельном языке точно проверять, образовался ли он самостоятельно или же на его грамматическом и лексическом составе заметны следы смешения с чужим языком и каким именно.

8. Таким образом, при проверочном анализе языка следует различать три момента:

- первичное, но полностью завершённое, органическое строение языка;
- изменения, вызываемые посторонними примесями, вплоть до вновь приобретённого состояния стабильности;
- внутреннее и более тонкое совершенствование (*innere Ausbildung*) языка, когда его отграничение от других языков, а также его строение в целом остаются неизменными.

Два первых пункта ещё трудно разграничить. Но выделение третьего основывается на существенном и решающем отличии. Границей, отделяющей его от других, является так законченность организации, когда язык обретает все свои функции, свободно используя их; за пределами этой границы присущее языку строение уже не претерпевает никаких изменений. На фактах дочерних языков, развившихся из латинского, новогреческого и английского, которые служат поучительным примером и являются благодатным материалом для исследования возможности возникновения языка из весьма разнородных элементов, период становления языка можно проследить исторически и до известной степени определить заключительный момент этого процесса; в греческом языке при его появлении мы находим такую высокую степень завершённости, которая не свойственна никакому другому языку; но и с этого момента - от Гомера до александрийцев - греческий продолжает идти по пути по пути дальнейшего совершенствования; мы видим, как римский язык в течение нескольких десятилетий находился в состоянии покоя, прежде чем в нём стали проступать следы более тонкой и развитой культуры.

9. Приведённая ранее попытка разграничения очерчивает две различные части сравнительного языкознания, от соразмерности трактовки которых зависит степень их законченности. Различие языков является темой, которую следует разработать, исходя из данных опыта и с помощью истории, рассматривая это различие в своих причинах и следствиях, в своём отношении к природе, судьбам и целям человечества. Однако различие языков проявляется двояким образом: во-первых, в форме естественно-исторического явления как неизбежное следствие племенных различий и обособлений, как препятствие непосредственному общению народов; затем как явление интеллектуально-телеологическое, как средство формирования наций, как орудие создания более многообразной и индивидуально-своеобразной интеллектуальной продукции, как творец такой общности народов, которая основывается на чувстве общности культуры и связывает духовными узами наиболее образованную часть человечества. Последняя форма проявления языка свойственна только новому времени, в древности она прослеживалась лишь в общности греческой и римской литератур, и так как расцвет последних не совпадал во времени, то наши сведения о ней не являются достаточно полными.

10. Ради краткости изложения я хочу, безотносительно к одной небольшой неточности, которая заключается в том, что образование, конечно, оказывает влияние на уже сформировавшийся организм языка, а также в том, что последний, ещё до того, как он обрёл это состояние, бесспорно подвергался влиянию образования, рассмотренные выше части сравнительного языкознания назвать:

- изучением организма языков;
- изучением языков в состоянии их развития.

Организм языка возникает из присущей человеку способности и потребности говорить; в его формировании участвует весь народ; культура каждого народа зависит от его особых способностей и судьбы, её основой является большей частью деятельность отдельных личностей, вновь и вновь появляющихся в народе. Организм языка относится к области физиологии интеллектуального человека, культура к области исторического развития. Анализ организма языка ведёт к измерению и проверке и области языковой способности человека; исследование более высокого уровня образования ведёт к познанию того, каких вершин человеческих устремлений можно достичь посредством языка. Изучение организма языка требует, насколько это возможно, широких сопоставлений, а проникновение в ход развития культуры - сосредоточения на одном языке, изучения его самых тонких своеобразий - отсюда и широта охвата и глубина исследований. Следовательно, тот, кто действительно хочет сочетать изучение этих обоих разделов языкознания, должен, занимаясь очень многими, различными, а по возможности и всеми языками, всегда исходить из точного знания одного-единственного или немногих языков. Отсутствие такой точности ощутимо сказывается в пробелах никогда не достигаемой полноты исследований. Проведённое таким образом сравнение языков может показать, каким различным образом человек создал язык и какую часть мира мыслей ему удалось перенести в него, как индивидуальность народа влияла на язык и какое обратное влияние оказывал язык на неё. Ибо язык и постигаемые через него цели человека вообще, род человеческий в его поступательном развитии и отдельные народы являются теми четырьмя объектами, которые в их взаимной связи и должны изучаться в сравнительном языкознании.

11. Я оставляю всё, что относится к организму языков для более обстоятельного труда, который я предпринял на материале американских языков. Языки огромного континента, заселённого и исхоженного массой различных народностей, о связях которого с другими материками мы ничего не можем утверждать, являются благодатным объектом для этого раздела языкознания. Даже если обратиться только к тем языкам, о которых у нас имеются достаточно точные сведения, то обнаруживается, что по крайней мере около 30 из них следует отнести к языкам совершенно неизвестным, которые можно рассматривать именно как столько же новых естественных разновидностей языка, а к этим языкам следует присоединить ещё большее количество таких, данные о которых не являются достаточно полными. Поэтому очень важно точно расклассифицировать все эти языки. При таком состоянии языкознания, когда ещё недостаточно глубоко исследованы отдельные языки, сравнение целого ряда таких языков может очень мало помочь. Принято считать, что вполне достаточно фиксировать отдельные грамматические своеобразия языка и составлять более или менее обширные ряды слов. Но даже самый примитивный язык - слишком благородное творение для того, чтобы подвергать его столь произвольному членению и фрагментарному описанию. Он - живой организм, и с ним следует обращаться как с таковым. Поэтому основным правилом должно стать изучение каждого отдельного языка в его внутренней целостности и систематизация всех обнаруженных в нём аналогий, с тем чтобы овладеть знаниями способов грамматического соединения мыслей, объёмом обозначенных понятий, природой их обозначения, а также постичь тенденцию к развитию и совершенствованию, свойственную в большей или меньшей степени каждому языку. Кроме таких монографий о всех языках в целом, для сравнительного языкознания необходимы также исследования отдельных частей языкового строения, например исследования глагола во всех языках. В таких исследованиях должны быть обнаружены и соединены в единое целое все связующие нити, одни из которых через однородные части всех языков тянутся как бы вширь, а другие, через различные части каждого языка, - как бы вглубь. Тождественность языковой потребности и языковой способности всех народов определяет направление первых, индивидуальность каждого отдельного - последних. Лишь путём изучения такой двоякой связи можно установить, насколько развивается человеческий род и какова

последовательность образования языка у каждого отдельного народа; оба - и язык вообще, и языковой характер народа - проявляются в более ярком свете, если идею языка вообще, реализованную в столь разнообразных индивидуальных формах, поставить в соотношение с характером нации и её языка, противопоставляя одновременно общее частному. Исчерпывающий ответ на важный вопрос о том, подразделяются ли языки и каким образом по своему внутреннему строению на классы, подобно семействам растений, и как именно, можно получить лишь этим путём. Однако, как бы убедительно не было всё сказанное до сих пор, но без строгой фактической проверки остаётся лишь догадкой. Наука о языке, о которой здесь идёт речь, может опираться только на реальные, а не на односторонние или случайно подобранные факты. Также, для того, чтобы судить о происхождении народов друг от друга на основе их языков, необходимо точно определить принципы всё ещё недостающего точного анализа языков и диалектов, родство которых доказано исторически. Пока в этой области исследователи не продвигаются от известного к неизвестному, они остаются на скользком и опасном пути.

12. Но как бы полно и обстоятельно ни был изучен языковой организм, судить о его функционировании можно только по употреблению (Gebrauch) языка. Всё то, что целесообразное употребление языка черпает из понятийной сферы, оказывает на него обратное влияние обогащая и формируя язык. Поэтому лишь исследования, выполненные на материале развитых языков, обладают исчерпывающей полнотой и пригодны для достижения человеческих целей. Следовательно, здесь находится завершающий этап лингвистики - точка соединения её с наукой и искусством. Если исследования не проводить подобным образом, не рассматривать различий в языковом организме и тем самым не постигать языковую способность в её высочайших и многообразнейших применениях, то знание многих языков может быть полезным в лучшем случае для установления общих законов строения языка вообще и для отдельных исторических исследований; оно не без оснований отпугнёт разум (Geist) от изучения множества форм и звуков, которые в конечном итоге приводят к одной и той же цели и обозначают одни и те же понятия с помощью различных звучаний. Помимо непосредственного живого употребления, сохраняет значение исследование лишь тех языков, у которых есть литература, и такое исследование будет находиться в зависимости от учёта последней в соответствии с правильно понятыми задачами филологии, поскольку эта последняя противопоставляется общему языкознанию - науке, которая носит такое название потому, что стремится постигнуть язык вообще, а не потому, что желает охватить все языки, к чему её вынуждает лишь эта задача.

13. При таком подходе к развитым языкам прежде всего возникает вопрос: способен ли каждый язык постичь всеобщую или какую-либо одну значительную культуру или, быть может, существуют языковые формы, которые неизбежно должны быть разрушены, прежде чем народы окажутся в состоянии достичь посредством речи более высоких целей? Последнее является наиболее вероятным. Язык следует рассматривать, по моему глубокому убеждению, как непосредственно заложенный в человеке, ибо сознательным творением человеческого рассудка язык объяснить невозможно. Мы ничего не достигнем, если отодвинем создание языка на многие тысячелетия назад. Язык невозможно было бы придумать, если бы его тип не был уже заложен в человеческом рассудке. Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нём. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу. Человек является человеком только благодаря языку, а для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком. Когда предполагают, что этот процесс происходил постепенно, последовательно и как бы поочерёдно, что с каждой новой частью обретенного языка человек всё больше становился человеком и, совершенствуясь таким образом, мог снова придумывать новые элементы языка, то упускают из виду нераздельность человеческого сознания и человеческого языка, не понимают природу действия рассудка, необходимого для постижения отдельного слова и вместе с тем достаточного для понимания всего языка. Поэтому язык невозможно представить себе как нечто заранее данное, ибо в таком случае совершенно непостижимо, каким образом человек мог понять эту данность и заставить её служить себе. Язык с необходимостью

возникает из человека, и, конечно, мало-помалу, но так, что его организм не лежит в виде мёртвой массы в потёмках души, а в качестве закона обуславливает (bedingt) функции мыслительной силы человека; следовательно, первое слово уже предполагает существование всего языка. Если эту ни с чем не сравнимую способность попытаться сравнить с чем-либо другим, то придётся вспомнить о природном инстинкте (Naturinstinct) у животных и назвать язык интеллектуальным инстинктом разума. Как инстинкт животных невозможно объяснить их духовными задатками, так и создание языка нельзя выводить из понятий и мыслительных способностей диких и варварских племён, являющихся его творцами. Поэтому я никогда не мог представить себе, что столь последовательное и в своём многообразии искусное строение языка должно предполагать колоссальные мыслительные усилия и будто бы является доказательством существования ныне исчезнувших культур. Именно из самого первобытного природного состояния может возникнуть такой язык, который сам есть творение природы - природы человеческого разума. Последовательность, единообразие формы даже при сложном строении несут на себе всюду отпечаток творения этой природы, и суть вопроса вовсе не в трудности создания языка. Подлинная трудность создания языка заключается не столько в установлении иерархии бесконечного множества взаимосвязанных отношений, сколько в непостижимой глубине простого действия рассудка, которое необходимо для понимания и порождения языка даже в единичных его элементах. Если это налицо, то само собой приходит и всё остальное, этому невозможно научиться, это должно быть изначально присуще человеку. Однако инстинкт человека менее связан, а потому представляет больше свободы индивидууму. Поэтому продукт инстинкта разума может достигать разной степени совершенства, тогда как проявление животного инстинкта всегда сохраняет постоянное единообразие, и понятию языка совсем не противоречит то обстоятельство, что некоторые из языков, в том виде, как они дошли до нас, по своему состоянию ещё не достигли полного расцвета. Опыт перевода с весьма различных языков, а также использование самого примитивного и неразвитого языка при посвящении в самые тайные религиозные откровения показывают, что, пусть даже с различной степенью удачи, каждая идея может быть выражена в любом языке. Однако, это является следствием не только всеобщего родства языков, гибкости понятий и их словесных знаков. Для самих языков и их влияний на народы доказательным является лишь то, что из них естественно следует; не то, что им можно навязать, а то, к чему они сами предрасположены и на что вдохновляют.

14. Причины несовершенства отдельных языков могут быть подробно изучены в исторических исследованиях. Но в связи с этим я хотел бы рассмотреть такой вопрос: может ли какой-нибудь язык достичь завершённости, минуя некоторые средние стадии развития, и именно те, на которых первоначальные способы представления нарушены так, что первичные значения элементов уже больше не уяснимы? Примечательный факт, что характерной особенностью первобытных языков является последовательность, а развитых языков - аномалия во многих частях их строения, так же, как и факты, почерпнутые из самой природы вещей, допускают такую вероятность. Господствующим принципом в языке является артикуляция: важное преимущество постоянной и лёгкой членимости; это в свою очередь предполагает наличие простых и далее нечленимых элементов. Сущность языка состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений. В своём функционировании язык стремится стать формальным, и так как слова замещают предметы, то и словам, как и материи, должна быть придана форма, которой они подчиняются. Но именно первобытные языки нагромождают массы определений в одной слоговой группе, и им явно недостаёт власти формы. Простой секрет этих языков, который и указывает путь к расшифровке, таков: полностью забыв нашу грамматику, надо прежде всего попытаться выстроить ряды значений. При этом форма понимается мысленно или через само по себе значимое слово, которое и рассматривается как материал. На второй значительной ступени развития материальное значение приобретает формальное употребление, и таким образом возникают склонение и слова, имеющие грамматическое, то есть формальное значение. Но форма намечается только там, где этого требуют отдельные обстоятельства, связанные с материей и относящиеся к сфере речи, но отнюдь не там, где она формально необходима для соединения представлений. Множественное число мыслится как множественность, но единственное - не обязательно как единичное, а как понятие вообще; глаголы и существительные совпадают в тех случаях, когда лицо или число не обозначаются чётко - грамматика ещё не управляет языком, а проявляет себя только в необходимых случаях. И только тогда, когда уже ни один

элемент не мыслится вне формы, а сам материал в речи становится полностью формой, язык достигает третьей ступени. Однако этой третьей ступени, даже если форма каждого элемента фиксируется слухом, едва ли достигают наиболее развитые языки, хотя именно на ней основывается архитектурная эвритмия в построении периодов. Мне также неизвестен язык, на грамматических формах которого, даже в их наивысшей завершённости, были бы заметны неизгладимые следы первоначальной слоговой агглютинации. Пока на ранних ступенях развития язык прибегает к описанию и слово ещё не является модифицированным в своей простоте, отсутствует лёгкость членения на элементы, дух (Geist) бывает угнетён тяжеловесностью значений, которыми перегружена каждая частичка, отсутствием чувства формы и не пробуждается к формальному мышлению. Человек, близкий к первобытному состоянию, излишне последователен в привычном способе представлений, мыслит каждый предмет и каждое действие со всеми сопутствующими подробностями, переносит всё это в язык, и затем, поскольку живое понятие, обретя субстанцию, в нём застывает, оказывается в плену у языка. Скрещивание языков и народов является весьма действенным средством для введения их в определенные рамки и ограничения сферы материально значимого. Новые способы представлений присоединяются к уже существующим, в процессе смешения отдельные племена могут и не знать сложных соединений чужих диалектов и воспринимать их лишь в качестве формул в целом. При возможности выбора неудобное и тяжеловесное исчезает, заменяясь более лёгким и гибким, и поскольку дух и язык уже не связаны односторонней связью, то дух оказывает более свободное воздействие на язык. Первоначальный организм языка, конечно, разрушается, но вновь появившаяся сила также органична, и таким образом, процесс не прекращается, а продолжается непрерывно, разрастаясь и становясь многосторонним. И так первобытное состояние древних племён, кажущееся весьма хаотичным и беспорядочным, уже подготовило расцвет речи и пения на многие столетия вперёд.

15. Не будем задерживаться здесь на несовершенстве некоторых языков. Лишь при сопоставлении одинаково совершенных языков или таких, различия которых не могут измеряться лишь степенью совершенства, можно ответить на общий вопрос о том, как всё многообразие языков вообще связано с процессом формирования человеческого рода. Не является ли это обстоятельство случайно сопутствующим жизни народов? Нельзя ли им легко и умело воспользоваться? Или оно является необходимым, ничем другим не заменимым средством формирования мира представлений (Ideengebiet), ибо к этому, подобно сходящимся лучам, стремятся все языки, и их отношение к миру представлений, являющимся их общим содержанием, и есть конечная цель наших исследований. Если это содержание независимо от языка или языковое выражение безразлично к этому содержанию, то выявление и изучение различий языков занимает зависимое и подчинённое положение, а в противном случае приобретает непреложное и решающее значение.

16. Наиболее отчётливо это выявляется при сопоставлении простого слова с простым понятием. Слово ещё не исчерпывает языка, хотя является его самой важной частью, так же как индивидуум в живом мире. Безусловно, также далеко не безразлично, использует ли один язык описательные средства там, где другой язык выражает это одним словом; это относится и к грамматическим формам, так как последние при описании выступают по отношению к понятию чистой формой, и уже не как модифицированные идеи, а как способы модификации, но это относится и к обозначению понятий. Закон членения неизбежно будет нарушен, если то, что в понятии представляется как единство, не проявляется таковым в выражении, и всё живое действие отдельного слова как индивида пропадает для понятия, которому недостаёт такого выражения. Акту рассудка, в котором создаётся единство понятия, соответствует единство слова, как чувственного знака, и оба единства должны быть в мышлении и через посредство речи как можно более приближены друг к другу. Как мыслительным анализом производится членение и выделение звуков путём артикуляции, так и обратно эта артикуляция должна оказывать расчленяющее и выделяющее действие на материал мысли и, переходя от одного нерасчленённого комплекса к другому, через членение пролагать путь к достижению абсолютного единства.

17. Но мышление не просто зависит от языка вообще, - оно до известной степени обусловлено также каждым отдельным языком. Правда, предпринимались попытки заменить слова различных языков

общепринятыми знаками по примеру математики, где налицо взаимно-однозначные соответствия между фигурами, числами и алгебраическими уравнениями. Однако такими знаками можно исчерпать лишь очень незначительную часть всего мыслимого, поскольку по самой своей природе эти знаки пригодны только для тех понятий, которые образованы лишь путём конструкции либо создаются только рассудком. Но там, где на материал внутреннего восприятия и ощущения должна быть наложена печать понятия, мы имеем дело с индивидуальным способом представлений человека, от которого неотделим его язык. Все попытки свести многообразие различного и отдельного к общему знаку, доступному зрению или слуху, являются лишь сокращёнными методами перевода, и было бы чистым безумием льстить себе мыслью, что таким способом можно выйти за пределы, я не говорю уже всех языков, но хотя бы одной определённой и узкой области своего языка. Вместе с тем такую серединную точку (Mittelpunkt) всех языков следует искать, и её действительно можно найти и не упускать из виду, также при сравнительном изучении языков - как их грамматической, так и лексической частей. Как в той, так и в другой имеется целый ряд элементов, которые могут быть определены совершенно априорно и отграничены от всех условий каждого отдельного языка. И напротив, существует гораздо большее количество понятий, а также своеобразных грамматических особенностей, которые так органически сплетены со своим языком, что не могут быть общим достоянием всех языков и без искажения не могут быть перенесены в другие языки. Значительная часть содержания каждого языка находится поэтому в неоспоримой зависимости от этого языка, и их содержание не может оставаться безразличным к своему языковому выражению.

18. Слово, которое одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя. Идея, приобретая благодаря слову определённую, вводится одновременно в известные границы. Из звуков слова, его близости с другими сходными по значению словами, из сохранившегося в нём, хотя и переносимого на новые предметы, понятия и из его побочных отношений к ощущению и восприятию создаётся определённое впечатление, которое, становясь привычным, привносит новый момент в индивидуализацию самого по себе определённого, но и более свободного понятия. Таким образом, к каждому значимому слову присоединяются все вновь и вновь вызываемые им чувства, произвольно возбуждаемые образы и представления, и различные слова сохраняют между собой отношения в той мере, в какой воздействуют друг на друга. Так же как слово вызывает представление о предмете, оно затрагивает, в соответствии с особенностями своей природы и вместе с тем с особенностями объекта, хотя часто и незаметно, также соответствующее своей природе и объекту ощущение, и непрерывный ход мысли человека сопровождается такой же непрерывной последовательностью восприятий, которые по степени и по оттенку определяются прежде всего представляемыми объектами, согласно природе слов и языка. Объект, появлению которого в сознании всякий раз сопутствует такое постоянно повторяющееся впечатление, индивидуализированное языком, тем самым представляется в модифицированном виде. В отдельном это малозаметно, но власть воздействия в целом основана на соразмерности и постоянной повторяемости впечатления. Характер языка запечатлён в каждом выражении и в каждом соединении выражений, и поэтому вся масса выражений получает свойственный языку колорит.

19. Однако язык не является произвольным творением отдельного человека, а всегда принадлежит целому народу; позднейшие поколения получают его от поколений предшествующих. В результате того, что в нём смешиваются, очищаются, преобразуются способы представлений всех возрастов, каждого пола, сословия, характера и духовного различия данного племени, в результате того, что народы обмениваются словами и языками, создавая в конечном счёте человеческий род в целом, язык становится великим средством преобразования субъективного в объективное, переходя от всегда ограниченного индивидуального к всеобъемлющему бытию. Открытие никогда ранее не улавливаемого звукового знака мыслимо лишь при признании происхождения языков, выходящего за пределы всякого человеческого опыта. Там, где человек из поколения в поколение сохраняет какие-либо звуки, обладающие значением, - там он создаёт из них язык и формирует свой диалект в соответствии с ними. Это заложено в потребности быть понятым, в свойственной каждому языку связности всех частей и элементов, в одинаковости языковых способностей. Даже при собственно грамматических разъяснениях важно твёрдо

помнить, что племенам, которые создавали дошедшие до нас языки, было нелегко их изобретать и, действуя самостоятельно, они только членили и использовали ими обнаруженное. Лишь таким путём можно объяснить появление многих тонких нюансов у грамматических форм. Ведь было бы очень сложно изобретать для них различные обозначения; и обратно, вполне естественно неодинаковым образом употреблять уже существующие различные формы. Преимущественно слова как основные элементы языка перекочёвывают от народа к народу. Для грамматических форм возможность перехода более затруднительна, поскольку они ввиду своей тонкой интеллектуальной природы существуют скорее в уме, чем материально, и, выявляя себя, закрепляются в звуках. Между извечно сменяющимися поколениями людей и миром отображаемых объектов существует бесконечное количество слов, которые, если даже они изначально созданы по законам свободы и в таком же виде продолжают употребляться, следует рассматривать как независимые сущности (Wesen), объяснимые лишь исторически и созданные постепенно посредством объединения усилий природы, человека и событий. Следы слов теряются во тьме предыстории, так что установить начало уже не представляется возможным; их разветвление охватывает всё человечество, как бы далеки люди друг от друга ни были: их непрекращающееся действие и постоянное возникновение могли бы обрести конец только в том случае, если будут истреблены все ныне живущие поколения и разом перерезаны все каналы связи. Пока народы пользуются существовавшими до них элементами языка, пока они вмещаются в отображение объектов, выражение не безразлично для понятия, и понятия не бывают независимыми от языка. Но зависящий от языка человек оказывает на него обратное воздействие, и поэтому каждый отдельный язык есть результат трёх различных, но взаимосвязанных воздействий: реальной природы вещей, поскольку она оказывает влияние на душу (Gem&uumk; th), субъективной природы народа, своеобразной природы языка, где инородные (fremd) примеси к основной материи языка и всё усвоенное языком, первоначально даже свободно созданное, допускают образования по аналогии только в известных пределах.

20. Из взаимообусловленной зависимости мысли и слова явствует, что языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. Их различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений. В этом заключается основная и конечная цель всякого исследования языка. Совокупность познаваемого - как целина, которую надлежит обработать человеческой мысли, - лежит между всеми языками и независима от них. Человек может приблизиться к этой чисто объективной сфере не иначе как присущим ему способом познания и восприятия, следовательно, только субъективным путём. Именно там, где достигается вершина и глубина исследования, прекращается механическое и логическое действие рассудка (Verstandesgebrauch), наиболее легко отделимого от каждого своеобразия, и наступает процесс внутреннего восприятия и творчества, из которого и становится совершенно очевидным, что объективная истина проистекает из полноты сил субъективно индивидуального. Это возможно только посредством языка и через язык. Но язык как продукт народа и прошлого является для человека чем-то чуждым; поэтому человек, с одной стороны, связан, но, с другой стороны, обогащён, укреплён и вдохновлён наследием, оставленным в языке ушедшими поколениями. Являясь по отношению к познаваемому субъективным, язык по отношению к человеку объективен, ибо каждый язык есть отзвук общей природы человека. Если же совокупность языков никогда не сможет стать совершенной копией субъективного характера человечества, то они всё же непрерывно приближаются к этой цели. Субъективный характер всего человечества снова становится сам по себе чем-то объективным. Первоначальное соответствие (Übereinstimmung) между вселенной и человеком, на котором основывается возможность всякого познания истины, таким образом вновь обретается частично и постепенно на пути её обнаружения. Ибо объективное является тем, что, собственно, и должно быть постигнуто, и, когда человек через особенности языкового своеобразия приближается к этому, он должен приложить новые усилия для того, чтобы отделить субъективное и чётко вычленив из него объект - пусть даже через смешение одной языковой субъективности с другой.

21. Если сравнивать в различных языках способы выражения предметов, не воспринимаемых чувственно, то окажется, что одинаково значимыми будут лишь те, которые, являясь чистыми построениями, не могут содержать ничего другого, кроме того, что в них вложено. Все остальные

пересекаются различным образом в лежащей в их центре области (если так можно назвать обозначаемый ими предмет) и имеют различные значения. Выражения для чувственно воспринимаемых предметов в той мере одинаково значимы, в какой в них мыслится один и тот же предмет, но поскольку они выражают различный способ его представления, то они могут расходиться в значениях. Ибо воздействие индивидуального представления о предмете на образование слова определяет, пока такое представление живо, и то, как словом вызывается предмет. Но множество слов возникает из соединения выражений чувственно воспринимаемых и чувственно невоспринимаемых предметов или же из умственной переработки первых, и поэтому все они несут на себе неповторимый индивидуальный отпечаток этой переработки, если даже с течением времени он исчезает у первых. Так как язык одновременно есть и отражение и знак, а не целиком продукт впечатления о предметах и произвольное творение говорящего, то каждый отдельный язык в каждом своём элементе несёт на себе отпечаток первого из обозначенных свойств, но распознавание его следа, кроме присущей ему отчётливости, основывается в каждом случае на склонности духа воспринимать слово главным образом как отражение или как знак. Душа (Gemüth), располагая властью абстракции, способна добраться до знака, но она также может, проявив всю свою восприимчивость, ощутить полноту воздействия своеобразного материала языка. Говорящий может выбрать любую из этих возможностей, и часто употребление поэтического, не свойственного прозе оборота речи не имеет никакого другого воздействия, кроме как настроить душу на то, чтобы не рассматривать язык в качестве знака. Если это двоякое употребление языка рассмотреть как две разновидности и попытаться их отграничить более чётко, нежели это может иметь место в действительности, то одну из них можно назвать научной, а другую - речевой. Первая является одновременно и деловой, тогда как вторая - повседневной, естественной, ибо свободное общение способствует раскованности и восприимчивости духа. Научное употребление в принятом здесь смысле используется лишь в науках, оперирующих чисто логическими построениями, а также в некоторых областях и методах естественных наук; в каждом акте познания, который требует нераздельного действия сил человека, выступает речевое употребление.

Именно от этого вида познания излучается свет и тепло на все другие; только на нём основывается поступательное движение всеобщего духовного образования, и народ, который не ищет и не обретает вершин этого познания в поэзии, философии и истории, лишается благотворного обратного воздействия языка, потому что он по своей вине не питает его более материалом, который один может сохранить в языке свежесть и выразительность, блеск и красоту. Это уже область красноречия, если, правда, понимать под красноречием в самом широком и не совсем обычном смысле такую трактовку языка, согласно которой он оказывает существенное воздействие на отображение объектов или сознательно употребляется для этой цели. В последнем случае красноречие с полным основанием (или без всякого основания) может войти как в научное, так и в деловое употребление. Научное употребление, в свою очередь, должно быть отграничено от конвенционального употребления. Обе разновидности относятся к одному классу, поскольку каждая из них стремится, истребляя своеобразие языкового материала, использовать последний только как знак. Но при научном употреблении язык применяется в той области, где это уместно, что и достигается устранением субъективного характера каждого выражения или, скорее, стремлением настроить душу целиком на объективный лад. Того же принципа придерживается спокойное и рассудительное деловое употребление языка. Конвенциональное употребление переносит трактовку языка в область, где возникает нужда в свободе восприимчивости; оно каждому выражению придаёт особую по степени и колориту субъективность и стремится вызвать соответствующее настроение у человека. Таким путём слово переходит в область речевого употребления и восстанавливает утраченные красноречие и поэзию. Существуют народы, которые вследствие особенностей своего характера пошли по одному из неверных путей развития языка или односторонне двигались по указанному правильному пути; есть и такие, которым в большей или меньшей степени сопутствовала удача в их обращении с языком. И если судьба благоприятствует тому, что народ, имеющий склонность к разговору, пению и музыке, достигает наивысшего расцвета своего организма, то создаются чудесные языки, вызывающие всеобщее восхищение во все времена. Только такой счастливой удачей можно объяснить происхождение греческого языка.

22. Это последнее и наиболее важное применение языка не может быть чуждый первоначальному его организму. В нём заложен зародыш дальнейшего развития, и нами разделённые ранее части сравнительного языкознания здесь сливаются. На основе исследования грамматики и словарного состава всех народов (в той мере, в какой мы располагаем возможностями для этого), а также на основе изучения письменных памятников развитых языков должно быть осуществлено связанное и ясное изложение вида и степени образования идей (Ideenerzeugung), достигнутого человеческими языками, и выявлена в их строении доля влияния различных качеств языков на их завершенность.

23. Моим намерением было обозрение сравнительного изучения языков в целом, установление цели этого изучения, а также доказательство того, что для достижения этой цели необходимо совместное рассмотрение происхождения и процесса завершения языков. Только в том случае, если мы будем проводить наше исследование в этом направлении, мы будем испытывать всё меньше склонности толковать языки как произвольные знаки и, проникая вглубь, в духовную жизнь, обнаружим в своеобразии их строения средство изучения и познания истины, а также форму становления сознания и характер. Если языкам, достигшим высоких степеней совершенства, свойственны собственные мировоззрения (Weltansichten), то должны существовать не только их отношения друг к другу, но и их отношения к тотальности всего мыслимого. С языками происходит то же, что и с людскими характерами, или, если использовать для сравнения более простой пример, - с идеалами богов в изобразительном искусстве, которым в равной мере свойственна и тотальность и индивидуальность, поскольку каждое изображение как одновременное воплощение всех совершенств не является индивидуализированным идеалом с одной определённой стороны. Но не следует рассчитывать на то, что в каком-нибудь языке будут в чистом виде обнаружены такие преимущества, и попытка подобного представления (исторических) различий характеров и языков была бы искажением истинного положения вещей. Можно говорить лишь об известной предрасположенности языка и её нечётко прослеживаемой направленности. Становление же характера человека, равно как народа и языка (под которым следует понимать не подчинение различных проявлений одному закону, а приближение сущности к какому-либо идеалу), невозможно себе представить, если мы стоим на том пути, направление которого, данное посредством представления об идеале, подразумевает другие направления, со всех сторон исчерпывающие идеал. Состояние народов, к языкам которых это приложимо, является наивысшим и завершающим для племенных различий. Оно предполагает относительно большое количество людских масс, которые необходимы для того, чтобы языки могли достичь своей завершенности. В основе этого лежит низшее, откуда мы и приходим. Оно возникает из неизбежной разобщённости и разветвлённости рода человеческого. Этому состоянию языки обязаны своим происхождением. Оно предполагает множество небольших людских общностей, в которых легче возникнуть языкам, многие из них должны были смешаться и слиться, чтобы возникли богатые и пластичные языки. В обоих состояниях сохранилось всё то, что было открыто к сохранению на земле поколениями людей; возникая из природных и физических потребностей, оба приобретают в процессе развития высшее духовное назначение.

Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта

Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта статья С.Д. Кацнельсона в сб. "Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в.". Л., 1984. С. 126 - 135.

Функциональный подход к языку невозможен без проникновения в основную функцию языка как орудия общения. Но речевое общение – это использование языка для целей трансляции и приема сообщений, или, проще говоря, для обмена мыслями. Коммуникативная роль языка, таким образом, тесно сопряжена с ролью языка как средства выражения мысли. Проблема соотношения языка и речи-мысли является поэтому стержневой проблемой науки о языке. Если, однако, среди лингвистов широко

распространены антименталистические настроения, побуждающие их недооценивать или вовсе отрицать необходимость исследования содержательной» стороны языка, то оснований для этого было немало. Важнейшие из них – это недостаточная эффективность и необубедительность старых попыток рассмотрения данной проблемы и объективные трудности анализа содержательной стороны языка в отличие от формальных, непосредственно связанных со звуком и доступных наблюдению явлений.

В истории языкознания проблема соотношения мышления и языка не нова. Вся история науки о языке характеризуется в этом плане отношениями притяжения и отталкивания с наукой о мышлении. Древнейшая отрасль лингвистической науки – грамматика складывалась в древней Индии и античном мире в тесной связи с логикой, сливаясь с нею в известных частях, и, с другой стороны, стремясь освободиться от ее влияния и обособиться в качестве самостоятельной науки. Эти отношения взаимного притяжения и отталкивания наблюдаются и значительно позднее, когда автономность каждой из этих наук никем уже не ставилась под сомнение. С тех пор как языкознание в XVII – XVIII вв. столкнулось впервые с проблемой многоязычия и перестало быть наукой одного языка, проблема соотношения языка и мышления всплыла вновь с большой остротой, на этот раз как проблема соотношения языкознания с науками о «духе» – логикой и психологией.

Ни логическое, ни психологическое направление в грамматике не отрицало связей языка с мышлением. Спор шел вокруг вопроса о сущности различий между языками и о том, в какой мере эти различия определяются мыслительным содержанием языковых форм. Логическое направление исходило из предпосылки, что мыслительное содержание всех языков одинаково и сводимо к категориям формальной логики. С такой точки зрения различия между языками оказывались случайными и произвольными отклонениями, своего рода аномалиями формы, а грамматика объявлялась «рациональной», т. е. логической, по своему содержанию <126> и универсальной, общей для всех языков дисциплиной. Противоположное направление настаивало на независимости грамматики от логики и, связывая языкознание с психологией, настаивало на тесной связи идиоматических форм каждого языка с их мыслительным содержанием и в соответствии с этим рассматривало каждый язык как проявление особого «национального гения». Если логическая грамматика пренебрегала различиями форм, считая их в сущности внешним и безразличным для мысли покровом, призванным облекать повсюду одинаковые формы разума, то психологическая грамматика, наоборот, считала формы языка генераторами мысли, и за каждым, даже мельчайшим, отклонением формы усматривала различие духовного содержания, квалифицируя формы языка как обнаружения не логического, а менее определенного по своей природе «духовного» содержания, различного у разных народов.

Антитеза логической и психологической грамматики скрывала под собой различные и даже противоположные решения вопросов: о взаимоотношении формы и содержания в языке, об отношении грамматики к логике, об универсальной основе языков. По первому вопросу одно направление считало отношение между формой и ее содержанием в языке внешним и случайным и, приписывая доминирующее значение содержанию, по сути дела отрицало всякую самодовлеющую роль формы в языке и, следовательно, языка в целом, тогда как другое направление считало, что форма и содержание органически едины и слитны и наличие или отсутствие формы равносильно наличию или отсутствию ее содержания. На этих основаниях одно направление подчиняло язык логике, тогда как другое полностью отрицало связь языка с логикой и находило в каждом языке свое особое «содержание», порожденное формами данного языка. Соответственно одно направление рассматривало все языки как проявление одной сущности, тогда как второе подчеркивало неповторимую индивидуальность каждого языка.

Для языкознания и отстаивания его автономности второе направление оказалось более перспективным, и неслучайно дальнейший прогресс науки о языке оказался в течение целого периода связанным с идеями психологического направления. Но, в сущности, оба направления были в одинаковой мере беспомощны в постановке кардинальной проблемы о соотношении формы и содержания в языке. Оба они в одинаковой мере исходили из тезиса о тождестве формы и содержания в языке. Оказавшись перед фактом многообразия языков мира, оба они не сумели теоретически примирить этот факт с принципом параллелизма формы и содержания, оказавшись перед дилеммой: либо признав единство содержания, так

или иначе отстоять единство формы, либо же признав многообразие языков важнее формы, одновременно обосновать это многообразие и для содержания. Исходя из тезиса о единстве человеческого разума, логическое направление поступалось формальными различиями языков и объявляло их малосущественными, всячески умаляя их и сводя их произвольно к единству. < 127 >

Напротив того, психологическая грамматика, придавая большое значение многообразию языков, жертвовала элементами единства в их содержании и произвольно конструировала для каждого языка свой тип особого, «нелогического» содержания. В обоих случаях из исходного положения (о единстве содержания всех языков, в одном случае, и о многообразии формы языков – в другом) однозначно с помощью неявной посылки о параллелизме формы и содержания выводится заключение о единстве формы всех языков в первом случае и о множественности содержательных структур – с другой.

Решающий для этих направлений факт многообразия языков оборачивается для исследователя еще практической стороной, проблемой усвоения нескольких языков и перевода с одного языка на другой. Для первого направления никакой проблемы здесь не существовало, так как усвоение чужих языков и перевод казались ему простым переодеванием мысли, существо которой оставалось неизменным. Трудности процессов освоения новых языков и перевода не получали при этом никакого объяснения. Что же касается второго направления, то и для него, в сущности говоря, не было здесь никакой проблемы, поскольку в принципе отрицалась возможность самих явлений. Усвоив определенный язык с детства, человек, согласно психологической грамматике, усваивает определенный строй «духа», из плена которого он вырваться больше не может, даже если научается говорить на других языках. Перевод с одного языка на другой с такой точки зрения невозможен, так как каждый язык по «духу» своему неповторим и несводим к другому. «Переводить значит предавать», как говорят итальянцы.

Новая полоса в разработке проблемы связана с В. Гумбольдтом. От «Гермеса» Дж. Харриса через Й. Г. Гердера и Й. Г. Гаманна ведет прямой путь к Гумбольдту. Дальнейший шаг в развитии проблем содержательной континентальной типологии был сделан крупнейшим представителем немецкой философии языка на заре сравнительно-исторического языкознания. Широким кругам языковедов Гумбольдт известен прежде всего своим понятием «внутренней формы языка», восходящим к Харрису. Менее известно, что Гумбольдт не только отрицал, но, наоборот, специально развивал идею об универсальном компоненте языкового строя, продолжая в этом отношении идеи универсальной грамматики. Взгляды Гумбольдта во многом продолжают линию психологической грамматики, и выдвинутое им понятие «внутренней формы языка» обычно истолковывается в духе характерного для психологической грамматики понятия о «гении народа». Основу «общего родства языков», т. е. родства типологического, следует по Гумбольдту искать в содержательной стороне языка. Но признавая своеобразие каждого языка как в плане формы, так и в плане содержания, Гумбольдт вместе с тем находил, что наряду с идиоматическими в содержании каждого языка имеются и универсальные элементы, хотя неправильно было бы отождествлять все содержание языка с универсальным его компонентом. «Может показаться, – писал Гумбольдт, – что все языки мира должны быть одинаковы во всем, что касается их интеллектуального поведения. В части звуковой формы вполне понятно ее бесконечное, не поддающееся учету многообразие, ибо телесно и чувственно индивидуальное проистекает из столь многих причин, что возможности его вариаций беспредельны. Но в своей интеллектуальной части, покоящейся на самостоятельности духа, язык при тождестве своих целей и средств должен, казалось бы, быть одинаков у всех людей. И в действительности он обнаруживает значительное сходство повсюду. Но по многим причинам и в этой области возникают значительные различия» [1].

Гумбольдт, особенно в ранних своих работах, резко подчеркивал идею типологического родства всех языков. Таким образом, ученый отрицает односторонний подход к проблеме многообразия языков, усматривающий в них либо абсолютное тождество, либо абсолютное различие. Антиномия тождества и различия, универсального и индивидуального теряет теперь свой антагонистический характер и переносится во внутренний строй каждого языка, где эти противоречивые моменты уживаются рядом. «Каждый язык, – утверждает Гумбольдт, – созвучен общей природе человека, и если сущность всех языков никогда не может стать полностью отпечатком субъективности человечества, то все же языки непрестанно приближаются к этой цели» [2]. Ссылаясь на «опыт переводов с разных языков», Гумбольдт отмечал, что,

хотя переводы обнаруживают значительную амплитуду колебаний по степени их адекватности, сама возможность перевода является «следствием общего родства всяких языков, гибкости понятий и их знаков» [3].

Вслед за Харрисом Гумбольдт формулирует здесь принцип типологического родства языков. Он говорит о типологической неоднородности функционального содержания языковых форм. Но границу между универсальным и идиоэтническим компонентом в содержании языка он проводит иначе, чем Харрис. То, что Гумбольдт называет «общим родством языков», есть то, что мы называем типологическим родством в отличие от материального. Это «общее родство» опирается на «тождество целей и средств». Функциональная сущность языка (его «цели») и общие принципы языковой структуры («средства») повсюду одинаковы, будучи «созвучны общей природе людей». Но кроме единства структурных принципов, таких, например, как членораздельность речи, наличие в ней дискретных и непрерывных элементов, распадаения ее структуры на грамматику и словарь и т. д., языки отличаются л единством содержания, что делает в принципе возможным многоязычие (плюрилингвизм), т. е. знание нескольких языков и переводы с одних языков на другие. Именно «в своей интеллектуальной части» языки должны обнаруживать и действительно обнаруживают значительное сходство. Отсутствие жесткой связи между значением и его звуковой формой приводит к тому, что различия между языками особенно разительны, если подойти к ним со стороны звукового выражения. Но Гумбольдт отдает себе отчет в том, что в интеллектуальной части имеются «значительные различия».

Итак, в «интеллектуальной части» языкового строя необходимо сосуществуют универсальные и идиосинкретические элементы. Первые являются основой единства всех языков, практически выявляющегося в феномене «многоязычия», «языковых контактов», т. е. возможности усвоения чужих языков и возможности переводов. Но «по многим причинам», на которых Гумбольдт не останавливается, в интеллектуальной части имеются и различия, которыми объясняются колебания в степени адекватности переводов. Выяснение соотношения универсальных и идиосинкретических характеристик в строе языков становится отныне одной из важнейших проблем общей теории языка.

Гумбольдт больше известен среди лингвистов своим понятием «внутренней формы языка», чем приведенными здесь его соображениями о соотношении универсального и индивидуального в содержательной части языковых форм. Гумбольдт действительно различал «внешнюю», т. е. звуковую, и «внутреннюю», т. е. содержательную форму языка, но то, что он называл «внутренней формой», противостояло в языке «внутреннему содержанию», т. е. мыслительной основе, в принципе тождественной у всех языков и составляющей «универсальный компонент» их строя. Опиравшаяся на психологию Гербарта, гумбольдтианская традиция в языкознании восприняла понятие «внутренней формы языка» и сделала его основой своей теории, но вместе с тем решительно осудила попытку выделить в «интеллектуальной части языка» наряду с «внутренней формой», т. е. идиоматическими значениями и категориями, еще и «универсальный компонент». Высказывания Гумбольдта по данному вопросу рассеяны по многим сочинениям. Их свел воедино его последователь Х. Штайнталь, с тем чтобы, освободив доктрину Гумбольдта от универсального компонента, заимствовать из нее лишь идиоэтническую часть, то есть учение о «внутренней форме языка» [4]. Отмечая, что попытки обоснования грамматики с помощью логикофилософских категорий с течением времени несколько ослабевают у Гумбольдта и что вместе с тем нет оснований говорить о полном отказе от таких воззрений, Х. Штайнталь делает эти воззрения исходным пунктом своей критики логической грамматики.

Систематизируя разрозненные замечания Гумбольдта (который, пытаясь преодолеть антитезу рационалистической и эмпирической универсальной грамматики, развивает своеобразную типологическую концепцию) и несколько оттеняя отдельные положения, можно, по Штайнталю, представить их следующим образом.

Категории языка являются по большей части общими мыслительными формами логического происхождения, образующими законченную систему. Но эта система грамматических или логико-грамматических форм именно в силу ее логической природы не является собственно языковой, а скорее образует общую основу языка. К ней относятся заимствованные из логики положения, без которых

языкознанию не обойтись. Но обращенные лицом к грамматике, эти категории преобразуются до некоторой степени так, что логическими их уже трудно назвать. Эта система категорий составляет содержание логической грамматики, которая в сущности не является ни грамматикой, ни логикой, а является особой *идеальной* грамматикой, не затрагивающей конкретные категории реальных языков. Реальная грамматика, присоединяясь к идеальной, должна проследить, какими звуковыми формами представлены в данном языке категории идеальной грамматики, представлена ли система логических категорий в данном языке полностью или с пробелами, и отражаются ли логические категории в данном языке адекватно или в затемненном и смешанном с чужеродными элементами виде. На отражение логических категорий в языке оказывает влияние сила фантазии и поэзии, которая, присоединяясь к логическим потребностям, то притупляет логическую строгость, то порождает выходящее за пределы логики обилие форм. Реальная грамматика распадается на две части, общую и частную. Общая грамматика должна показать, какие категории встречаются в языках мира, в какой степени логические категории идеальной грамматики преобразуются в отдельных языках и как все это влияет на меру расхождений отдельных языков. Частная грамматика – это грамматика отдельного языка, ставящая своей целью проследить соотношение грамматических категорий в данном языке с категориями идеальной грамматики. Она выясняет, представлены ли категории идеальной грамматики в данном языке полностью или с проблемами, и выражены ли они адекватно или же затемнены примесью чужеродных элементов [5].

Приведенные здесь мысли Гумбольдта поражают своей пронизательностью и глубиной. Противоположность универсального и идиоматического понимания языка, которая до Гумбольдта выступала как отражение двух противоборствующих субъективных точек зрения на язык, теперь переносится внутрь языка, раскрываясь как объективное противоречие, вытекающее из природы объекта. В грамматике реального языка содержатся с такой точки зрения два наложения, два уровня явлений. За непосредственно представленными в языке конкретными грамматическими категориями, в своей совокупности образующими индивидуальную и неповторимую структуру данного языка, скрываются «идеальные» мыслительные категории, общие для всех языков мира. Задача грамматики как науки заключается не только в том, чтобы для каждого языка составить описание наличных в нем грамматических категорий в их специфическом для каждого языка соотношении с идеальными категориями, но также в том, чтобы в общетеоретическом плане исследовать, какие *возможности преобразований* идеальных категорий в конкретно-языковые представлены в языках мира. Таким образом, перед грамматикой, исследующей внутреннюю форму каждого языка в ее специфических связях с преобразуемой логической подосновой, раскрывается перспектива как конкретно-языкового, так и типологического исследования.

Все это выглядит очень заманчиво и с легкими терминологическими поправками может произвести впечатление актуальных выводов какой-либо сверхсовременной теории языка. Необходимо, однако, заметить, что во времена Гумбольдта такие суждения были в большей мере гениальной догадкой, чем положительными выводами, основанными на фактическом материале. В свете знаний, которыми располагала наука начала и середины XIX в., такие положения казались утопическими и дальнейшее развитие науки вело к отступлению от этих положений.

Незрелость науки, мешавшая восприятию новых идей, сказывалась в части как лингвистических, так и логических знаний.

В собственно грамматическом плане не хватало как фактических материалов по сравнительно-типологическому изучению грамматических структур различных языков, так и теоретических знаний, необходимых для анализа грамматических категорий и сведения их к категориям мыслительным. Не было материалов, которые позволили бы судить о степени универсальности тех или иных категорий, – например таких, как части речи или предложения. В логических грамматиках времен Гумбольдта можно найти самые фантастические суждения на этот счет. Функции грамматических форм, и в особенности сложных флективных образований, были недостаточно изучены, что также мешало с уверенностью судить об их отношении к мысли. Подобраться к мыслительным категориям со стороны языковых форм было в то время безнадежным предприятием.

Но и логика не открывала для этого сколько-нибудь существенных возможностей. Отдельные категории логики и философии – такие как субстанция, качество, количество, пространство, время, причина, следствие и т.д., рассматривались в философии и логике слишком абстрактно для того, чтобы, опираясь на них, можно было бы глубже проникнуть в строй языка. Понятие суждения, отождествлявшееся в логической грамматике с предложением, было скроено слишком узко и не охватывало большинства учтенных грамматикой типов предложения. Апелляция к логике как учению об общечеловеческом типе мышления несла с собой опасность нивелирования всех языков и невнимания к их особенностям. Кроме того, следует учесть, что формальная логика лишь в немногих своих частях касалась общей проблематики мышления. Логика это, в сущности говоря, наука лишь об особом типе мышления, о технике выводного знания, и многих существенных проблем мышления, например мышления обыденного или мышления художественного, вовсе не касается. Недаром Гумбольдт рассматривает фантазию и поэзию как силы, враждебные логике. Так как язык служит целям не только рассуждения, но всякого мышления, то речевое мышление во всем своем объеме не покрывается логикой и между ними наблюдается ощутимый разрыв.

Совмещая в себе черты рационалистической и эмпиристической универсальной грамматики, концепция Гумбольдта существенно отличается от каждой из них.

От рационалистической грамматики она отличается более гибким определением связи языка с логикой. Признавая значимость логических категорий для исследования языка, Гумбольдт вместе с тем отворачивается от готовых построений традиционной логики, подчеркивая; что он имеет в виду особую идеальную систему, которая ни с логикой, ни с грамматикой не совпадает и которую еще только предстоит разработать.

С другой стороны, концепция Гумбольдта существенно отличается и от философской грамматики эмпиризма. В отличие от Харриса, считавшего, что логика, реторика и поэтика прямого отношения к грамматике не имеют, теперь признается, что в грамматике отражаются влияния логических категорий, а также элементов фантазии и поэзии. Две духовные силы формируют, по Гумбольдту, категориальное содержание грамматических форм: логическое мышление, определяющее универсальную основу грамматической системы, и «гений языка», его идиоэтнический «дух», преобразующий неизменные общечеловеческие категории «идеальной грамматики» в самобытные, меняющиеся от языка к языку формы частной грамматики. Понятие «гения» и «внутренней формы» языка, распространявшееся у Харриса только на словарь и стилистику, теперь проникает в грамматику.

Мы допустили бы, однако, неточность, если бы стали утверждать, что идиоэтнические особенности грамматики Гумбольдт приписывал исключительно воздействию фантазии и поэтических представлений народа, гипостазированных им в спиритуалистическом понятии внеисторического «национального духа». Указывая на антиномию национального и универсального в языке, Гумбольдт отмечал также роль «языковой силы» в формировании идиоэтнических элементов в грамматике. Он имел при этом в виду специфические закономерности звукового выражения в языке, определяющие не только «внешнюю форму» языка, его звуковой облик, но до некоторой степени и его «внутреннюю форму», т. е. идиоэтнические черты в содержании языковых форм.

Вот что писал он, определяя источники единства языков и их различий: «Так как природная способность к языку присуща всем людям и каждый непременно несет в себе ключ к пониманию всех языков, то форма всех языков должна совпадать во всем существенном, и постоянно достигать общей цели. Различия могут появляться только в средствах и только в границах, совместимых с достижением цели. Между тем эти различия в языках многообразны, и обнаруживаются они не только в самих звуках, что привело бы лишь к различному выражению одних и тех же вещей, но также в том употреблении, которое чувство языка (Sprachsinn) дает звукам применительно к форме, и даже в его собственном взгляде на эту форму». В итоге Гумбольдт приходит к выводу, что расхождения между языками в их содержании возникают «частично по причине обратного воздействия звуков, частично по причине индивидуальности внутреннего смысла и его обнаружения» [6].

Из изложения неясно, каков механизм «обратного воздействия звуков» на содержание языковых форм. Тем не менее само указание на идущее от звуковой формы, в общем подчиненной целям

выражения содержания, обратное воздействие на содержание является свидетельством глубокой интуиции немецкого философа-языковеда.

Оригинальная типологическая концепция Гумбольдта имеет скорее функциональную, а не историческую направленность. Широкой известностью пользуется высказывание Гумбольдта о том, что язык не произведение (*ergon*), а деятельность (*energeia*) и что «истинное определение языка может быть только генетическим». Но недостаточно четко разделяя речь и систему языка, он относит генетический момент в большей мере к речи, чем к языку. «Непосредственно и строго говоря, – указывает он, – это определение относится к каждому процессу говорения; но в истинном и существенном смысле можно понимать под языком как бы совокупность всех говорений» [7]. Определяя язык как «бесчисленное множество частных в виде слов, правил, аналогий и исключений всякого рода», Гумбольдт полагает, что «раздробление на слова и правила есть мертвый продукт искусственного анализа языка» и что естественное состояние языка проявляется именно в говорении [8]. Преобладание функциональной точки зрения над генетической находит себе выражение в том, что ни универсальный компонент («идеальная логика»), ни «внутренняя форма языка» не рассматриваются в развитии. Напротив того, в концепции Гумбольдта они выступают как застывшие и раз навсегда определившиеся духовные сущности.

Идеи Гумбольдта оказали значительное влияние на последующее развитие типологии. Но гумбольдтианское направление в языкознании прошлого века односторонне подошло к типологической концепции своего учителя, взяв из нее лишь учение о «внутренней форме языка». Контрастирующее с этим учением и дополняющее его понятие универсального компонента («идеальной грамматики») было отсечено и предано забвению. До некоторой степени это объяснялось умозрительным характером и туманностью изложения, которое невыгодно отличало Гумбольдта от родоначальников универсальной грамматики. Однако большую роль сыграло то обстоятельство, что попытки связать языкознание с логикой, даже в той осторожной форме, в какой они делались автором знаменитой работы «О различии человеческого строения языков», не могли уже иметь успеха к этому времени.

Расширение круга проработанных наукой языков воочию показало теперь, насколько шаткими и неубедительными были первые попытки определения категориального состава универсального компонента в ранних типологических исследованиях. Новые образцы логической грамматики, появившиеся в XIX в., своей казуистикой и субъективизмом содействовали полной дискредитации идеи логического обоснования грамматики. Против универсальной грамматики настраивало также то обстоятельство, что поиски извечных и надъисторических категорий вступили в резкий конфликт с историческим методом, успевшим утвердиться к этому времени в языкознании и принесшим уже первые плоды. «Универсализм» и «логицизм» стали отныне символами опасностей, подстерегающих исследователя на пути к объективному описанию грамматического строя. В этой обстановке менее всего можно было ожидать, что отрешенные от эмпирических фактов и смутно очерченные универсалистские идеи Гумбольдта найдут путь в умы языковедов.

Примечания

- 1.Humboldt W. von. Schriften zur Sprachphilosophie. – Werke in fu"nf Ba"nden. Berlin, 1963, III , S . 464.
- 2.Ibid., S. 20.
- 3.Ibid , S. 12.
- 4.Steintahl H. Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. Berlin, 1871, S. 63 – 65; см . еще : Husserl R. Logische Untersuchungen. Halle, , 1922, II, 11, S. 342; Cassirer E. Philosophie der Symbolischen Formen. I . Die Sprache. Berlin, 1923, S. 102.
- 5.Steinthal H. Einleitung in die Psychologie. ..., S. 63 – 65.
- 6.Humboldt W. von. Werke in fu"nf Ba"nden, III, S. 651.
- 7.Ibid., S. 418.
- 8.Ibid., S. 419.

Вступительная статья Г.В. Рамишвили к сб. Вильгельм фон Гумбольдт "Избранные труды по языкознанию"

Вильгельм фон Гумбольдт - основоположник теоретического языкознания вступительная статья Г.В. Рамишвили к сб. Вильгельм фон Гумбольдт "Избранные труды по языкознанию". М., 1984. С. 5-33.

Вступительные замечания

Вильгельм фон Гумбольдт - основоположник теоретического языкознания вступительная статья Г.В. Рамишвили к сб. Вильгельм фон Гумбольдт "Избранные труды по языкознанию". М., 1984. С. 5-33. Круг интересов Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835), выдающегося немецкого мыслителя и гуманиста, помимо языка и языкознания, охватывал философию, литературоведение, классическую филологию, теорию искусства, государственное право... Ему принадлежат переводы эсхиливского "Агамемнона" и од Пиндара. Он был дипломатом, принимавшим участие в европейских конгрессах, крупным государственным деятелем.

Происхождение, блестящее образование и материальная обеспеченность дали ему возможность общаться не только с монархами и видными политическими деятелями, но и с учеными, писателями и поэтами, возглавлявшими духовную жизнь того времени, в том числе с Гёте и Шиллером, с которыми он находился в тесной дружбе.

Всестороннее и гармоничное развитие как личности, так и всего человеческого рода - таков был гуманистический идеал Гумбольдта, которому он оставался верен и в своей практической деятельности. Основанный им Берлинский университет[] (носящий ныне имя братьев Гумбольдтов) и принципы, на которых он его создавал, являются лучшим тому доказательством. Он выступал против утилитарного направления и поощрения узкой специализации в университетском образовании. Согласно требованию Гумбольдта, департамент народного просвещения должен был заботиться о том, чтобы "научное образование не раскалывалось сообразно внешним целям условиям на отдельные ветви, а, напротив, собиралось в одном фокусе для достижения высшей человеческой цели"[3].

Он же выработал принципы, легшие в основу образования в гимназиях, сохранившие свою актуальность и по сей день. И здесь он, в противоположность одностороннему интеллектуальному образованию, перед воспитанием ставил задачу пробуждения всех основных сил человеческой природы. "О каком бы предмете ни шла речь, - писал Гумбольдт, - всегда можно привести его в связь с человеком, а именно со всей его интеллектуальной и нравственной организацией в совокупности"[4]. Он считал, что такие принципы, поощряющие воспитание человека как целостного существа, были открыты греками, а затем унаследованы европейской системой образования. Оценка его как ученого и гражданина дана в обобщающей характеристике известного лингвиста XIX в. Б. Дельбрюка: "Его высокая и бескорыстная любовь к истине, - пишет он о Гумбольдте, - его взгляд, направленный всегда к высшим идеальным целям, его стремление не упускать из-за подробностей целое и из-за целого отдельные факты <...>, осторожно взвешивающая справедливость его суждений, его всесторонне образованный ум и благородная гуманность - все эти свойства действуют укрепляюще и просветляюще на каждую другую научную личность, приходящую в соприкосновение с Вильгельмом фон Гумбольдтом, и такое влияние Гумбольдт, по моему

мнению, сохранит еще надолго и будет продолжать производить даже на тех, кто останавливается беспомощно перед его теориями"[5].

Идея В. фон Гумбольдта о построении "сравнительной антропологии" (1795 г.)[6] позднее приобретает более определенное направление и конкретное содержание в его теории языка. В 1804 г. Гумбольдт сообщает Ф. Вольфу: "Мне удалось открыть - и этой мыслью я все больше проникаюсь, - что посредством языка можно обозреть самые высшие и глубокие сферы и все многообразие мира".

В нем постепенно созревало убеждение, что ничто иное столь не способно приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их языки. Интерес В. фон Гумбольдта к самым различным по строю языкам (к баскскому, туземным языкам Америки, малайско-полинезийским языкам...) сопровождался историческими, антропологическими и этнопсихологическими исследованиями народов[7] с целью выявления в них "чистейшего и высочайшего гуманизма". Он размышлял о совершенно новой форме сравнения языков.

Задачу, стоящую перед сравнительным языковедением, Гумбольдт сформулировал следующим образом: "Главное здесь... верный и достойный взгляд на язык, на глубину его истоков и обширность сферы его действия"; это означает: исследовать функционирование "языка в самом широком его объеме - не просто в его отношении к речи..., но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия." (VII, 53; с. 75 наст. изд.) (Курсив наш. - Г. Р.)[8]

Что он имеет в виду, когда говорит об "истоках" языка? Подразумевается ли под этим исследование "происхождения" в обычном понимании, то есть выявление эмпирических условий и причин возникновения языка? Отмежевываясь от традиционного подхода и философски осмыслив (вслед за Гердером) проблему генезиса языка, Вильгельм фон Гумбольдт переносит ее на такую плоскость, где фактор времени как бы иррелевантен. Его рассмотрение ориентировано не на внешние факторы происхождения, а на внутренний генезис, усматривающий в языковой способности не только уникальный дар человека, но и его сущностную характеристику. Разграничение этих двух видов генезисного рассмотрения - эмпирического и внутреннего - поднимает исследование языка на философско-антропологический уровень; их смешение привело бы не только к элиминации общей теории, необходимой для рассмотрения данной проблематики, но значительно снизило бы эффективность конкретно-эмпирических изысканий.

Общепринятое мнение, согласно которому мышление занимает доминирующее положение, а язык как его "внешнее" выражение лишь сопутствует ему, не принимая притом никакого участия в формировании мысли, подвергли сомнению еще Гаман и Гердер. Однако в ту эпоху лишь Гумбольдту удалось восстановить нужное равновесие между языком и мышлением. Способ его рассмотрения самых различных аспектов языка и связанной с ним проблематики, глубина и сила его аргументации, направление его мыслей приводят нас к убеждению, что Гумбольдт постепенно вырабатывает метод, посредством которого можно подойти к изначальному единству языка и мышления, а также к единству феноменов культуры, заложив тем самым лингвистический фундамент для объединения наук о культуре.

Касаясь генезиса языка, В. Гумбольдт разбирает два возможных допущения. Факт сложности строения языка может навести на мысль, будто эта сложность - явление вторичного характера, то есть результат постепенного усложнения простых структур в ходе времени, либо она продукт "колоссальных мыслительных усилий" его создателей. Гумбольдт опровергает как первое, так и второе допущение. Факт "сложности" языковой структуры не представляется ему (вопреки здравому смыслу) достаточной логической основой для правомерности вышеуказанных допущений. "Каким бы естественным, - пишет Гумбольдт, - ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу"[9] (IV, 16; с. 314). "Для того чтобы человек мог постичь хотя бы одно-единственное слово., весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем". (См. IV, 15; с. 313 наст. изд.)

Следует отметить, что такое понимание генезиса продиктовано его же концепцией целостности языка, нашедшей свое завершение в понятии "внутренней формы языка", введенном Гумбольдтом в своей подытоживающей теоретической работе. Согласно этой его концепции, каждый, даже мельчайший

языковой элемент не может возникнуть без наличия пронизывающего все части языка единого принципа формы ("...частности должны входить в понятие формы языков не как изолированные факты, а всегда - лишь постольку, поскольку в них вскрывается единый способ образования языка" (VII, 51; с. 73 наст. изд.).

И другое допущение о том, что возникновению языка, якобы, предшествовали "колоссальные мыслительные усилия его создателей", не выдерживает критики, поскольку "сознательным творением человеческого рассудка язык объяснить невозможно". "Непосредственно заложенный в человеке" язык как бы является "инстинктом разума" (Vernunftinstinct). "Именно из самого первобытного природного состояния может возникнуть язык, который сам есть творение природы", - но "природы человеческого разума" (IV, 17; с. 314). Называя язык "интеллектуальным инстинктом" (intellektueller Instinct), Гумбольдт тем самым подчеркивает уникальность языка как антропологического феномена и обращает наше внимание, с одной стороны, на неосознанную форму его существования, а с другой стороны - на его интеллектуальную активность, заключающуюся в фундаментальном "акте превращения мира в мысли" (in dem Acte der Verwandlung der Welt in Gedanken) (VII, 41; с. 67). Это означает, что, "с необходимостью возникая из человека", язык "не лежит в виде мертвой массы в потемках души, а в качестве закона обуславливает функции мыслительной силы человека" (IV, 16; с. 314).

В силу необходимости мышление всегда связано с языком, "иначе мысль не сможет достичь отчетливости, представление не сможет стать понятием". Более радикально звучит следующее высказывание: "Язык есть орган, образующий мысль" (VII, 53; с. 75). А более конкретно: "Слово, которое одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя, и идея, приобретая благодаря слову определенность, вводится одновременно в известные границы". (IV, 23-24; с. 318).

Однако это происходит не абстрактно, не в "языке вообще", а в реальных, конкретных языках. По словам Гумбольдта: "Мышление не просто зависит от языка вообще, а до известной степени оно обусловлено также каждым отдельным языком". (IV, 22; с. 317).

Ставится вопрос: не является ли различие языков "обстоятельством, случайно сопутствующим жизни народов" с целью лишь повседневного потребления, "или оно является необходимым, ничем другим не заменимым средством формирования мира представлений", к чему, "подобно сходящимся лучам, стремятся все языки?" (IV, 20/21; с. 316). Конечной целью своего исследования Гумбольдт считал выяснение "отношения" языков к этому "миру представлений" как к "общему содержанию языков" (IV, 20/21; с. 316).

Тут же возникает вопрос: независимо ли это общее содержание от конкретного языка или оно безразлично к языковому выражению? Если оно независимо, то "выявление и изучение различий языков занимает зависимое и подчиненное положение, в противном случае приобретает непреложное и решающее значение". (IV, 20/21; с. 316).

В 1801 г. в своих фрагментах монографии о басках Гумбольдт пишет: "Язык, не только понимаемый обобщенно, но каждый в отдельности, даже самый неразвитый, заслуживает быть предметом пристального изучения... Разные языки - это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения (Ansichten) его ... Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познается в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования" (VII, 601).

В своих лингвистических исследованиях Гумбольдт затронул важные проблемы социально-философского характера, связанные с выявлением понятий "народ" и "язык".

Гумбольдт считает "нацию" (для него по существу это то же самое, что и "народ") такой "формой индивидуализации человеческого духа", которая имеет "языковой" статус. Считая нацию "духовной формой человечества, имеющей языковую определенность" (VI, 125), специфику этой формы он усматривает главным образом в языке, хотя при этом подчеркивает, что в формировании нации, помимо языка, участвуют и другие факторы: "если нами нации назывались духовной формой человечества, то этим совершенно не отрицались их реальность и их земное бытие; такое выражение мы выбрали только потому,

что здесь вопрос касался рассмотрения их (наций) интеллектуального аспекта". (VI, 126) (Курсив наш. - Г. Р.).

Так как деление человечества на языки совпадает с делением его на народы (VII, 13; с. 46), то отсюда должно явствовать, что между языком и народом, или, точнее, духом народа, существует необходимая корреляция. "Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другой, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности". "Хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность (Intellectualitat) и язык, в действительности такого разделения не существует". (VII, 42; с. 68).

Здесь уже "дух народа", ввиду его общности с языком, перестает быть метафизической величиной, становясь тем самым возможным объектом социологии языка; а "интеллектуальность" в данном контексте используется в более широком смысле, чем узко понятое "рацио"[\[10\]](#).

Каков в действительности смысл употребления термина и понятия "дух народа" в работах Гумбольдта?

Следует помнить, что он обсуждает этот вопрос в связи с выявлением условий и причин различия языков. Считая недостаточным один лишь звуковой фактор для объяснения различия и специфики языков, он ищет более "высокий принцип", который, по его мнению, объяснит и подтвердит различие конкретных языков. ("В практических целях очень важно не останавливаться на низшей ступени объяснения языковых различий, а подниматься до высшей и конечной..." (VII, 43; с. 68)). Различие языков эмпирически связано с различием народов; нельзя ли это различие, то есть специфику языков, объяснить исходя из "духа народа" как из более "высокого принципа"? Вильгельм фон Гумбольдт ввел понятие "дух народа" в сравнительное языковедение как понятие необходимое, однако его трудно постичь в чистом виде: без языкового выражения "дух народа" - неясная величина, знание о которой следует извлечь опять-таки из самого языка, язык же толкуется не только как средство для постижения "духа народа", но и как фактор его созидания.

Тут как бы замкнулся заколдованный круг: дух народа как "высший принцип", обуславливая различие и специфику языков, со своей стороны сам нуждается в объяснении через язык.

Предвидев, что такое рассуждение могло стать источником недоразумений, Гумбольдт разъясняет: "Не будет заколдованного круга, если языки считать продуктом силы народного духа и в то же время пытаться познать дух народа посредством строения самих языков: поскольку каждая специфическая (духовная - Г. Р.) сила развивается посредством языка и только с опорой на него, то она не может иметь иной конституции, кроме как языковой"[\[11\]](#).

Однако уместно спросить, входит ли исследование таких проблем в компетенцию науки о языке? Ответ Гумбольдта будет утвердительным: эта наука - сравнительное языковедение (что не следует путать с историческим языкознанием) (VII, 15; с. 47). "Сравнительное языковедение, тщательное исследование разных путей, на каких бесчисленные народы решают всечеловеческую задачу создания языка, утратит свой высокий интерес, если не попытается проникнуть в то средостение, где язык связан с формированием духовной силы нации" (VII, 14; с. 47).

Гумбольдт вводит новое, на наш взгляд, весьма важное понятие "языковое сознание народа" (nationeller Sprachsin) (VII, 14; с. 47). В нем находит обоснование тезис об органической целостности языка; в нем же можно усмотреть имманентный принцип "важнейших различий" языков.

Включение в орбиту лингвистических исследований понятия "языкового сознания народа" создает возможность оградить Гумбольдта от обвинений в том пункте, в котором его из-за сложившейся традиции труднее всего защитить, а именно - в вопросе квалификации "духа народа" и его связи с языком[\[12\]](#). Поскольку в выражении "языковое сознание" определяющим является адъектив "языковое", то интерпретации, исходящие из этнопсихологии, следует подвергнуть определенной коррекции, тем самым защитив автономность сравнительного языковедения как от этнографизма, так и от психологизма.

В вышеприведенной цитате (стр. 9 - 10) понятие "народ" определяется с учетом фактора языка и в соотношении с "человечеством".

В данном контексте третья величина - "человечество" - понимается не в собирательном смысле, то есть это не объемное понятие, обозначающее совокупность всех людей (для чего В. фон Гумбольдт чаще использует "Menschengeschlecht"), а скорее понятие, отражающее подлинную природу и высокое назначение человека как небиологического существа: оно основано на принципе культурно-этического единства людей, которое именно в таком значении особенно утвердилось в Германии после Гердера. Обусловленное языком естественное деление человечества на народы, хотя и имеет силу естественной необходимости, но проводится у Гумбольдта не по биологическим, расовым и тому подобным признакам, а по более высокому принципу, создающему основные и необходимые - "охарактеризованные языком" - условия человеческого бытия, возвышающие человека до решения задач своего историко-культурного назначения[13].

Как уже было сказано, Гумбольдт, еще в 1801 г., в своих фрагментах монографии о басках выдвинул тезис о том, что разные языки - это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а "различные видения" его. Эта идея, возникшая в результате эмпирических наблюдений над языком (баскским), по своему строению отличным от европейских языков, находит свое теоретическое обоснование в известном докладе, прочитанном им в 1820 г. в Берлинской Академии наук ("О сравнительном изучении языков...").

Тезис об "языковом мировидении"[14], по сей день являющийся источником многих недоразумений, с чисто эмпирической точки зрения содержит довольно простую мысль: различие языков не сводится к одному лишь звуковому фактору. Нужно было гениальное прозрение Гумбольдта, чтобы усмотреть в этом функцию и назначение языков как различных путей содействия осуществлению общечеловеческой задачи - "превращения мира в мысли" (Verwandlung der Welt in Gedanken).

С усмотрением в постижении мира примарной функции языка как одной из фундаментальных форм познавательной активности человека с необходимостью связано требование переосмысления тех общепринятых дефиниций ("знаковая система" и др.), которые указывают преимущественно на инструментальный характер языка, то есть на "употребление" его лишь как средства для обозначения готовой мысли с целью сообщения. Еще в 1806 г., считая такое определение языка и понимание слова как знака (Zeichen) "до некоторой степени правильным", Гумбольдт предостерегал: становясь "господствующим", такое понимание может превратиться в "крайне ложное представление" о языке, "убивающее" в нем все "живое" и "духовное".

Развивая и уточняя эту мысль, Гумбольдт указывает на те границы, в пределах которых лишь следует говорить о языке как о знаковой системе: "Слово, действительно, есть знак до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык - это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека" (III, 168; с. 304).

30 лет спустя в своей последней работе Гумбольдт опять в контексте критики языка как внешнего средства этот промежуточный мир называет "подлинной реальностью" (wahre Welt) (VII, 177; с. 171). Здесь слово "между" следует понимать не в его пространственном значении; оно указывает на исторически закрепленную в языке систему значений, посредством которой (а не непосредственно) и происходит "преобразование" внеязыковой действительности в объекты сознания. Там, где, по наивной логике, человеку дан непосредственный доступ к предметному миру, должно быть обнаружено опосредствующее действие языка.

Постулирование языковых значений между звуковой формой и предметом исключает возможность толкования языка как номенклатуры. Против такого понимания языка как номенклатуры после Гумбольдта, как известно, выступил и Фердинанд де Соссюр, хотя ему (да и многим другим) не удалось найти веского доказательства для его полного преодоления. Причина этого, по всей вероятности, кроется в недостаточном осмыслении унаследованного от Гумбольдта понятия "языкового мировидения". Если его связать с идеей "промежуточной реальности", то это можно было бы проще передать так: язык есть не ряд готовых этикеток к заранее данным предметам, не их простое озвончение, а промежуточная реальность, сообщающая не о том, как называются предметы, а, скорее, о том, как они нам даны.

Языком охватываются преимущественно объекты, входящие в круг потребностей и интересов ("практика" в широком понимании) человека, и отображаются не столько чисто субстанциональные свойства внеязыкового мира, а, скорее, отношения человека к нему. Эти отношения в различных языках преломляются по-разному, через свойственное каждому языку семантическое членение. Соответственно, можно предположить, что в наших высказываниях о вещах и явлениях мы до некоторой степени следуем и тем ориентирам, которые предначертаны семантикой естественного языка. Следовательно, звучание соединяется не с предметом непосредственно, а через семантически "переработанные" единицы, которые уже в качестве содержательных образований могут стать основой самого акта обозначения и речевой коммуникации.

Это уровень категоризации, сфера действия человеческого фактора. В различных языковых коллективах этот общий процесс протекает по-разному. Социальная природа языкового коллектива как одной из примарных и естественных форм сообщества заключается не только в том, что он образует фон для реализации речевой коммуникации, а скорее в том, что он создает необходимые предпосылки для включения индивидов в единый процесс языкового постижения мира, то есть в акты первичной категоризации.

Идея "языкового мировидения" плодотворна именно для осознания более глубоких основ коммуникации: "Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы" (VII, 170; с. 165). Такая интерпретация процесса общения, мы бы сказали, не имеющая себе равной, заставляет по-новому взглянуть на сугубо социальный характер языка: здесь преодолены как наивный реализм, считающий язык простой номенклатурой, так и фактор осознанности в коммуникации, и выдвигается совершенно своеобразный, одному лишь человеку свойственный вид языкового общения, в котором необходимость согласованности (как основы для речевого процесса) и индивидуальная свобода не исключают, а, наоборот, подразумевают друг друга.

В последнее время в разных гуманитарных науках и в самой философии в использовании термина "языковое мировидение" усматривают опасность гиперфункционализма, то есть детерминированности мышления языком. Однако такого рода опасность была бы реальной, если бы в условиях естественного языка ограничивалось свободное развитие и развертывание других духовных сил человека. Недоразумения в этом вопросе вызваны тем, что данный вопрос не рассматривается на более широкой основе, то есть в рамках той философской антропологии, истоки которой следует усматривать в философии языка И. Гердера и В. фон Гумбольдта. Подвергая критике общераспространенный взгляд, будто язык возник лишь с целью удовлетворения узкопрактических, витальных потребностей человека, Гумбольдт разъясняет: "Мы не должны представлять себе даже первоначальный язык ограниченным скудной толикой слов, как, пожалуй, по привычке думают люди, которые, вместо того чтобы объяснить возникновение языка исконным призванием человека к свободному общению с себе подобными, отводят главную роль потребности во взаимопомощи...". "Человек не так уж беззащитен, - продолжает он, - и для организации взаимопомощи хватило бы нечленораздельных звуков. В свой начальный период язык всецело человечесен и независимо от каких-либо утилитарных целей распространяется на все объекты, с какими сталкиваются чувственное восприятие и его внутренняя работа..." "Слова свободно, без принуждения и ненамеренно изливаются из груди человека" (с. 81). Включая язык в круг фундаментальных свойств человека, предназначенных не только для удовлетворения элементарных жизненных потребностей, но и, что важнее, интересов и целей более высокого порядка, мы должны отдавать себе отчет в том, что вопрос об аналогии между языком человека и "языком" животных требует полного переосмысления. Если сигнальная коммуникация в мире животных биологически детерминирована, всецело зависит от внешних стимулов и используется в том замкнутом кругу (Umwelt) пространства и времени, к которому животное раз и навсегда приковано, то "действие" человеческого языка простирается теоретически на всю бесконечную

действительность (Welt), то есть охватывает мир именно как целое. Это не простое расширение горизонта, а приобретение нового измерения.

Создание такого "теоретического горизонта", без сомнения, не могло быть результатом деятельности отдельного человека: его короткой жизни явно не хватило бы на вербализацию даже маленького фрагмента действительности, не говоря уже о том, что разрозненная деятельность таких индивидов привела бы к результатам, полностью исключающим возможность взаимопонимания и тем более одинаковой направленности поведения. Лишь включение индивида в культурно-историческую жизнь определенного языкового коллектива может обеспечить ему выход за пределы своего конечного бытия[15].

Овладевая языком задолго до актов осознания (что нагляднее видно на примере развития речи ребенка), человек усваивает одновременно и тот способ "обращения" с предметами, который неосознанно предлагается определенной языковой традицией. Однако естественный язык - не замкнутая сфера значений, исключая всякое другое "видение" и замыкающая тем самым горизонт понимания, а открытая система, включенная в динамический процесс культурного обмена с другими языками[16]

Эти рассуждения лишней раз подтверждают, почему гумбольдтовская идея "языкового мировидения", указывающая на структурное своеобразие семантики языков и на их историческую уникальность, не может быть подвергнута обвинению в "языковом детерминизме".

С этим связана также проблема так называемого "лингвистического релятивизма", ставшая предметом острой полемики, особенно после появления гипотезы "лингвистической относительности" Сепира - Уорфа. И в этом контексте, неверно интерпретируя его взгляды, упоминают Гумбольдта.

Не означает ли множественность языковых мировидений релятивизацию мира?

Гумбольдт, как бы учитывая возможность такого возражения, разбирает этот вопрос со свойственной ему философской пронизательностью. Он не видит никакого основания для опасений, так как, по его словам: "Субъективность отдельного индивида снимается субъективностью народа", состоящего из "предшествующих и нынешних поколений", а "субъективность народа - субъективностью человечества". В этом он усматривает "глубокую, внутреннюю связь всех языков", являющуюся необходимым условием не только для преодоления субъективной односторонности каждого отдельного языка, но и для постижения объективной истины усилиями всего человечества.

В своем докладе "О сравнительном изучении языков..." (1820 г.) Гумбольдт выдвигает проблему истины в связи с задачами и "конечными целями" сравнительного языковедения. Из факта "взаимообусловленной зависимости мысли и слова" он выводит следующее: "...Языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но, более того, средством открытия ранее неизвестной... Совокупность познаваемого, как целина, которую надлежит обработать человеческой мысли, лежит между всеми языками и независима от них. Человек может приблизиться к этой чисто объективной сфере не иначе как... только субъективным путем". (IV, 27-28; с. 319). Хотя, по Гумбольдту, человек приближается к "чисто объективной сфере" "лишь субъективным путем", "частично" и "постепенно", однако эта субъективность (ее отнюдь не следует интерпретировать как релятивизм) - необходимое условие для приближения к объективной истине, осуществляемое человеком в пределах человеческих возможностей.

Язык выступает не только в качестве примарной формы объединения людей в одно языковое сообщество, но и, прокладывая путь к постижению объективной истины, является "великим средством преобразования субъективного в объективное, переходя от всегда ограниченного индивидуального ко всеобъемлющему бытию". (IV, 25; с. 318); "Когда мы слышим образованное нами слово в устах других лиц, - пишет Гумбольдт, - то объективность его возрастает, а субъективность при этом не терпит никакого ущерба..." (VII, 56; с. 77), так как "общение посредством языка обеспечивает человеку уверенность в своих силах и побуждает к действию. Мыслительная сила нуждается в чем-то равном ей и все же отличном от нее. От равного она возгорается, по отличному от нее выверяет реальность своих внутренних порождений. Хотя основа познания истины и ее достоверности заложена в самом человеке, его духовное устремление к ней всегда подвержено опасностям заблуждений. Отчетливо сознавая свою ограниченность, человек

оказывается вынужденным рассматривать истину как лежащую вне его самого, и одним из самых мощных средств приближения к ней... является постоянное общение с другими". (VII, 56; с. 77).

Эти новые соотношения между сравнительным языковедением, социологией языка и философской теорией истины, открытые Гумбольдтом, могут оказаться весьма плодотворными с точки зрения осмысления основ науки о человеке.

Не угрожает ли множественность языков единству научного знания? Указывая на впечатляющие успехи естественных наук и техники, особенно в создании всеобщей системы понятий логики и математики, обычно предполагают, что научное мышление полностью оторвано от эмпирических условий конкретных языков. Эта проблема не нова, и ее актуальность особо ощутима сегодня. Гумбольдт обсуждает этот вопрос в полном соответствии со своей общей концепцией. "Правда, - пишет он, - предпринимались попытки заменить слова различных языков общепринятыми знаками по примеру математики, где налицо взаимно-однозначные соответствия между фигурами, числами и алгебраическими уравнениями. Однако такими знаками можно исчерпать лишь очень незначительную часть всего мыслимого..." (IV, 22; с. 317). И "все попытки свести многообразие" к общим знакам, которые выражают понятия, образованные "лишь путем конструкции", являются, по мнению Гумбольдта, "всего лишь сокращенными методами перевода, и было бы чистым безумием льстить себя мыслью, что таким способом можно выйти за пределы, я не говорю уже, всех языков, но хотя бы одной определенной и узкой области даже своего языка". (IV, 22; с. 317). При сравнительном изучении языков обнаруживается, что в языках "существует гораздо большее количество понятий, а также своеобразных грамматических особенностей, которые так органически сплетены со своим языком, что не могут быть общим достоянием всех языков и без искажения не могут быть перенесены в другие языки. Значительная часть содержания каждого языка находится поэтому в неоспоримой зависимости от данного языка, так что это содержание не может оставаться безразличным к своему языковому выражению". (IV, 23; с. 317).

И действительно: специальные языки науки имеют свои истоки в естественных языках, и при попытках эмансипации научной символики от привязанности к языку не следует забывать, что знаковые системы вплоть до абстрактнейших формул - явление производное. Поэтому логически некорректно язык знаков как эпифеномен возводить в ранг прафеномена. Если наука расчленяет и объединяет в определенные классы предметы и явления действительности по строгим критериям, - на так называемой "донаучной стадии", то то же самое прodelывается и естественным языком, но скрыто и не "строго".

У Гумбольдта читаем: "Между устройством языка и успехами в других видах интеллектуальной деятельности существует неоспоримая взаимосвязь". (VII, 41; 67).

Если под этим подразумевается связь языка с различными формами культурного творчества, то исследования и в этом направлении подразумевают преодоление простой схемы: "Язык - зеркало культуры". Язык подключается не там, где процесс культурного созидания уже закончен, а он дан изначально. В этом можно легко убедиться, исключив язык (путем мысленного эксперимента) из сферы культуры[17]. Окажется, что из поля зрения выпало очень важное условие. Признание языка в качестве такого условия не умалит роли других человеческих сил: между языком и культурой существует взаимодействие; результаты этого процесса следует измерять не только по линии воздействия культуры на язык, но и в соответствии с тем, насколько язык воздействует на культуру.

Это особенно ощутимо в отдаленных от повседневной речевой коммуникации актах употребления языка. Если рядовой член речевого коллектива следует семантическим правилам своего языка и находится некоторым образом в его "плени", то мастер художественного слова, глубоко проникая в тайны родного языка, следует уже не слепо заученным правилам, а как бы становится соучастником в созидании языкового мировидения - непрекращающегося процесса постижения мира через язык. Но слово "участие" нужно употреблять осторожно, поскольку каждое "новое" в языке подразумевает наличие уже существующего, и ни один из великих творцов не в состоянии создать хотя бы одно слово из ничего. "Существующее" здесь - скорее ареал возможностей языка, а не реализованная и закрепленная в текстах внешняя форма. Словотворчество, в котором мы усматриваем одно из высших проявлений действия языка, основывается на энергетической форме знания языка и отличается от того "динамического" использования

языка, которое в теории трансформационной грамматики квалифицируется как "творчество" (creative aspect of language use)[18]; хотя послед-¹⁸нее в трансформационной лингвистике описывается в терминах динамической теории, но фактически оно остается на уровне аргона.

В главе, где говорится о "внутренней форме языка" ("innere Sprachform"), дефиниция данного понятия эксплицитно не дана, что послужило поводом для противоречащих друг другу интерпретаций у различных языковедов, а также психологов и философов. Всякая попытка раскрыть смысл этого основополагающего понятия по тексту, и тем более в духе Гумбольдта, должна отвечать по крайней мере трем требованиям: 1. Внутренняя форма является именно внутренней, а не внешней формой (это подразумевает, что ее исследование должно осуществляться по содержательным параметрам, а не по тем принципам, которые формировались в процессе исследования внешней формы); 2. Являясь внутренней, она тем не менее не лишена формы субстанция, а именно форма; 3. Она является внутренней формой именно я з ы к а, а не вне-языкового содержания.

Трудно назвать учебник, где бы не рассматривался вопрос о внутренней форме языка, хотя нередко это понятие смешивается с внутренней формой отдельного слова. В России этому содействовали труды и авторитет А. Потебни, который в интерпретации Гумбольдта не был свободен от влияния психологизма Г. Штейнталя[19]. Понятие внутренней формы слова он применил в сравнительном анализе славянских языков и в изучении мифов, заложив тем самым в России начало исследованиям в той области, которую в широком смысле этого слова можно было бы назвать этнолингвистикой.

Сила этой традиции сказывается и в заглавии книги русского философа Г. Шпета: "Внутренняя форма слова"[20].

Сведению внутренней формы языка к внутренней форме слова[21], - что не соответствует основному направлению гумбольдтовского учения, - способствовало и следующее обстоятельство: доказывая, что даже в случае "телесного", "чувственно-воспринимаемого предмета" "слово не эквивалентно" предмету, а лишь эквивалентно "пониманию (Auffassung) его в акте языкового созидания" (Spracherzeugung), Гумбольдт в данной главе приводит пример из санскрита, в котором "слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то однуруким... тремя словами обозначены три разных понятия". (VII, 90; с. 103).

Такое сужение гумбольдтовского понятия "внутренней формы" вновь доказывает, насколько неоправданно толковать отдельные его высказывания в отрыве от общего идейного контекста. Исходная идея, пронизывающая все учение Гумбольдта, состоит именно в том, что обозначение предмета словом - это не изолированный акт словотворчества, а часть единого процесса языкового созидания. Об этом свидетельствует и последующая фраза из текста: "Поистине язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом в процессе языкотворчества". (VII, 90; с. 103; Курсив наш. - Г. Р.)[22].

Такая же участь постигла и другое высказывание Гумбольдта, встречающееся в начале упомянутой главы: "Эта целиком внутренняя и чисто интеллектуальная сторона языка и составляет собственно язык". (VII, 86; с. 100).

Разные исследователи (лингвисты, философы, психологи), толкуя понятие "внутренней формы", выражение "чисто интеллектуальная часть в языке" выносят за пределы самого языка, забывая, что "интеллектуальную часть" не следует понимать как вне-языковую, чисто логическую структуру. Она имманентна языку ("составляет собственно язык"). Поэтому отнесение ее к логическим или к психологическим категориям противоречит основному замыслу гумбольдтовской концепции внутренней формы языка. Подвергая критике логическую ориентацию "общей, философской грамматики" из-за "поверхностно и несовершенно проделанной дедукции", Гумбольдт пишет: "Под понятия а priori подгоняют то, что невозможно было бы найти априорным путем. И этот односторонний, наполовину философский метод наносит языковедению гораздо больше вреда, нежели ... односторонне исторический метод, который хоть собирает нужный материал, в то время как вышеупомянутый метод ничего не оставляет, кроме беспочвенной и пустой теории". (VI, 344).

То, что "интеллектуальное" у Гумбольдта не означает универсально-логическое, об этом свидетельствует еще и его понимание грамматики и введенное им понятие "грамматического видения" (*grammatische Ansicht*). "В грамматике, - пишет Гумбольдт, - нет ничего телесного, осязаемого..." Она, в отличие от слов - более осязаемых единиц языка, - "состоит исключительно из интеллектуальных отношений". (VI, 337).

И там же добавляет: "Поскольку грамматические различия языков заключаются в различии грамматических видений", то "грамматика более родственна духовному своеобразию наций, нежели лексика". (VI, 338). И здесь налицо корни внутренней формы языка.

На этом фоне становится очевидным, насколько сомнительны попытки некоторых современных представителей формальной лингвистики, утверждающих, будто у Гумбольдта доминирующим являются универсально-логические свойства грамматик языков. Несостоятельна также традиция психологистического толкования, берущая свое начало в комментариях Х. Штейнтала к тексту Гумбольдта. Штейнталь ставит в один ряд понятия: внутренняя форма - значение - представление (языковое понятие) - слово. Исходными являются психические представления, которые (полученные путем чувственного восприятия) закрепляются в языковых значениях и воспроизводятся в речевом употреблении.

Такой психологизированный и атомистический подход, оказавший сильное влияние на последующие поколения не только в Германии, но и далеко за ее пределами, отвлек внимание лингвистов от задач, поставленных Гумбольдтом перед теоретическим языкознанием.

Проблема внутренней формы языка приобретает особую актуальность с 20-х годов нашего столетия. В. Порциг в своих статьях "Понятие внутренней формы языка" (1923) и "Языковая форма и значение: критическое рассмотрение философии языка А. Марти" (1928) выступил против философа А. Марти (1847-1914) и его ученика англиста О. Функе, критически разбирая введенные ими понятия "фигуральная внутренняя форма" и "конструктивная внутренняя форма". В. Порциг выделяет четыре подхода в современных ему теориях о внутренней форме языка: 1. Позитивистская точка зрения, полностью игнорирующая данное понятие; 2. Психологистическая интерпретация, согласно которой внутренняя форма языка - это психический процесс, определяющий внешнюю форму говорения (В. Вундт); 3. Феноменологическое толкование, усматривающее в ней главным образом соотношения "чистых" значений: насколько адекватно удастся говорящему посредством языка воспроизвести "идеальные" содержания (Э. Гуссерль); 4. Упомянутая концепция Марти, касающаяся принципа выбора конкретных языковых средств, которые должны быть использованы для передачи подразумеваемого смысла.

В своей ранней статье "Проблема внутренней языковой формы и ее значение для немецкого языка" (1926) Л. Вейсгербер придерживается того мнения, что внутренняя форма языка охватывает понятийные и синтаксические возможности того или иного языка, являясь ключом к оценке всего, что мыслится и высказывается в данном языке. Этому мнению он придерживается и по сей день.

В последние годы своей жизни грузинский психолог Д. Узнадзе, (аинтересовавшись учением В. Гумбольдта, в своей статье "Внутренняя форма языка" (1948 г.) попытался применить понятие "внутренней формы" для обоснования им же созданной психологической теории установки.

В своей работе "Аспекты теории синтаксиса" американский лингвист Н. Хомский говорит о возможной связи внутренней формы языка с "глубинной структурой", предполагая, что введенные им понятия "глубинная структура" и "поверхностная структура" соответствуют "внутренней форме" и "внешней форме" языка Гумбольдта[24].

Недавно проблемы внутренней формы языка вновь коснулся В. А. Звегинцев, интерпретируя ее в рамках общей теории формы языка В. фон Гумбольдта[25].

Идея внутренней формы языка - скорее задача для новой ориентации целостного рассмотрения языка, нежели объект или следствие ортодоксального аналитического мышления; этой лингвистической идее соответствует такое духовное состояние, которое неопишимо в терминах сциентистски ориентированного мировоззрения. Ее коррелятом выступает не формально-логическая схема мышления, не сухой и холодный рассудок, а совокупность всех функций нашего духа в их живом взаимодействии.

Известен тезис Гумбольдта "Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energieia). Его истинное определение поэтому может быть только генетическим". (VII, 46; с. 70).

С первого взгляда может показаться парадоксальным тот факт, что термин "энергейя" впервые встречается именно в главе "Форма языков" (§ 8 "Введения"). Как будто не должно быть ничего общего между "энергейей" и "формой", обычно понимаемой статически.

Рассмотрение же представленных именно в этой главе отдельных высказываний Гумбольдта приводит нас к убеждению, что его концепция формы языка с необходимостью связана с идеей "энергейи". Поскольку понятие формы истолковывается по-разному, Гумбольдт считает необходимым с самого же начала разъяснить, в каком смысле он его употребляет, тем более что оно имеет принципиальное значение для построения сравнительного языковедения ("Чтобы... сравнение характерных особенностей строения различных языков было успешным, необходимо тщательно исследовать форму каждого из них и таким путем определить способ, каким языки решают главную задачу всякого языкотворчества".) (VII, 45; с. 70). В дефинициях понятий энергейи и формы, представленных в данной главе, можно указать на один общий момент, который мог бы послужить основанием для установления определенной корреляции между ними: это акт синтеза звука со смыслом. Считая, что истинное определение языка как энергейи может быть только генетическим, Гумбольдт пишет: "Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли". (VII, 46; с. 70).

А форме языка (которая "отнюдь не только так называемая грамматическая форма") он дает такое определение: "Постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка". (VII, 47-48; с. 71).

"Генезисная дефиниция" (применяемая как к энергейи, так и к форме) - это не определение языка как эргона, то есть в состоянии статики, а рассмотрение его in actu, выявляющее одновременно и сущность языка. Понимаемая подобным образом форма языка не является уже "плодом научной абстракции": она имеет "реальное бытие" не в "языке вообще", а в "отдельных языках". Следовательно, синтез, осуществляющийся в том или ином языке, - это не абстрактно-логический акт и не психический процесс, протекающий в индивидуальном сознании, а акт, имеющий социальный характер. Этим определены поле и граница действия энергейи; оно измеряется масштабом объема формы конкретного языка.

Если "энергейя" и "форма" - равновеликие понятия, имеющие социологическое измерение, то распространенное понимание энергейи как речевого процесса индивида лишено всякого основания. Этот факт вновь свидетельствует о том, насколько важно при раскрытии подлинного смысла таких понятий, как энергейя, внутренняя форма и т. д., исходить из логической системы идей Гумбольдта и строго следовать ходу его рассуждений. Поверхностное понимание любого из них влечет за собой превратное толкование целого ряда понятий такой же важности, а следовательно, и всего его учения.

Очевидно смысловое родство противопоставления "эргон - энергейя" с другим противопоставлением, данным в этой же главе: Язык - не мертвый продукт (Erzeugtes), а созидательный процесс (Erzeugung)". (VII, 44; с. 69).

"Мертвый продукт" (todtes Erzeugtes) и "продукт деятельности" (Ergon) - понятия одного порядка, выражающие статическую точку зрения на язык как на объект расчленяющего аналитического мышления, что Гумбольдт в более ранних работах называет "мертвой анатомической операцией". Он противопоставляет ей "физиологический подход", который в словоупотреблении Гумбольдта означает способ рассмотрения языка в его целостности и в живых связях. Вместо аналитического и статического метода выдвигается динамическая концепция, рассматривающая язык как порождение (Erzeugung), как деятельность (Tätigkeit), как энергейю (Energieia). Среди них самое большое применение в послегумбольдтовской литературе выпало на долю понятия "деятельность". Это объясняется, по всей вероятности, его наибольшей доступностью; однако расплывчатость этого термина стала помехой на пути

постижения заложенного в "энергейи" смысла, имеющего столь высокое назначение в новой науке о языке. Психолингвистическая интерпретация "деятельности" как речевого процесса обычно переносится на "энергейю", вместо того чтобы сама деятельность толковалась исходя из энергейи, понимаемой не как речевая деятельность индивида, а как действие более глобального масштаба. Энергейтический подход открывает новую форму среди других форм "деятельности"[26].

Среди лингвистических подходов энергейтический, по-видимому, наиболее адекватен тому философскому пониманию человека, который деятельность человека рассматривает как определенную целостность. Энергейтическую теорию языка следует понимать как своего рода лингвистическое введение в общую теорию человека[27], которая должна ответить не только на вопрос "Что такое язык?", но и на вопрос "Чего достигает человек посредством языка?". Такой подход к роли языка отличается от позиции семиотика-лингвиста, усматривающего в языке фиксированную форму (эргон) лишь как частный случай статических знаковых систем.

В философских теориях мышления, хотя и подразумевается человек как необходимый субъект мыслительных актов, тем не менее не все из этих теорий до конца антропологичны, поскольку упускают из виду важнейший, одному лишь человеку свойственный фактор образования мыслительных актов - язык. В лингвистике же, при рассмотрении языка, хотя номинально и допускается, что это язык человеческий, однако степень дегуманизации (особенно в формально-структурных теориях) куда выше, чем в вышеназванных теориях мышления. Таким образом, нарушается необходимое трехчленное соотношение "язык - человек - мышление". В последнее время в лингвистике (генеративной) появились попытки показать значение языка (как уникального человеческого дара) для теории мышления, однако язык и мышление рассмотрены лишь как абстрактные формальные структуры, как функции логического субъекта. Это не что иное, как особый вид сциентистского антропологизма.

Философия человека, рассматривающая его познающим, творческим субъектом, в частной теории об энергейтичности языка должна усмотреть лучшую демонстрацию своих принципов[28].

Рассмотрение проблемы истины в рамках "философски обоснованного сравнения языков"[29] открывает путь к подлинному сближению теории сравнительного языкознания с философской теорией познания. В научной литературе не раз ставился вопрос об отношении Гумбольдта к гносеологии Им. Канта. И это не случайно, его философия была в то время источником вдохновения для многих мыслителей, и в том числе для Гумбольдта. О связи В. фон Гумбольдта с Им. Кантом писали языковед В. Штрейтберг (а до него - известный биограф Гумбольдта Р. Гайм), первый его интерпретатор Х. Штейнталь и языковед А. Потт, а в настоящее время - Г. Гиппер. Что В фон Гумбольдт был осведомлен в вопросах философии Канта, отмечали многие. Так, например, философу Э. Кассиреру принадлежат слова: "В исследовании Гумбольдта находим общую характеристику философии Канта, которая, несмотря на обилие работ, написанных о Канте, в определенном смысле и по сей день считается образцовой"[30].

Но одно дело быть знатоком Канта и совершенно другое - слепо следовать ему. Поэтому особого подхода требует выявление "кантианского элемента" в теории языка В. фон Гумбольдта[31], даже внешняя аналогия, существующая между ними, указывает скорее на согласие Гумбольдта с духом Канта, нежели на его "зависимость от буквы Кантова учения"[32]. Это, в первую очередь, перенесение центра тяжести от внешних явлений к глубинам человеческого существа. Во-вторых, это преодоление "наивного реализма", которое Кант осуществил в теории познания, а Гумбольдт - в теории языка: исходным для обоих был не предмет в его эмпирической данности, а выявление тех конститутивных условий и путей, через которые происходит превращение предметов и явлений в объекты сознания.

Большинство сторонников тезиса о кантианстве Гумбольдта либо ищут сходство с Кантом в этических, эстетических и историко-философских воззрениях Гумбольдта, или видят прямой параллелизм между ними в терминологии и отдельных высказываниях. Р. Гайм, например, утверждает, что учение Канта о трансцендентальной схеме находит свое непосредственное отражение в работах Гумбольдта: подобно тому, как существует "схематичность мысли для того, чтобы сделать возможным суждение", то есть подведение восприятий под категории мысли, "точно так же существует и схематичность языка; более того, сам язык и первый его элемент - слово - образуются только благодаря ей"[33].

Х. Штейнталь, издатель и комментатор сочинений В. фон Гумбольдта по философии языка, хотя и посвящает особую главу вопросу отношения Гумбольдта к Канту, однако разбирает лишь проблемы общетеоретического характера. Но проблема языка в связи с кантовской философией требует куда более глубокого подхода[34].

Иную позицию занял Э. Кассирер, издатель и известный интерпретатор трудов Им. Канта. Он привлек философскую концепцию В. фон Гумбольдта для решения задач, стоящих перед самой критической философией. Основная мысль, изложенная в специальном исследовании Э. Кассирера "Кантианские элементы в философии языка В. фон Гумбольдта"[35], заключается в следующем: в философской системе Канта, которая делится на три части - на критику теоретического разума, на критику практического разума и на критику способности суждения, выделяются две основные сферы знания: понятие природы конституируется посредством математики, физики., а понятие истории и наук о духе - посредством этики. Так же как понятие теоретического знания у Канта не только основывается на математике, но и полностью сводится к этой последней (по известному изречению Канта, каждая дисциплина научна настолько, насколько она содержит математику), так и, с другой стороны, понятие истории сводится к принципам его этики.

Однако, обзрев науки в их фактическом строении и систематическом обосновании, Кассирер замечает "пробел" в общей ориентации критической философии, созданной Кантом. Есть такая сфера духа, определение которой невозможно осуществить ни по законам природы, аналогично математическому понятию необходимости, ни практически и телеологически - по образцу понятий этических ценностей и норм. Это сфера "первоначальной духовной энергии", в которой антитеза природы и свободы, хотя и преодолевается аналогичным искусству образом (устанавливая новые соотношения между ними), однако она не сводится к искусству (не описывается лишь в эстетических терминах), а основывается исключительно на собственных и самостоятельных принципах. Следуя явлениям этой сферы, мы, с одной стороны, как бы ощущаем себя прикованными к цепи эмпирических причин и следствий; тем не менее, с другой стороны, из них образуется нечто такое, в чем универсальность и свобода духа впервые полностью воплощаются и подтверждаются. Отсюда становится очевидным, почему вышеуказанного основного противопоставления, на котором зиждется вся кантовская система, по мнению Кассирера, недостаточно для того, чтобы определить и выделить и ну новую сферу - сферу языка в своей духовной самобытности. Если исходить из математического понятия природной каузальности и из идей должностования и свободы как двух центров критического учения, то язык предстанет перед нами как периферийное явление, что со всей наглядностью выступает во внешней архитектонике членения кантовского учения. Система Канта состоит из логики, этики и эстетики, однако проблема и тема философии языка не стали составной частью этой системы. В этом именно и состоит тот "недостаток", который не ускользнул от внимания первых критиков Канта. И все "метакритики" (Гамана - Гердера), направленные против "Критики чистого разума", были нацелены на это, так как понимание языка как посредника открывает совершенно новую перспективу перед науками о культуре: "Язык - органон, живой инструмент как разума, так и критики разума". После выхода в свет "Критики" Канта Гердер с сожалением отметил тот факт, что и этой работе Кант почти полностью обошел молчанием проблему человеческого языка. Как же возможна - спрашивал он - критика человеческого разума без критики человеческого языка? Это был единственный принципиально спорный вопрос для Гердера, и он стал пламенным противником Канта. Были и другие мотивы[36].

Конфликт принял принципиальный характер, исход которого должен был быть найден лишь в теории языка В. фон Гумбольдта[37], прошедшего школу как Гердера, так и Канта: его учение, с одной стороны, было пронизано идеями динамического развития, а, с другой стороны, основывалось "на строгой методике философского мышления". Образцом высшей гармонии этих двух традиций могло послужить хотя бы следующее рассуждение Гумбольдта: Субъективная деятельность создает в мышлении объект. Ни один из видов представлений не образуется только как чистое восприятие же данного предмета. Деятельность органов чувств должна вступить в синтетическую связь с внутренним процессом деятельности духа"; из этой связи возникает представление, которое становится объектом, противопоставляя себя субъективной силе, и, "будучи заново воспринято в качестве такового, оно опять возвращается в сферу субъекта. Все это

может происходить только при посредстве языка. С его помощью духовное стремление пролагает себе путь через уста во внешний мир, и затем в результате этого стремления, воплощенного в слове, слово возвращается к уху говорящего. Таким образом, представление объективируется, не отрываясь в то же время от субъекта, и весь этот процесс возможен лишь благодаря языку. Без описанного процесса объективации и процесса возвращения к субъекту, совершающегося с помощью языка, даже тогда, когда процесс мышления протекает молча, невозможно образование понятий, а следовательно, и само мышление". (VII, 56; с. 76-77).

Если о кантианской ориентации нам напоминает высказывание: "Ни один из видов представлений не образуется только как пассивное созерцание уже данного предмета", и особенно то место, где говорится о "синтетической связи", то тезис об обязательном участии языка в преобразовании субъективного в объективное (как и обратно) напоминает идею Гердера. Тем не менее здесь со всей силой выступает самобытность гумбольдтовского метода мышления и очевиден вклад его как лингвиста в решение философской проблемы соотношения субъекта и объекта.

Традиция Гамана - Гердера своеобразно отражена в книге Густава Шпета "Внутренняя форма слова". Трудно согласиться с его резким тоном в оценке позиции Канта: "Не потому ли понятия рассудка оказываются пустыми, понятиями без смысла, без понимания, что Кант с самого начала изображает рассудок глухонемым, бессловесным?" Г. Шпет убежден, что восстановление античной концепции единства словесно-логического мышления в том виде, как оно ему представляется, повлечет за собой "радикальную реформу логики" и "в этой реформе не должны быть забыты идеи Гумбольдта о внутренней языковой форме" как о понятии "высокой плодотворности"[38].

Чтобы правильно понять философские основания теории Гумбольдта, нужно не выискивать, по Шпету, в них кантианские элементы, а просто поставить его в ряд с такими современниками, как Фихте, братья Шлегели, Шиллер, Гёте, Шлейермахер, Шеллинг, Гегель[39]. Заслуживает особого интереса сравнение Гумбольдта с Гегелем: "Может быть, меньше всего Гумбольдт был последователем Гегеля, но по смелости замысла, по широте охвата мысли, по глубине проникновения он должен быть поставлен рядом с Гегелем". Здесь же высказана мысль, на наш взгляд, принципиальной важности: "Порою прямо кажется, что философия языка Гумбольдта призвана завершить собою систему философии Гегеля. Но воспринятая в тоне, заданном Гумбольдтом, его философия языка должна была бы быть не простым дополнением к философии истории, права, религии, искусства, а должна была бы сделаться центральной проблемой философии духа, реализующей в языке все другие конкретные проблемы философии"[40].

При рассмотрении взглядов Г. Шпета, высказанных им в работе "Внутренняя форма слова", нас занимало не столько то, как Шпет интерпретирует саму проблему "внутренней формы"[41], а, скорее, его меткие замечания, касающиеся определения места Гумбольдта среди классиков немецкой философии. Воззрения Шпета привлекают наше внимание еще и тем, что поставленные им вопросы, а в некотором смысле и намечаемые решения их мы находим также в исследованиях современных философов и теоретиков языка.

Темой обсуждения стал и вопрос о применении диалектического метода в языкознании. В свое время Х. Штейнталь выступал против попыток внесения диалектического метода Гегеля в языкознание, видя в нем опасность "голых абстракций". Однако в наше время появилась тенденция в диалектическом методе (в понимании Гегеля) усматривать не опасность, а, согласно мнению философа Б. Либ-рукса, необходимое условие для всякой философии языка. Он даже выражает сожаление о том, что Гумбольдт остановился в "преддверии диалектики" (im Vorhof der Dialektik)[42].

В ответ Либруксу можно было бы сказать: Гумбольдт, без сомнения, мыслит диалектически. Однако мы имеем в виду не специальное понимание диалектического метода, которое было сконструировано Гегелем, а диалектику в широком ее понимании, о чем свидетельствует свойственный Гумбольдту способ рассмотрения языка во всех его многосторонних и не всегда легко уловимых связях.

В подтверждение этому можно было бы привести слова Гумбольдта, наилучшим образом характеризующие способ и метод его мышления: "Если я к чему-либо более способен, чем огромное

большинство людей, то это к соединению вещей, рассматриваемых обыкновенно в отдельности, сочетанию разных сторон и раскрытию единства в разнообразии явлений". Доказательством верности данных слов мог бы послужить широко задуманный Гумбольдтом проект сравнительного языковедения, в котором язык выглядит не как изолированный объект грамматического анализа, а как предмет, раскрываемый полностью лишь в своих многосторонних и необходимых связях, "...язык и постигаемые через него цели человека вообще, род человеческий в его поступательном развитии и отдельные народы являются теми четырьмя объектами, которые в их взаимной связи и должны изучаться в сравнительном языковедении". (IV, 9/10, с. 311) (Курсив наш. - Г. Р.).

Такое именно расширение перспективы, с какими бы трудностями процедурного характера оно ни сталкивалось, в большей степени способствует выявлению подлинной сущности языка и в гораздо большей мере соответствует самим имманентным требованиям науки о языке, чем узкий подход к языку как обособленному объекту аналитической лингвистики.

Вышеуказанными трудностями объясняется отчасти и отношение к Гумбольдту языковедов следующего поколения. Например, американский лингвист прошлого столетия К. Уитни писал: "Гумбольдта превозносят, не понимая и даже не читая" его. А 100 лет спустя автор известной книги по истории языкознания Г. Арене отмечает то же самое, спрашивая: "Все хвалят Гумбольдта, но всякий ли его читает?"^[43].

В. фон Гумбольдту, как выше было отмечено, была дана высокая оценка со стороны видных философов. Такого же высокого мнения были о нем современные ему крупные языковеды. Основоположник историко-сравнительного языкознания Ф. Бопп, касаясь сочинения Гумбольдта о санскритском языке, в одной из своих рецензий писал: "В этом весьма содержательном исследовании нас поражает четкость метода, строгая научная последовательность в развертывании и установлении понятий, редкая прозорливость в восприятии тончайших различий в кажущихся сходными словосочетаниях".

Я. Grimm, который одобрительно отнесся к проекту сравнительного языковедения, изложенного В. Гумбольдтом в докладе о баскском языке и народе, 12 мая 1823 г. писал Лахману: "...оба направления языка и языкознания, на мой взгляд, в этом докладе представлены великолепно". Он имел в виду историческое языкознание (одним из создателей которого был сам Я. Grimm) и сравнительное языковедение Гумбольдта.

Такое отношение к Гумбольдту вызвано тем, что его способ рассмотрения языка в широком контексте связанной с ним проблематики в одинаковой мере отвечает требованиям как философии, так и лингвистики. Перед нами попытка их интеграции, в которой преодолены односторонности как одной, так и другой науки. Однако такое сочетание не следует понимать в обычном смысле как философское языкознание или философию языка, наподобие философии права, религии или, скажем, философии физики и т. д. Поскольку язык касается не того или иного фрагмента действительности, а мира как целого в его первоначальном постижении, то связь изучающей его науки с философией более органична и будет иного порядка, чем отношение к философии других специальных наук, исследующих лишь отдельные сферы действительности.

Особое усиление интереса к наследию Гумбольдта связано с новым изданием сочинений В. фон Гумбольдта (в 17-ти томах) Прусской Академией наук в 1903 г. под редакцией А. Лейтцмана (фототипическое издание которого появилось в 1968 г.).

В двадцатых годах нашего столетия на западе Эрнст Кассирер, а у нас Густав Шпет связывают, хотя и по-разному, идеи Гумбольдта с "возрождающимся поворотом в философии". После перевода основного произведения В. Гумбольдта "О различии строения человеческих языков..." (СПб., 1859), выполненного П. Билярским, и книги Р. Гайма о Гумбольдте (Москва, 1899), а также после появления сочинения А. Потебни "Мысль и язык" (1862, 1892) еще больше возросла популярность Гумбольдта в России.

Понимание социального характера языка, ставшее главным теоретическим ориентиром нашей лингвистики, почему-то не отразилось на исследованиях, относящихся к гумбольдтовской проблематике:

опять по старой схеме усматривают в его взглядах на язык или психологизм, сводя язык на упрощенную схему "дух народа" ? "язык", или логицизм (особенно в последнее время), считая его лингвистическую теорию продолжением традиции "универсальной грамматики". Однако, как было отмечено выше, В. фон Гумбольдт решительно выступал против "априорности" философской грамматики.

Неогумбольдтианское направление в современном языкознании пытается найти эмпирическое применение теоретическим взглядам Гумбольдта (Л. Вейсгербер, И. Трир, Г. Гиппер и др.).

В американской лингвистике с целью переосмысления ее основ возникла необходимость обращения к авторитету Гумбольдта (Н. Хомский); специальные исследования посвятили Гумбольдту и гумбольдтианству Г. Базилиус, Р. Браун, Р. Миллер и др.

Все чаще упоминается имя Гумбольдта в современных трудах по антропологии, философии культуры и психологии.

В основу данного сборника, отражающего эволюцию взглядов Вильгельма фон Гумбольдта, легли два принципа: 1) постепенное осмысление В. фон Гумбольдтом значения языка для мышления и культуры и 2) тесно связанное с этим построение сравнительного языковедения. Эти две тенденции обрели свое единство в его знаменитом труде "О различии строения человеческих языков...", изданном после смерти автора и являющемся введением к книге "О языке кави на острове Ява". Если это фундаментальное исследование не достигло совершенства и в нем не получили решения некоторые частные вопросы, то это, во-первых, потому, что оно было лишено последней авторской редакции, а, во-вторых, и это главное, в нем были поставлены задачи, решение которых требует усилий многих поколений ученых-мыслителей, и не одних только лингвистов.

Особо следует отметить, что данный сборник включает ранее никогда не переводившиеся на русский язык работы Вильгельма фон Гумбольдта и тем самым значительно расширяет представление о его научной концепции.

В первой же работе теоретического характера - "О мышлении и речи" (1795 г.) - говорится об участии языка в установлении предмета познания. Параллельно с этим, с целью построения сравнительной антропологии, Вильгельм фон Гумбольдт размышляет об осуществлении универсального плана сравнения языков.

Глубоко вникнув в факт обусловленного языком естественного деления человечества на народы и всесторонне осмыслив связанную с этим проблему гуманизма, он (уже в 1795-1800 гг.) отмежевывается от двухчленного деления: "индивид - человечество" и выдвигает трехчленную схему соотношения: "индивид - народ - человечество".

В работе "Лаций и Эллада" (1806 г.) Вильгельм фон Гумбольдт, ставя перед собой задачу "кратко исследовать" особенности греческого языка и выявить, насколько эти особенности "определили греческий характер", подвергает критике общераспространенное мнение, будто "лучший метод - тот, который кратчайшим путем ведет к механическому пониманию и употреблению языка". Он указывает на ограниченность мнения о том, что слово является обозначением, лишь знаком предмета. В этом же исследовании выставлен тезис, неоднократно повторяющийся в последующих его работах: "Язык - это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека". (III, 168; с. 303-304).

В сочинении "О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие" (1821 г.), носящем отрывочный характер, Гумбольдт призывает "быть свободным от всякой, в высшей мере неподобающей языковеду недооценки языков", еще "не оформленных письменно". Он утверждает, что эти, на первый взгляд, "скудные и грубые языки" "несут в себе богатый материал для утонченного и многостороннего воспитания". (VII, 643; с. 326).

Исследование "О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития" (1822 г.) известно тем, что в нем изложены принципы сравнительного языковедения. Введенное Гумбольдтом понятие "языкового мировидения" создает прочную теоретическую базу для семантического сравнения языков. Здесь же высказаны соображения о возможной связи теории сравнительного

языковедения с теорией познания, раскрытие и разработка которых требует совместных усилий лингвистов и философов.

В работе "О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей" (1822/23 г.), затрагивая вопрос грамматических структур языков, Гумбольдт призывает лингвистов воздержаться от постулирования одного общего типа при характеристике различных языков, так как "нельзя указать совершенно прямого и определенным образом предписанного природой пути развития" (IV, 285/286; с. 327). Поэтому он решительно "опровергает мнение", приписывающее определенным народам преимущественность их языков "исключительно благодаря флексии", "тогда как всякое развитие других народов ставится под сомнение" (IV, 299; с. 337).

"Достоинством" и "недостатком" того или иного языка, по Гумбольдту, нужно считать "не то, что способен выразить данный язык, а то, на что этот язык вдохновляет и к чему побуждает благодаря собственной внутренней силе". (IV, 288; с. 329). (Курсив наш. - Г. Р.). Единственно этой энергетической и глубоко гуманистической точкой зрения (а не другими соображениями) следует объяснять постоянную позицию Гумбольдта в толковании факта многообразия и различия языков, которая, по всей вероятности, и отражена в заглавии его последнего обобщающего сочинения: "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества", которым мы и открываем настоящий сборник.

Ввиду того, что лингвистическая теория Вильгельма фон Гумбольдта представляет собой весьма сложное образование, редакция сочла необходимым снабдить настоящее издание послесловиями, рассматривающими разные аспекты научной концепции автора.

Следует учитывать, что наименования языков и характеристики народов, их носителей, в работах В. фон Гумбольдта соответствуют уровню знаний его времени и не всегда представляется возможным соотнести их с современными научными взглядами.

Редакция выражает благодарность проф. А. В. Гулыге, который принимал участие в редактировании книги.

Г. В. Рамишвили

2. "Это новое учреждение,- сообщает Гумбольдт в письме своему кенигсбергскому приятелю Мотерби,- доставит мне еще много забот и труда, но вместе с тем и много радости, так как оно действительно устроено исключительно мною", (См. Р. Г а й м, Вильгельм фон Гумбольдт. М., 1899, с. 226.)

3. См. Р. Г а й м. Вильгельм фон Гумбольдт. М., 1899, с. 229.

4. Там же.

5. Дельбрюк Б. Введение в изучение языка. СПб., 1904, с. 28.

6. Под этим он понимал сопоставление различных человеческих сообществ с целью выявления специфики их духовной организации.

7. Например, баскский был не только первым неевропейским языком, ставшим отправным пунктом для новой ориентации в сравнении языков, но он привлек его внимание и в другом отношении: Гумбольдт искал ответа на вопрос: "Каким образом должна отнестись испанская монархия к баскскому народу, чтобы как можно более плодотворно использовались его способности и прилежание". Этот вопрос Гумбольдту представлялся насущным, так как, по его словам, мы "все чаще сталкиваемся со случаем, когда различные народы объединены в одно государство". Защищая ущемленные права народа, имеющего свой язык и самобытную культуру, Гумбольдт разъясняет: "До сих пор больше заботились о том, как избавиться от препятствий, возникавших из-за разнообразия, нежели о том, какую пользу извлечь из добра, порождаемого самобытностью". Цитаты приводятся по книге: L. Weisgerber Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur. Dsseldorf, 1957, S. 196.

8. Римские цифры в ссылках указывают на номер тома собрания сочинений В. фон Гумбольдта в 17-ти томах в издании Прусской Академии наук (1903 - 1936 гг.) (Wilhelm von Humboldt Gesammelte Schriften, hrsg. Albert Leitzmann), арабские цифры обозначают ссылки на страницы этого издания. Страницы после точки с запятой указывают соответствующее место настоящего издания. 9. Например, существующие

в историческое время языки трудно поддаются делению на "простые" и "сложные", и, видимо, это не теряет силы также и по отношению к гипотетической эпохе.

10. Основатели журнала "Психология народов" Лацарус и Штейнталь прибегли к авторитету Гумбольдта для построения новой дисциплины (Völkerpsychologie); но психология народов, как известно, не смогла четко отграничить свой объект от позитивистски настроенной эмпирической психологии, и поэтому гумбольдтовские термины "дух" и "дух народа" в их толковании скорее являются "психикой" говорящих индивидов, нежели величиной, имеющей социологическое измерение. Отрицательное отношение к слову "дух" (Geist) в послегумбольдтовскую эпоху позитивизма, а также использование авторитета Гумбольдта в самых ранних проектах построения психологии народов, где за исходное принималось смутное представление о субстанциальности "духа народа", не только отталкивало исследователей от проблем, связанных с этим понятием, но и отбирало охоту к изучению наследия Гумбольдта.

11. По Штейнталю. См. Н. Steynthal. Die Sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Berlin, 1883, S. 255-256.

12. Совершенно справедливы замечания В. Звегинцева: "Почему-то забывается то предельно элементарное обстоятельство, что В. Гумбольдт принадлежал определенному времени и говорил на языке своего времени. И если изучение научного наследия ориентировать лишь на его словоупотребление и, например, на основе содержавшегося в его работах сложного термина "дух народа" делать выводы касательно всей концепции в целом, то это с равным успехом можно сделать и в отношении, по-видимому, вовсе не предосудительного выражения - "духовная жизнь народа". Важно вскрыть действительную сущность, скрывающуюся за подобного рода словоупотреблениями. И наибольшая трудность понимания рационального содержания научного творчества В. фон Гумбольдта заключается как раз в необходимости быть готовым к этой трудоемкой работе ума". (Из рецензии на книгу Г. В. Р а м и ш в и л и "Вопросы энергетической теории языка" 1978). - См. "Вопросы философии". Москва, № 11, 1978).

13. "Когда мы желаем, - пишет В. фон Гумбольдт, - определить идею, со всей очевидностью проходящую через историю со все возрастающей значимостью, когда многократно оспариваемое и еще чаще неверно понимаемое стремление к усовершенствованию человеческого рода свидетельствует о наличии таковой, то эта идея проявляется как гуманность, как стремление уничтожить границы, враждебно воздвигнутые между людьми предрассудками и всевозможной односторонностью взглядов, стремление рассматривать все человечество без различия религий, национальностей и цвета кожи как большое, тесно связанное братскими узами племя, как целое, имеющее перед собой одну цель - свободное развитие своих внутренних сил. Это - последняя, крайняя цель человеческого общения и вместе с тем самой природой данное человеку свойство неограниченно расширять сферу своего существования". (VI, 114-115)

14. Термин "sprachliche Weltansicht" Бодуэн де Куртене переводит как "языковое мировидение": " ..без всяких оговорок, - пишет он, - можно согласиться с мнением Гумбольдта, что каждый язык есть своеобразное мировидение. ". (Бодуэн де Куртене. Язык и языки. - См. "Энциклопедический словарь" в изд. Брокгауза и Ефрона, 1904, с. 532.) Это последнее, на наш взгляд, более адекватно передает гумбольдтовское понятие, нежели "языковое мировоззрение", так как слово "мировоззрение" несет, как известно, и иную смысловую нагрузку.

15. Такая форма "естественной связи отдельной личности с сообществом" делает очевидным, почему под понятием нации как исторической величины следует подразумевать "нечто гораздо большее, нежели простой агрегат индивидов" (письмо к Бунзену, Тегель, 22.11.1833).

16. "Тем же самым актом, посредством которого человек из себя создает язык, он отдает себя в его власть; каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг. Изучение иностранного языка можно было бы поэтому уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании; до известной степени фактически так дело и обстоит, потому что каждый язык образует ткань, сотканную из понятий и представлений некоторой части человечества; и только потому, что в чужой язык мы в большей или меньшем степени переносим свое собственное миропонимание и свое собственное языковое воззрение, мы

не ощущаем с полной ясностью результатов этого процесса". (VII, 60) см. книгу В.А. Звегинцева "История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях", ч. 1. М., 1964, с. 99). 17. В сфере материальной культуры, техники язык также не выступает лишь как изготовитель или поставщик готовых этикеток для каждого нового экземпляра. Исследователям языков хорошо известно, что каждый акт наименования вещи или создание термина осуществляется как по звуко-формальным, так и по семантическим параметрам естественного языка.

18. N. Chomsky. Cartesian Linguistics. New York, 1966.

19. "В изложении антиномий Гумбольдта мы следуем Штейнталу". (См, А. П о т е б н я. Мысль и язык. Харьков, 1892, с. 28.)

20. Г . Ш п е т. Внутренняя форма слова. Москва, 1927. В различных учебниках по языкознанию, выходящих у нас, и по сей день большей частью говорится о внутренней форме именно слова (как объекта этимологических изысканий), а не языка.

21. Внутреннюю форму языка не следует также смешивать с "внутренней речью". Эта последняя относится лишь к индивиду и ничем иным, как имплицитной формой звуковой речи, не является.

22. А что главное: именно в данном параграфе (Внутренняя форма) говорится о "синтаксическом построении" в связи с "образованием грамматических форм" (с. 105) и на этом фоне "образование понятий" лишь путем слова он считает односторонним.

23. Гумбольдтианские идеи в интерпретации Штейнтала нашли свое распространение не только в Европе и России, но и в Латинской Америке (см. Г. В. Степанов. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 192).

24. О несоответствии "глубинной структуры" "внутренней форме "зыка" Гумбольдта говорится в двух работах: Е. К осери у. Семантика, внутренняя форма языка и глубинная структура. Тюбинген, 1969; Г. Р а м и ш в и л и. К вопросу о внутренней форме языка (Синтез и порождение) (Actes du Xe Congres International des Linguistes.) Бухарест, 1967

25. В. Звегинцев. - "Вопросы философии", № 11, 1978, Как известно, В. Звегинцеву принадлежит перевод отдельных глав "Введения" Гумбольдта, и в частности параграфа о внутренней форме языка.

26. О значении такого подхода для теорий деятельности, существующих у нас, см. В. И. Постовалов а. Язык как деятельность. Москва, 1982.

27. См. об этом: Г. В. Р а м и ш в и л и. Языкознание в кругу наук о человеке. - "Вопросы философии", 6. Москва, 1981. 28. Если считать человека пассивным, лишь созерцательным существом, а язык - активным началом, то появится опасность гиперфункционализма, то есть возможность полной детерминации мыслительных процессов языком (ср. так называемый "сильный вариант" современных этнолингвистических теории).

29. Так назвал этот свой метод Вильгельм фон Гумбольдт в письмо к Вольфу (от 20 декабря 1799 г.)

30. В последнее время этот вопрос вновь стал темой обсуждения в трудах лингвистов и философов как у нас, так и за рубежом. А что касается мнения самого Канта о Гумбольдте, то он, ознакомившись с одним из его сочинений ("О различии полов..."), написал Ф. Шиллеру, автор данного труда "кажется мне большим умом". (Р. Г а й м. Вильгельм фон Гумбольдт М , 1899, с 96).

31. На этом фоне требует пересмотра и позиция тех исследователей, которые без труда выискивают истоки учения В. фон Гумбольдт (в частности, концепции формы) в философии Платона или Аристотеля.

32. Р. Гайм. Вильгельм фон Гумбольдт. М., 1899, с. 371.

33. Там же.

34. Эд. Шпрангер в своей большой монографии о Гумбольдте (F.d. Spranger. Wilhelm von Humboldt und die Humanit?tsidee. В., 1909) ограничивается лишь всесторонним исследованием проблемы

влияния критической философии на гуманистические воззрения Гумбольдта, мало касаясь собственно философии языка.

35. E. Cassirer. Die Kantischen Elemente in Wilhelm von Humboldts Sprachphilosophie. Erlangen - Greis, 1923. 36. Подробнее о мотивах полемики Гердера с Кантом см.: А. В. Г у л ы г а. Гердер. М., 1963. Его же. Гердер. Идеи к философии истории человечества (Приложение). М., 1977.

37. Об этом см. Гурам Рамишвили. Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси, 1978.

38. Г. Ш п е т. Внутренняя форма слова. Москва, 1927, с. 30.

39. Там же, с. 33.

40. Там же, с. 33. Такую же мысль высказывает современный философ Т. Бодамер в своем исследовании: Th. Bodammer. Hegels Deutung der Sprache. Hamburg, 1969.

41. Такое толкование представляется нам менее адекватным. В ответ на упрек Шпета о том, что "первоисточником всех неясностей в учении Гумбольдта о внутренней языковой форме явилось его неотчетливое указание места, занимаемого внутреннею формою в живой структуре слова" (Г. Ш п е т. Внутренняя форма слова, с. 60), мы бы повторили то, что нами уже было высказано выше: место внутренней формы языка не следует искать в структуре отдельного слова.

42. В. Liebrucks. Sprache und Bewu?tsein, II, Sprache. Wilhelm von Humboldt. Frankfurt a. M., 1965.

43. Н. Arens. Sprachwissenschaft. Freiburg - M?nchen, 1955, S. 184.

Детерминанта - ведущая грамматическая тенденция языка

Г.П. Мельников

Детерминанта - ведущая грамматическая тенденция языка // Фонетика, фонология, грамматика (в честь 70-летия А.А.Реформатского). - М.: Наука, 1971. -С. 359-367. (выдержки)

Как ни причудливо переплетаются разнообразные черты строя языка, каждый языковый тип имеет "общий источник отдельных своеобразий", и поэтому для каждого языка принципиально необходимо искать формулировку некоторого единого "понятия", которое даёт "действительное представление о самом языке" и удерживает "вместе все частности". И хотя немало критики выпало на долю этих идей Б.Гумбольдта о существовании такого "духа языка", многие лингвисты с самых разных сторон снова и снова приходили и приходят к мысли о существовании чего-то "самого главного" в языке, некоторого "организующего начала", по отношению к которому конкретное сочетание различных свойств языка оказывается неслучайным. К числу тех, кто верит в наличие "главного чертежа" языкового строя (Э.Сэпир), относится А.А.Реформатский. Но он не просто декларирует положение о существовании такого "чертежа", называя его ведущей грамматической тенденцией, а показывает на конкретном лингвистическом материале, что, например, те черты языкового строя, которые связаны с понятием агглютинации, развиваются лишь при наличии тенденции к аналитизму, тогда как при появлении тенденций к синтезу в языке, в предельном случае, развиваются фузионные явления [1].

В связи с этим А.А.Реформатский справедливо обвиняет Э.Сепира в непоследовательности, так как он в своей классификации языков исходит из того, что техника оформления слов в языке любого из типов может быть какой угодно: агглютинативной, аналитической, синтетической и т.д. "Сепир не дал руку тем, кто хочет понять тип языка по ведущей грамматической тенденции", - говорит А.А.Реформатский [2], хотя "эти тенденции очень важны, и они проявляются обязательно в совокупности сопутствующих признаков"[3].

В данной работе предпринята попытка развить идеи А.А.Реформатского о наличии ведущей грамматической тенденции в языках и вывести конкретную "совокупность сопутствующих признаков" из "общей формулы тенденции" [4] как из того гумбольтовского "общего источника отдельных своеобразий", который "удерживает вместе все частности".

Для примера рассмотрим строй арабского, китайского и английского языков. Методика анализа основана на применении методов так называемой системной лингвистики [5].

Исходным положением для системной лингвистики является не просто признание системности языка как социального явления, а утверждение, что язык входит в класс адаптивных (самонастраивающихся) и, следовательно, динамических систем. Поэтому структура языка (т.е. схема отношений между элементами каждого яруса и между самими ярусами) и субстанция (звуковая, артикуляционная, семантическая) в результате адаптации оказываются взаимосогласованными достаточно оптимальным образом для выполнения его функции. Различия же между конкретными языковыми системами возникают в связи с тем, что каждая из них может иметь специфический способ функционирования, который и является ведущей грамматической тенденцией языка, его детерминантой. Согласование структуры и субстанции языка и, следовательно, системная взаимообусловленность всех языковых ярусов при данной детерминанте возникает потому, что говорящий и слушающий, хотя и бессознательно, но обязательно отбрасывают те языковые средства, которые не обеспечивают гармонии между функцией, структурой и субстанцией языковой системы.

Впервые с позиций системной лингвистики рассматривался (хотя и в несколько иных, еще не установившихся в то время терминах) строй семитских языков [6], где было показано, что детерминанта семитских языков может быть сформулирована как тенденция к максимальной "грамматикализации" (по терминологии Соссюра), т.е. к такому строю, когда по возможности каждая словоформа является производным словом с формально выраженным деривационным значением, и что это достижимо лишь при минимальном списке исходных корней и регулярности правил оформления производных значений. А отсюда, как показано далее, с логической необходимостью вытекают все наиболее характерные черты семитского строя: преобладание значения "глагольности" в корнях, консонантность корней, наличие прерывистых аффиксов, трёхслогность корня, "нелюбовь" к использованию сложных слов и заимствований и т.п. Каждая из этих черт в свою очередь порождает новые черты языковых элементов на конкретном языковом ярусе, если учитывается их функция в общих системных взаимосвязях с другими ярусами языка и если производится оценка тех антропофонических возможностей, которыми располагает человек при их восприятии и воспроизведении. Именно таким способом удается объяснить своеобразие и динамику становления звукового состава семитских языков, например отсутствие аффрикат, лабиовелярных и т.п. [7]. Теперь применим приемы детерминантного синтеза к объяснению особенностей языка максимально аналитического, например китайского.

Если предположить, что ведущей грамматической тенденцией, т.е. детерминантой строя китайского языка, является тенденция к "лексикализации" (по терминологии Соссюра), т.е. к выражению максимума информации с помощью непроемких слов по возможности вещественного, но не грамматического (служебного) значения, то очень многие особенности китайского языка удастся истолковать как естественное следствие этой детерминанты. Действительно, если не только главное, лексическое, но и дополнительное, служебное, т.е. деривационное и синтаксическое (реляционное) значение должно быть выражено с помощью лексем, то из этого с необходимостью следует многие семантические и синтаксические свойства китайского языка, необычные для таких языков, как русский. Например, тенденция не выражать часть информации, обязательной в русском предложении, если она очевидна из контекста. К такой информации относятся лексемы, выражающие множественность предметов, завершенность-незавершенность действия, связь действия с объектом и т.п. Но так как грамматически неформальная лексика близка по своим семантическим свойствам к русскому "голому" корню, то в принципе она может быть неоднозначно связана с понятием, которое подразумевал говорящий. Для предотвращения этого в китайском языке приходится широко использовать "расширители контекста", т.е. другие лексемы, которые в смысловом сочетании с данной конкретизируют, делают очевидным понятие,

подразумеваемое за основной лексемой. В качестве расширителей контекста чаще всего используют повторы, пары из антонимов, синонимов, название действия и самого типичного при этом действия объекта, любые уточнители типа "этот", "тот", "все", "одна штука" и т.п. Для расширения контекста используется и уточнители "семантического поля понятия" с общим значением "(такое-то) учение", "(такая-то) манера действия" и т.п. Все эти свойства, вытекающие из сформулированной детерминанты [8], приводят объективно к тому, что число лексем (которые можно в русском языке сопоставить с числом корней) в китайской фразе чаще оказывается существенно большим, чем при передаче того же содержания средствами языка, имеющего большое количество специализированных служебных, т.е. чисто грамматических, элементов. Но чтобы при большом количестве лексем китайская фраза не оказалась гипертрофически длинной, необходимо наложить определенные ограничения на структуру лексем. Нужно, чтобы каждая лексема, оставаясь самостоятельной и легко выделяемой на слух речевой единицей, была при этом максимально короткой. Такой самой короткой и легко вычленимой единицей речи является слог. Отсюда понятно, почему в китайском языке границы слога, морфемы и слова так часто совпадают и почти любой слог в определенной конструкции может функционировать как самостоятельное слово. Ясно, что любые фонетические ассимиляции на стыках слогов-морфем затруднили бы их распознаваемость. Поэтому структура слога должна быть такой, чтобы слоговые границы однозначно выявлялись. Это условие может быть выполнено, если в языке используется те слоги, сама артикуляция которых подсказывает, какой произносимый звук с наибольшей вероятностью является концом слога, а какой - началом. Идеальной естественной структурой слога с этой точки зрения является тип СГ (согласный + гласный, в том числе дифтонг). Не случайно этот тип имеется во всех без исключения языках мира, тогда как слоги иной структуры, например ГС, используются в языке лишь после того, как комбинации СГ уже исчерпаны [9].

Наблюдавшаяся в течение тысячелетий эволюции китайского звукового состава может быть сформулирована как постепенная перестройка слогов различных структур в единую схему (точнее - схему СПГП, где П - полугласный). В настоящее время в северных диалектах китайского языка и прежде всего в литературном пекинском путунхуа, только п и һ могут встречаться в конце слога, но и они вокализированы и фактически являются полугласными, поэтому не противоречат четырехэлементной структуре слога. Таким образом, литературный китайский относится к числу таких языков, в которых оптимизация в сторону лексикологичности привела почти к идеальной подгонке фонетической и фонологической системы под требования морфологии и синтаксиса, вытекающих из заданной детерминанты.

Использование в речи только СПГП, все элементы которых, кроме гласного, могут отсутствовать, приводит к тому, что сочетание двух согласных на стыке соседних слогов-морфем-слов оказывается невозможным и границы морфем-слов распознаются однозначно [10]. Но так как укорочение древних корневых слов до одного современной структуры резко уменьшило возможности различения корней, то развилась система противопоставления слогов по музыкальному тону и возникла тенденция к увеличению числа гласных.

У Оценим, при заданной детерминанте, какие из дифференциальных признаков фонем оказываются наиболее предпочтительными, а какие в процессе адаптации системы китайского языка должны были быть "забракованы".

Чем четче элементы слога СГ противопоставляются по признаку "согласность - гласность", тем больше слог соответствует идеальному. Однако согласные по степени "согласности" далеко не равноценны. Максимально отличаются от гласных глухие согласные, минимально - сонорные. Из сонорных максимальной "слогодобностью" обладает дрожащий сонант г, который в ряде языков используется как слогаобразующий без соседнего гласного (другие сонанты в этой функции встречаются значительно реже). Поэтому естественно, что в китайском языке с течением веков происходило постепенное вытеснение сонанта г из системы согласных и замена его специфическим ретрофлексным гласным [11].

При произнесении конечного носового полугласного вместо ротового резонатора включается носовая, а поток воздуха не прерывается, как и при артикуляции гласного. Поэтому сочетанию гласного с конечным носовым полугласным литературного языка в китайских диалектах нередко соответствуют назализованные гласные [12].

Поскольку звонкий согласный не столь идеален в роли согласного, как глухой (когда они противопоставляются в слоге гласному), то становится понятным, что в китайском языке должна была существовать тенденция замены противопоставления "глухость-звонкость" другим противопоставлениям, различающим глухие согласные между собой. Этим можно объяснить тот факт, что в литературном китайском языке и в большинстве диалектов все несонанты являются глухими и противопоставляются по признаку "придыхательность-непридыхательность".

И, наконец, поскольку встреча согласных на стыках слогов-морфем-слов в китайском оказывается предотвращенной, то естественно, что "наличие большого числа аффрикат является одной из наиболее характерных особенностей звукового состава китайского языка" [13]. Действительно, то что было недопустимо в структуре семитских морфем, удовлетворяющих детерминанте максимальной деривации корней, совершенно не грозит китайским морфемам, организованным в соответствии с детерминантой максимальной неизменности, непроемкости корней, "лексикализации" языка.

Чтобы убедиться в действительном существовании указанных взаимосвязей системы фонем и структуры слога в китайском языке, обратимся к данным диалектологии [14]. Некоторые диалекты, особенно южные, сохранили ряд черт, свойственных древнекитайскому языку. Так, в этих диалектах возможны в конце слога m, p, t, k. Но, как и следовало ожидать, аффрикат в таких диалектах существенно меньше и частотность их ниже, чем в литературном, и в некоторых говорах противопоставление по звонкости не заменилось противопоставлением по придыхательности.

С еще большим "отставанием" по пути перехода к лексикализации и к слогам типа СГ изменяются морфемы в тибетском языке. При этом исчезновение конечных согласных приводит к возникновению тонов. В тех же языках, имеющих тенденцию к лексикализации, где в исходе слога достаточно широко используются согласные, а деривация может оформляться консонантными префиксами и даже инфиксами, аффрикаты вообще не могут быть допущены как самостоятельные фонемы (например, в кхмерском языке [15]), дрожащий сонант r может стоять в начале слога и звучит раскатисто, как в русском (хотя в конечной позиции он обычно неустойчив). Соответственно в таких языках (например в кхмерском) не развито противопоставление лексем по тону.

Конечно, морфология, синтаксис и семантика многих языков Юго-Восточной Азии не настолько еще изучены, чтобы достаточно полно можно было выявить специфику их детерминанты. Однако наиболее существенные особенности тенденций их развития в общих чертах ясны, во всяком случае понятно, какие порой диаметрально противоположные оценки получают те или иные субстантивные возможности формирования языковых знаков, когда язык оптимизируется в соответствии с семитской или китайской детерминантой. С позиций этих различий подойдем к проблеме причин и динамики изменений в английском языке.

Со времени первых переселений германских племен на Британские острова строй складывающегося английского языка приобрел все более явные черты аналитизма, тогда как древнегерманским языкам была свойственна типичная синтетическая флективная структура с богатыми средствами словообразования, включающими и аффиксацию, и апофонию корня. Следовательно, в самых грубых чертах процесс развития английского языка можно охарактеризовать как перестройку с "грамматической" системы на "лексикологическую".

Следствия лексикализации языка и области синтаксиса, морфологии и структуры слова проявляются в английском достаточно наглядно. Строгий порядок слов, очень частое совпадение слова с морфемой и с самостоятельным словом, "конверсия" частей речи (фактическое стирание границ между формальными грамматическими категориями) - все это типологически сближает английский язык с китайским и отличает от классических индоевропейских, которые, как и семитские, относятся к группе "грамматических" языков. Но если верен тезис о системной взаимообусловленности всех ярусов языка, которая должна возникать при оптимизации системы по определенной детерминанте, то и в звуковой системе складывающегося английского языка мы должны заметить такие процессы, которые указывали бы на увеличение подобия между английским и китайским.

В германских диалектах англо- и саксонских, поселившихся в V в. на Британских островах, не было аффрикат [16]. Но к концу XI в. из палатализованных смывчек развились аффрикаты, в полном соответствии с закономерностями оптимизации, вызывающей тенденцию к однослоговости морфемы и слова. Этим же объясняется постепенное, но неуклонное выпадение неударных гласных в слове и превращение возникающих при этом или существовавших ранее групп согласных (в начале, середине и в конце слова) в один согласный. В частности, сочетания двух согласных типа nk и ng превращаются в новую назальную фонему, которая, как и в китайском, все чаще занимает позицию после слогового гласного и сама вокализуется.

Плавные сонанты, и в первую очередь - дрожащий r, тоже разделяют судьбу китайского r. В конце слога r уже полностью вокализовался и лишь придает ретрофлексную окраску звучанию гласного. В начале слога он еще сохранился, но уже в значительной мере потерял свойства вибранта. В сторону лексикализации идет развитие всех германских языков, и английский выбран лишь потому, что в нем этот процесс продвинут дальше, чем в других. Во всех германских языках упрощаются группы согласных, возникает самостоятельная фонема h, вокализуется сонорный r [17]. И, наконец, ряд фонологических процессов в германских языках, в том числе в английских "сленгах", следует интерпретировать как развитие тонов при утрате согласного в закрытых ранее слогах [18]. Возможно, причины некоторого нетождества между германскими языками объясняются не только различными типами их перестройки, но и какими-то тонкими различиями в детерминанте и, безусловно, определенными влилингвистическими факторами. Поэтому пока трудно объяснить, почему, например, немецкий язык, заметно отстающий от английского по степени аналитизма и морфологии, почти не отличается от него по степени вокализации и явно опередил его, утратив противопоставление согласных по глухости - звонкости. Однако и такими "незаконными" чертами немецкий язык оптимизируется в соответствии с детерминантой лексикализации, и если не произойдет по каким-либо причинам смены детерминанты, то типологическая близость между языками Западной Европы и Юго-Восточной Азии будет возрастать.

Следовательно, причиной языковых изменений является не накопление фонетических сдвигов, не изменение акцентуации, не развитие мышления от более примитивных форм к более совершенным, а смена детерминанты языковой системы, смена ведущей грамматической тенденции. И в зависимости от того, какова была предшествующая детерминанта и какова новая, язык будет двигаться к новому оптимальному состоянию по-разному, через необходимое число промежуточных ступеней.

Здесь нет места для анализа строя других языков, для выявления их детерминанты, для демонстрации совокупности сопутствующих ей признаков и, наконец, для обсуждения причины смены языковых детерминант [19]. Но хотелось бы надеяться, что рассмотренные примеры с китайским и английским языками подтверждают учение А.А.Реформатского о существовании ведущей грамматической тенденции языков и о возможности выявления общей формулы этой тенденции.

* * * Словарь

аффриката - согласный звук, представляющий собой слитное сочетание смычного согласного с фрикативным того же места образования, напр. русские переднеязычные аффрикаты - ч [тш], ц [тс]; немецкая губная аффриката - pf (Pferd).
вокализация - пение на гласных звуках.
деривация - словообразование.

дифтонг - сочетание в одном слоге двух гласных звуков, не разделенных согласными.
консонант - неслоговой или неслогообразующий звук; консонантами могут быть как согласные, так и гласные, если они не образуют отдельного слога.

лабиовелярность - губная артикуляция, labial - губы (лат.).

лексема - единица словарного состава языка; в одну лексему объединяются разные парадигматические формы одного слова (напр., "стол, стола, столу, столом") и разные смысловые варианты слова, зависящие от контекста, в котором оно употребляется (напр., "соль" в смысле названия вещества и в значении того, что придает остроту или интерес какому-либо высказыванию, мысли).

морфема - минимальная значимая часть слова (корень, приставка, суффикс, постфикс).

назализованный - произносимый с носовым призвуком.
 палатализация - способ видоизменения согласных, характеризующийся их смягчением путем добавочного участия в артикуляции средней части спинки языка (поднятия ее к небу), напр. нь, дь, кь.
 ретрофлексный - звук, при произнесении которого кончик языка поднимается к небу.
 сонант - 1) слоговой или слогаобразующий звук, т.е. звук, который один или вместе с другими звуками образует слог. 2) то же, что и сонорный согласный.
 сонорный - согласный звук, в образовании которого голос (муз. тон) преобладает над шумом.
 [tip1] - деривация - словообразование.
 [tip2] - консонант - неслоговой или неслогообразующий звук; консонантами могут быть как согласные, так и гласные, если они не образуют отдельного слога.
 [tip3] - аффриката - согласный звук, представляющий собой слитное сочетание смычного согласного с фрикативным того же места образования, напр. русские переднеязычные аффрикаты - ч [тш], ц [тс]; немецкая губная аффриката - pf (Pferd).
 [tip4] - лабиовелярность - губная артикуляция, labial - губы (лат.).
 [tip5] - лексема - единица словарного состава языка; в одну лексему объединяются разные парадигматические формы одного слова (напр., "стол, стола, столу, столом") и разные смысловые варианты слова, зависящие от контекста, в котором оно употребляется (напр., "соль" в смысле названия вещества и в значении того, что придает остроту или интерес какому-либо высказыванию, мысли).
 [tip6] - морфема - минимальная значимая часть слова (корень, приставка, суффикс, постфикс).
 [tip7] - дифтонг - сочетание в одном слоге двух гласных звуков, не разделенных согласными.
 [tip8] - вокализация - пение на гласных звуках.
 [tip9] - сонорный - согласный звук, в образовании которого голос (муз. тон) преобладает над шумом.
 [tip10] - сонант - 1) слоговой или слогаобразующий звук, т.е. звук, который один или вместе с другими звуками образует слог. 2) то же, что и сонорный согласный.
 [tip11] - ретрофлексный - звук, при произнесении которого кончик языка поднимается к небу.
 [tip12] - назализованный - произносимый с носовым призвуком.
 [tip13] - палатализация - способ видоизменения согласных, характеризующийся их смягчением путем добавочного участия в артикуляции средней части спинки языка (поднятия ее к небу), напр. нь, дь, кь.

[1] - А.А.Реформатский. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова. "Морфологическая типология и проблема классификации языков". М.-Л., 1965, стр. 64 - 116.

[2] - Там же, стр. 87.

[3] - там же, стр. 89.

[4] - Там же, стр. 85.

[5] - См. Г.П.Мельников. Системная лингвистика и ее отношение к структурной. "Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов". М., 1967.

[6] - Г.П.Мельников. Взаимообусловленность структуры ярусов в языках семитского строя. "Семитские языки", вып. 2, ч. 2. Изд. 2. М., 1965, стр. 793.

[7] - Подробно об этом см.: Г.П.Мельников. Системный анализ причин своеобразия семитского консонантизма (доклад на II Всесоюзной конференции семитологов. Июнь. 1966. Тбилиси). Изд. МГПИ им. В.И.Ленина, 1968.

[8] - Широкое использование во фразе лексем во вспомогательной роли расширителей контекста главных лексем очень часто истолковывается как наличие грамматических аффиксов и частиц в китайском языке. Но тогда не удастся дать удовлетворительного объяснения возможности опускания "грамматических" показателей, когда контекст уже содержит соответствующую информацию. Кроме того, приходится признавать большое число слов-"оборотней": глагол-предлог, глагол-суффикс, существительное-предлог, наречие-инфикс и т.п. Чем больше в описании языка опоры на омонимию, тем меньше гарантии, что специфика языка понята верно.

[9] - эта универсалия приведена в сводных таблицах универсалий в кн. Б.А.Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 195.

[10] - Подробнее об этом см.: Г.П.Мельников. Морфологический строй языка и средства словоразграничения. "Исследования по фонологии" М., 1966, стр. 262.

[11] - См.: А.А.Москалев. Ретрофлексация финалей и природа звука [.] в китайском языке. "Спорные вопросы грамматики китайского языка". М., 1963, стр. 47.

[12] - См.: Юань Цзя-хуа. Диалекты китайского языка. М., 1965, стр. 23.

[13] - И.Н.Гальцев. Введение в изучение китайского языка. М., 1962, стр. 168.

[14] - Все сведения о китайских диалектах почерпнуты из книги Юань Цзя-хуа (указ. соч. см. выше).

[15] - См.: Ю.А.Горгониев. Кхмерский язык. М., 1961, стр. 29.

[16] - См., например: В.Д.Аракин. Очерки по истории английского языка. М., 1965.

[17] - Много интересного материала по данной теме содержится, например, в сб.: "Семинар по диахронической фонологии германских языков (тезисы докладов)". М., 1966.

[18] - Эти факты были приведены в докладе Вяч.Вс.Иванова "Синхроническая и диахроническая типология просодических систем со сжатогортанными тонами", прочитанном 9.1.1968 в ИВЯ МГУ на объединении по структурной лингвистике. Дополнительные сведения об этом процессе в исландском и датском языках были сообщены там же, в выступлении Е.С.Клычкова.

[19] - Это - тема большой отдельной работы. Но она уже начата, так как произведен детерминантный анализ многих конкретных языков и составлена детерминантная классификация возможных типов языкового строя.

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ТИПОЛОГИИ

В. Скаличка

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ТИПОЛОГИИ

(Новое в лингвистике. Вып. III. - М., 1963. - С. 19-35)

1. Типология является одним из самых древних и вместе с тем наименее разработанных разделов языкознания. Преимущество отдельных трудов как в прошлом, так и в настоящее время весьма относительна, вследствие чего нелегко дать общий обзор современного состояния типологии. Кроме того, не вполне ясно - даже самим типологам, - что именно является предметом типологии. Одно направление считает, - наверняка ошибочно, - что к типологии можно отнести любую констатацию сходств и различий в языковых системах [1]. Другое, взгляды которого в той же степени неправомерны, видит в типологии творение новейшей немецкой философии и, следовательно, понимает ее весьма узко [2]. Как мы убедимся, разные направления трактуют типологию по-разному, а поэтому ее проблематика то расширяется, то сужается. При подготовке обзора типологии мы часто колебались, что еще следует включить в него и что не нужно. Это обстоятельство, а также другие причины (недоступность некоторых источников) привели к тому, что наш обзор в ряде случаев будет неполным.

Имеется еще одно дополнительное затруднение. Современное состояние является итогом длительного развития, и, чтобы лучше понять отдельные особенности типологических школ, следует исходить из отдаленного прошлого и вспомнить некоторые давние факты. Как мы уже отметили, возникновение типологии неправильно связывалось с новейшей немецкой идеалистической философией. Точнее, типология XIX в. связана с немецкой философией начала XIX в. Однако идеи, присущие типологии, восходят к более раннему периоду. Зная о том, что Коменский был не согласен с мнением Бэкона [3], который недооценивал новые языки, утрачивающие окончания (итальянский, испанский, французский, английский), и что Коменский отдавал предпочтение как раз новым языкам за их большую

унифицированность, можно заключить, что уже тогда ученые занимались вопросами, которые ныне пытается решить типология (как правило, однако, не вдаваясь в оценки языков). Уже греческие и римские грамматисты занимались вопросами так называемой аналогии и аномалии, исследовали проблемы, интересующие типологию, хотя и опирались на материал только одного или двух весьма сходных языков.

2. Типология развивалась в течение XIX в. Однако в этом столетии она была в значительной мере оттеснена более удачливой родственной отраслью - сравнительно-историческим языкознанием. В настоящее время в сложившейся ситуации, когда на первый план выступила борьба за создание новой грамматики, проявляется в общем тройное отношение к типологии: она или целиком отвергается, или снисходительно принимается, или, наконец, разрабатывается и идут поиски путей, по которым можно было бы пойти, чтобы усовершенствовать эту отрасль науки. Прежде чем приступить к рассмотрению типологии, приведем факты отрицательного и положительного отношения к ней.

Отрицание типологии объясняется различными причинами. Прежде всего отмечается, что типология очень мало говорит о самом языке (этот упрек относится в основном к классификационной типологии) [4]. Далее, типологию упрекают в том, что она не исторична [5]. Однако, рассматривая этот упрек, не следует забывать о тех работах по типологии, которые стремятся быть историческими (ср. ниже). Далее типологию упрекают в том, что она связана с идеалистической философией или же она идеалистична вообще [6]. Это, конечно, серьезный упрек, однако нужно сказать, что обвинение в идеализме нельзя выдвигать поспешно. Было бы опрометчивым видеть идеализм в констатации сходства (изоморфизм) и различий (алломорфизм) языков. И все же типология, как мы уже сказали, обычно принимается с большей или меньшей дозой снисходительности, т. е. отмечаются ее основные выводы и крупнейшие ученые, работающие в данной области. Это видно прежде всего из разных курсов введения в языкознание или же только в типологию, а также при изложении классификации языков [7]. Свидетельствуют об этом также грамматики самых различных языков (как правило, неиндоевропейских), в которых используются данные типологии [8].

3. Прежде чем приступить к отдельным типологическим концепциям, обратимся еще к одной проблеме, которая часто выдвигается, но не получает, однако, удовлетворительного решения. Это вопрос о том, связаны ли каким-либо образом типологические особенности языков с особенностями иного порядка, допустим, психики или исторического развития.

Прежде всего это вопрос связей типологических различий с генетическими отношениями языков. Известно, что языки в своем строении очень изменчивы. Французский язык значительно отличается от латыни, современные германские языки весьма отличаются от древних германских языков. Поэтому нет ничего удивительного в том, что генетически родственные языки весьма различны и в типологическом отношении, например французский, чешский и армянский языки. Вместе с тем близкородственные языки по необходимости сохраняют высокую степень типологического сходства, что относится в большой степени ко всем славянским языкам. Это очевидные факты, однако бытуют воззрения, что генетическое родство тесно связано с типологическим сходством. Такие воззрения свойственны прежде всего некоторым старым немецким лингвистам. Так, Г. Винклер [9] доказывал родство "урало-алтайских" языков на базе типологического сходства. Обычно же отмечается - поскольку это необходимо - изменчивость типа" [10]. Генетическая и типологическая точки зрения должны дополнять друг друга, как правильно подчеркивает М. М. Гухман [11].

Далее, шли поиски связей между типологией и психикой. Корни этих взглядов следует искать у основателя типологии В. Гумбольдта. Гумбольдт относит язык к проявлению человеческого духа, из чего следует, что различные языковые типы должны отражать различие духа народов. Взгляды Гумбольдта развивались типологией и дальше, хотя проблема ставилась по-разному у разных ученых (у Ф. Н. Финка, В. Вундта и др.). В новое время от этих взглядов отказываются.

На совершенно ложном пути находился Ван-Гиннекен, который стремился типологические отличия объяснять антропологическими факторами [12].

Можно было бы думать о связи структуры языка с идеологией. Хотя ясно, что в этом отношении школа Марра перегибала палку (полагая, например, что различные падежи подлежащего выражают разное понимание общественной деятельности) [13], все-таки некоторые детали в различиях грамматических структур, например сближение женского рода с названиями неодушевленных предметов, можно объяснять подобным образом [14].

Наконец, идут поиски связи между типологией и историческим развитием языка и народа. Это вполне естественно. Подобно тому как в области материальной культуры можно найти факты различных ступеней развития, как в экономическом развитии обнаруживаются ступени развития экономических отношений, так и в типологических различиях стремятся обнаружить факты единого процесса развития.

Самой известной в этом отношении стала попытка Н. Я. Марра и его школы. Предполагалось, что развитие языка представляет собой единый глоттогонический процесс и что отдельные стадии языка являются показателями того, как далеко язык и говорящий на нем коллектив зашли в своем развитии. Однако даже в пределах самой марровской школы не было единого мнения о том, как выглядит подобная шкала языковых формаций. При этом всегда наиболее важным ориентиром служила так называемая эргативная конструкция предложения (т. е. свободное отношение подлежащего к сказуемому в противовес прочной связи дополнения и сказуемого), соответствующая предполагаемой древней стадии. Действительно, можно назвать огромное количество языков примитивных народов, обладающих эргативной конструкцией, хотя существует немало столь же неразвитых народов, языки которых не знают этой конструкции и, напротив, ряд языков более развитых народов, которые пользуются данной конструкцией.

Школа Марра отнюдь не была единственной, разделяющей представления подобного рода. Сходные концепции возникали в старой типологии и имеют место в настоящее время. Еще и теперь часто высказывается мнение, что аналитизм (изоляция) является доказательством большей развитости языка [15]. Другие же ученые обращаются к языкам самых отсталых народов и отыскивают в них факты древнего состояния. Так, Р. Стопа [16] различает в Африке стадии кинетическо-тоническо-позиционную (бушмены), формально-тоническо-позиционную (ква), формально-позиционную (языки банту, хамитские). Однако при сравнении с другими языками подобная классификация оказывается несостоятельной: тоническим является также высококультурный китайский язык, нетоническими - эскимосский, чукотский и другие языки. По крайней мере большая часть подобных сопоставлений культуры и языка при сравнении с другими языками оказывается несостоятельной [17]. Только в отношении некоторых особенностей можно констатировать более общую закономерность развития (отказ от кинетической речи с семантической функцией, переход от паратаксиса к гипотаксису). Поэтому следует считать необоснованными теорию "прогресса в языке" Есперсена, теорию "спиралеобразного развития языков" Габеленца и т. п., а также возможность связи определенного типа языка с ускоренным культурным [18] развитием, некогда предложенную мною.

Нужно заметить, что все эти попытки пока еще себя не оправдали. Сходства и различия языковых явлений в большинстве случаев не удалось поставить в связь с явлениями иного порядка. Мы не утверждаем, что подобных связей вообще не существует, а констатируем только, что они пока неизвестны.

4. Теперь мы можем приступить к рассмотрению отдельных трактовок типологии. Прежде всего типология начинается с классификации: языки в этом случае группируются в отдельные типы (§ 4). Другая концепция - характерологическая - отмечает существенные черты языков (§ 5). Третья концепция основывается на группировке отдельных явлений (§ 6). Четвертая - создает ступенчатую типологию (§ 7). Наконец, пятая - стремится установить отношения между отдельными явлениями (§ 8).

Как было сказано, типология начинается с классификации: языки как единицы распределяются на несколько групп, так называемых типов. Конкретные языки затем включаются в определенный тип. Гумбольдт, Штейнталь и Финк считали подобный подход само собой разумеющимся. Каждый конкретный язык подводился под определенный тип (например, латынь определялась как язык флективный), чем до известной степени предопределялась и вся его структура.

Недостатком этого принципа являлось то, что он не предоставлял более конкретных сведений об отдельных языках, а кроме того, неясным оставалось и само количество языковых типов. В. Гумбольдт

говорил о трех (о типе флективном, агглютинирующем, изолирующем), Штейнталь, Мистели и Финк - о восьми (подчиняющем, инкорпорирующем, включающем, изолирующем корни, изолирующем основы, флектирующем корни, флектирующем основы, флектирующем группы, например турецкий, гренландский, язык субия из группы банту, китайский, язык о. Самоа, арабский, греческий, грузинский). Э. Леви добавил к этим восьми типам еще девятый, флективно-изолирующий [19]. Впрочем, он создал совершенно иную концепцию, о которой мы скажем ниже.

Наряду с приведенной классификацией иногда говорят еще об одной классификации, а именно о классификации на языки синтетические (главным образом древние языки типа греческого, латинского, древнегерманских) и языки аналитические (по преимуществу языки романские и новогерманские). Эта классификация основана на одном показателе - на наличии или отсутствии словоизменения, поэтому о ней мы будем говорить ниже.

Приведенный метод классификации даже у тех, кто его принимал, вызывал возражения по отдельным пунктам. Наиболее отчетливо это проявлялось при рассмотрении китайского языка, включение которого в круг "изолирующих" языков, поскольку он часто характеризовался как "аморфный", "бесформенный", должно было возбуждать недовольство синологов. Поэтому многие выступали за выделение китайского языка в совершенно отдельный тип, который, например, П. Мериджи именует "группирующим" (groupant) [20].

5. Рассуждения Финка о языковых типах были последним веским словом классифицирующей типологии. Дальнейшие исследователи ищут иные пути, да и сами рассуждения Финка подводят к ним. Уже Штейнталь стремился давать детальные характеристики отдельных языков, представляющих тот или иной тип, и нередко то же самое делает Финк. Тем самым Финк открывает путь к новому пониманию типологии, именно - к ее характерологической концепции. При таком понимании авторы стремятся сконцентрировать свое внимание на отдельном языке, выделить характерные особенности конкретного языка в сравнении с другими, выявить своеобразие изучаемого языка.

Принципы указанной концепции заложены в самой типологии. При этом исследования по типологии смыкаются с другими работами, которые с типологией не связаны, игнорируют или отвергают ее. Этим и объясняется, что мы останавливаемся здесь лишь на немногих работах такого рода. Вообще таких работ, связанных с нашим обзором лишь внешне, огромное количество, ибо рассуждений подобного характера не может избежать ни одна монография о конкретном языке.

В. Матезиус в 1928 г. отмечал слабые успехи типологии и выдвигал требование создать лингвистическую "характерологию" на базе работ, подобных "стилистикам" английского и французского языков Штрамайера и Аронштейна [21]. К. Фосслер стремился отметить своеобразие французского языка и его развития на фоне французской культуры [22]. В. Вартбург [23] отмечал особенности французского языка, отличающие его от других европейских языков (развитый вокализм, богатая префиксация, расположение наиболее важного элемента всегда на конце слога, слова, предложения, этимологическая изолированность слов по типу *pere* : *paternel*, *cheval* : *equestre*).

Наиболее значительным сторонником характерологического метода является Э. Леви. Он описывает отдельные языки таким образом, что стремится постичь специфическое, характерное для конкретного языка [24]. Так, например, когда он характеризует русский язык, то приводит его фонетические (обилие шипящих и свистящих, а также наличие палатальных согласных) и морфологические (множество падежей, распространенные суффиксы и т. п.) особенности. Свои выводы он ставит в связь с лингвистической географией (устанавливает сходства, например, между русским и угро-финскими языками) или же дает общелингвистическую трактовку фактам.

Рассматриваемый метод нашел последователей, объединившихся по преимуществу вокруг журнала "Lexis". Наиболее отчетливо он разработан у П. Гартманна [25]. П. Гартманн исходит из праиндоевропейского состояния (по его мнению, это необходимый исходный пункт типологии), он констатирует его флективный характер и возвращается к конкретным индоевропейским языкам, с тем чтобы определить все особенности, которыми последние отличаются от неиндоевропейских языков. При этом ему

приходится считаться с рядом работ, которые хотя и не имели типологической направленности, но определяли морфологический строй индоевропейских языков (Хирт, Бенвенист, Шпехт).

Ясно, что характерологический метод может принести много ценного. Например, с его помощью можно выделить отдельные черты языка, резко отличающегося от других языков. Однако этот метод имеет один существенный недостаток: он не обладает прочной теоретической базой, которая позволила бы ему оценивать различные явления не в зависимости от их своеобразия, а в соответствии с их ролью в общей системе языка, оценивать их на основе точных и определенных критериев.

6. Классификационный принцип, относящий языки как целое к определенному типу, изжил себя. Характерологический принцип был способен выделить особенности, специфические черты отдельных языков, но не способен определять точные факты. К этому стремятся работы иного типа, группирующие отдельные явления языка по определенным признакам.

Прежде всего этот принцип стали применять в фонетике. А. Исаченко [26] классифицировал славянские языки в зависимости от численности гласных и согласных. Он составил шкалу языков вокалических (из славянских языков к ним относится прежде всего сербохорватский) и консонантических (польский, русский). Его работа вызвала большой резонанс, так как путем несложного сопоставления проливали ясный свет на различия языков. Из нее исходит, точнее ею злоупотребляет, например, П. Ковалев, который стремится подчеркнуть отличительные черты между консонантным русским языком и якобы в сильной степени вокализующим украинским [27]. Рассуждения Исаченко дополнил И. Крамский [28], указав, что числовые данные, характеризующие использование фонем в тексте, резко отличаются от числовых данных, свидетельствующих о количестве фонем.

Результаты работы Исаченко использует также польский лингвист Т. Милевский, стремящийся в своих исследованиях подчеркнуть не только частоту употребления гласных и согласных, но и их качество [29]. Этот метод он применяет прежде всего к американским языкам, среди которых намечает тройкий звуковой тип: восточный или "атлантический" с сильно развитым вокализмом и носовыми согласными в противовес бедной системе ротовых согласных, затем западный или "тихоокеанский" со слабо развитым вокализмом, но с значительным развитием ротовых согласных, и, наконец, средний, в котором развиты как гласные, так и согласные.

В противоположность этому Фёгелин [30] (С. F. Voegelin) классифицирует языки лишь в зависимости от того, как реализуются "линейные" (т. е. немаркированные) согласные и согласные с дополнительными элементами (маркированные), а также линейные гласные и гласные с дополнительными признаками. На основе этих положений Фёгелина Пирс [31] (J. C. Pierce) делит языки в зависимости от числа рядов на четыре типа - с одним рядом (p, t, k), двумя (p, t, k, b, d, g), тремя и четырьмя рядами.

В грамматике наследие старой классифицирующей типологии отражается прежде всего в различении так называемых формообразующего анализа и синтеза. Этой проблемой, как мы видели, занимались лингвисты еще в XVII в. В новое время к этой проблеме обращаются часто, но речь обычно идет не о классификации языков, а о классификации явлений. Отмечается, как то или иное явление реализуется в конкретных языках (французском, английском, русском и др.) [32].

Так, А. Исаченко [33] прежде всего на славянском материале попытался установить различие языков невербальных с развитым склонением и ослабленным спряжением (русский, а также некоторые другие славянские языки) и языков вербальных (романские и германские языки, болгарский).

Синтаксической типологией занимается Т. Милевский [34]. Он различает языки с предложениями концентрическими (глагол своей формой выражает отношение к нему членов предложения - по типу наших *дитя видело лань* и *дитя видела лань*) и языки с предложениями эксцентрическими. Эксцентрическое предложение имеет разное строение: позиционное (с грамматикализованным порядком слов), падежное (подлежащее, дополнение и т. п. выражаются падежными формами) или цикличное (окончание первого слова указывает на синтаксическую роль последующего слова). Иные синтаксические отличия стремится установить Базелль (С. E. Bazell) [35]. Он полагает, что в языках проявляются два основных типа синтаксических отношений - естественный (*overt*, например отношение последовательности

или отношение базы и ядра высказывания) и функциональный. К этому последнему, необязательному, типу относится субординация (подчинение) и детерминация. Некоторые языки, согласно автору, используют преимущественно субординацию, например турецкий язык, обладающий правилом, гласящим, что главное слово следует после подчиненного слова (предикат после субъекта), и располагающий не префиксами, а лишь суффиксами (суффиксом снабжается вся субординированная синтагма). Другие языки, например языки банту, используют по преимуществу детерминацию, т. е. детерминирующий член стоит после детерминируемого, а поскольку при детерминации члены синтагмы соединяются более свободно, то допускается как суффиксация, так и префиксация.

Типологию словообразования разрабатывал В. Матезиус [36]. По его мнению, в языке существует два типа наименования: изолирующий, или немотивированный (не имеющий ясной этимологии: англ. *veal*, чеш. *okřin*), и описательный, или включающий (этимологически связанный с другими словами: нем. *Kalbsfleisch*, чеш. *teleci*).

7. Как мы отметили выше, изучение конкретных явлений в типологии приводит к более точным результатам. Именно при изучении конкретных явлений мы ближе всего подходим к количественной характеристике отдельных различий. Мы видели, что некоторые различия были установлены чисто качественно, в других случаях начинали установления количественных отношений (например, установление численности согласных в инвентаре языка или в тексте), причем качественный момент (к примеру, перевес гласных или согласных) сохраняет еще господствующее положение.

Иной подход наблюдается, однако, в работах, где отчетливо преобладает количественный момент, независимо от того, изучается ли язык в целом или же только отдельные элементы языка. В попытках создать типологию подобного характера лингвистика не одинока. И в других науках, особенно в психологии, наблюдаются сходные тенденции. Логика оказывает им помощь в стремлении заменить старую классификационную типологию типологией новой, типологией меры [37].

Этот принцип обходится иногда приблизительными данными, иногда стремится к статистической определенности.

Первый подход отчетливо проведен у Э. Сепира. В своей книге [38] он подвергает критике старую классификацию и приводит новую, многоступенчатую. Самым важным критерием для него является, с одной стороны, степень синтеза, т. е. соединения элементов в слова, а с другой стороны - техника этого синтеза, т. е. тесное или свободное соединение элементов в слове. В соответствии с первым критерием можно различать сочетания аналитические (известные из французского, английского и других языков), синтетические (существующие в латинском, греческом и языках банту) и полисинтетические (представленные в некоторых американских языках). В соответствии со вторым критерием Сепир различает сочетания изолирующие (элементы по отношению друг к другу вполне самостоятельны, например в китайском), агглютинирующие (или нанизывающие), где связь прочнее, фузионные (очень прочные связи, соответствующие примерно нашей "флексии"), символические (что соответствует нашему термину "внутренняя флексия"). С этим связано также деление, согласно которому в языках реализуются основные языковые элементы (предметы, действия, качества), деривационные элементы, конкретно-реляционные и чисто-реляционные элементы. В некоторых языках наряду с основными реализуются прежде всего чисто реляционные элементы (китайский, эве), в других - чисто реляционные и деривационные элементы (турецкий, полинезийские языки), в третьих - конкретно-реляционные (языки банту, французский), наконец, в четвертых - деривационные и конкретно-реляционные элементы (английский, латынь, семитские языки). На основе этого возникает сложная шкала, в которой факты все время дополняются пояснительными замечаниями (типа *mildly, strongly, tinge, weakly* и т. п.).

На первый взгляд может показаться, что данный метод вносит в исследование хаос и произвол, однако такое впечатление обманчиво. Это попытка выразить многообразное богатство языков в виде лесенки, в которой с каждой ступенькой связана другая, находящаяся выше или ниже. Возможно, что при характеристике отдельных языков автор ошибается. Однако ясно, что он указывает выход из тупика старой классификационной типологии. Именно этот труд Сепира получил наибольший отклик в лингвистической науке новейшего периода.

Последующие работы стремятся оперировать точными числами. Благодаря этому они смыкаются с теми исследованиями, которые пытаются применить количественный подход к языку ("квантитативная лингвистика"), что имеет место, например, в работах М. Коэна, а у нас (в Чехословакии) в работах Б. Трнки.

Типологию отношений фонетики и словаря в общих чертах представил П. Мензерат [39]. Он устанавливает количество слогов в словах, количество звуков в слове, числовое соотношение гласных и согласных и взаимозависимость указанных данных. Он исходит, например, из того, что немецкий язык содержит больше всего двусложных слов с 8 и 9 звуками, что немецкий в односложных словах чаще всего имеет а, i, английский - i, e, французский - i, e, а; что итальянский в односложных словах отдает предпочтение группам ta (t - согласный, a - гласный), tta, tat, испанский - группам tat, ta, ttat, сербохорватский - группам tat, ttat, немецкий - группам at, tatt и т. д. Эта концепция отвечает также интересам лингвистической школы, которая пытается "архивизировать" изучение языков, т. е. составить опись языковых особенностей [40]. Создать систематическую морфологическую типологию с числовыми данными пытался Гринберг [41].

8. Наконец, последняя концепция типологии (о ней также следует сказать) рассматривает язык как целое, в котором отдельные черты взаимозависимы.

Первой предпосылкой и исходным моментом такого взгляда является тот факт, что в отдельных языках сосуществует несколько типов, причем нас не интересует, каким путем эти типы установлены. Это положение, которого придерживаются советские лингвисты [42].

Второй предпосылкой указанной типологической концепции является общая тенденция современной лингвистики к созданию новой грамматики, согласно которой язык понимается как система. Для типологии также важно понимание языка как системы [43].

Основные вопросы, которые интересуют нас при этом, следующие: какие элементы могут выступать в определенном языке, а какие не могут? Какие элементы обязательно сосуществуют? Какой элемент с необходимостью вызывает появление другого и какие элементы не связаны подобным образом? Какие элементы вызывают отсутствие других? [44]

С учетом данной точки зрения написаны мои прежние работы, касающиеся типологии [45]. Я старался показать в них, что отдельные явления языка (морфологические, синтаксические, фонетико-комбинаторные, словообразовательные) находятся во взаимной связи, причем их соседство может быть положительным или отрицательным. Сумма свободно сосуществующих явлений называется типом. Подобных типов, по нашему мнению, существует пять: флективный, интрофлективный, агглютинативный, изолирующий, полисинтетический. В конкретном языке различные типы реализуются одновременно.

Подобная точка зрения делает также возможной систематическую историческую работу. Только лишь при допущении зависимости явлений можно объяснять зависимость изменений. Если отвергается зависимость изменений, то нельзя и развитие понимать иначе, как беспорядочное нагромождение явлений. В своей работе о развитии чешского склонения [46] я стремился показать укрепление флективного типа в славянских языках, и особенно в чешском, где это укрепление (речь идет о склонении) продолжалось вплоть до XIV в., после чего наступило отклонение от флективного типа. Отходу славянских языков от флективного типа - или к типу агглютинирующему, или к типу изолирующему - посвящает свое исследование И. Леков [47]. Что подобный факт действительно имеет место, указывают в своих работах также В. В. Виноградов и К. Горалек [48].

Новые импульсы получила в типологии историческая точка зрения в связи с введением понятия "внутренних законов развития языка". Так, появилось убеждение, что основным законом развития болгарского языка является тенденция к аналитизму [49]. Однако проблема не столь проста. В болгарском языке, так же как и в других славянских языках, осуществляются разные тенденции. Ясно, что типологическая точка зрения будет способствовать пониманию основных тенденций развития соответствующего языка.

9. Ныне, когда вновь оживился интерес к типологическому исследованию языков как на Западе, так и в Советском Союзе, следует подчеркнуть, что типология нуждается прежде всего в кропотливой теоретической и описательной работе. Нельзя сохранять старый, непродуманный принцип схематической классификации целых языков. В последующих трудах нужно положительно оценивать заботливое и точное исследование отдельных явлений, особенно с количественной стороны. Обогащенные подобными эмпирическими наблюдениями, мы можем изучать связи явлений и с большей уверенностью устанавливать тенденции развития. На базе установленных связей разовьется изучение конкретных особенностей отдельных языков, а также, возможно, удастся установить связь явлений языкового изоморфизма или алломорфизма с внеязыковыми явлениями.

Примечания

*. Vladimír Skalicka, O soucasnem stavu typologie, "Slovo a slovesnost", 3, XIX, 1958, стр. 224-232. Дополнением к настоящей работе является статья В. Скалички "Z nove typologicke literatury" в "Slovo a slovesnost", 1, XXI, 1960, стр. 41-43. К сожалению, по техническим причинам не оказалось возможным включить эту статью в настоящий сборник.

1. J.H. Greenberg, The nature and uses of linguistic typologies, "International Journal of American Linguistics", 23, 1957, стр 68 и сл .

2. J. Kudrna, Nekolik poznamek ke kritice jazykoveho strukturalismu, "Filosoficki casopis", 3, 1955, стр 78.

3. "Methodus linguarum novissima", cap. IV, § 20 (=Opera didactica omnia, 1, II, 43). De Augm. sc. VI, 1.

4. A Me illet в сборнике Me ill e t-C o hen, Les langues du monde, Paris, 1924, стр . 1.

5. O. Barczy, Bevezetes a nyelvtudományba, Budapest, 1953, стр 29, Travnicek. "Nase rec", 36, 1953, стр 129-139.

6. F T ravni se k, там же , стр . 138.

7. Ср , например , T G. Tucker, Introduction to the natural history of language, London, 1908, стр . 74, J. B audis, Rec, Bratislava, 1926, стр 88, L. Hjelmslev, Principes de grammaire generale, Kopenhagen, 1928, стр 289, L. B 1 oo mfie1d, Language, New York, 1933, стр . 207, A A . Реформатский , Введение в языковедение , М , 1947, стр . 146; P O . Шор и Н . С Чемоданов . Введение в языковедение, М., 1945, стр 192 и сл., P. A. Будагов, Очерки по языкознанию, М., 1953, стр. 218, П. С. Кузнецов, Морфологическая классификация языков, М , 1954; E. Benveniste, La classification des langues. Conferencs de l'Institut de l'Universite de Paris, XI, 1954 [см настоящий сборник, стр 36-59]; A. A. Реформатский, Введение в языкознание, М , 1955, стр. 338 и сл.

8. Ср., например, для турецкого языка Н. И. Фельдман, "Ученые записки Института востоковедения", т. IV, 1952, стр 231; для кавказских языков Ю. Д. Дешериев, Вопросы теории и истории языка, М, 1952, стр 463, 481, 488, для талышского языка В. Миллер, Талышский язык, 1954, стр 93-95.

9. "Das Uralaltaische und seine Gruppen", Berlin, 1885; "Die Zugehorigkeit der finnischen Sprachen zum uralaltaischen Sprachstamm", "Keleti Szemle", XII.

10. Ср. например, А. С. Чикобава, Введение в языкознание, М., 1952, стр. 190-191.

11. "Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования", ВЯ, 1957, 5, стр. 46.

12. Ср , например , J. v. Ginneken, Ein neuer Versuch zur Typologie der alteren Sprachstrukturen, TCLP, 8, 1939, стр 244. Следует отметить, что расистская "наука" и здесь показала свое лицо, отыскивая свои аргументы в отождествлении языка, психики и "крови". При этом она смогла использовать слишком опрометчивые психологизирующие выводы Финка (ср. E . Glasser, Einfuhrung in die rassenkundliche Sprachforschung, Heidelberg, 1939, стр . 125 и с л .).

13. Ср об этом , например , А П . Рифтин , Hlavní zásady theorie stadií v jazyce, сборник "Sovetska jazykoveda", Praha, 1949, стр 75.
14. T M ilewski, Swiatopogled kilku plemion Indian polnocno amerykanskich w swietle analizy kategorii rodzaju ich jezykow, Wroclaw, 1955.
15. W. Lettenbauer, Synthetische und analytische Flexion in den slavischen Sprachen, Munchner Beitrage zur Slavenkunde (Festgabe fur Paul Diels), Munchen, 1953, стр 149; поэтому он вынужден объяснять склонение в славянских языках как доказательство " консервативности " этих языков .
16. "Rozwoj jezykowy na terenie czterech podstawowych grup jezykowych Afryki (Khoisan, Sudan, Bantu, Chamici)", "Zeszyty naukowe Unywerzytetu Jagiellonskiego, Fiolologia", 1956, № 2, стр . 228.
17. Ср мою статью "Ober die sog. Primitivsprachen" в "Lingua Posnaniensis", 6, 1957, стр 84, где указаны и другие примеры ; много фактов приводит А. S o mmerfelt, Language, society and culture, "Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap", 17, 1954, стр . 5.
18. "Vyvoj ceske deklinace", Praha, 1941, стр . 41; ср об этом К . Но r a lek, Zakonitost, ucelnost a nahodilost pri vyvoji jazyku, Studia linguistica in honorem acad. S. Miadenov, София , 1957, стр 241.
19. "Apnonsche Konstruktion der Sprachtypen" в "Indogermanische Vorschungen.
20. "Sur la structure des langues groupantes" в сборнике "Psychologie du langage", Paris, 1933, стр . 185.
21. "On linguistic characterology with illustrations from Modern English", Actes du premier congres international de linguistes, Leiden, 1928, стр . 56 и сл
22. "Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung", Heidelberg, 1913.
23. "Einfuhrung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft", Halle, 1943, стр 164.
24. "Betrachtung des Russischen" в "Zeitschr. f. sl. Phil.", 2, 1925, стр . 415; "Kurze Betrachtung der ungarischen Sprache" в "Ungar. Jahrbucher", IV, 1931; "Der Bau der europaischen Sprachen", Proceedings of the R. Irish Academy, 1942.
25. Heidelberg, 1956.
26. "Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen" в "Linguistica Slovaca", I, 1939-1940.
27. "The problem of the Typology of the Slavonic languages" в "The Slavonic and East-European Review", vol. 33, 1954.
28. "Fonologicke vyuziti samohlaskovych fonem" в "Linguistica Slovaca", 4-6, 1946-1948, стр 39.
29. "Podstawy teoretyczne typologii jezykow" в "Biuletyn Polskiego Towarzystwa Jezykoznavczego", 10, 1950, стр 122; "Phonological typology of American languages" в "Lingua Posnaniensis", 4, 1953, стр . 239.
30. "Six statements for a phonemic inventory" в "Intern. Journal of American Linguistics", 23, 1927, стр . 78.
31. "A statistical study of consonants in New World languages" в "Intern. Journal of American Linguistics", 23, 1957.
32. Ср , например , В Т r nka, Analyse a syntese v nove anglictine, сб . MNHMA, Praha, 1926, стр . 380; L. T e snier e , Synthetisme et analytisme, Charisteria Guileimo Mathesio oblata, Praga, 1932, стр 62; Ch. Bally, Linguistique generale et linguistique francaise, Paris, 1932, стр . 111; V. Tau1i, Morphological analysis and synthesis, "Acta Linguistica", 5, 1945-1949; А . И Смирницкий , Аналитические формы , ВЯ , 1956, 2, стр . 41.
33. "Tense and auxiliary verbs with special references to Slavic languages" в "Language", 16, 1940, стр 189.
34. "La structure de la phrase dans les langues indigenes de l'Amerique du Nord" в "Lingua Posnaniensis", 2, 1950, стр 162; "Typologia syntaktyczna jezykow amerykanskich" в "Biuletyn Pol. Towarzystwa Jezykoznavczego", 12, 1953, стр 1.
35. "Syntactic relations and linguistic typology" в "Cahiers Ferdinand de Saussure", 8, 1949, стр . 5.

36. "Prispevek k strukturalnimu rozboru anglicke zasoby slovni", CMF, 26, 1939, стр 79 и сл , ср также "Rec a sloh" в сборнике "Cteni o jazyce a reci, Praha, 1942, стр . 13 и сл
37. Ср , например , C O . He m pe l - P Oppenheim, Der Typusbegriff im Lichte der neuen Logik, Leiden, 1936.
38. "Language. An introduction to the study of speech", New York, 1921, стр 17.
39. P Menzerath - W. Meye r- Epp l e r, Sprachtypologische Untersuchungen, "Studia Linguistica", I, 1950; P. Menzerath, Typology of languages, "The Journal of the Acoustical Society of America", 22, 1950, стр . 698.
40. Ср об этом R. Wells, Archiving and language typology, "Intern. Journal of American Linguistics", 20, 2, стр. 101.
41. "A quantitative approach to the morphological typology", Methods and perspective in anthropology, Minneapolis, 1954 (нам осталась недоступна).
42. Ср., например, В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 37, 675, 677; Б. А. Серебренников, Рецензия на книгу А. С. Чикобавы "Введение в языкознание", ВЯ, 1953, 2, стр. 120; П. С. Кузнецов, Морфологическая классификация языков, М., 1954, стр. 31-32.
43. R. Jak o bs o n, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, Reports for the VIII International Congress of Linguists, Supplement, Oslo, 1957, стр . 5.
44. R. Jakobson, Results of the conference of anthropologists and linguists, приложение к журн "Intern. Journal of American Linguistics", vol. 19, № 2, April 1953, стр . 18.
45. "Zur ungarischen Grammatik", Praha, 1935; "Sur la typologie de la langue chinoise parlee" в "Archiv Orientaini", 15, 1946, стр . 386; " Typ cestiny", Praha, 1950.
46. "Vyvoj ceske deklinace", Praha, 1941.
47. И. Леков, Отклонения от флективного строя в славянских языках, ВЯ. 1956, 2, стр. 18.
48. В. В. Виноградов, Цит. соч. в прим. 42, стр 590, 651; К . Но r a lek, K charakteristice rustiny, Kniha o prekladani, Praha, стр . 153.
49. В. Георгиев, Опыт за периодизация на историята на българския език, "Известия на Института за български език", 2, 1952, стр. 71.

ОТНОШЕНИЕ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ И МЫШЛЕНИЯ К ЯЗЫКУ

Б.Л. Уорф

ОТНОШЕНИЕ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ И МЫШЛЕНИЯ К ЯЗЫКУ (Новое в лингвистике. Вып. 1. - М., 1960)

"Люди живут не только в объективном мире и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать реальность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых специальных проблем общения и мышления. На самом же деле "реальный мир" в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения".

Эдуард Сепир

Вероятно, большинство людей согласится с утверждением, что принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения; однако это предположение обычно не идет

дальше признания гипнотической силы философского и научного языка, с одной стороны, и модных словечек и лозунгов - с другой.

Ограничиться только этим - значит не понимать сути одной из важнейших форм связи, которую Сепир усматривал между языком, культурой и психологией и которая кратко сформулирована в приведенной выше цитате.

Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в его повседневной оценке им тех или иных явлений.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ

Я столкнулся с одной из сторон этой проблемы еще до того, как начал изучать Сепира, в области, обычно считающейся очень отдаленной от лингвистики. Это произошло во время моей работы в обществе страхования от огня. В мои задачи входил анализ сотен докладов об обстоятельствах, приведших к возникновению пожара или взрыва. Я фиксировал чисто физические причины, такие, как неисправная проводка, наличие или отсутствие воздушного пространства между дымоходами и деревянными частями зданий и т. п., и результаты обследования описывал в соответствующих терминах. При этом я не ставил перед собой никакой другой задачи. Но с течением времени стало ясно, что не только сами физические обстоятельства, но и обозначение этих обстоятельств было иногда тем фактором, который, через поведение людей, являлся причиной пожара. Этот фактор обозначения становился яснее всего тогда, когда это было **языковое обозначение**, исходящее из названия, или обычное описание подобных обстоятельств средствами языка.

Так, например, около склада так называемых gasoline drums (бензиновых цистерн) люди ведут себя определенным образом, т. е. с большой осторожностью; в то же время рядом со складом с названием empty gasoline drums (пустые бензиновые цистерны) люди ведут себя иначе — недостаточно осторожно, курят и даже бросают окурки. Однако эти "пустые" (empty) цистерны могут быть более опасными, так как в них содержатся взрывчатые испарения. При наличии реально опасной ситуации лингвистический анализ ориентируется на слово "пустой", предполагающее отсутствие всякого риска. Существуют два различных случая употребления слова empty: 1) как точный синоним слов - null, void, negative, inert (порожний, бессодержательный, бессмысленный, ничтожный, вялый) и 2) в применении к обозначению физической ситуации, не принимая во внимание наличия паров, капель жидкости или любых других остатков в цистерне или другом вместилище. Обстоятельства описываются с помощью второго случая, а люди ведут себя в этих обстоятельствах, имея в виду первый случай. Это становится общей формулой неосторожного поведения людей, обусловленного чисто лингвистическими факторами.

На лесохимическом заводе металлические дистилляторы были изолированы смесью, приготовленной из известняка, именовавшегося на заводе "центрифугированным известняком". Никаких мер по предохранению этой изоляции от перегрева и соприкосновения с огнем принято не было. После того как дистилляторы были в употреблении некоторое время, пламя под одним из них проникло к известняку, который, ко всеобщему удивлению, начал сильно гореть. Поступление испарений уксусной кислоты из дистилляторов способствовало превращению части известняка в ацетат кальция. Последний при нагревании огнем разлагается, образуя воспламеняющийся ацетон. Люди, допуская соприкосновение огня с изоляцией, действовали так потому, что само название "известняк" {limestone} связывалось в их сознании с понятием stone (камень), который "не горит".

Огромный железный котел для варки олифы оказался перегретым до температуры, при которой он мог воспламениться. Рабочий сдвинул его с огня и откатил на некоторое расстояние, но не прикрыл. Приблизительно через одну минуту олифа воспламенилась. В этом случае языковое влияние оказалось более сложным благодаря переносу значения (о чем ниже будет сказано более подробно) "причины" в виде контакта или пространственного соприкосновения предметов на понимание положения on the fire (на огне) в противоположность off the fire (вне огня). На самом же деле та стадия, когда наружное

пламя являлось главным фактором, закончилась; перегревание стало внутренним процессом конвенции в олифе благодаря сильно нагретому котлу и продолжалось, когда котел был уже вне огня (off the fire).

Электрический рефлектор, висевший на стене, мало употреблялся и одному из рабочих служил удобной вешалкой для пальто. Ночью дежурный вошел и повернул выключатель, мысленно обозначая свое действие как turning on the light (включение света). Свет не загорелся, и это он мысленно обозначил как light is burned out (перегорели пробки). Он не мог увидеть свечения рефлектора только из-за того, что на нем висело старое пальто. Вскоре пальто загорелось от рефлектора, отчего вспыхнул пожар во всем здании.

Кожевенный завод спускал сточную воду, содержащую органические остатки, в наружный отстойный резервуар, наполовину закрытый деревянным настилом, а наполовину открытый. Такая ситуация может быть обозначена как pool of water (резервуар, наполненный водой). Случилось, что рабочий зажигал рядом паяльную лампу и бросил спичку в воду. Но при разложении органических остатков выделялся газ, скапливавшийся под деревянным настилом, так что вся установка была отнюдь не watery (водной). Моментальная вспышка огня воспламенила дерево и очень быстро распространилась на соседнее здание.

Сушильня для кож была устроена с воздуходувкой в одном конце комнаты, чтобы направить поток воздуха вдоль комнаты и далее наружу через отверстие на другом конце. Огонь возник в воздуходувке, которая направила его прямо на кожи и распространила искры по всей комнате, уничтожив таким образом весь материал. Опасная ситуация создалась таким образом благодаря термину blower (воздуходувка), который является языковым эквивалентом that which blows (то, что дует), указывающим на то, что основная функция этого прибора - blow (дуть). Эта же функция может быть обозначена как blowing air for drying (раздувать воздух для просушки); при этом не принимается во внимание, что он может "раздувать" и другое, например искры и языки пламени. В действительности воздуходувка просто создает поток воздуха и может втягивать воздух так же, как и выдувать. Она должна была быть поставлена на другом конце помещения, там, где было отверстие, где она могла бы тянуть воздух над шкурами, а затем выдувать его наружу.

Рядом с тигелем для плавки свинца, имевшим угольную топку, была помещена грудa scrap lead (свинцового лома) - обозначение, вводящее в заблуждение, так как на самом деле "лом" состоял из листов старых радиоконденсаторов, между которыми все еще были парафиновые прокладки. Вскоре парафин загорелся и поджег крышу, половина которой была уничтожена.

Количество подобных примеров может быть бесконечно увеличено. Они показывают достаточно убедительно, как рассмотрение лингвистических формул, обозначающих данную ситуацию, может явиться ключом к объяснению тех или иных поступков людей и каким образом эти формулы могут анализироваться, классифицироваться и соотноситься в том мире, который "в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы". Мы ведь всегда исходим из того, что язык лучше, чем это на самом деле имеет место, отражает действительность.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЛКОВАТЕЛЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Лингвистический материал приведенных выше примеров ограничивается отдельными словами, фразеологическими оборотами и словосочетаниями определенного типа. Изучая влияние такого материала на поведение людей, нельзя не думать о том, какое несравненно более сильное влияние на это поведение могут оказывать разнообразные типы грамматических категорий, таких, как, категория числа, понятие рода, классификация по одушевленности, неодушевленности и т. п.; времена, залоги и другие формы глагола, классификация по частям речи и вопрос о том, обозначена ли данная ситуация одной морфемой, формой слова или синтаксическим словосочетанием. Такая категория, как категория числа (единственное в противоположность множественному), является попыткой обозначить целый класс явлений действительности. В ней содержится указание на то, каким образом различные явления должны классифицироваться и какой случай может быть назван "единичным" и какой "множественным". Но обнаружить такое косвенное влияние чрезвычайно сложно, во-первых, из-за его неясности, а во-вторых, из-за трудности взглянуть со стороны и изучить объективно свой родной язык, который является привычным

средством общения и своего рода неотъемлемой частью культуры. Если же мы возьмем язык, совершенно не похожий на наш родной, мы начинаем изучать его так, как мы изучаем природу. Мы обычно мыслим средствами своего родного языка и при анализе чужого, непривычного языка. Или же мы обнаруживаем, что задача разъяснения всех морфологических трудностей настолько сложна, что поглощает все остальное. Однако, несмотря на сложность задачи выяснения того косвенного влияния грамматических категорий языка на поведение людей, о котором говорилось выше, она все же выполнима и разрешить ее легче всего при помощи какого-нибудь экзотического языка, так как, изучая его, мы волей-неволей бываем выбиты из привычной колеи. И, кроме того, в дальнейшем обнаруживается, что такой экзотический язык является зеркалом по отношению к родному языку.

Мысль о возможности работы над этой проблемой впервые пришла мне в голову во время изучения мною языка хопи, даже раньше, чем я задумался над самой проблемой. Казавшееся бесконечным описание морфологии языка, наконец, было закончено. Но было совершенно очевидно, особенно в свете лекций Сепира о языке навахо, что описание языка в целом являлось далеко не полным. Я знал, например, правила образования множественного числа, но не знал, как оно употребляется. Было ясно, что категория множественного числа в языке хопи значительно отличается от категории множественного числа в английском, французском и немецком. Некоторые понятия, выраженные в этих языках множественным числом, в языке хопи обозначаются единственным. Стадия исследования, начавшаяся с этого момента, заняла еще два года.

Прежде всего надо было определить способ сравнения языка хопи с западноевропейскими языками. Сразу же стало очевидным, что даже грамматика хопи отражала в какой-то степени культуру хопи, так же как грамматика европейских языков отражает "западную", или "европейскую", культуру. Оказалось, что эта взаимосвязь дает возможность выделить при помощи языка классы представлений, подобные "европейским", "время", "пространство", "субстанция", "материя". Так как в отношении тех категорий, которые будут подвергаться сравнению в английском, немецком и французском, а также и в других европейских языках, за исключением, пожалуй (да и это очень сомнительно), балто-славянских и неиндоевропейских языков, существуют лишь незначительные отличия, я собрал все эти языки в одну группу, названную SAE, или "среднеевропейский стандарт" (Standard Average European).

Та часть исследования, которая здесь представлена, может быть кратко суммирована в двух вопросах: 1) являются ли наши представления "времени", "пространства" и "материи" в действительности одинаковыми для всех людей или они до некоторой степени обусловлены структурой данного языка и 2) существуют ли видимые связи между: а) нормами культуры и поведения и б) основными лингвистическими категориями? Я отнюдь не утверждаю, что есть непосредственная прямая связь между культурой и языком и тем более между этнологическими рубриками, как например "сельское хозяйство", "охота" и т. д., и такими лингвистическими рубриками, как "флективный", "синтетический" или "изолирующий" [2].

Когда я начал изучение данной проблемы, она вовсе не была так ясно сформулирована, и у меня не было никакого представления о том, каковы будут ответы на поставленные вопросы.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО И СЧЕТ В SAE И ХОПИ

В наших языках, т. е. в SAE, множественное число и количественные числительные применяются в двух случаях: 1) когда они обозначают действительно множественное число и 2) при обозначении воображаемой множественности. Или более точно, хотя менее выразительно: при обозначении воспринимаемой нами пространственной совокупности и совокупности с переносным значением. Мы говорим *ten men* (десять человек) и *ten days* (десять дней). Десять человек мы или реально представляем, или во всяком случае можем себе представить эти десять как целую группу [3] (десять человек на углу улицы, например). Но *ten days* (десять дней) мы не можем представить себе реально. Мы представляем реально только один день, сегодня, остальные девять (или даже все десять) - только по памяти или мысленно. Если *ten days* (десять дней) и рассматриваются как группа, то это "воображаемая", созданная мысленно группа.

Каким образом создается в уме такое представление? Таким же, как и в случаях ошибочных представлений, служивших причиной пожара, благодаря тому что наш язык часто смешивает две различные ситуации, так как для обеих имеется один и тот же способ выражения. Когда мы говорим о "десяти шагах вперед" (ten steps forward), "десяти ударах колокола" (ten strokes on a bell) и о какой-либо подобной циклической последовательности, имея в виду несколько "раз" (times), у нас возникает такое же представление, как и в случае "десять дней" (ten days). **Цикличность** вызывает представление о воображаемой множественности. Но сходство цикличности с совокупностью не обязательно дается нами в восприятии раньше, чем это выражается в языке, иначе это сходство наблюдалось бы во всех языках, а этого не происходит. В нашем восприятии времени и цикличности содержится что-то непосредственное и субъективное: в основном мы ощущаем время как что-то "становящееся все более и более поздним". Но в мышлении людей, говорящих на SAE, это отражается совсем иным путем, который не может быть назван субъективным, хотя и является мысленным. Я бы назвал его "объективизированным" или воображаемым, так как он основан на понятиях **внешнего** мира. В нем отражаются особенности нашей языковой системы. Наш язык не делает различия между числами, составленными из реально существующих предметов, и числами "самоисчисляемыми". Сама форма мышления обуславливает то, что в последнем случае числа составляются из каких-то предметов, так же как и в первом. Это и есть объективизация. Понятия времени теряют связь с субъективным восприятием "становящегося более поздним" и объективизируются в качестве исчисляемых количеств, т. е. отрезков, состоящих из отдельных величин, в частности длины, так как длина может быть реально разделена на дюймы. "Длина", "продолжительность" времени представляется как ряд одинаковых величин, подобно, скажем, ряду бутылок.

В языке хопи положение совершенно иное. Множественное число и количественные числительные употребляются только для обозначения тех предметов, которые образуют или могут образовать реальную группу. Там не существует воображаемых множественных чисел, вместо них употребляются порядковые числительные в единственном числе. Такое выражение, как ten days (десять дней), не употребляется. Эквивалентом ему служит выражение, указывающее на процесс счета. Таким образом, they stayed ten days (они пробыли десять дней) превращается в "они прожили до одиннадцатого дня", или "они уехали после десятого дня". Ten days is greater than nine days (десять дней - больше чем девять дней) превращается в "десятый день - позже девятого". Наше понятие "продолжительность времени" рассматривается не как фактическая продолжительность или протяженность, а как соотношение между двумя событиями, одно из которых произошло раньше другого. Вместо нашей лингвистически осмысленной объективизации той области сознания, которую мы называем "время", язык хопи не дал никакого способа, содержащего идею "становиться позднее", являющуюся сущностью понятия времени.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО В SAE И ХОПИ

Имеются два вида существительных, обозначающих материальные предметы: существительные, обозначающие отдельные предметы, и существительные, обозначающие вещества: water, milk, wood, granite, sand, flour, meat (вода, молоко, дерево, гранит, песок, мука, мясо). Существительные первой группы относятся к предметам, имеющим определенную форму: a tree, a stick, a man, a hill (дерево, палка, человек, холм). Существительные второй группы обозначают однородную массу, не имеющую четких границ. Существует и лингвистическое различие между этими двумя группами: у существительных первой группы отсутствует множественное число [4], в английском языке перед ними опускается артикль, во французском ставится партитивный артикль du, de, la, des. Это различие гораздо более ярко выступает в языке, чем в действительности. Очень немного можно представить себе как не имеющее границ: air (воздух), иногда water, rain, snow, sand, rock, dirt, grass (вода, дождь, снег, песок, горная порода, грязь, трава). Но butter, meat, cloth, iron, glass (масло, мясо, материя, железо, стекло), как и большинство им подобных веществ, встречаются не в "безграничном" количестве, а в виде больших или малых тел определенной формы. Различие это в какой-то степени навязано нам потому, что оно имеется в языке. В большинстве случаев это оказывается так неудобно, что приходится применять новые лингвистические способы, чтобы конкретизировать существительные второй группы. Отчасти это делается с помощью названий, обозначающих ту или иную форму: stick of wood, piece of cloth, pane of glass, cake of soap (брусочек

дерева, лоскут материала, кусок стекла, брусок мыла); гораздо чаще с помощью названий сосудов, в которых находятся вещества, хотя в данных случаях мы имеем в виду сами вещества: *glass of water, cup of coffee, dish of food, bag of flour, bottle of beer* (стакан воды, чашка кофе, тарелка пищи, мешок муки, бутылка пива). Эти обычные формулы, в которых *of* имеет явное значение "содержащий", способствовали появлению менее явных случаев употребления той же самой конструкции: *stick of wood, lump of dough* (обрубок дерева, ком теста) и т. д. В обоих случаях формулы одинаковы: существительное первой группы плюс один и тот же связывающий компонент (в английском языке предлог *of*). Обычно этот компонент обозначает содержание. В более сложных случаях он только "предполагает" содержание. Таким образом, предполагается, что *lumps, chunks, blocks, pieces* {комья, ломти, колоды, куски} содержат какие-то *stuff, substance, matter* (вещество, субстанцию, материю), которые соответствуют *water, coffee, flour* (воде, кофе, муке) в соответствующих формулах. Для людей, говорящих на SAE, философские понятия "субстанция" и "материя" несут в себе более простую идею; они воспринимаются непосредственно, они общепонятны. Это происходит благодаря языку. Законы наших языков часто заставляют нас обозначать материальный предмет словосочетанием, которое делит представление на бесформенное вещество плюс та или иная его конкретизация ("форма").

В хопи опять-таки все происходит иначе. Там есть строго ограниченный класс существительных. Но в нем нет особого подкласса - "материальных" существительных. Все существительные обозначают отдельные предметы и имеют и единственное и множественное число. Существительные, являющиеся эквивалентами наших "материальных" существительных, тоже относятся к телам с неопределенными, не имеющими четких границ формами. Но они имеют в виду неопределенность, а не отсутствие формы и размеров. В каждом конкретном случае *water* (вода) обозначает определенное количество воды, а не то, что мы называем "субстанцией воды". Абстрактность передается глаголом или предикативной формой, а не существительным. Так как все существительные относятся к отдельным предметам, нет необходимости уточнять их смысл названиями сосудов или различных форм, если, конечно, форма или сосуд не имеют особого значения в данном случае. Само существительное указывает на соответствующую форму или сосуд. Говорят не *a glass of water* (стакан воды), а *ka'yi* (вода), не *a pool of water* (лужа воды), а *pa'ha* [5], не *a dish of cornflour* (миска муки), а *həmni* (количество муки), не *a piece of meat* (кусок мяса), а *sikwi* (мясо). В языке хопи нет ни необходимости, ни соответствующих правил для обозначения понятия существования вещества как соединения бесформенного предмета и формы. Отсутствие определенной формы обозначается не существительными, а другими лингвистическими символами.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В SAE И ХОПИ

Такие термины, как *summer, winter, September, morning, moon, sunset* (лето, зима, сентябрь, утро, луна, заход солнца), которые у нас являются существительными и мало чем формально отличаются по форме от других существительных, могут быть подлежащими или дополнениями; мы говорим *at sunset* (на заходе солнца) или *in winter* (зимой), так же как мы говорим *at a corner* (на углу), *in the orchard* (в саду) [6]. Они образуют множественное число и исчисляются подобно тем существительным, которые обозначают предметы материального мира, о чем говорилось выше. Наше представление о явлениях, обозначаемых этими словами, таким образом объективизируется. Без объективизации оно было бы субъективным переживанием реального времени, т. е. сознания - *becoming later and later* (становление более поздним), проще говоря, - повторяющимся периодом, подобным предыдущему периоду в становлении все более поздней протяженности. Только в воображении можно представить себе подобный период рядом с другим таким же, создавая, таким образом, пространственную (мысленно представляемую) конфигурацию. Но сила языковой аналогии такова, что мы устанавливаем подобную объективизацию циклической периодизации. Это происходит даже в случае, когда мы говорим *a phase* (период) и *phases* (периоды) вместо, например, *phasing* (периодизация). Модель, охватывающая как существительные, обозначающие отдельные предметы, так и существительные, обозначающие вещества, результатом которого является двучленное словосочетание "бесформенное вещество плюс форма", настолько распространена, что подходит для всех существительных. Таким образом, такие общие понятия, как *substance, matter* (субстанция, материя), могут

заменить в данном словосочетании почти любое существительное. Но даже и они недостаточно обобщены, так как не могут включить в себя существительные, выражающие протяженность во времени. Для последних и появился термин *time* (время). Мы говорим *a time*, т. е. какой-то период времени, событие, исходя из правила о *mass nouns* (существительных, обозначающих вещества), подобно тому как *a summer* (некое лето) мы превращаем в *summer* (лето как общее понятие) по той же модели. Итак, используя наше двучленное словосочетание, мы можем говорить или представлять себе *a moment of time* (момент времени), *a second of time* (секунда времени), *a year of time* (год времени). Я считаю долгом еще раз подчеркнуть, что здесь точно сохраняется формула *a bottle of milk* (бутылка молока) или *a piece of cheese* (кусок сыра). И это помогает нам представить, что *a summer* реально содержит такое и такое-то количество *time*.

В хопи, однако, все "временные" термины, подобные *summer*, *morning* (лето, утро) и другие, являются не существительными, а особыми формами наречия, если употреблять терминологию SAE. Это особая часть речи, отличающаяся от существительных, глаголов и даже от других наречий в хопи. Они не являются формой местного или другого падежа, как *des Abends* (вечером) или *in the morning* (утром). Они не содержат морфем, подобных тем, которые есть в *in the house* (в доме) и *at the tree* (на дереве) [7]. Такое наречие имеет значение *when it's morning* (когда утро) или *while morning-phase is occurring* (когда период утра происходит). Эти *temporals* ("временные наречия") не употребляются ни как подлежащее, ни как дополнение, ни в какой-либо другой функции существительного. Нельзя сказать *it's a hot summer* (жаркое лето) или *summer is hot* (лето жарко); лето не может быть жарким, лето - это тогда, когда погода теплая, когда наступает жара. Нельзя сказать *this summer* (это лето), надо сказать *summer now* (теперь лето) или *summer recently* (недавно лето). Здесь нет никакой объективизации (например, указания на период, длительность, количество) субъективного чувства протяженности во времени. Ничто не указывает на время, кроме постоянного представления о *getting later* (становлении более позднем). Поэтому в этом языке и нет основания для создания абстрактного термина, подобного нашему *time*.

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В SAE И ХОПИ

Трехвременная система глагола в SAE оказывает влияние на все наши представления о времени. Эта система объединяется с той более широкой схемой объективизации субъективного восприятия длительности, которая уже отмечалась в других случаях - в двучленной формуле, применимой к существительным вообще, во "временных" (обозначающих время) существительных, во множественности и исчисляемости. Эта объективизация помогает нам мысленно "выстроить отрезки времени в ряд". Осмысление времени как ряда гармонирует с системой трех времен, однако система двух времен, "раннего" и "позднего", более точно соответствовала бы ощущению "длительности" в его реальном восприятии. Если мы сделаем попытку проанализировать сознание, мы найдем не прошедшее, настоящее и будущее, а сложный комплекс, включающий в себя все эти понятия. Они присутствуют в нашем сознании, неразрывно связанные друг с другом. В нашем сознании соединены чувственная и нечувственная стороны восприятия. Мы можем назвать чувственную сторону - то, что мы видим, слышим, осязаем - *the present* (настоящее), а другую сторону - обширную, воображаемую область памяти - обозначить *the past* (прошедшее), а область веры, интуиции и неопределенности - *the future* (будущее), но и чувственное восприятие, и память, и предвидение — все это существует в нашем сознании вместе; мы не можем обозначить одно как *yet to be* (еще не существующее), а другое как *once but no more* (существовало, но уже нет). В действительности реальное время отражается в нашем сознании как *getting later* (становиться позднее), как необратимый процесс изменения определенных отношений. В этом *latering* ("опозднении") или *durating* (протяженности во времени) и есть основное противоречие между самым недавним, позднейшим моментом, находящимся в центре нашего внимания, и остальными, предшествовавшими ему. Многие языки прекрасно обходятся двумя временными формами, соответствующими этому противоречивому отношению между *later* (позже) и *earlier* (раньше). Мы можем, конечно, создать и мысленно представить себе систему прошедшего, настоящего и будущего времени в объективизированной форме точек на линии. Именно к этому ведет нас наша общая тенденция к объективизации, что подтверждается системой времен в наших языках.

В английском языке настоящее время находится в наиболее резком противоречии с основным временным отношением. Оно как бы выполняет различные и не всегда вполне совпадающие друг с другом

функции. Одна из них заключается в том, чтобы обозначать нечто среднее между объективизированным прошедшим и объективизированным будущим в повествовании, аргументации, обсуждении, логике и философии. Вторая заключается в обозначении чувственного восприятия: I see him (я вижу его). Третья включает в себя констатацию общеизвестных истин: we see with our eyes (мы видим глазами). Эти различные случаи употребления вносят некоторую путаницу в наше мышление, чего мы в большинстве случаев не осознаем.

В языке хопи, как и можно было предполагать, это происходит иначе. Глаголы здесь не имеют времен, подобных нашим: вместо них употребляются формы утверждения (assertions), видовые формы и формы, связывающие предложения (наклонения), - все это придает речи гораздо большую точность. Формы утверждения обозначают, что говорящий (не субъект) сообщает о событии (это соответствует нашему настоящему и прошедшему), или что он предполагает, что событие произойдет (это соответствует нашему будущему) [8], или что он утверждает объективную истину (что соответствует нашему "объективному" настоящему). Виды определяют различную степень длительности и различные направления "в течение длительности". До сих пор мы не сталкивались ни с каким указанием на последовательность двух событий, о которых говорится. Необходимость такого указания возникает, правда, только тогда, когда у нас есть два глагола, т. е. два предложения. В этом случае наклонения определяют отношения между предложениями, включая предшествование, последовательность и одновременность. Кроме того, существует много отдельных слов, которые выражают подобные же отношения, дополняя наклонения и виды: функции нашей системы грамматических времен с ее линейным, трехчленным объективизированным временем распределены среди других глагольных форм, коренным образом отличающихся от наших грамматических времен; таким образом, в глаголах языка хопи нет (так же, как и в других категориях) основы для объективизации понятия времени; но это ни в коей мере не значит, что глагольные формы и другие категории не могут выражать реальные отношения совершающихся событий.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, ИНТЕНСИВНОСТЬ И НАПРАВЛЕННОСТЬ В SAE И ХОПИ

Для описания всего многообразия действительности любой язык нуждается в выражении длительности, интенсивности и направленности. Для SAE и для многих других языковых систем характерно описание этих понятий метафорически. Метафоры, применяемые при этом, - это метафоры пространственной протяженности, т. е. размера, числа (множественность), положения, формы и движения. Мы выражаем длительность словами: long, short, great, much, quick, slow (длинный, короткий, большой, многое, быстрый, медленный) и т. д.; интенсивность - словами: large, much, heavy, light, high, low, sharp, faint (много, тяжело, легко, высоко, низко, острый, слабый) и т. д. и направленность - словами: more, increase, grow, turn, get, approach, go, come, rise, fall, stop, smooth, even, rapid, slow (более, увеличиваться, расти, превращаться, становиться, приближаться, идти, приходиться, подниматься, падать, останавливаться, гладкий, равный, быстрый, медленный) и т. д. Можно составить почти бесконечный список метафор, которые мы едва ли осознаем как таковые, так как они практически являются единственно доступными лингвистическими средствами. Неметафорические средства выражения данных понятий, такие, как early, late, soon, lasting, intense, very (рано, поздно, скоро, длительный, напряженный, очень), настолько малочисленны, что ни в коей мере не могут быть достаточными.

Ясно, каким образом создалось такое положение. Оно является частью всей нашей системы - **объективизации**, мысленного представления качеств и потенциалов как пространственных, хотя они не являются на самом деле пространственными (насколько это ощущается нашими чувствами). Значение существительных (в SAE), отталкиваясь от названий физических тел, идет к обозначениям совершенно иного характера. А так как физические тела и их форма в видимом пространстве обозначаются терминами, относящимися к форме и размеру, и исчисляются разного рода числительными, такие способы обозначения и исчисления переходят в символы, лишённые пространственного значения и предполагающие **воображаемое пространство**. Физические явления: move, stop, rise, sink, approach (двигаться, останавливаться, подниматься, опускаться, приближаться) и т. д. - в видимом пространстве вполне соответствуют, по нашему мнению, их обозначениям в мыслимом пространстве. Это зашло так далеко, что мы постоянно обращаемся к метафорам, даже когда говорим о простейших непространственных ситуациях.

“Я “схватываю” “нить” рассуждении моего собеседника, но, если их “уровень” слишком “высок”, мое внимание может “рассеяться” и “потерять связь” с их “течением”, так что, когда мы “приходим” к конечному “пункту”, мы “далеко расходимся” во мнениях, наши “взгляды” так “отстоят” друг от друга, что “вещи”, о которых он говорит, “представляются” очень условными или даже “нагромождением чепухи”.

Поражает полное отсутствие такого рода метафор в хопи. Употребление слов, выражающих пространственные отношения, когда таких отношений на самом деле нет, просто невозможно в хопи, на них в этом случае как бы наложен абсолютный запрет. Причина становится ясной, если принять во внимание, что в языке хопи есть многочисленные грамматические и лексические средства для описания длительности, интенсивности и направления как таковых, а грамматические законы в нем не приспособлены для проведения аналогий с мыслимым пространством. Многочисленные виды глаголов выражают длительность и направленность тех или иных действий, в то время как некоторые формы залогов выражают интенсивность, направленность и длительность причин и факторов, вызывающих эти действия. Далее, особая часть речи, интенсификаторы (the tensors), многочисленнейший класс слов, выражает только интенсивность, направленность, длительность и последовательность. Основная функция этой части речи - выражать степень интенсивности, “силу”, в каком состоянии она находится и как выражается; таким образом, общее понятие интенсивности, рассматриваемое с точки зрения постоянного изменения, с одной стороны, и непрерывности - с другой, включает в себя также и понятия направленности и длительности. Эти особые временные формы - интенсификаторы - указывают на различия в степени, скорости, непрерывности, повторяемости, увеличения и уменьшения интенсивности, прямой последовательности, последовательности, прерванной некоторым интервалом времени, и т. д., а также на **качества** напряженности, что мы бы выразили метафорически посредством таких слов, как smooth, even, hard, rough (гладкий, ровный, твердый, грубый).

Поражает полное отсутствие в этих формах сходства со словами, выражающими реальные пространственные отношения и движения, которые для нас значат одно и то же. В них почти нет следов непосредственной деривации от пространственных терминов [9].

Таким образом, хотя хопи в отношении существительных кажется предельно конкретным языком, в формах интенсификаторов он достигает такой абстрактности, что она почти превышает наше понимание.

НОРМЫ МЫШЛЕНИЯ В SAE И ХОПИ

Сравнение, проводимое между нормами мышления людей, говорящих на языках SAE, и нормами мышления людей, говорящих на языке хопи, не может быть, конечно, исчерпывающим. Оно может лишь коснуться некоторых отчетливо проявляющихся особенностей, которые, по-видимому, происходят в результате языковых различий, уже отмечавшихся выше. Под нормами мышления, или “мыслительным миром”, разумеются более широкие понятия, чем просто язык или лингвистические категории. Сюда включаются и все связанные с этими категориями аналогии, все, что они с собой вносят (например, наше “мыслимое пространство” или то, что под этим может подразумеваться), все взаимодействие между языком и культурой в целом, в котором многие факторы, хотя они и не относятся к языку, указывают на его формирующее влияние. Иначе говоря, этот “мыслительный мир” является тем микрокосмом, который каждый человек несет в себе и с помощью которого он пытается измерить и понять макрокосм.

Микрокосм SAE, анализируя действительность, использовал, главным образом слова, обозначающие предметы (тела и им подобные), и те виды протяженного, но бесформенного существования, которые называются “субстанцией” или “материей”. Он стремится увидеть действительность через двучленную формулу, которая выражает все сущее как пространственную форму плюс пространственная бесформенная непрерывность, соотносящаяся с формой, как содержимое соотносится с формой содержащего. Непространственные явления мыслятся как пространственные, несущие в себе те же понятия формы и непрерывности.

Микрокосм хопи, анализируя действительность, использует главным образом слова, обозначающие явления (events или, точнее, eventing), которые рассматриваются двумя способами:

объективно и субъективно. Объективно - и это только в отношении к непосредственному физическому восприятию - явления обозначаются главным образом с точки зрения формы, цвета, движения и других непосредственно воспринимаемых признаков. Субъективно как физические, так и нефизические явления рассматриваются как выражение невидимых факторов силы, от которой зависит их незыблемость и постоянство или их непрочность и изменчивость. Это значит, что не все явления действительности одинаково становятся "все более и более поздними". Одни развиваются, вырастая как растения, вторые рассеиваются и исчезают, третьи подвергаются процессу превращения, четвертые сохраняют ту же форму, пока на них не воздействуют мощные силы. В природе каждого явления, способного проявляться как единое целое, заключена сила присущего ему способа существования: его рост, упадок, стабильность, повторяемость или продуктивность. Таким образом, все уже подготовлено ранними стадиями к тому, как явление проявляется в данный момент, а чем оно станет позже - частично уже подготовлено, а частично еще находится в процессе "подготовки". В этом взгляде на мир как на нечто находящееся в процессе какой-то подготовки заключается для хопи особый смысл и значение, соответствующее, возможно, тому "свойству действительности", которое "материя" или "вещество" имеет для нас.

НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ХОПИ

Поведение людей, говорящих на SAE, как и поведение людей, говорящих на хопи, очевидно, многими путями соотносится с лингвистически обусловленным микрокосмом. Как можно было наблюдать при регистрации случаев пожара, в той или иной ситуации люди ведут себя соответственно тому, как они об этом говорят. Для поведения хопи характерно то, что они придают особое значение подготовке. О событии объявляется, и к нему начинается подготовка задолго до того, как оно должно произойти, разрабатываются соответствующие меры предосторожности, обеспечивающие желаемые условия, и особое значение придается доброй воле как силе, способной подготовить нужные результаты. Возьмем способы исчисления времени. Время исчисляется главным образом "днями" (talk-tala) или "ночами" (tok), причем эти слова являются не существительными, а особой частью речи (tensors); первое слово образовано от корня со значением "свет", второе - от корня со значением "спать". Счет ведется порядковыми числительными. Этот способ счета не применяется к группе различных людей или предметов, даже если они следуют друг за другом, ибо даже в этом случае они могут объединяться в группу. Но этот способ применяется по отношению к последовательному появлению того же самого человека или предмета, не способных объединиться в группу. "Несколько дней" воспринимается не так, как "несколько людей", к чему как раз склонны наши языки, а как последовательное появление **одного и того же человека**. Мы не можем изменить сразу нескольких человек, воздействуя на одного, но Мы можем подготовить и таким образом изменить последующие появления того же самого человека, воздействуя на его появление в данный момент. Так хопи рассматривают будущее - они действуют в данной ситуации так или иначе, полагая, что это окажет влияние, как очевидное, так и скрытое, на предстоящее событие, которое их интересует. Можно было бы сказать, что хопи понимают нашу поговорку "Well begun is half done" ("Хорошее начало - это уже половина дела"), но не понимают нашу другую поговорку "Tomorrow is another day" ("Завтра - это уже новый день").

Это многое объясняет в характере хопи. Что-то подготавливающее поведение хопи всегда можно грубо разделить на объявление, внешнюю подготовку, внутреннюю подготовку, скрытое участие и настойчивое проведение в жизнь. Объявление или предварительное обнародование является важной обязанностью особого официального лица - Главного Глашатая. Внешняя подготовка охватывает широкую, открытую для всех деятельность, в которой не все, с нашей точки зрения, является непосредственно полезным. Сюда входят обычная деятельность, репетиция, подготовка, предварительные формальности, приготовление особой пищи и т. п. (все это делается с такой тщательностью, которая может показаться нам чрезмерной), интенсивно поддерживаемая физическая деятельность, например бег, состязания, танцы, которые якобы способствуют интенсивности развития событий (скажем, росту посевов), мимикрическая и прочая магия, действия, основанные на таинствах, с применением особых атрибутов, как например священные палочки, перья, пища и, наконец, танцы и церемонии, якобы подготавливающие дождь и урожай.

От одного из глаголов, означающих "подготовить", образовано существительное "жатва", или "урожай", na'twani - то, что подготовлено, или то, что готовится [10].

Внутренней подготовкой являются молитва и размышление и в меньшей степени добрая воля и пожелания хороших результатов. Хопи придают особое значение силе желания и мысли. Это вполне естественно для их микрокосма. Желание и мысль являются самой первой и потому важнейшей, решающей стадией подготовки. Более того, с точки зрения хопи, наши желания и мысли влияют не только на наши поступки, но также и на всю природу. Это также понятно. Мы сами сознаем, ощущаем усилие и энергию, которые вложены в желание и мысль. Опыт более широкий, чем опыт языка, говорит о том, что, если расходуется энергия, достигаются результаты. Мы склонны думать, что мы в состоянии остановить действие этой энергии, помешать ей воздействовать на окружающее до тех пор, пока мы не приступили к физическим действиям. Но мы думаем так только потому, что у нас есть лингвистическое основание для теории, согласно которой элементы окружающего мира, лишённые формы, как например "материя", являются вещами в себе, воспринимаемыми только посредством подобных же элементов и благодаря этому отделимыми от жизненных и духовных сил. Считать, что мысль связывает все, охватывает всю вселенную, не менее естественно, чем думать, как мы все это делаем, так о свете, зажженном на улице. И естественно предположить, что мысль, как и всякая другая сила, всегда оставляет следы своего воздействия. Так, например, когда мы думаем о каком-то кусте роз, мы не предполагаем, что наша мысль направляется к этому кусту и освещает его подобно направленному на него прожектору. С чем же тогда имеет дело наше сознание, когда мы думаем о кусте роз? Может быть, мы полагаем, что оно имеет дело с "мысленным представлением", которое является не кустом роз, а лишь его мысленным заменителем? Но почему представляется естественным думать, что наша мысль имеет дело с суррогатом, а не с подлинным розовым кустом? Возможно, потому, что в нашем сознании всегда присутствует некое воображаемое пространство, наполненное мысленными суррогатами. Мысленные суррогаты - знакомое нам средство. Данный, реально существующий розовый куст мы воспринимаем как воображаемый наряду с образами мыслимого пространства, возможно, именно потому, что для него у нас есть такое удобное "место". "Мыслительный мир" хопи не знает воображаемого пространства. Отсюда следует, что они не могут связать мысль о реальном пространстве с чем-либо иным, кроме реального пространства, или отделить реальное пространство от воздействия мысли. Человек, говорящий на языке хопи, стал бы, естественно, предполагать, что его мысль (или он сам) путешествует вместе с розовым кустом или, скорее, с ростком маиса, о котором он думает. Мысль эта в таком случае должна оставить какой-то след и на растении в поле. Если это хорошая мысль, мысль о здоровье или росте, - это хорошо для растения, если плохая, - плохо.

Хопи подчеркивает интенсифицирующее значение мысли. Для того чтобы мысль была наиболее действенной, она должна быть живой в сознании, определенной, постоянной, доказанной, полной ясно ощущаемых добрых намерений. По-английски это может быть выражено как "concentrating, holding it in your heart, putting your mind on it, earnestly hoping" ("сосредоточиваться, сохранять в своем сердце, направлять свой разум, горячо надеяться"). Сила мысли - это та сила, которая стоит за церемониями со священными палочками, обрядовыми курениями и т. п. Священная трубка рассматривается как средство, помогающее "сосредоточиться" (так сообщил мне информант). Ее название na'twanpi значит "средство подготовки".

Скрытое участие есть мысленное соучастие людей, которые фактически не действуют в данной операции, что бы это ни было: работа, охота, состязание или церемония, - они направляют свою мысль и добрую волю к достижению успеха предпринятого. Объявлением часто стремятся обеспечить поддержку подобных мысленных помощников, так же как и действительных участников, - в нем содержится призыв к людям помочь своей доброй волей [11]. Это напоминает сочувствующую аудиторию или подбадривающих болельщиков на футбольном матче, и это не противоречит тому, что от скрытых соучастников ожидается прежде всего сила направленной мысли, а не просто сочувствие или поддержка. В самом деле, ведь основная работа скрытых соучастников начинается до игры, а не во время нее. Отсюда и сила злого умысла, т. е. мысли, несущей зло; отсюда одна из целей скрытого соучастия - добиться массовых усилий многих доброжелателей, чтобы противостоять губительной мысли недоброжелателей. Подобные взгляды

очень способствуют развитию чувства сотрудничества и солидарности. Это не значит, что в обществе хопи нет соперничества или столкновения интересов. В качестве противодействия тенденции к общественной разобщенности в такой небольшой изолированной группе теория "подготовки" силой мысли, логически ведущая к усилению объединенной, интенсифицированной и организованной мысли всего общества, должна действовать в значительной степени как сила сплачивающая, несмотря на частные столкновения, которые наблюдаются в селениях хопи во всех основных областях их культурной деятельности.

"Подготавливающая" деятельность хопи еще раз показывает действие лингвистической мыслительной среды, в которой особенно подчеркивается роль упорства и постоянного неустанный повторения. Ощущение силы всей совокупности бесчисленных единичных энергий притупляется нашим объективизированным пространственным восприятием времени, которое усиливается мышлением, близким к субъективному восприятию времени как непрерывному потоку событий, расположенных на "временной линии". Нам, для которых время есть движение в пространстве, кажется, что неизменное повторение теряет свою силу на отдельных отрезках этого пространства. С точки зрения хопи, для которых время есть не движение, а "становление более поздним" всего, что когда-либо было сделано, неизменное повторение не растрчивает свою силу, а накапливает ее. В нем нарастает невидимое изменение, которое передается более поздним событиям [12]. Это происходит так, как будто возвращение дня воспринимается так же, как возвращение того же самого лица, ставшего немного старше, но несущего все признаки прошедшего дня. Мы воспринимаем его не как "другой день", т. е. не как совсем другое "лицо". Этот принцип, соединенный с принципом силы мысли и общим характером культуры пуэбло, выражен как в передаче смысла церемониального танца хопи, призванного вызывать дождь и урожай, так и в его коротком дробном ритме, повторяемом тысячи раз в течение нескольких часов.

НЕКОТОРЫЕ СЛЕДЫ ВЛИЯНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Обрисовать в нескольких словах лингвистическую обусловленность некоторых черт нашей собственной культуры труднее, чем в культуре хопи. Это происходит потому, что трудно быть объективным, когда анализируются знакомые, глубоко укоренившиеся в сознании явления. Я бы хотел только дать приблизительный набросок того, что свойственно нашей лингвистической двучленной формуле - форма + лишенное формы "вещество", или "субстанция", нашей метафоричности, нашему мыслительному пространству и нашему объективизированному времени. Все это, как мы уже видели, относится к языку.

Философские взгляды, наиболее традиционные и характерные для "западного мира", во многом основываются на двучленной формуле - форма + содержание. Сюда относится материализм, психофизический параллелизм, физика - по крайней мере в ее традиционной - ньютоновской - форме и дуалистические взгляды на вселенную в целом. По существу сюда относится почти все, что можно назвать "твердым, практическим, здравым смыслом". Монизм, холизм и релятивизм во взглядах на действительность близки философам и некоторым ученым, но они с трудом укладываются в рамки "здравого смысла" среднего западного человека не потому, что их опровергает сама природа (если бы это было так, философы бы открыли это), но потому, что, для того чтобы о них говорить, требуется какой-то новый язык. "Здравый смысл", как показывает само название, и "практичность", название которой ничего не показывает, составляют содержание такой речи, в которой все легко понимается. Иногда утверждают, что ньютоновские пространство, время и материя ощущаются всеми интуитивно, в то время как относительность приводится как доказательство того, как математический анализ опровергает интуицию. Данное суждение, не говоря уже о его несправедливости по отношению к интуиции, является попыткой, не задумываясь, ответить на первый вопрос, поставленный в начале этой работы, и ради которого было предпринято данное исследование. Изложение соображений и наблюдений почти исчерпано, и ответ, я думаю, ясен. Импровизированный ответ, возлагающий всю вину за нашу медлительность в постижении таких тайн космоса, как, например, относительность, на интуицию, является ошибочным. Правильно ответить на этот вопрос следует так: ньютоновские понятия пространства, времени и материи не есть данные интуиции. Они даны культурой и языком. Именно из этих источников и взял их Ньютон.

Наше объективизированное представление о времени соответствует историчности и всему, что связано с регистрацией фактов, в то время как представление хопи о времени противоречит этому.

Представление хопи о времени слишком тонко, сложно и постоянно развивается, оно не дает готового ответа на вопрос о том, когда "одно" событие кончается и "другое" начинается. Если считать, что все, что когда-либо произошло, продолжается и теперь, но обязательно в форме, отличной от того, что дает память или запись, то ослабляется стремление изучать прошлое. Настоящее же не записывается, а рассматривается как "подготовка". А наше объективизированное время вызывает в представлении что-то вроде ленты или свитка, разделенного на равные отрезки, которые должны быть заполнены записями. Письменность, несомненно, способствовала нашей языковой трактовке времени, даже если это последнее направляло использование письменности. Благодаря этому взаимобмену между языком и всей культурой мы получаем, например:

1. Записи, дневники, бухгалтерию, счетоводство, математику, стимулированную счетом.
2. Интерес к точной последовательности - датировку, календари, хронологию, часы, исчисление зарплаты по затраченному времени, измерение времени, время, как оно применяется в физике.
3. Летописи, хроники - историчность, интерес к прошлому, археологию, проникновение в прошлые периоды, как оно выражено в классицизме и романтизме.

Подобно тому как мы представляем себе наше объективизированное время простирающимся в будущем так же, как оно простирается в прошлом, наше представление о будущем складывается на основании записей прошлого, и по этому образцу мы вырабатываем программы, расписания, бюджеты. Формальное равенство якобы пространственных единиц, с помощью которых мы измеряем и воспринимаем время, ведет к тому, что мы рассматриваем "бесформенное явление" или "субстанцию" времени как нечто однородное и пропорциональное по отношению к какому-то числу единиц. Поэтому стоимостями мы исчисляем пропорционально затраченному времени, что приводит к созданию целой экономической системы, основанной на стоимости, соотношенной со временем: заработная плата (количество затраченного времени постоянно вытесняет количество вложенного труда); квартирная плата, кредит, проценты, издержки по амортизации и страховые премии. Конечно, это некогда созданная обширная система продолжала бы существовать при любом лингвистическом понимании времени, но сам факт ее создания, обширность и та особая форма, которая ей присуща в западном мире, находятся в полном соответствии с категориями языков SAE. Трудно сказать, возможна была бы или нет цивилизация, подобная нашей, с иным лингвистическим пониманием времени; нашей цивилизации присущи определенные лингвистические категории и нормы поведения, складывающиеся на основании данного понимания времени, и они полностью соответствуют друг другу. Конечно, мы употребляем календари, различные часовые механизмы, мы пытаемся все более и более точно измерять время, это помогает науке, и наука в свою очередь, следуя этим, хорошо разработанным путям, возвращает культуре непрерывно растущий арсенал приспособлений, навыков и ценностей, с помощью которых культура снова направляет науку. Но что находится за пределами этой спирали? Наука начинает находить что-то во вселенной, что не соответствует представлениям, которые мы выработали в пределах этой спирали. Она пытается создать новый язык, чтобы с его помощью установить связь с расширившимся миром.

Ясно, что особое значение, которое придается "экономии времени", вполне понятное на фоне всего вышесказанного и представляющее очевидное выражение объективизации времени, приводит к тому, что "скорость" приобретает высокую ценность, и это отчетливо проявляется в нашем поведении.

Влияние данного понимания времени на наше поведение заключается еще и в том, что характер однообразия и регулярности, присущей нашему представлению о времени как о ровно вымеренной безграничной ленте, заставляет нас вести себя так, как будто это однообразие присуще и событиям. Это еще более усиливает нашу косность. Мы склонны отбирать и предпочитать все то, что соответствует данному взгляду, мы как будто приспособляемся к этой установившейся точке зрения на существующий мир. Это проявляется, например, в том, что в своем поведении мы исходим из ложного чувства уверенности, верим в то, что все всегда будет идти гладко, и не способны предвидеть опасности и предотвращать их. Наше стремление подчинить себе энергию вполне соответствует этому установившемуся взгляду, и, развивая технику, мы идем все теми же привычными путями. Так, например, мы как будто совсем не заинтересованы в том, чтобы помешать действию энергии, которая вызывает несчастные случаи,

пожары и взрывы, происходящие постоянно и в широких масштабах. Такое равнодушие к непредвиденному в жизни было бы катастрофическим в обществе, столь малочисленном, изолированном и постоянно подвергающемся опасностям, каким является, или, вернее, являлось, общество хопи.

Таким образом, наш лингвистически детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но захватывает даже наши, собственно, подсознательные действия в сферу своего влияния и придает им некоторые типические черты. Это проявляется, как мы видели, в небрежности, с какой мы, например, обычно водим машины, или в том, что мы бросаем окурки в корзину для бумаги. Типичным проявлением этого влияния, но уже в несколько ином плане, является наша жестикация во время речи. Очень многие из жестов, характерных по крайней мере для людей, говорящих по-английски, а возможно и для всей группы SAE, служат для иллюстрации, с помощью движения в пространстве, по существу не пространственных понятий, а каких-то внепространственных представлений, которые наш язык трактует с помощью метафор мыслимого пространства: мы скорее склонны сделать хватательный жест, когда мы говорим о желании поймать ускользающую мысль, чем когда говорим о том, чтобы взяться за дверную ручку. Жест стремится передать метафору, туманное высказывание сделать более ясным. Но если язык, имея дело с непространственными понятиями, обходится без пространственной аналогии, жест не сделает непространственное понятие более ясным. Хопи очень мало жестикулируют, а в том смысле, как понимаем жест мы, они не жестикулируют совсем.

Казалось бы, кинестезия, или ощущение физического движения тела, хотя она и возникла до языка, должна сделаться значительно более осознанной через лингвистическое употребление воображаемого пространства и метафорическое изображение движения. Кинестезия характеризует две области европейской культуры - искусство и спорт. Скульптура, в которой Европа достигла такого мастерства (так же как и живопись), является видом искусства в высшей степени кинестетическим, ярко передающим ощущение движения тела. Танец в нашей культуре выражает скорее наслаждение движением, чем символику или церемонию, а наша музыка находится под сильным влиянием формы танца. Этот элемент "поэзии движения" в большой степени проникает и в наш спорт. В состязаниях и спортивных играх хопи на первый план ставится, пожалуй, выносливость и сила выдержки. Танцы хопи в высшей степени символичны и исполняются с большой напряженностью и серьезностью, но в них мало движения и ритма.

Синестезия, или возможность восприятия с помощью органов какого-то одного чувства, явлений, относящихся к области другого, например восприятие цвета или света через звуки, и наоборот, должна была бы сделаться более осознанной благодаря лингвистической метафорической системе, которая передает непространственное представление с помощью пространственных терминов, хотя, вне всяких сомнений, она возникает из более глубокого источника. Возможно, первоначально метафора возникает из синестезии, а не наоборот, но, как показывает язык хопи, метафора не обязательно должна быть тесно связана с лингвистическими категориями. Непространственному восприятию присуще одно, хорошо организованное чувство - слух, обоняние же и вкус менее организованны. Непространственное восприятие - это главным образом сфера мысли, чувства и звука. Пространственное восприятие - это сфера света, цвета, зрения и осязания, и оно дает нам формы и измерения. Наша метафорическая система, называя непространственные восприятия по образцу пространственных, приписывает звукам, запахам и звуковым ощущениям, чувствам и мыслям такие качества, как цвет, свет, форму, контуры, структуру и движение, свойственные пространственному восприятию. Этот процесс в какой-то степени обратим, ибо, если мы говорим: высокий, низкий, резкий, глухой, тяжелый, чистый, медленный звук, нам уже нетрудно представлять пространственные явления как явления звуковые. Так, мы говорим о "тонах" цвета, об "однотонном" сером цвете, о "кричащем" галстуке, о "вкусе" в одежде - все это составляет обратную сторону пространственных метафор. Для европейского искусства характерно нарочитое обыгрывание синестезии. Музыка пытается вызвать в воображении целые сцены, цвета, движение, геометрические узоры; живопись и скульптура часто сознательно руководствуются музыкально-ритмическими аналогиями; цвета ассоциируются по аналогии с ощущениями созвучия и диссонанса. Европейский театр и опера стремятся к синтезу многих видов искусства. Возможно, именно таким способом наш метафорический язык,

который неизбежно несколько искажает мысль, достигает с помощью искусства важного результата - создания более глубокого эстетического чувства, ведущего к более непосредственному восприятию единства, лежащего в основе явлений, которые в таких разнообразных и разрозненных формах даются нам через наши органы чувств.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Как исторически создается такое сплетение между языком, культурой и нормами поведения? Что было первичным? Нормы языка или нормы культуры?

В основном они развивались вместе, постоянно влияя друг на друга. Но в этом взаимовлиянии природа языка является тем фактором, который ограничивает свободу и гибкость этого взаимовлияния и направляет его развитие строго определенными путями. Это происходит потому, что язык является системой, а не просто комплексом норм. Структура большой системы поддается существенному изменению только очень медленно, в то время как во многих других областях культуры изменения совершаются сравнительно быстро. Язык, таким образом, отражает массовое мышление; он реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, в то время как в сознании производящих эти изменения это происходит моментально.

Возникновение комплекса язык-культура SAE относится к древним временам. Многие из его метафорической трактовки непространственного посредством пространственного утвердилось в древних языках, в частности в латыни. Это даже можно назвать отличительной чертой латинского языка. Сравнивая его, скажем, с древнееврейским языком, мы видим, что если для древнееврейского языка и характерно некоторое отношение к непространственному как к пространственному, - для латыни это характерно в большей степени. Латинские термины для непространственных понятий, как-то: *educio*, *religio*, *principia*, *comprehendo*, - это обычно метафоризованные физические понятия: вывести, связывать и т. д. Это относится не ко всем языкам, это совсем не относится к хопи. Тот факт, что в латыни направление развития шло от пространственного к непространственному (отчасти вследствие столкновения интеллектуально неразвитых римлян с греческой культурой, давшего новый стимул к абстрактному мышлению) и что более поздние языки стремились подражать латинскому, способствовал, возможно, появлению теории, которой еще и теперь придерживаются некоторые лингвисты, что это естественное направление семантического изменения во всех языках, а также явился причиной твердо укоренившегося в западных научных кругах убеждения (которое не разделяется учеными Востока), что объективные восприятия первичны по отношению к субъективным. Некоторые философские доктрины представляют убедительные доказательства в пользу противоположного взгляда, и, конечно, иногда процесс идет в обратном направлении. Так можно, например, доказать, что в хопи слово, обозначающее "сердце", является поздним образованием, созданным от корня, означающего "думать" или "помнить". То же самое происходит со словом "radio" (радио), если мы сравним значение слова "radio" (радио) в предложении "He bought a new radio" (Он купил новое радио) с его первичным значением "Science of wireless telephony" (Наука о беспроводной телефонии).

В средние века влияние языковых категорий, уже выработанных в латыни, стало переплетаться со все увеличивающимся влиянием изобретений в механике, влиянием торговли и схоластической и научной мысли. Потребность в измерениях в промышленности и торговле, склады и грузы материалов в различных контейнерах, типовые вместилища для разных товаров, стандартизация единиц измерения, изобретение часового механизма и измерение "времени", ведение записей, счетов, хроник, рост математики и соединение прикладной математики с наукой - все это, вместе взятое, привело наше мышление и язык к их современному состоянию.

В истории хопи, если бы мы могли прочесть ее, мы нашли бы иной тип языка и иной характер взаимовлияния культуры и окружающей среды. Мирное земледельческое общество, изолированное географически положением и врагами-кочевниками, обитающее на земле, бедной осадками, земледелие на сухой почве, способное принести плоды только в результате чрезвычайного упорства (отсюда то значение, которое придается настойчивости и повторению), необходимость сотрудничества (отсюда та роль, которую играет психология коллектива и психологические факторы вообще), зерно и дождь как исходные критерии ценности, необходимость усиленной **подготовки** и мер предосторожности для обеспечения урожая на

скудной почве при неустойчивом климате, ясное сознание зависимости от угодной природе молитвы и религиозное отношение к силам природы, особенно молитва и религия, направленные к вечно необходимому благу - дождю, - все это, взаимодействуя с языковыми нормами хопи, формирует их характер и мало-помалу создает определенное мировоззрение.

Чтобы подвести итог всему вышесказанному относительно первого вопроса, поставленного вначале, можно, следовательно, сказать так: понятия "времени" и "материи" не даны из опыта всем людям в одной и той же форме. Они зависят от природы языка или языков, благодаря употреблению которых они развились. Они зависят не столько **от какой-либо одной системы** (как-то: категории времени или существительного) в пределах грамматической структуры языка, сколько от способов анализа и обозначения восприятия, которые закрепляются в языке как отдельные "манеры речи" и которые накладываются на типические грамматические категории так, что подобная "манера" может включать в себя лексические, морфологические, синтаксические и т. п., в других случаях совершенно несовместимые средства языка, соотносящиеся друг с другом в определенной форме последовательности.

Наше собственное "время" существенно отличается от "длительности" у хопи. Оно воспринимается нами как строго ограниченное пространство или иногда как движение в таком пространстве и соответственно используется как категория мышления. "Длительность" у хопи не может быть выражена в терминах пространства и движения, ибо именно в этом понятии заключается отличие формы от содержания и сознания в целом от отдельных пространственных элементов сознания. Некоторые понятия, явившиеся результатом нашего восприятия времени, как например понятие абсолютной одновременности, было бы или очень трудно или невозможно выразить в языке хопи, или они были бы бессмысленны в восприятии хопи и были бы заменены какими-то иными, более приемлемыми для них понятиями. Наше понятие "материи" является физическим подтипом "субстанции" или "вещества", которое мыслится как что-то бесформенное и протяженное, что должно принять какую-то определенную форму, прежде чем стать формой действительного существования. В хопи, кажется, нет ничего, что бы соответствовало этому понятию; там нет бесформенных протяженных элементов; существующее может иметь, а может и не иметь формы, но зато ему должны быть свойственны интенсивность и длительность - понятия, не связанные с пространством и в своей основе однородные.

Но как же следует рассматривать наше понятие "пространства", которое также включалось в первый вопрос? В понимании пространства между хопи и SAE нет такого отчетливого различия, как в понимании времени, и, возможно, понимание пространства дается в основном в той же форме через опыт, независимый от языка. Эксперименты, проведенные структурной психологической школой (Gestaltpsychologie) над зрительными восприятиями, как будто уже установили это, но понятие **пространства** несколько варьируется в языке, ибо как категория мышления [13] оно очень тесно связано с параллельным использованием других категорий мышления, таких, например, как "время" и "материя", которые обусловлены лингвистически. Наш глаз видит предметы в тех же пространственных формах, как их видит и хопи, но для нашего представления о пространстве характерно еще и то, что оно используется для обозначения таких непространственных отношений, как время, интенсивность, направленность; и для обозначения вакуума, наполняемого воображаемыми бесформенными элементами, один из которых может быть назван "пространство". Пространство в восприятии хопи не связано психологически с подобными обозначениями, оно относительно "чисто", т. е. никак не связано с непространственными понятиями.

Обратимся к нашему второму вопросу. Между культурными нормами и языковыми моделями есть связи, но нет корреляций или прямых соответствий. Хотя было бы невозможно объяснить существование Главного Глашатая отсутствием категории времени в языке хопи, вместе с тем, несомненно, наличествует связь между языком и остальной частью культуры общества, которое этим языком пользуется. В некоторых случаях "манеры речи" составляют неотъемлемую часть всей культуры, хотя это и нельзя считать общим законом, и существуют связи между применяемыми лингвистическими категориями, их отражением в поведении людей и теми разнообразными формами, которые принимает развитие культуры. Так, например, значение Главного Глашатая, несомненно, связано если не с отсутствием грамматической категории времени, то с той системой мышления, для которой характерны категории, отличающиеся от

наших времен. Эти связи обнаруживаются не столько тогда, когда мы концентрируем внимание на чисто лингвистических, этнографических или социологических данных, сколько тогда, когда мы изучаем культуру и язык (при этом только в тех случаях, когда культура и язык сосуществуют исторически в течение значительного времени) как нечто целое, в котором можно предполагать взаимозависимость между отдельными областями, и если эта взаимозависимость действительно существует, она должна быть обнаружена в результате такого изучения.

Примечания

1. B. Whorf, *The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language* (1939). Перепечатано в книге B. Whorf, *Language, Thought and Reality*, New-York, 1956. Перевод Л. Н. Натан и Е. С. Турковой.

2. У нас есть масса доказательств того, что это не так. Достаточно только сравнить хопи и уте с языками, обладающими таким сходством в области лексики и морфологии, как, скажем, английский и немецкий. Идея взаимосвязи между языком и культурой в общепринятом смысле этого слова, несомненно, является ошибочной.

3. Так, говоря "десять одновременно", мы показываем, что в нашем языке и мышлении мы воспроизводим факт восприятия множественного числа в терминах понятия времени, о языковом выражении которого будет сказано ниже.

4. Не является исключением из этого правила (отсутствия множественного числа) и тот случай, когда лексема существительного, обозначающего вещество, совпадает с лексемой "отдельного" существительного, которое, несомненно, имеет форму множественного числа, так, например, *stone* (не имеет множественного числа) совпадает с *stone* (мн. ч. - *stones*). Множественное число, обозначающее различные сорта, например *wines*, представляет собой нечто отличающееся от настоящего множественного числа; такие существительные являются своеобразным ответвлением от "материальных" существительных в SAE, образуя особую группу, изучение которой не является задачей данной работы.

5. В хопи есть два слова для обозначения количества воды: *ka'yü* и *pa'hé*. Разница между ними примерно та же, что и между *stone* и *rock* в английском языке: *pa'hé* обозначает больший размер и *wildness* (природность, естественность); текущая вода, независимо от того, в помещении она или в природе, будет *pa'hé*, так же как и *moisture* (влага). Но в отличие от *stone* и *rock* разница здесь существенная, не зависящая от контекста, и одно слово не может заменять другое.

6. Конечно, существуют некоторые незначительные отличия от других существительных в английском языке, например в употреблении артиклей.

7. *Year* (год) и некоторые словосочетания *year* с названиями времен года, а иногда и сами названия времен года могут встречаться с "локальной" морфемой *at*, но это является исключением. Такие случаи могут быть или историческими напластованиями ранее действовавших законов языка, или вызываются аналогией с английским языком.

8. "Предполагающие" и "утверждающие" суждения сопоставляются друг с другом согласно "основному временному отношению". "Предполагающие" выражают ожидание, существующее раньше, чем произошло само событие, и совпадают с этим событием позже, чем об этом заявляет говорящий, положение которого во времени включает в себя весь итог прошедшего, выраженного в данном сообщении. Наше понятие "будущее", оказывается, выражает одновременно то, что было раньше, и то, что будет позже, как видно из сравнения с языком хопи. Этот порядок указывает, насколько трудна для понимания тайна реального времени и каким искусственным является ее изображение в виде линейного отношения: прошедшее - настоящее - будущее.

9. Одним из таких следов является то, что *tensor*, обозначающий *long in duration* (длинный по протяженности), хотя и не имеет общего корня с пространственным прилагательным *long* (длинный), зато имеет общий корень с пространственным прилагательным *large* (широкий). Другим примером может служить то, что *somewhere* (где-то, в пространстве), употребленное с этой особой частью речи (*tensors*), может означать *at some indefinite time* (в какое-то неопределенное время). Возможно, правда, что только присутствие *tensor* придает данному случаю значение времени, так что *somewhere* (где-то) относится к

пространству; при данных условиях неопределенное пространство означает просто общую отнесенность независимо от времени и пространства. Следующим примером может служить временная форма наречия *afternoon*; здесь элемент, означающий *after* (после), происходит от глагола *to separate* (разделять). Есть и другие примеры этой деривации, но они очень малочисленны и являются исключениями, очень мало подходящими на нашу пространственную объективизацию.

10. Глаголы хопи, означающие "подготовить", не соответствуют точно нашему "подготовить"; таким образом, *na'twani* может быть передано как "то, над чем трудились", "то, ради чего старались", или что-либо подобное.

11. Смотри пример, приведенный Ernst Beagliahole "Notes on Hopi economic life" (Yale University Publications in Anthropology, № 15, 1937), особенно ссылку на объявление о заячьей охоте и на стр. 30 описание деятельности в связи с очищением источника Торева - объявление различных подготовительных мероприятий и, наконец, обеспечение того, чтобы уже достигнутые хорошие результаты сохранялись и чтобы источник продолжал действовать.

12. Это представление о нарастающей силе, которая вытекает из поведения хопи, имеет свою аналогию в физике: ускорение. Можно сказать, что лингвистические основы мышления хопи дают возможность признать, что сила проявляется не как движение или быстрота, а как накопление или ускорение. Лингвистические основы нашего мышления мешают подобному истолкованию, ибо, признав силу как нечто вызывающее изменение, мы воспринимаем это изменение посредством нашей языковой метафорической аналогии - движения, вместо того чтобы воспринимать его как нечто абсолютно неподвижное и неизменное, т. е. накопление и ускорение. Поэтому мы бываем так наивно поражены, когда узнаем из физических опытов, что невозможно определить силу движения, что движение и скорость, так же как и состояние покоя, - понятия относительные и что сила может быть измерена только ускорением.

13. Сюда относятся "ньютоновское" и "евклидово" понятия пространства и т. п.

КВАНТИТАТИВНЫЙ ПОДХОД К МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ

Дж. Гринберг

КВАНТИТАТИВНЫЙ ПОДХОД К МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ

(Новое в лингвистике. Вып. III. - М., 1963. - С. 60-94)

Один из шагов, которые должна предпринять любая наука, если она хочет ясно осмыслить потенциальные возможности своего научного метода, заключается в том, чтобы, не ограничиваясь простым описанием изучаемых объектов, перейти к их сравнению и классификации. На то, что лингвистика сделала такой шаг, указывает само существование так называемого "сравнительного языкознания", особой отрасли науки, которая к тому же занимает почетное место среди наук, изучающих человека. Однако сравнительно-исторический метод представляет собой лишь один из двух основных методов, при помощи которых можно сравнивать языки. Второй метод (его можно было бы назвать типологическим) является предметом рассмотрения настоящей статьи. Судьба его была не столь гладкой, как судьба историко-генетического метода, являющегося неотъемлемой принадлежностью сравнительного языкознания. Важно по возможности более отчетливо дифференцировать различия, существующие между этими двумя методами. Каждый из них вполне правомерен в своей собственной сфере, но смешение указанных методов, например в тех случаях, когда типологические критерии используются для установления родственных связей, принесло много вреда в прошлом.

Историко-генетический метод классифицирует языки по "семьям", которые имеют общее историческое происхождение. Известным примером является развитие современных форм романских языков - французского, испанского, португальского, итальянского, румынского и других - из первоначально

единой латыни в результате изменений одной и той же речевой формы в различных ареалах. Если бы подобное расхождение языков не было таким отдаленным во времени, что исчезли все его следы, сравнение могло бы вскрыть характерные черты сходства между языками, имеющими общее происхождение. При этом наиболее существенным для подобных сравнений является сходство между отдельными формами языков как в их звучании, так и в их значении. Например, англ. nose и нем. Nase имеют сходные звуки и фактически тождественные значения - "нос"; англ. hound "охотничья собака", "гончая" и нем. Hund "собака" сходны по звучанию и близки, хотя и не совпадают полностью, по значению. В любом языке есть тысячи форм, обладающих как звучанием, так и значением, связь между которыми не мотивирована. В принципе любое звучание может передавать любое значение. Поэтому, если в каких-либо двух языках значительное число таких единиц совпадает - как, например, в немецком и английском - и если (эта проблема здесь не рассматривается) случаи сходства нельзя объяснить заимствованием, мы по необходимости приходим к выводу об общем историческом происхождении этих языков. Подобные генетические классификации не являются условными, поскольку они не допускают установления других критериев, могущих привести к иным результатам. Это объясняется тем, что подобные классификации отражают исторические события, которые либо действительно имели место, либо нет. Либо немцы и англичане говорят на языке, полученном в наследство от первоначально единого протогерманского речевого коллектива, либо нет. Использование таких терминов, как "семья", "родственный" и "генетический", сближает эту классификацию с биологической классификацией. С генетическими гипотезами в языке дело обстоит также, как в биологии, где мы относим виды к одному и тому же роду или к подразделению более высокого порядка, поскольку их сходство таково, что наводит на мысль об их общем происхождении.

Можно, однако, сравнивать и языки, генетическую близость которых нельзя продемонстрировать либо в отношении звуковых, либо в отношении семантических явлений. Приводимые ниже два примера послужат иллюстрацией такой возможности и в то же время покажут, что при подобном сравнении возникает ряд научных проблем, имеющих полное право на существование. Во всех языках должны быть средства для выражения сравнения - того, скажем, факта, что один предмет больше, чем другой. Если мы сопоставим все языки мира в этом отношении, мы обнаружим, что число таких приемов ограничено - особая словоизменительная форма прилагательного (англ. greater "больше" [ср. great "большой". - *Перев.*]), использование предлога со значением "от" (семитские языки), использование глагола, означающего "превосходит, превышает" (широко распространено в Африке), - и что некоторые из них встречаются чаще других и имеют вполне определенные границы распространения, не совпадающие с генетическими границами. Все эти факты, несомненно, представляют научный интерес и требуют объяснения. Пример, который мы привели выше, - факт семантический. В области фонетических моделей, безусловно, заслуживает внимания независимое становление системы из пяти гласных с двумя степенями долготы - a,a';e,e';i,i';o,o';u,u' - в классической латыни, в языке хауса (Зап. Африка), в йокутс (= Yokuts) - индейском языке Калифорнии и, несомненно, также в других языках. Именно подобные явления изучали Трубецкой и другие, пытаясь определить, какие типы систем гласных и согласных возможны, сколь часто они встречаются и какова область их распространения.

Если сравнение языков в генетическом плане позволяет нам установить классы языков, то есть языковые семьи в общепринятом смысле, то разве типологическая классификация не дает такой возможности? Конечно, дает, но в отличие от генеалогической классификации у нее нет конкретных связей с историей, и она условна, то есть в зависимости от выбранного критерия или совокупности критериев она приводит к различным результатам.

В этом отношении она похожа на классификацию по расам, основанную на ряде условно выбранных признаков. Если, например, мы выберем такой чисто фонетический критерий, как наличие или отсутствие округления губ, в качестве признака, различающего пары гласных фонем, языки мира распадутся на две группы: на языки, в которых данный принцип противопоставления используется, и языки, в которых он не используется. Английский и итальянский языки, не использующие лабиализации, попадут в один класс А с бесчисленными другими языками, а французский и немецкий вместе с меньшим числом

языков из различных частей света попадут в класс Б. Если будет выбран какой-либо иной типологический признак, скажем, позиция зависимого родительного падежа по отношению к существительному, опять возникнут два класса языков, но они не совпадут с теми, которые были получены на основе критерия противопоставления лабиализованных и нелабиализованных гласных. Приняв во внимание оба фактора, можно получить четыре класса. Некоторые признаки позволят выделить более чем два класса. Если классифицировать языки семантически на основе имеющихся в них систем числительных, мы получим несколько классов языков: языки с двоичными, пятеричными, десятичными, двенадцатеричными и, без сомнения, также другими системами. Короче говоря, в отличие от генеалогической классификации, в данной, то есть типологической классификации, число языковых групп и их состав будет различным, в зависимости от числа и определенного выбора языковых явлений, использованных для сравнения. Одним крайним случаем окажется такой случай, когда в качестве единственного критерия будет взят какой-либо признак вроде наличия системы гласных и когда языки мира распадутся на две группы: языки, обладающие системой гласных (в эту группу войдут все языки земного шара), и языки, где такая система отсутствует. Этот последний класс, разумеется, не будет включать ни одного языка. С другой стороны, возможен и такой крайний случай, когда при классификации учитывают так много признаков, что каждый язык становится единственным представителем особого языкового типа.

Многие из таких классификаций, как явствует из только что приведенных примеров, приносят мало пользы. Мы стремимся создать типологическую классификацию, которая затрагивала бы важнейшие основные признаки языка и которая была бы полезна во многих отношениях. Такая классификация действительно существует - это идущее от XIX в. деление языков на три типа (в своем классическом варианте) - изолирующие, агглютинирующие и флектирующие.

Эта *trop fameuse classification* ("пресловутая классификация"), если вспомнить язвительное замечание Мейе, обнаруживает весьма существенные недостатки, которые неминуемо привели к тому, что в настоящее время она пользуется дурной славой. И тем не менее сама эта проблема представлялась настолько важной Сепиру, что он сделал ее центральной темой своей книги "Язык", единственной книги, внесшей после XIX в. значительный вклад в изучение типологии языков. Какими бы несовершенными ни казались сейчас рассуждения ученых XIX в. на эту тему, все же главного достоинства выдвинутых схем отрицать нельзя. В качестве основы для классификации инстинктивно было найдено нечто, имеющее кардинальное значение для всесторонней общей характеристики языка, а именно морфологическая структура слова, и Сепир просто продолжил, в измененной, форме, эту важнейшую традицию более раннего времени. Возможны и другие типологические классификации, в частности фонологические, и эти последние стояли в центре внимания в типологических дискуссиях последних лет. Однако проблема морфологической типологии остается нерешенной, о чем свидетельствует недавнее заявление Рулона Уэллза: "Позор, что не существует общепринятой таксономии языков мира" (1950, стр. 31). Свидетельством ожившего интереса к этой теме является, далее, фактически одновременное и независимое развитие идей, сходных с изложенными в настоящей статье, предпринятое Хокеттом из Корнелльского университета [1]. Короче говоря, наступил благоприятный момент пересмотреть подход к данной проблеме, характерный для ученых XIX в., с тем чтобы, отбросив все теории, несостоятельность которых была за истекший период доказана лингвистической критикой, и, взяв на вооружение все новейшие достижения лингвистических методов, дать существующим гипотезам более строгую и точную формулировку. Краткий критический обзор более ранних попыток создания типологических классификаций послужит надлежащим фоном для излагаемой здесь теории.

В основе всех позднейших классификаций лежит различие, впервые выдвинутое Фридрихом фон Шлегелем в его сочинении "Ueber die Sprache und Weisheit der Inder" (1808), между языками с аффиксами и языками с флексиями. Оценочное отношение, столь явно проступавшее на протяжении всей последующей истории развития данной теории, ясно видно уже в этой наиболее ранней ее формулировке. Аффиксирующие языки выражают отношения чисто механическим путем. В примечательном сравнении они уподобляются "груде атомов, рассеиваемых или сметаемых вместе любым случайным ветром" (стр. 51).

Флективными языками являются только индоевропейские, хотя в этом же направлении развиваются и семитские языки.

Эта классификация языков по двум типам была переработана братом Фридриха Шлегеля Августом фон Шлегелем, который в сочинении "Sur la litterature provencale" (1818) описывает уже три класса языков: "языки без грамматической структуры, аффиксирующие и флективные языки" (стр. 559). О языках первого типа, названных последующими авторами изолирующими или корневыми, Шлегель говорит: "Можно было бы сказать, что все слова в них - корни, но корни бесплодные, не производящие ни растений, ни деревьев" (стр. 159). Писать научное сочинение таким языком - это *tour de force* ("просто подвиг"). Аффиксирующие языки используют прибавляемые элементы ("аффиксы") для передачи отношений и оттенков понятий, выражаемых корнями, но эти аффиксы все еще сохраняют самостоятельное значение. Относительно флективных языков, в которых подобные аффиксы лишены значений (то есть не имеют конкретных значений), мы узнаем, что в них можно обнаружить нечто вроде органической жизни ("организм"), потому что "им присущ жизнеспособный принцип развития и роста" (стр. 159). У Шлегеля, как и у последующих авторов, образцом корневого языка является китайский язык, к флективной группе относятся только семитские и индоевропейские языки; все остальные принадлежат к обширному и неоднородному промежуточному, или агглютинирующему, классу. Немало смущает его, так же как и других, позднейших авторов, тот затруднительный факт, что индоевропейские языки обнаруживали тенденцию утрачивать флексии. Поэтому Шлегель вводит дальнейшее подразделение флективных языков на более ранние - синтетические и более поздние - аналитические. Все известные нам аналитические языки возникают в результате переразложения синтетических языков. Не касаясь других авторов, рассматривавших данный вопрос в основном также, как Шлегель, мы подходим к Вильгельму фон Гумбольдту, который в своем сочинении "Ueber die Verschiedenheit der menschlichen Sprachen" (1836) сделал типологический тип анализа центральным при исследовании языка. Гумбольдт видел в каждом языке особое, индивидуальное самораскрытие духа (*Geist*). Каждое такое самовыражение духа имеет свою ценность и право на существование, но обнаруживает большую или меньшую степень совершенства. В схеме Гумбольдта выделены четыре класса языков. К ставшей к тому времени уже традиционной тройной классификации языков он добавляет четвертый - инкорпорирующий тип, чтобы охватить некоторые языки американских индейцев, в которых очень сложные модели слова включают случаи, когда приглагольное дополнение инкорпорировано в том же самом слове в виде глагольного корня. Гумбольдт совершенно недвусмысленно отказывается от какого бы то ни было историко-эволюционного объяснения, при котором более высокоорганизованные типы выводятся из более низких типов. Эти четыре типа - идеальные типы, связанные с различными степенями развертывания формы. Изолирующие языки "бесформенны", инкорпорирующие языки в силу чрезмерной перегруженности своих форм также не обнаруживают подлинного чувства формы. Как и можно было ожидать, истинным пониманием формы наделяются только флектирующие языки, так как только в них мы встречаем гармоническое слияние корня и аффикса в единое целое.

Изложение данной теории в ее окончательном виде мы находим в работах А. Шлейхера, который находился под двойным влиянием Дарвина и Гегеля. Классы языков рассматриваются теперь как соответствующие историко-эволюционные фазы в развитии языков. Число типов ограничивается тремя, и они приравниваются к трем ступеням гегелевской диалектики. Флектирующий класс языков понимается как более высокая ступень синтеза, возникающая из прежней оппозиции. Распад флексий в историческое время знаменует новую фазу развития духа (*Geist*), для которой материальная сторона языка уже несущественна. Поскольку шлейхеровский вариант типологической классификации вполне гармонизировал с интеллектуальными тенденциями века и был снабжен внушительным аппаратом квазиалгебраических формул для обозначения различных отношений между корнем и подчиненными элементами, он завоевал широкое признание и был использован двумя великими популяризаторами лингвистической науки - Максом Мюллером в Европе и Дуайтом Уитни в Соединенных Штатах. Последующие варианты, такие, например, как вариант Штейнталя-Мистели, лишь усложнившие схему Шлейхера, ничем ее взамен не улучшив, никогда не

имели такой популярности, как вариант Шлейхера, который, таким образом, закрепился в качестве основной формы данной теории.

На протяжении всего этого периода этноцентризм и расплывчатость указанных типологических классификаций неоднократно подвергались критике. Приведем лишь один пример: Уитни, который отнюдь не был столь восторженным почитателем типологической классификации Шлейхера, как его современник европеец Макс Мюллер, указывал, что английское *loved* "любил" от *love* "любить"- такая же удачная форма претерита, как *led* "вел" от *lead* "водить" или *sang* "пел" от *sing* "петь" (1876, стр. 362). *Loved* - это, несомненно, случай применения способа агглютинации, в то время как в *led* и *sang* используется внутренняя флексия. И все же в применении к изолирующим языкам он говорит об "отсутствии способов, присущих более развитым языкам; ...мысль выражена лишь отрывочно, и ее орудие [то есть язык. - *Перев.*] ей слабо помогает". Другие лингвисты, особенно в более поздний период, относились к типологической классификации в высшей степени критически или даже презрительно, как, например, Маутнер, по словам которого "... оценивать [языки] в зависимости от того, насколько отчетливо проступают в них флексии, столь же глупо, как судить о достоинствах европейских армий по тому, насколько заметны швы на брюках их солдат" (1923, стр. 309).

Обращение Сепира к этой теме в книге "Язык" (1921) открывает новую эпоху. Он решительно отбрасывает как оценочный, так и эволюционный аспекты типологической теории. Нет никаких реальных оснований полагать, что китайский или венгерский языки не являются столь же эффективными орудиями мысли, как латинский или английский. "Когда дело доходит до языковых форм, Платон равен македонскому свинопасу, а Конфуций - охотящемуся за черепами дикарю из Ассама" (стр. 234). Язык, по-видимому, существует по крайней мере 500 000 лет; следовательно, если и есть линия развития - изолирующие, агглютинирующие и флектирующие языки, - то современные изолирующие языки никак не могут отражать соответствующую первобытную стадию. И действительно, данные палеонтологии человека и геологии ледникового периода уже давно показали несостоятельность такого допущения. Ко времени Сепира было уже известно (как из более ранних памятников китайского языка, так и из сравнения с тибетским и другими родственными языками), что китайский язык, выдвигавшийся в качестве классического примера изолирующего языка, ранее обладал более сложной морфологической системой.

Вероятно, более серьезными недостатками, чем те, которые содержатся в этих уже развенчанных идеях, были другие логические дефекты, на что время от времени указывалось. Критерии разграничения различных типов языков так и не получили четкого определения и ни разу не были применены объективно. Когда мы читаем работу в духе теории Штейнталя-Мистели, нас не покидает ощущение, что автор ведет нечестную игру. Во всех тех случаях, где на основе его же собственной аргументации арийский или несемитский язык оказывается обладателем какого-либо достойного похвалы явления, путем неожиданного молчаливого изменения определения получается, что в виду не имеется "истинная форма" или "истинная флексия". Определения выглядят не только расплывчатыми, но частично относятся к совершенно разным вещам, и в результате оказывается, что какой-либо язык принадлежит одновременно к нескольким в принципе взаимоисключающим классам. Так, агглютинация рассматривается обычно как характеристика способа механической аффиксации, и, по выражению Макса Мюллера, "различие между арийскими и туранскими языками несколько напоминает различие между хорошей и плохой мозаикой. Арийские слова кажутся сделанными из одного куска, в туранских же словах ясно видны швы и трещины в тех местах, где соединяются вместе небольшие камешки" (1890, стр. 292). Термину **агглютинация** должен противостоять термин **флективность**. Но термин **флективность** используется также для указания на наличие аффиксов, лишенных конкретного значения и служащих для обозначения отношений между словами в предложении; таковыми являются, например, падежные окончания у существительных или флексии лица и числа у глагола. Исходя из этих определений, турецкий язык является одновременно и агглютинирующим (если принимать во внимание способ), и флектирующим (если учитывать падежную систему и систему спряжения глагола).

Как указывали некоторые критики, другой недостаток данной теории заключается в том, что язык причисляется к какой-либо одной определенной категории, хотя учитываемые при классификации

признаки могут характеризовать его в большей или меньшей степени. Термин, подобный термину **агглютинирующий**, применим главным образом к какой-то отдельной конструкции. В то же время язык вполне может содержать, и обычно действительно содержит, как агглютинирующие, так и неагглютинирующие конструкции. Иными словами, речь идет скорее о преобладающей общей тенденции, чем о наличии или отсутствии тех или иных отличительных признаков вообще. Подвергнув рассмотрению различные критерии, используемые в традиционной классификации бессознательно и совершенно непоследовательно, Сепир создает более сложную систему, в которой языки классифицируются по ряду независимых друг от друга критериев, а традиционные термины хотя и сохранены, но используются строго определенным образом и часто относятся к разным аспектам сравнения, в силу чего они уже больше не являются взаимоисключающими.

Один из таких аспектов, различаемых Сепиром, связан с учетом общей сложности слова в целом, то есть со степенью сложности, проявляющейся в количестве содержащихся в слове подчиненных значимых элементов. Термины, используемые здесь Сепиром, - **аналитический, синтетический и полисинтетический** - расположены в порядке возрастающей сложности. С теоретической точки зрения крайний случай анализа здесь представлен языками, в которых каждое слово состоит только из одной значимой единицы и, таким образом, не имеет внутренней структуры. К этому полюсу действительно приближаются языки китайский, вьетнамский и эве (Западная Африка). Данные языки традиционно называются изолирующими, но, как мы увидим, Сепир использовал этот термин в другом смысле. Языки, подобные английскому, где слова не отличаются большой сложностью, Сепир включил в группу аналитических. Однако степень синтеза - это лишь один критерий и к тому же относительно поверхностный, поскольку он ничего не говорит нам о том, в чем именно заключается сложность слова. Второе, совершенно иное соображение относится к технике построения конструкций. Грубо говоря, здесь противопоставляются языки, в которых подчиненные элементы механически прибавляются к корневым элементам, то есть ни те, ни другие элементы не подвергаются никаким изменениям (таково наиболее распространенное значение агглютинации в классической схеме классификации), и языки, в которых наблюдается фузия, в результате чего составные элементы трудно узнать и выделить. Для иллюстрации воспользуемся примерами Сепира: *good+ness* в английском языке [*goodness* "добродота", ср. *good* "добрый". - *Перев.*] - это агглютинация, *dep+th* - фузия (*depth* "глубина", ср. *deer* "глубокий". - *Перев.*). Неоднократно возвращаясь к этому вопросу и приходя к различным выводам, Сепир в конце концов устанавливает четыре группы языков: а) изолирующие; б) агглютинирующие; в) фузионные; г) символические. Изоляция, под которой Сепир понимает значимый порядок элементов, включается им сюда потому, что он истолковывает эту категорию как имеющую отношение к технике соединения элементов. Подобно тому как в *John hit Bill* "Джон ударил Билла" *John* выступает в конструкции с *hit* в качестве субъекта глагола, поскольку оно предшествует глаголу, так и в *dep-th* изменение *deer* в *dep-* указывает, что последнее связано в конструкции с *-th*. Поскольку противопоставление агглютинация - фузия относится скорее к способам выражения, чем к объектам отношения, Сепир рассматривает эту шкалу также как несколько поверхностную, хотя и полезную в качестве дополнительного критерия.

Деление, которое представляется Сепиру наиболее существенным, вызывается следующими соображениями. Существует два типа понятий, которые должны быть выражены во всех языках: корни с конкретными значениями, например "стол", "есть", и чисто реляционные понятия, "служащие для установления связи между конкретными элементами предложения" и, таким образом, придающие ему определенную синтаксическую форму; например, в латинском языке *-um* является знаком глагольного дополнения. Эти два класса понятий Сепир ставит в начале и в конце своей шкалы - I (конкретные), IV (чисто-реляционные), поскольку они представляют собой два полюса - конкретность и абстрактность. Между ними он располагает две группы понятий, являющихся факультативными, так как в одних языках они имеются, а в других отсутствуют. Класс II состоит из деривационных (словообразовательных) понятий, которые "отличаются от типа I тем, что выражают идеи, не относящиеся ко всему предложению в целом, но придающие корневому элементу более конкретное значение и, следовательно, связанные специфическим образом с понятиями типа б. В качестве примера Сепир приводит английский суффикс *-er* в слове *farmer*

"фермер", уточняющий значение farm- "ферм-", но не связанный со структурой остальной части предложения. Язык, не содержащий понятий типа II, использовал бы для передачи значения "фермер" какой-либо один неразложимый элемент. Понятия типа III (конкретные, реляционные понятия) подводят к типу IV (чисто-реляционные понятия), поскольку они помогают установить связь одних членов предложения с другими, но отличаются тем, что содержат в своем значении элемент конкретности. Примером являются элементы, указывающие род в языке типа немецкого: -er в d-er в предложении Der Bauer totet das Entelein "Фермер убивает утенка" связывает d- с Bauer при помощи согласования в числе, роде и падеже. Оно указывает, таким образом, на то, что d- определяло Bauer и что Bauer стоит в единственном числе и является подлежащим этого предложения. Однако, кроме того, оно выполняет еще важную функцию указателя рода, в данном случае мужского.

Такие понятия Сепир называет конкретно-реляционными. Поскольку существует 4 типа понятий, из которых I и IV обязательно наличествуют во всех языках, а II и III - необязательно, выделяются следующие четыре класса языков: класс А - включает языки, содержащие только I и IV типы понятий. Сепир называет их "простыми чисто-реляционными языками". Таков, например, китайский язык. Группа В - включает языки, в которых наряду с обязательными I и IV типами имеется еще и тип II. Это "сложные (то есть словообразующие) чисто-реляционные языки". Группу С составляют языки, в которых имеются типы I, III и IV, но нет II-го. Это "простые смешанно-реляционные языки". И, наконец, в группу D включаются те языки, которым присущи все четыре типа понятий - это "сложные смешанно-реляционные языки". Из двух признаков - наличия или отсутствия понятий типа II (деривационные) и наличия или отсутствия понятий типа III (конкретно-реляционные) - последний, объединяющий классы А и В в противоположность классам С и D, Сепир считает более важным. В своей сводной классификационной таблице Сепир рассматривает ряд языков и, используя выдвинутые выше критерии, сначала подводит тот или иной конкретный язык под один из уже упомянутых "основных типов" А, В, С, D. Он также указывает степень синтеза.

Третий фактор - техника установления связи между элементами языка - особо уточняется для каждой из групп понятий II, III (когда они имеются налицо) и IV, исходя из вышеупомянутой шкалы: а) изоляция; б) агглютинация; в) фузия; г) символизация. Сепир часто говорит одновременно о двух, а иногда и трех способах. В случае, если тот или иной способ развит в языке слабо, Сепир заключает соответствующее условное обозначение в скобки. Затем он приводит общие данные о преобладающих способах, употребляемых в языке в целом, нередко используя при этом такие составные термины, как, например, агглютинативно-фузионный, для указания на относительно равную распространенность обоих этих способов. Отметим, что в окончательной редакции своей классификации Сепир нигде не употребляет термин **флектирующие**. Он определяет **флексию** (inflection) как использование способа фузии в сфере словоизменяемых единиц. Он полагает, что при таком определении термин "флектирующие" не настолько важен, чтобы фигурировать в качестве основного термина в его классификации. О наличии флективности, таким образом, свидетельствует появление б, указывающего на фузию, или в и d, указывающих на фузию и символизм в связи с понятиями группы III (смешанно-реляционные). Для иллюстрации общей схемы Сепира обратимся к его классификации семитских языков. Эти языки в целом причисляются к D, то есть к сложно-смешанно-реляционным языкам, содержащим все четыре типа понятий. Они синтетичны. В области словообразовательных понятий (II) используемые способы характеризуются как d и в именно в таком порядке, то есть это символизация и фузия. В области смешанно-реляционных понятий (III) используются приемы в и d, то есть фузионные, символические. В рубрике IV указан способ (а) - изоляция, то есть значимый порядок слов, скобки указывают на его слабое развитие. Наконец, в целом эти способы определяются как символично-фузионные.

Предлагаемый здесь метод базируется на классификации Сепира, представленной в переработанной форме. Основные критические замечания в адрес Сепира, уже высказанные Моустом (1948, стр. 183-190), сводятся в целом к двум.

Первое и наиболее важное замечание заключается в том, что в своем делении языков на четыре основных типа Сепир, казалось бы, говорит о понятиях, но в действительности исходит из формальных критериев, а не из семантических - обстоятельство, которое приводит к некоторым трудностям

при изложении материала. Например, Сепир рассматривает понятие множественности, которое он считает в высшей степени абстрактным. Однако, как он указывает, в каком-либо конкретном языке оно может быть помещено в любом месте вдоль шкалы I-IV. Следовательно, является ли множественность понятием корневым (I), деривационным (II) или реляционным (III и IV), зависит от того, к какому формальному классу тот или иной конкретный язык ее причисляет. Сепир сам признает это несоответствие. "Мы не можем заранее сказать, куда следует поместить то или иное понятие, именно потому, что наша классификация понятий представляет собой скорее скользящую шкалу, чем философский анализ опыта" (1921, стр. 117). В типологической классификации, предлагаемой в настоящей статье, исходный пункт является формальным. Мы признаем, что в силу действительно существующей тенденции корневые морфемы (I у Сепира) обычно более конкретны по значению, чем деривационные (II у Сепира) или словоизменительные морфемы (III или IV); однако эта тенденция слишком расплывчата, чтобы на ней можно было строить обоснованную методику. В данном случае, так же как в современной лингвистике вообще, мы выделяем наши дистинктивные единицы при помощи формального, а не семантического критерия по чисто практическим соображениям.

Второе критическое замечание относится к шкале Сепира: а) изолирующие; б) агглютинирующие; в) фузионные; г) символические. Изоляция - это способ связи, так же как и другие приемы, но применяется он почти исключительно к словам, поскольку относительный порядок расположения элементов внутри слова имеет значение лишь в редких случаях. Изоляция, следовательно, в данной шкале неуместна, и это сказывается на асимметричности ее появления в схеме Сепира: она выступает в качестве способа только под рубрикой IV (чисто-реляционные понятия) и относится к связям, осуществляемым не внутри слова, как другие способы, но между словами.

Метод классификации языков, предлагаемый в настоящей статье, - это в своей основе метод Сепира, но с некоторыми видоизменениями в свете указанных критических замечаний. Более того, вместо интуитивных определений, опирающихся на общие впечатления, делается попытка охарактеризовать каждый признак, используемый в данной классификации, через отношение двух единиц, каждая из которых получает достаточно точное определение посредством исчисления числового индекса, основанного на относительной частотности этих двух единиц в отрезках текста. В основу классификации положено пять признаков вместо трех у Сепира и устанавливается ряд из одного или более индексов для определения места того или иного языка в отношении каждого из них. Первый из этих параметров - степень синтеза или общая сложность слова. Со времен Сепира минимальная значимая последовательность фонем в языке стала в американской лингвистике называться морфемой. Например, англ. sing-ing "пение" содержит две морфемы, но образует одно слово. Отношение M/W , где M - число морфем, а W - число слов [ср. англ. word "слово". - *Перев.*], является мерой синтеза и может быть названо индексом синтетичности. Теоретически нижним пределом его является 1,00, поскольку каждое слово должно содержать по крайней мере одну значимую единицу. Высший предел теоретически отсутствует, но на практике величины выше 3,00 встречаются редко. Показатели этого индекса для аналитических языков будут низкими, для синтетических - более высокими, а для полисинтетических - самыми высокими.

Второй параметр относится к способам связи. На одном полюсе здесь находятся языки, в которых значимые элементы, соединяясь, не изменяются совсем или изменяются незначительно. Таково классическое определение агглютинации. Явление, противоположное агглютинации, - взаимная модификация или слияние элементов. Здесь также можно выделить несколько конструкций и таким образом построить более детальную типологическую классификацию. Для целей настоящей статьи выбрана альтернатива, которая представляется наиболее точно соответствующей идеям Сепира и обычных исследований XIX в. Используя современную терминологию, можно сказать, что имеется в виду степень морфо-фонематических альтернатив. Значимые отрезки, реально обнаруживаемые в высказывании, называются "морфами". Ряд сходных морф подводится под одну основную единицу - морфему. Различные морфы, следовательно, находятся в отношении альтернативы. Например, в английском языке мы связываем морфу *lijf* (leaf "лист") с морфой *lijv-*, которая встречается только в сочетании с морфой множественного числа *-z* и образует *lijvz* (leaves "листья"). *Lijf* и *lijv-* - это морфы, альтернирующие в пределах одной и той

же морфологической единицы. Правила констатации подобного альтернирования относятся к морфофонематической части описания английского языка. В тех случаях, когда среди морф, составляющих морфему, варьирования не наблюдается или когда варьирование происходит автоматически, о самой морфеме говорят, что она автоматична. Под автоматической альтернативой понимается такая альтернатива, при которой все альтернанты можно образовать от основной формы, зная ряд правил сочетаемости, сохраняющих в данном языке силу для всех аналогичных случаев. Этот вопрос будет рассмотрен ниже более детально. Если обе морфы в какой-либо конструкции относятся к морфемам, являющимся автоматическими, конструкция называется агглютинативной.

Индекс агглютинации - это отношение числа агглютинативных конструкций к числу морфных швов. Число морфных швов в слове всегда на единицу меньше, чем число морф. Так, в *leaves* две морфы, но только один морфный шов. Индекс агглютинации - A/J , где A равно числу агглютинативных конструкций, а J - числу швов между морфемами [англ. juncture "стык, шов". - Перев.]. Язык с высоким индексом агглютинации является агглютинирующим, а язык, имеющий малый по величине индекс, - фузионным. В целом, чем ниже первый индекс (индекс синтетичности), тем меньше фиксируется границ между морфами и тем менее важен для характеристики языка второй индекс - индекс агглютинации. Если язык достигает теоретически низшего предела в синтетическом индексе (1,00), исчисление второго индекса становится невозможным, поскольку это означает, что никаких границ между морфемами вообще нет. Иными словами, индекс агглютинации становится равным $0/0$, что бессмысленно. При исчислении индекса агглютинации не принимались во внимание различия между степенью агглютинации, которые можно обнаружить в конструкциях, включающих понятия групп II, III и IV у Сепира, и которые как мы видели, фигурируют в окончательной формулировке его классификации. Такие индексы можно было бы вычислить на основе разграничения классов корневых, деривационных и словоизменительных морфем, ибо именно эти категории наиболее точно соответствуют делению понятий у Сепира. Они не были установлены, частично чтобы избежать слишком больших общих осложнений в типологической классификации, а отчасти потому, что исчисление их сопряжено с значительными трудностями.

Третий параметр соответствует наиболее точно тому, что для Сепира было центральным признаком при классификации языков, - это наличие или отсутствие деривационных и конкретно-реляционных понятий. Поскольку, как мы видели, взяв за отправную точку значения понятий, нельзя добиться необходимой научной точности, в настоящем исследовании мы исходим из возможности исчерпывающего деления морфем на три класса - корневые, деривационные и словоизменительные. Каждое слово должно содержать по крайней мере одну корневую морфему, и многие слова во многих языках больше ничего и не содержат. Наличие в слове более чем одной корневой морфемы называется словосложением (*compounding*). Это важный признак, благодаря которому языки существенно отличаются друг от друга. В некоторых языках словосложение либо вообще отсутствует, либо встречается очень редко. Другие, напротив, широко используют словосложение. Однако большинство языков занимает в этом отношении промежуточное положение. Примечательно, что Сепир, по-видимому, не принимает этого во внимание в своей классификации. Указанное явление можно легко измерить при помощи структурного индекса (*compositional index*) R/W , где R равно числу корневых морфем [ср. англ. root "корень". - Перев.), а W равно числу слов. Второй класс морфем - деривационные морфемы. Примерами деривационных морфем в английском языке могут служить *re-* в *re-make* "пере-делать", *-ess* в *lion-ess* "льв-ица", *-er* в *lead-er* "предводи-тель". Деривационный индекс D/W - отношение числа деривационных морфем [ср. англ. derivational "словообразовательный, деривационный". - Перев.] к числу слов. Языки с высоким D/W принадлежат к сложным, или деривационным, подтипам у Сепира и, таким образом, попадают в классы Б и Г его классификации. Словоизменительные морфемы образуют третий класс. Примеры из английского языка: *-s* в *eats* "ест" и *-es* в *houses* "дома".

Словоизменительный индекс I/W есть отношение числа словоизменительных морфем [ср. англ. inflectional "словоизменительный". - Перев.] к числу слов. Это, как будет показано, не вполне тождественно сепировским понятиям типа III (конкретно-реляционные). Однако язык, в котором эти понятия существуют и который, таким образом, принадлежит у Сепира к смешанно-реляционным типам В и Г, обязательно

характеризуется довольно высокой величиной индекса словоизменения; обратное отношение верно не всегда.

Четвертый параметр связан с фактором, который Сепир считал важным для морфологической структуры языка, но который он не включил в окончательную формулировку своей классификации. Это порядок следования подчиненных элементов по отношению к корню. Основным различием здесь является различие между использованием префиксов и суффиксов. Префиксальный индекс P/W представляет собой отношение числа префиксов к числу слов, а суффиксальный индекс S/W - отношение числа суффиксов к числу слов. Сходным образом можно исчислить и индекс инфиксации, то есть количества подчиненных элементов, которые инкорпорируются внутри корня, но в исследованных языках инфиксы встречались настолько редко, что представлялось обоснованным их опустить. Существует неопределенное число и других возможных типов положения подчиненных элементов по отношению к корню, например обрамление (containment), как у арабского имперфективного префикса второго лица женского рода, который окружает глагольную морфему в taqtulī 'ты (ж. р.) убиваешь', где морфемой второго лица женского рода является ta- -i-, в то время как "убивать" передается при помощи -q-t-l, а "имперфектное время" - через -u-. Точно так же существует и вставка (intercalation), обнаруживаемая опять-таки в семитских языках, при которой часть подчиненного элемента предшествует корню или следует за ним, а другая часть вставляется внутрь. Все эти способы, встречаются настолько редко, что, по крайней мере для изученных нами языков, вычислять их индексы не имело смысла. Сюда же по существу относится и сепировский символизм, который он рассматривает как особый технический прием наряду с изоляцией, агглютинацией и фузией. Сепировский символизм, или внутреннее изменение, является, на мой взгляд, просто инфиксацией словоизменительного элемента: ср., например, инфикс прошедшего времени -a- в английском sang "пел". Когда подобные элементы являются деривационными, как в индонезийских языках, процесс обычно называется инфиксацией. Это выявляет тот факт, что с использованием термина "символизм" у Сепира связаны два определенных соображения - позиция и регулярность. Процесс инфиксации вполне может быть регулярным, и в этом случае конструкция должна быть агглютинирующей. В действительности же, однако, это вряд ли когда-либо случается.

Последний параметр имеет дело со способами, используемыми в различных языках для установления связи между словами. Он, следовательно, вводит критерии как синтаксического, так и морфологического порядка. Существуют три способа, которые языки могут использовать, - словоизменение без согласования, значимый порядок слов и согласование.

Языки, применяющие первые два способа, принадлежат, по классификации Сепира, к чисто-реляционной категории, в то время как языки, применяющие согласование, являются смешанно-реляционными. Словоизменительный индекс, рассмотренный выше, будет включать как несогласуемые, так и согласуемые словоизменительные морфемы. Этот индекс, который можно было бы назвать индексом преобладающего словоизменения, для настоящей проблемы можно использовать лишь с известными ограничениями. Весьма вероятно, что, разграничив согласуемые и несогласуемые словоизменительные морфемы и причислив слова без словоизменительных морфем к изолирующему классу, можно было бы произвести четкое тройное деление. Степень характерности для языка изолирующих, словоизменительных и согласуемых приемов можно было бы исчислить тогда при помощи трех индексов, опирающихся на отношение каждого из этих типов к общему числу слов. Существует, однако, ряд осложнений, препятствующих осуществлению такой простой методики. Во многих языках, в частности в латыни, согласуемые и несогласуемые явления сливаются в одной и той же словоизменительной морфеме. Так, -um латинских прилагательных мужского рода винительного падежа единственного числа имеет два согласуемых признака - род и число - и один чисто словоизменительный - падеж. В подобных случаях наша методика заключается в том, что одну и ту же морфему мы считаем обычно несколько раз, т. е. столько, сколько в ней дифференциальных признаков. Другая трудность возникает в связи с порядком следования элементов. Порядок, по-видимому, всегда имеет известное значение для установления связи между элементами даже там, где существует словоизменение. Мы связываем винительный падеж с ближайшим глаголом даже при наличии нефиксированного порядка слов. Порядок может быть фиксированным даже

тогда, когда в наличии имеются и другие средства, указывающие на то, какие слова входят в конструкцию. В целом это, например, справедливо в отношении немецкого языка. Значимый порядок придется ограничить такими случаями, при которых изменение порядка элементов вызывает изменение значения конструкции. Использованный здесь критерий ближе всего к этому последнему, но более легко применим. Отсутствие словоизменительной морфемы в том или ином слове принималось за указание на то, что связь осуществлялась при помощи порядка. Если назвать каждый случай использования того или иного принципа указания отношений между словами в предложении нексусом (nexus), то можно вычислить три индекса - O/N, Pi/N и Co/N, где O - порядок (order), Pi - чистое словоизменение (pure inflection), Co - согласование (concord) и N - нексус.

Таким образом, в общей сложности были охарактеризованы следующие типологические индексы:

- 1) M/W - индекс синтеза
- 2) A/J - индекс агглютинации
- 3) R/W - индекс словосложения
- 4) D/W - индекс деривации
- 5) I/W - индекс преобладающего словоизменения
- 6) P/W - индекс префиксации
- 7) S/W - индекс суффиксации
- 8) O/N - индекс изоляции
- 9) Pi/N - индекс словоизменения в чистом виде
- 10) Co/N - индекс согласования

Ценность данных индексов заключается в том, что мы можем определить использованные величины последовательно и таким образом, что они окажутся применимыми ко всем языкам. В действительности почти все величины, употребленные в приведенных выше формулах, допускают несколько определений. Предпочтение, оказанное здесь тем или иным определением, обусловлено конкретными задачами исследования. Мы всегда задаем вопрос, что же, собственно, мы хотим измерить. С этой точки зрения в некоторых случаях, как представляется, нет достаточных оснований для предпочтения того или иного определения, и выбор производится совершенно произвольно, поскольку к какому-то решению волей-неволей нужно было прийти. Известным утешением является то, что теоретически широкий диапазон возможных определений для некоторых величин оказывает влияние на решение только сравнительно небольшой части трудных случаев. В качестве доказательства приведем результаты индексов, вычисленных для отрывка из 100 слов на английском языке в 1951 г. при помощи методов, которые уже невозможно ретроспективно полностью восстановить, и сравним их с индексами для отрывка из 100 слов, полученными недавно в соответствии с методами, охарактеризованными здесь.

	1951	1953
Синтез	1,62	1,68
Агглютинация	0,31	0,30
Словосложение	1,03	1,00
Префиксация	1,00	1,04
Суффиксация	0,50	0,64
Преобладающее словоизменение	0,64	0,53

Следует подчеркнуть, что в равной степени возможны, а для других целей, например для создания грамматики того или иного языка, вероятно, заслуживают предпочтения другие определения единиц, чем те, которые были выбраны здесь.

В нижеследующем разделе обсуждаются основные проблемы, которые возникают при определении единиц, использованных в индексах. Они касаются морфы, морфемы, агглютинирующих конструкций и разграничения корня, деривационных и словоизменительных морфем и слова. Мы не пытаемся здесь дать ничего приближающегося к исчерпывающему изложению этих проблем. Цель настоящего обсуждения - наметить главные проблемы, возникшие в данном исследовании, и указать основания для решений, принятых в каждом конкретном случае.

Основной для индекса синтеза, так же как для большинства других, является возможность сегментирования любого высказывания языка на определенное число значимых последовательностей, которые уже нельзя подвергнуть дальнейшему членению. Такая единица называется морфой. Существуют вполне очевидные деления, которые полностью оправданы и которые может произвести любой исследователь. Например, каждый разделит бы английское eating "принятие пищи" на eat-ing и сказал бы, что оно состоит из двух единиц. Существуют и другие членения, столь же явно неоправданные. Например, анализ chair "стул" на ch- "деревянный предмет" и -air "нечто для сидения" был бы всеми, безусловно, отвергнут. Имеются, однако, промежуточные неясные случаи, относительно которых мнения расходятся. Следует ли, например, разлагать английское deceive "обманывать" на de- и -ceive? Именно такие неясные случаи нам и нужно научиться анализировать. Начнем с ряда форм, которые мы в дальнейшем будем называть квадратом (square) Квадрат существует тогда, когда в языке имеется четыре значимые последовательности, принимающие форму AC, BC, AD, BD. Примером в английском языке может служить eating "принятие пищи": sleeping "процесс сна": eats "ест": sleeps "спит", где A = eat-, B = sleep-, C = -ing и D - это -s [2]. В тех случаях, когда квадрат существует с соответствующим варьированием значения, мы вправе сегментировать все последовательности, из которых он состоит. После того как квадрат расчленен, каждый из его сегментов следует подвергнуть анализу, чтобы выяснить, не является ли он также членом квадрата. Если да, тогда он в свою очередь будет разделен на две морфы. Если же этого сделать нельзя, значит, мы достигли предела анализа и дальнейшее членение невозможно. Во избежание возникновения таких квадратов, как hammer "молоток": ham "ветчина": badger "барсук": badge "значок, медаль", прибегают к проверке соответствия в значении. Квадрат, отвечающий описанным условиям, всегда даст нам возможность правильного и в общем приемлемого анализа. Однако он слишком ограничен в том смысле, что исключает некоторые членения, которые могли бы быть приняты всеми. Прежде всего необходимо несколько расширить понятие морфы. Последовательность, которая встречается с каким-либо членом квадрата, выделяется как морфа также и в других случаях, если по отношению к этому члену (а) последовательность фонем является тождественной (за исключением автоматических изменений, о которых см. ниже) и (б) если значение ее одинаково. На этом основании мы признаем членение huckleberry "черника" на huckle+berry, поскольку berry "ягода" само является в других случаях морфой. Отсюда и huckle- также оказывается морфой, хотя оно никогда не встречается в составе квадрата. Если бы обнаружилось, что huckle- встречается в каком-нибудь другом сочетании, мы бы выделили его и там и, следовательно, добавили бы еще одну новую морфу. Этот процесс продолжается до тех пор, пока мы не подойдем к последовательности, которая не повторяется больше ни в каком сочетании. В нашем примере такой последовательностью является huckle-.

Границы должны быть расширены и для случаев так называемого неполного квадрата, недостаточного с формальной точки зрения. Было бы очень желательно выделить в men "люди" две морфы, одну со значением "человек", а другую - "множественное число", но нет такого квадрата, в который его можно было бы включить. Так, квадрат man "человек": men "люди": boy "мальчик": boys "мальчики" формально недостаточен. Мы формулируем следующее правило: если можно найти квадрат, подобный только что приведенному, в котором boy: boys **само** является парой другого правильного или полного

квадрата, например boy : boys:: lad "парень": lads "парни", и если boy всегда можно заменить man, а boys - men и получить нормальное с грамматической точки зрения (хотя и семантически невероятное) предложение, тогда man : men можно подвергнуть сегментации, аналогичной сегментации boy : boys, и men можно рассматривать как две морфы. В случае sheep "овца": sheep "овцы": goat "коза": goats "козы" мы признаем в sheep "овцы" две морфы, одна из которых является нулевой. Подобный анализ не следует смешивать с членением на две или более семантические категории, где для субституции не существует обоснованного квадрата. В латыни, например, мы не можем разложить -us "именительный падеж единственного числа" на две морфемы - именительный падеж и единственное число. Квадрат -us : -o :: -i : -is - "им. п. ед. ч.: дат. п. ед. ч.: им. п. мн. ч.: дат. п. мн. ч." - не имеет пары, которой можно было бы заменить члены формально полноценного квадрата, и, следовательно, сегментация этих форм неосуществима. Подобно тому как существуют формально неполноценные квадраты, существуют также квадраты неполноценные семантически. В них, если возможно параллельное неавтоматическое варьирование, членение допускается даже несмотря на то, что морфам нельзя приписать определенных значений. Так, в английском языке ряды deceive "обманывать": receive "принимать": decep-tion "обман": recep-tion "прием": decei-t "обман": recei(p)t "получение, расписка" оправдывают сегментацию de+ceive и re+ceive. Данное правило позволяет обычно выделить морфы для производных форм глагола в семитских языках. Без этого правила, ввиду многообразия значений в подобных примерах, трудно было бы работать.

Существуют и другие пути расширения понятия морфы, которые, однако, здесь отвергаются как несоответствующие задачам настоящего исследования, хотя и полностью приемлемые для других целей. Не принимаются, например, прерывающиеся морфы, сегменты которых содержатся в двух различных словах. Это понятно, поскольку мы хотим вычислить отношение морфем к словам и, следовательно, хотим, чтобы каждое слово содержало определенное число морфем, ограниченных пределами самого слова. Подобным же образом мы не рассматриваем в качестве морф значимые единицы, сопровождающие грамматические отрезки более длинные, чем слово, например интонационные модели предложения. Причины этого также ясны. Мы хотим, чтобы морфемы были частями слов, а они не могут быть таковыми, если они появляются одновременно с целой последовательностью слов. В этой связи следует заметить, что ни индекс синтеза, ни какой-либо иной индекс, используемый в настоящем исследовании, не является мерилем сложности того или иного языка в целом. Не включаются в число морф также интонационные модели и некоторые другие явления, усложняющие функционирование языка.

Следующий шаг, который нужно сделать после отождествления морф, - это установление более сложных единиц - морфем - с морфами в качестве их членов. Именно данная сторона проблемы как составляющая основное содержание морфемного анализа получила наиболее полное освещение в трудах Хэрриса, Хокетта, Блока, Найды и др. В целом принципы, выдвинутые Найдой (1948, стр. 414-441), являются вполне обоснованными и достаточными. Они включают общепринятые критерии сходства значения (здесь этот критерий применяется очень строго) и дополнительной дистрибуции, а также следующее правило: если мы хотим подвести под одну и ту же морфемную единицу морфы, различные по своей фонематической форме, нужно иметь по крайней мере одну неварьирующую единицу со столь же широкой дистрибуцией.

По этому вопросу, однако, по причинам, которые будут раскрыты в дальнейшем, нецелесообразно принимать дополнения, рекомендуемые Найдой в соответствии с его правилом о том, что "дополнительная дистрибуция в тактически различных окружениях является основой для объединения различных форм в одну морфему только при условии, если какая-то другая морфема, принадлежащая к тому же дистрибуционному классу и имеющая либо одну-единственную фонематическую форму, либо фонологически определяемые альтернирующие формы, встречается во всех тех тактически различных окружениях, где мы находим данные формы" (стр. 421). Например, в арабском языке существуют местоименные суффиксы, обозначающие принадлежность, когда они присоединяются к существительному, и другой ряд суффиксов, указывающих на глагольное дополнение, когда они присоединяются к глаголу. Эти окружения тактически различны, то есть глагол, как правило, не может быть заменен существительным, и наоборот. Наличие -ка со значением "второе лицо мужского рода единственного числа" и Других

фонематически тождественных форм в обоих рядах должно было бы, согласно правилу Найды, позволить нам объединить морфы первого лица единственного числа -i и -ya (притяжательность у существительного) и -in (глагольный объект) как морфы, составляющие одну и ту же морфему. Эта альтернатива, разумеется, нерегулярна, и если бы мы согласились с указанной точкой зрения, то, вычисляя наш индекс агглютинации, мы должны были бы считать любую конструкцию, включающую одну из форм суффикса 1-го лица единственного числа, неправильной или неагглютинативной. Таким образом, мы поставили бы арабский язык в невыгодное положение, и только из-за того, что данные формы характеризуются известной степенью регулярности. В языке с двумя совершенно различными рядами местоимений в подобных употреблениях, согласно правилу Найды, нельзя было бы обнаружить указанного ограничения; следовательно, не существовало бы нерегулярных альтернатив такого происхождения, хотя с точки зрения здравого смысла мы должны были бы назвать подобную ситуацию еще более нерегулярной. Поэтому только члены одного и того же структурного ряда, то есть те, которые могут заменять друг друга в одинаковом тактическом окружении, рассматриваются здесь как возможные альтернанты одной и той же морфемы.

Если нам даны некоторые морфы как альтернанты одних и тех же основных морфемных единиц, мы можем определить агглютинативную конструкцию. Для традиционного понимания термина "агглютинация" характерно, по-видимому, то, что основной ее чертой считается морфологическая регулярность. Однако в термин "регулярность" вкладывалось самое различное содержание. В работах Блумфилда, Уэллза и других обычно различаются разные типы и степени регулярности и нерегулярности. В данной статье мы придерживаемся определения регулярности, наиболее близкого к тому, которое в настоящее время распространено в работах по проблемам типологии. Согласно нашему определению, понятие регулярности подразумевает, что все фонематически варьирующиеся формы морф можно произвести от нефиктивной (то есть реально встречающейся) основной формы с помощью правил сочетаемости (rules of combination), сохраняющих силу для всех сходных комбинаций в языке. Обычно это является автоматической альтернативой (случай, когда морфема являет собой один морф, то есть когда она представляет собой одну и ту же фонематическую последовательность во всех своих употреблениях, является частным случаем, который тоже, конечно, рассматривается как случай автоматического альтернирования. Иногда сам выбор одной формы в качестве основной уже ведет к автоматичности, то есть позволяет предсказать производные формы, исходя из основной, в то время как выбор другой формы такой возможности не дает. В сомнительных случаях за основные принимаются те формы, которые дают наибольшую степень автоматизма при исчерпывающем описании языка. Разумеется, это нельзя считать точным правилом, но на практике никаких особых трудностей в этом плане не возникает.

Мы называем автоматичной всю морфему в целом тогда, когда каждая из ее морф находится в автоматической альтернативе со всеми другими ее морфами. Часто морфы можно сгруппировать в субальтернирующие ряды. Для них одной автоматической альтернативы уже недостаточно. Морфема множественного числа в английском языке имеет статистически наиболее часто встречающийся ряд морф -s, -z, -ez, которые находятся в автоматической альтернативе между собой. Существуют, однако, и другие альтернанты, а именно -en, -нужь и т. п., которые в целом не находятся в отношениях автоматической альтернативы с -s, -z, -ez. Таким образом, английская морфема множественного числа не является автоматической.

Возможность исчисления индексов словосложения, деривации и словоизменения зависит от нашего умения различать корневые, деривационные и словоизменительные морфемы. Из них, пожалуй, класс корневых морфем поддается определению труднее всего, но выделить его легче чем другие классы. Этим мы хотим сказать, что на практике существует полное единодушие относительно того, какие морфемы считать корневыми. Корневые морфемы в слове характеризуются конкретностью значения и входят в обширные и легко увеличивающиеся ряды. В этом смысле корневым морфемам наиболее четко противостоят морфемы словоизменительные, число которых обычно весьма невелико, а значения абстрактны и выражают отношения. Все согласились бы, видимо, также и с тем, что каждое слово должно включать по крайней мере одну корневую морфему.

В отличие от корней, деривационные и словоизменительные морфемы встречаются не всегда; существуют, например, языки - так называемые корневые или изолирующие, - в которых деривационные и словоизменительные морфемы встречаются редко или вообще не встречаются. Деривационные морфемы можно определить как морфемы, которые, вступая в конструкцию с корневыми морфемами, образуют последовательность, которая всегда может быть заменена каким-то определенным классом отдельных морфем, не вызывая изменений в этой конструкции. Если такой класс отдельных морфем, для которых деривационная последовательность может быть заместителем, включает одну из морфем самой деривационной последовательности, то мы называем подобную последовательность эндоцентрической; если же нет, последовательность является экзоцентрической.

Так, например, *duckling* "утенок" в английском языке - это деривационная последовательность, потому что ее всюду можно заменить посредством *goose* "гусь", *turkey* "индюк" и т. д. без изменения значения конструкции. Поскольку *duck* включается в такой класс отдельных морфем, которые могут быть заменены *duckling*, *-ling* является здесь эндоцентрической деривационной морфемой. *Singer* "певец" - это экзоцентрическая последовательность, ибо тот класс единых морфемных последовательностей, для которого заместителем может быть *singer*, состоит из одних только одноморфемных существительных и не включает глагола *sing* "петь". Следовательно, *-er* - это экзоцентрическая деривационная морфема.

Теперь мы можем определить словоизменительную морфему просто как некорневую, недеривационную морфему. Получившиеся три класса морфем охватывают все виды морфем в языке и являются взаимоисключающими. Подобно деривационным морфемам, словоизменительные морфемы также в принципе вовсе не обязательны для каждого конкретного языка в отдельности. Однако если они представляют собой часть модели слова, их появление в надлежащем месте столь же обязательно, как и наличие корня. Один из членов этого класса часто является нулевым. В подобных случаях отсутствие материально выраженной фонематической последовательности является значимым так как слово в этой нулевой форме определенным образом ситуативно ограничено в своем употреблении; так обстоит дело с именительным падежом единственного числа в турецком языке или единственным числом существительных в английском языке.

Теперь мы подходим к тому, что в известном смысле представляет собой наиболее трудную проблему, а именно к определению слова как особой единицы языка. Нет сомнения, что это имеет важнейшее значение для целей настоящего исследования, ибо все рассматриваемые здесь индексы так или иначе связаны с вычислением количества слов. В большинстве случаев это вполне очевидно; в других молчаливо подразумевается, как, например, для индекса агглютинации, в котором число морфемных швов всегда на единицу меньше количества слов. В настоящее время единого общепринятого определения слова не существует. Некоторые вообще отрицают значение слова как особой языковой единицы. Другие признают важное значение слова, но отрицают необходимость учитывать слово при описании конкретных языков. Третьи утверждают, что определить слово можно только для каждого языка в отдельности, *ad hoc*. Одни определяют слово с позиций фонологии, другие - с точки зрения морфологии. На практике, однако, слово продолжает оставаться ключевой единицей в большинстве существующих описаний языков. Из двух основных типов общих определений слова - фонологического и морфологического - первое, и это совершенно ясно, для целей настоящего исследования не подходит. Определяя слово фонологически, мы исходим из какого-либо одного фонологического признака или из сочетания отличительных признаков, служащих особыми указателями. Таковыми обычно являются ударение или пограничные модификации фонем, то есть явления стыка. Однако помимо того факта, что использование фонологических признаков для определения слова ведет к выделению отдельных единиц, которые по ряду других причин нежелательно было бы причислять к словам, во многих языках подобные явления вообще отсутствуют, поэтому на основе фонологического анализа универсального определения слова создать нельзя. Отправная точка других определений слова - морфологическая, так как они исходят из дистрибуции значащих элементов. Из определений этого рода определение слова Блумфилдом как минимальной свободной формы следует признать наиболее удовлетворительным, поскольку оно универсально по своему применению и правильно указывает на наличие или отсутствие свободы (или связанности) как на основной критерий

слова. Однако применение этого критерия, то есть проверка возможности изолированного употребления, на практике затруднительно и иногда приводит к неожиданным результатам; так, если исходить из определения Блумфилда, артикль *the* в английском языке нельзя было бы признать отдельным словом.

Метод, которым мы пользовались в настоящем исследовании, может быть описан лишь в самых общих чертах. Он дал удовлетворительные (для поставленных здесь задач) результаты в тех относительно немногочисленных сомнительных случаях, которые были связаны с выяснением наличия или отсутствия границ слова в изучаемых языках. Вместо того чтобы задаваться вопросом, свободна или связана та или иная минимальная форма вообще, как это обычно делается, в настоящем исследовании мы исходим из морф в конкретных контекстах. Это позволяет нам, например в латинском языке, считать *ab* "от" свободной формой в качестве предлога, но связанной формой в качестве глагольного префикса в *abduco* "я увожу". Свобода или связанность формы характеризуется не морфой как таковой, а контекстуально определяемым классом взаимозаменяемых морф. Такой класс называется здесь классом взаимозаменяемых морф (КВМ; *morph substitution class* - MSC). Мы расширяем это понятие, включая в него и последовательность классов взаимозаменяемых морфем, которые во всех случаях могут быть заменены каким-либо определенным классом взаимозаменяемых морф, ни один из членов которого не идентичен его членам [3]. Для того чтобы охватить и индивидуальные классы взаимозаменяемых морф и заменяющие их последовательности, удобно использовать термин ядро (*nucleus*). Разбив указанным способом высказывание на отдельные ядра, необходимо далее выяснить, является ли каждая граница между ядрами одновременно и границей между словами или нет. Граница ядра является границей слова, если в данном случае возможно вклинивание последовательности ядер любой длины. Если же граница является внутрисловной, то либо вклинивание ядер невозможно вообще, либо максимальное количество вставляемых ядер строго ограничено. Так, например, в английском предложении *The farmer killed the ugly duckling* "Фермер убил уродливого утенка" девять морфем: 1) *the* 2) *farm* 3) *er* 4) *kill* 5) *ed* 6) *the* 7) *ugly* 8) *duck* 9) *ling*; семь ядер: 1) *the* 2) *farmer* 3) *kill* 4) *ed* 5) *the* 6) *ugly* 7) *duckling* и шесть слов: 1) *the* 2) *farmer* 3) *killed* 4) *the* 5) *ugly* 6) *duckling*. Граница *kill-ed* является внутрисловной, так как включение ядра здесь невозможно.

С другой стороны, на границе между *farmer* и *killed* ограничения максимального количества ядер, которые могут быть здесь включены нет. Мы можем говорить о *farmer who killed the man who killed the man who... killed the ugly duckling*, то есть о "фермере, который убил человека, который убил человека, который... убил уродливого утенка". Расхождение с фонологическим словом в некоторых случаях только кажущееся. Так, в латинском языке энклитическая частица *-que* "и", которая считается слогом, относящимся к любой предшествующей последовательности, и определяет место ударения, служащего фонологическим признаком слова, согласно нашему тексту является также частью слова. *Dominus* "хозяин" и *dominus* в *dominusque* "и хозяин" не являются членами одного КВМ, так как они не взаимозаменяемы. *Dominus* относится к тому же классу ядер, что и *legatus-*, *puer-*, и этот класс зависит от класса последующих *-que*, *-ve*, поскольку они обязательно следуют за ним и, таким образом, принадлежат тому же слову. Даже односложные образования, где сдвига ударения не происходит (ср. *mus* "мышь" и *mus* в *mus-que* "и мышь"), являются членами разных ядер, поскольку первое может быть заменено только *dominus*, *puer* и т. д., а последнее - только классом *dominus-*, *puer-*.

В таблице 1 приведены вычисленные индексы. Были взяты главным образом те языки, которые чаще всего упоминаются в качестве примеров определенных языковых типов в существующей литературе по типологии. Выбор языков ограничен также моими собственными познаниями в области отдельных языков. В качестве примера агглютинативного языка вместо турецкого языка мною был выбран родственный ему якутский язык, поскольку обширные заимствования из арабского в османском турецком языке привели к нарушениям гармонии гласных и осложнениям в других областях в такой степени, что турецкий язык перестал быть типичным. Чтобы проиллюстрировать изменения в типе языка, происшедшие за длительный период, были выбраны два древних индоевропейских языка - англосаксонский и санскрит, а также два современных языка тех же групп - германской и индоиранской - современный английский и персидский. Вьетнамский язык был взят в качестве представителя корнеизолирующего типа языков,

эскимосский - в качестве полисинтетического, а суахили - один из языков банту - в качестве агглютинирующего языка, использующего согласование [4] (см. прилагаемую таблицу).

	Санскрит	Англо-сакс.	Персидский	Английский	Якутский	Суахили	Вьетнамский	Эскимосский
Синтез	2,59	2,12	1,52	1,68	2,17	2,55	1,06	3,72
Агглютинация	0,09	0,11	0,34	0,30	0,51	0,67	...	0,03
Словосложение	1,13	1,00	1,03	1,00	1,02	1,00	1,07	1,00
Деривация	0,62	0,20	0,10	0,15	0,35	0,07	0,00	1,25
Преобладающее словоизменение	0,84	0,90	0,39	0,53	0,82	0,80	0,00	1,75
Префиксация	0,16	0,06	0,01	0,04	0,00	1,16	0,00	0,00
Суффиксация	1,18	1,03	0,49	0,64	1,15	0,41	0,00	2,72
Изоляция	0,16	0,15	0,52	0,75	0,29	0,40	1,00	0,02
Собственно словоизменение	0,46	0,47	0,29	0,14	0,59	0,19	0,00	0,46
Согласование	0,38	0,38	0,19	0,11	0,12	0,41	0,00	0,38

На основе подсчетов, подобных приведенным выше, в качестве следующего шага после уточнения кривой частотности дистрибуции соответствующих явлений можно было бы дать определение таким терминам, как аналитический, синтетический, агглютинирующий, префигирующий и т. п. Поскольку здесь представлено слишком мало языков, эту задачу осуществить невозможно. Тем не менее даже беглое ознакомление с приведенными здесь индексами показывает, что если мы определим аналитический язык как язык с индексом синтеза в 1,00-1,99, синтетический - в 2,00-2,99, а полисинтетический - в 3,00, то результаты будут соответствовать обычным представлениям, не связанным с какими-либо статистическими подсчетами. Подобным же образом мы могли бы назвать агглютинативным такой язык, где индекс агглютинации превышает 0,50 и т. д.

Результаты, полученные в настоящем исследовании, необходимо также подкрепить дальнейшими подсчетами, поскольку они были выведены для отдельных отрывков по 100 слов в каждом; помимо этого, следовало бы указать возможный процент ошибок. Можно было бы вполне допустить существование различий, обусловленных различиями в стиле выбранных отрывков. Индекс синтетичности поэтому был вычислен для целого ряда разных по стилю отрывков из английского и немецкого языков, однако были достигнуты удивительно близкие результаты.

Английский язык:

"Ladies' Home Journal", January 1950, стр. 55 - 1,62

R. Linton. Study of man, стр. 271 - 1,65

O. J. Kaplan, Mental disorders in later life, стр. 373 - 1,60.

Немецкий язык:

Baumann, Nama Folk-tale - 1,90

Ratsel, Anthropogeographie, стр. 447 - 1,92

Cassirer, Philosophie der symbolischen formen, стр. 1 - 2,11.

Разумеется, это не заменяет статистических данных. Другая проблема, которую можно изучить с помощью предложенного нами метода, - это общее направление исторических изменений в языке за длительный период времени. Совпадения, наблюдаемые в санскрите и англосаксонском языках, с одной стороны, и персидском и английском - с другой, поразительны: направление изменений при переходе от более древнего языка к современному буквально для каждого индекса одно и то же. Быть может, при выборе более консервативных индоевропейских языков, например славянских, результаты были бы иными.

Настоящая работа должна рассматриваться исключительно как предварительный набросок. Некоторые из индексов, возможно, придется исключить или заменить другими. В последующих работах вероятно, будут пересмотрены также некоторые конкретные определения. Вместе с тем я полагаю, что общий метод вычисления индексов, основанных на существующих в тексте отношениях между строго определенными лингвистическими элементами, представляет известный интерес для типологических исследований.

Примечания

1. Аналогичный в своей основе метод был предложен в неопубликованном докладе Чарльза Хокетта, прочитанном им на ежегодном заседании Лингвистического общества Америки в 1949 г. в Филадельфии, и в моем выступлении на заседании Нью-Йоркского Лингвистического кружка в Колумбийском университете в январе 1950 г.

2. Один из четырех элементов может быть нулевым при условии, если последовательности, в которых он встречается, представляют собой свободные формы, то есть встречаются в изоляции. Так, hand "рука": hands "руки": table "стол": tables "столы" - это правильные квадрат, и котором A hand, B table, C нуль и D -s.

3. Это необходимо для того, чтобы исключить эндоцентрические словосочетания, где последовательность слов всегда может быть замещена главным, или основным, членом. Последовательность прилагательных, за которой следует одноморфное существительное, составляла бы ядро, если бы не зависимость, существующая между ее членами. Прилагательные в английском языке не совпадают с существительными, например, потому, что они встречаются также в предикативных адъективных конструкциях. В отношении понятия класса взаимозаменяемых морф и деривационной последовательности я в значительной мере обязан работам З. Хэрриса и Р. Уэллза. Особенно близки эти понятия к понятию фокусного класса Р. Уэллза.

4. Для каждого языка были выбраны следующие отрывки текста длиной в 100 слов: для санскрита ("Hitopadesa", ed. M. Mueller, стр. 5) - varamekas (и т. д.); для англосаксонского (J. W. Bright. An Anglo-Saxon Reader, New York, 1917, стр. 5) - gelamp gio (и т. д.); для персидского (Pizzi, I, "Chrestomathie Persane", Turin, 1889. стр. 107) - ruzi Ibrahimi (и т. д.); для английского ("New Yorker", Dec. 13, 1952, стр. 29) - Anyone т. д.); для якутского ("Ueber die Sprache der Yakuten", St. Petersburg, 1851, стр. 29) - min bayasa (и т. д.); для суахили (C. Sacleux, Grammaire Swahilie, Paris, 1909, стр. 321) - Iiyana mmoja (и т. д.); для вьетнамского (M. B. Emeneau, Studies in Vietnamese (Annamese) Grammar, Los Angeles, 1951, стр. 226) - mot horn; для эскимосского (W. Thalbitzer "Handbook of American Indian Languages", Pt. 1, ed. F. Boas, Wash., 1911, стр. 1066) - kaasawruuuaq (и т. д.) (в фонематической транскрипции).

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ МЕТОДЕ

А.А. Реформатский

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ МЕТОДЕ

(Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. - М., 1987. - С. 40-52)

В последнее время и педагогическая практика, и лингвистическая печать уделяют много внимания вопросам сопоставительного метода. Это вполне понятно: и насущные потребности обучения русскому языку населения национальных республик Советского Союза, и обостренный интерес к русскому языку в зарубежных странах требуют разработки методики обучения неродному языку на уровне современной науки о языке, а эта потребность, в свою очередь, требует разработки и соответствующей лингвистической теории.

Вот почему, прежде чем говорить о достоинствах и недостатках пособий и статей по сопоставительному методу, необходимо установить некоторые теоретические принципы, после чего можно дать оценку наличной языковедной литературы.

Первое положение при установлении принципов сопоставительного метода — это строгое различие сопоставительного и сравнительного методов.

Сравнительный метод направлен на поиск в языках схожего, для чего следует отсеивать различное. Его цель — реконструкция бывшего через преодоление существующего. Сравнительный метод принципиально историчен и прагматичен. Его основной прием: используя вспомогательную диахронию, установить различного среза синхронии «под звездочкой». Сравнительный метод должен принципиально деиндивидуализировать исследуемые языки в поисках реконструкции протореалии.

Обо всем этом справедливо писал Б. А. Серебренников, объясняя различие сравнительного и сопоставительного методов: «Сравнительная грамматика... имеет особые принципы построения. В них сравнение различных родственных языков производится в целях изучения их истории, в целях реконструкции древнего облика существующих форм и звуков» [1]. Сопоставительный метод, наоборот, базируется только на синхронии, старается установить различное, присущее каждому языку в отдельности, и должен опасаться любого схожего, так как оно толкает на нивелировку индивидуального и провоцирует подмену чужого своим. Только последовательное определение контрастов и различий своего и чужого может и должно быть законной целью сопоставительного исследования языков. «Когда изучение чужого языка еще не достигло степени автоматического, активного овладения им, система родного языка оказывает ... сильное давление... Сравнение (лучше: сопоставление. — А. Р.) фактов одного языка с фактами другого языка необходимо прежде всего для устранения возможностей этого давления системы родного языка» [2]. «Такие грамматики лучше всего называть сопоставительными, а не сравнительными грамматиками» [3].

Историчность сопоставительного метода ограничивается лишь признанием исторической констатации языковой данности (не вообще язык и языки, а именно данный язык и данные языки так, как они исторически даны в их синхронии).

В отличие от сравнительного метода сопоставительный метод принципиально прагматичен, он направлен на определенные прикладные и практические цели, что отнюдь не снимает теоретического аспекта рассмотрения его проблематики.

Второе положение, характеризующее сопоставительный метод, можно определить следующими тезисами:

1. Тезис об идиоматичности языков, т. е. утверждение, что каждый язык индивидуально своеобразен не только в отношении «особенностей» своих деталей, но и в целом и во всех своих элементах, в своем «чертеже», как мог бы сказать Э. Сепир.

2. Тезис о системности в отношении и каждого яруса языковой структуры, и всего языка в целом.

3. Тезис о том, что сопоставление не может опираться на единичные, разрозненные «различия» диспаратных фактов, а должно исходить из системных противопоставлений категорий и рядов своего и чужого.

4. Тезис о том, что опора сопоставления отнюдь не в поисках мнимых тождеств своего и чужого, а наоборот, в определении того разного, что пронизывает сопоставление своего языка и языка чужого.

5. Тезис, определяющий противопоставление своего чужому не вообще, а лишь в двустороннем (бинарном) сопоставлении системы своего языка и данного чужого.

Если первое положение довольно очевидно и не требует большой аргументации, то пять тезисов второго положения как раз именно требуют детальной аргументации.

Тезис об идиоматичности языка и языков с большим стилистическим блеском показал в свое время Ш. Балли в книге «Общая лингвистика и вопросы французского языка» [4], где для выявления характерных черт французского языка автор пользуется бинарным сопоставлением французского и немецкого языков и приходит не только к частным дифференциальным выводам, но и к некоторым «глобальным» обобщениям, где подчеркивается связь явлений выбора языкового знака и его

функционирования повсюду: в лексике, в грамматике, в сегментации речевой цепи, в отборе и распределении фонетических единиц. Тем самым Ш. Балли подошел близко к тому, чтобы загадочное понятие «внутренней формы» В. Гумбольдта как «всепроницающей силы» стало «весомым и зримым».

То, что Ш. Балли в этой книге берет языки французский и немецкий, пожалуй, даже убедительнее, чем, если бы он брал языки неродственные (например, французский и арабский или суахили) — там все то, о чем говорит Балли, слишком очевидно, как говорится, «лежит на поверхности», тем более, что и факторы «внешней лингвистики»: социально-исторические условия и географическое распространение таких сопоставляемых языков — нацело не совпадают. Языки же французский и немецкий — это представители двух давно разошедшихся групп языков той же индоевропейской семьи, это два языка Западной Европы, носителями которых являются народы современной европейской цивилизации. Тем более интересно, как Балли показывает своеобразие каждого из сопоставляемых языков.

Некоторые замечания Балли касаются и другого типа сопоставления — близкородственных языков (французский и итальянский, с. 351), но это у него лишь случайный эпизод. А как раз для сопоставительного метода близкородственные языки представляют особый интерес, так как соблазн отождествления своего и чужого там тоже «лежит на поверхности», но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности. Особенно это относится к таким группам языков, как славянские или тюркские.

Тезис о системности языковых фактов является вторым условием сопоставительного метода.

Если бы язык был свалкой разрозненных фактов — слов, форм, звуков..., то он не мог бы служить людям средством общения. Все многообразие случаев и ситуаций общения, все разнообразие потребности называния вещей и явлений, выражения разнообразных понятий люди могут превращать в общественную ценность только благодаря тому, что язык системно организован и управляется своими внутренними законами и в каждом языке — особыми (следствие того, о чем говорилось в первом тезисе). Эти законы группируют весь инвентарь языка в стройные ряды взаимосоотнесенных явлений, будь то система падежных или глагольных форм, классы частей речи, ряды и пары (биномы) консонантизма и вокализма в фонетике.

Все это в совокупности образует структурную модель языка, распределенную на ряд систем и подсистем, расчлененных и одновременно связанных друг с другом многими отношениями. Вне этих отношений любой факт, будь то слово, форма или звук, — еще не факт языка, как кирпич сам по себе вне своего места в стройке — еще не часть здания, а только строительный материал. Становятся эти элементы фактами языка лишь тогда, когда они подчиняются той или иной действующей в данном языке модели, т. е. когда они становятся членами системы.

Это особенно очевидно, когда данный язык принимает и усваивает что-либо чужезычное из другого языка. Пока это чужезычное не освоено моделями своего языка, оно остается чуждой инкрустацией, варваризмом.

Усвоение чужого именно и состоит в его подчинении своему, и усвоение возможно только через освоение, когда чужезычное слово подчиняется действующим в данном языке законам и отвечает существующим и функционирующим в нем моделям.

Менять эти модели никому не дано: индивид не может отменить существующие парадигмы склонения и спряжения или упразднить имеющиеся ряды согласных и гласных, равно как и «сочинить» новые падежи и новые различительные признаки фонем. Недаром античный философ Секст Эмпирик (II—III в.) сравнивал таких анархистов-изобретателей в языке с... фальшивомонетчиками [5].

Третий тезис является, собственно, следствием второго: если язык — система и все в нем подчинено системе, то при изучении языков нельзя оперировать с единичными изолированными фактами, вырывая их из системы. Факты языка — любого яруса языковой структуры — необходимо брать в тех категориях, в которых они представлены в данном языке. Тем самым должно проводиться сопоставительное изучение не фактов, а категорий своего и чужого.

Если мы изучаем какой-нибудь падеж, то необходимо брать его в сетке всех падежей данной парадигмы; так, значимость и употребление родительного падежа (генитива) зависит от того, есть ли в данной парадигме отложительный падеж (аблатив) или же он отсутствует, так как наличие аблатива ограничивает охват функций генитива (таково соотношение русского и латинского языков). То же можно сказать об «исходном падеже» некоторых языков; ср., например, киргизское *Үйдүн тоо бийик* и русское *Гора выше дома*.

При изучении согласных нельзя отдельно «изучать» *л*, или *т*, или *к*, а следует рассматривать всю категорию глухих в противоположность звонким, учитывая количество пар по признаку глухости — звонкости, а также и члены этих рядов, остающиеся вне пар. Брать же эти пары и ряды надо как в условиях различения (*кол — гол, икра — игра*), так и в условиях неразличения, или нейтрализации *лук — луг, лук бы — луг бы*). При изучении гласных нельзя изолированно «освоить» чуждые русской фонетике передние лабиализованные гласные *ï, ö* (в немецком, французском, венгерском, в тюркских), а нужно брать все ряды и соотношения передних и задних, лабиализованных и нелабиализованных, а в ряде случаев еще и учитывать особые условия (например, условие губного сингармонизма в киргизском). Тем более недопустимо «отрабатывать» русское *ы*, как это рекомендуется во многих пособиях и статьях [6], ведь русское *ы* — это лишь функция твердости предшествующей согласной; ср. *князь Иван* и *без Ивана* (в последнем случае вместо *и* звучит *ы*, так как *з* в *без* твердое). Необходимо освоить категорию твердости—мягкости русских согласных в противопоставлениях твердых и мягких слогов (*ляг — лаг, лег — лог, люк — лук — лык*), а тогда и *ы* (разного, кстати, качества) само «ляжет» куда надо.

Тем самым надо осудить широко применяющуюся у методистов «теорию» располагать «звуки чуждого языка по степени трудности в порядке номеров». Трудны не «звуки», а отношения рядов и категорий фонологической системы чуждого языка, не совпадающие с рядами и категориями фонологической системы своего языка. То, что в одном языке самостоятельные фонемы, в другом — лишь вариации той же единицы, и наоборот. Не совпадают и сильные и слабые позиции, и варьирование «тех же» фонем в слабых позициях, и результаты варьирования в отношении нейтрализации противопоставленных фонем.

Теория «изолированных и нумерованных по степени трудности звуков» опиралась на автоматический и антиструктуральный подход к языку. Принятие тезиса о системности всех ярусов языковой структуры требует отказа от этой «теории» и изыскания новых системных путей.

Четвертый тезис также стоит в противоречии с обычным методическим рецептом, рекомендующим при овладении чужим языком опираться на навыки родного языка, и, используя «то же», осваивать «не то же».

Уже давно в отношении овладения иноязычным произношением многие лингвисты пришли к обратному положению: для овладения чужим языком надо прежде всего отказаться от своего, преодолеть навыки своего языка и, отталкиваясь от системы своего языка, овладеть чужим языком, так как навыки своего языка — это то сито, через которое в искаженном виде воспринимаются факты чуждого языка. Об этом писали Е. Д. Поливанов, К. Бюлер, С. И. Бернштейн, а особенно остро Л. В. Щерба, рекомендовавший прежде всего при овладении нормами чуждого языка «... путь сознательного отталкивания от родного языка» [7].

Основываясь на личном практическом опыте, об этом же четко пишет З. Оливериус (Чехословакия): «Обучение иностранному языку всегда начинается с констатации соблазнительного тождества элементов родного и изучаемого иностранного языка...» И далее: «Чешские слова или предложения... возвращают учащегося очень быстро в сферу родного языка и мешают усвоению русского произношения» [8].

Справедливо писал также Ш. Микаилов: «... особые трудности испытывают учащиеся при изучении звуков, имеющих общие черты со звуками родного языка. И чем больше общих черт, тем труднее достигнуть правильного, точного произношения русского языка» [9]. Поиски «соблазнительных тождеств» своего и чуждого — самый опасный путь при овладении чужим языком; эти «соблазнительные тождества»

всегда провокационные, что неизбежно приводит к акценту, а акцент может проявляться не только в фонетике, но и в грамматике, и в лексике. Особенно это касается близкородственных языков, где такие «соблазны» попадают в избытке.

Пятый тезис является логическим выводом из положения об идиоматичности языков и из тезиса о системности языка. Если система каждого языка идиоматична, то можно и должно сопоставлять данный язык только с каким-то определенным другим языком, обладающим иной системой, а не говорить о сопоставлении «вообще»... Трудности при усвоении данного языка носителями различных языков различны, и они выявляются лишь в двустороннем (бинарном) сопоставлении. И преодоление этих трудностей будет различным для носителей различных языков, и план обучения и порядок обучения должен исходить из данного бинарного соотношения систем языков, и он обязательно будет варьировать в зависимости от того, какие языки вошли в сопоставляемую пару.

Так, при усвоении русского языка французами и англичанами трудность представляет оглушение конца слова в русском (*лук* — *луг*, одинаково [лук]), так как во французском и в английском языках это позиция различения глухих и звонких согласных (фр. *douce* 'сладкая' и *douze* 'двенадцать'; англ., *the house* [haus] 'дом' и *to house* [haus] 'приютить'). Однако для немцев этот случай (а он — кардинальный для русской фонетики) не представляет труда, так как аналогичное позиционное явление имеется и в немецкой фонетике (*Rad* 'колесо' и *Rat* 'совет' звучат одинаково: [rat], но статистически в ничтожных размерах по сравнению с русским языком.

Для тюркоязычных народов, в системе которых имеется явление сингармонизма, большие трудности представляет семитская апофония в арабском, где наряду с «естественной» для тюрков словоформой *katala* существуют «неестественные»: *kutila*, *katilun*, *kitalun*. Но это «ломаное» в отношении твердости и мягкости слогов построение словоформ несколько не удивит белоруса, спокойно употребляющего словоформу *пирапёлачка!*

То же и в грамматике. Русским очень просто усвоить три рода латинских или немецких существительных, но уложить в два рода все существительные во французском уже труднее (даже и для представителей тех южнорусских диалектов, где тоже только два рода и где *варенье* — «она» ...). А англичанам и тюркам очень трудно освоить русское распределение существительных по родам, так как, кроме имен родства (*отец, дед, тесть, зять, жених, муж* и т. п. и *мать, свекровь, невестка, сноха, золовка, теща, невеста, жена*) и названий животных (не всех!), отнесение к роду того или другого существительного не мотивировано. Ср. такие «серии»: *река, ручей, озеро; стена, пол, окно, роща, лес, болото* и т. п. Даже и фоно-морфологические показатели рода зачастую в русском не однозначны (*старшина, староста, мужчина, папа* — мужского рода, хотя и склоняются как *мама; день, пень* — мужского рода, а *лень, тень* — женского; кстати, названия знаков чаще всего в русском относятся к среднему роду: «жирное 5», «переднее а» и т. п.) [10].

Русским очень трудно усвоить, что во французском, английском, в тюркских языках прилагательные не согласуются в числе, и, наоборот, англичанам, французам непонятно это согласование в русском.

Когда-то А. М. Пешковский очень тонко показал сопоставительное несоответствие славянских и неславянских индоевропейских притяжательных местоимений. «В русском языке возвратность может опираться на все три лица, т. е. *себя* и *свой* могут обозначать тождество представляемого предмета с тем, что мыслилось раньше и как *я...*, и как *он...* В неславянских индоевропейских языках возвратное местоимение может обозначать только тождество с тем, что мыслилось раньше как он, т. е., проще говоря, может относиться только к третьему лицу... Есть даже языки (например, немецкий), где возвратное прилагательное местоимение может относиться только к *он* и *она*, но не к *она*; немец говорит *она берет себе ее хлеб* и не может сказать *она берет себе свой хлеб*» [11].

И далее: «... выражение *он застал меня в своей комнате* может иметь два смысла, потому что может восприниматься как субъект того состояния, которое извлекается здесь из значения слова *застал*. Таким образом, выражение может быть уточнено в двух направлениях: *он застал меня в его комнате* и *он*

застал меня в моей комнате. Опять-таки, в языках, где вместо *моей* нельзя сказать *своей*, эта двусмысленность невозможна. Но, с другой стороны, в этих языках оказываются возможными двусмысленности возвратных местоимений в таких случаях, в каких по-русски они невозможны. Так, французский и немецкий языки не имеют родительного падежа от слова *он*, и заменяют его возвратным местоимением *свой*: немецкое *sein* и французское *son* равняется этим двум словам ...Таким образом, предложения *он берёт свою шляпу* и *он берёт его шляпу* во французском и немецком звучат одинаково» [12].

В отношении лексики дело, конечно, не ограничивается тем, что русскому *ребёнок* соответствует в эстонском *laps*, в тюркских *бала*, в немецком *Kind*, во французском *enfant* и т. д. Всё это так. Но гораздо интереснее такие случаи, когда одной лексической единице одного языка соответствуют в другом языке две или более единиц. Так, русскому *лёгкий* во французском соответствует и *facile* (leçon 'урок') и *léger* (poid 'вес'). А наоборот, английскому *blue* в русском соответствует и *синий*, и *голубой*: а русскому *серый* в киргизском соответствуют и *кёк*, и *боз*, и *сур*; и, опять же наоборот, одному киргизскому *кёк* в русском соответствуют и *синий*, и *зелёный*. Л. Ельмслев приводит аналогичный пример из сопоставления английского и «уэльзского» языков, когда уэльзское *glas* может значить и «зелёный», и «синий», и «серый», а *llwyd* и «серый» и «коричневый».

Идея такого сопоставления была намечена Ф. де Соссюром в его «Курсе общей лингвистики», когда он, иллюстрируя идею системности в различных языках, сопоставляет одно французское слово *mouton* и два его соответствия в английском: *sheep* 'баран' и *mutton* 'баранина' [14]. Здесь были заложены основы структурной лексикологии, к сожалению, слабо подхваченные другими исследованиями.

Особый интерес представляют такие провокационные сходства близкородственных языков, как, например: болгарское *стол*, что значит не 'стол', а 'стул'; чешское *erstvý chléb* – не 'чёрствый хлеб', а наоборот: 'свежий хлеб'. Таких примеров в близкородственных языках найти можно множество. И они ещё раз предупреждают: при сопоставлении языков не надо искать сходства. Оно, как правило, провокационно!

Пионером применения сопоставительного метода в отечественном языкознании был Е. Д. Поливанов. В статье «La perception des sons d'une langue étrangère» [15], опубликованной в 1931 г., Поливанов показал, как в разных бинарных соотношениях: русско-японских, русско-корейских, русско-китайских, а также русско-узбекских, русско-английских, русско-французских, русско-немецких каждый раз меняются «трудности» и каждый раз возникают «трудности новые».

Эта принципиально важная статья должна быть компасом всем тем, кто желает писать в области фонологических сопоставлений языков. Особенно хочется отметить одно место в этой статье, где говорится о «переразложении» воспринимаемых звуков чужого языка «в фонологические воспроизведения, свойственные нашему родному языку. Услышав незнакомое иностранное слово... мы пытаемся найти в нем комплекс наших фонологических воспроизведений, переразложить его в фонемы, свойственные нашему родному языку, и даже в согласии с нашими законами группировки фонем» [16].

Мне уже приходилось цитировать это высказывание Е. Д. Поливанова, но оно так принципиально, что хочется еще раз его напомнить. В 1934 г. Е. Д. Поливанов напечатал написанную им еще в 1919 г. «Русскую грамматику в сопоставлении с узбекским языком», а в 1935 г. — «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам» [17].

В этих книгах Е. Д. Поливанова есть много поучительного для тех, кто пишет «сопоставительные грамматики», но почему-то у многих авторов, следующих за Поливановым, дыхания не хватает. Секрет здесь простой: берясь за такую методическую и прикладную тему, Поливанов оставался всегда лингвистом, и это лингвистическое истолкование фактов практики делает его книгу подлинным образцом нужного подхода к делу. Детальный разбор книг Е. Д. Поливанова я откладываю до опубликования его посмертных статей и забытых публикаций, что запланировано в Институте языкознания в виде сборника под названием: Е. Д. Поливанов, Неизданное и забытое...

Очень интересную статью опубликовал А. В. Исаченко в сборнике «Вопросы преподавания русского языка в странах народной демократии» (1961). В этой статье А. В. Исаченко, совершенно

справедливо вспоминая имена В. Гумбольдта, Штейнталя, Финка и Есперсена, связывает вопросы сопоставительного метода с общей типологией языков. А. В. Исаченко правильно утверждает, что «... сопоставлению подлежат не разрозненные и случайные языковые факты, а прежде всего системные элементы языка во всех его планах» (с. 275). Эту статью А. В. Исаченко можно считать установочной для разрешения вопросов сопоставительного метода [18].

В этом же сборнике имеется интересная и нужная статья О. Герменау «О закономерностях, определяющих усвоение русского языка как иностранного». В этой статье совершенно правильно указано» что «при выработке у учащихся правильного произношения русского языка можно наблюдать, как их родной язык во многих, случаях является тормозом и помехой при овладении русским языком» (с. 107) и «база родного языка закономерно оказывает влияние на базу иностранного языка как в процессе слушания, так и разговора на русском языке» (108). «И в области грамматики родной язык часто оказывает тормозящее влияние» (с. 112). Хотелось бы еще отметить такое положение О. Герменау: «Тезис 16. Расхождение между частотой употребления той или иной формы склонения существительных и ее морфологической правильностью повышает трудности начального изучения русского языка как иностранного» (с. 127). (...)

Среди последних публикаций по сопоставительному методу хотелось бы с особым удовольствием отметить уже упоминавшуюся статью З. Оливериуса «Обучение звуковой системе русского языка в чешской школе» (Чехословакия) [19]. Автор, исходя из «... сопоставления фонологических систем родного (в данном случае — чешского) и русского языков», правильно утверждает, что «сопоставительная фонетика родного и русского языков является ключом к решению вопроса так называемого фонетического минимума» (с. 60).

Выше было уже отмечено интересное рассуждение З. Оливериуса о «соблазнительных тождествах» близкородственных языков (с. 63), далее следует указание о том, что «порядок тренировки учащихся в произношении отдельных звуков русского языка опирается на сопоставительный анализ фонетической системы чешского и русского языков с учетом фонологичности и частотности данных элементов» (с. 64). Хорошо в этой статье говорится и о том, что «... более эффективно заниматься обучением произношению палатализованных согласных в целом» (с. 64) и что «... принимая во внимание частотность и фонологичность данных явлений, можно определить различную степень желаемой аппроксимации, приближения к правильному произношению» (с. 66).

Хотя у меня и есть возражения автору относительно *и* и *ы* (с. 65) и о «трудностях физиологического характера» (с. 66), но в целом — это очень правильная и нужная статья. (...)

Если попытаться расшифровать сакраментальную фразу: «При сопоставительном описании нужна системность», то это значит, что любые факты сопоставляемых языков надо брать в их системе и подсистеме и что этого нельзя добиться простым перечислением, чем более всего грешат сопоставительные пособия. Например, надо не просто рассуждать об эргативной конструкции, а показать, что собой представляет именная парадигма с наличием винительного падежа (как в русском) и с его отсутствием (во многих кавказских, где есть «эргативный падеж»). Или, например, для тех тюркских языков, где нет глагольных форм на *-мак*, *-мек*, показать место инфинитива в русской глагольной парадигме. Иными словами, в сопоставительных грамматиках не надо безразлично перечислять все формы, а брать надо лишь то, что дифференциально в соотношении систем двух языков.

Тема сопоставительного метода широко отразилась и в практике диссертаций последнего времени, о чем пишет в своей статье «О сопоставительном методе изучения языков» В. Н. Ярцева [20].

Автор справедливо противопоставляет сравнительно-исторический метод и сопоставительное изучение языков, «... когда в результате этого сопоставления выявляются свойства и особенности этих языков, а не вопросы их родства», и констатирует, что это «... ограничивалось нуждами преподавания иностранных языков и областью перевода с одного языка на другой» (с. 3). Я бы на это заметил, что именно это-то и хорошо, что такие реальные потребности, как преподавание иностранных языков и поиски

обоснования перевода, . и вызвали развитие того направления, которое называется сопоставительным методом.

Справедливо сетует В. Н. Ярцева, что в диссертациях в данной области «... большинство диссертантов ограничивается формальным описанием избранного явления сначала в одном языке, а потом в другом, не ставя вопроса о функциональной значимости данного грамматического явления для изучаемого языка и его месте в грамматической системе языка в целом» (с. 4).

Правильно и такое положение В. Н. Ярцевой: «...системный подход при анализе фактов лексики обеспечивает лингвистическую сторону исследования и гарантирует, что выделение данного отрезка словаря основывается не на понятии самом по себе, а на материале, выражающем это понятие в языке» (с. 10). Зато рассуждение о « малоперспективности для лингвиста» сопоставлений в области лексики, обозначающей цвета спектра, несколько удивляет: «Что дает... тот факт, что в русском языке различаются *синий* и *голубой*, а в английском языке есть только одно слово *blue*» (с. 9). Конечно, пример с «лексикой цветового спектра» старый, но он все-таки интересен и именно в системном плане, недаром же его анализирует и Л. Ельмслев. Он пишет: «За пределами парадигм, установленных в разных языках для обозначения цвета, мы можем, вычитывая различия, найти такой аморфный континуум — цветовой спектр, в котором каждый язык произвольно устанавливает свои границы» [21].

Хотелось бы попутно разъяснить одно недоразумение. В. Н. Ярцева пишет: «Несмотря на то, что приоритет в фонологическом исследовании принадлежит русским лингвистам (И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба), сопоставительное исследование звуковой стороны различных языков у нас, к сожалению, не получило достаточного теоретического обоснования» (8). Но стоит только вспомнить статью Е. Д. Поливанова «1931), книгу С. И. Бернштейна «Вопросы обучения произношению» (1937) и хотя бы серию моих статей конца 50-х годов, чтобы убедиться, что положение В. Н. Ярцевой не соответствует действительности.

Отмеченное выше замечание В. Н. Ярцевой о том, что большинство ограничивается описанием избранного явления в одном языке, а потом в другом, бьет прямо в цель: действительно, в большинстве сопоставительных работ изложение строится по системе старого анекдота о том, как беседовали два мальчика: «А у нас блины!», «А к нам солдат пришел!» Таким способом нельзя построить сопоставительную методику. Это касается не только многих методических пособий, но присутствует даже в труде такого мастера синхронных описаний и межъязыковых контроверз, как А. В. Исаченко; я имею в виду его книгу «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» [22]. Мне представляется, что труд А. В. Исаченко, собственно говоря, по всему замыслу — это описательная грамматика русского языка, а сопоставление со словацким могло бы и не иметь места, и книга от этого только бы выиграла. Конечно, в некоторых случаях и в описательных грамматиках могут иметь место сопоставительные эпизоды, как хотя бы приведенный выше эпизод с возвратными местоимениями у А. М. Пешковского, но здесь это лишь инкрустация. Задача Пешковского показать специфические свойства своего языка, хотя бы и через сопоставление с фактами чужого языка. В сопоставительной же грамматике надо, отталкиваясь от своего, показывать чужое для овладения этим чужим. Тем самым сопоставительная грамматика не должна быть одновременной грамматикой двух языков на равных основаниях: это грамматика чужого языка по сопоставлению с родным языком. И ничем осложнять эту совершенно ясную и четкую задачу не следует. Тем самым «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» Е. Д. Поливанова — это русская грамматика, а не узбекская, и под такой рубрикой ее и следует числить.

[Впервые напечатано в журнале: Русский язык в национальной школе. 1962. № 5. С. 23—33.]

Примечания

1 . Серебренников Б. А. Всякое ли сопоставление полезно? // Рус . яз. в нац. шк. 1957. № 2. С. 10; см. также ответную статью А. Чикобава «Сопоставительное изучение языков как метод исследования и как метод обучения» (Там же. 1957. № 6. С. 1).

2 . Серебренников Б. А. Указ . соч. С. 10.

3 . Там же. — Против этого положения неубедительно протестует Г. Нечаев в заметке «Нужна ли сравнительная грамматика?» (Рус . яз. в нац. шк. 1957. № 6. С. 8).

4 . Ba1ly C h. Linguistique générale et linguistique française. P., 1950; Рус . пер. Е. В. и Т. В. Вентцель. М., 1955. См. ч. II — «Современный французский язык» и в особенности раздел III — «Общие формы выражения».

5 . См. хрестоматию «Античные теории языка и стиля» (М.; Л., 1936. С. 84).

6 . К сожалению, и наша методическая литература, и научные статьи на эти темы богаты рекомендацией «поштучного» заучивания изолированных звуков, например: Серебренников Б. А. Указ . соч. С. 15 (о татарском а и марийском ы); Микаилов Ш. Знание родного языка учащихся необходимо // Рус. яз. в нац. шк. 1957. № 6. С. 10 (о русском ы) и мн. др.

7 . См. об этом: Реформатский А. А. Фонология на службе обучения произношению // Рус . яз. в нац. шк. 1961. № 6. С. 67, 68

8 . Оливериус З. Обучение звуковой системе русского языка в чешской школе // Рус . яз. в нац. шк. 1961. № 6. С. 63.

9 . Микаилов Ш. Указ . соч. С. 10.

10 . См.: Серебренников Б. А. Указ . соч. С. 13.

11 . Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении //4-е изд. М., 1934. С. 144—145

12 . Там же. С. 147 – 148.

13 . См. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С.311.

14 . В русском переводе «Курса общей лингвистики» (1934) Соссюра английские примеры заменены русскими (с. 115), что, однако, не меняет сути изложения.

15 . Polivanov E. La perception des sons d'une langue étrangère // TCLP. 1931. P. 79 etc.

16 . Ibid P. 79—80.

17 . Поливанов Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934; Поливанов Е. Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ташкент; Самарканд, 1935 (2-е изд. под названием «Опыт частной методики преподавания русского языка» — Ташкент, 1961).

18 . Это не исключает некоторых моих несогласий с автором; см., например, с. 274, о лексической и структурной близости славянских языков, где не учтена провокационность такой близости, а также с. 276, 280, 281, где у меня нет также согласия с положениями автора.

19 . Рус . яз. в нац. шк. 1961. № 6.

20 . Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков // Филол. науки. 1960, № 1.

21 . Ельмслев Л. Указ . соч. С. 311. См. также: Реформатский А. А. Термин как член лексической системы // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968.

22 . Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, I, 1954; II, 1960.

Современный русский язык в сопоставительно-типологическом освещении

Э. Бенвенист

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

(Новое в лингвистике. Вып. III. - М., 1963. - С. 36-55)

Проблема классификации языков - очень важная проблема, и потребовалась бы целая книга, чтобы изложить ее достаточно хорошо. В одной лекции невозможно ни полностью охватить эту тему, ни обосновать новый метод. Ниже предполагается лишь дать обзор господствующих в настоящее время теорий и показать, на каких принципах они основаны и каких результатов можно достичь с их помощью. Общая проблема классификации языков распадается на ряд частных вопросов, которые могут быть весьма различными в зависимости от рассматриваемого типа классификации. Однако для всех этих частных вопросов характерно то, что каждый из них, будучи строго сформулирован, целиком охватывает как проблему классификации языков, так и проблемы, связанные с изучением того языка, который подлежит классификации. Этого вполне достаточно для того, чтобы оценить значение соответствующих исследований, присущие им трудности, а также тот разрыв, который имеется между намеченной целью и средствами ее осуществления.

Первой классификацией, которой занялись лингвисты, была так называемая генеалогическая классификация, то есть классификация, распределяющая языки по семьям в зависимости от предполагаемой общности их происхождения. Самые ранние попытки такой классификации восходят к эпохе Возрождения, когда появление книгопечатания дало возможность познакомиться с языками ближних и дальних народов. Уже сам факт сходства между языками очень скоро привел к объединению их в семьи. Таких семей вначале было гораздо меньше, чем в настоящее время. Объяснения же различий между языками искали тогда в библейских мифах. С открытием санскрита и возникновением сравнительной грамматики метод классификации становится более научным. И хотя мысль о едином происхождении языков в это время еще полностью не отбрасывается, но все более и более точно определяются условия, при которых возможно установление генетической близости языков. Методы, опробованные на материале индоевропейских языков, были распространены впоследствии на многие другие языки, так что в настоящее время большинство языков сгруппировано в генетические семьи. Труд по описанию языков мира вряд ли может быть сейчас выполнен иным способом. В настоящее время глоттогонические гипотезы уже не занимают ученых, а пределы познаваемого и доказуемого очерчиваются все более точно; тем не менее наука не отказалась ни от поисков связей между языками малоисследованных стран, например между языками Южной Америки, ни от попыток объединения целых семей, например индоевропейской, семитской и т. д., в более обширные группировки. И при этом не наука о языках позволила заложить основу классификации, но, наоборот, именно с классификации, сколь наивна и туманна она ни была вначале, начинается развитие науки о языках. Сходство между древними и современными языками Европы обусловило создание теории, объясняющей это сходство.

Данное соображение до некоторой степени объясняет те противоречия, которые возникают в связи с проблемой генеалогической классификации. Ведь именно в самих недрах чисто генетической и исторической лингвистики в течение нескольких последних десятилетий родилось общее языкознание. Из-за того, что общее языкознание стремится в настоящее время преодолеть историческую перспективу и выдвинуть на первый план синхроническое изучение языков, оно вынуждено иногда предпочитать генетическому принципу классификации другие принципы. Интересно выяснить, в какой мере эти теоретические разногласия влияют на рассматриваемую нами проблему классификации языков. Для любой классификации, какова бы она ни была, прежде всего нужно указать, признаки, на которых она основана. Для генеалогической классификации такими признаками являются признаки исторического характера. Странники генеалогической классификации стремятся объяснить как совершенно явные, так и менее очевидные сходства и различия между языками определенного ареала их общим происхождением. Здесь начинается применение сравнительного и индуктивного метода. Если лингвист располагает древними

свидетельствами, достаточно убедительными и обширными, то он может восстановить непрерывную связь между последовательными состояниями одного языка или совокупности языков. Наличие такой непрерывной связи нередко позволяет сделать заключение, что различающиеся ныне языки развились из единого источника. Доказательством их родства является наличие регулярных черт сходства, то есть соответствий между полными формами, морфемами и фонемами отдельных языков. Соответствия в свою очередь группируются в ряды, число которых тем больше, чем более родственны сопоставляемые языки. Соответствия являются убедительными лишь в том случае, если удастся полностью исключить такие факторы, как случайное совпадение, заимствование из одного языка в другой или обоих из одного общего источника, результат конвергенции языков. Доказательства оказываются решающими, если соответствия удастся сгруппировать в пучки. Так, соответствие между лат. *est* : *sunt*, нем. *ist* : *sind*, франц. *e* : *sont* и т. д. предполагает определенные фонетические соответствия, а также тождество морфологической структуры, типа чередования, глагольных классов и значения. Каждое из этих тождеств можно подразделить на ряд признаков, также находящихся в соответствии; для каждого из этих признаков в свою очередь можно найти аналогии в других формах этих языков. Короче говоря, здесь сочетаются условия столь специфические, что предположение о родстве рассматриваемых языков можно считать доказанным. Этот метод хорошо известен: он был проверен при установлении нескольких семей языков. Доказано, что он с успехом может быть использован при изучении языков, не имеющих письменной истории, родство которых устанавливается только на основании их современной структуры. Прекрасным примером такого исследования является проведенное Блумфилдом сравнение четырех основных языков центральной алгонкинской группы - фоке, оджибве, кри, меномини. На основе регулярных соответствий Блумфилд установил развитие пяти консонантных групп со вторым элементом *k* в этих языках и реконструировал в общеалгонкинском языке прототипы *sk*, *sk*, *xk*, *hk*, *nk*. При этом одно соответствие, ограниченное формой "он красный", не поддавалось объяснению: группа *Sk* в языках фоке и оджибве (фоке *meskusiwa*, оджибве *miSkuzi*) аномально соответствует группе *hk* в языках кри и меномини (кри *mihkusiw*, меномини *mehkon*). На основании этого автор постулировал в протоалгонкинском особую группу *sk*. И лишь впоследствии он имел случай подтвердить предположение об особой группе *sk* ссылкой на диалект Манитоба языка кри (см. Bloomfield в журн. "Language", I, стр. 30; IV, стр. 99. См. также его книгу "Language", стр. 359-360.), где рассматриваемая форма выступает в виде *mihtkusiw* с группой *-htk-*, отличной от *-hk-*. Регулярность фонетических соответствий и возможность в известной степени предвидеть процесс фонетического развития не ограничивается каким-либо определенным типом языка или какой-либо определенной областью. Поэтому нет оснований считать, что "экзотические" или "примитивные" языки требуют иных принципов сравнения, чем языки индоевропейские или семитские. Доказательство первоначального родства требует нередко очень длительных и обременительных изысканий по отождествлению единиц на всех уровнях анализа: по отношению к отдельным фонемам, сочетаниям фонем, морфемам, сочетаниям морфем и по отношению к целым конструкциям. Эта работа связана с рассмотрением конкретной субстанции сравниваемых элементов. Так, например, прежде чем говорить о соответствии лат. *ferē* и скр. *bhara-*, необходимо доказать, что латынь закономерно имеет *f* там, где санскрит имеет *bh*. Никакое исследование родства языков не может избежать этого, и определение места каждого языка в классификации является итогом большой работы по отождествлению конкретных единиц сравниваемых языков. При этом необходимо учитывать условия, при которых это отождествление происходит, так как без их учета доказательство невозможно. Однако мы не можем установить универсального способа для определения формы классификации языков, родство которых может быть доказано. Наше представление о какой-либо семье языков и место, которое мы отводим языкам этой семьи, отражает в действительности, и это нужно себе уяснить, модель частной классификации, классификации индоевропейских языков. Нельзя не признать, что это наиболее полная и по нашим современным требованиям наиболее удовлетворительная классификация. Сознательно или бессознательно лингвисты используют данную модель всякий раз, когда они приступают к классификации менее известных языков. В этом есть своя положительная сторона, так как использование хорошо разработанной классификации заставляет лингвистов соблюдать большую строгость при обработке нового материала. Однако отнюдь не очевидно, что те критерии, которыми пользуются обычно при классификации

индоевропейских языков, имеют всеобщую применимость. Одним из самых веских аргументов в пользу индоевропейской общности является сходство числительных, которое сохраняется по сей день в течение более чем двадцати пяти веков. Но устойчивость числительных объясняется, вероятно, такими специфическими причинами, как развитие экономики и обмена, известное индоевропейским народам с очень давнего времени, а не "естественными" или универсальными мотивами, общими для всех языков. Бывает, что числительные заимствуются из другого языка. Иногда даже в целях удобства или по иным причинам целые группы числительных могут заменяться другими группами числительных (См. аналогичное замечание М. Сводеша в "International Journal of American Linguistics", XIX, 1953, стр. 31 и сл.). Далее, и это главное, нет уверенности в том, что модель классификации, построенная для индоевропейского языка, является универсальным типом генеалогической классификации. Особенность индоевропейских языков заключается в том, что каждый язык примерно в одинаковой степени участвует в общем типе. Даже с учетом всех инноваций распределение основных признаков общей структуры в языках одной и той же степени древности является ощутимо сходным, как это подтверждается в случае с хеттским или как это можно предположить по тому немногому, что известно, например, о языках фригийском или галльском. Посмотрим теперь, как распределяются общие особенности в языках семьи банту, родство которых установлено достаточно надежно. Ареал языков банту делится на географические зоны; каждая зона включает группы языков, для которых характерны определенные общие фонетические и морфологические признаки; эти группы состоят из подгрупп, подразделяющихся на диалекты. Такая классификация, основанная на очень неравномерном материале, является целиком предварительной. Приведем ее в том виде, в каком она обычно излагается, указав те несколько особенностей, на основании которых разделяются географические зоны языков банту (Я использую некоторые указания, имеющиеся в превосходном очерке Клемента М. Доке (Clement M. Doke, Bantu, International African Institute, 1945). Более подробно см. работу Malcolm Guthrie, The classification of the Bantu languages, 1948, результаты которой, по существу, не отличаются от результатов К. М. Доке.).

Северо-западная зона: односложные префиксы; слабо развитая глагольная флексия; своеобразие в формах именных префиксов.

Северная зона: двусложные именные префиксы; образование локатива путем префиксации; большое разнообразие увеличительных префиксальных образований. Зона Конго: как правило, односложные префиксы; гармония гласных; образование производных глаголов путем необычного сложения суффиксов; как правило, сложная тональная система.

Центральная зона: односложные и двусложные префиксы; именные классы для аугментатива, диминутива и локатива; широкое распространение производных глаголов и идеофонов; система трех тонов.

Восточная зона: относительно простая фонетика; система трех тонов; упрощенные глагольные формы; образование локатива и при помощи префиксации, и при помощи суффиксации.

Северо-восточная зона: наличие тех же особенностей, что и для вышеперечисленных зон, более упрощенная морфология - из-за влияния арабского языка.

Центрально-восточная зона является переходной между центральной и восточной зонами.

Юго-восточная зона: односложные и двусложные префиксы; суффиксальные локатив и диминутив; сложная тональная система; сложная фонетика с наличием имплозивных, фрикативных латеральных и изредка щелкающих (clicks) звуков. Центрально-южная зона является переходной между центральной и юго-восточной зонами при наличии сходства с центрально-восточной зоной: система трех тонов; имплозивные звуки и аффрикаты; односложные именные префиксы с латентным начальным гласным.

Западная и центрально-западная зоны представляют собой "промежуточный тип" между западной и центральной зонами с чертами зоны Конго: чрезвычайно развитая ассимиляция гласных; деление именных классов на одушевленный и неодушевленный.

Подобная картина, даже будучи весьма схематической, свидетельствует о том, что внутри ареала можно наблюдать переходы от одной зоны к другой, так что те или иные особенности усиливаются в определенном направлении от зоны к зоне. Эти особенности можно сгруппировать в соответствии с переходами от одной зоны к другой, зоны с односложными, а также двусложными префиксами при наличии областей, в которых оба типа сосуществуют; степень распространения идеофонов; зоны с трехтонной и

многотонной системами. Какова бы ни была структурная сложность, лишь частично отраженная в перечисленных признаках, представляется, что от языков "полубанту" в Судане до языков зулу каждая зона определена скорее отношением к соседней зоне, чем к некоторой общей структуре. Еще более характерны в этом отношении связи между большими языковыми группировками Дальнего Востока (См , кроме того, работу Р. Шафера об австралийско-азиатских языках ("Bulletin de la Societe Linguistique de Paris" (BSL), XI V11I, 1952)): здесь наблюдаются переходы от китайского к тибетскому, от тибетского к бирманскому, далее к языкам группы сальвен (палаунг, ва, рианг), затем к мон-кхмерскому языку и далее к языкам Океании. Каждая из этих групп не может быть очерчена точно, но каждая имеет определенные особенности, из которых одни объединяют ее с предыдущей, а другие - со следующей таким образом, что, переходя от одной группы к другой, можно заметить постепенное удаление от типа, находящегося в начале цепи, причем все эти языки сохраняют "фамильные черты". Ботаникам хорошо знакомо это "родство через сцепление", и возможно, лишь этот тип классификации является единственно пригодным для больших группировок языков, представляющих ныне предел наших реконструкций.

Изложенное позволяет обнаружить некоторые слабые стороны, присущие генеалогической классификации. Поскольку генеалогическая классификация имеет исторический характер, то для ее полноты необходимо, чтобы языки были представлены в ней на всех этапах их развития. Однако известно, что состояние наших знаний нередко делает это требование невыполнимым. Как раз для очень небольшого числа языков мы располагаем сведениями, и то неполными, об их относительно древних состояниях. Случается, что вымирает целая семья языков, за исключением одного, который оказывается вследствие этого вне семьи родственных языков. По-видимому, так обстоит дело с шумерским. Если в нашем распоряжении имеются довольно многочисленные данные, свидетельствующие о непрерывной истории (например, для индоевропейской семьи языков), то мы можем себе представить, что на некоторой стадии развития принадлежность языков к той или иной семье будет определяться только на основе знания истории каждого из них, а не на основе отношений между ними, и это потому, что их история все еще продолжается. Разумеется, наша классификация возможна именно благодаря достаточно медленному и неравномерному развитию языков. Отсюда наличие архаических элементов, которые облегчают реконструкцию прототипа. Однако даже эти архаизмы могут с течением времени вытесниться, так что на уровне современных языков не останется никаких следов, на которых могла бы основываться реконструкция. Рассматриваемая классификация является надежной только в том случае, если она располагает, по крайней мере для некоторых из языков, сведениями о их более древнем состоянии. Там, где подобные сведения отсутствуют, лингвист находится в такой же ситуации, в какой оказался бы воображаемый лингвист будущего, вынужденный высказать свое мнение о возможности родства между современными ему ирландским, албанским и бенгальским языками. А если, кроме того, представить себе, сколь велика та часть языковой истории человечества, которая навсегда потеряна для нас и которая тем не менее обусловила современное распределение языков по семьям, то легко увидеть ограниченность генеалогической классификации языков, а также предел наших возможностей в построении подобной классификации. В таком же положении находятся все те науки, которые исходят из эмпирических данных для разработки эволюционно-генетических объяснений. Систематика растений разработана не лучше, чем систематика языков. И, вводя для языков используемое в ботанике понятие "родства через сцепление", мы не скрываем, что прибегаем к этому способу лишь потому, что не можем восстановить промежуточные формы и связи между ними для объяснения наличных данных. К счастью, на практике это обстоятельство не затрудняет выделения групп близкородственных языков и не должно препятствовать стремлению систематически объединять эти группы в более широкие группировки. Мы хотим подчеркнуть лишь то, что в силу обстоятельств генеалогическая классификация представляет ценность только в промежутке между двумя определенными моментами времени. Интервал между этими двумя моментами зависит как от объективного состояния наших знаний, так и от строгости анализа.

Можно ли придать этой строгости анализа математическое выражение? Для решения данного вопроса в последнее время предпринимались некоторые шаги. Число соответствий между двумя языками принималось за меру вероятности их родства, и к количественной обработке этих соответствий прилагалась теория вероятностей. На основании этого делались выводы о степени близости между языками и даже о самом

существовании их генетического родства. Так, Б. Коллиндер применил количественный метод для проверки урало-алтайской гипотезы, однако он вынужден был признать, что выбор между генетическим родством, с одной стороны, типологическим сродством (affinite) или заимствованием, с другой, "не может быть сделан на основе вычислений" (см. B. Collinder. *La parente linguistique et le calcul des probabilités*, "Uppsala Universitets Arsskrift", 13, 1948, стр. 24.). Полностью несостоятельным оказалось также применение статистики для определения отношений между хеттским языком и другими индоевропейскими языками. Сами же авторы этой попытки, Крёбер и Кретьен, признали, что результаты их статистических исследований оказались странными и неприемлемыми (см. Kroeber et Chretien. В "Language", XV, стр. 69.). Ясно, что исследование, оперирующее соответствиями лишь как количественными величинами и, таким образом, исходящее из представления, будто хеттский является лишь уклоняющимся членом языковой семьи, установленной раз и навсегда, заранее обречено на неудачу. Ни число сопоставлений, обосновывающих генетическое родство, ни число языков, признанных родственными, не может явиться предметом математического исчисления. На самом деле мы должны рассматривать степень родства между членами больших семей языков как переменную величину, способную принимать различное значение, - совершенно так же, как это делается по отношению к членам небольших диалектных групп. Нужно иметь в виду, кроме того, что схема взаимоотношений внутри групп родственных языков всегда может быть изменена вследствие тех или иных открытий. Пример хеттского языка как раз лучше всего и иллюстрирует теоретическое состояние проблемы. На основании того, что хеттский язык во многих отношениях отличается от традиционного индоевропейского, Стертевант сделал вывод, что индоевропейский язык не был предком хеттского, а что и индоевропейский, и хеттский исходят из одного источника, образуя новую, так называемую "индо-хеттскую" семью. Иными словами, Стертевант взял за основу индоевропейский язык в понимании Бругмана, а языки, не соответствующие классической модели Бругмана, оказались у него вне такого индоевропейского языка. Мы, напротив, должны включить хеттский в число индоевропейских языков, причем в соответствии с новыми данными мы должны будем изменить определение индоевропейской семьи языков и наши представления об отношении языков внутри этой семьи. Как будет показано ниже, логическая структура генетических связей не дает возможности предвидеть числа элементов целого. Единственный способ дать генеалогической классификации наглядную лингвистическую интерпретацию заключается в том, чтобы рассматривать "семьи" как открытые, а отношения между ними - как подверженные постоянным изменениям.

Всякая генеалогическая классификация, когда она констатирует родство между какими-либо языками и устанавливает степень этого родства, определяет некоторый общий для них тип. Материальное совпадение между формами и элементами форм ведет к выявлению формальной и грамматической структуры, присущей языкам определенной семьи. Отсюда следует, что генеалогическая классификация является в то же время и типологической. Типологическое сходство может быть даже более явным, чем сходство форм. В таком случае возникает вопрос: какое значение для классификации языков имеет типологический критерий? Точнее: можно ли построить генеалогическую классификацию только на типологических критериях? Именно такой вопрос может возникнуть в связи с той интерпретацией, которая была дана Трубецким индоевропейской проблеме в его очень содержательной, но почти не замеченной статье "Мысли об индоевропейской проблеме" (см. Trubetzkoy, *Gedanken über das Indogermanenproblem*, "Acta Linguistica I, 1939, р. 81 и сл.).

Трубецкой задается вопросом: по каким признакам лингвисты определяют, что данный язык является индоевропейским? Автор не склонен придавать решающего значения "материальным совпадениям" между данным языком и другими языками для доказательства их родства. Нельзя, говорит он, преувеличивать роль этого критерия, потому что невозможно сказать, как велико должно быть число таких совпадений и какими именно они должны быть, чтобы данный язык мог быть признан индоевропейским. Среди этих совпадений нет ни одного, наличие которого было бы обязательно для доказательства родства языков. Он придает гораздо большее значение наличию шести структурных признаков, которые он перечисляет и подтверждает примерами. Каждый из этих структурных признаков, говорит он, встречается также в неиндоевропейских языках, но все шесть вместе представлены только в индоевропейских. Последнее положение мы хотели бы рассмотреть более подробно, так как оно имеет несомненное

теоретическое и практическое значение. Здесь нужно различать два вопроса: 1) только ли в индоевропейских языках представлены одновременно эти шесть признаков; 2) достаточно ли только данных признаков для утверждения понятия индоевропейского языка. Чтобы ответить на первый вопрос, нужно обратиться к фактам. На него можно ответить положительно в том и только в том случае, если никакая другая семья языков не обладает всеми шестью признаками, присущими, по Трубецкому, лишь индоевропейским языкам. Для проверки этого мы взяли наудачу один заведомо неиндоевропейский язык. Был выбран такелма, индейский язык штата Орегон, превосходным, доступным и удобным описанием которого мы располагаем благодаря Эдварду Сепиру (1922 г.) (см Sapir, The Takelma language of South-Western Oregon, "Handbook of Amer. Ind. Languages", II.). Перечислим эти признаки, используя формулировки самого Трубецкого и указывая всякий раз, как обстоит дело в языке такелма.

1) Отсутствует гармония гласных (Es besteht keinerlei Vokalharmonie). В языке такелма гармония гласных также не отмечена.

2) Число согласных, допускаемых в начале слова, не беднее числа согласных, допускаемых внутри слова (Der Konsonantismus des Anlauts ist nicht armer als der des Inlauts und des Auslauts). Дав полную картину консонантизма в языке такелма, Сепир специально замечает (§ 12): "Каждая из перечисленных согласных может встречаться в начале слова". Единственным ограничением, на которое он указывает, является отсутствие *sw* в начальном положении. Однако это ограничение снимается им же самим, когда он добавляет, что *sw* существует только в сочетании с *k* и только все сочетание *k[^]* является фонемой. Консонантизм начала слова не обнаруживает в языке такелма никакой недостаточности.

3) Слово не обязано начинаться с корня (Das Wort muss nicht unbedingt mit der Wurzel beginnen). Языку такелма одинаково присущи как префиксация, так и инфиксация и суффиксация (см. примеры Сепира: § 27, стр. 55).

4) Формы образуются не только при помощи аффиксации, но и при помощи чередования гласных внутри основ (Die Formbildung geschieht nicht nur durch Affixe, sondern auch durch vokalische Alternationen innerhalb der Stammorpheme).

При описании языка такелма Сепир уделяет большое внимание (стр. 59-62) "чередованию гласных" ("vowel-ablaut"), имеющему морфологическое значение.

5) Наряду с чередованием гласных известную роль при образовании грамматических форм играет свободное чередование согласных (Ausser den vokalischen spielen auch freie konsonantische Alternationen eine morphologische Rolle).

В языке такелма "чередование согласных" ("consonant-ablaut"), будучи редким способом словообразования, имеет немаловажное значение, так как оно используется при образовании времен (аорист или неаорист) у многих глаголов" (Сепир, § 32, стр. 62).

6) Подлежащее переходного глагола трактуется так же, как и подлежащее непереходного глагола (Das Subjekt eines transitiven Verbums erfahrt dieselbe Behandlung wie das Subjekt eines intransitiven Verbums). Точно такой же принцип имеет место в языке такелма: *уар'а will k'eret*, букв. "Люди дом они-строят-его" = "Лю-ди (уар'а) строят дом"; *gidi alxali уар'а*, букв. "На это они-салятся люди" = "Люди садятся сюда" с той же самой формой *уар'а* в обеих конструкциях (Примеры взяты у Сепира из текста языка такелма (стр. 294-295). Нужно отметить, что в языке такелма имеется несколько именных аффиксов, но нет именной флексии и что, кроме того, в нем широко практикуется инкорпорация субъектных и объектных местоимений. Однако мы хотим только показать, что и синтаксический признак Трубецкого характерен для языка такелма.) Итак, оказывается, что язык такелма обладает сочетанием шести признаков, совокупность которых составляет, по мнению Трубецкого, отличительную черту языков индоевропейского типа. Не исключено, что аналогичные случаи могут встретиться и в языках других семей. Так или иначе, утверждение Трубецкого опровергается фактами. Разумеется, речь у него идет главным образом о том, чтобы найти минимальное количество структурных признаков, которые позволили бы отграничить индоевропейские языки от соседних групп - семитской, кавказской, финно-угорской. В этих пределах его признаки представляются справедливыми. Но они не являются таковыми, если сопоставить индоевропейские языки со всеми другими типами языков. Для этого необходимы, по-видимому, более многочисленные и более

специфические

характеристики.

Что касается второго вопроса, то он возникает в связи с необходимостью определить индоевропейскую семью единственно на базе совокупности типологических признаков. Трубецкой не затрагивал этого. Он считает, что материальные соответствия необходимы, даже если число их невелико. В этом с ним нельзя не согласиться, ибо в противном случае могут возникнуть неразрешимые трудности. Так или иначе, но термины типа индоевропейский, семитский и т. д. означают одновременно и исторически общее происхождение определенных языков, и их типологическое родство. Поэтому невозможно, сохраняя историческую перспективу, пользоваться исключительно неисторическими определениями. Языки, являющиеся с исторической точки зрения индоевропейскими, действительно обладают при этом определенными общими структурными признаками. Но совпадения этих признаков без учета истории недостаточно для того, чтобы определить язык как индоевропейский. Иными словами, генеалогическая классификация несводима к типологической, и наоборот.

Да не будет превратно понята та критика, которая была приведена выше. Она направлена против излишней категоричности некоторых утверждений Трубецкого, а не против существа его идей. Мы хотим только, чтобы не смешивались два понятия, которые обычно объединяют в термине "языковое родство". Структурное родство может быть результатом общего происхождения; но оно может быть также результатом независимого развития нескольких языков, между которыми нет никакой генетической связи. Как удачно заметил Р. Якобсон ((В своей статье о фонологическом сродстве, опубликованной в приложении к книге Трубецкого "Principes de phonologie", перевод Cantineau, стр. 353.)) по поводу фонологического сродства (affinite), которое обнаруживается нередко просто между соседними языками, "структурное сходство должно рассматриваться независимо от генетической связи между данными языками, оно может одинаково распространяться и на языки с общим происхождением, и на языки, имеющие разных предков. Структурное сходство не противоплагается 'первоначальному родству', а налагается на него". Самое интересное в группировках по сродству заключается именно в том, что они часто объединяют в одном ареале генетически неродственные языки. Таким образом, генетическое родство не препятствует образованию новых группировок по типологическому сродству структуры, а образование группировок по типологическому сродству не заменяет генетического родства. Важно, однако, отметить, что говорить о различии между общим историческим происхождением (filiation) и типологическим сродством (affinite) можно только на основе наших современных наблюдений. Если же группировка по типологическому сродству установилась в доисторический период, то с исторической точки зрения она покажется нам признаком генетического родства. Здесь еще раз обнаруживается предел возможностей генеалогической классификации.

P. N. Finck, Die Haupttypen des Sprachbaus, изд. 3, 1936. Категории Финка в дополненном и измененном в сторону большей гибкости виде использованы в работах двух оригинальных ученых - Йог. Ломана и Э. Леви. Ср. в особенности работу последнего "Der Bau der europäischen Sprachen" (Proceedings of the R. Irish academy), 1942. Различия в грамматической структуре между языками мира так велики и очевидны, что лингвисты давно уже пытаются классифицировать языки по типологическим признакам. Эти классификации, основанные на признаках морфологической структуры, представляют собой попытки систематизировать языки разумным образом. Теории подобного рода создавались преимущественно в Германии. Именно здесь начиная с Гумбольдта множатся попытки уложить все многообразие языков в несколько основных типов. Главным представителем этого направления, которое и сейчас имеет много выдающихся сторонников, был Финк. (см. P. N. Finck, Die Haupttypen des Sprachbaus, изд. 3, 1936. Категории Финка в дополненном и измененном в сторону большей гибкости виде использованы в работах двух оригинальных ученых - Йог. Ломана и Э. Леви. Ср. в особенности работу последнего "Der Bau der europäischen Sprachen" (Proceedings of the R. Irish academy), 1942.) Известно, что Финк различает восемь основных типов языков, каждый из которых иллюстрируется одним языком - представителем типа. Он дает следующие типы: подчиняющий - турецкий, инкорпорирующий - гренландский, упорядочивающий (anreihend) - субия (семья банту), корнеизолирующий (wurzelisolierend) - китайский, основоизолирующий (stammisolierend) - самоанский, корнефлектирующий (wurzelflektierend) - арабский, основофлектирующий (stammflektierend) - греческий, группофлектирующий (gruppenflektierend) - грузинский. Каждое из этих

наименований действительно сообщает нечто о типе, который оно представляет, и позволяет в общем виде определить с этой точки зрения место каждого из рассматриваемых языков. Однако приведенная схема не является ни исчерпывающей, ни последовательной, ни строгой. В ней не представлены типы таких разнообразных и сложных языков, как языки американских индейцев или суданские, которые можно отнести одновременно к нескольким категориям; не обращено внимания и на те характеристики, которые, будучи различными, могут создавать видимость сходной структуры, так что возникает, например, иллюзия типологического родства китайского и английского языков. Кроме того, одним и тем же термином Финк часто передает понятие, имеющее разный смысл в разных языках. Как можно пользоваться одним термином "корень" одновременно для китайского и арабского языка? Или, скажем, как определить "корень" для эскимосского языка? Финк не создал общей теории, отвечающей на все эти вопросы, теории, которая определила бы и упорядочила такие неоднородные понятия, как корень, инкорпорация, суффикс, основа, класс, флексия, ряд, одни из которых касаются сущности морфем, другие - способа их сочетания. Языки представляют собой такое сложное явление, что классифицировать их можно, используя только несколько самых разных принципов. Полная и всеобъемлющая типология должна учитывать различные принципы и строить иерархию соответствующих морфологических признаков. Именно эту цель преследует наиболее разработанная в настоящее время классификация языков, принадлежащая Сепиру.(см. Sapir, Language, 1921, гл. V.) Исходя из глубокого понимания языковой структуры и широкого знания языков американских индейцев - наиболее своеобразных из всех существующих языков. Сепир распределяет языки по типам на основании следующих трех критериев: типы выраженных "понятий"; "техника", преобладающая в языке; степень "синтеза".

Сначала он рассматривает природу "понятий" и с этой точки зрения различает четыре типа: I тип - основные понятия (предметы, действия, качества, выраженные самостоятельными словами); II тип - деривационные понятия, менее конкретные, чем понятия I типа (выражаются путем аффиксации некорневых элементов к элементам корневым, причем смысл высказывания не изменяется); III тип - конкретно-реляционные понятия (число, род и т. д.); IV тип - абстрактно-реляционные понятия (выражают чисто "формальные" отношения, которые служат для связи между элементами высказывания). Понятия I и IV типов присущи всем языкам. Понятия II и III типов не являются обязательными, какой-либо из них или оба сразу могут и отсутствовать в языке. В соответствии с указанными типами понятий Сепир разделяет все языки на следующие четыре типа.

A. Языки, обладающие лишь понятиями типов I и II Это языки без аффиксации ("простые чисто-реляционные языки").

B. Языки, выражающие понятия I, II и IV типов Это языки, выражающие синтаксические отношения в чистом виде и обладающие способностью модифицировать значение корневых элементов путем аффиксации и внутренних изменений ("сложные чисто-реляционные языки").

C. Языки, выражающие понятия I и III типов. К ним относятся языки, в которых синтаксические отношения выражаются в связи с понятиями, не вполне лишенными конкретного значения, но корневые элементы не могут подвергаться ни аффиксации, ни внутренним изменениям ("простые смешанно-реляционные языки").

D. Языки, выражающие понятия I, II и III типов. Сюда принадлежат языки со "смешанными" синтаксическими отношениями, подобно языкам типа C, обладающие, однако, способностью модифицировать значение корневых элементов путем аффиксации или внутренних изменений ("сложные смешанно-реляционные языки"). К ним относятся флективные, а также многие "агглютинативные" языки. Каждый из этих четырех типов подразделяется на четыре подтипа в зависимости от "техники", которую применяет язык. По "технике" языки могут быть: а) изолирующими, б) агглютинативными, в) фузионными и d) символическими (чередования гласных). Каждый тип может быть подвергнут количественной оценке. В заключение определяется степень "синтеза", реализованная в единицах языка. По степени "синтеза" языки делятся на аналитические, синтетические и полисинтетические.

Результаты этих исследований Сепир представил в таблице, где приведены некоторые языки мира. Из этой таблицы видно, что китайский язык принадлежит к типу A (простой чисто-реляционный тип), система абстрактно-реляционная, "технически" изолирующий, аналитический. Турецкий язык относится к типу B (сложный чисто-реляционный тип): использование аффиксации, "технически" агглютинативный,

синтетический. К типу С относятся только языки банту (что касается французского, то тут Сепир колеблется между типами С и D) - слабо агглютинативные и синтетические Тип D (сложный, смешанно реляционный тип) содержит, с одной стороны, латинский, греческий и санскрит - одновременно и фузионные, и слегка агглютинативные в словообразовании, но с окраской символизма, и синтетические, с другой стороны, арабский и древнееврейский - символически-фузионные, синтетические - и, наконец, чинук - фузионно-агглютинативный и слегка полисинтетический.

Сепир обладал очень хорошим лингвистическим чутьем и поэтому не мог считать свою классификацию окончательной, он специально подчеркивал ее предварительный и временный характер. Поэтому и нам следует отнестись к данной классификации с той же осторожностью, какой требовал от самого себя ее автор. Эта классификация, вне всякого сомнения, является шагом вперед по сравнению со старым, поверхностным и недейственным разделением языков на флектирующие, инкорпорирующие и т. д. Теория Сепира обладает двумя бесспорными достоинствами. 1) Она более сложна, чем предыдущие теории, в том смысле, что вернее отражает всю необъятную сложность языковых структур. Мы находим здесь умелое сочетание трех рядов критериев, находящихся в отношении соподчинения. 2) Между этими критериями установлена иерархия сообразно со степенью устойчивости описанных признаков. В самом деле, наблюдается, что эти признаки изменяются не в одинаковой степени. Легче всего подвергается изменению "степень синтеза" (переход от синтетического к аналитическому состоянию); "техника" (фузионный или агглютинативный характер сочетания морфологических единиц) является более стабильной, а "тип понятий" вообще обнаруживает удивительную устойчивость. Таким образом, эта классификация является полезной в том отношении, что она дает нам ясное представление о замечательных особенностях морфологии. Использование этой классификации представляет, однако, известную трудность, обусловленную не столько самой ее сложностью, сколько тем, что она в ряде случаев допускает субъективность оценок. Не имея для этого достаточных оснований, лингвист вынужден решать вопрос о том, каким является тот или иной язык (например, является ли камбоджийский язык более "фузионным", чем полинезийский). Между типами С и D вообще нет отчетливой границы, что признает и сам Сепир. Оперировав множеством смешанных типов, приходится иметь дело с весьма тонкими оттенками, и при этом трудно распознать постоянные критерии, которые служили бы основой для четкого определения того или иного типа языка. И Сепир прекрасно понимал это: "Как-никак, - говорит он, - языки представляют собой чрезвычайно сложные исторические структуры. Не столь важно расставить все языки по своим полочкам, сколь разработать гибкий метод, позволяющий нам рассматривать каждый язык с двух или трех независимых точек зрения по отношению к другому языку" (Цит. по Sapir, p. 119.). Таким образом, даже эта классификация, наиболее всеобъемлющая и наиболее утонченная из всех существующих, является очень несовершенной с точки зрения требований строгого метода. Означает ли это, что нужно вовсе оставить надежду создать такую классификацию, которая соответствовала бы этим требованиям? И нужно ли безропотно покориться необходимости и ввести столько типов, сколько насчитывается семей родственных языков, то есть запретить себе классифицировать языки иначе, чем это предписано генеалогической классификацией? Мы лучше пойдем, каких результатов можно здесь достичь, если точно определим, в чем данная система обнаруживает свою ограниченность. Если сравнить между собой два неродственных, но типологически сходных языка, то становится ясно, что аналогия в способе построения форм является лишь внешней чертой, и поэтому внутренняя структура вообще не выявляется. Причина заключается в том, что наше сравнение касается эмпирических форм и их эмпирического сочетания. Сепир не без основания отличает "технику" определенных морфологических способов, то есть материальную форму, в которой они представлены, от "системы отношений". Однако, если эту "технику" легко определить и идентифицировать в различных языках по крайней мере в некоторых случаях (например, легко определить, используется в данном языке или не используется для изменения смысла чередование гласных, а также является аффиксация агглютинативной или фузионной), то обнаружить и тем более отождествить в нескольких языках "типы отношений" гораздо труднее, поэтому описание фактов здесь по необходимости переплетается с их истолкованием. Все зависит, таким образом, от интуиции лингвиста и от того, как он "чувствует" язык. Для преодоления этой фундаментальной трудности не требуется вводить критерии, все более специализированные и имеющие все меньшую сферу применения, но совсем наоборот, для этого, во-

первых, надо признать, что форма есть лишь возможность структуры, а во-вторых, разработать общую теорию языковой структуры. Конечно, вначале мы будем исходить из опыта, стремясь при этом получить совокупность постоянных определений как для элементов структуры, так и для отношений между ними. Если удастся сформулировать некие постоянные утверждения о сущности, числе и способе сочленения конституирующих элементов языковой структуры, то тем самым будет получено научное основание для систематизации структур реальных языков в единой схеме. Группировка языков будет производиться в идентичных терминах, и весьма вероятно, что такая классификация будет совершенно отлична от существующих ныне. Укажем на два условия, которым должно удовлетворять подобное исследование. Первое условие касается метода исследования, второе - способа изложения результатов. Для адекватного формулирования определений необходимо прибегнуть к приемам логики, которые, очевидно, наилучшим образом соответствуют требованию строгого метода. Конечно, имеется несколько более или менее формализованных логик, даже самые простые из которых, по-видимому, еще мало использовались лингвистами из-за специфичности их операций. Однако мы наблюдаем, что даже современная генеалогическая классификация при всем своем эмпиризме уже использует логику и что прежде всего нужно осознать это, чтобы применять ее с полным пониманием и тем самым с большим успехом. В простом перечислении последовательных состояний от современного языка до его доисторического прототипа можно обнаружить логическую схему, подобную той, которая лежит в основе зоологической классификации. Вот в самом общем виде несколько логических принципов, выводимых из классической схемы, в которой индоевропейские языки расположены по историческим стадиям. Возьмем связи между провансальским и индоевропейским языками. Они разлагаются, если не делать очень большого дробления, на провансальский > галло-романский > общероманский > итальянский > индоевропейский. Но каждый из этих терминов, обозначая индивидуальный язык, подлежащий классификации, обозначает в то же время некоторый класс языков. Эти классы располагаются в порядке последовательного соподчинения от единств высшего порядка к единствам низшего порядка, каждое из которых охватывает единство низшего порядка и само входит в состав единства высшего порядка. Порядок классов определяется объемом и содержанием соответствующего понятия. Так, оказывается, что индивидуальное понятие "провансальский язык" имеет наименьший объем и наибольшее содержание и тем самым отличается от понятия "индоевропейский язык", которое имеет максимальный объем и самое бедное содержание. Между этими двумя полюсами располагаются остальные классы, для которых объем и содержание понятия находятся в обратном соотношении, так как каждый класс обладает, помимо своих собственных признаков, всеми признаками высшего класса. Некоторый промежуточный класс будет иметь больше признаков, чем предшествующий ему класс, включающий большее число объектов, и меньше признаков, чем следующий за ним класс, включающий меньшее число объектов. По этой вполне ясной модели было бы интересно, между прочим, реконструировать в лингвистических терминах преемственность от провансальского языка к индоевропейскому, определяя то, чего провансальский имеет больше, чем галло-романский, а затем то, чего общегалло-романский имеет больше, чем общероманский, и т. д. Представляя дело таким образом, можно заметить известные логические признаки, которые, по-видимому, определяют структуру генетических отношений. Во-первых, каждый индивидуальный член (язык "idiome") является частью совокупности иерархически расположенных классов и находится в каждом из них на различном уровне. Так, если мы постулируем связь провансальского с галло-романским, то отсюда следует его связь и с романским, и с латинским и т. д. Во-вторых, каждый из следующих друг за другом классов - одновременно и включающий и включенный. Он включает следующий за ним класс и включен в предшествующий - в границах между последним классом и индивидуальным языком: так, романский включает галло-романский и включен в итальянский. В-третьих, между классами, которые определены как находящиеся на одной и той же ступени иерархии, не существует такого отношения, чтобы знание одного можно было вывести из знания о другом. Знание итальянских языков само по себе еще не дает никакого представления ни о природе, ни даже о самом существовании славянских языков. Указанные классы не могут взаимно обуславливаться, так как они не имеют между собой ничего общего. В-четвертых, как следует из предыдущего, классы одного и того же уровня никогда не могут быть строго дополнительными, потому что каждый из них не дает сведений о других частях той совокупности, в которую он входит как ее

составная часть. Таким образом, всегда можно ожидать, что к классам данного уровня присоединятся новые классы. И, наконец, как каждый язык использует лишь часть из тех комбинаций, которые, вообще говоря, допускает его фонемная и морфемная система, так и каждый класс, даже при предположении, что он известен весь целиком, включает в себя лишь часть из тех языков, которые могли бы быть реализованы в его пределах. Из этого следует, что невозможно предвидеть существования или несуществования класса языков той или иной структуры. Из этого в свою очередь следует, что каждый класс будет характеризоваться отношением к другим классам того же уровня по сумме признаков, соответственно наличествующих у него или отсутствующих: сложные совокупности языков, например, таких, как италийские и кельтские, будут определяться только тем, что тот или иной признак, присущий одной группе, отсутствует в другой, и наоборот.

Эти общие соображения дают нам представление о том методе, при помощи которого можно построить логическую модель классификации, даже такой эмпирической, как генеалогическая. Вообще говоря, нащупываемая здесь логическая структура, по-видимому, не может стать достаточно формализованной, как, впрочем, и логическая структура видов животных и растений, которая имеет ту же природу. От классификации, основанной на элементах языковой структуры в указанном выше смысле, можно было бы ожидать большего, хотя задача здесь намного труднее, и перспектива более отдаленная. Здесь пришлось бы прежде всего отказаться от того молчаливо принимаемого принципа, довлеющего над большинством современных лингвистов, который состоит в признании лишь лингвистики языковых фактов, лингвистики, для которой язык (langage) полностью содержится в своих осуществленных манифестациях. Если бы это было так, то путь ко всякому углубленному исследованию природы и проявления языка был бы полностью закрыт. Языковые факты являются продуктом, и нужно определить, продуктом чего именно. Стоит лишь на миг задуматься о том, как устроен язык, - любой язык, - и мы увидим, что каждый язык имеет определенное число ждущих своего решения проблем, сводящихся к одному центральному вопросу - вопросу "обозначения" ("signification"). В грамматических формах, построенных с помощью той символики, которая является отличительным признаком того или иного языка (langage), представлено решение этих проблем. Изучая указанные формы, их выбор, сочетание и свойственную им организацию, мы можем сделать вывод о природе и форме внутриязыковой проблемы, которой они соответствуют. Весь этот процесс является бессознательным и трудным для понимания, но он очень важен. Вот, например, в языках банту и во многих других существует своеобразная структурная черта "именные классы". Можно удовлетвориться описанием расположения в этих классах материальных элементов, а можно заниматься исследованием их происхождения. И той, и другой задаче посвящено множество работ. Нас же интересует здесь лишь один вопрос, который еще не затрагивался, а именно вопрос о функционировании подобной структуры. Можно показать, и мы попытаемся сделать это в другом месте, что все разнообразные системы "именных классов" функционально аналогичны различным способам выражения "грамматического числа" в языках других типов и что языковые способы, материализованные в весьма несходных формах, с точки зрения их функционирования нужно поместить в один класс. Кроме того, нельзя ограничиваться только материальными формами, то есть нельзя ограничивать всю лингвистику описанием языковых форм. Если группировки материальных элементов, которые рассматривает и анализирует дескриптивная лингвистика, представить как бы в виде нескольких фигур одной и той же игры и объяснить с помощью небольшого числа фиксированных принципов, то тем самым можно получить основу для разумной классификации отдельных элементов, форм и, наконец, языков в целом. Ничто не мешает предполагать, если позволить себе продолжить эту аллегорию, что лингвисты смогут обнаружить в языковых структурах законы преобразований, подобные тем, которые в рационалистских схемах символической логики позволяют переходить от данной структуры к производным структурам и определять постоянные отношения между ними. Конечно, это лишь отдаленное намерение и скорее предмет для размышления, чем практический рецепт. Ясно одно: раз полная классификация означает полное знание, то к наиболее рациональной классификации мы продвигаемся именно благодаря все более глубокому пониманию и все более точному определению языковых знаков. Важно не столько расстояние, которое предстоит пройти, сколько выбор правильного направления.

Общая типология языков в концепции В. Гумбольдта

Валерий Петрович Даниленко

Общая типология языков в концепции В. Гумбольдта

Уровень лингвистического образования студентов, аспирантов и преподавателей во многом зависит от их типологических представлений в области языкознания. Сравнение изучаемого языка с другими – вовсе не прихоть языковедов-теоретиков: без сравнения изучаемого языка с другими невозможно выявить его своеобразие не только в теоретической лингвистике, но и в практическом овладении иностранным языком. В самом общем виде это позволяет сделать общая типология языков. Ее основателем по праву считают гениального немецкого ученого Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835).

Общетипологический стиль мышления был характерен для В. Гумбольдта с молодости. Еще в 1795 году он составил «План сравнительной антропологии», где по существу он сделал набросок той науки, которую сейчас называют сравнительной культурологией. Правда, полное тождество между указанными науками отсутствует: гумбольдтовская сравнительная антропология шире современной сравнительной культурологии. Если предметную область последней ограничивают сравниваемыми между собою культурами, то в первой речь шла не только о сравнении культурных особенностей у сравниваемых народов, но также о сравнении их на биофизическом и психическом уровнях. Так, в предметную область своей сравнительной антропологии В. Гумбольдт включал, с одной стороны, «все внешние особенности телесного строения и поведения, цвет лица и волос» и т.п., а с другой стороны, «влияние внешних ситуаций на внутренний характер» (1; 335). Однако доминирующее место в задумываемой науке отводилось описанию культурных особенностей у сравниваемых этносов, под которыми он имел в виду «различие в предметах занятий людей, в продуктах их труда, в способе их потребностей, их одежде, развлечения, образ жизни» и т.п. (1; 319). Сюда же присоединялись различия в религии, науке, искусстве, нравственности, языке и других областях духовной культуры ее носителей. На явную политическую направленность сравнительной антропологии В. Гумбольдта повлияла дипломатическая карьера ее автора. Он видел ее цель в том, чтобы быть надежным теоретическим источником, позволяющим одному народу умело управлять другими народами. Он считал, что обыденных представлений людей об иностранцах для поддержания с ними каких-либо отношений весьма недостаточно. Он писал «Чтобы в общих чертах усвоить определенные приемы искусства управления, чтобы осознать, что с французом не следует обращаться педантично, а с англичанином – открыто деспотично, конечно, не требуется такой обстоятельной подготовки. Способы щадить чувствительные стороны человеческого характера и использовать его слабости легко почерпнуть и из поверхностного наблюдения» (1; 319). А вот для серьезной подготовки к дипломатии, полагал молодой В. Гумбольдт, требуется особая наука – сравнительная антропология.

В. Гумбольдт не создал науки, о которой идет речь, хотя и способствовал зарождению психологии народов, с одной стороны, и сравнительной культурологии, с другой, но его размышления об этой науке не пропали даром: они привели его в конечном счете к лингвистической типологии. Он попытался реализовать свой замысел, связанный с созданием сравнительной антропологии, хотя бы в одном из ее разделов – сравнительно-типологическом языкознании.

Первые общетипологические классификации языков были осуществлены братьями Фридрихом и Августом Шлегелями. Первый из них поделил все языки на «аффиксирующие» (т.е. нефлективные) и флективные. В последних морфологические формы слов образуются либо за счет внешних флексий, как в индоевропейских, либо за счет внутренних флексий, как в семитских. Август Шлегель дополнил и видоизменил классификацию своего младшего брата: к двум языковым типам, выделенным братом, он добавил третий – изолирующий, а «аффиксирующий» тип стал интерпретировать как агглютинативный. Выходит, братья Шлегели на три четверти уже выполнили морфологическую классификацию языков. На долю В. Гумбольдта осталось довить к ней лишь один тип языка – инкорпорирующий. Но почему же тогда не Шлегелей, а В. Гумбольдта считают основателем общей типологии языков?

Нельзя отрицать заслугу братьев Шлегелей в создании почвы для будущей типологии языков, однако самое науку создали не они, а В. Гумбольдт. Суждения Шлегелей о языковых типах имели еще во

многим преднаучный вид. Так, нефлективные языки Ф. Шлегель уподоблял «груде атомов, рассеиваемых и сметаемых вместе любым случайным ветром» (2; 65), поскольку в них нет флексий.

На подлинно научную высоту общую типологию языков поднял В. Гумбольдт. В китайском языке он видел конечный пункт (т.е. предельную реализацию) изолирующего типа языка, а в санскрите – конечный пункт его флективного типа. Инкорпорирующие и агглютинативные языки помещались им в промежуток между двумя крайними языковыми типами. Ученый писал: «Итак, среди всех известных нам языков китайский и санскрит образуют два четких конечных пункта, сходных между собой не приспособленностью к духовному развитию, но лишь внутренней последовательностью и совершенной логичностью своих систем... Напротив, все остальные языки можно считать находящимися посередине, так как все они либо склоняются к китайскому способу, при котором слова лишены их грамматических показателей, либо к прочному присоединению звуков, служащих для обозначения последних. Даже инкорпорирующие языки, такие, например, как мексиканский, находятся в том же положении, ибо инкорпорация не может выразить всех отношений, и когда ее оказывается недостаточно, они вынуждены прибегать к помощи частиц» (3; 244).

Расценивая китайский язык как конечный пункт изолирующих языков, а санскрит – как конечный пункт флективных языков, В. Гумбольдт исходил из градационного подхода к классификации языков. Этот подход предполагает, что ни реальный язык не представляет собою определенный тип языка в чистом виде, он лишь в разной мере может приблизиться к нему, однако всегда содержит элементы и других типов. Отсюда следует, что отнесение определенного языка к тому или иному типу основывается на типологической доминанте или, как говорил наш известный типолог Г.П. Мельников, «детерминанте» (4; 37), присущей данному языку. Так, типологическая доминанта китайского языка расценивалась В. Гумбольдтом как наиболее развитая в кругу других изолирующих языков, а типологическая доминанта санскрита – как наиболее развитая в кругу других флективных языков. Что же это означает?

В санскрите, по В. Гумбольдту, представлено максимальное число морфологических показателей – внешних флексий, с помощью которых выражаются отношения между понятиями, обозначаемыми знаменательными частями речи, а в китайском – минимальное. Агглютинативные языки ближе к флективным, а между агглютинативными и изолирующими находятся инкорпорирующие.

Гумбольдтовская классификация языков завоевала прочное место в системе лингвистического образования. Она имеется в любом учебнике по введению в языкознание. Но вот что странно: ее описывают так, будто она появилась на свет чудесным образом – как Афина из головы Зевса. Попробуем здесь восстановить справедливость по отношению к ее автору: в процессе характеристики каждого языкового типа мы в обязательном порядке будем предоставлять ему слово.

Изолирующий тип

«Слово может оформляться, – писал В. Гумбольдт, – только двумя способами: путем внутренней модификации или путем внешних наращений. Ни то, ни другое невозможно, если язык жестко ограничивает все слова их корневой формой, не допуская возможностей внешней аффиксации и не оставляя места для внутренних видоизменений» (3; 120).

О языках каких типов здесь идет речь? О языках с внутренней флексией (например, семитских) и о языках с внешней флексией (например, индоевропейских), т.е. о языках флективных, с одной стороны, и о языках изолирующих, с другой.

Изолирующий тип языков часто называют еще и аморфным. Вот как, например, его определял Петр Саввич Кузнецов (1899–1968) в известной брошюре «Морфологическая классификация языков» (5;13): «Изолирующий или аморфный тип (т.е. «бесформенный», от греч. α – отрицание + μορφε – форма) характеризуется неизменяемостью слов и тем, что отношения между словами выражаются лишь порядком их в предложении». А на следующей странице он уточняет: «Термин «аморфный» в строгом смысле слова может быть отнесен лишь к так называемым корнеизолирующим языкам, поскольку они в полном смысле лишены формы слова, в них нет не только форм словоизменения, но и форм словообразования,

предложение же представляет собой последовательность неизменяемых корней, границы которых совпадают с границами слов... Частей речи в этих языках нет».

Мы слышим здесь голос одного из истинных представителей Московской лингвистической школы, вдохновителем которой был Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914). Эту школу В.В. Виноградов охарактеризовывал как формалистическую, имея в виду тот факт, что ее представители гипертрофировали понятие формы в языке, сводя ее к аффиксальным показателям морфологических форм слова. Вот почему отрицание частей речи в корнеизолирующих языках в устах П.С. Кузнецова звучит вполне естественно: в качестве подлинного показателя частеречной принадлежности того или иного слова он признавал лишь флексию. Флексия в конечном счете и принималась за единственное средство, с помощью которого слово в процессе создания предложения переводится из его лексического состояния в морфологическую форму («словоформу»).

В одной из своих статей я стремился показать, что понятие формы слова или словоформы является общеграмматическим (6). Оно не сводится лишь к ее морфологической разновидности. В процессе построения нового предложения то или иное слово последовательно является в трех своих формах - лексической, морфологической и синтаксической. Вот почему мы вправе говорить о понятии формы слова или словоформы как о понятии общеграмматическом, охватывающем все стадии фразообразования - лексическую, когда говорящий отбирает лексемы для создаваемого предложения, морфологическую, когда он начинает переводить лексические формы слов в морфологические, и синтаксическую, в процессе которой он делает последнюю членом законченного предложения. Соответственная - лексическая, морфологическая и синтаксическая - формы слова, таким образом, являются результатом трех операций, совершаемых говорящим в процессе фразообразования, - лексикализации, морфологизации и синтаксизации (см. подр. 6;59-60).

Представители фортунатовской школы признают статус формы слова только за его морфологической формой. Более того, в качестве средств морфологизации слова они принимают в конечном счете только один ее способ - флексию. Не признается ими за полноценный способ морфологизации слова и словопорядок. Вот почему китайское предложение «Ча во бу хэ» (Чая я не пью) П.С. Кузнецов интерпретировал как исключительно аморфное, т.е. состоящее из абсолютно «бесформенных» слов (5; 15).

Сведение понятия морфологической (или «грамматической») формы слова к его аффиксальным формам привело П.С. Кузнецова к следующему выводу: «Некоторые лингвисты считают неудачным термин «аморфный» к рассматриваемому типу языка на том основании, что вообще нет языков, лишенных формы... В действительности же мы вправе считать языки, где слова формально (внешне) никак не изменяются, не имеющими грамматической формы слова, вследствие чего термин «аморфные языки» является вполне законным» (5; 15-16).

Среди лингвистов, полагающих, что «вообще нет языков, лишенных формы» был и Вильгельм Гумбольдт. Любой язык (в том числе и китайский), по его мнению, имеет форму, складывающуюся, в частности, из словоформ, однако не сводимых к ним. В. Гумбольдт писал: «Постоянное и единообразное в этой (речевой - В.Д.) деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка» (3; 71). А далее мы находим у него слова, будто прямо адресованные фортунатовцам. Вот они: «Из всего до сих пор сказанного с полной очевидностью явствует, что под формой языка разумеется отнюдь не только так называемая грамматическая форма. Различие, которое мы обычно проводим между грамматикой и лексикой, имеет лишь практическое значение для изучения языков, но для подлинного языковедения не устанавливает ни границ, ни правил. Понятие формы языка выходит далеко за пределы правил словосочетания и даже словообразования» (3;72).

Отправляясь от гумбольдтовского понимания формы языка вообще и формы слова в частности, мы можем смело отметить термин «аморфный» по отношению к изолирующему типу языка как несостоятельный, ложный, формалистический. Это значит, что предложение «Ча во бу хэ» состоит не из бесформенных (аморфных) слов, а из слов, которые в процессе создания этого предложения говорящим

являли себя в трех формах – лексической, морфологической и синтаксической. Каждая из них связана с соответственным периодом фразообразования.

В морфологический период фразообразования лексическая форма слова переводится говорящим в морфологическую. Во флективных и агглютинативных языках этот перевод часто осуществляется за счет флективной аффиксации (флексации), но в изолирующих – главным образом за счет установления определенного порядка слов в создаваемом предложении. Если основным средством морфологизации в неизолирующих языках является флекса́ция, то основным средством морфологизации в изолирующих языках является словопорядок. Вот почему «хао» в «сию хао» (делать добро) является в форме существительного, в «хао жень» (добрый человек) – в форме прилагательного и в «жень хао во» (человек любит меня = добр ко мне) – в форме глагола.

В синтаксический период фразообразования китайский язык, как правило, сохраняет в предложении тот словопорядок, который устанавливается в морфологический период фразообразования, поскольку этот язык имеет ограниченное число флексий. Однако в некоторых случаях и в китайском языке обычный словопорядок в предложении может быть изменен. Так, предложение «Кэжэнь лэл» (Гости приехали) может быть употреблено в синтаксический период фразообразования и с обратным порядком «Лэл кэжэнь» (Приехали гости). Последний словопорядок дает возможность употребить глагольный предикат в значении ремы. Изменение обычного словопорядка здесь объясняется наличием у глагола «лэл» окончания прошедшего времени и совершенного вида «-л». В подобных случаях китайский язык ведет себя так же, как и любой другой язык с развитой флексионной морфологией.

Флективный тип

«Совершенство языка, – писал В.Гумбольдт, – требует, чтобы каждое слово было оформлено как определенная часть речи и несло в себе те свойства, какие выделяет в категории данной части речи философский анализ языка. Необходимой предпосылкой этого является флексия» (3; 155).

Флективными, как известно, являются индоевропейские языки, поскольку морфологизация слов в них осуществляется с помощью окончаний. Отсюда, казалось бы, должен следовать вывод о том, что именно эти языки, по В. Гумбольдту, больше, чем другие, приблизились к совершенному языку. Действительно, в его работах имеется довольно много пассажей, где их автор поет дифирамбы флексии. К только что приведенной цитате можно добавить и такую: «Если мне действительно удалось описать флективный метод во всей его полноте, показать, что только он придает слову подлинную, как смысловую, так и фонетическую внутреннюю устойчивость, и вместе с тем надежно расставляет по своим местам части предложения, как требует того мыслительные связи, то не остается сомнений, что этот метод хранит в себе чистый принцип языкового строя» (3; 160).

Да, В. Гумбольдт усматривал во флексии несомненное достоинство языка. Но отсюда не следует, что флективные языки он ставил выше других. Дело в том, что они не смогли до конца провести в своем строе флективный метод. «... вершины здесь, – писал по этому поводу В. Гумбольдт, – не достиг ни один из реальных языков» (3; 160). Флективный строй языка, как и любой другой, по В. Гумбольдту, в реальных языках не достиг своего типового идеала. Вот почему флективные языки по своему развитию не могут претендовать на лидирующее положение по отношению к другим языкам. Это относится и к любому индоевропейскому языку, где имеется множество слов (например, служебных), морфологизирующихся без флексии.

Агглютинативный тип

Данный тип языка В.Гумбольдт помещал между двумя предшествующими. Он писал: «Между отсутствием какого бы то ни было указания на категории слов, как это наблюдается в китайском языке, и настоящей флексией не может быть никакого третьего состояния, совместимого с совершенной организацией языка. Единственное, что можно себе представить в промежутке между двумя этими состояниями, это сложение, используемое в качестве флексии, то есть правильно задуманная, но не доведенная до совершенства флексия, более или менее механическое добавление, а не чисто органическое

пристраивание. Такое, не всегда легко распознаваемое, промежуточное состояние в последнее время получило название агглютинации» (3; 124).

Выходит, агглютинативные языки мало чем отличаются от флективных. Как и в последних, в них имеется флексия, хотя и «не доведенная до совершенства». Нет ничего удивительного в таком случае, что чуть ниже В. Гумбольдт пишет: «Агглютинативные языки отличаются от флективных не принципиально, как отвергающие всякое указание на грамматические категории посредством флексии» (3; 125).

Если между агглютинативными и флективными языками нет принципиальной разницы, то подпадает под сомнение и сам термин «флективный» по отношению к соответствующему типу языка. Чтобы спасти положение, при характеристике данного типа В. Гумбольдт прибегает к термину «настоящая флексия». Но это означает, что в агглютинативных языках мы имеем дело с флексией... ненастоящей.

Отграничение агглютинативных языков от флективных – слабое место в гумбольдтовской типологии языков. Под «настоящей флексией», тем не менее, В. Гумбольдт имел в виду такое соединение окончания с основой слова, которое получило название фузии. Вот как она определяется у О.С. Ахмановой: «Тесное морфологическое соединение изменяемого корня с многозначными нестандартными аффиксами, приводящее к стиранию границ между морфемами» (7; 505). В фузии, таким образом, сочетаются, по крайней мере, два начала: спаянность корня с аффиксом и, во-вторых, многозначность последнего. Особенно ярко первый признак фузии – тесная спаянность корня (основы) с аффиксом представлена в гаплогонии («курский» вместо «курск + ский»).

Так ли часто мы встречаем фузию в ее первом проявлении? Весьма редко. Может быть, ее другое начало – многозначность аффикса (флексии) – выглядит более надежным критерием в отграничении флективных (фузионных) языков от агглютинативных? Возьмем такой пример. В русском слове «руки» окончание передает сразу два значения – мн.ч. и им.п. По-татарски же слово с этим же значением звучит так: кул-лар, где окончание выражает лишь значение мн.ч., а падеж здесь обозначается нулевой флексией. Этот пример показывает, что русский язык относится к флективным языкам, а татарский – к агглютинативным.

Многозначность/однозначность флексии – более надежный критерий в отграничении флективных языков от агглютинативных, чем степень спаянности морфем в слове. Однако и этот критерий далеко не всегда «срабатывает»: в агглютинативных языках имеются не только однозначные, но и многозначные флексии (напр., татарск. «ясаар-лар» (сделают) своею флексией выражает сразу Зл. и мн.ч.), а во флективных языках есть не только многозначные флексии, но и однозначные (напр., флексия мн.ч. у имен существительных). Разница между агглютинативными и флективными языками, таким образом, состоит лишь в степени фузионности: первые – менее фузионны, а другие – более.

Инкорпорирующий тип

Между изолирующим и флективным классами языков В. Гумбольдт помещал не только агглютинативные языки, но и инкорпорирующие. Он писал: «Если взять в сочетании оба эти способа (флективный и изолирующий – В.Д.), какими единство предложения фиксируется в понимании, то окажется, что есть еще и другой, противоположный им обоим способ, который здесь удобнее было бы считать третьим. Он заключается в том, чтобы рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово» (3; 141).

Что значит «рассматривать предложение как отдельное слово»? А что позволяет нам делить предложение в неинкорпорирующих на отдельные слова? Во-первых, паузы, а во-вторых, ударения: как правило, они отделяются друг от друга определенными паузами и имеют соответственные ударения. В инкорпорирующих языках указанные признаки (паузы и ударения) оказываются принадлежностями не отдельных слов, а словосочетаний (при частичном инкорпорировании) или целых предложений (при полном инкорпорировании). Кроме того, делению предложения на слова в неинкорпорирующих языках способствуют аффиксы (например, флексия свидетельствует о его конце). Выходит, в неинкорпорирующих языках акцентным единством и аффиксальной морфологизацией обладает, как правило, слово, а в

инкорпорирующих – словосочетание или предложение в целом. Эти языки будто по ошибке оторвали эти признаки от слова и перенесли на синтаксические конструкции – инкорпоративные комплексы.

Если в неинкорпорирующих языках синтетическая тенденция доведена лишь до сложных слов (напр., малоблагоприятный), то в инкорпорирующих она оказалась намного более сильной. При частичном инкорпорировании она превращает в акцентные единства сочетания слов, а при полном инкорпорировании – целые предложения. Пример частичного инкорпорирования из чукотского языка: Танкляволя (Хороший мужчина) кораны (оленя) пэлянэй (оставил). В инкорпоративную группу здесь слилось лишь словосочетание «тан (хороший) + кляволя (мужчина)». Пример полного инкорпорирования из этого же языка: Тымынгынторкын (Я вынимаю руки). В инкорпоративный комплекс здесь слилось целое предложение. Вот тут-то и возникает необходимость, как говорил В.Гумбольдт, рассматривать предложение как слово.

Поскольку в инкорпорирующих языках корневые и аффиксальные морфемы могут сгущаться в целые предложения, то их называют также полисинтетическими, а это значит, что их можно назвать также минианалитическими.

Итак, великий немецкий типолог В. Гумбольдт сумел построить такую классификацию языков, которая в целом не утратила своего научного значения по сей день. Если все классы языков, входящие в нее, вытянуть в цепочку по степени аналитичности (от максимума к минимуму), то получится следующая последовательность: изолирующие – агглютинативные – флективные (их синтетизм увеличивается за счет фузии, отсутствующей в предшествующем классе языков) – инкорпорирующие (начиная с частичного инкорпорирования и кончая полным).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Язык и философия языка – М., 1985.
2. Новое в лингвистике. Вып.3 – М., 1963.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию – М., 1984.
4. Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология / Под ред. И.Ф. Вардуля – М., 1969.– С.34-45.
5. Кузнецов П.С. Морфологическая классификация языков. – М., 1954.
6. Даниленко В.П. К соотношению научной и языковой картин мира // Словарь, грамматика, текст / Под ред. И.Б. Барамыгиной – Иркутск, 2000. – С.58-66.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов – М., 1966.

ЭРГАТИВНОСТЬ И СТАДИАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

Ю. Г. Курилович

ЭРГАТИВНОСТЬ И СТАДИАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ [1]

(Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - Т. V. Вып. 5. - М., 1946. - С. 387-393)

Синтаксис языков с так называемым номинативным строем, к которым принадлежат, например, индоевропейские и семитские языки, отмечает различие между подлежащим и (прямым) дополнением (subjectum, objectum). Подлежащим является слово, нормально существительное или местоимение, определяемое предикативно сказуемым (обыкновенно глаголом) и дополнением же - существительное или местоимение, определяющее сказуемое, например, *дворник пилит дрова*, где стрелы направлены от определяющего к определяемому (хотя оба эти определения по сути разны). Большинство языков располагает возможностью применить пассивную конструкцию, т. е. переменить прямое дополнение в подлежащее, подлежащее в косвенный падеж, преимущественно творительный, а активный глагол в пассивный - *дрова пилятся дворником*, janitor lignum secat: lignum secatur a janitore.

Таким образом одно и то же действие представлено двумя языковыми способами, двумя конструкциями, активной и пассивной. В первом случае грамматическим подлежащим является *agens*, т. е. то, что действует (в нашем примере действующее лицо "дворник"). Во втором случае роль подлежащего играет *patiens*, т. е. определяющее лицо или предмет (в нашем примере "дрова"). *Agens* и *patiens* - каждое может быть исходным пунктом, т. е. подлежащим предложения. Таким образом нельзя смешивать *agens*'а с подлежащим, *patiens*'а с прямым дополнением. Подлежащее и прямое дополнение - это грамматические категории, *agens* и *patiens* - понятийные категории [2]. В вышеупомянутых языках нормальной является активная конструкция, т. е. с *agens*'ом как подлежащим, пассивная же конструкция имеет две различные функции, одну грамматическую, вторую стилистическую.

Грамматическая функция страдательной формы - это ее употребление в том случае, когда предложение строится без *agens*'а или потому, что он неизвестен, или потому, что не обращают на него внимания. *В лесу был убит солдат, (в лесу убили солдата), пар вспахивается*, латинское *itur* "идут" (буквально идет). Обыкновенно, если *agens*'ом является лицо, неизвестное или неназванное, возможна и активная конструкция: говорят, *dicunt, on dit, man sagt*. При пассивной конструкции без *agens*'а имеем только два основных члена, глагольную форму и *patiens*.

Другую, а именно не грамматическую, но стилистическую функцию имеет полная (трехчленная) пассивная конструкция: *солдат был убит врагом, пар вспахивается крестьянином*, которая совсем не отличается своим содержанием от соответственных активных конструкций: *враг убил солдата, крестьяне вспахивают пар*. Эти две конструкции разнятся между собою только стилистическим оттенком. Говорят, например, *Пушкин был убит в поединке Дантесом*, если речь шла о Пушкине, но *Дантес убил Пушкина в поединке*, если речь шла о Дантесе. В первом пример *patiens*, во втором *agens* являются **психологическим**, не только грамматическим подлежащим. Но психологическое подлежащее - это уже термин стилистики.

Наличие пассивной конструкции в разных языках оправдывается не этой стилистической функцией, но первой, грамматической, функцией. Это следует из факта, что могут существовать или обе или только вторая, но иногда не существует только вторая. Это значит, что нет языка, который бы образовал и сохранял страдательный залог исключительно для стилистических целей. Наоборот, есть языки, в которых *passivum* служит только грамматическим целям, например, латынь в своей старшей стадии или классический арабский. В этих языках *passivum* употребляется только в двучленных конструкциях, состоящих из глагола и *patiens*'а (но без *agens*'а). Нет языков, в которых бы пассив употреблялся только в трехчленных конструкциях.

С другой стороны, есть языки, в которых нормальным является не наш номинативный, или активный, строй (*враг убил солдата*), но так называемый **эргативный** строй, который можно бы сравнить с нашим пассивом. Но сравнение это не вполне оправдано, так как этот эргативный строй считается в данных языках основным и нормальным, как наш активный, не производным и стилистически подчеркнутым, как наш пассив. Например ср. Гухман, Происхождение строя готского глагола, стр. 136, пример Дирра, в грузинском "охотник убил оленя" передается так *monadire-man irem-i mohkla*, т. е. охотником олень убит, в то время как в настоящем времени имеется *monadire irem-sa mohklav*, т.е. охотник оленя убивает. Таким образом грузинский имеет в прошедшем времени (так называемом аористе) эргативную конструкцию, в настоящем - номинативную.

В эргативной конструкции исходным пунктом является *patiens* ("олень"). Он выступает в падежной форме, которую имеет подлежащее непереходного глагола. *Agens* стоит в косвенном падеже, называемом обыкновенно эргативным падежом или *casus activus*.

Эргативной (или менее правильно "пассивной") конструкцией баскского, кавказских и североамериканских языков занимались в начале века западноевропейские языковеды (Schuchardt, Fink, Uhlenbeck), потом русские лингвисты (Март, Мещанинов, Кацнельсон и др.). Schuchardt первый обратил внимание на возможность происхождения индоевропейского номинативного строя из эргативной конструкции. Март же и его школа пытались придать вопросу номинативной и эргативной конструкций более глубокий характер, связывая их с теорией стадильности языков.

Теория эта представляется в нескольких словах таким образом. Языковые формы (главным образом предложение как основная форма) развиваются в определенном направлении. Можно различать несколько главных этапов или стадий (три или четыре). Эволюция эта тесно обусловлена соответственным развитием социальной структуры общества, производственных отношений и т. д. Члены предложения и части речи возникают постепенно путем дифференциации.

Нас интересует здесь строй предложений. В этом отношении школа Марра отмечает отсутствие различия между словом и предложением на первой стадии, эргативный строй предложения на высшей стадии и номинативный строй на последней стадии. Если, как в грузинском или в некоторых индо-европейских (а именно индо-иранских) языках существуют рядом и номинативная и эргативная конструкции, то следует последнюю считать пережитком, не соответствующим действительному строю общества и мышлению (миросозерцанию). Ибо эргативная конструкция, рассматривающая действие со стороны *patients'a*, соответствует (по Кацнельсону, К генезису номинативного предложения, стр. 92) мышлению, для которого предметы сами по себе являются инертными; с другой стороны, номинативная стадия связана с возникновением в мышлении понятия о предмете как обладающем свойствами субстанции и соответственно в языке именительного падежа как средоточия *всех мыслимых глагольных предикатов* (разрядка моя - Ю. К.).

Прежде всего рассмотрим здесь номинативный и эргативный строи в их взаимном параллелизме.

Как при номинативном, так и при эргативном строе существуют у переходных глаголов три возможности:

1. Существует только эргативная конструкция.

2. Существует эргативная конструкция и кроме того **абсолютная конструкция**, т. е. такая, в которой нет *patients'a*, который является пропущенным или потому, что неизвестен, или потому, что не обращается на него внимания. Ср., например, *женщина варит, он пьет* (если неизвестно что - водку, пиво, вино и т. д., или если это не стоит внимания). Но глагол в этом случае выступает в некоторых языках эргативного строя, например в абхазском (Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 166) в специальной форме, которую зовут субъектной в отличие от субъектно-объектной, употребляемой при наличии *patients'a*. Что же касается *agens'a*, то он выступает в **абсолютном** падеже, как при непереходном глаголе или в номинальной фразе. То же самое прослеживается и в ряде других яфетических языков (Мещанинов, Общее языкознание, стр. 158 и 159).

3. Существует эргативная конструкция, т. е. *agens* в эргативном падеже, глагол в субъектно-объектной форме, *patients* в абсолютном падеже, а рядом с ней - подчеркнутая стилистическая, обратная конструкция: *agens* в абсолютном падеже, глагол в субъектной форме, *patients* в косвенном падеже. В то время как в эргативной форме пунктом исхода является *patients* (потому что его форма является подлежащим и во фразах с непереходным глаголом и в номинальных фразах), в обратной конструкции исходным пунктом становится *agens*. Имеем здесь будто полярную противоположность современным европейским языкам, в которых активная, т. е. нормальная, фраза исходит от *agens'a*, а стилистически подчеркнутая пассивная форма от *patients'a*.

Такое положение дела находим в описанных Мещаниновым (в его "Новом учении о языке") палеоазиатских языках. Он говорит (стр. 69): "В унанганском (алеутском) языке мы имеем два строя спряжения с различными формативами: прямой (субъектный), относительный (субъектно-объектный). Один из них (прямой, субъектный) указывает местоименною частицею на субъект, объект же, если он налицо во фразе, вовсе не отражается в глагольном оформлении". В другом (относительном) субъект (существительное) ставится в относительном, а не в прямом падеже, как при глаголах первой формы.

Например, *ga-h aŋǰaǰi-m sukū* - рыбу человек берет (стр. 65), *aŋǰaǰi-h ga-h su-kū-h* - человек рыбу берет (стр.70). Стр. 85: И в языке немепу (в Северной Колумбии), "как и в унанганском (алеутском) непереходная (субъектная) глагольная форма вовсе не означает непереходного глагола, который уже по одной своей семантике не требует прямого дополнения. В языке немепу, как в унанганском, наоборот,

непереходная форма характеризуется лишь отсутствием объекта в ней самой, что вовсе не означает невозможности объекта во фразе с глаголом безобъектным по форме". Это значит, что для переходных глаголов имеем два залога, субъектный и субъектно-объектный, и, следовательно, две возможности конструкции фразы с переходным глаголом, как в унанганском языке.

Тоже самое для одульского (юкагирского), стр. 107, пункт 3, для чукотского, стр. 121 и 122. В этом последнем языке предложение типа *женщина варит мясо* передается или через

женщина - в орудийном падеже, *варит* в субъектно-объектной (переходной) форме, *мясо* - в абсолютном падеже, или

женщина - в абсолютном падеже, *варит* в субъектной форме, *мясо* - в косвенном (орудийном) падеже.

Таким образом, говорит здесь Мещанинов, одна и та же фраза оказалась построенной по двум видам глагольного оформления, **с различием формальным при тождестве содержания**. В чукотском языке находим, по автору, "выдержанное проведение эргативности" (стр. 121).

На основе этих материалов получается следующий параллелизм номинативных и эргативных конструкций.

А) номинативные	Б) эргативные
1) женщина варит мясо	1) женщиной варится мясо
2) женщина варит мясо	2) женщиной варится мясо
мясо варится	женщина варит
3) женщина варит мясо	3) женщиной варится мясо
мясо варится	женщина варит
мясо варится женщиной	женщина варит мясо

Надо отметить, что в эргативной конструкции в некоторых языках различаем подгруппу глаголов *sentiendi*, в которых *agens* принимают форму не орудийного, а дательного падежа.

С другой стороны, в конструкции Б₃ *женщина варит мясо* *patiens* в чукотском является в орудийном падеже.

Но эти детали не влияют на общую картину: суть дела в том, что один раз *agens*, другой раз *patiens* является в той падежной форме, которую имеет подлежащее в предложениях с непереходным глаголом или в номинальной фразе.

В А₂ и Б₂ находим одну полную конструкцию (с *agens*'ом и *patiens*'ом) и одну неполную: в номинативном строе это конструкция *мясо варится* (без *agens*'а), в эргативном строе конструкция *женщина варит мясо* (без *patiens*'а). Эти неполные конструкции имеют грамматическую функцию. Когда по разным причинам *agens* или *patiens* не упомянуты, глагол принимает специальную форму, пассивную в первом, абсолютную или субъектную во втором случае. Под А₃ и Б₃ находим по две полные конструкции. И в номинативном и в эргативном строе их противоположность чисто стилистическая. В обоих случаях и *agens* и *patiens* могут являться исходным пунктом конструкции, с той разницей, что в номинативном строе **нормально** является подлежащим *agens*, а конструкция с *patiens*'ом в роли подлежащего - это ее стилистически подчеркнутый вариант, в эргативном же строе - наоборот.

И под 2) и под 3) язык имеет по два залога, в номинативном строе - активный (действительный) и пассивный (страдательный), в эргативном строе - эргативный и абсолютный (или субъектно-объектный и субъектный). А₁ и Б₁ представляют собой языки с одним только залогом. Язык может обойтись без другого залога даже в случае неполной конструкции (где, как мы видели, второй залог играет грамматическую роль). В санскрите можно сказать *māmsam pacati* "*варит мясо*" в значении русского *мясо варится кем-то* с той глагольной формой, что *māmsam pacatistṛī* "*женщина варит мясо*". С другой стороны, в ряде языков с эргативной конструкцией говорят *женщиной варится (что-то)* с той же формой глагола, что и в полном предложении *женщиной варится мясо*.

Возникает теперь вопрос, в какой мере разница между номинативным и эргативным строем отражает разницу мышления. В конструкциях А₁ и Б₁, для которых нет в пределах одного и того же языка

сопоставления с другой конструкцией - ни с конструкцией пассивной для A_1 , ни с конструкцией абсолютной (субъектной) для B_1 , разница в мышлении совсем не может отразиться в конструкции [3], так как существует только одна грамматическая форма выражения, несмотря на то, что является пунктом исходным в мышлении, *agens* или *patiens*. То же самое можно сказать о конструкциях A_2 и B_2 , для которых тоже нет противоположностей, так как строй неполных форм, пассивной в A_2 , абсолютной для B_2 , обуславливается чисто грамматически отсутствием *agens*'а в A_2 и *patiens*'а в B_2 . Противоположность налицо только в A_3 и B_3 , где имеем по две полные конструкции, в A_3 - нормальная - *женщина сорит мясо* и стилистически подчеркнутая - *мясо варится женщиной*, в B_3 - наоборот. Здесь разница в мышлении действительно в некоторой мере отражается и в языковой форме [4]. В зависимости от субъективного психического расположения говорящего исходным пунктом (т. е. подлежащим предложения) является или *agens* или *patiens*. Но, с другой стороны, мы видим, что эти возможности наличествуют и в номинативном и в эргативном строе. Разница здесь та, что в первом случае употребляем **нормально**-активную, во втором случае **нормально**-эргативную (субъектно-объектную) конструкцию. Но это не существенная, не качественная, а скорее количественная разница: употребление нормального и стилистически подчеркнутого залога будет зависеть от индивида, воспитания, стиля (класса, литературного языка) и т. д. Существенным является наличие обеих возможностей в обоих строях. Это значит, что эти два строя не отражают двух разных мышлений.

Но можно бы возразить, что характерными для этих двух строев являются не конструкции A_3 и B_3 , но конструкции A_1 и B_1 , а именно: во время их **возникновения** в языке, когда **возникло** трехчленное предложение, язык выбрал один из двух возможных путей, от *agens*'а до *patiens*'а, или наоборот. Это была бы уже не функциональная, а генетическая связь языка с мышлением. Не хочу здесь пользоваться аргументом, вытекающим из собранных И. И. Мещаниновым материалов, а именно: что как раз стадиально, по его мнению, старшие палеоазиатские языки имеют противоположность двух полных конструкций, отмечаемых под B_3 . Это значило бы, что изолированная конструкция B_1 является редукцией из старшего, двузлогового строя. Гораздо важнее, по моему мнению, то, что если эргативная конструкция B_1 отражает мышление в момент своего генезиса, тогда нам приходится принять одно из двух: 1) или она опять, выбрана из двух конструкций, из которых другая исчезла, тогда получаем более древнюю стадию, на которой или *agens* или *patiens* могли ставить подлежащим фразы; 2) или имеем в виду момент **возникновения** языка, что, во-первых, является только отвлеченным построением, без эмпирического основания, а, во-вторых, опять противоречит принципу стадиальности, по которому эргативность возникает на определенной, сравнительно поздней стадии языкового развития.

Итак, приходим к выводу, что номинативность и эргативность или ничего общего с разницей мышления не имеют (A_1 , A_2 ; B_1 , B_2), или отражают стилистические оттенки мышления (A_3 , B_3), но в таком случае **одинаковым способом** в номинативном и эргативном строе, значит, независимо от придаваемой школой Марра этим конструкциям стадиальности.

Но и само понятие стадиальности неприменимо по отношению к номинативному и эргативному строю. Приверженцы теории стадиальности могут защищаться на новых позициях, утверждая, что эргативность хотя и не представляет собой более примитивного (т. е. соответствующего более примитивному общественному строю) мышления, чем номинативность, но все-таки она является более древней конструкцией, чем номинативность [5]. Такое утверждение было бы неправильно. Раз язык имеет выбор между двумя стилистически дифференцированными конструкциями (A_3 , B_3), исчезновение одной из этих может повлечь за собой и изменение строя (номинативного на эргативный и наоборот). Если в случае A_3 (противоположность активно-пассивная) исчезает пассив, получаем A_1 . Но если исчезает актив, получим B_1 . Уже давно было открыто, что разница между пассивной и эргативной конструкциями состоит в том, что первую сопоставляют с активной, как основной, вторую же нет. Так объясняется генезис эргативной конструкции в индо-иранских языках. Прибегать к понятию пережитков здесь не нужно [6].

Французский язык кроме нормальной конструкции - *le maître prend le livre, les élèves prennent les plumes*, имеет пассив - *le livre est pris par le maître, les plumes sont prises par les élèves*, и, кроме того,

менее литературную, но правильную конструкцию: le livre le maitre le prend, les plumes les élèves les prennent.

Если бы вследствие потери контакта с литературной традицией, в определенных условиях, например в какой-то французской колонии, пассивная конструкция вытеснила две остальные, научному описателю языка пришлось бы говорить об эргативном строе его фразы. Если бы, с другой стороны, осталась **только** конструкция le livre le maitre le prend, языковедам пришлось бы говорить о субъектно-объектном строе французского глагола.

le livre - le maitre - le prend

les plumes - les élèves - les prennent.

Местоимения le, les, стоящие перед глаголом, казались бы описателю просто неударяемыми, префигурованными глаголу, элементами, согласующимися с *patiens'* ом (le livre, les plumes), в то время как личные окончания глагола (prend, prennent) соответствовали бы *agens'* у (le maitre, les élèves). Аналогично при упрощении B_3 получаем B_1 , если исчезает вторая (субъектная) конструкция, но A_1 , если исчезает субъектно-объектная (эргативная) конструкция. Если бы чукотское *женщина варит мясо* вытеснило выражение *женщиной варится мясо*, возникла бы номинативная конструкция A_1 .

Все это следует из принципа противоположности: функции языковых форм определяются объемом употребления этих форм. Потому и функция формы должна определяться в отношении к другим формам, употребляемым рядом с ней в данной семантической или синтаксической области. Остановимся еще на таком вопросе: какое значение придать разнице между А и Б, специально между A_3 и B_3 , какое значение имеет для системы языка то обстоятельство, что в первом случае форма с *agens'*ом, как подлежащим, является нормальной, стилистически бесцветной, а форма с *patiens'*ом стилистически подчеркнутой, во втором же случае наоборот.

Такую разницу обнаружим в языке в случае, когда дело идет о внешнем или внутреннем порядке элементов. Так, например, в одних языках определение (прилагательное) стоит или обязательно или нормально перед определяемым (существительным), в других после. В первых - позиция после определяемого, во вторых - перед определяемым считается стилистически подчеркнутой (если вообще допускается). В фонетике в одних языках интонация является положительной на второй части (например в славянском или латышском), в других на первой части (в литовском). В этих примерах речь идет о внешнем порядке элементов, о первом или втором месте. В случае же номинативной и эргативной конструкции можно говорить о внутреннем порядке элементов: исходным членом фразы, т. е. подлежащим, несмотря на порядок слов, является один раз *agens* (в номинативной конструкции), другой раз - *patiens* (в эргативной конструкции). Внешний порядок слов во фразе в этой связи нас не интересует.

Можно ли две полные конструкции A_3 считать просто обращением двух конструкций B_3 ? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательный. Совершенно правильно в языковедении употребляют разные термины, говоря в первом случае об отношении **активной к пассивной** конструкции, но во втором - об отношении **эргативной к абсолютной** конструкции (но не пассивной к активной) [7]. Точно так же, как в области фонетики, верхненемецкое или датское отношение $b : p$ не может считаться просто обращением славянско-романского $p : b$, так как в первом случае p , во втором b является положительным элементом. И здесь тоже совсем правильно языковеды употребляют разные термины: *lenis* и *fortis* - для первой пары, *tenuis* и *media* (или глухая и звонкая) - для второй пары. Это основано на другом лингвистическом принципе, принципе положительности и отрицательности языковых знаков, стоящем в тесной связи с вышеупомянутым первым принципом.

Фонетический состав языка изменяется быстрее, чем структура его фразы. На примере германского видим, как отношение $p : b$ изменялось несколько раз в течение предистории и истории германского. Индо-европейское отношение *tenuis* : *media* заменено было во время первого передвижения согласных (*erste Lautverschiebung*) отношением *lenis* : *fortis*. В исторических германских языках (например, в нижненемецком, английском, голландском, шведском, норвежском) опять находим противопоставление *tenuis* : *media*. И опять эта противоположность в верхненемецком и датском переходит в

противоположность *lenis* : *fortis*. Можно ли сказать, что эти два разных вида отношений между *p* и *b* принадлежат разным стадиям развития человеческой артикуляции?

Нет. Как на основе разницы между немецкой парой *b* : *p* и русской парой *p* : *b* нельзя говорить о стадильности в развитии артикуляционных органов, точно таким же образом на основе разницы между парой полных конструкций *A₃* и парой *B₃* нельзя говорить о стадильности человеческого мышления, даже нельзя говорить о стадильности языковых средств.

Не затрагиваем здесь других признаков, которые Марр и его школа выдвинули как характерные для разных предполагаемых ими стадий языкового развития.

Утверждаем только на основе предыдущего, что эргативность и номинативность не только не отражают никакой разницы мышления, но и являются формами, стадильно совсем неопределенными.

Если стадильность в языковом развитии существовала, то в находящихся в нашем распоряжении и изложенных выше материалах она следа не оставила.

Примечания

1. Доклад, сделанный в Львовском государственном университете, с любезного согласия автора печатается в настоящем номере журнала. Поскольку доклад выдвигает исключительно интересную проблему, редакция намерена посвятить ей ряд статей в последующих номерах журнала.

2. Так как в русском языке существуют кроме своих терминов (подлежащее, дополнение) и соответствующие иностранные (*subjectum*, *objectum*), некоторые русские ученые употребляют вместо *agens* и *patiens* термины субъект и объект.

3. Ср. Вандриес. Язык (русский перевод) стр. 218-221. Мышление может отражаться в языке частично (оттуда языковое и внеязыковое мышление). Разница, существующая в языке, должна существовать и в мышлении. Но наоборот, нельзя заключить из отсутствия в языке разницы отсутствие ее в мышлении, например, все люди различают пол (он, она), но не все грамматический род (ср. иранское *o* = он, она). Если существует только один залог, нельзя определить, что является для говорящего в разных случаях исходным пунктом действия: не говорим о других средствах, как порядок слов, ударение. Во всяком случае, нельзя смешивать мышление, как представляемое (языком), с категориями, как орудием представления.

4. А именно: отражается индивидуальное отношение говорящего к высказыванию. Оно образует плюс внеязыкового мышления, в то время как содержание обеих конструкций (языковое мышление) тождественно.

5. Т. е. более древним орудием представления мышления.

6. Принцип смешения языков (арийских с доарийскими) или билингвизма применять специально здесь нельзя, так как этот принцип важен вообще для всех языковых

7. По внешней форме актив можно сравнить с абсолютной, пассив - с эргативной конструкцией. Но по функции в языковой системе актив играет такую же основную роль, как эргативная конструкция, пассив же является надстройкой, как и абсолютная конструкция.

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЭРГАТИВНОГО СТРОЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

И.И. Мещанинов

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЭРГАТИВНОГО СТРОЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. - Л., 1967. - С. 7-9)

Мое определение основной структуры эргативного предложения расходится с тем его определением, какое получает сейчас широкое использование.

Эргативная конструкция рассматривается мною как цельная синтаксическая система, противопоставляемая номинативной, что не соответствует тому определению, какое дается эргативному строю предложения в других научных работах. В них внимание сосредоточивается на грамматической форме члена предложения без уточнения того назначения, которое выполняется ею в структуре всего предложения.

Непереходное предложение имеет подлежащее, получающее грамматическую форму, соответствующую именительному падежу номинативной конструкции. Отсюда делается вывод, что само непереходное предложение включается в систему построения номинативного предложения. С таким выводом мне трудно согласиться.

В эргативном построении предложения выделяются падеж, в котором ставится подлежащее непереходного действия, и прямое дополнение переходного, что не соответствует тому назначению, какое возлагается на именительный падеж в языках номинативного строя предложения.

В номинативной конструкции различаются падежи именительный и винительный по передаче ими субъекта и объекта, тогда как в эргативной конструкции один и тот же падеж выступает с функциями того и другого. Выполнением обеих функций выделяется абсолютный падеж, включаемый, как и активный, в число специально выделяемых этой синтаксической системой. И если А.С. Чикобава, останавливаясь на абсолютном падеже прямого дополнения, утверждает, что в эргативном предложении отсутствует винительный падеж, то я, вполне соглашаясь с этим, позволю себе остановиться на том же падеже в занимаемой им позиции подлежащего и на тех же основаниях добавить, что в эргативном строе предложения нет также и именительного падежа.

Такой вывод, построенный на анализе отдельных грамматических форм, можно применить к даваемому по ним определению структуры всего предложения. Оно получает в эргативной конструкции различные построения при передаче переходного и непереходного действия. Имеющиеся между ними расхождения ставят вопрос о том, выступают ли в них две самостоятельные синтаксические системы или две разновидности одной системы.

Основанием для выделения в эргативной конструкции предложений переходного и непереходного действия послужили обнаруживаемые в них расхождения в грамматическом использовании их главных именных членов. Разные падежи может получать подлежащее. с различным назначением выступает член предложения, поставленный в абсолютном падеже. Грамматическое выражение субъектных и объектных отношений оформляет подлежащее, заменяя именительный номинативного строя предложения. При субъективных отношениях тот же падеж оформляет подлежащее, заменяя именительный номинативного предложения. Отсюда позволю себе перейти к подытоживающему заключению: если абсолютный падеж эргативной конструкции не соответствует именительному падежу номинативной, то и выступление его подлежащим в непереходном предложении образует эргативную конструкцию, а не номинативную.

Эргативная конструкция противопоставляется номинативной всею выработанной в ней синтаксической системой. Отдельные грамматические формы могут совпадать в обеих системах построения

предложения, но его главные члены и их грамматическое оформление получают в эргативной конструкции ее устанавливаемое значение.

Падежи, оформляющие главные члены, выделяются в синтаксических построениях и выступают в них со своим назначением падежей эргативной системы. Частичные схождения с номинативной обнаруживаются за пределами предикативной группы. Они ограничиваются падежами второстепенных членов предложения, когда их грамматическая форма не повторяется в главных членах и выделяет одни второстепенные.

Главные члены выделяются в эргативной структуре предложения не только активным и абсолютным падежами. Эргативное значение может получать в этой синтаксической системе также и тот член предложения, который, выступая подлежащим, передается не активным, а одним из косвенных падежей. Используемые эргативной конструкцией, эти косвенные падежи могут занимать положение, не соответствующее номинативной. Они, сохраняя ту же грамматическую форму, могут в одном и том же предложении выступать и в главных, и во второстепенных его членах. Они могут оформлять как косвенное дополнение и определение, так и подлежащее.

Получая содержание члена эргативного предложения, подлежащее придает выступающему в нем косвенному падежу значение падежа эргативной конструкции, так же как и абсолютному.

Абсолютный падеж передает как объектные отношения прямого дополнения, так и субъектные отношения подлежащего, что не возлагается на один и тот же член предложения номинативной системы. Выступая тем самым в переходных и непереходных предложениях, абсолютный падеж объединяет их, образуя разновидности той же эргативной конструкции. Она выделяется своей синтаксической системой в субъектно-предикативных построениях главных членов предложения и противопоставляется синтаксической системе, выступающей в языках номинативной конструкции.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК. ПРЕДИКАТИВНЫЕ ГРУППЫ

И. И. Мещанинов

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК. ПРЕДИКАТИВНЫЕ ГРУППЫ

(Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. - Т. XVIII. Вып. 6. - М., 1959 - С. 490-499)

В основе синтаксических конструкций лежат отношения, возникающие в строе речи между словом и предложением. Предложение, как грамматически оформленная синтаксическая единица, получает различные построения не только в разных языках, но и в одном и том же. Предложения могут быть выражены одним словом, могут передаваться сочетаниями слов, могут иметь сложносочиненные и сложноподчиненные разновидности. Предложение, состоящее из одного слова, образует специальную синтаксическую единицу (слово-предложение). В развернутом многочленном предложении слово выступает самостоятельно и обособленно лишь в позиции вводного слова [1]. Во всех других случаях оно входит в состав синтаксических словосочетаний, представляющих собой «грамматические единства внутри предложения, состоящие не менее чем из двух полнозначных (не служебных) слов» [2]. Такие синтаксические словосочетания, в отличие от словосочетаний лексического содержания (сложные слова, композита), связаны с самим строем предложения и являются специальными синтаксическими конструкциями.

Среди синтаксических словосочетаний ведущее положение в построении всего предложения занимает предикативная группа. Представляя собой грамматическое единство, состоящее не менее чем из двух полнозначных слов, связанных передачей предикативных отношений, подобная группа включается в число словосочетаний, но занимает среди них особое место. В состав предикативной группы входят два

главных члена предложения (подлежащее и сказуемое). Благодаря этому она может иметь содержание законченного предложения, передающего субъектно-предикативные отношения. Такого содержания не имеют другие синтаксические группировки, становящиеся в зависимое положение от предикативной [3].

Предикативная группа получает разные грамматические формы как по смысловому содержанию фразы, так и по связям с другими синтаксическими группами (атрибутивными и объектными). Включая последние в свой состав и связывая их с собой, предикативная группа иногда их же отражает в своем собственном построении, которое при этом имеет в одном и том же языке различное грамматическое оформление. Глагол, выступающий в главном члене этой группы (в сказуемом), может вместо показателя подлежащего иметь показатель прямого дополнения, сохраняя связь с подлежащим лишь по общей схеме предикативных отношений без специального морфологического выражения. В ряде языков эргативного строя предложения ведущее значение, кроме подлежащего и сказуемого, получает также объект с его группой. Наличие прямого дополнения в этих языках влияет на оформление членов предикативной группы, изменяя падеж подлежащего и грамматическую форму сказуемого [4].

В построениях сложного предложения предикативная группа также может занимать различное положение. Во французском предложении *Galilee affirme que la terre tourne* выступают две предикативные группы. В первой из них переходный глагол *affirme* "утверждает" сочетается с объектом, в значении которого выступает целая предикативная группа *la terre tourne*. Находящееся вне этой конструкции сочетание *la terre tourne* "земля вращается" передает законченное высказывание, но в данном построении предложения оно такого содержания не имеет [5]. Здесь вторая предикативная группа не включается в состав первой, хотя эта первая предикативная группа имеет законченное содержание только в сочетании со второй, образуя вместе с ней одно предложение.

При рассмотрении предикативной группы [6] необходимо иметь в виду, что все синтаксические группировки относятся к числу общеязыковых категорий. Предикативные, объектные, атрибутивные группы существуют во всех языках, причем каждая из них с одним и тем же содержанием. Общими являются также взаимные отношения между выделяемыми в языке синтаксическими группами (отношения объектных и атрибутивных групп к предикативным), общими остаются и те отношения, которые возникают внутри самих синтаксических групп между их составными частями (отношения между подлежащим и сказуемым, между определением и определяемым). Но то, что наличествует во всех языках в плане конструктивного содержания, получает в них крайне разнообразное материальное выражение. В этом отношении отдельные языки могут резко расходиться. К материальному выражению и приходится обратиться для определения места, которое занимает предикативная группа в строении предложения. Содержание предикативной группы, ее синтаксическое положение и значение ее составных частей уточняются типологическими сопоставлениями.

Привлекаемый ниже материал различных языков, при всем разнообразии их грамматических построений, выделяет предикативную группу как основную в строении предложения, тогда как атрибутивная группа занимает в нем зависимое положение. Структура этих группировок различна. Предикативная группа выделяется сочинением ее членов, синтаксически равнозначных. Атрибутивная группа строится на основе подчиненного сочетания слагаемых частей, из которых одна становится основной в данном словосочетании и входит в состав другой высшей синтаксической группировки в качестве ее члена. Ведущий член атрибутивной группы (определяемое) может выступать также членом объектной группы, включая тем самым в ее состав свои атрибутивные члены (определения). Когда ведущий член атрибутивной группы включается в число членов предикативной группы, в последней на тех же основаниях выделяются группа подлежащего и группа сказуемого. Объектная группа, в отличие от атрибутивной, может занимать разное положение, более самостоятельное и более зависимое [7].

В предикативную группу входят два главных члена предложения, передающие основные для него субъектно-предикативные отношения. Их тесная связь, диалектическое единство приводит к известной степени самостоятельности каждого из них, что получает свое выражение в соответствующей грамматической форме [8]. "В глагольном предложении, - говорит А. Мейе, - согласование между глаголом и примыкающим к нему именем, которое мы называем подлежащим, существует только в одной категории

числа, так как она одна обща и имени и глаголу... Это согласование не является результатом управления одного элемента другим... (оно) вытекает только из того, что категория единства двойственности и множественности одинакова для имени и для глагола" [9]. Здесь, как утверждает А. Мейе, подлежащее и сказуемое ставятся в одном и том же числе не в порядке управления (а следовательно, и согласования), а потому, что оба они передают действующее лицо, стоящее в определенном числе.

Субъект и предикат, выступая в соответствующих членах предложения, получили и тот и другой самостоятельное грамматическое оформление. Такое положение подлежащего и сказуемого, устанавливаемое А. Мейе по материалам индоевропейских языков, может быть подтверждено грамматическими построениями других языков, в частности тех, в которых вербальное сказуемое не изменяется ни по лицам, ни по числам, ср., например в лезгинском: *аял тарсуниз фида* "ребенок на урок пойдет"; *аялар тарсуниз фида* "дети на урок пойдут". Здесь нет ни управления, ни согласования. Глагол в сказуемом получает соответствующую временную форму (будущее время *фи-да*), подлежащее стоит во множественном числе (*аял-ар*). В глаголе число не выражено.

Члены предложения в лезгинском языке сопоставляются друг с другом их сочетанием, а не согласованием. Каждый из них имеет свое грамматическое оформление. Показатели подлежащего не повторяются в показателях сказуемого. Глагол изменяется по временам, получает повелительные, условные, отрицательные, запретительные, вопросительные формы в зависимости от содержания фразы. Подлежащее ставится в разных падежах, независимо от наличной глагольной формы сказуемого. Для передачи активного деятеля используется специальный эргативный (активный) падеж на *-ди*. Когда степень активности особо не выделяется, подлежащее ставится в именительном падеже, ср. *балк Іан галатна* "лошадь устала"; *балкІан-ди ник барбатІна* "лошадь поле потоптала". Сказуемое передается в обоих предложениях глаголом, стоящим в одном и том же времени с одинаковым оформлением (*галатун* "уставать" - *галатн-а*; *барбат Іун* "портить"- *барбатІн-а*). Подлежащее ставится в активном падеже, когда передается переходное на объект действие, для выражения которого используется переходный по своей семантике глагол [10]. Получившееся сочетание самостоятельных членов предикативной группы выступает в лезгинском языке более ясно, чем в языках, в которых лицо, род и число могут иметь особые грамматические формы как в подлежащем, так и в сказуемом (ср. индоевропейские языки).

Самостоятельное оформление как подлежащего, так и сказуемого можно усмотреть и в более сложных построениях глагола, не изменяемого по лицам, но получающего классные показатели, ср. в аварском (дагестанском): *эмен рокъове вуссана* "отец вернулся домой"; *эбел рокъоје йуссана* "мать вернулась домой". Подлежащим выступают имена в мужском и женском роде (*эмен* "отец", *эбел* "мать"). Сказуемое в этих двух сопоставляемых предложениях образует синтаксическую группу, в которую входят глагол и обстоятельства. Оба слова, включаемые в синтаксическую группу, получают показатель класса мужчин (*-в*), когда речь идет об отце, и показатель класса женщин (*-й*), когда говорится о матери: *в-уссана*, *й-уссана* "вернулся, вернулась"; *рокъо-в-е*, *рокъо-й-е* "домой" (в дательном-направительном падеже на *-е*, перед которым поставлен соответствующий классный показатель). Здесь классный показатель получает вся синтаксическая группа сказуемого, которую он и выделяет. В том же аварском языке классный показатель встречается также и в именах существительных; и здесь он противопоставляет мужское женскому; *в-ац* "брат", *й-ац* "сестра", ср. *в-ац рокъо-в-е в-уссана* "брат домой вернулся", *й-ац рокъо-й-е й-уссана* "сестра домой вернулась".

Самостоятельное оформление подлежащего и сказуемого в аварском языке еще более ясно выступает в предложениях переходного действия. Подлежащее ставится здесь в эргативном падеже, что подчеркивает активность действующего лица [11]. В качестве подлежащего могут выступать имена различных классов и стоящие в разных числах. Однако изменения грамматической формы подлежащего не получают никакого отражения в грамматической форме сказуемого переходного действия. Построение подлежащего (его класс и падежное окончание) и построение сказуемого сопоставляются как две самостоятельные синтаксические единицы, ср. *инсу-ца (эбел-аль, чо-ца) хур б-екъана* "отец (мать, лошадь) поле пахал": *умуму-з (улбу-з, чу-яз) хур б-екъана* "отцы (матери, лошади) поле паха л(и)". Синтаксическая группа сказуемого *хур б-екъана* "поле пахал" остается неизменяемой при любом классе и числе имен,

выступающих в подлежащем. Комплекс сказуемого образует независимое от подлежащего синтаксическое объединение слов, в которое включается прямое дополнение. Только с ним сохраняет свою связь глагол, получающий его классные показатели в единственном (- б-) и множественном (-р-) числах; *инсуца хур б-екъана* "отец поле пахал"; *инсуца хурдул р-екъана* "отец поля пахал". Таким образом, и здесь оба члена предложения (подлежащее и сказуемое) получают самостоятельное грамматическое оформление [12].

Сказуемое в ряде языков, использующих развернутую аффиксацию глагола, передает отношения не только к субъекту, но и к прямому и косвенному объектам. Их включение в глагольную форму может получать содержание законченного предложения, ср. в грузинском: *gi-hatav-s*. В префиксе - показатель косвенного объекта 2-го лица (*gi-*). В суффиксе стоит показатель действующего 3-го лица (-*s*) "тебе (для тебя)-рисует-он". Субъектно-объектное содержание предложения передано тут полностью одним глагольным построением сказуемого. Такое же самостоятельное оформление получает сказуемое и в многочленном предложении: *is pur-s hval mo-gi-tan-s* "он хлеб завтра тебе-принесет-он". Каждый член предложения в приведенном примере оформляется самостоятельно. Форма может изменяться, но не в порядке управления и согласования, а согласно тому положению, которое занимает оформляемое слово в соответствующем строе предложения, различаемом в грузинском языке по временам и переходности и непереходности передаваемого действия. Здесь каждый самостоятельно выступающий член предложения получает присваиваемую ему грамматическую форму, отвечающую соответствующему строю всего предложения. Подлежащее в использованном примере стоит в именительном падеже (*is* "он"), так как описываемое действие совершается в настоящем времени. Прямое дополнение (*pur-s* "хлеб") поставлено в дательном-винительном падеже, но этот падеж не управляется глаголом, так как при завершённом действии такое же прямое дополнение ставится в именительном падеже (см. *sahli* "дом" в приводимом ниже примере). Глагол *motana* "приносить" имеет в том же примере суффикс 3-го лица субъекта (-*s*) и инфиксированный показатель косвенного объекта 2-го лица (-*gi-*) [13], передавая тем самым этот объект с его, полным содержанием, так как он отдельно в предложении не помещен (*mo-gi-tan-s* "тебе-приносит-он"). Такому самостоятельному построению глагола в сказуемом соответствует самостоятельное построение подлежащего. Последнее ставится в грузинском языке в разных падежах в зависимости от передаваемого времени совершения действия и от его переходности или непереходности. При действии в настоящем времени подлежащее ставится в именительном падеже (см. в приведенном примере), при переходном действии в аористе оно стоит в активном падеже (окончание -*ma*): *kat's-ma sahli aashena* "человек построил дом", при непереходном действии в том же аористе подлежащее стоит в именительном падеже: *kat'si movida* "человек пришел" [14].

Различные падежи подлежащего существуют и в других картвельских языках, но со своими особенностями в каждом из них. Так, падежами подлежащего в мингрельском языке являются именительный на -*i* и эргативный на -*qe*. В первом из них (именительном) подлежащее ставится при всяком совершаемом действии. В эргативном падеже подлежащее выступает при всяком уже совершённом и законченном действии. Поэтому, в отличие от грузинского, и непереходное на объект действие, если оно закончено, получает в мингрельском языке подлежащее в эргативном падеже, ср. переходное *kot'sh-qe dotshare tsingi* "человек написал письмо"; непереходное *kot'shqe qemort'e* "человек пришел сюда". В мингрельском языке эргативный падеж связан не с активным содержанием переходного действия, а с временем его совершения, выражающим его законченность. Поэтому переходному на объект действию, воспроизводимому в настоящем времени, соответствует подлежащее в именительном падеже: *kot'sh-i tsharens tsingis* "человек пишет письмо" (незаконченное действие) [15].

В чанском языке той же картвельской группы, наоборот, падеж подлежащего связан не со временем совершения действия, его законченностью или незаконченностью, а со степенью активности действующего лица. Всякое непереходное действие, совершаемое во всех временах, сочетается в этом языке с подлежащим в именительном падеже, тогда как при действии, направленном на объект (переходном), то же во всех временах, подлежащее ставится в эргативном падеже (-*q*), ср. действие переходное в прошедшем завершённом (аористе): *ali-q kint'shi oshkomu* "Алий съел птицу"; то же действие в процессе его совершения (настоящее время): *ali-q kint'shi imhors* "Алий ест птицу". Эргативный падеж в

чанском языке выступает вне зависимости от того, находится ли действие в процессе совершения или представлено уже законченным [16]. С таким значением эргативный падеж противопоставляется именительному. Здесь падеж подлежащего не управляется глаголом. С переходной формой сочетается эргативный падеж, так как и подлежащее и сказуемое передают активное действие, чему и соответствует их собственное грамматическое оформление [17].

Активное содержание эргативного падежа подтверждается также его использованием в бацбийском языке вейнахской группы. В этом языке, как и в ряде других иберийско-кавказских языков, подлежащее выступает в грамматических формах именительного, эргативного и дательного падежей. При глаголах чувственного восприятия ставится дательный падеж. Переходное действие сочетается с эргативным падежом, непереходное - с именительным. В значении эргативного падежа фигурируют орудийный на *-ов (в)* и специальный активный на *-ас (с)*, используемый только для обозначения активного производителя действия и в ином положении не употребляемый. В этом специально активном падеже ставится подлежащее при переходном действии как совершаемом, так и завершенном, ср. в настоящем времени: *Мит Иос тегбуин и ботх ба* "Мито делает эту работу". Подлежащее в активном падеже (*МитИо-с*) сочетается с комплексом сказуемого, в котором причастие (*тегбуин*) со связкою (*ба*) замыкает прямое дополнение (*и ботх* "эту работу"), передающее свой классный показатель (- б-) причастию с окончанием *-уин (тег-б-уин)* и связке (*б-а*). Синтаксическая группа сказуемого замыкается в своем самостоятельном построении, связывающем объект с предикатом. Подлежащее, передавая активность субъекта, получает соответствующую ему грамматическую форму. Тот же активный падеж выступает и при непереходном действии (при первых двух лицах субъекта), когда особо оттеняется степень активности действующего лица, ср. *со коттол* "я скучаю" (*со* "я" в именительном падеже); *ас коттлас* "я скучаю" (*ас* "я" в активном падеже, глагол снабжен личным окончанием *-ас*). В первом примере передается пассивное состояние субъекта, независимое от него самого: *кьар йатхе, со кот-тол* "дождь идет, я скучаю" (дождь вынуждает меня скучать). Во втором примере активным оказывается само действующее лицо. Оно само вызывает то состояние, в котором находится. Поэтому подлежащее ставится в активном падеже: *ас духх лелас чухь, ас коттлас* "я много хожу дома, я скучаю". Подлежащее в обоих сочиненных предложениях стоит в активном падеже. Постановка глагола в безличной форме (*коттол*) и с личным окончанием (*коттл-ас*) не меняет содержания сказуемого, так как в бацбийском языке личные и безличные формы глагола используются параллельно с одинаковым значением. Оттенение степени, активности субъекта остается за падежом подлежащего. Оба главных члена предложения получают независимую друг от друга грамматическую форму [18].

Приведенный выше материал позволяет противопоставить построение подлежащего построению сказуемого. При подлежащем может разворачиваться своя атрибутивная группа, так же как и при сказуемом. В комплекс последнего включается косвенное дополнение, получающее атрибутивное содержание обстоятельства. Может включаться и прямое дополнение, когда оно особо не выделяется в предложении. Грамматически такая подчиненная связь одних слов с другими передается в атрибутивном словосочетании группы сказуемого синтаксическими приемами согласования, управления и примыкания. Выделение комплекса сказуемого наиболее ясно выступает, когда глагольная форма своими слагаемыми частями замыкает слова, входящие в эту синтаксическую группировку, ср. уже упомянутое построение сказуемого в бацбийском языке, где между причастием (*тегбуин*) и связкою (*ба*) стоит к ним же относящееся прямое дополнение: *Мут Иос || тегбуин и ботх ба* "Мито || делает эту работу".

Такая же синтаксическая группа сказуемого может выделяться замыканием и в индоевропейских языках, например в немецком: *Der Weltmarkt hat dem Handel, der Schifffahrt, den Landkommunikationen eine unermessliche Entwicklung gegeben*. Комплекс сказуемого, отделенный от стоящего перед ним подлежащего, замыкает сложным построением глагола (*hat gegeben*) как косвенные дополнения, так и прямое. Здесь замыканием выделяется синтаксическая группа сказуемого, но в том же немецком языке глагол может замыкать и всю предикативную группу, ср. *schickte er mir einen freundlichen Brief zu. Im grossen Zimmer wurde eine Abendmahlzeit gehalten* [19]. В замыкаемые слова включилось само подлежащее, выраженное не только местоимением, но и именем существительным. Здесь замыкание использовано с

иным назначением. В этом построении предложения замыканием выделяется не отдельный член предикативной группы, а вся она целиком.

Один и тот же синтаксический прием может быть использован с разными назначениями. Им может оформляться вся предикативная группа, им же могут выделяться отдельные ее члены. Предикативная группа представляет собою цельную синтаксическую единицу, имеющую определенное грамматическое построение. Полный состав такой группы может передаваться соположением ее основных частей (ср. в лезгинском языке) и их сочинением общими грамматическими формами. Так, в индоевропейских языках постройка подлежащего и сказуемого в одном и том же лице, роде и числе объединяет всю предикативную группу. Равным образом, и замыкание в одном из приведенных выше немецких примеров используется для построения всей такой же группы. Все же сами члены предикативной группы и тут выделяются своим собственным грамматическим оформлением: падежом подлежащего и спрягаемой формой глагола.

Сложнее оформляется предикативная группа с выделяемыми в ней главными членами предложения в тех языках, в которых глагол связывает своими показателями разные члены предложения (подлежащее, прямое и косвенное дополнения), например в абхазском. Слабое развитие склонения имен в этом языке, отсутствие в нем специального падежа приводит к закреплению за подлежащим определенного места в предложении и к особому значению глагольной аффиксации. В последней используются местоименные дериваты в качестве классовых показателей. Ими передаются 1-е лицо (-*s*), 2-е лицо (-*u* для мужчин и -*b* для женщин). В 3-м лице его показатели разбиваются на две группы: 1) -*d* (для класса мужчин и женщин), -*i* (для класса имен, не относящихся к человеку); 2) -*i* (класс мужчин), -*t* (класс женщин), -*a* (класс нечеловека). Первыми из них передаются в глаголе субъект непереходного действия и прямой объект переходного. Вторая группа используется для передачи косвенного объекта и субъекта переходного действия. Эти же префиксы, выражая при переходном глаголе субъект активного действия, получают, тем самым, содержание, соответствующее эргативному падежу подлежащего других кавказских языков, где для обозначения активного деятеля, употребляется падежная форма, отсутствующая в абхазском. Глагольные префиксы в этом языке следуют в строгом порядке, начиная с прямого объекта и кончая субъектом. Между ними помещается показатель косвенного объекта, ср. *i-be-s-twejt* "его (нечеловека) -тебе (женщине)-я-даю" (это тебе я отдаю). Такое построение глагола, при конкретном значении первых двух лиц, получает содержание законченного предложения, передаваемого одним глаголом. Более сложным оказывается построение сказуемого, когда конкретизируется также и третье лицо: *sara uara aqama i-u-s-twejt* "я тебе кинжал его (нечеловека) -тебе (мужчине)-я-даю". При необязательном наличии стоящих в начале местоимений остаются устойчивыми в предложении только прямое дополнение и глагол. Ими двумя передается вся предикативная группа, хотя подлежащее в ней может отсутствовать. Выражение субъекта действия и косвенного дополнения сохраняется в глагольной префиксации "тебе-я-даю". Еще сложнее становится строй предложения при конкретизации всех трех именных его членов: *achkunt'sa r-an acha re-l-twejt* "детям их-мать хлеб им-она-дает" (префикс множественного числа -*r* выступает при имени существительном *r-an* "их мать" и в глаголе *re-l-twejt*, где имеется также префикс -*t*, см. их вторую группу). Вербальное сказуемое объединяет здесь своими показателями всю предикативную группу. Такое положение сохраняется и тогда, когда отдельные ее члены образуют свои атрибутивные группировки: ср. *aab bzia* "хороший отец", *aqama bzia* "хороший кинжал", и т. д. И эти атрибутивные группировки, развернутые внутри предикативной группы, вступают со сказуемым в те же отношения через свои ведущие члены. Такие же атрибутивные группы образуются и при сказуемом, ср. с наречием *ibziane i-z-bwejt* "хорошо это-я-пишу"; с прилагательным *sara bzia i-z-bwejt* "я хорошо это-я-смотрю (я люблю)". Определения примыкают к определяемым, последние передают свои показатели глаголу. Получается цельная предикативная группа. В ней подлежащее и сказуемое сохраняют свою грамматическую форму. Подлежащее, лишенное падежного окончания, устанавливается местоположением, сказуемое выделяется развитой префиксацией глагола [20].

Самостоятельность грамматических форм главных членов предикативной группы подтверждается приведенными выше примерами, взятыми из разных языков. Сказуемое и подлежащее сочетаются в предложении иногда соподчинением их построений, передающих одно и то же лицо и число,

иногда независимо от них; ср. лезгинский язык, в котором подлежащее получает падежное окончание, а глагол не изменяется по лицам; в аварском языке, где подлежащее оформлено падежом, глагол же в переходной форме снабжается классными показателями прямого дополнения, что выделяет синтаксическую группу сказуемого, противопоставляемую подлежащему; в абхазском языке, объединяющем классными показателями в глаголе всю предикативную группу и в то же время выделяющем сказуемое развитой префиксацией глагола; в индоевропейских языках, сочетающих подлежащее со сказуемым в лице и числе при выделяемом падеже подлежащего; ср. предложения непереходного действия в кавказско-иберийских языках, где вербальное сказуемое сочетается своим классным показателем с подлежащим, тогда как при переходном действии такого сочетания классными показателями с подлежащим не имеется [21]. Подлежащее в этих же языках само имеет разные падежные окончания, отражая в них степень активности действующего лица (эргативный строй предложения).

Подлежащее и сказуемое сочетаются своими грамматическими формами и, образуя предикативную группу, выступают в строе предложения его главными членами. Известная степень самостоятельности этих двух главных членов предложения подтверждается также и тем, что оба они могут, каждый в отдельности, получать содержание законченного высказывания. В языках с личным спряжением глагола такое значение может иметь одна синтаксическая группа сказуемого, когда субъект действия конкретизируется в самой глагольной форме: русское "иду в театр", абхазское "*i-be-s-twejt*" (это-тебе-я-даю), французское в вопросительных предложениях: "Me parlais-je a moi-meme en toute franchise?" (P. Bourget. La Duchesse Bleue) и др. Группа сказуемого сохраняет значение законченного предложения при субъекте, остающемся неконкретизованным, ср. русское "скоро в магазин привезут новые учебники"; "били в набат" (неопределенно-личные предложения). Предикативные отношения передаются также одною группою сказуемого, когда подлежащее заменяется косвенным дополнением, ср. "солдаты должны выполнить этот приказ" (двусоставное предложение) и "солдатам надлежит выполнить этот приказ" (односоставное предложение). Встречаются также предложения, выраженные одним словом, в котором субъектно-предикативные отношения передаются самим его содержанием: "светает!", "вечерело" (безличные нераспространенные предложения и т. д.) [22]. Не только вся группа сказуемого может насыщаться законченным содержанием высказывания, но также и отдельные ее члены, ср. полная группа: "выступайте в поход", и она же усеченная: "в поход!".

Подлежащее равным образом может при соответствующем построении фразы выступать в односоставном предложении, включаясь в число многочисленных разновидностей номинативного предложения. Некоторые из них, занимая обособленное положение, выступают одним членом предложения без его точного определения: "Безлюдье, степь. Кругом все бело, и небеса над головой"; "Книги прячутся в парты. Хохот и шум [23] "Chose etrange!"; "Seigneur! Que c'est difficile de dire ce que l'ont sent pourtant avec tant de nettete!" (P. Bourget. Указ . соч.). Но встречаются также и такие одночленные предложения, которые, в отличие от предыдущих, получают в контексте сочиненных предложений место их ведущего члена (подлежащего). Сюда включаются конструкции, по форме совпадающие с номинативными предложениями, но не являющиеся ими [24]. Они образуют особую группу односоставных предложений, сходных с номинативными лишь по их грамматической форме (морфологической). "Такие предложения существуют не самостоятельно, а в тесной связи с предшествующим контекстом, они синтаксически и по смыслу неотделимы от него" [25]. Грамматически оформленные падежом подлежащего, они в качестве его и выступают в сложном контексте сочетаемых предложений: " Эка, ведь вы как измучились! Извините меня, извините: долг службы!" (долг службы является оправданием состояния измученности); "Она вынула платок, сконфуженно отерла глаза и усмехнулась: - нервы" (нервы обусловили ряд отмеченных поступков); "По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить. Казенного жалования не хватает даже на чай и сахар" (недостаточность состояния, вызванная незначительностью казенного жалования городничего, оправдывает его неопытность) [26]. В последнем примере выступает только одно двучленное предложение. Остальные представлены одночленными предложениями, которые по их синтаксическому построению заключают в себе группу подлежащего и группу сказуемого. Каждая из

них занимает свое, ей назначенное место в общем комплексе сочетаемых предложений, ср. ;"etre aime d'une femme comme Camille, quel reve!" (P. Bourget. Указ . соч.).

Предикативная группа, в ее полном составе, образует двучленное предложение. Его подлежащее и сказуемое занимают в строении предикативной группы место ее основных членов. За каждым из них сохраняется положение полнозначных синтаксических единиц. С таким значением эти два члена предикативной группы могут выступать каждый в отдельности, оформляя одночленное (односоставное) предложение. Такое их содержание передается также и тем атрибутивным сочетаниям слов, которые выделяют синтаксическую группу подлежащего и такую же группу сказуемого. Подлежащее и сказуемое (главные члены предложения) оказываются оба ведущими членами предикативной группы, что противопоставляет ее атрибутивной, в которой ведущее значение сохраняется лишь за одним ее членом.

Типологические сопоставления, взятые в ограниченном составе, дают лишь частичное освещение синтаксических категорий, положенных в основу публикуемой статьи. Все же и они достаточны для того, чтобы отойти от хорошо известных положений И. Раса, рассматривавшего предложение без анализа тех отношений, которые выступают внутри его структуры, создаваемой сложными сочетаниями группируемых в нем слов [27]. Именно на них и обращается сейчас особое внимание как на отдельные слагаемые, ведущие к общему для них синтаксическому построению. Оно само еще нуждается в более углубленном изучении его составных элементов. В их кажущейся статике надлежит уловить те исключительного значения моменты динамики, которые вскрывают существенную сторону исследуемой грамматической категории в ее современном состоянии и в ее движении. Расширение работ в этом направлении даст возможность подойти к истории развития синтаксических групп в их диахронном разрезе, уточняя положение каждой из них в общем комплексе синтаксической конструкции.

Примечания 1. Грамматика русского языка. М., 1954, т. II, ч. 2, стр. 142.

2. Там же, М., 1952, т. I, стр. 10.

Выделяются основные и зависимые группы, ср. *nexus - junction* (O. Jespersen); *Hauptglieder - Unterglieder* (H. Glinz); главные позиции - второстепенные позиции в позиционных моделях предложения (Т. II. Ломтев); см. O. Jespersen. *The Philosophy of Grammar*, London, 1935, стр. 96-98; H. Glinz. *Die innere Form der Deutschen*. Bern, 1952, стр. 89-98; Т. П. Ломтев. *Основы синтаксиса современного русского языка*. М., 1958, стр. 125-128.

4. Соответствующие примеры из кавказских языков приводятся ниже.

5. См. M. Sandmann. *Subject and predicate*. Edinburgh, 1954, стр. 90-92.

6. В. В. Виноградов, останавливаясь на материалах русского языка, отказывается от выделения особой предикативной группы. Признавая, что "словосочетание и предложение - качественно различные синтаксические категории", В. В. Виноградов приходит к выводу, что "механический перенос предложения в круг словосочетаний связан с ликвидацией в предложении самых существенных его признаков: со стороны значения - функции единицы сообщения..., со стороны формы - интонации предложения", поэтому "так называемые предикативные словосочетания не относятся к синтаксическому учению о формах и типах словосочетаний" (В. В. Виноградов. *Вопросы изучения словосочетаний*. "Вопросы языкознания" 1954, вып. 3, стр. 4-5).

7. На сложном положении объектной группы и на ее разновидностях придется остановиться в другом месте.

8. Положение, занимаемое подлежащим и сказуемым в строе предложения, не получило в научной литературе одинакового определения, - ср. например: сказуемое зависят от подлежащего (Е. М. Галкина-Федорук); основным ведущим членом (*Leitglieder*) в составе всего предложения является сказуемое, *verbum finitum* (Г. Глинц) - см. "Современный русский язык. Синтаксис". Изд-во Моск. гос. ун-та, (1958, стр. 134, 141; H. Glinz. *Die innere Form des Deutschen*. Bern, 1952, стр. 97, 157-162, 422-424.

9. А. Мейе. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, русск. перевод. М. - Л., 1938, стр. 367; ср. "Современный русский язык. Синтаксис", М., 1958, где иначе характеризуются

отношения между подлежащим и сказуемым: "Сказуемое зависит от подлежащего и может быть с ним согласовано или не согласовано" (стр. 141).

10. См. Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка, Махачкала, 1941, стр. 60-64, 70-81.

11. В значении эргативного падежа в аварском языке используется творительный.

12. См. А. А. Бокарев. Синтаксис аварского языка. М.- Л., 1949, стр. 15-17, 22-24; П. К. Услар. Аварский язык. Тифлис, 1889, стр. 33-39, 118-123.

13. В глаголе *motana* выступает приставка *mo-*, указывающая направление действия к себе ("сюда"), ср. приставку *mi-*, отмечающую движение в обратном направлении, от себя ("туда"): *mo-tana* "приносить", *mi-tana* "относить". Если включить эти приставки в основу глагола, то показатель 2-го лица объекта в приведенном примере *-gi* окажется инфиксированным.

14. См. В. Т. Руденко. Грамматика грузинского языка, М.- Л., 1940, стр. 76- 77, 85, 97-98.

15. См. И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914, стр. 0132-0134.

16. Этот падеж получает в картвельских языках специальную грамматическую форму, в ином значении не употребляемую. Такому падежу с полным основанием присваивается учеными специалистами по картвельским языкам наименование активного.

17. См. Н. Я. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка. СПб., 1910, стр. 76- 78; А. С. Чикобава. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. Тбилиси, 1936, стр. 207-227; ср. многочисленные работы по картвельским языкам, по грузинскому древнему и современному А. Г. Шанидзе, по мингрельскому, чанскому и специальные по эргативной конструкции А. С. Чикобава, Р. Р. Гагуа, К. Д. Дондуа, К. В. Ломтатидзе, Э. В. Ломтадзе, см. издаваемый в Тбилиси сборник "Иберийско-кавказское языкознание" (АН ГрузССР, 1946, I; 1948, II; 1953, IV и др.); А. С. Чикобава. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1948, стр. 129-148.

18. См. Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, М., 1953, стр. 62-63, 84, 245-248, 251; Р. Р. Гагуа. Изменение бацбийского глагола по грамматическим классам. Иберийско-кавказское языкознание, Тбилиси, 1953, т. IV, стр. 134.

19. Примеры взяты из работы Л. Р. Зиндер и Т. В. Строевой-Сокольской. Современный немецкий язык. Л., 1941, стр. 226-227.

20. См. П. К. Услар. Абхазский язык. Этнография Кавказа. Тифлис, 1887, стр. 16, 59, 83, 92, 96; К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954, стр. 342-350; ее же. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 226-236; ее же статьи в сб.: "Иберийско-кавказское языкознание", Тбилиси, II, IV, V, 1948, 1953; в "Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры АН ГрузССР" (Тбилиси, XII, 1942, стр. 27- 29, 196-197).

21. Примеры приведены выше.

22. Грамматика русского языка. Неопределенно-личные и безличные предложения. М., 1954, II, §§ 989-1028.

23. Там же. Нераспространенные номинативные предложения. §§ 1075-1078; В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. "Вопр. языкознания". 1954, вып. 1, стр. 10; Т. П. Ломтев. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958, стр. 83-86.

24. Грамматика русского языка, М., 1954, II, §§ 1092-1104.

25. Там же, § 1103.

26. Примеры взяты из того же § 1103.

27. См. I. Ries. Was ist ein Satz? Praga, 1931.

Современный русский язык в сопоставительно-типологическом освещении

Р. И. Аванесов. О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

История разных языков имеет свою специфику. Ниже затрагиваются некоторые общие вопросы истории языка применительно к русскому языку.

Структура истории русского языка как науки представляется следующей: а) история народно-разговорного, в основе своей диалектного, языка; б) история русского книжно-письменного (позднее литературного) языка; в) синтетическая, общая, "объемная" история русского языка, охватывающая как историю диалектного языка, так и историю книжно-письменного языка. Ниже для краткости первая будет именоваться "история диалектного языка", вторая - "история книжно-письменного языка".

История русского диалектного языка - историческая диалектология состоит из двух дисциплин: а) истории строя (структуры) диалектного языка в его общих и отличительных (во времени и пространстве) чертах; б) истории образования и развития диалектов и других единиц диалектного членения, т. е. истории языка определенных, территориально ограниченных социально-языковых коллективов, т. е. истории диалектов. Основными понятиями истории строя диалектного языка являются хроно-изоглосса (с выключенным пространством), топо-изоглосса (с выключенным временем) и хроно-топо-изоглосса (с выключенным временем и пространством). Основным понятием истории диалектов являются пучки хроно-топо-изоглосс, выделяющие во времени и пространстве образование и развитие близко родственных языков, диалектов и других единиц языкового членения. Остается сказать, что первый отдел исторической диалектологии - история строя диалектного языка - является дисциплиной структурного характера, так как она мало обращается к экстралингвистическим факторам. В противоположность этому ее второй отдел - история диалектов - широко обращается к экстралингвистическим факторам: именно последним в значительной мере бывает обусловлен выбор языковых признаков для выделения диалектов в разных хронологических срезах. Большое значение имеет характер территориального распространения соотносительных языковых явлений. К экстралингвистическим данным относятся прежде всего данные экономической, социальной, политической истории, истории материальной и духовной культуры. Существенно также, обслуживается ли данная диалектно-языковая территория одним или несколькими письменными (для поздней эпохи литературными) данными.

История русского книжно-письменного языка состоит также из двух дисциплин: а) истории строя языка; б) истории его употребления, функционирования. История книжно-письменного языка строится в соответствии с отдельными уровнями языка (фонология, флексия, синтаксис, лексикология и т. д.). История употребления книжно-письменного языка членится по специфическим, чисто стилистическим, функциональным критериям, причем каждый ее отдел охватывает явления любых уровней системы языка. Первая - дисциплина по преимуществу структурная, вторая - широко обращается к экстралингвистическим факторам, таким как экономическая и политическая история общества, развитие просвещения, роль церкви, характер письменности и литературы, культурный обмен с иноязычными странами. Периодизация первого отдела каждого из этих двух дисциплин строится, главным образом, на основе признаков структурно-языковых, периодизация второго из этих отделов строится с широким учетом общеисторической периодизации.

История диалектного языка воссоздается путем "обратного" ретроспективного сравнительно-исторического изучения диалектных данных с широким привлечением данных, извлеченных из письменных памятников. Для истории книжно-письменного языка ретроспективный сравнительно-исторический метод не имеет этого основополагающего значения.

Вполне естественно, что периодизация общей, "объемной", синтетической истории русского языка, охватывающей как историю диалектного языка, так и историю языка книжно-письменного, также строится в значительной степени на основе учета общеисторической периодизации.

Существеннейшим вопросом истории русского языка, в особенности русского книжно-письменного языка,

является вопрос об отношении древнецерковнославянского языка и церковнославянского языка "русского" извода к народному диалектному языку восточных славян. Древнецерковнославянский язык может рассматриваться с двух точек зрения: а) с точки зрения историко-этнической - того этнического субстрата, на почве которого он появился, и б) с точки зрения функциональной. Между тем эти две принципиально разные точки зрения у нас часто не различаются, что приводит к беспримечательной путанице понятий. С первой точки зрения древнецерковнославянский язык - это древнеболгарский язык, может быть, один из его диалектов. С этой точки зрения он может рассматриваться как нечто внешнее, "чуждое" по отношению к древнерусскому языку как восточнославянскому. Со второй точки зрения - функциональной, он в равной степени принадлежит всем южным и восточным славянам (а в раннюю эпоху также части западных славян) и не может считаться чем-то внешним или чужим по отношению к языку древних восточных славян. Отличия между церковнославянским языком "русского" извода и народным языком восточных славян в принципе были такими же, как отличия между церковнославянским языком болгарского или сербского изводов и народными языками болгар и сербов. Они определялись функцией церковнославянского языка как языка прежде всего богослужения, высокой церковной-религиозной литературы, культуры, науки. Отсюда большое количество гречизмов, непосредственно заимствованных или калькированных, греческие синтаксические конструкции, высокоразвитое словообразование (на общеславянской основе) для передачи новых, часто отвлеченных, культовых и философских понятий и т. д. Эти отличия одинаково были свойственны церковнославянскому языку соответствующего извода как по отношению к народному древнерусскому языку, так и по отношению к болгарскому или сербскому народным языкам. Если снять этот слой, хотя и значительный, однако обусловленный жанрово-стилистическим и функциональным факторами, то окажется, что "русский" церковнославянский язык древнейшей поры и древнерусский народный язык обладают общей фонологической системой (с элементами книжного буквенного чтения и древнерусских диалектных черт в церковнославянском), в значительной мере общим основным словарным составом, общим инвентарем словообразовательных средств. Общей является морфологическая система (с некоторыми отличиями), а также костяк синтаксической системы и притом не только на уровне словосочетания, но и на уровне предложения.

Значительная общность в области фонологической системы и флексии, а также основного словарного фонда (решающих уровней для идентификации языков) дает возможность говорить о едином древнерусском языке со сложной функциональной и диалектной дифференциацией.

Нельзя принять широко распространенное мнение о том, что древнерусский книжно-письменный церковнославянский язык (представляет собой нечто "искусственное", противопоставляемое "естественному", "живому" языку народа. Оба они были в активном употреблении; они представляют собой разные формы языка одного общества: нормированную форму, призванную служить орудием культа, культуры, высокой литературы; и ненормированную форму, диалектную, служащую в первую очередь для целей обиходно-бытового общения. Можно предполагать уже для древнейшей эпохи также существование некоей наддиалектной нормы. Эти формы языка развивались в тесной двусторонней связи. Однако взаимоотношения между ними были неодинаковы в разные эпохи.

Роль древнерусского книжно-письменного церковнославянского языка в истории русского, в особенности литературного языка была чрезвычайно велика. Достаточно сказать, что русский литературный язык пронес традиции церковнославянского языка с древнейших пор до нашего времени и в этом смысле является преемником церковнославянского языка. Однако это значение было качественно различно в разные эпохи: затухало в древнейшие эпохи и вспыхивало с новой силой в другие эпохи (конец XIV-XV вв.). А ведь именно к этим более поздним эпохам относится значительная часть южнославянизмов в современном русском литературном языке.

Специфика роли церковнославянского языка в истории русского литературного языка такова, что равно неприемлемо как утверждение о том, что русский литературный язык - это руссифицированный церковнославянский язык (т. е. имеет "древнеболгарскую" основу), так и утверждение о том, что русский литературный язык - это церковнославянизмованный русский язык (т. е. имеет народную основу). В силу исключительной близости строя "русского" церковнославянского языка и народного языка яри функциональном разграничении того и другого (и притом далеко не абсолютном) древнерусские книжники

одновременно были носителями также одной из народных разновидностей языка. Если учесть, что в функциональном отношении оба эти "языка" были одинаково "своими", то представляется неуместным говорить об "основе" и "наслоениях". Здесь налицо своеобразная амальгама с раннего периода, органический сплав, разные элементы которого одинаково "свои", но в какой-то мере (разной в разные эпохи) разграничены в своем употреблении. Имело указанным взаимопроникновением объясняется тот общеизвестный факт, что для истории русского народного языка и исторической диалектологии, во всяком случае в области фонетики, а также флексии, богослужебные памятники дают не меньший материал, чем грамоты и юридические памятники.

С течением времени различия между книжно-письменным и народно-разговорным языком стали увеличиваться. Первый, скованный письменными традициями, был консервативнее, к унаследованным чертам южнославянского происхождения присоединялись черты восточнославянские, утратившиеся в народном языке и вместе с первыми воспринимаемые как славянизмы. Второй свободнее переживал новообразования и развивал диалектные черты. Еще больше расходятся книжно-письменный и народно-разговорный язык с конца XIV в., в эпоху второго "южнославянского влияния". Для этой эпохи уже характерны существенные различия между книжно-письменным и народным (великорусским) языком в области морфологической системы (не говоря о словообразовании, лексике, синтаксисе). Именно с этого времени можно говорить о русском церковнославянском языке, призванном обслуживать определенные культурные потребности.

В дальнейшем (в течение XVII в. и начала XVIII в.) он переживает упадок, постепенно сужается в своих функциях вплоть до того, что становится культовым языком. Появляется демократическая литература, язык которой включает элементы вульгарного церковнославянского языка, приказного языка и живой речи. Все это стирает грани "высокого" церковнославянского языка, отделяющие его от других видов письменного языка. Значение церковнославянского языка как орудия формирующейся национальной культуры затухает. Однако в XVII в. уже оказывается сформировавшимся московский тип народного языка, имеющий уже довольно значительную письменную традицию. Расширяясь в жанрово-стилистических функциях, он не только широко вбирает в себя многие книжно-письменные ("церковнославянские") элементы (в области морфонологических чередований, ударения, словообразования, фонемного состава слов, словаря, синтаксиса), но и делает многие из них продуктивными. Стилистические функции церковнославянских элементов в составе общекнижной, в принципе единой для нации, речи ослабевают, и они постепенно становятся стилистически нейтральными.

Изложенной спецификой взаимоотношений между книжно-письменным (южнославянским с генетической точки зрения и церковнославянским с функциональной точки зрения) и древнерусским народным языком в значительной мере объясняются споры о происхождении современного русского литературного языка. Мы полагаем, что разграничение историко-этнической и функциональной точек зрения на древнерусский книжно-письменный язык может способствовать решению проблемы образования русского литературного языка.

Пользуясь сравнительно-историческим методом, историческая диалектология реконструирует строй отдельных частных систем разного времени, моделирует изоглоссы для разных эпох, строя на их основе ряд карт диалектно-языкового членения и дает периодизацию с широким использованием экстралингвистических данных.

Для периодизации книжно-письменного (позднее литературного) языка существенны: а) отношение к народному, диалектному языку; возможность местных разновидностей книжно-письменного языка; б) отсутствие, наличие, характер, широта употребления устной формы книжно-письменного языка; в) функционально-стилистическое разграничение разных типов языка или стремление к выработке единого типа книжного языка; г) отсутствие, наличие и степень нормализации языка по отношению к его разным уровням системы.

Общая "объемная", синтетическая периодизация может быть создана на базе наложения друг на друга периодизации истории русского книжно-письменного языка (в особенности ее второго отдела - истории употребления, функционирования языка) и истории русского диалектного языка (в особенности ее второго отдела - истории диалектов). Так как вторые отделы обеих этих дисциплин широко обращаются к

экстралингвистическим данным, то естественно, что общая периодизация истории русского языка привлекает данные экономической, политической, культурной истории, истории просвещения и письменности, развития художественной литературы, устной публичной речи и т. д. В самом общем виде общая объемная синтетическая периодизация может быть представлена в следующем виде: 1) язык древнерусской (восточнославянской) народности (от конца X до XIV вв.); 2) язык русской (великорусской) народности (XV-XVII вв.); 3) язык русской нации (XVII в., скорее с середины или даже с конца).

Подобная периодизация уже предлагалась рядом ученых, в том числе и мною, хотя и по-разному аргументировалась.

Общая периодизация истории русского языка дает возможность сделать одно важное обобщение, заключающееся в том, что развитие строя народно-разговорного языка опережает развитие функций и характера книжно-письменного (позднее литературного) языка. В пределах каждого из названных периодов имеются более дробные деления, основанные на учете развития как народно-диалектного языка, так и языка книжно-письменного в условиях общей истории восточных славян для древнейшего периода, формирования русского (великорусского) языка как языка русской (великорусской) народности, а затем как языка русской нации. О них кратко сказано здесь, более подробно в других исследованиях, в том числе и в моих работах.

Предложенная периодизация, как и всякая другая, имеет относительное значение: отдельные периоды и более мелкие подразделения в них не дискретны, по отграничены четко друг от друга во времени, а "наползают" друг на друга, в каждом из них есть как элементы прожитого, так и элементы этапа наступающего. Тем не менее, периодизация имеет большое значение, так как упорядочивает наше представление о развитии изучаемого предмета, дает возможность построить обобщающую картину истории данного языка.

Выше были намечены дисциплины, составляющие историю русского языка в целом. Полагаем, что наряду с ними могла бы существовать история церковнославянского языка, в которую входила бы история "русского" церковнославянского языка наряду с церковнославянским языком других изводов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

В.В. Виноградов

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

(Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. - М., 1978. - С. 288-297)

Литературный язык - общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов - язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и в устной. Вот почему различаются письменно-книжная и устно-разговорная формы литературного языка, возникновение, соотношение и взаимодействие которых подчинены определенным историческим закономерностям.

Трудно указать другое языковое явление, которое понималось бы столь различно, как литературный язык. Одни убеждены в том, что литературный язык есть тот же общенародный язык, только отшлифованный мастерами языка, т.е. писателями, художниками слова; сторонники такого взгляда прежде всего имеют в виду литературный язык нового времени и притом у народов с богатой художественной литературой. Другие считают, что литературный язык есть язык письменности, язык книжный, противостоящий живой речи, языку разговорному. Опорой такого понимания являются литературные языки с давней письменностью (ср. свежий термин новописьменные языки). Третьи полагают, что литературный язык есть язык, общезначимый для данного народа, в отличие от диалекта и жаргона, не обладающими

признаками такой общезначимости. Сторонники такого взгляда иногда утверждают, что литературный язык может существовать и в дописьменный период как язык народного словесно-поэтического творчества или обычного права.

Наличие разных пониманий явления, обозначаемого термином литературный язык, свидетельствует о недостаточном раскрытии наукой специфики этого явления, его места в общей системе языка, его функции, его общественной роли. Между тем при всех различиях в понимании этого явления литературный язык есть не подлежащая никакому сомнению языковая реальность. Литературный язык является средством развития общественной жизни, материального и духовного прогресса данного народа, орудием социальной борьбы, а также средством воспитания народных масс и приобщения их к достижениям национальной культуры, науки и техники. Литературный язык - всегда результат коллективной творческой деятельности.

Изучение литературного языка, как бы его ни понимать, влечет за собой изучение таких явлений, как диалекты, жаргоны, с одной стороны, разговорный язык, письменный язык - с другой, языковой, речевой и литературный стиль - с третьей. Исследование литературного языка тесно связано и с изучением литературы, истории языка, истории культуры данного народа. При некоторой исторической неопределенности понимания существа литературного языка он является одним из самых действенных орудий просвещения и соприкасается с задачами образования, школы. Все это свидетельствует о первостепенном научном и практическом значении проблемы литературного языка.

Те общие закономерности и тенденции развития разных национальных литературных языков, которые были определены в русской дореволюционной науке, с не очень точным прикреплением их к разным этапам истории языка и народа, свидетельствовали лишь об одном, что в средние века и в новое время литературные языки развивались по-разному (ср., например, роль латинского языка в литературно-письменной раннесредневековой культуре романских и германских народов; литературные функции французского языка в Англии до начала XIV в.; славяно-сербский язык у сербов XVIII - начала XIX в. и народную реформу Вука Караджича; взаимодействие польского, чешского языков и латыни в XVI в.; постепенный упадок польского литературного языка с середины XVII в. до середины XVIII в. и эпоху национального возрождения польского литературного языка со второй половины XVIII в. и т.д.). Однако ни социально-исторические основы, ни точные границы периодизации, ни ясные формулировки закономерностей этого языкового процесса до 30-40-х гг. XX в., когда советская наука о литературном языке освоила марксистскую теорию развития разных общественных явлений, не были найдены и определены. Болгарский академик Влад. Георгиев считает, что периодизация истории языка должна опираться не только на экстралингвистические факторы, но и на внутренние законы языкового развития.

Едва ли можно из истории литературного языка исключить своеобразие социально-исторических и культурно-общественных условий развития тех или иных народов. В сб. Вопросы советской науки. Проблема образования и развития литературных языков (М., 1957) в кратком обобщенном виде были изложены достижения советской науки в этом направлении. Был выдвинут тезис не только о необходимости исторического подхода к проблеме литературного языка и закономерностей его развития, но и об обязательности усиленного внимания к истории литературного языка самой древней письменной традиции. В ряду языков с очень древней письменной традицией на первое место должны быть поставлены языки тех народов, история которых - причем именно как народов культурных - начинается с глубокой древности и непрерывно тянется до наших дней. Непрерывно развивающейся до нашего времени литературной историей обладают языки некоторых народов Индии и язык китайского народа; длительную историю имеют греческий, персидский, армянский, грузинский языки. Далее следуют языки народов, историческая жизнь которых началась со вступлением культурного человечества в полосу, именуемую средними веками: языки романских, германских, славянских, тюркских, монгольских народов; языки тибетский, аннамский, японский. В истории каждого из этих литературных языков есть свое историческое своеобразие, особенно в процессе перехода от старого языка к новому, в социальной борьбе вокруг литературного языка при выдвигании нового и отставании старого.

Среди общих закономерностей развития литературных языков народов Запада и Востока отмечается важная закономерность, характерная для эпохи феодализма, предшествующей образованию национально-литературных языков, - это употребление в качестве письменного литературного языка не своего, а чужого языка. В эту эпоху границы литературного языка и народности не совпадают. Литературным языком у иранских и тюркских народов долгое время считался классический арабский язык; у японцев и корейцев - классический китайский; у германских и западнославянских народов - латинский; у южных и восточных славян - язык старославянский (древнеболгарский), в Прибалтике и Чехии - немецкий. Письменно-литературный язык мог быть при этом языком совершенно иной системы (китайский для корейцев и японцев), мог быть языком той же системы (латинский язык для германских народов), мог быть, наконец, не только языком той же системы, но и языком чрезвычайно близким, родственным (латинский для романских народов, старославянский для южных и восточных славян).

Вторая закономерность, вытекающая из первой, - это различия, связанные с историческим своеобразием использования в отдельных странах (например, славянских) чужого языка (например, применительно к западнославянским народам: к польскому - латинского, к чешскому - латинского и немецкого, к южнославянским и восточнославянским народам - старославянского языка, хотя бы и родственного), и различия в общественных функциях, сферах применения и степени народности письменных литературных языков. В конкретно-историческом воплощении этой закономерности наблюдается значительное своеобразие, обусловленное культурно-историческими и социально-политическими условиями развития отдельных славянских народов (например, чешского в раннем и позднем средневековье).

Третья закономерность развития литературных языков, определяющая различие их качеств и свойств в донациональную и национальную эпохи, состоит в характере отношения и соотношения литературного языка и народно-разговорных диалектов, а в связи с этим - в структуре и степени нормализации литературного языка. Так, письменная речь в древнейшие эпохи у европейских народов в разной степени насыщена диалектизмами. Сравнительное изучение деловых текстов с произведениями художественной литературы поможет распознать и сочетать отдельные диалектные черты, которые легли в основу литературных норм.

Четвертая закономерность связана с процессами нормализации общелитературного языка, базирующегося на народной основе, и с отношением его к старой литературно-языковой традиции. К концу феодального периода (в одних государствах с XIV - XV вв., в других с XVI - XVII вв.) народный язык в разных европейских странах в той или иной степени вытесняет чужие языки из многих функциональных сфер общения. Так, королевская канцелярия в Париже пользуется французским языком в отдельных документах уже во второй половине XIII в., но окончательный переход на французский язык совершается здесь на протяжении XIV в. Латинский язык в конце XVI - начале XVII в. постепенно теряет в Польше функции делового и административного языка.

Единство национальных литературных норм складывается в эпоху формирования и развития нации чаще всего сначала в письменной разновидности литературного языка, но иногда параллельно и в разговорной, и в письменной его форме. Характерно, что в Русском государстве XVI - XVII вв. идет усиленная работа по упорядочению и канонизации норм государственного делового приказного языка параллельно с формированием единых норм общего разговорного московского языка. Тот же процесс наблюдается и в других славянских языках. Для болгарского и сербского языков этот синтетический процесс менее характерен, так как в Болгарии и Сербии не было благоприятных условий для развития на народной основе своего делового государственного и канцелярского языка. Примером славянских национальных литературных языков, сохранивших связь с древним (письменным) литературным языком, могут служить прежде всего русский, затем польский и в известной мере чешский. Национальные языки, ставшие на путь разрыва (в разной степени решительного) со старой письменно-литературной традицией, - это сербо-хорватский, отчасти украинский. Наконец, есть славянские языки, развитие которых в качестве литературных языков было прервано, и потому возникновение соответствующих национальных

литературных языков (более позднее, чем у древнеславянских народов) привело также к разрыву со старописьменной (или более поздней) традицией, - это белорусский, македонский.

С историей литературного языка средневековья неразрывно связан вопрос о специфических для данного народа условиях и исторических закономерностях образования национального литературного языка. Одной из спорных проблем является проблема исторических законов постепенного формирования и закрепления элементов национальных литературных языков в эпоху существования и развития народностей. Высказывались различные взгляды на самый характер и способ создания системы национального языка. Одни языковеды и историки подчеркивали, что базой образования национального литературного языка является постепенное складывание общенародного разговорного языка; другие, наоборот, утверждают, что национальный язык прежде всего определяется и кристаллируется в сфере письменного языка; третьи доказывают внутреннюю связь и структурную согласованность объединенных процессов в сфере письменно-литературных и народно-разговорных языков.

Пятая закономерность развития литературных языков в разные периоды их истории - это сложные стилистические взаимоотношения между разными системами выражения при становлении общенациональной нормы литературного языка. Например, сложная проблема теории трех стилей во французском языке XVI - XVII вв. и в русском литературном языке XVIII - начала XIX в. Та же в основном проблематика возникает по отношению к болгарскому и отчасти сербскому литературному языку XIX в., по отношению к старочешскому книжному и разговорному языку в истории чешского языка начала XIX в.

Разумеется, этими общими историческими закономерностями не исчерпываются различия в характеристических и типологических свойствах разных периодов развития литературных языков Запада (в том числе и славянских) и Востока. Очень мало изучена история изменений стилей языка. Нет последовательной разносторонней характеристики стилей литературного языка в разные эпохи, не вскрыты основные тенденции и закономерности процессов формирования и преобразования этих стилей. Очень сложен и запутан вопрос о соотношении литературных жанров и стилей языка (сб. Вопросы советской науки..., 1957, вып. 15, стр. 16). Между тем многие лингвисты считают развитие и осложнение системы стилей одним из основных признаков исторического движения и периодизации литературных языков.

Многочисленные исследования советских ученых посвящены общетеоретическим и конкретно-историческим вопросам образования разных национальных литературных языков: специфике функций языка нации по сравнению с языком народности, точному содержанию самого понятия национальный язык в его соотнесении с такими категориями, как литературный язык, литературная норма, общенациональная норма, территориальный диалект, культурный диалект, интердиалект, разговорно-литературная форма национального языка и т.п. Для определения различий в закономерностях формирования и развития национальных литературных языков привлекались языки с разнотипными традициями, находящиеся на разных ступенях развития, оформившиеся в разных исторических условиях. Очень мало материала извлекалось из истории славянских литературных языков. Между тем выяснилось, что литературный язык в разные периоды развития языка народа занимает в его системе разное место. В ранние периоды образования буржуазных наций литературным языком владеют ограниченные социальные группировки, основная же масса сельского, а также городского населения использует диалект, полудиалект и городское просторечие; тем самым национальный язык, если считать его ядром литературного языка, оказался бы принадлежностью лишь части нации.

Только в эпоху существования развитых национальных языков, особенно в социалистическом обществе, литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной общенациональной нормы.

Основным признаком развития национального языка, в отличие от языка народности, является наличие единого, общего для всей нации и охватывающего все сферы общения нормированного литературного языка, сложившегося на народной основе; поэтому изучение процесса укрепления и развития общенациональной литературной нормы становится одной из главных задач истории национального литературного языка. Средневековый литературный язык и новый литературный язык,

связанный с формированием нации, различны по своему отношению к народной речи, по диапазону своего действия и, следовательно, по степени общественного значения, а также по согласованности и сплоченности своей нормативной системы и по характеру ее стилистического варьирования.

Наблюдения над диалектной базой или диалектными процессами образования некоторых языков, например французского, испанского, голландского, а из славянских - русского, польского и отчасти болгарского языков, приводит к установлению таких закономерностей: ... В становлении литературной нормы данного языка могут участвовать не только тот диалект или те диалекты, из которых она в процессе их интеграции непосредственно вырастает, но косвенно, через традицию литературного языка более раннего периода, и другие диалекты, входящие в состав данного национального языка. К этому сложному процессу в целом, при учете всего его конкретного своеобразия, как нельзя более применимо понятие **концентрации диалектов**, в результате которой и формируется единая литературная норма национального языка в ее письменной и устной формах, подчиняющая себе все многообразие территориальных диалектов (С.А. Миронов. Диалектная основа литературной нормы нидерландского национального языка, в сб. Вопросы формирования и развития национальных языков, 1960, стр. 64).

Становление норм разговорной формы национального литературного языка - сложный и длительный процесс. Позднее всего устанавливаются орфоэпические произносительные нормы. Нормы общей национальной разговорно-литературной речи складываются в связи (и обычно в тесном взаимодействии) с нормами литературно-письменного национального языка. Тенденция к их внутреннему единству при наличии существенных структурных различий - одна из важных закономерностей развития национальных литературных языков, резко отличающая их от круга соотносительных языковых явлений донациональной эпохи. В некоторых социально-исторических условиях этот процесс формирования разговорного литературного языка бывает осложнен дополнительными факторами, например разговорный чешский литературный язык в течение XVII и XVIII вв. был почти совершенно вытеснен из обиходной речи образованных слоев населения немецким языком (разговорная чешская речь жила лишь в диалектных разновидностях в деревне). Только в последние десятилетия XVIII в. чешский литературный язык начинает возрождаться и притом только как письменный язык с рядом архаических для того времени и чуждых бытовой речи народа явлений. Это противоречие между официальной нормой литературного языка и чувством живого языка тормозило образование разговорной формы национального литературного языка. В устном общении и среди интеллигенции часто употреблялись интердиалекты (особенно региональная форма нелитературного языка в области Чехии - *obecná čestina*) и остатки старых диалектов или смешанная речь, в которой сталкивались литературные и нелитературные элементы. Лишь за последнее столетие в основном образовался новый разговорный чешский литературный язык.

Если средневековый литературный язык использовался сравнительно ограниченными общественными слоями и только в письменной разновидности, то национальный литературный язык приобретает значение, приближающееся к всенародному, и применяется как в письменном, так и в устном общении.

В истории литературного языка особенно резко выступает различие двух аспектов развития языка - функционального и структурного. Функции литературного языка в донациональную эпоху могут быть распределены между двумя и даже больше языками (ср., например, старославянский и народные языки у восточных и южных славян, латинский язык у германских и западнославянских народов и другие подобные явления, у тюркских народов с арабским языком и т.д.). Самый характер распределения функций обусловлен социально-историческими причинами. Характерны в этом отношении различия между старославянским и латинским языками в степени охвата разных сфер функционально-общественной речевой деятельности (например, в сфере права и юрисдикции). Принцип поливалентности как один из признаков литературного языка исторически обусловлен. Его содержание и границы определяются билингвизмом (двуязычием) донациональной эпохи и непрерывностью развития у какого-либо народа своей собственной народно-языковой литературной традиции.

Закономерности структурного развития разных типов письменно-книжных языков различны в донациональную эпоху. Чужой язык (например, старославянский у славянских народов и у румын,

латинский в западославянских и германских странах) в качестве литературного языка в большей степени подчинен внешним факторам, чем внутренним законам своего развития. Одни и те же памятники церковнославянской письменности и книжно-славянского языка, например в истории древнерусской литературы, переписываются - с некоторыми грамматическими и лексическими изменениями - с XIII до XVII в. и сохраняют свою актуальность.

Очень интересны вопросы билингвизма в его разных конкретно-исторических формах, важные для изучения развития литературного языка в период позднего средневековья (см. наблюдения К. Баквиса в работе: *Backvis C. Quelques remarques sur le bilinguisme latino-polonais dans la Pologne du seizieme siecle, 1958*).

В процессе формирования отдельных национальных родственных литературных языков рельефно выступает своеобразный принцип или закон взаимопомощи. Например, известна роль русского языка в образовании болгарского национального литературного языка, роль украинского, польского и русского языка в формировании белорусского языка, роль чешского в становлении польского национального литературного языка. При этом результаты влияния русского, украинского и польского языков ничуть не ослабили национальную специфику белорусского литературного языка, наоборот в процессе контактов с этими языками активизировались его внутренние ресурсы и более осознанно определились национальные нормы мышления.

В период развития национальных славянских литературных языков существенно изменяется роль отдельных языков как источника их влияния на другие. Можно считать, что литературный язык никогда не совпадает со своей диалектной основой, даже если этот диалектный источник литературного формирования является главным или претендует на основную роль. Литературный язык всегда в идеале рассчитан на общее или общенародное употребление. Отсюда развивается принцип генерализации форм и категорий, даже если их истоки - местные, локальные.

В развитии народных языков наблюдаются некоторые общие закономерности в преднациональную эпоху в движении от интердиалектных форм (обычно устных) до национального литературного языка нового времени. Образуются так наз. культурные диалекты, которые ложатся в основу литературно-письменной традиции и оказывают большое влияние на формирование и развитие национального литературного языка.

Язык, положенный Вуком Караджичем в основу сербского литературного языка, - не столько, как принято считать, герцеговинский диалект, сколько обработанное им поэтическое койне сербских народных песен. По своей социальной природе койне было в основном городским, связанным с каким-либо крупным торговым центром (или рядом центров), его роль возрастала с ростом государственности, городов и торговли, была особенно значительна в начальный период формирования славянских национальных литературных языков, в период их зарождения и затем постепенно ослабевала, сходя почти на нет.

В основе национального языка обыкновенно лежит смешанный по своему происхождению диалект (вернее, концентрат или синтез диалектов) главного экономического, политического и культурного центра (ядра) национального государства - язык Лондона, Парижа, Мадрида, Москвы и т.п. Между диалектами и формирующимся национальным литературным языком - сложная цепь взаимоотношений. Возможны переходные ступени и интердиалекты, полудиалекты, разговорное междиалектное койне. Одной из специфических особенностей развития литературных языков в национальную эпоху являются своеобразные, разнотипные в социально-исторических условиях разных стран процессы формирования общенациональной разговорной формы литературной речи. В донациональную эпоху общественно-разговорная речь нормируется слабо или вовсе не нормируется. В это время наблюдается больше всего процесс вытеснения одних диалектно-речевых систем другими, процесс создания так называемых интердиалектов. Разговорная речь донациональной эпохи, даже если она не носит узко диалектного характера (например, в Германии, Польше, отчасти в Чехии и Словакии), не может быть названа литературной.

Основными признаками национального литературного языка являются его тенденция к всенародности или общенародности и нормативность. Понятие нормы - центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и в разговорной форме). По этому признаку литературно-разговорная форма национального языка нового времени резко отличается от разговорного койне преднационального периода. На основе объединения диалектов, интердиалектов разговорного койне под регулирующим влиянием национального письменного литературного языка формируется общая разговорно-литературная форма национальной речи (ср. развитие национальных литературных языков стран арабского Востока). Необходимо также учитывать социально-политические условия развития самой нации. Так, украинский литературный язык второй половины XIX - начала XX в. не был единым на всей территории расселения украинской нации, расчлененной между Россией и Австро-Венгрией: в основе языка восточнукраинских и западнукраинских писателей лежали различные диалектные базы и различные языковые и литературные традиции. Отсюда - отсутствие единых общеобязательных норм украинского национального литературного языка в эту эпоху.

Так называемая **поливалентность** национального литературного языка, т.е. степень охвата им разных областей общественно-речевой практики, во многом зависит от специфики социально-исторических условий его развития. Так, украинский национальный литературный язык сначала развивается и закрпляется преимущественно в художественной литературе (творчество И. Котляревского, Г. Квитки-Основьяненко, П.П. Гулака-Артемовского, Е. Гребенки, ранние произведения Т. Шевченко), потом распространяется на жанры публицистической и научной прозы и лишь впоследствии - на разновидности прозы официально-документальной и производственно-технической. Близкие процессы наблюдаются в истории образования белорусского национального литературного языка.

Вопрос о роли художественной литературы и связанной с ней языковой традиции при формировании национального литературного языка очень сложен и, несмотря на наличие общих тенденций, обнаруживает своеобразные индивидуально-исторические формы решения и воплощения в истории отдельных литературных языков. Нередко литература на языке данной нации возникает лишь после создания национального литературного языка. В истории славянских литературных языков так обстоит дело с македонским, словацким, отчасти с сербскими языками, когда Вук Караджич провозгласил литературным языком язык фольклора и собрал для этой цели целый корпус народных песен и сказок. Однако при формировании единого сербо-хорватского языка значительную роль сыграло (особенно для хорватов) наследие богатой дубровницкой литературы, пользовавшейся в основном в более поздний период штокавским диалектом. К языку Яна Гуса и Кралицкой библии обращались создатели чешского национального литературного языка. Язык произведений М. Рея (1505 - 1569) и Я. Кохановского (1530 - 1584) был во многом образцом при нормировании польского литературного языка XIX в.

Только по отношению к национальному литературному языку может быть выдвинут тезис об организующей и формирующей роли отдельных индивидуальностей (например, А.С. Пушкин в истории русского национального литературного языка, Вук Караджич - сербского языка, Христо Ботев - болгарского языка, А. Мицкевич - польского и т.д.). Английский лингвист Р. Оти в своих историко-славистических работах доказывает, что в сфере литературного языка изменения могут быть результатом деятельности отдельных лиц или учреждений (грамматистов, писателей, академий, даже политических деятелей), однако решающую роль и здесь играет общество в целом. А priori можно предположить, что индивидуальное влияние было доминирующим в формировании многочисленных литературных языков, которые появились в течение последних двух столетий. систематическое исследование таких языков, однако, только начинается.

Вопрос о соотношении и взаимодействии стилей литературного языка и языка художественной литературы, особенно в новый период, еще не получил всестороннего разрешения. Роль художественной литературы в развитии общей литературной речи по отношению к литературному языку Запада и Востока в XVIII - XX вв. считается особенно значительной. Так, в науке о русском литературном языке и русской литературе в советскую эпоху был выдвинут вопрос о соотношении и взаимодействии систем литературного языка с присущими ему стилями и языка художественной литературы со специфическими формами ее стилей - жанровых и индивидуальных - в эпоху формирования национального языка и литературы с конца

XVII в. и особенно со второй половины XVIII в. Различие в степени индивидуализации стилей художественной литературы и, соответственно, объема и характера индивидуального речетворчества в рамках поэтической традиции разных эпох определяют до некоторой степени выбор и оценку словесно-художественных памятников как источников истории литературного языка.

Особое и своеобразное место в ряду проблем и задач изучения развития национальных литературных языков занимает вопрос о наличии или отсутствии локальных (областных) литературных языков (например, в истории Германии или Италии). Восточнославянские современные национальные литературные языки так же, как и западнославянские (в принципе), не знают этого явления. Болгарские, македонские и словенские языки также не пользуются своими литературно-областными разновидностями. Но сербо-хорватский язык разделяет свои функции с областными чакавским и кайкавским литературными языками. Специфика этого явления заключается в том, что областные литературные языки функционируют только в сфере художественной литературы и то преимущественно в поэзии. Многие поэты двуязычны, они пишут на общелитературном - штокавском, и на одном из областных - кайкавском или чакавском (М. Крлежа, Т. Уевич, М. Франичевич, В. Назор и др.).

Для национального литературного языка и его развития типична тенденция к функционированию в разных сферах народно-культурной и государственной жизни - как в устном, так и в письменном общении - в качестве единого и единственного. Эта тенденция с не меньшей силой и остротой дает себя знать в формировании и функционировании языков социалистических наций, где процессы языкового развития протекают очень стремительно. Обычно разрыв между письменно-книжной и народно-разговорной разновидностями литературного языка выступает как препятствие к развитию единой национальной культуры на пути прогресса народа в целом (ср. современное положение в странах арабского востока, Латинской Америки). Тем не менее в некоторых странах формирование и развитие национального литературного языка еще не освободило народ от двух его вариантов (например, в Норвегии, Албании, Армении), хотя и здесь тенденция к единству национальных литературных языков все усиливается. Общей чертой развития национальных языков является проникновение литературной нормы во все сферы и формы общения, речевой практики. Национальный литературный язык, все более вытесняя диалекты и ассимилируя их, постепенно приобретает общенародное значение и распространение.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ДО XVIII В.

В. В. Виноградов

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ДО XVIII В.

(Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. - М., 1978. - С. 254-287)

В IX в. в истории славянства уже существовали все основные предпосылки для возникновения и распространения своей славянской письменности и литературы. Отвлекаясь от гипотез, допускающих у разных славян существование письменных форм речи до Кирилла и Мефодия, целесообразно принять 863 год как дату начала славянской письменности, славянской книжности и литературы, древнерусского или старославянского литературного языка.

Чешский славист А. Достал так писал о начале старославянского литературного языка: "Наиболее распространен взгляд, что старославянский язык стал языком литературным уже впоследствии, главным образом в церковнославянский период, когда церковнославянский язык признан межславянским литературным языком (славянская латынь). Однако необходимо признать литературность старославянского языка уже в период почти с возникновения старославянских памятников, так как с самого начала на этот язык были переведены тексты, очень важные для своего времени, и с самого начала в них исчез характер местного языка. Константин и Мефодий,

наоборот, первые же тексты написали для западной славянской области и задумывались о создании большой славянской литературы" [1]. В XI в. славянские языки или наречия, мнению А. Мейе, Н. С. Трубецкого и Н. Н. Дурново, были еще настолько структурно близки друг к другу, что сохраняли общее состояние праславянского языка позднего периода. Вместе с тем очевидно, что старославянский язык, даже если принять его диалектной основой говор македонских, солунских славян, в процессе своего письменного воплощения подвергся филологической, обобщенной обработке и включил в себя элементы других южнославянских говоров. Согласно выводам наиболее авторитетных славистов, старославянский язык уже при своем образовании представлял тип интернационального, интерславянского языка [2]. Это свидетельствует о высоте отражаемой им общественной культуры и о собственной внутренней структурной высоте.

Сложные культурные влияния соседей, их литератур, их литературных языков, особенно языка греческого и старославянского, содействовали - вместе с созданием восточнославянской письменности - образованию русского литературного языка. Язык богослужебных книг и связанная с ним литература литургического творчества принесли к восточным славянам богатую традицию христианской теории, догматики, духовной поэзии и песни. Переход на письмо восточнославянской бытовой речи самого разнообразного информационного характера повлек за собой развитие русской деловой письменности, закрепление норм и практики обычного права, возникновение и производство летописей, оформление договоров, распространение государственных документов, грамот и грамотиц.

Заслуживают внимания идеи о том, что успешному и быстрому оформлению и движению древнерусского литературного языка сильно способствовали устные переводы с греческого (В. М. Истрин) и знакомство с памятниками древнеболгарской поэзии и письменности еще до крещения Руси (М. Н. Сперанский, В. Ф. Миллер, В. И. Ламанский, Б. С. Ангелов и др.). "Русская письменность и литература, - пишет Б. С. Ангелов, - до официального принятия христианства Русью была уже связана со славянской письменностью Болгарии, в частности западной Болгарии и Македонии, откуда шли на Русь, естественно, в ограниченном количестве, древнейшие памятники церковной письменности, по всей вероятности, писанные глаголицей, обычным письмом этого времени в Македонии и западной Болгарии: отсюда же идет, по-видимому, и некоторое знакомство русской письменности с глаголическим письмом, вскоре смененным кириллицей" (автор ссылается здесь на исследование М. Н. Сперанского "Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы"). Отсюда рано усваивается и категория литературности письменного языка. "Такая постановка вопроса о начале русско-болгарских литературных связей в большой степени объясняет причины быстрого развития русской литературы и русской культуры вообще в период непосредственно после принятия христианства на Руси в конце X в." [3].

Устная народная поэзия в разных ее жанрах и элементах быстро проникает в книжно-письменные восточнославянские произведения. Еще М. А. Максимович выдвинул такую формулу, что "церковнославянский язык не только дал образование письменному языку русскому..., но более всех других языков имел участие в дальнейшем образовании нашего народного языка" [4]. Структура народной восточнославянской речи, если оставить в стороне произносительные различия, приведшие вскоре к созданию особого "церковного произношения" (согласно открытию А. А. Шахматова), была очень близка к старославянскому языку как в грамматическом строе, так - в значительной степени - и в области словаря. И. И. Срезневский в своих знаменитых "Мыслях об истории русского языка и других славянских наречий" пришел к выводу, что русский народ, приняв христианство, "нашел уже все книги, необходимые для богослужения и для поучения в вере, на наречии, отличавшемся от его народного наречия очень немногим" [5]. Теми сферами, где происходило наиболее глубокое и разнообразное взаимодействие церковнославянского языка и русской народной речи, были сферы исторического и летописного творчества, с одной стороны, и стихотворно-поэтического - с другой. А. А. Шахматов отметил церковнославянское влияние на русскую народную поэзию в рецензии на работу В. А. Аносова "Церковнославянские элементы в языке великорусских былин". Эта мысль А. А. Шахматова находилась в связи с защищаемыми В. Ф. Миллером положениями, что "наши былины представляются определенным видом поэтических произведений, сложившимся и установившимся в своей внешней форме и технике в среде профессиональных певцов" и что "профессиональные певцы сосредоточивались вокруг князя и его дружины; такое заключение объясняет нам и присутствие в нашем эпосе книжных элементов и международных сюжетов; среда профессиональных певцов не могла быть чуждою книжной образованности" [6].

В. М. Истрин в своем исследовании Хроники Георгия Амартола высказал интересную мысль о том, что древнерусский литературный язык в переводе этой Хроники обнаружил богатство и разнообразие словаря, семантическую сложность и гибкость, способность тонко передавать смысловую сторону языка такой высокой культуры, как греческая. В греческом оригинале Хроники

Георгия Амартола насчитывается 8500 слов, в переводе - 6800. Следует вспомнить, что в лексическом фонде классических старославянских текстов отмечено 9000 славянизмов и 1200 грецизмов (не считая многочисленных калек). В. М. Истрин приходит к выводу, что русские книжники-переводчики XI в. свободно владели всем словарным составом старославянского языка, удачно пополняя древнерусский литературный язык новообразованиями (очевидно, по старославянским образцам), но вместе с тем они широко вовлекали в свою книжную речь народные выражения из живых восточнославянских говоров для обозначения бытовых и обыденных явлений [7].

Сделанный В. М. Истриным анализ перевода Хроники Георгия Амартола очень убедительно показал, как протекал процесс проникновения народной восточнославянской лексики в состав церковнославянского языка русской редакции, как осуществлялось взаимодействие русских и церковнославянских элементов в аспекте древнерусской литературности. В сущности В. М. Истрин здесь углублял и обобщал наблюдения А. И. Соболевского над категориями и разрядами народных русских слов и выражений в церковнославянской переводной литературе восточнославянского происхождения [8]. Процесс слияния и взаимодействия русской и церковнославянской стихий в сложной структуре вновь складывавшегося древнерусского литературного языка вырисовывается на фоне материала очень последовательно и планомерно.

Исследование С. П. Обнорского "Очерки по истории русского литературного языка старшего периода" в силу пестроты и разнотипности привлеченного им древнерусского материала (из жанров деловой письменности и народного поэтического творчества) не могло показать и не показало "объективную мерку церковнославянизмов в нашем языке" [9]. Вопреки предшествующим историко-лингвистическим исследованиям С. П. Обнорского (например, в области русского исторического церковнославянского словообразования - сб. "Русская речь". Новая серия, вып 1. Л., 1927), по априорно-идеологическим и патриотическим соображениям ему стало казаться, что прежние представления о церковнославянизмах, о их количестве и их функциях "у нас преувеличены" [10]. Согласно новым взглядам С. П. Обнорского, русский литературный язык старшего периода был чисто русским языком во всех элементах своей структуры (в произносительной системе, в формах словоизменения и словообразования, в синтаксисе, в лексическом составе).

Не подлежит сомнению, что только скудость и тенденциозная подобранность речевого материала могла привести С. П. Обнорского к такому одностороннему и антиисторическому выводу о возникновении и развитии древнерусского литературного языка. Это очень внушительно было показано уже А. М. Селищевым [11]. Для критического сравнительно-исторического сопоставления с взглядами С. П. Обнорского на историю древнерусского языка могли бы быть привлечены с большой наглядностью материалы из истории сербского языка вплоть до реформы Вука Караджича. Ведь С. П. Обнорский утверждал, будто русский литературный язык не ранее XIV в., т. е. с эпохи второго южнославянского влияния, подвергся "сильному воздействию южной, болгаро-византийской культуры". По словам С. П. Обнорского, "оболгарение русского литературного языка XV в. следует представлять как длительный процесс, шедший с веками crescendo" [12].

Концепция С. П. Обнорского стала оказывать решительное влияние на все статьи, брошюры и книги, посвященные разнообразным вопросам исторической грамматики и лексикологии древнерусского языка и появляющиеся у нас после выхода в свет его "Очерков" (П. Я. Черных, Ф. П. Филина и др.) [13].

Из близких к концепции С. П. Обнорского теорий лишь теория Л. П. Якубинского, более сложная, чем концепция С. П. Обнорского, открывала некоторые новые пути исследования проблемы церковнославянизмов в истории древнерусского литературного языка. Она вводила исторический принцип жанрового и стилистического функционального разграничения языковых явлений в церковнославянских и русских памятниках древнейшей поры. Опираясь в основном на те же памятники, кроме "Моления Даниила Заточника", но с привлечением Новгородской летописи, Л. П. Якубинский пришел к выводу, что старославянский язык сыграл определяющую роль в самые первые моменты формирования древнерусского письменно-литературного языка, но уже во второй половине XI в. в нем начинает преобладать живая восточнославянская устно-речевая стихия. Отсюда у Л. П. Якубинского укрепляется тенденция к изучению жанрово-стилистических взаимоотношений и взаимодействий русизмов и славянизмов в памятниках древнерусского литературного языка [14].

В сущности уже в этот первый период развития древнерусского славянского языка XI-XIII вв. началось постепенное обогащение его элементами народного "делового" языка. Известная исследовательница древнерусской литературы В. П. Адрианова-Перетц так писала об этом: "Изучая "деловой" язык древней Руси, как он отражен прежде всего в памятниках чисто практического назначения, мы отмечаем в нем не только точность и ясность, но и особую выразительность (которая сейчас ощущается нами как своеобразная "образность"), характерно отличающуюся от

специфической "сладости книжной", но близко напоминающую выразительность устно-поэтического языка" [15]. Кроме того, объем и структура делового языка все более изменялись и расширялись. От деловой речи ответвлялись другие жанры.

Богатое содержание и широкий состав древнерусской письменности и литературы, которая уже в начальный период своей истории, в XI-XIII вв., культивировала, кроме религиозно-философских, также повествовательные, исторические и народно-поэтические жанры, свидетельствует о быстром развитии древнерусского литературного языка на церковнославянской основе, но с многообразными включениями в его структуру элементов восточного словесно-художественного творчества и выражений живой бытовой речи. Конечно, в некоторых функциональных разновидностях деловой - бытовой и государственной - речи отдаленность их от книжно-славянского письменного литературного языка была долгое время очень значительна. Но самобытность путей движения древнерусской литературы не могла не отразиться и на процессах развития разных стилей древнерусского литературного языка.

Быстрое и широкое распространение русского кириллического письма для практических нужд - в бытовой переписке (грамоты на бересте), в надписях на сосудах и т. п. (с начала X в.) - говорит о том, что народный язык деловой письменности играл заметную роль в X-XI вв. в восточнославянском общественно-бытовом обиходе. Но делать отсюда более или менее определенные заключения о степени литературности этой обиходно-бытовой письменной речи чрезвычайно трудно. А. И. Соболевский, признавая наличие в древней Руси двух языков - одного литературного, церковнославянского, другого живого делового, - допускал их активное взаимодействие и синтезирование. "Конечно, - говорил он, - люди со слабым образованием часто писали свои литературные произведения на таком языке, где церковнославянские элементы... были в меньшем количестве, чем русские, но всё-таки они желали писать на церковнославянском языке и пускали в оборот весь свой запас сведений по этому языку. Таковы были, между прочим, наши летописцы..." [16]. Таким образом, в XII-XIII вв. возникают разные стили древнерусского литературного языка, характеризующиеся слиянием и смешением народнорусских и церковнославянских элементов.

Процессы распространения признаков "литературности" письма могли осуществляться в сфере деловой письменной речи и другими путями. Прежде всего - это путь обогащения языка грамот и вообще деловой речи поэтическими народными выражениями и фольклорными цитатами (например, формулами загадок). Такие "следы поэтической организации речи и элементы стихотворного ритма" Р. О. Якобсон и Н. А. Мещерский нашли в Новгородской берестяной грамоте № 10 (XV в.) [17]. Исходя из предположения, что в древнерусском языке уже рано должны были сложиться некоторые различия в нормах народно-разговорной и книжно-славянской письменной речи (устойчивые типы словосочетаний, традиционные формулы начала, концовок, определенная система сложных и в особенности сложноподчиненных предложений, "что не свойственно бытовой речи"; использование отдельных церковнославянских слов, выражений и др. под.), Н. А. Мещерский предлагает видеть в берестяных грамотах с книжно-славянским наслоением (например, № 9, 10, 28, 42, 53) признаки литературной грамотности, а у авторов их показатели владения литературным языком. Пока это все очень субъективные, хотя и возможные предположения [18].

Старославянская и позднее церковнославянская лексика, проникавшая в древнерусский литературный язык из разнообразных книг разных славянских государств, была очень сложной. "Слова моравские и словинские, - писал А. И. Соболевский, - легко могут оказаться в текстах несомненно болгарского или русского происхождения, слова сербские - в текстах происхождения чешского и т. д." [19]. Н. К. Никольский допускал значительное западнославянское влияние на раннюю древнерусскую письменность [20], в частности на летописные памятники. Он призывал к тщательному исследованию "объема западнославянского влияния на древнерусскую письменность, времени его проникновения в нее, специфических черт его отслоений на языке, стилистике и тематике письменных памятников дотатарских столетий" [21].

Процесс перевода памятников южнославянских и западнославянских литератур, памятников византийских и западноевропейских, прежде всего латинской литературы, на русский церковнославянский язык сопровождался творчеством новых слов для передачи новых идей и образов, семантическим приспособлением старых общеславянских слов к выражению новых понятий или вовлечением восточнославянских народных, а иногда диалектных слов в систему русского книжно-славянского языка. Так богат и сложен делался состав древнерусского литературного церковнославянского языка. Переводились сочинения церковнобогослужебные, догматические, исторические, научные, поэтические. По словам В. М. Истрина, "славянский язык, на долю которого выпало сразу воспринять такое накопленное веками наследство чужой культуры, вышел из этого испытания с большою для себя честью" [22].

Так церковнославянский язык русской редакции, очень сложный по своему составу, включивший в себя болгаризмы и другие виды или типы южнославянизмов, моравизмы, чехизмы и даже (очень редко) полонизмы, византийско-греческие и латинские воздействия, на восточнославянской почве стал проникаться русизмами или восточнославянизмами. Складывался и развивался особый вариант церковнославянского литературного языка. Воздействие восточнославянской народной речи быстро сказалось на его звуковом строе. Оно усилилось в связи с процессом утраты редуцированных и последующими явлениями ассимиляции и диссимиляции согласных, а также чередования *о* и *е* с нулем звука. В XIII в. был более или менее русифицирован морфологический строй церковнославянского языка, как утверждал П. С. Кузнецов и утверждает Б. О. Унбегаун; в сфере лексических и семантических новообразований начали усиливаться приемы и принципы сочетания и разграничения восточнославянских и церковнославянских морфем (например, *одиночество* в Хронике Георгия Амартола, *среда* и *серета*, *вредити* - в отвлеченном моральном смысле - в "Поучениях" Владимира Мономаха и *вередити* о физическом членовредительстве и т. п.). Специалисты по старославянскому языку и старославянской литературе (например, В. Ягич, Б. М. Ляпунов, В. М. Истрин) не раз подчеркивали "диалектную пестроту в истории развития этого языка" [23], разнообразие его словаря, сложность его семантической системы, богатство синонимов и смысловых оттенков значений слов (например, *бѣднѣ*, *достояние* и *наследие* и др.). Однако до настоящего времени состав той старославянской и церковнославянской лексики, которая вошла в активный словарь древнерусского литературного языка с XI по конец XIV в., до периода второго южнославянского влияния, во всем его объеме и стилистическом разнообразии пока не определен. А между тем чрезвычайно важно исследовать проблемы: как протекал процесс соотношения и взаимодействия славянизмов и русизмов (например, слов церк.-слав. *участие* и русск. *участок*, которые сначала были синонимами, во затем семантически разошлись)? Что нового, своеобразного в семантическую сферу церковнославянизмов внесено восточным славянством? Какие принципы и нормы определяли строй древнерусской стилистики? и др. под.

Старославянский язык был очень богат синонимами. Это отмечали многие слависты, например В. Ягич, С. М. Кульбакин при анализе лексики Хиландарских отрывков XI в. [24], А. Вайан в своих этимологических исследованиях [25] и др. Ср.: *вожделение* и *похоть*; *ударение* и *заушение*; *жрѣтва* и *трѣба*; *язык* и *страна*; *возвысити* и *вознести*; *алкати* и *поститися*; *искренний* и *ближний*; *книгочий* и *книжник*; *знаменати* и *запечатлѣти* и др. под.

В. М. Истрин указал на то, что в церковнославянском переводе Хроники Георгия Амартола одно и то же греческое слово передается сер. синонимов: *aisthanesthai* - *мнѣти*, *обоняти*, *разумѣти*, *сѣвѣдѣти*, *услышати*, *чути*; *epoia* - *домысль*, *домышление*, *замышление*, *мысль*, *помысль*, *размышление*, *разумь*, *разумѣние*, *смысль*, *умь*, *чувствие*; *deinos* - *зль*, *лихь*, *лукавь*, *лють* и др. [26].

Церковнославянизмы, вливаясь в речь древнерусского духовенства и других грамотных слоев древнерусского общества, создавали здесь модели для образования новых слов из восточнославянского лексического материала. Например: *негодование*, впервые отмеченное в языке Хроники Георгия Амартола, *одиночество* (ср. старославянизм *единачѣство* в языке "Поучения" Владимира Мономаха). Активны и влиятельны были процессы слияния и отталкивания омонимов церковнославянских и русских (ср. церк.-слав. *наговорить* 'убедить' и русск. *наговорить* 'наклеветать').

Несомненно, что семантическая структура синонимов той эпохи была иная, чем в современном русском языке (ср. *продолжение* и *пространство*) [27]. Любопытно, что среди диалектологов с историческим уклоном у нас тоже было распространено убеждение в большей синонимичности древнерусского языка по сравнению с языком современным (например, А. П. Евгеньева, Б. А. Ларин и нек. др.) [28].

Задача исследования синонимов церковнославянских и русских в эту эпоху (XI-XIV вв.), в сущности, еще не поставлена. Было бы целесообразно исследовать соотношения и взаимодействия, а также различия этих двух синонимических серийных потоков. Вообще говоря, одной из самых трудных и неразработанных задач истории лексики русского литературного языка с XI по XIV в. является исследование закономерностей слияния русизмов и церковнославянизмов, омонимической дифференциации их, а также новообразований славяно-русизмов. Ведь на основе разнообразных комбинаций церковнославянских и восточнославянских элементов вырабатываются новые слова и фразеологические обороты для выражения новых понятий и оттенков. Кроме того, одни и те же слова - иногда с почти одинаковыми или очень близкими значениями - могли употребляться и в церковнославянском языке и в живых восточнославянских говорах.

Очень интересная и ценная работа К. Тарановского о формах общеславянского церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI- XIII вв. [29] внесла существенный вклад в понимание взаимодействий старославянской (а позднее церковнославянской) языковой струи с

восточнославянской в эту эпоху. Русский церковнославянский литературный язык уже при своем историческом становлении усваивает некоторые из предшествующих литературно-поэтических структур, например организационные системы молитвословного стиха. Молитвословный стих (в более узком понимании называемый кондакарным), по определению К. Тарановского, - это свободный несиллабический стих целого ряда церковных молитв и славословий, обнаруживающий наиболее четкую ритмическую структуру в акафистах. Восходит он к византийскому стиху, а в конечном итоге - к библейскому.

К. Тарановский так описывает стихотворную структуру молитвословного размера: "Основным определителем молитвословного стиха является система ритмических сигналов, отмечающих начало строк. В первую очередь в этой функции выступают две грамматические формы - звательная форма и повелительное наклонение, отличающиеся от всех остальных грамматических форм и образующие особый "сектор" в нашем языковом мышлении: эти две формы не только сигнализируют установку па адресата... В синтаксической просодии эти две формы также играют особую роль: они чаще всех других форм наделяются экспрессивным, т. е. более сильным ударением. Другим средством маркирования начала строки в молитвословном стихе является синтаксическая инверсия, т. е. постановка на первое место в строке прямого дополнения перед сказуемым. Такое отмеченное положение какого-нибудь члена предложения опять-таки является благоприятным условием для наделения его логическим ударением. И в речитативном исполнении молитвословного стиха начала строк фактически наделяются более сильными ударениями. Само собой разумеется, что такое сильное ударение может автоматизироваться и падать на начало строк, синтаксически не отмеченных. Итак, ритмическое движение молитвословного стиха в первую очередь строится на ожидании отмеченности начала строк. Регистрируя повторное наступление начального сигнала, мы ожидаем и дальнейшего его появления: речь как бы протекает в двух измерениях (от одной словесной единицы к другой и от строки к строке), т. е. становится стихотворной. Особой важностью начального сигнала в молитвословном стихе объясняется тяготение этого стиха к анафорическим повторам и к акростиху.

Молитвословный стих не знает так называемых междустрочных переносов: концы строк в этом стихе всегда совпадают с естественными интонационными сигналами типа антикаденции (с "интонацией побуждения"), а концы строф или "строфоидов" - с сигналами типа каденции (с "интонацией завершения"). При этом начало строки, оканчивающейся каденцией, часто бывает и неотмеченным, и эта неотмеченность ("нулевой знак") в свою очередь может сигнализировать наступление каденции, т. е. разрешения созданного ритмического напряжения" [30].

"Вообще синтаксический параллелизм в молитвословном стихе является основным структурным приемом в организации текста. Он также способствует протеканию речи в двух измерениях, подчеркивая соотнесенность смежных строк и вызывая ожидание повторности определенных ритмико-синтаксических фигур" [31].

Старейшим примером применения молитвословного стиха в оригинальном произведении древнерусской письменности является "похвала" князю Владимиру в "Слове о законе и благодати" митрополита Илариона. Разбить ее на строки не представляет большой трудности:

1. Встани, о честнаа главо, от гроба твоего,
2. Встани, отряси сонъ,
3. Нъси бо умърль, нъ спиши до общааго всъмь встаніа
4. Встани, нъси умерль
5. Нъ бо ти льпо умръти,
6. Вьровавшу въ Христа, живота всему миру.
7. Отряси сонъ, възведи очи, да видиши,
8. Какая тя чъсти господь тамо съподобивъ,
9. И на земли не беспамятна оставил сыномъ твоимъ.
10. Встани, виждь чадо свое Георгіа,
11. Виждь утробу свою,
12. Виждь милааго своего,
13. Виждь, его же господь изведе от чресль твоихъ,
14. Виждь красящааго столь земли твоей,
15. И възрадуися и възвеселися... [32]

Славянский сказовый стих хорошо описан П. Слипчевичем на сербском фольклорном материале, а на русском и сравнительном славянском Р. О. Якобсоном [33]. Очень интересны новые соображения и наблюдения К. Тарановского, относящиеся к разным видам структуры сказового стиха. "Стих этот основывается на синтаксической просодии. Как отметил Р. О. Якобсон, этот стих был наименее подвержен изменениям в отдельных славянских языках, ибо "синтаксическая структура является самым консервативным слоем славянских языков" [34]. "В древнерусской литературе, - пишет К.

Тарановский, - есть одно произведение, всецело построенное на синтактико-интонационной модели сказового стиха. Это - "Слово о погибели русской земли" (XIII в. - В. В.) [35].

Членение "Слова" на строки, предлагаемое К. Тарановским, близко к разбивке текста, предложенной А. В. Соловьевым [36]:

1. О свѣтло светлая/
1а.	и украсно украшена/
земля Руськая!
2. И многими красотами/
3. Озеры многими/
4. Рѣками и кладязьми/
5. Горами крутыми,/	удивлена еси,
удивлена еси,
мѣсточестными,
холмы высокими
6. Дубровами частыми,/	польми дивными,
7. Звѣрьми разноличыными,/	птицами бещислеными,
8. Города великими,/	селы дивными,
9. Винограды обительными,/	дома церковными,
10. И князьми грозными,/	бояры честными,
10а.	вельможами многими и т. п.

"Слово о погибели русской земли", - заключает К. Тарановский, - произведение риторическое, но не церковного, а светского типа. И поэтому его автор обратился к риторическим жанрам русского фольклора и проникся их ритмикой и образностью. Чтобы в этом убедиться, стоит только сравнить начало "Слова" со следующим местом свадебного приговора:

Ехать бы нам/
Чистыми полями,/	путем дорогою,
белыми снегами,
Крутыми горами,/	быстрыми реками,
Черными грязями,/	зелеными лугами,/
	шелковыми травами.

Общность ритмики и образности текста, созданного в тринадцатом веке, и текста, записанного в девятнадцатом, может свидетельствовать только об одном: об общем народном источнике обоих текстов, источнике, восходящем к глубочайшей древности" [37].

Итак, "Слово о погибели русской земли" представляет с лингвистической и поэтической точки зрения самобытное гибридное произведение - народно-русское и вместе с тем церковнославянское. Оно наглядно показывает, какой сложный и глубокий процесс синтезирования народных восточнославянских и книжных церковнославянских элементов протекал в русском литературном языке с самых первых веков его развития. Вместе с тем по этим иллюстрациям можно судить, какие борозды литературности и стихотворной поэтичности прорезывали в разных направлениях систему древнерусского литературного языка, содействуя формированию и выделению из общей сферы литературно-письменной речи языка в собственном смысле литературного славяно-русского. Особенно важное значение в решении и постановке вопросов, касающихся формирования и развития древнерусского литературного языка, имеет "Моление Даниила Заточника". Недаром С. П. Обнорский включил его в число важнейших памятников древнерусского народно-литературного языка. Анализ К. Тарановского вносит новые черты в понимание этого произведения и его места в развитии древнерусской литературы в древнерусском литературном языке. К. Тарановский пишет: "Моление Даниила Заточника" - произведение ритмизированное. Его текст, в общем, распадается на сопоставимые между собою интонационно-синтаксические отрезки, которые назовем строками. "Моление" - произведение риторическое, с установкой на адресата" [38]. "Моление" объединяет стиль и образы церковнославянского языка и языка народного русского.

В страстных "молитвенных обращениях" к князю автор "Моления" естественно прибегает к молитвословному стиху (т. е. к стиху церковнославянскому).

Тѣмъ же вопию к тебѣ, одержимъ нищетою:
Помилуй мя, сыне великаго царя Владимера,
Да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая;
Пусти тучю на землю художества моего [39].

Ср. также:

Княже мои, господине!
Яви ми зракъ лица своего,

Яко глась твои сладокъ, и образ твои красень;
 Меъ исачають устнѣ твои,
 И посланіе твое аки раи съ плодомъ.
 Но егда веселишися многими брашны,
 А мене помяни, сухъ хлѣбъ ядуща;
 Или піеши сладкое питіе,
 А мене памяни, теплу воду піюща от мѣста назавѣтрена;
 Егда лежаша на мяккыхъ постеляхъ подѣ собольими одѣялы.
 А мене помяни, подѣ единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа,
 И каплями дождевыми аки стрѣлами сердце пронизающе [40].

"Моление Даниила Заточника" - произведение не только риторическое, но и дидактическое. В своих поучительных сентенциях автор "Моления" прибегает к народному сказовому стиху гномического типа. Этот стих автор явно сознает как особую ритмическую систему и называет ее "мирскими притчами".

Глаголетъ бо ся в мирских притчахъ:

Ни птица во птицахъ сычь;/	ни в звѣрехъ звѣрь ежь;/
Ни рыба в рыбахъ ракъ;/	ни скоть в скотехъ коза;
Ни холопъ в холопахъ,/	кто у холопа работаетъ,
Ни мужъ в мужехъ,/	которыи жены слушаетъ;
Ни жена в женахъ,/	которая от мужа блядетъ;
Ни работа в работехъ./	Подѣ женами повозничати [41]

Молитвословный и сказовый стих не противоречат друг другу. "Переход от одной ритмической структуры к другой фактически является переключением главного ритмического сигнала (сильного ударения) с начала строк на концы колонов и строк. В "серьезных местах", не окрашенных юмором, оба типа стиха могут свободно сочетаться" [42].

К. Тарановский приводит такой интересный пример комбинации двух ритмических структур в отрывке по Чудовскому списку:

Княже мои, господине!

Это типичная строка стиха молитвословного. За ней следуют четыре строки сказового стиха с ясно выраженной звуковой фактурой, характерной для "заговоров и пословиц":

Кому Переславль,/	а мнѣ Гореславль;
Кому Боголюбиво,/	а мне горе лютое;
Кому Белоозеро,/	а мне чернее смолы;
Кому Лаче озеро,/	а мне много плача исполнено... [43]

Последняя строка, отмеченная каденцией, как это часто бывает в молитвословном стихе, лишена четко выраженных ритмических сигналов ("нулевой знак" перед каденцией):

Зане часть моя не прорасте в нем [44].

"Молитвословный" и сказовый стихи в "Молении" могут не только сочетаться, но и противопоставляться друг другу. Такое противопоставление имеет место при резком переходе от одной тональности к другой, причем изменяется и ритмическая структура текста. К. Тарановский находит яркий пример такого "переключения" в конце "Моления" по Чудовскому списку:

1 Может ли разумъ/	глаголати сладка?
2 Сука не может/	родити жеребяти;
3 Аще б (ы) родила,/	кому на немъ ъздит (и),
4 Ино ти есть/	конья лодия,
5 И инъ ти есть/	корабль,
6 А иное конь,/	а иное лошед;
7 Ин ти есть уменъ/	а инъ безумень.
8 Безумных бо/	ни куют, ни льют но сами ся ражаютъ.
9 Или речеси, княже:/	солгалъ есми аки песь,
10 То добра пса/	князи и бояре любятъ.

Но далее, на 11 строке, автор заявляет о своем переходе от сказового стиха к стиху молитвословному, от "мирских притч" к церковно-торжественной поэзии:

Но уже оставимъ рѣчи и рцемъ сице.

12 Воскресни, боже, суди земли!

13 Силу нашему князю укрепи;

14 Ленивые утверди;

15 Вложи ярость страшливымъ в сердце.

16 Не дай же, господи, в полонъ земли нашей языкомъ, незнающимъ бога... [45]

Уже из этих иллюстраций ясно видно, какими острыми и сложными бывают в "Молении" сочетания, смены и противопоставления стилей церковнославянских и народно-поэтических, фольклорных. И. Н. Жданов в заключение своей очень интересной статьи "Русская поэзия в домонгольскую эпоху", содержащей ценный материал для исследования взаимодействия церковнославянского литературного творчества с древнерусской народной поэзией, писал: "Наше обозрение указаний на древнерусские поэтические памятники было бы не полно, если бы мы не упомянули о притче. С этой формой народнопоэтического слова мы нередко встречаемся в памятниках древнерусской письменности. Самый обильный материал для изучения притчи находим в "Слове Даниила Заточника" [46].

2

Вопросы слияния с церковнославянским древнерусским языком разновидностей восточнославянской народно-бытовой речи, фольклорных стилей и приказно-делового языка с XI до XIV в. требуют отдельного рассмотрения.

Приказно-деловой язык в силу характерной для него многообразной эволюции, направленной и в сторону живой народной, иногда диалектной и народно-поэтической речи, и в сторону разных церковно-книжных жанров древнерусской литературы, требует особого внимания и особого рассмотрения. "Самый процесс внедрения в литературу русского (народного. - В. В.) языка в его разнообразных видах (просторечный, фольклорный, документальный, воинский и т. д.), формы борьбы и объединения его с выработанными нормами книжного церковнославянского языка, причины преобладания то одной, то другой языковой стихии, - все это темы, подлежащие разработке", - писала В. П. Адрианова-Перетц, определяя задачи исследований в области древнерусского языка и древнерусской литературы. "В итоге должно быть представлено во всей полноте соотношение в литературном языке разных эпох обеих языковых стихий..." [47].

Приемы и принципы взаимодействия и слияния восточнославянской - устной и письменной - бытовой речи с церковнославянским языком обнаруживались или в разных жанрах памятников русского церковнославянского литературного языка, или в структуре разных частей его словаря. Так, И. П. Еремин в своем исследовании "Киевская летопись как памятник литературы" различает в составе этого произведения по стилю две жанровые части: погодные записи и рассказы - и повести. "Основное литературное качество погодного известия - **документальность**. Проявляется она во всем: и в этом характерном отсутствии "автора", и в деловой протокольности изложения, и в строгой фактографичности" [48]. "Летописный рассказ в не меньшей степени **документален**, чем погодная запись". Он не претендует на литературность и преследует цели простой информации. Сказовые интонации "производят впечатление устного рассказа, только слегка окниженного в процессе записи". Например: *загорожено бо бяше тогда столпием..., бе же тогда ночь темна..., изблудиша всю ночь* и т. п. "Некоторые рассказы, в особенности же рассказы об Изяславе Мстиславиче, производят впечатление делового отчета, военного донесения" [49]. И тут преобладает живая восточнославянская речь.

Выразительны частые речи действующих лиц. Многие речи живо воспроизводят обычную восточнославянскую княжеско-дружинную фразеологию, например: *пойди, княже, к нам, хочем тебе; не лежи, княже, Глеб ти пришел на тя вборзе; не твое веремя, поеди прочь; мне отчина Киев, а не тебе* и др. под. Хотя речи действующих лиц носят явные следы некоторой литературной обработки, все же словарь летописи насыщен терминами быта, живыми отголосками разговорной речи XII в., например: *товар ублюдоша, полезоша на кони, присунушася к Баручю, ополонишася дружина, нетверд ему бе брод* и т. п.

В то же время в литературной повести много традиционных церковнославянских формул, литературных штампов. Здесь явственно проступают элементы агиографической стилизации, основные черты церковнославянского языка. Очень показательны эпитеты, которыми как ореолом окружено имя князя: *христолюбивый, ницелюбец, избранник божий, благоверный, в истину божий*

угодник, страха божия наполнен и т. п. Цветистая риторическая фразеология, торжественные церковнославянизмы, книжно-славянские формулы типичны для стиля повестей: *не помрачи ума своего пьянством, ризою мя честною защити, призри на немощь мою, о законопреступници, враги, всея правды Христовы отметници* и др. под.

Глубокое и тесное сплетение восточнославянизмов и древнеславянизмов характерно и для тех памятников древнейшей русской письменности, которые выдвигались С. П. Обнорским и его приверженцами в защиту единой восточнославянской народно-разговорной базы древнерусского литературного языка. Так, фразеология "Поучения" Владимира Мономаха нередко носит явный отпечаток византийско-болгарского языкового влияния. Например: *и слезы испустите о грѣсѣхъ своихъ* (ср.: *капля испусти слезь своихъ*); ср. в Житии Феодосия: *плачь и слъзы изъ очью испощаахоу*; в Ипатьевской летописи: *слезы испущая от зѣницю*; в Лаврентьевской летописи: *жалостныя и радостный слезы испущающе*; в Новгородской I летописи: *владыка Симеонъ... испусти слезы из очю* и мн. др.; ср. греч. у Златоуста: *pegas ephiei dakruon*; у Симеона Метафраста [50]: *пакости деяти* (ср. Матф. 26, 67; и *пакости ему дѣяша*) и др.; в письме к Олегу: *многострастный* (ср. греч. *polutlas*); ср.: *възложивъ на бога*; в Новгородских минеях XI в. [51]: *на тя бо іединоу надеждоу въскладаіемъ* (ср. греч. *soi gar mone ta tes elpidos anathemi*) и др. под.

Историками древнерусской литературы все сильнее подчеркивается огромное организующее значение фольклора и его стилистики в развитии древнерусской литературы и древнерусского литературного языка. "При использовании в литературе живого русского языка создавалось иногда разительное сходство между литературным и фольклорным применением одних и тех же, свойственных языку в целом, выражений" [52]. Крепкая связь древнерусского литературного языка XI-XIV вв. с живой устной восточнославянской стихией коренилась в самом характере ранней древнерусской художественной литературы, в многообразии ее жанров.

Бросается в глаза общность между "Девгениевым деянием" и другими древнерусскими памятниками XII-XIII вв. не только в способе построения изобразительных сравнений, близких к стилю народной поэзии (при помощи *яко*), но и в самом подборе материала для сравнения: это преимущественно область мира животных (сокол, волк, лев, пардус, тур. орел и т. п.), явлений природы (дождь, снег)... Видимо, этот круг предметов сравнения был в значительной степени ходячим, общепринятым в той среде, которая дала нам и перевод "Д[евгениева д]еяния", и Иосифа Флавия, и "Слово о полку Игореве", и нашу южную летопись XII-XIII вв." [53].

См. сравнения в "Девгениевом деянии": *яко сокол дюжей; яко скоры соколь; яко орель; яко добрый жнецъ траву съчеть; яко зайца в тенета яти* и др. Ср. в "Истории" Иосифа Флавия: *выюще акы вълци радощами* [54]. Ср. в Галицко-Волынской летописи (изд. 1871 г.): *устремилъ бо ся (князь Роман) бяше на поганья, яко и левъ; сердить же бысть яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орель, храбрь бо бѣ, яко и туръ.*

Однородный словарный и фразеологический материал используется в стиле "Девгениева деяния", "Истории" Иосифа Флавия: *борзо, в борзѣ бръзость; главу свою (или главы своя) положиша; голка; гораздъ, дружина; думу думати; играти оружиемъ (мечемъ, копьемъ); исполчитися. иноходный; кликнути; кожухъ; конюхъ; кормилица; кудрявый, ловъ, ловы; милый, нарядити; паволока; погнати; поскоцити; похупатися, хупатися; приспѣти; простъ; пустити 'послать'; рудный 'окровавленный'; рыкати; свадьба, свать; стрый, сумежіе; шатерь; шеломъ; шуринъ* и т. п.

Точно так же эпитеты народно-поэтического стиля роднят Галицко-Волынскую летопись, "Историю" Иосифа Флавия и "Девгениево деяние". В "Девгениевом деянии" (*зверь*) *лютый, сокол (дюжей), скоры, (злато) сухое, (струны) златыя* и др. Ср. у Флавия: *от лютаго сего звѣри, двери... соуха, злата, фиалы вся соухымъ златомъ строена* и др. В Галицко-Волынской летописи: *конь свой борзый сивый, острый мецю, борзый коню, како милаго сына* [55].

Близость к народно-поэтическому стилю сказывалась и в последующей судьбе рукописного текста "Девгениева деяния". М. Н. Сперанский пишет о том, что на своеобразный стиль старой воинской повести под пером позднейшего переделывателя, взглянувшего на повесть как на близкое к сказочным и устно-народным произведениям, налег слой переделок стиля, отчасти деталей в содержании, сблизивший эту повесть с народно-устными произведениями.

Говоря о фольклорно-художественных элементах стиля в некоторых древнерусских литературных жанрах, нельзя отделять их от широкой струи живой восточнославянской речи. Выражения и образы обычного права, юридические формулы и термины, фразеологические обороты государственного делопроизводства, тесно связанные с традициями живой восточнославянской речи, не могли не приспособить церковнославянской системы литературного языка для своего закрепления. Они используются в литературных произведениях и подвергаются стилистической обработке.

А. С. Орлов отметил "отзвуки" народной песни и живого просторечия в языке и стиле воинских повестей эпохи позднего феодализма. В русской исторической беллетристике XVI в., по словам А. С. Орлова, создался "стиль, который объединил всю пестроту предшествующих приемов книжного

повествования в однородную, цветистую одежду, достойную величавых идей третьего Рима и пышности всероссийского самодержавства... Сознание преимущества своей национальности заставляло книжников не так уже сторониться своей народной песни. И вот ее мотивы и образы вошли в этикетную речь XVI века" [56].

Например, в "Истории о Казанском царстве": *поля и горы и подолия; враги - гости не милые. Встречаются присловия и поговорки: Казань - котел, золотое дно; придавит аки мышей горностаи; приест аки кур лисица* и др. Видны следы влияния былинного стиля и боевых повестей. Эпитеты устной поэзии рассыпаны по всей "Истории": поле там *чистое* (8, 32, 115); девицы - *красныя* (77, 143), кони - *добрые* (180), *удачные* (40); теремы - *златоверхие* (168); светлицы - *высокие*. Еще ярче отголоски живого просторечия: *старь да малъ* (40); *брань не худа* (117); *наехати далече в поль* (37); *жить в сумежницах по сусьдству* (151) и др. Правда, живым словам часто придана книжная окраска; например: *побьгоша... не знающе, куды очи несутъ*. Старинные выражения иногда искажаются: *лучше живота смерть вменяху* (155). Выделяются некоторые образы и выражения, напоминающие риторичность Киевского периода: *И на костьх вострубиша* (8); *Возмутишася нагаи, аки птичьи стада* (25); *И много секьшеся Казанцы, и многих вой руских убиша, и сами туже умроша, храбрыя, похвално на земле своей* (160). По словам А. С. Орлова, "в языке также выразилась архаизация, при неумении справиться с требованиями старой грамматики" [57].

В середине XVII в. в традиционную книжную культуру речи врывается сильная и широкая струя живой устной речи и народно-поэтического творчества,двигающаяся из глубины стилей демократических слоев общества. Обнаруживается резкое смешение и столкновение разных стилей слов. Начинает коренным образом изменяться взгляд на состав литературного языка.

Демократические круги общества несут в литературу свою живую речь с ее диалектизмами, свою лексику, фразеологию, свои пословицы и поговорки. Так, старинные сборники устных пословиц (изданные П. К. Симони и обследованные В. П. Адриановой-Перетц) составляются в среде посадских, мелких служилых людей, городских ремесленников, в среде мелкой буржуазии, близкой к крестьянским массам. Ср., например, такие пословицы: *Кабалка лежит, а детинка бежит; голодный и патриарх хлеба украдет; казак донской, что карась озерный - икрян да сален* (характеристика донской "вольницы"); *поп пьяный книги продал, да карты купил; красная нужда - дворянская служба* (насмешка над привилегированным положением высших сословий); *не надейся попадья на попа, имей своего казака* и т. п. Лишь незначительная часть пословиц, включенных в сборники XVII - начала XVIII в. носит в своем языке следы церковно-книжного происхождения. Например: *Адам сотворен и ад обнажен; жена злонравна - мужу погибель* и др. "Огромное же большинство пословиц, даже и выражающих общие моральные наблюдения, пользуются целиком живой разговорной речью, которая стирает всякие следы книжных источников, если таковые даже в прошлом и были" [58].

Таким образом, стилистика народной поэзии была крепкой опорой развития древнерусской литературно-художественной речи. Язык народной поэзии явился важным цементирующим элементом в системе развития литературного языка великорусской народности, а затем и нации. В стиле народной поэзии представление об общерусской языковой норме и тяготение к ней ярко обнаруживается в такого рода "гlossических" оборотах:

Выедешь ты на шеломя на окатисто,
а по Русскому - на гору на высокую [59].

В значительной степени свободные от местной, областной исключительности стили народной поэзии, выражая рост национального самосознания в XVI-XVII вв., ускорили процесс формирования русского национального литературного языка.

Специфические свойства художественной речи обнаруживаются в таких жанрах, как жития святых, путешествия ("хождения") и т. д., и далеко не всегда в связи с фольклорными мотивами. Нельзя забывать и о стихотворениях на древнецерковнославянском языке.

Вообще же наука о развитии художественной речи и языка художественной литературы имеет свои задачи и свой круг понятий и категорий, отличных от тех, которыми оперируют история литературного языка и общенародной разговорной речи.

В литературе некоторых областных центров связь церковнославянского литературного языка с живой разговорной и письменно-деловой речью была особенно живой и непосредственной. Таков, например, был Новгород. И. И. Срезневский отметил более разговорную, народную окраску языка в Новгородских летописях до XV в. ("Очевидно, что летописец, не настроенный слогом книг, мог легче соблюдать в своем изложении простоту рассказа, не удаляясь от простого разговорного языка общества. Конечно, вследствие навыка описывать события должны были образовываться особенные условия летописного слога; но эти условия не могли мешать свободе употребления форм народного

языка, а только сдерживали его в определенных границах" [60]) и сильную примесь в них областных севернорусизмов.

По наблюдению Б. М. Ляпунова, "новгородская летопись XIII-XIV вв. кишит полногласными формами" [61]. Д. С. Лихачев в работе "Новгород Великий" писал: "На всем протяжении XIII-XIV вв. новгородскую летопись характеризуют крепкое бытовое просторечие и разговорные обороты языка, которые придают ей тот характер демократичности, которого мы не встречаем затем в московском летописании, ни перед тем - в южном..." [62].

Стилистические традиции, остро давшие себя знать в языке Новгородского летописания и связанном с ним методе художественного изображения, были распространены и на другие жанры новгородской литературы и письменности. Так, о языке и стиле Михаила Клопского (XV в.) А. С. Орлов писал: "Это житие замечательно и как красочный отзвук исторической действительности, и как художественный памятник живого языка, который своим строем напоминает лаконическую речь посадника Твердислава, как она передана Новгородской летописью XIII в." [63].

В языке "Жития Михаила Клопского" отмечены разговорные выражения диалектного (новгородского и псковского) характера. Например: *жары* 'поля под паром' (*Не пускай коней да и коров на жары*), *тоня* 'рыбачья сеть', *сугнать* 'догнать', *упруг* 'сила' (*вода ударится с упругом*) и др. под. "Помимо слов диалектного характера, со вней очевидностью свидетельствующих о местном происхождении этих рассказов (и легенд, относящихся к жизни Михаила Клопского. - В. В.), об их устной основе, очень часто в житии употребляются слова и обороты, характерные именно для разговорной, устной речи: *сенцы* - 'сени', *содрать*, *влезши* - 'войдя'... *назем* - 'навоз', и *с тех мест* - 'с той поры', *пуцать*, *ширинка* и т. п." (ср. поговорочные выражения: *хлеб, господа, да соль; то у вас не князь - грязь* и др. под.) [64].

3

История русского церковнославянского литературного языка не может быть оторвана от истории русской письменно-деловой речи. Состав и функциональные разновидности русской письменной речи в ходе истории подвергались значительным изменениям. Для эпохи, предшествовавшей образованию национального языка (особенно для истории русского языка XIII-XVI вв.), существенную роль играет проблема развития и взаимодействия диалектно-областных вариантов письменно-деловой речи. Изучение таких вариантов на широком фоне истории народных русских говоров поможет определить диалектно-областные вклады в развитие русского литературного языка.

Вопросу о роли письменно-деловой речи в развитии русского литературного языка древнейшего периода в последнее время придается большее значение. Колебания мнений касаются лишь вопросов о путях развития и взаимодействия этих двух сфер (двух основных видов или стилей древнерусского письменно-литературного языка) - по выражениям некоторых авторов еще с первой четверти XIX в. Но в понимании самой "деловой" речи у нас обнаруживается двойственность. С одной стороны, это язык грамот и грамотиц, язык делопроизводства, законодательства и судопроизводства; с другой стороны, это язык публицистики, посольских донесений, хождений и т. п. В силу традиционности многих жанров письменности одни и те же заостреннейшие сочетания и формулы, фразеологические обороты передаются из столетия в столетие. Так, например, московские грамоты XIV-XV вв. во многом продолжают традиции древнего Киева и Новгорода. Языком обычного права был живой народный язык восточных славян. Он нашел свое отражение и выражение в древнейшем законодательном своде русского права, в "Русской правде" XI в. (списки этого памятника дошли до нас с XIII в.). Таким образом, распространение древнеславянского или церковнославянского языка в древней Руси почти не коснулось области законодательства и судопроизводства. Термины и формулы обычного права были перенесены на письмо в их прежнем 'доцерковнославянском' виде и продолжали существовать и развиваться на этой базе и после крещения Руси. Язык "Русской правды", как показали исследования (А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, С. П. Обнорский), является чисто русским и, за исключением единичных выражений, совершенно свободным от церковнославянского влияния. Любопытно, что некоторые книги византийских законов были переведены на древнеславянский язык еще в IX в. и во многих списках были хорошо известны в древней Руси (например, "Закон судный людей", "Номоканон" Иоанна Схоластика). Однако влияние этих переводных памятников византийского законодательства не сказалось определенно ни в сфере древнерусского юридического языка, ни в сфере русской юридической мысли. Б. О. Унбегаун, написавший очень интересное исследование о языке русского права [65], указал на то, что в "Русской правде" нет церковнославянских слов, нет их и в судебниках 1497, 1555 и 1589 годов, как нет их и в Уложении 1649 г. Правда, некоторые термины - очень немногие - в силу теснейшей связи обозначаемых ими понятий с религиозными обрядами христианскими и обязанностями государства и граждан (например, *целовать крест, крестное целование, об*

искуплении пленных и др.) были неизбежно церковнославянскими словами и выражениями. Но в технической части юридических статей пленные обозначены чисто русским словом *полоняники*. Церковнославянские термины (например, в Уложении: *небрежение, напрасно, человек бродящий*; в судебныхниках: *свидетель, грабитель* и т. п.) всегда составляли ничтожное исключение и не нарушали чисто русского характера юридического языка допетровской Руси. Особенно важно то, что применение русского языка не ограничилось областью права. "На нем писались и все документы, частные и общественные, имевшие какую-либо юридическую силу, т. е. все то, что вплоть до XVII века носило название "грамот" - купчие, дарственные, меновые, рядные, вкладные и т. п. Княжеская и городская администрация, - продолжает Б. О. Унбегаун, - пользовалась тем же языком для своих указов и распоряжений, а также и для дипломатических сношений. Таким образом, с самого начала язык права сделался в полном смысле этого слова государственным административным языком и остался им вплоть до XVIII в." [66].

В концепции Б. О. Унбегауна, касающейся языка русского права, новые соображения относятся к изображению процесса слияния русского административного языка с "церковнославянским" литературным языком. До сих пор реформа административного или приказно-делового языка или, иначе говоря, включение его в строй и нормы русского национального литературного языка не подвергались специальному детальному историческому исследованию, тем более что многие филологи, например Д. С. Лихачев, В. В. Данилов и нек. др., считали этот процесс очень сложным, изменчивым и длительным. В их представлении объем административного или приказно-делового языка в древней Руси иногда расширялся до пределов языка публицистики, или языка публицистического. Так, Д. С. Лихачев писал: "Деловая письменность всегда в большей или меньшей степени вступала в контакт с литературой, пополняя ее жанры, освежая ее язык, вводя в нее новые темы, помогая сближению литературы и действительности. Особенно велико было значение деловой письменности для литературы в первые века развития литературы, в период перехода от условности церковных жанров к постепенному накоплению элементов реалистичности. С самого начала развитие литературы совершалось в тесной близости к деловой письменности. Литературные и "деловые" жанры не были отделены друг от друга непроницаемой стеной". Правда, общее понимание деловой письменности не совпадает с понятием "административного языка" в том очень узком терминологическом смысле, который обычно придает ему проф. Б. О. Унбегаун. "К "деловой" письменности, - утверждает Д. С. Лихачев, - частично относится летопись, особенно новгородская. Это были сочинения исторические, документы прошлого, иногда материал для решения генеалогических споров в княжеской среде и т. п. К "деловой" письменности относится "Поучение" Владимира Мономаха, развивающее форму "духовных грамот" - завещаний и самим Мономахом названное "грамотицей"... Практические, а отнюдь не литературные цели ставило себе и "Хождение за три моря" Афанасия Никитина" [67].

Б. О. Унбегаун изображает переход административного языка с позиций "сосуществования" на роль "варианта единого национального языка" упрощенно, относя его к XVIII в. Он пишет об этом так: "Основой литературного языка остался церковнославянский язык, уже русифицировавшийся морфологически в XVII веке. В XVIII веке он до известной степени русифицировался и в своем словаре, впитав русские слова и выражения. Сосуществование двух письменных языков разного происхождения и с разными функциями прекратилось в XVIII веке, и русифицированный литературный церковнославянский язык был принят также и в администрации, законодательстве и судопроизводстве... Для языка литературы слияние означало сохранение старой церковнославянской традиции и обогащение словаря русскими элементами. Для языка права перемена была более радикальной: он должен был изменить самую свою сущность, т. е. превратиться из русского в русифицированный церковнославянский язык. Все же он смог многое сохранить из своей допетровской терминологии... (ср. *суд, судья, судебный, третейский суд, обвинить, оправдать, присудить, сыск, сыщик, тяжба, ... допрос, приговор, истец, ответчик, очная ставка* и мн. др.)" [68]. Остается непонятным, что Б. О. Унбегаун понимает под "изменением самой своей сущности" языка, а следовательно, и под "превращением его из русского" в другой ("в русифицированный литературный церковнославянский язык"). Из последующего изложения ясно, что весь этот процесс исчезновения старорусского языка права сводится к изменениям в области правовой терминологии.

Большое количество древнерусских терминов вообще к тому времени вышли из употребления, например *посул 'взятка', душегубство 'убийство', торговая казна 'публичное битье кнутом'* и т. п. "Многие термины были заменены церковнославянскими выражениями", например: *убойца, убийство - убийца, убийство; лихое дело, дурно - преступление; лихой человек - уголовный преступник; ябедник - клеветник; розыск - следствие; рухлядь - движимое имущество* и т. п. "Язык права смог обогатиться таким существенным термином, как *закон*" [69] (раньше закон божеский), и сложными с ним или производными от него: *законодатель, законоустройство,*

беззаконный, незаконный. Возникли и такие термины, как *обвинительный, оправдательный, судимость, движимость, недвижимость, обязательство, собственность, разбирательство, злоупотребление* и т. п.

Много юридических терминов заимствовано из иностранных языков: *юрист, адвокат, прокурор, компетенция, инстанция, кодекс, протокол, контракт* и т. д.

Свою статью "Язык русского права" Б. О. Унбегаун заключает такими выводами: "В результате своего своеобразного развития современная терминология русского права состоит из трех пластов: 1) во многом уцелевшей традиционной древнерусской терминологии; 2) церковнославянской терминологии, возникшей в XVIII и XIX веках благодаря слиянию церковнославянского литературного языка с русским административным языком, и 3) иностранных терминов, заимствованных в XVIII-XX веках. Этапы создания этой сложной терминологии еще не изучены, как не изучен, по крайней мере лингвистически, ни один из составляющих ее трех пластов" [70]. Однако ни процесс сосуществования и параллельного развития двух языков - народно-русского административно-правового и литературно-славянского на русской почве, - ни их "слияние" в статье Б. О. Унбегауна не исследуются; в ней даже не воспроизведена полностью история правовой терминологии.

В представлении же историков древнерусской литературы деловая речь в некоторых жанрах постепенно расширяет свои функции, "олитературируется", даже поэтизируется и тесно смыкается с литературным древнерусским языком.

"Тесные связи литературы с деловой письменностью отнюдь не уводили историко-литературный процесс вспять. Художественная литература постепенно отдаляется от деловой письменности". Но вместе с тем художественная литература "постоянно черпает новые формы, новые темы из письменности деловой. Однако процесс идет неравномерно. В периоды, когда литература особенно остро откликается на классовую и внутриклассовую борьбу своего времени, литература вновь и вновь обращается к деловой письменности, чтобы набираться новых тем, обновлять язык и сбрасывать выработавшиеся условности. Особенно велика роль деловой письменности в XVI и XVII вв. XVI век - как раз то время, когда в публицистике развиваются новые темы... Публицистика черпает отовсюду новые формы. Она вступает в тесные взаимоотношения с деловой письменностью. Отсюда необычайное разнообразие форм и жанров: челобитные, окружные и увещательные послания, повести и пространные исторические сочинения, частные письма и дипломатические послания" [71].

"В публицистике XVI в. иногда трудно решить - где кончается публицистика и начинается деловая письменность; трудно решить, что претворяется во что: в деловую ли письменность проникают элементы художественности или в художественной литературе используются привычные формы деловой письменности. Иван Пересветов пишет челобитные, но эти челобитные - отнюдь не произведения деловой письменности, и очень сомнительно, чтобы они предназначались только для приказного делопроизводства. Это литературно-публицистические произведения в самом подлинном смысле этого выражения. Замечателен также "Стоглав". В "деяния" Стоглавого собора внесена сильная художественная струя. "Стоглав" - факт литературы в той же мере, как и факт деловой письменности. "Великие Четьи-Минеи" митрополита Макария называют "энциклопедией" всех читавшихся книг на Руси, но в эту энциклопедию вносится и деловая предназначенность и сильная художественная и публицистическая направленность. Между деловой письменностью и художественной литературой стоит "Домострой". Дипломатическая переписка Грозного склоняется то ближе к литературе, то к письменности чисто официальной. В литературу вносится язык деловой письменности, близкий живой, разговорной речи и далекий язык церковнославянскому. В XVII в. формы деловой письменности широко проникают в литературу демократических слоев посада. На основе пародирования этих форм возникает литература сатирическая: все эти "Калязинские челобитные", "Азбуки о голом и небогатом человеке", "Лечебники как лечить иноземцев", "Шемякин суд" и "Повесть о ерше", пародирующие московское судопроизводство, форму лечебников или форму учебных книг. Немало литературных произведений выходит из стен приказов - в первую очередь приказа Посольского, своеобразного литературного центра XVII в." [72].

В таком широком понимании "деловая письменность" не соотносительна с понятием "официально-деловой речи" и даже вообще с термином "деловой язык". Язык таких произведений, как летопись (в том числе и Новгородская), как "Хождение за три моря" Афанасия Никитина и т. п., не может отождествляться с языком канцелярий, с языком делопроизводства, и понятие "делового" к нему применимо лишь в очень условном смысле. Да и сам Д. С. Лихачев, подчеркивая близость деловой речи к языку художественной литературы или - наоборот - языка литературы к письменно-деловому и даже устно-деловому языку, полагает, что целый ряд жанров древнерусской деловой письменности глубоко внедряется в сферу литературы в собственном смысле этого слова уже при самом "возникновении" русской литературы.

Указания на роль деловой письменности в развитии языка древнерусской художественной литературы обычно не сопровождаются анализом состояния и путей развития самой письменно-деловой речи. В повествовательных, нравоучительных, исторических и публицистических памятниках, которые Д. С. Лихачев относит почему-то к "деловой письменности", и в грамотах - вкладных, купчих, дарственных, духовных и т. п. - степень "литературности" и "нелитературности" языка бывает очень различна, иногда качественно не соотносительна.

По мнению В. М. Истрина, язык богословских, богослужебных и церковных памятников XI-XIII вв. был стереотипным: чисто русскому элементу там почти не было места. Русизмы явственно выступали в памятниках, написанных на церковнославянском языке, лишь там, где приходилось касаться сфер общественной, бытовой, профессиональной, особенно военной.

Есть явные признаки того, что с XV, а особенно с XVI в. письменно-деловая речь, по крайней мере в некоторых своих жанрах и вариантах, тесно приближается к литературному церковнославянскому языку и вращается в его стилистику.

В публицистическую литературу XVI в. настойчиво проникают элементы стилистики деловой письменности. На использовании памятников деловой письменности в значительной степени было основано и официальное летописание [73]. Приемы делового письма, его типические обороты широко используются царем Иваном Грозным как писателем. Знание приказного делопроизводства, его стилистики позволило Грозному свободно и разнообразно применять, иногда даже с сатирической целью речевые формы различных деловых документов [74].

В литературной обработке разных видов деловой речи важную роль в XVI и особенно в XVII в. сыграли служащие Посольского приказа. "Некоторые дипломатические грамоты XVI в. были уже сами по себе довольно "литературны", однако их назначение не выходило за границы чисто деловой письменности. Но наряду с ними в XVI в. появляются послания и челобитные, которые, помимо деловой цели, преследовали цель литературную. Таковыми являются челобитные Пересветова, в какой-то степени произведения Ермолая-Еразма и особенно дипломатические послания Грозного" [75]. Сюда же примыкает и возникшая под несомненным влиянием стиля Ивана Грозного легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном.

Отличие произведений XVII в., в частности Повести о двух посольствах, в том, что форма деловых документов теряет в них всякий практический смысл, сохраняет значение только как литературный прием. Элемент деловой письменности в содержании произведения почти полностью вытесняется элементом литературным, художественным. Произведения XVI в., связанные с формой деловой письменности, как правило, писались авторами от своего имени. В XVII в. авторы подчас пишут от имени известных исторических лиц.

Интересные формы и приемы литературной обработки приказно-деловой речи, ее формул, конструкций деловых документов наблюдаются в стиле Азовских повестей XVI в. Любопытно, что послужившие для них материалом отписки донских казаков, а среди них - те, в которых говорится ("доносится") о событиях, связанных с военными столкновениями с турками у донских казаков и с даурами - у сибирских, и сами в свою очередь нередко опирались на традиционную стилистику военных повестей древней Руси [76]. Литературность казачьих отписок дала основание авторам Азовских повестей использовать язык и стиль этих документов, а также характерную для них манеру изложения событий.

Для исторической стилистики деловой речи представляет большой интерес статья В. В. Данилова о приемах художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII в. Здесь подчеркивается усиление литературного мастерства среди подьячих, "дьячков от письма книг" и земских писарей в XVI и особенно в XVII в., вызванное крупными культурно-общественными, социально-экономическими и государственными изменениями в истории русского народа. "Среда профессионалов "дьячьей избы"... впитывала в себя представителей различных социальных слоев и по необходимости должна была совершенствовать свое мастерство, как это свойственно всякой профессии, и из нее выходили настоящие писатели XVI столетия (историограф "Смутного времени", автор "Временника" дьяк Иван Тимофеев, а во второй половине того же века - Григорий Котошихин)" [77].

Таким образом, справедливо и исторически обоснованно отмечаются изменения в объеме функций и в стилистических качествах деловой речи с XVI-XVII вв.

В грамотах и других деловых документах XVII в. обнаруживаются своеобразные приемы художественно-литературной обработки языка. "К таким осознанным художественным формам в грамотах относится рифмованная речь в распространенном изложении, к которой любили прибегать авторы исторических повестей и мемуаров XVII в., вставляя ее в прозаический текст. Обыкновенно авторы грамот пользуются рифмой морфологической, чаще всего глагольной... благодаря одинаковым глагольным окончаниям создавалась рифмованная неметрическая речь. Грамоты пользуются ею не безразлично. Большею частью рифма появляется в грамотах в случаях, когда она

становится средством эмоционального воздействия" [78]. Происходит насыщение языка грамот синонимическими словами и выражениями, которые, подкрепляя мысль, ведут к ее более красочному словесному оформлению. "Из грамот можно выбрать несколько десятков синонимов, имеющих целью усилить впечатление от сообщения, сделать более веским приказание, более строгим выговор, глубже разжалобить лицо, которому адресована челобитная". Например: *Зело оскорбися и опечалися* (гр. 1567 г.); *скорбите и жалеете* (гр. 1613); *для смуты и шатости* (гр. 1614 г.); *бережно и усторожливо* (гр. 1625 г.); *в покое и в тишине* (гр. 1625 г.); *свободны и вольны, куда хотят* (гр. 1627 г.); *бедны и скудны* (гр. 1627 г.); *не боясь и не страшся никого ни в чем* (гр. 1635 г.); *стройно, смирно и немятежно, в покорении и в повиновении* (гр. 1640 г.) и др. под. [79].

Любопытно, что В. В. Данилов выдвигает такое требование: "Говоря о приемах художественной речи, которые можно рассматривать как формы сознательной профессионально-литературной обработки текста грамот, необходимо установить отличие их от тех художественных форм, встречающихся в грамотах, которые отражают художественную стихию народного языка..." [80]. Таким образом, с XV в., а особенно в XVI и XVII вв. все усиливаются процессы литературно-языковой обработки разных форм приказно-деловой речи, и деловая речь, по крайней мере в известной части своих жанров, уже выступает как один из важных и активных стилей литературного языка. Вместе с тем все возрастает роль этого делового стиля в языке художественной литературы. Кроме того, с расширением круга производств и ремесел, с развитием техники и культуры все расширяются функции деловой речи.

В XVI и особенно в XVII в. происходит литературное распространение, развитие и закрепление новых народных форм синтаксической связи (например, проникавших с конца XV в. из живой народной речи составных причинных союзов относительного типа вроде *потому что, оттого что* и др. - вместо *яко, зане* и др. под.).

В XVII в. наблюдается также перераспределение сфер употребления разных синтаксических конструкций в стилях литературного языка. Так, в XVI в. условные предложения с союзом *аще* применялись в произведениях высокого слога (например, в Степенной книге, в словах митрополита Даниила и др. под.), а условные обороты с союзами *будет* и *коли* характеризовали письменность делового характера, юридические и хозяйственные документы. Предложения с союзом *если* в XVI в. наблюдаются лишь в языке отдельных сочинений, относившихся к историческому и публицистическому жанрам (например, в языке публицистических произведений И. Пересветова). В русском литературном языке XVII в., особенно к концу его, предложения с союзом *если* получают очень широкое распространение.

Никакой специализации в кругу переводческого дела не было. И приказные, и духовные лица переводят все, что им велят. Но переводчики Посольского приказа пользуются преимущественно русским письменно-деловым стилем, монахи - славяно-русским. В зависимости от профессионально-речевых навыков переводчика сочинения, относящиеся к военному искусству, анатомии, географии, истории или другой области науки, техники или даже к разным жанрам художественной литературы, оказываются переложенными то на славяно-русский, церковнославянский язык, то на русский письменно-деловой стиль [81]. Сосредоточение переводческой деятельности в Москве содействовало унификации основных стилей переводной литературы.

Особенного внимания заслуживает процесс формирования в XV-XVI вв. норм московской государственно-деловой речи, в состав которой мощной стихией вошли и разговорная речь, и традиция славяно-книжного языка. Интересны наблюдения и над поглощением местных слов "московизмами", т. е. будущими общерусизмами, и над принципами и мотивами московской канонизации областной лексики, за которой, таким образом, признавалось право на включение ее в общенациональную словарную сокровищницу.

Среди вопросов, связанных с изучением истории древнерусской письменно-деловой речи, особенно важны три: 1) вопрос о способах литературной обработки письменно-деловой речи и превращения ее в особую функционально-стилевую разновидность русского литературного языка (приблизительно с XV-XVI вв.); 2) вопрос о приемах и сферах употребления деловой речи в разных жанрах древнерусской литературы и 3) вопрос о диалектных различиях письменно-деловой речи в ее разных социальных культурно-государственных локальных функциях и профессиональных вариациях.

Проблема диалектной речи и ее роли в истории русского литературного языка была выдвинута с наибольшей силой И. И. Срезневским в "Мыслях об истории русского языка и других славянских языков". Позднее она оживленно обсуждалась и разрабатывалась в трудах П. А. Лавровского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново и др.

А. И. Соболевский, а вслед за ним и В. М. Истрин [82], и Б. М. Ляпунов придавали очень мало значения диалектным расхождениям восточнославянской письменно-деловой речи в древнейшую

эпоху. Специфика речи именно деловых памятников, грамот, актов и т. п. их почти не интересовала; исключением являются исследования А. А. Шахматова о новгородских и двинских грамотах, его анализ "формуляра", схемы построения грамот.

Замечания о диалектных расхождениях в древнерусской лексике, собранные в книге Ф. П. Филина "Очерк истории русского языка до XIV столетия", являются довольно случайными и неточными. Лексические различия между древнерусскими диалектами очень мало исследованы. И. Панькевич в своей рецензии на исследование Ф. П. Филина "Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)" (Л., 1949) справедливо упрекал автора в том, что тот неправильно ограничивает территорию употребления многих диалектных слов и тем самым приходит к ложному выводу о "больших расхождениях племенных или территориальных диалектов древнерусского языка в эпоху родового строя и в эпоху Киевской Руси". "Выводы Ф. П. Филина о раздробленности восточнославянской группы языков на большое число диалектов при недостаточном количестве приведенного им сравнительного материала оказываются недостаточно убедительными" [83].

В исследованиях по истории русского литературного языка очень мало работ, которые затрагивали бы и разъясняли проблему взаимодействия словаря литературного языка как Киевской, так и Московской Руси со словарями других областных древнерусских культурных центров. Соотношения северновеликорусской и южновеликорусской стихий в составе лексики государственно-деловой и разговорной речи допетровской Руси не раскрыты.

И все же вопрос о диалектных различиях письменно-деловой речи, особенно усилившихся в период феодальной раздробленности, необыкновенно важен для характеристики как внутреннего существа самой деловой речи, так и ее отношения к литературному языку.

Характерно, например, что даже в таком замечательном памятнике, как "Слово Даниила Заточника", обычно относимом к литературе Северо-Восточной Руси XIII в. (к северному Переяславлю), исследователи находили словарные черты, позволяющие искать родину его в пределах Южной Руси; например, ссылались на такие слова и выражения: *на бразнах жита* (ср. совр. укр. *борозна*); *крапли с небеси идуць* (ср. совр. укр. *крапля*); *льпше, льпши, льпшии* (ср. совр. укр. *ліпше, ліпш, ліпший*); *утинають от вьтвь* (ср. совр. укр. *утипати, утнути, утяти*) и нек. др. [84].

Летописно-проложное Житие Владимира, появившееся в севернорусской письменности XIV в., особенностями лексики резко отличается от языка ранних летописей киевского периода. Например, летописному *тети* соответствует в Житии *бити*, летописному *рнь* - в Житии *берегъ, гора* и т. п. [85].

В литературных памятниках, переписываемых в разных местностях, естественно, сталкивались самые разнообразные диалектизмы русской речи. Так, в "Речи тонкословия греческого" (т. е. в "греко-византийских разговорах") по спискам XV-XVI вв. заметны народные северно-русизмы: *моль* 'мелкая рыба'; *ужина* 'ужин'; *опашень* 'род верхней одежды'; *вступки* 'башмаки' [86] и т. п. Но тут же наблюдаются и отражения украинских народных говоров, говоров Галиции и вообще Западной Украины. Например: *кордованци* (ср. галицк. *кардован, кордованец* 'сафьянный сапог'), *погавиця дорожня* ('дороговизна'; ср. Гринченко. I. 426); ср. также *ковальня, ковачь, кокошь* [87] и др. под.

4

В истории древнерусского литературного языка XIV-XVI вв. наблюдаются свои закономерности. Для характеристики взаимоотношений между церковнославянским языком и русской письменно-деловой и разговорно-бытовой речью очень ценны такие факты, как помещение в Новгородском словаре XIII в. (по списку Московской Синодальной кормчей 1282 г.) таких, обозначенных как "неразумные на разум" слов и выражений: *бисер* 'камень чистый', *зело* 'вельми', *исполинь* 'сильный', *рог* 'сила', *хам* 'дързъ' и т. п.; или в Новгородском словаре XV в. (по списку Новг. 1431 г.): *доблеть*, *душевный блуд* 'ересь' и 'нечестие', *жупел* 'сера', *качество* 'естество, каковому есть', *количество* (*мера есть колика*), *кычение* (*высокоречіе славы ради*), *свойство* (*кто имать что особно*), *смерчь* - 'облакъ дъждевень', *суетно, художество* 'хитрость' и др. под.

Общеизвестно, что в Северо-Восточной Руси продолжались южнорусские традиции развития книжно-славянского русского литературного языка. Так, они обнаруживаются в общности лексико-фразеологических формул северо-восточной агиографии с домонгольской (со второй половины XII - иногда до XVI в.); ср., например, указания В. О. Ключевского в его исследовании "Древнерусские жития святых" на то, что в Житии Авраамия Смоленского (XIII в.) отразился искусственный стиль киевской письменности, что в Житии Александра Невского заметно "литературное веяние старого киевского и волынского юга" и т. п. С. А. Бугославский в статье "Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии" отмечает близость оборотов и форм севернорусских житий к стилистике Сказания о Борисе и Глебе, "Слова о законе и благодати" митр. Илариона и других памятников киевской литературы.

Южнославянские реформаторы церковнославянского языка в XIV - в начале XV в. готовы были признать конструктивной основой нового общеславянского церковно-книжного языка именно русскую церковнославянскую его редакцию. Так, Константин Костенческий в "Сказании о славянских письменах" выдвигает на первое место "тончайший и краснейший русский язык".

Показательно, что сделанные в период второго южнославянского влияния "в XIV-XV вв. переводы с греческого, безразлично кем бы они ни были сделаны и каков бы ни был их текст (наполнен болгаризмами или нет), обыкновенно называются в русских списках переводами на русский язык" [88] (например, повесть о Стефаните и Ихнилате переведена "з греческих книг на русский язык" и т. п.).

Термином "второе южнославянское влияние" устанавливается предел между двумя периодами в истории церковнославянского русского литературного языка: первый - с X по конец XIV в., второй - с конца XIV - начала XV в. по середину или конец XVI в. В эпоху второго южнославянского влияния церковнославянский язык подвергается сильным изменениям. В него проникают кальки с греческого, греческие слова, а иногда и построенные по типу греческой конструкции обороты. Приводились в движение и становились в новые соотношения и элементы старой системы церковнославянского языка.

Любопытно, что в так называемой Тучковской редакции Жития Михаила Клопского (1537 г.), связанной со стилистическими традициями второго южнославянского влияния, уже нет слов и словообразований русского диалектного характера. Точно так же устранены отражения разговорной речи. Слова с экспрессией разговорности или с диалектной окраской заменяются книжными оборотами. *Сенцы* уступают место слову *преддверие*. Вместо слова *своитин* у Тучкова читаем: "Сей старец сродъствия съюзом нам приплетается". Фраза *пойде вода и ударится с упругом* из земли у Тучкова читается так: *изыде вода выспрь, яко трубою*. Вместо *тоня, налога, ширинка* употреблены слова *мрежа, нужа, убрус*. "Целый ряд слов и выражений, встречаемых в первоначальном тексте произведения и во второй редакции, Тучков опускает совершенно. Мы уже не встретим у него таких слов, как *молвит, жары, досягати, жонка, назем*, словосочетания *с тех мест* в значении 'с той поры', и целого ряда других" [89].

Новый витийственный стиль "плетения словес" был основан на резком обострении внимания к звуковой, морфологической, народно-этимологической и семантической стороне церковнославянских слов и словосочетаний. Возрождались обветшалые славянизмы и создавались новые слова, производные и составные, нередко калькированные с греческого. Язык высокой литературы возводился в ранг священного, он становился абстрактно-риторическим, экспрессивно нормированным и описательно-перифрастическим. "Из высоких литературных произведений по возможности изгоняются бытовая, политическая, военная, экономическая терминология, названия должностей, конкретных явлений природы данной страны... и т. д." [90]. Ср. место *посадник - вельможа некий, старейшина, властелин граду тому* и т. д. Избегаются слова "худые" и "грубые", "ззорные", "неухищенные", "неустроенные", "неудобренные" и т. п. Происходит сознательное отталкивание от соответственных слов и выражений. Вместе с тем внутри самого книжно-славянского типа речи разрабатывается тонкая и сложная синонимика славянских слов и оборотов, придающая стилю повышенную экспрессивность. Синонимы выстраиваются в цепи присоединений и перечислений. Парные сочетания синонимических выражений демонстрируют изобилие образов и риторической экспрессии. В том же плане развиваются повторы, усилительные сочетания однокоренных слов. Обостряется интерес к семантическим тонкостям речи, к афористичности и звуковой симметрии выражений. Возникает множество неологизмов, из которых некоторые недолго сохраняются в активной системе литературного словаря. Перечни синонимических или же относящихся к одной и той же семантической сфере слов и перифраз создают словесную "сытость" или полноту стиля (ср. в Житии Стефана Пермского: *кумиры глухия, болваны безгласныи, истуканы бессловесныи* и т. п.).

Подбираются высокие составные эпитеты, тавтологичные или контрастные по отношению к определяемым словам. Эти эпитеты одновременно эмоциональны и религиозно или этически возвышенны (*радостнотворный плач, тленная слава* и т. п.).

Это широкое литературно-общественное (культурно-общественное) движение способствовало обогащению и стилистическому развитию церковнославянского литературного языка. "Новый стиль заставлял внимательно относиться к значению слов и к оттенкам этого значения, к эмоциональной стороне слова, к ритмике речи, к ее звучанию, обогащая язык неологизмами, новыми заимствованными словами, разнообразными прилагательными, дав обильное количество новых сочетаний слов, новых эпитетов, развив формы прямой речи, монологической и диалогической, расширив эмоциональную выразительность языка" [91].

В период второго южнославянского влияния возникает ряд теорий словесно-художественного творчества, направленных на подъем стилистической культуры древнерусского литературного

языка. Одна из этих теорий, связанная с именем Епифания Премудрого, в которой говорилось о святости предмета изображения, о его неизреченности, недостижимости, "побуждала писателя к тщательной работе над языком, к стилистическому новаторству, к словотворчеству". Обычное, обыденное слово бессильно воспеть деяния героя. Необходимы "витийства словесные". "Пышность" стиля "так же необходима для возвышенного сюжета, как необходим драгоценный оклад на особо чтимой иконе" [92]. В витийстве с его сложным и нечетким синтаксисом, в перифразах, в нагромождении однозначных или сходных по значению слов и тавтологических сочетаний, в составлении сложных многокоренных слов, в любви к неологизмам, в ритмической организации речи и т. д. - во всем этом нарушалась "двузначная" символика образа, на первый план выступали эмоциональные и вторичные значения [93]. На основе южнославянской манеры письма выработывалась "лингвистическая каноничность" литературного изложения [94]. Это был чрезвычайно важный этап в истории русского литературного языка. Без правильной оценки его становится непонятным то большое количество церковнославянских элементов, слов и оборотов, которые до сих пор существуют в русском литературном языке.

В период второго южнославянского влияния не только активизировалась и во многих отношениях претерпела изменения масса прежних, унаследованных от старославянского языка слов и выражений, но появилось много новых южнославянизмов. Под их влиянием укоренились новые методы книжного словообразования. А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, а за ними В. А. Богородицкий и Л. Л. Васильев указывали, что во время второго южнославянского влияния происходила искусственная славянизация привычных слов.

А. И. Соболевский отметил следы церковно-книжного смещения *ъ* и *ь*, присущего памятникам XV-XVI вв., в словах *стогна* (до конца XIV в. - *стыгна*, *стегна*; ср. *стызя*, *стезя*, *до-стигати* и т. п.); *зодчий* (старинное славянское *зьдчий*), *брение*, *бранный* (при старом - до конца XIV в. - *брьние*, *берние*, *брьньнь* и т. п.) и нек. др.

Не подлежит сомнению, что именно в период второго южнославянского влияния возобладало начальное *ю-* над *у-* в таких словах, как *юноша*, *юность*, *юница*, *юдоль* (при *оудоль*), *юг*, *юродивый*; ср. *союз* [95] и т. п.

Ср., например, ряд слов, укрепившихся в русском литературном языке в эпоху второго южнославянского влияния: *имущест-во*, *пре-имущ-ество*, *могущ-ество*; ср. *существо*.

В русском литературно-книжном языке XVI-XVII вв. некоторые разряды славянизмов носили на себе отпечаток торжественной, несколько старинной экспрессии. Азбуковники рассматривали их среди ученых малопонятных для широкого круга читателей иностранных слов. Таковы, например, были: *жупел*, *изваянный*, *истый* (*праведный*, *подлинен*), *ков* (*лесть*), *клевет* (*сработник*), *кормило ветренное* (*парус*), *нарекание* (*роптание*) и т. п. [96].

М. Н. Сперанский отмечал активизацию специфических приемов словообразования и словосложения, развившихся у нас под вторым южнославянским влиянием; например образования на *-ствие*, отвлеченные имена существительные сложного типа, новые формы словосложения и т. д. [97].

Вопрос о разных типах словосложения, распространившихся в древнерусском языке под влиянием старославянского языка, еще недостаточно исследован. В период второго южнославянского влияния процесс образования сложных слов в книжно-славянском древнерусском литературном языке активизируется, возникают и укрепляются новые виды словосложения [98]. По мнению И. И. Срезневского, в русском литературном языке XV-XVI вв. по южнославянским образцам "составлялись новые слова производные и сложные, - и число этих слов увеличило с течением времени состав книжного языка на третью долю, если не более" [99]. М. И. Сухомлинов указывал на рост отвлеченной лексики в русском литературном языке с XV в., т. е. в период второго южнославянского влияния. "Отвлеченность выражения рано проникает в язык и долго, весьма долго выражаете в нем" [100]. Во многих разрядах слов устанавливаются новые формы соотношения лексических частей словосложения. На это обратил особенно внимание М. Н. Сперанский, а по отношению к стилю исторической беллетристики XVI в. - А. С. Орлов (ср. в Повести о Динаре: *женочрество* вместо *ласкание жен*; в Повести об осаде Пскова *злоусердый*, *гордонапорная* и т. п.). Такие слова, как *лицемерный*, *лицемерие*, были уже в древнерусском языке непонятны широкому кругу читателей. Характерно в "Златоусте" (по рукописи XVI в.) такое объяснение, следующее за употреблением выражения *нелицемерная любовь*: "Сие же лицемьрство нарицается иже богатых дья стыдятся, аще неправду дьют, а сироты озлобляти" [101].

М. Н. Сперанский, отмечая распространение разных типов сложных слов под влиянием южнославянской литературной школы XIV-XV вв., так характеризовал язык Повести о Динаре, относимой им к XV-XVI вв.: сложные слова встречаются "преимущественно для обозначения отвлеченных понятий, причем текст особенно любит при их образовании суффикс *"-ствие"* (реже *"-ствие"*); таковы: *великозлобство*, *звьрообразство*, *властодержество*, *властодержавство* (в значении

как правления, так и страны), *женочреводство* (значение не ясно; в цитате из нашей Повести в Казанском летописце заменено: *ласкание жен*), *работство* (но и: *рабство*); рядом: *звѣрозлобіе*, *властодержательница* (ср. у Миклошича, 67 - *властодръжатель*), *властодержец*, *властодержавец*" [102].

В языке "Истории о Казанском царстве" ярко выражено тяготение к книжно-риторическим украшениям в стиле Макарьевской эпохи. Употребляются новые звучные книжные слова: *грямовоение*, *звяцание* и т. п. Образуются искусственные неологизмы по архаическим образцам: *от страха сильного грянутия* (152); *умысли убежеством сохранили живот свой* (71); *изведоша его воины... на секательное место* (72) и др. под.

В русском литературном языке XVI в. в высокопарном стиле Макарьевской эпохи распространяется прием искусственного словосложения, нередко объединяющего синонимические основы. Например, в "Повести о приходе короля Литовского Стефана Батория в лето 1577 на великий и славный град Псковь": *храбродобропобѣднѣй, мертвотрупоты, каменнодѣльнѣй = ограднѣй*; ср. *доброувѣтливѣй, благоздравие* и т. п. [103].

Быть может, волной второго южнославянского влияния занесены в русский литературный язык такие слова, как *суевер*, *суеверие*, *суевернѣй* (ср. старославянизмы: *суеслов*, *суесловие*, *суемысл*, *суемудрѣй* и т. п. Срезневский, Материалы..., III, 610 и Дополнения, 250-251; Востоков. Словарь церк.-слав. языка, II, 193); *хлебодар* (ср. Академический словарь 1847 г., IV, 403; в монастырях: раздаватель печеного хлеба братии. Акты Юридич., 152: *При хлебодаре старца Галактиона* - Словарь Академии Российской. Изд. 2, VI, 558; ср. у Державина в оде "На рождение царицы Гремиславы", 1, 500, 14: "Ты сердцем - стольник, хлебодар"); *рукоплесканье* (ср. в древнерусском языке *плескати* и *плеснути руками*, но ср. отсутствие слова *рукоплесканье* в Лексиконе трехязычном 1704 г.); *гостеприимство*, *вероломство*; *земнороднѣй* (ср. Срезневский. Материалы..., I, 975; Сборн. Кир. Белозер., XII в.); *подобострастнѣй* (Срезневский, II, 1040, чин. избр. по списку 1423 г.); *громогласнѣй* (Срезневский, 1, 597; Стихирарь, XVI в.); *любострастнѣй*; *первоначальнѣй* (Срезневский, II, 1764, поуч. митр. Фот. 1431 г.); *тлетворнѣй* (Срезневский, III, 1078, Менаандр XV в.) и др. под. В русском литературном языке XVII в. указаны новые виды словосложения, иногда тройственного (в языке Епифания Славинецкого, Кариона Истомина, Федора Поликарпова и др.) [104].

До сих пор еще не произведено сопоставления русских сложных слов с южнославянскими, примеры которых приводились исследователями среднеболгарской литературы и языка XIV-XV вв. (например, П. А. Сырку [105], А. И. Яцимирским, М. Н. Сперанским и др.).

Очень трудно, почти невозможно пока определить даже приблизительно лексический фонд, которым обогатился русский литературный язык в период второго южнославянского влияния. Размеры пришедшей со славянского юга литературной продукции были настолько велики, что исследователи второго южнославянского влияния (например, А. И. Соболевский) считают возможным говорить о расширении состава письменности почти вдвое.

5

Русский литературный язык донациональной эпохи в двух своих видах, а затем и в трех стилях был подчинен разным нормам. Степень обязательности этих норм была различна. Она была сильнее и крепче в славянизированном типе языка и его стилевых оттенках или разновидностях. Но изменения ее здесь были более медленными, хотя иногда и более многообразными. Вызывались они не только внутренними тенденциями развития этих видов литературной речи, но и влиянием народного языка, его диалектов и его стилей. Нормализация же простой речи была гораздо более тесно связана с процессами формирования произносительных и грамматических, а отчасти и лексико-фразеологических норм общенародного разговорного русского языка. Здесь колебания норм до образования национального языка были особенно широкими и вольными.

Одной из важнейших задач истории русского литературного языка, который даже в своей народной основе - явление не столько историко-диалектологическое, сколько культурно-историческое, должно стать всестороннее изучение того процесса, в результате которого развитие и взаимодействие двух видов древнерусского литературного языка - книжнославянского и народного олитературенного, обработанного - привело к образованию трех стилей с единым структурно-грамматическим и словарным ядром, но с широкими расходящимися кругами синонимических и иных соответствий между ними - звуковых, грамматических и лексико-фразеологических.

В русских риториках начала XVII в. уже намечаются функциональные разновидности литературной речи, "роды речей" (например, научающий, судебный, рассуждающий и показующий). Описываются отличия риторической украшенной речи от речи простой, естественной, деловой. В связи с этим риторика противопоставляется диалектике. "Диалектика простые дела показывает, сиречь голые.

Риторика же к тем делам придает и прибавляет силы словесные, кабы что **ризу честну** или некую **одежу**" [106].

Глава "О тройных родах глаголаня" в Риторике 1620 г. свидетельствует о том, что в русском литературном языке второй половины XVI - начала XVII в. уже обозначились общие контуры системы трех стилей, трех "родов глаголаня". В 1706 г. Феофан Прокопович включил эту главу в расширенном виде в свою Риторику. Ломоносов на основе этих материалов разработал свое известное учение о трех "стилях" [107].

В этой Риторике 1620 г. уже явственно выступает учение о трех стилях языка. Риторика заканчивается главой "О тройных родах глаголаня". В ней перечисляются три рода: **смиренный**, **высокий** и **мерный**. "Смиренный род" соответствует простому слогу, или "низкому стилю" в системе стилей русского литературного языка XVIII в. "Смиренный род" - это речь, которую пользуется народ в повседневной жизни. "Род смиренный есть, - пишет автор Риторике, - который не восстает над обычаем повседневного глаголаня" [108]. "Род высокий" - это система искусственной, украшенной речи, далекой от обиходного языка. "Род высокий есть, - учит Риторика, - который хотя большею частию содержится свойственным гласом, и потом паки еще часты имеет метафоры и от дальних вещей приятых, достаточну размножает. И придав всяких видов, что от разума своего объявляет и показывает украшение глагола". К мерному роду относятся обработанные формы письменной речи, послания, грамоты и публицистические произведения: "... таков есть Овидиуш и письма, грамоты и глаголы Кикероновы" [109]. Любопытно, что в компилятивной обработке старых риторик в конце XVII в. выделяется также три рода речей - смиренный, средний и высокий.

Московское государство, естественно, должно было насаждать в присоединенных областях свои нормы общегосударственного письменного языка, языка правительственных учреждений московской администрации, бытового общения и официальных отношений. Феодално-областные диалектизмы не могли быть сразу нейтрализованы московской приказной речью. В 1675 г. (25 марта) был даже издан указ, которым предписывалось: "будет кто в челобитье своем напишет в чьем имени или в прозвище, не зная правописания, вместо *о а*, или вместо *а о*, или вместо *ь ъ*, или вместо *ь е*, или вместо *и і*, или вместо *о у*, или вместо *у о*, и иные в письмах наречения, подобные тем, по природе тех городов, где кто родился, и по обыкlostям своим говорить и писать извык, того в безчестье не ставить и судов в том не давать и не разыскивать" [110].

К исходу XVI - к середине XVII в. общенародный разговорный и письменно-деловой язык, оформившийся на базе средневеликорусских говоров с руководящей ролью говора Москвы, приобретает качества общерусской языковой нормы. Это - яркое свидетельство начальных процессов образования общенационального разговорного языка.

В тесной связи с вопросами о народно-областных, фольклорных и народно-поэтических элементах в составе русского литературного языка находится и вопрос об общерусском разговорном народном словесном фонде. Само собой разумеется, что грани между областным, диалектным и "общим" в кругу лексики являются подвижными. Многие из того, что было свойственно лишь местным письменным диалектам, - позднее получило общенациональное признание, стало общерусским. С другой стороны, трудно сомневаться в том, что некоторые слова и выражения, некогда бытовавшие в литературной речи и, следовательно, претендовавшие на народную всеобщность, оказались за пределами общерусского языка и стали областными, местными идиоматизмами. Некоторые из них позднее вновь включены были в систему общерусского языка (например, такие слова, как *смерч*, *притулиться*, *тризна* и мн. др.).

Примечания

1. А. *Dostal*. Staroslovenstina jako spisovny jazyk. "Bulletin Vysoke skoly ruskeho jazyka a literatury", III. Praha, 1959, стр. 138.

2. Ср.: Н. И. *Толстой*. Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности. - В кн.: "V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации". М., 1963.

3. В. Ст. *Ангелов*. К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей. "Труды Отдела древнерусской литературы". М.-Л., XIV. 1958, стр. 138.

4. М. А. *Максимович*. История древнерусской словесности. Киев, 1839, стр. 447.

5. И. И. *Срезневский*. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. Изд. 2. СПб., 1887, стр. 32.

6. А. А. Шахматов. В. Ф. Миллер (некролог). "Изв. имп. Акад. наук". Серия 1914, № 2, стр. 75-76 и 85.
7. В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Пг., 1922, стр. 227, 246, 250.
8. А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
9. С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946, стр. 8.
10. Там же.
11. А. М. Селищев. О языке "Русской правды" в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. - ВЯ, 1957, № 4 (перепечатано в кн.: А. М. Селищев. Избр. труды. М., 1968). Ср.: С. П. Обнорский. Русская правда как памятник русского литературного языка. "Изв. АН СССР", Серия VII. Отделение обществ, наук, 1934, № 10.
12. С. П. Обнорский. Русская правда как памятник..., стр. 776.
13. См.: В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР. М., 1955.
14. См.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.
15. В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. "Труды Отдела древнерусской литературы", VII, 1949, стр. 11.
16. А. И. Соболевский. Русский литературный язык. "Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях". СПб., 1904, стр. 366.
17. R. Jakobson. Vestiges of the earliest Russian vernacular. "Slavic Word", 1952, № 1, стр. 354-355; Н. А. Мещерский. Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка. "Вестник ЛГУ", 1958, № 2, стр. 101.
18. См.: В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 22-24.
19. А. Я. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, стр. 121.
20. Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. 1. Л., 1930. См. также: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Прага, 1935.
21. Н. К. Никольский. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи. "Вестник АН СССР", 1933, № 8-9, стр. 5-6.
22. В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы. Пг., 1922, стр. 72-73.
23. Б. М. Ляпунов. Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского. "Изв. ОРЯС", т. XXX (1925), 1926.
24. С. М. Кульбакин. Лексика Хиландарских отрывков. "Изв. ОРЯС", т. VI, кн. 4, 1901, стр. 135, 137.
25. А. Vaillant. Problemes etymologiques. - RESI, t. 34, fasc. 1-4, 1957, стр. 138-141 и сл.
26. В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., II.
27. А. П. Евгеньева. Язык русской устной поэзии. "Труды Отдела древнерусской литературы", VII, стр. 206; Б. А. Ларин. Проект древнерусского словаря. М.-Л., 1936, стр. 52; Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940, стр. 81-83.

28. Ср.: *В. Н. Бенешевич*. Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия. "Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского, изданный ко дню семидесятилетия со дня его рождения". Л., 1928.

29. *К. Тарановский*. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI-XIII вв. "American contributions to the VI International congress of slavists". The Hague, 1968.

30. *К. Тарановский*. Указ, соч., стр. 1-2.

31. Там же, стр. 31.

32. Эта часть текста печатается согласно Синодальному списку (*Н. Ц. Розов*. Синодальный список сочинений Илариона - русского писателя XI в. "Slavia", росн. XXXII, ses. 2, 1963, стр. 169).

33. *П. Слипчевич*. Прилози народној метрици, "Годшњак Скопског филозофског факултета", I, 1930; *R. Jakobson*. Studies in comparative Slavic metrics. "Oxford Slavonic papers", III, 1952; *Он же*. Selected writings, IV, 1966.

34. *К. Тарановский*. Указ, соч., стр. 6.

35. Там же, стр. 11.

36. *А. В. Соловьев*. Заметки к "Слову о погибели Рускыя земли". "Труды Отдела древнерусской литературы", XV, 1958, стр. 88.

37. *К. Тарановский*. Указ, соч., стр. 13.

38. Там же, стр. 14.

39. *Н. Н. Зарубин*. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 11.

40. Там же, стр. 14-15.

41. Там же, стр. 69.

42. *К. Тарановский*. Указ, соч., стр. 16.

43. *И. Н. Зарубин*. Указ, соч., стр. 61.

44. *К. Тарановский*. Указ, соч., стр. 17.

45. *Н. Н. Зарубин*. Указ, соч., стр. 72-73.

46. *И. Н. Жданов*. Соч., т. I. СПб., 1904, стр. 359.

47. *В. П. Адрианова-Перетц*. Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917 - 1947 гг. "Труды Отдела древнерусской литературы", VI, 1948, стр. 12.

48. *И. Д. Еремин*. Киевская летопись как памятник литературы. "Труды Отдела древнерусской литературы", VII, стр. 69.

49. Там же, стр. 72-73.

50. *И. М. Ивакин*. Князь Владимир Мономах и его Поучение, ч. I. М., 1901, стр. 112.

51. Там же, стр. 286, 290.

52. *В. П. Адрианова-Перетц*. Древнерусская литература и фольклор, стр. 12.

53. *М. Н. Сперанский*. Девгениево деяние. Пг., 1922, стр. 61.

54. См.: *Н. А. Мещерский*. "История Иудейской войны" Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.-Л., 1958, стр. 75-132.

55. Примеры взяты из работы М. Н. Сперанского о "Девгениевом деянии", стр. 61-76.

56. *А. С. Орлов*. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI-XVII вв. "Изв. ОРЯС", т. XIII, кн. 4 (1908), стр. 346.

57. Там же, с. 361 и др.

58. В. П. Адрианова-Перетц. К истории русской пословицы. "Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова". Л., 1934, стр. 59-65.
59. "Песни, собранные П. В. Кириевским", вып. 3. М., 1861, стр. 46.
60. И. И. Срезневский. Статьи о древних русских летописях. СПб., 1903, стр. 24-25.
61. Б. М. Ляпунов. А. А. Кочубинский и его труды по славянской филологии. Критико-биографический очерк. Одесса, 1909, стр. 65.
62. Д. С. Лихачев. Новгород Великий. Л., 1945, стр. 40.
63. А. С. Орлов. Древняя русская литература XI-XVII вв. М. - Л., 1945, стр. 194.
64. "Повести о житии Михаила Клопского". Подготовка текста и статья Л. А. Дмитриева. М.- Л., 1958, стр. 50-51.
65. В. О. Unbegaun. Язык русского права. "Selected papers on Russian and Slavonic philology". Oxford, 1969.
66. Там же, стр. 313-314.
67. Д. С. Лихачев. Повести русских послов как памятники литературы. - В кн.: "Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки". М.-Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 319-320.
68. В. О. Unbegaun. Указ, соч., стр. 315.
69. Там же, стр. 316.
70. Там же, стр. 317-318.
71. Д. С. Лихачев. Повести русских послов..., стр. 320.
72. Там же, стр. 320, 321.
73. См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947, стр. 370 и сл.
74. См., например: С. О. Шмидт. Заметки о языке посланий Ивана Грозного. "Труды Отдела древнерусской литературы", XIV.
75. М. Д. Каган. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. "Труды Отдела древнерусской литературы", XIII, 1957, стр. 262.
76. См.: А. Н. Робинсон. Из наблюдений над стилем поэтической повести об Азове. "Уч. зап. [МГУ]", вып. 118. "Труды кафедры русской литературы", кн. 2, 1946; Он же. Жанр поэтической повести об Азове. "Труды Отдела древнерусской литературы", VII. Ср. также: А. С. Орлов. Особая повесть об Азове. М., 1907; Он же. Древняя русская литература XI-XVII вв., стр. 330; Н. И. Сутт. Повести об Азове. "Уч. зап. кафедры русской литературы [МГПИ]", вып. II, 1939. - Изучению языка, главным образом лексики и фразеологии Азовских повестей, посвящены работы Дж. А. Гарибян: "Лексика и фразеология Азовских повестей XVII века". Автореф. канд. дис. М., 1958; "Из истории русской лексики" ("Уч. зап. [Ереванск. гос. русского пед. ин-та им. А. А. Жданова]", т. VI, 1956); "Несколько лексических уточнений". - Изв. [АН АрмССР]", 1956, № 11.
77. В. В. Данилов. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах русского государства XVII в. "Труды Отдела древнерусской литературы", XI, 1955, стр. 210.
78. Там же, стр. 212.
79. Там же, стр. 213-214.
80. Там же, стр. 210-211.
81. См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903, стр. 42-44.

82. *В. М. Истрин*. Очерк истории древнерусской литературы, стр. 82.
83. "Slavia", *росп. XXV, ses. 1, 1956*, стр. 98.
84. *Д. И. Абрамович*. Из наблюдений над текстом "Слова Даниила Заточника*." - "Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова", стр. 140-141.
85. *И. Серебрянский*. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 62. См. также: *А. И. Соболевский*. Год крещения Владимира св. "Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца". Киев, 1888, отд. II, стр. 11.
86. *М. Vasmer*. Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Beitrage zur Erforschung der alteren russischen Lexicographie. Leipzig, 1922.
87. *Г. Ильинский*. [Рец. на кн.]: М. Vasmer. Ein russisch byzantinisches Gesprächbuch "Изв. ОРЯС", т. XXIX (1924), 1925, стр. 395-396.
88. *А. И. Соболевский*. Переводная литература Московской Руси..., стр. 36.
89. "Повести о житии Михаила Клопского", стр. 80.
90. *Д. С. Лихачев*. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958, стр. 28.
91. Там же, стр. 64.
92. *О. Ф. Коновалова*. К вопросу о литературной позиции писателя конца XVI в. "Труды Отдела древнерусской литературы", XIV, стр. 211, 206.
93. См.: *Д. С. Лихачев*. Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси и пути его преодоления. "Акад. В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей". М., 1956, стр. 170.
94. См.: *А. И. Яцимирский*. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, стр. 388.
95. Ср. замечания *А. В. Михайлова* о различии списков книги Бытия XIV-XVI вв. в этом отношении: *А. В. Михайлов*. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. 1. Варшава, 1912, стр. X.
96. Ср. "Сказания русского народа, собранные *И. П. Сахаровым*", т. II. СПб., 1885.
97. См.: *М. Н. Сперанский*. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.
98. Ср.: *В. И. Пономарев*. К истории сложных слов в русском языке (сложные существительные в "Лексиконе" Федора Поликарпова 1704 года). "Докл. и сообщ.. [Ин-та языкознания АН СССР]", т. IV, 1953.
99. *И. И. Срезневский*. Мысли об истории русского языка..., стр. 78.
100. *М. И. Сухомлинов*. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908, стр. 530.
101. Там же, стр. 429.
102. *М. Н. Сперанский*. Повесть о Динаре в русской письменности. "Изв. ОРЯС", т. XXXI, 1926, стр. 51. (Примечание).
103. *А. С. Орлов*. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI-XVII вв., стр. 362-363.
104. См.: *С. Н. Браиловский*. Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902; *Он же*. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов. - ЖМНП, 1894, октябрь, ноябрь.
105. *П. А. Сырку*. Евфимия патриарха Терновского служба препод. царице Феофане... СПб., 1900.

106. *Д. С. Бабкин*. Русская риторика начала XVII в. "Труды Отдела древнерусской литературы", VIII, 1951, стр. 333.
107. Там же, стр. 353.
108. Там же, стр. 348.
109. Там же.
110. "Полное собрание Законов Российских", I, 1830, № 597, стр. 960.

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

А. Исаченко

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (Новое в лингвистике. Вып. III. - М., 1963. - С. 106-121)

Мысли, содержащиеся в предлагаемой статье, отчасти уже излагались в ответе на один из вопросов, предложенных Оргкомитетом III Международного конгресса славистов в Белграде (1939 г.) [1].

Структурные исследования, в какой бы области они ни проводились, имеют своей конечной целью обобщение отдельных результатов синхронного анализа и тем самым выявление объективных и реальных типологических закономерностей изучаемых явлений. Структуральное направление в языкознании преследует аналогичные цели, пытаясь на основе обобщения существенных данных, имеющихся в различных областях, найти универсальные критерии, которые позволили бы создать всеобъемлющую классификацию языковых типов. Большинство авторов, осмеливавшихся ставить перед собой подобные задачи, например В. Вундт [2], Ф. Н. Финк [3] или В. Шмидт [4], пытались вывести из предлагавшейся ими классификации положения внеязыкового порядка; можно, пожалуй, сказать, что фактически они не занимались классификацией языковых типов, а лишь использовали языковой материал для обоснования своих этнологических и психологических схем. Методологический недостаток всех этих работ заключался в нечеткости разграничения принципов описательного анализа и анализа фактов истории языка: изложение было описательным в тех случаях, когда вопросы языковой истории попросту не затрагивались; имеются в виду так называемые "языки без истории". Как только речь заходила о языках древнего мира, описательное исследование сразу же наводнялось элементами, относящимися к истории языка. Любая попытка классификации языков, которая, не являясь генетической, основывается тем не менее на данных истории языка, неизбежно ведет к произвольным обобщениям. Возникает вопрос о сущности и о количестве соответствий, необходимых для констатации тесного языкового родства. Довольно ли установления соответствий между словами или же необходимы поиски общих звуковых законов? И

сколько таких критериев необходимо перечислить, чтобы придать убедительность исследованию? Достаточно вспомнить здесь о длительной полемике относительно подразделения славянских языков на западно-, южно- и восточнославянские, о проблеме "центральнославянских особенностей", недавно вновь поставленной на повестку дня [5], о полемике вокруг проблемы хеттов и индоевропейцев [6], или, наконец, о попытках сближения эскимосского и праиндоевропейского языков [7].

Исследователь, кладущий в основу своей классификации произвольно выбранные изоглоссы, наталкивается на значительные трудности даже в том случае, если имеет дело с диалектами. В одной из своих работ я перечислил такие методологические трудности, попытавшись при этом доказать, что трактовка ряда местных диалектов как входящих в одну диалектную группу в большинстве случаев не выдерживает критики [8]. Очень редко оказывается возможным объединение изоглосс в пучки, общие всем данным и только данным диалектам. Предложенный мной в этой связи метод негативной характеристики групп диалектов (т. е. выявление всех тех особенностей, которые отсутствуют в данной группе диалектов, чем они и отличаются от всех других диалектов того же языка) применим лишь при наличии соизмеримых величин (т. е. при возможности сопоставления диалектов одного и того же языка). Этот метод, разумеется, оказался бы непригодным при попытке создать универсальную классификацию всех языков мира. Разумеется, структурная лингвистика не может ограничиваться сравнением генетически родственных языков. Как подчеркнул Н. Трубецкой ("Sbornik Matice Slovenskej", XV, 1937, стр. 39), "структуралистская методика по самой своей сути не может ограничиваться рассмотрением генетически родственных языковых групп".

Поиски действенных критериев типологической классификации языков, предпринятые представителями структуралистской школы, привели к интересным результатам: в центре внимания вместо генетического родства оказалось географическое сродство, старому понятию "семья языков" предпочли новое - "языковой союз". Фонологические работы Р. Якобсона [9], Н. Трубецкого [10], Л. Новака [11] и Б. Гавранка [12], в которых были затронуты эти вопросы, значительно приблизили возможность типологического обобщения. Сюда же следует отнести ценные работы американского лингвиста Л. Блумфилда [13] и датчанина К. Сандфельда [14], поставивших перед собой цель выявить объективные критерии типологического анализа языков на уровнях, отличных от звукового. Особенно важное значение имеет в этом отношении глубокое исследование Л. Новака "Zakladna jednotka gramatickeho systemu a jazykova typologia" (SMS, XIV, 1936, стр. 3-14), в котором автор рассматривает морфему в качестве основной единицы грамматической системы, полагая, что при классификации языков следует исходить из морфемной структуры. Методологические установки исследований по структурной типологии могут уберечь нас от целого ряда ошибок и преждевременных обобщений. Нередко случается, что вследствие далеко зашедшего лексического и синтаксического взаимодействия двух соседних языков делается вывод о тесном структурном их уподоблении. На необходимость строгой проверки подобных обобщающих высказываний и внесение в них соответствующих поправок представители структурного направления указывали неоднократно [15].

Типологическая классификация языков мира раздвинула бы наши знания о языке в весьма значительной степени. Но нам все еще не хватает необходимой предпосылки такой классификации - знания всех языков мира. Поэтому мы выбрали для нашего рассмотрения группу близкородственных языков, с тем чтобы показать, пользуясь методами структурной типологии, что между славянскими языками, несмотря на тесные генетические связи, существуют принципиальные типологические различия.

Уже Р. Якобсон со всей отчетливостью показал, что корреляция согласных по твердости - мягкости и полнотона гласных исключают друг друга, т. е. что в древности не существовало языков, в которых бы эти две фонологические особенности были представлены одновременно [16]. Этот вывод имеет особенно большое значение для типологии славянских языков. Как известно, среди славянских языков имеются такие, в которых происходит последовательное смягчение согласных, например польский или русский; с другой стороны, имеются языки с музыкальным ударением, например штокавское наречие. То обстоятельство, что в одних языках в максимальной степени используется разная окраска согласных, что

проявляется в трактовке твердости и мягкости как различительных признаков, тогда как в других, не знающих мягких согласных, широко представлены вокалические различия (музыкальное ударение, количество), позволяет констатировать существование внутри славянских языков двух крайних языковых типов - "консонантического" и "вокалического". Все остальные языки располагаются между этими двумя полярными типами.

С учетом фонологической нагрузки гласных фонем (resp. их просодической "надстройки") в славянских языках можно выделить следующие группы:

I. Политонические языки: а) с различием музыкальных ударений на кратких и долгих слогах (языки типа штокавского наречия сербохорватского языка или кашубского); б) с различием музыкальных ударений только на долгих слогах (чакавское наречие, словенский литературный язык и большинство словенских диалектов).

II. Монотонические языки с так называемым "свободным количеством": а) в любом слоге (языки типа чешского); б) только в корневых слогах resp. в префиксах в соответствии с законом диссимилятивного количества (*rytmicky zakon* "ритмический закон", *vokalna balancia* "гармония гласных") в литературном словацком и в среднесловацких диалектах; в) с ограничением, состоящим в том, что в слове можно зафиксировать лишь один долгий слог (в словенских диалектах, которые утратили музыкальное ударение также и в долгих слогах, сохранив лишь этимологические долготы (например, Приморье и Штирия)).

III. Монотонические языки с так называемым динамическим ударением (например, восточнославянский и болгарский). Система гласных в этих языках включает как ударные, так и безударные гласные.

IV. Монотонические языки без какой бы то ни было просодической нагрузки на гласные фонемы. Ударение закреплено за определенным слогом слова, как, например, в польском, в обоих лужицких языках, а также в некоторых словацких диалектах (восточнословацкий, некоторые наречия [17] и ряд диалектов Липтова) [18].

Тип 1а, представленный штокавским и кашубским, особенно богат гласными. В штокавском имеется пять количественно различных гласных: *i, e, a, o, u*. В политонических языках бывает по несколько гласных фонем типа "а". В данном случае мы имеем дело с четырьмя фонемами этого типа - долгой с восходящей интонацией, краткой с восходящей интонацией, долгой с нисходящей интонацией и краткой с нисходящей интонацией. Если учесть, что четырьмя различными интонациями представлен также и слоговой сонант *r*, то мы приходим к выводу, что в штокавском имеются 24 слоговые фонемы. Кашубский с его 26 гласными фонемами отличается еще более богатым вокализмом. В литературном словенском языке (тип 1b) насчитывается 7 долгих фонем с восходящей интонацией (*u, o, o, a, e, e, i*), 5 долгих - с нисходящей (*i, o, a, e, i*) и 6 кратких (*i, o, a, e, e, i*), не участвующих в политонии [18]. Вместе с тремя слоговыми фонемами типа *r* (долгое *r* с восходящей интонацией, долгое *r* с нисходящей интонацией и краткое *r*) в словенском языке насчитывается 21 слоговой звук. Интересно, что здесь в отличие от штокавского имеет место не только исчезновение политонии, но и утрата других просодических особенностей; в отличие от словенского в штокавском возможны безударные долгие.

Гласные чешского языка (тип IIa) характеризуются свободным количеством, так что во всех позициях различаются долгие и краткие гласные *a-á, e-é, o-ó, u-ú, i-í* и дифтонг *ou*; кроме того, здесь употребительны слоговые звуки *r* и *l*. В целом это дает 13 слоговых звуков. В литературном словацком насчитывается 6 кратких гласных (*i, o, a, a, e, i*), 4 долгих (*é, á, í, ú*), а также позиционно обусловленные дифтонги *ie, io, ia* и *iu*, подчиненные законам равновесия гласных. Кроме того, в словацком существует 4 слоговых сонанта, а именно долгие и краткие *r* и *l*. Таким образом, в словацком число звуков, обладающих слоговой функцией, составляет 18. Периферийные словенские диалекты, относящиеся к типу II (Приморье, Штирия), отличаются от литературного словацкого прежде всего тем, что в них возможен лишь один долгий гласный в пределах слова, в то время как в словацком в соответствии с ритмическим законом одно и то же слово может содержать два долгих звука.

Языки, относящиеся к типу III и IV, не знают слоговых сонантов. Некоторое исключение составляют вышеупомянутые восточнославянские наречия и некоторые чешско-польские переходные говоры. К III типу относятся языки, обладающие силовым ударением. Система ударных гласных в языках этого типа обычно богаче, чем система безударных. В большинстве великорусских наречий, как и в русском литературном языке, различаются под ударением пять гласных фонем, в некоторых великорусских наречиях - как северных, так и южных - насчитывается семь таких фонем, в северных великорусских наречиях имеется четыре безударные гласные фонемы, в южных наречиях, как и в русском литературном языке, - три. В ряде украинских наречий не проводится различий между ударными и безударными гласными фонемами (Якобсон, TCLP, 4, стр. 182).

Наконец, в языках, относящихся к IV типу, гласные фонемы лишены какой бы то ни было просодической нагрузки. Здесь отсутствуют и политония, и свободное количество, и свободное динамическое ударение. В польском литературном языке, например, насчитывается всего 5 гласных фонем (i [с вариантом у после твердых согласных], e, a, o, u) [20]. В словацких диалектах с ударением, фиксированным на предпоследнем слоге, нет ни долгих гласных, ни дифтонгов с однофонемной значимостью. Они трактуются здесь как сочетания "i, u + гласный" [21].

Сопоставим с классификацией славянских языков, основанной на особенностях вокализма, классификацию по консонантизму. При этом мы увидим, что консонантные различия между отдельными славянскими языками в количественном отношении менее значительны, чем различия по вокализму. Основываясь на структуре консонантных систем, мы можем распределить языки по трем группам.

А. Языки, в которых проводится систематическое противопоставление между твердыми и мягкими согласными по всем (или почти по всем) артикуляторным классам (русский с его 37 согласными фонемами, в числе которых 15 пар фонем, характеризующихся корреляцией по твердости - мягкости; польский, насчитывающий 35 согласных, в том числе 13 пар, в которых фонемы противопоставлены друг другу аналогичным образом; верхнелужицкий, имеющий 33 согласных, нижнелужицкий с его 32 согласными, украинский, насчитывающий 33 согласных, болгарский - 34 согласных). В эту группу можно отнести также и восточнославянские диалекты, в которых, кроме пар t-t', d-d', n-n', l-l', имеются еще пары s-s', z-z', а в ряде случаев также - c-c'. Б. Языки, в которых проводится различие между твердыми и мягкими согласными лишь в пределах группы дентальных (словацкий литературный язык, насчитывающий 27 согласных, чешский - 26, штокавский - 24 согласных).

В. Языки, в которых отсутствуют мягкие согласные, что имеет место в люблянском произношении словенского языка, где r' перешло в r, а l' - в l. Литературный словенский язык обладает чрезвычайно бедной системой согласных, состоящей из 21 фонемы. Мы видим, что рассмотренное здесь распределение согласных в фонологических системах славянских языков диаметрально противоположно распределению гласных. Языки с бедным консонантизмом, например штокавский или словенский, обладают богатым вокализмом, и, наоборот, языки с хорошо развитым консонантизмом, например польский, характеризуются чрезвычайно бедной системой согласных. Таким образом, предлагаемое нами деление славянских языков на "вокалические" и "консонантические" не является фикцией.

Теперь попытаемся представить все эти рассуждения в форме статистической таблицы; количество согласных укажем в процентах от всего фонемного инвентаря. Тем самым мы получим ключ к разрабатываемой нами классификации [22].

	Согласные	Гласные	Слоговые сонанты	Всего	% согласных
Сербо-хорватско-штокавский	24	20	4	48	50,0

Словенский	21	18	3	42	50,0
Кашубский	27	26	-	53	50,9
Словацкий	27	<p>12. "Zur phonologischen Geographie" ("Das Vokalsystem des balkanischen Sprachbundes"), Conferences des membres du Cercle linguistique de Prague au Congres des sciences phonetiques (VII, 1932), стр. 6-12.</p> <p>13. "Language", 1933; см. особ. главы: Types of phonemes. Sentence types. Morphological types, Form-classes and lexicon.</p> <p>14. "Linguistique balcanique", Paris, 1930.</p> <p>15. Ср. N. Trubetzkoy, Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem russischen, "Charisteria", стр. 21. - VI. Skalicka, Zur ungarischen Grammatik, Prag, 1935; - A. V. Isacenko, Narecje vasi Sele na Rozu, стр. 13 и 33, где критически рассматривается известное положение о взаимном влиянии славянского и немецкого языков в Каринтии.</p> <p>16. "Ueber die phonologische Sprachbunde", TCLP, 4, стр. 248.</p> <p>17. Stefan Tobik, Prechodna jazykova</p>			

oblast' stredoslovensko-
vychodoslovenska, SMS, XV,
1937, стр. 73.

18. Jan
Stanislav, Liptovske narecia,
стр. 46.

19.
Утверждение Безлая, что в
словенской системе долгих
гласных имеется еще
фонема э, основано лишь
на одном-единственном
примере (род. п. мн. ч.
staz) и, естественно,
должно быть отброшено. В
своей книге "Oris
slovenskega knjiznega
izgovora" Безлай
сравнивает количество
гласного э в "долгой"
позиции (0,105 сек) с
количеством гласных и, i,
характеризующихся самой
низкой ступенью
открытости (там же, стр.
65 и сл.). Гласный
среднего ряда э можно
сравнить в
количественном
отношении с другими
гласными того же ряда, а
именно - с о, о, е, е,
долгота которых
составляет около 0,14 сек.
О том же пишет в своей
рецензии И. Шоляр (см.
"Slovenski jezik", II, стр.
130). Но в конечном итоге
речь идет не об
абсолютной длительности.
Автор, целиком
основывающийся на
данных инструментальной
фонетики, не замечает
того, что его "долгое" э
лишь на 0,01 сек дольше,
чем его же "краткое" э
(соответственно 0,105 и

0,095, там же, стр 87).

20. Несмотря на возражение В. Дорошевского, веские доводы Н. Трубецкого в пользу двуфонемности польских "носовых гласных" е,, а, (ср. "Revue des etudes slaves", V, стр. 24 и сл.) остаются в силе. В этой связи мы рассматриваем графемы е,, а, как сочетания фонем е и о с "неопределенным" носовым N.

21. Во всяком случае, это следует из тех диалектологических опросов, которые я имею возможность проводить здесь, в Любляне, и в соответствии с которыми восходящие дифтонги должны обозначаться в виде ia, ie, uo и т. п. Другой способ устранения дифтонгов мы находим в наречиях Спиша, где ie превратилось в i. Ср. Z. Stieber, Ze studiow nad gwarami slowackimi poludniowego Spisza. "Lud. Slowianski", I, стр. 61 и сл. и из последних работ Jozef Stole, Zmeny uo > u a ie > i v nareci spissskom, I, SMS, XV, 1936, стр. 75 и сл.

22. Этот метод звуковой статистики принципиально отличается от метода, принятого, например, Н. Трубецким в его "Основах фонологии" [стр. 286 и сл. русск. перев.] или финским языковедом Л. Хакулиненом в "Virittaja", 1939, III, с резюме на

немецком языке: "Was ist kennzeichnend für die lautliche Struktur der finnischen Sprache?". Хакулинен учитывает относительную встречаемость согласных и гласных в связанных текстах, в то время как мы пытаемся выяснить соотношение гласных и согласных внутри звуковой системы. В связанных текстах высокий или низкий процент встречаемости гласных (resp. согласных) подчас зависит от стилистической окраски текста. Трубецкой показал в другом месте, что этот вид звуковой статистики особенно полезен при анализе стиля. Для типологической характеристики языков этот анализ представляется, на мой взгляд, малопригодным именно вследствие неустойчивости его основ. Указанное исследование Хакулиненна, знакомое мне лишь по краткому обзору В. Скалички в журнале "Slovo a slovesnost", V, 1, стр. 63, по-видимому, игнорирует просодическую нагрузку как финских, так и чешских гласных фонем, о чем свидетельствуют числа, принятые им для финских (8) и чешских (5) фонем. [Объективности ради следует отметить, что частотность отдельных гласных или согласных в связанном тексте

фактически не зависит, как это и показал Трубецкой в "Основах фонологии" (см. стр. 289-290), от стилистической окраски текста. Трубецкой пришел к выводу, что "при вычислении этой частотности пригоден любой текст (за исключением поэзии и особо изысканной прозы, где намеренно искусственная деформация естественной частотности рассчитана на то, чтобы вызвать специфический эффект)", там же, стр. 290. - Прим. перев.].

23. Ср. SMS, XV, 1937, стр. 43 и сл.

24. Насколько относительно понятие "произносительная трудность", можно видеть, в частности, на примере трактовки начальной группы tk во многих словенских диалектах эта группа упрощается в рук, хк (Ramovs, Hist. gram slov. jez., II, стр 218) в других происходит полное устранение t. Так возникают формы типа kavc < tkales, откуда распространенная фамилия Kavcic (там же, стр. 214). С другой стороны, начальная группа kt- оказалась для хорват настолько трудной, что они "упростили" ее в tk-, ср tko < kьto. Ср. также отражения в морфологической системе род. п. мн. ч. карт,

		<p>сербохорв karata и т. д. [Простейшие подсчеты показывают, что перечисленные Исаченко труднопроизносимые группы согласных представлены в соответствующих славянских языках отнюдь не в таком огромном количестве как в речевом потоке, так и в словарном составе они встречаются крайне редко и, в сущности, ограничены теми примерами, которые приводит автор. В словах тигр, театр, министр конечное -р является, вопреки утверждению автора, слоговым звуком.</p>	
--	--	--	--

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РУССКОГО ЯЗЫКА –КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ЕГО ОСОБЕННОСТЕЙ НА ВСЕХ УРОВНЯХ

Г.П. Мельников

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РУССКОГО ЯЗЫКА –КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ЕГО ОСОБЕННОСТЕЙ НА ВСЕХ УРОВНЯХ

// БЕСЕДЫ В ОБЩЕСТВЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
Сборник научных трудов
(с) ОЛРС, 1998

В данном докладе развиваются те идеи, которые восходят к основоположнику европейского теоретического и «философского» языкознания Вильгельму фон Гумбольдту и его прямым продолжателям: И.И.Срезневскому, А.А. Потебне и И.А. Бодуэну де Куртенэ. На кафедре РУДН, где я работаю, рядом коллег проводится мысль, что это направление языкознания является основным, магистральным, синтезирующим, т.е. собственно системным, тогда как иные направления и концепции сосредоточены на изучении лишь определенных частных аспектов своего объекта и потому являются аспектирующими.

Все перечисляемые в этом докладе научные результаты достигнуты за счет использования или развития принципов системной лингвистики.

Понятие "внешней" и "внутренней формы" отдельного знака в "языковом сознании", противопоставленном "внеязыковому сознанию" как инструменту отражения мира и осуществления логических операций, введенное Гумбольдтом, дало возможность Потебне вычлнить "минимум внутренней формы", служащей для намека с помощью знака на определенный элемент внеязыкового сознания. Соответствующий минимуму внутренней формы минимум внешней формы, т.е. набор тех психических команд, которые позволяют воспроизвести и опознать знак речевого потока, Бодуэн называл морфемой, а

соответствующий ей элемент внутренней формы – значением. Те единицы внеязыкового сознания, которые, через ассоциации со значениями, становятся выраженными с помощью морфем, Бодуэн назвал "оязыковленными единицами внеязыкового сознания", или "смыслами". Благодаря учету названных понятий в 1992 году оказалось возможным конкретизировать понятие Гумбольдта "характер языка". "Характер языка" - это все те единицы внеязыкового сознания, все те смыслы, которые имеют отработанные членами языкового коллектива, узуализированные (через посредничество значений) связи с морфемами языка, и, следовательно, через них – с воспроизводимыми знаками речевого потока.

По Потебне, те из смыслов, которые с "внешними формами" ассоциируются непосредственно через "минимум внутренних форм", т.е. через значения, являются "ближайшими", а те, которые "оязыковлены", связаны с морфемами при посредничестве ближайших – это "дальнейшие" смыслы. (Различение содержания терминов "значение" и "смысл" и Потебня, и Бодуэн последовательно, к сожалению, не проводят).

Обобщая эти представления, удалось, в предыдущие годы, ввести такие дополнительные различия среди смыслов, как промежуточный, предконечный и конечный смысл. При таком понимании по отношению к конечному смыслу и ассоциируемой с ним морфемой, все звенья, от значения через все пропромежуточные, включая предконечный смысл, представляют собой внутреннюю форму данного знака, употребленного в данном (конечном) смысле. Если конечный смысл выражен с помощью нескольких ассоциированных с ближайшими смыслами морфем (составляющих, например, слово как их воспроизводимую последовательность), то связь многоморфемного знака с его конечным смыслом осуществляется уже не через одну цепь смыслов, а через несколько параллельных цепей, так что внутренняя форма такой ассоциации морфемного знака с определенным смыслом является уже не цепью, не линией, а "прядью".

Поскольку морфемы своими значениями лишь намекают на ближайшие смыслы, а ближайшие смыслы, если они не конечны, также лишь намекают на дальнейшие, то у каждой морфемы или воспроизводимой последовательности морфем формируется целое поле оязыковленных смыслов, из которых, как из принципиально возможных, виртуальных, в конкретном употреблении имеется в виду лишь вполне определенный, актуальный смысл.

На основе обобщения этих уточнений было установлено, что гумбольдтовское понятие "характер языка" – это поле всех виртуальных смыслов всех узуализированных знаков языка, т.е. это вся "оязыковленная" часть внеязыкового сознания.

В свете этого уточнения становится понятным предупреждение Гумбольдта, что ни значение слова, ни система грамматических значений, (понимаемых в системной лингвистике как намек на тип отношений между именуемыми смыслами), ни внутренняя форма словосочетания – все это еще не внутренняя форма языка в целом. Однако сам Гумбольдт не дает прямого ответа на вопрос, что представляет собой эта внутренняя форма языка в целом, а лишь подчеркивает, что именно она является определяющим фактором по отношению ко всем сторонам языковой системы, например, и к "характеру" языка, и к составу значений, и к особенностям звукового строя.

Существенно продвинулся в понимании внутренней формы не отдельных языковых знаков, а языка в целом Бодуэн, когда он обратил внимание на то, что типичное предложение на индоевропейском языке обычно дает образ динамический, ориентированный на последовательные этапы развития действия, его последствий, тогда как в "туранских" языках этот образ скорее противоположен: каждый последующий знак высказывания не только помогает догадаться о том, в каком направлении будет развиваться описываемый сюжет, но и напоминает то, что было уже сказано и "изображено" словами в предшествующем отрезке речи.

Исследования в области системной лингвистики и системной типологии позволили сделать вывод, что типологическое своеобразие языков зависит прежде всего от того, через схему какого целостного образа старается носитель языка намекнуть собеседнику на замысел своего высказывания, т.е. какова схема номинативного смысла типичного высказывания на данном языке, и что именно данная схема

и есть внутренняя форма языка в целом как определяющая типологическая его черта, как его внутренняя детерминанта. И тогда наблюдение Бодуэна о своеобразии семантики типичного индоевропейского предложения и есть не что иное, как первая формулировка внутренней формы индоевропейского флективного строя. Наиболее развита эта форма в славянских языках, а среди славянских – в русском, и **в современной формулировке внутренняя форма русского языка звучит как адаптированность всех единиц и всех уровней языковой системы выражать по возможности замысел любого высказывания через предложение, номинативный смысл которого построен по схеме развивающегося события.**

В процессе эволюции языковой системы в формирующемся языковом сознании носителей индоевропейского языка закрепляются лишь такие морфемы и их значения, которые эффективны для изображения любого сюжета по схеме развивающегося события, а "характер языка", т.е. "языковленная часть языкового сознания, складывается такой, чтобы от морфем и значений, представляющих собой фундамент "языковой способности", наиболее легко можно было "переходить", через промежуточные смысловые ассоциации, состоящие из виртуальных" смыслов, к конечным актуальным смыслам, легко увязываемым в целостный образ развивающегося события. По мере того, как язык приобретает такой "колорит и характер" (Гумбольдт), детализируется "языковая способность", например, вырабатываются специальные служебные морфемы со служебными (грамматическими) значениями, и оптимизируются, в соответствии с внутренней формой языка, позиционные характеристики морфем и их воспроизводимых блоков, т.е. слов.

Опора на достигаемые таким образом уточнения представлений о механизмах формирования языковой системы позволяет обратиться к конкретным языковым фактам и не просто совершенствовать технику их описания, как это делает, например, дескриптивная лингвистика, а давать им системное функциональное объяснение, давать ответы на вопросы, почему и для чего этот факт именно таков, почему такое-то явление в языке развилось после такого-то и т.д.

Так, например, **осознав, что главное во внутренней форме флективного индоевропейского строя – его событийность, а минимум события – это какое-либо действие, осуществленное инициатором этого действия, мы начинаем понимать, что самым главным противопоставлением содержания во флективном языке является противопоставление знака действующего к знаку действия.**

Отсюда вытекает, что семантика морфем только с вещественными функциями, т.е. морфем, способных через свои значения ассоциироваться непосредственно с ближайшими смыслами, а не указывать лишь на отношения между смыслами, как это свойственно значениям грамматических морфем, должна и без внешних аффиксов отражать свою специализированность, задаваемую внутренней формой индоевропейских флективных языков. Именно поэтому корневые морфемы индоевропейских языков имеют такие модификации своей внешней формы, по которым можно опознать, намекает она на участника, партиципанта именуемого событийного сюжета, или же на само то исходное, инициальное действие, которое приводит к возникновению последовательных этапов развития события. **Так в русском языке сохраняется праиндоевропейская модификация корневых морфем типа не с-, нос-, наш-; вез-, воз-, важ- и т.п., ибо одна только эта модификация позволяет нередко формально изобразить и действие, как инициальный этап события, без использования каких-либо дополнительных грамматических показателей, и действующего" на этом этапе. Например, простое нераспространенное "атомарное" предложение "воз вез" уже изображает такой номинативный смысл, в знаках которого противопоставленность "действующего" и его действия выражено модификацией вокализма одного и того же корня.**

Языковленная картина мира формируется и существует – в сознании субъекта как самостоятельная сеть ассоциаций, пронизывающая объективную картину мира, на основе которой протекают собственно мыслительные процессы, например, процессы опознания предметов и явлений, попавших в поле внимания субъекта, или процессы прогнозирования предстоящих изменений состояния этих предметов и явлений. Эта дополнительная к основной сеть ассоциаций между элементами объективной

внеязыковой картины, которая тем ближе к истинности, чем точнее состав ее элементов и сеть отношений между ними соответствует составу единиц внешней действительности и реальных отношений между ними, в некоторых случаях оказывает влияние на ход мысленной оценки наблюдаемых явлений, на глубину и направление прогнозов о предстоящих состояниях внешней среды и т.д. И в той лишь мере, в какой это влияние сказывается, можно говорить о различии в видении реальности, возникающем вследствие своеобразия языкового строя, который сформировался в сознании человека и проявился в своеобразии "характера языка" во внеязыковом сознании. Именно так понимал Гумбольдт влияние языка на внеязыковое сознание, тогда как у неогумбольдтианцев, у сторонников идей Сепира-Уорфа внеязыковое сознание отождествлено с характером языка, точнее, сведено к характеру языка, и сознание после этого предстаёт как принципиально лишенное способности быть объективным, отражающим сущностные характеристики реальности, и уж на них накладывать сети тех или иных, в том числе – языковых ассоциаций, значимых в системе специальных видов взаимодействий с реальностью и со знанием о ней, например, определенных видов прагматических, профессиональных и т.п. взаимодействий. При системном подходе знание языка, **способность говорить на определенном языке – это специальный вид способностей к деятельности, а проявление "характера языка" в сознании – это доказательство умения эффективно использовать эту способность.** Языковое умение и языковая способность оказываются в этом толковании соотносительными с наличием какой-либо иной профессиональной пригодности, обеспечивающей приобретением некоторого уровня мастерства в этой профессии. Отличие языка от других профессий заключается лишь в том, что языком как профессией общаться с помощью речевых знаков должны владеть все члены языкового коллектива, а другими профессиями – лишь определенный группы этого коллектива.

При наличии профессиональной способности, доведенной до уровня профессионального умения, внеязыковая картина мира представителей этой профессии также приводит к выработке профессионального "характера", профессионального взгляда на внешний мир, профессионального смещения оценок того, что хорошо, что плохо, что важно, а что – второстепенно. Элементы внеязыковой картины мира, более или менее истинные, объективные, приближающиеся к сущностному пониманию мира, "переплетаются" сетью профессионально значимых ассоциаций, отражающей профессиональную иерархию значимостей. При решении конкретных познавательных задач эти дополнительные сети ассоциаций, причем дополнительные и к объективным, сущностным, и к отражающим своеобразие языка, в некоторой мере влияют на процессы познания истины, на объективность суждений. Влияние это, может быть, в различных ситуациях, и отрицательным ("национальная субъективность" по Гумбольдту), и положительным; но в основе все равно остается объективное, а не языковое или профессиональное видение мира, и это, в частности, дает возможность изучать неродные языки и в конечном счете накапливать не только национальный, но и общечеловеческий опыт.

Введенное еще в 60-х годах понятие детерминанты языка, дифференцированное позже на понятие внешней и внутренней детерминанты, после их конкретизации, позволяет дать прямой ответ на вопрос о том, что же все-таки имел в виду Гумбольдт, утверждая, что кроме внутренней формы отдельных языковых знаков и их сочетаний существует внутренняя форма языка в целом. Она понимается как следствие выявления и закрепления наиболее эффективных средств речевого общения в определенных условиях общения.

Как уже отмечалось, в сложившейся к настоящему времени **формулировке внутренней формы языка в целом**, наиболее полно представленная его внутренней детерминантой, – **это общая схема номинативного смысла типичного высказывания**, творчески формирующегося в сознании слушающего под воздействием команд о тактике догадки о замысле говорящего, представленных знаками речевого потока, а **внутренняя форма флективного строя**, наиболее ярко представленная славянскими синтетическими языками, **характеризуется как событийность номинативного смысла типичного предложения.**

Осознание того факта, что внутренней формой русского языка является тенденция изображать по возможности любой замысел через образ развивающегося события, помогло в последние годы

пополнить арсенал выявленных случаев, когда, обычно лишь констатируемые, факты русского языка становятся объяснимыми, выводимыми логически. Так, например, если учесть, что формальное противопоставление имени и глагола мотивировано потребностью эффективно изображать и различать в описываемом событии действителя и производимое им действие, то становится очевидным, что те имена, семантика которых плохо ассоциируется с представлениями о действителе как об активном, инициативном партиципате развивающегося события, должны так или иначе проявлять свою "событийную импотенцию" и в грамматике. Этот вывод подтвержден материалом русского языка. Например, имена наиболее событийно активных партиципатов, способных своим действием втянуть в событие и других участников в своем значительном большинстве оформляются суффиксами типа - тель, -чик, - щик, -ник. Инициаторы событий, в которых инициатива проявляется только в действии действителя (обычно при "непереходных" действиях), маркированы чаще всего суффиксом -ун, а имена участников ситуации, выражаемой высказыванием, вообще не предрасположены осуществлять действие на каком-либо этапе развития события, например, название обстоятельства места, имена с преимущественно локативной семантикой, очень часто не только имеют особое суффиксальное оформление, типа -ня (пекарня, псарня), но и вообще представляют собой атрибутивные имена (прилагательные, причастия, например, столовая, операционная, приёмная и т.п.). При явно выраженном субординационном "субъектно-объектном" отношении обычно не имеет формы существительного названия именно объекта: ср. врач – больной, начальник – подчиненный, судья – подсудимый, защитник – подзащитный и т.д. Так на уровне формального словообразования проявляется своеобразие "характера" русского языка как языка в высокой степени событийного по своей внутренней форме.

Добавим к сказанному о мотивах использования атрибутивных форм имен и такой случай, когда, казалось бы явное действующее лицо оказывается выраженным не существительным, а причастием или прилагательным. Это имеет место тогда, когда именуемое лицо включено в систему, в которой оно должно выполнять заранее предписанную ему функцию, а не проявлять собственную инициативу, т.е. когда это лицо лишь исполняет чужую инициативу, но не отвечает за содеянное. Так появляются "субстантивированные" причастия и прилагательные типа "полицейский", "городовой", "военный", "рабочий", "штатский", "демобилизованный", "дежурный", "часовой", "дневальный", "военнообязанный" и т.п., вплоть до "главнокомандующего", ибо и он не инициатор, им командует, его контролирует правительство.

Подобным же образом часто именуется спортсмены, играющие определенную заданную правилами извне, роль в спортивных системах. Например, "нападающий", "левый", "правый", "крайний" и т.д. На подобные факты военной и спортивной номенклатуры обратил внимание В. Киселев, но не дал им объяснения. Едва ли это случайно, ибо на понятие внутренней формы языка он в своих исследованиях не опирается.

Ранее, через особенности внутренней формы русского языка, понимаемой как событийность схемы номинативного смысла типичного русского предложения, и самого этого номинативного смысла как внутренней формы сообщения сделанного с помощью этого предложения, была объяснена причина использования предлогов при номинации тех партиципатов изображаемого предложением сюжета, которые не входят в его событийное ядро, не делают чего-либо, что является следствием действия инициатора события, а лишь примыкают к этому событию, "обстоят его", т.е. являются по своему содержанию обстоятельствами. В этом случае отличие имен обстоятельств от имен актантов, т.е. от имен таких партиципатов события, которые осуществляют тот или иной этап в развитии этого события, т.е. действие которых восходит как к своей первопричине к действию инициатора, проявляется на уровне внешнего оформления в том, что обстоятельства именуется аналитически: не просто падежной формой имени, как все актанты, а предложно-падежной.

Как гипотеза о причинах использования не просто падежных, а предложно-падежных форм имени в русском предложении это объяснение впервые было сформулировано А.Ф. Дремовым более 10 лет назад. Позже невключенностью именуемых партиципатов сюжета в ядро события, описываемого предложением, удалось объяснить превращение беспредложного древнерусского местного-падежа в

современный предложный (в результате чего конструкция типа "Владимир княжил в Киеве" заменилось конструкцией "Владимир княжил в Киеве") и наоборот, замену предложного именованного субъекта в "пассивной" конструкции на беспредложную (например, "Дом строится от плотников" заменилось на "Дом строится плотниками"), ибо субъекты инициального действия, даже если коммуникативно они ушли на задний план, всё равно остаются актантами событийного ядра.

Эти результаты снова демонстрируют справедливость выводов о том, что флективный строй – не просто синтетический "во что бы то ни стало". Синтетическое сращение морфем в словоформе и формальное увязывание словоформы в словосочетаниях и в предложениях сохранялось и усиливалось в истории русского языка только в тех звеньях его строя, где требовалось отразить связность элементов содержания лишь как звеньев изображения связности на этапах развития события. Соответственно и наоборот: где эта событийная связность была очень слабой, там синтетически слабее связанными становились и знаки соответствующих фрагментов содержания, вплоть до замены древних синтетических форм современными более аналитическими.

В связи с такой избирательностью синтетических средств выражения в русском языке и в связи с наличием сюжетов высказываний, содержание которых трудно укладывается в схему развивающегося события (например, ситуации бытийности, эквивалентности, обладания, наименования и т.п.), эти сюжеты, названные "неудобовыразимыми" при данной внутренней форме языка, т.е. при типичной схеме номинативного смысла предложения, говорящий стремится либо 1) через метафоричность представить как событие, например, "Наш театр находится, – (т.е. находит себя, метафорическое приписывание зданию такого действия как поиск себя), – недалеко от вокзальной площади"; либо 2) вообще дать лишь имплицитное выражение соответствующего содержания с помощью контекста, например, "Друг повёз меня в свое родное село познакомить с родителями. Приозёрское уже издала поразило меня своею живописностью".

Проблеме типов сюжетов, выражаемых в русской классической литературе имплицитно, посвящено специальное исследование (докторская диссертация М.Ю. Федосюка). Анализ материала этого исследования с позиций "удобовыразимости", отражающей своеобразие внутренней формы русского языка, подтвердило системно-типологическое предсказание: все эти сюжеты плохо укладываются в схему развивающегося события.

В свете формулировки внутренней формы русского языка получают объяснение периферийные синтаксические образования, такие, как безличные, неопределенно-личные, назывные предложения: сюжеты этих предложений оказываются неудобовыразимыми для языка, весь строй которого приспособлен прежде всего для формирования предложений, номинативный смысл которых построен по схеме развивающегося события, а сюжеты перечисленных конструкций – статичны.

Углубление представлений о соотношении аналитизма и синтетизма в русском языке и установление внешних причин, ведущих к предпочтению схемы развивающегося события в номинативном смысле типичного предложения, позволили глубже понять своеобразие тех флективных индоевропейских языков, в которых усиливались аналитические тенденции. Общей причиной этого процесса была вызванная внешними обстоятельствами та или иная степень утраты средств выражения событийности в этих языках, а различия в конкретных аналитических формах вытекали из того, какие компенсирующие средства, взамен утраченных, для изображения все-таки по возможности событийных характеристик, избирал тот или иной индоевропейский язык в процессе своих перестроек, вызванных изменением условий общения в том или ином ареале индоевропейских языков.

Раскрытие внутренней формы флективных языков как событийности схемы номинативного смысла типичного предложения позволило объяснить устойчивость категории рода и категории падежа в тех флективных языках, где внешняя детерминанта, то есть наиболее типичные условия общения, не препятствуют тому, чтобы у членов большого однородного оседлого языкового коллектива были достаточно надежные возможности взаимного общения и, в связи с этим, высокий уровень общности социально значимых знаний и отношений к явлениям действительности. Для поддержания необходимой в этих условиях событийной внутренней языковой формы форма падежа имени в предложении позволяет

говорящему явным образом выразить слушающему, какова актуальная роль партиципанта, выраженного данным именем, а явная выраженность принадлежности данного имени к определенному грамматическому роду несет информацию о том, какая роль в событиях, как наиболее типичная. присуща этому партиципantu. Статистические подсчеты показывают, что именами мужского рода чаще всего обозначены такие партиципanty, которые являются в типичных для них видах взаимодействий инициаторами этих взаимодействий, единичными и имеющими черты индивидуальности; имена среднего рода чаще называют наиболее безынициативных и обезличенных партиципantов; имена женского рода ассоциируются со способностью быть и объектом чьей-либо инициативы и инициатором по отношению к иной группе партиципantов и проявлять свою индивидуальность лишь как нечто массовидное. Из сказанного, в частности, следует, что термины "мужской", "женский" и "средний род" не отражают сущности этих грамматических категорий, хотя имена существ, имеющих половые различия, с учетом, что дитя – это сначала ни мужчина, ни женщина, более или менее естественно распределяются по грамматическим родам.

Соотнесение названных потенциальных и актуальных характеристик роли партиципantов в событии позволяет объяснить, почему слова мужского рода, и в первую очередь – имена одушевленных существ, утратили форму винительного падежа как наименее инициативного актанта события; имена среднего рода с флексией -о/-е- никогда не имели формы именительного падежа, они исходно "винительны"; имена женского рода наиболее регулярно противопоставляются формально в позиций подлежащего и прямого объекта, т.е. имеют форму и именительного и винительного падежа, но зато в функции дательного падежа используют "по совместительству" форму местного падежа и поэтому при выражении партитивного смысла не заменяют форму родительного падежа формой дательного, в отличие от имен мужского рода ("стакан чая/чаю").

Уже много лет идет обсуждение с коллегами функции и значения родительного падежа. В работах по системной лингвистике 20-летней давности он был назван падежом "актуализации ядра темы". Но после уточнений, что предложение флективного языка функционально эквивалентно совокупности атомарных выразителей события (например, предложение "Брат кидает куклу сестре" по своему событийному смыслу эквивалентно трем атомарным событийным предложениям, каждое из которых называет один из этапов развития события – "Брат кидает, кукла летит, сестра ловит", – а превращения их в одно молекулярное событие падежные аффиксы косвенных падежей становятся сигналами, алгоритмами для вычисления действия каждого актанта с учетом названного глагола) стало ясно, что родительный падеж способен быть актуализатором темы любого из атомарных предложений и, следовательно – актуализатором любого из имен молекулярного событийного предложения. Ногтем не менее сохранялась трудность формулировки значения родительного падежа, поскольку именем в этом падеже называют партиципанта, явно не входящего в ядро описываемого события, но почему-то вводится это имя без предлога.

А.Ф. Дремов предлагал такую трансформацию для описания значения родительного падежа, которая связана с идеей обладания. Например, "У соседа есть брат. Брат соседа кидает куклу сестре". Однако анализ различных примеров использования родительного падежа показывает, что названное содержание "обладания" – скорее один из возможных смыслов родительного падежа, причем – не основной, ибо есть более специализированные средства выражения обладания или принадлежности, например, "соседов брат", "соседский брат".

К настоящему времени наиболее приемлемой формулировкой значения родительного падежа представляется следующая: родительный падеж напоминает одного из партиципantов некоторого известного слушающему события и тем самым, возбудив в его памяти эти фоновые знания, помогает слушающему актуализировать смысл того имени, определением к которому служит имя в родительном падеже. Если же родительный падеж не ориентирован на напоминание известного события, то вне контекста соответствующее определение двусмысленно, и в появлении двусмысленности виноват говорящий, неверно предположивший, что напоминаемое событие известно слушающему. Например:

- Что ты скажешь на приглашение писателя?
- А кто его пригласил или кого он пригласил?

Ответ состоит из вопросов, ибо говорящий неуместно задал исходный вопрос, предполагая, что слушающий знает о последнем событии: приехавшего в город писателя пригласили на бал к губернатору.

При таком общем событийном толковании значения родительного падежа в русском языке получает объяснение и беспредложность его употребления в атрибутивном наминательном смысле: с предлогом (например, "Отряд остановился около леса") он выражал бы обстоятельство, т.е. участника, примыкающего к событийному ядру, тогда как событие, которое наминается с помощью родительного падежа, само никаких контактов с событием, выраженным предложением, не имеет, а является лишь "тенью былого", лежащей на том актанте, к которому оно отнесено как определение. Кроме того, будучи лишь наминаемым "на всякий случай", это событие, наминается именем естественно стоящим сзади определяемого, что в свою очередь, объясняет, почему такой атрибут является не согласуемым определением, в отличие от прилагательного: прилагательное предупреждает о следующем за ним определяемом существительном в соответствии с общей закономерностью построения событийного предложения, а не наминает о чем-либо, как атрибут в форме родительного падежа.

Уточнив значение флексии родительного падежа, мы должны помнить о "первичных" и "вторичных" функциях (по Куриловичу) любого значения и поэтому не удивляться периферийным употреблениям родительного падежа в функции прилагательного, в том числе – притяжательных: "мальчик соседки" (т.к. "соседкин мальчик").

Косвенное отношение к проблеме формы, значения и актуальных смыслов падежных словоформ имеет проблема сложных русских слов, включая сложные числительные. В этой области также получены некоторые результаты, позволяющие объяснить через особенности внутренней формы ряд известных фактов из области сложных существительных и числительных.

Напомним, что этимологически показатель среднего рода индоевропейских имен и показатель винительного падежа, там, где он морфемно выражен, восходит к показателю принадлежности имени к классу имен, называющих нечто неактивное. В современном русском языке этот показатель проявляется не только в существительных на -о- (-е и во флексиях винительного падежа женского рода на -у/-ю, но и в согласуемых кратких прилагательных на -о/-е, полных прилагательных на -ое/-ее, в наречиях на -о/-е и наконец, в первых компонентах сложных слов, называемых в современных грамматиках "интерфиксами -о- и -е-". При этом особенно важно то, что все перечисленные форманты и в современном русском языке сохраняют связь со значением неактивности, хотя и обусловленной не совсем одинаковой причиной. Так в существительных типа "зерно", "яйцо" это прежде всего безликость, неиндивидуализированность буквальная; в существительных "растение", "животное", "стремление", "движение", так же, как в местоимениях "кто", "оно", "нечто" – эта неактивность в смысле абстрактности, неконкретности, неактуализированности, а нередко – неизвестности не только слушающему, а и самому говорящему. "Неактивность", "безликость" может быть и грамматической, когда называемое содержание трудно подвести под определенную грамматическую категорию. Например, человека упрекают за многообразные проступки и заключают: "Естественно, что все это мало кому может понравиться".

Через такое толкование получает объяснение использование кратких форм прилагательных в функции самых типичных русских наречий на -о/-е и обосновывается утверждение, что "интерфикс" -о/-е в сложных русских словах – это та же морфема и выполняет она ту же функцию. Например, "вод-о-нос" – это по внутренней форме синтаксическое сочетание, дающее ответ на вопрос "как-о нос?", "как, каким образом носитель". Отсюда сделан главный вывод: в языке с высокой степенью событийности нет словоформ с двумя корнями (если, конечно, это не заимствования или калька). Синтаксические отношения между компонентами сложного слова синтаксически формально выражены и сводятся к атрибутивным.

Второй из возможных способов прямого (не метафорического и т.д.) выражения атрибутивности является родительный падеж. Анализ такой разновидности сложных имен русского языка как сложные существительные показал, что они также являются сращенными синтаксическими конструкциями, но с использованием преимущественно форм родительного падежа; менее распространены формы предложно-падежные, и лишь на периферии, где числительные осмысляются не (только как особая

разновидность имен, а как существительные, используются сложные слова с атрибутивным оформлением наречного типа, т.е. с помощью -о/-е. Сравни, "пят-и-летие" (родит.падеж), но "тысяч-е-летие" (наречие).

На примере способов согласования числительного с исчисляемым словом: "один стол" (именит .падеж, ед.ч.), два, три, четыре стола, (род.п., ед.ч.), – пять, шесть, семь, восемь, десять столов (род.п., мн.ч.) установлено, что система числительных противопоставляет не просто один и много объектов, а один. несколько и много обезличенных, но дискретно различимых объектов, которых, в соответствии с законами психологии восприятия, должно быть 7+2, т.е. от 5 до 9. Эта закономерность сохраняется и на более высоких порядках: "десять, -дцать, -десять"; "сто, ста (сти), сот", "тысяча, тысячи, тысяч" и т.д. Объяснение этому уникальному явлению русской системы числительных удастся найти также только благодаря осознанию своеобразия внутренней формы русского языка. Понятной, в частности, оказывается причина неоднородности сложных слов типа "сорок-а-летие", но "сорок-о-ножка".

Проверка и подтверждение справедливости изложенных идей на большом языковом материале представлены в кандидатской диссертации Чаннакадана Вариатха Джеймса, защищенной в 1991 году.

Получены новые аргументы в пользу обоснования положения, что общепринятое утверждение о существенной перестройке звуковой системы славянских языков после "падения редуцированных", т.е. самых кратких, гласных общеславянского языка - ъ- и -ь-. Эти редуцированные не "пали", т.е. не исчезли из системы, а превратились в глухие гласные, т.е. единицы, артикуляционно, по положению органов речи – вокалические, но фонационно -обеззвученные. В свете этого уточнения произнесение твердых и мягких разновидностей согласных предстает, как и до "падения редуцированных", как позиционное и поэтому не имеющее отношения к исходной функции фонем – морфеморазличительной. А это означает, что, например, согласные пары типа -т- и-т'- - не самостоятельные фонемы, а позиционные варианты одной фонемы, которая, вне фонемного контекста, не является ни твердой, ни мягкой, и славянская азбука со времен Кирилла и Мефодия потому и до настоящего времени является для русского языка пригодной, что функционально она осталась той же, "предсказывающей" свойства и характеристики последующих единиц, что соответствует требованиям внутренней формы славянского языкового строя. Последовательность "согласная + гласная" находится в такой же схеме взаимодействия, как, например, последовательность "прилагательное + существительное".

Этим же объясняется оглушения согласных перед глухими согласными или паузой.

В агглютинативных языках внутренняя форма, как уже отмечалось, такова, что элементы формы соотнесены друг с другом в обратном направлении: если они по каким-либо характеристикам согласуются, то не предупреждают о появлении этих характеристик в последующем тексте, а напоминают, что они уже были в предшествующем тексте. Так, признак ряда гласного в очередном аффиксе словоформы напоминает, каков был признак ряда гласного в предшествующем слоге. Но поскольку антропофонически исходным является открытый слог, то именно в агглютинативном, например, тюркском, а не во флективном, например, русском, согласный должен определять ряд последующего гласного.

Более детальный анализ этих проблем с позиций специфики внутренней формы привел к выводу, что подобно тому, как в конце русского слова есть глухой гласный, артикуляцию которого предсказывает предыдущий согласный, так в тюркских языках перед словоформой должен быть некоторый исходный артикуляционный уклад, некоторый глухой приступ слога, характеристики которого по законам сингармонизма напоминают варианты фонем последующих слогов.

Интерпретация твердости-мягкости в современном русском языке, как средства расщепления согласных на два не самостоятельных ряда фонем, а на две позиционно обусловленные разновидности, требует возврата к пониманию корреляции по ряду по отношению не к консонантизму, а вокализму. Опора на это понимание привела к уже описанным в прошлых отчетах причинным объяснения, трансформации праиндоевропейского вокализма в славянский.

Ограничения во времени не позволяют в одном докладе показать, как получают объяснения особенности русского языка на многих других уровнях и ярусах, если учитывать особенности его

внутренней формы. Поэтому придется ограничиться лишь перечнем тех основных результатов, которые получены с помощью того же "ключа", что и уже рассмотренные.

Раскрыты факторы "выбора" языком той или иной внутренней формы; изложена, в частности, суть различий событийности в романской и в германской ветви европейских языков; показано, что с опорой на внутреннюю форму становятся объяснимыми закономерности актуального членения "экзотических", нефлективных языков; и, наконец, сформулированы критерии стиля писателя по соответствию или несоответствию используемых им языковых средств "духу русского языка", т.е. его внутренней форме.

К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕМЫ И ФОНОЛОГИИ

А. А. Реформатский

К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕМЫ И ФОНОЛОГИИ

(Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - Т. XI. Вып. 5. - М., 1952. - С. 469-473)

Статья С. К. Шаумяна "Проблема фонемы" [[1](#)] свидетельствует, как и другие его работы, о живом, даже, скажем, обостренном интересе автора к вопросам фонологии, о желании утвердить эту дисциплину как результат усилий прежде всего отечественной науки и как более высокую ступень знания по сравнению с фонетическими исследованиями предшествующих эпох.

Эти тенденции не вызывают возражений и достойны всяческого поощрения.

Однако С. К. Шаумяну свойственна какая-то заносчивость и кичливость в рассуждении о науке и ее развитии, создается впечатление, если верить автору до конца, что до Шаумяна все только ошибались и путали, а он пришел и все разъяснил правильно.

Так, спору нет, что во взглядах на фонему у Л. В. Щербы было много противоречий, но нельзя же в ответственной статье на полстраничке "разделаться" с Л. В. Щорбой и вывести его за пределы фонологии. С. К. Шаумян пишет: "Мы высоко ценим заслуги Щербы в развитии физиологии звуков речи, однако должны со всей решительностью sic! - А. Р.) сказать, что приравнивание фонемы к звуковому типу - плод недоразумения" (стр. 340). И это все только по поводу [ы] и [и], причем тут же производится насильственное отождествление Л. В. Щербы и Д. Джонза: "Щерба и Джоунз, приравнивая фонему к звуковому типу, переодевают старое эмпирическое понятие звука речи в новый термин" (стр. 340), Это, конечно, неверно. Система travesti [[2](#)] свойственна прежде всего Джонзу, который так именно и определяет фонему: "Das gewöhnliche russische [a] in *да* [da], das vordere a [ä] in der ersten Silbe von *дядя* ['d'äd'a] und das dunkle a in der erste Silbe von *вода* [v'ada] gehören zu ein und demselben Phonem" [[4](#)]. Критерий смысловоразличения при определении фонемы Джонза не привлекает, что ставит его сразу вне фонологии.

Л. В. Щерба лишь иногда совпадает с Джонзом, особенно, если выхватывать из его трудов куски незаконченных цитат.

Так, если брать в работе Л. В. Щербы "Русские гласные..." (1912), § 7, где сказано, что "фонемы являются представлениями-типами" (стр. 8), то можно Л. В. Щербу обвинить во всех грехах психологизма и травестирования понятий и изъять его имя из истории фонологии (что и делает С. К. Шаумян); однако в следующем, 8-м параграфе говорится: "Прежде всего мы воспринимаем, как тождественное, все мало-мальски сходное с акустической точки зрения, *ассоциированное с одним и тем же смысловым представлением*, и с другой стороны мы различаем все способное *само по себе ассоциироваться с новым значением*. В словах *дети* и *детки* мы воспринимаем t' и t, как две разных фонемы, так как в од RU'>ъ ть /од RU'>ъ т, разуть/ разут, тук/ тюк они дифференцируют значение" (стр. 9; курсив Л. В. Щербы).

Известный 38-й параграф книги Л. В. Щербы "Русские гласные...", где говорится об *и* и *ы*, изложен весьма парадоксально: прекрасно показав чередования звуков *и* и *ы* благодаря разным позициям, Л. В. Щерба неожиданно утверждает, что "*ы* является все-таки самостоятельной фонемой" (стр. 50).

В данном случае хотелось бы обратить внимание на одно интересное место в этом параграфе: "Наконец - и это самое главное - морфологически оно (т. е. *ы*- А. Р.) в некоторых случаях идентично с *i*, как, например, вод-ы, душ-и (*duš*-ы), земл-и" (стр. 50).

Эти примеры показывают, что для Л. В. Щербы смысловозначительная роль фонем и связь фонем с морфологией с первых же шагов его самостоятельных исследований были обязательны. Все это чуждо Д. Джонзу.

В "Фонетике французского языка" Л. В. Щербы (2-е изд. 1939 г.) тоже немало противоречий, но если С. К. Шаумян цитирует общее определение фонемы из этой книги, где, кстати, наряду с упоминанием "звуковых типов" имеется и "способность дифференцировать слова и их формы", - следовало бы также приглядеться и к другим параграфам, например, к параграфам 57-62, где, анализируя противопоставление французских гласных, Л. В. Щерба определяет их дифференциальные признаки. Полагаю, что эти параграфы известны С. К. Шаумяну и он, наверное, многое приобрел из этих анализов Л. В. Щербы для "своих" взглядов; о противопоставлениях и дифференциальных признаках фонем, хотя почему-то упорно замалчивает этот факт [5].

Общая манера С. К. Шаумяна безымянно использовать чужие рассуждения, и притом самых разнообразных и разнородных авторов, - характеризует всю его работу. А это неизбежно толкает к противоречиям или сочетанию несочетаемого. Так, С. К. Шаумян пишет: "Имея в виду двойственную природу звуков - физическую и функциональную, можно сказать, что в известном смысле фонология так относится к фонетике, как политическая экономия к товароведению. Товар составляет предмет исследования как товароведения, так и политической экономии. Тем не менее методы обеих наук не имеют ничего общего между собой. Суть дела в том, что товар, как и звуки языка, обладает двойственной природой: с одной стороны - он вещь, удовлетворяющая известным человеческим потребностям, а с другой - вещь, которую можно обменять на другую вещь. Первая особенность товара составляет его потребительскую стоимость, а вторая - меновую стоимость. Коренное отличие метода политической экономии от метода товароведения обусловлено тем, что политическая экономия исследует товар под углом зрения его меновой стоимости, тогда как товароведение изучает физические свойства товара, его потребительскую стоимость самое по себе" (стр. 334). Этому "открытию" С. К. Шаумяна соответствует определенный источник, на который автор почему-то не ссылается: это стр. 14 книги Н. С. Трубецкого "Grundzüge der Phonologie" [6], где сказано: "Um einen treffenden Vergleich R. Jakobsons zu Wiederholen, verhält sich Phonologie zur Phonetik wie die Nationalökonomie zur Warenkunde oder die Finanzwissenschaft zur Numismatik".

Как видим, Н. С. Трубецкой оказался скромнее С. К. Шаумяна и себе этого "открытия" не приписывал.

Но еще более существенно то, что С. К. Шаумян расширил это сравнение, в результате чего оказалось, что звуки "потребляют", а фонемы "обменивают". Все это только затемняет, а не разъясняет вопрос. А главное, остается неправильная установка К. Бюлера, Н. С. Трубецкого и многих других зарубежных ученых о наличии двух наук: фонетики и фонологии. Место фонологии понятно - это, наряду с грамматикой и лексикологией, законная часть языкознания как общественной науки. А где же место фонетики? Среди каких наук? Если звуки речи "вещь, которую потребляют в силу их физических свойств", то объект этот явно вне общественных наук.

С точки зрения советского языкознания никакого противопоставления фонетики и фонологии делать не следует. Просто фонология - это более: высокая, совершенная ступень развития фонетики [7], и фонология не исчерпывается только установлением числа и соотношения фонем в системе языка, а исследует все реальное распределение этих фонем и их групп по речевым позициям, с учетом всех возникающих вариаций и: вариантов, нейтрализации и т. д. При этом фонология, как и любая иная наука, может пользоваться данными любых других наук, хотя бы и неродственных, например акустики, анатомии, физиологии, отнюдь не претендуя включать эти почтенные науки в языкознание.

В свете сказанного по меньшей мере странным кажется утверждение С. К. Шаумяна о том, что та или иная реализация данной фонемы в разных диалектах не существенна для диалектологии: "разница в произношении между *syn* и *sin* несущественна для характеристики польских диалектов. На всей польской языковой территории мы имеем одну и ту же фонему [i]" (стр. 341). С этой точки зрения произношение *ɫ* в виде [ɣ] или [g], а также различные типы яканья, позволяющие классифицировать южнорусские диалекты, да и само яканье в целом, в противоположность, допустим, эканью и ёканью (если это касается фонемы ['o] после мягких согласных в предударном слове), - тоже "несущественны для характеристики русских диалектов"? Очевидно, С. К. Шаумян никогда не занимался всерьез диалектологией и никогда не принимал участия в работе над диалектологическими картами.

В отношении Н. С. Трубецкого в статье С. К. Шаумяна высказаны очень противоречивые суждения. С одной стороны, С. К. Шаумян пишет "Н. С. Трубецкой - фактический создатель фонологии, и в этом его огромная заслуга перед наукой о языке" (стр. 332).

Но, усвоив от Трубецкого (и К. Бюлера) неправильную методологически идею о разделении наук о звуковом строе языка на фонетику и фонологию, С. К. Шаумян в дальнейшем ("4. Критика эклектической концепции Н. С. Трубецкого"), игнорируя сложный и противоречивый путь развития идей этого крупного ученого, критикует его "сплеча", не взирая на очевидные обратные факты. Так, он пишет: "В своих работах Трубецкой выступает решительным защитником строгого разграничения между фонологией и фонетикой. Чем же тогда объяснить то, что на деле Трубецкой постоянно сбивался с функциональной точки зрения, смешивая функциональное тождество звуков с физическим и физическое членение речевого потока с функциональным?" (стр. 336, 337).

По поводу этого хочу привести только один пример из "Grundzüge der Phonologie" Трубецкого: "Dabei darf der phonologische Begriff der Lokalisierungsreihe mit dem phonetischen Begriff der Artikulationsstellung nicht verwechselt werden. lang=EN-US style='font-size:12.0pt;mso-ansi-language:EN-US;mso-fareast-language: RU'>Im Tschechischen z. B. besteht zwischen dem stimmhaften laryngalen *h* und dem stimmlosen gutturalen *x* ("ch") ein aufhebbares Oppositionsverhältnis von "stimmhaft - stimmlos" vollkommen analog ist, und andererseits steht *x* zu *k* in einem eindimensionalen proportionalen Verhältnis ($x : k = s : c = š : č$). Somit gehört *x* in Tschechischen nicht zu einer speziellen laryngalen Reihe, die in dieser Sprache gar nicht existiert, sondern zu gutturalen Reihe, für welche vom Standpunkte des tschechischen phonologischen Systems nur die Nichtbeteiligung der Lippen und der Zungenspitze relevant ist" (стр lang=EN-US style='font-size:12.0pt;mso-ansi-language:EN-US;mso-fareast-language:RU'>. 117).

Этот пример, обоснованный настоящим знанием чешской фонетической системы (куда включаются "фонетика" и "фонология"), показывает, как в этих случаях Н. С. Трубецкой, оказывается, был фонологом в желательном для С. К. Шаумяна смысле.

То же, что действительно требует критики в работах Н. С. Трубецкого, как, например, разделение науки о звуковом строе на фонетику и фонологию, безоговорочно принимается С. К. Шаумяном.

В связи с этим следует остановиться еще на одном вопросе - на теории С. К. Шаумяна о "смешанных фонемах". Излагая эту странную и противоречащую всем прежним рассуждениям автора о фонемах "теорию", С. К. Шаумян начинает с полемики с "одной ошибочной теорией", "которую отстаивают некоторые московские лингвисты. Мы имеем в виду теорию о двух разновидностях фонемы - вариациях и вариантах. Приверженцы этой теории не видят, что проблема нейтрализации подчинена общей проблеме функционального тождества" (стр. 339).

Приемы этой полемики удивляют: что это за анонимы? Почему "ошибочную теорию" надо излагать в таком неверном и обезображенном виде? Вариации и варианты не "разновидности фонем", а разные типы модификаций или варьирования фонем. Как раз точка зрения на варианты не как на особые фонемы (хотя бы и "смешанные"), а именно как на варианты тех или иных фонем и есть признание функционального тождества, только с "ослабленной смысловозначительной способностью [8].

Но главная суть дела заключается в том, что вводимое С. К. Шаумяном понятие "смешанных фонем" не только противоречит тому, что сам автор ранее писал в данной статье о фонемах, но и имеет все

тот же источник: Н. С. Трубецкого. В самой неудачной в теоретическом отношении работе "Das morphonologische System der russischen Sprache" [[9](#)] Трубецкой вводит особое обозначение прописными буквами P T K S Š F таких шумных, "звонкость или глухость которых зависит от окружающих условий и фонологически незначима" (стр. 14); например, Fp'ixnùT', Fz'aT' (sic!) (стр. 55); наверное, С. К. Шаумяну известно, что позднее Трубецкой отказался от этой теории "смешанных фонем" (например, в "Grundzüge der Phonologie", 1939, и в других работах). Зачем же повторять чужие, оставленные позже, ошибки, и к тому же опять с фигурой умолчания об источнике?

Пожалуй, наиболее интересное место в статье С. К. Шаумяна представляют рассуждения о том, что в известных условиях одинаковые звуки могут быть представителями разных фонем и разные звуки - "вариантами" одной фонемы. Это правильное положение подтверждается автором иллюстрацией из датского вокализма со ссылкой на работу А. Martinet (наконец-то!) и остроумной схемой трех гласных фонем с двумя вариациями каждой:

[i] ↔ [e]

[e] ↔ [æ]

[æ] ↔ [a]

на материале вымышленного языка [[10](#)].

Первый вопрос по этому поводу: почему эти два [e] и два [æ] представляют собой разные фонемы, а не одну "смешанную фонему"? И второй вопрос: можно ли только таким "алгебраическим" методом раскрыть один из сложнейших вопросов фонологии? Ведь в реальных языках действует не только одна "алгебра".

Упорное стремление С. К. Шаумяна к схематизму закрывает для него сложности, связанные с разрешением проблемы фонемы.

Так, он пишет: "Основные понятия фонологии есть абстракции, которые представляются диковинными с точки зрения так называемого "здорового смысла". Однако эти абстракции неопровержимы, потому что они подтверждаются фактами исследовательской практики" (стр. 325). Здесь С. К. Шаумян подменяет один объект другим: фонемы и их модификации в языке во всей сложности и реальности функционирования языка - "очищенными" исследовательской практикой абстракциями.

Но ведь суть фонологии как более высокой ступени фонетики заключается в том, что физические ее объекты в той или иной степени абстрактны, но лингвистически фонемы реальны и конкретны. Система фонем во всем богатстве ее функционирования создается не абстрагирующими приемами исследовательской практики, а народом, и народ пользуется различными "фонологическими средствами" в практике своего общения для различения смысла вышестоящих языковых единиц. А исследовательская практика лишь познает с большей или меньшей адекватностью эту объективную реальность.

Литература

1. "Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз.", т. XI, 1952, вып. 4.
2. См. об этом в моей статье "Проблема фонемы в американской лингвистике", Уч. зап. МГПИ, т. V, Кафедра русского языка, вып. 1, 1941, стр. 103, 121. Вот оказывается, где источник остроумного безымянного определения С. К. Шаумяна о переодевании старых понятий.
3. D. Jones. On phonemes, TCLP, IV, стр. 74.
4. D. Jones. Das System der APJ, Lautzeichen und ihre Anwendung in verschiedenen Sprachgebieten.
5. Другим, может быть, еще более прямым источником этих соображений у С. К. Шаумяна могли быть стр. 136-137 упомянутой выше моей статьи "Проблема фонемы в американской лингвистике", о чем С. К. Шаумян также упорно молчит.
6. TCLP, VII, 1939, стр. 14.
7. В этом смысле совершенно безразлично - называть ли этот раздел лингвистики "фонология" или по-старому "фонетика".

8. См. П. С. Кузнецов, К вопросу о фонематической системе современного французского языка, Уч. зап. МГПИ, 1941; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерки грамматики современного русского литературного языка, 1945; А. А. Реформатский, Введение в языковедение, 1947, и др., где эта "ошибочная теория" достаточно ясно изложена,

9. TCLP, 5, 1934.

10. Метод использования "вымышленного языка" также имеет своих предков. Я имею в виду опубликованную 27 лет назад статью Э. Сапира "Sound Patterns in Language", 1925.

ПРИНЦИПЫ ФОНЕМОЛОГИИ

Н.Ф. Яковлев

ПРИНЦИПЫ ФОНЕМОЛОГИИ

(Вопросы языкознания. - М., 1983, № 6. - С. 128-134)

Руководящим принципом систематики звуковых явлений служила для меня теория фонем, предложенная проф. И.А. Бодуэном де Куртенэ [[1](#)] и развитая проф. Л.В. Щербой [[2](#)], хотя я не согласен с необходимостью того психологического обоснования этой теории, какое предлагается в указанных работах.

Согласные

Фонемологические данные . Вполне соглашаясь с проф. Л.В. Щербой ("Русские гласные...", с. 19), что "при диалектологических исследованиях (и, добавим, вообще фонетических исследованиях любого, в особенности, - малоизвестного языка) едва ли не самым важным является не записывание разных тонких (фонетических) отличий (в конце концов, с усовершенствованием методов наблюдения - бесконечных), а констатирование того, какие отличия в данном языке важны, а какие не важны, с точки зрения смысла" (т.е. с точки зрения семантической), я должен, однако, хотя бы бегло наметить несколько иной путь теоретического решения проблемы фонем и "фонемологической" фонетики вообще, поскольку это необходимо для дальнейшего изложения.

Едва ли нужно доказывать, что та или иная фонема как "совершенно конкретное звуковое представление может быть в сознании отдельного говорящего так же неосознана (в особенности если она не имеет аналога в графике), как и любой из "звуковых оттенков" (вариантов фонемы); наоборот, многие из последних иногда так же легко попадают в поле сознания говорящего, как и фонемы, стоит ему только специально направить внимание и, так сказать, передвинуть порог фонетического различения. Таким образом, индивидуальное сознание говорящего едва ли может служить особенно надежным базисом фонетических изысканий, да фактически не оно и является этим базисом в работах последователей теории фонем. Таким базисом является место и роль отдельных звуковых моментов в системе "смысловых", т.е. морфологических и лексических элементов языка, а собственно психофонетические наблюдения в области различения отдельных звуковых моментов доставляют сюда лишь вспомогательный материал. Но если "элементы звуковых представлений получают известную самостоятельность благодаря смысловым ассоциациям, как *л* в словах *пил, бил, выл, дала*, ассоциированное с представлением прошедшего времени, *а* в словах *корова, вода*, ассоциированные с представлением субъекта" и т.д. ("Русские гласные...", с. 6), если "мы воспринимаем как тождественное все, ... ассоциированное с одним и тем же смысловым представлением (как *е* и *е* в *дети/детки*) и различаем все, способное... ассоциироваться с новым значением, как *т'* и *т* в *одеть/одет... тук/тюк*" и т.д., "...если всякому туземцу известные звуковые отличия ясны именно потому, что они ассоциируются в его языке с морфологическими и смысловыми представлениями", то не следует ли и самую фонему, как она существует в индивидуальном сознании говорящего и осуществляется в фактах его говорения, признать целиком обусловленной определенным соотношением звуковых и семантических элементов в лексике и морфологии данного языка как статической системы. Это позволило бы "фонемологии", продолжая пользоваться психофонетическими наблюдениями как вспомогательным, по

существованию внелингвистическим методом, перенести теоретическую базу на почву собственно лингвистики, а в данном случае статической [3].

Исходя из такой постановки проблемы в целом, мы можем наметить следующее решение вопроса о том, каким объективным оттенкам соответствуют фонемы. Так как определенным фонетическим положением для данного "звукового оттенка", строго говоря, будет всякое положение его, как в контексте, так и вне контекста, в том числе и нарочито отчетливое (в моей терминологии - эмфатическое), и "протянутое его произношение", то звуковой оттенок, осуществляемый в последнем, лучше принципиально не считать находящимся "в наименьшей зависимости от окружающих условий". Ряд звуковых оттенков (т. наз. комбинаторных и факультативных вариантов), выделенный в данном языке, как целое - "фонема", - и противопоставленный всем другим наличным здесь рядам - фонемам, представляет исследователю известную свободу выбора отдельного оттенка как условного символа единства всего ряда подобно тому, как выбор формы того или иного падежа как символа единства всех форм словоизменения одной лексемы есть до известной степени дело условное. Однако, если попытаться найти в объективной фонологической системе языка объяснение такому действительно существующему явлению, как выбор большинством говорящих на данном языке одних и тех же звуковых оттенков в качестве символов фонемных рядов, то, кроме указанного - статистически преобладающего в эмпирических фактах говорения и обусловленного внеконтекстовым нарочито-отчетливым произношением оттенка, следует принять во внимание оттенок 1), сочетающийся с представителями преобладающего числа других фонем данного языка, т.е. обусловленный наиболее распространенным в последнем фонетическом положении, и 2) что особенно важно, наблюдаемый в положении наибольшего различия фонемных рядов в данном языке. Таким для согласных в русском языке, напр., является междугласное положение в середине слова перед велярными гласными, где различаются ряды глухих, звонких, веляризованных ("твердых") и палатализованных согласных фонем, тогда как аналогичное положение в исходе слова характеризуется совпадением звонких фонемных рядов с глухими [4].

Самый выбор внеконтекстового варианта в качестве конкретной фонемы предопределяет артикуляционно-акустическое содержание последней в такой же точно степени, как определенное положение в контексте обуславливает артикуляционно-акустическое содержание любого комбинаторного варианта [5], и вряд ли можно доказать, что в первом случае (во внеконтекстовом произношении) психофонетически (т.е. субъективно, в сознании говорящего) налично то же самое "фонемосодержание", как и объективно воспринимаемое исследователем, если принять во внимание автоматизацию процесса произнесения звуков речи как необходимое условие их привычного воспроизведения. Поэтому следует особо подчеркнуть важность выяснения комбинаторных вариантов в указанных двух фонетических положениях в контексте при установлении фонемологической системы любого языка.

Противопоставление фонемологических элементов как "значимых" - "незначимым" [6] может дать повод к крупному недоразумению.

В языке нет и не может быть элементов, не выделенных в известном определенном отношении к его семантической стороне или, лучше сказать, - к характерной для данного языка системе семасиологизации, и в этом смысле всякое языковое явление, как предмет лингвистики, конечно, "значимо". Однако отношение звуковой стороны к семантической может быть двояким: внеконтекстовые единства звуковых признаков, выделенные в отношении к системе "индивидуальных" значимостей [11.0pt; '> 7] в языке и будут лингвистическим соответствием психофонетической "фонемы", иначе "значимых", "фонологических", "грамматических" и проч. элементов. В этих внеконтекстовых единствах объединены кратчайшие для данного языка моменты звукового контекста, имеющие лингвистическое значение. С другой стороны, звуковые явления, выделенные в отношении к общим условиям значимости звукового контекста в языке (в том числе - к принципам выделения в контексте словесных единств), соответствуют комбинаторным явлениям психофонетической теории, иначе, элементам "незначимым", "внеграмматическим" и проч., и захватывают всегда два или несколько кратчайших моментов звукового контекста. Элементы первого рода можно было бы назвать дифференциальными, а второго - интегральными моментами фонетической системы языка. Здесь не место подробнее останавливаться на

этом чисто теоретическом вопросе лингвистической фонетики, которому я думаю посвятить специальную работу; можно только подчеркнуть, что семасиологическое значение интегральных элементов в языке столь же велико, как и дифференциальных [8].

Первые являются принципами или формами всякого контекстирования звуков в данном языке, и малейшее уклонение от них в эмпирике говорения сейчас же регистрируется сознанием говорящего, как акцентная или невнятная речь.

Типичными для кабардинского языка комбинаторными ("фонетическими") положениями в отношении согласных фонем являются следующие:

1) В отношении артикуляционного участия губ: а) активно-лабиализованное - в положении перед лабиальными долгими (и некроткими) гласными (фонемы *o*, *u* и сочетания фонем *ou*, *uu*); б) лабиализованно-различительное - во всяком другом положении. Из этих двух взаимно противопоставленных форм контактирования звуков в первой могут не различаться фонемные ряды [9] [заднеязычных лабиализованных от простых]. В отношении дополнительной артикуляции губ все согласные фонемы в этом положении представлены округло-лабиализованными вариантами. В положении б) соответствующие фонемы сохраняют различие пассивной (т. наз. "отсутствие лабиализации") и активной лабиализации (последней в двух ее типах - округлом и продолговатом).

2) В отношении повышающего <-> понижающего резонанса полости рта: а) палатализационное положение перед долгими (и некроткими) палатальными гласными (фонемы *e*, *i*, сочетания фонем *ej*, *ij*); б) различительное в отношении повышающего <-> понижающего резонанса во всяком ином положении. Так как явление палатализации не использовано в кабардинском в качестве признака фонеморазличения (см. ниже), то в палатализационном положении мы не имеем полного совпадения каких-либо фонемных рядов, но в отношении комбинаторного повышения дополнительного резонанса полости рта постоянно палатализованные фонемы... совпадают здесь со всеми остальными фонемными рядами, за исключением лабиализованных..., сохраняющих и в этом положении присущий им резонанс. В положении б) различаются друг от друга палатализованность, промежуточный резонанс и веляризованность как присущие вариантам определенных оттенков фонемных рядов звуковые оттенки (в большей или меньшей степени веляризованы фонемы [заднеязычные]).

3) В отношении распределения слогового максимума экспирации: "усиливающее" положение - перед и после краткой гласной фонемы *e* и (факультативно?) перед *a* долгим (и некротким, а также перед другими долгими гласными?) одного слога; в отношении мгновенных согласных фонем - также перед и после редуцированной гласной фонемы одного слога.; б) "слогообразующее" положение в отношении длительных и аффрикат перед краткой редуцированной гласной одного слога; в) "неслогообразующее" - неусиливающее положение, характеризуемое совпадением максимума слоговой экспирации с артикулированием гласного. Соотношение между указанными фонетическими положениями в кабардинском не вполне еще ясно. Сюда же, по-видимому, примыкает явление чередования экспираторных и инспираторных вариантов надгортанных фонем. В общем, мы имеем здесь, по крайней мере, в отношении слогообразующего положения, не столько варианты отдельных рядов, сколько варианты слогов, т.е. определенных форм фонемосочетаний. К этому вопросу придется еще вернуться в связи с проблемой фонемы и слога в кабардинском языке. Пока отметим, что именно усиленные (в отношении надгортанных - экспираторные) варианты согласных фонемных рядов могли бы быть приняты за символы фонемных единств в согласии с фактами эмфатического и внеконтекстового произношения; в таком случае термин "слабые" (*lenes*) в отношении к "звонким" не потерял бы своего значения в качестве **относительного** определения экспираторной силы соответствующих категорий звуков.

Таким образом, положением наибольшего различения в кабардинском следует признать положение их перед краткими гласными (фонемы *i*, редуцированная) и долгим (и некротким) *a* одного слога, а также в исходе слова (или слога) после указанных гласных.

За символы фонемных рядов в издаваемых таблицах приняты представители этих рядов (комбинаторные варианты), обусловленные нарочито отчетливым (эмфатическим) произношением в

положении наибольшего различия и вне контекста (в обоих положениях звуковые оттенки в пределах одного фонемного единства в большинстве случаев тождественны). Из факультативных вариантов, свойственных данному положению, в таблице указаны акустически и артикуляционно наиболее дифференцированные в отношении друг к другу (помечены одинаковой арабской цифрой справа). В одном случае, однако - выделение глухих *lepes* - я несколько отступил от этого правила (см. ниже).

Рассмотрим средства фонемологической модификации основных звукообразующих артикуляций кабардинского языка. Из обозначенных в таблице основных типов звукообразующих работ следует отметить *ч*, *к* как особенно яркие примеры основных артикуляций, фонемологически в языке действительно неразличимых. В качестве особенно разительного (сравнительно с русской фонетической системой) примера такого неразличия следует привести факультативность чередования в речи мгновенных типа средне-твердонебного *к* и шипящих аффрикат типа *ч* [[10](#)], часто имеющего, по видимому, диалектическое значение [[11](#)]. Примеры такого рода неразличия основных звукообразующих работ в языке, в общем чрезвычайно богатом тонкими различиями в области согласных, лишней раз убеждают в относительности в каждом отдельном языке порога фонеморазличения и используемых для этого различия средств.

Из дополнительных (присоединяемых к основной артикуляции) средств фонемологической модификации в кабардинском следует отметить противопоставление 1) по источнику экспирации (подгортанность <-> надгортанность); 2) по дополнительной артикуляции гортани (глухость <-> звонкость); 3) по дополнительной артикуляции губ (активная округловыступающая лабиализация <-> пассивная лабиализация). С помощью этих трех дополнительных признаков взаимно противопоставлены друг другу фонемные ряды, совершенно тождественные по своей артикуляции.

Использование источника экспирации как признака фонеморазличения выделяет из основных типов звукообразования группу мгновенных (не гортанных) баз, аффрикат и некоторых неглубоколежащих спирантов (*sw, p, t, k, q, c, ch*).

<...> Наряду с модификацией при помощи дополнительных артикуляций мы наблюдаем как факт, свойственный фонемологическим системам не только яфетических языков, существование групп фонем, дифференцированных по типу основной артикуляции <...>. Фонемологически мы вправе были бы считать эти звуки дифференциально лежащими вне категории звонких и глухих, другими словами, артикуляционно звонкими с фонемологически невыявленной звонкостью <-> глухостью <...>.

<...> Кроме отмеченных нами двух дополнительных признаков фонеморазличения, в кабардинском налична еще лабиализация округло-билабиального типа. Она выделена в качестве фонемологически модифицирующего признака небольшой группой задне-мягконебных фонем (до 8 фонем, два типа звукообразования). В остальных случаях артикуляционно наличная лабиализация фонемологически выделена лишь противопоставлением звуковых контекстов, т.е. в интегральном отношении. В частности, в задне-твердонебной базе лабиализованные мгновенные противопоставлены среднетвердонебным не столько по признаку лабиализации, сколько палатализованностью и иной локализацией основного звукообразования, если не считать фонемологического объединения этого ряда с соответственными шипящими аффрикатами, что само по себе также могло бы служить признаком фонеморазличения.

Таким образом, дифференциально мы имеем в кабардинском языке следующую систему выделения отдельных фонем: 1) группа, модифицированная лишь по признаку противопоставления основных артикуляций <...>; 2) группа фонем, модифицированных противопоставлением звонкости <-> глухости <...>; 3) <...> по признаку активно (округло)билабиальной лабиализованности <-> пассивной лабиализованности (пары соотносительных фонем) <...>; 4) <...> по признаку звонкости <-> глухости и надгортанности <-> подгортанности (тройки соотносительных фонем) <...>; 5) <...> по признакам надгортанности <-> подгортанности и активной лабиализованности <-> пассивной лабиализованности (четверки соотносительных фонем) <...>.

В интегральном отношении, т.е. в отношении к образованию характерных для кабардинского языка форм звукового контекста, кабардинские согласные фонемы можно подразделить на следующие группы: 1) в отношении повышающего <-> понижающего резонанса полости рта <...>; 2) в отношении активной <-> пассивной артикуляции гортани <...>.

<...> Приведенные группы кабардинских согласных фонем интегрально характеризуют сочетающиеся с ними краткие и долгие гласные.

Гласные

Артикуляционно-акустические данные . Гласные кабардинского языка с точки зрения абсолютной артикуляционно-акустической классификации изучены еще далеко не удовлетворительно. Отчасти причиной этому служит неудовлетворительность существующих классификационных систем гласных звуков, заставляющих видных фонетиков (как проф. Л.В. Щербу) до сих пор искать нового решения этой проблемы. Поэтому моей задачей было, используя схему существующей классификации Bell'a - Sweet'a, попытаться произвести предварительное распределение кабардинских гласных по этой схеме. Главной же задачей было - выделить и в области гласных фонемные единства (см. ниже "Фонемологические данные"), откладывая на будущее время более точный артикуляционно-акустический их анализ <...>.

<...> **Фонемологические данные**. Основным фонемологическим вопросом, который мы должны решить в отношении гласных кабардинского языка, является проблема кратких гласных фонем. Артикуляционно мы имеем две группы кратких гласных: 1) верхнего и 2) среднего подъема, представленных довольно многочисленными звукообразованиями по признаку ряда и лабиализации в каждом. Наличные внутри таких групп оттенки мы прямо можем определить как комбинаторные варианты, появляющиеся в результате регрессивного влияния согласных <...> или в зависимости от положения в речевом контексте <-> в исходе слов в паузе <...>. Есть следующие основания считать каждую из описанных групп единой краткой гласной фонемой, а все многочисленные звукообразования, артикуляционно дифференцированные в отношении ряда и лабиализованности внутри каждой группы, элементами интегрально (комбинаторно) обусловленными. Во-первых, каждая из подгрупп <...> встречается в сочетании лишь с определенной интегральной (в отношении локализации подъема языка, понижающего <-> повышающего резонанса и лабиализованности) категорией согласных. Так, лабиализованные подгруппы <...> - лишь после округлолабиализованных согласных, нелабиализованные <...> - после пассивно или продолговатолабиализованных согласных фонем; наиболее передние в отношении ряда оттенки <...> - только после постоянно-палатализованных <...>. Во-вторых, после любой согласной фонемы в кабардинском языке, в связи с дифференциацией значения всего сочетания, могут быть выделены только два кратких оттенка, взаимно противоположных по признаку подъема (т.е. один из групп верхнего, а другой из групп нижнего подъема), причем оба они при одинаковом регрессивном влиянии тождественны, как в отношении ряда и повышающего <-> понижающего резонанса, так и в отношении активной <-> пассивной лабиализованности. В-третьих, сочетание любой согласной + соответствующий гласный звуковой оттенок верхнего подъема в морфологически (реже синтаксически) обусловленном положении в исходе слова подменяется вариантом соответствующей согласной фонемы без последующего гласного, т.е. такой исходный согласный в данном случае является комбинаторным вариантом слога <...>.

<...> Таким образом, в небольшом числе случаев дифференциация кратких гласных оттенков по их подъему стоит в определенном отношении к дифференциации отдельных значений. Для нас важно, однако, не количество привлекаемых случаев, но осуществление в фонетической системе языка определенного принципа выделения звуков. Если в пользу признания обеих указанных групп кратких гласных двумя едиными, противопоставленными друг другу краткими гласными фонемами можно привести лишь небольшое сравнительно количество примеров, то, с другой стороны, определенно отсутствуют какие-либо противопоставления на этот счет. В кабардинской лексике и морфологии нет решительно ни одного случая, чтобы различие в ряде, дополнительном резонансе или лабиализованности кратких гласных было выделено в отношении к системе индивидуальной семасиологии. Таким образом, остается только признать каждую из рассматриваемых нами групп единой фонемой <...>.

<...> Таким образом, в области гласных в кабардинском языке мы можем признать достоверно установленным лишь две краткие гласные фонемы (редуцированную) и *e*, результатами слияния которых, при участии гортанного спиранта типа ' (предположительно) генетически можно объяснить все остальные слоговые гласные элементы в языке. Далее, если принять во внимание, что краткий редуцированный гласный факультативно является неслоговым и носителем слоговости в этих случаях бывает согласный одного с ним слога, а в исходном положении этот гласный систематически отпадает, то следует поставить вопрос, не имеем ли мы в кабардинском, по крайней мере, в известный период его развития, пример с одной гласной фонемой.

Примечания 1. J. Baudouin de Courtenay. Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik. Strassburg (Krakau), 1895.

2. Л . В . Щерба . Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб ., 1912.

3. Следуя терминологии F. de Saussure'a - Cours de linguistique generale, Lausanne, 1916 - " синхронической ;".

4. Один из многочисленных способов "объективного" выделения границ слова в русском языке, почему-то отрицаемого Р. Якобсоном: ("О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским", Берлин, 1923, стр. 29), где, меж. пр., в приводимом им же примере: *Уторапливает шаг* исход первого слова совершенно отчетливо выражен редукцией гласного последнего слога, который при всяком ином слогоразделе, в предупредном положении, количественно и качественно резко отличался бы от данного.

5. Так, в кабардинском (и в ряде других яфетических языков - грузинском, ингушском) во внетекстовом и эмфатическом произношении надгортанные мгновенные типа *k* звучат, как настоящие аффрикаты со своеобразным элементом фрикации, тогда как в речевом контексте этот элемент безусловно и целиком отсутствует.

6. Иначе "фонологических", внутренне обусловленных, грамматических - внешне обусловленным, внеграмматическим, ср. Р. Якобсон (см. выше).

7. Под индивидуально семасиологизованными элементами в данном случае понимаются звуковые комплексы, связанные с отдельным реальным или формальным значением: лексемы, морфемы, лексические морфемы (минимум представления слова по Поливанову) и проч.

8. Следует также отметить, что определенные дифференциальные элементы одновременно могут быть совершенно иначе выделены в интегральной системе языка, как и наоборот. Например, фонема *v* в дифференциальной системе русского языка отнесена в группу спирантов (парная модификация основной артикуляции по признаку звонкости <-> глухости: *v* <-> *φ*, *з* <-> *с*, *ж* <-> *ш*), в то время как интегрально она находится в группе сонорных (различение звонких и глухих фонем в положении перед *v*, так же как перед *м*, *н*, *р*), т.е. звуков, дифференциально лежащих собственно вне фонемологической категории звонкости <-> глухости.

9. Ряды [лабиализованных согласных] различаются и в этом положении от вариантов [лабиопалатализованных] сохранением места основной артикуляции этих звуков и присущей им известной степени палатализации.

10. Психофонетическим результатом этого является тот факт, что многие из исследованных мною субъектов действительно не различали описываемых оттенков и, произнося в речи постоянно (независимо от положения) шипящие аффрикаты, утверждали, что они произносят соответствующие мгновенные.

11. В говоре Шидокаева я постоянно наблюдал только мгновенные типа *k*.

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКАХ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

М.И. Стеблин-Каменский

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКАХ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

(Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. - Л., 1974. - С. 3-19)

1. Так называемые грамматические значения очень разнообразны. Разнообразны они прежде всего по своему содержанию. Значение падежа, например, - одно из наиболее распространенных грамматических значений - имеет своим содержанием то или иное отношение между словами или, точнее, между тем, что обозначает слово, стоящее в данном падеже, и тем, что обозначает другое слово. Другие грамматические значения имеют своим содержанием совсем другие отношения. Залог, например, выражает определенные отношения действия к действительности. Грамматическое значение, которое называется "определенностью" и "неопределенностью" существительного, имеет своим содержанием известное отношение между значением слова и действительностью. Еще более сложное отношение, очень условно определяемое как "предметность в грамматическом смысле слова" и т.п., является содержанием значения существительного как части речи.

Сомнительно, впрочем, можно ли в последнем случае говорить об отношении в собственном смысле, т.е. о связи между двумя величинами. По-видимому, грамматическое значение вовсе не обязательно имеет своим содержанием то или иное отношение в собственном смысле. Так, глагольный вид выражает, очевидно, не отношение или связь между двумя величинами, а некоторый, присущий действию признак (мгновенность, законченность и т.п.). Точно так же и число существительного выражает, в сущности, не отношение, а некоторый присущий предметам признак (множественность и т.д.).

Не менее разнообразно и выражение грамматических значений, т.е. их формальный показатель или формальный признак или внешний показатель [1]. Таким выразителем может быть, очевидно, форма самого слова, как в случае падежа, т.е. внешняя или внутренняя флексия, а также словесное ударение, силовое или музыкальное.

Внешним выразителем грамматического значения могут быть и синтаксические свойства слова или его связь с определенными грамматическими категориями. Так, в английском языке нередко единственным выразителем значения части речи являются синтаксические связи слова. Сравним, например, такой звуковой комплекс, как round, который в зависимости от синтаксических связей оказывается прилагательным (the round world), существительным (this earthly round), наречием (all the year round), предлогом (he went round the corner) или глаголом (to round the angles). В таких случаях и порядок слов может быть внешним выразителем грамматического значения, поскольку благодаря тому или иному порядку слов слово осознается как та или иная часть речи.

В так называемых сложных глагольных формах, например в английском перфекте, внешним выразителем грамматического значения является, по-видимому, сама форма словосочетания (но, конечно, не какие-либо отдельные элементы этого словосочетания).

Наконец, в случае грамматического значения "определенности" и "неопределенности" внешним выразителем является, очевидно, отдельное слово, т.е. артикль. В некоторых языках, впрочем, артикль может выступать то как отдельное слово, то как флексия, сохраняя при этом совершенно то же самое значение. Так, в норвежском языке окончание -et в слове akademiet 'академия' придает этому слову совершенно то же самое значение "определенности", что и слово det в словосочетании det norske akademi 'норвежская академия'. Таким образом, в данном случае отдельное слово (т.е. служебное слово или частица) оказывается внешним выразителем грамматического значения, которое в других случаях выражается флексией.

Типологическая классификация одних только упомянутых грамматических значений (а их можно было бы упомянуть гораздо больше) потребовала бы большого и сложного исследования. Но такая классификация не является задачей настоящей работы. Прежде чем заниматься такой классификацией,

представляется целесообразным поставить вопрос: каковы общие и существенные признаки грамматического значения вообще: Или иначе: каковы признаки, присущие содержанию, выражению или другим сторонам любого грамматического значения и отличающие его от любого лексического значения? Хотя этот вопрос неизбежно встает перед каждым исследователем грамматического строя того или иного языка, он до сих пор остается, в сущности, нерешенным.

В самом деле, в целом ряде конкретных случаев в нашей науке нет единого мнения относительно того, является ли данное значение грамматическим или лексическим. Наиболее характерный пример такого спорного значения - это значение предлога. Одни считают, что предлог (если он предлог в собственном смысле слова) всегда имеет только грамматическое значение, какие бы отношения он ни выражал; другие считают, что, напротив, предлог всегда имеет лексическое значение; третьи считают, что предлог имеет лексическое значение, когда он выражает пространственные отношения, и грамматическое значение, когда он выражает другие отношения; четвертые считают, что "общее" значение предлога - грамматическое, тогда как его частные значения лексические, и т.д. Вопрос о том, является ли значение того или иного слова грамматическим или лексическим, или о том, в какой степени оно грамматикализовано, встает и в отношении многих других слов: слов, входящих в состав видовых, модальных или залоговых оборотов, описательных степеней сравнения и т.д.

Совершенно неразработанными остаются сами критерии грамматикализации. Что является критерием грамматикализации, например, в так называемых сложных глагольных формах, т.е. грамматических формах, состоящих из более или менее грамматикализованного глагола в личной форме и именной формы другого глагола? Унификация глагола в личной форме, т.е. устранение колебания между двумя или большим числом глаголов? Устранение согласования в именной форме? Закрепление за данным словосочетанием определенного словорасположения? Возможность образования аналогичного сочетания с именной формой любого глагола? Или превращение лексического значения в грамматическое? Если решающим является именно это последнее (а, по-видимому, это так, поскольку любой из приведенных выше внешних признаков может отсутствовать), то в чем же оно заключается? Другими словами, в чем заключаются общие и существенные признаки грамматического значения?

Очевидно, что только если бы мы могли удовлетворительно определить существенные признаки, отличающие грамматическое значение от лексического, стало бы действительно возможным последовательное разграничение грамматики и лексики.

В том-то и дело, однако, что определить эти признаки далеко не так просто, как это может показаться с первого взгляда. В сущности, для того, чтобы дать исчерпывающее теоретическое разграничение грамматического и лексического значений, нужно было бы полностью раскрыть содержание той "длительной абстрагирующей работы человеческого мышления", тех "громких успехов мышления", результатом которых и явилась противопоставленность грамматических и лексических значений.

Само собой разумеется, что такая огромная задача не ставится в настоящей работе. Ее содержание ограничивается несколькими соображениями о специфике грамматического значения в отношении его выражения, его содержания, характера его сочетания с лексическим значением, его отношения к мышлению и его отношения к действительности в процессе речи.

2. Определяя грамматическое значение, нередко исходят из того предположения, что основное различие между грамматическим и лексическим значениями лежит в способе их выражения и что, следовательно, можно удовлетворительно определить грамматическое значение по способу его выражения.

Совершенно бесспорной предпосылкой этого предположения является то, что грамматическое значение всегда имеет то или иное языковое выражение, т.е. формальный показатель; другими словами, что грамматическое значение и его внешнее выражение всегда образуют неразрывное единство. Из этой предпосылки следует, казалось бы, что проще всего определить грамматическое значение через его формальный признак, т.е. определить его как значение, которое выражается такими-то языковыми средствами. Лексическое значение можно было бы тогда определить как значение, выражаемое отдельным словом или словосочетанием, а грамматическое значение - как значение, выражаемое любыми другими

средствами. Эти другие средства, очевидно, - внешняя и внутренняя флексия, силовое и музыкальное ударение, порядок слов и т.д.

Беда, однако, заключается в том, что среди средств, выражающих грамматическое значение, надо упомянуть и слова, которые не имеют другого значения, кроме грамматического, хотя и обладают такой же отделимостью, какой обладают и слова с лексическим значением [2]. Такие слова - это, как уже было сказано, например, артикли.

Но то обстоятельство, что отдельное слово может быть внешним выразителем грамматического значения, делает невозможным определение грамматического значения через его внешний выразитель. Раз один и тот же элемент языка - отдельное слово - может быть внешним выразителем как лексического, так и грамматического значений, очевидно, что нельзя определить различие между этими значениями через различие в их внешних выразителях. Таким образом, хотя бесспорно, что имеется известное различие во внешних выразителях грамматического и лексического значений (для лексического значения это *только* отдельное слово или словосочетание, для грамматического значения - *разные* средства, в частности и отдельное слово), для решения спорных случаев, т.е. для решения того, является ли значение данного слова грамматическим или лексическим, это различие ничего не дает.

Отсюда следует также и невозможность исчерпывающе определить, что такое грамматическое значение, если, конечно, не удовлетвориться определением вроде: "грамматический показатель есть то, посредством чего выражается грамматическое значение, а это значение есть то, что выражается посредством грамматического показателя", т.е. определением, в котором, как в порочном круге, две неизвестных определяются взаимно друг через друга.

3. Определяя грамматическое значение, нередко исходят из того предположения, что основное различие между грамматическим и лексическим значениями лежит в самом их содержании, т.е. в заключенных в них понятиях, и что, следовательно, можно удовлетворительно определить грамматическое значение через его содержание.

Казалось бы, действительно, можно сказать, что лексическое значение является "вещественным" или "конкретным" по содержанию, а грамматическое значение - "общим" или "обобщенным" по содержанию или, иначе, что лексическое значение обобщает конкретные предметы, тогда как грамматическое значение обобщает отношения между конкретными предметами, и т.п. В этом ходячем противопоставлении есть, конечно, некоторое зерно истины. Грамматическое значение действительно не может быть любым по своему содержанию. Оно всегда отражает нечто уже само по себе отвлеченное, как то или иное отношение, например, пространственное, временное, причинное и т.п. отношения. Правда, оно не обязательно отражает отношение в собственном смысле, как уже было сказано выше. Но во всяком случае оно не может отражать каких-либо конкретных предметов или конкретных явлений, таких, как, например, "книга", "стол", "земля", "огонь" и т.п., т.е. оно не может быть "вещественным" или "предметным" по своему содержанию.

Но дело в том, что, хотя это ходячее противопоставление и содержит некоторое зерно истины, оно содержит и ошибки, обусловленные неточным употреблением терминов. В каком смысле грамматическое значение может быть названо "общим" по отношению к лексическому значению? "Общим" или "обобщающим" по отношению к действительности является вообще всякое значение, в том числе и лексическое. "Всякое слово" (речь) уже *обобщает* ... Чувства показывают реальность; мысль и слово - общее" [3]. "В языке есть только общее" [4]. В той мере, в какой значение имеет своим содержанием понятие, оно всегда - обобщение действительности, каким бы "вещественным" оно ни было.

С другой стороны, в каком смысле лексическое значение может быть названо "вещественным" или "предметным" по отношению к грамматическому значению? Очевидно не по своему содержанию, а в каком-то ином смысле (о котором будет речь ниже), потому что лексическое значение, в противоположность грамматическому, может быть, конечно, любым по своему содержанию. Оно может иметь своим содержанием далеко не только такие конкретные или предметные понятия, как "дом", "стол", "земля" и т.д. Оно может иметь своим содержанием какие угодно общие и какие угодно отвлеченные

понятия. Достаточно указать на лексическое значение, например, таких слов любого языка, как "отношение", "категория", "причина", "форма", "возможность", "долженствование", "величина", "логарифм" и т.д. Любое понятие, каким бы общим или отвлеченным оно ни было, может быть содержанием лексического значения. Не существует таких понятий, которые не могли бы быть содержанием лексического значения или их сочетания. Напротив, "вещественные" или "предметные" понятия в собственном смысле, т.е. такие понятия, как "книга", "стол", "земля" и т.д., образуют содержание только небольшой группы лексических значений.

Очевидно, поэтому, что когда называют грамматические значения "общими" или "обобщенными", "отвлеченными" или "абстрактными", то вовсе не выражают сущности отличия грамматических значений от лексических, но, напротив, затемняют их.

В целом ряде случаев лексическое значение - даже *более общее* по своему содержанию, чем грамматическое значение. Так, лексическое значение слова "отношение" - более общее по своему содержанию, чем значение любого падежа (ведь всякий падеж выражает лишь какое-то определенное отношение, а не отношение вообще), лексическое значение слова "время" - более общее по своему содержанию, чем значение любого глагольного времени, и т.д. [5].

Возможны и такие случаи, когда лексическое и грамматическое значения имеют то же самое содержание. Так, лексическое значение слов "несколько раз", "неоднократно" имеет своим содержанием то же понятие, что и грамматическое значение многократного вида (сравни "говорил неоднократно" и "говаривал"), лексическое значение слова "множественность" имеет своим содержанием то же понятие, что и грамматическое значение множественного числа (хотя здесь подстановка одного вместо другого, конечно, невозможна), лексическое значение слова "субстантивность" имеет своим содержанием то же понятие, что и грамматическое значение существительного как части речи (хотя и здесь подстановка, конечно, невозможна), и т.д.

Те, кто отрицают, что одно и то же понятие может быть содержанием как лексического, так и грамматического значений, в сущности молчаливо признают за понятием (т.е. категорией логики) какую-то языковую специфику: выходит, что понятие, заключенное в грамматическом значении, само по себе грамматично, а понятие, заключенное в лексическом значении, само по себе лексично, т.е. выходит, что существуют "грамматические понятия" и "лексические понятия".

Таким образом, во внешнем выражении и содержании лексического и грамматического значений обнаруживается обратное соотношение: лексическое значение ограничено в своем выражении, оно выражается только отдельным словом или словами, в частности оно может быть и как угодно отвлеченным; напротив, грамматическое значение ограничено в своем содержании, оно может быть только отвлеченным, но оно не ограничено в своем выражении, оно может выражаться и отдельным словом. Но тем самым очевидно, что хотя имеется известное различие как в выражении, так и в содержании грамматического и лексического значений, это различие ничего не дает для решения спорных случаев, т.е. для решения того, является ли значение данного отвлеченного слова (например, слова, выражающего какие-либо отношения) лексическим или грамматическим, поскольку отвлеченными по своему содержанию могут быть как грамматическое, так и лексическое значения, и как грамматическое, так и лексическое значения могут выражаться отдельным словом.

Отсюда следует, что нельзя удовлетворительно определить специфику грамматического значения, если ограничиться рассмотрением его внешнего выражения и его содержания. Необходимо рассматривать грамматическое значение во всех его реальных связях, т.е. *необходимо учитывать его функцию в процессе речи*. В свою очередь функция грамматического значения в процессе речи может быть рассматриваема с различных точек зрения: во-первых, с точки зрения характера сочетания грамматического значения с лексическим; во-вторых, с точки зрения отношения грамматического значения к нашему мышлению; в-третьих, с точки зрения отношения грамматического значения к реальной действительности, которую оно отражает.

4. Самый элементарный случай сочетания грамматического и лексического значений имеет место во всяком знаменательном слове. Во всяком знаменательном слове лексическому значению всегда сопутствуют те или иные грамматические значения (значение части речи, значение числа, значение падежа и т.п.). Именно такое сочетание лексического значения с сопутствующими ему грамматическими значениями и образует тот минимальный самостоятельный элемент языка, которым и является всякое знаменательное слово. В таком сочетании специфичным только для данного знаменательного слова, т.е. частным, всегда оказывается только лексическое значение, тогда как всякое сопутствующее ему грамматическое значение (например, значение существительного как части речи, значение именительного падежа, значение единственного числа и т.д.) всегда оказывается общим для неопределенно большого количества слов (неопределенно большого количества слов, но, конечно, не всех слов, так как никакое грамматическое значение не может быть общим для всех слов и даже не обязательно оно будет общим для всех слов, принадлежащих к одной части речи).

Таким образом, сочетание лексического значения с сопутствующим ему грамматическим значением в пределах знаменательного слова есть подведение лексического значения под какой-то общий разряд, отнесение его к какой-то общей категории. Именно в этом смысле грамматическое значение относится к лексическому, как общее к частному, т.е. не по своему содержанию, взятому самому по себе, а по своей функции в процессе речи, по характеру отношения к лексическому значению, которому оно сопутствует в знаменательном слове.

Однако и этот критерий ничего не дает для решения спорных случаев, т.е. для решения того, является ли значение данного слова грамматическим или лексическим. Трудность в данном случае заключается в том, что лексическое значение может сочетаться не только с грамматическими значениями, но и с другими лексическими значениями. В самом деле, если взять не одно знаменательное слово, а сочетание знаменательных слов, то окажется, что и лексическое значение может быть общим для неопределенно большого количества таких сочетаний. Так, например, в сочетании прилагательного с существительным как прилагательные, так и существительные могут быть общими для неопределенно большого количества таких сочетаний ("большой стол", "большой вопрос", "большое дело", "большая книга" и т.д. или, с другой стороны, "большой стол", "длинный стол", "грязный стол", "зеленый стол" и т.д.). Следовательно, слово, входящее в неопределенно большое количество сочетаний с другими словами, не обязательно будет словом, имеющим не лексическое, а грамматическое значение.

5. По-видимому, наиболее существенным для различия между грамматическим и лексическим значениями является то, что они играют неодинаковую роль по отношению к нашему мышлению в процессе речи. На то, что основной признак грамматического значения - определенное отношение к нашему мышлению, указывали очень многие грамматисты, правда, обычно мельком. Лексические значения образуют основной материал нашей мысли, и только в этом смысле они "вещественны" или "предметны", т.е. не в буквальном, а в специфическом, фигуральном смысле. Грамматические же значения придают нашей мысли оформленность. Не без основания поэтому первые называются некоторыми грамматистами также "основными", "самозначащими", а вторые - "сопутствующими", "сознающими" или "формальными".

Таким образом, по отношению к нашему мышлению в процессе речи основное свойство грамматических значений можно было бы назвать их "несамостоятельностью". "Несамостоятельность" эта сказывается прежде всего в том, что они - не предмет нашей мысли, что наша мысль никогда не сосредоточена на них, что они не называют и не фиксируют содержание нашей мысли, как это делают лексические значения, а лишь сопутствуют лексическим значениям и оформляют их; одним словом, что они - как бы лишь форма по отношению к содержанию нашего мышления.

Поэтому, хотя грамматическое значение, так же как и лексическое значение, может иметь своим содержанием понятие (как, например, значение множественного числа имеет своим содержанием понятие множественности), содержание отдельного грамматического значения гораздо менее отчетливо выделено в нашем сознании, чем содержание отдельного лексического значения, и не может быть определено так, как может быть определено содержание отдельного лексического значения. О содержании некоторых лексических значений, таких, как, например, значение вида в славянских языках, перфекта или

артикли в германских языках, написаны буквально тысячи страниц, и несмотря на это содержание этих грамматических значений продолжает оставаться спорным.

"Несамостоятельность" (иначе "формальность", "служебность") грамматического значения сказывается также в том, что его содержание никогда не может быть определено само по себе, независимо от лексического значения, которому оно сопутствует. Нельзя, например, сказать, не искажая функции грамматического значения, что окончание -ы значит "множественность" или что окончание -а значит "отношение принадлежности", но приходится говорить: "окончание -ы служит для выражения того, что данное существительное..." и т.д. Напротив, лексическое значение обычно можно определить независимо от сопутствующего ему грамматического значения или сочетающихся с ним других лексических значений. Можно сказать: "дом" - значит "жилое строение"; "сплю" - значит: "нахожусь в состоянии сна"; "вне" - значит: "за пределами чего-либо" и т.д.

Такую же "несамостоятельность" проявляют и значения так называемых служебных слов, поскольку и их значения не могут быть определены независимо от тех знаменательных слов, которым они сопутствуют (это, однако, отнюдь не значит, что они, как иногда ошибочно полагают, вообще не имеют значения, если они "пустые" слова).

Характерны также типичные определения значения служебных слов, как, например: "употребляется в начале придаточного предложения, которое...", "употребляется при прошедшем времени глагола для обозначения какого-нибудь рода деятельности, в которую..." Во всех этих определениях (их можно найти в большом количестве в любом словаре) имеются ссылки на знаменательное слово или знаменательные слова, которым сопутствует данное служебное слово.

Безусловно, и значение знаменательного слова в некоторых случаях не может быть полностью раскрыто без указания на связь с другими словами. Однако в определении значения знаменательного слова такое указание явно обусловлено не природой лексического значения вообще, а лишь особенностями употребления *данного* лексического значения. Сама связь одного знаменательного слова с другим знаменательным словом совершенно отлична от связи служебного слова со знаменательным. В первом случае сочетаются значения, в одинаковой мере являющиеся содержанием нашего мышления, во втором случае сочетаются значения, из которых одно - содержание нашего мышления, тогда как второе выполняет лишь служебную роль по отношению к этому содержанию.

"Несамостоятельность" грамматического значения сказывается также в том, что слово - носитель грамматического значения не может быть самостоятельным элементом высказывания и поэтому не может быть членом предложения. Но невозможность быть членом предложения характерна, как правило, для так называемых служебных слов. Так, не бывают членами предложения артикли, вспомогательные глаголы, союзы, предлоги и т.д. С точки зрения обычной функции служебного слова совершенно парадоксальным является тот случай, когда оно выступает в качестве своего рода члена предложения (например, немецкое *es*, английское *it*, датское *det* в функции так называемого "формального" подлежащего в *es regnet, it rains, det regner*).

Таким образом, основной признак грамматического значения - его "несамостоятельность", "формальность", "служебность" - это в то же время и основной признак значения служебного слова. Служебное слово (это явствует, впрочем, из самого названия) и есть слово-носитель грамматического значения, как знаменательное и слово и есть слово-носитель лексического значения. То, что служебное слово по содержанию своего значения может совпадать со знаменательным словом (как содержание значения предлога может совпадать с содержанием значения наречия и т.д.), лишь подтверждает то положение, что не содержание является существенным признаком грамматического значения.

С другой стороны, однако, нельзя отрицать того, что, хотя всякое грамматическое значение по своему основному признаку существенно отличается от лексического значения, среди грамматических значений тоже есть различия в степени их "несамостоятельности", "формальности", "служебности". Грамматические значения можно расположить в ряд по степени их "несамостоятельности", причем на одном конце ряда окажутся такие грамматические значения, как "предметность" и другие значения частей речи, а

на другом конце - грамматические значения, выражаемые отдельными словами. Значения предлогов окажутся менее "несамостоятельными", чем значения артиклей, а пространственные значения предлогов менее "несамостоятельными", чем другие значения предлогов, и т.д.

6. Наиболее сложным представляется отношение грамматического значения к реальной действительности, которую оно отражает в процессе речи. Поскольку значение имеет своим содержанием понятие, т.е. мысль, которая отражает общие и существенные признаки предметов, оно всегда представляет собой обобщение действительности (исключение здесь, очевидно, только такие значения, которые не содержат понятия, например значения большинства собственных имен или междометий). Однако, оставаясь обобщением действительности, значение может по-разному соотноситься в процессе речи в теми отдельными предметами или отношениями действительности, которые оно обобщает.

Так, лексическое значение может быть соотнесено в речи сразу со всеми предметами или отношениями, общие и существенные признаки которых оно отражает, или, что то же самое, не быть соотнесено ни с одним из них в отдельности. Такая соотнесенность имеет место, когда слово употребляется в так называемом "родовом значении". Например: "*дом* - это жилое строение", "*стол* - есть домашняя мебель", "*лошадь* - полезное животное". Такая соотнесенность, очевидно, имеет место и тогда, когда слово берется вне контекста.

Но лексическое значение может быть соотнесено в речи и только с одним из тех предметов или отношений, общие и существенные признаки которых оно отражает. Назначение его при такой соотнесенности очевидно и заключается в том, чтобы вскрывать то общее, что есть в отдельном. Такая соотнесенность имеет место в речи в подавляющем большинстве случаев. Например: "этот *дом* велик", "*стол*, за которым я сижу, сломался", "вон *лошадь*". Наконец, и в этом последнем случае лексическое значение может по-разному соотноситься с одним из отдельных, которые оно обобщает. Одно из отдельных может выступать на первый план и заслонять собой другие отдельные, входящие в состав данного общего, т.е. выступать как для данной ситуации единственное отдельное. Например: "(эта) *книга* лежит на столе". Напротив, одно из отдельных может выступать наряду с другими отдельными, входящими в состав данного общего, т.е. выступать как одно из многих таких же отдельных. Например: "на столе лежит (какая-то) *книга*". Эти оттенки и есть то, что в существительном выражается, например, в английском языке посредством артикля, а в русском языке в некоторых случаях - посредством порядка слов.

Существенное отличие грамматического значения от лексического и заключается в том, что оно не способно на различную соотнесенность с действительностью, которую оно обобщает. Грамматическое значение всегда соотнесено в нашей речи только с одним из отдельных, которые оно обобщает. Оно не может быть соотнесено в речи сразу со всеми отдельными, которые оно обобщает, или, что то же самое, оно не может быть не соотнесено ни с одним из них. Так, в отличие от лексического значения слова "множество", которое может быть соотнесено в речи со всеми возможными случаями множества (например, "множество есть неопределенно большое количество чего-либо"), либо с отдельными случаями множества (например: "я узнал множество фактов"), грамматическое значение множественности всегда будет соотнесено в речи с отдельным случаем множественности (таким, как, например, "дома", "столы", "множества", "книги" и т.п.), и этот отдельный случай множественности будет, очевидно, определяться лексическим значением слов, которому данное грамматическое значение сопутствует (т.е. лексическим значением слов "дом", "стол", "множество", "книга" и т.п.). Именно в силу этого грамматическое значение всегда как бы заслонено в нашем сознании лексическими значениями, которым оно сопутствует, и не может быть из них выделено, не потеряв своей специфики. В этом именно смысле грамматическое значение зависит от лексического значения, которому оно сопутствует.

Особенно показательно в этом отношении такое грамматическое значение, которое представляет собой комплекс частных значений, обусловленных лексическими значениями, в которых данное грамматическое значение реализуется. Типичное значение такого рода - это значение большинства падежей в индоевропейских языках, а также предлогов. Наличие внутренней связи между такими частными значениями создает иллюзию, что можно раскрыть сущность всего этого комплекса, определив его "общее" или "основное" значение, т.е. определив понятие, содержащееся в данном грамматическом значении, -

например, что можно раскрыть сущность родительного падежа в английском языке, сказав, что его общее значение - это "принадлежность".

Но в том-то и дело, что понятие, содержащееся в грамматическом значении, всегда реализовано в определенном лексическом материале. Понятие принадлежности - это содержание значения родительного падежа не только в английском, но и в немецком, шведском, русском и других языках. Значения же родительного падежа в этих языках не тождественны, потому что одно и то же понятие ограничено в них разным лексическим материалом, т.е. имеет разный лексический охват.

Сводя определение грамматического значения к определению содержащегося в нем понятия (как это делает, например, Брэндаль, основная ошибка которого заключается в том, что он не отличает грамматического значения от логического значения), игнорирует именно то, что отличает данный язык от других языков. Значение падежа не тождественно содержащемуся в нем понятию. Значение это нельзя оторвать от лексического материала, в котором оно реализуется, не исказив его специфики. Поэтому для того, чтобы раскрыть сущность такого грамматического значения, как падеж, надо определить весь составляющий его комплекс частных значений, а тем самым и тот лексический материал, в котором это значение реализуется.

Любопытно, однако, что среди значений, которые во всех других отношениях не отличаются от лексических, есть такие значения, которые в данном отношении аналогичны грамматическим значениям, т.е. которые тоже, несмотря на отвлеченность своего значения, всегда конкретизированы в нашей речи и не могут быть соотнесены сразу со всеми отдельными, которые они обобщают. Таковы значения местоимений. Подобно служебным словам, местоимения не могут быть употреблены в "родовом значении". Так, значение местоимения "я" не может выступать в речи иначе, как в соотнесенности с одним из случаев того отношения субъекта речи к предмету речи, которое является значением этого местоимения. Если же это слово выступает в речи без такой соотнесенности, а в "родовом значении", то оно уже явно не местоимение. Например, "наше я", "я" и "не я" (т.е. человек и внешний мир).

Таким образом, в сущности, следовало бы различать не два вида значений - лексические и грамматические, а три: лексические, грамматические и местоименные (т.е. такие, которые имеют некоторые свойства лексических, а некоторые свойства грамматических). Но здесь проблема грамматического значения переходит в проблему грамматической классификации слов или проблему частей речи, т.е. проблему, которая не предмет настоящей статьи.

Примечания

1. Во избежание терминологической путаницы в настоящей статье избегается слово "форма" в грамматическом смысле. Дело в том, что слово это в грамматике многозначно. "Формой, или "грамматической формой", называют то единство, которое образует грамматическое значение вместе со своим внешним выразителем (например, когда говорят: "Падеж есть грамматическая форма", и т.п.). "Формой" может быть назван и грамматический строй в целом. "Формой" называют в грамматике и сам по себе внешний выразитель грамматического значения (например, когда говорят: "Форма и содержание в грамматике образуют неразрывное единство", и т.п.).

2. Здесь, правда, можно было бы спросить, а что такое отдельное слово? Но от ответа на этот вопрос приходится уклониться при рассмотрении грамматического значения, поскольку нельзя определить, что такое отдельное слово, не определив раньше, что такое грамматическое значение. По-видимому, знаменательное слово и есть та минимальная единица, в которой имеет место сочетание лексического и грамматического значений. Отличие служебного слова от знаменательного опять-таки только в характере его значения, т.е. в том, что в нем нет такого сочетания лексического и грамматического значений, которое характерно для знаменательного слова.

3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 246.

4. Там же, с. 249.

5. Очевидно, что было бы упрощением соотношения грамматики и словарного состава считать, что отличие всякого грамматического значения от лексического значения заключается в том, что первое

является более "общим" по своему содержанию и что, например, как утверждают некоторые, в любом предлоге то, что он выражает отношение, - его грамматическое значение, а то, что он выражает некоторое конкретное отношение, - его лексическое значение. Если продолжить это рассуждение, то придется сказать, что и в любом падеже то, что он выражает отношение, - его грамматическое значение, а то, что он выражает некоторое конкретное отношение, - его лексическое значение, т.е. придется сказать, что в любом значении есть и грамматическое и лексическое, поскольку всякое значение можно разложить на более общее и менее общее. Но очевидно также, что такое разложение не имеет ничего общего с отграничением грамматического значения от лексического и что оно неизбежно приводит к смешению грамматического и лексического.

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л.В. Щерба

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - М., 1974. - С. 77-100)

В последние десятилетия в русском языкознании по поводу пересмотра содержания элементарного курса русской грамматики всплыл очень старый вопрос о так называемых "частях речи". В грамматиках и словарях большинства старых, установившихся языков существует традиционная, тоже установившаяся номенклатура, которая в общем удовлетворяет практическим потребностям, и потому мало кому приходит в голову разыскивать основания этой номенклатуры и проверять ее последовательность. В сочинениях по общему языкознанию к вопросу обыкновенно подходят с точки зрения происхождения категорий "частей речи" вообще и лишь иногда - с точки зрения разных способов их выражения в разных языках, и мало говорится о том, что сами категории могут значительно различаться от языка к языку, если подходить к каждому из них как к совершенно автономному явлению, а не рассматривать его сквозь призму других языков.

Поэтому, может быть, не бесполезно было бы предпринять полный пересмотр вопроса применительно к каждому отдельному языку в определенный момент его истории. Не претендуя на абсолютную оригинальность, я попробую это сделать по отношению к современному живому русскому языку образованных кругов общества [1].

Прежде чем перейти, однако, к русскому языку, я позволю себе остановиться на некоторых общих соображениях.

1. Хотя, подводя отдельные слова под ту или иную категорию ("часть речи"), мы и получаем своего рода классификацию слов, однако самое различие "частей речи" едва ли можно считать результатом "научной" классификации слов. Ведь всякая классификация подразумевает некоторый субъективизм классификатора, в частности до некоторой степени произвольно выбранный *principium divisionis*. Таких *principia divisionis* в данном случае можно было бы выбрать очень много, и соответственно этому, если задаться целью "классифицировать" слова, можно бы устроить много классификаций слов, более или менее остроумных, более или менее удачных. Например, можно разделить все слова на слова, вызывающие приятные эмоции, и слова безразличные; или на основные и производные, а первые - на слова одинокие, не имеющие родственных связей, и на слова, их имеющие, и т. п. Эту множественность возможных классификаций справедливо отметил Н. Н. Дурново в своей статье "Что такое синтаксис" в № 4 "Родного языка в школе", 1923 г. (см. его примечание на стр. 66 и 67). Д. Н. Ушаков в своем отличном учебнике по языковедению прямо учит, что возможны две классификации слов - по значению и по формам.

Однако в вопросе о "частях речи" исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, по предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее, - ибо дело вовсе не в "классификации", - под какую **общую категорию** подводится то или иное лексическое значение в

каждом отдельном случае, или еще иначе, какие **общие категории** различаются в данной языковой системе.

2. Само собой разумеется, что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий. Или если они и есть благодаря подлинно существующим семантическим ассоциациям, то они являются лишь потенциальными, но не активными, как например категория "цвета" в русском языке.

3. Внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: "изменяемость" слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д., и т. д.

Изменяемость по падежам является признаком существительных и прилагательных в русском языке [2], однако в латинском и глагол может склоняться (ср. *gerundium*). Изменяемость по лицам в очень многих языках служит признаком глагола; однако есть языки, где и имена могут спрягаться, т. е. изменяться по лицам (см.: А. Руднев. Хори-бурятский говор, вып. 1. [СПб. - Пгр., 1913–1914], стр. XXXVIII). Отсюда следует, между прочим, что мнение, будто категория лица является исключительно глагольным признаком, основано на предрассудке.

Самая изменяемость глагола по лицам может быть выражена окончаниями, как в латинском: *am-o, am-as, am-at*, или особыми префиксами, как во французском: *j'aime, tu aime, il aime* (ср. местоимения: *moi, toi, lui*), или в русском: *я любил, ты любил, он любил* (полный параллелизм этих форм с формами *praesentis*: *я люблю, ты любишь, он любит*, одинаковость синтаксических связей, отсутствие таких форм, как *любилый* и т. д. - все это обуславливает восприятие всех этих форм как форм одного и того же слова - глагола *любить*).

Член европейских языков - является основным признаком существительного: нем. *handeln* — 'действовать', *das Handeln* - 'действие'.

Во фразе *Когда вы приехали?* ударение на *когда* определяет его как наречие, а отсутствие ударения во фразе *Когда вы приехали, было еще светло* определяет его как союз.

По интонации отличаем мы "определение" от "сказуемого": *рана пустяковая* (в ответ на вопрос: *Да что у него?*) [и] *рана - пустяковая*.

Во французском *les savants sourds* — 'глухие ученые' (*les sourds savants* — 'ученые глухие'; пример взят из: Vendryes. *Le langage*. [Paris, 1921] существительное от прилагательного отличается лишь порядком слов, как, впрочем, и в русском (только в русском порядок иной, чем во французском).

Повелительное наклонение 3-го лица в русском выражается особым словом *пусть*: *пусть придет* или *придут*.

Если я напишу: *она его. . . рукой*, то всякий расшифрует точки как глагол.

Признаки, выразители категорий, могут быть положительными и отрицательными: так, "неизменяемость" слова как противоположение "изменяемости" также может быть выразителем категории, например наречия.

Противопоставляя форму, знак - содержанию, значению, я позволяю себе называть все эти внешние выразители категорий **формальными признаками** этих последних, ибо не вижу никакой пользы в выделении, среди прочих признаков, формальных морфем в особую группу.

4. Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех формальных признаков, так как неизвестно, значат ли они что-либо, а следовательно — существуют ли они как таковые, и существует ли сама категория.

Андрей Павлович в своей статье "Между Сциллой и Харибдой" (см. № 1 "Родного языка в школе", 1923, стр. 12) дает следующие категории слов русского языка: 1) *золото, щипцы, пять*; 2) *стол, рыба*; 3) *сделан, вел, известен*; 4) *красный*; 5) *ходит*. Совершенно очевидно, что эти категории не имеют значения, а потому в языке и не существуют, хотя придуманы вполне добросовестно с логической точки зрения.

5. Категории могут иметь по несколько формальных признаков, из которых некоторые в отдельных случаях могут и отсутствовать. Категория существительных выражается своей специфической изменяемостью и своими синтаксическими связями. *Какаду* не склоняется, но сочетания *мой какаду*, *какаду моего брата*, *какаду сидит в клетке* достаточно характеризуют *какаду* как существительное. Больше того, если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или другое слово под данную категорию: если мы знаем, что *какаду* - название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное.

6. Яркость отдельных категорий не одинакова, что зависит, конечно, в первую голову от яркости и определенности, а отчасти и количества формальных признаков. яркость же и формальной и смысловой стороны категории зависит от соотносительности как формальных элементов, так и смысла, так как контрасты сосредоточивают на себе наше внимание: *белый*, *белизна*, *бело*, *белеть* очень хорошо выделяют категории прилагательного, существительного, наречия и глагола.

7. Раз формальные признаки не ограничиваются одними морфологическими, то становится ясным, что *материально* одно и то же слово может фигурировать в разных категориях: так, *кругом* может быть или наречием, или предлогом (см. ниже).

8. Если в вопросе о частях речи мы имеем дело не с классификацией слов, то может случиться, что одно и то же слово окажется одновременно подводимым под разные категории. Таковы **причастия**, где мы видим сосуществование категорий глагола и прилагательного; таковы **знаменательные связки**, где уживаются в одном слове и связка и глагол (о чем см. ниже).

9. Поскольку опять-таки мы имеем дело не с классификацией, нечего опасаться, что некоторые слова никуда не подойдут, - значит, они действительно не подводятся нами ни под какую категорию. Таковы, например, так называемые **вводные слова**, которые едва ли составляют какую-либо ясную категорию, между прочим именно из-за отсутствия соотносительности. Разные усилительные слова вроде *даже*, *ведь*, *и* (= "даже"), слова отчасти союзного характера вроде *итак*, *значит* и т. п. тоже никуда не подводятся нами и остаются в стороне. Наконец, никуда не подводятся такие словечки, как *да*, *нет*.

10. Имея в виду главным образом живую русскую речь, я принципиально не чувствовал себя обязанным подбирать литературные примеры. Но, конечно, мои примеры могут и должны быть критикуемы с точки зрения их приемлемости для говорящих на "литературном" русском языке.

Перехожу теперь собственно к обозрению "частей речи" в русском языке.

I. Прежде всего очень неясная и туманная категория **междометий**, значение которых сводится к "эмоциональности" и "отсутствию познавательных элементов", а формальный признак - к полной синтаксической обособленности, отсутствию каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи. Примеры: *ай-ай!*, *ах!*, *ура!*, *боже мой!*, *беда!*, *черт возьми!*, *черт побери!*.

Совершенно очевидно, что хотя этимология таких выражений, как *боже мой*, *черт побери*, и вполне ясна, но это только этимология; значение же этих выражений исключительно эмоциональное, и понимать *побери* в *черт побери* как глагол значило бы смешивать разные исторические планы, приписывать современному языку то, чего уже в нем нет. Однако во фразе *черт вас всех побери!* мы имеем уже дело не с междометием, так как от *побери* зависит *вас всех* и, таким образом, формальный признак междометия отсутствует. То же и в известной пушкинской фразе *Татьяна - ах!*, если только *ах* не понимать как вносные слова. Для меня *ах* относится к Татьяне и является глаголом, а вовсе не междометием (см. ниже, отдел VIII).

Так как довольно многие слова употребляются или могут употребляться синтаксически обособленно, то категория междометий, будучи вполне отчетливой в ярких случаях, является в общем довольно расплывчатой. Например, будут ли междометиями *спасибо*, *наплевать* и т. д.?

Едва ли не следует относить сюда обращения и считать звательный падеж (в русском лишь интонационная форма) междометной формой существительных, хотя некоторые основания к тому и имеются. В известной мере родственными являются и формы повелительного наклонения, и особенно такие

слова и словечки, как *молчать!*, *тишина!*, *цыц!*, *тсс!* и т. п. Само собой разумеется, что так называемые звукоподражательные *мяу-мяу*, *вау-вау* и т. п. нет никаких оснований относить к междометиям.

II. Далее следует отметить две соотносительные категории: категорию слов **знаменательных** и категорию слов **служебных**. Различия между этими категориями сводятся к следующим пунктам: 1) первые имеют самостоятельное значение, вторые лишь выражают отношение между предметами мысли; 2) первые сами по себе способны распространять данное слово или сочетание слов: *я хожу - я хожу кругом*; *я пишу - я пишу книгу - я пишу большую книгу*, вторые сами по себе неспособны распространять слова: *на*, *при*, *в*, *и*, *чтобы*, *быть*, *стать* (в смысле связок), *кругом* (*я хожу кругом дома*); 3) первые могут носить на себе фразовое ударение; вторые никогда его не имеют, кроме случая выделения слов по контрасту (*он не только был вкусный, но и будет вкусный*), что является особым случаем, так как по контрасту могут выделяться и неударяемые морфемы (части) слов. Второе и третье различия следует считать формальными признаками этих категорий. Отнюдь не следует считать признаком служебных слов их неизменяемость, так как некоторые служебные слова изменяются, как например связки (спрягаются), относительные *которые*, *какой* (склоняются и изменяются по родам).

С категорией слов знаменательных контаминируются более частные категории: **существительных, прилагательных, наречий, глаголов** и т. д.

III. Перехожу к **существительным**. Значение этой категории известно - предметность, субстанциальность. При ее посредстве мы можем любые лексические значения, и действия, и состояния, и качества, не говоря уже о предметах, представлять как предметы: *действие, лежание, доброта* и т. д. Формальными признаками этой категории являются: изменяемость по падежам (которая в отдельных случаях может отсутствовать: *какаду, пальто*) и соответственные системы окончаний; ряд словообразовательных суффиксов имен существительных, как то: *-тель, -льщик, -ник, -от(-а), -изн(-а), -ость, -(о)к, -(е)к* и т. д.; определение посредством прилагательных; согласование относящегося к данному слову прилагательного (*красивый какаду, а меня, бедного, и забыли; нечто серое и туманное скользнуло мимо*); отсутствие согласования с существительным, явным или непосредственно подразумеваемым; глагол или связка в личной форме, относящиеся к данному слову (*я ехал в лодке; люди были несчастны; кто пришел?*). Из сказанного явствует, что в выражениях *этот нищий, все доброе нищий и доброе* будут существительными. С другой стороны, явствует и то, что целый ряд так называемых "местоимений" приходится считать существительными: *я, мы, ты, вы, он, она, оно, они, себя, кто? что? некто, нечто, кто-то, что-то, никто, ничто*; кроме того, *это* (редко *то*) и *всё*, употребляющиеся в качестве существительных в форме среднего рода; *всякий* и *каждый*, употребляющиеся в качестве существительных лишь в форме мужского рода; *все*, употребляющееся в качестве существительного во множественном числе [3]. Примеры: *я этого не переносу; это уже надоело; я предлагал ему и то и это; мой брат всегда всем очень доволен; я знаю все; всякий это знает; я берусь каждого провести; все убежали*. Но надо сказать, что последние пять слов имеют скорее прилагательную природу и не терпят никакого прилагательного определения, так что во фразе *я люблю все хорошее* слово *все* является уже прилагательным, а *хорошее* - существительным. Любопытно отметить, что даже в таких сочетаниях, как *на сцене появилось нечто воздушное, ничем хорошим не могу вас порадовать*, можно спрашивать себя, что к чему относится: *нечто* к *воздушное*, *хорошим* к *ничем* или наоборот.

Все перечисленные слова составляют, конечно, по содержанию обозначаемых ими понятий особую группу местоименных существительных, так как содержание это крайне бедно и состоит в каждом случае из одного очень неопределенного признака. Формально они объединяются невозможностью их определить **предшествующим** прилагательным; нельзя сказать: *добрый я, славный некто* и т. п. Что касается форм склонения, то они не являются одинаковыми у всех слов группы и потому невыразительны. Прежнее состояние языка с ясным местоименным склонением, выражавшим противоположение группы местоимений группе имен (существительных и прилагательных), давно разрушено.

Выделяется в известной мере группа "личных местоимений" своей функцией личных префиксов (правда, не вполне сросшихся) в спряжении глаголов; однако и там местоимение 3-го лица (бывшее указательное) склоняется иначе, чем местоимения 1-го и 2-го лица.

Вообще надо признать, что в этой области в русском языке в настоящее время не наблюдается никакой ясной, отчетливой системы: старая группа местоимений распалась, а новых отчетливых противопоставлений местоименных прилагательных и существительных, наподобие того, что имеется во французском (*ce, cette, ces, celui, celle, ceux, celles*), не выработалось. Это в общем и неудивительно. Словечки местоименного характера немногочисленны, но играют значительную роль в структуре языка, и всякие пережитки сохраняются здесь чаще всего, успешно сопротивляясь логическим унификационным стремлениям коллективного языкового творчества.

Кроме местоименных существительных, мы имеем в русском целый ряд категорий [4], обладающих большей или меньшей выразительностью.

1) Имена **собственные** и **нарицательные**: первые, как правило, не употребляются во множественном числе. *Ивановы, Крестовские* и т. д. являются названиями родов и представляют из себя своего рода *pluralia tantum*.

2) Имена **отвлеченные** и **конкретные**: первые опять-таки нормально не употребляются во множественном числе. *Радости жизни* представляются нам чем-то конкретным и не идентичным словам *радость, тоска, грусть, ученье, терпенье* и т. п.

3) Имена **одушевленные** и **неодушевленные**: у первых форма винительного падежа множественного числа сходна с родительным, а у вторых - с именительным.

4) Имена **вещественные** тоже не употребляются во множественном числе: *мед, сахар*. А поскольку употребляются, обозначают тогда разные сорта: *вина, масла* и т. п.

5) Имена **собираательные** (конечно, не *стая, полк, класс*, так как их собирательность никак не выражена). Наше современное понимание их исключительно объединяющее и индивидуализирующее. По-видимому в старом языке было иначе, так как сказуемое при этих словах часто ставилось во множественном числе (см. материал по вопросу из Синод. списка 1-й Новгород. лет. у Е. С. Истриной - "Синтаксические явления...", 1923, стр. 60 и сл.).

Зато в современном русском имеется несомненная возможность образовывать имена собираательные посредством суффиксов *-j-* или *-(е)ств-* в среднем роде: *солдатыё, мужичьё, тряпьяё, офицерыё, профессорё, офицерство, студенчество*.

6) Далее, в русском имеется категория имен **единичных**: *бисер / бисерина, жемчуг / жемчужина, солома / соломина*, образуемых посредством суффикса *-ин-*, которые составляют своеобразную группу, категорию.

О категории имен существительных см. у [А.А.] Шахматова в его "Очерке современного русского литературного языка" (литогр. курс лекций 1911/12 уч. г., ныне напечатанный - [1-е изд. Л., 1925]).

IV. Значение категории **прилагательных** в русском языке - конечно, **качество**, как это прекрасно показано [А.М.] Пешковским в его "Русском синтаксисе...", [2-е изд. М.], 1920, стр. 54 и сл. Формально она выражается прежде всего своим отношением к существительному: без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного. Далее, она выражается формами согласования с существительным, хотя это и не абсолютно обязательно; своеобразной изменяемостью, куда, между прочим, входит и изменение по степени сравнения (тоже необязательное и общее с наречиями); рядом словообразовательных суффиксов, как то: *-(е)н-, -ист-, -ан-, -оват-* и т. д.; наконец, она выражается и определяющим ее наречием.

Из всего этого вытекает, что под категорию прилагательных мы подводим и такие "местоимения", как *мой, твой, наш, ваш, свой, этот, тот, такой, какой, который, всякий, сам, самый, весь, каждый* и т. п., и все "порядковые числительные" (*первый, второй* и т. д.), и все причастия, и, наконец, формы сравнительной степени прилагательных в тех случаях, когда они относятся к существительным, например: *ваш рисунок лучше моего; эта местность красивее всего виденного мною; струя светлей лазури* (из лермонтовского "Паруса"). Относительно первых трех групп слов не может быть сомнения, что они подводятся нами под категорию прилагательных. Относительно же сравнительной степени достаточно

указать на то, что от наречия сравнительная степень прилагательных отличается своей относимостью к существительному, а от существительных, которые также могут относиться к существительному, - своей связью с положительной и превосходной степенями [5].

Среди прилагательных выделяется группа прилагательных **притяжательных**, имеющая формальные признаки - именные окончания - по крайней мере во всех формах именительного падежа:

пап-ин-	дом	пап-ин-а	дочь
отц-ов-	»	отц-ов-а	»
мой-	»	мо-я (мой-а)	»
наш-	»	наш-а	»
баб-ий	»	бабь-я (бабь-й-а)	»

пап-ин-о	наследие	пап-ин-ы	дети
отц-ов-о	»	отц-ов-ы	»
мо-ё (мой-о)	»	мо-и	»
наш-е	»	наш-и	»
бабь-е (бабь-й-э)	»	бабь-и (бабь-й-и)	»

Но, по-видимому эта категория разрушается, так как в детском языке постоянно находим *пап-ин-ая дочка*; вместо *отцов дом* мы чаще скажем *отцовский дом*, а вместо *бабье лето* можно иногда слышать и *бабее лето*; такие же случаи, как с *волчей шкурой*, приходится считать если не нормальными, то очень распространенными, особенно среди младшего поколения.

Что касается местоименной группы, то хотя она по значению и представляет из себя некую группу, но она не безусловно замкнута: считать ли, например, относящимся к ней слово *любой*? Пешковский в часто цитированной уже книге (стр. 406) относит сюда же слова *известный, данный, определенный*. Отсутствие ясного формального критерия не позволяет быть отчетливо осознанной группе местоименных прилагательных, так как то обстоятельство, что в цепи прилагательных определений существительного они нормально ставятся на первое место (*любой (всякий) порядочный вдумчивый доктор*), не чересчур навязывается нашему сознанию.

То же можно сказать и о порядковых числительных, хотя и им присваивается первое место в цепи прилагательных определений (*я кончил вторую киевскую мужскую гимназию*). Однако надо признать, что крепкая ассоциативная связь по смежности (при счете) энергично поддерживает смысловую связь и понятие "порядковости", "номерности" выступает довольно ярко, так что, пожалуй, все же приходится говорить о **прилагательных порядковых**.

Очень живыми представляются категории прилагательных **качественных**, имеющих степени сравнения, и **относительных**, их не имеющих. Так, *золотой* может принадлежать к тем и другим: *золотое кольцо / уж на что у тебя золотые кудри, а вот у нее еще золотее*.

Причастия, конечно, составляют резко обособленную группу, будучи подводимы и под категорию глаголов. Теряя глагольность, они становятся простыми прилагательными. *Ученое стихотворение* может быть употреблено в двояком смысле: 1) "содержащее в себе много научного" - прилагательное и 2) "которое уже учили" - причастие.

V. Категория **наречий** является исключительно формальной категорией, ибо значение ее совпадает со значением категории прилагательных, как это очевидно из сравнения таких пар, как *легкий / легко, бодрый / бодро* и т. д. Мы бы, вероятно, сознавали подобные наречия формой соответственных прилагательных, если бы в той же функции не употреблялось большого количества неизменяемых слов, не являющихся производными от прилагательных: *очень, слишком, наизусть, сразу, кругом* и т. д. Благодаря этому формальными признаками, категории являются прежде всего отношение к прилагательному, к глаголу или другим наречиям, невозможность определить прилагательным (если только это не наречное выражение), неизменяемость (однако наречия, производные от прилагательных, могут иметь степени

сравнения) [6] и, наконец, для наречий, произведенных от прилагательных, окончания -о или -е, а для глагольных наречий (деепричастий) особые окончания.

Самый деликатный вопрос - отличие наречий от существительных, так как критерий неизменяемости возникает чаще всего на почве разрыва связи данного слова с формами соответственного существительного, т. е. в конце концов на почве значения: мыслится ли в данном случае **предмет** (существительное) или нет. Весьма вероятно, что если бы у нас не было прилагательных наречий и целого ряда случаев, где связь с существительным абсолютно порвана, т. е. если бы категория наречий не имела бы своих и по форме несомненных представителей, то установление категории наречия на таких случаях, как *за границей, за границу*, представило бы большие затруднения. Впрочем, здесь на помощь может прийти и эксперимент [7]; стоит попробовать придать прилагательное: *за нашей границей, за южную границу*, чтобы понять, что это невозможно без изменения смысла слов и что, следовательно, *за границей, за границу* являются наречиями, а не существительными [8].

Что касается **деепричастий**, то они, конечно, составляют резко обособленную группу. В сущности это настоящие глагольные формы, в своей функции лишь отчасти сближающиеся с наречиями. Формально они объединяются с этими последними относимостью к глаголу и якобы отсутствием согласования с ним (на самом деле они должны в русском языке иметь общее лицо, хотя внешне это ничем не выражается). Что особенно оправдывает это усмотрение в деепричастиях некоторой наречности - это их легкий переход в подлинные наречия: *молча, стоя, лежа* и т. д. могут быть то деепричастиями, то наречиями.

VI. Особой категорией приходится признать **слова количественные**. Значением является отвлеченная идея числа, а формальным признаком - своеобразный тип сочетания с существительным, к которому относится слово, выражающее количество. Благодаря этим типам сочетаний категория слов количественных изъёмается из категории прилагательных, куда она естественнее всего могла бы относиться, а также из категории существительных, с которыми она сходна формами склонения. Эти типы сочетаний состоят в том, что в именительном и винительном падежах определяемое ставится в родительном падеже множественного числа (при *два, три, четыре* - род. пад. ед. ч.), а в косвенных падежах ожидаемое согласование в падеже восстанавливается: *пять книг - с пятью книгами, двадцать солдат - при двадцати солдатах* [9]. Исторические причины таких странных конструкций известны; сейчас эти конструкции бессмысленны и являются пережитками, однако утилизируются языком для обозначения особой категории, которую, конечно, лишь насилуя непосредственное языковое чутье, можно смешивать с существительными. Различие выступает очень ярко из сравнения: *десять яблок, с десятью яблоками / десяток яблок, с десятком яблок, сто солдат, со ста солдатами / сотня солдат, с сотней солдат*.

Любопытно отметить, что *тысяча* с обывательской точки зрения плохо представляется как число, а скорей как некоторое единство, как "существительное", что и выражается типом связи: *тысяча солдат, с тысячею солдат*. Однако ход культуры и развитие отвлеченного мышления дают себя знать: *тысяча* все больше и больше превращается в количественное слово, и *тысяче солдатам был роздан паек* не звучит чересчур неправильно (*миллиону солдатам* сказать было бы невозможно), а сказать *приехала тысяча солдат, пожалуй*, и вовсе смешно. Несомненно, что при пережитом падении денег и *миллион* и *миллиард* стали отвлеченнее, хотя, может, в языке это и не успело сказаться.

VII. Есть ряд слов, как *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п., подведение которых под какую-либо категорию затруднительно. Чаще всего их, по формальному признаку неизменяемости, зачисляют в наречия, что в конце концов не вызывает практических неудобств в словарном отношении, если оговорить, что они употребляются со связкой и функционируют как сказуемое безличных предложений. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что указанные слова не подпадают под категорию наречий, так как не относятся ни к глаголу, ни к прилагательному, ни к другому наречию.

Далее, оказывается, что они составляют одну группу с такими формами, как *холодно, светло, весело*, и т. д. во фразах: *на дворе становилось холодно; в комнате было светло; нам было очень весело* и т. п. Подобные слова тоже не могут считаться наречиями, так как эти последние относятся к глаголам (или прилагательным), здесь же мы имеем дело со связками (см. ниже). Под форму среднего рода единственного

числа прилагательных они тоже не подходят, так как прилагательные относятся к существительным, а здесь этих последних нет, ни явных, ни подразумеваемых.

Может быть, мы имеем здесь дело с особой **категорией состояния** (в вышеприведенных примерах никому и ничему не приписываемого - безличная форма) в отличие от такого же состояния, но представляемого как действие: *нельзя* (в одном из значений) / *запрещается*; *можно* (в одном из значений) / *позволяется*; *становится холодно* / *холодает*; *становится темно* / *темнеет*; *морозно* / *морозит* и т. д. (таких параллелей, однако, не так много).

Формальными признаками этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой - с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым - от наречий. Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке.

Впрочем, и при личной конструкции можно указать ряд слов, которые подошли бы сюда же: *готов*; *я должен*; *я рад* / *радуюсь*; *я способен* ("я в состоянии") / *могу*; *я болен* / *болею*; *я намерен* / *намереваюсь*; *я дружен* / *дружу*; *я знаком* / *знаю* (*радый* [10] не употребляется, а *готовый*, *должный*, *способный*, *больной*, *намеренный*, *дружный*, *знакомый* употребляются в другом смысле).

В конце концов правильны будут и следующие противоположения:

я весел (состояние) / *я веселюсь* (состояние в виде действия) [11] / *я веселый* (качество); *он шумен* (состояние) / *он шумит* (действие) / *он шумливый* (качество); *он сердит* (состояние) / *он сердится* (состояние в виде действия) / *он сердитый* (качество); *он грустен* (состояние) / *он грустит* (состояние в виде действия) / *он грустный* (качество);

и без параллельных глаголов: *он печален* / *он - печальный*; *он доволен* / *он - довольный*; *он красен как рак* / *флаги - красные*; *палка велика для меня* / *палка - большая*; *сапоги малы мне* / *эти сапоги - слишком маленькие*; *мой брат очень бодр* / *мой брат - всегда бодрый* и т. д.

То же по смыслу противоположение можно найти и в следующих примерах: *я был солдатом* (состояние: 'j`ai ete soldat') / *я солдатствовал* (состояние в виде действия) / *я был солдат* (существительное: 'j`ai ete un soldat'); *я был трусом в этой сцене* / *я трусил* / *я большой трус*; *я был зачинщиком в этом деле* / *я был всегда и везде зачинщик*. [12].

Наконец, под категорию **состояния** следует подвести такие слова и выражения, как *быть навеселе*, *наготове*, *настороже*, *замужем*, *в состоянии*, *начеку*, *без памяти*, *без чувств*, *в сюртуке*, и т. п., и т. п. Во всех этих случаях быть является связкой, а не существительным глаголом; поэтому слова *навеселе*, *наготове* и т. д. едва ли могут считаться наречиями. Они все тоже выражают **состояние**, но благодаря отсутствию параллельных форм, которые бы выражали **действие** или **качество** (впрочем, *замужем* / *замужняя*; *в состоянии* / *могу*), эта идея недостаточно подчеркнута.

Хотя все эти параллели едва ли укрепили мою новую категорию, так как слишком разнообразны средства ее выражения, однако несомненным для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях, но не получила еще, а может и никогда не получит, общей марки. Сейчас формально **кате́горию состояния** пришлось бы определять так: это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями - нуль для мужского рода, *-а* для женского рода, *-о*, *-э* (*искренне*) для среднего рода, - или формой творительного падежа существительных (теряющей тогда свое нормальное, т. е. инструментальное, значение).

Если не признавать наличия в русском языке **категории состояния** (которую за неимением лучшего термина можно называть предикативным наречием, следуя в этом случае за Овсяннико-Куликовским), то такие слова, как *пора*, *холодно*, *навеселе* и т. п., все же нельзя считать наречиями, и они просто остаются вне категорий (ср. стр. 81).

VIII. В категории **глаголов** основным значением, конечно, является только **действие**, а вовсе не **состояние**, как говорилось в старых грамматиках. Эта проблема, по-видимому, возникла из понимания "частей речи" как рубрик классификации лексических значений. После всего сказанного вначале ясно, что

дело идет не о значении слов, входящих в данную категорию, а о значении категории, под которую подводятся те или иные слова. В данном случае очевидно, что, когда мы говорим *больной лежит на кровати* или *ягодка краснеет в траве*, мы это "лежание" и "краснение" представляем не как состояния, а как действия.

Формальных признаков много. Во-первых, изменяемость и не только по лицам и числам, но и по временам, наклонениям, видам и другим глагольным категориям [13]. Между прочим, попытка некоторых русских грамматистов последнего времени представить инфинитив как особую от глагола "часть речи", конечно, абсолютно неудачна, противоречива естественному языковому чутью, для которого *идти* и *иду* являются формами одного и того же слова [14]. Эта странная аберрация научного мышления произошла из того же понимания "частей речи" как результатов классификации, которое свойственно было старой грамматике, с переменной лишь *principium divisionis*, и возможна была лишь потому, что люди на минуту забыли, что форма и значение неразрывно связаны друг с другом: нельзя говорить о **знаке**, не констатируя, что он что-то значит; нет больше языка, как только мы отрываем форму от ее значения (см. по этому поводу совершенно правильные разъяснения Н.Н. Дурново в его статье "В защиту логичности формальной грамматики" в журнале "Родной язык в школе", книга 2-я, 1923, стр. 38 и сл.). Но нужно признать, что аберрация эта выросла на здоровой почве протеста против бесконечных рубрификаций старой грамматики, не основанных ни на каких объективных данных. В основе ее лежит, таким образом, правильный и здоровый принцип: нет категорий, не имеющих формального выражения [15].

Итак, изменяемость по разным глагольным категориям с соответственными окончаниями является первым признаком глагола, точно так же и некоторые суффиксы, например *-ов- || -у-, -ну-* и др., в общем, впрочем, невыразительные; далее, именительный падеж, непосредственно относящийся к личной форме, тоже определяет глагол; далее, невозможность прилагательного и возможность наречного распространения; наконец, характерное управление, например: *любить отца*, но *любовь к отцу*.

Теперь понятно, почему инфинитив, причастие, деепричастие и личные формы признаются нами формами одного слова - глагола: потому что *сильно* (не *сильный*) *любить*, *любящий*, *любя*, *люблю дочку* (не *к дочке*) и потому что хотя каждая из этих форм и имеет свое значение, однако все они имеют общее значение **действия**. Из них *любящий* подводится одновременно и под категорию глаголов и под категорию прилагательных, имея с последним и общие формы и значение, благодаря которому действие здесь понимается и как качество; такие формы условно называются **причастием**. По тем же причинам *любя* подводится под категорию глаголов и отчасти под категорию наречий и условно называется **деепричастием**. *Любовь* же, обозначая действие, однако не подводится нами под категорию глаголов, так как не имеет их признаков (*любовь к дочке*, а не *дочку*); поэтому идея **действия** в этом слове заглушена, а рельефно выступает лишь идея **субстанции**.

Ввиду всего этого нет никаких оснований во фразе *а она трах его по физиономии!* отказывать *трах* в глагольности: это не что иное, как особая, очень эмоциональная форма глагола *трахнуть* с отрицательной (нулевой) суффиксальной морфемой. То же и в выражении *Татьяна - ах!* и других подобных, если только не видеть в *ах* вносных слов.

Наконец, из сказанного выше о глаголах вообще явствует и то, что связка *быть* не **глагол**, хотя и имеет глагольные формы, и это потому, что она не имеет значения **действия**. И действительно, единственная функция связки - выражать логические (в подлинном смысле слова) отношения между подлежащим и сказуемым: во фразе *мой отец был солдат* в *был* нельзя открыть никаких элементов действия, никаких элементов воли субъекта. Другое дело, когда *быть* является существительным глаголом: *мой отец был вчера в театре*. Тут *был* = *находился, сидел* - одним словом, проявлял как-то свое "я" тем, что *был*. Это следует твердо помнить и не считать связку за глагол и функцию связки за глагольную. В так называемых знаменательных связках мы наблюдаем контаминацию двух функций - связки и большей или меньшей глагольности (наподобие контаминации двух функций у причастий). Осознание и разграничение этих функций очень важно для понимания синтаксических отношений [16].

IX. Нужно отметить еще одну категорию слов знаменательных, хотя она никогда не бывает самостоятельной, - это слова **вопросительные**: *кто, что, какой, чей, который, куда, как, где, откуда*,

когда, зачем, почему, сколько и т. д. Формальным ее выразителем является специфическая интонация синтагмы (группы слов), в состав которой входит вопросительное слово.

Категория слов вопросительных всегда контаминируется в русском языке либо с существительными, либо с прилагательными, либо со словами количественными, либо с наречиями.

Переходя к служебным словам, приходится прежде всего отметить, что общие категории здесь не всегда ясны и во всяком случае зачастую мало содержательны.

Х. Связки. Строго говоря, существует только одна связка *быть*, выражающая логическое отношение между подлежащим и сказуемым. Все остальные связки являются более или менее знаменательными, т. е. представляют из себя контаминацию **глагола** и **связки**, где глагольность может быть более или менее ярко выражена (см. выше).

Я ничего не прибавлю к общеизвестному о связках, кроме разве того, что у нас как будто нарождается еще одна форма связки - *это*. Примеры: *наши дети - это наше будущее, наши дети - это будут дельные ребята*. Частица *это* больше всего и выражает отношение подлежащего и сказуемого и во всяком случае едва ли понимается нами как подлежащее: формы связки *быть* служат в данном случае главным образом для выражения времени.

XI. Далее мы имеем группу частиц, соединяющих два слова или две группы слов в одну **синтагму** (простейшее синтаксическое целое) и выражающих отношение "определяющего" к "определяемому". Они называются **предлогами**, формальным признаком которых в русском языке является управление падежом. Сюда, конечно, подходят и такие слова, как *согласно* (*согласно вашему предписанию, а в канцелярском стиле вашего предписания*), *кругом, внутри, наверху, наподобие, во время, в течение, вследствие, тому назад* (с вин. пад.) и т. п. Однако по функциональному признаку сюда подошли бы и такие слова, как *чтобы, с целью, как*, например в следующих фразах: *я пришел чтобы поесть = с целью поесть; меня одевали [17] как куколку = наподобие куколки*.

XII. Далее, можно констатировать группу частиц, соединяющих слова или группы слов в одно целое - **синтагму** или **синтаксическое целое высшего порядка** - на равных правах, а не на принципе "определяющего" и "определяемого", и называемых обыкновенно **союзами сочинительными**. В ней можно констатировать две подгруппы.

а) Частицы, соединяющие вполне два слова или две группы слов в одно целое, - **союзы соединительные**: *и, да, или* [18] (не повторяющиеся). Примеры: *брат и сестра пошли гулять; отец и мать остались дома; я хочу взять учителя или учительницу к своим детям; Иван да Марья; когда все собрались и хозяйева зажгли огонь, стало веселее* [19].

В той же функции употребляются иногда и предлоги: *брат с сестрой пошли гулять* (особая функция частицы с отмечена здесь формой множественного числа глаголов).

Примечание . Особый случай употребления этих союзов можно наблюдать там, где при их посредстве присоединяется последний член перечисления. Хотя этот член и не составляет тогда целого с предшествующим, однако союз, вместе с особой интонацией, отличной от той, о которой будет идти речь ниже, в разделе XIV, обозначает исчерпанность ряда, его единство. Примеры: *Однажды лебедь, рак да щука...; отец, мать, брат и сестра отправились гулять*.

б) Частицы, объединяющие два слова или две группы по контрасту, т. е. противопоставляя их, - **союзы противительные**: *а, но, да*. Благодаря этому противопоставлению каждый член такой пары сохраняет свою самостоятельность, и этот случай "б)" не только по смыслу, но и по форме отличается от случаев "а)". Примеры: *я хочу не большой, а маленький платок; она запела маленьким, но чистым голоском; мал золотник, да дорог; я вам кричал, а вы не слышали; вы обещали, но это не всегда значит, что вы сделаете*.

XIII. Те же союзы могут употребляться и в другой функции: тогда они не соединяют те или другие элементы в одно целое, а лишь **присоединяют** их к предшествующему. Тогда как в случае раздела XII оба члена присутствуют в сознании, хотя бы в смутном виде, уже при самом начале высказывания, в настоящем случае второй элемент появляется в сознании лишь **после** первого или **во время** его высказывания. Формально выражается указанное различие функций фразовым ударением, иногда паузой и вообще интонацией (точных исследований на этот счет не имеется). Ясными примерами этого различия может послужить разное толкование следующих двух стихов Пушкина и Лермонтова:

1) как надо читать стих 14 стихотворения Пушкина "Воспоминание": *я трепещу и проклиная...* или *я трепещу, и проклиная...*? Я стою за первое (см.: Русская речь, I, [Пгр., 1923,] стр. 31);

2) как надо читать стих 6 стихотворения Лермонтова "Парус": *И мачта гнется и скрипит...* или *И мачта гнется, и скрипит...*? Я стою за второе.

Прав я или нет в моем понимании, в данном случае безразлично, но возможность самого вопроса, а следовательно - и двоякая функция союза и, думается, очевидны [20].

Союзы в этой функции можно бы назвать **присоединительными**. Другие примеры: *я сел в кибитку с Савельичем, и отправился в дорогу* (пример заимствован у Грота, но запятая принадлежит мне); *вчера мы собрались большой компанией и отправились в театр, но проскучали весь вечер; На ель ворона взгромоздясь, позавтракать было совсем, уж собралась, да призадумалась, а сыр во рту держала; я приду очень скоро, или совсем не приду, дело будет тянуться без конца, или сразу оборвется.*

Примечание 1 . Можно спрашивать себя, есть ли основание для установления двух категорий (XII и XIII), когда дело идет об одних и тех же словах. Но если вспомнить, что задачей исследования является не классификация слов, а подмечение тех общих категорий, под которые говорящие подводят те или другие слова, то разделение не покажется чересчур искусственным. Но несомненно и то, что указанные категории не так очевидны, как например, категории существительных, прилагательных и т. д. Самая граница между ними текуча.

Примечание 2 . Опытный читатель мог заметить, что моя категория **союзов присоединительных** несколько напоминает категорию **союзов сочинительных после разделительной паузы** у Пешковского (Русский синтаксис..., стр. 453), по демаркационная линия не та (о таких словах, как *итак, значит* и т. п., см. выше, стр. 81). Кто из нас ближе подошел к живым языковым связям, судить не мне.

XIV. Особую группу составляют частицы, "уединяющие" слова или группы слов и образующие из них "бесконечные" ряды однородных целых. Формальным выражением этой категории является, во-первых, повторяемость частиц, а во-вторых, специфическая интонация. Они организуют то, что я называю "открытыми сочетаниями" (см.: Русская речь, I, стр. 22). Сюда относятся *и - и..., ни - ни..., да - да..., или - или...* и т. п. Их можно бы для краткости назвать **союзами слитными**. Примеры известны: *И пращ, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы; меня ничто не веселило - ни новые игрушки, ни сказки бабушки, ни только что родившиеся котят.*

Примечание . Указанные слова имеют, конечно, некоторое сходство с частицами XIII раздела, состоящее в находящейся перед ними паузе, которая и обуславливает общность их уединяющего значения. Однако специфическое значение слитных союзов в связи с их очевидными формальными признаками делает их ясно обособленными.

XV. Совершенно особую группу составляют частицы, выражающие отношение "определяющего" к "определяемому" [21] между **двумя синтагмами** и объединяющие их в одно синтаксическое целое высшего порядка (в разделе XI дело происходило внутри одной синтагмы). Частицы

эти удобнее всего назвать **относительными словами**. Сюда подойдет и то, что традиционно называют **союзами подчинительными** (*пока, когда, как, если, лишь только* и т. п.) - но сюда подойдут и так называемые "относительные местоимения и наречия" (*который, какой, где, куда, зачем* и т. д.). Говорю "так называемые", потому что зачастую действительно нет причин видеть, например, в относительном *который* знаменательное слово, так как оно имеет лишь формы знаменательных слов, но не их значение. Сомневающиеся пусть попробуют определить, чем является *который* - существительным или прилагательным - во фразе *я нашел книгу, которая считалась пропавшей* [22]. Точно так же трудно признать наречие *когда* хотя бы и в таком примере, как *в тот день, когда мы переезжали на дачу, шел дождик*. Однако возможность контаминации двух функций - служебной (относительной) и знаменательной, особенно существительной, - несомненна. Можно бы даже говорить о "знаменательных относительных словах" (ср. знаменательные связки). Например: *гуляю, с кем хочу; отец нахмурил брови, что было признаком надвигавшейся грозы*.

Формальными признаками категории относительных слов является общее всем служебным словам отсутствие фразового ударения, а также то, что эти слова входят в состав синтагмы с характерной относительной интонацией. То, что делает эту категорию особенно живой и яркой, - это ее соотносительность со словами знаменательными. *Когда вы **приедете**, мы будем уже **дома**. / **Когда** вы **приедете**? Я знаю, что вы **пишете**. / **Что** вы пишете? Год, в котором вы приехали к нам, для меня особенно памятен. / В **котором** году вы приехали к нам?*

Недаром относительность всеми всегда ощущалась как единая категория, хотя и фигурировала зачастую в двух разных местах грамматики.

Примечание . В косвенных вопросах мы видим контаминацию вопросительной, относительной и одной из знаменательных функций,

Оканчивая свое обозрение так называемых "частей речи" в русском языке, я начинаю слышать тот стон, который идет из учительских рядов: "Как все это сложно! Неужели все это можно нести в школу? Нам надо бы что-нибудь попроще, поотчетливее, попроще...".

К сожалению, жизнь людей по проста, и если мы хотим изучить жизнь, - а язык есть кусочек жизни людей, - то это не может быть просто и схематично. Всякое упрощение, схематизация грозит разойтись с жизнью, а главное, перестает учить наблюдать жизнь и ее факты, перестает учить вдумываться в ее факты. Важно не то, чтобы дети бойко и без ошибки, по старой или новой системе, классифицировали слова, а важно то, чтобы дети сами подмечали существующие в языке категории, вдумывались в слова, в их смысл и связи.

Проповедуя необходимость реформы старой школьной грамматики, я всегда отдавал себе ясный отчет в том, что реформа не поведет к облегчению. Идеалом была для меня всегда замена схоластики, механического разбора - живой мыслью, наблюдением над живыми фактами языка, думаньем над ними. я знаю, что думать трудно, и тем не менее думать надо и надо, и надо бояться схоластики, шаблона, которые подстерегают нас на каждом шагу, всякий раз, как мысль наша слабеет. Поэтому не следует прельщаться легким, простым и удобным: оно приятно, так как позволяет нам не думать, но ложно, так как скрывает от нас жизнь, бесполезно, так как ничему не учит, и вредно, так как ввергает мысль нашу в дремоту.

Однако, как я говорю своим слушателям уже с самого начала моей педагогической деятельности, все трудности окажутся значительно более легкими, если мы до конца признаем тот факт, что дети владеют всеми грамматическими категориями своего родного языка и что наша задача только разбудить у них **лингвистический инстинкт** и заставить осознать уже имеющиеся категории. Все предшествующее исследование имело целью показать, на чем базируется этот инстинкт, и к начальному обучению вовсе не относится. Здесь надо лишь, не мудрствуя лукаво и не насилуя ни своего, ни детского языкового чутья, наклеить ярлыки на существующие у них категории, которые таким образом и будут

приведены к сознанию. Вопрос, почему у нас существуют те или иные категории, - дело дальнейшего, более высшего преподавания.

Я счастлив, что имею нынче возможность выписать из только что полученной новой книги знаменитого датского лингвиста-мыслителя и методиста Есперсена (O. Jespersen. *The Philosophy of Grammar*. [London, 1929,] стр. 62) следующие слова: "При обучении элементарной грамматике я не начинал бы с определения отдельных частей речи, особенно с обыкновенных определений, которые так мало говорят, хотя и кажется, что они говорят много. я поступил бы более практически. Несомненно, что при обучении грамматике человек узнает одно слово как прилагательное, другое как глагол, не справляясь с определениями частей речи, а тем же в сущности способом, каким он узнает в том или другом животном корову или кошку. И дети могли бы этому выучиться так же, как они выучились различать обычных животных, т. е. практически: им следует показать достаточное количество образцов и обратить их внимание на их различия. я бы взял для этого небольшой связный текст, например какой-нибудь рассказ, и повторил бы его несколько раз, причем сначала напечатал бы курсивом все существительные. После того как они будут таким образом выделены и вкратце обсуждены с детьми, эти последние, вероятно, без больших затруднений узнали бы аналогичные существительные во всяком другом отрывке. Потом я повторил бы тот же самый рассказ, напечатав курсивом все прилагательные. Проходя таким образом различные классы слов, ученики понемногу приобретут тот "грамматический инстинкт", который необходим для дальнейших уроков по морфологии и синтаксису как родного, так и иностранных языков".

Примечания

1. Не могу не вспомнить здесь с благодарностью книгу Овсяннико-Куликовского "Синтаксис русского языка" [СПб., 1912], которая лет двадцать тому назад дала первый толчок моим размышлениям над этим предметом. Из новой литературы я более всего обязан книге Пешковского "Русский синтаксис в научном освещении" [М., 1938], которая является сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком.

2. Впрочем, едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются: скорее мы потому их склоняем, что они существительные. я полагаю, что все же функция слова в предложении является всякий раз наиболее решающим моментом для восприятия. Иначе обстоит дело, когда вопрос идет о генезисе той или иной категории, и не только в филогенетическом аспекте, но и в онтогенетическом: тут важна вся совокупность лингвистических данных - морфологических, синтаксических и семантических.

3. *Сам* лишь с комическими целями употребляется в смысле существительного в выражениях вроде *сам пришел* (заимствовано из просторечья); *всяк* является более или менее фамильярным архаизмом.

4. Я не буду ничего говорить о категории грамматического рода, так как ничего не прибавлю к общеизвестному.

5. Что прилагательные могут быть неизменными и считаться все же прилагательными даже в тех языках, где прилагательные изменяются, между прочим, показывает старославянский язык: *исплънь*, *прѣпрость* и др., хотя и не склоняются, однако являются прилагательными.

6. Вообще мнение, будто наречия по существу являются неизменяемыми, совершенно неосновательно: французское наречие *tout* согласуется в роде с прилагательным, к которому относится.

7. Я настаиваю на этом слове, придавая ему большое теоретическое значение: исследуя статическую сторону языка, мы не только наблюдаем факты, но и постоянно экспериментируем. В этом преимущество живых языков как научного материала над мертвыми. В этих последних мы имеем лишь больший или меньший, по закопченный ряд наблюдений; в живых мы постоянно можем и **должны** производить и эксперименты. Поэтому исследование мертвых языков легче, так как ограничено данными

текстами; живых - бесконечно труднее, так как его почти что невозможно исчерпать, и может быть плодотворнее, давая возможность так углубить изучение, как это по существу невозможно сделать для мертвых. Оговариваюсь, что все сказанное относится к научной работе над языком. С педагогической же стороны изучение мертвых языков может быть - и обыкновенно бывает - и труднее, и полезнее, так как требует сознательности; изучение же живых языков может протекать, особенно при натуральном методе, бессознательно и быть тогда с образовательной точки зрения абсолютно бесполезным.

8. В.В. Виноградов в одном из своих докладов в Лингвистическом обществе в Ленинграде очень убедительно наметил ряд дальнейших категорий внутри этой в общем малосодержательной категории. Надеюсь, что этот доклад появится в одном из дальнейших выпусков "Русской речи".

9. К этой же категории относятся и слова *много, немного, мало, сколько, несколько*, которые по недоразумению считаются наречиями: *я вижу несколько моих учеников / я ехал с несколькими учениками, в классе много детей / трудно заниматься со многими детьми* и т. д.

10. На некоторые слова этой категории указал мне Д.В. Бубрих.

11. Пример: *по лицу его видно, что он веселится, глядя на нас; но в он сегодня резвится и веселится как школьник*, оттенок будет другой.

12. Надо, впрочем, признать, что этот оттенок не всегда бывает вполне отчетлив.

13. Признание категории лица наиболее характерной для глаголов (отсюда определение глаголов как "слов спрягаемых") в общем верно и психологически понятно, так как выводится из значения глагольной категории: "действие", по нашим привычным представлениям, должно иметь своего субъекта. Однако факты показывают, что это не всегда бывает так: *моросит, смеркается* и т. п. не имеют формы лица, однако являются глаголами, так как дело решается не одним каким-либо признаком, а всей совокупностью морфологических, синтаксических и **семантических** данных.

14. Под "формами слова" в языковедении обыкновенно понимают материально разные слова, обозначающие или разные оттенки одного и того же понятия, или одно и то же понятие в разных его функциях. Поэтому, как известно, даже такие слова, как *fero, tuli, latum*, считаются формами одного слова. С другой стороны, такие слова, как *писать* и *писатель*, не являются формами одного слова, так как одно обозначает действие, а другое - человека, обладающего определенными признаками. Даже такие слова, как *худой, худоба*, не считаются нами за одно и то же слово. Зато такие слова, как *худой* и *худо*, мы очень склонны считать формами одного слова, и только одинаковость функций слова типа *худо* со словами вроде *вкось, наизусть* и т. д. и отсутствие параллельных этим последним прилагательных создают особую категорию наречий и до некоторой степени отделяют *худо* от *худой*. Конечно, как и всегда в языке, есть случаи неясные, колеблющиеся. Так, будет ли *столик* формой слова *стол*? Это не так уж ясно, хотя в языковедении обыкновенно говорят об **уменьшительных формах** существительных. *Предобрый*, конечно, будет формой слова *добрый*, *сделать* будет формой слова *делать*, но *добежать* едва ли будет формой слова *бежать*, так как самое действие представляется, как будто различным в этих случаях. Ср. *Abweichungsnamen* и *Ubereinstimmungsnamen* у О. Dittrich [в] "Die Probleme der Sprachpsychologie", [Leipzig,] 1913. В истории языков наблюдаются тоже передвижения в системах форм одного слова. Так, образования на *-л-*, бывшие когда-то именами лица действующего, вошли в систему форм славянского глагола, сделались причастиями, а теперь функционируют как формы прошедшего времени в системе глагола (*захудал*); эти же причастия в полной форме снова оторвались от системы глагола и стали прилагательными (*захудалый*). Процесс втягивания отглагольного имени существительного в систему глагола, происходящий на наших глазах, нарисован у меня в книге "Восточнолужицкое наречие", [т. I. Пгр.,] 1915, стр. 137.

15. Слово *формальный* я понимаю здесь в том широком смысле, какой был придан ему на стр. 80, и в этом же смысле я готов объявить себя "формалистом", хотя, по совести, совершенно не вижу надобности говорить об особой "формальной школе в грамматике": современное научное языкознание в общем едино и противопоставляется старой грамматической традиции. Конечно, существуют отдельные увлечения, некоторые разномыслия по отдельным вопросам, неизбежные при поступательном движении

науки; но я не вижу ничего, что могло бы расколоть **передовых думающих** лингвистов на два лагеря: есть вопросы не решенные, по поводу которых высказываются разные гипотезы; есть вопросы, которые допускают разные точки зрения, но нет вопросов, **решаемых** в разных "школах" по-разному.

16. Я предполагаю развить мои взгляды на этот предмет в особой статье, но некоторый намек в этом направлении позволю себе сделать сейчас. Если связка не глагол, то можно сказать, что все языки, имеющие связку, имеют два типа фразы: **глагольный**, по существу **одночленный** (*люблю; amo; j'aime*), где субъект не противопоставляется действию, и **связочный**, по существу **двучленный**, где субъект противопоставляется другому имени (*я - солдат; sum - miles; je suis soldat*).

17. [В обоих случаях] читать без запятой.

18. Или собственно считается **разделительным** союзом, но это едва ли выражается формально (не смешивать *или* = более или менее *то есть*).

19. Почти каждый из примеров может быть прочтен и с запятой перед союзом - тогда они попадут в группу союзов присоединительных (см. ниже, раздел XIII).

20. Такое разное толкование может получить и пример Пешковского (Русский синтаксис..., стр. 325): *червонец был запачкан и в пыли* или *червонец был запачкан, и в пыли*.

21. Я употребляю здесь эти слова, так же как и выше, на стр. 95, в самом широком смысле.

22. Таким образом, подобно тому как существуют служебные слова спрягающиеся - связки, - возможны и служебные слова склоняющиеся.

АГГЛЮТИНАЦИЯ И ФУЗИЯ КАК ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ СЛОВА

А.А. Реформатский

АГГЛЮТИНАЦИЯ И ФУЗИЯ КАК ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ СЛОВА

(Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. - М., 1987. - С. 52-76)

§ 1. В слове можно различать собственно слово, единицу лексико-семасиологическую, и лексему - единицу грамматическую. Эти два понятия пересекаются, но полностью не конгруируют. Слово может и линейно, и по составу совпадать с лексемой (*собака*), но может состоять и из нескольких лексем (лексикализованная идиоматика: *чёрт побери*). Но самое главное - это то, что у слова и у лексемы разные планы, а тем самым и разные характеристики.

Слово может быть нейтральным и экспрессивным, полисемичным, метафорическим, терминологизированным, поэтическим... Лексема может быть одноморфемной или полиморфемной, префигированной или суффигированной, принадлежать к тому или иному типу композита, служить в роли предиката... Тем самым вопросы строения слова и словообразования принадлежат плану лексемы.

§ 2. Линейно лексемы состоят из морфем. Таким образом, лексемы членятся на морфемы, в свою очередь членимые на фонемы. Фонемы линейной членимостью не обладают, представляя собой не линию, а точку, тем самым являясь минимальными единицами.

В тему настоящей работы входит вопрос об объединении морфем в лексемы, где следует учитывать: а) тип морфем, образующих лексему (корни, аффиксы, соединительные элементы); б) количество морфем в лексеме; в) порядок их соположения в лексеме (префиксация и постфиксация, правила нанизывания аффиксов); г) характер их соединения в лексеме (тенденция агглютинации и тенденция фузии).

В дальнейшем темой этой работы в узком смысле и будет именно последнее - агглютинация и фузия, но, чтобы подойти к ней правильно, надо охарактеризовать предшествующие пункты.

Бескорневых слов не бывает, но понятие корня может сильно варьировать в разных типах лексем. Так, в коротеньких служебных словах (предлоги, союзы, частицы, артикли) вопрос о корне не встает, поскольку все слово - один корень, даже если это этимологически сросшееся сложение (*ибо*), окончательно лексикализованное словосочетание (*если*) или повтор (*как*). В какой-то мере такие лексемы "бесформенны", так как они синхронно не имеют морфологического строения.

Если же данная лексема имеет морфологическое строение, т. е. она не одноморфемна, а минимально (и вполне достаточно!) двухморфемна, то одна из этих составляющих морфем обязательно относится к классу корней, другая же морфема либо может быть также **корневая** (это случаи сложения - композита), что лежит в данном случае вне поля нашего рассмотрения, или же это аффикс, тогда **это** тема настоящей работы.

Количество аффиксов может быть любым, но без корня аффиксы в лексемах не могут выступать; при отсутствии корня им самим приходится брать на себя функции корня (т. е. радицироваться), например в случае "измов". Это явление - "радикация" - напоминает то, что на "уровне" лексем называют конверсией, транспозицией или переходностью частей речи (субстантивация, адъективация, адвербиализация, прономинализация и т. д.) [1].

Сами аффиксы в тех языках, где имеется аффиксация, представляют собой первый эшелон грамматики и очень сложное по своему устройству "хозяйство". Как бы ни было обширно это хозяйство, но оно всегда принципиально исчислимо и поддается строгой классификации, хотя классы аффиксов весьма разнообразны.

В аспекте линейности аффиксы могут быть препозитивны и постпозитивны по отношению к корню [2]. Так, выделяются префиксы и, постфиксы [3]. Выбор префиксов и постфиксов и их функциональное использование сильно варьируют по отдельным языкам и группам языков. Есть языки, в которых существует только постфиксация (финно-угорские, алтайские, дравидские, японский), чему вторит также отсутствие предлогов при развитой системе послелогов.

Есть языки, предпочитающие префиксацию (суахили и другие языки банту), где, однако, участвует и постфиксация [4].

§ 3. Индоевропейским языкам свойственна и префиксация и постфиксация с явным преобладанием последней [5]. Но существеннее другое: префиксация в основном служит для словообразования, и префиксы, как правило, в индоевропейских языках являются носителями деривационных значений (ср.: *ехать* и *уехать*, *заехать*, *проехать*, *переехать*, *наехать*, *объехать*, *отъехать*, *подъехать*...), постфиксы же -- не только деривационных, но и в первую очередь реляционных [6]. В аффиксирующих языках есть и такие морфологические элементы, которые не выражают ни деривационных, ни реляционных значений, но участвуют в морфологическом строении лексемы. Это "соединительные элементы". Н. С. Трубецкой называет их "соединительными морфемами" (*Verbindungsmorphem*). Этот термин может вызвать справедливые возражения, во-первых, потому, что морфема значима, в смысле "имеет значение", а эти элементы семасиологически "незначимы". Во-вторых, потому, что эти элементы могут быть не только связующими, как, например, соединительные гласные в русском (*сам-о-вар*, *душ-е-губ*) или соединительные согласные в немецком (*Bedeutung-s-wandel* 'изменение значения', *Wahrheit-s-liebe* 'правдивость'), но и оформляющими основу тематическими элементами, например в русском: тематические гласные в глаголе (*игр-а-ть*, *бел-е-ть*, *реш-и-ть*) или тематический йот во II основе русских глаголов I, II и III продуктивных классов (*игр-а-й*, *бел-е-й*, *рис-у-й*).

Как бы ни трактовать данные элементы, но они: 1) участвуют в морфологии лексемы, 2) не имея собственного значения, обладают значимостью как структурные элементы. Кроме того, в любой момент они могут стать полноправными аффиксами, т. е. получить и собственное значение. Таковы в русском языке тематические *-а-* и *-и-* в парных глаголах I и IV классов, различающие несовершенный вид (-

a-) и совершенный вид (*-и-*): *решать - решить, лишать - лишить* [7], тем самым элементы *-a-* и *-и-* в глаголах явно морфологически отделены и - реально или потенциально - морфемны.

Для многих индоевропейских языков (и в частности, для славянских) характерно еще и то явление, что флективные постфиксы, например в склонении существительных, прилагательных, местоимений и числительных, одновременно выполняют роль словообразовательных формативов (*зл-о - злой, зл-а - зл-ого, зл-у - зл-ому* и т. п.). Такие полифункциональные аффиксы можно назвать суффикс-флексиями [8].

§ 4. Для морфологического строения слова особый интерес представляет само соединение "морфологических составляющих" лексемы, т. е. морфем.

Еще в 1851 г. О. Бётлингк писал: "... если мы приведем в общую связь все явления, то должны будем сознаться, что в индогерманских языках вообще материя и форма связаны друг с другом гораздо интимнее, чем в так называемых агглютинирующих языках" [9]. Правда, этому свойству Бётлингк не склонен придавать слишком большого значения: "Я должен также сознаться откровенно, что способ, по которому материя и форма связываются друг с другом в разных языках, я вообще считаю за слишком внешний признак, для того, чтобы основывать на нём одно деление языков" [10].

В этом высказывании Бётлингка есть и тонкое проникновение в суть дела, и напрасный скепсис. Если речь идёт об "интимности" или "неинтимности" соотношения "материи и формы", то вряд ли это слишком внешний признак; скорее это то, что пронизывает как тенденция весь строй языка. Так по крайней мере стали рассматривать этот вопрос позднее.

Главной заслугой учёных новой формации послешлейхеровского периода по данному вопросу следует считать положение о единстве слова, так как в любом типе языка и в любом языке слово не может быть "грудой атомов" (Ф. Шлегель), а является тем, что мы сейчас зовём структурной единицей, единство которой может иметь разный характер, что и подлежит исследованию именно в этом плане и на что обратили внимание.

И. А. Бодуэн де Куртене, противопоставивший строение слова в арио-европейских языках и в языках туранских (т. е. урало-алтайских), и искавший "цемент склейки" у "цельного слова" в этих языках [11].

Ф. Ф. Фортунатов, построивший морфологическую классификацию языков на различии образования форм в словах и на образовании форм отдельных слов [12].

Специальный анализ интересующих нас понятий мы находим в книге Э. Сепира "Язык" [13]. Именно Сепиру принадлежит введение термина "фузия" в оборот типоморфологии (см. ниже в § 5).

§ 5 По свидетельству Б. Дельбрюка, агглютинацию первым назвал так Лассен, "с целью осудить её этим". А тому предшествовала интерпретация Ф. Шлегелем падежной и лично-числовой аффиксации в индоевропейских языках, как "строение языка", которое "образовалось чисто органически, разветвилось во всех своих значениях путём флексий или внутренних изменений и преобразований звуков корня, а не составилось механически с помощью прицепленных слов и частиц", - и возражения ему Ф. Боппа в английской переработке "Системы спряжения..." - (первая публикация - 1816 г.).

Ф. Бопп стал первым пропагандистом того взгляда, что в индоевропейских языках как именные формы, так и глагольные возникли из сложения именных корней с местоименными (окончания). Это и имеется в виду под "теорией агглютинации" у Боппа, что вызвало решительный протест со стороны Шлегелей под пером Лассена [14] и поддержку и продолжение в трудах следующего поколения (Шлейхер) [15].

Пожалуй, именно с шлейхеровских времен и начинается то понимание агглютинации, которое наличествует и сейчас (100 лет спустя), так как "теорию агглютинации" Боппа скорее следует именовать теорией ограничения шлегелевской внутренней флексии за счет прибавления местоименных корней извне ("Anfügung von Aussen") [16], а отнюдь не аффиксов, тогда как мы сейчас понимаем под агглютинацией по преимуществу аффиксальную деривацию и реляционную флексию [17].

В дальнейшем учение об агглютинации утвердилось не в бопповском, а в ином понимании проблемы, что уже четко отразилось у Шлейхера, который в основу морфологической классификации языков [18] кладет графу "строй языка", что Шлейхер понимал трехступенчато: 1) изолирующий, 2) агглютинирующий и 3) флективный.

Отсюда и идет трактовка особого понятия "агглютинация", противопоставленного понятию "флексия", не в плане складывания в противоположность корневым метаморфозам романтиков, а в плане-различия характера аффиксации при учете поведения корней. Дальнейшую судьбу разногласий по данному вопросу (Фортунатов, Сепир и другие) целесообразнее рассматривать после анализа некоторых кардинальных понятий и их соотношений. Прежде всего следует ввести понятие фузии и рассмотреть соотношения: агглютинация - флексия и агглютинация - фузия. Так как автором термина фузия является Сепир [19] и главная тема его полемики посвящена именно соотношению понятий: "агглютинация - флексия" и "агглютинация - фузия", то и дадим ему слово для необходимых определений.

Сравнивая такие английские слова, как, с одной стороны, farmer 'земледелец', goodness 'доброта' и, с другой - height: 'высота', depth 'глубина', Сепир отмечает, что "нельзя не поразиться значительной разнице в аффиксирующей технике этих двух рядов. Аффиксы -er и -ness приставляются чисто механически к корневым элементам, являющимся одновременно и самостоятельными словами (farm 'обрабатывать землю', good 'добрый'). Они ни в каком смысле не являются самостоятельно значащими [элементами, но вложенное в них значение (агентивность, абстрактное качество) они выражают безошибочно и прямо. Их употребление просто и регулярно, и мы не встречаем никаких затруднений в присоединении их к любому глаголу или к любому прилагательному, хотя бы даже и только что появившемуся в языке... Иначе обстоит с height 'высота', depth 'глубина'. В функциональном отношении они совершенно так же связаны с high 'высокий' и deep 'глубокий', как goodness 'доброта' с good 'добрый', но степень спаянности между корневыми элементами и аффиксом у них большая. Их корневой элемент и аффикс хотя структурно и выделяются, не могут быть столь же просто оторваны друг от друга, как могут быть оторваны good и -ness в слове goodness. Конечное -t в слове height не есть типичная форма аффикса (ср.: strength 'сила', length 'длина', filth 'грязнота', breadth 'ширина', youth 'юность'), а der- не тождественно слову deep 'глубокий'. Эти два типа аффиксации можно обозначить как "сплавливающий (фузионный) и "сополагающий". Если угодно, технику сопологания мы можем назвать "агглютинативной" (с. 101-102). Таким образом, Сепир:

1) противопоставляет агглютинацию не флексии, а фузии; при этом он находит возможность говорить о проявлении этих двух тенденций в одном языке, который в целом принадлежит к одному какому-то типу (например, английский);

2) различие их он видит в характере связи корневого элемента и аффикса, т. е. в том, приставляется ли аффикс механически или эта связь основана на большей спаянности, когда корень и аффикс не могут быть "... просто оторваны друг от друга";

3) сопутствующей характеристикой является здесь положение в том, что при агглютинации аффиксы приставляются к таким корневым элементам, которые являются одновременно и "самостоятельными словами", и что при фузии корневой элемент может быть не похож на изолированное употребление данного корня в виде слова der- и deep);

4) следствием установленного является то, что агглютинируемые аффиксы могут легко участвовать в новообразованиях и обладают, следовательно, продуктивностью и регулярностью.

В этом анализе Сепир через 100 лет нашел ключ к гумбольдтовскому рассуждению об особенностях аффиксации флективных языков (Anleitung Гумбольдта). В этих рассуждениях Сепира - много убедительного. Извлечем из них то, что нам нужно:

1) одно лишь наличие "фузии" не кажется достаточно ясным указанием флективного процесса;

2) что верно относительно "фузии", одинаково верно и относительно "символических" процессов (под которыми Сепир понимает а первую очередь внутреннюю флексию), поэтому Сепир при

детализации агглютинации (goodness) противопоставляет регулярную фузию (books), и "иррегулярную фузию" (depth), и "символическую фузию" (geese при goose);

3) Сепир настаивает на том, что при определении флексии надо обращать внимание на концептуальный аспект: "Флективный язык, вроде латинского или греческого, использует метод фузии, и этой фузии присуща как внутренняя психологическая, так и внешняя фонетическая значимость. Но еще недостаточно, чтобы фузия обнаружилась только в сфере деривационных понятий..., она должна охватывать и синтаксические отношения, выражаемые либо в их чистой форме..., либо, как в латинском и греческом, в виде "конкретно-реляционных понятий"; и далее: "Для того, чтобы можно было говорить о флективности, необходимы и наличие фузии как общего метода и выражение в слове реляционных понятий" (с. 106);

4) после этого Сепир еще более определенно ограничивает права флексии: термины "фузионный" и "символический" противопоставляются термину "агглютинативный", который, со своей стороны, вовсе не соотносителен с термином "флективный" (с. 106); и далее Сепир предлагает воспользоваться понятием "флективности" в качестве отправной точки для построения классификации, основанной на природе выражаемых в языке понятий.

Две другие классификации: одна, основанная на степени синтезирования, другая - на степени фузирования, могут быть "удержаны в качестве перекрещивающихся схем, позволяющих производить дальнейшие подразделения в наших основных концептуальных типах" (с. 107).

Критика Сепира, направленная на замену противоположения "агглютинация - флексия" иным противоположением: "агглютинация - фузия", представляется убедительной. Что же касается тезиса Сепира о примате "концептуальной классификации" языков, то здесь-то и кроется слабость построения Сепира (см. ниже в § 8).

§ 6. Можно ли при определении понятий агглютинации и фузии ограничиться одним признаком связи морфем, как это пытается делать Сепир (хотя его же термин "символическая фузия" предполагает иную точку зрения!)?

Думаем, что нет. Исходя из понимания структуры как целого, которое "было раньше своих частей", важно понять, с чем же сопряжена эта "фузионная связь морфем" в отличие от "агглютинирующей связи" и как это отражается и на самих морфемах, и на образуемом из них слове как целом. Возьмем какой-нибудь пример "того же", т. е. чтобы концептуально было "то же", но в смысле "техники языка" было бы иначе. Это можно сделать на сопоставлении "того же" и "не того же", если взять самые обыкновенные слова, например: *любить, ждать, родить, брать..., отец, мать, брат, сестра* и под. и построить из них любое предложение в русском и каком-нибудь тюркском языке. Для грамматики неважно, что одному русскому слову *брат*, например, в киргизском языке будет соответствовать два слова: *ага* 'старший брат' и *ини* 'младший брат', просто же слово со значением 'брат' будет отсутствовать, а слову *сестра* таких соответствий будет еще больше (старшая или младшая, по отношению к брату или по отношению к сестре); не важно также, и кто кого *любит, ждет, даже родит*. Важно то, что в тюркских языках и 'отец', и 'мать', и любой из 'братьев', и любая из 'сестер' будут склоняться по одинаковой парадигме с раздельным выражением падежа и числа, что парадигма спряжения для всех указанных глаголов будет также единой.

В русском же языке все это будет не так: глаголы *любить* и *ждать* следуют разным парадигмам спряжения, *родить* не может образовать форм без чередований в основе, а *брать* в зависимости от вида и времени будет связан еще и с супплетивизмом; *отец, мать и сестра* будут склоняться по разным парадигмам, и даже *отец и брат*, принадлежа к одной и той же парадигме, образуют множественное число по-разному; а падеж и число при всех этих различиях будут выражаться одним аффиксом совместно.

И порядок линейного расположения элементов во фразе тоже не будет соответствовать в этих языках: если обычно в русском нормален такой порядок, когда на первом месте подлежащее, на втором сказуемое, а на третьем дополнение, то в тюркских языках дополнение предшествует сказуемому и даже может выходить на первое место, а сказуемое-глагол замыкает фразу.

Что же из этих различий наиболее существенно типологически и исходя из чего следует определять основную грамматическую тенденцию языка?

Оставляя в стороне синтаксис и ограничиваясь морфологическим строением слова, можно наметить основную грамматическую тенденцию данного языка и дать ее лингвистическую характеристику.

Каждая из двух тенденций - агглютинация и фузия может быть охарактеризована четырьмя признаками, имеющими общий род, но попарно противопоставленными по виду:

Признак	Тип	
	агглютинирующий	фузионный
Значность	одно-значность	много-значность
Стандартность	стандартность	нестандартность
Разграничение морфем	четкое (без комплексных соединений)	нечеткое (наличие комплексных соединений)
Характер и положение основ	самостоятельность каждой основы	несамостоятельность каждой основы

Каждый из приведенных признаков достаточно характеризует ту или иную структурную тенденцию, но оказывается, что не только сейчас же вызывает сопряженные с ним другие признаки, но и не мыслим вне этого целого.

§ 7. Важно ли ставить в один ряд с указанными четырьмя признаками, характеризующими различие фузионной и агглютинированной лексемы, еще и пятый признак - фонематическую изменяемость корня?

Если мы имеем в виду противопоставление, допустим, русского языка (как типичного славянского и шире - индоевропейского фузионно-флективного) и казахского (как типичного тюркского, шире - алтайского, сингармонистически-агглютинативного), с другой, то, может быть, и стоит.

Здесь дело в том, что если в казахском (resp. вообще в чисто агглютинирующем) языке и бывают случаи морфологических чередований (например: *мурын - мурн-ы*, где синхронно взятая фонетика ни при чем), то это не только не "дорастает" в таких языках до внутренней флексии, но и вообще не типично, и такие случаи надо искать; тогда как в русском языке (resp. вообще в типичном фузионно-флективном) это "заложено" в самой "природе" языка, пусть даже эти чередования далеко не всегда будут использованы в качестве грамматического способа внутренней флексии, как в русском глаголе, где это является одним из способов различения видовых пар: *набирать - набрать, называть - назвать*, где рядом сосуществуют и другие аналогичные пары, но отношение в которых выражено уже иначе: *настигать - настичь, натирать - натереть, набегать - набежать, нанимать - нанять, нарезать - нарезать, писать - написать* и т. д. Если в русском языке в чистом виде внутренняя флексия как единственный способ различения грамматического значения применяется редко (*набирать - набрать, набегать - набежать, нанимать - нанять*, см. выше), то, например, в германских языках не только широко представлен древний глагольный аблаут, но и развился через обратный сингармонизм новый именной умлаут [20]; что же касается морфологических (по Бодуэну - традиционных) чередований, т. е. не обусловленных синхронно позиционными или комбинаторными условиями, то ими славянские языки исключительно богаты, вследствие чего большинство морфем окружено алломорфами, а морфонология в таких языках делается обязательным разделом лингвистического описания [21].

В области словоизменения особенно много таких чередований в русском языке в глагольных формах (*терплю - терпишь, люблю - любишь, ломлю - ломишь, графлю - графишь, ловлю - ловишь, лечу - летишь, рожу - родишь, хрещу - хрустишь, гвозжу - гвоздишь, пеку - печешь, бегу - бежишь*, а также: *клеветать - клеветшу, страдать - стражду, двигать - движу, плакать - плачу*); в формах степеней сравнения (*крут - круче, тверд - тверже, прост - проще, легок - легче, строг - строже, сух - суше* и т. д.); [правда, в именной парадигме русский язык, в отличие от украинского и западнославянских, устранил такие

чередования внутри каждого числа (вместо прежних *рука - руке, нога - ноге, блоха - блохе*: *руке, ноге, блохе* - унификация по аналогии), но между числами такие чередования наличествуют (*сук - сучья, друг - друзья*; у *х*-основ таких чередований нет).

С еще большей обязательностью такие чередования выступают в словообразовании: *глуп - оглуплять, груб - огрублять, лом - преломлять, графа - разграфлять, улов - уловлять; рука - ручка, ручной, нога - ножка, ножной, пастух - пастушок, пастуший*, а также: *волок - заволочье, порог - Запорожье, мох - замошье, кулак - кулачье, батог - батожье* и т. п.

Но главное здесь не то, что "изменение корневых элементов" (Сепир) в русском почти обязательно, а в казахском почти невозможно, а в том, что есть языки, где характер аффиксации явно агглютинирующий, а "изменение корневых элементов" обязательно в несравненно большей степени, чем в языках индоевропейских: это языки семитские, что разъяснил еще Ф. Ф. Фортунатов в курсе "Сравнительного языковедения", где сказано: "... в этих языках... основы слов сами имеют необходимые формы, образуемые флексией . основ..., хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных" [22].

Как раз именно эти мысли Фортунатова остались чуждыми большинству лингвистов следующих поколений, в том числе и Сепиру, к. чему мы вернемся ниже, в § 10.

§ 8. В зависимости от того, господствует ли в данном языке или в данном типе языков тенденция агглютинации или фузии, существенно варьирует и такое явление, как основа.

По поводу деления лексемы на основу и аффикс Е. Д. Поливанов писал в книге "Русская грамматика в сопоставлении с узбекским-языком": "Аналитические языки (как Поливанов называет языки агглютинирующие, о чем см. ниже, в § 10. - А. Р.) обладают более отчетливой делимостью слова на основу и суффикс, так как основа без суффикса (например, узб. *бала, ата, ат, кара* и т. д.) представляет собою вполне нормальный тип слова в этих языках" [23]. Любопытно отметить, что, обладая указанной самостоятельностью и существуя как отдельное слово, основа в этом типе языков не выявляет в составе производных лексем свойств порождающего их слова. В языках же с фузионной тенденцией основы, с одной стороны, как правило, незаконченны и тем самым несамостоятельны, а требуют для завершения формообразования аффиксов, например, в русском именные основы (*с'эм'ј-, окн-, кол'ц-*), взятые из слов *семья, окно, кольцо*, даже при нулевой аффиксации требуют преобразования по законам чередования "беглых гласных": *семей, окон, колец*; такие же глагольные основы, как *болта-, беле-, рисова-*, требуют обязательной положительной аффиксации: *болта-л (-ть), беле-л (-ть), рисова-л (-ть)* и т. п.; с другой же стороны, основы в этих языках гораздо "лексичнее", так как они сохраняют многие свойства порождающих их лексем и выявляют эти свойства при новом формообразовании. Любая словоформа в этих языках может рассматриваться как преобразование порождающей ее основы.

Если в русском языке девербативные образования типа *nomina actionis* не сохраняют характер переходности или непереходности порождающего их глагола (*ломание* и от *ломать* и от *ломаться*. и т. п.), то видовые различия в этих девербативных образованиях имеют тенденцию сохраняться [24]. Поэтому вполне реален пример: *Решением шахматных задач он давно занимается, но решением их пока что похвастать не может.*

Это же сохраняется и в девербативах типа *nomina agentis*: *решитель судьбы* и *решатель шахматных задач* (последнее - узаконенный термин в шахматной литературе), а наряду с *решительными действиями* могут быть и *решительные способности* у шахматиста-аналитика.

Если язык имеет эту возможность как модель, то, значит, в его системе заложено продуктивно указанное свойство: сохранять глагольную категорию вида в различных девербативных образованиях. Тем самым в таких языках, как русский, основа является как бы заместителем слова в его грамматической характеристике. В морфологии таких языков основа в отличие от корня является особой единицей и требует своего места в соответствующих морфологических рядах.

С этим связан и еще один морфологический вопрос, важный для языков фузионного типа, - вопрос о производящих (первичных) и производных (вторичных) и о свободных и связанных основах, что

было предметом дискуссии в 1946-1948 гг. в связи со статьями Г. О. Винокура "Заметки по русскому словообразованию" [25] и А. И. Смирницкого "Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ" [26] и что в шутку называли "спор о буженине".

Г. О. Винокур, сопоставляя такие эпифорически совпадающие слова, как *черника* и *гвоздика*, *брусника*, *клубника*, как *конина*, *свинина* и *буженина*, приходит к выводу, что в словах *брусника*, *клубника*, *гвоздика* нет суффикса *-ик*, а в слове *буженина* нет суффикса *-ин* (с. 317).

Основанием этому решению служит тезис: "... если по выделении из состава какой-нибудь основы известного комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звуко сочетание, то выделение произведено неправильно" (с. 317). Пояснением к этому служит такое положение: "Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы" (с. 317), поэтому "мясо" в слове *буженина* "обозначено словом буженина как целым". Между тем как в словах *конина*, *свинина*... комплекс *ин* означает не просто мясо, а непременно мясо того животного, которое названо в первичной основе (с. 317).

Различные виды основ Г. О. Винокур определяет так: "До сих пор речь шла только о таком соотношении двух основ, в которых первичная, или, шире, - производящая основа один раз дана внутри производной, а в другой (раз. - А. Р.) - в свободном, выделенном состоянии, без соответствующих аффиксов; ср.: *садовник* при *сад*, *принести* рядом с *нести* и т. д. Но наряду с этим в русском языке есть очень много таких соотношений, оба члена которых представляют собой производные основы, с общей производящей основой, но разными аффиксами, [которая] в свободном состоянии не существует. Такие основы можно было бы назвать основами связанными" (с. 327). Примером может быть основа *-у* в *обуть*, *разуть*, о которой сказано: "Хотя сопоставление обоих этих слов и дает основание выделить здесь первичную основу *у*, этому с трудом верится, так как неясно - что же, собственно, означает эта основа?" (с. 327).

Итак, для выделения основ у Г. О. Винокура два критерия: 1) раздельное существование (*сад* при *садовник*, существующее отдельно, или же *беж-* при *беженец*, не существующее отдельно) и 2) наличие самостоятельного значения выделенного или же отсутствие такого значения (*черн-* в *черника* или же *бужен-* в *буженина*, *-у* в *обуть*, *разуть*) [27].

А. И. Смирницкий в отклике на статью Г. О. Винокура, соглашаясь "со многими принципиальными положениями", "а также с... анализом отдельных примеров", возражает, однако, по одному "из основных вопросов морфологии" (с. 21). Вот это возражение, связанное с примерами *малина* и *смородина*. "... если *-ин* в рассматриваемых основах значит "ягода", то очевидно, что *мал-* и *смород-* значат то в *малине* и *смородине* соответственно, что отличает эти ягоды друг от друга и от прочих ягод" (с. 23); хотя "эти комплексы не могут быть использованы сами по себе", т. е. без морфем *-ин* при описании значения основ *малин-* и *смородин-*, "но оно отнюдь не заставляет признать, что у этих комплексов нет значения, что они являются пустыми звуко сочетаниями" (с. 23).

Далее Смирницкий возражает Винокуру по поводу того, что, по мнению Винокура, в таких случаях, как *пастух*, *жених*, членимость слова оправдана, так как эти слова входят в ряды по общности корня (по аффиксу здесь рядов нет), а в случаях со словами *малина*, *смородина*, *брусника*, *клубника* - членимость не оправдана, так как эти слова имеют ряды только по аффиксу, но не имеют рядов по корню; мнение же Смирницкого таково: "Определение ... того, чем является выделенный звуковой отрезок, - корнем (или вообще более простой основой) или аффиксом, - представляет собой особую проблему, отличную от проблемы самого членения основы или слова" (с. 25). В подтверждение этого Смирницкий приводит случаи "обратного словообразования", когда этот "бастардный остаток" дает новообразования типа английского *to chauffe* 'возить в автомобиле', где производящая основа *chauff* выделена из заимствованного французского слова *chauffeur* 'шофер'; правда, отмечает Смирницкий, в случаях обратного словообразования "два... из членов... входят в два различные ряда (*driver: to drive - chauffeur: X*)", а в таких случаях, "как *малина*, *смородина* и др., подобных пропорций не имеется" (с. 26), но "несмотря на означенное различие, такой случай, как английское *chauffeur* (до образования глагола *to chauffe*), с точки

зрения его морфологического анализа в основном является аналогичным таким случаям, как русские *малина, смородина* и т. п." (с. 26). А. И. Смирницкий заканчивает свой анализ словами: "... предложенный выше анализ подобных слов (типа *малина* и т. п.) отнюдь не противоречит определению производных основ, принимаемому Г. О. Винокуром, но лишь расширяет и обогащает содержание этого определения" (с. 26). Результаты этой дискуссии можно дополнить, так как предмет ее чрезвычайно важен для понимания морфологического строения лексем в фузионных языках.

1) Называть ли морфологически выделяемое в слове "звуковым комплексом" или "звуковым отрезком" - безразлично; главное здесь в том, что этот "комплекс" или "отрезок" в данном случае важен не как "звуковой".

2) Правильно, что в таких языках, как русский, подобные выделенные "отрезки" могут быть либо морфологически реальными - и при этом или каждый из них (*пере-беж-чик*) или хотя бы поодиночке (*бужен-ина, мал-ина, брусн-ика*), в таких случаях "остаток" можно назвать "слепым" (*бужен-, мал-, брусн-*) либо же целое в данном языке ни на какие "отрезки" не распадается (*рококо, деволяй, курултай, шимпанзе*). Этот последний случай, равно как и первый, снимем со счета: они очевидны.

3) Интерес (и спор) представляет второй случай, где "зримое" противопоставлено "слепому" или "полуслепому". Под "полуслепым" мы здесь понимаем случаи типа *гвоздика* и даже *земляника*, где значение данных слов не имеет прямого соответствия со значением "производящих" основ *гвозд'-* и *земл'-*, хотя эти "отрезки" сами по себе и значимы, благодаря встречаемости в таких образованиях, как *гвоздь, гвоздильный, гвоздить* и *земля, земляной, землистый, приземлиться* и даже *земной, наземь*; под "слепым" же - такие случаи, как *буженина*, где "комплекс" *бужен-* сам по себе ничего не значит, и как *обуть, разуть*, где *-у-* не только не имеет поддержки в других образованиях, но и так как "неясно, что же собственно означает эта основа?" [28].

4) Надо во всем этом рассуждении привести такие примеры, как *земляника, гвоздика, клубника*, - здесь оба выделенных "отрезка" повторяются в рядах, и неважно (что для данных слов не существенно), что *земляника* растет на *земле* (а не на кусту, не на дереве), что цветок *гвоздика* сидит на стебле, как шляпка на ножке *гвоздя*, и что у *клубники* хотя плоды и не *клубни*, но эквивалент *клубням* все же есть и т. п.; дело не в том, чтобы выделенный "отрезок" имел то же значение, что и в других случаях, - важно, что он его принципиально имеет, хотя бы и в переносном, искаженном и во всяком случае отдаленном смысле [29].

5) А если даже нет "других случаев", если данное образование единично и изолированно, но если это слово морфологически оформленное, то оно членимо и оставшийся "неразъясненным" отрезок не только морфологически конструктивен (ведь возможны же новообразования: *сморода, брусёна* в диалектах, *коша* от *кошка* в детской речи, *точьца* у Маяковского [30] и т. п.), но и потенциально значим, благодаря тому что это член парадигматической системы в морфологии данного языка [31]. Любой изолированный факт языка благодаря общей системе уже не совсем изолирован, и этого достаточно.

6) То, что понятие "мясо" в слове *буженина*, как говорит Винокур, "обозначено словом *буженина* как целым", - не исключение, а следование ведущей тенденции таких языков, как русский; именно расчлененные комплексы и характеризуют грамматически фузионные языки, где, перефразируя слова определения Гегелем философской редукции, можно сказать: *Zergliedert, aber damit zusammen gefasst!*

Весь этот пространственный экскурс нужен был для того, чтобы показать, какие есть первоочередной важности для фузионных языков морфологические вопросы, которые не нужны при морфологическом анализе лексем агглютинирующих языков.

§ 9. Не только основа, но и само слово (лексема) в языках агглютинирующих и в языках фузионных морфологически различно. Эти две грамматические тенденции - агглютинация и фузия - морфологически по-разному организуют лексему и словоформу.

Благодаря указанным выше условиям (однозначность, стандартность, регулярность аффиксов), в агглютинирующих языках все "просто", как этого требует машинный перевод. Для построения лексемы в

этих языках надо знать: 1) № аффикса (это как бы "словарь" алгоритма), 2) порядок нанизывания звеньев аффиксальной цепи и 3) полагающиеся по законам внутренних сандхи звуковые изменения на стыках морфем (главным образом корня и первого аффикса), а также законы действия сингармонизма, управляющего лексемой в целом.

В языках же фузионных, наоборот, все - "не просто" (и тем они труднее для машинного перевода!), так как аффиксы принципиально многозначны и не стандартны, а потому и не регулярны, чем повышается "словарный характер" грамматической части лексемы (*стол - столы, стул - стулья, офицер - офицеры, доктор - доктора, жуть - жутью, путь - путем, карат - каратов, солдат - солдат, брат - братьев; везу - везти, лезу - лезть; рожу - родят, покажу - покажут* и т. п.). Да и с основной частью в таких языках много иррегулярностей (*лень - лени, день - дня; поток - потока, каток - катка; мычу - мычит, лечу - летишь; иду - идти, веду - вести, сомкну - сомкнуть, сомну - смять* и т. п.).

Но основное различие морфемного строения лексем в языках этих разных типов состоит в том, что агглютинированная лексема в принципе "цепочечна", а фузирированная - биномна.

Это положение отмечалось в печати и раньше; так, например, о строении индоевропейского слова В. Л. Графф писал: "Как и сложное слово, производное слово представляет собой бинарную конструкцию, т. е. оно разложимо на две части. Если обе части представляются простыми единствами, как, например, *beautifuly*, производство называют первичным; если один из элементов уже сам по себе представляет первичную морфологическую конструкцию, как, например, [(beautiful)+ly], его комбинация с другой частью называется вторичной. Слово вроде *disagreeably* = [dis+(agree+able)]+ly представляет собой третичный продукт, *disagreeability* будет четвертичной комбинацией и т. д." [32].

Это рассуждение Граффа приводит Г. О. Винокур в упоминавшейся статье в связи с тезисом о том, что в русском языке "производная морфема, выделяющая в своем составе несколько морфем, выделяет их не все сразу и одновременно, а так, что между ними обнаруживаются связи разных планов. Например, если от производной основы первой степени образуется новая производная основа второй степени, то три морфемы, образующие эту новую основу, связаны между собой не порознь, в виде одной сплошной цепи Л + В + С, а так, что третья присоединяется к уже готовой комбинации первых двух, т. е. возникает соотношение образца (Л + В) + С; ср. *чит-а-ть*, но (*чит-а*)-*тель* (с. 331). И далее Винокур приводит морфологическую формулу слова *блуждающий*:

{[(блужд-а)-j]-ущ}-ий [33].

О биномности индоевропейского (русского) слова писал еще Ф. Ф. Фортунатов. Его грамматическое учение о форме слова и было "первым приближением" этой концепции. Фортунатов писал: "Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных слов выделять... формальную и основную принадлежность слова". "Основная принадлежность слова в форме слова называется основой слова". "Слово может заключать в себе более одной формы, так как в основе слова, имеющего форму, могут в свою очередь выделяться... формальная принадлежность и основа" [34]. В приведенных словах Фортунатова имеется и положение о бинарности индоевропейского слова и положение о степенях производных основ, что и было выше показано на примере формул слов *блуждающий* и *злостностный* [35].

Следует ко всему сказанному еще добавить одну характеристику, разработка которой является заслугой Казанской школы (И. А. Бодуэн де Куртене, Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий). Это учение об опрощении.

В. А. Богородицкий писал [36]: "Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей [37]. В качестве примеров Богородицкий приводит префиксально-корневые случаи (*по-яс, в-кус, за-дача*) и корнево-осуффиксальные (*кольц-о, палк-а, сут-ки*). Однако Богородицкому эти

правильные положения были нужны для диахронических целей, чтобы показать, "как генетическое значение уступает свое место реальному значению слова" (с. 100).

Ближе к интересующему нас вопросу такое сравнение: "Слова, в которых произошло опрощение, могут распространяться новыми префиксами и суффиксами, например: *забыть* - *перезабыть*, *вкус* - *вкусный* и т. п.". Для того чтобы учение об опрощении помогло пониманию фузионных основ, необходимо понять само опрощение в чисто синхронном плане, что отнюдь не отменяет диахроническое понимание, изложенное у Богородицкого.

Дело здесь заключается в том, что благодаря тесной связи элементов при образовании производных основ в фузионных языках эти элементы не просто линейно складываются в цепочку, а образуют новое морфологическое качество, единицу, готовую в целом принимать новый формообразующий элемент ("формальную принадлежность" Фортунатова). При этом прежний формообразующий элемент производящей основы "затухает", теряет свое формообразующее свойство и тесно срастается с первичной основой (корнем).

В примере *злостностный* первичная субстантивная основа *зл-* благодаря присоединению субстантивного же аффикса *-ост'* породила новую субстантивную основу *злост'* (параллельно можно через присоединение суффикса-флексии *-ой* получить прилагательное *злой*), которая через присоединение адъективного аффикса *-н* превратилась (фузировавшись) в адъективную основу *-злостн-*, а эта основа как целое смогла вновь принять уже ранее бывший в ее составе субстантивный аффикс *-ост'*, - тогда получается производная основа 4-й степени: *злостност'*-, что позволяет присоединить к ней опять адъективный аффикс *-н*, уже находящийся в ее составе, и получить новую адъективную основу: *злостностн-*, откуда слово *злостностный*, что не то же, что *злостный* и тем паче *злой*. Все указанные результаты приводятся здесь по ступеням, не имеющим никакого диахронического значения, а как факты градуированного сосуществования в синхронической системе. Каждая ступень дает новое слово (*зло*, *злость*, *злостный*, *злостность*, *злостностный*), и это "повышение ступеней" можно в принципе производить до бесконечности, была бы только для этого реальная потребность, которая есть для образования трех разных прилагательных (*злой*, *злостный*, *злостностный*).

Возможность в фузионных языках повторять при словообразовании уже наличные аффиксы - следствие их "затухания" при фузирвании в новое целое, а это и есть морфологическое опрощение в синхронном плане.

Биномность образований в фузионных языках присутствует на каждой ступени, благодаря чему "голые" слова-корни в таких языках, как русский, - аберрация: они тоже биномны - *сад-* как корень (первичная основа) не биномен, а слово *сад* биомно: основа *сад-* и нулевой аффикс (формообразующий элемент). В агглютинирующих языках повторение тех же аффиксов в пределах одного слова - явление чрезвычайно редкое. Так, О. П. Суник [38] приводит такую турецкую словоформу: *эв-де-ки-лер-де*, где повторяется якобы аффикс местного падежа: *-де*; правда, О. П. Суник оговаривается, что первое *-де* "... падежным окончанием не является".

Эту словоформу можно и продолжить, например: *эв-де-ки-лер-де-дир-лер* 'они суть у тех, которые дома', а по элементам 'дом-в нем-кто-их много-у них-3-е лицо-их много'. С точки зрения индоевропейских языков - так "нельзя говорить", но это-то и представляет самый главный интерес для типологии языков, когда на одном языке так надо говорить, а на другом так нельзя говорить (ясно, что речь идет не о лексике).

Это пример, приведенный О. П. Суником, льет воду не на его мельницу: аффиксы могут повторяться и в агглютинирующих языках в пределах той же лексемы, но, во-первых, это диахроническое повторение, типа *по-яс*, *в-кус* у Богородицкого, а во-вторых, это аффиксы-омонимы, а не повторение того же аффикса, тогда как в случае *злостностный* повторяются не аффиксы-омонимы, а именно те же аффиксы той же синхронии и обязательно при условии "затухания" первого упоминания этого аффикса [39].

Общий же характер лексемы в агглютинирующих языках совсем не похож на лексему фузионно-флективных языков, а скорее имеет что-то общее с лексемами языков инкорпорирующих, как

показывают "подстрочные" переводы примеров из языков индейцев и народов палеоазиатской группы языков. Общее в этих сходствах - именно отдельность подачи элементов информации в составе словоформы.

Когда-то Фр. Шлегель, распределяя языки в два класса, писал о "языках, имеющих вместо флексии аффиксацию": "... эти языки, безразлично дикие или культурные, всегда тяжелы, спутываемы и часто особенно выделяются своим своенравно-произвольным, субъективно-странным и порочным характером" [40]. А оказывается, что на самом деле все наоборот: капризный идиоматизм грамматического строения индоевропейских слов и "своенравен", и "спутываем", и "тяжел" по сравнению с "трезвой логикой турецкого языка" (Сепир)!

§ 10. Одним из важных следствий проявления указанных двух тенденций - агглютинации и фузии - является общая грамматическая направленность того или иного языка в сторону аналитизма или синтетизма.

Под аналитизмом следует понимать расчлененность заданной в высказывании информации по отдельным элементам структуры языка. Общая формула этой тенденции: каждому элементу заданной в высказывании информации - отдельная единица самого высказывания; таким образом, коммуникация возникает не через целое, не путем комплексных образований, а через последовательный ряд расчлененных частей, из которых каждая несет свою информацию.

При таком методе повышается удельный вес и самостоятельность каждого элемента за счет иррелевантности возможных комплексных объединений. Естественно, что при этом повышается и значимость порядка следования отдельных элементов в линейной цепи речи. Характер же связей и отношений получается при этом чисто сукцессивным и элементарным.

Под синтетизмом же следует понимать комплексную сопряженность заданной в высказывании информации без строгого расчленения на отдельные элементы структуры. Общая формула этой тенденции: сопряженным комплексам заданной в высказывании информации - сопряженные же комплексы самого высказывания; таким образом, коммуникация возникает только через целое и комплексные образования внутри этого целого, превалирующего над расчлененностью по отдельным элементам. При этом методе самостоятельность каждого отдельного элемента в значительной мере нейтрализуется, характер же связей и соотношений отдельных элементов индивидуализируется и не исчерпывается сукцессивностью, поэтому и не может быть элементарным.

При аналитизме носителями расчлененной информации могут быть как отдельные лексемы, так и отдельные морфемы, если характер их соединения в лексему не противоречит основной тенденции аналитизма. Порядок элементов определяет линейный ряд высказывания и может самостоятельно нести информационную нагрузку. В качестве самостоятельного же носителя информации может выступать интонация, опять же отдельно действуя как коммуникативное средство. При аналитизме у каждого элемента есть своя строго очерченная нагрузка и каждый элемент заданной информации имеет своего носителя. Тем самым достигается экономичность высказывания и регулировка его строения простыми правилами.

При синтетизме носителями информации служат индивидуально сочетающиеся комплексы, где нет строгого "разделения труда", так как один элемент может совмещать в себе разных носителей, а разные элементы могут быть носителями той же информации. Тем самым возникает неизбежная избыточность высказывания, наличие "холостых" элементов, не несущих своей отграниченной нагрузки, а участвующих лишь в качестве "наполнителей" комплексов. Индивидуализация связей комплексов не позволяет регулировать построенные таким методом высказывания простыми правилами.

Дополнительно еще следует отметить неизбежную возможность повторения одних и тех же грамматических значений в разных звеньях того же высказывания на основе синтаксического способа согласования, например: *Черные коты мяукают* - здесь значение множественного числа повторяется в каждой из трех лексем; ср. во французском языке: *Les chats noirs miole*, где множественное число выражено только один раз - в артикле, так как в единственном числе остается все то же, кроме артикля: *Le chat noir miole*.

Из всего сказанного следует еще и то положение, что при аналитическом построении высказывания наличествует симметрия элементов заданной информации и элементов самого высказывания, при синтетическом же построении взамен симметрии получается асимметрия.

Как же связать приведенную характеристику аналитизма и синтетизма со всем предшествующим? Есть ли прямая связь и коррелятивное отношение между агглютинирующей и фузионной тенденцией морфологического строения слова, с одной стороны, и аналитической и синтетической тенденцией подачи высказывания, с другой? Мнения лингвистов по этому поводу не представляют единства. Минюя Шлейхера, младограмматиков, Есперсена, обратимся к тем авторам, у которых есть вполне определенные мнения. Это прежде всего Э. Сепир, Ф. Ф. Фортунатов и Е. Д. Поливанов.

Основной пафос главы VI книги Э. Сепира "Язык" состоит в том, что автор разъясняет логическую несоразмерность деления языков на изолирующие, агглютинирующие и флективные и критикует с разных точек зрения понятия флективности. Это отмечает и переводчик и комментатор Сепира А. М. Сухотин: "... автор подходит к центральному пункту в своем опровержении традиционных представлений о флективных языках. Он показывает, что один из признаков, характерных для этих языков, именно отсутствие чисто механической связи корня с аффиксальными элементами слова, совершенно независим от другого их признака, именно многозначности аффиксов и их использования для установления связи между членами предложения" (с. 177). Но так ли это?

Если Сепир утверждает, что "флективный язык, на этом мы должны настаивать, может быть и аналитическим, и синтетическим, и полисинтетическим ..." (с. 101), то возникает вопрос: а как же агглютинирующий язык, тоже может быть "любим" по аспекту синтезирования?

Прямого ответа на этот вопрос Сепир не дает. С одной стороны, он утверждает, что флективные языки "более синтетические, чем аналитические" (с. 101); с другой стороны - такое его утверждение: "Одно лишь наличие фузии не кажется достаточно ясным указанием флективного процесса" (с. 102). Но уже совсем ставит в тупик такое заявление Сепира: "Если под агглютинативным языком мы разумеем такой, где аффиксация происходит по технике сопологания, то мы можем только сказать, что имеются сотни фузирующих и символических языков, не подходящих под это определение агглютинативности, которым тем не менее совершенно чужд дух флективности, свойственный языкам латинскому и греческому" (с. 103).

Здесь следует вспомнить сказанное Сепиром ранее: "Язык может одновременно быть и агглютинативным, и флективным, или флективным и полисинтетическим, или даже полисинтетическим и изолирующим ..." (с. 96), - чтобы прийти уже к полному тупику.

Вскрыв столько тонких характеристик, касающихся и концептуальных, и технических, и синтезирующих возможностей языков, обосновав понятие фузии, которое хотя бы в одном аспекте может иметь самостоятельный решающий голос, - Сепир не дал руку тем, кто хочет понять тип языка по ведущей грамматической тенденции. "Аспекты" Сепира остаются диспаратными и произвольно сочетающимися при характеристике языков.

Особенно показательна в этом отношении характеристика семитских языков: "Семитские языки одновременно и префиксирующие, и суффиксирующие, и символические" (с. 99); а в таблице по поводу арабского языка сказано: "синтетический ... символикофузионный ..." (с. 111). Сдвиг традиционного был бы полезен, если бы Сепир не провозгласил тезис о диспаратности аспектов. Он декларировал, что при классификации языков и при квалификации их тип "мы поступим лучше, если воспользуемся понятием флективности в качестве ценного указания на возможность более широкой и последовательно развитой схемы, в качестве отправной точки для построения классификации, основанной на природе выражаемых в языке понятий. Две другие классификации: одна, основанная на степени синтезирования, другая - на степени фузирования, могут быть удержаны в качестве перекрещивающихся схем, позволяющих производить дальнейшие подразделения в наших основных концептуальных типах" (с. 107).

Здесь, как нам кажется, и кроется причина неудачи Сепира с его типологией языков. Его "концептуальная характеристика" языков - интересна, но не только не очевидна, но и не может быть

доказана, Это скорее - интуитивный портрет, чем точная формула. А принцип независимости диспаратных аспектов - просто неверен! Если брать языковые данные объективно и структурально, то признак диспаратности неминуемо исчезнет, а "концептуальное" из первичной очевидности отойдет в труднодоказуемое.

Сепир или не знал того, что по этим вопросам писал Фортунатов, или игнорировал фортунатовскую точку зрения. А у Фортунатова главный интерес представляет не типология языков (она недостаточна по охвату типов, но блестяща по тонкости характеристики наличных), а понимание морфологической структуры слова и тенденций агглютинации и "не-агглютинации" в отношении этой структуры. Общий тезис Фортунатова изложен в разделе "Слова языка" курса "Сравнительное языкознание": "Различие между языками в формах отдельных слов может касаться не одних только значений форм, но и самого способа образования форм в словах; например, индоевропейские языки в этом отношении резко отличаются от языков семитских или от так называемых урало-алтайских языков, точно так же, как семитские и урало-алтайские языки в свою очередь резко различаются между собою в этом отношении, т. е. по отношению к способу образования форм отдельных слов" [41].

В следующем разделе курса - "Морфологическая классификация языков" - даются точные характеристики этих различий: "В значительном большинстве семейств языков, имеющих формы отдельных слов, эти формы образуются при посредстве такого выделения в словах основы и аффикса, при котором основа или вовсе не представляет как называемой флексии, или если такая флексия и может являться в основах, то она не составляет необходимой принадлежности форм слов и служит для образования форм, отдельных от тех, какие образуются аффиксами. Такие языки ... называются ...агглютинирующие..., т. е. собственно склеивающие, потому что здесь основа и аффикс слов остаются по их значению отдельными частями слов в формах слов, как бы склеенными" (с. 153).

"К другому классу ... принадлежат семитские языки; в этих языках ... основы слов сами имеют необходимые ... формы, образуемые флексией основ, хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных ... Я называю семитские языки флективно-агглютинативными я называю их так потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как в языках агглютинирующих" (с. 154).

"К третьему классу ... принадлежат языки индоевропейские; здесь ... существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами, вследствие чего части слов в формах слов, т. е. основа и аффикс, представляют здесь по значению такую связь между собой в формах слов, какой они не имеют ни в языках агглютинативных, ни в языках флективно-агглютинативных ..., для этих-то языков я и удерживаю название флективные языки, т. е. флективными языками я называю языки, представляющие флексию основ в сочетании основ с аффиксами, т. е. для образования тех самых форм слов, которые образуются аффиксами" (с. 154).

Несмотря на затрудненность и даже корявость приведенных формулировок Фортунатова, - они точны, как формулы. Во всех трех классах есть основы и есть аффиксы. Следовательно, различие этих классов не в наличии или отсутствии аффиксации, а также и не в способности или неспособности основ к флексии, а в отношении и связи аффиксов и основ при образовании форм слов.

Образование формы слова может происходить комплексным усилием взаимно соотнесенных основы и аффикса (при этом здесь внутренняя флексия не обязательна), как в русском языке, например: *при-езд-и-ть*, но *при-езж-а-ть* (невозможны формы: *при-езд'-а-ть* и *при-езж-и-ть*); может происходить только аффиксально, как в тюркских языках, где лишь фонетически основа участвует в подборе вида аффиксов (сингармонизм); и отдельно (а не комплексно) параллельным усилием основы (где перегласовка обязательна) и независимым от соотношения с основой присоединением аффикса, как в семитских языках.

Для того, что Сепир называет "чертеж языка", эти тенденции очень важны, и они проявляются обязательно в совокупности сопутствующих признаков. Языки - представители первой тенденции (русский, латинский, литовский) - синтетичны в основном устремлении своего "чертежа"; тюркские и другие

агглютинирующие - аналитичны (на чем можно настаивать!), а арабский, амхарский и подобные флективно-агглютинирующие языки - синтетико-аналитичны.

Вообще же распределение тенденций синтетичности и аналитичности неотъемлемо связано с морфологическим типом образования форм слов.

Все это еще раз подтверждает на ходу брошенное, но противоречиво использованное мнение Сепира: "Этот тип, или чертеж, или структурный гений языка есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта" (с. 94).

По поводу сопряженности тенденций агглютинативности и фузионности, с одной стороны, и тенденций синтетичности и аналитичности, - с другой, точка зрения Сепира представляется противоречивой. "В синтетическом языке (латинский, арабский, финский. Sic! - А. Р.) понятия плотнее между собой группируются, слова обставлены богаче" (с. 100); в таблице на стр. 111 турецкий язык отнесен к синтетическим, а на с. 97 Сепир, упрекая "поборников флективных языков", противопоставляет "иррациональностям латинского и греческого языков" - "трезвую логику турецкого языка или китайского". Что же получается? С одной стороны, турецкий и финский языки, объединены с латинским и арабским, а с другой стороны, в противовес тому же латинскому турецкий объединен с китайским по признаку "трезвой логики".

Иную и очень последовательную мысль проводит в своих работах Е. Д. Поливанов: "... агглютинативные языки вместе с так называемыми изолирующими составляют два главных подкласса категории аналитических языков", а русский язык "... наоборот, противопоставляется агглютинативным языкам в качестве одного из флективных языков" [42].

В предшествующей, теоретической, работе он так обосновывал это свое положение: "Разнообразие суффиксов, служащих для выражения одной и той же морфологической категории ..., служит типовым отличием синтетических языков (в том числе и русского) от аналитических, к которым принадлежит узбекский язык (относящийся к агглютинативной разновидности аналитических языков)", и далее: "1. В синтетических языках суффиксальная морфема обладает сложным значением, т. е. совокупностью различных частных значений (или отдельных идей)... В узбекском же языке падежный аффикс ... выражает только идею падежа ..., а значение числа передается своим суффиксом ..., который опять-таки выражает только одну данную идею ... 2. Аналитические языки обладают более отчетливой делимостью слова на основу и суффикс; так, основа без суффикса ... представляет собою вполне нормальный тип слова в этих языках; в синтетических же языках, в виде доминирующей нормы, изменяемое слово должно состоять из двух частей - основы и суффикса ..." [43].

Несмотря на то что Поливанов не употребляет понятия фузии, разъясненное с таким блеском Сепиром, и несмотря на то что у Поливанова план "агглютинации - флексии" перекрещивается с планом "синтетизма - аналитизма", его выводы мне представляются совершенно убедительными. Что же касается Сепира, то приходится удивляться, как он, так тонко разъяснивший все необходимые предпосылки и слагаемые типологической теории, сам в них запутался, а "беда" его классификации языков не только и не столько в том, что "для него его классификация только классификация" (см. статью А. М. Сухотина "Эдуард Сепир и его место в лингвистике") [44], а в том, что его "концептуальный аспект" явно не сходится со структуральной реальностью данной действительности - с типологией языков.

§ 11. Какие же общие выводы можно сделать на основании рассмотренных ранее положений и противоречий?

1) Между агглютинирующими и фузионными тенденциями морфологического образования слова и аналитическими и синтетическими тенденциями организации высказывания если и нет попарной конгруэнции, то, безусловно, есть коррелятивная потребность, что явно не вяжется с утверждением о диспаратности аспектов у Сепира. В подтверждение мнения о сопряженности указанных тенденций я могу сослаться на интересные соображения А. А. Холодовича: "В области морфологии наблюдается ... замена аналитических процессов синтетическими ... Этому процессу сопутствует (sic! - А. Р.) усиливающаяся флектизация, замена агглютинативного механизма фузирующим ...".

2) Как правило, агглютинация предопределяет аналитическую тенденцию организации высказывания, и этому сопутствует регулярность образования форм.

3) Наоборот, при осуществлении фузии организация высказывания имеет тенденцию синтетическую, и благодаря возможности последовательных опрощении образование форм характеризуется иррегулярностью и изобилует параллелизмами.

4) Агглютинация может сочетаться как с изоляцией, так и с инкорпорированием, тогда как фузия в таких сочетаниях невозможна [45].

5) Если по всей совокупности характеризующих признаков и по ведущей тенденции языка алтайские, финно-угорские, японский, корейский, банту и многие другие следует отнести к агглютинирующему типу аналитического рода, а языки индоевропейские - к фузионному типу синтетического рода, то языки семитские не принадлежат ни к тому, ни к другому классу, так как в них морфологическое строение слова определяется раздельными, не синтезированными вместе, но сопряженными в одно двумя моментами: обязательной флексией основы и агглютинирующим присоединением аффиксов; это третий класс языков - флективно-агглютинативный (по Фортунатову) и синтетико-аналитический по совокупности тенденций [46].

6) Изолирующие языки относятся явно к аналитическому типу, если же в них обнаруживается грамматически что-то сверх изоляции, то это тоже агглютинация. Что же касается языков инкорпорированных, то это по первому признаку языки агглютинирующие, а по второму - инкорпорированные и полисинтетические, что отнюдь не значит, что они первые в языках синтетических, скорее они особые в языках аналитических, так как в них нет фузии.

Примечания

1. О случаях с потенциальными корнями (радиксоидами) типа *обуть, разуть, вынуть* см. ниже, § 8.

2. Вопрос об инфиксах мы сознательно оставляем в стороне.

3. Обычный термин "суффикс" не противопоставлен терминологически термину "префикс", что имеется в термине "постфикс", предложенном И. А. Бодуэном де Куртене.

4. Так, в языке суахили отнесение к именному классу и детализация этого показана префиксацией, а производные формы глагола и локативные отношения имен показаны постфиксацией. См.: *Мячина Е. Н.* Язык суахили. М., 1960. С. 16, 17, 20, 23 и др.

5. О характере соединения префиксов и различных постфиксов с корнями и основами в индоевропейских языках и об их общей характеристике см. ниже, § 8.

6. Правда, так называемые "легкие приставки" в русском языке могут выражать и чисто реляционные значения, например видовые: *делать - сделать, писать - написать*, но чаще те же префиксы совмещают деривационное значение (см.: *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1960. С. 218, а также: *Агаян Э. Б.* Введение в языковедение. М., 1960. С. 289).

7. Это касается только определенных рядов глаголов, не распространяясь на иные по внешнему виду аналогичные однокорневые образования типа: *катать - катить, сажать - садить, ломать - ломить*, где оба глагола того же несовершенного вида (бывают и мнимые "пары" вроде: *давать - давать, кропать - кропить* и даже *почать - почитать, смешать - смешить, спать - спать*, где и морфология разная и корни не те).

8. См. : *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1947. С. 89; *Он же.* Введение в языковедение. М., 1960. С. 219.

9. *Bohtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. - St.-Pb., 1851. - S. 24. lang=EN-US style='mso-ansi-language:EN-US'>

10. Там же.

11. *Бодуэн де Куртене И.* Резья и резьяне // Славянский сборник. 1876. Т. III. С. 322-323.
12. *Фортуатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение // Избр. тр. М., 1956. Т. 1. С. 139.
13. *Сепир Э.* Язык. М.; Л., 1934. С. 94.
14. *Дельбрюк Б.* Введение в изучение языка. - В кн. *Булич С.* Очерк истории языкознания в России, т. 1, СПб, 1904, С. 16.
15. Там же. С. 32, 79.
16. Там же. С. 49.
17. Так это трактует Б. Дельбрюк (Указ. соч. С. 78-116), а также: *Томсен В.* История языковедения до конца XIX века. М., 1938. С. 59.
18. См.: *Scleicher A.* Zur Morphologie der Sprache . - В., 1859.
19. *Сепир Э.* Указ. соч. С. 99, 101, 105-115.
20. Характерно, что обратный сингармонизм в уйгурском языке не переходит в грамматику и остается фонетическим явлением, см.: *Реформатский А. А.* О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 105-106; аналогичное явление описано в аварском языке, см.: *Сулейманов Я. Г.* О явлении обратного сингармонизма в аварском языке. - ВЯ, 1960. № 2. С. 93-96.
21. См.: *Trubetzkoy N. S.* Das morphonologische System der russischen Sprache // TCLP, 1934.
22. *Фортуатов Ф. Ф.* Указ. соч. С. 154.
23. *Поливанов Е. Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933. С. 52.
24. Ср.: Учен. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. 1941. Т. I. Вып. 2. С. 26, 27.
25. *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. V. Вып.4.
26. Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ. 1948. Вып. 5.
27. Кстати, Г. О. Винокур поминает старославянское *изоути* (с. 328), чему есть живой литературный пример из текста от автора у Сухово-Кобылина: *После такой передряги спорол галуны ливрейные, изул штиблеты от ног своих.* (список действующих лиц драмы "Дело", характеристика Тишки в группе V, где, конечно, архаизмы даны для гротеска и бурлески: *изул штиблеты от ног своих*).
28. *Винокур Г. О.* Указ. соч. с. 327. Автор дает следующее пояснение к этому: "...такого рода соотношения, покоящиеся на ограниченном числе членов и притом выделяющие основу, бедную в звуковом отношении, как мы это имеем в случае основы -у-, очень неустойчивы и легко подвергаются изменениям" (с. 328). Но "звуковая бедность" и "ограниченность числа членов" присутствуют, например, и в таком случае, как *щи*, где основа *щ-*, а "парадигма": *щи, шей, ...щаной* да еще однословоформное *щец*. И все-таки этого достаточно.
29. Ведь нельзя же думать, что "точка *топора*" и "точка *после инициала*" - одно и то же слово! Что же тогда может "значить" основа *точ-* в *точка* при отсутствии *точа* и др.?
30. См. *Реформатский А. А.* Точьца, тачьца и пятаец // Вопросы культуры речи. М., 1959. Вып. 2. С. 230-232.
31. См . об этом: *Реформатский А. А.* Что такое структурализм? // ВЯ. 1957. № 6. Там было сказано: "... в языках флективно-фузионных мы неизбежно встречаемся с затруднительными случаями морфологической членимости лексемы, когда суффикс "затух", а корень еще "играет" и, наоборот, когда корень "затух", а суффикс "в игре" (ср. такие случаи, как *вьюшка, пастух, обувь, буженина* и др., где можно пользоваться терминами "потенциальный" суффикс и корень, или "суффиксоид" и "радиксоид")" (С. 34).
32. *Graff W. L.* Language and languages, L., 1932. P. 150 etc..

33. Данную символику словообразования в русском языке я применял, независимо от Граффа (1932) и от Винокура (1946), с 1938 г. на моих лекциях; см. также: *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. С. 91; Он же. Введение в языкознание. С. 224, где дана морфологическая формула лексемы злостный:{{(зл)-ост'}}-н-ост'-н(ый); подобное дважды удвоенное образование взято для того, чтобы разъяснить еще одно свойство фузионных языков - опрощение, о чем см. ниже.

34. *Фортунатов Ф. Ф.* Указ. соч. С. 136, 138.

35. Я никак не могу согласиться с возражениями В. П. Старинина в его очень интересной книге "Структура семитского слова" (М., 1963. С. 87 и ел.), но к этому я вернусь в другой работе.

36. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики / 5-е изд. М.; Л. 1935. С. 99; *Он же.* Очерки по языковедению и русскому языку / 4-е изд. М., 1939. С. 193).

37. Все это также разъяснено у Ф. Ф. Фортунатова (Указ. соч. С. 137, 138).

38. *Суник О. П.* Проблема агглютинации в алтайских языках. Л., 1960. С. 9.

39. Вообще аргументация типа: "А ведь в турецком языке бывают многозначные аффиксы" (см. примечания Э. В. Севортяна к кн.: *Дмитриев Н. К.* Турецкий язык. М., 1960. С. 89), "и даже аффиксы там могут повторяться" (см. приведенное указание О. П. Суника) неубедительна; на это можно ответить: "А вот в русском языке бывают такие случаи, как *кинь - киньте, кинем - кинемте - кинемтесь - кинемтесь-ка* и под." или что в русском языке префиксация в тенденции агглютинативна, - это не может изменить оценки типа русского языка как флективно-фузионного, так же как и оценки тюркских языков как агглютинирующих.

40. *Шлегель Фр.* О языке и мудрости индийцев. СПб., 1808.

41. *Фортунатов Ф. Ф.* Указ. соч. С. 139.

42. *Поливанов Е. Д.* Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ташкент, 1935. С. 42.

43. *Поливанов Е. Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. С. 52.

44. См. : *Сепир Э.* Указ. соч. С. XVII.

45. *Холодович А. А.* Строй корейского языка. Л., 1938. С. 8. См. об этом подробнее в кн.: *Скорик П.Я.* Грамматика чукотского языка. М.; Л., 1961. Ч. I, где говорится: "... в чукотском языке не меньшее место, чем инкорпорация, занимает агглютинация, причем само инкорпорирование обусловлено своеобразием агглютинации в этом языке..." (С. 80, см. также с. 81, 97, 98, 109, 112, 113).

46. В свете новых работ на тему об изменении основы и аффиксации в семитских языках можно принять следующие уточнения: 1) огласовку трехсогласных семитских корней считать особым видом аффиксации, - это прерывистый аффикс, который иногда предлагается называть то диффиксом, то трансфиксом; 2) не применять к этому грамматическому явлению термина "внутренняя флексия", так как а) это аффиксация и б) в семитских языках наряду с трансфиксацией (диффиксацией) есть и то, что можно называть внутренней флексией (см.: *Старинин В. П.* Указ. соч. С. 47).

ПРИНЦИПЫ СИНХРОННОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

А.А. Реформатский

ПРИНЦИПЫ СИНХРОННОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

(Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. - М.,1987. - С. 20-40)

Вопрос о том, как подходить к изучению и научному описанию языка, требует тех или иных философских и методологических предпосылок понимания природы и роли языка среди явлений действительности, его места в онтологических рядах. Эти предпосылки имеются у каждого пишущего о языке, будь они логически обработаны и сформулированы или нет, так как в зародышевом, эмбриональном виде они присутствуют в каждой строчке, написанной о языке. Предпосылки эти определяют "что" и "как". Но есть еще один важный и, может быть, самый важный аспект - "зачем?". Этот аспект и может служить компасом целенаправленности лингвиста.

На открытии РЕФа в 1929 г. В.В. Маяковский сказал: "Все споры наши и с врагами и с друзьями о том, что важнее - "Как делать" или "Что делать" - мы покрываем теперь основным нашим литературным лозунгом - "Для чего делать", т. е. мы устанавливаем примат цели и над содержанием и над формой" [1].

Слова В.В. Маяковского относились в литературе, но выдвинутый им лозунг сохраняет свое значение и для науки, где в наше время пассивная созерцательность должна уступать действительности и целеустремленности. Этот "поворот координат" стоит перед всеми науками до логики и математики включительно. Лингвистика находится в том же кругу. Это не определяет каких-то "вулканических" изменений в самой лингвистической онтологии, это просто - устремление найти в этой онтологии то, что отвечает данной общей или частной целенаправленности нашего времени - "для чего делать", как говорил Маяковский.

Данная точка зрения ничего общего не имеет с прагматизмом. Наоборот, это одно из здоровых устремлений структурализма - в хорошем смысле этого слова. Ведь структурализм ищет реальности, через преодоление эмпирического Schein выискивая подлинное Sein. Так, по крайней мере, я понимаю настоящий, положительный и плодотворный структурализм. Прагматизм же не ищет истины, а довольствуется "полуистинами" - удобными, как комфорт и бизнес. Все это абсолютно чуждо подлинным дерзаниям и самоограничениям науки. Вопрос же "для чего?" - нужный компас научного исследования, который может вывести исследователя из контroversы - беспредметное "созерцание" и сугубо предметное "делячество" - на путь теоретического знания, адекватного своей онтологии. По сравнению с обычной эмпирической регистрацией такой путь является не только теоретически, но и практически более высокой степенью познания.

Если мы признаем, что язык есть "важнейшее средство человеческого общения", что он нужен всем людям, образующим данный коллектив, то именно эти качества - "важнейшее" и "всем" - должны быть первыми показателями упомянутого нами выше "компаса" лингвиста.

Поскольку мы считаем, что язык - не идеология, а орудие и притом орудие особого рода, обладающее не конструкцией, как любое материальное орудие (топор, плуг, комбайн), а структурой и системной организацией, то для всех говорящих первая задача состоит в том, чтобы практически владеть этим орудием в данном его состоянии.

Прав был Ф. де Соссюр, когда он писал: "Вполне ясно, что синхронический аспект важнее диахронического, так как для говорящей массы только он - подлинная и единственная реальность" [2].

Указанная целеустремленность языка (язык - практическое орудие общения) является первой и всеобщей, охватывающей всех соприкасающихся с языком. Если не стоять на точке зрения Канта, гласящей, что наука определяется методом, а не объектом, а полагать, что именно объективно-онтологические характеристики самого предмета, в данном случае - языка, должны определять и науку о языке, то следует признать, что первой целенаправленностью научного рассмотрения и описания языка должна быть целенаправленность синхроническая, отвечающая синхроническим интересам "говорящей массы" и позволяющая подвести теоретическую базу под практические описательные очерки о языке, будь то школьный учебник, или "очерк" в словаре, или сводка правил произношения и т. п.

Чем более такое описание будет адекватным своему объекту по всей реальности его структуры и системной организации, тем полезнее это окажется и практически. Конечно, указанное положение отнюдь не отрицает и не исключает иные аспекты, связанные с другой целенаправленностью, но эти аспекты не могут претендовать на то, чтобы быть первыми.

Следует разобраться в том, что же является непосредственным, доступным исследованию лингвиста объектом? Были ли правы А.А. Шахматов, И.А. Бодуэн де Куртене, Дж. Бонфанте, В. Пизани и другие, говоря: "... реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он слагается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов" [3].

Или: "Конечно, так называемый русский язык представляет из себя чистейшую фикцию. Никакой русский язык, точно так же как и никакой другой племенной или национальный язык, вовсе не

существует. Существуют, как психические реальности, одни только индивидуальные языки, точнее: индивидуальные языковые мышления. Письменный же или же национальный язык представляет из себя средний вывод из известного количества индивидуальных языков" [4].

Или: "Неолингвисты считают, что только данный наш собеседник является конкретным и реальным - в конкретном и индивидуальном акте его речи. Английский язык, итальянский язык - это абстракции; не существует никаких "типичных" потребителей английской или итальянской речи, точно так же как не существует "среднего человека" [5].

Или: "Язык как исторический феномен не существует в действительности; он является такой же чистой абстракцией, как, например, итальянская литература. И подобно тому, как существуют произведения, которые в их совокупности мы называем итальянской литературой, так в действительности существуют только индивидуальные языковые акты, устные или письменные, из которых мы извлекаем понятие о языке итальянском, французском и латинском" [6].

Первый ответ, который мы, однако, все же даем на эти высказывания, - "нет" - конечно, верен, но вопрос, как оказывается при более глубоком рассмотрении, сложнее. Он, во-первых, упирается в проблему "язык и речь" и, во-вторых, в проблему прямой и не прямой данности, что является предметом философской методологии и феноменологии.

В данной статье нет места для подробного анализа этих проблем. Это могло бы служить темой специального исследования и даже специальной дискуссии.

О языке и речи много (хотя и во многом противоречиво) сказано (В. Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Ш. Балли, К. Бюлер, Н.С. Трубецкой, а у нас Г.О. Винокур, А.И. Смирницкий и мн. др.).

В лингвистическом плане я не буду останавливаться на рассмотрении этой проблемы, а сошлюсь на последнюю прижизненно изданную работу А.И. Смирницкого "Объективность существования языка" (изд. МРУ, 1954), с основными положениями которой по вопросу о соотношении языка и речи я согласен.

Совершенно ясно, что в речевом общении "фактом" является "речь". И здесь "речь" - процесс, движимая во времени лента или цепь, то, что можно фиксировать магнитофоном с дальнейшей препарацией речевых "следов" магнитофонной пленки путем кимографии, осциллографии, спектрографии и иных технико-экспериментальных методов. Первично лингвисту дана речь, это его первый непосредственный объект [7].

Но лингвист должен помнить, что та "реальность", о которой говорили И.А. Бодуэн де Куртене, А.А. Шахматов, Дж. Бонфанте и другие, - лишь один из аспектов реальности наряду с другими и что любая "речь" всего лишь частичная манифестация языка как коллективного достояния, как "сокровищницы" (Thesaurus!), обладателем которой являются не "я", не "ты", а "все". Имея перед собой "обладателя", манифестирующего какую-то часть этой "сокровищницы" в данный момент, лингвист должен думать об иных "обладателях", с иными манифестациями, и ... отвлечься от данной манифестации.

Поэтому наука о языке (а не наука о речи!) должна прежде всего уметь остановить данный ей в непосредственном наблюдении процесс речи - будь то изустный рассказ или печатный текст, понять "остановленное" (речь) как систему и структуру (язык), определить все единицы этой структуры в их тождествах и различиях, в их отношениях, соотношениях и взаимоотношениях, в их функциях и в их взаимосвязи, - отдельно по ярусам структуры и совокупно как членов системы. Тогда лингвист получает реальность "второй ступени" - опосредствованную данность. Тем самым тезы о "языке" отдельного индивидуума, которые приведены выше, имеют под собой основание - это факт первой данности, но не подлинный объект лингвиста, который должен в любой речевой экзemplификации прозреть язык.

Кто же ограничивает свой объект только процессом речи? Пожалуй, никто. Но есть науки, которые не должны выходить за пределы речи, хотя и могут соотносить факты речи с чем-либо иным, находящимся за пределами языка. Я думаю, что как психофизиологический процесс речь является предметом психологии, логопедии, невропатологии, а в плане "воспитательном" - областью, которой ведают педагоги и ревнители культуры речи, теоретики "художественного слова" и т. п. Но "речь" для

физиологов и "речь" для "ревнителей культуры речи" - предметы разного порядка, хотя объект и остается один и тот же. Этого требует достигнутое еще в XIX в. разделение наук, часто, правда, понимавшееся как размежевание по эмпирически данным объектам. Здоровая идея искать контуры науки в онтологии ее предмета позитивистски подменялась эмпирическим удовлетворением первой попавшейся данностью.

Идеи XX века, в целом явно антипозитивистские, несмотря на многообразие теоретических направлений в языкознании, привели к тому, что псевдоистины позитивистского Schein стало возможным перевести в реалистический Sein. В XX веке, когда науки "прочно" размежевались, возникла обратная тенденция: синтезирование наук, имевшее своим следствием такие дисциплины, как физическая химия, биофизика, биохимия и т. д.

Значит ли это, что надо, как иногда пытаются делать, создавать психолингвистику, биолингвистику и т. п.? Думаю, что никаких оснований к этому нет. Лингвистика должна быть верна своему предмету и его онтологии, хотя бы она вступала в любые соотношения с посторонними ей, но смежными по пересечению объектов науками.

Поэтому лингвист, непосредственно наблюдая речь как процесс" должен его остановить и прийти к языку, как к второй данности, уже не непосредственной. И эту данность лингвист обязан понять как целое, существующее в данное время для данного коллектива" т. е. осмыслить ее синхронно как структуру и систему и, лишь сделав этот когнитивный акт и доведя его до полной ясности подлинного Sein, затем включить его в новый процесс - исторический.

Итак, если вспомнить о "первой целенаправленности" лингвиста, окажется абсолютно необходимым освободиться от всякого "процессного" аспекта: а) остановить процесс речи и б) не включаться в исторический процесс развития языка. Иначе говоря, в словах и формулах науки отразить объективно существующий для "говорящей массы" статус языка как орудия. Это и есть чистая синхрония. Так поступает каждый опытный диалектолог, когда он слушает и провоцирует на ответы какую-нибудь "бабусю".

Такой естественный и практически продуктивный аспект был чужд младограмматикам, пытавшимся оперировать квазифилософией наивного позитивизма, еще не столкнувшегося с физикой и математикой, но тесно сомкнутого с механической и атомистической психологией И. Гербарта [8].

Сомнения в единственно возможном аспекте для лингвистики - в аспекте Sprachgeschichte Г. Пауля - были и у тех представителей лингвистической науки, которые являлись сверстниками младограмматиков, - я имею в виду И.А. Бодуэна де Куртене (1845-1929) и Ф.Ф. Фортунатова (1848-1914), - и у несколько более молодых лингвистов, например у Ф. де Соссюра (1857-1913).

И.А. Бодуэн де Куртене и в своих ранних работах (польского и казанского периодов), и - в наиболее отточенном виде - в замечательном, но мало известном труде "Versuch einer Theorie phonetischer Alternstionen" (Strassburg, 1895) декларативно, но и аналитически убедительно показал различие явлений Nebeneinander (статической лингвистики) и Nacheinander (динамической лингвистики) и то, как эти аспекты взаимодействуют в языке и в отражающей судьбы языка науке о языке. Это стало в XX в. основным знаменем передовой науки о языке. " Ф.Ф. Фортунатов, наряду с классическими трудами по сравнительному языковедению, дал образцы чисто синхронного анализа в своих работах об основах описательной грамматики [9].

Но наиболее четкая постановка вопроса об эволюционном и описательном аспектах заключается в замечательном труде Ф. де Соссюра "Курс общей лингвистики", книге, которую автор никогда не писал, но которая принадлежит всецело ему и только ему. Переходя к анализу основополагающих тезисов Соссюра о синхронии и диахронии, еще и еще раз хочется подчеркнуть, что осуждать его в непоследовательности, в неполноте, в диспропорции частей - нельзя. Соссюр не написал этой книги! На то, что на страницах этой книги есть, позволяет и обязывает думать дальше и даже спорить и предлагать иные решения. Известный анализ Соссюром оси одновременности, касающейся "отношений между существующими вещами, откуда исключено всякое вмешательство времени", носи последовательности, "на которой никогда нельзя увидеть больше одной вещи зараз и по которой

располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями" [[10](#)], не вызывает возражений: здесь все очевидно и убедительно.

Может ли быть "единство" этих двух антагонистических аспектов, так изложенных? Думаю, что не только не может быть, но и не должно быть; такие попытки обречены на неудачу и могут только повредить делу. Смазывать противоречия, и при этом объективно-онтологические, - значит во имя "метода" насилловать "объект". И вряд ли нужно при синхронном описании - будь то "современный язык" или его прошлый "статус" - вводить "третье измерение". Думаю, что Ф. де Соссюр здесь прав, и перспективно прав. Но в рассуждении Соссюра даны лишь ростки, которые нужно не только дорастить, но и просто продолжить.

Это прежде всего касается теории тождеств и нетождеств, различительных и неразличительных элементов, а также отношений и единиц, которые вступают в эти отношения.

Для того чтобы продолжить анализ Ф. де Соссюра и довести его до полезного применения, нужно выяснить понятия: а) знак, б) структура, в) система. Начнем с понятия "знак".

Это "слово" фигурирует в самых различных текстах, у различных авторов - от мистиков до материалистов, но должного обоснования почти нигде не находит. Думаю, что причина здесь в том, что внимание писавших сосредоточено главным образом, на том, что знак обозначает, т.е. на онтологической характеристике знака, это естественно, но не утешительно, так как понятие "знак" требует своей точной двусторонней дефиниции. О "знаке" говорили в лингвистике давно и много, но ясности от этого не было. Я не буду полемизировать с теми, кто вообще не признает этого термина и не употребляет этого понятия. Приведу некоторые высказывания, которые я готов и поддержать, и ... преодолеть.

Термином "знак" охотно пользовался Ф.Ф. Фортунатов, который писал: "Язык представляет ... совокупность знаков главным образом для мысли и для выражений мысли в речи, а кроме того, в языке существуют также и знаки для выражения чувствований" [[11](#)]. Далее к назначению языковых знаков выражать мысли и чувствования присоединяется еще функция выражения отношений: "... звуки слов являются знаками для мысли, именно знаками как того, что дается для мышления (т. е. знаками предметов мысли), так и того, что вносится мышлением (т. е. знаками тех отношений, которые открываются в мышлении между частями ли мысли или между целыми мыслями)" [[12](#)]. Интересна мысль Фортунатова о взаимодействии разного типа знаков в языке, что перекликается с его учением о форме: речь идет о таких "принадлежностях звуковой стороны языка, которые сознаются (в представлениях знаков языка) как изменяющие значения тех знаков, с которыми соединяются, и потому, как образующие данные знаки из других знаков, являются, следовательно, сами известного рода знаками в языке, именно знаками с так называемыми формальными значениями: неформальные значения знаков языка в их отношении к формальным значениям языка называют значениями материальными ... или также реальными" [[13](#)].

К сожалению, этот интересный анализ, очень близко подводящий к структурно-системному пониманию языка, завуалирован типичными для времени Ф.Ф. Фортунатова психологическими характеристиками о "способности представлений звуковой стороны слов сочетаться между собой в процессе мышления в качестве заместителей, представителей других представлений в мысли" [[14](#)], где и "знаки" и "мышление" в целом переходят в область психологии, а "знаки" получают качество "представлений".

В.К. Поржезинский, следуя в несколько упрощенном виде мыслям своего учителя Ф.Ф. Фортунатова, добавляет один важный признак знака - "доступность внешнему восприятию" [[15](#)], что многими теоретиками знака не учитывается. И.А. Бодуэн де Куртене сознательно сужал понятие "знака" и потому не вводил его в определения: "Знак это то же, что метка, отличительный, произвольно нанесенный или хотя бы только произвольно отмеченный признак" [[16](#)]. Упомянутое здесь у Бодуэна явление, конечно, относится к области семиотики, но, как мы увидим дальше, явно не применимо к характеристике языкового знака.

Самое существенное для теории знака находится во второй части "Logische Untersuchungen" Э. Гуссерля, в главе "Ausdruck und Bedeutung" [[17](#)]. Главные положения Э. Гуссерля состоят в следующем:

1. Всякое выражение (Ausdruck) есть знак (Zeichen).
2. Надо различать настоящие знаки (Zeichen) и "метки" (Anzeichen).

3. Настоящие знаки имеют значение (здесь берется то истолкование знака, которое противопоставляется "приметам", "меткам" типа узелка на платке, "чтобы не забыть").

4. В языковых знаках различаются разные интенции, коррелятивные направленности этих интенций, их "предметности".

5. Отсюда возникает теория того, что в знаке относится к "выражению" говорящего (Kundgabe), к номинативности (gegenstandliche Beziehung) и собственно к значению (Bedeutung). Эти дистинкции Гуссерля нужны и лексикологам и фонетистам, не говоря уже о грамматистах.

6. Очень важным является различие Гуссерля: а) одно значение - разные предметы, б) один предмет - разные значения.

К первому относятся *universalia* - "лошадь", "человек"; ко второму - синонимика, которую определял еще В. Гумбольдт [18] довольно точно.

7. Самое важное по Э. Гуссерлю то, что знак направлен на что-то и что между языковым знаком и "меткой" мелом на двери тех, которых должны были убить разбойники в "1000 и одной ночи", есть принципиальное различие, которое Гуссерль обосновывает терминами *Bedeutungsintendierend* и *Bedeutungserfüllend*.

Онтологически это различие несомненно присутствует. И тем самым язык никогда не может быть идентифицирован с кодом. Дальнейшее развитие мыслей, высказанных Гуссерлем о знаке, мы находим у К. Бюлера в его "Sprachtheorie" (Jena, 1934), где идея целенаправленности позволяет автору понять различные функции языка: *Ausdrucksfunktion*, *Appelfunktion* и *Darstellungsfunktion* и элементы языка, служащие для, *Ausdruck* *Appel* и *Darstellung*, в частности - понятия симптома и сигнала как разнонаправленных фактов, которые материально могут быть тождественны. Самое важное у К. Бюлера то, что и симптомы и сигналы и еще "что-то" в языке прежде всего материал для *Darstellungsfunktion*, где язык и может выполнить свою главную функцию - коммуникативную.

Парадоксальным может прозвучать утверждение, что Ф. де Соссюр, выдвинув семиотику и включив в нее теорию знака, самою теорию знака применительно к языку дал превратно [19]. Вот некоторые его дефиниции:

1. "Языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ. Этот последний не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем посредством наших органов чувств: он - чувственный образ, и если нам случается называть его "материальным", то только в этом смысле и из противопоставления второму моменту ассоциации - понятию, в общем более абстрактному" [20].

2. "Именно потому, что слова языка являются для нас акустическими образами, не следует говорить о "фонемах", их составляющих" [21].

3. "Языковой знак есть таким образом двусторонняя психическая сущность" [22].

4. "Языковой знак произволен" [23].

Из этих определений природа лингвистического знака не проясняется. "Чувственный образ" снимается невозможностью говорить о фонемах, его составляющих; обязательная материальность знака растворяется в "двусторонней психической сущности" [24].

Интересные мысли о природе языкового знака были высказаны А. Sommerfeldтом, С.И. Карцевским и другими, но я не могу детально входить в рассмотрение этих работ.

В 30-40-х годах XX в. в различных журналах Европы вновь разгорелась дискуссия о произвольности и непроизвольности языкового знака в связи с определениями, данными в работах Ф. де Соссюра. Дискуссия началась статьей Э. Бенвениста "Природа лингвистического знака" [25], где автор указывал, что отношение языкового знака и называемой вещи "произвольно", но внутри языка связь обозначающего и обозначаемого не произвольна, а "необходима", так как это соединение представляет собой тесный симбиоз, где понятие является как бы "душой" акустического образа.

Э. Бенвениста в дальнейшем поддержали Э. Лерх в статье "О сущности языкового знака" [26], где автор рассматривает звукоподражания и ономотопеи и еще раз возвращается (вслед за Соссюром) к различию знака и символа, и А. Гардинер в статье "Анализ языкового знака у Ф. де Соссюра" [27], где высказана мысль, интерпретирующая данную дискуссию в античных терминах *phusei* и *thesei*; автор также указывал, что Ф. де Соссюр и Э. Бенвенист понимают термин "произвольный" по-разному.

В защиту соссюровского тезиса о произвольности знака выступили Ш. Балли [28], П. Наэр [29] и особенно Н. Эйе [30].

Нам кажется, что прав был А. Гардинер, сопоставивший эту дискуссию с античным спором о *phusei* и *thesei*, что подменяет проблему знака проблемой соотношения языка и действительности.

Таким образом, ни тезы Ф. де Соссюра о знаке, ни дальнейшая полемика вокруг его тез не приводят к уточнению понятия знака. Нам представляется, что мысли Ф.Ф. Фортунатова, Э. Гуссерля и К. Бюлера вернее фиксируют объект и дают более конструктивные положения.

Понятие знака обязательно для понимания языка вообще и синхронии в частности, и данное понятие требует от лингвиста точной дефиниции. Эти дефиниции можно, с точки зрения лингвистики, свести к пяти пунктам:

1. Знак должен быть доступен чувственному восприятию, как и любая вещь.
2. Знак не имеет значения, но направлен на значение в интенции, чем не обладает, например, слог.
3. Содержание знака не совпадает с его материальной характеристикой.
4. Содержание знака определяется его различительными признаками, аналитически выделяемыми и отделяемыми от неразличительных (дифференциальными от недифференциальных).
5. Знак и его содержание определяются местом и ролью данного знака в данной системе знаков аналогичного порядка.

Для уяснения соотношений синхронии и диахронии и для понимания самой синхронии необходимо также уточнить значение терминов "система" и "структура" (единства мнений здесь тоже нет). Эти два термина часто синонимируют, и некоторые языковеды даже предлагают иногда "обойтись одним"; думаю, что это неправильно. Я неоднократно в устных выступлениях и в печати предлагал сохранить эти два термина и размежевать их значения. Для меня система - это связь и взаимосвязь по горизонтали, а структура - это связь и взаимосвязанность по вертикали.

Система - единство (на основании взаимотождеств и взаиморазличий) однородных элементов, что объединяет фонетические, морфологические, лексические и синтаксические системы в пределах каждого яруса языковой структуры. Структура - это вертикальная ось, связывающая в единство различные ярусы целого. Отдельные детали в освещении данной проблемы приводятся ниже.

Многие "структуралисты" и даже "неструктуралисты" употребляют термин "структура" по аналогии с естественными науками. Аналогия (вещь, вообще говоря, хотя и полезная, но опасная) идет здесь от органической химии, геологии, чуть-чуть от физики и даже металлургии [31]. Структуры кристаллов и тому подобных материальных ценностей ничего общего не имеют с тем, что можно и должно называть "структура языка".

В языке есть периферия и внутреннее ядро. Принцип структуры позволяет вертикальной осью "просверлить" системные ярусы и создать новое единство: язык *en bloc*! В связи со сказанным выше представляется неверным также отождествление структуры-системы языка (и его "ярусов") с "механическим упорядочением".

В книге А.С. Чикобава "Введение в языкознание" как раз имеется такое пояснение системы через "механическую упорядоченность" [32]. Думаю, что это не так. "Ни в коем случае нельзя подменять понятие системы понятием внешней механической упорядоченности ...; при внешней упорядоченности качество каждого элемента не зависит от целого (поставим ли мы стулья по четыре или по восемь в ряд и будет ли их 32 или 64 - от этого каждый из стульев останется таким же, как если бы он стоял один)" [33].

Сложнее вопрос о взгляде на "систему" в языке у американских ученых, следующих принципам прагматизма-бихейвиоризма. Остановимся на определении Л. Блумфилдом грамматики: "значимое устройство форм в языке". Можно ли понятие "система" подменить понятием "устройство", вытекающим из бихейвиористских установок Блумфилда?

Новые работы американских ученых как будто бы дают повод для оправдания бихейвиористского подхода к языку. Но можно ли "живую" спектрограмму или даже осциллограмму сразу сделать "лингвистической характеристикой"? Вряд ли. Интерпретация спектрограммы и осциллограммы требует большого лингвистического анализа и чисто лингвистической интерпретации. Иначе исследователь попадает из желаемого Sein в примитивный Schein и окажется во власти эмпирической "ленточки речи", которую можно резать ножницами, невзирая на структурные швы и характеристики, способные превратить Schein в Sein [34].

Примером такого подхода может служить также статья А.Н. Гвоздева по поводу случая к *Ире* и *Кире* [35].

На основании анализа, приведенного в моей статье "Фонологические заметки" [36], я считаю возможным утверждать, что не только фонемы, но и позиции соотнесены со смысловым различием [37], а фонемы в языке существуют не только как элемент подвижного во времени ряда, как звено линейности, но как локализованный компонент морфем и слов.

Поэтому для определения и фонем, и позиций, и систем вариативности фонем в связи с разными позициями необходимо понимать исследуемый язык [38], а не полагаться на статистический критерий "встречаемости" (occurrence) и "распределения" (distribution), чем готовы удовлетвориться некоторые представители американской дискриптивной лингвистики. Под каким бы обличьем ни проявлялась "механическая упорядоченность" или "устройство форм" - это лишь механическая регистрация связей структурно невзвешенных явлений.

Структура и структурность - общее свойство языков как особого явления действительности, варьирующееся лишь в зависимости от конкретного типа этой структуры (например, немецкий и китайский языки, арабский и тюркские и т. п.), но системность специфична не только для каждой группы родственных языков, но и для каждого индивидуального языка в отдельности (например, болгарский и русский, английский и немецкий - каждый раз в пределах близкородственной группы). Из этого положения следует, что такие "общие" для разных языков явления, как "родительный падеж" или "фонема t" в двух языках, каковы бы ни были их генеалогические отношения, никогда не являются тождествами (например, в русском и немецком), так как каждое такое явление имеет свой парадигматический ряд в своей системе и лишь через него получает характеристику единицы. Так, для характеристики русского родительного падежа необходимо понимать его связи с винительным, а в пределах самого родительного - возможности генитива и партитива, что не входит в характеристику немецкого, морфологически наиболее стойкого падежа - чистого генитива [39].

Фонема /t/ в русском коррелятивно противопоставлена, с одной стороны, фонеме /d/ (дифференциалу глухости - звонкости), тогда как эта же корреляция в немецком разыгрывается на оппозиции fortis - lenis, а с другой стороны, фонеме /t'/ (по дифференциалу твердости-мягкости), чего немецкая фонологическая система вообще не знает. Остальные корреляции, а также и некоррелятивные оппозиции у русского и немецкого /t/ могут и совпадать: /t/ - /ts/, /t/ - /s/, /t/ - /p/ и /t/ - /k/; ср. еще некоррелятивные оппозиции /t/ - /n/, /t/ - /x/ и т.п.

Не только фонетическая и грамматическая система каждого языка индивидуальна. Аналогичные свойства, хотя и несколько в другой мере и степени, проявляет и лексика. Это касается даже и интернациональной лексики, благодаря тому, что лексика существует не "сама по себе", а в структуре языка, т. е. она подчинена фонетическим и грамматическим нормам данной синхронии, независимо от своего происхождения; индивидуальность лексических систем разных языков обусловлена и разными путями развития переносных значений в каждом отдельном языке.

Системная характеристика слов через синонимию и омонимию, распределение смысловой "нагрузки" слов, что уже ясно показал Ф. де Соссюр на примере русского *баран* - *баранина* и французского *mouton* [40], - все это доказательства того, что языки как структурные совокупности систем и индивидуальны, и идиоматичны.

Проблема синхронических тождеств верно намечена Ф. де Соссюром в плане системы и в аспекте значимости (*valeur*). Однако структурной интерпретации синхронических тождеств мы у Соссюра не находим, а именно структурная интерпретация синхронических данных, выявляющая язык как целое, иерархически расчлененное, и является наиболее важным звеном в самом синхроническом аспекте.

Здесь мы можем встретиться с двумя понятиями: "ярус" и "уровень". Сейчас есть тенденция их синонимизировать, однако это вряд ли целесообразно. Ярусы определяются через свои основные единицы - это ярусы синтаксический, лексический, морфологический, фонетический. Установление ярусов - первый акт иерархического расчленения целостной структуры языка, чем и обосновывается единство разнородных элементов структуры, так как высшая единица низшего яруса становится низшей единицей высшего яруса; при этом структурное качество этих единиц каждый раз меняется в связи с принадлежностью их к системе того или другого структурного яруса; и то, что не было тождеством в пределах низшего яруса, приобретает качество тождества в следующем, высшем ярусе.

Второй акт иерархического расчленения - это расчленение ярусов по уровням. В этом случае сохраняются единство и тождество единицы, но наличествует различие вариативных возможностей. Так, в фонологическом ярусе возможно различать фонемный уровень (состав фонем и их группировка) и фонетический уровень (систему варьирования фонем в связи с различием позиций). Это отнюдь не означает, что фонология и фонетика - две разные науки, как это утверждали К. Бюлер, Н.С. Трубецкой, С.К. Шаумян и некоторые другие фонологи. Наоборот, такой вывод нам представляется непринципиальным компромиссом нового и старого [41].

Поясним сказанное примером. Отдельные вариативы (т. е. вариации и варианты позиционного уровня фонологического яруса, как, например, в системе русского вокализма вариации и варианты типа: *a*, *a*, *ae*, ...) не являются на данном уровне тождествами, но на фонемном уровне они образуют тождество фонемы /a/. Для следующего яруса - морфологического (учитывая и морфофонологический уровень) - нужно только это тождество, так как для определения морфемы нужен только ее фонемный состав, взятый без учета позиций.

На уровне морфологического яруса флексия родительного падежа *жены, зори, кости* - тождество: флексия *-и* (в любой фонетической вариативности), а флексия тоже родительного падежа *стола, коня, толя, края* - другое тождество: флексия *-а* (опять же с любой фонетической вариативностью), но между собой эти две флексии на данном уровне не образуют тождества (так же, как нет тождества флексии *-а* в *толя* - род. пад. и *Толя* - им. пад.).

Следует оговорить, что на морфологическом уровне такие вариативы, как аффиксальные *сверч-ок* - *сверч-к-а*, *волнен-и-ј-э* - *вол-нен-ј-а* или корневые *сон* - *сн-а*, *пек-у* - *печ-от* и т. п., уже не тождества, так как состав фонем этих экземпляров морфем не тождествен, и совокупность всех вариантов данной морфемы лишь на следующем уровне морфологического яруса может быть приведена к тождеству [42]. На более высоком уровне морфологического яруса такие флексии, как *-и* и *-а* (род. над.), могут оказаться тождеством, что не касается флексии *-а* в *толя* и флексии *-а* в *Толя*, не сводимых к морфофонологическому тождеству, хотя фонематически - это как раз тождество.

Таким образом, благодаря системности и парадигматичности языковых явлений может возникать и обратное отношение, когда тождество низшего яруса или уровня перестает быть тождеством в высшем ярусе или на высшем уровне. Так, фонетическое тождество предударного гласного в форме *взяла* владимиро-поволжских и рязанских говоров при фонематическом анализе парадигматически разъясняется как нетождество, так как во владимиро-поволжских говорах наряду с *взяла* имеется *несла* и *река* (различение после мягких согласных (а), (о), (э) в предударном слоге), а в рязанских: *взяла, нясла, ряка*, где этого различительного противопоставления нет. Данный пример относится к уровням [43].

Наряду с этим в пределах одного языка (или диалекта) могут быть случаи, неразличимые на низшем уровне или в низшем ярусе и различимые в высшем: таково, например, произносительное совпадение двухморфемной формы *жоще* (образованной по модели *прост - проще* с чередованием [ст] - [щ]) и трехморфемной формы *жостче* (образованной по модели *крепок - крепче* с чередованием [ок] - [ч], что с предшествующим [ст] дает фонетически [щ]), почему обе формы *жоще* и *жостче* произносительно совпадают в звучании [жощи] [44].

Вопрос о тождествах в диахронии не только не разработан у Ф. де Соссюра, но по существу даже и не намечен. Этот вопрос сложнее, чем тождество и нетождество применительно к синхронии, однако в его решении, в определении особой специфики диахронических тождеств и нетождеств, может быть, и кроется единственное оправдание диахронии в том виде, как она мыслилась де Соссюром, исходя из соотношений оси последовательности (см. выше).

Действительно, если мы, следуя мыслью по векам, элиминируем для рассматриваемого объекта горизонтальную ось и все внимание обратим на вертикальную ось (что было элиминировано в свою очередь в синхронии), то мы встретим целый ряд особых явлений, которым присуща историческая реальность и которые можно обработать в виде схем, где встретятся разные случаи. Я ограничусь примерами фонетического яруса, учитывая, однако, морфемы и слова:

1) полное диахроническое тождество, например древнерусское *Рыба* и современное русское *рыба*;

2) диахроническое нетождество или неполное тождество, которое позднее как раз можно разяснить как тождество и ... как нетождество: *Гыбель - гибель, Дубь - дуб*, где нет фактического совпадения древних *Гы, У*, и современных *ги, у*, но первые для эпохи А "стоят на месте" вторых эпохи Б.

Пока мы смотрим на эти явления с точки зрения соссюровской диахронии, следует поставить точку. Этот аспект, действительно, абсолютно противоположен и противопоставлен синхроническому, и ни о каком единстве синхронии и диахронии при таком аспекте речи быть не может. Всякое искусственное и насильственное их соединение оказалось бы элементарной логической ошибкой, а теоретическое провозглашение единства синхронии и диахронии осталось бы пустой декларацией, не подтверждаемой действительностью.

Возможен ли все же диахронический аспект в науке о языке? Возможен. Это допустимо теоретически, хотя бы исходя из рассуждений Ф. де Соссюра, и подтверждено давней практикой лингвистических исследований XIX в.

Однако сразу же надо сказать, что тезис Ф. де Соссюра о том, что синхроническая и диахроническая лингвистика - две разные науки, ни в какой мере не оправдан, если стоять на той точке зрения, что наука в ее автономности и специфичности определяется не методом, а онтологическими свойствами предмета.

Если же исходить при разграничении наук из примата метода, придется, очевидно, признать, что не только синхроническая и диахроническая лингвистика, но и сравнительно-историческое и описательное языковедение - разные науки.

Но главное для нас не в этом ошибочном выводе Ф. де Соссюра, а в том, достаточно ли ограничиться раздельностью синхронического и диахронического аспекта для построения истории языка или недостаточно. Думаю, что синхрония и диахрония в их антагонистическом отношении не исчерпывают проблематики данного вопроса. Здесь нужно что-то третье, чего де Соссюр не видел и не хотел видеть [45]. Это отнюдь не означает, что надо "примешивать" диахронию к синхронии: синхрония исчерпывается собой и ни в чем не нуждается. А история языка отнюдь не исчерпывается диахронией.

Проиллюстрируем поиски этого "третьего" примером из исторической фонетики русского языка. Если мы установим вертикальную ось от фактов "а" эпохи А до фактов "а1" эпохи Б, то здесь можно обнаружить разные решения "а1":

1) в качестве "а1" может оставаться "а": *Рыба - рыба*;

- 2) "а" может действительно "превратиться" в "а1": *ГЫБЕЛЬ* - *гибель*;
- 3) "а" может "превратиться" в нуль: *КЪНИГА* - *книга*,
- 4) нуль может "превратиться" в "а": *СРЕТАТИ* - *встретить*.

Но все это еще очень далеко от истории языка и даже от исторической фонетики. Я думаю, что для того, чтобы подойти к истории языка (даже хотя бы на участке одного яруса языковой структуры, допустим, фонетического), необходимо каждый тип диахронического тождества два раза проверить по горизонтали: в эпоху А и в эпоху Б. Тогда диахронические тождества превратятся в историко-синхронические, и эти два момента очень и очень могут разойтись.

Так, соотношение *РЫБА* - *рыба*, полное диахроническое тождество при системно-фонематической интерпретации, даст уже не тождество, так как [ы] эпохи А было самостоятельной единицей, а [ы] эпохи Б - вариацией (и) (в связи с изменением отношений твердых и мягких согласных в системе русской фонетики) [46].

Таким же образом обратную интерпретацию получает отношение *ГЫБЕЛЬ* - *гибель*, т. е. можно установить фонематическое тождество этих произносительно разных фактов эпохи А и эпохи Б: в современном русском языке нет фонематической противопоставленности ни для звуков [г] и [г'], ни для звуков [ы] и [и], и если в эпоху А могло быть только сочетание [гы] и не могло быть сочетания [г'и], то в эпоху Б, как раз наоборот, возможно сочетание [г'и] и невозможно сочетание [гы].

На этих примерах мы видим, что неподвижное как диахроническое тождество *РЫБА* - *рыба* "пришло в движение" при синхронной проверке, и, наоборот, явно "двигавшееся" *ГЫБЕЛЬ* - *гибель* при синхронном анализе "останавливается" и получает качество большего исторического тождества, чем это было понятно из диахронии.

Для таких фактов, как диахроническое нетождество юса большого и у или ять и е, синхронический анализ даст новые понятия конвергенции, т. е. совпадения двух единиц эпохи А в одной единице эпохи Б, наряду с возможностью и дивергенции, т. е. с расщеплением одной единицы эпохи А на две единицы эпохи Б - например, для [u] английского и его "расщепления" на [u] и [a]: *put* и *but* "по большому передвижению гласных".

Понятия конвергенции и дивергенции при чистом диахроническом сопоставлении тождеств точек вертикальной оси, "на которой никогда нельзя увидеть больше одной вещи зараз" [47], не могут быть установлены, так как здесь надо видеть "больше одной вещи зараз".

И не диахронией, а последовательными синхроническими "горизонтами" диахронических фиксаций мы можем определить, что произошло в истории языка, когда субституируется только наполнение элементов модели (германский *Lautverschiebung*), когда происходит смещение самой модели *great vowel shift* в английском или перестройка фонематической модели русского консонантизма и вокализма после "падения глухих" и т. п.). Это касается всех структурных ярусов языка: и фонологического, и грамматического, и даже лексического. При подобной точке зрения не возникает единства синхронии и диахронии, а обе они по-разному служат для построения истории языка.

Таким образом, решающий в описательной лингвистике синхронический аспект, вводимый сразу и непосредственно, является решающим и в исторической лингвистике, где он вводится не сразу, а через посредство предшествующей диахронии, которая сама по себе не может быть ни решающей, ни полноценно противопоставленной синхронии.

Думаю, что так и только так можно преодолеть пресловутую, чисто диахроническую *Sprachgeschichte* младограмматиков, которая не является подлинной историей языка и которую никак нельзя декларативно и механически сопрягать с системностью и структурностью, что, к сожалению, все еще часто имеет место в различного типа лингвистических сочинениях [48].

Отмеченная выше общая синхроническая целеустремленность лингвистики, вытекающая как из основной функции языка - быть орудием общения для тех, кто не собирается исследовать язык, его изменять или переделывать, а хочет, может и должен им пользоваться, чтобы быть членом данного

общества, - так и из системно-структурных свойств самого языка в его данности и его онтологической сущности, в описательной лингвистике может иметь различное направление в зависимости от непосредственного объекта целенаправленности.

Так, обучение родному языку в школе ("овладение нормами синхронии своего языка"), где учатся и не будущие лингвисты, не лингвотехники, не лингвотерапевты, а просто говорящие люди - "языконосцы" (в чем существенно отличие преподавания родного языка в школе от преподавания физики, химии, биологии, не говоря уже о технике, где налицо иная телеология), не то же самое, что обучение "иностранному языку", где очень большую роль играет сопоставительный метод, базирующийся на двуплановости двух синхроний: "свое" - "чужое". Так же как и принципы составления синхронного описания языка в двуязычном словаре ("Очерк грамматики такого-то языка" - жанр весьма нужный и плодотворно прогрессирующий в советских изданиях, чего, как правило, не было в изданиях дореволюционных) не то же самое, что принципы составления практического учебника данного языка, учитывая опять же, является ли данный учебник учебником родного языка или учебником чужого языка.

По-разному используется синхрония:

1) для алфавитного строительства и для рационализации орфографии (в основе - фонетика и морфология);

2) для решения вопросов практической транскрипции в картографии, библиографии, практике переводческой работы и т. п. (в основе - лексикология и фонетика);

3) для препарирования языка применительно к задачам машинного перевода - с дифференциацией письменной и устной формы перевода (в основе всегда лексика, но только через грамматику с преобладанием то морфологии, то синтаксиса, в зависимости от строя языка, и либо графической подачи текста, либо фонетического членения речи);

4) лингвистическое осмысление искусственных языков не только теоретически связано с чистой синхронией, но и практически не может расширяться за пределы синхронии, так как эти языки лишены "естественного" развития. Это - языки-нормы, они могут обогащаться лексически, регулироваться и реформироваться грамматически и фонетически, но не могут развиваться. Если и бывает якобы "диалектное" дробление искусственного языка, как это, например, случилось с "эсперанто" ('надеющийся') в 1907-1908 гг., когда один из его пропагандистов - де Бофрон - стал отступником и прокламировал первоначально язык "аджуванто" ('вспомогательный'), позднее "идо" ('потомок'), то это одна видимость. Здесь нет элементов, связанных с историей языка: звуковых законов, конвергенции и дивергенции, изменения позиций, закономерных противоречивых сочетаний и борьбы в грамматике синтетических и аналитических способов и их "естественного преодоления" и т. п., а также явлений аналогии, переносов значений и сдвигов лексических пластов.

Я упомянул далеко не все соприкосновения синхронии с реальными нуждами действительности, как, например, звукопроводимость трактов (телефония, радио, звуковое общение в условиях воздушных или подводных "шумов" и т. д.). Все это может представить сюжет особой статьи. Ясно здесь лишь одно: во всех указанных частных целенаправленностях, при всех различных ее "поворотах" возможен только лишь один аспект - чистая синхрония.

Приведенные утверждения как об общей целенаправленности лингвистики, так и о частных "поворотах" этой целенаправленности (что само по себе не нуждается в снисходительных извинениях, что-де "разве это подлинная наука?", "разве для того сделали свой великий вклад в нашу науку Бопп, Гримм, Гумбольдт...?", "разве в этом прогресс?" и т. п.) отнюдь не исключают иных целенаправленностей, которые - в том числе и сравнительно-исторический метод - все же всегда будут вторичными по отношению к языку как прямому предмету науки. Такие ненужные "говорящей массе" явления, как "передвижение согласных", "сдвиги гласных", "судьба юса или ятя", "возникновение славянских или романских аффрикат", "смена временного разнообразия видовыми парадигмами", "сокращение именной парадигмы" или выход из употребления дательного самостоятельного и, наоборот, развитие относительного подчинения, - могут и

должны занять исследователя языка. Но решающим для правильного исторического понимания будет, как это указывалось выше, синхронический аспект диахронически найденных явлений.

Можно ли лингвистам на основании всего сказанного либо "снять" время вообще и встать на путь "ахронизма", либо всегда подчеркивать власть времени и перестать различать сосуществующее в системе и следующее одно на смену другого, т. е. встать на точку зрения "анахронизма" в том смысле, как этот термин употреблял А.И. Смирницкий? [[49](#)] Нет. Сознательный отход в известных аспектах лингвистического исследования от "хроноса" не означает вообще исключение "хроноса". Поэтому-то и неправы те, кто проповедует, с одной стороны, "панхронию", а с другой - "ахронию".

Панхронисты готовы снять "хронос" во имя якобы общих, все-временных и всеместных законов, управляющих "жизнью языка", т. е. по существу игнорировать любое время и любое место как условия существования языков... Это относится и к М. Граммону с его "законом более сильного звука", и к Дж. Бонфанте с его утверждением, что переход *х* в *з* предпочтительнее, чем переход *з* в *х* (что опровергается хотя бы исторической фонетикой славянских языков), а в целом это возврат к Ф. Боппу и А. Шлейхеру. "Ахронисты" готовы вообще изъять язык из любого времени и видеть в нем только "код", определяемый встречаемостью и распределением.

На все это может быть только один ответ: не только "диахрония", но и "синхрония" - все-таки всегда "хрония".

Любая "синхрония" исторична, исторически реальна и идиоматична данному индивидуальному языку для данного места и времени; только при лингвистическом анализе момент времени в ней приводится с нулевым показателем.

То, что изложено у Соссюра как "диахрония", требует дальнейших разъяснений и прежде всего, как это ни парадоксально, своего синхронического осмысления, так как история языка не может быть изложена как сюита диспаратных фактов ("история *а*", "история родительного падежа", "история слова М" и т. п.), потому что в любой "хронии" язык всегда остается системой и структурой и "факты" языка обладают подлинной исторической реальностью лишь как члены системы и структуры. И это понимание нужно не только лингвистам-теоретикам в их спорах, но и каждодневной практике языка, без чего мы, лингвисты, не сможем быть строителями подлинной жизни: "жизни всем и для всех".

Примечания

1. Речь В.В. Маяковского на открытии РЕФа, 8.X.1929 г. По отчету "Литературной газеты", опубликованному П.И. Лавутом в статье "Маяковский едет по Союзу" (Знамя. 1940. № 6-7. С. 300).

2. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 95; см. также: Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1960. С. 31-32.

3. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941. С. 59.

4. Бодуэн де Куртене И.А. Введение в языкознание. 4-е изд. (литографир.). СПб. 1914. С. 41.

5. Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики. - В кн.: Звегинцев В.А. [сост.]. Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. М., 1956. С. 303.

6. Пизани В. Этимология. История - проблемы - метод. М., 1956. С. 43.

7. Jakobson R., Halle M. Fundamentals of language. The Hague, 1956. Здесь сделана попытка перенести спектрографическую регистрацию внешних показателей речи для определения фонологической системы языка.

8. Данное замечание о младограмматиках касается в основном работ общетеоретического характера и не относится к тем работам, которые посвящены конкретным вопросам описания диалектов или установления соответствий между родственными языками в сравнительно-историческом плане.

9. Я имею в виду прежде всего лекцию Ф.Ф. Фортунатова "О преподавании грамматики русского языка в средней школе". См.: Фортунатов Ф.Ф. Избр. тр. М., 1957. Т. 2

10. Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 88.

11. *Фортуатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение. - Избр. тр. М., 1956. Т. 1. С. 111.
12. Там же. С. 117.
13. Там же. С. 124.
14. Там же. С. 117.
15. *Поржезичский В.К.* Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1915. С. 7.
16. Бодуэн де Куртене И.А. Указ. соч. С. 17.
17. Работы Э. Гуссерля здесь используются только с точки зрения анализа знака: феноменологическую и гносеологическую проблематику Э. Гуссерля автор не рассматривает.
18. См. : *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. В кн.: *Звегинцев В.А.* Хрестоматия... С. 85.
19. Ф. де Соссюр никак не пользовался анализами Э. Гуссерля; полагают, что он и не был с ними знаком.
20. *Соссюр Ф. де.* Указ. соч. С. 77-78.
21. Там же. С. 78.
22. Там же.
23. Там же. С. 79.
24. Критику этого "панпсихизма" см. в кн.: *Смирницкий А.И.* Объективность существования языка. М. : Изд. МГУ, 1954.
25. *Benveniste E.* Nature du signe linguistique // Acta linguistica. Copenhagen, 1939. Vol. 1. Fasc. 1.
26. *Lehr E.* Vom Wesen des sprachlichen Zeichens // Acta linguistica. Copenhagen, 1939. Vol. 1. Fasc. 1
27. *Gardiner A.* De Saussure's Analysis of sign // Acta linguistica. Copenhagen, 1940. Vol. IV. Fasc. 3.
28. См. : *Ba Il y Ch* Sur la motivation de signes linguistique // Bulletin de la Societe de linguistique de Paris, 1940-1941. Vol. 41. № 121.
29. См. : *Naert P.* Arbitraire et necessaire en linguistique // Studia linguistica. Lund. Copenhagen, 1947. № 1.
30. *Ege N.* Le signe linguistique est arbitraire // Travaux de cercle linguistique de Copenhagen, 1949. Vol. V.
31. См., например: *Брёндаль В.* Структуральная лингвистика // Звегинцев В.А. Хрестоматия... С. 415.
32. См. : *Чикобава А.С.* Введение в языкознание. М., 1952. Ч. I. С. 55.
33. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. С. 26.
34. Именно в этом отношении вызывают сомнения многие положения в работах: *Jakobson R., Fant C.G.M., Halle M.* Preliminaries to speech analysis. Massachusetts, 1952; *Jakobson R., Halle M.* Op. cit.
35. См. : *Гвоздев А.Н.* О фонологии смешанных фонем // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1953. Вып. I. С. 51-52.
36. ВЯ. 1957. № 2.
37. См. интересные мысли Н.С. Трубецкого о "пограничных сигналах как одной из функций фонем" в его работе "Grundzuge der Phonologie" (TCL.P, 7. 1939).
38. Как это понимать, подсказывает Б. Трнка, который совершенно правильно считает, что "фонемный анализ любого языка можно в конце концов проводить и без помощи лексического значения слов, зная, конечно, разделение речи на слова и морфемы" (см.: *Trnka B.* Urcovani fonemu 1954. № 7. С. 21), т. е. совершенно ясно, что для определения фонем в таком-то языке неважно, называется ли дуб - дубом, а дурак - дураком, а важно, что первичные элементы фонемы, не имеющие своего значения, ко в отличие от

словом имеющие интенцию на значение, являются "первоэлементами" морфемы, единицы, обладающей значением и принятой уже в синедрион "семасиологии", что не свойственно фонеме. А для этого надо знать не только чисто фонетические позиции, но и морфематические, т. е. где, в каких морфемах, на каких местах и как и зачем "стоит" данная фонема. Лексическое же значение здесь, действительно, ни при чем.

39. См .: *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // TCLP, 6 , 1936.

40. См .: *Соссюр Ф. де.* Указ. соч. С. 115. В русском переводе соотношения французского *mouton* сопоставляются с русскими *баран - баранина*, тогда как в подлиннике имеется сопоставление с английскими *mutton - beef*, но это не изменяет тему разговора. Это - те же отношения.

41. См . по этому поводу статьи: *Аванесов Р.И.* К вопросу о фонеме // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1952. Вып. 5; *Реформатский А.А.* К проблеме фонемы и фонологии // Там же.

42. Сравним в связи с этим неправильную трактовку данного вопроса у некоторых американских структуралистов. Так, З.С. Харрис, Д. Трегер и другие последователи Л. Блумфилда безоговорочно отождествляют флексию *-en* в *oxen* и флексию *-s* в *cows*, а Ю.А. Найда отождествляет префикс *ex-* (*ex-president*) с флексией глаголов прошедшего времени *-ed* (*turned*), исходя из положения, что а) они имеют то же значение, б) никогда не встречаются в одном и том же лингвистическом окружении и в) по диапазону совпадают с противопоставленной им альтернантой. См. подробнее об этом в ст.: *Реформатский А.А.* О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 110-111.

43. За уточнение примеров приношу благодарность О.Н. Мораховской, выступавшей в прениях по моему докладу на дискуссии.

44. См . подробнее в ст.: *Реформатский А.А.* Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1955. Вып. 8. С. 18-19. Форма *жоце* имеется у Н.С. Лескова в рассказе "Штопальщик" (гл. 8) .

45. См .: *Соссюр Ф. де.* Указ, соч. С. 95-103.

46. См . подробнее: *Аванесов Р.И.* Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y* // Вестн. МГУ. 1947. № 1.

47. *Соссюр Ф. де.* Указ. соч. С. 88.

48. В связи с этим мне кажется правильным высказывание Р.О. Якобсона: "Таким образом, синхронические анализы должны быть компасом для языковых изменений, и, наоборот, языковые изменения могут быть поняты только в свете синхронических анализов" (см.: *Jakobson R., Halle M.* Op. cit. P. 51).

49. *Смирницкий А.И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностр. яз. в шк. 1954. № 5. С. 25.

ОТНОШЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ВКЛЮЧЕНИЯ В СВЕТЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

ОТНОШЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ВКЛЮЧЕНИЯ В СВЕТЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Л. В. Воронина

Белгородский ГУ, Белгород, Россия

www.ksu.ru 22.04.2005

В основу сложившихся в лингвистике концепций аналитизма положены принципы фундаментальных противопоставлений, во-первых, аналитизм (нефлективность) – синтетизм

(флексивность), во-вторых, аналитизм (антисинтетизм как морфологическая невыраженность связи в речевой цепи) – синтетизм, аналитизм (как формальная часть высказывания) – синтетизм (как содержательная часть высказывания).

Все три подхода нашли отражение в исследованиях по лингвистике, однако чаще ученые обращаются к данной проблеме при исследовании формальной структуры слова, при этом следует подчеркнуть, что второй и третий подходы не менее важны при изучении сущности строя языка.

Понятие аналитизма в лингвистике сформировалось на основе логического определения, восходящего к разграничению И. Кантом аналитических и синтетических суждений, которое в свою очередь восходит к разграничению И. Лейбницем "истин разума" и "истин факта". Для Канта основным в суждениях было отсутствие или наличие нового содержания, "в силу которого они бывают или просто поясняющие и не прибавляют ничего к содержанию познания, или они бывают расширяющие и увеличивают данное познание; первые могут быть названы аналитическими, вторые - синтетическими суждениями" (Кант, 1993: 22-23). Мысли И. Канта нашли свое развитие в ряде направлений логики, лингвистики.

Термин "поясняющий" в данном случае имеет широкое, нетерминологическое значение и включает все значения (признаки), которые приписываются субъекту суждения в результате анализа (предикации) и выводятся из содержания самого субъекта, т.е. без обращения к знаниям, получаемым из внешнего по отношению к нему мира.

Наиболее определенно этот подход сформулирован в работах представителей логического позитивизма и прежде всего в "Логико-философском трактате" Л. Витгенштейна: "1.1. Die Substanz der Welt kann nur eine Form und keine materiellen Eigenschaften bestimmen. Denn diese werden erst durch die Sätze dargestellt - erst durch die Konfiguration der Gegenstände gebildet" 1994.

В лингвистических теориях неопозитивизма, в частности в работах Р. Карнапа, разрабатывался формальный язык, который должен заменить объектный язык, т.е. говорение об объектах, ситуациях, их свойствах и отношениях говорением о словах, которые эти ситуации обозначают, и отношениях между ними.

Карнаповские идеи были восприняты в трансформационно-генеративной теории естественного языка при объяснении синонимии выражений. Так, два предложения полагаются синонимичными, если им приписывается та же семантическая репрезентация. Соответственно предложение характеризуется как аналитическое, "если каждый семантический маркер, содержащийся в смысле глубинного предиката, входит в смысл выражений, представляющих пресуппозицию предложения (то есть в смысл именных групп, в традиционных терминах - в смысл подлежащего или дополнения предложения, в логической терминологии - в смысл аргументов пропозициональной функции), в частности, если каждый семантический маркер предиката входит в смысл субъекта (Павиленис, 1983: 218-219).

В философии и логике аналитическими положениями называются те, достоверность которых основывается на тождестве понятий (предиката с понятием субъекта). Положения, истинность которых основывается не на тождестве понятий, называются синтетическими. В более общем виде понятие об аналитических предложениях формулируют следующим образом: аналитическое предложение – предложение истинное только в силу своего значения.

В лингвистике проблема аналитизма связана с общей теорией развития строя языков, со многими принципиальными вопросами строя языка на всех уровнях языковой системы. Лингвистическое определение аналитизма является по существу методологическим, т.к. выделение в морфеме, слове, высказывании и т.п. его формальной и содержательной частей предполагает процедуры, образующие первое и необходимое условие любой методологии.

К. Бюлер, продолжив философскую традицию И.Канта, обратился к проблеме аналитизма в своем труде "Теория языка". Рассматривая вопрос о понятийных комплексах, К. Бюлер обратил внимание на тот факт, что композит типа "Kirchturm" является аналитическим в силу того, что фактически "Turm" уже обладает признаками понятия "Kirche" и лишь эксплицирует уже существовавшее, в отличие от

синтетических понятийных комплексов, которые "вносят нечто новое, чуждое исходному понятию" (Бюлер, 1993: 224-225).

Н.М. Годер в своей работе "О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием" подчеркивает, что атрибутивное словосочетание может быть названо синтетическим в том случае, если атрибут присоединяется к основе в качестве нового элемента и ведет к образованию нового составного понятия; если же атрибут выделяет признак, входящий в содержание понятия-основы, атрибутивное словосочетание является аналитическим (Годер, 1961: 53).

Существенным фактором, детерминирующим проявление аналитических тенденций в языке, является избыточность. Так, В.Г. Гак, подчеркивая важную роль избыточности как семантического фактора, обуславливающего проявление аналитизма, отмечает, что большую роль при этом играют отношения тавтологии и синекдохи, при которых употребление одного из слов семантически не оправдано. Важное значение при этом имеют существенные смысловые отношения между словами, при которых одно слово как бы заранее предопределяет возможность употребления другого слова. Это делает необязательным для передачи смысла употребление именно этого слова и, если оно все же употребляется, то в строевой функции и с ослабленным значением (Гак, 1965: 141).

М.В. Китайгородская, Т.С. Морозова, А.Ф.Журавлев, Е.А.Земская, изучавшие особенности русской устной речи, зафиксировали тот факт, что показатель аналитичности устной речи в полтора раза выше, чем письменной (Журавлев, 1988: 109). Авторы связывают такую высокую степень аналитичности прежде всего с тенденцией устной речи к избыточной экспликации, что не свойственно кодифицированному русскому языку. Стремление к максимальной эксплицитности лежит в основе следующих приемов: разного рода дублирования, конструкций идентификации, смыслового круга, вербализации презумпции существования и разного рода повторов (Морозова, 1988: 202).

В данной работе мы рассмотрим некоторые типы синтаксических структур, в которых избыточность детерминирует проявление аналитических тенденций. Основопологающим критерием, обуславливающим проявление аналитизма в области формирования лексического значения, мы будем считать характер отношений между компонентами языковой структуры. Если такие отношения могут быть охарактеризованы как семантическое включение, то имеют место аналитические тенденции.

Под семантическим включением мы понимаем такие отношения между компонентами словосочетания, когда один из них, имеющий более широкое значение, в данном контексте содержит сему другого компонента, который уточняет, конкретизирует значение первого.

В эту группу входят следующие словосочетания, выражающие отношения включения:

- 1) Словосочетание двух существительных, выражающих родо-видовые отношения:
Wenn der Spruch "Scherben bringen Glück" nur ein bi?chen wahr ware, dann ware der gute Meister Eder im Monat Dezember aus dem Glück gar nicht mehr herausgekommen (Kaut).
- 2) Сочетание глагола и существительного:
а) Сочетание глагола и существительного, содержащего сему, имплицитно содержащуюся в глаголе, особую подгруппу в данной группе составляют сочетания существительного, содержащего сему модальности, выраженную в глаголе.
Ich bitte um die Erlaubnis, mich um Sie kummern zu dürfen (Konsalik).
б) Крайним случаем проявления избыточности в данной группе являются дериваты, образованные от одного корня.
Ein horiger Mensch, horig einem Mann, den ich einmal so liebte, wie du jetzt ihn liebst und den ich jetzt hasse mit einem Ha?, wie ihn nur eine Frau gebaren kann (Konsalik).
- 3) Сочетания причастия 2 и глагола, содержащего сему движения, выраженную в причастии: Kommt ein Vogel geflogen, setzt sich nieder auf mein Fu? (Kinderlieder).
- 4) Сочетания глагола tun и глагола, выражающего непосредственно вид деятельности, характерные для разговорной речи:
Wenn die Sonn' tut scheinen, steht er auf dem Kirchendach (Ringel).
- 5) Сочетание существительного и прилагательного, обозначающего признак, отражающий сущность

предмета: ein schwarzer Rappe, ein runder Ball, ein wei?er Schimmel, eine mogliche Eventualitat.
6) Сочетание двух местоимений, одно из которых включает значение другого, более узкого по значению. Mein Gott, wir alle sagen immer >war< ... sie ist es ja noch! (Konsalik).

Необходимо отметить, что появление таких структур в тексте часто обусловлено коммуникативно-прагматическими факторами или экспрессивно-стилистическими причинами, среди которых можно назвать следующие: привлечение внимания участников коммуникативного процесса к важности темы сообщения; функция усиления, подчеркивания, связанная прежде всего с эмоциональным изложением соответствующей информации; функция обеспечения успешности понимания, которая особенно ярко реализуется в научно-популярных текстах в виде описаний терминов, различных повторений, обобщений.

Таким образом, точкой отсчета при определении аналитизма-синтетизма является оптимальное соотношение формы и содержания, а основным условием порождения аналитических форм в языке является невозможность реализовать в пределах определенной формы заданную функцию, следствием этого является необходимость ее расширения.

Литература

Бюлер К. Теория языка. - М.: Прогресс, Универс, 1993. - 502 с.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1 -М.: Гнозис, 1994. - 520 с.

Гак В.Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // Аналитические конструкции в языках различных типов. - М.-Л.: Наука, 1965. - С. 129 - 142.

Годер Н.М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием // Логико-грамматические очерки. - М.: Высшая школа, 1961. - С. 49-58.

Журавлев А.Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. Сборник научных трудов. - М.: Наука, 1988. - С. 84-150.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. - М.: Прогресс, 1993. - 240 с.

Морозова Т.С. Особенности литературной устной публичной речи (в сфере синтаксиса и построения текста) // Разновидности городской устной речи. Сборник научных трудов. - М.: Наука, 1988. - С. 182-208.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. - М.: Мысль, 1983. - 288 с.

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАШИХ ДНЕЙ

Л. П. Крысин

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАШИХ ДНЕЙ

(Изменяющийся языковой мир. - Пермь, 2002)

Современным состоянием русской речи, тем, что с нею происходит, озабочены многие: в первую очередь писатели, учителя-словесники, имеющие дело со словом профессионально, а также политики, общественные деятели, ученые, журналисты, врачи. И, конечно же, лингвисты: хотя они призваны непредвзято и всесторонне изучать процессы, которые происходят в языке, им тоже далеко не безразлично все, что угрожает единству и целостности литературного языка, что расшатывает его норму, разрушает культурные традиции.

Что же происходит с нашим языком? Какие приобретения и потери можно в нем наблюдать за последние полтора-два десятилетия?

В короткой статье обо всем не расскажешь. Но все же целесообразно остановиться на том, что наиболее примечательно, что отличает нынешний этап развития нашего языка от предшествующих. Два

процесса представляются весьма заметными. Это, во-первых, жаргонизация литературной речи и, во-вторых, усиление процесса заимствования иноязычных слов.

1. Жаргонизация литературной речи.

Для нашего времени рубежа двух столетий характерно вхождение в публичную жизнь таких слоев и групп, представители которых в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи. Кроме того, отход в области социальной жизни от канонов и норм тоталитарного государства, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сфере, так и в человеческих отношениях сказываются, в частности, на оценках некоторых языковых фактов и процессов: то, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), начинает приобретать права гражданства наряду с традиционными средствами литературного языка. Это ощущают все, не только лингвисты, но и, например, журналисты.

Мы не замечаем, как криминал входит в быт, в лексикон, как языком эков и урок заговорили телевидение и радио, как поменялись местами минусы и плюсы общественного поведения, как отмененными оказались вековые заповеди и табу, выработанные человечеством для самозащиты (Известия, 11 ноября 1997 г).

В последние десятилетия русский литературный язык испытывает сильнейшее влияние жаргонной и просторечной языковой среды, и не последнюю роль в этом влиянии играют миграционные процессы: перемешивание разных слоев населения, отток сельских жителей в города, усложнение социального состава горожан, интенсификация общения между представителями разных (в том числе и по своим языковым навыкам) групп и т.п.

Роль жаргонов как средства общения в прошлом недооценивалась. До сравнительно недавнего времени в отечественной науке о русском языке считалось, что жаргоны не имеют социальной базы для своего существования. У этой точки зрения были некоторые резоны. Так, достаточно хорошо развитое в дореволюционное время нищенское аргю к середине XX века как будто полностью утратило свою социальную базу; аргю беспризорников, впитавшее в себя многие элементы воровского жаргона и бывшее довольно активным в 20-е годы, позднее угасает, не имея устойчивого контингента носителей. Однако в конце века оба аргю возрождаются в новом социальном и языковом обличье, поскольку множатся ряды нищих и беспризорников, которые пользуются некоторыми специфическими формами языкового выражения, по большей части отличными от тех, что были в ходу у их предшественников. Эти два аргю составляют лишь часть многоцветной палитры современных социальных жаргонов и аргю: они существуют наряду с такими языковыми образованиями, которыми пользуются уголовники, мафиози, проститутки, наркоманы, фальшивомонетчики, карточные кидалы и другие социальные группы, составляющие некоторую часть городского населения современной России.

Эти многочисленные жаргоны и аргю по большей части несамостоятельны, перетекают друг в друга: например, в области лексики и фразеологии жаргоны наркоманов, проститутток, нищих имеют много общего, у студенческого жаргона обнаруживается общность со сленгом хиппи, челноки активно используют в своей речевой деятельности торговое аргю и т.д.

В основе этого многообразия лежит тюремно-лагерный жаргон. Он формировался в социально пестрой среде советских лагерей и тюрем на протяжении ряда десятилетий. Восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала дореволюционного воровского аргю, тюремно-лагерный жаргон значительно расширил не только набор выразительных средств, но и социальный состав тех, кто им пользовался: с ним были знакомы, его активно употребляли как представители уголовного мира, так и недавние инженеры, совпартслужащие, военные, студенты, рабочие, актеры, поэты, крестьяне, врачи - словом, все те, кто составлял многомиллионное население сталинских лагерей.

В современных условиях тюремно-лагерный жаргон находит себе новую среду обитания (им пользуются, например, бизнесмены, журналисты, политики) и модифицируется, пополняясь

новообразованиями и изменяя значения традиционно используемых лексических единиц: например, *напарить* 'обмануть', *капуста* 'деньги' (первоначально только о долларах из-за их зеленого цвета), *поставить на счетчик* 'начать ежедневно увеличивать проценты от неуплаченного вовремя долга' и др.

Жаргонные слова и обороты далеко не редкость и в литературной речи. Сначала жаргонная лексика просачивалась главным образом в устно-разговорную ее разновидность, затем, ближе к нашим дням, - в язык средств массовой информации, а потом широким потоком хлынула в публицистику, в публичные выступления политиков, депутатов и даже писателей.

Хорошо это или плохо? Несомненно, плохо, если рассматривать процесс жаргонизации литературной речи исключительно с позиций традиционной нормы, не допуская мысли о неизбежном обновлении набора выразительных средств в ходе языкового развития. Как показывает изучение предшествующих этапов развития русского литературного языка, процесс обновления всегда происходил динамично, а порой и очень трудно, в борьбе архаистов и новаторов. Но всегда для этого процесса был характерен тщательный отбор новшеств, взвешивание их свойств с точки зрения пригодности для коммуникативных нужд культурного общества. Элементы такого отбора можно наблюдать и сейчас: в потоке жаргонных слов и оборотов взгляд тех, кто наделен языковым чутьем и вкусом, различает некоторые, отдельные особенно емкие, выразительные слова и обороты, которые могут быть употреблены и в литературной речи (разумеется, с определенной стилистической окраской и главным образом в непринужденном общении): например, слова *стукач*, *крутой*, *беспредел*, *тусовка* отмечены в речи образцовых носителей литературного языка.

Многие из жаргонных элементов утрачивают свою социальную прикреплённость, становятся хорошо известными в разных социальных группах носителей русского языка, а некоторые получают развитие в литературном языке: например, фразеологизм *сесть на иглу*, попадая из речи наркоманов на страницы газет, обрастает производными: *Область села на дотационную иглу*; *Нельзя все время сидеть на игле инвестиций* и т.п.

2. Усиление процесса заимствования иноязычных слов.

Для развития почти каждого естественного языка характерен процесс заимствования слов из других языков. Тем не менее, и к самому этому процессу, и в особенности к его результатам иноязычным словам носители языка часто относятся с изрядной долей подозрительности. Зачем что-то брать у других, разве нельзя обойтись средствами родного языка? Зачем нам 'имидж', если есть 'образ', к чему 'саммит', если можно сказать 'встреча в верхах'? Чем модный нынче в кинематографии 'ремейк' лучше обычной 'переделки'? И разве 'консенсус' прочнее 'согласия'?

Нередко иноязычное слово ассоциируется с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным, как это было, например, в конце 40-х годов во время борьбы с низкопоклонством перед Западом. Но бывают в истории общества и другие времена, когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать конец прошлого столетия и начало нынешнего, когда возникли и существуют такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

Вот некоторые из этих условий. Значительная часть населения России осознает свою страну как часть цивилизованного мира; в идеологии и официальной пропаганде объединительные тенденции преобладают над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам; происходит переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки характерна открытая (иногда чрезмерная) ориентация на Запад. Все эти процессы и тенденции, несомненно, послужили важным стимулом, который облегчил активизацию употребления иноязычной лексики.

Это легко проиллюстрировать сменой названий в структурах власти. Верховный совет стал устойчиво (а не только в качестве журналистской перифразы) именоваться *парламентом*, совет министров *кабинетом министров*, его председатель *премьер-министром* (или просто премьером), а его заместители *вице-премьерами*. В городах появились *мэры*, *вице-мэры*, *префекты*, *супрефекты*, советы уступили место *администрациям*, главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями* и *пресс-атташе*, которые регулярно выступают на *пресс-конференциях*, рассылают *пресс-релизы*, организуют *брифинги* и *эксклюзивные интервью* своих шефов.

Распад Советского Союза означал, в частности, и разрушение большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром. Активизировались деловые, научные, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм; обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран, функционирование на территории России совместных русско-иностранных предприятий. Очевидным образом это означало интенсификацию общения носителей русского языка с носителями иных языков, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным (а чаще созданным на базе английского языка) терминологическим системам, например, в таких областях, как вычислительная техника, экономика, финансы, коммерция, спорт, мода и др.

Так в русской речи сначала в профессиональной среде, а затем и за ее пределами появились термины, относящиеся к компьютерной технике: само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер* и мн. др., названия видов спорта (новых или по-новому именуемых): *виндсерфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл* и др. Англицизмы пробивают бреши и в старых системах наименований: так, добавочное время при игре в футбол или в хоккей все чаще именуется *овертайм*, повторная игра после ничьей *плей-офф* и даже традиционное 'боец' в кикбоксинге заменяется англицизмом *файтер*.

У всех на слуху многочисленные экономические и финансовые термины типа *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *инвестиция*, *маркетинг*, *монетаризм*, *фьючерсные кредиты* и т.п. Многие из них были заимствованы давно, но обращались преимущественно среди специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились остро актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов.

Активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики происходит и в менее специализированных областях человеческой деятельности: достаточно напомнить такие широко используемые сейчас слова, как *имидж*, *презентация*, *номинация*, *спонсор*, *видео*, *шоу* (и их производные: *видеоклип*, *видеотехника*, *видеокассета*, *видеосалон*; *шоу-бизнес*, *ток-шоу*, *шоумен*), *триллер*, *хит*, *дискотека*, *диск-жокей* и множество других.

Среди причин, которые способствуют столь массовому и относительно легкому проникновению иноязычных неологизмов в наш язык, определенное место занимают причины социально-психологические. Многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка: презентация выглядит более респектабельно, чем привычное русское представление, *эксклюзивный* лучше, чем *исключительный*, *топ-модели* шикарнее, чем *лучшие модели*. Правда, надо сказать, что здесь намечается некоторое семантическое размежевание своего и чужого слов: *презентация* это торжественное представление фильма, книги и т.п.; *эксклюзивным* чаще всего бывает интервью, а сказать о ком-нибудь (без намерения пошутить) 'эксклюзивный тупица' или воскликнуть: 'Какой эксклюзивный сыр!' по-видимому, нельзя.

Ощущаемый многими большой социальный престиж иноязычного слова, по сравнению с исконным, иногда вызывает явление, которое может быть названо повышением в ранге: слово, которое в языке-источнике именуется обычным, рядовой объект, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному. Так, во французском языке слово *boutique* значит 'лавочка, небольшой магазин', а будучи заимствовано нашими модельерами и коммерсантами, оно приобрело значение 'магазин модной одежды': Одежда от Юдашкина продается в *бутиках* Москвы и

Петербурга. Примерно то же происходит с английским словом *shop*: в русском языке название `шоп` приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами, преимущественно западного производства (обычный продмаг никто `шопом` не назовет). Английское *hospice* `приют, богадельня` превращается в *хоспис* - дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфорта, облегчающего процесс умирания. И даже итальянское *puttana*, оказавшись в русском языке, обозначает не всякую проститутку (как в итальянском), а главным образом валютную.

Как оценивать происходящую сейчас интенсификацию процесса заимствования? Как относиться к тому, что иноязычные слова нередко вытесняют из употребления слова русские, исконные?

Прежде чем ответить на эти вопросы, посмотрим, какие сферы общения в наибольшей степени подвержены иноязычному влиянию.

Чаще всего новые иноязычные слова можно встретить в прессе и в других средствах массовой информации, например, на телевидении, в передачах, посвященных экономической или политической жизни, моде, музыке, кино, спорту. В устной публичной речи например, в радио- и телеинтервью на бытовые темы, в выступлениях на заседаниях парламента употребление иноязычных слов-неологизмов часто сопровождается оговорками типа: *так называемый монетаризм, как теперь принято выражаться, электорат* и т.п., поскольку, ориентируясь на массового слушателя, говорящий ощущает связь с ним более непосредственно и остро, нежели автор газетной или журнальной статьи. Некоторые из заимствований употребляются не только в прямых своих значениях, но и переносно, метафорически: *телевизионный марафон, реанимация российской экономики, ангажированная пресса, политический бомонд, рейтинг вранья* и т.п., и это явление также характерно в основном для языка средств массовой информации.

Обиходная речь не испытывает сколько-нибудь заметного наплыва иноязычных слов, и это понятно: будучи по большей части словами книжными или специальными, заимствования и употребляются главным образом в жанрах книжной речи, в текстах публицистического, научного и технического характера.

Наблюдаются и социальные различия в отношении к иноязычным словам, особенно новым: люди старшего поколения в среднем менее терпимы к чужой лексике, чем молодежь; с повышением уровня образования освоение заимствований происходит легче; представители технических профессий меньше останавливают свое внимание на том, какое слово они видят в тексте или слышат, - русское или иноязычное, чем представители профессий гуманитарных. Подчеркиваю: это в среднем, в целом, но возможно и более сложное отношение к иноязычным словам.

Теперь попытаемся ответить на поставленные выше вопросы.

По поводу интенсификации процесса заимствования: не надо паниковать. Нередко говорят и пишут об иноязычном потоке, заливающим русский язык, о засилье иностранщины, под гнетом которой он гибнет, и такие высказывания рождают чувство безысходности. Но не нужно забывать, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. В частности, язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного.

Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. Кто сейчас знает слова *проприетер* (собственник), *индигестия* (несварение желудка), *аманта* (возлюбленная), *супирант* (воздыхатель, поклонник), *репантир* (женская прическа с локонами, свисающими по обеим сторонам лица), *суспичия* (подозрение) и многие другие, которые употреблялись в русском языке XIX века? Вряд ли издавались указы, предписывавшие эти слова изгнать из русской речи, - они устарели, вытеснились сами собой как нечто ненужное. А с другой стороны, многого ли добились пуристы прошлого, призывая запретить употребление таких слов, как *эгоизм* (вместо этого предлагалось `ячество`), *цитата* (предлагались в качестве синонимических замен `ссылка, выдержка`), *поза* (взамен изобреталось `телоположение`), *компрометировать* (вместо этого рекомендовали говорить: `выставлять в неблагоприятном виде`), *игнорировать* (В.И. Даль считал, что это слово непозволительное) и др.?

Разумеется, неумеренное и неуместное употребление иноязычных слов недопустимо, но неумеренность и неуместность вредны и при использовании любого слова. Конечно, ни ученые-лингвисты, ни журналисты и писатели не должны сидеть сложа руки, бесстрастно наблюдая, как засоряется иноязычием родная речь. Но запретами здесь ничего сделать нельзя. Нужна планомерная и кропотливая научно-просветительная работа, конечная цель которой - воспитание хорошего языкового вкуса. А хороший вкус - главное условие правильного и уместного использования языковых средств, как чужих, заимствованных, так и своих, исконных.

О СТРУКТУРЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (Отношения оппозиции и неопозитивного различия)

А. В. Бондарко

О СТРУКТУРЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (Отношения оппозиции и неопозитивного различия)

(Вопросы языкознания. - М., 1981. - № 6. - С. 17-28)

1. **Постановка вопроса.** В структурной организации грамматических категорий наиболее существенным представляется принцип **объединения** грамматических классов и единиц, конституирующих данную категорию. Основой для такой интеграции служит обобщенное значение (например, значение времени), объединяющее - как родовое понятие - значения компонентов данной категории. Семантическая оппозиция - отношение, подчиненное указанному принципу. Это лишь один из способов объединения компонентов грамматической категории. Существенную роль в категориальной структуре может играть другой способ - отношение неопозитивного различия. Таков основной тезис, развиваемый в данной статье.

Элементом структуры грамматической категории может быть не всякое различие, а лишь различие в рамках определенного семантического единства. Таким единством служит то родовое понятие, по отношению к которому различающиеся значения компонентов категориальной структуры являются понятиями видовыми. Оппозитивные отношения связаны с более полным единством, т. к. в этом случае налицо единое основание членения «семантического пространства» данной категории (такова, например, оппозиция значений совершенного и несовершенного видов в славянских языках). Отношения неопозитивного различия связаны лишь с относительным единством содержания при отсутствии полной однородности значений членов категории. Видовые понятия могут относиться к разным аспектам родового понятия, включая в себе как соотносительные, так и несоотносительные признаки. Основание для членения, представленное общим родовым понятием, не является при этом абсолютно единым. Отношение неопозитивного различия связано с принципом естественной классификации [1]. Применительно к языковым явлениям (в частности, к структуре грамматических категорий) естественная классификация понимается нами как объективно существующее в данном языке членение, характеризующееся 1) возможными отклонениями от полного единства основания данного членения; 2) вытекающей отсюда возможной неоднородностью признаков, присущих компонентам целого; каждый из них может включать как соотносительные, так и несоотносительные признаки, не находящие соответствия в других компонентах; 3) связанной с этим возможностью пересечения классов. Описание, отражающее естественную классификацию, отличается онтологической ориентацией. Предметом анализа в данной работе является содержательная структура грамматических категорий, зафиксированная категориальными формами. Речь идет об отношениях между категориальными значениями грамматических форм.

2. **Категориальные структуры, включающие отношение неопозитивного различия.**

Языковой материал. Приведем некоторые примеры категорий указанного типа. В ряде языков, судя по имеющимся описаниям, отношение неопозитивного различия характеризует структуру категории наклонения [см., в частности, 6-9].

В русском языке морфологическая категория наклонения объединяет ряды форм изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений. Обычно оппозитивная структура этой категории (как в русском языке, так и в других языках с аналогичной системой наклонений) не вызывает сомнений. Выделяется либо оппозиция прямого (изъявительного) и косвенных (сослагательного и повелительного) наклонений (по принципу привативной или эквиолентной оппозиции) с последующим выделением оппозиции сослагательного и повелительного наклонения, либо трехчленная эквиолентная оппозиция. На наш взгляд, вопрос о типе структуры рассматриваемой категории нельзя считать решенным. Есть основания думать, что в этой структуре представлено отношение неопозитивного различия. Приведем некоторые соображения в пользу данной точки зрения. Побудительность однородна с реальностью и возможностью лишь в том отношении, что все эти семантические признаки являются модальными. Однако в рамках модальности побудительность относится к особой плоскости, затрагивающей отношения между говорящим как источником модального признака и слушающим (или другим лицом) как производителем действия. Эта плоскость не совпадает с той плоскостью модальных отношений, к которой относятся признаки реальности и ирреальности [2]. Поэтому отношение между побудительностью, реальностью и ирреальностью не может рассматриваться как оппозиция. Необходимым признаком оппозиции является единое основание. Здесь же такого основания нет.

Обратимся теперь к категории вида. Структура этой категории варьируется по языкам. В славянских языках категория вида основана на бинарной грамматической оппозиции. Иной структурный тип категории вида представлен в английском языке. Вид английского глагола как система форм прогрессива, основного и перфектного разрядов [3] включает отношения неопозитивного различия (оппозицию представляет лишь соотношение прогрессива и основного разряда; перфект же относится к иной плоскости; в целом налицо принцип естественной классификации при отклонениях от единого основания членения). Аналогичный характер естественной классификации имеет соотношение презентных, аористических и перфектных основ в древнегреческом языке [см. 12].

Говоря о видовых формах в китайском языке, Н. В. Солнцева и В. М. Солнцев констатируют между ними отношение эквиолентной оппозиции, причем истолкование этого понятия авторами включает отношения неопозитивного различия: «В основе объединения форм в эквиолентные оппозиции лежат разные семантические признаки (разные значения) соответствующих форм. Соответствующие формы не обязательно противопоставлены по этим признакам, они могут просто различаться этими признаками (значениями). Так, в паре *-и* - *-го* формы противопоставлены по признаку кратности действия: форма на *-и* выражает однократность, форма на *-го* - многократность. В паре *-ла* - *-го* формы противопоставлены по признаку перфектность / имперфектность: *-ла* передает значение перфектности действия, а *-го* - имперфектности, которое базируется, по-видимому, как было сказано выше, на признаке (значении) многократности. Пара *-ла* - *-чжэ* различается наличием разных значений: у *-ла* - значение совершенности, недлительности, точечности, у *-чжэ* - значение длительности, отсутствие точечности действия» [13, с. 100-101, ср. 14, с. 73-170; 15].

Структура категории залога в тех языках, где эта категория не ограничивается противопоставлением актива и пассива, представляет собой сложное многочленное соотношение, в котором так или иначе представлено различие естественных классов, выходящих за пределы единого основания членения. Категория числа имен существительных в тех языках, где помимо ед. и мн. числа существует двойственное число, имеет структуру, в которой оппозитивные отношения дополняются отношением неопозитивного различия. Двойственное число, как известно, характеризуется не только чисто количественным признаком, но и признаком парности, заключающим в себе элемент тесной связи между двумя лицами или предметами. Последний признак выводит двойственное число за пределы чисто оппозитивных отношений. Нельзя свести к единому основанию членения категорию падежа. Разумеется, по тем или иным содержательным признакам между отдельными падежными формами и их комбинациями в данном языке можно установить отношения оппозиции [см., например, 16], однако в целом система падежных форм строится на отношении различия между значениями, не подчиненными единому классификационному принципу.

Не всегда тип отношений между компонентами грамматической категории (т. е. граммемами) может быть определен однозначно. Встречаются переходные случаи, когда в одном и том же отношении между компонентами категории можно констатировать признаки как оппозиции, так и неоппозитивного различия. В частности, в категории лица в русском языке (и не только в русском) таково отношение 3-го лица к 1-му и 2-му. Формы 3-го лица, с одной стороны, соотнесены с формами 1-го и 2-го лица как выражающие отнесенность действия к лицу, не являющемуся ни говорящим, ни собеседником (в этом проявляется однородность признаков 1-го, 2-го и 3-го лица, единство принципа членения), а с другой стороны, обнаруживают особое свойство . способность выражать отнесенность действия к неодушевленному предмету. Таким образом, значение 3-го лица выходит за пределы оппозитивного отношения. Собственно оппозитивные отношения в структуре категории лица осложняются также безличной функцией формы 3-го лица ед. числа (*Светаёт*), неопределенно-личной функцией форм 3-го лица мн. числа (*Его здесь любят*) и обобщенно-личной функцией формы 2-го лица ед. числа (*Тебя не поймешь*). Указанные значения, разумеется, относятся к семантике лица, однако они не составляют одного ряда с отнесенностью действия к 1-му, 2-му и 3-му лицу.

Несомненно, существует зависимость между отношениями оппозиции и неоппозитивного различия, с одной стороны, и соотношением двучленных и многочленных категорий, с другой. Для двучленных категорий характерна оппозитивность, тогда как многочленные категории могут быть связаны как с оппозитивными, так и с неоппозитивными различиями.

О многочленных категориях, включающих в свою структуру отношение неоппозитивного различия, уже шла речь. Приведем некоторые примеры многочленных категорий оппозитивного типа. Категория времени в русском языке базируется на противопоставлении рядов временных форм (настоящего, прошедшего, будущего времени) по однородным признакам одновременности, предшествования и следования, выделяемым на основании единого принципа членения [см. 17, с. 626-636]. На отношении оппозиции (градуальной) основана в ряде языков структура трехчленной категории степени сравнения прилагательных и наречий. В китайском языке некоторыми исследователями выделяется грамматическая категория ориентации (направленности), связанная с разграничением трех ориентаций: нейтральной, приближающейся и удаляющейся [см. 14, с. 159.163]. Таким образом, описание фиксирует трехчленную структуру оппозитивного типа (в данном случае представлен особый структурный подтип, включающий нейтральный компонент).

Нередко многочленные грамматические категории, в целом относящиеся к неоппозитивному типу, включают вместе с тем и оппозитивные отношения между частью граммем. Таким образом, в пределах одной грамматической категории могут совмещаться отношения неоппозитивного различия и оппозиции (ср. приведенные выше примеры).

До сих пор, говоря о типах отношений между членами грамматической категории, мы имели в виду их категориальные значения. Если же учесть семантический потенциал граммем в полном их объеме, т. е. весь комплекс регулярных и устойчивых семантических функций данной формы, то соотношения граммем окажутся еще более сложными. Это касается, в частности, грамматических категорий оппозитивного типа. Так, далеко не все функции совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ) в русском языке являются соотносительными. Наряду с соотносительными функциями, образующими оппозиции (ср. конкретно-фактическую функцию СВ и конкретно-процессную функцию НСВ), выступают функции несоотносительные или лишь отчасти соотносительные. В таких случаях речь может идти лишь об отношении неоппозитивного различия. Отметим неполную соотносительность неограниченно-кратной функции НСВ и наглядно-примерной функции СВ, несоотносительность связанной с НСВ функции выражения постоянного соотношения, специфические особенности обобщенно-фактической функции НСВ, не сводимые к оппозиции с конкретно-фактической функцией СВ [17, с. 607-613; 18]. Таким образом, даже категории оппозитивного типа выявляют такие соотношения их компонентов, связанные с полифункциональностью и семантической вариативностью, которые не укладываются в понятие оппозиции.

3. К характеристике отношений неоппозитивного различия и оппозиции в структуре грамматических категорий. Говоря о неоппозитивном различии и оппозиции [4], мы имеем в виду отношения, существующие между значениями компонентов грамматической категории как реальными

единицами языкового содержания (связанными с определенным языковым выражением). Если между этими значениями как «готовыми данностями» нет непосредственных отношений однородности, основанных на едином принципе членения, мы констатируем отношение различия, а не оппозиции. Это относится и к тем случаям, когда исследователи, так или иначе комбинируя значения части компонентов данной категории и объединяя их по тому или иному признаку, находят внутренние связи однородности, противопоставления, восхождения к единому принципу членения через ряд опосредующих звеньев в цепочке бинарных членений [5].

Сказанное выше имеет отношение к целому ряду многочленных грамматических категорий. Так, при анализе трехчленной системы изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений в русском языке можно построить схему, в которой, как это нередко и делается, повелительное и сослагательное наклонения объединяются по признаку ирреальности, а косвенные наклонения по этому признаку противопоставляются изъявительному наклонению (последнее либо рассматривается как немаркированный член оппозиции, либо наделяется признаком реальности). То же самое можно представить в схеме иерархического членения функций: общее значение модальной характеристики действия по признаку реальности/ирреальности расщепляется на его составные элементы, из которых значение ирреальности далее членится на значения возможности (или предположительности) и побудительности. Наша трактовка отношений между значениями компонентов грамматических категорий основана не на таких членениях и объединениях, а на парадигматических соотношениях реально выражаемых значений каждого из наклонений, каждого из чисел и т. д. Мы стремимся учесть реальное своеобразие каждого из этих значений в его отношении к другим значениям, объединенным в данной категориальной системе. В рамках изложенной выше точки зрения оппозиция как один из типов категориальных структур не представляет собой элемент искусственной классификации. Оппозиция относится к искусственным классификациям лишь в том случае, когда она трактуется как некоторый заданный логический принцип, проецируемый на языковые категории. Мы же рассматриваем оппозитивные структуры в одном ряду с неопозитивными как элементы языковой онтологии, в данном случае - реально существующей системно-структурной организации грамматических категорий. Как оппозиции, так и неопозитивные различия включаются в общую более широкую область естественной классификации языковых структур. Подчеркнем еще раз: объединение форм, конституирующих грамматическую категорию, представляет собой наиболее существенный постоянный признак системно-структурной организации грамматических категорий, находящийся на высшей ступени иерархии, тогда как отношения оппозиции и неопозитивного различия между компонентами категории - лишь переменные частные признаки более низкого уровня. Объединение форм в единое целое, в единую категориальную систему - это сущностный признак грамматической категории, отражающий ее качественную специфику. Что же касается отношений оппозиции и неопозитивного различия, то они лишь конкретизируют возможные формы, способы объединения компонентов категориальной системы.

Оппозиция представляет собой наиболее «сильный» тип объединения компонентов грамматической категории. В этом случае их значения предполагают друг друга (например, значение несовершенного вида не существует вне связи со значением совершенного вида) или по крайней мере соотносятся друг с другом как однородные значения, основанные на едином принципе членения. Последняя оговорка необходима по отношению к многочленным оппозициям. Обычно подчеркивается, что члены грамматических оппозиций по своим значениям предполагают друг друга. На наш взгляд, это действительно лишь для двучленных оппозиций (причем и в этом случае противочлен может иметь различный характер, в зависимости от строя языка и конкретных особенностей данной грамматической категории) [6]. Что касается многочленных оппозитивных категорий, то их компоненты находятся в сложных отношениях соотносительности, для которых взаимное предположение не является ни обязательным, ни всеобщим, т. е. охватывающим все члены оппозиции. Так, соотносительны компоненты категории времени, различающиеся по отношению к грамматической точке отсчета (моменту речи или другому моменту, принимаемому за основу временных отношений). Однако о логически однозначном «взаимном предположении» можно говорить лишь по отношению к понятийным сферам настоящего, прошлого и будущего. Что же касается состава и конкретных значений форм времени, то, как известно, здесь наблюдаются существенные расхождения между языками.

Положение осложняется существующей во многих языках тесной связью времени и вида, а также времени и наклонения.

Неопозитивное различие представляет собой ту форму объединения граммем, которую можно условно назвать слабой. В данном случае отклонения от единого принципа членения приводят к возможности относительного обособления того или иного из компонентов категории. Хотя все компоненты объединяются принадлежностью их значений к некоторой общей семантической области, представляющей собой родовое понятие по отношению к значениям отдельных граммем как понятиям видовым, все же значения отдельных компонентов категории, как уже говорилось, могут относиться к разным аспектам общего родового понятия, к разным плоскостям. Отметим обособленное положение форм перфекта в трехчленной видовой системе древнегреческого глагола, обособленное положение форм повелительного наклонения в многочленной категории наклонения. Во всех подобных случаях находит проявление тенденция к относительному обособлению тех граммем, значение которых содержит специфические признаки, отделяющие их от других членов данной системы, нарушающие полную и последовательную соотносительность однородных значений, т. е. вносящие в систему элементы неоднородности.

Признание существенной роли категориальных структур, выходящих за пределы грамматических оппозиций, имеет непосредственное отношение к изучению взаимных связей грамматики и лексики. При таком подходе становится очевидным, что в принципах системно-структурной организации грамматики и лексики наряду с глубокими различиями есть и сближения, переходные типы и пересечения. По своей структуре грамматические категории, включающие отношение неопозитивного различия, более тесно связаны с группировками лексико-грамматических разрядов, ближе к этим группировкам, чем категории, базирующиеся на отношении оппозиции. Отношение неопозитивного различия характерно для системноструктурной организации лексико-грамматических разрядов (ср., например, соотношения разрядов имен существительных конкретных, отвлеченных, вещественных и собирательных, а также такие способы действия, как начинательный, завершительный, дистрибутивный, ограничительный, сопроводительный и т. д.). Оппозиции в этой области возможны (ср., например, соотношение глаголов многоактного и одноактного способов действия типа *моргать - моргнуть*), однако в целом господствуют неопозитивные различия. Отношения оппозиции и неопозитивного различия в структуре грамматических категорий могут находить отражение в связях грамматической категории с лексикой. Так, тенденция к относительному обособлению тех граммем, значение которых содержит специфические признаки, отделяющие их от других членов данной системы, может сопровождаться (хотя и не обязательно сопровождается) лексическими ограничениями. Таковы, например, лексические ограничения, связанные с формами повелительного наклонения в русском языке (в отличие от изъявительного и сослагательного), а также ограничения, характерные для форм двойственного числа (например, в древнерусском языке), и т. д.

4. Отношение неопозитивного различия и принцип избирательности.

Рассматриваемое отношение между значениями компонентов грамматической категории, на наш взгляд, тесно связано с «принципом избирательности» (в понимании Б. А. Серебренникова) [см. 22]. На наш взгляд, этот принцип распространяется и на структуру грамматических категорий. Применительно к этой области языковых структур принцип избирательности может быть истолкован следующим образом. «Семантическое пространство», связанное с данной категорией (область аспектуальных, залоговых, модальных значений и т. д.), не всегда без остатка распределяется между компонентами данной категории. Не всегда значения этих компонентов противопоставлены друг другу и дополняют друг друга в пределах одной и той же плоскости однородных значений. Возможны отношения иного рода: в пределах данного семантического пространства язык «избирает» отдельные значения, которые в своей совокупности в части случаев не заполняют собой это пространство без остатка, находятся в разных плоскостях (хотя они и объединяются общей принадлежностью к модальности, аспектуальности и т. д.). При этом разные языки могут по-разному осуществлять такой выбор, относя выражение части необходимых значений к области лексики и контекста. Языковым фактом, который должен найти отражение в лингвистическом описании, является зафиксированный в данном языке «результат выбора» - система определенных грамматических форм (рядов форм), используемых для выражения значений, связанных с данной категорией, - парадигма или комплекс парадигм.

Грамматическая избирательность далеко не всегда следует формально-логическим правилам, например, правилам деления объема понятия. Коммуникативная ориентация избираемых для регулярного грамматического выражения значений (из числа семантических элементов, которые в принципе могли бы быть выражены), распределение потенциально грамматических содержаний (таких, которые в принципе в том или ином языке могут быть выражены грамматически) между морфологией, синтаксисом, лексикой, контекстом, различными комбинированными средствами выражения, включая «скрыто грамматические», - все это нарушает схемы и принципы системно-структурной организации, которые нередко приписывают языку. Исследователь должен внимательно изучать своеобразие языковых структур, которые во многих случаях имеют более сложный и «неправильный» характер, чем схемы типа универсальных бинарных оппозиций.

Принцип избирательности вносит существенные коррективы в реализацию в языке родо-видовых отношений. Родовое понятие, лежащее в основе семантического пространства, связанного с данной грамматической категорией, может соотноситься с такими видовыми понятиями - значениями граммем, которые, во-первых, фиксируют лишь отдельные узлы и фрагменты в этом пространстве, не исчерпывая его без остатка; во-вторых, не обязательно базируются на едином основании членения. Это связано с тем, что общее родовое понятие, лежащее в основе семантики данной категории, может предполагать не одну, а несколько плоскостей, в которых размещаются видовые понятия - значения отдельных граммем. Так, общее родовое понятие аспектуальности предполагает несколько разных аспектуальных плоскостей, причем эти разные плоскости могут быть представлены в одной парадигматической системе форм вида (ср. упомянутую выше систему видовых форм английского глагола).

5. К определению понятия грамматической категории. Разграничение отношений оппозиции и неоппозитивного различия связано с признанием многообразия структуры грамматических категорий в языках разных типов. Существенными особенностями отличаются категориальные структуры в языках, для которых характерны проявления необязательности грамматических категорий [13, с. 96.106; 23.25]. Структурное многообразие выявляется и в грамматических категориях, базирующихся на разных типах грамматических оппозиций (в частности, привативных, эквиополентных и градуальных). В связи со сказанным выше представляются обоснованными те определения грамматической категории (в универсально-типологическом плане), которые предусматривают варьирование типов категориальных структур. Так, можно согласиться с определением, согласно которому грамматическая категория представляет собой «обобщенное значение, последовательно выражаемое в данном языке системой грамматических форм, структура которых зависит от морфологического типа языка» [см. 26] [7]. Можно предложить следующее определение (как одно из возможных): грамматическая категория - это система грамматических форм, объединенных на основе общности того родового значения, по отношению к которому значения отдельных членов категории являются видовыми; эти значения могут находиться в отношениях как оппозиции, так и различия; структура грамматических категорий может варьироваться в зависимости от строя языка.

В соответствии с этим общим определением могут формулироваться и определения отдельных грамматических категорий в том или ином языке. Например, категория времени глагола в русском языке может быть определена как система, объединяющая ряды грамматических форм, выражающих отношение времени действия к моменту речи или какому-либо иному моменту, служащему точкой отсчета временных отношений.

Данное выше общее определение не исключает более конкретных дефиниций, конкретизирующих особенности категориальных структур того или иного языка или круга языков, в частности, возможное наличие нехарактеризованных (нейтральных) форм, включающихся в отношения оппозиции и различия [8].

6. Отношение к существующим интерпретациям категориальных структур. Изложенная выше точка зрения противостоит распространенному тезису о том, что грамматическая категория всегда базируется на отношении оппозиции. Из последнего изложения исходят как концепции, постулирующие существование лишь бинарных оппозиций, так и концепции, предполагающие возможность существования не только двучленных, но и многочленных грамматических оппозиций.

Сущность нашего подхода к вопросу о грамматических оппозициях заключается не в отрицании принципа оппозиции, а в определенном истолковании его статуса. Данный принцип трактуется нами не как всеобщий и универсальный, а как один из частных принципов системно-структурной организации грамматических категорий, подчиненных принципу объединения компонентов категории. В истории разработки вопроса о грамматических оппозициях (в конце 50-х . начале 60-х гг. и в более позднее время) уже был сделан шаг в сторону признания большего многообразия типов структуры грамматических категорий. В ряде работ отстаивалась мысль о том, что бинарные привативные оппозиции (в трактовке Р. О. Якобсона) являются не единственно возможным и всеобщим принципом системно-структурной организации грамматических категорий, а лишь одним из типов такой организации [28-32]. В частности, отмечалось, во-первых, существование не только двучленных, но и многочленных грамматических оппозиций, а во-вторых, существование оппозиций не только привативных, но и эквиполентных, а также градуальных (в духе общей теории оппозиций Н. С. Трубецкого). Трактовка отношения неопозитивного различия как одного из возможных типов структуры грамматических категорий означает, на наш взгляд, следующий шаг к более полному отражению реального многообразия типов категориальных структур. При таком подходе оппозиции находят себе место среди других форм и способов объединения компонентов грамматических категорий. Вопрос о роли отношения неопозитивного различия в структуре грамматических категорий до сих пор, насколько нам известно, специально не рассматривался. Однако высказывались некоторые общетеоретические положения, имеющие отношение к данной теме. Необходимость учитывать реальное многообразие отношений, существующих в языке, и отличать оппозиции от иных типов отношений между языковыми единицами, подчеркнута Т. В. Булыгиной [см. 19]. Автор справедливо отмечает, что оппозициям, членами которых являются единицы плана содержания, соответствуют лишь различия в плане выражения [см. 19, с. 193-196]. В плане содержания в статье Т. В. Булыгиной, в соответствии с ее темой, рассматриваются именно оппозиции, но не различия. Отношение различия между грамматическими значениями наряду с отношением противоположности отмечено (в самой общей форме) М. А. Шелякиным. Однако понятие различия в его интерпретации укладывается в рамки взаимосвязанных однородных значений: «...если засвидетельствовано одно грамматическое значение, то оно неизбежно предполагает и наличие другого взаимосвязанного однородного грамматического значения, находящегося с первым в каких-то отношениях или противоположности на основе общего или обуславливающего опосредования, так как различие и противоположности суть результаты снятия одной определенности и появления другой определенности с сохранением первой в преобразованном виде и наличием обогащенной общей основы» [34, с. 13]. Мы трактуем понятие различия иначе: при таком отношении между компонентами грамматической категории значение одного из них не предполагает значения другого, причем эти значения, хотя они и охватываются некоторым общим родовым понятием, не являются однородными в том смысле, в каком однородны значения членов грамматической оппозиций [9]. Как уже было отмечено выше, Н. В. Солнцева и В. М. Солнцев включают отношения форм, которые не обязательно противопоставлены по определенным признакам, но могут «просто различаться этими признаками (значениями)», в понятие эквиполентной оппозиции [см. 13, с. 100-101]. Сама по себе констатация указанных отношений представляет несомненный интерес, однако подведение этих отношений под понятие эквиполентной оппозиции, на наш взгляд, связано с существенным затруднением: в понятие оппозиции включаются отношения, выходящие за пределы противопоставления на основе единого принципа членения. Поэтому представляется целесообразным разграничивать эквиполентные оппозиции и отношение неопозитивного различия.

7. Заключительные замечания. Констатация отношений не только оппозиции, но и неопозитивного различия в структуре грамматических категорий находит опору в фактах истории языка. Историческое развитие грамматических категорий не может быть сведено к преобразованиям и модификациям оппозиций. Так, категория времени русского глагола развивалась на базе системы видо-временных форм, в которой существенную роль играли отношения различия между формами аориста, имперфекта и перфекта в их сложном взаимодействии с совершенным/несовершенным видом. В развитии

славянского глагольного вида принимали участие аспектуальные образования, характеризующиеся множественностью признаков, которые не могут быть сведены к какой-либо одной оппозиции. Исторический процесс залогового формообразования в славянских языках включал не только противопоставление активных и пассивных конструкций, но и отношения различия залоговых образований, связанные с рефлексивацией. Подобные примеры можно легко умножить. В целом рассматриваемая трактовка категориальной системности органически связана с принципом историзма. Признание многообразия категориальных структур, выходящих за пределы оппозитивных отношений, не означает отрицания системности в грамматике. Напротив, при таком подходе подчеркивается специфика языковой системности, которая не может быть сведена к оппозитивным отношениям. Грамматический строй языка трактуется как естественная система, характеризующаяся многообразными отношениями ее компонентов.

Изложенная выше трактовка структуры грамматических категорий тесно связана с таким истолкованием грамматического строя языка, которое охватывает явления, относящиеся как к собственно системе, так и к норме, включая как системные, так и асистемные (с логической точки зрения) явления [см. 35], элементы систем, восходящих к разным этапам развития языка, явления, находящиеся в отношении противоречия [см. 36, 37].

Наиболее важный принцип заключается в том, что лингвистическая теория должна отражать реально существующую системно-структурную организацию строя языка, не навязывая ему заранее заданных классификационных схем. На категориальные структуры в полной мере распространяется известное суждение Л. В. Щербы: «...грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий» [38].

Примечания

1. Содержание данного принципа (при разной терминологии) раскрывается в работах Л. В. Щербы [1], В. М. Жирмунского и ряда других ученых [2-4]. С принципом естественной классификации тесно связаны идеи полевой структуры и многомерности грамматических явлений в освещении В. Г. Адмони [см. 5]. 2. О. Есперсен, подчеркивая особенности повелительного наклонения по отношению к изъявительному и сослагательному, писал о повелительном наклонении: «Это - наклонение воли, так как его главная функция - выражать волю говорящего, хотя только . что весьма важно - в той мере, в какой она должна воздействовать на поведение слушателя.» [10, с. 363].

3. См., например, [11]. Разумеется, возможно выделение оппозиций: «прогрессив : не-прогрессив», «перфект : не-перфект», однако это несколько не меняет того факта, что в целом видовые формы английского глагола связаны друг с другом не только отношениями оппозиции, но и неопозитивного различия.

4. Оппозиция справедливо рассматривается как особый тип различия [см. 19, с. 177-189]. Однако выделение этого типа различий и закрепление за ним специального термина позволяет оперировать противопоставлением оппозиции и различия, имея в виду различия за пределами оппозиций. Соотношение оппозиции и различия (неопозитивного) трактуется нами именно в этом смысле.

5. Такова, например, схема падежных функций в интерпретации Г. П. Мельникова. Автор подчеркивает имманентную системность и иерархичность падежных функций, системную взаимообусловленность падежей, сводимость их функций в конечном счете (через несколько ступеней функциональной иерархии) к единству принципа членения [см. 20]. Даже если допустить, что построенная Г. П. Мельниковым дихотомическая схема (в виде дерева с последовательно бинарным членением) действительно отражает опосредованные связи между отдельными падежными значениями, это несколько не меняет того факта, что в парадигматической системе падежей данного языка непосредственное единство их значений как элементов одного и того же принципа членения отсутствует. Так, в падежной системе русского языка нет единого основания у таких функций, как партитивная (родит. п.), адресатная (дат. п.), собственно сопроводительная (твор. п.).

6. Так, по мнению С. Е. Яхонтова, в китайском языке «отсутствие -теп не означает ед. числа и имеет лишь остаточное значение» [см. 21].

7. Заметим, что указание на последовательность выражения обобщенного значения системой грамматических форм, справедливое для многих языков, не может быть применено к тем языкам, где грамматические категории проявляют признаки необязательности [см. 23-25]. Таким образом, определение грамматических категорий, рассчитанное на факты языков разных типов, на наш взгляд, целесообразно сформулировать в более общей форме, без данного указания.

8. О многообразии типов отношений между категориальными значениями см. [27]. Здесь рассматриваются, в частности, а) отношения между видовыми значениями, не являющимися противоположными по своему характеру, но находящимися в отношении соподчинения общему для них родовому понятию (например, значения видов законченности действия, продолженного или длительного действия, многократности, обычности действия в нивхском языке); б) отношения между членами оппозиции, которые не могут быть подведены под какой-либо из устанавливаемых формальной логикой типов отношений понятий по содержанию и объему (например, отношения между различными падежами существительного в нивхском языке); в) отношения, при которых значение одной из категориальных форм соизмеримо со значением грамматической категории в целом, т. е. родовое понятие, фиксируемое грамматической категорией, выражается также и одной из категориальных форм (например, соотношение форм ед. и мн. числа в языках синтетическо-агглютинирующего типа, в частности, в нивхском) [см. 27, с. 278-280].

9. В целом М. А. Шелякин ставит акцент на отношении противопоставления: «Специфика грамматической категории заключается как раз в обязательном наличии последовательно противопоставленных значений (в промежуточными значениями или без них) и опосредствующего значения как основы противопоставления, в совокупности составляющих ее содержание» [34, с. 13].

Литература

1. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. - В кн.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 78-79.
2. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации. - В кн.: Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968, с. 8-9.
3. Реферовская Е. А., Васильева А. К. Теоретическая грамматика современного французского языка. 2-е изд. Ч. I. Л., 1973, с. 20-38.
4. Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980, с. 319-357.
5. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.-Л., 1964, с. 35-51.
6. Меновщиков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. II. Л., 1967, с. 101-122.
7. Меновщиков Г. А. Язык эскимосов Берингова пролива. Л., 1980, с. 122-134.
8. Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. М.-Л., 1965, с. 108-133.
9. Крейнвич Е. А. Нивхский язык. . В кн.: Языки Азии и Африки. III. М., 1979, с. 314-318.
10. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 363.
11. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961.
12. Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 22-30, 44-58, 87 и сл.
13. Солнцева Н. В., Солнцев В. М. О некоторых свойствах морфологических категорий в изолирующих языках. - В кн.: Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. М., 1975.
14. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
15. Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка (Грамматическая природа слова). М., 1968, с. 198-267, 286-348.
16. Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением. - American contributions to the IV International congress of Slavists. 's-Gravenhage, 1958.
17. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
18. Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц (На примере анализа функций глагольного вида в русском языке). - В кн.: Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.
19. Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции. - В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

20. Мельников Г. П. Природа падежных значений и классификация падежей. - В кн.: Исследования в области грамматики и типологии языков. М., 1980.
21. Яхонтов С. Е. Грамматические категории аморфного языка. - В кн.: Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. М., 1975, с. 111-112.
22. Серебренников Б. А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции (О роли принципа избирательности в процессе создания отдельных слов, грамматических форм и выбора способов грамматического выражения). - В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
23. Коротков Н. Н., Панфилов В. З. О типологии грамматических категорий. - ВЯ, 1965, No 1.
24. Гузев В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. - ВЯ, 1975, No 3.
25. Вардуль И. Ф., Алпатов В. М., Бартельс А. Е., Коротков Н. Н., Санжеев Г. Д., Щарбатов Г. Ш. О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания. - ВЯ, 1979, No 1.
26. Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков. - В кн.: Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. М., 1975, с. 5.
27. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977.
28. Dokulil M. K otazce morfologických protikladu. - SaS, XIX, 1958, No 2 [в переводе на русск. яз.: Докулил М. К вопросу о морфологических противопоставлениях (Критика теории бинарных корреляций в морфологии чешского языка). - В кн.: Языкознание в Чехословакии. М., 1978].
29. Головин Б. Н. Заметки о грамматическом значении. - ВЯ, 1962, No 2.
30. Шендельс Е. И. О грамматической полисемии. - ВЯ, 1962, No 3.
31. Бондарко А. В. Система глагольных времен в современном русском языке. - ВЯ, 1962, No 3.
32. Krizkova H. Привативные оппозиции и некоторые проблемы анализа многочленных категорий (На материале категории лица в русском языке). - Travaux linguistiques de Prague, I. Prague, 1964.
33. Шелякин М. А. К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий (1). - Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 425. Тарту, 1977.
34. Шелякин М. А. К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий (2). - Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 486. Тарту, 1979.
35. Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке. - ВЯ, 1978, No 4.
36. Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М., 1976, с. 12-30, 37.
37. Филин Ф. П. Противоречия и развитие языка. - ВЯ, 1980, No 2.
38. Щерба Л. В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета. - В кн.: Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Источник текста - [сайт Института лингвистических исследований](#)

О СТРУКТУРЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Р. Якобсон

О СТРУКТУРЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА

(Якобсон Р. Избранные работы. - М., 1985. - С. 210-221)

Одно из существенных свойств фонологических корреляций состоит в том, что оба члена корреляционной пары неравноправны: один член обладает соответствующим признаком, другой им не обладает; первый определяется как **признаковый (маркированный)**, второй - как **беспризнаковый (немаркированный)** [2]. Это же определение может служить основанием для характеристики **морфологических корреляций**. Вопрос о значении отдельных морфологических категорий в данном языке постоянно вызывает сомнения и разногласия среди исследователей языка. Чем объясняется

большинство этих колебаний? Рассматривая две противопоставленные друг другу морфологические категории, исследователь часто исходит из предпосылки, что обе эти категории равноправны и каждая из них обладает свойственным ей положительным значением: категория I означает А, категория II означает В, или по крайней мере категория I означает А, категория II означает отсутствие, отрицание А. В действительности же **общие значения** коррелятивных категорий распределяются иначе: если категория I указывает на наличие А, то категория II не указывает на наличие А, иными словами, она не свидетельствует о том, присутствует А или нет. Общее значение категории II сравнительно с категорией I ограничивается, таким образом, отсутствием "сигнализации А".

Если в определенном контексте категория II все же сигнализирует отсутствие А, то это является лишь одним из употреблений данной категории: значение здесь обусловлено ситуацией; и даже если такое значение является самой обычной функцией данной категории, исследователь тем не менее не должен отождествлять статистически преобладающее значение категории с ее общим значением. Подобного рода отождествление приводит к злоупотреблению понятием **транспозиции**. Транспозиция категории имеет место лишь там, где ощущается перенос значения (транспозицию я рассматриваю здесь только с точки зрения синхронии). Русское слово *ослица* свидетельствует о том, что это животное женского рода, в то время как общее значение слова *осел* не содержит в себе никакого указания на пол данного животного. Говоря *осел*, я не уточняю, идет здесь речь о самце или о самке; но если на вопрос *это ослица?* я отвечаю *нет, осел*, то мой ответ уже содержит указание на мужской пол животного - слово употреблено здесь в более узком смысле. Не нужно ли в таком случае значение слова *осел* без указания на пол понимать как более широкое? Нет! Ибо здесь отсутствует ощущение переносного значения, так же как, например, не является метафорой выражения *товарищ Нина* или *эта девушка - его старейший друг*. Однако перенос значения имеет место, например, в так называемом вежливом множественном или при ироническом употреблении первого лица множественного числа в смысле второго лица единственного; равным образом воспринимается как метафора употребление слова *дура* применительно к мужчине; такое употребление усиливает аффективную окраску слова.

Русские исследователи середины прошлого столетия правильно оценили существенное различие между общим и частным значением категории. Уже К. Аксаков строго различает понятие, выраженное посредством грамматической формы, с одной стороны, и производное понятие как факт употребления, с другой стороны [3]. Равным образом Н. Некрасов учит, что "главные значения" дробятся в употреблении на множество частных значений, зависящих от смысла и тона целой речи" [4]. Он различает, следовательно, общее грамматическое значение формы и те эпизодические частные значения, которые она может приобрести в контексте. Связь между формой и значением он определяет в первом случае как фактическую, а во втором - как возможную. Принимая то, что имеет в языке значение лишь возможной связи, за связь фактическую, грамматисты приходят к установлению правил с множеством исключений. Из высказываний, приведенных ниже, вытекает следующее: уже Аксаков и Некрасов [5], а еще раньше Востоков [6] в своих исследованиях об основных значениях отдельных русских морфологических категорий неоднократно констатировали, что, в то время как одна категория указывает на определенный признак, в другой категории этот признак остается неуказанным. Этот вывод неоднократно повторяется в позднейшей русской специальной литературе, особенно у Фортунатова [7], Шахматова [8], Пешковского [9], Карцевского [10]. Так, Шахматов рассматривает отдельные противопоставления глагольных категорий как "обосложение" теми или иными сопутствующими представлениями [11]. Пешковский говорит о "нулевых категориях", в которых вследствие сравнения с противоположными категориями "отсутствие значение создает здесь своего рода значение"; "подобными нулевыми категориями, - говорит он, - переполнен наш язык" [12]. Эта "нулевая категория", по существу, соответствует нашей беспризнаковой категории. Нулевыми или отрицательными значимостями оперирует и Карцевский, который при этом констатирует, что противоположения грамматических категорий **бинарны** [13].

Таким образом, морфологические корреляции и их распространение в языке получили всеобщее признание. Однако в конкретных грамматических описаниях они большей частью находятся на положении эпизодических, второстепенных понятий. Ныне необходимо сделать следующий шаг: понятие

морфологической корреляции, как его сформулировал Трубецкой, должно быть положено в основу анализа грамматических систем. Если с точки зрения этого понятия мы будем рассматривать, например, систему русского глагола, то окажется, что этот последний может быть полностью сведен к системе немногих корреляций. Установление этих корреляций и составляет содержание настоящей работы. При этом мы пользуемся в большинстве случаев традиционной грамматической терминологией, хотя и признаем ее неточность.

Классы глагола образуются двумя видовыми и двумя залоговыми корреляциями.

Общая **видовая корреляция**: формы совершенного вида (признаковая категория) ~ формы несовершенного вида (беспризнаковая категория). Беспризнаковый характер форм несовершенного вида является, очевидно, общепризнанным. По Шахматову, "несовершенный вид означает обычное, неквалифицированное действие-состояние" [14]. Уже у Востокова "совершенный вид показывает действие с означением, что оно начато или кончено", тогда как несовершенный вид "показывает действие без означения начала и конца оному" [15]. Можно было бы сказать точнее, что формы совершенного вида в противоположность формам несовершенного вида указывают абсолютную границу действия. Мы подчеркиваем "абсолютную", так как глаголы, обозначающие повторяющиеся начинания и завершения многократных действий, остаются несовершенными (захаживал) [16]. Нам кажется чересчур узким определение, даваемое теми исследователями, которые ограничивают функцию форм совершенного вида обозначением недлительности действия; ср. такие глаголы совершенного вида, как *понастроить*, *повыталкивать*, *нагуляться*, в которых указывается на завершение действия, однако отсутствуют какие-либо указания на его "точный" или "непродолжительный", "кратковременный" характер.

Внутри глаголов несовершенного вида существует следующая видовая "корреляция": "итеративные" формы, обозначающие многократность действия (признаковая категория) ~ формы без указания на многократность. Общая видовая корреляция охватывает все формы спряжения, тогда как вторая корреляция принадлежит лишь прошедшему времени.

Общая **залоговая корреляция**: формы, обозначающие непереходность действия (признаковая категория) ~ формы без указания на непереходность, то есть формы "действительного залога" в широком смысле слова. Понимание форм действительного залога как беспризнаковых было свойственно, собственно говоря, уже Фортунатову [17].

Признаковый член упомянутой корреляции содержит в свою очередь корреляцию, членами которой являются формы "страдательного залога" (признаковая категория) ~ "возвратные формы". Формы страдательного залога указывают на то, что действие производится не субъектом, а переходит на него извне. В словосочетании *девушки, продаваемые на невольничьем рынке* на "пассивность" указывает причастие; если же мы в этом словосочетании на место слова *продаваемые* подставим слово *продающиеся*, то "пассивность" будет выражена только контекстом, так как форма как таковая обозначает лишь непереходность. Ср., например, словосочетание *девушки, продающиеся за кусок хлеба*, где страдательное значение отсутствует вовсе, как как контекст его не подсказывает. Общая залоговая корреляция охватывает все формы спряжения; вторая корреляция затрагивает только причастия. В языковедческой литературе возникли сомнения по поводу того, куда должны быть отнесены при классификации глаголов так называемые "Communia" или "Reflexiva tantum" (*бояться* и т.п.). С точки зрения общей залоговой корреляции они являются непарными признаковыми формами.

< **Система спряжения**. Я оставляю в стороне "составные" формы. Они лежат за пределами собственно морфологической системы глагола.

"Инфинитив" в отношении его "синтаксической" значимости характеризуется Карцевским как нулевая форма глагола: здесь речь идет о "выражении процесса вне всякого синтагматического отношения" [18]. Остальные глагольные формы указывают на наличие синтагматических отношений и функционируют, таким образом, в противоположность инфинитиву как признаковые члены корреляции.

Эта признаковая категория распадается в свою очередь на два коррелятивных ряда: "причастия" (признаковая категория) ~ "личные" формы. Шахматов определяет причастие как категорию,

которая по сравнению с личными формами "обословлена" представлением о пассивном признаке [19]. Так, в качестве признака корреляции здесь выступает признак адъективности ("прилагательности"). Наоборот, причастия по отношению к прилагательным образуют признаковую категорию, сигнализирующую о "глагольности".

Личные формы обладают "корреляцией наклонения". Изъявительное наклонение уже неоднократно определялось как отрицательное или нулевое. "Это действие - **просто**, действие, не осложненное никаким особым оттенком наклонения, подобно тому, как именительный падеж обозначает просто предмет, без оттенка падежности" [20]. Изъявительному наклонению как немаркированной категории противопоставляется наклонение, указывающее на волюнтаривный аспект (*willkürhafter Einschlag*) действия ("модальность произвольного акта" [21] - по Карцевскому); именно в указании на этот аспект и заключается признак корреляции. Действие, которое выражается этим наклонением, может быть произвольно приписано субъекту (*приди он, все бы уладилось*), оно может быть также произвольно навязано субъекту (*все говорят, а ты молчи*), оно может, наконец, представлять произвольное, неожиданное, немотивированное действие субъекта (*нечаянно загляни к нему смерть и подкоси ему ноги*). В предложениях последнего типа Некрасов видит выражение "самоличности действия", что полностью соответствует мастерской характеристике, которую он дает этой грамматической категории: "Действительной связи действия с лицом, действующим в ней самой нет... лицо говорящее распоряжается, так сказать, в этом случае действием..." [22].

Изъявительное наклонение обладает "временн´й корреляцией": "прошедшее время" (признаковая категория) ~ "настоящее время". Прошедшее указывает на то, что действие относится к прошлому, тогда как настоящее как таковое не определено в отношении времени и является типично беспризнаковой категорией. Примечательным является понимание прошедшего времени в русском языке, предложенное К. Аксаковым и развитое затем Н. Некрасовым [23]: эта форма, в сущности, выражает не время, а только разрыв непосредственной связи между субъектом и действием; действие теряет, собственно говоря, свой характер действия и принимает просто значение признака субъекта.

Настоящее время обладает двумя "корреляциями лица".

1. Личные формы (признаковая категория) ~ безличные формы. В качестве грамматически безличной формы функционирует так называемое "третье лицо", которое само по себе не обозначает отнесенности действия к субъекту; эта форма становится семантически личной только в том случае, если дан субъект или по крайней мере если он подразумевается. Так называемые безличные глаголы с точки зрения упомянутой корреляции являются непарными беспризнаковыми формами.

2. Личные формы обладают корреляцией: форма первого лица (признаковая категория) ~ форма, которая не указывает на отнесенность действия к говорящему лицу. Это так называемая форма "второго лица", которая функционирует как беспризнаковая категория. **Общее значение** русской формы 2-го лица было метко охарактеризовано Пешковским как "обобщенно-личное" [24]. Контекст определяет, к какому лицу, смотря по обстоятельствам, относится эта форма: к любому (*умрешь - похоронят*), к говорящему (*выпьешь, бывало*) или к тому конкретному лицу, к которому обращаются. Правда, эта форма употребляется преимущественно в последнем смысле; однако это лишь одно из ее частных значений, а в вопросе об общем значении формы статистический критерий неприменим: обычное, узуальное значение и общее несинонимичны. Кроме того, форма 2-го лица в своей обобщающей функции "все больше и больше развивается в (русском) языке за счет обычных личных предложений" [25]. Что касается обобщающего употребления формы 1-го лица, то оно воспринимается как переносное (*pars pro toto*).

Как настоящее, так и прошедшее время обладают "корреляцией числа": "множественное число" (признаковая категория) ~ "единственное число". Общее значение беспризнаковой категории сводится к тому, что она не сигнализирует множественности. Это признавал уже Аксаков: "Единственное число общее, неопределенное, более имеет в себе родового, так сказать, характера; поэтому чаще может переноситься в другие отношения, между тем как множественное имеет более частный характер" [26]. Однако в противоположность всем прочим глагольным корреляциям, которые мы рассматривали, корреляция числа в изъявительном наклонении (и равным образом в причастии) детерминирована извне:

это не самостоятельная корреляция, а корреляция согласования, так как она передает грамматическое число подлежащего.

К числу корреляций согласования относятся также обе "родовые корреляции", которые характеризуют единственное число прошедшего времени: 1) Средний род сигнализирует отсутствие отношения к полу [27]. Имена существительные среднего рода составляют, таким образом, признаковую категорию, в противоположность именам существительным не-среднего рода, которые могут указывать пол и тем самым не обозначают "отсутствие пола" (Asexualität). 2) Имена существительные не-среднего рода распадаются на две коррелятивных ряда. Имена женского рода образуют признаковую категорию, тогда как имена мужского рода грамматически свидетельствуют лишь о том, что сигнализация женского рода отсутствует (ср. приведенные выше примеры: *осел, ослица* и т.д.).

В противоположность изъявительному наклонению "**наклонение произвольного действия**" не имеет корреляций: оно не имеет ни самостоятельной корреляции лица, ни самостоятельной корреляции времени, ни корреляций согласования в числе и роде [28]. Но это наклонение "двустороннее": с одной стороны, оно вместе с другими глагольными категориями принадлежит **репрезентативному** плану языка, а с другой стороны, оно, как и собственно императив, выполняет, если следовать терминологии К. Бюлера, **апеллятивную функцию**.

Языковедение признало, что звательный падеж лежит в другой плоскости, нежели остальные падежи, и что звательная форма обращения находится вне грамматического предложения. Равным образом следует отделить от других глагольных категорий и **императив**, или **повелительное наклонение**, так как оно отмечено той же функцией, что и звательный падеж [29]. Повелительное наклонение нельзя рассматривать синтаксически как предикативную форму. Повелительные предложения, подобно обращению, являются полными и одновременно неразложимыми "вокативными односоставными предложениями" (Шахматов); они даже сходны между собой интонационно. Личное местоимение при повелительном наклонении (*ты иди*) по своей функции скорее обращение, чем подлежащее. Повелительное наклонение отчетливо выделяется внутри глагольной системы русского языка не только синтаксически, но и морфологически, и даже фонетически.

Хорошо известна тенденция языка сводить звательный падеж к чистой основе [30]. То же самое явление можно наблюдать и в русском повелительном наклонении. Беспознаковая форма повелительного наклонения с точки зрения синхронии представляет собою основу настоящего времени без грамматического окончания. Строение этой формы определяется нижеследующими принципами: 1) Если в основе настоящего времени имеет место грамматическое чередование двух коррелятивных фонем (ударной и безударной гласной, палатализованной и непалатализованной согласной), то в повелительном наклонении появляется признаковый альтернант: безударная гласная (*хлопочи*), палатальная согласная (*иди*). 2) Если в основе настоящего времени имеет место чередование конечных согласных, то в повелительном наклонении появляется та согласная, которая бывает во втором лице настоящего времени (*суди, прости, люби*); единственное исключение составляет чередование велярных с шипящими; в этом случае повелительное наклонение имеет всегда велярные (*лги, пеки, ляг*). 3) Если основа настоящего времени односложна и имеет в исходе *j*, то в повелительном наклонении перед *j* появляется *e* как альтернант звукового нуля (*шей*). 4) Если основа настоящего времени имеет в исходе группу согласных или если беспрефиксная основа состоит лишь из безударных слогов, то форма повелительного наклонения приобретает так называемый "паразитический гласный" (Flockvokal) *i* (*сохни, езди, колоти, выгороди*) [31]; единственное исключение: безударные основы настоящего времени на *j* глаголов, которые принадлежат к непродуктивным классам [32], сохраняют в повелительном наклонении ударение и обходятся без паразитического гласного (*стой, пой, жуй, создай*) [33].

Повелительное наклонение характеризуется следующими особыми корреляциями: 1) "Корреляцией соучастия": формы, сигнализирующие о намерении говорящего принять участие в действии (признаковая категория) ~ формы, не сигнализирующие этого. В роли признаковой категории выступает переосмысленная форма первого лица множественного числа настоящего времени (*двинем ~ двинь*). 2) "Корреляцией числа": формы, указывающие на то, что желание говорящего направлено на некоторое

множество (признаковая категория) ~ формы без указания на это (*двиньте ~ двинь, двинемте ~ двинем*). Неоднократно поднимался вопрос, почему, собственно говоря, наклонение произвольного действия не использует в репрезентативном языке те формы множественного числа, которые оно употребляет там, где высказывание имеет апеллятивный характер. Эта проблема разрешается очень просто: к глаголу в повелительном наклонении вообще нельзя примыслить подлежащее; таким образом, в сфере повелительного наклонения корреляция числа является самостоятельной, а признаковый член самостоятельной корреляции не может быть перенесен в корреляцию согласования. 3) "Корреляцией интимности": формы, которые сигнализируют о до известной степени интимной или фамильярной окраске проявления желаний (признаковая категория) ~ формы, не сигнализирующие этого (*двинь-ка, двиньте-ка, двинемте-ка ~ двинь* и т.д.).

Различие между апеллятивной и репрезентативной функцией в системе русского глагола выражается не только в составе корреляций, но и непосредственно в способе их образования [34]. Формы повелительного наклонения отличаются от прочих глагольных форм агглютинацией окончаний: в повелительном наклонении каждое окончание служит для выражения только одного признака корреляции; при накоплении признаков одно окончание наращивается на другое. Нулевое окончание = беспризнаковая форма повелительного наклонения, /im/ или /om/ = признак корреляции соучастия, /t'i/ = признак корреляции числа, /s/ = признак залоговой корреляции, /ka/ = признак корреляции интимности. Например, /dv'in'im-t'i-s-ka/ [35]. Именно этим агглютинативным характером соединения морфем в повелительном наклонении и объясняется относительная легкость, с которой его окончания добавляются к междометиям или к транспонированным формам изъявительного наклонения: *нате-ка, на-ка, ну-те-ка, брысь-те, пойду-ка, народное пошел-те* и т.д. Междометия *на, ну, брысь* и др. сливаются с беспризнаковой формой повелительного наклонения.

Агглютинация выражается также и фонологически: отдельные морфемы сохраняют здесь свою индивидуальность; окончания повелительного наклонения, если рассматривать их фонологически, трактуются не как части слова, а как энклитики. На стыке морфем в повелительном наклонении группа t'+s не изменяется. Напротив, в других глагольных формах группа t'+s превратилась в с с долгой смычкой. Ср. повел. накл. /zabut'sa/ ('забудься') - инфинитив /abutca/ ('обуться'), 3-е л. мн. ч наст. вр. /skr'ibutca/ ('скребутся'); повел. накл. /v'it'sa/ ('висься') - инфинитив /v'itca/ ('виться'); повел. накл. /p'at'sa/ ('пячься') - 3-ю л. мн. ч. наст. вр. /talp'atca/ ('толпячься'). Вообще в повелительном наклонении палатализованные переднеязычные появляются перед непалатализованным s, что обычно не бывает внутри слова: /aden'sa/ ('оденься'), /zar'sa/ ('жарься'), /kras'sa/ ('красься'). Перед язычными в повелительном наклонении фигурируют палатальные губные, тогда как обычно внутри слова губные перед язычными не допускают палатализации: /paznakom'ka/ ('познакомь-ка'), /sip'ka/ ('сыпь-ка'), /staf'ka/ ('ставь-ка'), /upr'am'sa/ ('упрямься'), /pr'isposop'sa/ ('приспособься'), /slaf'sa/ ('славься'), /grap't'i/ ('грабьте') (наряду с /grap't'i/), /gatof't'i/ ('готовьте') (наряду с /gatof't'i/). В повелительном наклонении сохраняется сочетание двух k, которые внутри слова обычно дают хк; ср. повелительное наклонение /l'akka/ ('ляг-ка') - прилагательное /m'axka/ ('мягко').

Русская грамматика объясняла повелительное наклонение, так сказать, метафорически: его элементы и их функции формально отождествлялись на основании частичного внешнего сходства с элементами и функциями других форм. Так, например, его паразитическая гласная и имеющие характер энклитик окончания механически включались в категорию аффиксов и т.д. По этой причине, разумеется, своеобразие повелительного наклонения не могло быть раскрыто.

Причастие характеризуется следующей корреляцией: формы, обозначающие предикативность (признаковая категория) ~ формы без обозначения этого, то есть "атрибутивные" причастия. Страдательным атрибутивным причастиям противопоставляются в качестве признаковой формы "предикативные" причастия, а действительным атрибутивным причастиям - "деепричастия". Ср. *юноша, томимый сомнением, скитается - юноша, томим сомнением, скитается; юноша, томящийся сомнением, скитается - юноша, томясь сомнением, скитается*. В противоположность страдательному предикативному причастию деепричастие в роли главного сказуемого почти неизвестно в литературном языке.

Все атрибутивные и страдательные предикативные причастия обладают теми же корреляциями согласования, что и прошедшее время изъявительного наклонения (а именно корреляциями числа и рода). Деепричастия лишены корреляций согласования. Аtribuтивные причастия обладают, кроме того, падежными различиями (вопрос о структуре этого различия мы оставляем здесь открытым).

Причастия совершенного вида не имеют временной корреляции; причастиям несовершенного вида, правда, эта корреляция известна; однако пассивные причастия почти полностью потеряли временные различия; деепричастия несовершенного вида употребляют прошедшее время очень редко; даже у активных атрибутивных причастий наблюдается частичное стирание границ между обеими временными категориями.

Рассматривая так называемую субституцию грамматических категорий, мы констатируем, что, как правило, все сводится к **использованию беспризнаковых форм за счет соответствующих признаковых** (например, замена личных форм инфинитивом, прошедшего времени - настоящим, первого лица - вторым, страдательного причастия - возвратным, множественного числа повелительного наклонения - его единственным числом). Обратные замены, естественно, являются лишь редкими исключениями и воспринимаются как переносная речь. Беспризнаковая форма функционирует в языковом мышлении как представитель коррелятивной пары; поэтому в известной степени ощущаются как первичные: формы несовершенного вида по отношению к возвратным, единственное число - по отношению к множественному, настоящее время - по отношению к прошедшему, атрибутивные причастия - по отношению к предикативным и т.д. И не случайно инфинитив квалифицируется нами как представитель глагола, как "словарная форма".

Изучение афазии показывает, что признаковые категории теряются скорее, чем беспризнаковые (например, личные формы скорее, чем инфинитив, прошедшее время скорее, чем настоящее, третье лицо скорее, чем другие лица и т.д.). Мне пришлось наблюдать полшутливое, полуаффективное семейное аргю, в котором было упразднено спряжение: личные формы были заменены здесь безличными (*я любит, ты любит* и т.д.). То же явление известно и из языка детей. Для юмористической передачи русского языка в устах иностранца характерно использование 3-го лица вместо первых двух (в комедии Тургенева "Месяц в деревне" немец говорит "фи любит" в смысле 'вы любите'). Настоящее время глагола *быть* потеряло спряжение в русском языке: форма 3-го лица ед. ч. *есть* заменила формы всех лиц обоих чисел (*ты есть, таковы мы и есть*).

Мы полностью принимаем тезис Карцевского: асимметричная структура языкового знака является существенной предпосылкой языковых изменений [36]. Мы хотели бы указать здесь на две из многих антиномий, которые составляют основу структуры языка.

Асимметрия коррелятивных грамматических форм может быть охарактеризована как **антиномия сигнализации А и несигнализации А. Два знака** могут относиться к **одной и той же предметной данности**, но значение одного знака фиксирует известный признак А этой данности, тогда как значение другого знака оставляет этот признак неупомянутым. Например, ослица может быть обозначена как словом *ослица*, так и словом *осел*. При этом подразумевается один и тот же предмет, только во втором случае значение гораздо менее уточнено.

Из асимметрии коррелятивных форм вытекает антиномия общего и частного значений беспризнаковых форм или, другими словами, **антиномия несигнализации А и сигнализации не-А. Один и тот же знак может обладать двумя различными значениями**: в одном случае известный признак А подразумеваемой предметной данности остается незафиксированным, то есть его наличие не подтверждается и не отрицается; в другом случае отсутствие этого признака выступает на первый план. Например, слово *осел* может обозначать лицо животное - безотносительно к его полу, либо только самца.

Эти противоречия составляют движущую силу грамматических мутаций.

Примечания

1. Настоящая статья представляет собой предварительный набросок одной из глав структурной грамматики. Центральное место в статье занимает анализ императива - категории, которая может быть понята только с учетом разнообразия языковых функций.

2. См. Trubetzkoy. Die phonologische Systeme. - In: TCLP, IV, p. 97

3. См. К.С. Аксаков. Сочинения филологические. Часть 1, 1875, с. 414 и сл.

4. Н. Некрасов. О значении форм русского глагола, 1865, с. 94 и сл., 115 и сл., 307 и сл.

5. Оба эти лингвиста, замечательные исследователи русской языковой синхронии, естественно, недооценивались учеными, которые односторонне отдавали предпочтение историческому языкознанию. Например, Карский в своем "Очерке научной разработки русского языка" (1926) обходит молчанием работу Некрасова, а в адрес Аксакова посылает лишь несколько бессодержательных упреков. - См. по этому поводу: Бодуэн де Куртене. Избранные работы по общему языкознанию, т. 1. М., 1963, с. 363.

6. А. Востоков. Русская грамматика, 1831.

7. Ф.Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола. - "Известия Отд. русского языка и словесности АН", т. IV, кн. 4, 1899, 1153-1158.

8. А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка, т. II. Учение о частях речи, 1927.

9. А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, 1914, 3-е, совершенно переработанное изд. - 1928 г.

10. S. Karcevskij. Systeme du verbe russe. Prague, 1927.

11. А.А. Шахматов. Указ. раб., § 523.

12. А.М. Пешковский. Указ. раб., 31 (по третьему изданию).

13. S. Karcevskij, Указ. раб., с. 18, 22 и сл.

14. А.А. Шахматов. Указ. раб., § 540.

15. А. Востоков. Указ. раб., § 59.

16. Несовременными остаются и те глаголы, у которых абсолютный характер действия является факультативным (то есть не обозначен грамматически, а дан конкретной ситуацией). Ср. *вот он выходит* или *он часто выходит*.

17. Ф.Ф. Фортунатов. Указ. соч., § 1153 и сл.

18. С. Карцевский. Указ. раб., с. 18, 158.

19. С. Карцевский. Указ. раб., с. 18, 158.

20. А.А. Шахматов. Указ. раб., § 536.

21. А.М. Пешковский. Указ. раб., с. 126 (по первому изданию); ср. также С. Карцевский. Указ. раб., с. 141.

22. "Modalite d'acte arbitraire", см. С. Карцевский. Указ. раб., с. 139 и сл.

23. Н. Некрасов. Указ. раб., с. 105-106.

24. К. Аксаков. Указ. раб., с. 412 и сл.; Н. Некрасов. Указ. раб., с. 306 и сл.

25. А.М. Пешковский. Указ. раб., с. 430 и сл. (по третьему изданию).

26. К. Аксаков. Указ. раб., 569.

27. Ср. А.М. Пешковский. Указ. раб., с. 126 (по первому изданию): "...средний род... обозначает... нечто отрицательное, ни мужское, ни женское...".

28. Павский считал ошибочным стремление определить формы типа *сделай* как 2-е лицо ед. ч. Даже если форма повелительного наклонения типа *сделай* "чаще употребляется в значении 2-го лица ед. ч. и притом без добавления *ты*, то это еще не дает права газывать ее формой 2-го лица. В значении 2-го лица она употребляется чаще, чем все прочие лица" (Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. О глаголе, 1850, § 90). Аналогичный взгляд развивается и Буслаевым;

см. "Опыт исторической грамматики русского языка", II, 1858, с. 154. В некоторых новейших грамматиках понимание этого факта полностью утрачено.

29. Уже К. Аксаков признал, что "повелительное есть восклицание; оно соответствует дательному падежу" (К. Аксаков. Указ. раб., 568).

30. Ср. S. Obnorskij. Die Form des Vokativs in Russischen. - In: "Zeitschrift fur slavische Philologie", Band I, 1925, S. 102 ff. I

31. При палатализации гласный *i* в русском языке является обычным паразитическим звуком. Этот же паразитический гласный получает окончание инфинитива, если его основа имеет в исходе согласный (*нести*). Ср. появление паразитического гласного *a* у возвратной морфемы *c* при тех же условиях (в фонологической транскрипции: *dil'is - dulsa, fp'ilas, fp'ilsa*).

32. С. Карцевский. Указ. раб., с. 48 сл.

33. Напомню, что я употребляю понятие "паразитический гласный" исключительно в плане синхронии.

34. Имеется еще одна особенность повелительного наклонения: функции вида здесь до некоторой степени модифицированы, ср. Карцевский. Указ. раб., с. 139.

35. Здесь и ниже в косых скобках (*/.../*) дается фонологическая транскрипция форм.

36. S. Karcevskij. Du dualisme asymetrique du signe linguistique. - TCLP, I, p. 88-92.

РУССКИЙ ЯЗЫК (Глава I. Введение в грамматическое учение о слове)

В.В. Виноградов

РУССКИЙ ЯЗЫК (Глава I. Введение в грамматическое учение о слове)

(Виноградов В.В. Русский язык. - М., 1972. - С. 9-45)

§ 1. Основные причины разногласий в области современной грамматики

§ 2. Грамматика, ее объем и ее задачи

§ 3. Смысловая структура слова

§ 4. Основные типы фразеологических единиц в русском языке

§ 5. Основные структурно-семантические типы слов

§ 6. Слово и его грамматические формы

§ 7. Система частей речи и частиц речи в русском языке

§ 1. Основные причины разногласий в области современной грамматики

Акад. А.И. Соболевский часто цитировал слова Готфрида Германна: "Duas res longe sunt difficillimae - lexicon scribere et grammaticam" ("Два дела особенно трудны - это писать словарь и грамматику") [1]. И действительно, составление грамматики любого языка сопряжено с величайшими трудностями - теоретическими и практическими. Объем и задачи грамматики не очерчены с достаточной ясностью. Приемы грамматического исследования у разных лингвистов очень разнородны. Так, в грамматике современного русского языка разногласий и противоречий больше, чем во всякой другой науке. Почему так?

Можно указать две общие причины. Одна - чисто практическая. Грамматический строй русского языка плохо изучен. Освещение многих грамматических вопросов основывается на случайном материале. Важнейшие стороны грамматической структуры русского языка, например относительное употребление глагольных времен, виды русского глагола, категория залога, значения предлогов, функции союзов, типы синтагм, способы их сочетания и распространения, модальные типы предложений, приемы сцепления предложений, проблемы сочинения и подчинения в строе предложений, остаются недостаточно обследованными. Фактически языковой материал, на который опираются русские грамматики самых разных направлений, беден и однообразен. Многие светлые идеи, открытые прежней грамматикой или вновь выдвигаемые общим языкознанием, не находят применения в современных грамматических учениях. Поэтому необходимо при построении грамматической системы современного русского языка глубже использовать грамматическое наследство и шире привлекать свежие факты живого языка. Другая причина блужданий современной грамматики - в отсутствии прочных теоретических основ, в отсутствии определения или точного описания основных грамматических понятий, особенно понятий слова и предложения. Сила учения Потепни в значительной степени зависела от того, что Потепня в своих грамматических построениях опирался на глубокое понимание основных грамматических категорий - категорий слова и предложения. Если эти центральные понятия сбивчивы, грамматика превращается в каталог внешних форм речи или в отвлеченное описание элементарных логических категорий, обнаруживаемых в языке. Акад. А.А. Шахматов, приступив к работе над синтаксисом русского языка, прежде всего подверг лингвистическому анализу само понятие предложения.

Таким образом, исследователь грамматики современного русского языка обязан раскрыть содержание тех грамматических понятий, которые он кладет в основу своего построения.

§ 2. Грамматика, ее объем и ее задачи

Термин **грамматика** - даже в лингвистической литературе - употребляется в двух значениях: и как учение о строе языка, и как синоним выражения "строй языка".

Под грамматикой обычно понимают систему языковых норм и категорий, определяющих приемы и типы строения слов, словосочетаний, синтагм и предложений, и самый отдел лингвистики, исследующий эту систему. В грамматике как учении о строе языка чаще всего намечают три части: 1) учение о слове и его формах, о способах образования слов и их формах; 2) учение о словосочетании, о его формах и его типах; 3) учение о предложении и его типах, о компонентах (составных частях) предложений, о приемах сцепления предложений, о сложном синтаксическом целом (фразе). Учение о грамматической структуре слов, о формах слов, об образовании слов и форм слов обычно называется **морфологией** и отделяется от **синтаксиса** как учения о словосочетании и предложении.

"Морфология представляет, так сказать, инвентарь отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает все эти слова и формы в их движении и жизни - в составе речи", - так формулировал эту точку зрения проф. В.А. Богородицкий [2]. Против такого деления грамматики есть серьезные возражения, так как границы между морфологией и синтаксисом очень неустойчивы и неопределенны. Часть грамматических явлений, относимых к морфологии, легко находит себе место в синтаксисе и лексикологии. Синтаксис не может обойтись без учения о слове как о составной части предложения. "Всякое изменение слова по заданию предложения понятно лишь на его общем фоне и не может рассматриваться отдельно от него" [3].

Другая часть морфологии, исследующая и излагающая методы образования слов, может войти в лексикологию, т.е. учение о словаре, о закономерностях изменения лексической системы языка. Таким образом, положение морфологии как науки о строении и образовании слов и форм слов оказывается непрочным. Ф. де Соссюр писал: "Отделяя морфологию от синтаксиса, ссылаются на то, что объектом этого последнего являются присущие языковым единицам функции, тогда как морфология рассматривает только их форму... Но это различие - обманчиво... формы и функции образуют целое, и затруднительно, чтобы не сказать невозможно, их разъединить. С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и

самостоятельного объекта изучения: она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины" [4]. Мысль о том, что морфологию следует свести к синтаксису, стала общим местом некоторых направлений лингвистики. Так, например, С.Д. Кацнельсон заявляет: "Иллюзия независимости и автономности формы слова привела к отрыву морфологии от синтаксиса. Поддаваясь иллюзии, наука долго рассматривала слово как исходный пункт грамматического анализа. Между тем, форма слова есть лишь частный случай словосочетания, проявляющийся здесь лишь в более сложном и искаженном виде. Форма слова подлежит поэтому сведению к формам словосочетания, так же как морфология в целом подлежит сведению к синтаксису" [5].

На этой же почве возникает противопоставление синтаксиса лексикологии. С этой точки зрения происходит пересмотр отношений между синтаксисом и лексикологией. Некоторые лингвисты склонны и синтаксис, и лексикологию считать частями грамматики. Акад. И.И. Мещанинов пишет: "Учение о слове, выделяемое в особый раздел (лексикология), не может быть взято из грамматического очерка. Нельзя учение о формальной стороне слова с его значимыми частями (морфемами) отделять от учения о значимости самого слова... Изъятие лексикологии из грамматического очерка вредно отражается и на историческом понимании языковых категорий". Поэтому И.И. Мещанинов предлагает делить грамматику (за вычетом фонетики) на лексику (учение о слове в отдельности и о словосочетаниях лексического порядка) и синтаксис (учение о слове в предложении и о предложении в целом) [6]. Сама по себе мысль о тесной связи грамматики и словаря не нова.

Акад. Л.В. Щерба так проводил пограничную черту между описательной грамматикой и словарем: "В описательной "грамматике" должны изучаться лишь более или менее живые способы образования форм слов и их сочетаний; остальное - дело словаря, который должен содержать между прочим и список морфем" [7]. Однако эта схема слишком прямолинейна. Она не затрагивает общего вопроса о скрещении и взаимодействии грамматики и лексики, а только очерчивает автономные области той и другой.

Шире эта проблема освещена в "Курсе общей лингвистики" де Соссюра. Де Соссюр указывал на взаимопроникновение грамматических и лексических форм и значений в живой системе языка. "Логично ли исключить лексикологию из грамматики? На первый взгляд может показаться, что слова, как они даны в словаре, как будто бы не поддаются грамматическому изучению, которое обычно сосредоточивается на отношениях между словами. Но множество этих отношений может быть выражено с таким же успехом словами, как и грамматическими средствами" (с. 130).

С точки зрения функции лексический факт может сливаться с фактом грамматическим. Так, различие видов (совершенного и несовершенного) в русском языке выражено грамматически в случае *спросить - спрашивать* и лексикологически в случае *сказать - говорить* (ср.: *брать - взять; ловить - поймать*). "Множество отношений, обозначаемых в одних языках падежами или предлогами (или производными прилагательными), выражается в других языках сложными словами (франц. *royaume des cieux*, церк.-слав. *царство небесное*, нем. *Himmelsreich*), или производными (франц. *moulin a vent*, русск. *ветряная мельница*, польск. *wiatr-ak*), или, наконец, простыми словами (франц. *bois de chauffage* и русск. *дрова*, франц. *bois de construction* и русск. *лес*).

"Всякое слово, не являющееся простой и неразложимой единицей, ничем существенно не отличается от члена фразы, т.е. факта синтаксического: распорядок составляющих его единиц низшего порядка подчиняется тем же основным принципам, как и образование словосочетаний" (с. 131). "Взаимопроникновение морфологии, синтаксиса и лексикологии объясняется по существу тождественным характером всех синхронных фактов" (с. 131). Однако лексика не покрывает целиком грамматику.

Лексика и грамматика "как бы два полюса, между которыми развивается вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны. склонность к употреблению лексикологического инструмента - немотивированного знака, с другой стороны, предпочтение, оказываемое грамматическому инструменту - правилу конструкции" [8].

Еще решительнее зависимость грамматики от словаря утверждали Г. Шухардт и Н.Я. Марр. Акад. Марр писал: "Морфология... включает в себя не только так называемые грамматические категории, но также и

словарь... Законы семантики затрагивают ближе всего сущность морфологии, потому что было бы недостаточно сказать, что в морфологии лишь отражается состояние общественной организации, - само состояние образования этой организации и ее общественных идей отлагается в морфологии" [9]. Г. Шухардт высказывался в том же духе, заявляя, что суть грамматики состоит в учении о значениях и что словарь является лишь алфавитным индексом к грамматике [10].

И все же безраздельное включение лексикологии в грамматику представляется недостаточно мотивированным. У лексикологии как учения о составе и системе словаря, о закономерностях исторических изменений систем лексики и их внутренних взаимоотношениях с условиями быта, производства, с формами материальной культуры и социальных мировоззрений остается свой материал, свой метод и свой объект исследования. "Словарь овеществляет данную в языке и мышлении тенденцию к сознательному охвату отдельных предметов, свойств, явлений, процессов; грамматика же вырастает на основе тех общих связей, которые объединяют предметы, явления и т.д. ... Вот почему такие конкретные значения, как *дом* или *дерево* и т.п., не могут по самой природе своей быть представлены в грамматике, а, с другой стороны, общие категории вроде бытия или сущности находят отражение в слове исторически позже, чем в грамматике, на ступени, когда научная мысль открывает эти категории как отдельные конкретные моменты универсальной связи вещей и явлений в природе" [11]. Однако в реальной истории языка грамматические и лексические формы и значения органически связаны, постоянно влияют друг на друга. Поэтому изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно.

Если признать права лексикологии на самостоятельность - за пределами грамматики, то область грамматики становится областью почти безраздельного господства синтаксиса. Но и в самом синтаксисе центральная его часть - учение об основных синтаксических категориях, об основных синтаксических единицах (о словосочетании, о предложении, о сложном синтаксическом целом, о синтагме как компоненте этого сложного целого), об основных синтаксических отношениях (об отношениях модальности, об отношениях между членами предложения и об отношениях между предложениями) - будет окружена со всех сторон побочными, вводными темами, задачами и проблемами, которые не связаны непосредственно с изучением словосочетания и предложения. Эти вопросы группируются вокруг своих центров - учения о слове и его формах, учения о морфологических элементах и категориях, управляющих их связью, и т.п. Понятно, что и тут нередко вскрывается синтаксическая сущность морфологических категорий, но здесь выступают и другие формы и отношения, в которых сказывается синкретическая природа языка и которые лишь с большой натяжкой могут быть удержаны в системе синтаксиса.

В связи с этим само понятие синтаксиса становится расплывчатым, неопределяемым.

Представляется более целесообразным при изложении грамматики современного русского языка исследовать и группировать грамматические факты исходя из грамматического изучения основных понятий и категорий языка, определяющих связи элементов и их функции в строе языка. А такими центральными понятиями являются понятия слова и предложения. Они соответствуют "основным единицам языка" [12]. Эти единицы исторически изменчивы и во всякой живой языковой системе соотносительны и дифференциальны. Словосочетание как единица языка обладает меньшей самостоятельностью и определенностью, чем слово и предложение. Кроме того, понятие словосочетания не соотносительно с понятием предложения. Целые разряды словосочетаний, ставших устойчивыми фразеологическими единицами, структурно сближаются с словами (ср.: *вверх дном*, *спустя рукава*, *бить баклуши* и т.п.). Напротив, в свободных фразах основным конструктивным элементом оказывается то же слово с его разнообразными грамматическими формами и лексическими значениями. Словосочетание - это сложное именование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово. Оно так же, как и слово, может иметь целую систему форм. В области лексики этому понятию соответствует понятие о фразеологической единице языка.

Ф. де Соссюр заметил: "На первый взгляд кажется подходящим уподобить огромное разнообразие фраз не меньшему разнообразию особей, составляющих какой-нибудь зоологический вид; но это иллюзия: у животных одного вида общие свойства гораздо существеннее, нежели разъединяющие их различия;

напротив того, в фразах преобладает различие, и если поискать, что же их связывает на фоне всего этого разнообразия, то натолкнешься, не желая этого, опять же на слово с его грамматическими свойствами" [13]. Однако это не значит, что теория словосочетания не может быть особым разделом грамматики. Типы словосочетаний, формы и правила их построения - необходимая часть грамматического учения. Но эта часть ближе к грамматическому учению о слове, чем к учению о предложении [14]. Таким образом, наиболее рациональным делением грамматики (если не включать в нее фонетику) было бы деление ее на: 1) грамматическое учение о слове, 2) учение о словосочетании, 3) учение о предложении, 4) учение о сложном синтаксическом целом и о синтагмах как его составных частях.

Впрочем, третий и четвертый разделы грамматики большинством лингвистов объединяются, хотя такое объединение чаще всего приводит к двусмысленности или неопределенности таких понятий, как "предложение", "фраза", "синтагма".

Понятно, что каждый из этих основных объектов грамматики должен изучаться одновременно со стороны форм и функций. "Материальная единица существует лишь в меру своего смысла, в меру той функции, которую она облечена" [15].

§ 3. Смысловая структура слова

Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне освещенной. Не подлежит сомнению, что понимание категории слова и содержание категории слова исторически менялось. Структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка. Но если даже отвлечься от сложных вопросов истории слова как языковой категории, соотносительной с категорией предложения, в самом описании смысловой структуры слова еще останется много неясного. "До сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными", - заявлял Ф. де Соссюр, касаясь вопроса о слове [16]. Лингвисты избегают давать определения слова или исчерпывающее описание его структуры, охотно ограничивая свою задачу указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических) или внутренних (грамматических или лексико-грамматических) признаков слова. При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов. Являются "слова фонетические", "слова грамматические", "слова лексические".

Фонетические границы слова, отмечаемые в разных языках особыми фонологическими сигналами (например, в русском языке силовым ударением и связанными с ними явлениями произношения, оглушением конечных звонких согласных и отсутствием регрессивной ассимиляции по мягкости на конце), бывают в некоторых языках (например, в немецком) не так резко очерчены, как границы между морфемами (т.е. значимыми частями слов - корневыми или грамматическими элементами речи) [17]. С другой стороны, фонетическая грань между словом и фразой, т.е. тесной группой слов, во многих случаях также представляется неустойчивой, подвижной. Например, во французском языке "слова фактически ничем не выделяются", а в звуковом потоке обособляются "группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое", так называемые "динамические, или ритмические, группы" [18].

Если рассматривать структуру слова с грамматической точки зрения, то целостность и единство слова также оказываются в значительной степени иллюзорными.

А. Нореен определял слово так: это "независимая морфема" (*un morpheme independant*), которую наше языковое чутье воспринимает как целое по звуку и значению, так что она или ощущается неразложимой на более мелкие морфемы (например, *здесь, почти, там*), или - в случае, если это можно сделать, - она воспринимается независимо от значения этих более мелких, составляющих ее морфем". В этом последнем случае, при понимании и употреблении слова, по мнению Нореина, не думают или не хотят думать о значении его составных частей [19]. Но и это определение чересчур шатко. В высказывании *надо было приоткрыть сундук, а не открывать его совсем* приставка *при-* очень заметно выступает как значимая единица речи. Кроме того, под определение Нореина решительно не подходят служебные слова, но легко подводятся целые словосочетания. Проще всего в грамматической плоскости рассматривать слово как предельный минимум предложения (Sweet, Sapir, Щерба). "Слово есть один из мельчайших вполне

самодовлеющих кусочков изолированного "смысла", к которому сводится предложение", - формулирует Сепир [20]. Однако не все типы слов с одинаковым удобством укладываются в эту формулу. Ведь "есть очень много слов, которые являются только морфемами, и морфем, которые иногда еще являются словами" [21]. Слово может выражать и единичное понятие, конкретное, абстрактное, и общую идею отношения (как, например, предлоги *от* или *об* или союз *и*), и законченную мысль (например, афоризм Козьмы Прутков: "Бди!"). Правда, глубокая разница между словами и морфемами как будто обнаруживается в том, что только слово способно более или менее свободно перемещаться в пределах предложения, а морфемы, входящие в состав слова, обычно неподвижны [22] (однако ср., например: *лизоблюд* и *блюдолиз*, *скалозуб* и *зубоскал* или *любомудр* и *мудролюб*; но *щелкопер* и *пероцелк* - величины разнородные). Способность слова передвигаться и менять места внутри предложения различна в разных языках. Следовательно, и этот критерий самостоятельности и обособленности слова очень зыбок, текуч. В таких языках, как русский, отличие слова от морфемы поддерживается невозможностью вклинить другие слова или словосочетания внутрь одного и того же слова. Но все эти признаки имеют разную ценность в применении к разным категориям слов. Например: *никто*, но: *ни к кому*; *некого*, но: *не у кого*; *потому что*, но: *я потому не писал, что твой адрес потерял* и т.п. (ср.: *есть где*, но *негде*; *нездоровится*, но: *не очень здоровится* при отсутствии слова *здоровится* и т.п.).

Такие модальные ("вводные") слова и частицы, как *знать* (*Ай, моська, знать, она сильна, что лает на слона*), *дескать*, *мол* и т.п., вовсе не способны быть потенциальным минимумом предложения и лишены самостоятельного значения. В этом отношении даже союзы и предлоги счастливее. Например, у Тургенева в повести "Бретер":

- Лучков неловок и груб, - с трудом выговорил Кистер: - но...

- Что: *но*? Как вам не стыдно говорить *но*. Он груб *и* неловок, *и* зол, *и* самолюбив... Слышите: *и*, а не *но*...

Или у того же Тургенева в "Фаусте":

- Вы говорите, - сказала она наконец: - читать поэтические произведения *и* полезно, *и* приятно... Я думаю, надо заранее выбрать в жизни: *или* полезное, *или* приятное, и так уже решиться раз навсегда. И я когда-то хотела соединить и то и другое... Это невозможно и ведет к гибели или к пошлости.

Таким образом, и с грамматической (а также лексико-семантической) точки зрения обнаруживается разнообразие типов слов и отсутствие общих устойчивых признаков в них. Не все слова способны быть названиями, не все являются членами предложения.

Даже формы соотношений и отношений между категориями слова и предложения в данной языковой системе очень разнообразны. Они зависят от присущих языку методов образования слов и методов связывания слов в более крупные единства. "Чем синтетичнее язык, иначе говоря, чем явственнее роль каждого слова в предложении указывается его собственными ресурсами, тем меньше надобности обращаться, минуя слово, к предложению в целом" [23]. Но, с другой стороны, в структуре самого слова смысловые элементы соотносятся, сочетаются друг с другом по строго определенным законам и примыкают друг у другу в строго определенной последовательности. А это значит, что слово, состоящее не из одного корневого элемента, а из нескольких морфем, "есть кристаллизация предложения или какого-то отрывка предложения".

На фоне этих противоречий возникает мысль, что в системе языка слово есть только форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи. Оно есть "нечто определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от "духа" данного языка" [24]. Удобство этой формулы состоит в том, что она широка и расплывчата. Под нее подойдут самые далекие грамматические и

семантические типы слов: и слова-названия, и формальные, связочные слова, и междометия, и модальные слова. Ей не противоречит и употребление морфем в качестве слов. Например, у Белинского: "Между русскими есть много галломанов, англоманов, германоманов и разных других "манов". В русском переводе (Н.А. Шишмаревой) романа Ч. Диккенса "Наш общий друг": "Насколько ему известно, он вовсе не расположен к централизации да и вообще к какой бы то ни было изации".

Однако формула Сепира удобна, но малосодержательна. Она не уясняет ни предметно-смыслового содержания слова, ни способов выражения и кристаллизации этого содержания в слове. Она лишь направляет и обязывает к уяснению всех элементов смысловой структуры слова. Очевидно, что при все многообразии грамматико-семантических типов слов в их конструктивных элементах много общего. Различны лишь сложность и соотношение разных смысловых оболочек в структуре слов, а также функциональное содержание и связанное с ним грамматическое оформление разных видов слов. Недаром Ф. де Соссюр писал: "Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка" [25].

Не надо лишь придавать преувеличенное значение формальным противоречиям и переходным типам, а следует глубже вникнуть во все элементы смысловой структуры слова. Именно по этому пути шли такие замечательные лингвисты, как В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Н.Я. Марр, Л.В. Щерба.

При описании смысловой структуры слова рельефнее выступают различия между основными семантическими типами слов и шире уясняется роль грамматических факторов в разных категориях слов. Пониманию строя слова нередко мешает многозначность термина "значение". Опасности, связанные с недифференцированным употреблением этого понятия, дают себя знать в таком поверхностном и ошибочном, но идущим исстари и очень распространенном определении слова: "Словами являются звуки речи в их значениях" (иначе: "Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово") [26]. Если бы структура слова была только двусторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового оттенка в мыслях и чувствах должны были бы существовать или возникать особые, отдельные слова.

В действительности же дело обстоит иначе. "Великим заблуждением, - говорит Ф. де Соссюр, - является взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием. Определить его так - значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит; это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов" [27]. Но в языковой системе и звуки речи значимы, осмыслены. На это указывал еще В. Гумбольдт. Правда, "лишь в редких случаях, - говорил В. Гумбольдт, - можно распознать определенную связь звуков языка с его духом. Однако даже в наречиях (того же языка) незначительные изменения гласных, мало изменяющие язык в общем, по праву могут быть относимы к состоянию духа народа (Gemutbeschaffenheit) [28]. По мнению В. Гумбольдта, связь звуковой формы с внутренними языковыми законами достигает высшего предела в проникновении их друг другом [29].

Однако только в относительно редких случаях звукоподражаний, звуковых метафор и своеобразных звуковых жестов естественная связь звука и значения очевидна непосредственно [30]. Но опосредованная внутренними отношениями языка как системы разнообразных смысловых элементов, она может быть открыта по разным направлениям. Само понятие фонемы и фонологической системы языка основано на признании громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре языка вообще и слова в частности. В этом отношении даже эксперименты футуристов не лишены принципиального значения. Ведь В. Хлебников искал "способа изучать замену значения слов, вытекающую из замены одного звука другим" [31].

Итак, уже звуковая форма слова оказывается источником разнообразных смысловых оттенков.

Еще сложнее и разнообразнее те воплощенные в звуковой комплекс слова элементы мысли или мышления, которые прикрываются общим именем "значения".

Общеизвестно, что прежде всего слово исполняет номинативную, или дефинитивную, функцию, т.е. является средством четкого обозначения, и тогда оно - простой знак, или средством логического определения, тогда оно - научный термин.

Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительных языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически. С точки зрения вещественных отношений связь между *стол* и *столовая*, между *гость*, *гостинец* и *угостить*, между *дуб* и *дубина*, между *жила* в прямом номинативном значении и глаголами *зажилить*, *ужилить* и т.д. оказывается немотивированной и случайной.

Значение слова далеко не совпадает с содержащимся в нем указанием на предмет, с его функцией названия, с его предметной отнесенностью (*gegenstandliche Beziehung*) [32].

В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры. Одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений. Одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков. Поэтому одно и то же русское слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп.

Необходимость считаться при изучении истории слов с историей обозначаемых ими вещей общепризнана [33].

Как название, как указание на предмет слово является вещью культурно-исторической. "Там, где есть общность культуры и техники, слово указывает на один и тот же предмет; там, где она нарушается, дробится и значение слова" [34].

Функциональные и социально-бытовые связи вещей отражаются на исторической судьба названий.

"Имя свидетельствует, что общественный разум уже пытался назначить этому предмету определенное место в единстве более общего целого", - сказал Лотце.

Однако легко заметить, что далеко не все типы слов выполняют номинативную, или дефинитивную, функцию. Ее лишены все служебные слова, в смысловой структуре которых преобладают чисто грамматические значения и отношения. Номинативная функция чужда также междометиям и так называемым "вводным" словам. Кроме того, местоименные слова, хотя и могут быть названиями, но чаще всего являются эквивалентами названий. Таким образом, уже при анализе вещественных отношений слова резко выступают различия между разными структурно-семантическими типами слов.

Переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова обычно связывается с коммуникативной функцией речи.

В процессе речевой коммуникации вещественное отношение и значение слова могут расходиться. Особенно ощутительно это расхождение тогда, когда слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует (например: *живые мощи*, *колпак* - в применении к человеку; *баба* - по отношению к мужчине, *шляпа* - в переносном значении и т.п.).

В этом плане слово выступает как система форм и значений, соотносительная с другими смысловыми единицами языка.

Слово, рассматриваемое в контексте языка, т.е. взятое во всей совокупности своих форм и значений, часто называют **лексемой** [35].

Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических

форм; при этом, однако, слово не перестает быть единым, оно обычно не распадается на отдельные слова-омонимы. Семантической границей слова является омоним. Слово как единая система внутренне связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка. Внутреннее единство слова обеспечивается не только единством его фонетического и грамматического состава, но и семантическим единством системы его значений, которое, в свою очередь, определяется общими закономерностями семантической системы языка в целом.

Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов. Когда затронут один член цепи, откликается и звучит целое. Возникающее понятие оказывается созвучным со всем тем, что связано с отдельными членами цепи до крайних пределов этой связи.

Способы объединения и разъединения значений в структуре слова обусловлены семантической системой языка в целом и отдельных его стилей. Изучение изменений в принципах сочетания словесных значений в "пучки" не может привести к широким обобщениям, к открытию семантических законов - вне связи с общей проблемой истории общественных мировоззрений, с проблемой языка и мышления. При иной точке зрения "само значение слова продолжало бы оставаться темным и непонятным без восприятия его самого в общем комплексе всего миропонимания изучаемой эпохи" [36].

Русскому (как и другому) национальному языку свойственна своеобразная система образования и связи понятий, их группировки, их расслоения и их объединения в "пучки", в комплексные единства. Объем и содержание обозначаемых словами понятий, их классификация и дифференциация, постепенно проясняясь и оформляясь, существенно и многократно видоизменяются по мере развития языка. Они различны на разных этапах его истории.

Характерной особенностью русского языка является тенденция к группировке слов большими кучками вокруг основных центров значений.

Слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка.

Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей. Поэтому самый характер объединения лексических и грамматических значений в строе разных типов слов неоднороден. Например, в формальных, связочных словах (как предлоги и союзы) грамматические значения составляют сущность их лексической природы. Структура разных категорий слов отражает разные виды отношений между грамматикой и лексикой данного языка.

В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприменимо. В. Гумбольдт писал: "Грамматические отношения могут быть присоединены мысленно (*hinzugedacht*), если даже они не всегда имеют в языке знаки, и строй языка может быть такого рода, что неясность и недоразумения избегаются при этом, по крайней мере, до известной степени. Поскольку, однако, грамматические отношения имеют определенное выражение, в употреблении такого языка существует грамматика собственно без грамматических форм" [37]. Тому же учил Потебня. Итак, понятие о слове как о системе реальных значений неразрывно связано с понятием грамматических форм и значений слова.

Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собою внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамматические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями. Эту тесную связь, это глубокое взаимодействие лексических и грамматических форм и значений подчеркивали в последнее

время все крупнейшие лингвисты, особенно настойчиво Шухардт [38], Н.Я. Марр [39], Л.В. Щерба (см. его предсмертную статью "Очередные проблемы языковедения" - "Известия АН СССР", Отд. литературы и языка, 1945, т. 4, вып. 5; Избранные работы по языковедению и фонетике, т. 1. Л., 1958) и А.И. Белич (О језичкој природи и језичком развоју. Београд, 1941).

Семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловый объем определяются грамматическим строем языка.

Эд. Сепир тонко заметил: "В аналитическом языке первенствующее значение выпадает предложению, слово же представляет меньший интерес. В синтетическом языке... понятия плотнее между собою группируются, слова обставлены богаче, но вместе с тем обнаруживается общая тенденция ограничивать более узкими рамками диапазон конкретного значения отдельного слова". Понятно, что семантический объем слова, и способы объединения значений различны в словах разных грамматических категорий. Так, смысловая структура глагола шире, чем имени существительного, и круг его понятий подвижнее. Еще более эластичны значения качественных прилагательных и наречий. Широта фразовых связей слова также зависит от его грамматической структуры.

Различия в синтаксических свойствах слова, в особенностях его фразового употребления находятся в живой связи с различиями значений слова. Например, в современном языке слово *черт* не имеет качественных значений. Но в простом разговорном стиле русского литературного языка конца XVIII - первой половины XIX в. слово *черт* с особым предложным управлением обозначало: мастер, знаток, мастак на что-нибудь, в чем-нибудь. Например, у Державина: "[Я] горяч и в правде *черт*" ("К самому себе"). В водевиле А. Шаховского "Два учителя или *asinus asinum fricat*":

- Я уверен, что вы исправите его нравственность.

- О, мадам, я *черт* на нравственность [40].

В водевиле Л. Ленского "Стряпчий под столом" [1834]:

Я сам *черт* по дарованью,

Страшен в прозе и в стихах [41].

Ср. у П.А. Вяземского в "Старой записной книжке" анекдот о моряке и царице Екатерине:

По рассеянию случилось, что, проходя мимо его, императрица три раза сказала ему:

- Кажется, сегодня холодно.

- Нет, матушка, ваше величество, сегодня довольно тепло, - отвечал он каждый раз. - Уж воля ее величества, - сказал он соседу своему, - а я на правду *черт* [42].

Само собой разумеется, что семантическое развитие языка находится в зависимости от лексического и морфологического инвентаря его, инвентаря основ-корней, словообразовательных элементов и грамматических категорий.

Пути семантической эволюции слов нередко определяются законами развития морфологических категорий.

Акад. М.М. Покровский еще в ранней своей диссертации "Семасиологические исследования в области древних языков" [43] выставил такой тезис: "Всевозможные морфологические типы *nominum actionis* (т.е. обозначений действий), по мере своей продуктивности, получают в конце концов все те значения, которые этому классу имен свойственны, т.е. обозначения процесса, результата, орудия и места действия" [44].

Известно, что слово, принадлежащее к кругу частей речи с богатым арсеналом словоизменения, представляет собой сложную систему грамматических форм, выполняющих различные синтаксические функции. Отдельные формы могут отпадать от структуры того или иного слова и превращаться в самостоятельные слова (например, формы существительного становятся наречиями).

Грамматическими законами определяются приемы и принципы связи и соотношения морфем в системе языка, способы их конструктивного объединения в слова. Сдвиг в формах словообразования изменяет всю систему лексики.

Грамматические формы и отношения между элементами языковой системы определяют грань, отделяющую слова, которые представляются произвольными, не мотивированными языковыми знаками, от слов, значения которых более или менее мотивированы. Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы.

"Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немыслимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между двумя крайними точками - наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью - обретаются всевозможные разновидности" [45]. Различия между мотивированными и немотивированными словами обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов. Тут открывается область новых смысловых отношений в структуре слова, область так называемых "внутренних форм" слова.

"Внутренней формой" многие лингвисты, вслед за В. Гумбольдтом и Штейнталем, называют способ представления значения в слове, "способ соединения мысли со звуком".

Слово как творческий акт речи и мысли, - учит Потебня, - включает в себя, кроме звуков и значения, еще представление (или внутреннюю форму), иначе "знак значения". Например, в слове *арбузик*, которым ребенок назвал абажур, признак шаровидности, извлеченный из значения слова *арбуз*, и образует его внутреннюю форму, или представление [46].

Представление - "непременная стихия возникающего слова". Слово с живым представлением - образное, поэтическое слово. "Представление - необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) - замена соответствующего образа или понятия" [47].

По определению А. Марти, внутренняя форма слова есть "сопредставление", или "созначение", которое образует посредствующее звено между звуками и значениями. Это - образный способ выражения того или иного значения, обусловленный психологическими или культурно-историческими особенностями общественной среды и эпохи [48]. Внутренняя форма слова ни в какой мере не совпадает со значением слова (ср. внутреннюю форму и значение слова *тупой* в выражении *тупое упорство*), хотя она и помогает уяснить идеологию и мифологию языка или стиля, связи и соотношения идей, образов и представлений в языке.

Ведь "язык состоит, наряду с уже оформленными элементами, главным образом из методов продолжения работы духа, для которой язык предначертывает путь и форму" [49].

Во "внутренних формах" слова отражается "толкование действительности, ее переработка для новых, более сложных, высших целей жизни" [50]. С этим кругом смысловых элементов слова связаны и сложные словесные композиции поэтического творчества. "Элементарная поэтичность языка, т.е. образность отдельных слов и постоянных сочетаний... ничтожна сравнительно с способностью языка создавать образы из сочетаний слов, все равно, образных или безобразных" [51].

"Внутренние формы" слов исторически изменчивы. Они обусловлены свойственным языку той или иной эпохи, стилю той или иной среды способом воззрения на действительность и характером отношений между элементами семантической системы.

"Внутренняя форма" слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, могут уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов.

Выбор той или иной "внутренней формы" слова всегда обусловлен идеологически и, следовательно, культурно-исторически и социально.

"В зависимости от обстоятельств совершенно различные этимоны выражений (т.е. внутренние формы) могут образовать соединяющую связь между звуком и тем же значением", - писал А. Марти [52]. "Внутренние формы" потому и называются внутренними, что они не имеют постоянных чувственных индексов, они - подвижные и изменчивые формы смысла, как он передается или изображается.

Легко заметить, что "внутренние формы" в разных категориях слов проявляются по-разному. На такие типы слов, как слова служебные, слова модальные, до сих пор понятие внутренней формы, в сущности, и не распространялось, хотя в их образовании и употреблении сказывается громадная роль внутренних форм.

Во внутренних формах слова выражается не только "толкование действительности", но и ее оценка.

Слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта - коллективного или индивидуального. Само предметное значение слова до некоторой степени формируется этой оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменениях значений.

Экспрессивная оценка нередко определяет выбор и размещение всех основных смысловых элементов высказывания. "Языком человек не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя", - говорил Георг фон Габеленц.

Слово переливает экспрессивными красками социальной среды. Отражая личность (индивидуальную или коллективную) субъекта речи, характеризуя его оценку действительности, оно квалифицирует его как представителя той или иной общественной группы. Этот круг оттенков, выражаемых словом, называется **экспрессией слова**, его экспрессивными формами. Экспрессия всегда субъективна, характерна и лична - от самого мимолетного до самого устойчивого, от взволнованности мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, класса, но и эпохи, народа, культуры.

Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста. Выразительная сила присуща звукам слова и их различным сочетаниям, морфемам и их комбинациям, лексическим значениям. Слова находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью.

Слово является одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психологических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения.

Экспрессивные краски облекают значение слова, они могут сгущаться под влиянием эмоциональных суффиксов. Экспрессивные оттенки присущи грамматическим категориям и формам. Они резко выступают и в звуковом облике слов, и в интонации речи.

Легко привести примеры экспрессивного напряжения слова при посредстве осложненных суффиксальных образований. У Вельмана: "Слуги жили *свинтусами*, ходили *замарантусами*" ("Приключения, почерпнутые из моря житейского"); у Д.И. Писарева в статье "Генрих Гейне": "На развалинах старого феодализма утвердилось новая плутократия, и бароны финансового мира, банкиры, негоцианты, фабриканты и всякие *надуванты* вовсе не были расположены делиться с народом выгодами своего положения" [53].

Экспрессивная насыщенность выражения зависит от его значения, от внушительности его внутренней формы, от степени его смысловой активности в общей духовной атмосфере данной среды и данного времени [54].

Ch. Bally ("Le langage et la vie", 1913), описывая борьбу двух тенденций в языке - интеллектуальной и экспрессивной, так разграничивает сферы и направление их действия: "Тенденция экспрессивная обогащает язык конкретными элементами, продуктами аффектов и субъективизма говорящего; она создает новые слова и выражения; тенденция интеллектуальная, аналитическая устраняет эмоциональные элементы, создает из части их формальные принадлежности".

Но в самих грамматических, особенно синтаксических, категориях также заложены яркие средства экспрессивного выражения. Достаточно напомнить о тех тонких экспрессивных красках и нюансах, которые

создаются употреблением - прямым и переносным - глагольных категорий времени, наклонения, лица или таких общих грамматических категорий, как род и число. "Аффективность проникает в грамматический язык, вынимает из него логическое содержание и его разрушает... Логический идеал всякой грамматики - это иметь одно выражение для каждой отдельной функции и только одну функцию для каждого выражения. Если бы этот идеал был осуществлен, язык имел бы такие же точные очертания, как алгебра... Но фразы - не алгебраические формулы. Аффективный элемент обволакивает и окрашивает логическое выражение мысли" [55]. Этот аффективный элемент, почти свободный от интеллектуальных примесей, больше всего дает себя знать в междометиях.

Все многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике. В стилистической оценке выступает новая сфера смысловых оттенков слов, связанных с их индивидуальным "паспортом". Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу его функциональных и жанровых разновидностей (письменный язык, устный язык, их типы, язык художественной литературы и т.п.). Дело в том, что развитый язык представляет собою динамическую систему семантических закономерностей, которыми определяются соотношения и связи словесных форм и значений в разных стилях этого языка. И в этой системе смысловых соотношений функции и возможности разных категорий слов более или менее очерчены и индивидуализированы.

Индивидуальная характеристика слова зависит от предшествующей речевой традиции и от современного соотношения смысловых элементов в языковой системе и в ее стилевых разновидностях.

В этом плане слова и их формы получают новые квалификации, подвергаются новой группировке, новой дифференциации, распадаясь на будничные, торжественные, поэтические, прозаические, архаические и т.п. Эта стилистическая классификация слов обусловлена не только индивидуальным положением слова или соответствующего ряда слов в семантической системе литературного языка в целом, но и функциями слова в структуре активных и живых разновидностей, типов этого языка. Развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотносенных друг с другом.

Кроме того, необходимо помнить, что "периоды развития языка не сменяются поочередно, как один караульный другим, но каждый период создает что-то новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями; применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения" [56]. Эти различные лексические и грамматические слои в каждой системе языка также подвергаются переоценке и приспособляются к живой структуре литературных стилей. Понятно, что стилистическую перекалфикацию проходят и лежащие за пределами литературного языка разные диалектные пласты речи. Конечно, указанием всех этих функций и оттенков смысловая структура слова не исчерпывается. Так, не приняты в расчет "приращения смысла", которые возникают у слова в композиции сложного целого (монолога, литературного произведения, бытового диалога) или в индивидуальном применении, в зависимости от ситуации. Широкая область **употребления** слова, разные оттенки эмоционального и волевого воздействия, жанрово-стилистические различия лексики - все это сознательно оставлено в стороне. Все разнообразие присущих слову возможностей фразеологического распространения также не было предметом настоящего рассмотрения. За норму взято слово, свободно перемещаемое из одного словесного окружения в другое, в совокупности его основных форм и значений. От значений слова необходимо отличать его употребление. **Значения** устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. **Употребление** - это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей слова.

Однако для грамматического учения о слове этот общий очерк смысловой структуры слова достаточен. Необходимо лишь дополнить его описанием типов устойчивых словосочетаний, которые располагаются рядом со словом как семантические единицы более сложного порядка, эквивалентные слову.

§ 4. Основные типы фразеологических единиц в русском языке

Акад. А.А. Шахматов в своем "Синтаксисе русского языка" настойчиво подчеркивал чрезвычайную важность вопроса о неразложимых сочетаниях слов не только для лексикологии (фразеологии), но и для грамматики. "Под разложением словосочетания, - писал А.А. Шахматов, - разумею определение взаимных отношений входящих в его состав элементов, определение господствующего и зависимых от него элементов. Между тем подобное разложение для некоторых словосочетаний оказывается невозможным. Так, например, сочетание *два мальчика* с точки зрения современных синтаксических отношений оказывается неразложимым" [57]. В неразложимых словосочетаниях связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она непонятна, не мотивирована с точки зрения живой системы современных языковых отношений. Неразложимые словосочетания представляют собою пережиток предшествующих стадий языкового развития. А.А. Шахматову было ясно тесное взаимодействие лексических и грамматических форм и значений в процессе образования неразрывных и неразложимых словосочетаний. Так, А.А. Шахматов отмечал, что "сочетание определяемого слова с определением во многих случаях стремится составить одно речение; но большею частью оба члена сочетания, благодаря, конечно, их ассоциации с соответствующими словами вне данных сочетаний, сохраняют свою самостоятельность". Например, в словосочетании *почтовая бумага* оба слова сохраняют свою самостоятельность вследствие тесной связи с употреблением их в сочетаниях типа *почтовый ящик, почтовое отделение*, с одной стороны, и *писчая бумага, белая бумага* и т.п. - с другой [58]. "Но часто такая реальность нарушается, и наступает еще более тесное сближение обоих сочетавшихся слов" (ср. *ни синь пороха* вместо *ни синя пороха*). Указав на то, что от речений типа *железная дорога, Красная Армия* образуются целостные прилагательные *железнодорожный, красноармейский*, где *железно-, красно-* оказываются неизменяемой частью сложных слов, А.А. Шахматов ставит вопрос: "Можно ли считать *железная* в *железная дорога* определением? Не надлежит ли признать *железная дорога* и тому подобные сочетания неразложимыми по своему значению, хотя и разложимыми грамматически словосочетаниями?" [59]. Таким образом, А.А. Шахматов предполагает, что семантическая неразложимость словесной группы ведет к ослаблению и даже утрате ею грамматической расчлененности. В связи с семантическим переосмыслением неразложимой словесной группы находятся и ее грамматические преобразования. Например, выражение *спустя рукава*, ставши идиоматическим целым, превратилось из деепричастного оборота в наречие. "Но переход деепричастия в наречие имеет следствием невозможность определить *рукава* в данном сочетании как винительный падеж прямого дополнения" [60]. Следовательно, "исконные объективные отношения могут стираться и видоизменяться, не отражаясь на самом употреблении падежа". Вместо живого значения остается немотивированное употребление.

Изменение грамматической природы неразложимого словосочетания можно наблюдать и в выражении *от нечего делать* [61].

Вопрос о разных типах фразеологических единиц, сближающихся со словом, у А.А. Шахматова остается неразрешимым. Тесная связь этих проблем фразеологии с вопросами грамматики бросалась в глаза русским грамматистам и до акад. А.А. Шахматова.

Проф. Н.К. Кульман высказывался за необходимость разграничения "грамматического и фразеологического материала", так как в устойчивых, застывших фразеологических оборотах способы выражения синтаксической связи нередко бывают архаичными, оторванными от живых категорий современного языка. Так, например, можно было бы найти формы сослагательного наклонения в выражениях: *Я сказал, чтобы ты пришел; Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло; Приди мы, этого не случилось бы* и т.п. Но "правильнее в таких случаях становиться на точку зрения тех категорий, которые связаны в других языках с известными формами, а в данном языке только выражаются теми или другими фразеологическими оборотами" [62].

Необходимо пристальнее взглянуть в структуру фразеологических групп, более четко разграничить их основные типы и определить их семантические основы, их отношение к слову.

Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака.

Фразеологические единицы этого рода могут быть названы фразеологическими сращениями. Они не мотивированы и произвольны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значениями их компонентов. Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то это их соотношение - чисто омонимическое.

Примером фразеологического сращения является разговорное выражение *собаку съел* (в чем-нибудь). Он *собаку съел на это* или *на этом, в этом*, т.е., занимаясь таким-то делом, он мастер на это, или он искусился, приобрел опытность, искусство. В южновеликорусских или украинских местностях, где собака мужского рода, прибавляют *сучкой закусил* (с комическим оттенком). А.А. Потебня считал это выражение по происхождению народным, крестьянским, связанным с земледельческой работой. Только "тот, кто искусился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел" [63]. Этимология Потебни несколько не уясняет современного значения этой идиомы и очень похожа на так называемую "народную этимологию". Неделимость выражения *съел собаку* (в чем-нибудь), его лексическая непроизводность ярко отражается в его значении и употреблении, в его синтаксических связях. Например, у Некрасова в поэме "Кому на Руси жить хорошо" читаем:

Заводские начальники

По всей Сибири славтся -

Собаку съели драть.

Здесь инфинитив *драть* выступает в роли объектного пояснения к целостной идиоме *собаку съели* в значении: мастера (что-нибудь делать). Такое резкое изменение грамматической структуры фразеологического сращения обычно связано с утратой смысловой делимости. Так, выражение *как ни в чем не бывало* в современном языке имеет значение наречия.

Между тем еще в русском литературном языке первой трети XIX в. в этом словосочетании выделялись составные элементы и было живо сознание необходимости глагольного согласования формы *бывал* с субъектом действия.

Например, у Лермонтова в повести "Бэла": "За моею тележкой четверка быков тащила другую, *как ни в чем не бывала*, несмотря на то, что она была доверху накладка"; у Д.Н. Бегичева в "Семействе Холмских": "Князь Фольгин, *как будто ни в чем не бывал*, также шутил".

Кажется само собою понятным, почему неделимы те фразеологические сращения, в состав которых входят лексические компоненты, не совпадающие с живыми словами русского языка (например: *во всю Ивановскую; вверх тормашками; бить баклуши; точить лясы; точить балясы* и т.п.). Но одной ссылки на отсутствие подходящего слова в лексической системе современного русского языка недостаточно для признания идиоматической неделимости выражения. Вопрос решается факторами семантического порядка.

Чисто внешний, формальный, хотя бы и лексикологический подход к фразеологическим сращениям не достигает цели. Изолированное, единичное слово, известное только в составе идиомы и потому лишенное номинативной функции, не всегда является признаком полной смысловой неразложимости выражения. Например: *дело не терпит отлагательства; совесть зазрела; мозолить глаза; мертвецки пьян* и т.п.

Точно так же грамматический архаизм может быть легко осмыслен при наличии соответствующей категории или соотносительных форм в современном языке; например: *положа руку на сердце; сидеть сложа руки; середь бела дня; на босу ногу* и т.п.

Грамматические архаизмы чаще всего лишь поддерживают идиоматичность выражения, но не создают его. Ср. (*пуститься*) *во все тяжкие* и т.п.

Основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собой семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма

семантических элементов. Оно - химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей.

При этой семантической неразложимости целого иногда сопутствует сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения. Это своеобразный след бывшей лексической расчлененности словосочетания.

Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: *так себе; куда ни шло; была ни была; то и дело; хоть куда; трусу праздновать; диву дать; выжить из ума; чем свет; как пить дать* (ср. у Чехова в рассказе "Бабы": Дело было ясное, *как пить дать*); *мало ли какой; из рук вон* (плохо); *так и быть; шутка сказать; себе на уме* (у Чехова в "Скучной истории": "Умышленность, осторожность, *себе на уме*, но нет ни свободы, ни мужества писать как хочется, а стало быть, нет и творчества").

Таким образом, фразеологические сращения являются только эквивалентами слов, они образуют своеобразные синтаксически составные слова, выступающие в роли либо частей предложения, либо целых предложений. Поэтому они подводятся под грамматические категории как целостные семантические единицы. Но полного параллелизма между грамматическими и лексическими изменениями их состава нет. Однако сохранение грамматических отношений между членами фразеологического сращения - лишь уступка языковой традиции, лишь пережиток прошлого. В фразеологических сращениях кристаллизуется новый тип составных лексических и синтаксических средств.

Если в тесной фразеологической группе сохранились хотя бы слабые признаки семантической отдельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то о сращении говорить уже трудно. Например, в таких разговорно-фамильярных выражениях, как *держат камень за пазухой, выносить сор из избы, (у кого-нибудь) семь пятниц на неделе, стреляный воробей, мелко плавает, кровь с молоком, последняя спица в колеснице, плясать под чужую дудку, без ножа зарезать, язык чесать или языком чесать, из пальца высосать, первый блин комом* - или в таких литературно-книжных и интеллигентски-разговорных фразах, как *плыть по течению, плыть против течения, всплыть на поверхность* и т.п. - значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства. Таким образом, многие крепко спаянные фразеологические группы легко расшифровываются как образные выражения. Они обладают свойством потенциальной образности. Образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их фактической этимологии. По большей части, это - выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, *положить, класть зубы на полку* - в значении: голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности. Ср. у Тургенева в "Нови": "Я еду на кондичии, - подхватил Нежданов, - чтобы *зубов не положить на полку*". Ср. выражение *уйти в свою скорлупу* и у Чехова - обнажение его образа: "Людей, одиноких от природы, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются *уйти в свою скорлупу*, на этом свете немало" ("Человек в футляре").

Понимание производности, мотивированности значения такого фразеологического единства связано с сознанием его лексического состава, с сознанием отношения значения целого к значениям составных частей.

Однако в этих сложных единствах возможны и такие элементы, которые являются упаковочным материалом. Они заменимы, тем более что фразеологические единства не всегда образуют застывшую массу неотделимых элементов. Иногда части фразеологического единства отделяются друг от друга вставкой иных слов.

Таким образом, от фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов.

В таком фразеологическом единстве слова подчинены единству общего образа, единству реального значения. Подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного или экспрессивного смысла фразеологического единства. Значение целого здесь абсолютно неразложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них и вместе с тем оно как бы вырастает из их семантического слияния.

Фразеологические единства являются потенциальными эквивалентами слов, и в этом отношении они несколько сближаются с фразеологическими сращениями, отличаясь от них семантической сложностью своей структуры, потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов. Фразеологические единства по внешней, звуковой форме могут совпадать с свободными сочетаниями слов. Ср. устно-фамильярные выражения: *вымыть голову, намылить голову* (кому-нибудь) в значении: сильно побранить, пожурить, сделать строгий выговор - и омонимические словосочетания в их прямом значении: *вымыть голову, намылить голову*. Ср.: *биться из-за куска хлеба* и *биться* (с кем-нибудь) *из-за куска хлеба*; *бить ключом* (жизнь бьет ключом) и *бить ключом* (ударять по чему-нибудь); *взять за бока* (кого-нибудь) в значении: заставить принять участие в деле - и то же словосочетание в прямом значении; *брать в свои руки* в значении: приступить к руководству, управлению чем-нибудь и *брать в руки* (что-нибудь) и другие подобные.

Фразеологическое единство часто создается не столько образным значением словесного ряда, сколько синтаксической специализацией фразы, употреблением ее в строго фиксированной грамматической форме.

Например, шутивно-фамильярное, носящее отпечаток школьного жаргона выражение *ноль внимания* обычно употребляется в функции сказуемого. Ср. у Чехова в рассказе "Красавица": "Медик пьян как сапожник. На сцену - *ноль внимания*. Знай себе дремлет да носом клюет".

Нередко внутренняя замкнутость фразеологического единства создается специализацией экспрессивного значения.

К числу фразеологических единств, обособлению и замкнутости которых содействуют экспрессивные оттенки значения, относятся, например, такие разговорно-фамильярные выражения: *ему и горюшка мало!*; *плакали наши денежки!*; *держи карман* или *держи карман шире!*; *что ему делается?*; *чего изволите?*; *час от часу не легче!*; *хорошенького понемножку* (ирон.); *туда ему и дорога!* Ср.: *жирно будет!* ("Нет, жирно будет вас таким вином поить. Атанде-с!" - Островский, "Утро молодого человека"); *чем черт не шутит?*; и *пошел и пошел!*; *наша взяла!*; *ума не приложу!*; *над нами не каплет!*; и *дешево и сердито!* (первоначально - о водке). Ср. у Салтыкова-Щедрина в "Помпадурах": "Над дверьми нахально красуется вывеска: "*И дешево и сердито*".

Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т.е. выступающие в функции названия. Прямое, логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или понятию создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова. С познавательной точки зрения, между составными терминами - научным или техническим - и таким же номенклатурным ярлыком, например названием какого-нибудь явления, предмета, - большая разница, но в бытовом языке эта разница часто стирается. Естественно, что многие из такого рода составных названий, переходя по закону функциональной семантики на другие предметы, процессы и явления, однородные с прежними по функции, становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единствами. Многие составные термины превращаются в фразеологические сращения (ср.: *железная дорога, грудная жаба* и т.п.).

В фразеологических единствах грамматические отношения между компонентами легко различимы. Они могут быть сведены к живым современным синтаксическим связям. Это естественно. Потенциальная лексическая делимость как основной признак фразеологического единства естественно предполагает и синтаксическую разложимость сочетания. Таким образом, и здесь грамматические формы и отношения держатся устойчивее, чем лексико-семантические. Здесь сохраняется, так сказать, морфология застывших синтаксических конструкций, но их функциональное значение резко изменяется. В той мере, в какой

фразеологические группы этого типа являются семантически неделимыми единицами, приходится считать их и синтаксически несвободными, хотя и разложимыми, слитными словосочетаниями.

Это положение получит особенную ясность и выразительность, если применить его к тем группам фразеологических единств, которые представляют собою союзные или предложные предложения.

Таковы, например, союзные предложения, чаще всего образующиеся из непроизводного союза, предложной формы имени существительного со значением времени, места или причины и указательного местоимения или из союза и указательного местоимения с подходящим по значению предлогом: *до тех пор пока, с тех пор как, в то время как, с того времени как, ввиду того что, по мере того как, между тем как, после того как, потому что, до того, что, несмотря на то что, вместо того чтобы* и т.п. Сюда же примыкают союзы, включающие в себя наречия образа действия, сравнения или сравнительной степени: *подобно тому как, прежде чем, так что, так чтобы, даром что* и другие подобные. Наконец, можно отметить составные союзы из модальных частиц: *едва только, лишь только, чуть лишь*. Ср.: *не то чтобы, добро бы, как будто бы* и т.п.

Все эти служебные слова семантически неразрывны, функционально неделимы, хотя с этимологической точки зрения производны. Эта аналогия бросает свет на синтаксическую природу фразеологических единств (ср. фразеологическое сращение *так как*).

Рядом с фразеологическими единствами выступают и другие, более аналитические типы устойчивых сочетаний слов. Фразеологические единства как бы поглощают индивидуальность слова, хотя и не лишают его смысла: например, в выражениях разговорной речи *глаз не казать, носу не казать* потенциальный смысл глагола *казать*, не встречающегося в других контекстах, еще ощущим в структуре целого.

Но бывают устойчивые фразеологические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако остаются несвободными. Например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство* и т.п. (при невозможности сказать *щекотливая мысль, щекотливое намерение* и т.п.); *обдаться презрением, злобой, взглядом; обдаться взглядом ласкающего сочувствия* и т.п. (при семантической недопустимости выражений: *обдаться восхищением, обдаться завистью* и т.п.).

В самом деле, большая часть слов и значений ограничена в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто бы нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. Например, слово *брать* в значении: овладевать, подвергать своему влиянию; и в применении к чувствам, настроениям не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: *страх берет, тоска берет, досада берет, злость берет, ужас берет, зависть берет, смех берет, раздумье берет, охота берет* и некоторые др. Но нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет* и т.п.

Таким образом, круг употребления глагола *брать* в связи с обозначениями чувств и настроений фразеологически замкнут.

Фразеологически связанное значение трудно определимо. В нем общее логическое ядро не выступает рельефно, как в свободном значении. Фразеологически связанное значение, особенно при узости и тесноте соответствующих контекстов, дробится на индивидуальные оттенки, свойственные отдельным фразам. Поэтому чаще всего такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании.

Едва ли нужно еще раз добавлять, что многие слова вообще не имеют свободных значений. Они лишены прямой номинативной функции и существуют в языке лишь только в составе фразеологических групп - их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей и слов-синонимов. Можно сказать, что лексическое значение таких слов определяется местом их в лексической системе данного языка, их отношением к синонимическим рядам слов и словесных групп, их положением в родственном лексическом или грамматическом гнезде слов и форм. Таково, например, в современном языке слово *потупить*. Оно выделяется из устойчивых словесных групп: *потупить взор, взгляд, глаза; потупить*

голову. Оно утверждается наличием слова *потупиться*, которое обозначает то же, что *потупить глаза, голову*. Оно, наконец, воспринимается на фоне синонимических фраз: *опустить глаза, опустить голову*.

Различия в онтологическом содержании свободных и связанных значений настолько велики и существенны, что их неразличение приводит к искажению всей смысловой структуры слова. Можно думать, что степень свободы и широты фразеологических связей слова до некоторой степени зависит и от его грамматической структуры. Наиболее многообразно и свободно комбинируются номинативные значения существительных, особенно конкретного, вещественного характера. Затем идут переходные глаголы, вслед за ними непереходные. Необходимо отметить, что в русском литературном языке со второй половины XVIII в. все более широко распространяются сочетания глаголов с отвлеченными именами существительными в качестве субъектов действия. Почти на одном уровне с глаголами находятся свободные связи имен прилагательных в основных номинативных значениях. В категории наречия только наречия качества и степени, отчасти времени и места, располагают более или менее широкими возможностями словосочетания; остальные разряды наречий очень связаны фразеологически. Фразеологические группы, образуемые реализацией несвободных, связанных значений слов, составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов в русском языке. Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего назвать **фразеологическими сочетаниями**. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слова с несвободным значением допускают синонимическую подстановку и замену, **идентификацию**. Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах.

Например, разговорное слово *беспросыпный* употребляется лишь в сочетании со словом *пьянство*; также возможно словосочетание *беспросыпно пьянствовать*. Синоним этого слова *беспробудный*, нося оттенок книжного стиля, имеет более широкие фразовые связи: *спать беспробудным сном; беспробудное пьянство*. В этих примерах прозрачность морфологического состава слов *беспросыпный* и *беспробудный*, связь их с многочисленными морфологическими гнездами поддерживает их лексические значения, их некоторую самостоятельность.

Отличие синтетической группы или фразеологического единства от фразеологического сочетания состоит в следующем. В фразеологическом сочетании значения сочетающихся слов в известной степени равноправны и рядоположены. Даже несвободное значение одного из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, может быть описано, определено или выражено синонимом. Во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное. Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно сознание отделимости и заменимости фразеологически несвободного слова. Например: *затронуть чувство чести, затронуть чьи-нибудь интересы, затронуть гордость* и т.п. (Ср.: *задеть чувство чести, задеть гордость* и т.п.).

Среди тесных фразеологических групп, образуемых реализацией так называемых "несвободных" значений слов, выделяется два типа фраз: **аналитический**, расчлененный, допускающий подстановку синонимов под отдельные члены выражения, и более **синтетический**, близкий к фразеологическому единству.

Фразеологические группы или фразеологические сочетания почти лишены омонимов. Они входят лишь в синонимические ряды слов и выражений. Для того, чтобы у фразеологической группы нашлось омонимическое словосочетание, необходимо наличие слов-омонимов для каждого члена группы. Однако сами фразеологические сочетания могут быть омонимами фразеологических единств, или идиом (сращений). Например: *отвести глаза* (от кого-нибудь) - фразеологическое сочетание; *отвести глаза* (кому-нибудь) - фразеологическое единство. Ср.: *Я с усилием отвел глаза от этого прекрасного лица*; "Александр долго не мог отвести глаз от нее" (Гончаров, "Обыкновенная история"). Но: "Г-н Спасович решительно хочет *отвести нам глаза*" (Достоевский, "Дневник писателя", 1976, февраль); "Обходительность и ласковость были не более как средство *отвести* покупателям *глаза*, заговорить зубы и всучить тем временем гнилое, линючее" (Гл. Успенский, "Книжка чеков").

В фразеологических сочетаниях синтаксические связи слов вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы, воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи. Следовательно, грамматическое расчленение ведет к познанию лишь этимологической природы этих словосочетаний, а не их синтаксических форм и функций в современном языке.

Таким образом, с учением о слове органически связаны наблюдения над сращениями слов, над фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями. Эти наблюдения приведут к выводу, что в русском языке широко распространяются синтаксически составные слова ("речения", фразеологические сращения) и разнообразные типы устойчивых фразеологических единиц, которые обособляются от свободных словосочетаний и примыкают к лексическим единицам [64].

§ 5. Основные структурно-семантические типы слов

Уже из предложенного описания слова видно, что структурно-семантические типы слов неоднородны и что эта неоднородность строя слов больше всего зависит от характера сочетания и взаимодействия лексических и грамматических значений. Семантические типы слов не размещаются в одной плоскости. Укрепившееся в русской грамматике с XVIII в. деление слов на **знаменательные** и **служебные** интересно как симптом сознания структурной разнородности разных типов слов.

Отмечалось семь отличительных признаков служебных слов: 1) неспособность к отдельному номинативному употреблению; 2) неспособность к самостоятельному распространению синтагмы, или словосочетания (например, союз *и*, относительное слово *который*, предлоги *на*, *при* и т.п. неспособны сами по себе, независимо от других слов, ни конструировать, ни распространять словосочетание, или синтагму); 3) невозможность паузы после этих слов в составе речи (без специального экспрессивного оправдания); 4) морфологическая нерасчлененность или семантическая неразложимость большинства из них (ср., например, *у*, *при*, *ведь*, *вот* и т.п., с одной стороны, и *потому что*, *чтобы*, *затем что*, *хотя* и т.п. - с другой); 5) неспособность носить на себе фразовые ударения (за исключением случаев противопоставления по контрасту); 6) отсутствие самостоятельного ударения на большей части первообразных слов этого типа; 7) своеобразие грамматических значений, которые растворяют в себе лексическое содержание служебных слов. Это деление слов на знаменательные и служебные под разными именами - лексических и формальных слов (Потебня), полных и частичных (Фортунатов) - было принято во всех работах по русской грамматике. Наряду с этими двумя общими категориями слов русского языка издавна намечалась исследователями и третья категория - **междометия**.

Традиционным решением вопроса об основных семантико-грамматических классах слов являются разные учения о частях речи. Но в этих учениях - при всей их пестроте - не учитываются общие структурные различия между основными типами слов. Все части речи размещаются в одной плоскости. Об этом еще В.А. Богородицкий писал: "Необходимо обратить внимание на соподчинение одних частей речи другим, что в школьных грамматиках игнорируется, причем все части речи ставятся на одну линию" [65].

Выделению частей речи должно предшествовать определение основных структурно-семантических типов слов.

Классификация слов должна быть конструктивной. Она не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова. Но, конечно, критерии лексические и грамматические (в том числе фонологические) должны играть решающую роль. В грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство. Морфологические формы - это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий - это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические

категории неразрывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса. Синтаксис - организационный центр грамматики. Грамматика, имманентная живому языку, всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечений, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими значениями.

Анализ смысловой структуры слова приводит к выделению четырех основных грамматико-семантических категорий слов.

1. Прежде всего, выделяется категория **слов-названий**, по традиционному определению. Всем этим словам присуща номинативная функция. Они отражают и воплощают в своей структуре предметы, процессы, качества, признаки, числовые связи и отношения, обстоятельственные и качественно-обстоятельственные определения и отношения вещей, признаков и процессов действительности и применяются к ним, указывая на них, их обозначают. К словам-названиям примыкают и слова, являющиеся эквивалентами, а иногда и заместителями названий. Такие слова называются **местоимениями**. Все эти разряды слов образуют главный лексический и грамматический фонд речи. Слова этого типа ложатся в основу синтаксических единиц и единств (словосочетаний и предложений) и фразеологических серий. Они служат основными членами предложения. Они могут - каждое в отдельности - составлять целое высказывание. Слова, относящиеся к большей части этих разрядов, представляют собою грамматические и объединенные комплексы, или системы, форм. С разными формами или видоизменениями одного и того же слова связаны разные функции слова в строе речи или высказывания.

Поэтому в применении к этим классам слов особенно уместен термин "части речи". Они образуют предметно-смысловую, лексическую и грамматическую фундамент речи. Это - "лексические слова", по терминологии Потебни, и "полные слова", по квалификации Фортунатова.

2. Частям речи противостоят частицы речи, **связочные, служебные слова**. Этот структурно-семантический тип слов лишен номинативной функции. Ему не свойственна "предметная отнесенность". Эти слова относятся к миру действительности только через посредство и при посредстве слов-названий. Они принадлежат к той сфере языковой семантики, которая отражает наиболее общие, абстрактные категории бытийных отношений - причинных, временных, пространственных, целевых и т.п. Они ближайшим образом связаны с техникой языка, ее осложняя и развивая. Связочные слова не "материальны", а формальны. в них "вещественное" содержание и грамматические функции совпадают. Их лексические значения тождественны с грамматическими. Эти слова лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем. Вот почему Потебня называл их "формальными словами", а Фортунатов - "частичными".

3. Заметно отличается от двух предшествующих структурных типов третий тип слов. Это **модальные слова**. Они также лишены номинативной функции, как и связочные слова. Однако многие из них не принадлежат в той степени, как связочные, служебные слова, к области формально-языковых средств. Они более "лексичны", чем связочные слова. Они не выражают связей и отношений между членами предложения. Модальные слова как бы вклиниваются или включаются в предложение или же прислоняются к нему. Они выражают модальность сообщения о действительности или являются субъектно-стилистическим ключом речи. В них находит свое выражение сфера оценок и точек зрения субъекта на действительность и на приемы ее словесного выражения. Модальные слова отмечают наклон речи к действительности, обусловленный точкой зрения субъекта, и в этом смысле отчасти сближаются с формальным значением глагольных наклонов. Как бы введенные в предложение или присоединенные к нему модальные слова оказываются за пределами и частей речи, и частиц речи, хотя по внешности могут походить и на те, и на другие.

4. Четвертая категория слов уводит в сферу чисто субъективных - эмоционально-волевых изъявлений. К этому четвертому структурному типу слов принадлежат **междометия**, если придать этому термину несколько более широкое значение. Интонационные, мелодические своеобразия их формы, отсутствие в них познавательной ценности, их синтаксическая неорганизованность, неспособность образовать сочетания с другими словами, их морфологическая неделимость, их аффективная окраска, непосредственная связь их с мимикой и выразительным жестом резко отделяют их от остальных слов. Они выражают эмоции,

настроения и волевые изъявления субъекта, но не обозначают, не называют их. Они ближе к экспрессивным жестам, чем к словам-названиям. Вопрос о том, образуют ли междометия предложения, остается спорным [66]. Однако трудно отрицать за междометными выражениями значение и обозначение "эквивалентов предложения".

Итак, имеются четыре основные структурно-семантические категории слов в современном русском языке: 1) слова-названия, или части речи, 2) связочные слова, или частицы речи, 3) модальные слова и частицы и 4) междометия.

По-видимому, в разных стилях книжной и разговорной речи, а также в разных стилях и жанрах художественной литературы частота употребления разных типов слов различна. Но, к сожалению, этот вопрос пока находится лишь в подготовительной стадии обследования материала.

§ 6. Слово и его грамматические формы

Различия между основными типами слов и в их грамматических функциях, в их грамматической природе, в их формах. Многозначность термина **форма** породила ряд научных недоразумений, губительно отразившихся на развитии русской грамматической науки [67]. Понятие формы слова отождествлялось с формальным признаком грамматического значения. Иногда же форма слова просто смешивалась с окончанием. Чаще под формой слова понималось внешнее морфологическое выражение грамматического значения в строе отдельного языка. Форма слова, по Фортунатову, - это формальная примета грамматической функции в строении отдельного слова. Она заключается во флексии (внешней или внутренней), в ее отсутствии (отрицательная форма), если это отсутствие служит признаком грамматического значения слова, или в словообразовательном аффиксе. "Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формой", - писал акад. Ф.Ф. Фортунатов [68]. Согласно такому пониманию формы, одни слова имеют форму (например, *вод-а*), другие бесформенны, лишены формы (например, несклоняемое существительное *пальто*, наречия *здесь, тут, дома, завтра* и т.п.). Слова, имеющие форму, являются грамматическими. Они-то и рассматриваются в морфологии как учении "о формах отдельных слов по отношению к отдельным словам". Все остальные слова, не имеющие форму, считаются неграмматическими. Они остаются за пределами морфологии, хотя и могут снова выплыть в синтаксисе - в связи с изучением форм словосочетания. Такое понимание формы слова отражается и на содержании терминов: **формы словоизменения** и **формы словообразования**.

Формы словоизменения - это флексии падежей и спряжения, под которым понимается изменение глагола по лицам (а следовательно, и числам), временам и наклонениям, иначе говоря, это формы слов как частей предложения. Формы словообразования - это чередования звуков основы, суффиксы, приставки, посредством которых образуются новые слова или лексически видоизменяются уже существующие слова, иначе говоря: это формы слов как отдельных знаков предметов мысли, другие формы отдельных знаменательных слов, не формы словоизменения (например: *вод-а, во'д-ы, вод-ица, вод-ичка, вод-ка* и т.п.). По различию форм слова устанавливаются и грамматические классы слов. С точки зрения Фортунатова, приходится признавать наличие языков, вовсе не имеющих форм, языков бесформенных. Но такое понимание формы слова как отдельного морфологического элемента в составе отдельного слова очень узко. Оно уже отвергнуто большинством лингвистов. С ним боролись еще В. Гумбольдт и Потебня. Его формализм и односторонность в современной лингвистике общепризнаны. Так, проф. Ж. Вандриес, пользуясь термином **морфема** для обозначения формы, в которой выражена грамматическая категория, относит к морфемам решительно все языковые элементы, выражающие грамматические отношения (аффиксы, их порядок в слове или во фразе, чередование гласных, внутреннюю флексию, ударение, тон, нулевые морфемы, служебные слова, порядок слов) [69].

Таким образом, здесь под понятие грамматической формы подводятся все средства выражения грамматических отношений в языке. Близкие к этому взгляды на грамматическую форму разделял и акад. А.А. Шахматов. Для Шахматова в содержание грамматической формы входили не только формы словоизменения и словообразования, не только порядок слов, ударение, интонация, связь с другими словами, но и служебные слова и даже корни слов в той мере, в какой они выражают не вещественные, реальные, а сопутствующие грамматические представления [70]. Быть может, целесообразнее вместо

употребления термина **форма** в этом значении пользоваться термином **формальный признак**, или **внешний выразитель грамматической категории**. Так и поступает проф. Л.В. Щерба. В статье "О частях речи в русском языке" он пишет: "Внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: "изменяемость" слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т.д. ... Признаки, выразители категории, могут быть положительными и отрицательными: так, "неизменяемость" слов как противопоставление "изменяемости" также может быть выразителем категории, например, наречия. Противопоставляя форму, знак содержанию, значению, я позволю себе называть все эти внешние выразители категорий формальными признаками этих последних... Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков" [71].

В связи с этими лингвистическими теориями развивается понимание форм слова как дополнительных формальных значений слова, сопровождающих основное (лексическое) его значение. С этой точки зрения уже нельзя говорить не только о языках, не имеющих формы, но в применении к языкам такого строя, как русский, и о словах, не имеющих формы, или бесформенных. Всякое слово оформлено уже тем, что оно несет известные грамматические функции, занимает определенное место в грамматической системе языка, подводится под ту или иную грамматическую категорию. Во многих философских теориях языка под формой разумеется заложенное в смысловой структуре слова представление его вещественного содержания в свете той или иной грамматической категории и в ее семантических пределах.

А.А. Потебня так формулировал эту мысль: "... слово включает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями..." [72]. "Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением" [73]. Это грамматическое значение осознается на фоне системы языка в целом. "... Нет формы, присутствие и функция коей узнавалась бы иначе, как по смыслу, т.е. по связи с другими словами и формами в речи и языке" [74].

В русском языке нет бесформенных слов, так как лексическое значение всякого слова подводится под ту или иную грамматическую категорию, так как грамматическое значение органически входит в смысловую структуру каждого слова, находя выражение в его речевом употреблении. К этому кругу явлений применимы слова Гегеля (в "Науке логики"): "Содержание не бесформенно, а форма одновременно содержится в самом содержании и не представляет собою нечто внешнее ему". В связи с этим необходимо вспомнить и запись В.И. Ленина в "Конспекте книги Гегеля "Наука логики": "Форма существоваема. Сущность сформирована. Так или иначе в зависимости и от сущности..." [75]. Этот принцип лежит в основе всего грамматического учения о слове.

Однако способы выражения грамматических значений и самый характер этих значений неоднородны у разных семантических типов слов. Так, междометия почти не связываются с другими словами. Они лишены флексий, суффиксов и префиксов. Они по большей части морфологически неразложимы. Являясь эквивалентами предложений, они обычно замыкаются в отдельное высказывание, осознаются как своеобразный аффективный и логически не расчлененный тип эмоционального высказывания. Грамматическая природа модальных слов определяется отношением их лексического значения к модальности того предложения, в которое они "вводятся". Чем уже круг синтаксических связей слова, чем ограниченнее его грамматические видоизменения, чем неразложимее его морфологический состав, тем синкретичнее его природа, тем неразрывнее в нем связь лексических и грамматических значений.

Связочные слова характеризуются явным преобладанием грамматических значений над лексическими. В этом отношении они однородны с морфемами. Многообразие выражаемых ими грамматических отношений между понятиями (ср., например, значения предлога *в* или союза *что*) расширяет их семантический объем так, что по своей многозначности они превосходят все другие типы слов. однако их значения особого рода. В них грамматические значения тождественны с лексическими. Внутренняя дифференциация частиц речи обусловлена различиями их синтаксических функций в составе простого предложения или сложного синтаксического целого.

Картина грамматических и лексических соотношений и взаимодействий резко меняется при переходе к частям речи. Легко заметить, что в некоторых частях речи как бы нарушен параллелизм в развитии грамматических и лексических значений и оттенков. В них лексические значения являются центром смысловой структуры слова и сохраняют свое внутреннее единство, несмотря на разнообразные грамматические видоизменения слова (например: *добрый, доброго, добрым, о добром* и т.п.). Прежде всего это наблюдение можно применить к тем частям речи, которые склоняются или спрягаются. Так, спрягаемое слово или глагол представляет собою сложную систему многочисленных грамматических видоизменений одного и того же слова (*пишу, пишешь, ты писал, я писал бы, пиши, писать, ты написал бы, напишу* и т.п.). Склоняемое слово, обозначающее предмет, обладает системой форм склонения (*сад, сада, саду, о саде, сады, садов* и т.п.). Следовательно, многие слова представляют собою систему форм, являющихся как бы видоизменением одного и того же слова. Грамматическими формами слова называются те видоизменения одного и того же слова, которые, выражая одно и то же понятие, одно и то же лексическое содержание, либо различаются дополнительными смысловыми оттенками, либо выражают разные отношения одного и того же предмета мысли к другим предметам того же предложения. А.А. Шахматов в своем "Курсе истории русского языка" очерчивал круг форм слова более узко: "Грамматическими формами называются те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (не реальной) связи его с другими словами". По другому определению того же А.А. Шахматова, "разные виды слова, отличающиеся между собой формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами), называются его грамматическими формами" [76]. Понятие форм слова было положено в основу грамматического учения о слове акад. Л.В. Щербой [77]. Л.В. Щерба, между прочим, указывал на то, что формами слова могут быть не только простые синтетические видоизменения слова, но и сочетания слов, сложные (аналитические) формы. Л.В. Щерба писал: "Надо отличать образования обозначений новых понятий и образование обозначений оттенков одного и того же понятия или связанных с ним подобных представлений". "В каждой группе обозначений оттенков одного и того же понятия имеется слово (или форма), которое создается основным". (Так, им. пад. ед. ч. существительного, например *город, учитель*, является такой же формой, как и остальные падежные формы того же слова. Но в силу своей назывной функции он воспринимается как представитель всей группы падежных форм, составляющих одно слово). "Формами следует, между прочим, считать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, т.е. в которых непременная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в собственном значении. Здесь, как и везде в языке (в фонетике, в "грамматике" и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике - в сознании говорящих - оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать лингвиста, так как здесь именно подготовляются те факты, которые потом фигурируют в исторических грамматиках, иначе говоря, так как здесь мы присутствуем при эволюции языка" [78]. О слове как системе или комплексе сосуществующих, функционально объединенных и соотносительных форм еще раньше учил проф. И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он настаивал на том, что даже те формы слова, которым традиционно присваивается роль представителей всех других форм слова (им. пад. существительных и прилагательных, глагольный инфинитив), не могут существовать вне связи и соотношения с другими формами. "Нельзя говорить, - писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, - что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них "переходит". Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто **сосуществуют**. Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обуславливают и путем ассоциации друг друга вызывают. Но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма *вода* переходит в форму *воду*, как и наоборот, форма *воду* - в форму *вода*" [79]. Таким образом, в кругу частей речи отдельные категории (или классы) слов представляют собой замкнутые, построенные по строгим правилам грамматики системы форм, чаще всего вращающихся в пределах **парадигмы** (склонения, спряжения, степеней сравнения). Формы слов в русском языке образуются, в основном, теми же способами, что и слова: 1) посредством сложения слов или форм слов (например: *буду читать* - сложная, аналитическая форма будущего времени глагола *читать*; *самый красивый* - сложная аналитическая форма превосходной степени прилагательного *красивый* и т.п.); 2) посредством окончаний и суффиксов (например: *стена* - *стенка*; *выиграть* - *выигрывать*; *рука* - *руки* - *руке* и

т.п.); 3) посредством префиксации (*делать - сделать; бледнеть - побледнеть; скверный - прескверный* и т.п.); 4) посредством комбинированного применения суффиксации и префиксации (например, в выражении *предобрейшей души человек* форма *предобрейший* принадлежит к системе форм слова *добрый*); 5) посредством звуковых чередований, чаще всего в связи с суффиксацией (включая сюда ударение, например: *год - го'да - года*): *села - сёла; заподозрить - заподозривать*; 6) посредством изменений ударения (*избы' - и'збы; руки' - ру'ки* и т.п.). Понятно, что формами одного слова могут стать и бывшие прежде совсем обособленными разные слова. Это седьмой способ образования слов. Например: *человек - люди; брать - взять; укладывать - уложить; садиться - сесть* и т.п. (подробнее см. в моей статье "О формах слова" - "Известия АН СССР". Отд. литературы и языка, 1944, т. 3, вып. 1).

Суффиксы, образующие формы слов (например: *вода - водица - водичка; убить - убивать* и т.п.), можно назвать **формообразующими** в отличие от суффиксов, образующих новые слова (например: *учитель - учительский, учительство* и т.п.), т.е. от **суффиксов словообразующих**. Аффиксы, с помощью которых активно производятся новые слова и формы, являются живыми, **продуктивными**; аффиксы, выделяемые в словах и формах, но не образующие новых форм и слов, считаются **непродуктивными** и иногда даже **мертвыми** - в зависимости от степени и характера своей выделяемости.

Не только к средствам словообразования, но и к средствам словоизменения или формообразования (к окончаниям, формообразующим суффиксам и префиксам) следует прилагать критерий продуктивности и непродуктивности.

Представителями женеvской лингвистической школы очень остроумно было замечено, что в грамматике понятие "мертвого", непродуктивного почти отождествляется с понятием "считаемого", обнимаемого числом. То, что может быть сочтено, непродуктивно. Например, группа глаголов *бороть, колоть, полоть, пороть* исчерпана приведенными примерами. Это - глагольная "пыль" (по выражению де Соссюра). Новые глагольные типы не возникают по этому образцу. Напротив, то, что живо, - продуктивно, не подлежит числовому обозначению и выражению в грамматике.

Н.В. Крушевский различие между непродуктивными и продуктивными категориями словообразования и формообразования сводил к процессам "воспроизводства" и "производства". "Мы не можем сказать, что слово *волчий* имеет такую форму только потому, что оно постоянно воспроизводится; оно производится по образцу своих структурных, а не материальных родичей". "Что же касается до форм, которые воспроизводятся как члены рядов, то они мало-помалу эмансипируются от своих систем, теряя все более и более признаки наружного и внутреннего с своими прежними родичами, и приобретают самостоятельность" (например, *замуж, поделом*) [80].

С этой точки зрения целые большие серии синтетических форм в современном русском языке придется признать непродуктивными.

В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, **аналитико-синтетическому**, и как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрастать сложными, аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами.

Вопрос об аналитических элементах в русском литературном языке был поставлен И.А. Бодуэном де Куртенэ на строго научную почву еще в семидесятых годах прошлого столетия [81]. Эта же проблема попутно затрагивалась неоднократно В.А. Богородицким, который очень остроумно связывал факты грамматического "анализма" с развитием идиоматических сращений, с "переходом целого выражения как бы в одно слово определенной формы, где смысл отдельных частей уже ступшеvвается (род опрощения)" [82]. В качестве иллюстрации проф. Богородицкий указывал на описательную форму превосходной степени прилагательных *самый высокий*. Точно так же проф. Богородицкий - вслед за Бодуэном де Куртенэ - отмечал распад системы склонения имен существительных в русском языке (ср. рост и расширение употребления предлогов в соединении с падежными формами).

Очень наглядно очертил положение русского языка в системе аналитических и синтетических языков Н.В. Крушевский. В аналитических языках оттенки понятий выражаются преимущественно с помощью префиксов.

В русском языке, по мнению Н.В. Крушевского, есть признаки смешанной, переходной стадии от синтетического строя к аналитическому. "На такие формы, как *о волке, наилучший, самый лучший*, где оттенок идеи выражается и префиксом, и суффиксом, следует смотреть как на формы переходные от настоящих **синтетических** (ср. старинное *Кыевѣ*) к **аналитическим** (ср. болгарское *добр, по-добр, най-добр*; франц. *grand, plus grand, le plus grand* и др.)" [83].

К сожалению, в последующей грамматической традиции вопрос о соотношении, смешении и взаимодействии аналитических и синтетических форм слов, об усилении и росте аналитизма в грамматической системе русского языка заглох. Между тем распространение аналитических форм в русском языке связано с усложнением системы формообразования, с изменением грамматических границ слова и его объема, с ростом фразеологических единств и сращений. Из грамматического слова вырастают грамматические идиоматизмы и аналитические словосочетания. Флексии замещаются лексическими элементами, которые образуют новые грамматические формы [84]. Все это не может не отражаться и на структуре словаря. Аналитические формы слова, лексикализуясь, становятся самостоятельными словами или идиомами (ср., например, наречия *налету, наяву* и т.п.; ср. предлоги *по части, по линии, в отношении* и т.п.).

Итак, система грамматических форм неоднородна у разных типов слов.

Понятно, что слова, представляющие собою системы грамматических форм, резко отличаются от слов, в которых с морфологической точки зрения признаки слова и формы слова совпадают (таковы, например, наречия *верхом, сегодня, завтра, всегда* и т.п.).

Различия в грамматической структуре разных частей речи обусловлены различиями их синтаксических функций. А эти различия, в свою очередь, органически связаны с системой основных грамматических категорий, которые определяют строй предложения и его эволюцию. В зависимости от строя предложения находится и состав частей речи. Еще А.А. Потебня заметил: "Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи: если их нет, то нет и нашего предложения" [85]. Различия в образовании, употреблении и значении слов и форм слов отражают дифференциацию частей речи.

Все это взаимосвязано и находится в постоянном движении, отражая эволюцию языка и мышления. И.А. Бодуэн де Куртенэ писал об этом: "Жизнь слов и предложений языка можно было бы сравнить с *perpetuum mobile*, состоящим из весов, беспрестанно осциллирующих (колеблющихся), но вместе с тем подвигающихся беспрестанно в известном направлении... Нет неподвижности в языке... Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики" [86].

Грамматическое учение о слове прежде всего должно выделить те общие категории, которые намечаются или обозначаются в системе основных типов слов современного русского языка, особенно в системе частей и частиц речи как существеннейших конструктивных элементов предложения.

§ 7. Система частей речи и частиц речи в русском языке

Из общих структурно-семантических типов слов русского языка наиболее резко и определенно выступают грамматические различия между разными категориями слов в системе частей речи. Деление частей речи на основные грамматические категории обусловлено: 1) различиями тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различиями морфологического строя слов и форм слов; 3) различиями вещественных (лексических) значений слов; 4) различиями в способе отражения действительности; 5) различиями в природе тех соотносительных и соподчиненных грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи. Не надо думать, что части речи одинаковы по количеству и качеству во всех языках мира. В системе частей речи отражается

стадия развития данного языка, его грамматический строй. При выделении основных частей речи необходимо помнить завет И.А. Бодуэна де Куртенэ:

"Крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени... Видеть в известном смысле без всяких дальнейших околичностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав" [87]. "Следует брать предмет исследования таким, каким он есть, не навязывая ему чуждых ему категорий".

В традиционной русской грамматике, отражающей влияние античных и западноевропейских грамматик, сначала насчитывалось восемь, затем девять, теперь же - со включением частиц - обычно выделяется десять частей речи:

1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) имя числительное; 4) местоимение; 5) глагол; 6) наречие; 7) предлог; 8) союз; 9) частицы и 10) междометия.

Кроме того, причастия и деепричастия то рассматриваются в составе форм глагола, то относятся к смешанным, переходным частям речи, то считаются особыми частями речи (в таком случае число частей речи возрастает до двенадцати).

Количество частей речи в учениях некоторых лингвистов еще более возрастает. Так, акад. А.А. Шахматов вводил в круг частей речи префикс (например, *пре-, наи-* и т.п.) и связку. У него получалось четырнадцать частей речи. Если этот перечень дополнить разными другими претендентами на роль частей речи, выдвигавшимися в последнее время (например, категорией состояния, распознаваемой в словах *можно, нельзя, надо, жаль* и т.п. [88], вопросительными словами и частицами [89], частицами уединяющими, вроде *и - и, ни - ни, или - или*, относительными словами и т.п.), то число частей речи в русском языке перешагнет за двадцать.

Но с той же легкостью, с какой растет число частей речи в грамматических теориях одних лингвистов, оно убывает в концепциях других.

Многие грамматисты (например, Потебня, Фортунатов, Пешковский) отрицали у числительных и местоимений наличие грамматических признаков особых частей речи, указывая на то, что числительные и местоимения по своим синтаксическим особенностям близки к таким грамматическим категориям, как имена существительные, прилагательные и наречия. При этой точке зрения количество основных, самостоятельных частей речи уже уменьшается на две и сводится к восьми.

Однако и среди этих восьми частей речи также оказываются сомнительные, неполноправные. Легче всего оспорить право называться частью речи у междометий. "Как бы ни было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно явление другого порядка... Оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи - речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действенную; во всяком случае оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи" [90].

Кроме междометий, из группы частей речи легко выпадают служебные слова. "Многие из частей речи наших грамматик не что иное, как морфемы (т.е. выразители чисто грамматических отношений), - пишет Ж. Вандриес. - Таковы частицы, называемые предлогами и союзами" [91].

Исследователи (например, проф. Кудрявский), придерживавшиеся взгляда Потебни на полный семантический параллелизм частей речи и членов предложения, всегда отказывали в звании частей речи служебным, связочным словам, т.е. предлогу, союзу и частице. У таких исследователей количество частей речи ограничивается четырьмя основными: существительным, прилагательным, глаголом и наречием. Если лингвистический скептицизм простирается дальше, то подвергается сомнению право наречий на звание самостоятельной части речи. Ведь одни разряды наречий находятся в тесной связи с прилагательными (ср. включение качественных наречий на *-о* в систему имен прилагательных у проф. Куриловича), другие - с существительными, третьи не имеют ярко выраженных морфологических признаков особой категории. В основе некогда принятого последователями акад. Фортунатова грамматического деления слов по различиям словоизменения на: 1) падежные (*веселье*); 2) родовые (*веселый, -ая, -ое, весел, -а, -о, служил, -а, -о*) и 3)

личные (*веселюсь, веселишься* и т.п.) лежало именно такое недоверчивое отношение к "грамматичности" наречия. Таким образом, уцелеют лишь три части речи: имя существительное, имя прилагательное и глагол. Но еще в античной грамматической традиции существительные и прилагательные подводились под одну категорию имени. И в современных языках они часто меняются ролями. "Между ними нет четкой грамматической границы; их можно соединить в одну категорию - категорию имени, - заявляет Ж. Вандриес и заключает: - Продолжая этот отбор, мы приходим к тому, что существует только две части речи: глагол и имя. К ним сводятся все остальные части речи" [92].

"Имена и глаголы - это живые элементы языка в противоположность его грамматическим орудиям" [93] (вроде предлогов, союзов и т.п.).

Из русских грамматистов никто еще не дошел до такого ограничения частей речи, но в фортуатовской школе высказывалось мнение, что глагол не соотносителен с именами существительными и прилагательными и что в морфологии можно управиться и без категории глагола. Проф. М.Н. Петерсон в своих ранних работах по русской грамматике в изложении словоизменения так и обходился без учения о глаголе как особом грамматическом классе [94]. Лишь в своих новых "Лекциях по современному русскому литературному языку" (1941) он вынужден был признать глагол как категорию, "обозначающую признак, протяженный во времени".

Таковы колебания в учении о частях речи. Между разными взглядами лингвистов по этому вопросу - "дистанция огромного размера". Поэтому многим авторам грамматик старое учение о частях речи кажется совершенно скомпрометированным. А между тем к какой-то системе классификации слов приходится прибегать при изложении грамматики любого языка. Поэтому в грамматиках не редкость заявления вроде следующего: "Учение о частях речи принадлежит к числу наименее разработанных частей грамматики. Традиционная трактовка частей речи считается в современной лингвистике неудовлетворительной. Однако отсутствие сколько-нибудь **установившихся** научно обоснованных новых точек зрения на этот вопрос заставляет нас в этом отношении держаться в рамках традиции" [95].

Выделение основных структурно-семантических типов слов помогает внести некоторую ясность в учение о частях речи. К частям речи не принадлежат ни модальные слова, ни междометия, ни связочные слова или частицы речи. Круг частей речи ограничивается пределами слов, способных выполнять номинативную функцию или быть указательными эквивалентами названий.

Среди этих слов "человек узнает одно слово как прилагательное, другое - как глагол, не справляясь с определениями частей речи, а тем же, в сущности, способом, каким он узнает в том или ином животном корову или кошку" [96].

Части речи прежде всего распадаются на две большие серии слов, отличающихся одна от другой степенью номинативной самостоятельности, системами грамматических форм и характером синтаксического употребления.

В одной серии оказываются категории имен, категория местоимений и категория глагола, в другой - категория наречия. В современном русском языке наречия соотносительны с основными разрядами имен и глаголов. Но связь наречий с именами теснее, чем с формами глагольных слов. В современном русском языке происходит непрерывное передвижение именных форм в систему наречий.

Изменения в строе русского языка, связанные с историей связки (так называемого "вспомогательного" глагола), привели к образованию особой части речи - **категории состояния**. Эта часть речи возникла на основе грамматического преобразования целого ряда форм, которые стали употребляться исключительно или преимущественно в роли присвязочного предиката. Под эту категорию состояния стали подводиться "предикативные наречия" (типа *можно, совместно, стыдно* и др. под.), оторвавшиеся от категории прилагательных краткие формы (вроде *рад, горазд*), некоторые формы существительных, подвергшиеся переосмыслению (например, *нельзя, пора* и т.п.).

Так как связка пережиточно сохраняла некоторые формальные свойства глагольного слова, то на развитии категории состояния заметно сказалось влияние категории глагола.

Что касается категории имен, то в русском языке ясно обозначаются различия между именами существительными и прилагательными. От этих категорий в истории русского языка (особенно с XII-XIII вв.) обособилась категория количественных слов - категория имени числительного. Напротив, древний богатый класс указательных слов, местоимений в истории русского языка подвергся распаду, разложению. Большая часть местоименных слов слилась с категориями имен прилагательных и наречий или превратилась в частицы речи, в грамматические средства языка. В системе современного языка сохранились лишь реликты местоимений как особой части речи (предметно-личные местоимения). Таким образом, система семи основных частей речи, свойственных современному русскому языку, может быть представлена в такой схеме:

I. Имена: 1) существительное, 2) прилагательное и 3) числительное.

II. 4) Местоимение (в состоянии разложения).

III. 5) Глагол.

IV. 6) Наречие.

V. 7) Категория состояния.

Система частей речи в структуре предложения сочетается с системой частиц речи:

1) Частицы в собственном смысле.

2) Частицы-связки.

3) Предлоги.

4) Союзы.

К частицам речи примыкают одной стороной модальные слова, образующие особый структурно-семантический тип слов.

Проф. А. Белич [97] думает, что модальные слова следовало бы объединить с частицами, предлогами, союзами в категории реляционных (т.е. выражающих отношения) слов-частиц. Действительно, среди модальных слов наблюдается большая группа частиц с разнообразными модальными значениями. Однако эти модальные частицы не исчерпывают и не определяют грамматическую природу всех вообще модальных слов. Модальные слова находятся во взаимодействии как с частицами речи, так и с разными категориями частей речи. Но синтаксические функции и семантическая структура большинства модальных слов иного рода, чем частей речи и частиц речи. В живом языке, как правильно заметил и проф. А. Белич, нет идеальной системы с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими примыкая к разным категориям. Такие же сложные семантические взаимодействия наблюдаются и в кругу модальных слов.

Грамматико-семантическая дифференциация внутри междометий также довольно разнообразна, как покажет дальнейшее изложение.

Задача последующего изложения - уяснить грамматическую природу основных типов слов в современном русском языке, описать систему частей речи с присущими каждой из них грамматическими формами и категориями, раскрыть функции частиц речи, наметить главные семантические разряды внутри категорий модальных слов и междометий.

Примечания

1. Критический разбор труда А. Дювернуа. - "Материалы для словаря древнерусского языка". СПб., 1896, с. 8.
2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М. - Л., 1935, с. 207.
3. Мещанинов И.И. Общее языкознание. М., 1940, с. 35.
4. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 130.
5. Кацнельсон С.Д. Краткий очерк языкознания. Л., 1941, с. 34.
6. Мещанинов И.И. Общее языкознание, с. 37.

7. Щерба Л.В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. - В кн.: Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.
8. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 129.
9. Марр Н.Я. Избранные работы, т. 1. Л., 1933, с. 189-190.
10. Schuchardt-Brevier H. Halle, 1928, S. 135.
11. Кацнельсон С.Д. Краткий очерк языкознания, с. 24.
12. См.: Калинович М. Поняття окремого слова. - "Мовознавство", 1935, № 6.
13. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 108.
14. Bloomfield L. Language. N.Y., 1933, p. 177-178.
15. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 133.
16. Там же, с. 111.
17. Trubezkoy N. Grundzuge der Phonologie. Prag, 1939, S. 34, 241-242.
18. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Л., 1937, с. 81, 77.
19. Noreen A. О словах и классах слов. - В кн.: Nordisk Tidskrift, 1879, p. 23. Ср. его же: Vart sprak, 7, p. 36.
20. Сепир Э. Язык. М.- Л., 1934, с. 28. Ср.: Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие, с. 75.
21. Вандриес Ж. Язык. М., 1937, с. 178.
22. Mathesius W. О potencialnosti jewuv jazykovych. Praha, 1911. Ср.: Noreen A. Einfurung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Halle, 1923, S. 433-438.
23. Сепир Э. Язык, с. 85-86.
24. Там же, с. 26.
25. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 111.
26. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Лекции 1899/1900 г. М., 1900, с. 187, 186 [т. 1, с.132].
27. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 113.
28. Von Humboldt W. Uber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, S. 272.
29. Ср.: Аскольдов С.А. Концепт и слово. - В кн.: Русская речь. Под ред. Л.В. Щербы, вып. 2. Л., 1928, с. 41.
30. Carnoy A. Le science du mot. Louvain, 1927, p. 21-22.
31. Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940, с. 329.
32. Шор Р.О. Кризис современной лингвистики. - В кн.: Яфетический сборник, т. 5. Л., 1927, с. 67.
33. Schuchardt-Brevier H., S. 117.
34. Шор Р.О. Язык и общество. М., 1926, с. 76.
35. Виноградов В.В. Современный русский язык, вып. 1. М., 1938, с. 110-111.
36. Мещанинов И.И. Новое учение о языке. М., 1936.
37. Ср. статью В. Гумбольдта (Uber das Endstehen der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung). Ср. у Потта в кн.: W. v. Humboldt und die Sprachwissenschaft (1876, S. 297).
38. Schuchardt-Brevier H., S. 135.
39. Марр Н.Я. Избранные работы, т. 1. с. 198-190.
40. Старый русский водевиль. 1819-1849 гг. М., 1936, с. 73.
41. Там же, с. 320.
42. Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 1929, с. 93.
43. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1895.
44. Ср.: Покровский М.М. Несколько вопросов из области семасиологии. - "Филологическое обозрение", 1897, т. 12, кн. 1, с. 64.

45. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 128.
46. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. 1-2. Харьков, 1888, с. 6-7 [17].
47. Там же, с. 7 [18].
48. Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle, 1908.
49. Von Humboldt W. Uber die Verschiedenheit..., S. 75.
50. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, с. 21.
51. Там же, с. 104.
52. Uber Subjektlose Satze. - "Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie", Bd. 8.
53. Писарев Д.И. Собр. соч., т. 2. Спб., 1900, с. 277.
54. Sperber H. Uber den Affekt als Ursache der Sprachveranderung (1914). Ср. также: Bachman Arm. Zur psychologischen Theorie des sprachlichen Bedeutungswandels (1935).
55. Вандриес Ж. Язык, с. 146-148.
56. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. Спб., 1871 [Избранные труды по общему языкознанию, т. 1. М., 1963, с. 67].
57. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка, вып. 1. Л., 1925, с. 271 [278].
58. Там же, с. 303 [308].
59. Там же, с. 303 [309].
60. Там же, с. 307 [313].
61. Там же, с. 399.
62. Кульман Н.К. [Рец. на кн.:] Кошутич Р.И. Грамматика русского языка, т. 2. Београд, 1914. - "Изв. Отд. рус. языка и словесности АН", 1915, т. 20, кн. 2, с. 329.
63. Потебня А.А. К истории звуков русского языка, вып. 4. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883, с. 83.
64. Подробнее см.: Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. - В кн.: Труды Юбилейной научн. сессии ЛГУ. Л., 1946 [или в статье "Об основных типах фразеологических единиц в русском языке". - В кн.: А.А. Шахматов. 1864-1920. Под ред. С.П. Обнорского. М., 1947].
65. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики, с. 104.
66. Ries J. Was ist ein Satz? Prag, 1931, S. 114-115.
67. См.: Виноградов В.В. современный русский язык, вып. 1; Галкина-Федорук Е.М. Понятие формы слова. - "Труды ИФЛИ", 1941, т. 9.
68. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Лекции 1899/1900 г., [т. 1, с. 73].
69. Вандриес Ж. Язык, с. 76-92.
70. См. Бернштейн С.И. Основные вопросы синтаксиса в освещении А.А. Шахматова. - "Изв. Отд. рус. языка и словесности АН", 1922, т. 25; Грамматическая система А.А. Шахматова. - "Русский язык в школе", 1940, № 4.
71. Русская речь, вып. 2. Л., 1928, с. 7-8 [Избранные работы. М., 1957, с. 64-65].
72. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. 1-2, [с. 35].
73. Там же, с. 29 [39].
74. Там же, [с. 45].
75. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 29, с. 129.
76. Шахматов А.А. Курс истории русского языка, ч. 3. Учение о формах. Лекции 1910/11 г. Спб., 1911, с. 4-5.

77. Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие; приложение к этой книге "Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений" [см. эту статью в кн.: Избранные работы по языкознанию, т.1. Л., 1958]; его же статья "О частях речи в русском языке" [в кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957].
78. Щерба Л.В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений, тезисы 4, 5 и 7.
79. [Рец. на кн.:] Чернышев В.И. Законы и правила русского произношения. - "Изв. Отд. рус. языка и словесности АН", 1907, т. 12, кн. 2, с. 495 [т. 2, с. 143].
80. Крушевский Н. Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 116 и 123.
81. Бодуэн де Куртенэ И. Глоттологические (лингвистические) заметки, вып. 1. Воронеж, 1877, с. 31.
82. Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 3. Казань, 1910, с. 16.
83. Крушевский Н. Очерк науки о языке, с. 112-114.
84. Ср.: Жирмунский В.М. Развитие строя немецкого языка. - "Изв. АН СССР". Отд. обществ. наук, 1935, № 4 (отдельно: Л., 1935); его же: От флективного строя к аналитическому. - В кн.: Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. М. - Л., 1935.
85. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. 1-2, с. 64 (71).
86. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь, т. 5. Спб., 1897. Ср.: Щерба Л.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ. Некролог. - "Изв. Отд. рус. языка и словесности АН", 1930, т. 3, кн. 1, с. 325-326.
87. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке, с. 26 [т. 1, с. 74].
88. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. - В кн.: "Русская речь", вып. 2, с. 18 [Избр. работы по русскому языку, с. 74].
89. Там же.
90. Вандриес Ж. Язык, с. 114.
91. Там же, с. 116.
92. Там же.
93. Там же, с. 130.
94. Петерсон М.Н. Русский язык. М., 1935; его же: Современный русский язык. М., 1929.
95. Зиндер Л.В., Строева-Сокольская Т.В. Современный немецкий язык. Л.- М., 1941, с. 65.
96. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. N.Y., 1924, p. 62 [Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958].
97. Белич А. [Рец. на кн.:] Виноградов В.В. Современный русский язык, вып. 1-2. Л., 1938. - "Гужнословенски филолог", Београд, 1938-1939, кн. 17, с. 259. Ср. также статьи Куриловича (Derivation lexicale et derivation syntaxique. Contribution a la theorie des parties de discours. - "Bulletin de la societe de linguistique de Paris", 1936, t. 37) [см. в его кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 57-70], М.В. Сергиевского (Современные грамматические теории в Западной Европе и античная грамматика. Вопросы грамматики. - "Уч. зап. 1 МГПИИЯ", 1940, т. 2).

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

С. Д. Кацнельсон

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

(Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. - Л., 1986. - С. 145-152.)

1. Несмотря на значительные успехи семантики, относительно поздно обособившейся в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины, многие языковеды все еще относятся к ней с явным или скрытым недоверием. В своих крайних проявлениях это недоверие выливается в антиментализм, абсолютный отказ от семантики. Но неприятие семантики может принимать и другие, более осторожные формы. Имеется немало лингвистов, считающих, что семантика должна ограничиваться узким кругом

вопросов и не касаться мышления, входящего в компетенцию логики, психологии и других специальных наук. Задача лингвистики сводится с такой точки зрения к рассмотрению значений отдельных единиц языкового строя. При этом молчаливо принимается, что между языковой формой и ее содержанием существуют взаимнооднозначные отношения, что каждой единице плана выражения всегда соответствует одна, и только одна, единица плана содержания. Принцип изоморфизма приводит к изолированному рассмотрению семантики отдельных форм, а во многих случаях и к произвольному конструированию «значений», поскольку принимается, что за каждой вариацией формы непременно скрывается особое значение. Синонимия и полисемия грамматических форм, как и случаи опосредованной связи формы с содержанием, при таком подходе не принимаются во внимание, вследствие чего теория языка наводняется квазисемантическими сущностями, а реальное содержание форм ускользает от внимания исследователя.

Отход от принципа изоморфизма требует тщательного изучения сложных взаимоотношений между формой и содержанием и признания относительной автономности планов выражения и содержания. Поскольку формы и их значения не связаны между собой прямолинейными и однозначными связями, исследователь вправе временно отвлечься от формы и целиком сосредоточиться на содержательных функциях как таковых. Он может заняться анализом и сопоставлением значений, выявлением их разнотипных внутренних связей. Это, конечно, не значит, что с отказом от принципа изоморфизма семантика замыкается в мире абстрактных сущностей и пренебрегает звуковой формой. Движение анализа от звучания к значению отнюдь не отменяется, оно принимает лишь более сложные формы. К анализу привлекаются теперь не изолированные формы, а множество родственных в семантическом отношении форм. Установив скрытые в формах значения, исследователь стремится теперь сгруппировать их и выявить семантико-грамматические поля, в которые они входят. С достижением этой цели должно начаться движение в обратном направлении, от значения к звучанию. Сложные взаимодействия грамматических форм с единицами плана содержания и общие закономерности распределения элементов поля по формам могут быть вскрыты лишь в результате сопоставления структуры определенного семантико-грамматического поля со всей совокупностью тяготеющих к данному полю единиц плана выражения.

2. По вопросу о границах семантики и ее отношении к основным разделам языкового строя, словарю и грамматике, в современной науке существуют две точки зрения: собственно лингвистическая и семиотическая. Согласно первой из них семантика охватывает как лексику, так и грамматику, что дает основание различать лексическую и грамматическую семантику. Вторая точка зрения, проникшая в языкознание из семиотики и математической логики, отвергает грамматическую семантику. В семиотике семантика понимается как учение о семантической интерпретации знаков, а синтаксис - как область чисто операциональных, лишенных содержания структур, определяющих сочетания знаков. Так как синтаксические структуры состоят из знаков, а знаки допускают семантическую интерпретацию, то вторичным образом, через входящие в их состав знаки, такие структуры могут получить семантическую интерпретацию. Но сами по себе они выступают как бессодержательные абстрактные схемы.

В лингвистике семиотическая точка зрения получила широкий резонанс благодаря порождающей грамматике Н. Хомского и его единомышленников. В порождающей грамматике синтаксис также понимается как неинтерпретированная область объектов. В своей основе такие структуры пусты. Лишь в ходе специфически понимаемого «процесса порождения предложения» синтаксические структуры получают двоякую интерпретацию: на «глубинном» уровне заключенные в синтаксической структуре слова и морфемы наполняются смысловым содержанием и соответственно на «поверхностном» уровне элементы синтаксической структуры получают конкретные звучания, что делает возможным проговаривание всей структуры в целом. Семиотический подход мотивируется в порождающей грамматике задачами формализации теории языка. Актуальность попыток математизации и формализации в языкознании несомненна. Но основным требованием, предъявляемым ко всякой теории, в том числе и формализованной, является ее адекватность. Как показало развитие самой генеративной грамматики, как и вышедшей из ее недр «генеративной семантики», гипотеза об асемантической синтаксиса не поддерживается реальными фактами.

3. Тезис о единой семантике, охватывающей как лексику, так и грамматический строй, давно уже сформулирован некоторыми выдающимися лингвистами (например, Х. Шухардтом). Этот тезис нуждается, однако, в раскрытии, так как единство лексической и грамматической семантики не исключает различий между ними. Интуитивно мы все сознаем, что значения грамматических форм существенно отличаются по типу от значений основной массы слов. Но четко сформулировать, в чем заключается это различие, мы затрудняемся. Дело в том, что граница между грамматическими и лексическими значениями проходит через лексику и значение не всякого слова может быть признано собственно лексическим. Принцип неизоморфизма формы и содержания, о котором говорилось выше, сохраняет свою силу и для данного случая. Грамматика уже давно делит слова на категорематические (полнозначные) и синкатегорематические (неполнозначные), и по меньшей мере многие неполнозначные слова часто отождествляются с грамматическими элементами. Но если форма выражения не может служить критерием «грамматичности» или «лексичности» ее значения, то каковы же семантические категории, позволяющие отличить значение одного рода от другого?

Такие лексические единицы, как предлоги и союзы, как словечки *сам, вдруг, ранее, потом, нечаянно, нарочно* и т. п., могут, по-видимому, рассматриваться как служебные, т. е. грамматические по своему значению. Глагол *являться* в связочной функции внешне ничем не отличается от того же глагола в значении «прийти, прибыть», но функционально эти значения различны. Ссылка на форму в таких случаях не убеждает. Требуются более надежные критерии для определения реального соотношения значений.

Иногда в качестве такого критерия выдвигается факт совпадения значения какого-либо слова со значением грамматической формы в том же или другом языке. На таком основании можно было бы, например, считать глаголы *начинать, продолжать* и *кончать* грамматическими по значению, поскольку встречаются языки с равнозначными грамматическими формами. Такое определение служебности несомненно заслуживает внимание как отход от односторонней точки зрения, будто грамматическая функция всецело зависит от способа ее выражения. Все же, хотя и в несколько завуалированной форме, и здесь удерживается взгляд, согласно которому наличие синтетической (т. е. флективной или агглютинативной) морфологии является высшим критерием грамматичности.

Признание относительной автономности плана содержательных единиц должно быть найдено не за пределами этого плана, а в нем самом. Для объективного разграничения лексических и грамматических функций нужны критерии функционального порядка. Некоторые шаги в этом направлении предпринимались и раньше. Так, например, в качестве основания для отграничения значений одного рода от других выдвигалась степень их абстрактности. Грамматическим значениям приписывалась при этом более высокая степень абстрактности по сравнению с собственно лексическими. Но вряд ли возможно привести сколько-нибудь разумные доводы в пользу приведенного мнения. Чем, скажем, можно доказать, что слова *материя, право, растение, человек* или *сравнивать, относиться, соответствовать* и т. п. конкретнее по значению, чем формы множественного числа или орудийности? Более адекватной представляется другая точка зрения, согласно которой к полнозначным следует причислить слова, принадлежащие к основным частям речи (в отличие от так называемых частиц) и способные в силу этого выступать как члены предложения. Но и такая точка зрения нуждается в обосновании, так как семантические основания частей речи и членов предложения все еще не выявлены в достаточной мере.

4. К определению специфики грамматических значений и их отличия от значений знаменательных слов лучше всего подойти со стороны предложения. Многие теоретические концепции в языкознании исходят при анализе языка из имени. Анализ языка как знаковой системы, по-видимому, действительно целесообразно начинать с анализа имени, как это делали, например, А. А. Потебня и Ф. де Соссюр. Но язык — это не только система знаков, служащая целям выражения мысли, это вместе с тем и специфическая система знаков, которая служит целям формирования мысли. Для того чтобы понять отношение языка к действительности и к отображению действительности в мышлении, одного анализа имени явно недостаточно хотя бы уже потому, что имена не исчерпывают собой всей лексики языка и что кроме лексики в языке имеется еще грамматика.

Связи слов с внеязыковой действительностью осуществляются не прямо, а через посредство речи. Сами по себе, вне речи, слова не отображают целостных явлений и событий действительности, они являются лишь необходимыми предпосылками их отображения в речи. Язык анатомирует объективные факты, расчленяет их на части, искусственно обособляя то, что в реальном мире дано в живой и неразрывной связи. В реальности не существует предметов отдельно от их свойств и происходящих с ними процессов. Все обособленные в формах языка предметы, количественные и качественные признаки, процессы, состояния и действия в самой реальности даны лишь как моменты целостных событий и явлений.

Чтобы от языка с его односторонними образованиями приблизиться к живой реальности, необходима речь, минимальными единицами которой являются предложения. Комбинируя слова и выстраивая их в предложения, речь стремится воссоздать целостный образ событий и положений дел, утраченный в языке. Иначе говоря, слова, являющиеся основными знаковыми единицами языка, принципиально частичны. Предложения как минимальные единицы речи представляют собой относительно целостные отображения событий. Как речевые единицы, непосредственно соотносящиеся с фактами действительности, предложения обладают так называемой «истинностной значимостью». В плане соотношения языка с действительностью мы должны, таким образом, признать примат предложения над словом, хотя в операциональном плане наличие инвентаря словесных знаков является предварительным условием образования речи.

Все полнозначные слова и грамматические элементы заранее ориентированы своими значениями на предложение. Вне предложения это лишь потенциальные единицы, с помощью которых строятся предложения. Значения полнозначных слов существенно отличаются при этом от значений грамматических элементов. Полнозначные слова необходимо предполагают референциальную связь с фрагментами действительности. Средствами именованья или словесного указания они вычленяют отдельные реальные или воображаемые предметы и свойства, которые даже в случае их фиктивности проецируются сознанием вовне, создавая тем самым так называемую «действительность воображаемую». Грамматические элементы лишены этой способности. Их назначение в речи иное: они выполняют функцию преобразования и соединения полнозначных слов в предложения. Полнозначные слова, которые (если отвлечься от стоящей особняком терминологии специальных наук о мышлении) всегда содержат в себе какие-то элементы эмпирического знания, наделены сверх того той или иной грамматической отметкой, определяющей их принадлежность к определенному классу полнозначных слов. Эта грамматическая отметка хотя и предопределяет возможности функционирования данного слова в предложении, но только в минимальной степени. Для того чтобы в полной мере эксплицировать проявляющиеся в предложении многообразные отношения и связи, необходимы еще дополнительные элементы, в сумме образующие грамматический строй языка.

5. Основные типы содержательных грамматических функций могут быть определены путем реконструкции процессов речевой деятельности, как их определял еще Л. В. Щерба. Процесс порождения предложения в таком понимании является реальным процессом, как он протекает в голове говорящего. Этим он отличается от порождающего процесса в генеративной грамматике, призванного пояснить не процесс формирования речи, а деятельность языковых механизмов, не выходящую за пределы «языка» (*langue*).

Не вдаваясь в детали процесса речеобразования, как он представляется в свете современных лингвистических и психологических данных, заметим лишь, что базовую роль в нем играют элементарные мыслительные категории, с помощью которых образуется мыслительное содержание предложения, т. е. пропозиция. К числу категорий этого рода относятся прежде всего категории, характеризующиеся отношениями между предикатом и его аргументами. Сюда относятся, далее, категории, характеризующие отношения между атрибутами (качественным, количественными и иными) и характеризуемым ими объектом, а также категории, эксплицирующие пространственно-временные условия протекания события, как и модальную оценку пропозиции в плане ее отношения к реальности. К мыслительным относятся также категории, уточняющие типы отношений между целостными пропозициями в развернутом сообщении.

Кроме мыслительных категорий в формировании текста принимают участие еще и содержательные категории других типов.

К последним относятся прежде всего ситуативные категории, способствующие выявлению непосредственных участников акта речевого общения, как и объектов, находящихся в поле восприятия участников акта речевого общения. Ситуативные категории лежат в основе особого грамматического класса дейктических слов, лишь весьма приблизительно совпадающего с традиционными местоимениями. Если назывные слова выделяют объекты в опоре на эмпирические признаки, то дейктические слова используют для этой цели словесное указание, характеризуя объекты по их роли в процессе общения либо по их отношению к наглядно-чувственной ситуации, в которой осуществляется общение.

Особый тип содержательных категорий призван обслуживать единство текста и информативность его компонентов. К категориям этого типа относятся известные из работ по так называемому «актуальному членению предложения» категории темы и ремы, а также еще категории субъекта и прямого объекта, прямо или косвенно связанные с категорией темы. Вместе с дейктическими категориями они входят в обширный разряд содержательных категорий, которые можно назвать коммуникативными. В число коммуникативных категорий можно также включить трансляционные, или транспозиционные, категории, служащие целям перевода полнозначных слов из одного грамматического класса в другой.

В заключение следует еще выделить особый класс прагматических категорий, выражающих стремление говорящего не только о чем-то информировать слушателя, но и дополнительно воздействовать на его поведение, побудить его к действию или повлиять на его душевное состояние и т. д. К грамматическим элементам, сигнализирующим такие намерения, относятся императивные формы, в определенных их значениях, междометия и другие эмотивные средства речи.

6. Мыслительные категории составляют основу грамматического строя, поскольку с их помощью достигается осмысление чувственных данных и преобразование их в пропозиции. В арсенале универсальных грамматических функций, обязательных для всякого языка, они в отличие от других типов грамматических функций представлены в виде сетки иерархически организованных категорий. В силу иерархической структуры данной функциональной области все мыслительные категории оказываются прямо или косвенно (через посредство других категорий) связанными между собой и в конечном счете восходят к общей для них всех категории событийности. Каждая мыслительная категория представлена в строе языка двояко: в виде категориальной характеристики лексического значения, определяющей принадлежность данного значения к определенному грамматическому классу, и в виде особых синтаксических функций, уточняющих грамматическую функцию полнозначного слова в предложении.

Связь данных мыслительных категорий с категориями высшего порядка в иерархической системе мыслительных категорий мы будем называть синхронно-деривационными связями. Исследование синхронно-деривационных связей является одной из важнейших задач грамматической теории. Особенно важно в этом плане исследование категориальной природы предикативных слов и выяснение синхронно-деривационных связей между отдельными типами предикатов. Дело в том, что синтаксические структуры заданы в языке не для каждого предложения в отдельности, как полагает генеративная грамматика, а, как полагал еще Ф. де Соссюр, в виде абстрактных моделей, используемых для построения целых классов предложений. Модели этого рода даны в языке не оторванно от слов, а в словах особого типа, именно в предикатах. Каждое предикативное значение включает в себе схему развертывания предложения; объединяя предикативные слова в определенные типы, мы тем самым выделяем общие структурные модели построения предложений. Примерами такого предикативного типа могут служить предикаты, выражающие переход предмета отчуждаемой принадлежности от одного обладателя предмета к другому. В зависимости от некоторых дополнительных моментов и прежде всего от степени активности лиц, участвующих в событиях данного типа, относящиеся сюда предикаты подразделяются на предикаты отчуждения (давания) и присвоения (взятия). Лежащая в основе таких предикатов модель построения предполагает, таким образом, три аргумента, из которых один обозначает отчуждающее лицо, второй - присваивающее лицо, а третий - предмет, переходящий от одного обладателя к другому. При этом в роли субъекта предложения

выступает обычно либо отчуждающее лицо (так, при предикатах давания), либо присваивающее лицо (так, при предикатах получения). Систематическое описание типов предикатов и выявление синхронно-деривационных связей между ними позволило бы, как можно надеяться, получить полный реестр основных синтаксических моделей, определяющих мыслительную основу предложений.

Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация.

Воркачев С. Г.

Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 25. М., 2003. С. 6–15.

Все познается в сравнении – этот тип «логической рефлексии» (И. Кант), посредством которой на основе некоторого признака устанавливается тождество или различие объектов путем их попарного сопоставления, наряду с дедукцией, индукцией и аналогией является универсальным исследовательским инструментом, выросшим, как и весь категориальный аппарат логики (Зиновьев 2003: 31) из естественного языка. Не составляет исключения в этом отношении и лингвистика: по легенде, после неудачи Вавилонского столпотворения изучение иностранных («чужих») языков явно или неявно осуществляется на основе их сопоставления с родным.

В синхронической лингвистике момент сходства сравниваемых объектов доминирует в сравнительно-типологических и сравнительно-характерологических, описательных исследованиях, направленных на выявление наиболее важных особенностей языковой деятельности (Потье 1989: 187; Матезиус 1989: 18), а момент различия – в сравнительно-сопоставительных («контрастивных» – Косериу 1089: 69; «конфронтативных» – Хельбиг 1989: 308–313), направленных на выявление наиболее существенных расхождений в языковых структурах в целом и на отдельных языковых уровнях (Нерознак 1987: 21). Практика контрастивного анализа языковых явлений существовала «от века», однако сопоставительная лингвистика как теоретическая дисциплина сформировалась где-то к середине прошлого столетия (Гак 1989: 5–6).

Любое сопоставительное исследование результативно лишь при условии соблюдения необходимых логических требований сравниваемости объектов (Кондаков 1975: 568), которые должны быть прежде всего однородными – принадлежать к одному естественному либо логическому классу, а признак, по которому они сравниваются (основание сравнения), должен быть существенным и относиться к числу свойств, формирующих качественную определенность этих предметов. Установление на множестве объектов отношения сравнения имеет смысл лишь в том случае, если между ними «есть хоть какое-нибудь сходство» (Юм 1965: 103), и разбивает это множество на классы абстракции (эквивалентности), в границах которых (в «интервале абстракции») два любых объекта тождественны друг другу в отношении, по которому они сравниваются. Тем самым класс абстракции отождествляется со свойством, общим всем предметам этого класса, которое, в свою очередь, отождествляется с любым конкретным предметом-носителем этого свойства (Новоселов 1967: 365).

Свойство, по которому сопоставляются объекты, образует основание сравнения. Если за основание сравнения принять, например, цвет, то сравнимыми будут все предметы, доступные непосредственному визуальному наблюдению, а несравнимыми – предметы ненаблюдаемые либо в силу своей идеальной природы («зеленые идеи»), либо размера (элементарные частицы). Дальнейшее сопоставление происходит за счет умножения признаков и, соответственно, разбиения множества на классы абстракции: все наблюдаемые объекты либо как-то окрашены, либо нет (прозрачны, зеркала); все цветные объекты либо хроматичны, либо ахроматичны (черные, белые, серые); хроматичные объекты либо относятся к «теплому» краю солнечного спектра (красные, желтые, оранжевые – xanthic), либо к «холодному» (синие, зеленые, фиолетовые – cyanic). Тем самым при сопоставлении уже формируется набор

семантических признаков, совокупность которых образует *tertium comparationis* – «третий термин сравнения», он же – «эталон сравнения», обеспечивающий возможность сопоставительного изучения объектов по всей полноте свойств, образующих их качественную определенность. Признаки, составляющие эталон сравнения, упорядочиваются иерархически и количественно, на них выстраиваются отношения логической выводимости и транзитивности (градуативности), а вся их совокупность приобретает черты семантической теории, которая при определенной степени эксплицитности и формализованности может считаться семантической моделью или прототипом.

В лингвистических исследованиях сложились три основных метода формирования эталона сравнения (Гак 1989: 16): за эталон может приниматься набор свойств одного из сопоставляемых языков – «однонаправленное сравнение» (Косериу 1989: 70), эталон может состоять из общих свойств всех сопоставляемых языков и, наконец, он может выступать как «метаязык» (Хельбиг 1989: 311) – совокупность универсальных либо гипотетических теоретически устанавливаемых инвариантных признаков, по которым сопоставляются сравниваемые языки или языковые явления (Косериу 1989: 70).

Вычленение эталона сравнения из признаков одного из сопоставляемых языковых явлений вполне уместно и результативно при исследовании немногочленных, жестких и закрытых семантических систем – преимущественно грамматических категорий, откуда, собственно, и «пошла быть» контрастивная лингвистика (Косериу 1989: 71), при этом в том случае, когда какое-либо явление языка А не имеет формальных аналогов в языке В, для языка В это явление выступает в качестве «отрицательного языкового факта». В области контрастивной грамматики наиболее вероятными претендентами на роль эталона при сопоставлении языковых явлений выступают физические и логические категории: время, пространство, отношение, количество, способ, качество и пр.

Необходимость использования эталона, отличного от семантики одного из сопоставляемых языков, возникает уже при сравнительном описании «понятийных» либо функционально-семантических категорий (См.: Штернеманн 1989: 150) и обусловливается непоследовательностью, лакунарностью реализации семантических признаков в многочисленных функциональных подсистемах естественного языка, тем более особенно в области лексической семантики.

Сопоставительный анализ обычно проводится на материале двух либо, в крайнем случае, трех разносистемных (Кашароков 1999; Тлебзу 1999; Хут 1997) языков. Направленность эталона сравнения, как правило, эксплицитно не формулируется, можно предполагать, что интуитивно за эталон принимается родной язык исследователя и особое внимание уделяется отклонениям от его норм при изучении иностранцами (См.: Балли 1955: 390), если же в качестве эталона выступает иностранный язык, то это специально оговаривается (Крушельницкая 1961: 3).

За эталон сравнения в сопоставительных исследованиях таких категориальных смыслов, вербализуемых разноуровневыми средствами и образующих лексико-грамматические поля/функционально-семантические категории, как время, модальность, определенность/неопределенность и пр. (Штернеманн 1989: 150), принимается чаще всего семантическое поле, в котором отражается структура понятийной категории, общей для всех уровневых полей в сопоставляемых языках (см.: Дорофеева 2002).

Для сопоставительного описания вербализации лексико-грамматических единиц, не имеющих аналогов ни в логике, ни в грамматике, например, систем неопределенных местоимений в русском и испанском языках, передающих безразличие к выбору представителя из класса (Воркачев 1996), отличающихся многозначностью и чрезвычайной сложностью внутрисистемных семантических и функциональных связей, используется эталон-конструкт, составленный из двух пар кванторно-референциальных признаков: квантора общности/квантора существования и фиксированности/нефиксированности, при помощи которых с достаточной полнотой описываются предметные значения этих местоимений. Четыре двупризнаковых значения единиц словаря языка-эталона («общность + фиксированность», «общность + нефиксированность», «существование + фиксированность» и «существование + нефиксированность») частично реализуются в речевом употреблении русских местоимений «всякий», «любой», «каждый», «нибудь -» и «то-кое-» местоимений и местоимений испанского языка *uno, algo, alguien, alguno, todo, cada, cualquiera*. Сопоставление систем

кванторных местоимений русского и испанского языков через соотнесение их семантики со значениями языка-эталоны позволяет выяснить, что русские неопределенные местоимения лексически богаче испанских и, несмотря на многозначность и взаимозаменяемость большинства своих семантических подразрядов, способны к регулярной и специализированной передаче каждого из четырех теоретически возможных кванторно-референциальных значений.

Особые сложности сопряжены с созданием эталона сравнения при сопоставлении лексико-грамматических полей, в основании которых лежат категории-«семантические примитивы», к числу которых относится, например, 'желание', вербализуемое во многих языках через парные синонимы – «ядерные предикаты желания»: «хотеть–желать», to want – to wish, wollen –wünschen, querer – desear и пр. В силу семантической неразложимости понятийной основы и невозможности её непосредственного описания эталон сравнения при сопоставлении этих единиц приходится формировать по «свечению ауры»: их сочетаемостным, прагматилистическим и функциональным свойствам (Воркачев 1991; Жук 1994). Применение подобного эталона при сопоставительном «портретировании» ядерных предикатов желания английского и русского, русского и испанского языков по совокупности их языковых, реализующихся в «жестких», лексико-грамматических контекстах, и речевых, реализующихся в «мягких», прагмасемантических контекстах, функций в парах to wish – to want vs «желать» – «хотеть» и «желать» – «хотеть» vs desear – querer позволяет выявить, что эти лексические единицы являются квазисинонимами – синонимами частичными, неполными и асимметричными, объединяемыми семантически неопределимым денотатным признаком 'желание' и различающимися своими формально-структурными, сочетаемостными, дополнительными идеографическими и прагмасемантическими характеристиками.

Сопоставительное исследование лексических систем языков в целом может быть направлено на описание закономерностей употребления лексических единиц с одинаковым значением и создание «грамматики речи» – специфических для каждого языка правил функционально-семантической вербализации определенных смыслов (Гак 1977: 6–7, 10). Однако чаще имеет место сопоставление отдельных участков лексической системы языков: тематических групп и лексико-семантических полей, объединенных общим понятийным или денотатным признаком – «цвет», «запах», «атмосферные осадки» и пр., который, очевидно, и принимается за основание сравнения (см.: Решетникова 2001; Сунь Хуэйцзе 2001; Кузнецова 2002) при выявлении случаев диасемии как частичного совпадения семантики соэквивалентных лексических единиц в сопоставляемых языках.

Контрастивное описание лексических единиц, отмеченных этнокультурной спецификой, по существу принадлежит уже сопоставительной лингвоконцептологии, поскольку имеет дело с культурными, вернее, лингвокультурными концептами как некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса. Размежевание терминов «культурный» и «лингвокультурный концепт» представляется довольно существенным в силу того, что «культурный концепт» по определению относится к культурологии и не предполагает обязательной вербализации, а может находить знаковое воплощение в любых семиотических формах: поведенческих, предметных и других, в то время как «лингвокультурный концепт», опять же по определению, непременно так или иначе связан с языковыми средствами реализации. Тем самым «культурный» и «лингвокультурный» концепты, вполне совпадая по своей предметной области, заметно отличаются по материи своего овеществления и, соответственно, по своим исследовательским свойствам.

Лингвокультурный концепт как «сгусток» этнокультурно отмеченного смысла обязательно имеет свое имя, которое, как правило, совпадает с доминантой определенного синонимического ряда либо с ядром определенного лексико-семантического поля, и поэтому одним из аспектов сопоставительного изучения этих лингвоментальных сущностей будет выделение в эталоне сравнения уровня системно-языковых признаков.

Если отличительные признаки лингвокультурных концептов ограничиваются идеальностью как отнесенностью к области сознания, этнокультурной отмеченностью и вербализованностью, то в их число попадают весьма разнородные по своему семантическому составу единицы, требующие при межъязыковом сопоставлении различных исследовательских подходов. Под определение лингвокультурного концепта

попадают имена конкретных предметов (например, «матрешка» – Карасик 2002: 145) и имена реалий при условии их включенности в ассоциативное поле определенной культуры, имена прагматических лакун в межъязыковом сопоставлении («береза», «черемуха», «рябина», «калина», «журавль», mistletoe, holly, thistle и пр.), имеющие созквивалентное предметное значение. К их числу относятся, естественно, имена национально-специфических понятий («удаль», «воля», privacy, efficiency, esprit, honor, saudade, ordnung и пр.), находящие при межъязыковом сопоставлении лишь частичное соответствие, и, конечно, имена абеляровских духовных ценностей – мировоззренческих универсалий («красота», «свобода», «вера», «любовь», «истина», «справедливость», «судьба» и пр.), лингвокультурная специфика которых в достаточной мере трудноуловима, поскольку в них закодированы определенные способы концептуализации мира (Вежбицкая 1999: 434).

Проведение сопоставительных межъязыковых сопоставлений и, соответственно, составление признакового эталона сравнения вряд ли имеют смысл для имен безэквивалентных смыслов и «криптоконцептов», не имеющих в языке кодифицированного лексического воплощения, поскольку результативно можно сравнивать лишь в достаточной мере сходные предметы. Тем самым, сопоставительные исследования, сопряженные с созданием эталонных моделей, уместны и продуктивны лишь для концептов-уникалий и концептов-универсалий, имеющих частичную межъязыковую созквивалентность.

Лингвокультурный концепт – качественно разнородное, вариативное и многослойное структурированное семантическое образование (Карасик 2002: 137), при исследовании которого применим компонентный анализ как наиболее эффективная в сопоставительной семантике микролингвистическая методика (Гак 1989: 13). Компоненты (семантические признаки), формирующие эталон сравнения при межъязыковом сопоставлении лингвокультурных концептов, отличаются прежде всего по своей ориентации на содержательную либо выразительную, «телесную» сторону их имен, отправляющих как к определенному набору смыслов, так и к определенной системе выразительных средств языка. В свою очередь содержательная сторона раскрывается как направленность на логическую, дискурсивную («понятийную») составляющую познающего разума, либо на его эмоционально-волевую (образную и ценностную) составляющие. Эталонные признаки концепта иерархически и вероятностно организованы, они могут быть структурированы по уровням («слоям»), по параметрам дефиниционной обязательности/факультативности и количественным (частотным) характеристикам (Попова-Стернин 2001: 60–62). С другой стороны, «ипостасные» свойства лингвокультурных концептов зависят от их «области бытования» – сферы общественного сознания или дискурсного употребления, в которых они модифицируются: утрачивают одни семантические компоненты и приобретают другие.

Классификация и систематизация эталонных признаков лингвокультурных концептов по существу означают их сопоставительное моделирование: создание семантического прототипа сравнения (см.: Бабаева 1997: 9; Панченко 1999: 5; Палашевская 2001: 15). Однако следует заметить, что в сопоставительных исследованиях, посвященных описанию конкретных семантических единиц, этот прототип, как правило, эксплицитно не формулируется и используется интуитивно – «по умолчанию», а только перечисляются и классифицируются признаки сравнения, выбор которых зависит от вида исследуемых единиц.

Наиболее простыми в межъязыковом сопоставлении оказываются имена концептов-предметов, в семантике которых выделяются референциальная и прагматическая части, из которых первая созквивалентна для обоих языков, а вторая выступает носителем этнокультурной специфики и, соответственно, отличается от языка к языку.

Концепты-уникалии типа русских «воля», «удаль», «тоска» при всей специфичности своей семантики содержат, тем не менее, некий дефиниционный минимум, который позволяет соотносить их с частичными иноязыковыми эквивалентами, по которым посемно распределяется их этнокультурная специфика, – «транслировать в инокультуру» (см., например: Димитрова 2001: 7–15).

Наиболее сложный объект для сопоставительного семантического описания представляют концепты высшего уровня – мировоззренческие универсалии («свобода», «справедливость», «судьба»,

«счастье», «любовь» и пр.), функционирующие в различных типах дискурса и в различных сферах общественного сознания, что определяет необходимость предварительного создания исследовательского «прототипа прототипов» – внутриязыкового междискурсного эталона сравнения: наиболее признаково полной и наименее этнокультурно маркированной модели, которая чаще всего совпадает с прототипом концепта, полученного в результате анализа научного дискурса и научного сознания.

Семантический прототип, полученный на основе научного дискурса, в котором функционирует исследуемый концепт, дополняется признаками из других дискурсных областей (сфер сознания). В его составе выделяется базовая, неизменная при всех междискурсных мутациях часть, содержащая дефиниционные (дистинктивные) семы, образующие реляционный каркас, обеспечивающий качественную определенность концепта – возможность его отделения от смежных и родственных семантических образований.

Лингвокультурный концепт в аспекте сопоставительного изучения – сложное ментальное образование, зачастую полученное «погружением в культурную среду» «семантических примитивов» – операторов неклассических логик: 'безразличия', принимающего форму равнодушия, социальной апатии, правового и морального нигилизма (см.: Воркачев 1997), и 'желания', сублимированного в концепт любви (см.: Воркачев 1995: 57).

Относительно немногочисленные концепты-универсалии индивидуализированы – отличаются друг от друга «лица необщим выраженьем», но при этом, тем не менее, в их семантическом составе выделяются однородные составляющие, основными из которых являются: 1) понятийная, рационально-дискурсивная, включающая признаки, необходимые для родо-видовой идентификации концепта и сохранения его целостности при «междискурсных метаморфозах»; 2) метафорически-образная, эмоционально-чувственная, куда входят модели семантического переноса, «воплощающие» абстрактные сущности; 3) «значимостная», системно-языковая, объединяющая признаки, связанные с формой существования «знакового тела» концепта и способами его вербализации в определенном естественном языке; 4) гносеологически и аксиологически оценочная, включающая признаки, связанные с ценностными характеристиками концепта (о ценностном компоненте концепта см.: Карасик 2002: 129). Все эти составляющие, естественно, выделяются и в семантическом прототипе, формируемом для межъязыкового сопоставительного описания лингвокультурных концептов высшего уровня.

Особенностью концептов-мировоззренческих универсалий, которая должна учитываться при создании признакового эталона сравнения, является способность к смене имени при переходе из одной дискурсной области в другую – их потенциальная разноименность: «счастье» – «блаженство», «справедливость» – «правда», «свобода» – «воля», «любовь» – «милость» и пр.

В области понятийной составляющей при межъязыковом сопоставлении концепты-универсалии отличаются не только простым набором сем, но и способом их организации: тем, как эти семы взаимодействуют, образуя концептуальные блоки, «пробегаая» по которым концепт приобретает свою этнокультурную определенность (Воркачев 2002: 58), которая зависит во многом от частоты, с которой реализуется определенный концептуальный блок в определенной сфере национального сознания (Воркачев-Воркачева 2002: 146).

Наблюдения над использованием эталона сравнения в сопоставительной семантике прежде всего показывают, что он является обязательным, хотя по большей части и имплицитным, атрибутом сопоставительного описания, принципы формирования которого определяются как интересами исследователя, так и свойствами самого объекта исследования. При достижении определенного количественного и качественного предела и с возникновением необходимости внутреннего структурирования совокупность признаков, положенных в основание сравнения, приобретает вид семантического прототипа или модели.

Как и в любых сопоставительных лингвистических исследованиях, в сопоставительной семантике используются три типа эталона сравнения, выбор которых определяется свойствами сопоставляемых единиц – степенью сложности и разнородности их семантического состава: 1) за эталон

принимаются свойства, абстрагируемые от свойств единиц одного из сопоставляемых языков; 2) эталон представляет собой конструкт, образованный из искусственных семантических признаков; 3) эталон формируется из признаков, общих для всех сопоставляемых единиц.

При сопоставительном исследовании концептов-универсалий используется эталон сравнения третьего типа, представляющий собой семантический прототип (модель) и формируемый в два шага: сначала составляется междискурсивный прототип для единиц каждого из сопоставляемых языков – «прототип прототипов», и только затем формируется семантическая модель-эталон межъязыкового сравнения.

Литература

Бабаева Е. В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): АКД. Волгоград, 1997.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Воркачев С. Г. Хотеть–желать vs querer– desear: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов // Русский язык за рубежом. 1991. № 3. С. 75–82.

Воркачев С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // НДВШ ФН. 1995. № 3. С. 56–66.

Воркачев С. Г. Речевые значения кванторных местоимений русского и испанского языков: контрастивный анализ // Филология. Краснодар, 1996. № 10. С. 37–40.

Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. С. 115–124.

Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.

Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Концепт счастья в русской и английской паремиологии // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. СПб., 2002. С. 145–148.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М., 1977.

Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // НЗЛ. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5–17.

Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: АКД. Волгоград, 2001.

Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): АКД. Волгоград, 2002.

Жук Е. А. Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): АКД. Краснодар, 1994.

Зиновьев А. А. Комплексная логика // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 29–37.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Кашароков Б. Т. Сопоставительно-типологический анализ фразеологизмов русского, немецкого и кабардино-черкесского языков: АКД. Краснодар, 1999.

Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975.

Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // НЗЛ. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 63–81.

Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.

Кузнецова О. И. Семантическая относительность лексических единиц тематической группы «атмосферные осадки» в английском и русском языках (сопоставительный анализ): АКД. Краснодар, 2002.

Матезиус В. О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) // НЗЛ. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 18–26.

Нерознак В. П. О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический–характерологический–контрастивный) // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987. С. 5–26.

Новоселов М. М. Принцип абстракции // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 4. М., 1967. С. 365–366.

Палашевская И. В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: АКД. Волгоград, 2001.

Панченко Н. Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): АКД. Волгоград, 1999.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Потье Б. Типология // НЗЛ. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 187–204.

Решетникова Е. А. Национально-культурный компонент семантики цветообозначений в русском и английском языках (в диахронии): АКД. Саратов, 2001.

Сунь Хуэйцзе. Принципы номинативного структурирования семантического поля (на примере средств обозначения запаха в русском и китайском языках): АКД. Волгоград, 2001.

Тлебзу М. Д. Сопоставительная типология грамматических категорий имени прилагательного и языковые средства их выражения в современном русском, адыгейском и французском языках: АКД. Краснодар, 1999.

Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков // НЗЛ. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 307–326.

Хут С. Н. Субъективная реализация модальности в разносистемных языках (на материале русского, французского и адыгейского языков). Краснодар, 1997.

Штернеманн Р. Введение в контрастивную лингвистику // НЗЛ. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 144–178.

Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1965.

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ МЕТОДЕ

А.А. Реформатский

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ МЕТОДЕ

(Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. - М., 1987. - С. 40-52)

В последнее время и педагогическая практика, и лингвистическая печать уделяют много внимания вопросам сопоставительного метода. Это вполне понятно: и насущные потребности обучения русскому языку населения национальных республик Советского Союза, и обостренный интерес к русскому языку в зарубежных странах требуют разработки методики обучения неродному языку на уровне современной науки о языке, а эта потребность, в свою очередь, требует разработки и соответствующей лингвистической теории.

Вот почему, прежде чем говорить о достоинствах и недостатках пособий и статей по сопоставительному методу, необходимо установить некоторые теоретические принципы, после чего можно дать оценку наличной языковедной литературы.

Первое положение при установлении принципов сопоставительного метода — это строгое различие сопоставительного и сравнительного методов.

Сравнительный метод направлен на поиск в языках схожего, для чего следует отсеивать различное. Его цель — реконструкция бывшего через преодоление существующего. Сравнительный метод принципиально историчен и прагматичен. Его основной прием: используя вспомогательную диахронию, установить различного среза синхронии «под звездочкой». Сравнительный метод должен принципиально деиндивидуализировать исследуемые языки в поисках реконструкции протореалии.

Обо всем этом справедливо писал Б. А. Серебренников, объясняя различие сравнительного и сопоставительного методов: «Сравнительная грамматика... имеет особые принципы построения. В них сравнение различных родственных языков производится в целях изучения их истории, в целях реконструкции древнего облика существующих форм и звуков» [1]. Сопоставительный метод, наоборот, базируется только на синхронии, старается установить различное, присущее каждому языку в отдельности, и должен опасаться любого схожего, так как оно толкает на нивелировку индивидуального и провоцирует подмену чужого своим. Только последовательное определение контрастов и различий своего и чужого может и должно быть законной целью сопоставительного исследования языков. «Когда изучение чужого языка еще не достигло степени автоматического, активного овладения им, система родного языка оказывает ... сильное давление... Сравнение (лучше: сопоставление. — А. Р.) фактов одного языка с фактами другого языка необходимо прежде всего для устранения возможностей этого давления системы родного языка» [2]. «Такие грамматики лучше всего называть сопоставительными, а не сравнительными грамматиками» [3].

Историчность сопоставительного метода ограничивается лишь признанием исторической констатации языковой данности (не вообще язык и языки, а именно данный язык и данные языки так, как они исторически даны в их синхронии).

В отличие от сравнительного метода сопоставительный метод принципиально прагматичен, он направлен на определенные прикладные и практические цели, что отнюдь не снимает теоретического аспекта рассмотрения его проблематики.

Второе положение, характеризующее сопоставительный метод, можно определить следующими тезисами:

1. Тезис об идиоматичности языков, т. е. утверждение, что каждый язык индивидуально своеобразен не только в отношении «особенностей» своих деталей, но и в целом и во всех своих элементах, в своем «чертеже», как мог бы сказать Э. Сепир.

2. Тезис о системности в отношении и каждого яруса языковой структуры, и всего языка в целом.

3. Тезис о том, что сопоставление не может опираться на единичные, разрозненные «различия» диспаратных фактов, а должно исходить из системных противопоставлений категорий и рядов своего и чужого.

4. Тезис о том, что опора сопоставления отнюдь не в поисках мнимых тождеств своего и чужого, а наоборот, в определении того разного, что пронизывает сопоставление своего языка и языка чужого.

5. Тезис, определяющий противопоставление своего чужому не вообще, а лишь в двустороннем (бинарном) сопоставлении системы своего языка и данного чужого.

Если первое положение довольно очевидно и не требует большой аргументации, то пять тезисов второго положения как раз именно требуют детальной аргументации.

Тезис об идиоматичности языка и языков с большим стилистическим блеском показал в свое время Ш. Балли в книге «Общая лингвистика и вопросы французского языка» [4], где для выявления

характерных черт французского языка автор пользуется бинарным сопоставлением французского и немецкого языков и приходит не только к частным дифференциальным выводам, но и к некоторым «глобальным» обобщениям, где подчеркивается связь явлений выбора языкового знака и его функционирования повсюду: в лексике, в грамматике, в сегментации речевой цепи, в отборе и распределении фонетических единиц. Тем самым Ш. Балли подошел близко к тому, чтобы загадочное понятие «внутренней формы» В. Гумбольдта как «всепроницающей силы» стало «весомым и зримым».

То, что Ш. Балли в этой книге берет языки французский и немецкий, пожалуй, даже убедительнее, чем, если бы он брал языки неродственные (например, французский и арабский или суахили) — там все то, о чем говорит Балли, слишком очевидно, как говорится, «лежит на поверхности», тем более, что и факторы «внешней лингвистики»: социально-исторические условия и географическое распространение таких сопоставляемых языков — нацело не совпадают. Языки же французский и немецкий — это представители двух давно разошедшихся групп языков той же индоевропейской семьи, это два языка Западной Европы, носителями которых являются народы современной европейской цивилизации. Тем более интересно, как Балли показывает своеобразие каждого из сопоставляемых языков.

Некоторые замечания Балли касаются и другого типа сопоставления — близкородственных языков (французский и итальянский, с. 351), но это у него лишь случайный эпизод. А как раз для сопоставительного метода близкородственные языки представляют особый интерес, так как соблазн отождествления своего и чужого там тоже «лежит на поверхности», но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности. Особенно это относится к таким группам языков, как славянские или тюркские.

Тезис о системности языковых фактов является вторым условием сопоставительного метода.

Если бы язык был свалкой разрозненных фактов — слов, форм, звуков..., то он не мог бы служить людям средством общения. Все многообразие случаев и ситуаций общения, все разнообразие потребности называния вещей и явлений, выражения разнообразных понятий люди могут превращать в общественную ценность только благодаря тому, что язык системно организован и управляется своими внутренними законами и в каждом языке — особыми (следствие того, о чем говорилось в первом тезисе). Эти законы группируют весь инвентарь языка в стройные ряды взаимосоотнесенных явлений, будь то система падежных или глагольных форм, классы частей речи, ряды и пары (биномы) консонантизма и вокализма в фонетике.

Все это в совокупности образует структурную модель языка, распределенную на ряд систем и подсистем, расчлененных и одновременно связанных друг с другом многими отношениями. Вне этих отношений любой факт, будь то слово, форма или звук, — еще не факт языка, как кирпич сам по себе вне своего места в стройке — еще не часть здания, а только строительный материал. Становятся эти элементы фактами языка лишь тогда, когда они подчиняются той или иной действующей в данном языке модели, т. е. когда они становятся членами системы.

Это особенно очевидно, когда данный язык принимает и усваивает что-либо чужезычное из другого языка. Пока это чужезычное не освоено моделями своего языка, оно остается чуждой инкрустацией, варваризмом.

Усвоение чужого именно и состоит в его подчинении своему, и усвоение возможно только через освоение, когда чужезычное слово подчиняется действующим в данном языке законам и отвечает существующим и функционирующим в нем моделям.

Менять эти модели никому не дано: индивид не может отменить существующие парадигмы склонения и спряжения или упразднить имеющиеся ряды согласных и гласных, равно как и «сочинить» новые падежи и новые различительные признаки фонем. Недаром античный философ Секст Эмпирик (II—III в.) сравнивал таких анархистов-изобретателей в языке с... фальшивомонетчиками [5].

Третий тезис является, собственно, следствием второго: если язык — система и все в нем подчинено системе, то при изучении языков нельзя оперировать с единичными изолированными фактами, вырывая их из системы. Факты языка — любого яруса языковой структуры — необходимо брать в тех

категориях, в которых они представлены в данном языке. Тем самым должно проводиться сопоставительное изучение не фактов, а категорий своего и чужого.

Если мы изучаем какой-нибудь падеж, то необходимо брать его в сетке всех падежей данной парадигмы; так, значимость и употребление родительного падежа (генитива) зависит от того, есть ли в данной парадигме отложительный падеж (аблатив) или же он отсутствует, так как наличие аблатива ограничивает охват функций генитива (таково соотношение русского и латинского языков). То же можно сказать об «исходном падеже» некоторых языков; ср., например, киргизское *Үйдүн тоо бийик* и русское *Гора выше дома*.

При изучении согласных нельзя отдельно «изучать» *п*, или *т*, или *к*, а следует рассматривать всю категорию глухих в противоположность звонким, учитывая количество пар по признаку глухости — звонкости, а также и члены этих рядов, остающиеся вне пар. Брать же эти пары и ряды надо как в условиях различия (*кол — гол, икра — игра*), так и в условиях неразличия, или нейтрализации *лук — луг, лук бы — луг бы*). При изучении гласных нельзя изолированно «освоить» чуждые русской фонетике передние лабиализованные гласные *й, ө* (в немецком, французском, венгерском, в тюркских), а нужно брать все ряды и соотношения передних и задних, лабиализованных и нелабиализованных, а в ряде случаев еще и учитывать особые условия (например, условие губного сингармонизма в киргизском). Тем более недопустимо «отрабатывать» русское *ы*, как это рекомендуется во многих пособиях и статьях [6], ведь русское *ы* — это лишь функция твердости предшествующей согласной; ср. *князь Иван* и *без Ивана* (в последнем случае вместо *и* звучит *ы*, так как *з* в *без* твердое). Необходимо освоить категорию твердости—мягкости русских согласных в противопоставлениях твердых и мягких слогов (*ляг — лаг, лег — лог, люк — лук — лык*), а тогда и *ы* (разного, кстати, качества) само «ляжет» куда надо.

Тем самым надо осудить широко применяющуюся у методистов «теорию» располагать «звуки чуждого языка по степени трудности в порядке номеров». Трудны не «звуки», а отношения рядов и категорий фонологической системы чуждого языка, не совпадающие с рядами и категориями фонологической системы своего языка. То, что в одном языке самостоятельные фонемы, в другом — лишь вариации той же единицы, и наоборот. Не совпадают и сильные и слабые позиции, и варьирование «тех же» фонем в слабых позициях, и результаты варьирования в отношении нейтрализации противопоставленных фонем.

Теория «изолированных и нумерованных по степени трудности звуков» опиралась на автоматический и антиструктуральный подход к языку. Принятие тезиса о системности всех ярусов языковой структуры требует отказа от этой «теории» и изыскания новых системных путей.

Четвертый тезис также стоит в противоречии с обычным методическим рецептом, рекомендуемым при овладении чужим языком опираться на навыки родного языка, и, используя «то же», осваивать «не то же».

Уже давно в отношении овладения иноязычным произношением многие лингвисты пришли к обратному положению: для овладения чужим языком надо прежде всего отказаться от своего, преодолеть навыки своего языка и, отталкиваясь от системы своего языка, овладеть чужим языком, так как навыки своего языка — это то сито, через которое в искаженном виде воспринимаются факты чуждого языка. Об этом писали Е. Д. Поливанов, К. Бюлер, С. И. Бернштейн, а особенно остро Л. В. Щерба, рекомендовавший прежде всего при овладении нормами чуждого языка «... путь сознательного отталкивания от родного языка» [7].

Основываясь на личном практическом опыте, об этом же четко пишет З. Оливериус (Чехословакия): «Обучение иностранному языку всегда начинается с констатации соблазнительного тождества элементов родного и изучаемого иностранного языка...» И далее: «Чешские слова или предложения... возвращают учащегося очень быстро в сферу родного языка и мешают усвоению русского произношения» [8].

Справедливо писал также Ш. Микаилов: «... особые трудности испытывают учащиеся при изучении звуков, имеющих общие черты со звуками родного языка. И чем больше общих черт, тем труднее

достигнуть правильного, точного произношения русского языка» [9]. Поиски «соблазнительных тождеств» своего и чужого — самый опасный путь при овладении чужим языком; эти «соблазнительные тождества» всегда провокационные, что неизбежно приводит к акценту, а акцент может проявляться не только в фонетике, но и в грамматике, и в лексике. Особенно это касается близкородственных языков, где такие «соблазны» попадают в избытке.

Пятый тезис является логическим выводом из положения об идиоматичности языков и из тезиса о системности языка. Если система каждого языка идиоматична, то можно и должно сопоставлять данный язык только с каким-то определенным другим языком, обладающим иной системой, а не говорить о сопоставлении «вообще»... Трудности при усвоении данного языка носителями различных языков различны, и они выявляются лишь в двустороннем (бинарном) сопоставлении. И преодоление этих трудностей будет различным для носителей различных языков, и план обучения и порядок обучения должен исходить из данного бинарного соотношения систем языков, и он обязательно будет варьировать в зависимости от того, какие языки вошли в сопоставляемую пару.

Так, при усвоении русского языка французами и англичанами трудность представляет оглушение конца слова в русском (*лук* — *луг*, одинаково [лук]), так как во французском и в английском языках это позиция различения глухих и звонких согласных (фр. *douce* 'сладкая' и *douze* 'двенадцать'; англ., *the house* [haus] 'дом' и *to house* [haus] 'приютить'). Однако для немцев этот случай (а он — кардинальный для русской фонетики) не представляет труда, так как аналогичное позиционное явление имеется и в немецкой фонетике (*Rad* 'колесо' и *Rat* 'совет' звучат одинаково: [rat], но статистически в ничтожных размерах по сравнению с русским языком.

Для тюркоязычных народов, в системе которых имеется явление сингармонизма, большие трудности представляет семитская апофония в арабском, где наряду с «естественной» для тюрков словоформой *katala* существуют «неестественные»: *kutilla*, *katilun*, *kitalun*. Но это «ломаное» в отношении твердости и мягкости слогов построение словоформ несколько не удивит белоруса, спокойно употребляющего словоформу *пиралёлачка!*

То же и в грамматике. Русским очень просто усвоить три рода латинских или немецких существительных, но уложить в два рода все существительные во французском уже труднее (даже и для представителей тех южнорусских диалектов, где тоже только два рода и где *варенье* — «она» ...). А англичанам и тюркам очень трудно освоить русское распределение существительных по родам, так как, кроме имен родства (*отец, дед, тесть, зять, жених, муж* и т. п. и *мать, свекровь, невестка, сноха, золовка, теща, невеста, жена*) и названий животных (не всех!), отнесение к роду того или другого существительного не мотивировано. Ср. такие «серии»: *река, ручей, озеро; стена, пол, окно, роща, лес, болото* и т. п. Даже и фоно-морфологические показатели рода зачастую в русском не однозначны (*старшина, староста, мужчина, папа* — мужского рода, хотя и склоняются как *мама; день, пень* — мужского рода, а *лень, тень* — женского; кстати, названия знаков чаще всего в русском относятся к среднему роду: «жирное 5», «переднее а» и т. п.) [10].

Русским очень трудно усвоить, что во французском, английском, в тюркских языках прилагательные не согласуются в числе, и, наоборот, англичанам, французам непонятно это согласование в русском.

Когда-то А. М. Пешковский очень тонко показал сопоставительное несовпадение славянских и неславянских индоевропейских притяжательных местоимений. «В русском языке возвратность может опираться на все три лица, т. е. *себя* и *свой* могут обозначать тождество представляемого предмета с тем, что мыслилось раньше и как *я...*, и как *он...* В неславянских индоевропейских языках возвратное местоимение может обозначать только тождество с тем, что мыслилось раньше как он, т. е., проще говоря, может относиться только к третьему лицу... Есть даже языки (например, немецкий), где возвратное прилагательное местоимение может относиться только к *он* и *она*, но не к *она*; немец говорит *она берет себе ее хлеб* и не может сказать *она берет себе свой хлеб*» [11].

И далее: «... выражение *он застал меня в своей комнате* может иметь два смысла, потому что может восприниматься как субъект того состояния, которое извлекается здесь из значения слова *застал*. Таким образом, выражение может быть уточнено в в двух направлениях: *он застал меня в его комнате* и *он застал меня в моей комнате*. Опять-таки, в языках, где вместо *моей* нельзя сказать *своей*, эта двусмысленность невозможна. Но, с другой стороны, в этих языках оказываются возможными двусмысленности возвратных местоимений в таких случаях, в каких по-русски они невозможны. Так, французский и немецкий языки не имеют родительного падежа от слова *он*, и заменяют его возвратным местоимением *свой*: немецкое *sein* и французское *son* равняется этим двум словам ...Таким образом, предложения *он берёт свою шляпу* и *он берёт его шляпу* во французском и немецком звучат одинаково» [12].

В отношении лексики дело, конечно, не ограничивается тем, что русскому *ребёнок* соответствует в эстонском *laps*, в тюркских *бала*, в немецком *Kind*, во французском *enfant* и т. д. Всё это так. Но гораздо интереснее такие случаи, когда одной лексической единице одного языка соответствуют в другом языке две или более единиц. Так, русскому *лёгкий* во французском соответствует и *facile* (leçon 'урок') и *léger* (poid 'вес'). А наоборот, английскому *blue* в русском соответствует и *синий*, и *голубой*: а русскому *серый* в киргизском соответствуют и *кёк*, и *боз*, и *сур*; и, опять же наоборот, одному киргизскому *кёк* в русском соответствуют и *синий*, и *зелёный*. Л. Ельмслев приводит аналогичный пример из сопоставления английского и «уэльзского» языков, когда уэльзское *glas* может значить и «зелёный», и «синий», и «серый», а *llwyd* и «серый» и «коричневый».

Идея такого сопоставления была намечена Ф. де Соссюром в его «Курсе общей лингвистики», когда он, иллюстрируя идею системности в различных языках, сопоставляет одно французское слово *mouton* и два его соответствия в английском: *sheep* 'баран' и *mutton* 'баранина' [14]. Здесь были заложены основы структурной лексикологии, к сожалению, слабо подхваченные другими исследованиями.

Особый интерес представляют такие провокационные сходства близкородственных языков, как, например: болгарское *стол*, что значит не 'стол', а 'стул'; чешское *erstvý chléb* – не 'чёрствый хлеб', а наоборот: 'свежий хлеб'. Таких примеров в близкородственных языках найти можно множество. И они ещё раз предупреждают: при сопоставлении языков не надо искать сходства. Оно, как правило, провокационно!

Пионером применения сопоставительного метода в отечественном языкознании был Е. Д. Поливанов. В статье «La perception des sons d'une langue étrangère» [15], опубликованной в 1931 г., Поливанов показал, как в разных бинарных соотношениях: русско-японских, русско-корейских, русско-китайских, а также русско-узбекских, русско-английских, русско-французских, русско-немецких каждый раз меняются «трудности» и каждый раз возникают «трудности новые».

Эта принципиально важная статья должна быть компасом всем тем, кто желает писать в области фонологических сопоставлений языков. Особенно хочется отметить одно место в этой статье, где говорится о «переразложении» воспринимаемых звуков чужого языка «в фонологические воспроизведения, свойственные нашему родному языку. Услышав незнакомое иностранное слово... мы пытаемся найти в нем комплекс наших фонологических воспроизведений, переразложить его в фонемы, свойственные нашему родному языку, и даже в согласии с нашими законами группировки фонем» [16].

Мне уже приходилось цитировать это высказывание Е. Д. Поливанова, но оно так принципиально, что хочется еще раз его напомнить. В 1934 г. Е. Д. Поливанов напечатал написанную им еще в 1919 г. «Русскую грамматику в сопоставлении с узбекским языком», а в 1935 г. — «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам» [17].

В этих книгах Е. Д. Поливанова есть много поучительного для тех, кто пишет «сопоставительные грамматики», но почему-то у многих авторов, следующих за Поливановым, дыхания не хватает. Секрет здесь простой: берясь за такую методическую и прикладную тему, Поливанов оставался всегда лингвистом, и это лингвистическое истолкование фактов практики делает его книгу подлинным образцом нужного подхода к делу. Детальный разбор книг Е. Д. Поливанова я откладываю до

опубликования его посмертных статей и забытых публикаций, что запланировано в Институте языкознания в виде сборника под названием: Е. Д. Поливанов, Неизданное и забытое...

Очень интересную статью опубликовал А. В. Исаченко в сборнике «Вопросы преподавания русского языка в странах народной демократии» (1961). В этой статье А. В. Исаченко, совершенно справедливо вспоминая имена В. Гумбольдта, Штейнталя, Финка и Есперсена, связывает вопросы сопоставительного метода с общей типологией языков. А. В. Исаченко правильно утверждает, что «... сопоставлению подлежат не разрозненные и случайные языковые факты, а прежде всего системные элементы языка во всех его планах» (с. 275). Эту статью А. В. Исаченко можно считать установочной для разрешения вопросов сопоставительного метода [18].

В этом же сборнике имеется интересная и нужная статья О. Герменау «О закономерностях, определяющих усвоение русского языка как иностранного». В этой статье совершенно правильно указано» что «при выработке у учащихся правильного произношения русского языка можно наблюдать, как их родной язык во многих, случаях является тормозом и помехой при овладении русским языком» (с. 107) и «база родного языка закономерно оказывает влияние на базу иностранного языка как в процессе слушания, так и разговора на русском языке» (108). «И в области грамматики родной язык часто оказывает тормозящее влияние» (с. 112). Хотелось бы еще отметить такое положение О. Герменау: «Тезис 16. Расхождение между частотой употребления той или иной формы склонения существительных и ее морфологической правильностью повышает трудности начального изучения русского языка как иностранного» (с. 127). (...)

Среди последних публикаций по сопоставительному методу хотелось бы с особым удовольствием отметить уже упоминавшуюся статью З. Оливериуса «Обучение звуковой системе русского языка в чешской школе» (Чехословакия) [19]. Автор, исходя из «... сопоставления фонологических систем родного (в данном случае — чешского) и русского языков», правильно утверждает, что «сопоставительная фонетика родного и русского языков является ключом к решению вопроса так называемого фонетического минимума» (с. 60).

Выше было уже отмечено интересное рассуждение З. Оливериуса о «соблазнительных тождествах» близкородственных языков (с. 63), далее следует указание о том, что «порядок тренировки учащихся в произношении отдельных звуков русского языка опирается на сопоставительный анализ фонетической системы чешского и русского языков с учетом фонологичности и частотности данных элементов» (с. 64). Хорошо в этой статье говорится и о том, что «... более эффективно заниматься обучением произношению палатализованных согласных в целом» (с. 64) и что «... принимая во внимание частотность и фонологичность данных явлений, можно определить различную степень желаемой аппроксимации, приближения к правильному произношению» (с. 66).

Хотя у меня и есть возражения автору относительно *и* и *ы* (с. 65) и о «трудностях физиологического характера» (с. 66), но в целом — это очень правильная и нужная статья. (...)

Если попытаться расшифровать сакраментальную фразу: «При сопоставительном описании нужна системность», то это значит, что любые факты сопоставляемых языков надо брать в их системе и подсистеме и что этого нельзя добиться простым перечислением, чем более всего грешат сопоставительные пособия. Например, надо не просто рассуждать об эргативной конструкции, а показать, что собой представляет именная парадигма с наличием винительного падежа (как в русском) и с его отсутствием (во многих кавказских, где есть «эргативный падеж»). Или, например, для тех тюркских языков, где нет глагольных форм на *-мак*, *-мек*, показать место инфинитива в русской глагольной парадигме. Иными словами, в сопоставительных грамматиках не надо безразлично перечислять все формы, а брать надо лишь то, что дифференциально в соотношении систем двух языков.

Тема сопоставительного метода широко отразилась и в практике диссертаций последнего времени, о чем пишет в своей статье «О сопоставительном методе изучения языков» В. Н. Ярцева [20].

Автор справедливо противопоставляет сравнительно-исторический метод и сопоставительное изучение языков, «... когда в результате этого сопоставления выявляются свойства и особенности этих

языков, а не вопросы их родства», и констатирует, что это «... ограничивалось нуждами преподавания иностранных языков и областью перевода с одного языка на другой» (с. 3). Я бы на это заметил, что именно это-то и хорошо, что такие реальные потребности, как преподавание иностранных языков и поиски обоснования перевода, и вызвали развитие того направления, которое называется сопоставительным методом.

Справедливо сетует В. Н. Ярцева, что в диссертациях в данной области «... большинство диссертантов ограничивается формальным описанием избранного явления сначала в одном языке, а потом в другом, не ставя вопроса о функциональной значимости данного грамматического явления для изучаемого языка и его месте в грамматической системе языка в целом» (с. 4).

Правильно и такое положение В. Н. Ярцевой: «...системный подход при анализе фактов лексики обеспечивает лингвистическую сторону исследования и гарантирует, что выделение данного отрезка словаря основывается не на понятии самом по себе, а на материале, выражающем это понятие в языке» (с. 10). Зато рассуждение о « малоперспективности для лингвиста» сопоставлений в области лексики, обозначающей цвета спектра, несколько удивляет: «Что дает... тот факт, что в русском языке различаются *синий* и *голубой*, а в английском языке есть только одно слово *blue*» (с. 9). Конечно, пример с «лексикой цветового спектра» старый, но он все-таки интересен и именно в системном плане, недаром же его анализирует и Л. Ельмслев. Он пишет: «За пределами парадигм, установленных в разных языках для обозначения цвета, мы можем, вычитывая различия, найти такой аморфный континуум — цветовой спектр, в котором каждый язык произвольно устанавливает свои границы» [21].

Хотелось бы попутно разъяснить одно недоразумение. В. Н. Ярцева пишет: «Несмотря на то, что приоритет в фонологическом исследовании принадлежит русским лингвистам (И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба), сопоставительное исследование звуковой стороны различных языков у нас, к сожалению, не получило достаточного теоретического обоснования» (8). Но стоит только вспомнить статью Е. Д. Поливанова «1931), книгу С. И. Бернштейна «Вопросы обучения произношению» (1937) и хотя бы серию моих статей конца 50-х годов, чтобы убедиться, что положение В. Н. Ярцевой не соответствует действительности.

Отмеченное выше замечание В. Н. Ярцевой о том, что большинство ограничивается описанием избранного явления в одном языке, а потом в другом, бьет прямо в цель: действительно, в большинстве сопоставительных работ изложение строится по системе старого анекдота о том, как беседовали два мальчика: «А у нас блины!», «А к нам солдат пришел!» Таким способом нельзя построить сопоставительную методику. Это касается не только многих методических пособий, но присутствует даже в труде такого мастера синхронных описаний и межъязыковых контроверз, как А. В. Исаченко; я имею в виду его книгу «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» [22]. Мне представляется, что труд А. В. Исаченко, собственно говоря, по всему замыслу — это описательная грамматика русского языка, а сопоставление со словацким могло бы и не иметь места, и книга от этого только бы выиграла. Конечно, в некоторых случаях и в описательных грамматиках могут иметь место сопоставительные эпизоды, как хотя бы приведенный выше эпизод с возвратными местоимениями у А. М. Пешковского, но здесь это лишь инкрустация. Задача Пешковского показать специфические свойства своего языка, хотя бы и через сопоставление с фактами чужого языка. В сопоставительной же грамматике надо, отталкиваясь от своего, показывать чужое для овладения этим чужим. Тем самым сопоставительная грамматика не должна быть одновременной грамматикой двух языков на равных основаниях: это грамматика чужого языка по сопоставлению с родным языком. И ничем осложнять эту совершенно ясную и четкую задачу не следует. Тем самым «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» Е. Д. Поливанова — это русская грамматика, а не узбекская, и под такой рубрикой ее и следует числить.

[Впервые напечатано в журнале: Русский язык в национальной школе. 1962. № 5. С. 23—33.]

Примечания

- 1 . Серебренников Б. А. Всякое ли сопоставление полезно? // Рус . яз. в нац. шк. 1957. № 2. С. 10; см. также ответную статью А. Чикобавы «Сопоставительное изучение языков как метод исследования и как метод обучения» (Там же. 1957. № 6. С. 1).
- 2 . Серебренников Б. А. Указ . соч. С. 10.
- 3 . Там же. — Против этого положения неубедительно протестует Г. Нечаев в заметке «Нужна ли сравнительная грамматика?» (Рус . яз. в нац. шк. 1957. № 6. С. 8).
- 4 . Ba1ly C h. Linguistique générale et linguistique française. P., 1950; Рус . пер. Е. В. и Т. В. Вентцель. М., 1955. См. ч. II — «Современный французский язык» и в особенности раздел III — «Общие формы выражения».
- 5 . См. хрестоматию «Античные теории языка и стиля» (М.; Л., 1936. С. 84).
- 6 . К сожалению, и наша методическая литература, и научные статьи на эти темы богаты рекомендацией «поштучного» заучивания изолированных звуков, например: Серебренников Б. А. Указ . соч. С. 15 (о татарском а и марийском ы); Микаилов Ш. Знание родного языка учащихся необходимо // Рус. яз. в нац. шк. 1957. № 6. С. 10 (о русском ы) и мн. др.
- 7 . См. об этом: Реформатский А. А. Фонология на службе обучения произношению // Рус . яз. в нац. шк. 1961. № 6. С. 67, 68
- 8 . Оливериус З. Обучение звуковой системе русского языка в чешской школе // Рус . яз. в нац. шк. 1961. № 6. С. 63.
- 9 . Микаилов Ш. Указ . соч. С. 10.
- 10 . См.: Серебренников Б. А. Указ . соч. С. 13.
- 11 . Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении //4-е изд. М., 1934. С. 144—145
- 12 . Там же. С. 147 – 148.
- 13 . См. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С.311.
- 14 . В русском переводе «Курса общей лингвистики» (1934) Соссюра английские примеры заменены русскими (с. 115), что, однако, не меняет сути изложения.
- 15 . Polivanov E. La perception des sons d'une langue étrangère // TCLP. 1931. P. 79 etc.
- 16 . Ibid P. 79—80.
- 17 . Поливанов Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934; Поливанов Е. Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ташкент; Самарканд, 1935 (2-е изд. под названием «Опыт частной методики преподавания русского языка» — Ташкент, 1961).
- 18 . Это не исключает некоторых моих несогласий с автором; см., например, с. 274, о лексической и структурной близости славянских языков, где не учтена провокационность такой близости, а также с. 276, 280, 281, где у меня нет также согласия с положениями автора.
- 19 . Рус . яз. в нац. шк. 1961. № 6.
- 20 . Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков // Филол. науки. 1960, № 1.
- 21 . Ельмслев Л. Указ . соч. С. 311. См. также: Реформатский А. А. Термин как член лексической системы // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968.
- 22 . Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, I, 1954; II, 1960.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

А. М. Мухин

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

(Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН А.В. Бондарко. - СПб, 2001. - С. 51-55)

В 1973 г. в докладе на VII Международном съезде славистов А. В. Бондарко, говоря о морфологических категориях, таких, как наклонение, время, лицо, число, затронул вопрос о возможных синтаксических категориях: «Понятие синтаксической категории пока еще разработано недостаточно, однако нужно признать необходимость "отведения места" для такого понятия» [Бондарко 1973: 43]. Действительно, формы морфологических категорий (хотя и не всех) в предложениях на основе синтаксической связи передают ту или иную семантику, которую соответственно и можно назвать синтаксической семантикой. Если на базе морфологической семантики возникают противопоставления, именуемые морфологическими категориями, то почему бы и синтаксическая семантика не могла лечь в основу синтаксической категории?

Позже, в 1991 г., к мысли о наличии в языке таких категорий в области синтаксиса обратился и автор этих строк в докладе «Грамматические категории и их взаимосвязь в области синтаксиса» [Мухин 1991: 66-67]. В этом докладе сопоставлялись, с одной стороны, элементарные морфологические единицы - морфемы, выделяемые в структуре той или иной части речи (например, морфемы времени в структуре глагола), с другой - элементарные синтаксические единицы . синтаксемы, которые выделяются в их противопоставленности друг другу в парадигматическом плане в позиции того или иного компонента предложения. В частности, указывались акциональные, стативные и квалитативные синтаксемы в позиции сказуемого, а также агентивные синтаксемы в позиции подлежащего или зависимого компонента, которым соответствуют категории акциональности, стативности, квалитативности и агентивности.

Одновременно было указано и на широкое взаимодействие многих категорий в области синтаксиса, которое проявляется в том, что синтаксемы одной категории совмещают в себе синтаксико-семантические, или, короче, синсемантические, признаки, характерные для синтаксем других категорий. Так, агентивная категория включает в себя наряду с собственно агентивной синтаксемой и агентивную акциональную, а также агентивные стативную и квалитативную, которые вместе с некоторыми другими синтаксемами при общности у них признака агентивности образуют единый оппозитивный ряд.

Однако из признания наличия указанной агентивной и других синтаксических категорий, например, каузальной, в которой также имеются каузальная акциональная и каузальные стативная и квалитативная синтаксемы, ошибочно был сделан вывод, что акциональная категория охватывает собой и собственно акциональную, и агентивную акциональную, и каузальную акциональную синтаксемы, как и соответствующие синтаксемы (с признаком акциональности) из инструментального и медиативного рядов. Ошибочность этого вывода заключается в том, что акциональная синтаксическая категория может включать в себя лишь синтаксемы, ведущим синсематическим признаком которых служит акциональность (ср., с одной стороны, акциональную категорию, с другой - агентивную, квалитативную, инструментальную и другие синтаксические категории [Мухин 1999: 175-176]).

Характерную особенность синтаксической категории составляет использование различных средств выражения относящихся к ней синтаксем. Ярким примером в этом отношении является как раз акциональная категория, которая возникает на основе оппозитивного ряда, включающего в себя прежде всего акциональные синтаксемы, выраженные формами упомянутой выше морфологической категории времени, такие, как: собственно акциональная синтаксема (Ac): At that moment, however, they *heard* the outer door opening... (J.-B. Priestley), акциональная итеративная (AcIt): I *heard* it time and time again when I was practising... (Ch. P. Snow), акциональная континуативная перфективная (AcPf): He thought, before I reach the top he *will have fallen* (I. Murdoch). Однако в акциональный ряд входят и синтаксемы, представленные формами сослагательного наклонения, в частности акциональная гипотетическая (AcHpt): The latter often

reflected that if one were to have him for a enemy Demoyte *would present* a very unpleasant aspect indeed (Ibid.), а также синтаксемы, средствами выражения которых служат сочетания инфинитива с модальными глаголами: акциональная потенциальная (AcPt): You *can count* on me, my dear sir (A. Christie), акциональная дебитивная, или долженствовательная (AcDb): From now on you *need concern* yourself only with sculpture (I. Stone) и другие акциональные синтаксемы [Там же :22-36].

Остановимся здесь несколько подробнее на побудительной синтаксической категории, к которой относятся довольно многочисленные оппозитивные ряды синтаксем (не только процессуальных, но и квалификативных и субстанциальных), выраженных в основном с помощью форм другой из упомянутых выше морфологических категорий - наклонения, точнее, посредством форм повелительного наклонения (ср.: [Там же: 169-171]). Ранее, изучая побудительную семантику и, соответственно, побудительные синтаксемы, мы использовали и термин «повелительный» или «императивный» в соответствии с распространенной терминологией (ср. «побудительное предложение», «императивное предложение» и т. д.), что находило отражение и в самих обозначениях побудительных синтаксем - ImpAc, ImpAcIt, ImpAcCnt и т. п. [Там же: 170-171]. Однако повелительное наклонение (или императив) вовсе не покрывает собой сферу употребления побудительных синтаксем, для выражения которых используются и некоторые иные средства. Поэтому следует признать, что более адекватным интернациональным термином в данном случае является «хортативный» (от лат. hortativus *грам.* «побудительный»), т. е. можно говорить о побудительной или хортативной категории, побудительной или хортативной семантике, побудительных или хортативных синтаксемах. Ср.: «Побудительный *англ.* hortatory, hortative. Призывающий к выполнению какого-л. действия, выражающий побуждение к действию, повелительный. *Побудительное значение. Побудительная речь. Побудительные слова-предложения. Русск.* Вон! Цыц! Айда! Тс-с.» [Ахманова 1966: 326].

Рассмотрим многообразие способов передачи побудительной семантики на примере вариантности побудительной, или хортативной, акциональной синтаксемы (HrtAc), являющейся исходной синтаксемой побудительного акционального ряда и наиболее употребительной из всех побудительных синтаксем. Ее основным вариантом служит глагол в форме повелительного наклонения (V_{im}): *Believe me, madam* (J. Galsworthy). Для передачи различных экспрессивных оттенков приказания, смягчающих его или, наоборот, усиливающих его, форма повелительного наклонения может иметь при себе местоимение you, которое обычно предшествует ей (в разговорной речи часто следует за ней), составляя с ней семантически неделимое сочетание (you V_{im} , V_{im} you): «Yes, well, *you wait* in the car, young lady...» (K. Vonnegut) (ср. *Go you to the window*).

Такое же неделимое сочетание с формой повелительного наклонения образует предшествующее ей наречие *kindly* или *better*, придавая приказанию оттенок вежливости (*kindly* V_{im} , *better* V_{im}): *Kindly shut up* (S. Maugham); *Better think over my advice*, Valentine (O. Henry). Для этой же цели в тесном единстве с формой повелительного наклонения используются и так называемые присоединительные вопросы: (V_{im} ... *will you?*, V_{im} *won't you?*): *Come straight home after school this afternoon, will you?* (W. Saroyan).

Большая роль при передаче побудительной семантики отводится и инфинитиву в различных синтаксически неделимых сочетаниях, в частности со служебным глаголом do, образующим эмфатический вариант синтаксемы (*do* V_i): *Do stay and talk to me* (I. Murdoch). При передаче приказания, обращенного к лицу или лицам, побуждаемым к действию совместно с говорящим, употребляется инфинитив в сочетании со служебным глаголом let и местоимением us (*let us* V_i , *let's* V_i): *Do let's go and eat* (E. Hemingway). Оттенок вежливости сообщается с помощью присоединительного вопроса (*let's* V_i ... *shall me?* *let's* V_i ... *should we?*): *Let's hear it, shall we?* etc.

Служебный глагол let часто используется для передачи побудительной семантики и в сочетаниях с объектными местоимениями третьего лица, а также с существительным, оформляя местоименные и субстантивные варианты синтаксемы (*let him* V_i , *let her* V_i , *let them* V_i , *let S* V_i): *Let him go!* .Пусть он уйдет!. и т. п. В этой связи Б. А. Ильиш замечает, что выражения типа *let me go*, *let us go*, *let him go* «ни в коем случае не являются морфологическими явлениями. Они принадлежат синтаксису» [Ильиш 1971: 110]. Таким образом, не составляя аналитических форм повелительного наклонения, т. е.

морфологических единиц, сочетания со служебным глаголом *let* (как, впрочем, и с глаголом *do*) служат средствами выражения синтаксически неделимых образований с побудительной семантикой (вариантов побудительной акциональной синтаксемы).

Побудительная акциональная синтаксема в ее различных вариантах находится в системных отношениях с собственно акциональной синтаксемой в позиции сказуемого и, подобно ей, образует с другими синтаксемами (при наличии у них двух общих синсемантических признаков - побудительного и акционального) оппозитивный ряд. Здесь могут быть обнаружены, например: побудительная акциональная континуативная синтаксема (*HrtAcCnt*) или континуативная негативная (*HrtAcCntNg*), а также побудительная акциональная итеративная (*HrtAcIt*), ср.: *Be preparing the dinner when he comes in; Don't be looking at me that way; Be always searching for new sensations*. Однако побудительный акциональный ряд включает в себя гораздо меньше синтаксем, чем оппозитивный акциональный ряд в позиции сказуемого. Так, среди побудительных синтаксем этого ряда мы фактически не найдем побудительную акциональную перфективную, обозначающую завершенное действие. Следовательно, побудительный, или хортативный, признак, видимо, не может комбинироваться в содержании синтаксем с перфективным признаком. Среди побудительных акциональных синтаксем мы не найдем и таких, которые соотносились бы с синтаксемами акционального ряда в позиции сказуемого, выраженными синтетическими и аналитическими формами сослагательного наклонения, а также сочетаниями с модальными глаголами.

Как отмечалось выше, кроме оппозитивного ряда побудительных акциональных синтаксем, к синтаксической категории побудительности относятся и другие ряды синтаксем (процессуальных, квалификативных, субстанциальных), также выделяемых в позиции ядерного компонента предложений второго структурного типа (однойдерных, или односоставных). Приведем здесь примеры лишь наиболее употребительных исходных синтаксем некоторых оппозитивных рядов, выраженных в большинстве своем с помощью служебного глагола в повелительном наклонении. Такими синтаксемами являются: побудительная пассивная акциональная (*HrtPsvAc*) и побудительная экзистенциальная (*HrtExc*): *Be warned in time; Be here at nine o'clock*; (из квалификативных синтаксем) побудительная стативная (*HrtSt*) в двух ее вариантах, адъективном и субстантивном, а также побудительная качественная (*HrtQlt*): *Be quiet; Silence!; Be very good and careful about the girl*; (из субстанциальных синтаксем) побудительные идентифицирующая и классифицирующая (*HrtId*, *HrtCl*): *Be my guest; Be a good boy*.

Все эти синтаксем, как и упомянутые выше побудительная акциональная, представлены в языке многообразными системами вариантов, отличными от систем вариантов соотносительных с ними синтаксем в позиции сказуемого. Среди их вариантов особенно нужно выделить синтаксически неделимые сочетания со служебным глаголом *do*, образующим эмфатические варианты побудительных синтаксем, а именно сочетания этого глагола с глаголом *be* (служебным и несслужебным), которые совершенно невозможны в позиции сказуемого, ср.: *Do be quiet; Do be here at nine o'clock*. В этом отношении примечательно также наличие указанного выше варианта побудительной стативной синтаксемы, выраженного существительным (без предлога), которое не может представлять соответствующую стативную синтаксему в позиции сказуемого. Здесь же, в побудительных предложениях (в позиции ядерного компонента), такое существительное употребляется наряду с прилагательным и служебным глаголом, ср: *Silence! - Be silent!; Attention! - Be attentive!, etc*. Наконец, нужно упомянуть и побудительную синтаксему (*Hrt*), выраженную междометиями, которая не имеет соответствия среди синтаксем в позиции сказуемого и которую нельзя отнести ни к какому из трех классов синтаксем (процессуальных, квалификативных, субстанциальных), например: *Hush!*

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Бондарко А. В. Категории и разряды славянской функциональной морфологии (Морфологические категории и лексико-грамматические разряды) // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973.

Ильиш Б. А. Строй современного английского языка (На англ. яз.). Л., 1971.

Мухин А. М. Грамматические категории и их взаимосвязь в области синтаксиса // Категории грамматики в их системных связях (в теоретическом и лингводидактическом аспектах): Тез. конф. Вологда, 1991.

Мухин А. М. Функциональный синтаксис. СПб., 1999.

Вступительная статья Г.В. Рамишвили к сб. Вильгельм фон Гумбольдт "Избранные труды по языкознанию"

Вильгельм фон Гумбольдт - основоположник теоретического языкознания

вступительная статья Г.В. Рамишвили к сб. Вильгельм фон Гумбольдт "Избранные труды по языкознанию". М., 1984. С. 5-33.

Вступительные замечания

Вильгельм фон Гумбольдт - основоположник теоретического языкознания вступительная статья Г.В. Рамишвили к сб. Вильгельм фон Гумбольдт "Избранные труды по языкознанию". М., 1984. С. 5-33. Круг интересов Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835), выдающегося немецкого мыслителя и гуманиста, помимо языка и языкознания, охватывал философию, литературоведение, классическую филологию, теорию искусства, государственное право... Ему принадлежат переводы эсхиливского "Агамемнона" и од Пиндара. Он был дипломатом, принимавшим участие в европейских конгрессах, крупным государственным деятелем.

Происхождение, блестящее образование и материальная обеспеченность дали ему возможность общаться не только с монархами и видными политическими деятелями, но и с учеными, писателями и поэтами, возглавлявшими духовную жизнь того времени, в том числе с Гёте и Шиллером, с которыми он находился в тесной дружбе.

Всестороннее и гармоничное развитие как личности, так и всего человеческого рода - таков был гуманистический идеал Гумбольдта, которому он оставался верен и в своей практической деятельности. Основанный им Берлинский университет[] (носящий ныне имя братьев Гумбольдтов) и принципы, на которых он его создавал, являются лучшим тому доказательством. Он выступал против утилитарного направления и поощрения узкой специализации в университетском образовании. Согласно требованию Гумбольдта, департамент народного просвещения должен был заботиться о том, чтобы "научное образование не раскалывалось сообразно внешним целям условиям на отдельные ветви, а, напротив, собиралось в одном фокусе для достижения высшей человеческой цели"[3].

Он же выработал принципы, легшие в основу образования в гимназиях, сохранившие свою актуальность и по сей день. И здесь он, в противоположность одностороннему интеллектуальному образованию, перед воспитанием ставил задачу пробуждения всех основных сил человеческой природы. "О каком бы предмете ни шла речь, - писал Гумбольдт, - всегда можно привести его в связь с человеком, а именно со всей его интеллектуальной и нравственной организацией в совокупности"[4]. Он считал, что такие принципы, поощряющие воспитание человека как целостного существа, были открыты греками, а затем унаследованы европейской системой образования. Оценка его как ученого и гражданина дана в обобщающей характеристике известного лингвиста XIX в. Б. Дельбрюка: "Его высокая и бескорыстная любовь к истине, - пишет он о Гумбольдте, - его взгляд, направленный всегда к высшим идеальным целям, его стремление не упускать из-за подробностей целое и из-за целого отдельные факты <...>, осторожно взвешивающая справедливость его суждений, его всесторонне образованный ум и благородная гуманность - все эти свойства действуют укрепляюще и просветляюще на каждую другую научную личность, приходящую в соприкосновение с Вильгельмом фон Гумбольдтом, и такое влияние Гумбольдт, по моему мнению, сохранит еще надолго и будет продолжать производить даже на тех, кто останавливается беспомощно перед его теориями"[5].

Идея В. фон Гумбольдта о построении "сравнительной антропологии" (1795 г.)^[6] позднее приобретает более определенное направление и конкретное содержание в его теории языка. В 1804 г. Гумбольдт сообщает Ф. Вольфу: "Мне удалось открыть - и этой мыслью я все больше проникаюсь, - что посредством языка можно обозреть самые высшие и глубокие сферы и все многообразие мира".

В нем постепенно созревало убеждение, что ничто иное столь не способно приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их языки. Интерес В. фон Гумбольдта к самым различным по строю языкам (к баскскому, туземным языкам Америки, малайско-полинезийским языкам...) сопровождался историческими, антропологическими и этнопсихологическими исследованиями народов^[7] с целью выявления в них "чистейшего и высочайшего гуманизма". Он размышлял о совершенно новой форме сравнения языков.

Задачу, стоящую перед сравнительным языковедением, Гумбольдт сформулировал следующим образом: "Главное здесь... верный и достойный взгляд на язык, на глубину его истоков и обширность сферы его действия"; это означает: исследовать функционирование "языка в самом широком его объеме - не просто в его отношении к речи..., но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия." (VII, 53; с. 75 наст. изд.) (Курсив наш. - Г. Р.)^[8]

Что он имеет в виду, когда говорит об "истоках" языка? Подразумевается ли под этим исследование "происхождения" в обычном понимании, то есть выявление эмпирических условий и причин возникновения языка? Отмежевываясь от традиционного подхода и философски осмыслив (вслед за Гердером) проблему генезиса языка, Вильгельм фон Гумбольдт переносит ее на такую плоскость, где фактор времени как бы иррелевантен. Его рассмотрение ориентировано не на внешние факторы происхождения, а на внутренний генезис, усматривающий в языковой способности не только уникальный дар человека, но и его сущностную характеристику. Разграничение этих двух видов генезисного рассмотрения - эмпирического и внутреннего - поднимает исследование языка на философско-антропологический уровень; их смешение привело бы не только к элиминации общей теории, необходимой для рассмотрения данной проблематики, но значительно снизило бы эффективность конкретно-эмпирических изысканий.

Общепринятое мнение, согласно которому мышление занимает доминирующее положение, а язык как его "внешнее" выражение лишь сопутствует ему, не принимая притом никакого участия в формировании мысли, подвергли сомнению еще Гаман и Гердер. Однако в ту эпоху лишь Гумбольдту удалось восстановить нужное равновесие между языком и мышлением. Способ его рассмотрения самых различных аспектов языка и связанной с ним проблематики, глубина и сила его аргументации, направление его мыслей приводят нас к убеждению, что Гумбольдт постепенно вырабатывает метод, посредством которого можно подойти к изначальному единству языка и мышления, а также к единству феноменов культуры, заложив тем самым лингвистический фундамент для объединения наук о культуре.

Касаясь генезиса языка, В. Гумбольдт разбирает два возможных допущения. Факт сложности строения языка может навести на мысль, будто эта сложность - явление вторичного характера, то есть результат постепенного усложнения простых структур в ходе времени, либо она продукт "колоссальных мыслительных усилий" его создателей. Гумбольдт опровергает как первое, так и второе допущение. Факт "сложности" языковой структуры не представляется ему (вопреки здравому смыслу) достаточной логической основой для правомерности вышеуказанных допущений. "Каким бы естественным, - пишет Гумбольдт, - ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу"^[9] (IV, 16; с. 314). "Для того чтобы человек мог постичь хотя бы одно-единственное слово., весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем". (См. IV, 15; с. 313 наст. изд.)

Следует отметить, что такое понимание генезиса продиктовано его же концепцией целостности языка, нашедшей свое завершение в понятии "внутренней формы языка", введенном Гумбольдтом в своей подытоживающей теоретической работе. Согласно этой его концепции, каждый, даже мельчайший языковой элемент не может возникнуть без наличия пронизывающего все части языка единого принципа формы ("...частности должны входить в понятие формы языков не как изолированные факты, а всегда - лишь постольку, поскольку в них вскрывается единый способ образования языка" (VII, 51; с. 73 наст. изд.).

И другое допущение о том, что возникновению языка, якобы, предшествовали "колоссальные мыслительные усилия его создателей", не выдерживает критики, поскольку "сознательным творением человеческого рассудка язык объяснить невозможно". "Непосредственно заложенный в человеке" язык как бы является "инстинктом разума" (Vernunftinstinct). "Именно из самого первобытного природного состояния может возникнуть язык, который сам есть творение природы", - но "природы человеческого разума" (IV, 17; с. 314). Называя язык "интеллектуальным инстинктом" (intellectueller Instinct), Гумбольдт тем самым подчеркивает уникальность языка как антропологического феномена и обращает наше внимание, с одной стороны, на неосознанную форму его существования, а с другой стороны - на его интеллектуальную активность, заключающуюся в фундаментальном "акте превращения мира в мысли" (in dem Acte der Verwandlung der Welt in Gedanken) (VII, 41; с. 67). Это означает, что, "с необходимостью возникая из человека", язык "не лежит в виде мертвой массы в потемках души, а в качестве закона обуславливает функции мыслительной силы человека" (IV, 16; с. 314).

В силу необходимости мышление всегда связано с языком, "иначе мысль не сможет достичь отчетливости, представление не сможет стать понятием". Более радикально звучит следующее высказывание: "Язык есть орган, образующий мысль" (VII, 53; с. 75). А более конкретно: "Слово, которое одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя, и идея, приобретая благодаря слову определенность, вводится одновременно в известные границы". (IV, 23-24; с. 318).

Однако это происходит не абстрактно, не в "языке вообще", а в реальных, конкретных языках. По словам Гумбольдта: "Мышление не просто зависит от языка вообще, а до известной степени оно обусловлено также каждым отдельным языком". (IV, 22; с. 317).

Ставится вопрос: не является ли различие языков "обстоятельством, случайно сопутствующим жизни народов" с целью лишь повседневного потребления, "или оно является необходимым, ничем другим не заменимым средством формирования мира представлений", к чему, "подобно сходящимся лучам, стремятся все языки?" (IV, 20/21; с. 316). Конечной целью своего исследования Гумбольдт считал выяснение "отношения" языков к этому "миру представлений" как к "общему содержанию языков" (IV, 20/21; с. 316).

Тут же возникает вопрос: независимо ли это общее содержание от конкретного языка или оно безразлично к языковому выражению? Если оно независимо, то "выявление и изучение различий языков занимает зависимое и подчиненное положение, в противном случае приобретает непреложное и решающее значение". (IV, 20/21; с. 316).

В 1801 г. в своих фрагментах монографии о басках Гумбольдт пишет: "Язык, не только понимаемый обобщенно, но каждый в отдельности, даже самый неразвитый, заслуживает быть предметом пристального изучения... Разные языки - это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения (Ansichten) его ... Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познается в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования" (VII, 601).

В своих лингвистических исследованиях Гумбольдт затронул важные проблемы социально-философского характера, связанные с выявлением понятий "народ" и "язык".

Гумбольдт считает "нацию" (для него по существу это то же самое, что и "народ") такой "формой индивидуализации человеческого духа", которая имеет "языковой" статус. Считая нацию "духовной формой человечества, имеющей языковую определенность" (VI, 125), специфику этой формы он усматривает главным образом и языке, хотя при этом подчеркивает, что в формировании нации, помимо языка, участвуют и другие факторы: "если нами нации назывались духовной формой человечества, то этим совершенно не отрицались их реальность и их земное бытие; такое выражение мы выбрали только потому, что здесь вопрос касался рассмотрения их (наций) интеллектуального аспекта". (VI, 126) (Курсив наш. - Г. Р.).

Так как деление человечества на языки совпадает с делением его на народы (VII, 13; с. 46), то отсюда должно явствовать, что между языком и народом, или, точнее, духом народа, существует необходимая корреляция. "Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другой, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности". "Хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность (Intellectualitat) и язык, в действительности такого разделения не существует". (VII, 42; с. 68).

Здесь уже "дух народа", ввиду его общности с языком, перестает быть метафизической величиной, становясь тем самым возможным объектом социологии языка; а "интеллектуальность" в данном контексте используется в более широком смысле, чем узко понятое "рацио"[\[10\]](#).

Каков в действительности смысл употребления термина и понятия "дух народа" в работах Гумбольдта?

Следует помнить, что он обсуждает этот вопрос в связи с выявлением условий и причин различия языков. Считая недостаточным один лишь звуковой фактор для объяснения различия и специфики языков, он ищет более "высокий принцип", который, по его мнению, объяснит и подтвердит различие конкретных языков. ("В практических целях очень важно не останавливаться на низшей ступени объяснения языковых различий, а подниматься до высшей и конечной..." (VII, 43; с. 68)). Различие языков эмпирически связано с различием народов; нельзя ли это различие, то есть специфику языков, объяснить исходя из "духа народа" как из более "высокого принципа"? Вильгельм фон Гумбольдт ввел понятие "дух народа" в сравнительное языковедение как понятие необходимое, однако его трудно постичь в чистом виде: без языкового выражения "дух народа" - неясная величина, знание о которой следует извлечь опять-таки из самого языка, язык же толкуется не только как средство для постижения "духа народа", но и как фактор его созидания.

Тут как бы замкнулся заколдованный круг: дух народа как "высший принцип", обуславливая различие и специфику языков, со своей стороны сам нуждается в объяснении через язык.

Предвидев, что такое рассуждение могло стать источником недоразумений, Гумбольдт разъясняет: "Не будет заколдованного круга, если языки считать продуктом силы народного духа и в то же время пытаться познать дух народа посредством строения самих языков: поскольку каждая специфическая (духовная - Г. Р.) сила развивается посредством языка и только с опорой на него, то она не может иметь иной конституции, кроме как языковой"[\[11\]](#).

Однако уместно спросить, входит ли исследование таких проблем в компетенцию науки о языке? Ответ Гумбольдта будет утвердительным: эта наука - сравнительное языковедение (что не следует путать с историческим языкознанием) (VII, 15; с. 47). "Сравнительное языковедение, тщательное исследование разных путей, на каких бесчисленные народы решают всечеловеческую задачу создания языка, утратит свой высокий интерес, если не попытается проникнуть в то средостение, где язык связан с формированием духовной силы нации" (VII, 14; с. 47).

Гумбольдт вводит новое, на наш взгляд, весьма важное понятие "языковое сознание народа" (nationeller Sprachsin) (VII, 14; с. 47). В нем находит обоснование тезис об органической целостности языка; в нем же можно усмотреть имманентный принцип "важнейших различий" языков.

Включение в орбиту лингвистических исследований понятия "языкового сознания народа" создает возможность оградить Гумбольдта от обвинений в том пункте, в котором его из-за сложившейся традиции труднее всего защитить, а именно - в вопросе квалификации "духа народа" и его связи с языком[\[12\]](#). Поскольку в выражении "языковое сознание" определяющим является адъектив "языковое", то интерпретации, исходящие из этнопсихологии, следует подвергнуть определенной коррекции, тем самым защитив автономность сравнительного языковедения как от этнографизма, так и от психологизма.

В вышеприведенной цитате (стр. 9 - 10) понятие "народ" определяется с учетом фактора языка и в соотношении с "человечеством".

В данном контексте третья величина - "человечество" - понимается не в собирательном смысле, то есть это не объемное понятие, обозначающее совокупность всех людей (для чего В. фон

Гумбольдт чаще использует "Menschengeschlecht"), а скорее понятие, отражающее подлинную природу и высокое назначение человека как небологического существа: оно основано на принципе культурно-этического единства людей, которое именно в таком значении особенно утвердилось в Германии после Гердера. Обусловленное языком естественное деление человечества на народы, хотя и имеет силу естественной необходимости, но проводится у Гумбольдта не по биологическим, расовым и тому подобным признакам, а по более высокому принципу, создающему основные и необходимые - "охарактеризованные языком" - условия человеческого бытия, возвышающие человека до решения задач своего историко-культурного назначения[13].

Как уже было сказано, Гумбольдт, еще в 1801 г., в своих фрагментах монографии о басках выдвинул тезис о том, что разные языки - это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а "различные видения" его. Эта идея, возникшая в результате эмпирических наблюдений над языком (баскским), по своему строению отличным от европейских языков, находит свое теоретическое обоснование в известном докладе, прочитанном им в 1820 г. в Берлинской Академии наук ("О сравнительном изучении языков...").

Тезис об "языковом мировидении"[14], по сей день являющийся источником многих недоразумений, с чисто эмпирической точки зрения содержит довольно простую мысль: различие языков не сводится к одному лишь звуковому фактору. Нужно было гениальное прозрение Гумбольдта, чтобы усмотреть в этом функцию и назначение языков как различных путей содействия осуществлению общечеловеческой задачи - "превращения мира в мысли" (Verwandlung der Welt in Gedanken).

С усмотрением в постижении мира примарной функции языка как одной из фундаментальных форм познавательной активности человека с необходимостью связано требование переосмысления тех общепринятых дефиниций ("знаковая система" и др.), которые указывают преимущественно на инструментальный характер языка, то есть на "употребление" его лишь как средства для обозначения готовой мысли с целью сообщения. Еще в 1806 г., считая такое определение языка и понимание слова как знака (Zeichen) "до некоторой степени правильным", Гумбольдт предостерегал: становясь "господствующим", такое понимание может превратиться в "крайне ложное представление" о языке, "убивающее" в нем все "живое" и "духовное".

Развивая и уточняя эту мысль, Гумбольдт указывает на те границы, в пределах которых лишь следует говорить о языке как о знаковой системе: "Слово, действительно, есть знак до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык - это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека" (III, 168; с. 304).

30 лет спустя в своей последней работе Гумбольдт опять в контексте критики языка как внешнего средства этот промежуточный мир называет "подлинной реальностью" (wahre Welt) (VII, 177; с. 171). Здесь слово "между" следует понимать не в его пространственном значении; оно указывает на исторически закрепленную в языке систему значений, посредством которой (а не непосредственно) и происходит "преобразование" внеязыковой действительности в объекты сознания. Там, где, по наивной логике, человеку дан непосредственный доступ к предметному миру, должно быть обнаружено опосредствующее действие языка.

Постулирование языковых значений между звуковой формой и предметом исключает возможность толкования языка как номенклатуры. Против такого понимания языка как номенклатуры после Гумбольдта, как известно, выступил и Фердинанд де Соссюр, хотя ему (да и многим другим) не удалось найти веского доказательства для его полного преодоления. Причина этого, по всей вероятности, кроется в недостаточном осмыслении унаследованного от Гумбольдта понятия "языкового мировидения". Если его связать с идеей "промежуточной реальности", то это можно было бы проще передать так: язык есть не ряд готовых этикеток к заранее данным предметам, не их простое озвончение, а промежуточная реальность, сообщающая не о том, как называются предметы, а, скорее, о том, как они нам даны.

Языком охватываются преимущественно объекты, входящие в круг потребностей и интересов ("практика" в широком понимании) человека, и отображаются не столько чисто субстанциональные свойства внеязыкового мира, а, скорее, отношения человека к нему. Эти отношения в различных языках преломляются по-разному, через свойственное каждому языку семантическое членение. Соответственно, можно предположить, что в наших высказываниях о вещах и явлениях мы до некоторой степени следуем и тем ориентирам, которые предначертаны семантикой естественного языка. Следовательно, звучание соединяется не с предметом непосредственно, а через семантически "переработанные" единицы, которые уже в качестве содержательных образований могут стать основой самого акта обозначения и речевой коммуникации.

Это уровень категоризации, сфера действия человеческого фактора. В различных языковых коллективах этот общий процесс протекает по-разному. Социальная природа языкового коллектива как одной из примарных и естественных форм сообщества заключается не только в том, что он образует фон для реализации речевой коммуникации, а скорее в том, что он создает необходимые предпосылки для включения индивидов в единый процесс языкового постижения мира, то есть в акты первичной категоризации.

Идея "языкового мировидения" плодотворна именно для осознания более глубоких основ коммуникации: "Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы" (VII, 170; с. 165). Такая интерпретация процесса общения, мы бы сказали, не имеющая себе равной, заставляет по-новому взглянуть на сугубо социальный характер языка: здесь преодолены как наивный реализм, считающий язык простой номенклатурой, так и фактор осознанности в коммуникации, и выдвигается совершенно своеобразный, одному лишь человеку свойственный вид языкового общения, в котором необходимость согласованности (как основы для речевого процесса) и индивидуальная свобода не исключают, а, наоборот, подразумевают друг друга.

В последнее время в разных гуманитарных науках и в самой философии в использовании термина "языковое мировидение" усматривают опасность гиперфункционализма, то есть детерминированности мышления языком. Однако такого рода опасность была бы реальной, если бы в условиях естественного языка ограничивалось свободное развитие и развертывание других духовных сил человека. Недоразумения в этом вопросе вызваны тем, что данный вопрос не рассматривается на более широкой основе, то есть в рамках той философской антропологии, истоки которой следует усматривать в философии языка И. Гердера и В. фон Гумбольдта. Подвергая критике общераспространенный взгляд, будто язык возник лишь с целью удовлетворения узкопрактических, витальных потребностей человека, Гумбольдт разъясняет: "Мы не должны представлять себе даже первоначальный язык ограниченным скудной толикой слов, как, пожалуй, по привычке думают люди, которые, вместо того чтобы объяснить возникновение языка исконным призванием человека к свободному общению с себе подобными, отводят главную роль потребности во взаимопомощи...". "Человек не так уж беззащитен, - продолжает он, - и для организации взаимопомощи хватило бы нечленораздельных звуков. В свой начальный период язык всецело человечесен и независимо от каких-либо утилитарных целей распространяется на все объекты, с какими сталкиваются чувственное восприятие и его внутренняя работа..." "Слова свободно, без принуждения и ненамеренно изливаются из груди человека" (с. 81). Включая язык в круг фундаментальных свойств человека, предназначенных не только для удовлетворения элементарных жизненных потребностей, но и, что важнее, интересов и целей более высокого порядка, мы должны отдавать себе отчет в том, что вопрос об аналогии между языком человека и "языком" животных требует полного переосмысления. Если сигнальная коммуникация в мире животных биологически детерминирована, всецело зависит от внешних стимулов и используется в том замкнутом кругу (Umwelt) пространства и времени, к которому животное раз и навсегда приковано, то "действие" человеческого языка простирается теоретически на всю бесконечную

действительность (Welt), то есть охватывает мир именно как целое. Это не простое расширение горизонта, а приобретение нового измерения.

Создание такого "теоретического горизонта", без сомнения, не могло быть результатом деятельности отдельного человека: его короткой жизни явно не хватило бы на вербализацию даже маленького фрагмента действительности, не говоря уже о том, что разрозненная деятельность таких индивидов привела бы к результатам, полностью исключающим возможность взаимопонимания и тем более одинаковой направленности поведения. Лишь включение индивида в культурно-историческую жизнь определенного языкового коллектива может обеспечить ему выход за пределы своего конечного бытия[15].

Овладевая языком задолго до актов осознания (что нагляднее видно на примере развития речи ребенка), человек усваивает одновременно и тот способ "обращения" с предметами, который неосознанно предлагается определенной языковой традицией. Однако естественный язык - не замкнутая сфера значений, исключающая всякое другое "видение" и замыкающая тем самым горизонт понимания, а открытая система, включенная в динамический процесс культурного обмена с другими языками[16]

Эти рассуждения лишней раз подтверждают, почему гумбольдтовская идея "языкового мировидения", указывающая на структурное своеобразие семантики языков и на их историческую уникальность, не может быть подвергнута обвинению в "языковом детерминизме".

С этим связана также проблема так называемого "лингвистического релятивизма", ставшая предметом острой полемики, особенно после появления гипотезы "лингвистической относительности" Сепира - Уорфа. И в этом контексте, неверно интерпретируя его взгляды, упоминают Гумбольдта.

Не означает ли множественность языковых мировидений релятивизацию мира?

Гумбольдт, как бы учитывая возможность такого возражения, разбирает этот вопрос со свойственной ему философской пронзительностью. Он не видит никакого основания для опасений, так как, по его словам: "Субъективность отдельного индивида снимается субъективностью народа", состоящего из "предшествующих и нынешних поколений", а "субъективность народа - субъективностью человечества". В этом он усматривает "глубокую, внутреннюю связь всех языков", являющуюся необходимым условием не только для преодоления субъективной односторонности каждого отдельного языка, но и для постижения объективной истины усилиями всего человечества.

В своем докладе "О сравнительном изучении языков..." (1820 г.) Гумбольдт выдвигает проблему истины в связи с задачами и "конечными целями" сравнительного языковедения. Из факта "взаимообусловленной зависимости мысли и слова" он выводит следующее: "...Языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но, более того, средством открытия ранее неизвестной... Совокупность познаваемого, как целина, которую надлежит обработать человеческой мысли, лежит между всеми языками и независима от них. Человек может приблизиться к этой чисто объективной сфере не иначе как... только субъективным путем". (IV, 27-28; с. 319). Хотя, по Гумбольдту, человек приближается к "чисто объективной сфере" "лишь субъективным путем", "частично" и "постепенно", однако эта субъективность (ее отнюдь не следует интерпретировать как релятивизм) - необходимое условие для приближения к объективной истине, осуществляемое человеком в пределах человеческих возможностей.

Язык выступает не только в качестве примарной формы объединения людей в одно языковое сообщество, но и, прокладывая путь к постижению объективной истины, является "великим средством преобразования субъективного в объективное, переходя от всегда ограниченного индивидуального ко всеобъемлющему бытию". (IV, 25; с. 318); "Когда мы слышим образованное нами слово в устах других лиц, - пишет Гумбольдт, - то объективность его возрастает, а субъективность при этом не терпит никакого ущерба..." (VII, 56; с. 77), так как "общение посредством языка обеспечивает человеку уверенность в своих силах и побуждает к действию. Мыслительная сила нуждается в чем-то равном ей и все же отличном от нее. От равного она возгорается, по отличному от нее выверяет реальность своих внутренних порождений. Хотя основа познания истины и ее достоверности заложена в самом человеке, его духовное устремление к ней всегда подвержено опасностям заблуждений. Отчетливо сознавая свою ограниченность, человек

оказывается вынужденным рассматривать истину как лежащую вне его самого, и одним из самых мощных средств приближения к ней... является постоянное общение с другими". (VII, 56; с. 77).

Эти новые соотношения между сравнительным языковедением, социологией языка и философской теорией истины, открытые Гумбольдтом, могут оказаться весьма плодотворными с точки зрения осмысления основ науки о человеке.

Не угрожает ли множественность языков единству научного знания? Указывая на впечатляющие успехи естественных наук и техники, особенно в создании всеобщей системы понятий логики и математики, обычно предполагают, что научное мышление полностью оторвано от эмпирических условий конкретных языков. Эта проблема не нова, и ее актуальность особо ощутима сегодня. Гумбольдт обсуждает этот вопрос в полном соответствии со своей общей концепцией. "Правда, - пишет он, - предпринимались попытки заменить слова различных языков общепринятыми знаками по примеру математики, где налицо взаимно-однозначные соответствия между фигурами, числами и алгебраическими уравнениями. Однако такими знаками можно исчерпать лишь очень незначительную часть всего мыслимого..." (IV, 22; с. 317). И "все попытки свести многообразие" к общим знакам, которые выражают понятия, образованные "лишь путем конструкции", являются, по мнению Гумбольдта, "всего лишь сокращенными методами перевода, и было бы чистым безумием льстить себя мыслью, что таким способом можно выйти за пределы, я не говорю уже, всех языков, но хотя бы одной определенной и узкой области даже своего языка". (IV, 22; с. 317). При сравнительном изучении языков обнаруживается, что в языках "существует гораздо большее количество понятий, а также своеобразных грамматических особенностей, которые так органически сплетены со своим языком, что не могут быть общим достоянием всех языков и без искажения не могут быть перенесены в другие языки. Значительная часть содержания каждого языка находится поэтому в неоспоримой зависимости от данного языка, так что это содержание не может оставаться безразличным к своему языковому выражению". (IV, 23; с. 317).

И действительно: специальные языки науки имеют свои истоки в естественных языках, и при попытках эмансипации научной символики от привязанности к языку не следует забывать, что знаковые системы вплоть до абстрактнейших формул - явление производное. Поэтому логически некорректно язык знаков как эпифеномен возводить в ранг прафеномена. Если наука расчленяет и объединяет в определенные классы предметы и явления действительности по строгим критериям, - на так называемой "донаучной стадии", то то же самое прodelывается и естественным языком, но скрыто и не "строго".

У Гумбольдта читаем: "Между устройством языка и успехами в других видах интеллектуальной деятельности существует неоспоримая взаимосвязь". (VII, 41; 67).

Если под этим подразумевается связь языка с различными формами культурного творчества, то исследования и в этом направлении подразумевают преодоление простой схемы: "Язык - зеркало культуры". Язык подключается не там, где процесс культурного созидания уже закончен, а он дан изначально. В этом можно легко убедиться, исключив язык (путем мысленного эксперимента) из сферы культуры[17]. Окажется, что из поля зрения выпало очень важное условие. Признание языка в качестве такого условия не умалит роли других человеческих сил: между языком и культурой существует взаимодействие; результаты этого процесса следует измерять не только по линии воздействия культуры на язык, но и в соответствии с тем, насколько язык воздействует на культуру.

Это особенно ощутимо в отдаленных от повседневной речевой коммуникации актах употребления языка. Если рядовой член речевого коллектива следует семантическим правилам своего языка и находится некоторым образом в его "плени", то мастер художественного слова, глубоко проникая в тайны родного языка, следует уже не слепо заученным правилам, а как бы становится соучастником в созидании языкового мировидения - непрекращающегося процесса постижения мира через язык. Но слово "участие" нужно употреблять осторожно, поскольку каждое "новое" в языке подразумевает наличие уже существующего, и ни один из великих творцов не в состоянии создать хотя бы одно слово из ничего. "Существующее" здесь - скорее ареал возможностей языка, а не реализованная и закрепленная в текстах внешняя форма. Словотворчество, в котором мы усматриваем одно из высших проявлений действия языка, основывается на энергетической форме знания языка и отличается от того "динамического" использования

языка, которое в теории трансформационной грамматики квалифицируется как "творчество" (creative aspect of language use)[18]; хотя послед-¹⁸нее в трансформационной лингвистике описывается в терминах динамической теории, но фактически оно остается на уровне аргона.

В главе, где говорится о "внутренней форме языка" ("innere Sprachform"), дефиниция данного понятия эксплицитно не дана, что послужило поводом для противоречащих друг другу интерпретаций у различных языковедов, а также психологов и философов. Всякая попытка раскрыть смысл этого основополагающего понятия по тексту, и тем более в духе Гумбольдта, должна отвечать по крайней мере трем требованиям: 1. Внутренняя форма является именно внутренней, а не внешней формой (это подразумевает, что ее исследование должно осуществляться по содержательным параметрам, а не по тем принципам, которые формировались в процессе исследования внешней формы); 2. Являясь внутренней, она тем не менее не лишена формы субстанция, а именно форма; 3. Она является внутренней формой именно я з ы к а, а не вне-языкового содержания.

Трудно назвать учебник, где бы не рассматривался вопрос о внутренней форме языка, хотя нередко это понятие смешивается с внутренней формой отдельного слова. В России этому содействовали труды и авторитет А. Потебни, который в интерпретации Гумбольдта не был свободен от влияния психологизма Г. Штейнталя[19]. Понятие внутренней формы слова он применил в сравнительном анализе славянских языков и в изучении мифов, заложив тем самым в России начало исследованиям в той области, которую в широком смысле этого слова можно было бы назвать этнолингвистикой.

Сила этой традиции сказывается и в заглавии книги русского философа Г. Шпета: "Внутренняя форма слова"[20].

Сведению внутренней формы языка к внутренней форме слова[21], - что не соответствует основному направлению гумбольдтовского учения, - способствовало и следующее обстоятельство: доказывая, что даже в случае "телесного", "чувственно-воспринимаемого предмета" "слово не эквивалентно" предмету, а лишь эквивалентно "пониманию (Auffassung) его в акте языкового созидания" (Spracherzeugung), Гумбольдт в данной главе приводит пример из санскрита, в котором "слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким... тремя словами обозначены три разных понятия". (VII, 90; с. 103).

Такое сужение гумбольдтовского понятия "внутренней формы" вновь доказывает, насколько неоправданно толковать отдельные его высказывания в отрыве от общего идейного контекста. Исходная идея, пронизывающая все учение Гумбольдта, состоит именно в том, что обозначение предмета словом - это не изолированный акт словотворчества, а часть единого процесса языкового созидания. Об этом свидетельствует и последующая фраза из текста: "Поистине язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом в процессе языкотворчества". (VII, 90; с. 103; Курсив наш. - Г. Р.)[22].

Такая же участь постигла и другое высказывание Гумбольдта, встречающееся в начале упомянутой главы: "Эта целиком внутренняя и чисто интеллектуальная сторона языка и составляет собственно язык". (VII, 86; с. 100).

Разные исследователи (лингвисты, философы, психологи), толкуя понятие "внутренней формы", выражение "чисто интеллектуальная часть в языке" выносят за пределы самого языка, забывая, что "интеллектуальную часть" не следует понимать как вне-языковую, чисто логическую структуру. Она имманентна языку ("составляет собственно язык"). Поэтому отнесение ее к логическим или к психологическим категориям противоречит основному замыслу гумбольдтовской концепции внутренней формы языка. Подвергая критике логическую ориентацию "общей, философской грамматики" из-за "поверхностно и несовершенно проделанной дедукции", Гумбольдт пишет: "Под понятия а priori подгоняют то, что невозможно было бы найти априорным путем. И этот односторонний, наполовину философский метод наносит языковедению гораздо больше вреда, нежели ... односторонне исторический метод, который хоть собирает нужный материал, в то время как вышеупомянутый метод ничего не оставляет, кроме беспочвенной и пустой теории". (VI, 344).

То, что "интеллектуальное" у Гумбольдта не означает универсально-логическое, об этом свидетельствует еще и его понимание грамматики и введенное им понятие "грамматического видения" (*grammatische Ansicht*). "В грамматике, - пишет Гумбольдт, - нет ничего телесного, осязаемого..." Она, в отличие от слов - более осязаемых единиц языка, - "состоит исключительно из интеллектуальных отношений". (VI, 337).

И там же добавляет: "Поскольку грамматические различия языков заключаются в различии грамматических видений", то "грамматика более родственна духовному своеобразию наций, нежели лексика". (VI, 338). И здесь налицо корни внутренней формы языка.

На этом фоне становится очевидным, насколько сомнительны попытки некоторых современных представителей формальной лингвистики, утверждающих, будто у Гумбольдта доминирующим являются универсально-логические свойства грамматик языков. Несостоятельна также традиция психологистического толкования, берущая свое начало в комментариях Х. Штейнтала к тексту Гумбольдта. Штейнталь ставит в один ряд понятия: внутренняя форма - значение - представление (языковое понятие) - слово. Исходными являются психические представления, которые (полученные путем чувственного восприятия) закрепляются в языковых значениях и воспроизводятся в речевом употреблении.

Такой психологизированный и атомистический подход, оказавший сильное влияние на последующие поколения не только в Германии, но и далеко за ее пределами, отвлек внимание лингвистов от задач, поставленных Гумбольдтом перед теоретическим языкознанием.

Проблема внутренней формы языка приобретает особую актуальность с 20-х годов нашего столетия. В. Порциг в своих статьях "Понятие внутренней формы языка" (1923) и "Языковая форма и значение: критическое рассмотрение философии языка А. Марти" (1928) выступил против философа А. Марти (1847-1914) и его ученика англиста О. Функе, критически разбирая введенные ими понятия "фигуральная внутренняя форма" и "конструктивная внутренняя форма". В. Порциг выделяет четыре подхода в современных ему теориях о внутренней форме языка: 1. Позитивистская точка зрения, полностью игнорирующая данное понятие; 2. Психологистическая интерпретация, согласно которой внутренняя форма языка - это психический процесс, определяющий внешнюю форму говорения (В. Вундт); 3. Феноменологическое толкование, усматривающее в ней главным образом соотношения "чистых" значений: насколько адекватно удастся говорящему посредством языка воспроизвести "идеальные" содержания (Э. Гуссерль); 4. Упомянутая концепция Марти, касающаяся принципа выбора конкретных языковых средств, которые должны быть использованы для передачи подразумеваемого смысла.

В своей ранней статье "Проблема внутренней языковой формы и ее значение для немецкого языка" (1926) Л. Вейсгербер придерживается того мнения, что внутренняя форма языка охватывает понятийные и синтаксические возможности того или иного языка, являясь ключом к оценке всего, что мыслится и высказывается в данном языке. Этому мнению он придерживается и по сей день.

В последние годы своей жизни грузинский психолог Д. Узнадзе, (аинтересовавшись учением В. Гумбольдта, в своей статье "Внутренняя форма языка" (1948 г.) попытался применить понятие "внутренней формы" для обоснования им же созданной психологической теории установки.

В своей работе "Аспекты теории синтаксиса" американский лингвист Н. Хомский говорит о возможной связи внутренней формы языка с "глубинной структурой", предполагая, что введенные им понятия "глубинная структура" и "поверхностная структура" соответствуют "внутренней форме" и "внешней форме" языка Гумбольдта[24].

Недавно проблемы внутренней формы языка вновь коснулся В. А. Звегинцев, интерпретируя ее в рамках общей теории формы языка В. фон Гумбольдта[25].

Идея внутренней формы языка - скорее задача для новой ориентации целостного рассмотрения языка, нежели объект или следствие ортодоксального аналитического мышления; этой лингвистической идее соответствует такое духовное состояние, которое неопишимо в терминах сциентистски ориентированного мировоззрения. Ее коррелятом выступает не формально-логическая схема мышления, не сухой и холодный рассудок, а совокупность всех функций нашего духа в их живом взаимодействии.

Известен тезис Гумбольдта "Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). Его истинное определение поэтому может быть только генетическим". (VII, 46; с. 70).

С первого взгляда может показаться парадоксальным тот факт, что термин "энергейя" впервые встречается именно в главе "Форма языков" (§ 8 "Введения"). Как будто не должно быть ничего общего между "энергейей" и "формой", обычно понимаемой статически.

Рассмотрение же представленных именно в этой главе отдельных высказываний Гумбольдта приводит нас к убеждению, что его концепция формы языка с необходимостью связана с идеей "энергейи". Поскольку понятие формы истолковывается по-разному, Гумбольдт считает необходимым с самого же начала разъяснить, в каком смысле он его употребляет, тем более что оно имеет принципиальное значение для построения сравнительного языковедения ("Чтобы... сравнение характерных особенностей строения различных языков было успешным, необходимо тщательно исследовать форму каждого из них и таким путем определить способ, каким языки решают главную задачу всякого языкотворчества".) (VII, 45; с. 70). В дефинициях понятий энергейи и формы, представленных в данной главе, можно указать на один общий момент, который мог бы послужить основанием для установления определенной корреляции между ними: это акт синтеза звука со смыслом. Считая, что истинное определение языка как энергейи может быть только генетическим, Гумбольдт пишет: "Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли". (VII, 46; с. 70).

А форме языка (которая "отнюдь не только так называемая грамматическая форма") он дает такое определение: "Постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка". (VII, 47-48; с. 71).

"Генезисная дефиниция" (применяемая как к энергейи, так и к форме) - это не определение языка как эргона, то есть в состоянии статики, а рассмотрение его in actu, выявляющее одновременно и сущность языка. Понимаемая подобным образом форма языка не является уже "плодом научной абстракции": она имеет "реальное бытие" не в "языке вообще", а в "отдельных языках". Следовательно, синтез, осуществляющийся в том или ином языке, - это не абстрактно-логический акт и не психический процесс, протекающий в индивидуальном сознании, а акт, имеющий социальный характер. Этим определены поле и граница действия энергейи; оно измеряется масштабом объема формы конкретного языка.

Если "энергейя" и "форма" - равновеликие понятия, имеющие социологическое измерение, то распространенное понимание энергейи как речевого процесса индивида лишено всякого основания. Этот факт вновь свидетельствует о том, насколько важно при раскрытии подлинного смысла таких понятий, как энергейя, внутренняя форма и т. д., исходить из логической системы идей Гумбольдта и строго следовать ходу его рассуждений. Поверхностное понимание любого из них влечет за собой превратное толкование целого ряда понятий такой же важности, а следовательно, и всего его учения.

Очевидно смысловое родство противопоставления "эргон - энергейя" с другим противопоставлением, данным в этой же главе: Язык - не мертвый продукт (Erzeugtes), а созидательный процесс (Erzeugung)". (VII, 44; с. 69).

"Мертвый продукт" (todtes Erzeugtes) и "продукт деятельности" (Ergon) - понятия одного порядка, выражающие статическую точку зрения на язык как на объект расчленяющего аналитического мышления, что Гумбольдт в более ранних работах называет "мертвой анатомической операцией". Он противопоставляет ей "физиологический подход", который в словоупотреблении Гумбольдта означает способ рассмотрения языка в его целостности и в живых связях. Вместо аналитического и статического метода выдвигается динамическая концепция, рассматривающая язык как порождение (Erzeugung), как деятельность (Tätigkeit), как энергейю (Energeia). Среди них самое большое применение в послегумбольдтовской литературе выпало на долю понятия "деятельность". Это объясняется, по всей вероятности, его наибольшей доступностью; однако расплывчатость этого термина стала помехой на пути

постижения заложенного в "энергейи" смысла, имеющего столь высокое назначение в новой науке о языке. Психолингвистическая интерпретация "деятельности" как речевого процесса обычно переносится на "энергейю", вместо того чтобы сама деятельность толковалась исходя из энергейи, понимаемой не как речевая деятельность индивида, а как действие более глобального масштаба. Энергейтический подход открывает новую форму среди других форм "деятельности"[26].

Среди лингвистических подходов энергейтический, по-видимому, наиболее адекватен тому философскому пониманию человека, который деятельность человека рассматривает как определенную целостность. Энергейтическую теорию языка следует понимать как своего рода лингвистическое введение в общую теорию человека[27], которая должна ответить не только на вопрос "Что такое язык?", но и на вопрос "Чего достигает человек посредством языка?". Такой подход к роли языка отличается от позиции семиотика-лингвиста, усматривающего в языке фиксированную форму (эргон) лишь как частный случай статических знаковых систем.

В философских теориях мышления, хотя и подразумевается человек как необходимый субъект мыслительных актов, тем не менее не все из этих теорий до конца антропологичны, поскольку упускают из виду важнейший, одному лишь человеку свойственный фактор образования мыслительных актов - язык. В лингвистике же, при рассмотрении языка, хотя номинально и допускается, что это язык человеческий, однако степень дегуманизации (особенно в формально-структурных теориях) куда выше, чем в вышеназванных теориях мышления. Таким образом, нарушается необходимое трехчленное соотношение "язык - человек - мышление". В последнее время в лингвистике (генеративной) появились попытки показать значение языка (как уникального человеческого дара) для теории мышления, однако язык и мышление рассмотрены лишь как абстрактные формальные структуры, как функции логического субъекта. Это не что иное, как особый вид сциентистского антропологизма.

Философия человека, рассматривающая его познающим, творческим субъектом, в частной теории об энергейтичности языка должна усмотреть лучшую демонстрацию своих принципов[28].

Рассмотрение проблемы истины в рамках "философски обоснованного сравнения языков"[29] открывает путь к подлинному сближению теории сравнительного языкознания с философской теорией познания. В научной литературе не раз ставился вопрос об отношении Гумбольдта к гносеологии Им. Канта. И это не случайно, его философия была в то время источником вдохновения для многих мыслителей, и в том числе для Гумбольдта. О связи В. фон Гумбольдта с Им. Кантом писали языковед В. Штрейтберг (а до него - известный биограф Гумбольдта Р. Гайм), первый его интерпретатор Х. Штейнталь и языковед А. Потт, а в настоящее время - Г. Гиппер. Что В фон Гумбольдт был осведомлен в вопросах философии Канта, отмечали многие. Так, например, философу Э. Кассиреру принадлежат слова: "В исследовании Гумбольдта находим общую характеристику философии Канта, которая, несмотря на обилие работ, написанных о Канте, в определенном смысле и по сей день считается образцовой"[30].

Но одно дело быть знатоком Канта и совершенно другое - слепо следовать ему. Поэтому особого подхода требует выявление "кантианского элемента" в теории языка В. фон Гумбольдта[31], даже внешняя аналогия, существующая между ними, указывает скорее на согласие Гумбольдта с духом Канта, нежели на его "зависимость от буквы Кантова учения"[32]. Это, в первую очередь, перенесение центра тяжести от внешних явлений к глубинам человеческого существа. Во-вторых, это преодоление "наивного реализма", которое Кант осуществил в теории познания, а Гумбольдт - в теории языка: исходным для обоих был не предмет в его эмпирической данности, а выявление тех конститутивных условий и путей, через которые происходит превращение предметов и явлений в объекты сознания.

Большинство сторонников тезиса о кантианстве Гумбольдта либо ищут сходство с Кантом в этических, эстетических и историко-философских воззрениях Гумбольдта, или видят прямой параллелизм между ними в терминологии и отдельных высказываниях. Р. Гайм, например, утверждает, что учение Канта о трансцендентальной схеме находит свое непосредственное отражение в работах Гумбольдта: подобно тому, как существует "схематичность мысли для того, чтобы сделать возможным суждение", то есть подведение восприятий под категории мысли, "точно так же существует и схематичность языка; более того, сам язык и первый его элемент - слово - образуются только благодаря ей"[33].

Х. Штейнталь, издатель и комментатор сочинений В. фон Гумбольдта по философии языка, хотя и посвящает особую главу вопросу отношения Гумбольдта к Канту, однако разбирает лишь проблемы общетеоретического характера. Но проблема языка в связи с кантовской философией требует куда более глубокого подхода[34].

Иную позицию занял Э. Кассирер, издатель и известный интерпретатор трудов Им. Канта. Он привлек философскую концепцию В. фон Гумбольдта для решения задач, стоящих перед самой критической философией. Основная мысль, изложенная в специальном исследовании Э. Кассирера "Кантианские элементы в философии языка В. фон Гумбольдта"[35], заключается в следующем: в философской системе Канта, которая делится на три части - на критику теоретического разума, на критику практического разума и на критику способности суждения, выделяются две основные сферы знания: понятие природы конституируется посредством математики, физики., а понятие истории и наук о духе - посредством этики. Так же как понятие теоретического знания у Канта не только основывается на математике, но и полностью сводится к этой последней (по известному изречению Канта, каждая дисциплина научна настолько, насколько она содержит математику), так и, с другой стороны, понятие истории сводится к принципам его этики.

Однако, обзрев науки в их фактическом строении и систематическом обосновании, Кассирер замечает "пробел" в общей ориентации критической философии, созданной Кантом. Есть такая сфера духа, определение которой невозможно осуществить ни по законам природы, аналогично математическому понятию необходимости, ни практически и телеологически - по образцу понятий этических ценностей и норм. Это сфера "первоначальной духовной энергии", в которой антитеза природы и свободы, хотя и преодолевается аналогичным искусству образом (устанавливая новые соотношения между ними), однако она не сводится к искусству (не описывается лишь в эстетических терминах), а основывается исключительно на собственных и самостоятельных принципах. Следуя явлениям этой сферы, мы, с одной стороны, как бы ощущаем себя прикованными к цепи эмпирических причин и следствий; тем не менее, с другой стороны, из них образуется нечто такое, в чем универсальность и свобода духа впервые полностью воплощаются и подтверждаются. Отсюда становится очевидным, почему вышеуказанного основного противопоставления, на котором зиждется вся кантовская система, по мнению Кассирера, недостаточно для того, чтобы определить и выделить и ну новую сферу - сферу языка в своей духовной самобытности. Если исходить из математического понятия природной каузальности и из идей должностования и свободы как двух центров критического учения, то язык предстанет перед нами как периферийное явление, что со всей наглядностью выступает во внешней архитектонике членения кантовского учения. Система Канта состоит из логики, этики и эстетики, однако проблема и тема философии языка не стали составной частью этой системы. В этом именно и состоит тот "недостаток", который не ускользнул от внимания первых критиков Канта. И все "метакритики" (Гамана - Гердера), направленные против "Критики чистого разума", были нацелены на это, так как понимание языка как посредника открывает совершенно новую перспективу перед науками о культуре: "Язык - органон, живой инструмент как разума, так и критики разума". После выхода в свет "Критики" Канта Гердер с сожалением отметил тот факт, что и этой работе Кант почти полностью обошел молчанием проблему человеческого языка. Как же возможна - спрашивал он - критика человеческого разума без критики человеческого языка? Это был единственный принципиально спорный вопрос для Гердера, и он стал пламенным противником Канта. Были и другие мотивы[36].

Конфликт принял принципиальный характер, исход которого должен был быть найден лишь в теории языка В. фон Гумбольдта[37], прошедшего школу как Гердера, так и Канта: его учение, с одной стороны, было пронизано идеями динамического развития, а, с другой стороны, основывалось "на строгой методике философского мышления". Образцом высшей гармонии этих двух традиций могло послужить хотя бы следующее рассуждение Гумбольдта: Субъективная деятельность создает в мышлении объект. Ни один из видов представлений не образуется только как чистое восприятие же данного предмета. Деятельность органов чувств должна вступить в синтетическую связь с внутренним процессом деятельности духа"; из этой связи возникает представление, которое становится объектом, противопоставляя себя субъективной силе, и, "будучи заново воспринято в качестве такового, оно опять возвращается в сферу субъекта. Все это

может происходить только при посредстве языка. С его помощью духовное стремление пролагает себе путь через уста во внешний мир, и затем в результате этого стремления, воплощенного в слове, слово возвращается к уху говорящего. Таким образом, представление объективируется, не отрываясь в то же время от субъекта, и весь этот процесс возможен лишь благодаря языку. Без описанного процесса объективации и процесса возвращения к субъекту, совершающегося с помощью языка, даже тогда, когда процесс мышления протекает молча, невозможно образование понятий, а следовательно, и само мышление". (VII, 56; с. 76-77).

Если о кантианской ориентации нам напоминает высказывание: "Ни один из видов представлений не образуется только как пассивное созерцание уже данного предмета", и особенно то место, где говорится о "синтетической связи", то тезис об обязательном участии языка в преобразовании субъективного в объективное (как и обратно) напоминает идею Гердера. Тем не менее здесь со всей силой выступает самобытность гумбольдтовского метода мышления и очевиден вклад его как лингвиста в решение философской проблемы соотношения субъекта и объекта.

Традиция Гамана - Гердера своеобразно отражена в книге Густава Шпета "Внутренняя форма слова". Трудно согласиться с его резким тоном в оценке позиции Канта: "Не потому ли понятия рассудка оказываются пустыми, понятиями без смысла, без понимания, что Кант с самого начала изображает рассудок глухонемым, бессловесным?" Г. Шпет убежден, что восстановление античной концепции единства словесно-логического мышления в том виде, как оно ему представляется, повлечет за собой "радикальную реформу логики" и "в этой реформе не должны быть забыты идеи Гумбольдта о внутренней языковой форме" как о понятии "высокой плодотворности"[38].

Чтобы правильно понять философские основания теории Гумбольдта, нужно не выискивать, по Шпету, в них кантианские элементы, а просто поставить его в ряд с такими современниками, как Фихте, братья Шлегели, Шиллер, Гёте, Шлейермахер, Шеллинг, Гегель[39]. Заслуживает особого интереса сравнение Гумбольдта с Гегелем: "Может быть, меньше всего Гумбольдт был последователем Гегеля, но по смелости замысла, по широте охвата мысли, по глубине проникновения он должен быть поставлен рядом с Гегелем". Здесь же высказана мысль, на наш взгляд, принципиальной важности: "Порою прямо кажется, что философия языка Гумбольдта призвана завершить собою систему философии Гегеля. Но воспринятая в тоне, заданном Гумбольдтом, его философия языка должна была бы быть не простым дополнением к философии истории, права, религии, искусства, а должна была бы сделаться центральной проблемой философии духа, реализующей в языке все другие конкретные проблемы философии"[40].

При рассмотрении взглядов Г. Шпета, высказанных им в работе "Внутренняя форма слова", нас занимало не столько то, как Шпет интерпретирует саму проблему "внутренней формы"[41], а, скорее, его меткие замечания, касающиеся определения места Гумбольдта среди классиков немецкой философии. Воззрения Шпета привлекают наше внимание еще и тем, что поставленные им вопросы, а в некотором смысле и намечаемые решения их мы находим также в исследованиях современных философов и теоретиков языка.

Темой обсуждения стал и вопрос о применении диалектического метода в языкознании. В свое время Х. Штейнталь выступал против попыток внесения диалектического метода Гегеля в языкознание, видя в нем опасность "голых абстракций". Однако в наше время появилась тенденция в диалектическом методе (в понимании Гегеля) усматривать не опасность, а, согласно мнению философа Б. Либ-рукса, необходимое условие для всякой философии языка. Он даже выражает сожаление о том, что Гумбольдт остановился в "преддверии диалектики" (im Vorhof der Dialektik)[42].

В ответ Либруксу можно было бы сказать: Гумбольдт, без сомнения, мыслит диалектически. Однако мы имеем в виду не специальное понимание диалектического метода, которое было сконструировано Гегелем, а диалектику в широком ее понимании, о чем свидетельствует свойственный Гумбольдту способ рассмотрения языка во всех его многосторонних и не всегда легко уловимых связях.

В подтверждение этому можно было бы привести слова Гумбольдта, наилучшим образом характеризующие способ и метод его мышления: "Если я к чему-либо более способен, чем огромное

большинство людей, то это к соединению вещей, рассматриваемых обыкновенно в отдельности, сочетанию разных сторон и раскрытию единства в разнообразии явлений". Доказательством верности данных слов мог бы послужить широко задуманный Гумбольдтом проект сравнительного языковедения, в котором язык выглядит не как изолированный объект грамматического анализа, а как предмет, раскрываемый полностью лишь в своих многосторонних и необходимых связях, "...язык и постигаемые через него цели человека вообще, род человеческий в его поступательном развитии и отдельные народы являются теми четырьмя объектами, которые в их взаимной связи и должны изучаться в сравнительном языковедении". (IV, 9/10, с. 311) (Курсив наш. - Г. Р.).

Такое именно расширение перспективы, с какими бы трудностями процедурного характера оно ни сталкивалось, в большей степени способствует выявлению подлинной сущности языка и в гораздо большей мере соответствует самим имманентным требованиям науки о языке, чем узкий подход к языку как обособленному объекту аналитической лингвистики.

Вышеуказанными трудностями объясняется отчасти и отношение к Гумбольдту языковедов следующего поколения. Например, американский лингвист прошлого столетия К. Уитни писал: "Гумбольдта превозносят, не понимая и даже не читая" его. А 100 лет спустя автор известной книги по истории языкознания Г. Арене отмечает то же самое, спрашивая: "Все хвалят Гумбольдта, но всякий ли его читает?"^[43].

В. фон Гумбольдту, как выше было отмечено, была дана высокая оценка со стороны видных философов. Такого же высокого мнения были о нем современные ему крупные языковеды. Основоположник историко-сравнительного языкознания Ф. Бопп, касаясь сочинения Гумбольдта о санскритском языке, в одной из своих рецензий писал: "В этом весьма содержательном исследовании нас поражает четкость метода, строгая научная последовательность в развертывании и установлении понятий, редкая прозорливость в восприятии тончайших различий в кажущихся сходными словосочетаниях".

Я. Grimm, который одобрительно отнесся к проекту сравнительного языковедения, изложенного В. Гумбольдтом в докладе о баскском языке и народе, 12 мая 1823 г. писал Лахману: "...оба направления языка и языкознания, на мой взгляд, в этом докладе представлены великолепно". Он имел в виду историческое языкознание (одним из создателей которого был сам Я. Grimm) и сравнительное языковедение Гумбольдта.

Такое отношение к Гумбольдту вызвано тем, что его способ рассмотрения языка в широком контексте связанной с ним проблематики в одинаковой мере отвечает требованиям как философии, так и лингвистики. Перед нами попытка их интеграции, в которой преодолены односторонности как одной, так и другой науки. Однако такое сочетание не следует понимать в обычном смысле как философское языкознание или философию языка, наподобие философии права, религии или, скажем, философии физики и т. д. Поскольку язык касается не того или иного фрагмента действительности, а мира как целого в его первоначальном постижении, то связь изучающей его науки с философией более органична и будет иного порядка, чем отношение к философии других специальных наук, исследующих лишь отдельные сферы действительности.

Особое усиление интереса к наследию Гумбольдта связано с новым изданием сочинений В. фон Гумбольдта (в 17-ти томах) Прусской Академией наук в 1903 г. под редакцией А. Лейтцмана (фототипическое издание которого появилось в 1968 г.).

В двадцатых годах нашего столетия на западе Эрнст Кассирер, а у нас Густав Шпет связывают, хотя и по-разному, идеи Гумбольдта с "возрождающимся поворотом в философии". После перевода основного произведения В. Гумбольдта "О различии строения человеческих языков..." (СПб., 1859), выполненного П. Билярским, и книги Р. Гайма о Гумбольдте (Москва, 1899), а также после появления сочинения А. Потебни "Мысль и язык" (1862, 1892) еще больше возросла популярность Гумбольдта в России.

Понимание социального характера языка, ставшее главным теоретическим ориентиром нашей лингвистики, почему-то не отразилось на исследованиях, относящихся к гумбольдтовской проблематике:

опять по старой схеме усматривают в его взглядах на язык или психологизм, сводя язык на упрощенную схему "дух народа" ? "язык", или логицизм (особенно в последнее время), считая его лингвистическую теорию продолжением традиции "универсальной грамматики". Однако, как было отмечено выше, В. фон Гумбольдт решительно выступал против "априорности" философской грамматики.

Неогумбольдтианское направление в современном языкознании пытается найти эмпирическое применение теоретическим взглядам Гумбольдта (Л. Вейсгербер, И. Трир, Г. Гиппер и др.).

В американской лингвистике с целью переосмысления ее основ возникла необходимость обращения к авторитету Гумбольдта (Н. Хомский); специальные исследования посвятили Гумбольдту и гумбольдтианству Г. Базилиус, Р. Браун, Р. Миллер и др.

Все чаще упоминается имя Гумбольдта в современных трудах по антропологии, философии культуры и психологии.

В основу данного сборника, отражающего эволюцию взглядов Вильгельма фон Гумбольдта, легли два принципа: 1) постепенное осмысление В. фон Гумбольдтом значения языка для мышления и культуры и 2) тесно связанное с этим построение сравнительного языковедения. Эти две тенденции обрели свое единство в его знаменитом труде "О различии строения человеческих языков...", изданном после смерти автора и являющемся введением к книге "О языке кави на острове Ява". Если это фундаментальное исследование не достигло совершенства и в нем не получили решения некоторые частные вопросы, то это, во-первых, потому, что оно было лишено последней авторской редакции, а, во-вторых, и это главное, в нем были поставлены задачи, решение которых требует усилий многих поколений ученых-мыслителей, и не одних только лингвистов.

Особо следует отметить, что данный сборник включает ранее никогда не переводившиеся на русский язык работы Вильгельма фон Гумбольдта и тем самым значительно расширяет представление о его научной концепции.

В первой же работе теоретического характера - "О мышлении и речи" (1795 г.) - говорится об участии языка в установлении предмета познания. Параллельно с этим, с целью построения сравнительной антропологии, Вильгельм фон Гумбольдт размышляет об осуществлении универсального плана сравнения языков.

Глубоко вникнув в факт обусловленного языком естественного деления человечества на народы и всесторонне осмыслив связанную с этим проблему гуманизма, он (уже в 1795-1800 гг.) отмежевывается от двухчленного деления: "индивид - человечество" и выдвигает трехчленную схему соотношения: "индивид - народ - человечество".

В работе "Лаций и Эллада" (1806 г.) Вильгельм фон Гумбольдт, ставя перед собой задачу "кратко исследовать" особенности греческого языка и выявить, насколько эти особенности "определили греческий характер", подвергает критике общераспространенное мнение, будто "лучший метод - тот, который кратчайшим путем ведет к механическому пониманию и употреблению языка". Он указывает на ограниченность мнения о том, что слово является обозначением, лишь знаком предмета. В этом же исследовании выставлен тезис, неоднократно повторяющийся в последующих его работах: "Язык - это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека". (III, 168; с. 303-304).

В сочинении "О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие" (1821 г.), носящем отрывочный характер, Гумбольдт призывает "быть свободным от всякой, в высшей мере неподобающей языковеду недооценки языков", еще "не оформленных письменно". Он утверждает, что эти, на первый взгляд, "скудные и грубые языки" "несут в себе богатый материал для утонченного и многостороннего воспитания". (VII, 643; с. 326).

Исследование "О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития" (1822 г.) известно тем, что в нем изложены принципы сравнительного языковедения. Введенное Гумбольдтом понятие "языкового мировидения" создает прочную теоретическую базу для семантического сравнения языков. Здесь же высказаны соображения о возможной связи теории сравнительного

языковедения с теорией познания, раскрытие и разработка которых требует совместных усилий лингвистов и философов.

В работе "О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей" (1822/23 г.), затрагивая вопрос грамматических структур языков, Гумбольдт призывает лингвистов воздержаться от постулирования одного общего типа при характеристике различных языков, так как "нельзя указать совершенно прямого и определенным образом предписанного природой пути развития" (IV, 285/286; с. 327). Поэтому он решительно "опровергает мнение", приписывающее определенным народам преимущественность их языков "исключительно благодаря флексии", "тогда как всякое развитие других народов ставится под сомнение" (IV, 299; с. 337).

"Достоинством" и "недостатком" того или иного языка, по Гумбольдту, нужно считать "не то, что способен выразить данный язык, а то, на что этот язык вдохновляет и к чему побуждает благодаря собственной внутренней силе". (IV, 288; с. 329). (Курсив наш. - Г. Р.). Единственно этой энергетической и глубоко гуманистической точкой зрения (а не другими соображениями) следует объяснять постоянную позицию Гумбольдта в толковании факта многообразия и различия языков, которая, по всей вероятности, и отражена в заглавии его последнего обобщающего сочинения: "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества", которым мы и открываем настоящий сборник.

Ввиду того, что лингвистическая теория Вильгельма фон Гумбольдта представляет собой весьма сложное образование, редакция сочла необходимым снабдить настоящее издание послесловиями, рассматривающими разные аспекты научной концепции автора.

Следует учитывать, что наименования языков и характеристики народов, их носителей, в работах В. фон Гумбольдта соответствуют уровню знаний его времени и не всегда представляется возможным соотнести их с современными научными взглядами.

Редакция выражает благодарность проф. А. В. Гулыге, который принимал участие в редактировании книги.

Г. В. Рамишвили

2. "Это новое учреждение,- сообщает Гумбольдт в письме своему кенигсбергскому приятелю Мотерби,- доставит мне еще много забот и труда, но вместе с тем и много радости, так как оно действительно устроено исключительно мною", (См. Р. Г а й м, Вильгельм фон Гумбольдт. М., 1899, с. 226.)

3. См. Р. Г а й м. Вильгельм фон Гумбольдт. М., 1899, с. 229.

4. Там же.

5. Дельбрюк Б. Введение в изучение языка. СПб., 1904, с. 28.

6. Под этим он понимал сопоставление различных человеческих сообществ с целью выявления специфики их духовной организации.

7. Например, баскский был не только первым неевропейским языком, ставшим отправным пунктом для новой ориентации в сравнении языков, но он привлек его внимание и в другом отношении: Гумбольдт искал ответа на вопрос: "Каким образом должна отнестись испанская монархия к баскскому народу, чтобы как можно более плодотворно использовались его способности и прилежание". Этот вопрос Гумбольдту представлялся насущным, так как, по его словам, мы "все чаще сталкиваемся со случаем, когда различные народы объединены в одно государство". Защищая ущемленные права народа, имеющего свой язык и самобытную культуру, Гумбольдт разъясняет: "До сих пор больше заботились о том, как избавиться от препятствий, возникавших из-за разнообразия, нежели о том, какую пользу извлечь из добра, порождаемого самобытностью". Цитаты приводятся по книге: L. Weisgerber Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur. Dsseldorf, 1957, S. 196.

8. Римские цифры в ссылках указывают на номер тома собрания сочинений В. фон Гумбольдта в 17-ти томах в издании Прусской Академии наук (1903 - 1936 гг.) (Wilhelm von Humboldt Gesammelte Schriften, hrsg. Albert Leitzmann), арабские цифры обозначают ссылки на страницы этого издания. Страницы после точки с запятой указывают соответствующее место настоящего издания. 9. Например, существующие

в историческое время языки трудно поддаются делению на "простые" и "сложные", и, видимо, это не теряет силы также и по отношению к гипотетической эпохе.

10. Основатели журнала "Психология народов" Лацарус и Штейнталь прибегли к авторитету Гумбольдта для построения новой дисциплины (Völkerpsychologie); но психология народов, как известно, не смогла четко отграничить свой объект от позитивистски настроенной эмпирической психологии, и поэтому гумбольдтовские термины "дух" и "дух народа" в их толковании скорее являются "психикой" говорящих индивидов, нежели величиной, имеющей социологическое измерение. Отрицательное отношение к слову "дух" (Geist) в послегумбольдтовскую эпоху позитивизма, а также использование авторитета Гумбольдта в самых ранних проектах построения психологии народов, где за исходное принималось смутное представление о субстанциальности "духа народа", не только отталкивало исследователей от проблем, связанных с этим понятием, но и отбирало охоту к изучению наследия Гумбольдта.

11. По Штейнталю. См. Н. Steynthal. Die Sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Berlin, 1883, S. 255-256.

12. Совершенно справедливы замечания В. Звегинцева: "Почему-то забывается то предельно элементарное обстоятельство, что В. Гумбольдт принадлежал определенному времени и говорил на языке своего времени. И если изучение научного наследия ориентировать лишь на его словоупотребление и, например, на основе содержавшегося в его работах сложного термина "дух народа" делать выводы касательно всей концепции в целом, то это с равным успехом можно сделать и в отношении, по-видимому, вовсе не предосудительного выражения - "духовная жизнь народа". Важно вскрыть действительную сущность, скрывающуюся за подобного рода словоупотреблениями. И наибольшая трудность понимания рационального содержания научного творчества В. фон Гумбольдта заключается как раз в необходимости быть готовым к этой трудоемкой работе ума". (Из рецензии на книгу Г. В. Р а м и ш в и л и "Вопросы энергетической теории языка" 1978). - См. "Вопросы философии". Москва, № 11, 1978).

13. "Когда мы желаем, - пишет В. фон Гумбольдт, - определить идею, со всей очевидностью проходящую через историю со все возрастающей значимостью, когда многократно оспариваемое и еще чаще неверно понимаемое стремление к усовершенствованию человеческого рода свидетельствует о наличии таковой, то эта идея проявляется как гуманность, как стремление уничтожить границы, враждебно воздвигнутые между людьми предрассудками и всевозможной односторонностью взглядов, стремление рассматривать все человечество без различия религий, национальностей и цвета кожи как большое, тесно связанное братскими узами племя, как целое, имеющее перед собой одну цель - свободное развитие своих внутренних сил. Это - последняя, крайняя цель человеческого общения и вместе с тем самой природой данное человеку свойство неограниченно расширять сферу своего существования". (VI, 114-115)

14. Термин "sprachliche Weltansicht" Бодуэн де Куртене переводит как "языковое мировидение": " ..без всяких оговорок, - пишет он, - можно согласиться с мнением Гумбольдта, что каждый язык есть своеобразное мировидение. ". (Бодуэн де Куртене. Язык и языки. - См. "Энциклопедический словарь" в изд. Брокгауза и Ефрона, 1904, с. 532.) Это последнее, на наш взгляд, более адекватно передает гумбольдтовское понятие, нежели "языковое мировоззрение", так как слово "мировоззрение" несет, как известно, и иную смысловую нагрузку.

15. Такая форма "естественной связи отдельной личности с сообществом" делает очевидным, почему под понятием нации как исторической величины следует подразумевать "нечто гораздо большее, нежели простой агрегат индивидов" (письмо к Бунзену, Тегель, 22.11.1833).

16. "Тем же самым актом, посредством которого человек из себя создает язык, он отдает себя в его власть; каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг. Изучение иностранного языка можно было бы поэтому уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании; до известной степени фактически так дело и обстоит, потому что каждый язык образует ткань, сотканную из понятий и представлений некоторой части человечества; и только потому, что в чужой язык мы в большей или меньшем степени переносим свое собственное миропонимание и свое собственное языковое воззрение, мы

не ощущаем с полной ясностью результатов этого процесса". (VII, 60) см. книгу В.А. Звегинцева "История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях", ч. 1. М., 1964, с. 99). 17. В сфере материальной культуры, техники язык также не выступает лишь как изготовитель или поставщик готовых этикеток для каждого нового экземпляра. Исследователям языков хорошо известно, что каждый акт наименования вещи или создание термина осуществляется как по звуко-формальным, так и по семантическим параметрам естественного языка.

18. N. Chomsky. Cartesian Linguistics. New York, 1966.

19. "В изложении антиномий Гумбольдта мы следуем Штейнталу". (См, А. П о т е б н я. Мысль и язык. Харьков, 1892, с. 28.)

20. Г . Ш п е т. Внутренняя форма слова. Москва, 1927. В различных учебниках по языкознанию, выходящих у нас, и по сей день большей частью говорится о внутренней форме именно слова (как объекта этимологических изысканий), а не языка.

21. Внутреннюю форму языка не следует также смешивать с "внутренней речью". Эта последняя относится лишь к индивиду и ничем иным, как имплицитной формой звуковой речи, не является.

22. А что главное: именно в данном параграфе (Внутренняя форма) говорится о "синтаксическом построении" в связи с "образованием грамматических форм" (с. 105) и на этом фоне "образование понятий" лишь путем слова он считает односторонним.

23. Гумбольдтианские идеи в интерпретации Штейнтала нашли свое распространение не только в Европе и России, но и в Латинской Америке (см. Г. В. Степанов. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 192).

24. О несоответствии "глубинной структуры" "внутренней форме "зыка" Гумбольдта говорится в двух работах: Е. К осери у. Семантика, внутренняя форма языка и глубинная структура. Тюбинген, 1969; Г. Р а м и ш в и л и. К вопросу о внутренней форме языка (Синтез и порождение) (Actes du Xe Congres International des Linguistes.) Бухарест, 1967

25. В. Звегинцев. - "Вопросы философии", № 11, 1978, Как известно, В. Звегинцеву принадлежит перевод отдельных глав "Введения" Гумбольдта, и в частности параграфа о внутренней форме языка.

26. О значении такого подхода для теорий деятельности, существующих у нас, см. В. И. Постовалов а. Язык как деятельность. Москва, 1982.

27. См. об этом: Г. В. Р а м и ш в и л и. Языкознание в кругу наук о человеке. - "Вопросы философии", 6. Москва, 1981. 28. Если считать человека пассивным, лишь созерцательным существом, а язык - активным началом, то появится опасность гиперфункционализма, то есть возможность полной детерминации мыслительных процессов языком (ср. так называемый "сильный вариант" современных этнолингвистических теории).

29. Так назвал этот свой метод Вильгельм фон Гумбольдт в письмо к Вольфу (от 20 декабря 1799 г.)

30. В последнее время этот вопрос вновь стал темой обсуждения в трудах лингвистов и философов как у нас, так и за рубежом. А что касается мнения самого Канта о Гумбольдте, то он, ознакомившись с одним из его сочинений ("О различии полов..."), написал Ф. Шиллеру, автор данного труда "кажется мне большим умом". (Р. Г а й м. Вильгельм фон Гумбольдт М , 1899, с 96).

31. На этом фоне требует пересмотра и позиция тех исследователей, которые без труда выискивают истоки учения В. фон Гумбольдт (в частности, концепции формы) в философии Платона или Аристотеля.

32. Р. Гайм. Вильгельм фон Гумбольдт. М., 1899, с. 371.

33. Там же.

34. Эд. Шпрангер в своей большой монографии о Гумбольдте (F.d. Spranger. Wilhelm von Humboldt und die Humanit?tsidee. В., 1909) ограничивается лишь всесторонним исследованием проблемы

влияния критической философии на гуманистические воззрения Гумбольдта, мало касаясь собственно философии языка.

35. E. Cassirer. Die Kantischen Elemente in Wilhelm von Humboldts Sprachphilosophie. Erlangen - Greis, 1923. 36. Подробнее о мотивах полемики Гердера с Кантом см.: А. В. Г у л ы г а. Гердер. М., 1963. Его же. Гердер. Идеи к философии истории человечества (Приложение). М., 1977.

37. Об этом см. Гурам Рамишвили. Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси, 1978.

38. Г. Ш п е т. Внутренняя форма слова. Москва, 1927, с. 30.

39. Там же, с. 33.

40. Там же, с. 33. Такую же мысль высказывает современный философ Т. Бодамер в своем исследовании: Th. Bodammer. Hegels Deutung der Sprache. Hamburg, 1969.

41. Такое толкование представляется нам менее адекватным. В ответ на упрек Шпета о том, что "первоисточником всех неясностей в учении Гумбольдта о внутренней языковой форме явилось его неотчетливое указание места, занимаемого внутренней формой в живой структуре слова" (Г. Ш п е т. Внутренняя форма слова, с. 60), мы бы повторили то, что нами уже было высказано выше: место внутренней формы языка не следует искать в структуре отдельного слова.

42. В. Liebrucks. Sprache und Bewußtsein, II, Sprache. Wilhelm von Humboldt. Frankfurt a. M., 1965.

43. Н. Arens. Sprachwissenschaft. Freiburg - München, 1955, S. 184.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

Г. В. Степанов

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

(Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 203-204)

Испанский язык - один из романских языков (иберо-романская подгруппа). Официальный язык Испании, 19 стран Латинской Америки (в Перу наряду с кечуа, в Боливии - с кечуа и аймара, в Пуэрто-Рико - с английским языком). Распространен также на Филиппинах, в бывших колониях и зонах испанского протектората в Африке (официальный язык Республики Экваториальная Гвинея), на юго-западе США. Общее число говорящих 300 млн. чел. Один из шести официальных и рабочих языков ООН. До конца 15 в. преобладало название "кастильский язык". По мере формирования испанского национального языка возобладал термин "испанский язык". В Латинской Америке употребляются оба термина, однако предпочтение отдается первому.

Испанский язык представляет собой новейший этап развития живой народной латыни, занесенной на Пиринейский полуостров римскими колонизаторами на рубеже 3-2 вв. до н. э.

Специфика диалектного членения современного испанского языка состоит в множественности северных говоров и диалектной нерасчлененности юга Испании, подвергавшегося арабскому завоеванию (711-1492). Северные диалекты: арагонский с 3 говорами - пиренейским, прибрежным (бассейн р. Эбро в Наварре и Арагоне), нижнеарагонским; леонским (собственно леонский, астурийский, или бабле, мирандский), кастильский (говоры: бургосский, алавский, сорийский, или сорианский, риохский, или риоханский). На юге - андалусийский диалект, включающий собственно андалусийскую, мурсийскую, эстремадурскую и канарскую разновидность. В основе литературного языка лежит кастильский диалект, занявший ведущее положение с 16 в.

В звуковом составе испанского языка 5 гласных: а, о, е, и, i. В литературном языке различия по открытости/закрытости не фонологизированы, а обусловлены характером слога (открытый слог - закрытый гласный и наоборот). Имеются дифтонги (из соединения сильных гласных а, е, о со слабыми и, i или двух

слабых) и трифтонги (редко). Взрывные согласные b, d, g (в сильной позиции) имеют позиционные варианты - спиранты [b], [g] (в слабой позиции). Полусмычная (аффриката) сходна с соответствующим согласным в английском, итальянском и других языках. Межзубная глухая [o] не имеет соответствий в других романских языках. Фонема [s] в литературной норме Испании - апикально-альвеолярная в отличие от предорсальной [s] в Андалусии и Латинской Америке. Велярная, постдорсальная [x] имеет более жесткую фрикацию, чем другие фрикативные и неизвестна другим романским языкам. У всех фрикативных глухих отсутствуют звонкие пары. Боковая согласная [l] обнаруживает тенденцию к переходу в [j]. Дрожащая [r] в начале слова и после n, l, s имеет многократную вибрацию, между гласными - однократную; фонема [rr] встречается между гласными и фонематически отличается от [r] в сходной позиции. В отличие от французского языка место словесного ударения не фиксировано, наиболее часто - на предпоследнем слоге.

Существительные и прилагательные не склоняются, имеют категории рода (мужского и женского) и числа (единственного и множественного). Для выражения определенной и неопределенной соотнесенности используется 3 вида артикля: определенный, неопределенный и нулевой. Личные местоимения сохранили склонение. Указательные местоимения трех ступеней: *este* 'этот' (около говорящего), *ese* 'тот' (около собеседника), *aquel* 'тот' (предмет, удаленный от обоих собеседников).

Глагол имеет 14 грамматических времен, распределенных по 3 наклонениям: изъявительному (8 времен), сослагательному (4) и условному (3 времени). Форму повелительного наклонения глаголы имеют только во 2-м л. ед. и мн. числа. Своеобразной чертой является наличие двух глаголов со значением "быть": *ser* и *estar*. Имеются 3 неличные формы глагола: причастие прошедшего времени страдательного залога, герундий и инфинитив, 2 залога: действительный и страдательный, образуемый от личной формы глагола *ser* + причастие основного глагола. Страдательно-возвратная форма состоит из глаголов в действительном залоге и возвратного местоимения *se*.

Порядок слов относительно свободный. Постановка прямого дополнения до глагола вызывает местоименную репризу: *Este libro no lo he leído* 'Эту книгу я ее не читал'. Прямое дополнение, обозначающее лицо, в отличие от других романских языков сопровождается предлогом *a* (ср. румынский и молдавский предлог *pe*). Основная особенность неличных форм глагола - образование абсолютных конструкций.

Большинство слов испанского языка происходит из народной латыни, сохраняется также лексика классической латыни. Выбор из латинского фонда отличает испанскую лексику от других романских языков (исп. *hermano* 'брат' от *germanus*, ср. итал. *fratello*, франц. *frère* от *frater*). Заимствования из книжного латинского языка средних веков и Возрождения привели к образованию дублетных пар: народное *llamar* - книжное *llamar*. Германские заимствования сходны с другими романскими языками, специфична лексика арабского и индейского происхождения. В разные периоды проникали французские, английские и русские заимствования. Письменность на основе латинского алфавита. Старейшие памятники на кастильском - "Песнь о моем Сиде" (1140, запись прав г. Авила (т.н. *Fuero*; 1155). Испанский язык Латинской Америки функционирует как совокупность различных национальных вариантов. Общее число говорящих в Латинской Америке свыше 200 млн. чел. Историческая база испанского языка в Латинской Америке - разговорный язык Испании конца 15 в. (начала колонизации) с преимущественным влиянием южноиспанской разновидности (андалусийская, канарская). В основе особенностей испанского языка Латинской Америки (т.н. американизмов) лежат фонетические и лексические явления, реже грамматические.

Испанский язык на Филиппинах - вариант испанского языка, возникший в результате их колонизации во 2-й половине 16 в. На уровне разговорной речи смешался с местными языками и говорами, образовав подобие креолизованного тагало-испанского языка.

Испанский еврейский (сефардский) язык - разновидность испанского языка, начало образования которой связано с изгнанием из Испании в конце 15 в. евреев, расселившихся главным образом на территории Османской империи, в Северной Африке, затем в Португалии, Италии, Греции, Румынии, Палестине и др. Пребывая в условиях иноязычного окружения и не имея статуса официального языка, он до сих пор сохраняет черты (главным образом в фонетике) испанского языка конца 15 в. Функционирует как бытовой язык, проявляющий признаки вымирания.

О ТРАСПОЗИЦИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К.А. Тимофеев

О ТРАСПОЗИЦИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (История языка. - Новосибирск, 1999. - С. 3-7)

Категория времени относится к понятийным категориям и находит свое выражение в лексике и семантике, в словообразовании, в морфологии и синтаксисе.

Категория времени - одна из самых сложных категорий русского языка. Эта категория, как и многие другие, имеет своим источником реальные отношения. Она отражает в своих формах временные соотношения между явлениями. Во времени существует то, что изменяется, сменяет одно другим, переходит в иное состояние и т.д. Точкой отсчета для основных трех времен - настоящего, будущего и прошедшего, служит настоящее время.

В философском смысле понятие настоящего весьма условно. Границы его весьма подвижны. В качестве настоящего может восприниматься данный отрезок времени, когда я говорю или пишу, сегодняшний день, месяц, данный год, определенный период жизни, даже то, что длится неограниченное время (*земля вращается вокруг солнца; рыбы дышат жабрами*), а также и бесконечно малое. Так, в нашей наиболее мелкой единице времени - секунде - мы можем теоретически установить бесконечное число мельчайших "кусочков" настоящего.

В философском плане настоящее - это не имеющая измерения, протяженности, грань, отделяющая будущее от прошедшего. Через эту грань, как бы идеальную геометрическую линию (имеющую только длину и не имеющую ширины) движется поток времени: будущее, минуя ее, как бы сразу переходит в прошедшее (1). Но так в философском плане. В реальной же жизни существует настоящее, мы живем в настоящем. Но наше настоящее как бы кусочек, отрезок разной протяженности будущего и прошедшего, соприкасающиеся на упомянутой выше идеальной линии (2). Границы настоящего переменны, подчас расплывчаты, но тем не менее настоящее для нас реальность. Вероятно, восприятие, ощущение настоящего основано на способности нашей памяти удерживать некоторое время части получаемой информации, части эмоций, мыслительных и волевых акций и т.д. И эти "кусочки", уже отошедшие в прошлое, некоторое время "живут" в нашем сознании и воспринимаются как части настоящего. Эти рассуждения понадобились нам для того, чтобы понять причины транспозиции временных форм глагола, т.е. их перемещения из одной временной сферы в другую.

Грамматическая форма двупланова. С точки зрения плана содержания, она передает определенное грамматическое значение, с точки зрения плана выражения, она отмечена показателем, формантом, соотносящимся с ее значением.

В грамматической форме различаем ее исходное генетическое значение, связанное с ее происхождением, и значения функциональны, т.е. значения, которые форма получает в речевом употреблении.

Транспозицией считается использование грамматической формы в таких функциональных значениях, которые в той или иной степени отступают от ее генетического значения (*transpositio* - существительное от *trans-pono* "переносу, перемещаю").

Предельной ступенью транспозиции является приобретение такого функционального значения, которое уже не соотносится с ее исходным, генетическим значением.

Генетическое значение или 1) продолжает быть основным значением грамматической формы, соотносясь с ее функциональными значениями, или 2) оно может быть забыто; и тогда одно из функциональных значений становится основным значением грамматической формы.

Помимо философского понимания времени и бытового, повседневного, житейского восприятия, следует иметь в виду и грамматическое время, значение (значения), выраженное специальными формами времени глагола.

Грамматическое время, как таковое, не имеет той дифференциации, которая свойственна этой категории в ее философском или речевом восприятии. Но оно конкретизируется в речи, в зависимости от ситуации, контекста речи, а так же от лексического значения глагола, так, например, форма писал, взятая вне речи, обозначает просто прошедшее, прошедшее недифференцированное. Но в зависимости от обстановки речи и контекста может обозначать: а) прошедшее длительное (*я писал это письмо весь день*); б) прошедшее длительное прерывистое (*я много раз писал ему об этом*); в) прошедшее однократное без указания на степень его продолжительности (*я уже писал ему об этом*). В последнем случае форма писал выступает в аористичном значении, ср. аналогичное *я уже говорил ему об этом*.

Значение времени в грамматической форме времени, взятой вне речи, это недифференцированное прошедшее, настоящее и будущее.

Итак, транспозиция временных форм глагола в речи обусловлена спецификой нашего восприятия категории времени, спецификой понимания настоящего, прошедшего и будущего времени.

Рассмотрим некоторые случаи транспозиции временных форм русского глагола.

Настоящее в будущем. Из истории русского языка можно привести в качестве примера переосмысление форм настоящего времени глаголов, получивших значение совершенного вида, в качестве форм будущего времени (например, *скажу, решу, напишу* и т.д.). Перенос из настоящего в будущее вполне объясним: то, что мыслится в настоящем, может вполне естественно переместиться на территорию будущего.

В данном случае генетическое значение этих форм утратилось, и основным значением их стало функциональное значение. Грамматическим средством выражения будущего времени у подобных глаголов является парадигмизированная система основных и добавочных формантов, например, в словоформе *принесу* на будущее время указывают: приставка *при-*, окончание *-у* (недифференцированный показатель настоящего-будущего), огласовка корня *е* (ср. *приношу*), противопоставленность последнего согласного с согласному *ш* (ср. *принесу - приношу*).

Надо особо указать такие формы будущего простого, как *лягу, сяду*. Исторически эти формы настоящего с начинательным оттенком, вносимым инфиксом *л*. Употребление инфикса с начинательным значением способствовало переосмыслению этих форм будущего со значением совершенного вида. Другим примером переосмысления формы настоящего с инфиксом *л* является наше будущее простое *буду*, спецификой которого является его видовая двуплановость, ср. *я завтра буду на концерте* (аористичность значения, констатация без указания на длительность) и *я завтра буду мыть окна* (обозначение длительного действия).

В реконструированном виде данная форма может быть обозначена таким образом: **bhu-n-d-ot* (*л* - инфикс, *d* - детерминант, слившийся с корнем). Показательно, что функциональное переосмысление форм настоящего в качестве форм будущего встречаем и в современном русском языке. Укажем на следующий случай такого переосмысления.

Глаголы с определенно-моторным значением (по терминологии А.А. Шахматова [3]), т.е. обозначающие определенно-направленные действия типа *иду, еду, лечу, плыву, несусь, бегу* и т.д. могут в речи приобрести значение будущего времени: *Завтра я еду в Москву; Десятого иду в театр; Послезавтра плыву в Сочи*. (Ср. невозможность такого употребления для глаголов, обозначающих разнонаправленные действия: **Завтра хожу в театр; *Послезавтра плаваю в Сочи*.) Соотнесенность настоящего подобных глаголов с будущим временем определяется или ситуацией, или контекстом (в первую очередь сочетанием со словами, выполняющими обязанность обстоятельств времени: *завтра, через два дня, двадцатого числа* и т.д.). Это употребление настоящего в значении будущего поэтому может быть названо контекстуальным.

Будущее в настоящем. Может быть, это наименование не совсем точное. Речь идет о простом будущем глаголов, получивших значение совершенного вида, которые в определенной конструкции

как бы сохраняют свойственное им ранее значение настоящего. Здесь скорее можно говорить о пережиточном использовании данных глаголов в прежнем временном значении.

Конструкция состоит из простого будущего глагола совершенного вида в сочетании с отрицательными словами *никак, нигде, никаким образом* и т.д.: *Никак не забью гвоздь, не открою окно, не найду этой книги, не пойму вас, не решу этой задачи; нигде не найду ключа, нужного ответа, потерянной книги; никаким образом не соберу таких денег* и т.д. Здесь настоящее с особым модальным оттенком невозможности: "никак не забью гвоздь" = "никак не могу забить гвоздь", "никак не открою окно" = "никак не могу открыть окно".

В данной конструкции выражена невозможность завершить, закончить производимое в настоящем времени действие. В отрицательной модальности содержится оттенок законченности, предельности, присущей формам совершенного вида. Здесь мы имеем как бы настоящее совершенного вида.

Настоящее в прошедшее. Настоящее время глаголов несовершенного вида может употребляться для обозначения событий, имевших место в прошлом. Соотнесенность с прошедшим устанавливается обстоятельственным словом, семантика которого связана с прошедшим. Если это слово обозначает прошедшее без конкретизации (*в детстве, в ранней молодости, во время отпуска, летом* и т.д.), то форма настоящего обозначает обычное, часто повторявшееся в указанный период времени действие: *Летом отправляюсь в лес, вдыхаю запах сосен, люблю природой.* Значение обычности может усиливаться, подчеркиваться вводным словом *бывало*. Если обстоятельственное слово обозначает конкретный промежуток времени (*вчера, в пять часов вечера, двадцатого февраля* и т.д.), то форма настоящего указывает на конкретное событие, имевшее место в прошлом: *Вчера иду по лесу и нахожу много грибов.* В данной конструкции две части, каждая из которых может состоять из нескольких слов: *вчера иду по лесу, наслаждаюсь запахом цветов, люблю соснами и вдруг выхожу на полянку, там много грибов, и я начинаю собирать их.* Вторая часть обозначает действие (действия), наступающее после реализации действий, называемых в первой части. В обоих случаях имеем так называемое настоящее историческое (*praesens historicum*), которое дает нам возможность образно, как бы в виде просмотра снятых в прошлом кинокадров, представить прошедшие события.

Будущее в прошедшее. Употребляться в значении прошедшего могут формы будущего совершенного вида, получившие в данном случае значение настоящего совершенного вида в прошедшем (*futurum historicum*). Эти формы обозначают обычные, часто повторявшиеся и завершившиеся в прошлом действия: *Утром (т.е. по утрам) выйду (т.е. выхожу) в лес, подойду (т.е. подхожу) к старой сосне, сяду (т.е. сажусь) в ее тени и начну (т.е. начинаю) наслаждаться природой.* В этой конструкции две части, каждая из которых может состоять из нескольких глаголов, вторая часть, как и при употреблении *praesens historicum*, называет действие (действия), наступающее после реализации действий, названных в первой части. Во второй части может быть употреблена, как указывалось выше, и форма настоящего времени: *Встану пораньше, пойду в лес и начинаю делать зарядку.*

Отнесенность в прошлое производится, как и в первом случае употребления настоящего исторического, обстоятельными словами (*летом, во время отпуска, в юности* и т.д.). Обстоятельственное слово должно как бы обозначать достаточно широкий фон для осуществления обычных, повторявшихся действий. Это же достигается и употреблением вводного слова *бывало*.

Нами рассмотрены некоторые случаи транспозиции временных форм русского глагола.

В большей части случаев функциональное значение временных форм не порывает соотношения с их генетическим значением. Сквозь полученное в речевом употреблении функциональное значение как бы просвечивает исходное значение формы. Исключение составляют формы настоящего времени тех глаголов, которые в древности приобрели значение совершенного вида и сейчас обозначают уже будущее время, в обычном употреблении утратившее связь с прежним временным значением. Утратило связь с былым значением настоящего времени и наше будущее невидовое *буду, будешь, будет* и т.д.

Примечания

1. Великий богослов и учитель церкви блаженный Августин (IV - V вв.) писал в своей "Исповеди": "Что же такое время? Кто смог бы объяснить это просто и кратко?.. Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему - нет, не знаю. Настаиваю, однако, на том, что твердо знаю: если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени. А как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? и если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое" [1, с. 167].

2. "Настоящим можно назвать только тот момент во времени, который невозможно разделить хотя бы на мельчайшие части, но оно так стремительно уносится из будущего в прошлое! Длительности в нем нет. Если бы он длился, в нем можно было бы отделить прошлое от будущего; настоящее не продолжается" [1, с.168].

Литература

1. Аврелий Августин. Исповедь. - М., 1992.
2. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. - Л., 1978. - Изд. 2-е.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Ред. и коммент. Е.С. Истриной. - Л., 1941. - Изд. 2-е.

СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

И. М. Дьяконов

СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

(Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 442-443)

Семитские языки - одна из ветвей афразийской, или семито-хамитской, макросемьи языков. Распространены в Западной Азии и Африке севернее Сахары. Число говорящих 193 млн. чел. С. я. разделяются на группы: **северно-периферийную**, или или северо-восточную (вымерший аккадский яз.); **северно-центральной**, или северо-западную [живые языки: иврит в Израиле и новоарамейские диалекты - западные в Сирии, восточные в Ираке, Иране, СССР, США, Турции и др. объединяются под назв. ассирийского (новосирийского) языка; мертвые: эблаитский, аморейский, ханаанейский, угаритский, финикийско-пунический, древнееврейский (ранняя форма иврита), я'уди и арамейские диалекты - древнеарамейский, имперский арамейский, западные: пальмирский, набатейский, подгруппа палестинских, восточные: сирийский, или сирский, вавилонско-талмудическая, мандейский; **южно-центральной** (живые: арабский язык со множеством сильно различающихся живых диалектов, мальтийский на Мальте); южно- периферийную [живые: мехри, джиббали (шахри, шаури), сокотрийский и некоторые другие малые языки в НДРЙ; мертвые: минейский, сабейский, катабанский, объединяемые как южно-аравийские эпиграфические]; эфиосемитскую (живые: северная подгруппа - тигринья, или тиграй и тигре; южная подгруппа - амхарский, аргобба, харари, ряд диалектов, условно объединяемых под назв. гураге; недавно вымерший гафат; мертвый: гэз, или эфиопский, принадлежащий к северной подгруппе). Южно-центральная, южно-периферийная и эфиосемитская группы объединяются нередко в одну **южную**, или юго-западную группу.

Характерные черты С. я.: ограниченное число гласных (первоначально а, і, у в долгом и кратком вариантах; значительно больше гласных в живых диалектах), наличие трех рядов согласных (звонкие, глухие и "эмфатические" - напряженные веляризованные или глоттализированные), наличие фарингальных согласных (h и ' , т. наз. 'айн), увулярных (h и у) и гортаного взрыва ' (т. наз. хамза, или 'алеф). Сибилантные аффрикаты и латеральные согласные были рано утрачены, но, по-видимому, должны быть реконструируемы для общесемитского праязыка.

Корень глагола и отглагольных имен обычно состоит из трех согласных, несущих основное словарное значение, в то время как огласовка, а также суффиксы, префиксы и инфиксы уточняют значение или передают грамматическую категорию, напр. араб. *kataba* 'он писал', *kutiba* 'написан', 'a-*kataba* 'заставил написать', *katib-* 'пишущий, писец', *kitab-* 'письмо, книга', *ma-ktab* 'место, время письма, школа'. Именной корень имеет вид: CVC, CSC, CV'CS, CVSC (S - сонант), но в южно-семитских языках имеет тот же характер, что и глагольный корень.

В С. я. существует категория статусов, или состояний имени, зависящих от синтаксической роли данного имени в каждом данном случае и различающихся морфонологически, но по-разному в различных С. я.

Различаются 2 рода (мужской, немаркированный, и женский, обычно маркированный специальным суффиксом: иногда различаются только по согласованию). В старо-аккадском языке 6 падежей (в т. ч. особый падеж, или статус, маркированный -0 или -а для имени в роли предиката или вне синтаксической связи), в других старо-семитских языках 3 падежа (-и именительный, -i родительный, -а винительный); в живых С. я. падежей нет. Имеются двойственное и множественное число; последнее в южно-семитских языках большей частью вытеснено различными собирательными существительными, образованными путем перегласовки основы ("ломаное множественное": *bab-* 'дверь', мн. ч. 'abuab'-; 'alim 'ученый', мн. ч. 'ulama'-; *gurnal* 'журнал', мн. ч. *garanil*).

Прилагательные иногда отличаются специфическими суффиксами (напр., "нисбы", или притяжательные прилагательные на -ii-, -ai-), но в основном иным образованием множественного числа, а также синтаксически. Различаются местоимения: а) самостоятельные личные [араб. 'ana 'я', 'anta 'ты' (муж. род), 'anti 'ты' (жен. род.), *huu* 'он', *hiia* 'она' и т. д.]; самостоятельные личные местоимения в некоторых языках склоняются, употребляются для подчеркивания лица субъекта (в некоторых языках - и объекта), но не являются обязательными; б) самостоятельные притяжательные (архаичные, редки); в) суффиксальные (при имени - притяжательные, при глаголах - объектные показатели); обычно для 1-го л. -i или -ya, 2-го л. муж. рода -ka, жен. рода -ki, 3-го л. муж. рода -hu, жен. рода *hi/a* (< *shu, *shi); г) вопросительные; д) относительные, нередко они же *nota genitivi*, т. е. элементы, связующие определение с определяющим.

В глаголе находят отражение категории лица, числа, рода, субъекта (объект действия может выражаться местоименным суффиксом), а также вида/времени, наклонения (только в мертвых С. я.), породы и залога (пассив вторичен, и большей частью средства его выражения выработаны не полностью). Обычно существует 2 вида - совершенный (пунктивный) с суффиксальным спряжением (1-е л. ед. ч. -ku, -tu, 2-е л. муж. рода -ta, -ka, жен. рода -ti. -ki) и несовершенный (курсивный) с префиксальным спряжением (1-е л. 'a-, 2-е л. ta-. 3-е л. -ya и т. д.); в аккадском языке в глаголах действия префиксальное спряжение имеет оба вида (курсивный - с полногласием основы, пунктивный - с неполногласием или с инфиксом -t-; остатки этого явления - в южно-периферийных и эфиосемитских языках). В дальнейшем совершенный вид развивается в прошедшее время, несовершенный вид - в будущее (иврит, арамейский) или настоящее (арабский); в первом случае настоящее передается с помощью причастия, во втором случае будущее - с помощью специальной проклитики. Особенно характерно для С. я. наличие т. наз. пород. Породы (усилительная, заставительная, возвратная и многие другие) модифицируют первичное значение глагола. Каждая порода имеет полную глагольную парадигму, передающую все выражаемые глаголом категории и все отглагольные имена.

В С. я. существует сложная система словообразования с помощью аффиксов и главным образом изменения огласовки (образующих имена действия и состояния, места, орудия действия, единичности, собирательности, профессии и многие другие). Большую роль играет именное определение в родительном падеже, причем определяемое получает особую форму "сопряженного состояния (статуса)". Обычный порядок слов (кроме аккадского языка): сказуемое, подлежащее, дополнение; определение всегда следует за определяемым.

Древнейшие памятники С. я. - аккадские клинописные тексты Ирака и эблаитские - в Сирии (сер. 3-го тыс. до н. э.), а также собственные имена и названия местностей Палестины, сохранившиеся в египетских надписях 3-2-го тыс. до н. э. Обширная письменность имеется на аккадском языке (клинопись, 3-

е тыс. до н. э. - 1 в. н. э.), древнееврейском и иврите (с 12 в. до н. э., алфавит западно-семитского, вероятно, финикийского, происхождения), на арамейских диалектах, особенно на сирийском (с 8 в. до н. э., алфавит того же происхождения), эфиопском (слоговое эфиопское письмо южно-аравийского происхождения, с 4 по 20 вв.). Очень богата литература на арабском яз. (алфавит арамейского происхождения - арабское письмо с 4 в.).

Известны тексты на угаритском (угаритское письмо, 14 в. до н. э.), финикийско-пуническом {финикийское письмо, 13 в. до н. э. - 4 в. н. э.}, минейском, сабейском, катабанском и др. (южно-аравийское эпиграфическое письмо, вероятно, финикийского или другого западно-семитского происхождения, кон. 1-го тыс. до н. э. - 7 в. н. э.). Свою письменность имеют языки тиграй, амхарский (на базе эфиопского письма), мальтийский (латиница).

Литература

- Крымский А. Е., Семитские языки и народы (с включением двух статей Т. Нельдеке), 2 изд., ч. 2-3, М., 1909-12.
- Гранде Б. М., Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении, М., 1963.
- Дьяконов И. М., Семитохамитские языки, М., 1965.
- Дьяконов И. М., Языки древней Передней Азии, М., 1967.
- Brockelmann K., Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, Bd 1-3, В., 1908-13.
- Bergstrasser G., Einführung in die semitischen Sprachen, München, 1928.
- CTL. v. 6, P., 1970.
- Diakonoff J. M., Afrasian languages, Moscow, 1988.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ

В. М. Солнцев

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ (на материале китайского и вьетнамского языков) (Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы морфологии, фонетики и фонологии. – М., 1970. – С. 11-19)

К так называемым изолирующим языкам относят китайско-тибетские, мон-кхмерские и ряд других языков Юго-Восточной Азии. Все они дислоцируются относительно компактно в Восточной и Юго-Восточной Азии. Характер их генетических связей - даже в пределах китайско-тибетской семьи - не вполне ясен. Эти языки обнаруживают очевидное типологическое сходство, зафиксированное в их определении как изолирующих языков. В настоящее время неясно, является ли их типологическое сходство отражением скрытых во времени родственных связей или же это результат "типологического сродства" [1]. Однако незнание причин типологического сродства не может препятствовать изучению самого этого сродства и выявлению общих типологических свойств. Намечающееся в последнее время стремление вскрыть общие черты в строе указанных языков [2] преследует, говоря терминами В. Скалички [3], не столько "классификационные", сколько "характерологические" цели. Стремление познать общие свойства ставится в связь с углубленным изучением и описанием конкретных языков, относящихся к указанной группе.

Настоящее сообщение имеет целью на материалах китайского и вьетнамского языков (как наиболее типичных представителей изолирующих языков) дать обзор основных типологических свойств изолирующих языков и попытаться показать взаимосвязь и взаимообусловленность этих свойств.

Наиболее характерной чертой изолирующих языков указанных групп обычно считают моносиллабизм. Вопрос о моносиллабизме был предметом специального рассмотрения в коллективном сообщении ряда авторов [4]. Из концепции, представленной в упомянутой статье о моносиллабизме, следует, что слова-моносиллабы составляют нижний, базисный ярус лексики. Односложные слова в этих языках характеризуются грамматической законченностью и в соответствии со своими грамматическими

свойствами (главным образом по характеру грамматической сочетаемости друг с другом и с различными формальными элементами) распределяются по грамматическим классам - частям речи. Из слов-моносиллабов образуется подавляющее большинство сложных и производных слов. В современном состоянии эти языки следует считать полисиллабическими. Однако их полисиллабизм иной природы, чем полисиллабизм языков индоевропейских и алтайских; полисиллабизм последних есть следствие полисиллабизма корневых элементов, в то время как полисиллабизм рассматриваемых языков - результат складывания корневых слов-моносиллабов в слова-полисиллабы.

Принято говорить, что в этих языках слоговое деление морфологически значимо, т. е. слог всегда соответствует либо слову, либо значимой части многосложного слова. Слоги имеют строго определенную структуру и количественно ограничены. В составе слога разные классы звуков занимают фиксированные позиции. Например, во вьетнамском языке "начальнослоговой согласный всегда эксплозивный, конечнослоговой - имплозивный" [5].

Согласно высказанной в указанной статье гипотезе, такого рода особенность звукового строя обуславливает неизменяемость значимого слога, вследствие чего определенное значение базируется на неизменяемой звуковой оболочке. Такой оболочкой всегда является слог. Отдельный звук может быть носителем смысла только как частный случай слога. Поэтому можно сказать, что в этих языках в отличие, например, от европейских языков только звуки, организованные в слог, могут быть носителями смысла.

Отмеченные черты являются важными типологическими свойствами изолирующих языков. Ими во многом определяются и другие типологически существенные свойства.

Типологические свойства любого языка наиболее полно выявляются в сфере слова. (Для наших целей достаточно определить слово как грамматически законченную единицу языка, способную к отдельному синтаксическому употреблению.) Говоря о типологических изысканиях в XIX в., Дж Гринберг отмечал: "В качестве основы для классификации было найдено нечто, имеющее кардинальное значение для всесторонней общей характеристики языка, а именно морфологическая структура слова..." [6]. В какой мере можно говорить о морфологической структуре слова в рассматриваемых языках? Каково объективное содержание понятий "морфема", "основа", "корень", "аффикс", в общеграмматическом обиходе обозначающих величины, меньшие, чем слово? Иначе говоря, существуют ли в изолирующих языках единицы, меньшие, чем слово? Если их нет, то соответствующие термины неприменимы ни к китайскому, ни к вьетнамскому языкам. "Как можно, - спрашивал Э. Бенвенист, - пользоваться одним термином "корень" одновременно для китайского и арабского языков?"

В китайском языке, как и во вьетнамском, существуют: а) сложные слова и б) слова, включающие в свой состав аффиксы. Наличие таких слов с неизбежностью предполагает существование в составе этих слов величин, меньших, чем слово.

Например, если образования *хочэ* (кит.) 'поезд' и *хе lua* (вьет.) 'поезд' считать сложными словами, мы с неизбежностью должны признать входящие в них компоненты частями слова, т. е. величинами, меньшими, чем слово. Отсюда, по принятому определению, можно считать *хо* и *чэ* в составе *хочэ*, *хе* и *lua* в составе *хе lua* морфемами.

Далее, поскольку в словах *чэцзы* (кит.) 'повозка' и *pha van* (вьет.) 'литератор' компоненты *-цзы* и *pha* являются аффиксами, соединенные с ними компоненты *чэ* и *van* с неизбежностью должны быть определены как корни в обычном смысле этого термина.

Если далее признать, что китайский глагол обладает видовыми суффиксами и что, например, образования *кань*, *каньла*, *каньчо*, *каньго* представляют разные формы одного и того же слова со значением 'смотреть', нужно также полагать, что часть этого слова, остающаяся за вычетом изменяющейся части, есть основа. Аналогичные рассуждения можно привести и в отношении вьетнамского глагола, если признавать *да* и другие соответствующие показатели формо-образующими элементами.

Однако в отличие от флективных языков в изолирующих языках величины, меньшие, чем слово (за исключением аффиксов), практически не могут быть выведены из состава слов, наподобие того, как, например, в русском языке из слов могут быть извлечены их части: *уч* - (из *учить*), *красн* - (из *красный*) и т.

д. В этих языках по извлечении из многоморфемного слова морфема (корень или основа) сразу же становится практически неотличимой от слова и пригодной к самостоятельному употреблению.

В рассматриваемых языках значимый элемент может быть определен как морфема (основа или корень) лишь в составе слова и по отношению к этому слову, если в составе слова имеется другой значимый элемент. Исключение составляют только немногочисленные аффиксы, которые и по извлечении из слова остаются морфемами вследствие полной неспособности к самостоятельному употреблению.

При рассмотрении вопроса об отличии слова от величины, меньшей, чем слово, необходимо учитывать следующие свойства китайских и вьетнамских слов.

Значительное количество китайских односложных слов старого литературного языка вэньянь, сохранившихся в современном языке байхуа, либо почти утратили способность к самостоятельному употреблению, либо в употреблении ограничены структурно-контекстовыми условиями [7]. Такие "полусамостоятельные" слова используются преимущественно в роли компонентов сложных слов, т. е. морфем. Их основное бытие в языке - в роли морфем. Таковы, например, компоненты *чжу* 'главный' и *си* 'циновка' в слове *чжуси* 'председатель'. Однако и эти слова по извлечении из сложных слов имеют качество слов, поскольку обладают грамматической законченностью, и в тех контекстах и конструкциях, где они способны употребляться (это главным образом конструкции, заимствованные из старого языка), выступают именно как слова. Эти слова обладают разной степенью самостоятельности. Те из них, которые почти исключительно используются в роли компонентов сложных слов, сближаются с морфемами. Специфика таких "морфем" состоит в том, что они не "обломки" слов (типа *у ч* а "бывшие" слова, утратившие или утрачивающие свое качество вследствие изменения характера бытия в языке. Все такие слова можно рассматривать как своего рода мост между самостоятельными словами и морфемами.

Сходные явления наблюдаются и во вьетнамском языке, однако преимущественно в сфере китайских заимствований. Например, *thien* 'небо' употребляется только в сложных словах типа *thien van hoc* 'астрономия' и т. п.

Наряду с аффиксами, которые и вне слов остаются морфемами, в этих языках имеется значительное количество так называемых полуаффиксов - широко используемых в словообразовании элементов, которые в составе слов отчасти сохраняют свое вещественное значение, а вне слов неотличимы от самостоятельных или чаще от полусамостоятельных слов. Таковы кит. *цзян* 'мастерской' в словах *муцзян* 'плотник', *дуцзян* 'паромщик'; вьет, *tho* 'мастер' в словах *tho may* 'портной' *tho cua* 'пильщик' и т. п. Эти элементы образуют переходную полосу от аффиксов (морфем) к словам.

Свойство морфем "восстанавливаться" в качестве слов обуславливает характерное для китайского и вьетнамского языков явление двух форм существования слов; односложной и двусложной. Например, кит. *янь* и *яньцзин* 'глаз', *чэ* и *чэцзы* 'повозка'; вьет, *can* и *can phai* 'следует', 'надо' и т. п. Такие пары, как правило, являются полными синонимами. Односложное слово чаще всего (но не всегда) в своем употреблении в какой-то мере ограничено структурно-контекстовыми условиями. Оно обязательно входит в состав соответствующего двусложного слова, являясь в таком качестве морфемой. Второй компонент двусложного слова либо аффикс, либо знаменательный элемент, не меняющий общей семантики. Такие пары образовались вследствие перехода этих языков от односложной формы слова к двусложной. Подобная пара представляет как бы слово и его часть, которая способна функционировать как слово. Семантически напоминая русские пары слов типа *лиса* и *лисица*, данное явление имеет принципиально иной морфологический характер.

Признание наличия в этих языках формообразовательных элементов (например, кит. *ла*, *чжо*, вьет. *да*, *се*) вызывает необходимость дать характеристику немаркированному слову, т. е. слову без соответствующего формообразовательного элемента.

Поскольку маркированное слово, т. е. слово с соответствующим показателем, имеет иное значение, чем слово без показателя, отсутствие такого формообразовательного элемента можно рассматривать как значимое, что позволяет говорить о нулевом показателе и соответственно о нулевой форме. Если учитывать нулевые показатели, то следует считать, что односложный немаркированный глагол отличается от морфемы (в данном случае основы) наличием нулевого показателя, подобно тому как слово *дом* отличается от своей основы и корня. Маркированные слова, т. е. слова с материально выраженными показателями, внешне вполне отличимы от морфем. Если для русского языка внешнее совпадение слова с морфемой - случайность, то для китайского и вьетнамского языков такое совпадение - обязательное правило.

Объясняется это тем, что в рассматриваемых языках современные формообразовательные элементы сложились сравнительно недавно - в исторически доступное для наблюдения время - и стали сочетаться с грамматически законченными словами, которые в силу сужения и специализации их назначения приобрели свойства нулевых форм. Так, например, глаголы *шо* (кит.) 'говорить', *дос* (вьетн.) 'читать' в сопоставлении с теми же глаголами, снабженными формальными показателями, можно считать употребленными в нулевой форме. Эти слова в том же внешнем обличье выступают и в качестве морфем в многосложных словах. В силу этого внешне слово в нулевой форме всегда совпадает с морфемой.

Однако нулевая форма в этих языках имеет более суженное толкование, чем в европейских языках.

Односложное слово можно рассматривать как нулевую форму лишь в пределах сопоставления с маркированными словами. И материально выраженные показатели, и нулевой показатель наложились на грамматически законченные слова, способные к широкому синтаксическому употреблению. Слова без показателей и до сих пор сохраняют способность при известных условиях употребляться в тех же функциях и значениях, которые в настоящее время преимущественно закрепляются за маркированными словами.

Эта способность немаркированных слов к так называемому абсолютному употреблению проявляется в важной типологической черте изолирующих языков - факультативности грамматических форм.

Явление факультативности безусловно не отменяет грамматики и грамматических категорий в этих языках, как в свое время считали некоторые ученые; в то же время вряд ли правильно полагать, что теория факультативности появилась в результате недостаточной изученности этих языков или вследствие подхода к ним с точки зрения грамматических понятий европейских языков.

Факультативность есть объективное явление, обусловленное особенностями строения слова этих языков и возникновения формообразовательных элементов. Она не означает полного произвола в употреблении тех или иных форм. Маркированные формы не могут заменять ни друг друга, ни нулевую форму. Лишь при определенных условиях то или иное значение, придаваемое маркированной формой, может быть выражено словом, не снабженным никаким показателем. В этом случае имеет место так называемое абсолютное употребление.

Невыделимость морфемы как величины, меньшей, чем слово, и соответственно неотличимость односложного слова от морфемы обуславливает принципиальное неразличение (при определенных условиях) сложного слова и словосочетания. Неразличение сложного слова и словосочетания в этих языках выражается в том, что многие двусложные комплексы, например в китайском языке, типа *ян + жоу* 'баран + мясо', *лу + жоу* 'олень + мясо', *ян + мао* 'баран + шерсть', *лу + мао* 'олень + шерсть' одновременно отвечают и требованиям слова, и требованиям словосочетания, в равной мере используя в номинативной функции [8]. Иначе говоря, поскольку односложное слово неотлично от морфемы, сложное слово неотлично (при определенных условиях) от словосочетания. Таким образом, односложное слово не имеет ясно выраженной **нижней** границы (если не учитывать нулевую форму, которой в рамках противопоставления маркированным формам наделяется односложное слово), а сложное слово (если каждый из его компонентов в отдельности может быть самостоятельным словом, а его структура аналогична структуре словосочетания) не имеет ясно выраженной **верхней** границы. В то же время

односложное слово явно отличается от словосочетания, а сложное слово (в той мере, в какой оно рассматривается как **слово**) безусловно отличается от своих компонентов - морфем.

Слова, включающие аффиксы, и сложные слова, не отвечающие требованиям словосочетания, имеют ясно выраженные границы - верхнюю и нижнюю.

Видовые формы глаголов в китайском языке образуются при помощи аффиксов, обладающих агглютинативными свойствами [9]. (Характер вьетнамских формообразовательных элементов с этой точки зрения не вполне ясен.) Однако ни китайские, ни вьетнамские формы слов не несут синтаксических функций. Формы, слов в этих языках: а) не используются для выражения отношений или указания на характер связи между словами, б) не используются для указания на синтаксическую функцию слова.

Слово в любой форме фактически встречается в функции любого члена предложения, в роли которого оно может выступать и в своей нулевой форме. Именно поэтому наличие у слов морфологических показателей (даже агглютинативного характера) не влияет в этих языках на способ, с помощью которого слова соединяются в предложении. По способу соединения слов эти языки являются последовательно изолирующими. Развитие агглютинации в китайском языке ни в какой мере не влияет на типологическую оценку языка как изолирующего, точно так же как наличие видо-временных форм у вьетнамских глаголов не меняет изолирующего характера строя вьетнамского языка.

Изоляция как типологическая черта рассматриваемых языков не связана с морфологическим строением слова этих языков. В китайском (в меньшей мере) и во вьетнамском языках слово может иметь достаточно сложную морфологическую структуру. Вместе с тем отношения между словами выражаются отнюдь не ресурсами самих слов, а иными средствами. К их числу относятся порядок слов, опирающийся на грамматические свойства слов, служебные слова, интонация [10]. Изолирующий строй языка определяется синтаксическими свойствами слова и его форм.

В изолирующих языках возможны все виды морфологической структуры слова: сложные слова, производные слова, слова с агглютинативными формами, слова, в которых знаменательная и формальная части соединены по принципу фузии [например, в китайском языке: *мэнь* 'дверь' + *эр* (суффикс предметности) = *мэр* 'дверь'] и т. д. Необходимо лишь, чтобы в структуре слова, в его формах не выражались отношения между словами. Поэтому деление языков на две большие группы - **изолирующие** и **неизолирующие** - должно осуществляться не на основе морфологической структуры слова, а на основе синтаксических свойств слов и их форм, иначе говоря, на основе выраженности или невыраженности в словах от ноше ний к другим словам.

Перечисленные выше типологические свойства изолирующих языков не исчерпывают всех особенностей этих языков, однако, по-видимому, отражают их существенные черты. Эти свойства присущи, очевидно, не только китайскому и вьетнамскому языкам, но и кхмерскому, тайскому, отчасти бирманскому и другим изолирующим языкам.

Свойства эти не изолированы друг от друга, подобно словам изолирующих языков, но обуславливают и предполагают друг друга. Так неизменяемость и грамматическая законченность односложного слова (слова-моносиллаба), а также его способность к широкому синтаксическому употреблению определяют:

- а) невыделимость морфемы как существующей вне слова величины, меньшей, чем слово;
- б) способность выделяемой из слова части (основы или корня) к отдельному употреблению;
- в) две формы существования слов;
- г) функционирование односложного слова то в виде нулевой, то в виде абсолютной формы;
- д) факультативность грамматических показателей;
- е) широкое распространение номинативных единиц, обладающих свойствами как слова, так и словосочетания, и т. п.

Неизменяемость однослога, по крайней мере в современном состоянии, предопределяет преимущественно агглютинативный характер связи между знаменательными и служебными элементами в слове, поскольку формообразующие элементы- также неизменяемые однослоги. Факультативность их обусловлена не только фактом абсолютного употребления немаркированных слов, но и тем, что характер выражаемых ими значений (вид, время, число, единичность) не предполагает отношения или связи с другими словами и выражается в рамках изоляции. Поэтому факультативность употребления грамматических показателей связана с изолирующими свойствами слов и форм этих языков.

Примечания

1. См. E. Benveniste, La classification des langues. - "Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris, Années 1952-1953", Paris, 1954, XI, стр. 49.

2. См., например, Ю. А. Горгониев, Ю. Я. Плам, Ю. В. Рождественский, Г. П. Сердюченко, В. М. Солнцев, Общие черты в строе китайско-тибетских и типологически близких к ним языков Юго-Восточной Азии (К проблеме моносиллабизма). - сб. "Языки Китая и Юго-Восточной Азии", М., 1963.

3. V. Skalicka, O soucasnem stavu typologie, - "Slovo a Slovesnost", 1958, XIX, 3.

4. Ю. А. Горгониев и др., Общие черты в строе китайско-тибетских и типологически близких к ним языков...

5. См. В. М. Солнцев, Ю. К. Лекомцев, Т. Т. Мхитарян, И. И. Глебова, Вьетнамский язык, М., 1960, стр. 19.

6. J. H. Greenberg, A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Language, - "International Journal of American Linguistics", 1960, vol. XXVI, July, № 3, стр. 64.

7. Подробнее см. В. М. Солнцев, Относительно роли суффиксов - *цзы*, -*эр* и -*тоу* в современном китайском языке (к вопросу о двух формах существования слов). - сб. "Вопросы языка и литературы стран Востока", М., 1958,

8. По этому поводу см. Н. Н. Коротков, К проблеме морфологической характеристики современного китайского литературного языка. - "Труды XXV Международного конгресса востоковедов", т. V, М., 1963, стр. 101-108; В. М. Солнцев, Слова и словосочетания в их отношении к единицам языка и единицам речи. - сб. "Спорные вопросы грамматики китайского языка", М., 1963.

9. Подробное обоснование этому см. Н. В. Солнцев, В. М. Солнцев, К вопросу об агглютинации в современном китайском языке. - "Вопросы языкознания", 1962, № 6. Следует попутно заметить, что свойства основ в классических агглютинативных языках аналогичны свойствам основ в изолирующих языках - по выделении какой-либо формы слова основа становится внешне не отличимой от слов и пригодна к самостоятельному употреблению.

10. Этот вопрос освещался в моем докладе на XXV Международном конгрессе ориенталистов "О соотношении слова и предложения в китайском языке" (см. "Труды XXV Международного конгресса востоковедов", т. V, М., 1963, стр. 132-138), где на материале китайского языка разобрано взаимоотношение слова и предложения, характерное для изолирующих языков.

Типологическая (морфологическая) классификация языков

А.А. Реформатский

Типологическая (морфологическая) классификация языков (глава из учебника «Введение в языковедение» М., 1996).

Типологическая классификация языков возникла позднее попыток генеалогической классификации и исходила из иных предпосылок.

Вопрос о «типе языка» возник впервые у романтиков. Романтизм — это было то идеологическое направление, которое на рубеже XVIII и XIX вв. должно было сформулировать идейные достижения буржуазных наций; для романтиков главным вопросом было определение национального самосознания. Романтизм — это не только литературное направление, но и мировоззрение, которое было свойственно представителям «новой» культуры и которое пришло на смену феодальному мировоззрению. Романтизм как культурно-идеологическое направление был очень противоречив. Наряду с тем, что именно романтизм выдвинул идею народности и идею историзма, это же направление в лице иных своих представителей призывало к возврату назад, к устарелому средневековью и к любованию «стариной». Именно романтики впервые поставили вопрос о «типе языка». Их мысль была такова: «дух народа» может проявляться в мифах, в искусстве, в литературе и в языке. Отсюда естественный вывод, что через язык можно познать «дух народа».

Так возникла замечательная в своем роде книга вождя немецких романтиков Фридриха Шлегеля (1772—1829) «О языке и мудрости индийцев» (1809).

На основе сравнения языков, проделанного В.Джонсом, Фридрих Шлегель сопоставил санскрит с греческим, латинским, а также с языками тюркскими и пришел к выводу: 1) что все языки можно разделить на два типа: флективные и аффиксирующие, 2) что любой язык рождается и остается в том же типе и 3) что флективным языкам свойственно «богатство, прочность и долговечность», а аффиксирующим «с самого возникновения недостает живого развития», им свойственны «бедность, скудость и искусственность». Разделение языков на флективные и аффиксирующие Ф.Шлегель делал, исходя из наличия или отсутствия изменения корня. Он писал: «В индийском или греческом языках каждый корень является тем, что говорит его название, и подобен живому ростку; благодаря тому, что понятия отношений выражаются при помощи внутреннего изменения, дается свободное поприще для развития... Все же, что получилось таким образом от простого корня, сохраняет отпечаток родства, взаимно связано и поэтому сохраняется. Отсюда, с одной стороны, богатство, а с другой — прочность и долговечность этих языков».

«...В языках, имеющих вместо флексии аффиксацию, корни совсем не таковы; их можно сравнить не с плодородным семенем, а лишь с грудой атомов... связь их часто механическая — путем внешнего присоединения. С самого их возникновения этим языкам недостает зародыша живого развития... и эти языки, безразлично — дикие или культурные, всегда тяжелы, спутываемы и часто особенно выделяются своим своенравно-произвольным, субъективно-странным и порочным характером».

Ф.Шлегель с трудом признавал наличие аффиксов во флективных языках, а образование грамматических форм в этих языках истолковывал как внутреннюю флексию, желая этим подвести данный «идеальный тип языков» под формулу романтиков: «единство во многообразии».

Уже для современников Ф.Шлегеля стало ясным, что в два типа все языки мира распределить нельзя. Куда же отнести, например, китайский язык, где нет ни внутренней флексии, ни регулярной аффиксации?

Брат Ф.Шлегеля — Август-Вильгельм Шлегель (1767—1845), приняв во внимание возражения Ф.Боппа и других языковедов, переработал типологическую классификацию языков своего брата («Заметки о провансальском языке и литературе», 1818) и определил три типа: 1) флективный, 2) аффиксирующий, 3) аморфный (что свойственно китайскому языку); причем во флективных языках он показал две возможности грамматического строя: синтетическую и аналитическую (См. гл. IV, § 56.)

В чем же были правы братья Шлегели и в чем не правы? Безусловно правы они были в том, что тип языка следует выводить из его грамматического строя, а отнюдь не из лексики. В пределах доступных им языков братья Шлегели правильно отметили различие флективных, агглютинирующих и изолирующих языков. Однако объяснение структуры этих языков и их оценка никак не могут быть приняты. Во-первых, во флективных языках вовсе не вся грамматика сводится к внутренней флексии; во многих флективных языках в основе грамматики лежит аффиксация, а внутренняя флексия играет незначительную роль; во-вторых, языки типа китайского нельзя называть аморфными, так как языка вне формы быть не может, но форма в языке проявляется по-разному (см. гл. IV, § 43); в-третьих, оценка языков братьями Шлегелями ведет к неправильной дискриминации одних языков за счет возвышения других; романтики не были расистами, но некоторые их рассуждения о языках и народах позднее были использованы расистами.

Значительно глубже подошел к вопросу о типах языков Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835). Гумбольдт был романтиком-идеалистом, в филологии он был тем же, чем был в философии его современник Гегель,

Не все положения Гумбольдта могут быть приняты, но его проникновенный ум и исключительная эрудированность в языках заставляют нас самым внимательным образом оценить этого крупнейшего философа- лингвиста XIX в.

Основные предпосылки В. Гумбольдта о языке могут быть сведены к следующим положениям: «Человек является человеком только благодаря языку»; «нет мыслей без языка, человеческое мышление становится возможным только благодаря языку»; язык — «соединительное звено между одним индивидуумом и другим, между отдельным индивидуумом и нацией, между настоящим и прошедшим»; «языки нельзя рассматривать как агрегаты слов, каждый из них есть известного рода система, по которой звук соединяется с мыслью», причем «каждый его отдельный элемент существует только благодаря другому, а все в целом обязано своим существованием единой всепроникающей силе». Особое внимание уделял Гумбольдт вопросу о форме в языке: форма — это «постоянное и единообразное в деятельности духа, претворяющей органический звук в выражение мысли», «...абсолютно в языке не может быть бесформенной материи», форма же — это «синтез в духовном единстве отдельных языковых элементов, в противоположность к ней рассматриваемых как материальное содержание». Гумбольдт различает внешнюю форму в языке (это звуковые, грамматические и этимологические формы) и внутреннюю форму, как единую всепроникающую силу, т. е. выражение «духа народа».

В качестве основного критерия определения типа языка Гумбольдт берет тезис о «взаимном правильном и энергичном проникновении звуковой и идейной формы друг другом».

Основные критерии определения языков Гумбольдт видел: 1) в выражении в языке отношений (передача реляционных значений; это было основным критерием и у Шлегелей); 2) в способах образования предложения (что показало особый тип инкорпорирующих языков) и 3) в звуковой форме (Гумбольдт В. О различии организмов человеческих языков и о влиянии этого различия на умственное развитие человечества / Пер. П. Билярского, 1859. См.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. - 3-е изд., доп. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. С. 85—104 (новое изд.: Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.))

Во флектирующих языках Гумбольдт видел не только «внутренние изменения» «чуждого корня», но и «прибавление извне» (*Anleitung*), т. е. аффиксацию, которая осуществляется иначе, чем в агглютинирующих языках (столетие спустя это отличие сформулировал Э. Сепир (см. гл. IV, § 46).

Гумбольдт разъяснил, что китайский язык не аморфный, а изолирующий, т. е. грамматическая форма в нем проявляется иначе, чем в языках флективных и агглютинирующих: не изменением слов, а порядком слов и интонацией, тем самым данный тип является типично аналитическим языком.

Кроме отмеченных братьями Шлегелями трех типов языков, Гумбольдт описал четвертый тип; наиболее принятый термин для этого типа — инкорпорирующий.

Особенность этого типа языков (индейские в Америке, палеоазиатские в Азии) состоит в том, что предложение строится как сложное слово, т. е. неформленные корни-слова агглютинируются в одно общее целое, которое будет и словом, и предложением. Части этого целого — и элементы слова, и члены предложения. Целое — это слово-предложение, где начало — подлежащее, конец — сказуемое, а в середину инкорпорируются (вставляются) дополнения со своими определениями и обстоятельствами.

Гумбольдт разъяснял это на мексиканском примере: *ninakakwa*, где *ni* — «я», *naka* — «ед-» (т. е. «ем»), а *kwa* — объект, «мяс-». В русском языке получаются три оформленных грамматически слова *я мяс-о ем, и*, наоборот, такое цельнооформленное сочетание, как *муравьед*, не составляет предложения. Для того чтобы показать, как можно в данном типе языков «инкорпорировать», приведем еще один пример из чукотского языка: *ты-ата-каа-нмы-ркын* — «я жирных оленей убиваю», буквально: «я-жир-олень-убив-делаю», где остов «корпуса»: *ты-нмы-ркын*, в который инкорпорируется *каа* — «олень» и его определение *ата* — «жир»; иного расположения чукотский язык не терпит, и все целое представляет собой слово-предложение, где соблюден и вышеуказанный порядок элементов.

Внимание к этому типу языков позднее было утрачено. Так, крупнейший лингвист середины XIX в. Август Шлейхер вернулся к типологической классификации Шлегелей, только с новым обоснованием.

Шлейхер был учеником Гегеля и уверовал, что все происходящее в жизни проходит три этапа — тезис, антитезис и синтез. Поэтому можно наметить три типа языков в трех периодах. Это догматическое и формальное толкование Гегеля сочеталось у Шлейхера с идеями натурализма, которые он почерпнул у Дарвина, и считал, что язык, как и любой организм, рождается, растет и умирает. Типологическая классификация Шлейхера не предусматривает инкорпорирующих языков, а указывает три типа в двух возможностях: синтетической и аналитической. Классификация Шлейхера может быть представлена в следующем виде (Для большей ясности используем «транскрипцию» этой схемы, сделанную О. Есперсеном):

1. Изолирующие языки
 - 1) *R* — чистый корень (например, китайский язык).
 - 2) *R + r* — корень плюс служебное слово (например, бирманский язык).
2. Агглютинирующие языки

Синтетический тип:

- 1) Ra — суффиговый тип (например, тюркские и финские языки).
- 2) aR — префиктивный тип (например, языки банту).
- 3) R/a — инфигированный тип (например, бацбийский язык).

Аналитический тип:

- 4) $Ra (aR) + r$ — аффиговый корень плюс служебное слово (например, тибетский язык).

3. Флективные языки

Синтетический тип:

- 1) R^a — чистая внутренняя флексия (например, семитские языки).
- 2) $aR^a (R^a a)$ — внутренняя и внешняя флексия (например, индоевропейские, в особенности древние языки).

Аналитический тип:

- 3) $aR^a (R^a a) + r$ — флектированный и аффиговый корень плюс служебное слово (например, романские языки, английский язык).

Изолирующие или аморфные языки Шлейхер считал архаическими, агглютинирующие — переходными, флективные древние — эпохой расцвета, а флективные новые (аналитические) относил к эпохе упадка. Несмотря на подкупающую логичность и четкость, схема типологии языков Шлейхера в целом — шаг назад по сравнению с Гумбольдтом. Основной недостаток этой схемы — ее «закрытость», что заставляет искусственно подгонять многообразие языков в это прокрустово ложе. Однако благодаря своей простоте эта схема дожила до наших дней и была в свое время использована Н.Я. Марром.

Одновременно со Шлейхером предложил свою классификацию типов языков Х.Штейнталь (1821—1899). Он исходил из основных положений В.Гумбольдта, но переосмысливал его идеи в психологическом плане. Все языки Штейнталь делил на языки с формой и языки без формы, причем под формой следовало понимать как форму слова, так и форму предложения. Языки с отсутствием словоизменения Штейнталь называл присоединяющими: без формы — языки Индокитая, с формой — китайский. Языки с наличием словоизменения Штейнталь определял как видоизменяющие, без формы: 1) посредством повтора и префиксов — полинезийские, 2) посредством суффиксов — тюркские, монгольские, финно-угорские, 3) посредством инкорпорации — индейские; и видоизменяющие, с формой: 1) посредством прибавления элементов — египетский язык, 2) посредством внутренней флексии — семитские языки и 3) посредством «истинных суффиксов» — индоевропейские языки.

Данная классификация, как и некоторые последующие, детализирует лежащую в ее основе классификацию Гумбольдта, но понимание «формы» явно противоречит в ней исходным положениям.

В 90-х гг. XIX в. классификацию Штейнталья переработал Ф.Мистели (1893), который проводил ту же идею деления языков на формальные и бесформенные, но ввел новый признак языка: бессловные (египетский и банту языки), мнимословные (тюркские, монгольские, финно-угорские языки) и истословные (семитские и индоевропейские). Инкорпорирующие языки выделены в особый разряд бесформенных языков, так как в них слово и предложение не разграничены. Достоинством классификации Ф.Мистели является разграничение корнеизолирующих языков (китайский) и основоизолирующих (малайский).

Ф.Н. Финк (1909) в основу своей классификации положил принцип построения предложения («массивность» — как в инкорпорирующих языках или «фрагментарность» — как в семитских или индоевропейских языках) и характер связей между членами предложения, в частности вопрос о согласовании. На этом основании агглютинирующий язык с последовательным согласованием по классным показателям (субия из семьи банту) и агглютинирующий язык с частичным согласованием (турецкий) распределены Финком по разным классам. В результате Финк показывает восемь типов: 1) китайский, 2) гренландский, 3) субия, 4) турецкий, 5) самоанский (и другие полинезийские языки), 6) арабский (и другие семитские языки), 7) греческий (и другие индоевропейские языки) и 8) грузинский.

Несмотря на многие тонкие наблюдения над языками, все эти три классификации построены на произвольных логических основаниях и не дают надежных критериев к разрешению типологии языков.

Особо стоит морфологическая классификация языков Ф.Ф. Фортунатова (1892) — очень логичная, но недостаточная по охвату языков. Ф.Ф. Фортунатов исходным пунктом берет строение формы слова и соотношения его морфологических частей. На этом основании он выделяет четыре типа языков:

- 1) «В значительном большинстве семейства языков, имеющих формы отдельных слов, эти формы образуются при посредстве такого выделения в словах основы и аффикса, при котором основа или вовсе не представляет так называемой флексии [здесь имеется в виду внутренняя флексия. — А. Р.], или если такая флексия и может являться в основах, то она не составляет необходимой принадлежности форм слов и служит для образования форм, отдельных от тех, какие образуются аффиксами. Такие языки в морфологической классификации называют... агглютинирующие или агглютинативные языки... т. е. собственно склеивающие... потому, что здесь основа и аффикс слов остаются по их значению отдельными частями слов в формах слов как бы склеенными» (Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1, 1956. С. 154).
- 2) «К другому классу в морфологической классификации языков принадлежат семитские языки; в этих языках... основы слов сами имеют необходимые... формы, образуемые флексией основ... хотя отношение

между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных... Я называю семитские языки флективно-агглютинативными... потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как в языках агглютинирующих» (Там же.)

3) «К третьему классу в морфологической классификации языков принадлежат языки индоевропейские: здесь... существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами, вследствие чего части слов в фор- слов, т. е. основа и аффикс, представляют здесь по значению такую связь между собою в формах слов, какой они не имеют ни в языках агглютинативных, ни в языках флективно- агглютинативных. Вот для этих-то языков я и удерживаю название флективные языки...» (Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1, 1956. С, 153.)

4) «Наконец, есть такие языки, в которых не существует форм отдельных слов. К таким языкам принадлежат языки китайский, сиамский и некоторые другие. Эти языки в морфологической классификации называются языками корневыми... В корневых языках так называемый корень является не частью слова, а самим словом, которое может быть не только простым, но и непростым (сложным)» (Там же. С. 154.)

В этой классификации нет инкорпорирующих языков, нет грузинского, гренландского, малайско-полинезийских языков, что, конечно, лишает классификацию полноты, но зато очень тонко показано различие образования слов в семитских и индоевропейских языках, что до последнего времени не различалось лингвистами.

Хотя при характеристике семитских языков Фортунатов не упоминает внутренней флексии, а говорит о «формах, образуемых флексией основ», но это повторяется и при характеристике индоевропейских языков, где «существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами»; важно здесь другое — соотношение этой «флексии основ» (как бы ее ни понимать) и обычной аффиксации (т. е. префиксации и постфиксации), которое Фортунатов определяет как агглютинирующее и противопоставляет иной связи аффиксов и основ в индоевропейских языках; поэтому Фортунатов и различает семитские языки — «флективно-агглютинативные» и индоевропейские — «флективные».

Новая типологическая классификация принадлежит американскому языковеду Э. Сепиру (1921). Считая, что все предшествующие классификации являются «аккуратным построением спекулятивного разума», Э. Сепир сделал попытку дать «концептуальную» классификацию языков, исходя из мысли, что «всякий язык есть оформленный язык», но что «классификация языков, построенная на различении отношений, чисто техническая» и что нельзя характеризовать языки только с одной какой-то точки зрения.

Поэтому в основу своей классификации Э. Сепир ставит выражение разного типа понятий в языке: 1) корневые, 2) деривационные, 3) смешанно-реляционные и 4) чисто реляционные (См. гл. IV, § 43.).

Последние два пункта понимать надо так, что значения отношений могут выражаться в самих словах (путем их изменения) совместно с лексическими значениями — это смешанно-реляционные значения; или отдельно от слов, например порядком слов, служебными словами и интонацией, — это чисто реляционные понятия.

Второй аспект у Э. Сепира — это та самая «техническая» сторона выражения отношений, где все грамматические способы сгруппированы в четыре возможности: *a)* изоляция (т. е. способы служебных слов, порядка слов и интонации), *b)* агглютинация, *c)* фузия (автор сознательно разделяет два вида аффиксации, так как их грамматические тенденции очень различны) (Там же.) и *d)* символизация, где объединены внутренняя флексия, повтор и способ ударения. (В случае тонового ударения, например в языке шиллук (Африка) *jit* с высоким тоном — «ухо», а с низким — «уши» — очень схожий факт с чередованием гласных). Третий аспект — это степень «синтезирования» в грамматике в трех ступенях: аналитическая, синтетическая и полисинтетическая, т. е. от отсутствия синтеза через нормальное синтезирование к полисинтетизму как «сверхсинтезированию» (от греческого *polys* — «много» и *synthesis* — «соединение»; см. гл. IV.).

Из всего сказанного у Э. Сепира получается классификация языков, приведенная в таблице:

Основной тип	Техника	Степень синтеза	Пример
А. Простые чисто реляционные языки	1) Изолирующий	Аналитический	Китайский, аннамский (вьетнамский), эве, тибетский
	2) Изолирующий с агглютинацией		
Б. Сложные чисто реляционные языки	1) Агглютинирующий, изолирующий	Аналитический	Полинезийские
	2) Агглютинирующий	Синтетический	Турецкий
	3) Фузионно-агглютинирующий	Синтетический	Классический тибетский
	4) Символический	Аналитический	Шиллук
В. Простые смешанно-	1) Агглютинирующий	Синтетический	Банту

реляционные языки	2) Фузионный	Аналитический	Французский
Б. Сложные смешанно-реляционные языки	1) Агглютинирующий	Полисинтетический	Нутка
	2) Фузионный	Аналитический	Английский, латинский, греческий
	3) Фузионный, символический	Чуть синтетический	Санскрит
	4) Символико-фузионный	Синтетический	Семитские

Э. Сепиру удалось очень удачно охарактеризовать 21 язык, приведенный в его таблице (Сепир Э. Язык / Русский пер. А. М. Сухотина, 1934. С. 111 (новое изд.: Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993)), но из всей его классификации не ясно, что такое «тип языка». Наиболее интересны критические замечания, касающиеся прежних классификаций, — здесь много интересных мыслей и здравых идей. Однако совершенно непонятно после работ Ф.Ф. Фортунатова, как мог Э.Сепир охарактеризовать арабский язык «символико-фузионным», когда в таких языках, как семитские, аффиксация агглютинирующая, а не фузионная; кроме того, он охарактеризовал тюркские языки (на примере турецкого) как синтетические, однако советский ученый Е. Д. Поливанов разъяснил аналитический характер агглютинирующих языков (См.: Поливанов Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком, 1934. С. 51.). Кроме того, и это главное, классификация Сепира остается абсолютно внеисторичной и аисторичной. В предисловии к русскому изданию книги Сепира «Язык» А.М. Сухотин писал:

«Беда Сепира в том, что для него его классификация только классификация. Она дает одно — «метод, позволяющий нам каждый язык рассматривать с двух или трех самостоятельных точек зрения по его отношению к другому языку. Вот и все...». Никаких генетических проблем Сепир, в связи со своей классификацией, не только не ставит, но, наоборот, решительно их устраняет...» (с. XVII). В одной из недавних работ Тадеуш Милевский также не связывает типологическую характеристику языков с историческим аспектом и, исходя из правильного положения, что «типологическое языкознание вырастает непосредственно из описательного языкознания» (Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 4.), и резко противопоставляя типологическое языкознание сравнительно-историческому (См. там же. С. 3.), предлагает такую «перекрестную» классификацию типов языков, исходящую из синтаксических данных: «... в языках мира имеются четыре основных типа синтаксических отношений:

- 1) подлежащего к интранзитивному сказуемому [т.е. не обладающему свойством переходности. — А. Р.];
- 2) субъекта действия к транзитивному сказуемому [т.е. обладающему свойством переходности. — А. Р.];
- 3) объекта действия к транзитивному сказуемому;
- 4) определения к определяемому члену.

ипология структур словосочетаний [т.е. синтагм. — А. Р.] и предложений может быть, таким образом, двоякого рода: одна опирается только на форму синтаксических показателей, другая — на объем их функций. С первой точки зрения мы можем выделить три главных типа языков: позиционный, флективный и концентрический. В языках позиционных синтаксические отношения выражаются постоянным порядком слов... Во флективных языках функции подлежащего, субъекта, объекта действия и определения обозначаются самой формой этих слов... Наконец, в концентрических языках (инкорпорирующих) транзитивное сказуемое при помощи формы или порядка входящих в его состав местоименных морфем указывает на субъект действия и объект...» (Там же. С. 27.).

Это один аспект.

второй аспект анализирует различия объема синтаксических средств, причем автор отмечает, что «в языках мира имеются шесть различных типов совмещения четырех основных синтаксических функций». Так как в этом анализе собственно типология отсутствует, а есть лишь указания на то, какие комбинации указанных признаков встречаются в каких языках, то все это рассуждение можно опустить.

В другом месте этой статьи Т. Милевский разбивает языки мира еще по одному принципу на четыре группы: «изолирующие, агглютинативные, флективные и альтернирующие» (Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 25.). Новым, по сравнению с Шлейхером, здесь оказывается выделение альтернирующих языков, к которым относятся семитские языки; Т.Милевский их характеризует так: «Здесь наступает совмещение всех функций как семантических, так и синтаксических, в пределах слова, которое благодаря этому образует морфологически неразложимое целое, состоящее чаще всего только из одного корня» (Там же. С. 26.). Это утверждение в свете сказанного выше (см. гл. IV, § 45) неверно; выделить тип семитских языков необходимо, но отнюдь не так, как предлагает Т. Милевский (см. выше определения Ф. Ф. Фортунатова).

Вопрос о типологической классификации языков, таким образом, не разрешен, хотя за 150 лет было много и интересно написано на эту тему.

Одно остается ясным, что тип языка надо определять прежде всего исходя из его грамматического строя, наиболее устойчивого, а тем самым и типизирующего свойства языка.

Необходимо включать в эту характеристику и фонетическую структуру языка, о чем еще писал Гумбольдт, но не мог этого осуществить, так как в то время не было фонетики как особой языковедческой дисциплины.

При типологическом исследовании надо различать две задачи: 1) создание общей типологии языков мира, объединенных в те или иные группы, для чего недостаточно одного описательного метода, а нужно использование и сравнительно-исторического, но не на прежнем уровне младограмматической науки, а обогащенного структурными методами понимания и описания лингвистических фактов и закономерностей, чтобы можно было для каждой группы родственных языков построить ее типологическую модель (модель тюркских языков, модель семитских языков, модель славянских языков и т. д.), отмечая все сугубо индивидуальное, редкое, нерегулярное и описывая тип языка как целое, как структуру по строго отобранным параметрам разных ярусов, и 2) типологическое описание отдельных языков с включением их индивидуальных особенностей, различием регулярных и нерегулярных явлений, которое, конечно, тоже должно быть структурным. Это необходимо для двустороннего (бинарного) сопоставления языков, например с прикладными целями перевода любого типа, включая и машинный перевод, и в первую очередь для разработки методики обучения тому или иному неродному языку, в связи с чем подобное индивидуально-типологическое описание для каждой сопоставляемой пары языков должно быть разным.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА К МАТЕРИАЛУ, ИЗЛОЖЕННОМУ В ГЛАВЕ VI (КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ)

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.

Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М.: Изд. АН СССР, 1956.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику / Русский пер. М., 1959.

Иванов Вяч. Вс. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. Изд. МГУ, 1954.

Кузнецов П. С. Морфологическая классификация языков. Изд. МГУ, 1954.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Русский пер. М.—Л., 1938.

Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л.: Наука, 1965.

Народы мира. Историко-этнографический справочник; Под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Сов. энцикл., 1988.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка; Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1972 (раздел: Лингвистическая типология).

Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М.: Наука, 1981.

Теоретические основы классификации языков мира; Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Наука, 1980.

Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства; Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Наука, 1982.

«Методологические особенности концепции функциональной грамматики Вилема Матезиуса»

Из книги

«Методологические особенности концепции функциональной грамматики Вилема Матезиуса»

Вилем Матезиус (1882-1945) известен в языкознании как автор теории актуального членения предложения, а также как инициатор создания Пражского лингвистического кружка. Однако значение лингвистической деятельности выдающегося чешского ученого этим не ограничивается. Ему принадлежит глубокая и оригинальная концепция «функциональной грамматики», не утратившая своей актуальности и в наше время. Необходимость изучения этой концепции связана с тем, что в имеющейся литературе нет ни одного исследования, в котором бы затрагивались методологические особенности грамматической концепции В.Матезиуса в целом. Эти особенности и составили объект настоящей работы: Ее актуальность связана со все возрастающим интересом и методологическим основам функциональной грамматики. Цель работы состояла в изучении главных методологических установок грамматической концепции В.Матезиуса. Эта цель определила задачи исследования.

Первая из них состояла в изучении синхронической установки грамматической концепции В.Матезиуса, вторая - изучении ее характерологической ориентации, третья и четвертая - и изучении ее ономаσιологической и системной направленности. Наше внимание было направлено на выявление ведущей

методологические особенности грамматической концепции В.Матезиуса. Исходя из нее, мы стремились определить место этой концепции в истории языкознания. При этом проводилось сравнение грамматической теории В.Матезиуса с другими лингвистическими теориями.

В работах Й.Вахка, Б.Трнки, Ф.Данеша, М.Докулила, Я.Фирбаса, Т.И Булыгиной и др. рассматривались те или иные особенности грамматической теории В.Матезиуса, однако специальный методологический анализ этой теории в целом до сих пор не проводился. Методологический аппарат, разработанный в процессе анализа грамматической концепции В.Матезиуса, может быть применен в историко-лингвистических исследованиях при дальнейшем изучении грамматической теории В.Матезиуса, а также при описании других лингвистических концепций. Используя этот аппарат, мы можем представить историю языкознания в качестве единого процесса, направленного на построение грамматик семасиологического и ономазиологического типов, взятых в их структурном и функциональном аспектах.

«Функциональной» В.Матезиус называл такую грамматику, которая исходит из потребностей говорящего. Такой тип грамматики может быть назван вслед за Й.Филиппцем ономазиологическим (111, 172).

Грамматика, исходящая из потребностей слушающего, в таком случае может быть названа семасиологической. Граматику первого типа Л.В.Щерба называл «активной», грамматику второго типа — «пассивной» (67, 333).

В условиях возрастающего интереса к методологическим основам функциональной грамматики обращение к грамматической концепции В.Матезиуса может оказаться полезным при построении грамматик ономазиологического типа. Приходится констатировать, что грамматическое наследие чешского ученого в целом оказалось не освоенным современной лингвистикой. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, В.Матезиус хорошо известен в лингвистическом мире, что связано в первую очередь с тем, что он является автором теории актуального членения предложения, а с другой стороны, грамматическая концепция В.Матезиуса в целом остается до сих пор не оцененной по достоинству.

В западной историко-лингвистической науке сложилась традиция иллюстрировать положения Пражской школы фонологией Н.С.Трубецкого и морфологией Р.Якобсона. В книге, адресованной западному читателю, Й.Вахек так писал по этому поводу: «Было бы, конечно, абсурдно отрицать гигантскую важность работы, проделанной этими двумя учеными для развития пражской концепции, но следует быть справедливым и ... по отношению к вкладу в эту концепцию В.Матезиуса и других чешских и словацких членов Пражского лингвистического кружка» (236, 6).

2. Характерологическая направленность грамматической концепции В.Матезиуса

Термин «лингвистическая характерология» В.Матезиус впервые употребил в работе «О языковой правильности», которая была написана в 1912 г. Специальному рассмотрению вопроса о сущности лингвистической характерологии посвящены две работы В.Матезиуса - «Стилистика и лингвистическая характерология» (1926) (172) и «О лингвистической характерологии...» (1928) (174). Значение указанных работ, бесспорно, велико для понимания сущности характерологической теории В.Матезиуса, но при этом важно помнить, что лингвистическая характерология не составляет особой дисциплины, независимой от ономазиологической грамматики В.Матезиуса. В отличие от грамматики Ф.Брюно, например, грамматика В.Матезиуса является не только ономазиологической, но и характерологической. Она содержит лингвистическую характерологию в качестве одного из своих важнейших аспектов.

2.1. Взгляды В.Матезиуса на проблему характерологического подхода к изучению языка

Происхождение характерологии В.Матезиус связывал с гумбольдтовским направлением в языкознании, которое он противопоставлял бопповскому. Противопоставление этих направлений проводилось им на основе трех критериев: «аналитический» (типологический) или «генетический» (сравнительно-исторический) компаративизм, «функционализм» (ономазиологизм) или «формализм» (семасиологизм), синхрония или диахрония. Если «традиционное (бопповское - В.Д.) сравнительное языкознание, - писал В.Матезиус, - ограничивалось анализом языков взаимно родственных и было к тому же подчинено формальному и историческому характеру своего генетико-сравнительно-методического», то «гумбольдтианцы в целом ясно видели действительную важность понятий ценности и синхронических взаимозависимостей для лингвистического анализа, отдавали значительное предпочтение синхроническим методам в своей работе, часто с успехом использовали собственно аналитическое сравнение языков, принадлежащих к разным генетическим группам, и не пренебрегали национальной точкой зрения» (198, 174, 60). Таким образом, трем особенностям бопповского направления - генетическому компаративизму, семасиологизму и диахронизму - гумбольдтовское направление противопоставило типологический компаративизм, ономазиологизм и синхронизм.

В.Матезиус высоко оценивал заслуги гумбольдтовского направления в языкознании XX в., но он отмечал вместе с этим, что его представители не сумели выработать тонких приемов исследования. Если «деятельность представителей бопповского направления развивалась в непрерывном движении от новаторской работы Франца Боппа до самой кодификации, которую провел Карл Бругманн, в результате чего были выработаны тщательные и тонкие методы исследования», то «аналитико-сравнительная школа лингвистического исследования. от Вильгельма фон Гумбольдта до Ф.Финка, - писал В.Матезиус, -

представлена скорее рядом изолированных опытов, чем систематической работой... Ее широкий кругозор не был сужен и ее интерес ко всем другим проблемам не охлаждался (в отличие от кругозора ученых противоположного направления, который ограничивался проблемами индоевропейской фонетики и морфологии - В. Д.), но в целом ей не удалось выработать точный и надежный исследовательский метод» (170,5-6). На выработку такого метода и была направлена деятельность В.Матезиуса: типологический компаративизм гумбольдтианцев приобретает форму «лингвистической характерологии», а их синхронизм и ономастиологизм развиваются в «статический» и «функциональный» подходы.

Гумбольдтовское направление в языкознании ХХв. должно рассматриваться в качестве основной историко-научной предпосылки лингвистической концепции В.Матезиуса. Формирование лингвистического мышления В.Матезиуса происходило прежде всего под влиянием работ гумбольдтианцев. «Прежде всего, - вспоминал В.Матезиус, - я нашел путь к представителям немецкой лингвистики гумбольдтовского направления» (196, 436). К разработке лингвистической характерологии он пришел под непосредственным влиянием В.Гумбольдта. «Он живо чувствовал особый характер языка и был способен быстро отмечать его особенности, - писал о нем < характерологию...»(42,89). лингвистическую современную подготавливал тогда еще он самым Тем В.Матезиус. ->В.Гумбольдт не употреблял термина «лингвистическая характерология», но он говорил о «характере языка» (25,162). Более того, он является подлинным вдохновителем лингвистической характерологии. Это дает основание употреблять данный термин и по отношению к характерологическому аспекту лингвистической концепции В.Гумбольдта. Этот аспект имеет свои историко-научные истоки.

Анализируя работы ранних модистов, Карина Фредборг обнаружила в них элементы контрастивного анализа. Авторы модистских грамматик XII в. (Петр Гелийский, Вильям Коншеский и др.) использовали этот вид языкового сравнения в связи с обсуждением вопроса о различных видах грамматики. «Начиная с первых десятилетий XIII в., - писала К.Фредборг, понятие универсальной грамматики становится предметом обсуждения среди латинских грамматистов. Для современников Вильяма Коншеского и его последователей цель обсуждения состояла в том, чтобы утвердить, различные «виды грамматики», соотносимые с различными индивидуальными языками... В то же время, когда обсуждался вопрос о «видах грамматики», был введен контрастивный анализ языков, пользующихся фонетическими, семантическими и синтаксическими сравнениями родных языков» (121,84). Использование контрастивного анализа, таким образом, было подчинено у ранних модистов задачам построения грамматик их родных языков. Но эти задачи не могли быть выполнены, поскольку национальные языки Западной Европы не могли в то время выступать в качестве полноценных предметов исследования. Они еще не были признаны как литературные. Это место занимала латынь. К концу XII в. контрастивный анализ и работах средневековых грамматистов сходит на нет.

Возрождение контрастивного анализа произошло в философских грамматиках Нового времени. Идея универсальной грамматики не мешала их авторам обращаться к сопоставлению древних языков с современными, которые к этому времени получили права литературного гражданства. В меньшей мере они сравнивали древние или современные языки между собой. Так, в грамматике Пор-Рояля наиболее типичным является сопоставление латинского языка с французским. А.Арно и К.Лансло пользовались ономастиологической формой контрастивного анализа. Они указывали, например, что латинский и французский языки используют различные способы выражения понятия «железный». Подобным образом они подошли и к вопросу о выражении падежных значений во французском языке. Отправным пунктом для них были латинские падежи. «В нашем языке, как и в других вульгарных языках, - писали они о вокативе, - этот падеж выражается у имен нарицательных, употребляющихся в номинативе с артиклями, посредством опущения артикля «Бог - мое упование». «Боже, ты мое упование»(73,75).

Поскольку латынь постоянно выступала для А. Арно и К. Лансло в качестве фонового языка при изучении характерологического своеобразия французского языка, они не могли избежать латинизации французской грамматики. Вместе с тем, у авторов грамматики Пор-Рояля уже представлено стремление освободиться от привнесения во французскую грамматику чуждых ей категорий. Так, отсутствие во французском языке специальных средств, служащих для выражения падежных значений, заставляло их говорить о том, что предложные падежи не являются в нем падежами в собственном смысле (73,73).

Сопоставление латинского языка с современными языками стало обычным в философских грамматиках XVIII в. Подобные сравнения мы обнаруживаем, например, в грамматиках Н. Бозе (77) и Дж. Хэрриса (133). Последний из них указывал, что в современном английском языке в отличие от латинского, нет грамматического рода, поэтому английский обозначает половые различия самими словами, т.е. лексически (133, 43). Дж. Хэррис уже более свободно, чем А. Арно и К.Лансло, пользовался контрастивным анализом. Он обращался, например, к сопоставлению греческого и латинского языков. Ученый отмечал, в частности, что слова, обозначающие интеллектуальные явления, могут не совпадать в данных языках по роду, что они не называют живых существ (133,44). Более свободное, чем у авторов грамматики Пор-Рояля, использование контрастивного анализа позволило английскому ученому в значительной мере освободиться от латинизации грамматики родного языка.

Несмотря на то, что элементы характерологического подхода к изучению языка мы находим в ранних модистских и, в особенности, философских грамматиках Нового времени, только у В. Гумбольдта этот подход получает первое теоретическое осмысление. Неопределенное понятие «гений языка», введенное французскими просветителями, он заменил на более конкретное понятие «характер языка».

«Отделяя характер языков от их внешней формы, без которой невозможно себе представить конкретный язык, и противопоставляя характер форме, - писал В.Гумбольдт, - мы обнаруживаем, что первый заключается в способе соединения мысли со звуком» (25, 167). В.Гумбольдт, таким образом, считал, что характер языка зависит от способа соединения мысли со звуками. «И вот в соответствии с индивидуальной неповторимостью того способа, каким дух выражает себя через язык, последний получает окраску и характер», - пояснял он (25, 162). Совокупность способов, с помощью которых в данном языке происходит соединение мыслей со звуками, ученый называл «внутренней формой языка» (25, 101). Внутренняя форма данного языка, таким образом, составляет, по В.Гумбольдту, главное содержание характера этого языка. Обнаружение внутренней формы языка, а вместе с нею и характера языка, должно проводиться с ономазиологической точки зрения, поскольку именно в процессе речевой деятельности говорящего происходит соединение мыслей со звуками.

Источник языкового своеобразия В. Гумбольдт видел в конечном счете не в объектах описываемой действительности, а в особом отношении к ним со стороны говорящих. Задача исследователя в таком случае состоит в том, чтобы, отпавляясь от некоторого содержания, показать, как отразилась особая точка зрения на мир в структуре языковых средств, служащих для выражения данного содержания. Это невозможно сделать, если внимание исследователя ограничится одним языком, поскольку и в этом случае трудно определить, в чем, собственно, состоит своеобразие данного языка. Свообразие одного языка должно выявляться на фоне других.

Особое мировосприятие одних и тех же предметов находит отражение в семантической своеобразии словообразовательных, морфологических и синтаксических средств языка, служащих для обозначения данных предметов:

1. «Слово - не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета; так, в санскрите, где слона называют то дважды пьющим, то двузубым, и. одноруким, каждый раз подразумевая одни и тот же предмет...» (25,103)
2. «Но стоит нам сравнить санскрит с греческим, как мы сразу замечаем, что понятие наклонения и первом не только не осталось яви» неразвитым, но даже и не было прочувствовано по-настоящему при порождении языка и недостаточно четко отграничилось от категории времени» (25,101)
3. «Но гораздо больше, чем в отдельных словах, интеллектуально, своеобразие наций дает о себе знать при сочетании слов в речи, проявляясь и в пространности, какую способен придать своим предложениям, и в степени разветвленности, какая может быть достигнута внутри определенных границ» (25,182).

В. Матезиус, нашел у В.Гумбольдта глубокое обоснование лингвистической характерологии. Он воспринял от немецкого ученого контрастивную, моноцентрическую и ономазиологическую интерпретацию характерологии. В.Матезиуса, вместе с тем, не могла устроить идея В.Гумбольдта о том, что источник языкового своеобразия следует искать не в мире объективных вещей, а в особой точке зрения говорящих на эти вещи. В.Матезиус видел этот источник в первую очередь в мире объективной действительности и только во вторую очередь - в отношении к ней со стороны говорящих. «Отчетливость соответствующих (характерологических - В. Д.) лингвистических проблем, к сожалению, затемнялось его (В.Гумбольдта - В.Д.) стремлением выводить характер языка из характера говорящего на нем народа», - писал В. Матезиус (42,89).

Учение В.Гумбольдта о характере языка было унаследовано Г.Штайнталем, Ф.Мистели и Ф.Финком, однако отдельные языки описывались ими не сами по себе, а как представители тех или иных типов. Надо, вместе с тем, учитывать подвижность границ между этими типами: описывая какой-либо язык в качестве наиболее репрезентативного представителя определенного типа, исследователь может перейти в область его характерологического описания, поскольку трудно установить, какие особенности данного языка обусловлены его принадлежностью к тому или иному типу, а какие из них не связаны с типологически релевантными признаками исследуемого языка. В результате оказывается, что в рамках характеристики языкового типа обнаруживаются элементы лингвистической характерологии. Вот почему В.Матезиус видел в последователях В.Гумбольдта предшественников характерологии. «К проблемам лингвистической характерологии, - писал он, - в истории лингвистической мысли было представлено несколько подходов. Один из них, связанный с тем большим течением лингвистической мысли, которое идет от Вильгельма фон Гумбольдта через Штайнтала и Мистели к Финку, был собственно лингвистическим...» (174, 60).

К оценке гумбольдтовского направления в истории характерологии В.Матезиус подходил конкретно-исторически. Он считал, что дедуктивный путь исследования, по которому шли представители данного направления и который состоял в движении исследования, от общей типологии языков к их характерологии через описание отдельных языковых типов, является преждевременным, поскольку имеющиеся

классификации языков опирались не на систематическое изучение языков, а на ограниченное число изолированных фактов. Общей типологии, по мнению В.Матезиуса, должна предшествовать долгая и кропотливая работа по характерологическому описанию отдельных языков. «Единственная цель лингвистической характерологии, - писал по этому поводу ученый, - состоит в том, чтобы лучше выполнить лингвистический анализ данного языка. Все попытки в области систематической типологии языков являются, при настоящем состоянии наших знаний преждевременными и, следовательно, не могут увенчаться успехом» (174,59).

К общей типологии В.Матезиус предлагал идти по индуктивному пути: от характерологических описаний отдельных языков к выявлению их типов. Значение характерологии он видел в том, что она позволяет представить наиболее типичные черты отдельных языков в виде системы, тем самым предоставляя общей типологии полноценный материал. В.Матезиус считал, что в лингвистической типологии сложилась такая ситуация, в которой необходимо временно отказаться от широкого охвата языков и обратиться к изучению отдельных языков на фоне незначительного числа других. С этой точки зрения он подходил к общей оценке гумбольдтовского направления в характерологии. «Его представители писал он, - не сумели разработать тщательного и эффективного метода исследования, поскольку в своих исследованиях они стремились охватить слишком много языков» (174,60).

2.1.1. Общетипологическая перспектива лингвистической характерологии

Наряду с гумбольдтовским В. Матезиус выделял также «стилистическое» направление в характерологии. «Это направление, писал он, - имеет практическую ориентацию и поэтому намного больше интересуется конкретными фактами, нежели теоретическими рассуждениями. Оно пришло к собственному методу исследования, который принес подробнейшие результаты, поскольку его работа всегда ограничивается одним или максимум двумя языками» (172, 12). К представителям данного направления В.Матезиус относил прежде всего двух ученых - Ф. Штрамайера и Ф.Аронштейна.

Несмотря на то, что в работе Ф. Штрамайера *Stil der franzosischen Sprache* «Стиль французского языка» (1924) задачи стилистики понимаются чрезвычайно широко, основной упор в ней делается и изучение выразительных возможностей художественной речи. «С одной стороны, - писал В. Матезиус, - у Штрамайера, как и в других работах, близких к лингвистике, предмет стилистики расширяется до такой степени, что теряется собственная задача стилистики, с другой стороны, внимание к обычному способу выражения оттеснено у него интересом к особенностям художественного выражения» (172, 13).

В работе Ф. Аронштейна (74) понятие стиля распространяется на язык в целом, характерные особенности языка при этом называются «стилистическими». В гумбольдтианском духе Ф.Аронштейн определял предмет стилистики. «Стилистика в этом смысле (т.е. в смысле изучения стиля языка - В.Д.), писал он, - рассматривает, таким образом, язык как орган и выражение духовной организации народа. Ее высший идеал состоит в том, чтобы описать язык народа со стороны его сущности, его своеобразия, его характер, а с другой стороны, в том, чтобы объяснить этот характер через явления языка» (74, 4). При описании «стилистических» особенностей английского языка Ф.Аронштейн использовал характерологический подход. Отправляясь от некоторого содержания, он приходил к сопоставлению различных средств выражения данного содержания в английском и немецком языках. Он отмечал, например, что чувство сожаления о случившемся выражается в английском языке «субъективной» конструкцией *I am sorry*, а в немецком «объективной» (*Es tut mir leid*). Главный недостаток работы Ф.Аронштейна заключается в отсутствии системного подхода к изучению характерных особенностей языка. Ф.Аронштейн указал на многие особенности английской грамматики (размытость границ между частями, преобладание гипотаксиса над паратаксисом и др.), но эти особенности никак не связываются между собой. В отсутствие строгого системного подхода к изучению характерных особенностей языка В.Матезиус видел основной недостаток всей предшествующей характерологии. Давая общую оценку научной деятельности предшественников его собственной теории характерологии, он отмечал, что «в их методах нельзя рассмотреть единой системы» (166, 63).

Учитывая сильные и слабые стороны гумбольдтовского и стилистического направлений в характерологии, В.Матезиус занялся построением своей теории лингвистической характерологии. Свою задачу он видел прежде всего в том, чтобы утвердить относительно самостоятельный статус характерологии среди других дисциплин, поскольку гумбольдтианцы растворяли ее в общей типологии, а представители стилистического направления расценивали ее как раздел стилистики. В.Матезиус стремился объединить гумбольдтовское и стилистическое направления в характерологии. От первого из них он воспринял идею общетипологической перспективы, от второго - идею ограничения числа языков-эталонов.

В своей работе (220) В.Скаличка сделал попытку характерологического описания чешской грамматики на фоне ее отличий от других языков, выделив из них те, которые он считал наиболее репрезентативными для основных языковых типов (изолирующего агглютинативного, флективного, интрафлективного полисинтетического). Характерологическое описание языка он называл типологией этого языка. Ученый писал: «Если мы посмотрим в это смысле на положение чешского языка в ряду с остальными языками, то увидим типологию чешского языка - короче говоря, тип чешского языка (220, 13). Попытку В.Скалички

представить характерологию чешской грамматики приходится признать в целом неудачной. Несмотря на то, в первой части своей книги, где речь идет об основных типах языка, он указывает на множество специфических особенностей чешской грамматики, во второй части этой книги, которая посвящена характерологии чешского языка, мы находим по существу обычный очерк грамматики современного чешского языка. Такой результат исследования В.Скалички объясняется слишком широким охватом языков-эталонов, что неизбежно приводит к обычной описательной грамматике, поскольку на таком фоне число специфических особенностей отдельного языка растет до бесконечности.

В сопоставлении изучаемого языка с другими В.Матезиус видел лишь вспомогательное средство для обнаружения его фундаментальных особенностей. В своей исследовательской практике он показал, что для выявления таких особенностей нет необходимости обращаться к противопоставлению данного языка всем остальным, поскольку и ограниченное число языков способно высветить важнейшие черты исследуемого языка. Контрастивный анализ служил для В.Матезиуса только отправным пунктом для системного изучения характерных особенностей данного языка. Системный подход позволял ему переходить, от одной особенности языка, выявленной с помощью контрастивного анализа, к другим его особенностям, обнаруживаемым уже на основе внутрисистемных отношений в данном языке, потому что он интерпретировал эти отношения как причинно-следственные. Принцип доминанты (детерминанты) в определении иерархических отношений в языковой системе в отечественном языкознании иногда связывают с работами Г.П.Мельникова, однако уже В.Матезиус использовал этот принцип в своей характерологии. Так, контрастивный анализ темо-рематических функций подлежащего в английском языке привел ученого к выводу о его тематической сущности. Дальнейший внутрисистемный анализ показал, что данная особенность английской грамматики имеет системную ценность, т.е. относится к числу ее важных особенностей. Анализ показал, что данная особенность играет роль причинной доминанты (детерминанты) по отношению к другим особенностям английского языка, (прежде всего активное употребление пассивных и личных конструкций).

В. Матезиус не разделял мнения ученых, которые высказывались за отказ классификационного принципа в лингвистической типологии. Для него были неприемлемы, например, такие слова И.А. Бодуэна де Куртенэ: «В этой области мы должны стремиться не к «классификации» языков, а к их сравнительной характеристике» (6,182). Подобная точка зрения выражена и в словаре Й. Вахка: «Между различными языками существуют самые разнообразные черты сходства и различия. Все эти черты связаны чрезвычайно сложными отношениями, и поэтому приходится отказаться от надежды построить классификацию языков, точно так же как невозможно построить классификацию людей с антропологической точки зрения» (14,224). В. Матезиус полагал, что характерологические описания языков, выполненные на основе выделения важнейших особенностей языков и установления системно-иерархических отношений между ними, предоставляет общей типологии языков полноценный материал для построения системноцельной классификации языков.

Характерологическая теория В. Матезиуса имеет общетипологическую перспективу. Подобную позицию в данном вопросе занимал И.И. Мещанинов. «Сличению цельных комплексов разных языковых систем, - писал он, - предшествует изучение каждой в отдельности. Сопоставление же обособленно взятых элементов из разных систем не может проводиться без детального ознакомления с тем положением, которое занимают эти элементы во всем связанном с ними комплексе» (53, 18).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Грамматическая концепция Вилема Матезиуса должна быть признана с метафизической точки зрения асистемной. В самом деле, свою грамматическую систему чешский ученый строил на основе синхронического, характерологического и ономазиологического подходов к изучению языка. Но в этой системе мы обнаруживаем элементы несинхронической, нехарактерологической и ономазиологической грамматики. Такая «непоследовательность» ученого объясняется только тем, что его лингвистическому мышлению была присуща глубокая диалектичность. Включая в свою грамматику элементы диахронической, нехарактерологической и семасиологической грамматики, В.Матезиус подчинял их выполнению задач, стоящих перед грамматикой синхронической, характерологической и ономазиологической. Источником диалектического способа мышления было для него углубленное внимание к речевой деятельности говорящего. Он находил в ней основания как для разграничения противоположных методологических принципов, так и для установления связи между ними.

Грамматическая концепция В.Матезиуса имеет синхроническую направленность. Одну из важнейших задач современного ему языкознания В.Матезиус видел в утверждении относительно самостоятельного статуса синхронической лингвистики по отношению к диахронической. С этой точки зрения он поддерживал идею Ф.де Соссюра о строгом разграничении синхронии и диахронии. Но В.Матезиус никогда не доводил эту идею до абсолютизации. Больше того, через вес его работы проходит идея глубокой историчности языка. Необходимость введения элементов диахронической грамматики в синхроническую ученый видел не только в том, что без обращения к истории языка невозможно с достаточной глубиной объяснить современное состояние языка, но также и в том, что само это состояние имеет динамический характер. Современный

язык представляется В.Матезиусу как единство и борьба противоположных тенденций. Единство между этими тенденциями обеспечивает относительное равновесие языковой системы в тот или иной период времени. Борьба между ними постоянно нарушает это равновесие. Чтобы выявить динамическую природу языка, считал В.Матезиус, необходимо устанавливать в языках их важнейшие черты, поскольку именно они и составляют господствующие тенденции, действующие в тех или иных языках в определенный период времени. Выявление важнейших особенностей того или иного языка В.Матезиус предлагал проводить с помощью сопоставительного метода, который он называл методом аналитического сравнения, а дисциплину, в которой этот метод используется, - лингвистической характерологией.

Грамматическая концепция В.Матезиуса является характерологической. Задачу лингвистической характерологии В.Матезиус видел в том, чтобы с помощью метода аналитического сравнения выявлять наиболее важные черты исследуемого языка. В своей совокупности такие черты и составляют национальное своеобразие данного языка. Оно состоит, по мнению учёного, в том, что в языке того или иного периода на господствующее положение выдвигаются те или иные тенденции. Они вступают в постоянное взаимодействие друг с другом, образуя тем самым относительно устойчивую динамическую систему. Элементы этой системы употребляются в данном языке намного чаще, чем те элементы, которые связаны с действием ослабленных языковых тенденций. В характерологическом описании языка, таким образом, исследователь может опираться на материал только одного языка. Лингвистическая характерология при этом прибегает к помощи обычной описательной грамматики. Но В.Матезиус считал, что есть более эффективный путь к обнаружению господствующих тенденции в языке. Он связан с использованием метода аналитического сравнения. Отправляясь от некоторого содержания, мы можем прийти к различным формам его выражения в разных языках. В одном языке для выражения определенного содержания те или иные формы используются чаще, чем аналогичные формы в другом языке. В первом случае мы имеем дело с единицами, которые связаны с господствующими тенденциями, действующими в языке-объекте. Во втором случае мы имеем дело с единицами, которые связаны с ослабленными тенденциями, действующими в языке-эталоне. Подобным образом В.Матезиус выявил такие господствующие тенденции в английском языке, как номинальная тенденция, тенденция к употреблению подлежащего в роли основы высказывания (темы) и тенденция к комплексной конденсации. В основе метода аналитического сравнения лежит ономаσιологический подход к изучению языка, рассматриваемого в сопоставлении с другими. Именно этот подход предполагает направленность исследования от внеязыкового содержания к языковой форме. Элементы характерологического подхода к изучению языка, взятого в определенный период времени и рассматриваемого в сопоставлении с другими языками с ономаσιологической точки зрения, В.Матезиус усматривал у гумбольдтианцев. Вот почему лингвистическая концепция В.Матезиуса формировалась главным образом под влиянием работ гумбольдтовского направления в языкознании. Однако представители этого направления не сумели детально разработать метод, который позволял бы исследовать язык с ономаσιологической точки зрения. В.Матезиус называл этот метод «функциональным». На разработку данного метода и было направлена деятельность ученого. В этом он видел главное дело своей жизни. Грамматическая концепция В.Матезиуса имеет ономаσιологическую направленность. В основе ономаσιологической грамматики В.Матезиуса лежит изучение речевой деятельности говорящего, направленной на создание предложения. Процесс создания предложения подразделялся ученым на две стадии. Первую из этих стадий составляет акт номинации. В процессе номинативной деятельности говорящий выделяет некоторые элементы действительности, описываемой предложением, и осуществляет отбор номинативных единиц, служащих для обозначения данных элементов действительности. Вторую стадию в создании предложения составляет акт фразообразования. В процессе фразообразовательной деятельности говорящий осуществляет соединение номинативных единиц, отобранных им в акте номинации, в предложение. Акт номинации лежит в основе первого раздела ономаσιологической грамматики В.Матезиуса - «функциональной ономатологии». Акт фразообразования лежит в основе второго раздела этой грамматики - «функционального синтаксиса». Каждый из этих разделов имеет структурный и функциональный аспекты.

Структурный аспект ономаσιологической грамматики отражает переход «внеязыковое содержание - языковая форма». Функциональный аспект этой грамматики отражает переход «языковая система - речь». Задача структурных разделов «функциональной грамматики» состояла для В.Матезиуса в том, чтобы, отправляясь от определенных содержательных (ономаσιологических) категорий, систематизировать языковые структуры, которые служат в изучаемом языке для выражения данных категорий. Задача функциональных разделов анализируемой грамматики состояла для ее автора в том, чтобы изучать функционирование тех структур исследуемого языка, которые систематизируются в структурных разделах ономаσιологической грамматики. Эти структуры могут быть названы как и категории, лежащие в их основе, содержательными (ономаσιологическими). Их своеобразие состоит в том, что они включают и свой состав несколько формальных (семасиологических) структур. Это связано с тем, что при выделении семасиологических структур исследователь исходит из ведущей роли формальных критериев по отношению к содержательным, тогда как при выделении ономаσιологических структур он исходит из обратного

соотношения между данными критериями. Изучением формальных структур языка занимается семасиологическая грамматика.

В основе семасиологической грамматики лежит речевая деятельность слушающего, направленная на понимание речи говорящего. Вот почему ведущим направлением исследования в семасиологической грамматике является направление «речь - языковая система / языковая форма - внеязыковое содержание». В.Матезиус называл семасиологическую грамматику «формальной» и связывал ее развитие с бойцовским направлением в языкознании. «Формальную» грамматику он строго отграничивал от «функциональной». Это не значит, что он отрицал связь между ними. Необходимость введения элементов семасиологической грамматики в ономасиологическую ученый видел в том, что без «формальной» грамматики невозможно выявить состав содержательных категорий, которые выступают в «функциональной» грамматике как отправные пункты. Кроме того, функционирование содержательных структур языка идет по пути отбора говорящим тех или иных формальных структур из состава содержательных структур. Ономасиологическая грамматика, таким образом, опирается на семасиологическую, поскольку изучение формальных структур языка проводится в грамматике семасиологического типа.

Грамматическая концепция В.Матезиуса имеет системную направленность. В качестве основных системообразующих факторов в ней выступают ее главные методологические установки, т.е. ее синхроническая, характерологическая и ономасиологическая ориентация. Однако ведущее положение среди них принадлежит ономасиологическому фактору: грамматическая система, созданная В.Матезиусом, представляет собой модель речевой деятельности говорящего, направленной на создание предложения. В «функциональную ономатиологию» В.Матезиус включал лексикологию, словообразование и морфологию. В основе каждого из этих разделов лежит особый вид номинативной деятельности говорящего. В основе лексической ономатиологии лежит акт лексической номинации. Он связан с выбором говорящим лексических единиц, служащих для обозначения описываемой действительности. В основе словообразовательной ономатиологии лежит акт словообразовательной номинации. Он связан с созданием новых слов, служащих для обозначения предметов, еще не получивших в данном языке своих наименований. В основе морфологической ономатиологии лежит акт морфологической номинации. Он связан с выбором говорящим морфологических единиц, служащих для обозначения описываемой действительности. Системное единство ономастиологических разделов «функциональной грамматики» связано с отражением ею номинативного механизма речевой деятельности говорящего, направленной на переход лексем в словоформы. Но этот переход в акте номинации *in* заканчивается. Он продолжается в акте фразообразования. Это создает объективную основу для органического перехода «функциональной ономатиологии» в «функциональный синтаксис». Системное единство «функционального синтаксиса» в свою очередь связано с фразообразовательным механизмом речевой деятельности говорящего. Он направлен на выбор тех или иных моделей для создаваемой предложения, а также на установление стемматических (грамматических) и линейных отношений между членами этого предложения. С помощью порядка слов говорящий производит актуальное членение предложения но последнее может производиться и с помощью других средств. Вот почему заключительный раздел «функционального синтаксиса» - учение об актуальном членении предложения - занимает относительно самостоятельное место в грамматической системе В.Матезиуса. В основе грамматической теории В.Матезиуса лежит описание речевой деятельности говорящего. Вот почему ведущую методологическую особенность этой теории составляет ее ономастиологическая направленность. С данной точки зрения и следует подходить к определению места грамматического учения чешского ученого в истории языкознания. Как представитель Пражской школы, В.Матезиус был и «структуралистом» и «функционалистом», но его «структурный функционализм», в отличие от «структурного функционализма» Р.Якобсона, В.Скалички, Б.Трнки и других представителей Пражского лингвистического кружка, был не семасиологическим, а ономастиологическим. И в этом своем качестве грамматическая теория В.Матезиуса входит в ономастиологическое направление в лингвистике. Истоки этого направления связаны с античной философией языка и средневековой грамматикой модистов. Его становление в истории языкознания связано с философской грамматикой XVII-XVIII вв. и гумбольдтовским направлением в языкознании XIX в. Его развитие в XX в. связано с работами таких ученых, как Ф.Брюно, О.Есперсен, Ш.Балли, Г.Гийом, Л.Теньер, Л.Вайсгербер, М.Холлидей, М.Докулил, Ф.Данеш, Я.Корженский, Л.В.Щерба, И.И.Мещанинов, В.Г.Гак, А.В.Бондарко, Е.С.Кубрякова и др.

Несмотря на то, что грамматическая концепция В.Матезиуса была создана в первой половине XX в., она полностью сохраняет свое методологическое значение и в настоящее время. В.Матезиусу удалось создать такую модель языка, которая может служить эталоном для критической оценки современных ономастиологических теорий, поскольку в основу этой модели лежит реальный механизм речевой деятельности говорящего. С точки зрения грамматической системы В.Матезиуса можно оценить, например, грамматическую систему М.Холлидея.

Если В.Матезиус исходил в своей грамматике из номинативной и фразообразовательной функций языка, то М.Холлидей исходит в своей грамматике из трех «макрофункций» языка - концептуальной (идеационной), межличностной и текстуальной. В соответствии с этими функциями языка ученый выделил три компонента в

своей грамматике. Концептуальный компонент грамматики изучает язык как средство выражения человеческого опыта, в который входят представления человека об объективном мире. Межличностный компонент грамматики изучает язык как средство выражения субъективного отношения говорящего к действительности. Это отношение сказывается М.Холлидеем с «коммуникативными ролями», которые проигрывает говорящий в процессе речи. Перед тем, например, как он употребит в своей речи вопросительное или повелительное предложение, он должен принять на себя роль спрашивающего или повелевающего. Текстуальный компонент грамматики изучает язык как средство построения высказывания (текста).

Нетрудно заметить, что два первых компонента грамматики М.Холлидея соотносятся в какой-то степени с «функциональной ономастологией», а третий компонент грамматики М.Холлидея - с «функциональным синтаксисом». Но если чешский ученый исходил из принципиального единства ономастологического и синтаксического разделов своей грамматики, то английский ученый исходит из принципиальной независимости каждого из компонентов своей грамматики (131, 66). Ономастологическая грамматика при такой установке утрачивает свой системный характер. Разрозненный характер трехкомпонентной грамматики М.Холлидея объясняется недостаточным вниманием ее автора к речевой деятельности говорящего. Исходя из основных стадий этой деятельности В.Матезиус и строил свою грамматическую систему. Его слова, в которых он оценивал собственный вклад в грамматическую науку, звучат вполне своевременно и в наши дни: «Было бы бессмысленно утверждать, что все проблемы, касающиеся функциональной ономастологии и функционального синтаксиса, являются совершенно новыми и что ни одна из них до сих пор никогда не обсуждалась. Бесполезно было бы, однако, отрицать, что новая формулировка этих проблем, основанная на функциональной точке зрения, поможет по-новому и гораздо глубже осветить эти проблемы, а также по-новому классифицировать уже известные и открыть новые факты» (46,229). Ономастологическую модель языка, созданную В.Матезиусом, можно конкретизировать, но отвергнуть ее невозможно, поскольку в ее основе лежат верные методологические установки. В отличие от Ф.Брюно, В.Матезиусу удалось избежать в своей грамматике абсолютизации ономастологического подхода к изучению языка. В отличие от Л.Вайсгербера, он избежал в своей грамматике и другой крайности - преувеличения роли семасиологической грамматики для построения ономастологической. В.Матезиус, в отличие от названных ученых, не ограничивал свою грамматику только структурным аспектом. С другой стороны, он не абсолютизировал, как Г.Гийом, и функциональный аспект ономастологической грамматики. В отличие от О.Есперсена и Ш.Балли, наконец, структурный аспект в ономастологической грамматике В.Матезиуса органически связан с ее функциональным аспектом. Все это позволяет утверждать, что методологическое значение ономастологической модели языка, созданной выдающимся чешским ученым, будет понято во всей глубине только будущими поколениями исследователей.

Биографии

Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892 - 1970), российский лингвист.

Ученик И.А.Бодуэна де Куртенэ, А.А.Шахматова, Л.В.Щербы. В 1920-е годы работал в различных научных учреждениях Ленинграда: Ленинградском университете, Институте живого слова, Институте истории искусств и др. Число публикаций Бернштейна относительно невелико, однако он занимался широким кругом проблем (при преимущественном интересе к звуковой стороне языка) и высказал важные теоретические идеи. Ученый пытался совместить концепции Ленинградской фонологической школы и Московской фонологической школы. Много занимался вопросами фонетики, обучения произношению, художественной речи. В 1919 основал фонетический кабинет в Институте живого слова с уникальной фонотекой, содержавшей записи поэтов, читавших свои стихи. Благодаря Бернштейну были сохранены голоса Блока, Маяковского, Есенина и др. Многие работы Бернштейна остались неопубликованными

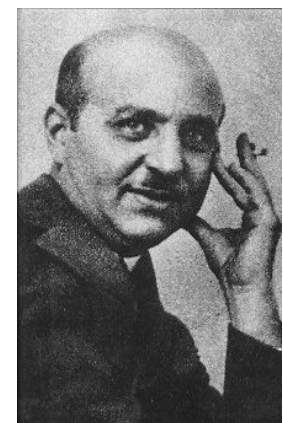
Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович - (1845 - 1929), русско-польский языковед, член-корреспондент Петербургской АН (1897)

Один из виднейших представителей общего и славянского историко-сравнительного языкознания, родоначальник т. н. Казанской, позже Петербургской лингвистических школ. Профессор Казанского (1875-83), Юрьевского (ныне Тартуский; 1883-93), Краковского (1893-99), Петербургского (1900-18) университетов. Бодуэн де Куртенэ разработал ряд важнейших теоретических идей, в частности, о морфологических законах, о статике и динамике в развитии языка, о различии исторического и описательного языкознания, о возможности генетического и типологического сравнения языков. Бодуэн де Куртенэ одним из первых привлёк внимание языковедов к проблемам изучения современных языков, поставил вопрос о лингвистическом прогнозировании, проявлял большой интерес к искусственному международному языку эсперанто. Бодуэн обращал большое внимание на практическое применение науки о языке, писал статьи по вопросам обучения языку, участвовал в разработке проекта реформы русской орфографии, предлагал рекомендации для выработки языковой политики в России, отстаивал права национальных меньшинств вести обучение на родном языке и обращаться на нём в административные учреждения.

Бюлер Карл - (1879 - 1963), немецкий психолог и лингвист.

Большинство работ ученого посвящено различным проблемам психологии, однако в 1930-е годы он обратился к лингвистической теории, опубликовав ряд исследований, наиболее значительным из которых была книга Теория языка. Репрезентативная функция языка (Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache, 1934). Отталкиваясь от идей Ф. де Соссюра и активно сотрудничая с учеными, принадлежавшими к Пражскому лингвистическому кружку, Бюлер стремился выявить наиболее общие свойства

языка, предложив не столько лингвистическую, сколько семиотическую концепцию, в связи с чем его высоко ценили классики семиотики.

Вайсгербер Лео (1899 - 1985), немецкий филолог.

В структурной семантике и сопряженной с ней теории семантического поля отдельные концепты (и, соответственно, значения обозначающих их лексических единиц) рассматриваются не как самостоятельные феномены, существующие где-то в мире "до и вне языка" и дожидаящиеся своих обозначений, а как создаваемые языком "духовные объекты", структурирующие действительность. Это положение является одновременно одним из центральных постулатов разработанной Вайсгербером неогумбольдтианской лингвофилософской концепции, основные принципы которой Вайсгербер сформулировал в опубликованной в 1929 работе Родной язык и формирование духа.

Виноградов Виктор Владимирович - (1895 - 1969), языковед, литературовед, академик АН СССР (1946).

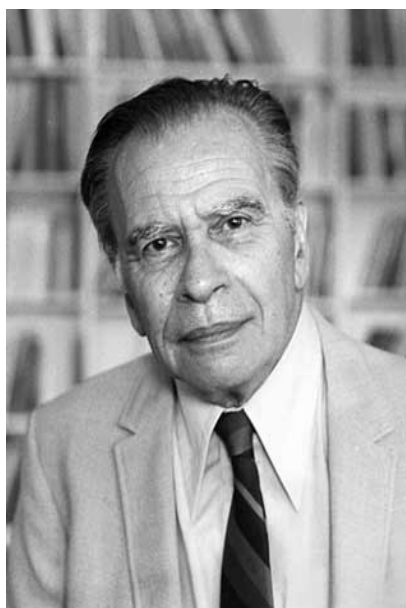
Профессор Ленинградского (1920-29) и Московского (1930-69) университетов: заведующий кафедрой русского языка МГУ (1945-69). Директор Института языкознания АН СССР (1950-54), Института русского языка АН СССР (1958-68). Академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1950-63). Автор исследований по русской грамматике. Его главный труд в этой области - "Русский язык. Грамматическое учение о слове" (1947; Государственная премия СССР, 1951). Эта книга содержит анализ не только форм слов, но и их значений. Учение о формах здесь обращено к содержательной стороне грамматики - в центре его стоят вопросы грамматической семантики. "Русский язык" не является только морфологическим исследованием: в нём дан полный перечень именного и глагольного словообразования, содержится много синтаксических идей, рассматриваются вопросы стилистики (функционирование грамматических форм в разных речевых стилях и жанрах, реализация их речевых возможностей в языке художественной литературы). Содержание книги далеко выходит за рамки синхронного описания: многие факты рассматриваются в свете истории русского языка. Виноградов высоко ценил идеи русских учёных XIX в. и, стремясь сохранить в научном обороте наследие прошлого, представил в этой книге историю научных взглядов по каждой грамматической категории.

Вундт Вильгельм (1832 - 1920), немецкий физиолог, психолог, философ и языковед.

Вундт подробно рассматривал эволюцию человеческих форм выражения - от физиологических через жестовый язык (в изучение которого Вундт внес значительный вклад) до языка звукового. Он также рассматривал свою концепцию как психологическое обоснование сравнительно-исторического метода. Публикация первых томов "Психологии народов" В. Вундта вызвала оживленную дискуссию, причем представителями наиболее влиятельной тогда, хотя уже и клонившейся к упадку школы младограмматизма взгляды Вундта приняты не были. Лишь в последней трети 20 в. в науке о языке снова стали актуальными некоторые положения, отчетливо сформулированные Вундтом в начале века, - в частности, идея о том, что

первичной единицей языка следует считать предложение (точнее, с современной точки зрения, высказывание), которое не скалывается из слов, а лишь разлагается на них и далее на более мелкие элементы. Созвучными более поздним этапам развития лингвистики стали также предложенные Вундтом психологические трактовки различных типов предложения, порядка слов, грамматических классов. Рассмотрение философии языка как части психологии народов оказалось близко идеям неогумбольдтианства и этнолингвистики.

Гринберг Джозеф (1915 - 2001), американский лингвист.

Гринберг был последовательным эмпириком и, по сути дела, на протяжении всей своей полувековой деятельности в лингвистике занимался классификацией (с различных сторон и на различных основаниях) языков мира. Для решения этой задачи им был предложен ряд технических приемов, а в ходе ее решения сделан ряд наблюдений, знакомство с которыми в дальнейшем стало неотъемлемой частью профессиональной компетенции лингвиста. Гринберг был одним из пионеров изучения так называемых языковых универсалий (утверждений, фиксирующих эмпирически устанавливаемые общие структурные свойства языков); его схемы, предложенные для изучения типологии порядка слов, используются ныне повсеместно, а универсалии, касающиеся порядка слов, инициировали разработку разнообразных объяснительных теорий и серьезно повлияли на развитие синтаксической типологии и, шире, грамматической теории. Квантитативная типология, предложенная Гринбергом, стала одним из наиболее заметных вкладов, внесенных в морфологическую типологию языков после Э.Сепира.

Гумбольдт Вильгельм (1767 - 1835), немецкий философ, филолог, искусствовед, правовед и государственный деятель.

Родился 22 июня 1767 в Потсдаме в прусской дворянской семье. В 1787 поступил в университет Франкфурта-на-Одере, где изучал право; в 1788 слушал лекции по филологии и истории в Гёттингенском университете. С 1794 по 1797 жил в Йене, где познакомился с Шиллером и Гёте. Провел четыре года в Париже, изучая французскую культуру. Путешествовал по Испании и баскским провинциям. В это время началось его серьезное увлечение языками и культурами различных народов. Гумбольдт считается основоположником философии языка, а во многом и европейской традиции теоретического языкознания. В основе разработанной им лингвофилософской системы лежат кантианские идеи, хотя она и не содержит прямых заимствований, а скорее отражает общую атмосферу духовных исканий в Германии на рубеже 18 и 19 вв. Помимо лингвофилософских и лингвистических исследований, круг интересов Гумбольдта охватывал литературоведение, классическую филологию, теорию искусства, а также государственное право. По инициативе Гумбольдта была основана первая в Европе кафедра сравнительного языкознания, которую

возглавил 27-летний Ф. Бопп, один из основоположников сравнительно-исторического языкознания. Другой последователь Гумбольдта - Г. Штейнталь, стал основоположником психологического направления в языкознании. Гумбольдт оказал влияние на К. Фосслера - главу "эстетической школы", косвенно

воздействовал на развитие языкознания в Америке (ср., в первую очередь, работы Ф. Боаса и его ученика Э. Сепира). Определенную степень зависимости своей лингвистической теории от идей Гумбольдта признавал Н. Хомский. В России лингвофилософские воззрения Гумбольдта оказали влияние, в первую очередь, на представителей Харьковской лингвистической школы (А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, 1853-1920 и др.), а также на феноменологическую концепцию Г.Г. Шпета.

Кацнельсон Соломон Давидович (1907 - 1985), российский лингвист.

Специалист по теории лингвистики, типологии, сравнительно-историческому языкознанию. На ранние (1940-х годов) работы Кацнельсона оказали влияние стадиальные идеи Н.Я. Марра. Занимался также проблемами теории грамматики. В работах 1960-1980-х годов рассматриваются проблемы связи между языком и мышлением, соотношения слова и понятия, грамматической семантики, предложена типологическая концепция, формулируемая на содержательных основаниях. Кацнельсон изучал акцентологию германских языков, занимался историей лингвистики. Под его редакцией в конце 1970-х и в 1980-х вышла серия коллективных монографий "История лингвистических учений" и примыкающая к ней коллективная монография Грамматические концепции в языкознании XIX века.

Курилович Ежи (1895 - 1978), польский лингвист.

Не примыкая ни к одному из направлений структурной лингвистики, Курилович был связан и с Пражским лингвистическим кружком, и с глоссематикой, печатался в изданиях обоих направлений и фактически был, наряду с Э. Бенвенистом, крупнейшим "одиночным" представителем европейского структурализма; более того, разработанный им метод так называемой внутренней реконструкции, т. е. восстановления предшествующего состояния некоторого языка на основании имеющихся в нем аномалий, не укладывающихся в современную систему и являющихся следами системы прежней, был наиболее значительным вкладом структурализма в историческое языкознание. К числу других получивших широкую известность результатов ученого относятся также предложенная им классификация падежей, различающая так называемые грамматические и конкретные падежи и ставшая, наряду с теориями Л. Ельмслева, Р. Якобсона и Ч. Филлмора (р. 1929) одной из основных трактовок семантики падежа, а также различие между синтаксической и семантической деривацией.

Мельников Геннадий Прокопьевич (1928 - 2000), доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов.

Геннадий Прокопьевич
МЕЛЬНИКОВ
(1928–2000)

Создатель системной теории языка ("системная лингвистика"), включающей в качестве основного компонента системную типологию языков. стержневым в этой теории является всесторонний учет сторон и свойств языкового целого, с выявлением принципов взаимодействий между ними и с выделением среди них ведущих, детерминантных свойств. Язык последовательно рассматривается как средство и как продукт коммуникативной деятельности. Формирующиеся при этом в языковой действительности типы языков являются, в конечном счете, результатом сложения специфических коммуникативных условий ("внешняя детерминанта", по Г.П. Мельникову). Работы Г.П. Мельникова по системной лингвистике продолжают великую интеллектуальную традицию, начатую работами Вильгельма фон Гумбольдта по поиску причин своеобразия

различных языков. Понятие "внутренней формы" языка того или иного типа в работах Г.П. Мельникова и его учеников предстало в виде идеи детерминанты ? основной, ведущей черты его устройства, выкристаллизовывающейся в ходе длительной совместной адаптации различных свойств и сторон языкового целого друг к другу.

Мельчук Игорь Александрович

Канадский лингвист российского происхождения, создатель лингвистической теории "Смысл - Текст". В настоящее время - профессор Монреальского университета. Специалист в области лингвистической типологии.

Мещанинов Иван Иванович (1883 - 1967), российский языковед.

Наиболее значительные труды Мещанинова - Общее языкознание (1940), Члены предложения и части речи (1940), Глагол (1949) - связаны с постепенным преодолением влияния Н.Я. Марра. Воспринятая от последнего идея поиска стадий развития языков в области синтаксиса преобразовалась в идею выявления основных типов синтаксического строя языков мира без какой-либо связи со стадиями. Эти работы заложили основы новой лингвистической дисциплины - синтаксической типологии, получившей значительное развитие в отечественной и мировой лингвистике. Идея так называемых "понятийных категорий" стала у Мещанинова одной из первых попыток выявления семантических закономерностей языка, отличных от его формальных закономерностей. В книге Глагол Мещанинов сопоставил глагольные категории в языках мира.

Панов Михаил Викторович (1920 - 2001), российский лингвист, доктор филологических наук, один из наиболее значительных представителей Московской фонологической школы.

Труды по русской фонетике, орфографии и орфоэпии, а также по русской морфологии и синтаксису, истории русского языка, социолингвистике, стилистике, языку русской поэзии и др. проблемам русистики. Выступал также как успешный пропагандист и популяризатор науки, инициатор и автор лингвистических изданий для детей и нетрадиционных школьных учебников по русскому языку. Активно занимался методической и преподавательской деятельностью. Автор двух поэтических сборников, опубликованных в конце жизни.

Поливанов Евгений Дмитриевич (1891 - 1938), лингвист-востоковед и литературовед.

Окончил Петербургский университет (1912), где был учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы, и одновременно Восточную практическую академию (по японскому разряду). Основные работы посвящены японскому, китайскому, узбекскому, дунганскому языкам и общему языкознанию. В 1928-29 выступил против "нового учения о языке" Н.Я. Марра. Поливанов - один из основоположников исторической фонологии, создатель оригинальной теории языковой эволюции. Автор общепринятой ныне системы русской транскрипции для японского языка; первым разработал лингвистические ("Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком", 1933) и методические ("Опыт частной методики преподавания русского языка", 1935, 3 изд., 1968) основы обучения нерусских русскому языку; внёс значительный вклад в создание письменностей для младописьменных языков, учебников и пособий.

Реформатский Александр Александрович (1900 - 1978), российский языковед.

Заведующий сектором структурной и прикладной лингвистики Института языкознания АН СССР (1958-1970). Один из основоположников московской фонологической школы, сформулировавший её теоретические позиции. Основные труды по фонологии, морфофонологии, семиотике, сопоставительной лингвистике, орфографии. Автор широко известного учебника по введению в языковедение.

Сепир Эдвард (1884 - 1939), американский лингвист и антрополог.

В книге Язык (Language, 1921) Сепир показал, что каждый язык характеризуется основополагающими структурами, которые и определяют наличие в данном языке специфических звуков, слов и грамматических особенностей; эти структурные черты языка-предка являются причиной сходного развития языков-потомков (концепция "дрейфа"). В период работы в Чикагском (1925-1931) и Йельском университетах Сепира заинтересовался психологическими аспектами анализа языка. Будучи председателем Отделения антропологии и психологии в Национальном научно-исследовательском совете (1934-1935), он способствовал проведению важных лингво-психологических исследований. По мнению Сепира, язык, культура и личность сливаются в единое целое; язык - это "символический ключ к поведению", потому что опыт в значительной степени интерпретируется через призму конкретного языка и наиболее явно проявляется во взаимосвязи языка и мышления. Большое количество статей и его семинар в Йельском университете "Воздействие культуры на личность" не только привлекли внимание антропологов к индивидууму в его культурной среде, но и оказали заметное влияние на теорию психоанализа. Сепир был президентом Американского лингвистического общества (1933) и Американской антропологической ассоциации (1938).

Смирницкий Александр Иванович - (1903 - 1954), российский лингвист.

Основной сферой научных интересов Смирницкого были германские языки, прежде всего английский и скандинавские, а также общее языкознание. По теоретическим взглядам он был близок к структурной лингвистике, но в отличие от большинства советских структуралистов, занимавшихся фонологией, преимущественно разрабатывал теорию грамматики, где получил ряд значительных результатов. Широко известна его полемика конца 1940-х годов с Г.О. Винокуром по вопросу о членимости слов с уникальными основами (типа мал-ина, бужен-ина) и уникальными суффиксами (типа жен-их, поп-адья, пе-сня), в которой он предложил (во многом следуя аналогичным решениям американских дескриптивистов) считать производными оба типа слов; именно это решение в силу его большей объяснительной силы стало стандартным. В первой половине 1950-х годов Смирницкий выступил с серией статей, в которых предложил критерии выделения слов, уточнил понятие слова, разграничив словоформу - конкретную единицу, выступающую в тексте - и лексему - множество словоформ с единым лексическим значением

Уорф Бенджамин (1897 - 1941), американский лингвист.

Завоевал известность своей теорией "лингвистической относительности", согласно которой имеющаяся у человека картина мира в значительной степени определяется системой языка, на котором он говорит. Согласно Уорфу, грамматические и семантические категории языка служат не только инструментами для передачи мыслей говорящего, они также формируют его идеи и управляют его мыслительной деятельностью. Тем самым люди, говорящие на разных языках, будут иметь разные представления о мире, а в случае значительных структурных расхождений между их языками при обсуждении некоторых тем у них могут возникать трудности с пониманием.

Финк Франц Николаус (1867 - 1910), немецкий языковед.

Учился в Мюнхене, Париже, Марбурге. Профессор Берлинского университета (1909-10). Опубликовал работы по проблемам общего языкознания; исследовал арм., цыганский и некоторые др. языки, одним из первых начал описывать современные ирландские диалекты. Будучи последователем идей В. Гумбольдта, Ф. занимался общими проблемами типологии языков мира, предложил типологическую классификацию языков, во многом сохраняющую своё значение до настоящего времени.

Фортунатов Филипп Фёдорович (1848 - 1914), русский языковед.

Фортунатов был прежде всего индоевропеистом, своей деятельностью обеспечившим восприятие разработанных младограмматистами методов лингвистического исследования (на то время наиболее строгих) отечественным сравнительно-историческим языкознанием. В то же время Фортунатов разделял не все познавательные установки младограмматизма, что проявлялось прежде всего в его

интересе к общей теории грамматики, многие из вопросов которой рассматривались им безотносительно к истории языка. Фортунатов особенно активно занимался морфологией; ему принадлежат: определение формы слова как психологически значимой способности слова члениться на основу и окончание; разграничение форм словоизменения и форм словообразования, а также положительной и отрицательной (не имеющей звукового выражения) формы, в дальнейшем эти идеи были развиты структуралистами в учение о грамматическом нуле. Фортунатовым была предпринята также попытка построения чисто формальной классификации частей речи, сильно отличающейся от традиционной, и формального определения словосочетания и предложения. Хорошо знавший математику, Фортунатов стремился к достижению в грамматике максимально возможной точности и строгости описания (в то время присущей лишь сравнительно-историческому языкознанию); позднее подобная абсолютизация строгости надолго станет характерной чертой структурализма и сыграет важную роль в развитии лингвистики. Будучи блестящим лектором, Фортунатов, подобно Соссюру и некоторым другим "устным" ученым, очень мало публиковался; не оставил он и какого-либо обобщающего труда. Творческое наследие ученого состоит из нескольких десятков посвященных частным вопросам статей и рецензий, а также литографированных материалов для студентов. Два тома избранных работ Фортунатова были изданы лишь в 1956, а многие работы поныне остаются неопубликованными.

Шлегель Август (1767 - 1845), немецкий историк литературы, писатель. Брат Ф. Шлегеля.

Изучал классическую филологию в Гёттингенском университете (1787-91). С 1818 преподавал в Боннском университете историю литературы, занимался санскритологией; один из основоположников сравнительного языкознания. Принадлежал к йенскому кружку немецких романтиков. В своих работах (берлинский курс лекций о литературе и искусстве, 1801-04, изд. 1884; венские лекции о драматическом искусстве и литературе, 1808, изд. 1809-11) дал первое систематизированное изложение историко-художественной концепции романтизма, получившее европейскую известность. Новому, романтическому искусству отчётливо противопоставлял древнее, античное. Видный теоретик художественного перевода, сам Шлегель переводил сочинения Данте, П. Кальдерона, Ф. Петрарки; непревзойденными остаются его переводы драм У. Шекспира.

Шлегель Фридрих (1772 - 1829), немецкий критик, философ, филолог и поэт.

Брат А.В.Шлегеля. Эпохальный труд Шлегеля О языке и мудрости индейцев (Von der Sprache und Weisheit der Inder, 1808) положил начало сравнительно-историческому языкознанию, а также индологии; продолжателем этого дела стал его брат.

Шлейхер Август (1821 - 1868), немецкий лингвист, представитель сравнительно-исторического языкознания.

В своих работах, посвященных как индоевропеистике, так и общему языкознанию, Шлейхер продолжал деятельность индоевропеистов первого поколения: Ф.Боппа, Я.Гримма и др.; в общетеоретических вопросах испытал влияние В. фон Гумбольдта. Вслед за Гумбольдтом Шлейхер пытался выявить общие закономерности развития языков, выделяя языковые стадии. "Доисторический" период языкового развития он, как и Гумбольдт, понимал как движение от простого к сложному. Согласно Шлейхеру, наибольшей "зрелости" достигали древнегреческий, латинский языки и санскрит, обладавшие максимальной морфологической сложностью. Более поздний исторический период Шлейхер, в отличие от Гумбольдта, рассматривал как "регресс" по аналогии с процессом старения живых организмов; этот "регресс" отражается в упрощении морфологии современных индоевропейских языков по сравнению с древними. Стадиальные идеи Шлейхера были отвергнуты последующим развитием

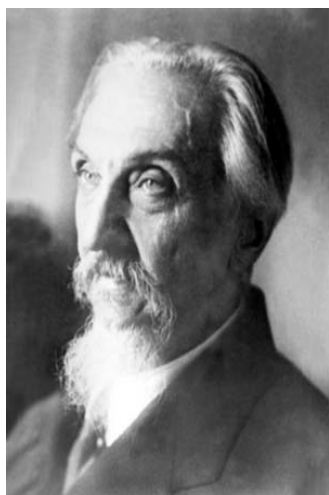
науки.

Широков Олег Сергеевич (1927 -1997) - российский языковед.

Профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ. Автор трудов по сравнительному языкознанию, типологии и балканистике. Глубокое знание древних языков (греческого, латинского, санскрита, хеттского), живое знакомство с литовским, албанским, со славянскими и иранскими языками и диалектами, знание истории и современного состояния германских и романских языков - основа научной деятельности О.С. Широкова.

Штейнталь Хейман (1823 - 1899), немецкий языковед.

Штейнталь считается основоположником и, наряду с В. Вундтом и А.А. Потебней, наиболее ярким представителем психологизма в языкознании. Психологические взгляды Штейнталя сформировались под сильным влиянием немецкого философа и психолога И.Ф.Гербарта. Одновременно в деятельности Штейнталя получила развитие традиция философии языка, восходящая к И. Гердеру и особенно В. фон Гумбольдту, основные работы которого по философии языка Штейнталь опубликовал со своими детальными комментариями. Основным предметом интереса Штейнталя был язык как проявление психологии народа и "народного духа", что делало его фактическим основоположником этнопсихологии, а в известной степени и этнолингвистики, хотя по сравнению с Гумбольдтом он все более склонялся к изучению индивидуальной психологии.

Щерба Лев Владимирович (1880 - 1944), языковед, академик АН СССР (1943).

Ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ. Профессор Петроградского университета (с 1916). Основные труды посвящены проблемам общего языкознания, русистики, романистики, славистики, лексикографии, педагогики. Создатель Ленинградской фонологической школы. В магистерской диссертации "Русские гласные в качественном и количественном отношении" (1912) дал анализ понятия фонемы, предвосхитивший разработку теории фонем в

европейской лингвистике. Исследовал проблемы орфографии и орфоэпии. Труды Щербы по теории и методике преподавания иностранных языков сыграли важную роль в развитии этого направления.

Якобсон Роман Осипович (1896 -1982), российский лингвист, семиотик, литературовед.

Российский лингвист, семиотик, литературовед, способствовавший установлению продуктивного диалога между европейской и американской культурными традициями, французским, чешским и русским структурализмом, между лингвистикой и антропологией, между лингвистикой и психоанализом. Полное собрание сочинений Я. в пяти томах было выпущено в Гааге (1962-1979). Якобсона глубоко занимала проблема неразрывной связи лингвистики и поэтики. Он одним из первых популяризировал идеи Пирса и применил его трихотомическую классификацию знаков, внес значительный вклад в теорию коммуникации.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАБОТЕ С ЭЛЕКТРОННЫМ УЧЕБНИКОМ "СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК В СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ"

Автор: Рыбаков М.А., кандидат филологических наук, доцент

I. Роль и значение дисциплины для изучения всего блока дисциплин специализации

Курс нацелен на приобретение студентами знаний о русском языке как одном из языков мира. Усвоение знания о специфических особенностях современного русского языка, развитие способности к анализу и прогнозированию языковых фактов и речевой деятельности на русском языке выступают важнейшими условиями формирования профессиональных навыков будущих магистров.

Содержательно курс связан с такими учебными дисциплинами, как семиотика, общая семантика, общая морфология, история русского литературного языка, философские и методологические проблемы лингвистики, и вместе с тем имеет свой специфический (сопоставительно-типологический) ракурс рассмотрения языковых явлений и процессов.

При этом выводы, сформулированные на уровне специальных типологических теорий, имеют значение для других гуманитарных и социально-экономических наук. Типологическое освещение русского языка способствует как более глубокому освоению теории языкознания в целом, так и развитию навыков практического владения русским языком.

2. Цели и задачи, которые ставятся перед студентом в период изучения дисциплины. Особенности структурного построения электронного учебника.

Курс современного русского языка в сопоставительно-типологическом освещении ставит своей целью повышение уровня мировоззренческой, гуманитарной и специальной подготовки студентов путем овладения знаниями о типологическом своеобразии русского языка, закономерностях его структуры и функционирования.

Важнейшими задачами дисциплины являются:

- овладение понятийно-категориальным аппаратом типологической лингвистики;
- формирование целостного представления об эволюции типологической мысли;
- ознакомление с важнейшими типологическими теориями и подходами;
- приобретение знаний о типологической характеристике русского языка;
- рассмотрение основных принципов организации и функционирования языковых систем;
- формирование целостного представления о содержании и сущности основных процессов языкового развития современного общества;
- демонстрация коммуникативной роли типологических особенностей русского языка в контексте расширяющихся межкультурных контактов;
- подготовка студентов к самостоятельной научно-исследовательской работе в данной области;
- формирование навыков применения сопоставительного метода в практике перевода и преподавания русского языка.

3. Структура электронного учебника и краткая характеристика его основных элементов

В электронном учебнике лекционный материал представлен в 18 темах. В них излагается история становления и современное состояние лингвистической типологии, методологические и методические подходы к организации типологических исследований. В последних лекциях раскрываются типологическая характеристика русского языка и его сопоставление с другими языками.

Каждая тема завершается списком рекомендуемой литературы и указанием на Интернет-ресурсы. Учебник дополнен словарем основных терминов и понятий. Для проверки глубины усвоения студентами предлагаемого материала предусмотрены тесты. В электронный учебник включена программа курса, которая определяет принципы его построения, распределение часов по темам и видам работ, дает представление о содержании лекционного курса.

4. Объем знаний и средства мониторинга

Студент, прослушавший курс современного русского языка в сопоставительно-типологическом освещении, должен усвоить и научиться понимать:

- сущность исторического развития типологического метода в лингвистике;
- закономерности функционирования и развития современного русского языка;
- лингвистические проблемы сопоставительного анализа языков;
- основы формального и семантического структурирования языка;
- причины возникновения новых языковых фактов
- формы социально-территориального существования языка;
- роль языка в формировании и развитии национальной культуры, в жизни общества и личности;
- сущность современных глобальных проблем межкультурной коммуникации;
- методологические и методические подходы к организации типологических исследований.

5. Умения и навыки, которые должен приобрести студент в результате изучения дисциплины

Владеть понятийно-категориальным аппаратом типологической лингвистики;
 обладать практическими навыками самостоятельного анализа современных языковых явлений и процессов,
 уметь сопоставлять тенденции развития разноструктурных языков;
 иметь навыки проведения конкретного сопоставительного исследования;
 уметь ориентироваться в лингвистических проблемах современного российского общества.

6. Характеристика трех степеней самоконтроля, требований к рубежной и итоговой аттестации

Первая степень самоконтроля предусматривает узнавание лингвотипологических понятий, явлений и фактов, упомянутых в лекционном материале и словаре основных терминов.

Вторая степень самоконтроля предназначена для проверки умения устанавливать логические взаимосвязи между понятиями, между основным и дополнительным материалом.

Третья степень самоконтроля направлена на воспроизводство ответа.

Рубежная аттестация осуществляется при помощи тестовых заданий. Эта форма аттестации является необходимым этапом подготовки к итоговой аттестации.

Итоговая аттестация представляет собой зачет, который состоит из ответа на один из теоретических вопросов курса и тестов значимых заданий по одной из 18 программных тем.

7. Акцентирование внимания студента на принципиальных базовых понятиях и темах курса

Акцентирование внимания студента на принципиальных базовых понятиях и темах курса осуществляется с помощью логически выстроенной структуры курса и графического выделения базовых понятий в тексте лекций, ссылок на словарь терминов и тестовых заданий.

ПРОГРАММА КУРСА

Современный русский язык в сопоставительно-типологическом освещении

Автор: Рыбаков Михаил Анатольевич

1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КУРСА

Цель курса - дать общее представление о фонетических, грамматических и семантических особенностях русского языка на фоне других мировых языков, в частности, английского языка, раскрыть смысл важнейших понятий современной типологической лингвистики на конкретном материале русского языка, охарактеризовать актуальные тенденции развития русской грамматики и лексики, познакомить с классическими и новаторскими научными публикациями в области типологического языкознания, привить понимание системности устройства языка, научить оценивать языковые факты с точки зрения типологии языков.

Задачи курса: -познакомить студентов с теорией и историей лингвистической типологии и сопоставительной грамматики русского языка;
-познакомить студентов с новейшими научными результатами, полученными в области сопоставительно-типологического языкознания российскими и зарубежными исследователями;
-дать подробную типологическую характеристику русского языка;
-показать коммуникативную роль типологических особенностей русского языка в контексте расширяющихся межкультурных контактов;
-подготовить студентов к самостоятельной научно-исследовательской работе в данной области и сформировать навыки применения сопоставительного метода в практике перевода и преподавания русского языка.

Область знаний: филология, лингвистика.

Уровень обучения: магистратура.

Может быть курсом по выбору для направлений "Лингвистика", "Филология".

Курс является теоретическим.

Инновационность курса: По содержанию инновационность курса заключается в том, что в его программу включены современные лингвистические концепции отечественных и зарубежных учёных, касающиеся проблем типологического языкознания и сопоставления языков в теоретико-лингвистических и практических целях. В рамках курса впервые рассматриваются проблемы семантической типологии языка, а также коммуникативной типологии. Инновационность методики преподавания состоит в расширенном использовании электронных ресурсов, комбинировании разъяснительно-обучающих и коммуникативно-дискуссионных методов. Инновационность литературы заключается в том, что в неё включены научные монографии и статьи, опубликованные в последние пять лет. Инновационность организации учебного процесса состоит в том, что задания для самостоятельной работы комбинируются с заданиями для семинарских занятий и оставляют студенту свободу выбора и творческого подхода к освоению обязательного программного материала.

2. Структура курса

Темы	Часы: аудитор. / самост.
Лекции и семинары:	
1. Предмет лингвистической типологии	4/4
2. История лингвистической типологии	4/4
3. Методы типологических исследований	4/4
4. Приёмы и принципы типологического исследования	4/4
5. Морфологическая классификация языков	4/4
6. Синтаксическая классификация языков	4/4
7. Русский язык: история и современность	4/4
8. Универсальные, типологические и специфические черты русского языка	4/4
9. Фонологические особенности русского языка	4/4
10. Русский язык как язык флективного типа	4/4
11. Фузионно-синтетический строй русского языка	4/4
12. Аналитические явления в русском языке	4/4
13. Грамматические категории глагола в русском языке	4/4
14. Грамматические категории имён существительных и прилагательных	4/4
15. Русская морфология в сопоставлении с английской	4/4
16. Синтаксис русского языка в сопоставлении с	4/4

английским	
17. Русский язык в сопоставлении с испанским	4/4
18. Русский язык в сопоставлении с нефлективными языками	4/4
Темы коллоквиумов:	
1. Место русского языка в системе типологических классификаций	4/4
2. Источники трудностей при изучении русского языка как иностранного	4/4

3. Описание системы контроля знаний

Общие правила выполнения контрольных заданий

Письменные контрольные работы (рубежные аттестации) проводятся дважды на протяжении семестра в сроки, определённые деканатом. Перечень вопросов, выносимых на контрольную работу, даётся за неделю до аттестации. Конкретные вопросы, на которые предстоит отвечать студентам, определяются вариантно в день аттестации. Каждый вариант включает в себя один теоретический вопрос и задание по анализу первоисточника. Студент должен писать работу самостоятельно, ссылаясь на первоисточники по памяти, без приведения точных цитат. Необходимо внимательное отношение к стилю изложения, пунктуации и орфографии, что также влияет на общую оценку. Время, выделяемое на написание контрольной работы - 2 академических часа.

Для успешного выполнения контрольных заданий студент должен изучить рекомендуемую литературу, уметь изложить основные идеи прочитанных и дать им аргументированную оценку, а также обладать навыками лингвистического анализа, полученными при изучении данной дисциплины и предшествующих базовых дисциплин.

Выполнение письменных заданий предполагает самостоятельность в сборе и изложении теоретического материала, а также умение сопоставлять и оценивать наблюдаемые факты при выполнении практических заданий.

Реферирование научных публикаций имеет целью развитие навыков работы с научной информацией, в связи с чем оценка реферата (конспекта) зависит от умения студента найти в источниках ответы на поставленные в контрольных заданиях вопросы, прокомментировать цитируемые тезисы, соотнести их с языковыми фактами, с историей лингвистической науки и её современным состоянием.

Примерные типы письменных работ и форм устного контроля:

Сопоставительная характеристика системы фонем русского и родного языка (эссе);

Сопоставительная характеристика фонологических особенностей русского и родного языка (эссе);

Сопоставительная характеристика морфологических особенностей русского и родного языка (эссе);

Сопоставительная таблица типологических классификаций языков (самостоятельная письменная работа).

Вопрос о грамматической структуре слова (предложения) в истории русской и зарубежной (английской, французской, испанской, арабской, китайской) лингвистики (эссе);

Сопоставительная таблица грамматических категорий русского и родного языка (контрольная письменная работа);

Сопоставительная таблица типичных и редких грамматических способов русского и родного языка (контрольная письменная работа);

Статьи А. Вежбицкой "Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах", В. Скалички "О современном состоянии типологии", А.А.

Реформатского "О сопоставительном методе", "Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического

строения слова", "Число и грамматика" (конспекты);
 Обсуждение докладов по прочитанным статьям и монографиям (форма устного контроля);
 Обсуждение на семинаре лекционного материала и материала учебников (форма устного контроля);
 Защита рефератов и эссе на коллоквиуме (форма устного контроля).

Шкала оценок, итоговые оценки (методика выставления)

Условия и критерии выставления оценок:

От студентов требуется посещение лекций и семинарских занятий, обязательное участие в аттестационных испытаниях. Особо ценится активная работа на семинаре, а также качество контрольных работ, рефератов и экзаменационных эссе.

Для успешной работы на семинаре студент должен прочесть указанную преподавателем литературу и активно участвовать в дискуссии, уметь изложить основные идеи прочитанных источников и дать им аргументированную оценку. Устные выступления студентов на семинаре и участие в дискуссии являются главным критерием высокой итоговой оценки.

Итоговая оценка определяется суммой баллов, полученных студентами за различные виды работы в течение всего периода обучения, предусмотренного учебной программой.

Балльная структура оценки:

Посещение занятий - 7 баллов;

Активная работа на семинаре (научные сообщения, самостоятельное изучение и освещение дополнительных вопросов курса) - 20 баллов;

Работа с первоисточниками (конспектирование, устные выступления с анализом первоисточника) - 14 баллов;

Внутрисеместровая контрольная работа - 13 баллов;

Итоговая контрольная работа - 18 баллов;

Всего - 72 балла.

Максимальная сумма баллов (Smax) определяется по формуле: $(S_{max}) = 36 \cdot K$, где K - число кредитов, в которые оценивается курс.

Шкала оценок:

		2		3		5	
Кредит	К	С	F				
	Сумма баллов		X				
			2		+		+
	2	7	M				
	2	более 25	5-36	7-42	3-48	9-60	1-66
							7-72

Описание оценок:

А "Отлично"

Теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов, необходимые практические навыки работы с освоенным материалом сформированы, все предусмотренные программой обучения учебные задания выполнены, качество их выполнения оценено числом баллов, близким к максимальному.

В "Очень хорошо"

Теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов, необходимые практические навыки работы с освоенным материалом в основном сформированы, все предусмотренные программой обучения учебные задания выполнены, качество выполнения большинства из них оценено числом баллов, близким к максимальному.

С "Хорошо"

Теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов, некоторые практические навыки

работы с освоенным материалом сформированы недостаточно, все предусмотренные программой обучения учебные задания выполнены, качество выполнения ни одного из них не оценено минимальным числом баллов, некоторые виды заданий выполнены с ошибками.

D "Удовлетворительно"

Теоретическое содержание курса освоено частично, но пробелы не носят существенного характера, необходимые практические навыки работы с освоенным материалом в основном сформированы, большинство предусмотренных программой обучения учебных заданий выполнено, некоторые из выполненных заданий, возможно, содержат ошибки.

E "Посредственно"

Теоретическое содержание курса освоено частично, некоторые практические навыки работы не сформированы, многие предусмотренные программой обучения учебные задания не выполнены, либо качество выполнения некоторых из них оценено числом баллов, близким к минимальному.

FX "Условно неудовлетворительно"

Теоретическое содержание курса освоено частично, необходимые практические навыки работы не сформированы, большинство предусмотренных программой обучения учебных заданий не выполнено, либо качество их выполнения оценено числом баллов, близким к минимальному; при дополнительной самостоятельной работе над материалом курса возможно повышение качества выполнения учебных заданий.

F "Безусловно неудовлетворительно"

Теоретическое содержание курса не освоено, необходимые практические навыки работы не сформированы, все выполненные учебные задания содержат грубые ошибки, дополнительная самостоятельная работа над материалом курса не приведет к какому-либо значимому повышению качества выполнения учебных заданий.

Академическая этика, соблюдение авторских прав. Все имеющиеся в творческой работе (эссе) сноски тщательно выверяются и снабжаются "адресами". Не допустимо включать в свою работу выдержки из работ других авторов без указания на это, пересказывать чужую работу близко к тексту без отсылки к ней, использовать чужие идеи без указания первоисточников. Это касается и источников, найденных в Интернете. Необходимо указывать автора и название электронной публикации, а также полный адрес сайта. Все случаи плагиата должны быть исключены. В конце работы дается исчерпывающий список всех использованных источников. Этически корректное изложение чужих и собственных научных взглядов. Соблюдение требований научного стиля.

Программа курса УМК

Аннотированное содержание курса. Организационно-методический раздел

Цель курса - дать общее представление о фонетических, грамматических и семантических особенностях русского языка на фоне других мировых языков, в частности, английского языка, раскрыть смысл важнейших понятий современной типологической лингвистики на конкретном материале русского языка, охарактеризовать актуальные тенденции развития русской грамматики и лексики, познакомить с классическими и новаторскими научными публикациями в области типологического языкознания, привить понимание системности устройства языка, научить оценивать языковые факты с точки зрения типологии языков.

Задачи курса:

- познакомить студентов с теорией и историей лингвистической типологии и сопоставительной грамматики русского языка;
- познакомить студентов с новейшими научными результатами, полученными в области сопоставительно-типологического языкознания российскими и зарубежными исследователями;
- дать подробную типологическую характеристику русского языка;

- показать коммуникативную роль типологических особенностей русского языка в контексте расширяющихся межкультурных контактов;
- подготовить студентов к самостоятельной научно-исследовательской работе в данной области и сформировать навыки применения сопоставительного метода в практике перевода и преподавания русского языка.

Методическая новизна курса

Преподавание курса предполагает использование новой системно-типологической методики сопоставления языков, включающей два принципиально различных метода сопоставительного анализа: формально-структурного метода и контентивно-семантического метода.

Новыми формами работы, предусмотренными данной программой, являются составление сопоставительных таблиц, отражающих типологические концепции различных научных школ, составление комментированных конспектов научных трудов выдающихся представителей мировой лингвистической науки, обсуждение лекционных тем на основе изучения дополнительной литературы, самостоятельное составление студентами терминологических словарей по отдельным темам курса. Место курса в системе формируемых инновационных квалификаций

Настоящий курс является составной частью авторской магистерской программы "Русский язык в контексте межкультурной коммуникации", разработанной для студентов, обучающихся по направлению "Лингвистика".

Курс опирается на изученные в бакалавриате дисциплины: введение в языкознание, общее языкознание, теоретическую грамматику русского языка.

Курс имеет межпредметные связи с семиотикой, теорией и историей языкознания, практическими курсами русского языка и иностранных языков, непосредственно связан как с общей, так и с частной теорией перевода.

Данный курс готовит студентов к прохождению научно-исследовательской практики и написанию квалификационной магистерской работы.

Курс формирует целый ряд важнейших навыков и умений для специалистов в области преподавания русского языка как иностранного, перевода с русского языка, специалистов в области межкультурной коммуникации и лингвистов-исследователей.

Содержание курса

Новизна курса

Научная новизна курса "Современный русский язык в сопоставительно-типологическом освещении" заключается в том, что в его программу включены современные лингвистические концепции отечественных и зарубежных учёных, касающиеся проблем типологического языкознания и сопоставления языков в теоретико-лингвистических и практических целях.

В рамках курса впервые рассматриваются проблемы семантической типологии языка, а также коммуникативной типологии. К традиционной морфологической классификации языков добавлено изучение синтаксической классификации и таксономии грамматических категорий.

Универсальные, специфические и типологические черты русского языка рассматриваются на всех уровнях языковой системы.

Темы лекций и семинарских занятий

1 семестр (сентябрь - январь)

Неделя 1.

Лекция. Предмет лингвистической типологии. Типология как научный метод. Типологическое направление в лингвистике. Цели и задачи лингвистической типологии. Практическое применение типологических знаний. Метод сравнения в различных лингвистических дисциплинах. Различия сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического методов. Генетическое и структурное

сходство языков. Общее, частное и типологическое языкознание. Эволюционное и таксономическое направления в типологии. Аспекты лингвистической типологии. Формальная и контенсивная типология. Нерешённые проблемы типологии и подходы к их исследованию.

Семинар. Обсуждение предмета и задач лингвистической типологии. Примеры использования типологического подхода в других науках (психологии, социологии, культурологии и др.). Сопоставление достоинств и недостатков эволюционного и таксономического подходов к типологии. Сопоставление возможностей формальной и контенсивной типологии. Поиск новых возможностей развития и применения типологического метода.

Неделя 2.

Лекция. История лингвистической типологии. Типологические классификации языков, созданные в XIX в. Труды братьев Шлегелей, В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера. Гумбольдтовские характеристики языковых типов. Философские и лингвистические взгляды А. Шлейхера, его типологическая схема. Идея стадильности в типологическом языкознании. Типология начала XX в.: Ф. Финк, Ф. Фортунатов, Э. Сепир. Классификации языков по грамматической технике и грамматической семантике. Дедуктивные и индуктивные классификации. Истоки сопоставительного подхода к исследованию языков. Типологические проблемы в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и Е.Д. Поливанова. Структурная и системная типология языков. Типологические и сопоставительные исследования на современном этапе развития лингвистической науки.

Семинар. Обсуждение истоков, истории на дальнейших перспектив типологического языкознания. Сопоставление типологических классификаций, созданных различными лингвистическими школами. Достоинства и недостатки различных классификаций. Дискуссия по проблеме дальнейшего развития типологической классификации языков.

Неделя 3.

Лекция. Методы типологических исследований. Метод системного анализа. Характерология. Моделирование пространства признаков. Анкетный и эталонный методы. Детерминанта и внутренняя форма языка. Развитие идей В. Гумбольдта в современных типологических концепциях. Сопоставительные (контрастивные) исследования как часть типологической лингвистики. Задачи сопоставления языков.

Семинар. Обсуждение методов типологии. Примеры системных исследований в различных гуманитарных и естественных науках. Разработка типологической анкеты и её применение к конкретному языку. Проектирование типологического эталона. Анализ внутренней формы отдельных грамматических конструкций. Характерологическое описание русского языка.

Неделя 4.

Лекция. Приёмы и принципы типологического исследования. Выбор объектов типологического анализа. Выбор классификационно релевантных признаков. Понятие изоморфизма в общей и лингвистической типологии. Способы представления результатов типологического исследования. Принципы типологии и сопоставления языков. Условия сопоставимости языков.

Семинар. Практическое применение приёмов типологии к анализу языкового материала. Анализ примеров индуктивного и дедуктивного подходов к построению классификации. Оценка релевантности признаков. Поиск изоморфных явлений в русском и сопоставляемом с ним языках. Построение типологических шкал и использование индексов на материале конкретного текста. Анализ корректности сопоставительных описаний языков.

Неделя 5.

Лекция. Морфологическая классификация языков. Общая характеристика языковых типов. Флективные, агглютинативные, изолирующие и инкорпорирующие языки. Главные черты языковых типов, строение слова, характер корней и аффиксов, цельность, отдельность и членимость слова. Внешние формальные особенности и внутренняя форма типа. Подтипы языков: флективно-синтетические и

флексивно-аналитические, префиксальные, суффиксальные, инфиксальные и трансфиксальные агглютинативные языки, языки с полной и частичной инкорпорацией, корне- и основоизолирующие языки.

Семинар. Обсуждение различных вариантов морфологической классификации языков. Сравнение конкретного языка с эталоном типа. Построение сравнительной таблицы типов. Проверка принадлежности языка к определённом типу на базе грамматического описания языка в лингвистическом справочнике. Поиск примеров проявления детерминанты в типологических характеристиках языка.

Неделя 6.

Лекция. Синтаксическая классификация языков. Предложение как объект сопоставительного анализа. Грамматические, фонетические и семантические характеристики предложения. Логико-грамматический и структурный подходы к предложению. Критерии сопоставления синтаксических единиц. Классификация способов выражения синтаксических отношений. Функции синтаксических способов. Соотношение синтаксических способов с морфологическими типами языков. Таксономия порядка слов. Классификация языков по синтаксическим типам: номинативные, эргативные, классные и активные языки.

Семинар. Обсуждение различных теорий предложения. Универсальные, типологические и специфические признаки в синтаксисе. История синтаксической классификации. Синтаксическая характеристика русского языка. Поиск детерминант синтаксических типов. Соотнесение морфологической и синтаксической классификаций.

Неделя 7.

Лекция. Русский язык: история и современность. Происхождение русского языка, его место в генеалогической классификации. Первые памятники письменности. История русского литературного языка. Официальный статус русского языка, география распространения, социально-культурные функции. Русский язык как средство межнационального и международного общения. Изучение русского языка в России, странах СНГ, других зарубежных странах.

Семинар. Обсуждение важнейших этапов истории русского языка и его современного положения. Составление хронологической схемы истории русского языка и анализ географических сведений о распространении русского языка. Анализ примеров функционирования русского языка в зарубежных странах.

Неделя 8.

Лекция. Универсальные, типологические и специфические черты русского языка. Понятие о лингвистических универсалиях. Типы универсалий. Универсалии фонологического, морфологического и синтаксического уровней. Типология русского языка как одно из славянских. Типология русского языка как одного из флексивных. Специфические черты русского языка.

Семинар. Разработка типологической модели русского языка. Сопоставление русского языка с другими славянскими и индоевропейскими языками.

Неделя 9.

Лекция. Фонологические особенности русского языка. Фонологические единицы как объект сопоставления. Типология слога. Типология фонем. Критерии сопоставления фонологических систем. Типология фонологических систем. Консонантные и вокалические языки. Классификация языков по типу и месту ударения.

Семинар. Фонологическая характеристика русского языка. Определение места русского языка в частных фонологических классификациях. Типологическое описание системы русских фонем. Типы слогов в русском языке. Тип русского ударения.

Неделя 10.

Лекция. Русский язык как язык флексивного типа. Понятие флексивности. Признаки флексивности в русском языке. Морфологическое строение русского слова. Типы аффиксов. Характеристики морфем в русском языке. Структурные модели русского слова. Характеристики частей речи в русском языке.

Грамматическая омонимия и синонимия. Свойства и типы синтагм в русском языке. Словоизменительные и словообразовательные парадигмы в русском языке. Цельность и отдельность слова.

Семинар. Обсуждение вопроса о морфологическом типе русского языка. Составление таблицы признаков флективности. Анализ примеров флективных и нефлективных явлений в русской морфологии: системно-языковой и речевой аспекты. Поиск примеров к структурным моделям слова. Вопрос о внутренней форме русского языка.

Неделя 11.

Лекция. Фузионно-синтетический строй русского языка. Понятие фузии. Концепции Э. Сепира и А.А. Реформатского. Свойства фузионных морфем. Соотношение фузии и флективности. Аналитизм и синтетизм, соотношение этих понятий с классификацией по морфологическим типам и с понятиями агглютинации и фузии. Аналитизм и синтетизм внутри и вне слова. Грамматические способы в синтетических языках.

Семинар. Обсуждение вопроса о критериях фузионности и синтетизма. Установление фузионных и синтетических признаков в русском языке, анализ примеров. Сопоставление русского языка с известными мировыми языками и родными языками студентов по признакам фузионности и синтетизма. Анализ характера грамматических способов в русском языке.

Неделя 12.

Лекция. Аналитические явления в русском языке. Черты аналитизма в русском языке. Динамика развития морфологического типа языка. Дискуссия о масштабах и последствиях развития аналитизма. Типичные речевые ошибки носителей русского языка и иностранцев в образовании и употреблении грамматических форм. Рост агглютинации в словообразовании. Рост аналитизма в морфологии. Изменения в употреблении форм рода, числа, падежа. Расчленённость и сегментированность синтаксических построений. Активизация несогласуемых и неуправляемых форм. Распространение конструкций с предлогами.

Семинар. Обсуждение активных процессов в русской грамматике. Дискуссия о роли аналитической тенденции в развитии русского языка. Анализ примеров ошибочного и системнообусловленного употребления аналитических форм. Влияние аналитизма на систему языка и коммуникативные качества речи. Сопоставление русского языка с иностранными по степени аналитизма.

Неделя 13.

Лекция. Грамматические категории глагола в русском языке. Общая типология грамматических категорий. Семантические и синтаксические, словообразовательные и словоизменительные значения. Классифицирующие и словоизменительные категории русского глагола. Личные и неличные глагольные формы.

Семинар. Обсуждение семантической специфики и способов выражения грамматических значений глагола в русском языке. Синтагматика и парадигматика глагола (анализ примеров). Установление типологических признаков (флективности, степени фузионности и синтеза) в системе русского глагола. Глагол и внутренняя форма языка (дискуссия по проблеме).

Неделя 14.

Лекция. Грамматические категории имён существительных и прилагательных. Классифицирующие и словоизменительные категории имён. Типология падежей и падежных систем. Структура падежной системы в русском языке. Падежные функции по Г.П. Мельникову. Роль падежных форм в организации текста. Существительные, неизменяющиеся по числу.

Семинар. Обсуждение семантической специфики и способов выражения грамматических категорий имени. Синтагматика и парадигматика имени (анализ примеров). Установление типологических признаков в системе имён существительных и прилагательных. Имя и внутренняя форма языка.

Неделя 15.

Лекция. Русская морфология в сопоставлении с английской. Морфемное строение слова в русском и английском языках. Отдельность и цельность слова в сопоставляемых языках. Категории и формы глагола в английском и русском языках. Вид и аспект. Морфологическое и синтаксическое выражение наклонения. Парадигма глагола в сопоставляемых языках: соотношение синтетических и аналитических форм. Черты флективности в английском и русском глаголе. Грамматические категории имён и наречий.

Семинар. Обсуждение докладов по грамматическим категориям частей речи. Анализ текстов на английском и русском языках с точки зрения типологических сходств и различий. Сопоставительный анализ структуры синтагм и парадигм. Установление формальных и семантических различий в построении форм и категорий в английском и русском языках.

Неделя 16.

Лекция. Синтаксис русского языка в сопоставлении с английским. Типы предложений по составу. Типы синтаксической связи. Подлежащее и сказуемое в английском и русском языках. Порядок слов и инверсия. Синтаксические конструкции. Средства выражения актуального членения. Основные различия сложных предложений.

Семинар. Обсуждение сходств и различий русского и английского синтаксиса. Доклады по синтаксическим конструкциям в двух языках. Типологический анализ синтаксических структур на материале английских и русских текстов различных стилей. Построение сопоставительных таблиц по типологии простого и сложного предложения в двух языках.

Неделя 17.

Лекция. Русский язык в сопоставлении с испанским. Морфемное строение слова в русском и испанском языках. Отдельность и цельность слова в сопоставляемых языках. Категории и формы глагола в испанском и русском языках. Вид и аспект. Морфологическое и синтаксическое выражение наклонения. Парадигма глагола в сопоставляемых языках: соотношение синтетических и аналитических форм. Черты флективности в испанском и русском глаголе. Грамматические категории имён и наречий.

Семинар. Обнаружение фонологических различий и трудностей изучения русского языка испаноговорящими. Обсуждение докладов по грамматическим категориям частей речи. Анализ текстов на испанском и русском языках с точки зрения типологических сходств и различий. Сопоставительный анализ структуры синтагм и парадигм. Установление формальных и семантических различий в построении форм и категорий в испанском и русском языках. Синтаксические сходства и различия: сопоставительный анализ.

Неделя 18.

Лекция. Русский язык в сопоставлении с нефлективными языками. Слово как единица сопоставительного анализа языков. Универсальные и типологические признаки слова. Типологические характеристики агглютинативных и изолирующих языков (системам категорий, свойства морфем и слов, синтагматика и парадигматика). Отличия русского языка от агглютинативных. Отличия русского языка от изолирующих. Различия в слоговой структуре слова. Различия в морфемной структуре слова. Типологические сходства и различия синтаксических структур.

Семинар. Обсуждение докладов по грамматике нефлективных языков. Поиск универсальных и типологически несовпадающих свойств слова в русском и нефлективных языках. Сопоставление способов выражения грамматических значений. Сопоставление внутренней формы русского языка как типично флективного с внутренней формой языков агглютинативного и изолирующего типов.

Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы

1-я рубежная аттестация

1. Оппозиции фонем в изучаемом языке и примеры минимальных пар слов, в которых проявляются эти оппозиции (30 примеров).

2. Несовпадающие фонологические признаки в русском и изучаемом языке.
3. Сопоставительная таблица морфологических классификаций (А. Шлегель, Ф. Шлегель, В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер, Ф.Ф. Фортунатов, Э. Сепир).
4. Учение о слове в английской, французской, испанской, арабской лингвистической традиции (определения слова, лексики, грамматики; отношение слова к звуку и предложению; учение о частях речи).
5. Типичные и редкие грамматические способы в изучаемом языке (способы и примеры)
6. Специфические черты фонетики и морфологии изучаемого языка (редкие звуки, чередования, нейтрализация; нетипичные способы, нестандартные морфемы, лексикализация грамматических форм, дефектные парадигмы).

2-я рубежная аттестация

1. Сопоставительная таблица "Морфологические черты языков различных типов" (основные грамматические признаки типа, грамматическая тенденция, соотношение синтетизма и аналитизма, характер слова, характер морфем, роль частей речи, свойства парадигм, свойства синтагм, преобладающие грамматические способы, преобладающие средства синтаксической связи).
2. Понятия агглютинации и фузии в статье А.А. Реформатского "Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова".
3. Трактовка аналитизма и синтетизма в статье А.А. Реформатского "Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова".
4. Агглютинация и фузия в русском и изучаемом языках (на примере форм словообразования и словоизменения имени и глагола).
5. Аналитизм и синтетизм в русском и изучаемом языках (на примере форм словообразования и словоизменения имени и глагола).
6. Сопоставительная таблица "Грамматические категории имени существительного, прилагательного, глагола, местоимения и наречия в русском и изучаемом языках".

Примерный перечень вопросов для оценки качества освоения дисциплины

1. Различие сравнительно-исторического и типологического методов.
2. Цели и задачи типологической лингвистики. Статья А.А.Реформатского "О сопоставительном методе".
3. История создания морфологической классификации. Типологические концепции В.Гумбольдта, А.Шлейхера, Ф.Ф.Фортунатова, Э.Сепира.
4. Грамматическая форма слова. Типы форм.
5. Флективный тип.
6. Агглютинативный тип.
7. Инкорпорирующий тип.
8. Изолирующий тип.
9. Аналитический и синтетический строй языка.
10. Понятие грамматического способа. Соотношение способа и строя.
11. Фузия и агглютинация. Связь этих тенденций с типом языка. Статья А.А. Реформатского "Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова".
12. Типы грамматических значений и категорий.
13. Чередование как типологическая черта. Типы чередований в русском и изучаемом языках.
14. Категории вида и залога в русском и изучаемом языках.
15. Категории времени и наклонения в русском и изучаемом языках.
16. Способы выражения числа существительных.
17. Сопоставление грамматических форм существительного.
18. Сопоставление грамматических форм прилагательного и наречия.
19. Понятие нулевой формы слова. Нулевые аффиксы имени и глагола.
20. Понятие грамматической категории. Типология категорий.
21. Синтетизм и аналитизм в русском и английском языках.
22. Синтетизм и аналитизм в русском и романских языках.

23. Агглютинативные и фузионные черты русского и английского языков.
24. Агглютинативные и фузионные черты русского и романских языков.
25. Универсальные и типологические черты в фонологии.
26. Универсальные и типологические черты в морфологии.
27. Синтаксическая типология языков.
28. Сопоставительная лексикология языков. Семантические универсалии.

Список обязательной и дополнительной литературы

Тема 1.

Обязательная литература

Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Сопоставительно-типологическое языкознание: Морфология. М., 2006. С. 3-9.
Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2006. С. 10-16, 26-35.

Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М., 2006. С. 5-19.

Дополнительная литература

Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М., 1989.

Базелл Ч.Е. Лингвистическая типология // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Журинская М.И. Лингвистическая типология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М., 2003.

Рыбаков М.А. Задачи, методы и актуальные проблемы типологической лингвистики // Вестник РУДН, серия "Лингвистика", № 8, 2006, С. 37-46.

Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.

Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. М, 1963.

Comrie B.S. Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. - Chicago, 1981.

Croft W. Typology and universals. - Cambr.: Cambr. UP, 1990.

Greenberg J.H. Language typology: A historical and analytic overview. - The Hague; P.: Mouton, 1974.

Тема 2.

Обязательная литература

Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 2005.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2006. С. 16-19.

Широков О.С. Языковедение: введение в науку о языках. М., 2003. С. 673-675, 681-690, 697-703.

Дополнительная литература

Алпатов В.М. Историческое развитие типологии до середины XX в. // Третья конференция по типологии и грамматике. Материалы. СПб., 2006. С. 171-173 или <http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-06.htm>

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. М., 2000.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Horne K. M. Language typology, 19th and 20th century views. Wash., 1966.

Тема 3.

Обязательная литература

Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М., 2003.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2006. С. 36-52.

Дополнительная литература

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 60-94 или <http://www.philology.ru/linguistics1/greenberg-63.htm>

Мельников Г.П. Детерминанта - ведущая грамматическая тенденция языка // Фонетика, фонология,

грамматика. М., 1971.

Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.

Greenberg J.H. Language typology: A historical and analytic overview. - The Hague; P.: Mouton, 1974.

Croft W. Typology and universals. - Cambr.: Cambr. UP, 1990.

Тема 4.

Обязательная литература

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2000.

Дополнительная литература

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. ??? М., 1963.

Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 40-52 или <http://www.philology.ru/linguistics1/reformatskiy-87d.htm>

Серебренников Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.

Тема 5.

Обязательная литература

Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Сопоставительно-типологическое языкознание: Морфология. М., 2006. С. 29-70.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2006. С. 69-78.

Дополнительная литература

Булыгина Т.В., Крылов С.А. Флективность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.

Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963.

Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.

Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.

Тема 6

Обязательная литература

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Дополнительная литература

Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1978.

Мещанинов И.И. Номинативное и эргативное предложение: типологическое сопоставление структур. М., 1984.

Очерки типологии порядка слов. М., 1989.

Malinson G., Blake B.J. Language typology: Cross-linguistic studies in syntax. A. etc., 1981.

Тема 7

Обязательная литература

Колесов В.В. История русского языка в рассказах. 2007.

Русский язык в мире: современное состояние и тенденции распространения. Вып. 3. М., 2005.

Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. СПб., 2003. С. 3-10

Современный русский литературный язык / Под ред. В.Г.Костомарова и В.И.Максимова. М., 2003 (раздел "Русский язык в современном мире").

Широков О.С. Языковедение: введение в науку о языках. М., 2003. С. 176-179, 190-204.

Дополнительная литература

Костомаров В.Г. Русский язык в международном общении // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

Тема 8

Обязательная литература

Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2006. С. 247-274.

Дополнительная литература

Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

Николаева Т.М. Универсалии // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

Comrie B.S Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. Chicago, 1981.

Тема 9

Обязательная литература

Кедрова Г.Е., Потапов В.В., Егоров А.М., Омельянова Е.Б.

Русская фонетика: мультимедийный Интернет-учебник.

<http://www.philol.msu.ru/rus/galya-1/>

Современный русский язык / По ред. Л.А. Новикова. Спб., 2003. Раздел "Фонетика". С. 15-160.

Широков О.С. Языковедение. Введение в науку о языках. М., 2003. С. 53-99.

Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М., 2006. С. 20-71.

Дополнительная литература

Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.

Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Тема 10

Обязательная литература

Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Сопоставительно-типологическое языкознание: морфология. М., 2006.

Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М., 2006.

Дополнительная литература

Булыгина Т.В., Крылов С.А. Флективность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной. М., 2000 или http://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/content.htm

Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987.

Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Избранные труды. М., 1956.

Тема 11

Обязательная литература

Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Сопоставительно-типологическое языкознание: морфология. М., 2006.

Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М., 2006.

Дополнительная литература

Булыгина Т.В., Крылов С.А. Фузия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987.

Тема 12

Обязательная литература

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.

Дополнительная литература

Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.

Русский язык сегодня. М., 2000.

Широкова А.В. Развитие аналитизма во флективных языках // Вестник РУДН Сер. Филология. Журналистика. - 1994 - № 1.

Тема 13

Обязательная литература

Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. СПб., 2003. Раздел "Глагол".

Дополнительная литература

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

Булыгина Т.В., Крылов С.А. Морфология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II. М. - Вена, 1998.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М. 1997. Гл. 7, 8.

Тема 14

Обязательная литература

Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. СПб., 2003. Разделы "Имя существительное", "Имя прилагательное".

Дополнительная литература

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.

Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. М., 1980.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II. М. - Вена, 1998.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М. 1997. Гл. 3, 4.

Фортунатов Ф.Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков // Избранные труды. Т. II. М., 1957.

Якобсон Р. К общему учению о падеже // Избранные работы. М., 1985.

Тема 15

Обязательная литература

Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Сопоставительно-типологическое языкознание: морфология. М., 2006. С.117-159.

Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М., 2006.

Дополнительная литература

Александрова О.В., Комова Т.А. Совр. английский язык: морфология и синтаксис. М., 1998.

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2000.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1998.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartic J. A Comprehensive Grammar of the English Language. Longman, 1985.

Тема 16

Обязательная литература

Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2006.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 2007.

Дополнительная литература

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2000.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Тема 17

Обязательная литература

Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М., 2006.

Дополнительная литература

Лепесская Г.Ф. Сравнительная типология испанского и русского языков. Минск, 1985.

Милославский И.Г., Виноградов В.С. Сопоставительная морфология русского и испанского языков. М., 1986.

Рылов Ю.А. Очерки сопоставительного изучения испанского и русского языков. Воронеж, 1997.

Тема 18

Обязательная литература

Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Сопоставительно-типологическое языкознание: морфология. М., 2006.

Широков О.С. Языковедение: введение в науку о языках. М., 2003.

Дополнительная литература

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Сепир Э. Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Серебренников Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л. 1965.

Солнцев В.М. Типологические свойства изолирующих языков (на примере китайского и вьетнамского языков). М., 1963.

Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.

Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.

Темы рефератов, курсовых работ, эссе

Темы рефератов и эссе

1. Типологические черты фонологической системы русского языка в сопоставлении с другими языками.
2. Сопоставление грамматических категорий частей речи в изучаемых языках с точки зрения структуры форм и содержательных функций.
3. Морфологическая структура слова в различных языках.
4. Проблема слова в понимании ученых различных научных школ.
5. Формы словоизменения существительных в русском и родном языках.
6. Формы и способы словообразования частей речи в русском и родном языках.
7. Формы времени и вида русского глагола в сопоставлении со структурой глагольных форм в родном языке.
8. Наклонение (залог) как морфологическая категория в русском и родном языке.
9. Грамматические категории и тип языка.
10. Языковая семантика и внеязыковое содержание в грамматических значениях.
11. Функции морфем в структуре слова.
12. Вопросы морфологической типологии в трудах современных российских учёных.
13. Типологические исследования в зарубежных странах.
14. Агглютинация и фузия в русском и сопоставляемом языках.
15. Аналитизм и синтетизм русского и сопоставляемого языков.
16. Сопоставление характера основы слова в различных языках.
17. Цельность и отдельность слова в языках различных типов.
18. Особенности синтагматики в языках синтетического и аналитического строя.
19. Особенности парадигматики в языках аналитического и синтетического строя.
20. Вопросы семантики в типологических исследованиях.

Темы курсовых работ

1. Число и лексико-грамматические разряды имен существительных.
2. Грамматическая категория рода в русском и сопоставляемом языках.
3. Морфологические особенности собирательных существительных.
4. Структура сложных слов в русском и сопоставляемом языках.
5. Способы словообразования в сопоставительном аспекте.
6. Переход из одной части речи в другую в русском и родном языках.

7. Морфологическое строение местоимений в русском и иностранном языках.
8. Грамматические особенности наречий в русском и сопоставляемых языках.
9. Проблема разграничения словоизменения и словообразования.
10. Проблема частей речи в типологическом освещении.
11. Грамматические категории русского языка в аспекте континентальной типологии.
12. Морфологические универсалии в сопоставляемых языках.
13. Семантические универсалии в сопоставляемых языках.
14. Неполная членимость слова в различных фузионных языках.
15. Сопоставительная характеристика морфологического типа русского и изучаемого языков.
16. Системообразующие черты языкового типа.
17. Критерии маркированности грамматических форм.
18. Сопоставительная характеристика семантического поля.
19. Типологический анализ лексики.
20. Сопоставительная характеристика антропонимов.
21. Сопоставительная характеристика топонимов.
22. Синтетические способы в языках различных типов.
23. Аналитические способы в языках различных типов.
24. Типы переносных значений в русском и родном языках.
25. Сопоставительный анализ синонимии в русском и родном языках.

РЫБАКОВ МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ

доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, кандидат филологических наук, доцент

Образование: в 1992 закончил историко-филологический факультет Российского университета дружбы народов по специальности "филолог, преподаватель русского языка и литературы, переводчик с английского языка". В 1996 защитил кандидатскую диссертацию по теме: "Морфонологическая структура имени существительного в русском и испанском языках в сопоставительно-типологическом аспекте". В 2003-2007 годах прошел курсы повышения квалификации по программам: "Лингводидактическое тестирование", "Информационные технологии в образовании", "Технология и методика разработки образовательных электронных изданий", "Иностранные языки".

Работа: с 1995 года работаю на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. Читаю лекции по курсам "Сравнительно-историческое языкознание", "Сопоставительно-типологическое языкознание", "Общее языкознание". Осуществляю научное руководство исследованиями студентов и аспирантов. Участвую в организации НИРС и научно-исследовательской практики магистрантов.

Основные публикации:

1. Учебник "Учимся общению"
2. Курс культуры речи для учащихся вузов России" (в соавторстве с проф. Т.М. Балыхиной и доц. М.В. Лысяковой)" (2004)
3. Учебное пособие "Сопоставительно-типологическое языкознание: морфология" (в соавторстве с проф. В.Н. Денисенко).

Научные интересы: сопоставление языков и культур, история языка в истории общества, символы в истории культуры.